
Дом
Русского
РЗС
Зарубежья
им. Александра
Солженицына

ЕЖЕГОДНИК

*Дома русского зарубежья
имени
Александра Солженицына*

2016

МОСКВА
Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
2016

Редакционная коллегия

*М.А. Васильева, Н.Ф. Гриценко, О.А. Коростелев,
Т.В. Марченко, М.Ю. Сорокина (отв. секретарь)*

Международный совет

*Корин Амашер (Женева, Швейцария)
Лукаш Бабка (Прага, Чехия)
Всеволод Багно (Санкт-Петербург, Россия)
Стефано Гардзонио (Италия)
Драган Гачич (Белград, Сербия)
Юлия Матвеева (Екатеринбург, Россия)
Миладин Милошевич (Белград, Сербия)
Виктор Москвин (Москва, Россия)
Ивона Анна Ндяй (Ольштын, Польша)
Жорж Нива (Женева, Швейцария)
Юрис Салакс (Рига, Латвия)
Игорь Силантьев (Новосибирск, Россия)
Режина Хелена де Фрейтас Кампос (Белу-Оризонти, Бразилия)
Манфред Шруба (Мюнстер, Германия)*

Ответственный редактор

Н.Ф. Гриценко

Художник

И.И. Антонова

ПАМЯТИ
НИКИТЫ АЛЕКСЕЕВИЧА
СТРУВЕ

В.А. Москвин

ПАМЯТИ НИКИТЫ СТРУВЕ
(1931–2016)

Впервые с Никитой Алексеевичем мы встретились в сентябре 1990 г., когда они с Марией Александровной приехали в первый раз в Россию, тогда еще советскую, для участия в первой имкавской выставке. Мы встречали их в аэропорту Шереметьево. Запомнилась какая-то настороженность Никиты Алексеевича: он, конечно, ждал этой первой встречи с Россией и еще не знал, какой она будет, и поэтому во всем его облике была напряженность, пружинистость. Между тем сам этот облик вас сразу поражал, даже внешне — его бородака, живые глаза, слегка грассирующая речь: это был человек, представлявший русскую культуру начала XX столетия, т. е. вот прямо оттуда, из Серебряного века, словно сошедший со старой фотографии живой представитель той великой культуры. (Я застал немного таких людей в Москве в начале 1970-х гг.: например, Феликс Евгеньевич Вишневский, знаменитый собиратель, который подарил Москве коллекцию картин Тропинина и как личность сформировался еще до революции, от него тоже было похожее ощущение.) Итак, вначале Никита Алексеевич был внутренне напряжен и немногословен. Встреча с Россией поразила его, и ему надо было это внутренне пережить. Но потом все, конечно, начало очень быстро меняться. Мы приехали в Иностранку, были чай, беседы; Никите Алексеевичу показали уже готовую выставку. А через несколько дней он выступал в переполненном зале Иностранки, выступал в одном из кинотеатров. И были многочисленные встречи с самыми разными людьми. Я думаю, что он уже тогда, с этой самой первой поездки, просто влюбился в Россию. Он пробыл довольно долго и много успел повидать: побывал в Троице-Сергиевой лавре; помню, что его особенно поразила сельская церковь в подмосковном Ромашкове. Встречался с отцом Георгием Чистяковым, с отцом Александром Борисовым, участвовал в одном из первых крестных ходов в Москве. Должна была состояться его встреча и с отцом Александром Менем, оба очень ждали ее, и я звонил отцу Александру, чтобы договориться о времени, буквально накануне его убийства...

Итак, Никита Алексеевич, можно сказать, сразу окунулся в нашу российскую действительность и влюбился в Россию, так что все его дальнейшие поездки по стране проходили уже в этом состоянии влюбленности. И наверное, это естественно — ведь вся его жизнь была жизнью для России, для ее освобождения от коммунизма, которое он предвидел. В 1977 г. Никита Алексеевич писал в «Вестнике» по случаю 60-летнего юбилея русской революции: «Через 60 лет после рево-

люции наконец стало ясно почти всем, что советский опыт — катастрофическая неудача. И это выкристаллизовавшееся мнение позволяет надеяться, что 70-летие или 75-летие революции (история медленна!) будет в России уже не праздноваться, а отмечаться траурным поминанием “миллионов, убитых задешево”...» И так оно все и было. Это та же прозорливость, что и у Александра Исаевича. Никита Алексеевич любил рассказывать, как они встретились с Солженицыным на вокзале в Цюрихе, была масса людей, журналистов, и потом они в какой-то момент остались одни в комнате, и Александр Исаевич сказал: «Я вижу тот день, когда я вернусь в Россию, и вы, Никита, тоже приедете в Россию». Оба они предвидели ход исторических событий довольно точно.

В дальнейшем это первое свидание с Россией разворачивалось для Никиты Алексеевича в его многочисленных поездках по провинции и встречах с людьми. Я помню такую картину: мы поехали в Елец, смотрели музей Бунина, совершенно удивительный, теплый музей, яблоки, была осень, бунинская антоновка. И вот Никита Алексеевич выходит на улицу, почти сельскую улицу Ельца, и видит бабushек, и с каким упоением он с этими бабушками разговаривал, расспрашивал их обо всем, они жаловались ему на свою непростую жизнь, рассказывали. Помню его светящиеся глаза во время этого разговора. Помню, как он везде посещал храмы, которые только начинали восстанавливать, сельские, разоренные храмы, и один из них в Твери, где сохранился только остов, доски, брошенные в воду, глаза Никиты Алексеевича, какими он на все это смотрел — с сочувствием, любовью и надеждой...

А потом из этой первой выставки ИМКА, самой по себе являвшейся тогда из разряда чудес, — ведь впервые эти прежде запрещенные книги можно было не только рассматривать, но и открыто читать и покупать, — родилась идея издательства «Русский путь», продолжившего дело ИМКА в России, и идея создания нашего Дома русского зарубежья, историю которого я уже не раз рассказывал. А та первая встреча с Никитой Алексеевичем переросла в многолетнее сотрудничество и настоящую дружбу. Последний раз мы с ним виделись в феврале 2016 г. в Париже. Никита Алексеевич не хотел отмечать свой юбилей, и пришлось пойти на небольшую хитрость, сказав: «Ну Вы же не можете не отметить юбилей Мандельштама?» Поэтому и вечер был запланирован не на 16 февраля, день рождения Никиты Алексеевича, а на 15-е, и официально это было представление в ИМКА нового издания его книги «Осип Мандельштам». Начался вечер с его блестящего выступления о поэте. А потом все выступавшие говорили уже о самом Никите Алексеевиче, говорили очень живо и ярко, и была очень теплая атмосфера. И у меня почему-то мелькнула тогда мысль, что, быть может, это последняя встреча. А в самый последний раз я говорил с ним по телефону 5 мая, за два дня до его кончины. Он был рад звонку, спрашивал о детях и вдруг сказал: «Может быть, я не выживу...» Я пытался его ободрить, рассказывал о строительстве музея, успел сказать, что назвал младшего сына в его честь. А через два дня пришла эта страшная новость...

Теперь, пытаясь справиться с этой болью потери и оглядываясь назад, на долгие годы общения и дружбы, я понимаю, что меня поражало в нем больше всего:

помимо его глубочайших знаний, настоящей образованности, преданности делу, внимательности к людям, способности слушать и спорить, поражала его удивительная принципиальность и чувство справедливости и чести. Все должно быть справедливо и честно, даже если это идет вразрез с интересами дела. И еще — абсолютное бескорыстие: у него словно не было личных интересов — они полностью совпадали с интересами ИМКА, «Вестника», культуры, России. В его лексиконе было такое замечательное слово: «предстательствовать». Никита Алексеевич говорил, что ему выпала честь предстательствовать за тех русских людей, которые не смогли вернуться в Россию, но жили ради России. И он ведь всю свою жизнь совершил действительно великое дело: перенес традиции русского зарубежья в том высоком французском варианте, — то, что мы называем парижской школой, — сюда, в Россию. И перенес очень широко даже чисто географически. Как-то Никита Алексеевич сказал, что был в 50 городах. На самом деле гораздо больше и шире: с книгами и лекциями он побывал во Владивостоке, Иркутске, Красноярске, Архангельске, Ставрополе, Смоленске и многих, многих других городах. Книги, прежде запрещенные цензурой, оказались теперь в фондах множества библиотек, вошли в научный оборот, стали доступны рядовому читателю. Я помню, что на той, самой первой выставке ИМКА в Москве, мы сделали увеличенные портреты авторов ИМКА: отца Сергея Булгакова, матери Марии, Василия Зеньковского, отца Александра Ельчанинова. Потом Никита Алексеевич возил эти фотографии из города в город, они присутствовали на его выступлениях — ему очень важно было видеть лица этих великих эмигрантов, представителей высокой культуры русского зарубежья. Он был в их ряду. Они поручили ему великую миссию, и Никита Алексеевич ее выполнил сполна.

Ж. Нива

ВИЛЬБОН-СЮР-ИВЕТТ,
ИЛИ «УКРЫВИЩЕ» РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦИИ
И ФРАНЦУЗСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Это было в 1959 г. в Сорбонне. Я был студентом нашего общего учителя, мэтра, друга — Пьера Паскаля (или Петра Карловича). А Никита Струве — его ассистентом.

Молодой, прирожденный иронист, довольно ленивый преподаватель, он с нами читал басни Крылова и «В лесах» Мельникова-Печерского. Ибо Пьер Паскаль не очень любил Пушкина, а любил более настоящих русских авторов без эквивалентов «в Европе», русопятов. И мы углублялись в фольклор и поэтику этого романа-поэмы «В лесах». Никита с иронией и любовью относился к нашему мэтру. Он любил иронию, ценил такого французского писателя, как Марсель Жуандо (позже я узнал, что у отца А. Шмемана такие же были вкусы и что это результат их многочисленных бесед).

Знакомство Н. Струве с Франсуа Мориакom сыграло, как мне кажется, немало важную роль в его формировании. Мориак очень оценил его первую книгу «Христиане в СССР» — Никита Алексеевич тогда еще ни разу не был в России. Жил он в другой России, эмигрантской, парижской, чрезвычайно интеллектуальной и православной. Тогда я и сам мало знал ту Россию, хотя был знаком с Владимиром Вейдле, Георгием Адамовичем и Борисом Шлецером. Никита стал одним из младших корифеев этой эмигрантской России, но всегда с примесью «галльской» иронии. Он стал редактором «Вестника РХД», и «Вестник» из года в год был нам посредником, путеводителем, мостом с той далекой Россией, советской. Фактически Н. Струве возглавлял эту территорию, назовем ее «вестниковой Россией». Он подавал Пеги русским читателям, открывал мало известную им Францию, не только вольнодумскую и безбожную. Знакомил нас с парижской православной богословской школой. Словно дирижер, он управлял скрытым оркестром, где вспыхивали полемики, тамошние, здешние и между «там» и «здесь».

«Вестник» Струве любил полемику, то есть живую интеллектуальную жизнь. И Солженицын появился, стал заполнять страницы «Вестника»...

Я Никите советовал съездить в СССР, где он уже был более чем известным. Но он дождался крушения коммунизма. Н. Струве тогда возглавлял ИМКА, был издателем самого знаменитого русского писателя — живого русского классика, вел с ним огромную переписку...

И вот все меняется. Он ездит в новую Россию. С помощью французского посла Пьера Мореля повсюду устраивает там выставки ИМКА. Узнает новую Рос-

сию, и эта новая Россия его узнает, любит. Рождается Дом русского зарубежья, а Никита Алексеевич и есть воплощение русского зарубежья...

При первой телевизионной передаче Александра Исаевича в Париже, у Бернара Пиво, был Жан д'Ормессон (олицетворение правой, аристократической, элегантной Франции), был Жан Даниэль (олицетворение левой, всегда бунтарской Франции), был Никита Струве — сын русской эмиграции, наследник Бердяева и той изумительной плеяды мыслителей, был и я, скромный французский «славист», не русский, не левый, не правый, переводчик «Августа Четырнадцатого» и автор статейки в журнале «*Tel Quel*» о поэтике диссидентства и двух книг о Солженицыне. В будке переводил мой давний друг Никита Кривошеин. Блестяще переводил.

А мэтр сиял, громил, смеялся, плясал от негодования в своем кресле. Это была вежа в истории отношений между Россией и Францией.

Дружба между ним и Никитой, между четой Солженицыных и четой Струве подарила несколько замечательных страниц о Франции в «Угодило зернышко...». Без этой дружбы и поездок по Франции эти страницы не появились бы. Я дорожу ими.

Никита Струве стал неким послом — культурным, духовным и ироническим послом между Францией и Россией (и обратно).

В феврале 2016 г. мы отмечали его 85-летие в книжной лавке ИМКА на горе Святой Женеьевы в Париже. Сидели, стояли, было тесно и душно. И хорошо. Он был в блестящей форме, несмотря на физическую хрупкость, и вернулся к своему любимому поэту — Осипу Мандельштаму, — ведь его главная книга о поэзии Мандельштама, о том, как читать стихи, загадочные стихи, и жизнь, трагическую жизнь поэта. Читать его так же трудно, как расшифровывать фреску Леонардо «Тайная вечеря».

Н. Струве переписывался с Надеждой Мандельштам, издал ее, брал у нее сведения. Он виделся с Ахматовой в Париже. Эта государыня русской поэзии удивилась, насколько он близок. Расшифровка Мандельштама открыла ему ворота русской поэзии XX в., что так изумительно освещает и помогает понимать и переживать страшное XX столетие. Никита Алексеевич читал на этой полустертой фреске христианский подстрочник, или рисунок. Многие не соглашались. Можно и по-другому читать квартет русской поэзии XX в. Но его прочтение и расшифровка остаются. Это, во всяком случае, прекрасный урок чтения.

Домик Никиты и Марии Струве в пригородном скромном и кокетливом Вильбоне на юге Парижа был удивительным «укривищем» русской и французской духовной и интеллектуальной жизни. Крохотный садик, обвешанные иконами Марии Александровны комнатки, столы, нагруженные папками, очень приветливый хаос, ветви яблони в окне. Узкая лестница — что-то кукольное, очень доброжелательное, жизнерадостное. Я мысленно искал, где скрывается домовый. Домовой-иконописец, добрый шутник, тайный полемист. Здесь по утрам делал свою зарядку Александр Исаевич, когда они с Наталией Дмитриевной гостили, отсюда отправлялись все те сотни вестников, что связывали Вильбон с далекой Россией и далекую Россию с Францией Пеги, Клоделя, Мориака, Пьера Паскаля и с нами — адресатами этих вестей, почитателями Пеги и Мандельштама, Ахматовой и Клоделя...

Н. Струве

ПУШКИН: РУССКИЙ МОЦАРТ?*

Сразу зададимся вполне закономерным вопросом: можно ли вообще провести параллель между композитором и поэтом разных национальностей (отсюда и знак вопроса в заглавии статьи), хотя бы ввиду разницы языка — в одном случае он будет универсальным, а в другом — индивидуальным. Музыка — чистая гармония, тогда как поэзия и поэтическая проза — это гармония, выраженная в словах, а значит, зависящая от конкретного языка, общепонятного для определенного народа, но недостижимого для большинства смертных. Поэзия больше чем любое другое соответствующее выражение гармонии будет «кратким словом между двумя долгими молчаниями» (Мальро), тогда как музыка редко бывает краткой, но зато она исходит из молчания и стремится к нему вернуться: «Nur stille, stille, stille...»¹ («Волшебная флейта», Акт II, сцена 30). Конечно, музыка нередко сопровождается словами (опера, оратория, кантата, песня), но почти всегда при этом она намного превосходит слова, и за редким исключением переложение на музыку талантливых стихов почти ничего к тексту не добавляет или того хуже — портит его.

Но есть по меньшей мере три повода для сближения гениального венского композитора Моцарта и гениального русского поэта Пушкина, родившегося на сорок лет позже. Прежде всего волнующее взаимное сходство в самом складе их личностей и в их судьбах; затем то восхищение, с каким Пушкин относился к Моцарту: ведь он хорошо знал и его жизнь, и его творчество, и даже посвятил Моцарту одну из своих «маленьких трагедий» — «Моцарт и Сальери», — причем в портрете Моцарта угадываются автобиографические черты самого Пушкина; наконец, недоказуемое, но бесспорное родство их творческого гения.

Сходство судьбы: в первую очередь сама продолжительность жизни. Моцарт умирает незадолго до своего 36-летия, Пушкину на момент смерти — 37 с половиной лет. Обстоятельства смерти разнятся, но в обоих случаях смерть приходит извне, ее предвидят и успевают с ней примириться. Как бы то ни было, Моцарт, по свидетельству его жены, перед смертью считал, что стал жертвой отравления и что отравили его соперники-итальянцы. Пушкин был измучен низкими интрига-

* Доклад был прочитан по-французски в рамках пушкинской конференции, прошедшей в Страсбургском университете и Национальной библиотеке Страсбурга (Франция) 16–17 сентября 2010. Опубликовано в сборнике: *Stroupe N. Pouchkine — un Mozart russe? // Pouchkine, poète de l'altérité / dir. E. Enderlein, T. Victoroff. Strasbourg: Presses Universitaires de Strasbourg, 2012. P. 67–72.* На русском языке публикуется впервые.

¹ «Только тихо, тихо, тихо...» (нем.).

ми и подлыми оскорблениями, исходившими от «света» и иностранцев. Он искал дуэли, чтобы суметь отомстить за свою честь, и его убила пуля француза. Но и в том и в другом случае речь идет не столько о соперничестве, сколько о коренном непонимании гения: «мир» не выносит трансцендентного. Знаменитое выражение Бернано — «прожить всю свою жизнь, умереть всею своею смертью» — сполна применимо и к Моцарту, и к Пушкину.

И не случайно двадцать лет назад независимо друг от друга вышли почти одновременно две книги: одна — о последнем годе жизни Моцарта, другая — о последнем годе жизни Пушкина; в обеих предпринята попытка уловить глубокий смысл их таинственной судьбы².

Всем известно, что Моцарт по чьему-то загадочному, лишь позднее разъяснившемуся заказу начал свой «Реквием» за шесть месяцев (или, вернее, где-то за двенадцать недель) до собственной кончины и был при этом уверен, что умрет: «Я пишу его для себя самого». Но можно сказать, что и Пушкин написал свой собственный реквием: его аналогом можно считать цикл из шести стихотворений, составленный летом 1836 г. на даче под Петербургом, когда до его кончины оставалось от шести до четырех месяцев (путающее сходство). Речь о так называемом «Каменноостровском цикле». В центре этого цикла, написанного с невиданным религиозным и космическим вдохновением, картина крестных мук Христа, распятия Бога:

Когда великое свершалось торжество
И в муках на кресте кончалось Божество... («Мирская власть»).

Пушкин противопоставляет эту торжественную картину непониманию и мелочности современной ему российской власти, озабоченной тем, как обеспечить охрану в петербургском соборе, чтобы простой народ не смел приближаться к распятию.

Затем следуют: стихи, рисующие жуткий образ Иуды («Подражание итальянскому»); стихотворное переложение великопостной молитвы Ефрема Сирина, очень значимой для православного христианина; гимн созерцанию природы («Вот счастье! Вот права...» — «Из Пиндемонти»); еще один гимн загородному кладбищу в Михайловском, где Пушкин незадолго до этого похоронил мать и где купил гробницу и для себя самого («Когда за городом задумчив я брожу...»); и наконец, завершает цикл знаменитый «Памятник» (*Exegi monumentum*), творческое подведение итогов, которое должно обеспечить поэту жизнь после смерти:

Веленью Божию, о Муза, будь послушна,
Обиды не страшась, не требуя венца,
Хвалу и клевету приемли равнодушно
И не оспаривай глупца.

Похороны обоих гениев тоже приводят на ум тревожные параллели: Моцарт похоронен в общей могиле: из-за жуткой погоды и сомнительной эпидемии в похо-

² Robbins Landon H.C. 1791: Mozart's Last Year. L., 1988. Франц. пер.: 1791: La dernière année de Mozart. P.: Fayard, 2005. Абрамович С. Пушкин: Последний год: Хроника. Январь 1836 — январь 1837. М.: Сов. писатель, 1991. Большую часть биографических фактов мы приводим по этим книгам.

ронной процессии смогли принять участие лишь несколько самых близких людей. Драматическая смерть Пушкина потрясла общественное мнение, и власть, опасаясь, как бы это негодование не вылилось в народное восстание, приказала ночью тайком вывезти тело в Михайловское, где Пушкин хотел быть похороненным.

Параллели напрашиваются сами собой и при взгляде на некоторые обстоятельства их частной жизни. В первую очередь, это постоянные денежные затруднения. Первая глава книги Роббинса Ландона начинается с такой фразы: «...осенью 1790 финансовое положение Моцарта стало катастрофическим». Финансовое положение Пушкина, может, и не было катастрофическим, но оставалось неудовлетворительным и тревожило поэта до самого конца его жизни, о чем свидетельствуют многочисленные долговые расписки, сделанные им в 1836 г., и ценные предметы, снесенные в ломбард. Общеизвестно, что и Пушкину, и особенно Моцарту за их произведения платили меньше, чем они того стоят, и сам этот факт оплаты делал их зависимыми — Моцарта от церковных властей, а Пушкина от правительства, из-за чего обоим пришлось поступить на унижительную гражданскую службу.

Легко заметить сходство обстоятельств и в семейной, и в личной жизни двух гениев: любовные похождения и разочарования в юности, затем женитьба — у Моцарта в 26 лет, у Пушкина в 31, — задуманная как шаг к счастью; любовная страсть Дон Жуана к Анне в «Каменном госте» очень напоминает отношение Бельмонта к Констанце в «Похищении из сераля». Но счастье к Пушкину так и не пришло, несмотря на любовь или как раз из-за этой любви к жене, яркая красота которой притягивала столько соперников. Наталья Николаевна скучала, когда муж читал ей свои стихи. Она слишком любила жить в мире видимости и кокетства, она «изкокетничалась», как написал Пушкин в одном из писем к супруге, и тем самым она тоже несет свою долю ответственности за смерть мужа. У Моцарта все не так трагично. «Мою жену, — писал он отцу, — нельзя назвать некрасивой, хотя она и не красавица <...> она не слишком умна, но обладает здравым смыслом <...> и у нее добрейшее сердце» [Mozart 2005, p. 436].

Но, как и Пушкин, Моцарт упрекал жену за кокетство и вольности поведения: «...вспомни, что ты сама мне однажды призналась, что вела себя несколько фривольно <...> не подвергай нас обоих, меня и тебя, попытке бесплодной ревностью» [Ibid., p. 526]. А последняя глава книги Роббинса Ландона называется «Констанца: реабилитация». Некоторые биографы Пушкина также предпринимают попытки реабилитировать Наталью Николаевну, хоть и не обесчещенную, но несущую свою долю вины. Трансцендентность гения часто почти не оставляет ему шансов найти себе такую спутницу, которая смогла бы обеспечить ему человеческое счастье.

С юных лет Пушкин относился к творчеству Моцарта с огромным почтением. Он никогда не упоминает его имени в письмах, но, как и Моцарт, Пушкин в письмах редко говорит о том, что его волнует на данный момент больше всего. Однако мы знаем, что Пушкин был близким другом Михаила Виельгорского и завсегдаем его музыкального салона в Санкт-Петербурге; знаем, что он встречался с Александром Улыбышевым, в 1830-е гг. опубликовавшим немало статей о Моцарте, а затем написавшим о нем по-французски объемный исследовательский труд в трех томах, который позже был переведен на немецкий и русский языки и в течение всего XIX в.

являлся самым авторитетным источником по этому вопросу. Мы знаем также, что он часто бывал как в петербургской Филармонии, где регулярно играли Моцарта, в частности «Реквием», так и в салоне пианистки Марии Шимановской, где царил настоящий культ Моцарта (см., в частности: [Бэлза 1962]).

Такое глубокое знание Моцарта и позволило Пушкину дать в своем творчестве личную версию Дон Жуана, гораздо более автобиографичную, чем версия Лоренцо да Понте, и главное — сделать самого композитора центральным героем одной из самых гениальных своих «маленьких трагедий». Первоначальный вариант заглавия «Моцарта и Сальери» был «Зависть», и мы видим здесь трагическое противопоставление беззаботного гения Моцарта трудолюбивому таланту Сальери — зависть доводит Сальери до желания убить соперника. Пушкин, насколько нам известно, был первым писателем, сделавшим Моцарта персонажем литературного произведения. Через десять лет эту традицию продолжит Эдуард Мёрике, пастор, поэт, музыкант, своим блестящим романом «Моцарт на пути в Прагу», но там уже нет такой сценической напряженности, как у Пушкина. Привлек ли образ Моцарта еще кого-то из писателей? Так или иначе, остальные попытки все равно канули в забвение.

Русский композитор Анатолий Лядов назвал «Моцарта и Сальери» «лучшей биографией» Моцарта, и это весьма любопытный отзыв, поскольку невозможно изложить биографию в двух сценах и в 150 стихах. Но он хотел лишь сказать, что Пушкин дал нам здесь наиболее глубокий, обобщающий и почти исчерпывающий образ великого композитора [Лядов 1916].

Русских критиков с момента выхода маленькой трагедии больше всего интересовала историческая и деонтологическая проблематика, связанная с образом Сальери. Как Пушкин, подхватив запоздалую и не слишком достоверную версию происшедшего (хотя этой версии поверил и распространял ее дальше Бетховен), смог нанести столь ощутимый удар по репутации всеми уважаемого композитора? Сегодня эта проблема уже мало кого интересует. Но она дала повод Пушкину записать на клочке бумаги несколько строк: «В первое представление “Дон Жуана”, в то время, когда весь театр, полный изумленных знатоков, безмолвно упивался гармонией Моцарта, раздался свист — все обратились с негодованием, и знаменитый Сальери вышел из залы, в бешенстве, снедаемый завистью. <...> Завистник, который мог освистать “Дон Жуана”, мог отравить его творца»³.

В пьесе Пушкина Сальери, как в своем монологе в начале, так и в дальнейших репликах, все время сохраняет поразительно трезвое суждение о Моцарте и о самом себе: для него Моцарт тем более гениален, что гениальность дана ему даром, ни за что, что бессмертный гений «озаряет голову безумца, / гуляки праздного». Сальери уверен, что Моцарт — «бог», даже если сам того не знает, тогда как он, Сальери, всего лишь талант, добывающийся результатов упорным трудом.

Пушкин легкими мазками рисует непосредственность, доброту, верность семейному долгу, скромность Моцарта, его умение посмеяться над собой, несмотря даже на грызущее его предчувствие смерти. Конечно, в этом портрете в первую очередь

³ Пушкин А.С. О Сальери (1832). Цитируется А.Г. Горнфельдом во вступительном очерке к изданию «Моцарта и Сальери» в: [Пушкин 1909, с. 120].

различим Моцарт, но при этом мы чувствуем, что Пушкин говорит также и о себе самом, что он подтверждает здесь мнение о себе своих близких друзей, считавших Пушкина шалопаем и гулякой, — при полном и глубоком восхищении его гением.

В начале XX в. критик Аркадий Горнфельд в своих комментариях к «Маленьким трагедиям» подметил этот параллелизм двух гениев: аполлоновскую ясность, прозрачность души, беззаботность, щедрость, непрерывное вдохновение Моцарта в трагедии Пушкина (см.: [Пушкин 1909, с. 122])... Дмитрий Благой, автор одной из лучших книг о жизни и творчестве Пушкина, подхватил эту мысль 50 лет спустя: «...Пушкин действительно проник в самое существо оказавшегося многими чертами ему созвучным моцартовского творчества с его светлой гармоничностью и необыкновенным художественным изяществом, с его исполненным высокого драматизма, но в основном солнечным, жизнеутверждающим, гуманистическим строем...» [Благой 1967, с. 611].

И тут мы касаемся предела несказанного и таинственного. Лучше всего определили самую суть гения Пушкина и его родство с Моцартом русские мыслители XX столетия. Петр Струве обращает внимание на единство противоположностей. В лингвистическом анализе он противопоставляет наиболее частое у Пушкина прилагательное «ясный», ключевое слово пушкинского поэтического словаря, другому ключевому слову, производному от первого, но в каком-то смысле ему противоположному: «неизъяснимый», — т. е. такой, что уже за пределами ясности. И еще два прилагательных часто встречаются у Пушкина: «тихий» и «тайный» — другие выражения «неизъяснимого» [Струве 1961, с. 37–38]. Семен Франк обратил внимание на другую фундаментальную оппозицию, присутствующую у обоих гениев и явно восходящую к Моцарту: музыка у Моцарта и соответственно поэтическая гармония у Пушкина кажется одновременно и веселой, и грустной, скорбь и трагизм пронизаны светом: двух этих гениев сближает просветленная грусть [Франк 1987, с. 125–126].

В свете этих размышлений, коснувшихся биографического, музыкального и литературного планов, можно утверждать, что Пушкин, бесспорно, — самый моцартовский из всех русских и даже европейских поэтов.

Перевод с французского Н.В. Ликвинцевой

Литература

- Благой 1967 — Благой Д.Д. Творческий путь Пушкина (1826–1830). М.: Сов. писатель, 1967.
 Бэлза 1962 — Бэлза И.Ф. Моцарт и Сальери (к исторической достоверности трагедии Пушкина) // Пушкин: Исследования и материалы. Т. IV. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 237–266.
 Лядов 1916 — А.К. Лядов. Жизнь. Портрет. Творчество. Из писем: Сб. материалов. Пг., 1916.
 Пушкин 1909 — Пушкин А.С. Соч.: в 6 т. / под ред. С.А. Венгерова Т. 3. СПб.: Изд. Брокгауза и Ефрона, 1909. (Библиотека великих писателей под ред. С.А. Венгерова).
 Струве 1961 — Струве П. Дух и слово Пушкина. Париж: YMCA-Press, 1961.
 Франк 1987 — Франк С. Этюды о Пушкине. Париж: YMCA-Press, 1987.

Mozart 2005 — Mozart. Lettres des jours ordinaires 1756–1791 / choisies et présentée par A. Paradis, traduites par B. Lortholary. P.: Fayard, 2005.

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ.
МАТЕРИАЛЫ

Т.В. Марченко

КАК ПРОВАЛИВАЮТСЯ ГЕНИИ,
ИЛИ НОБЕЛЕВСКИЕ МАРГИНАЛЫ SUB SPECIE AETERNITATIS:

Бальмонт, Бердяев, Набоков и другие

*Главы из книги «Русская литература в зеркале Нобелевской премии»**

Тех, кто в заголовке удостоился звания «маргиналов», безо всяких кавычек можно назвать русскими гениями XX столетия. Их объединяет не только выдающееся наследие и в области художественной литературы, и в различных областях гуманитарного знания, философии и филологии. У них была общая судьба: в разном возрасте, с различным уровнем творческого опыта, компетенции и достижений все они оказались за пределами отечества, в эмиграции. В середине века (1923–1964) все они были выдвинуты на Нобелевскую премию по литературе — безуспешно. В течение всего XX столетия мировоззрение всех интеллектуалов по обе стороны Атлантики неоднократно менялось, обретало новые черты. И все же Нобелевская премия неизменно оставалась тем зеркалом, в котором отражался век, отраженный в свою очередь в слове.

Материалы архива Нобелевского комитета (Шведская академия, Стокгольм) открываются каждый год по истечении полувекового срока их хранения. Наша исследовательская работа с архивными документами, связанными с историей выдвижения на премию русских писателей (письма-номинации), их рассмотрения в обзорах экспертов (sakkuning — букв. «знаток») по славянским литературам и финальными решениями нобелевского жюри (заключительные протоколы Нобелевского комитета) началась ровно два десятилетия назад. Изначальный интерес вызвало присуждение награды Ивану Бунину (1933), первому русскому лауреату Нобелевской премии по литературе и первому апатриду из числа писателей — нобелевских лауреатов. Однако сразу выяснилось, что богатые материалы архива дают возможность не только перелистать некоторые страницы борьбы писателей-эмигрантов за престижную награду, но и осмыслить историю русской литературы XX в. через призму ее рецепции западноевропейским сознанием. Еще шире и замечательнее: такое, по сути, «маргинальное» событие в мировом историко-культурном процессе, как ежегодное присуждение единственной международной премии по литературе, неожиданно позволяет раскрыть разные стороны восприятия России на Западе, особенности и даже истоки отношения к ее историческому пути и духовным традициям.

* Работа написана при финансовой поддержке РГНФ (проект «Русская литература в зеркале Нобелевской премии», № 15-34-11035).

За время нашего обращения к архиву Нобелевского комитета разрешение на работу с материалами и их публикацию мы получали от нескольких сменивших друг друга Постоянных секретарей Шведской академии: Стюре Аллена (Allén; 1986–1999), Хораса Энгдаля (Engdahl; 1999–2009), Петера Энглунда (Englund; 2009–2015) и Сары Даниус (Danius; с 1 июня 2015 г.). Все архивные документы, которые цитируются в настоящей статье, получены с любезного разрешения Сары Даниус и отобраны заведующей архивом Мадлен Энгстрём Бруберг (Broberg).

В августе 2015 г., когда благодаря грантовой поддержке РГНФ появилась очередная возможность поработать в Нобелевской библиотеке, она была закрыта на лето для посетителей, и Мадлен приносила мне папки с бумагами в крошечный и очень светлый зал — некогда террасу на лестнице, теперь перекрытую стеклянной крышей. Сбоку от громадного письменного стола, деля мое трудовое одиночество, эльфом парила небольшая гипсовая копия памятника королю Густаву III. Это основатель Шведской академии, заложивший в устав среди прочего ее независимость, идеологическую и финансовую, от государства и установивший неизменное число ее членов: восемнадцать. Из них избирается пятиглавый Нобелевский комитет — кто-то из академиков выдерживает несколько лет, кто-то остается на несколько десятилетий. Памятник Густаву III, королю-реформатору, стоит в старом городе (Gamla stan), на набережной Шепсброн, неподалеку от здания старой биржи, где находится Академия, а с 2001 г. и Нобелевский музей. Скульптор Й.Т. Сергель (Sergel) создал памятник в 1808 г., вдохновившись образом Аполлона Бельведерского (король был покровителем искусств, основателем шведской оперы; он и погиб в здании Королевской оперы на знаменитом, прославленном Дж. Верди бале-маскараде): в одной руке меч, в другой оливковая ветвь — одетый в морскую форму монарх ступает на родную землю после войны с Россией в 1788–1790 гг. От здания оперы к нему, через канал Лилла Вэртан — и дальше, через Балтийское море в сторону России, простирает руку другой прославленный шведский король, Карл XII.

Все дышит историей, и обманчиво думать, будто все поросло быльем.

В 2016 г. стали доступны для исследования документальные источники, связанные с присуждением Нобелевской премии М.А. Шолохову; впрочем, их совсем немного, поскольку в шорт-листе кандидатов на премию автор «Тихого Дона» находился больше полутора десятков лет, в архиве отложилось и несколько обзоров его творчества, принадлежащих перу славистов-экспертов разных поколений, и заключения Нобелевского комитета, почти полтора десятка лет никак не решавшегося присудить международную награду советскому писателю-коммунисту. В год присуждения Шолохову Нобелевской премии (1965) на нее было выдвинуто еще два писателя из СССР: Анна Ахматова и Константин Паустовский. Все эти темы заслуживают отдельного рассмотрения, а наше внимание будет сосредоточено на номинированных в 1920–60-е гг. на премию представителях русской эмиграции, оказавшихся маргиналами в истории ее присуждения.

Все источники цитируются в наших переводах на русский язык.

I
ПОЭТ «С НАТУРОЙ САЛАМАНДРЫ»:
КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ И НОБЕЛЕВСКАЯ ПРЕМИЯ¹

Первым русским поэтом, выдвинутым на Нобелевскую премию именно за поэтическое творчество, был Константин Дмитриевич Бальмонт (1867–1942).

«Бальмонт ходит в пасынках истории русской литературы, — можно было с полным правом написать еще недавно. — Кое-кому кажется, что он сдан в архив» [Markov 1988, s. 1]. Из одного такого архива — хранилища Шведской академии нам хотелось бы извлечь материалы почти столетней давности, связанные с рассмотрением и интерпретацией творчества Бальмонта, с анализом его места в истории русской литературы и с его прижизненной западноевропейской рецепцией.

В нашей монографии «Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)» речь шла прежде всего о русской эпической традиции — от Толстого до Шолохова, причем главное внимание было уделено прозаикам русского зарубежья — Бунину, Мережковскому, Шмелеву — и их главному политическому антагонисту и, разумеется, противнику в нобелевской лотерее М. Горькому. Поэтическое творчество двух первых русских нобелевских лауреатов по литературе, Бунина (1933) и Пастернака (1958), в Стокгольме практически не обсуждалось; оба они оценивались шведскими академиками как наследники великого русского романа. Вне нашего рассмотрения оказалась и бальмонтовская номинация. Восполняем этот пробел в исследовании истории русской литературной нобелиады.

* * *

«Первая страстная мысль о женщине — в возрасте пяти лет, первая настоящая влюбленность — девяти лет, первая страсть — четырнадцати лет». Именно с этой цитаты из автобиографии К.Д. Бальмонта² с восклицательным знаком (в скобках) после признания, и впрямь нетривиального, начинается экспертный очерк о русском поэте, выдвинутом в 1923 г. Роменом Ролланом на Нобелевскую премию по литературе. В предложении нобелевского лауреата 1915 г. было перечислено три кандидатуры: «<Я> хотел бы их объединить в одной кандидатуре, чтобы четко обозначить, что Нобелевский комитет, поднимаясь над преходящими партийными дискуссиями, принимает во внимание только те заслуги, кото-

¹ Эта часть работы написана во время научной стажировки в Йенском университете им. Фридриха Шиллера летом 2016 г. Пользуемся случаем поблагодарить Фонд Александра фон Гумбольдта (Бонн, Германия) за финансовую поддержку и проф. Андреа Майер-Фраатц (Meyer-Fraatz) (Институт славистики и кавказоведения) за гостеприимство и создание идеальных условий для работы.

² Отыскать автобиографию К.Д. Бальмонта, написанную 27 июня 1907 г., было несложно: до революции она была напечатана дважды в доступных изданиях: в «Книге о русских поэтах» под редакцией М.Л. Гофмана ([Гофман 1909]; ее экземпляр есть в стокгольмской Королевской библиотеке) и, под заглавием «Автобиографическое письмо», в [Венгеров 1904, с. 375–377]. О последней публикации А.А. Блок писал А. Белому 22 сентября 1905 г. в таких выражениях: «Просьбу о биографии я уже передавал Бальмонту, но он гордо ответил, что она — в словаре Венгерова» [Блок 1963, с. 135]. Накануне первой русской революции статья С.А. Венгерова появилась в энциклопедическом словаре, где была снабжена небольшой библиографией о Бальмонте [Венгеров 1905, с. 208–212].

рые достигнуты на неангажированной службе искусству и идее. К числу великих граждан этого Града Духа — *Civitas Dei* — относятся Горький, Бунин и Бальмонт» [Марченко 2007, с. 213].

Экспертом выступил шведский славист, копенгагенский профессор и редактор либеральной газеты «Дагенс нюхетер» («Dagens nyheter») Антон Карлгрен (Karlgrén; 1882–1973). Его официальная карьера нобелевского эксперта началась годом раньше, а теперь он впервые обратился и к творчеству Горького [Там же, с. 217–221], и к сразу его заворожившей бунинской новеллистике [Там же, с. 299–311], и к лирике Бальмонта. Эссе о Бальмонте занимает примерно две — две с половиной газетных полосы³ (! — поставим и мы в свою очередь восклицательный знак). Оно включает в себя историко-культурный и историко-литературный экскурсы, но охватывает далеко не все творчество рецензируемого автора, а лишь некоторые книги его стихов от дебюта до начала 1910-х гг. и первый эмигрантский сборник. Композиционно эссе разделено на семь частей.

Экспертный очерк — это не научная работа, предназначенная для публикации, поэтому библиография не является ее обязательной частью⁴. А. Карлгрен не упоминает ни одного русского критика и ни одной статьи, которыми он мог воспользоваться при составлении своего обзора о Бальмонте. В распоряжении шведского слависта могли оказаться статья о Бальмонте С.А. Венгеров [Венгеров 1904], автобиография поэта [Венгеров 1905], статья Е.В. Аничкова [Венгеров 1914], а также статьи А. Белого «Бальмонт» (первая часть; вторая была опубликована в газете «Час» от 21 ноября 1907 г. и вряд ли была доступна в Скандинавии) [Белый 1904, с. 9–12], И.Ф. Анненского «Бальмонт-лирик» [Анненский 1906, с. 171–213], А.А. Блока [Блок 1909] и четыре статьи В.Я. Брюсова, доступные, очевидно, по книге [Брюсов 1912]. В нашу задачу не входит сопоставление очерка шведского слависта с текстами русских критиков-символистов, кроме тех случаев, где апелляция к их суждениям и постулатам кажется несомненной.

Антон Карлгрен начинает свой обзор с биографии Бальмонта, основываясь главным образом на его автобиографии; некоторые знаменитые заявления и рассказы из нее с удовольствием процитированы — в частности, о чтении стихов Л. Толстому (великий старец «сделал вид, что стихи ему не понравились» и назвал «аромат солнца» «вздором»). Впрочем, все основные вехи дореволюционной биографии Бальмонта прослежены кратко, но верно, а утверждение, что он является «главой русской декадентской поэзии», для убедительности повторено дважды. «Литературный багаж» Бальмонта назван «исключительно всеобъемлющим», причем упомянуты не только стихотворные сборники («по несколько сотен страниц»), проза, литературно-художественная критика, путевые записки, но и «огромное количество переводов, как в стихах, так и в прозе». При этом отмечено, что «на западноевропейские языки из Бальмонта переведено очень

³ А. Карлгрен представил очерк в виде газетных гранок, которые ему, судя по всему, набрали в «Дагенс нюхетер».

⁴ В последние годы, когда номинаций на Нобелевскую премию поступают сотни, практика рассмотрения кандидатур изменилась, об их творчестве составляются дайджесты из критических откликов в периодике и иных публикаций.

мало». Эксперт Нобелевского комитета упоминает французское издание книги путешествий «Солнечные видения»⁵ и французский же сборник из «некоторых стихотворений»⁶. При этом поэтические переводы приводят Карлгрена в недоумение, даже огорчение, поскольку дают лишь «слабое представление об авторе»: «Поэт, наиболее сильной стороной которого является виртуозное владение ритмом и рифмой, переведен свободным безрифменным стихом!» Впрочем, «некоторые стихи переведены на другие языки, среди прочих на немецкий, — добавляет эксперт. — На самом деле Бальмонт непереволим». Из этого следует неутешительный вывод, что европейской литературы о творчестве Константина Бальмонта не существует, за исключением некоторых статей в немецком журнале «Литературное эхо» («Das literarische Echo»)⁷. Таким образом, А. Карлгрен чувствует себя абсолютным первопроходцем в шведском (по его мнению, и западноевропейском в целом) бальмонтоведении⁸.

Очерку о творчестве Бальмонта предшествуют «несколько слов» — по объему равноценных примерно газетному «подвалу» — «о том течении, которое он представляет», то есть о русском декадентстве. Описание умонастроений в России во времена Победоносцева и Надсона, культа «чистой поэзии» с ее «полутонами и полутонками» сейчас можно опустить, как и экскурс в историю русского декадентства: за последние десятилетия исследовательская литература о периоде 1880–1910-х гг. неизменно растет; появились фундаментальные труды о русском символизме и в западноевропейской славистике (см., например, [Hansen-Löve 1989–2014]). Впрочем, и спустя почти сто лет читать размышления малоизвестного шведского профессора и крупного журналиста о перевороте в русской поэзии, совершенном декадентами, поучительно. Во-первых, потому, что это образец европейской рецепции русского литературного процесса — хотя и несколько

⁵ *Balmont C. Visions solaires: Mexique, Égypte, Inde, Japon, Océanie / trad. du russe avec une préface par Ludmila Savitzky. P.: Bossard, 1923. 338 p.* Отметим, что Карлгрен отсылает к изданию, которое относится к серии книг русских эмигрантов, затеянной издательским домом «Боссара» в 1921 г., — т. е. до революции у «главы русской декадентской поэзии» имени в Европе практически не было. Книга «Visions solaires» вышла по-французски несколькими тиражами.

⁶ *Balmont C. Quelques poèmes / trad. du russe par A. de Holstein et René Ghil. P.: G. Crès, 1916. 165 p.*

⁷ «Das literarische Echo» — немецкий литературный журнал, выходивший два раза в месяц с 1898 по 1923 г.; затем его название было изменено на «Литература» («Die Literatur»), а в период с 1942 по 1944 г. он выходил как «Европейская литература» («Europäische Literatur»).

⁸ Обобщающей работы о творчестве Бальмонта (если не считать словарно-энциклопедических публикаций и, помимо вышеназванных, книги Эллиса [Эллис 1910]) за четверть века так и не появилось, главные статьи были написаны в 1900-е гг. В 1908 г. В.Я. Брюсов сетовал в письме М.О. Гершензону, что эта необходимая «работа оказывается очень трудной, так как должно дать *впервые* оценку очень большого (может быть, «великого») писателя. У нас еще ничего не сделано для оценки Бальмонта, все, написанное о нем, надо просто отвергнуть, приходится все начинать сначала, до всего додумываться самому. А так как мне не хотелось бы дать характеристику банальную: «поэт мгновений», «мастер напевностей», «душа стихийная» и т. д., и т. д., — то я <...> довольствуюсь тем, что перечитываю книги Бальмонта и раздумываю над ними, и, кстати сказать, нахожу в них очень много для себя нового» [Богомолов 2004, с. 54] (курсив цитируемого издания. — Т.М.). Этот критический пробел в полтора десятка лет сказался и на экспертном очерке: вначале опиравшийся на публикации русских символистов и на издания Венгеровой, А. Карлгрен затем оказался наедине с текстами русского поэта и фактически оборвал свой очерк началом 1910-х гг.

отстающий во времени; во-вторых, потому, что он не претендует на академизм и иронически трактует, в частности, «эгоистическую самоуглубленность декадентов как безответственную, почти преступную» на фоне сложившегося в России почтительного отношения к отражающей жизнь литературе⁹.

Но главное для А. Карлгрена в этой новой странице русской поэзии — «смелое, хотя порой декларативное утверждение свободы», поскольку на рубеже 1880–90-х гг. «русское общество... в конце концов начало пробуждаться от летаргии». Как ни соблазнительно привести сжатую обрисовку Карлгренем социально-экономических и идейно-политических тенденций в историческом развитии России, этот экскурс вряд ли уместен на страницах, посвященных творчеству Бальмонта. Резюме: «До того как Горький с его босяками, живописные лохмотья которых маскировали вульгарное нищестество, овладел современными умами, декаденты воспевали в своей поэзии гордого, бросающего вызов толпе сверхчеловека, скинувшего все стеснявшие его личность оковы и путы. Со временем декадентская поэзия, где беспримерный титанизм проявляется в неустанных иступленных оргиях, становится модной поэзией: в ней обществу заново открылось отметающее все сомнения задорное молодечество, характерное для его собственных настроений перед революцией 1905 года». Год, названный экспертом «ужасным» и для Горького, и для Бальмонта. Напомним: Карлгрену пришлось в 1923 г. оценивать сразу трех русских писателей-современников — Бунина, Горького и Бальмонта, и двух последних он неизменно сравнивает и противопоставляет в цитируемом экспертном обзоре¹⁰.

«Печаль, тоска, сумерки — такова атмосфера первых поэтических сборников Бальмонта...» — в соответствии с хронологией обращается Карлгрен к творчеству поэта. Речь идет о дебютном «Сборнике стихотворений» (Ярославль, 1890), «полностью проигнорированном критикой и публикой», и книге «Под северным небом: элегии, стансы, сонеты» (СПб., 1894), автор которых еще «целиком и полностью» укоренен в «старой школе» и очевидно идет «по стопам» Надсона. Карлгрен суммирует главные мотивы ранних стихов Бальмонта: «Жизнь для него серый, безутешный зимний день, плотно сгущаются сумерки, сжимая душу бесконечной печалью. Он устал от жизни, смерть является ему в самом начале жизни, он призывает ее: смерть, приди и накрой меня! Его собственные чувства находят отклик в природе, в пасмурном северном небе, в печальных, плачущих облаках,

⁹ Иногда эта ирония обнаруживает, как представитель университетской науки, шведской гуманитарной элиты неожиданно сближается с доморощеном русским обывательским представлением о декадансе, блистательно проиллюстрированным в рассказе А.Т. Аверченко «Аполлон».

¹⁰ И делает это небезосновательно: «Горький и Бальмонт вошли в литературу почти одновременно, в начале 1890-х годов. Ранний Горький, нащупывая методом проб и ошибок новые пути в искусстве, с интересом, хотя порой и весьма критически посматривал на самое «модное» литературное течение того времени — символизм, на его наиболее талантливых представителей» [Примочкина 2007, с. 3]. Жизненные пути обоих писателей пересеклись в 1901 г. В январе 1905 г. Горький в группе рабочих идет к Зимнему дворцу и становится свидетелем Кровавого воскресенья, Бальмонт в это время путешествует по Мексике. Но уже осенью «оба писателя приезжают в Москву и в дни всеобщей политической стачки оказываются в самой гуще революционных событий» [Там же, с. 6], причем «Бальмонт находился под сильным влиянием мощной личности Горького» [Там же, с. 7], а с 1906 г. оба писателя «оказались за границей на положении политических эмигрантов» [Там же, с. 9].

в грустных криках серых чаек, в ночной песне соловья, столь схожей с рыданием». Впрочем, эти отчаянные юношеские стихи продиктованы глубокой скорбью о собственной стране, вот только от «благородного декадентского безразличия к окружающей действительности в них нет и следа». Хотя задача эксперта очевидна — выделить лучшие из сочинений выдвинутого на Нобелевскую премию поэта и обосновать их соответствие международной литературной награде (или, напротив, доказать несоответствие), — Карлгрен увлеченно берется представить творчество Бальмонта *ab ovo*.

«Поэт знает свое место в национальной трагедии», — иронизирует Карлгрен над виршами юного Бальмонта, которому даже любовь к женщине представляется омраченной страданиями его «братьев — людей». Но эта «хорошо известная старая поэзия» все-таки отмечена новизной — «богатым музыкальным звучанием стиха», хотя порой эти новации довольно «забавны», например, когда «поэт заставляет все слова в каждой строке аллитерировать» (ср. [Венгеров 1905, с. 210]). Вскоре, впрочем, «настрой поэта меняется», и в его следующих стихотворных сборниках («В безбрежности мрака». М., 1896; «Тишина. Лирические поэмы». СПб., 1898) «декадентские тенденции прорываются повсюду». Хотя пессимизм поэта достигает уже «совершенно безнадежной ноты», но «страдание его больше не пугает, и он понимает теперь, как ускользнуть от подавляющего пессимизма»: «проспать всю жизнь и видеть сладостные сны». Для иллюстрации изменившихся настроений поэта, обратившегося к «прекрасному миру неизвестной красоты», Карлгрен выбирает из поэтических образов тех лет излюбленную Бальмонтом водную лилию (кувшинку).

Разрывая связь с подлинной, реальной жизнью, поэт уходит в себя и «из альтруиста становится эгоистом»: «Он больше не желает быть в своей поэзии эхом жизни только людей, но эхом космической жизни, вселенским эхом. Окружающая действительность, люди из плоти и крови отдаляются от него, ему кажется, как он объясняет, странным видеть человеческие лица. Он больше брат не людям, а бурям, ветрам и холодным морским равнинам. Яркое небо беседует с ним, звезды, подмигивая, шлют ему братский привет. У него нет иных друзей, кроме стихий <...> обычные источники вдохновения земных поэтов оставляют его равнодушным; он воспеваает хаос, сферы, вечность, безбрежность, возвышенность, звучность, неуязвимость — эти абстрактные понятия он пишет с заглавной буквы и обращается с ними как с живыми реальностями»¹¹. Таким образом и его соб-

¹¹ Последнее утверждение, вплоть до всего ряда персонифицированных «отвлеченных понятий», почерпнуто в [Венгеров 1905, с. 209]. Трезвый, критический подход С.А. Венгерова импонирует копенгагенскому профессору. Знакомый, как мы увидим дальше, с символистской критикой о Бальмонте, А. Карлгрен далек от стилистики И.Ф. Анненского, В.Я. Брюсова или А. Белого: в отличие от безудержной символистской образности в публикациях русских авторов, Карлгрен в целом остается в рамках собственно критического дискурса. Ср., например, суждения А. Белого о тех же первых книгах Бальмонта: «<М>истицизм туманов, камышей и затонов, затерянных в необъятности северных равнин, как угрюмый кошмар, пронизывают мировые пространства эти равнины, собирая туманы. Это взывания Вечности к усмирным, это — воздушно-золотая дымка над пропастью или сладкоонемелые цветы, гаснущие в сумраке вечеров. Это — золотая звезда, это — серая чайка. Это — песня северных лебедей. Мутные волны хаоса, отливающие красным заревом, иступленные крики замерзающих в холоде безбрежности...» и т. д. [Белый 1994, с. 402].

ственное «я» вырастает до «величия невообразимых размеров»¹², и «декадентский культ собственного эго» у Бальмонта «не знает удержу»¹³: кульминацией развития поэта в этом направлении становятся три сборника стихотворений: «Горящие здания. Лирика современной души» (М., 1900), «Будем как солнце. Книга символов» (М., 1903) и «Только любовь. Семицветник» (М., 1903).

Карлгрен прослеживает это развитие: экскурс в безрадостную российскую действительность той эпохи, к которой относится вступление Бальмонта в русскую поэзию и утверждение в ней, архаичность общественно ориентированных произведений не могут не показаться естественным фоном для появления и пышного расцвета подобной эгоцентричной лирики: «Я — всё, я — бог, нет иной реальности, кроме моего собственного я, моих мыслей, чувств и призывов — на все лады неустанно закликает поэт». Это движение внутри собственной душевной жизни, полагает шведский славист, когда не важно ни то, что было, ни то неизвестное, что придет ему на смену, а единственной реальностью оказывается «мое сейчас». Неудивительно, что каждую секунду поэт «сгорает» в стремлении уловить мгновение в его полноте и насыщенности, не важно, что заставляет «трепетать» его душу — «удовольствие или боль, красота или уродство, — главное, чтобы все это обладало должной степенью интенсивности»¹⁴. Мешая пересказ стихов с цитированием автобиографии Бальмонта, Карлгрен поражается новой трактовке любви с «тигровыми страстями», которую Бальмонт проповедует «не одной женщине, а тысячам» и которую предлагает «попробовать во всех формах, даже самых экстраординарных». Однако в подлинность этих «тигровых страстей»¹⁵ и «пугающих» любовных объяснений, в «смакование всех, даже экзотических форм любви» шведский славист не склонен верить, полагая, что поэт «ищет сильных ощущений» в тематическом плане: «Он веселится чуме и прокаже, воспекает Содом и Гоморру, его радует убийство, он любит красный цвет за то, что это цвет крови, и гордится тем, что один из его предков был “честным палачом”, да и сам не прочь поразмышлять о той же профессии...»¹⁶

Следует отметить, что весь пассаж о «Горящих зданиях» — свободное переложение на шведский язык статьи С.А. Венгерова [Венгеров 1905, с. 311]. В об-

¹² Или, как это будет названо в позднейших европейских работах о поэте, «the proud concept of superman» [Ryman 1994, p. 63].

¹³ Ср. у С.А. Венгерова: «В сфере обуревающих его “тигровых страстей” поэт не только стихийно не знает удержу, но и сознательно знать не хочет: “хочу быть дерзким, хочу быть смелым”. Он имеет право быть дерзким, потому что в значительной степени воплотил в себе идеал “сверхчеловека” или, вернее, “сверхпоэта”» [Венгеров 1905, с. 211].

¹⁴ Или, как сформулировал это И. Анненский, «уродство создает красоту» [Анненский 1979, с. 114]. В интерпретации лирического эго Бальмонта шведский славист пересекается с суждениями Анненского и пользуется его примерами и идеями, однако, в отличие от русского символиста, к гипертрофированному поэтическому «я» Бальмонта Карлгрен относится безо всякой восторженности.

¹⁵ Стихотворение «В душах есть все» (из книги «Горящие здания»), ср.: «Кто демон низостей моих / И моего огня? / От этих тигровых страстей, / Змеиных чувств и дум, — / Как стук кладбищенских костей / В душе зловеющий шум».

¹⁶ Ср. стихотворение «Красный цвет» из сборника «Горящие здания» («Быть может, предок мой был честным палачом»).

зоре перечислены некоторые мотивы и образы Бальмонта, также почерпнутые у Венгерова, — альбатрос с «разбойными инстинктами», поджегший Рим Нерон, которого поэт называет своим «братом»¹⁷... и Наполеон. Последний, впрочем, добавлен шведским славистом от себя. А. Карлгрен указывает, что Бальмонт «слагает гимн Наполеону», и даже приводит заковыченную цитату, хотя и не совсем точную: «Ты сокрушал одним словом, уничтожал одним жестом, в неистовых разрушениях опустошал мир...» Как будто по стилистике действительно близко образности «Горящих городов»; однако поэтического посвящения французскому императору у Бальмонта нет. Вероятно, понадеявшись на свою память, Карлгрен приписывает Бальмонту стихотворение В.Я. Брюсова «Наполеон» (1901), узнаваемое даже в упрощенном шведском пересказе: «Ты сокрушал случайным словом, / Движеньем повергал во прах. <...> Пьянея славой неизменной, / Ты шел сквозь мир, круша, дробя...» [Брюсов 1973, с. 161]. Это самый досадный промах Карлгрена. Но в экспертном обзоре появляются и иные неточности. Например, настаивает заявление, что именно в предисловии к «Горящим городам» Бальмонт похвывается своим непревзойденным стихотворным мастерством; между тем в нескольких «предисловиях» к сборнику — двух отрывках «из записной книжки» и стихотворении «Мои враги» — поэт размышляет только о содержательной стороне своей лирики, о развитии и смене ее мотивов и образов. О своих достижениях в области версификации поэт пишет в автобиографии¹⁸.

И все-таки из обзорного реферата с вкраплением (не всегда точных) цитат первоначально возникает впечатление, что никакой тенденциозности в обзоре Карлгрена нет: писал поэт сначала реалистически об обездоленных, потом импрессионистически о белых лилиях, затем его лирика стала экспрессионистичной и обрела кроважидные черты. Между тем эксперт Нобелевского комитета прекрасно владеет жанром, и если ему понадобилось подробно остановиться именно на этих стихах К. Бальмонта, то в финале его обзора, где должна содержаться рекомендация или отвод кандидатуры номинированного писателя, эта «кровавая образность» непременно выстрелит. Однако, продолжая и далее читать по-русски и пересказывать (прозой) по-шведски «Горящие здания», Антон Карлгрен замечает: «Представив эту книгу на суд Академии, Бальмонт обезопасил себя в особом посвящении от подозрений, что им до сих пор владеет склонность к поджогам и убийствам, пояснив, что время заставило его полюбить мирный созидательный труд»¹⁹. Карлгрена поражает, как четверть века назад русский поэт позволил себе

¹⁷ «О мой брат! Поэт и царь — сжегший Рим! Мы сжигаем, как и ты, — и горим!» («Я люблю далекий след от весла...»). Пересказывая эти строки, Карлгрен восстанавливает опущенное в стихотворении имя «поэта и царя».

¹⁸ Заметим, что эта автобиография задолго до шведского слависта смутила А. Блока «манерностью и жеманством». «Имею спокойную уверенность, что до меня, в целом, не умели писать в России звучных стихов», — сообщает Бальмонт. Блок словно пожимает плечами: «Всем хорошо известно, что до Бальмонта стихи писал, например, Пушкин» [Блок 1962, с. 372]. И не случайно выпускает определение «звучные», которое многое меняет, тем более что «звучность», «музыкальность», ритмическая эвфония постепенно вытесняет все прочее (т. е. содержание) из стихов Бальмонта.

¹⁹ В действительности в небольшом вступлении «Из записной книжки» Бальмонт пишет следующее: «У каждой души есть множество ликов, в каждом человеке скрыто множество людей, и многие из этих

полное освобождение от каких бы то ни было нравственных уз, провозгласил себя гением и утвердил собственную волю — «я хочу» — как единственный закон. Хотя ни одного истинно критического слова Карлгреном не сказано, однако отбор тем и образов из поэзии Бальмонта рубежа веков исключительно красноречив. Разумеется, отдельного порицания заслуживает отказ от христианской морали, насмешка над святыми («Я ненавижу всех святых», — цитирует протестант Карлгрен «Голос дьявола»)²⁰, декларация «любви к своим порокам» и особо теплое отношение к дьяволу и к «бесам всех мастей, вампирам, привидениям, ведьмам, всё его добрым друзьям и знакомцам»²¹.

Интерпретация поэзии Бальмонта шведским славистом, равно далеким от народников или, скажем, марксистов, замечательна непросщением русскому символисту — хочется взять в кавычки эти претензии — «отрыва от действительности», от «чаяний народа»²². Подражания Ш. Бодлеру или А. Рембо словно ис-

людей, образующих одного человека, должны быть безжалостно ввергнуты в огонь. Нужно быть беспощадным к себе. Только тогда можно достичь чего-нибудь. Что до меня, я сделал это в предлагаемой книге, и, быть может, тем, кто чувствует созвучно со мной, она поможет прийти к тому внутреннему освобождению, которого я достиг для себя». И ниже: «Пусть же возникнет новое. В воздухе есть скрытые течения, которые пересоздают душу. Если мои друзья утомились смотреть на белые облака, бегущие в голубых пространствах, если мои враги устали слушать звуки струнных инструментов, пусть и те и другие увидят теперь, умею ли я ковать железо и закалять сталь» [Бальмонт 2010, т. 4, с. 203–204].

²⁰ В этом критическом суждении А. Карлгрен сближается с послереволюционным мнением о Бальмонте В.Я. Брюсова, высказанном в статье 1921 г. «Что же такое Бальмонт?». Но эта статья осталась неопубликованной и была напечатана лишь через несколько десятилетий после смерти Брюсова. Ср. с рассуждениями Брюсова о моральных аспектах мировосприятия Бальмонта: «Бальмонту хотелось быть оригинальным <...>. Это значило, что он, следуя принципу символической школы <...> должен был заговорить “наоборот”, т. е. признать “добром” то, что считалось обычно “злом”, и “злом” — “добро”. В краткой формуле: прославить дьявола и проклинать Бога. Все это и стал делать Бальмонт (впрочем, “проклинать Бога” отжавшись он все-таки лишь изредка), чтобы оправдать им себе предначертанную эволюцию. Но вот в чем дело: чтобы “дерзновенно” отрицать общепринятое “добро”, надо его *признавать*; чтобы прославлять дьявола, надо *веровать* в Господа, — иначе нет смысла в самом прославлении! “Сатанизм” возможен только у верующего (пусть бессознательно) христианина. Какой смысл в сатанизме для атеиста?» [Брюсов 1975, с. 487–488]. Гораздо ранее, в докладе, прозвучавшем на заседании университетского «Неофилологического общества» 15 ноября 1904 г. и опубликованном в «Книге отражений», И.Ф. Анненский так возражал блюстителям поэтической нравственности: «Но еще хуже обстоят дела поэзии, если стихотворение покажется читателю неморальным, точно *мораль* то же, что *добродетель*, и точно соблюдение оной на словах, хотя бы в самых героических размерах, имеет что-нибудь общее с подвигом и даже доброй улыбкой. Поэтическое искусство, как и все другие, определяется прежде всего тем, что одаренный человек стремится испытать редкое и высокое наслаждение творчеством. Само по себе творчество — аморально, и наслаждаться им ли или чем другим отнюдь не значит жертвовать и ограничивать самого себя ради ближних, сколько бы блага потом они ни вынесли из нашего наслаждения» [Анненский 1979, с. 97]. Курсив цитируемых изданий. — Т.М.

²¹ Ср. в статье «Бальмонт» С.А. Венгерова: «Перед ошарашенным читателем дефилирует целая коллегия ведьм, дьяволов-инкубов и дьяволов-суккубов, вампиров, вылезших из гробов мертвецов, чудовищных жаб, химер и т. д. Со всей этой почтенной компанией поэт находится в самом тесном общении; поверить ему, так он сам — настоящее чудовище. Он не только “полюбил свое беспутство”, он не только весь состоит из “тигровых страстей”, “змеиных чувств и дум” — он прямой поклонник дьявола...» [Венгеров 1905, с. 212]. Однако Карлгрен благоразумно опускает французскую оценку всей этой поэтической нечисти из статьи Венгерова: «pour épater le bourgeois».

²² Эти претензии предъявляла нарождающемуся символизму народническая критика, см. [Львов-Рогачевский 1910, с. 3, 8, 19].

ключены — русский писатель просто обязан «лиру посвятить народу своему», это как будто предписанная ему сверхзадача творчества, и, прекрасно понимая, какими социальными и духовными обстоятельствами была вызвана сугубо литературная поза Бальмонта на рубеже XIX–XX вв., шведский славист продолжает (уже зная о драматической судьбе Бальмонта-эмигранта): «С той высокой точки, на которую он поднялся, поэт смотрит с презрением, доходящим до ненависти, на копошащееся внизу человечество». И уделяет целый абзац пересказу стихотворения, посвященного М. Горькому: из нескольких бальмонтовских посвящений ему выбрано стихотворение «В домах» («В мучительно-тесных громадах домов / Живут некрасивые бледные люди <...> Я проклял вас, люди. Живите впотьмах...»). Стихотворение это написано на вечно животрепещущую тему предпочтения «миллионами» людей («Мы люди, не звери», «лепечут» они у Бальмонта) серой, пустой, ничем духовно не заполненной жизни, и смысл инвектив поэта — причем не грозных, а скорее безнадежно-печальных — не в проклятии человечества, а в боли за него, за его неумение жить полной, прекрасной, счастливой жизнью. Но Карлгрен нарочито сдвигает смыслы в трактовке стихотворения, пользуясь прежде всего тем, что это прозаический пересказ, а не собственно поэтическое переложение, где образ является в единстве звуков, ритмов, ассоциаций. Из стихотворения «Человечки» (без указания, что цитируется уже другое произведение) взята финальная строка, венчающая весь обличительный абзац: «О, когда б ты, миллионный, вдруг исчезнуть мог!» И это стихотворение звучит остро современно: «Человечек современный, низкорослый, слабосильный, / Мелкий собственник, законник, лицемерный семьянин, / Весь трусливый, весь двуличный, косодушный, щепетильный, / Вся душа его, душонка — точно из морщин». Непредвзятый читатель не может заподозрить Бальмонта по этим строкам в презрении к человечеству, в ненависти к нему. Поэта возмущает не дюжинный человек сам по себе (и не миллионы жителей земли, разумеется), а то, как он распоряжается своей единственной жизнью в огромном и прекрасном мире, отрицая и губя в себе лучшие свойства и порывы и погрязая в мелочности, серости, ничтожности. Но против этого оскотинивания души, опошления жизни и восставала вся русская литература, законным наследником которой выступает символист Константин Бальмонт.

Между тем эксперт Нобелевского комитета через тщательный подбор цитат и образов целенаправленно добивается однозначного представления о русском поэте-символисте как о самонадеянном до смешного, решительно оторванном от жизни и ее животрепещущих вопросов хвостуне. Еще одним беспощадным «развенчанием» его поэтического «я», «обретающего поистине титанические формы по сравнению с человеком-насекомым», становится любовная лирика. «Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде», — откровенно иронизируя, цитирует Карлгрен стихотворение «Как испанец». Это желание быть «во всем великим», в том числе в любви (а набрать из лирики Бальмонта «роковых», «обжигающих» поцелуев, «сладостного блаженства» и под. труда не представляет) приводит русского поэта к самообожествлению: «Я жизнь, я солнце, красота <...> Я весь — весна, когда пою, / Я — светлый бог, когда целую!» («Весь — весна»). И дальше — по

Венгерову: «Кто равен мне в моей певучей силе?» <-> задается он вопросом и тотчас же отвечает: «никто, никто» [Венгеров 1905, с. 211].

«Велик он и как поэт», — продолжает шведский славист там, где Венгеров заявляет о «*mania grandiosa*» Бальмонта. Однако вместо раскрытия этого тезиса путем анализа поэтических открытий Бальмонта Карлгрен поступает так же, как реферируемый им русский литературовед, т. е. приводит довольно пространную цитату из предисловия к «Горящим городам», в котором Бальмонт, в сущности, совершенно справедливо судит о своем вкладе в развитие техники русского стиха²³. «В одном стихотворении за другим он нахваливает самого себя как поэта — и ложная скромность не удерживает его от провозглашения себя лучшим в мире», — уже во все не скрывая насмешки, заключает шведский славист. Впрочем, справедливости ради и ради знакомства с «песнопевческой индивидуальностью» поэта Карлгрен приводит полностью в немецком переводе стихотворение К.Д. Бальмонта «Мое песнопенье»²⁴, присоединив к нему через звездочку другое прославленное стихотворение, «Я — изысканность русской медлительной речи». Оба эти стихотворения в переводе Александра Элиасберга почерпнуты из выпущенной им в 1907 г. антологии русской поэзии «Современная русская лирика»²⁵. Переводы следует признать очень хорошими, сохраняющими ритмику, особенности рифмовки и строфику, по-своему неплохо передающими образность, однако все-таки далекими от тонкой инструментовки оригинала, неожиданных, волнующих тропов. Вот как, в частности, завершается второе стихотворение («Вечно юный, как сон, / Сильный тем, что влюблен / И в себя, и в других, / Я — изысканный стих»):

Ich bin stark, bin ein Held, // Я силен, я герой
Liebe mich und die Welt, // Люблю себя и мир
Bin ein sprossender Keim, // Я прорастающий росток
Bin ein klingender Reim! // Я звучащая рифма

Немецкий перевод гораздо ближе, как видим, критическому восприятию лирики Бальмонта шведским славистом. Например, «любить себя и мир» — это не то же самое, что любить «себя и других», где нет противопоставления человечеству, отделения себя от него, тем более презрения и ненависти. А полное изменение смысла первой строки — «сильный герой» вместо «вечно юного сна» — звучит очевидным подтверждением язвительно-ироничного мнения А. Карлгрена о стихах К.Д. Бальмонта, опубликованных около 1900 г.

²³ «Книга Бальмонта “Горящие города” вышла в 1900 г. Начиная со 2-го издания в качестве предисловия помещены: 1) “Из записной книжки” (3.IX 1899); 2) Стихотворение “Мои враги” (датировано 14.VIII 1903); 3) “Из записной книжки” (3.I 1904)», — сообщает комментарий в [Бальмонт 2010, т. 4, с. 394]. Прочитав первое предисловие: «...я показал, что может сделать с русским стихом поэт, любящий музыку <...> пусть и те и другие увидят теперь, умею ли я ковать железо и закалять сталь» [Там же, с. 204].

²⁴ Цитатой из этого стихотворения завершает, по сути, свой обзор С.А. Венгеров. Однако те высокие оценки, которые русский литературовед в финале своей энциклопедической статьи расточает Бальмонту, Карлгрен оставляет без внимания.

²⁵ Russische Lyrik der Gegenwart / Deutsch von Alexander Eliasberg. Mit einer Einleitung und vier Bildnissen. München; Leipzig: R. Piper, 1907.

Рассмотрение «доминирующих мотивов» в стихотворениях Бальмонта из его «сильнейших поэтических сборников» создает у шведского слависта «впечатление, что поэт — лишь несамостоятельный подражатель французской декадентской поэзии и одновременно громогласный вития, великий только в искусстве выставить себя на посмеище». Карлгрен добавляет, что подобное мнение озвучивали и «влиятельные голоса русской литературной критики»; впрочем, имен он не называет и библиографических отсылок не дает²⁶. И неожиданно заявляет, что Бальмонта нельзя судить по общей привычной мерке.

Эффектный пуант в экспертном заключении для Нобелевского комитета! Бóльшая часть очерка была пронизана насмешкой над русским поэтом, так что, может статься, не все шведские академики захотели дальше читать об этом несерьезном кандидате. Возможно, конечно, что в процессе написания этого грешащего односторонностью отзыва Антон Карлгрен поменял свое отношение к стихам Бальмонта. Вероятно и другое: отзыв заведомо был задуман как отрицательный — каковым, безусловно, первая его половина и является. Какой бы ни стала вторая половина очерка, те, кому он был предназначен, — члены Нобелевского комитета, которым предстояло прочесть за полгода огромное количество произведений разных писателей, не говоря уже об экспертных заключениях, — после знакомства с двумя немецкими переложениями русских оригиналов могли со спокойной совестью завершить чтение, сделав неутешительный для Бальмонта вывод. Более дотошным предстояло узнать следующее.

Вопреки явному западному влиянию поэзия Бальмонта — «подлинно русское явление»: «Сверхчеловек, который выступает в его поэзии, несмотря на сходство в жестах и костюмах, не заимствован у заграничных моделей. Это <...> исконно русское явление, дитя того времени, которое предшествовало первой русской революции. Это родной брат-близнец босяков Горького: с Горьким Бальмонт делит заслугу раньше прочих русских писателей схватить и выразить те русские настроения, которые нарастали год за годом и в конечном счете овладели всеми русскими умами, эластичность²⁷, жизнеспособность, независимость, которые нашли выход в 1905 г. в наивном, но впечатляющем бунте против правящих сил старой России». И дальше Карлгрен дает подлинную оценку именно тем стихам Бальмонта, которые страницей ранее высмеивал за хвастливый и наивный эгоцентризм. Теперь это точный и трезвый социально-политический анализ символистской поэзии:

Бальмонт предостерегает против мелких и серых обывателей с их узкими идеями и сморщенными душами, он слагает гимн вольному, освобожденному от всех оков человеку, который берет от жизни всё и объявляет войну всем обвет-

²⁶ Самой жесткой была критика в статье А.А. Блока: после 1905 г. все стихотворные сборники Бальмонта — «это почти исключительно нелепый вздор, просто — галиматья <...>. В лучшем случае это похоже на какой-то бред, в котором, при большом усилии, можно уловить (или придумать) зыбкий, лирический смысл; но в большинстве случаев — это нагромождение слов, то уродливое, то смехотворное. <...> И так не страницами, а печатными листами <...> просто это — словесный разврат, и ничего больше; какое-то отвратительное бесстыдство. И писал это не Бальмонт, а какой-то нахальный декадентский писарь» [Блок 1962, с. 374]. Курсив цитируемого издания. — Т.М.

²⁷ В оригинале — *elasticitet* (эластичность, упругость).

шавшим идеям и принципам, и воплям поэта о разрушениях и горящих зданиях вполне соответствуют, высказанные порой в тех же словах, тирады горьковских босяков, ставшие прелюдией к звукам колокола, который несколько лет спустя возвестил о грянувшей буре первой русской революции. И если рассматривать поэзию Бальмонта с этой точки зрения, ее эксцессы утрачивают большую часть своей нелепости. В качестве исторического документа, иллюстрирующего русскую психологию в критический момент в истории российской интеллигенции, эта поразительная по силе поэзия заслуживает серьезного внимания.

И далее, как будто пересматривая всё — тогда зачем? — сказанное в первой части своего очерка, А. Карлгрен дает новую оценку поэзии Бальмонта. Как версификатора он называет его «первопроходцем» и уверяет, что сверхвысокая самооценка поэта отнюдь не является завышенной, поскольку его «формальное мастерство непревзойденно» в русском стихотворстве, и отрицать этого не смеют даже его «заклятые враги», а критика признает, что Бальмонт совершил в русском стихе переворот столь же «эпохальный», как и Пушкин за сто лет до него.

Среди достижений Бальмонта-поэта названы замечательное владение стихом, «нигилистическое презрение ко всем его старым красотам», овладение новыми, уже не заемными «экстраординарными и эксцентричными формами», «реформирование русского поэтического стиля». При этом Бальмонт избегает «порчи старых поэтических форм», он действует «тактично и деликатно» и «наполняет их новой красотой». Оставив «эксперименты со свободным стихом по заграничному образцу», Бальмонт

...строго и благочестиво до святости соблюдает правила классического русского стихосложения и, выступая новатором, созидает только по уже существующим принципам.

В каждом стихотворении он скрупулезно следует избранной поэтической мере, так что даже самый придирчивый педант укажет на едва ли один случай небрежности в размере или своевольной рифмы. И, несмотря на этот консерватизм, он далеко опережает даже величайших стихотворцев среди своих предшественников. Нет других поэтов до него, кому бы так подвластен был русский язык: у Бальмонта он проявляется столь богатым и утонченным, как ни у кого другого, и при этом прекрасно себя чувствует при любом ритме и размере; он <язык> никогда не подвергается ни малейшему насилию, даже когда его втискивают в труднейшую и изощреннейшую из метрических схем. И никто до него не писал таких звучных стихов. Его стихи — музыка, чья тональность меняется в зависимости от настроений, которые владеют поэтом. Некоторые из его стихотворений — это чистая живопись звуком, и один русско-немецкий критик²⁸

²⁸ Речь, скорее всего, идет об Артуре Лютере (Luther; 1876–1955): «В 1899 году начинается его постоянное сотрудничество с новым журналом „Das literarische Echo“ („Литературное эхо“), которому Лютер сохранял верность вплоть до его закрытия в 1942 году (журнал к тому времени назывался „Die Literatur“), — сообщает Клаус Харер. — Со страниц „Литературного эха“ Лютер информировал немецких читателей о новых течениях в русской литературе, о молодых авторах, в том числе — символистского лагеря. Лютер был первым (точнее, одним из первых), кто обратил внимание немцев на таких русских поэтов, как Брюсов, Бальмонт и Блок» [Харер 2004]. Немецкий исследователь указывает и на первую публикацию Лютера о Бальмонте на немецком языке — в литературном приложении „Montagsblatt“ к „St. Petersburger Zeitung“

утверждает, что иностранец, который не понимает ни слова по-русски, в любом случае сможет наслаждаться этими стихами и безо всякого толкования понять, где поэт рисует шелест воды, потрескивание костра, рев бури. Это исключительное формальное мастерство, несомненно, всегда перевесит все его слабые и смешные стороны; удивительно, что, читая стихи Бальмонта, часто забываешь, безо всякого ущерба для общего впечатления, их смысл и вместо этого наслаждаешься языком, благозвучием тонов и ритмов.

На этом, собственно, краткая позитивная часть очерка и завершается. Благозвучность поэтической речи, отмечает далее Карлгрен, станет единственным «опорным элементом» поэзии Бальмонта, вдохновение его иссякнет, и как с поэтом с ним будет «практически покончено». Теперь он сосредоточится на «выдувании мыльных пузырей», овладев мастерством делать их «радужно-прекрасными». Карлгрен не упускает возможности одновременно задеть Горького, проводя параллель между двумя — казалось бы — столь несхожими русскими литераторами рубежа XIX–XX вв.: захотев стать «певцом революции», Бальмонт теряет свое художественное мастерство, подобно тому как Горький, позабыв о своих босяках, начинает писать «длинные романы, правомерно пропагандирующие партийную программу».

Заметим, что Горький совсем не чувствовал в это время близости с Бальмонтом, напротив, был недоволен его эвфонической виртуозностью, заслоняющей в стихах злобу дня, и все ожидал, когда поэт оставит «маленькие колокола» и зазвонит «в большие» [Примочкина 2007, с. 11]. Современные исследователи не готовы видеть пропасть между двумя названными русскими писателями, утверждая: «Горький высоко ценил революционные стихи Бальмонта. В статье “По поводу” (Новая жизнь. 1905. 16 ноября²⁹), отмечая “чистый восторг поэта”, искреннее увлечение революцией, он защищал его от “мещан”, которые “не способны понять поэта”³⁰. По инициативе Горького 12 стихотворений Бальмонта были собраны в отдельную книжку “Стихотворения” и в начале 1906 года изданы в “Дешевой библиотеке” издательства “Знание” огромным по тому времени тиражом — 21 тысяча экземпляров. Сборник был тут же конфискован за революционное содержание. Однако революционность Бальмонта на самом деле решительно отличалась от горьковской, была родственна его природной стихийности. В отличие от Горького Бальмонт не был человеком партии, выступал как “революционер духа”, свободный писатель» [Куприяновский, Молчанова 2014, с. 147].

25 декабря 1906 г. / 7 января 1907 г. (№ 162. S. 197–198). У А. Лютера и К. Бальмонта был и общий друг, Георг Бахман. В начале своего экспертного обзора А. Карлгрен отсылает к немецкому «Литературному эху».

²⁹ Номинальным издателем этой пробольшевистской газеты значилась М.Ф. Андреева, редактором сначала выступил поэт-символист Н.М. Минский, а с 10 ноября и до дня закрытия газеты, 3 декабря 1905 г., ее редактором был В.И. Ленин; среди участников были объявлены — помимо М. Горького, разумеется, — Л. Андреев, К. Бальмонт, И. Бунин, Е. Чириков, Н. Тэффи. Бальмонт напечатал там стихотворения «Русскому рабочему», «Поэт — рабочему» («Я поэт и был поэт...»), «Начистоту» и «Мещане». Замечательно пророчество Бальмонта в одном из стихотворений: «Вас сметут!»

³⁰ Напомним, забегаая вперед, что в 1928 г. Бальмонт назвал свою юбилейную статью «Мещанин Пешков. По псевдониmu Горький» (Сегодня. 23 марта 1928 г.).

О сборнике «Литургия красоты. Стихийные гимны» (М.: Гриф, 1905) Карлгрен заявляет, что он «переполнен сильными словами — столь сильными, что поэту на долгие годы была закрыта возможность возвращения в Россию» (речь идет о семилетней первой эмиграции К.Д. Бальмонта³¹). Но во всем прочем это «крайне слабые» вирши, являющиеся не чем иным, как «наибанальнейшими революционными лозунгами и агитками». Правда и то, что выступление Бальмонта в роли революционного поэта вовсе не соответствовало логике его творческого развития. Субъективизм ранней лирики Бальмонта, безусловно, отражал психологию русской интеллигенции накануне первой русской революции, но чистым популизмом кажутся гимны первых месяцев революции, когда он «вместо голубых миров воспекает красный стяг». Не нужно быть стиховедом и знатоком русского языка, чтобы заметить, как откровенно плохи стихи Бальмонта, написанные о рабочих и обращенные к рабочим. А. Карлгрен дает этому резкому снижению качества поэзии свое объяснение: «Это слишком низкий регистр для его голоса. Его сфера — мир субъективных переживаний, и когда он вместо этого решил говорить от имени народных масс и стать выразителем их конкретных политических и социальных требований, он не мог не потерпеть фиаско».

«Ложный пафос», которым наполнены «пролетарские» стихи Бальмонта, поэт пытается скрыть, «возвышая голос до настоящего рева, и те эксцессы, которые всегда были характерны для его стихов, теперь делают их просто смешными». Однако выход Бальмонта на «политическую арену» оказался весьма недолгим, и в прочих своих стихах он остается по-прежнему «эгоцентрическим лириком». Но никакой художественной эволюции не произошло, а «сервированные» вновь, «те же темы, те же приемы, те же мысли» утратили прежнюю свежесть:

В сотый и тысячный раз он закликает, что он свободен и смел, велик и силен, что для него нет различий между правым и неправым, между белым и черным, и что он всем своим существом провозглашает наслаждение жизнью во всей ее полноте и т. д., и т. д., — с неутомимой радостной энергией музицирующего он без конца твердит свои старые мелодии, пока читатель наконец не догадывается, что в музыке этой так же мало вдохновения, как в почтенных гаммах и арпеджио. Иногда он как будто подозревает, что его трудно принять всерьез, и тогда он крепче натягивает струны и бряцает по ним с удвоенной силой, и чем пронзительнее становятся звуки, тем более механической и безжизненной кажется музыка.

Между тем Бальмонт продолжает неукротимо писать и печататься, и его очередную поэтическую книгу шведский славист оценивает как «лишенную и луча

³¹ «В ночь с 31 декабря 1905 года на 1 января 1906 года Бальмонт с семьей выехал во Францию. Выхал спешно, так как над ним нависла реальная угроза ареста: после подавления Декабрьского вооруженного восстания на московских улицах были развешаны портреты подстрекателей к бунту, среди них портреты Горького, Андреева, Чирикова, других писателей, в том числе Бальмонта» [Куприяновский, Молчанова 2014, с. 152]. Обосновавшись сначала в Бельгии, позже во Франции, Бальмонт посвятил эти годы вне России путешествиям, переводам, общению с европейскими литераторами, однако нового поэтического взлета не случилось.

солнца, и отзвука прежних песен», хотя она состоит из стихотворений, «нарезанных прямо из сборника “Будем как солнце”»³². Однако это «Собрание стихов» в его втором издании (М., 1908) только упомянуто. Следующий раздел своего обзорного очерка Антон Карлгрен посвящает поэтическим произведениям Бальмонта, вдохновленным фольклором разных стран. Как и Бальмонт, шведский славист начинает с былин из сборника «Жар-птица» («Жар-птица. Свирель славянина». М.: Скорпион, 1907), где они переработаны «на современный лад». Напомним, что это была эпоха, когда фольклор только начали «собирать», и очевидно знакомый с какими-то записями русских былин шведский славист отмечает, что эти эпические песни в их традиционной форме кажутся «в высшей степени полезными и интересными». Их стиль он оценивает чрезвычайно высоко, хотя все отмеченные черты, от языковой архаики и отсутствия рифм до замедленной монотонности повествования, обуславливающей его торжественность и величие, присущи всякому народному эпосу. Бальмонт, по мнению Карлгрена, берется модернизировать совершенно не подходящий его дарованию жанр и, отказываясь от величественной простоты и чистоты древнего эпоса, «обшивает его всяческими кружавчиками: сверхсовременно звучащие слова из словаря поэта, множество вопиюще не соответствующих былинному стилю отвлеченных понятий собственного производства и, в качестве завершающей приправы, набор из ненужных комментариев и заимствованных философских умствований». Русская критика в лице В.Я. Брюсова тот же счет «былинам» Бальмонта предъявила за полтора десятилетия до очерка Карлгрена. Всегда самостоятельный в суждениях, Карлгрен волен опираться на любые литературно-критические отзывы о писателях, «экспертом» творчества которых он выступает. И все же невозможно отказаться от выписки из рецензии Брюсова: «Наконец, надо сказать, что Бальмонт не сделал и меньшего из того, что должен был сделать: не сумел перенять мирозерцания старой, былинной Руси. Искжая стих былин, искажая их фабулы, поэт все-таки мог быть верным духу народной поэзии... Но Бальмонт постоянно нарушает его разными неуместными выходками, характерными “бальмонтизмами”. Вся “Жар-птица” представляет собою какую-то чересполосицу, где стихи, перенятые из старины, мучительно, дисгармонически чередуются со стихами ультрамодернистическими» [Брюсов 1975, с. 273]. В приведенной выше цитате из отзыва А. Карлгрена характеристика поэтического языка Бальмонта при его обращении к былинам кажется также почерпнутой у Брюсова при полной с ним солидарности: Бальмонту удалось сделать все, подытоживает эксперт, чтобы «испортить простое и глубоко содержательное творение народной поэзии», и все потуги русского поэта модернизировать былинный жанр больше всего напоминают глупую шутку «перевести “Илиаду” александрийским стихом и заставить ее героев выражаться языком французских салонов».

От былин — к «хлыстам», к хлыстовским «странным радениям и духовным распевам» из сборника «Зеленый вертоград (Слова поцелуйные)» (СПб.: Шиповник, 1909), переложенным «современным рифмованным стихом». Объяснив

³² Автор комментариев к стихотворениям Бальмонта, В.Ф. Марков, опровергает расхожее мнение: «Любимое утверждение критиков, что Бальмонт повторяется, — легенда для маленьких детей» [Markov 1992, s. VII].

вкратце шведским академиком, что такое хлыстовство, и не забыв упомянуть Распутина, в молодости входившего в эту секту, Карлгрен замечает, что «экстатическая поэзия» хлыстов и до Бальмонта привлекала внимание русских писателей, особенно «склонных к постижению душевного мистицизма». Но, как и в случае с былинами, шведского слависта смущает насилие Бальмонта над оригинальным стихом «распевов», словно «единственная задача поэта — придать ему благозвучности, снабдить регулярным размером и точной рифмой». Не соглашаясь с «русскими знатоками», полагающими, что Бальмонт удачно справился с переложением хлыстовских стихов (и это вновь, разумеется, В. Брюсов)³³, Карлгрен видит в «переделке примитивной поэзии» лишь ее несомненную «порчу». С Брюсовым вполне Карлгрен соглашается только в том, что «в книге есть немало неудачных стихов, строф и целых стихотворений», но из приведенных русским критиком «выражений... слишком изыскан<ных> для народной поэзии» («вне сцеплений слова», «опрокинутость зеркал», «шепоты столетий»), приводит только одно — настолько это «истинный Бальмонт»: «жемчужности зари». И категорически вопреки доброжелательному заключению Брюсова Карлгрен заявляет, что книга из 200 стихотворений, расположенных на 250 страницах, годится лишь для мусорной корзины: «Если кому хочется изучать распевы хлыстов, пусть обращается к оригиналам, а для обычного читателя эта чудовищная поэзия отвратительна даже на фоне обычного бальмонтовского стихоплетства»³⁴.

«Но Бальмонт продолжает». Увы — продолжает безжалостно разбивать в пух и прах его стихотворные опыты и Карлгрен, теряя в наших глазах свое реноме подлинного знатока и ценителя русской литературы и наглядно раскрывая, как сложно оценить именно поэзию на чужом языке. Следуя изложенным выше советам шведского эксперта, и «Подражание Корану» Пушкина — порча священной книги мусульман, интересующимся следует читать первоисточник, а живой отклик поэзии на его мотивы и образы — «пустая затея»? Не удивительно, что после первого нобелевского лауреата по литературе — А. Сюлли-Прюдома, которого европейские интеллектуалы легко читали в оригинале, — поэты так долго оставались обойденными вниманием нобелевского жюри. Замечательно и желание экс-

³³ А. Карлгрен продолжает опираться на критические разборы поэзии Бальмонта Брюсовым (Статья четвертая. Зеленый вертоград и Хоровод времен), теперь уже полемически, ср.: «И, на сей раз, Бальмонту более или менее удастся его замысел: чужое творчество повторяется, отражается в его поэзии, как “небо в реке убегающей” <...>. В “Зеленом вертограде” Бальмонт хотел воссоздать песни наших раскольников, именно “распевцы” так называемых “хлыстов” или “людей божьих”. <...> Стихи “Зеленого вертограда” довольно тесно связаны с текстом отдельных “распевцев”, порой повторяя целые выражения из них. Но, разумеется, Бальмонт внес в эту поэзию не мало своего индивидуального. Он не был только пересказчиком чужих стихов, но творил заново, по существующим образцам, как творили и слагатели подлинных “распевцев”. Особенно ясно сказалось это в форме стихотворений. Бальмонт не сохранил стиха раскольниковых песен, далеко не всегда рифмованного, вовсе не строго размерного, основанного более на равновесии образов (как и стих наших народных песен), чем на счете ударений. Но, замыкая те же темы в правильно ритмические строки, Бальмонт сумел сохранить характерные движения стиха “распевцев”, и это открыло ему целый ряд совершенно новых, впервые звучащих по-русски размеров. Вообще, с точки зрения техники, “Вертоград” дает едва ли не больше, чем другие книги Бальмонта, который часто, даже в лучших своих созданиях, довольствовался, так сказать, готовой, много раз испытанной формой» [Брюсов 1975, с. 277–278].

³⁴ См. также [Молчанова 2006].

перта-слависта высказать именно собственную оценку, а не перевести, скажем, те же отзывы Брюсова — критические разборы при верном осознании глубинных процессов в движении родной поэзии и понимании ее подлинных достижений и падений. А. Карлгрен перестает сдерживаться, и завершение его экспертного очерка не лишено шутовства. На этот раз объектом насмешек становится сборник «Зовы древности. Гимны, песни и замыслы древних» (Пб., 1908; Берлин, 1923). Эксперт ерничает: «Приходит черед народной поэзии других стран. Он собирает гимны, оды, баллады и афоризмы из младенчества всех мыслимых народов, древних богов из Египта, Ассирии, Китая, Перу, Мексики, Бретани и т. д., и т. п., и из всего лепит он по одному образцу модернистские бальмонтские стихи (угроза сходной процедуры для скандинавской Эдды еще не настала)». Особенно «убийственным» Карлгрен считает использование Бальмонтом экзотичнейших имен, среди которых преобладают имена американских индейцев, и подыскивание к ним русских рифм. Никаким сверхъестественным испытаниям Бальмонт русский язык при этом не подвергает, а рифмы находит простейшие, действительно соответствующие наивному мировосприятию «на заре человечества», ср.: Кветцаль — даль, Тлаксотлан — ран или, например, начало стихотворения «Песнь бога цветов» из раздела «Мексика»: «Где пляшут, танцуют, поет там Кветцалькокскокстли. // Расцветная птица ликует, лучи снизошли».

Но эти примеры подобрали мы сами, Карлгрен же словно решил уничтожить Бальмонта-поэта и потому допускает откровенные передержки и даже прямой подлог. Так, нобелевский эксперт утверждает: «Иногда, впрочем, он так заворочен сей экзотической красотой, что не находит в русском языке возможностей передать ее и начинает изъясняться с помощью языкового звукоподражания. Он пишет: “Йянтата, айяо, айяве, // Оайяве, айяв, тилили”, после чего идет несколько строф порусски, а стихотворение завершается так: “Йянтата, айяо, айяве, // Оайяве, айяв, тилили”. Здесь стремление к благозвучности стиха и презрение к здравому смыслу доведены до крайней точки». Стоило бы, прежде чем ошарашивать подобными выдержками читателей (членов Нобелевского комитета), привести эти «несколько» — на самом деле их 11 — строф из стихотворения «Песнь бога обновленных полей» (также из «мексиканского» раздела сборника). Стремление к благозвучию свойственно этому гимну весне и возрождению в целом, и только процитированный выше припев после некоторых строф (кстати, отнюдь не финальный) является эвфоническим экспериментом. Сами же стихи и благозвучны, и благоуханны, и свежи, как древний мир на экзотическом континенте, который поэтическими средствами пытается возродить русский поэт: «Цветок, мое сердце, раскрылся...» [Бальмонт 2010, т. 1, с. 167–169]. Карлгрен предпочел проигнорировать и важное предисловие Бальмонта к этому сборнику: «Мы, Русские поэты текущих дней, — а только в России существует сейчас кипенье настоящего творчества, — создадим великую звездность в области Русского Поэтического Слова, и наши творческо-литературные переживания будут страницами в книге, чье имя — художественность мысли, чьи имена — искание жемчуга, возженье светильников, воссоздание забытого, исторгание из темных глубин, скрытых в них, тайных кладов. <...> Я, говорящий, сроднился издавна с замыслами древних Космогоний...» [Там же, с. 143].

«Золотые перья» и «алые туманы» древних космогоний оказались неверным путем к Нобелевской премии. Последний, седьмой раздел экспертного отзыва составляют всего полсотни строк узкого газетного столбца, куда укладывается творчество русского поэта за полтора десятка лет, отклик на его стихи послереволюционных и эмигрантских лет. От «заигранных старых мотивов» Бальмонт еще раз обращается к российской действительности, и Карлгрен вновь не удерживается от язвительной насмешки, замечая, что, как и революция 1905 г., революция 1917 г. «слишком мала для его боевых песен». Впрочем, «на сей раз они не революционные, а антиреволюционные». И вновь, как некогда, поэту приходится публиковать свои стихи за границей, вновь его позиция по отношению к революции предопределяет его изгнание. Последний сборник стихов, рассмотренный в экспертном очерке, — «Марево» (Париж, 1922), тогда как другие поэтические книги 1910-х гг., появившиеся в Москве, Берлине и даже Стокгольме («Гамаюн» вышел в 1921 г. в издательстве «Северные огни»), эксперт проигнорировал. Русская революция, замечает шведский славист, исторгает у Бальмонта «взрыв дикого исступления». Однако если в 1917 г. излишний пафос вызывал известные сомнения в искренности поэта, то «теперь нет сомнений, что его чувства по-настоящему искренни и глубоки». Стихи, между тем, по мнению Карлгрена, — такого же уровня, как в «Песнях мстителя» (1907), «если не ниже»³⁵. Это «то же поверхностное и избитое представление о вещах, которые его окружают, или, точнее, которые он видит теперь на расстоянии».

Фрагментарные цитаты, которые приводит Карлгрен, настораживают — ни о засевших в Кремле гнусных большевиках, ни об «убийстве убийц» в «Марево», откровенно проникнутом библейской образностью, нет ни слова. Что цитирует эксперт? Но он уверяет, что это типичный «жаргон русской эмиграции, переложенный наивным прозаическим стихом»: «Да и его изысканный язык опустился и одичал, он разит противника всеми мыслимыми ругательствами и макает перо прямо в уличную грязь». Оспорить невозможно — написано почти сто лет назад. Эмигранты сразу поняли — Европа их не слышит, не слушает, и «<p>ервая эмигрантская книга К.Д. Бальмонта не содержит в себе оптимистического заряда» [Молчанова 1999, с. 86]: «Красное зарево зыбится там, / Белое зарево тут... / У меня в моих протянутых руках / Лишь крутящийся дорожный прах» (стихотворение «Сон»). В любом случае, в планы Нобелевского комитета не входит осмысление русской трагедии, даже через ее поэтическое преломление у поэта со столь неоднозначной творческой судьбой. В заключительном пассаже своего экспертного очерка А. Карлгрен выступает уже не в роли университетского профессора, а как безжалостный газетный публицист. Не стоит, впрочем, думать, будто он настроен пробольшевистски, — Горький, о трудах и днях которого он пишет параллельный отзыв, для него столь же неприемлем своей активной пробольшевистской позицией. Кстати, о параллелизме путей двух писателей А. Карлгрен к финалу своего «бальмонтоведческого» труда (звучащего скорее contra, нежели pro) забывает. Ромену Роллану не удалось примирить непримиримых представителей рас-

³⁵ О первом поэтическом сборнике К.Д. Бальмонта, выпущенном в эмиграции, современные исследователи склонны судить гораздо более взвешенно; см., например, анализ стихотворения «Марево» в [Молчанова 1999; 2002; Петрова 2014].

коловшего русского мира на нобелевских подмостках, а всего через пять лет все четверо — французский нобелевский лауреат 1915 г. Роллан, эмигранты Бунин и Бальмонт и переживавший временное расхождение с большевиками каприйский затворник Горький — оказались участниками жесткой — очной и заочной (эпистолярной) — полемики (см., например, [Куприяновский 1998]).

По законам кольцевой композиции экспертный очерк А. Карлгрена завершается отсылкой к самопризнанию поэта: «Бальмонт пишет свои стихи, как он сам говорит, исковерканной рукой»³⁶. Красноречивый образ, характеризующий современную лирику поэта. От излучающей мощь фигуры, двадцать лет назад дебютировавшей на русском Парнасе, не осталось ничего, кроме расслабленного инвалида». Тяжелый приговор, но вынесенный задолго до шведского слависта, кажется, и всеми недавними соратниками по Парнасу; как сформулировал это А.А. Блок — «есть замечательный русский поэт Бальмонт, а нового поэта Бальмонта больше нет» [Блок 1962, с. 375]. После революции символистам на многое пришлось смотреть другими глазами, в том числе на собственные поэтические свершения. В новой России и за ее пределами изменилась русская литература — и радикально модифицировалась ее рецепция в мире, неизменно обусловленная политическими соображениями. «Один. Один. В бесчасьи. На черте», — сокрушается Бальмонт в революционном «мареве». — «С кем мне говорить?» Незамеченным остается в скомканном, каком-то обкорнанном к концу обзоре Карлгрена излюбленный бальмонтовский мотив: «Красное зарево зыбится там, / Белое марево тут. / Как же найти мне дорогу к цветам?»

В финальном протоколе Нобелевского комитета за 1923 г. записи о трех русских писателях следуют одна за другой, кандидатуру Бальмонта обсуждают между дискуссиями о творчестве Бунина и Горького. «Константин Бальмонт представляет — или был в дореволюционном мире — контрастом к Бунину. В поэтическом восторженном экстазе, безграничный и всеохватный, он опьянен до пресыщения всем, что он может найти и воплотить, он слагает звучные, горящие»³⁷ стихи, тогда как первый, из уныния и мизантропии, создает сухую прозу в серых тонах. В формальном отношении это весьма причудливые стихи (французские переводы, как обычно, не дают представления об оригинале); но их содержание вряд ли может оказаться приятным для людей, которые не принимают Бальмонта с его натурой саламандры, как, в частности, нижеподписавшиеся <члены Нобелевского комитета>, с безразличностью относящиеся к кровавым привычкам» [Nobelpriset 2001, s. 42]. Вне всяких сомнений, умелый подбор вырванных из контекста стихотворных цитат в обзоре Карлгрена, от «тигровых страстей» и желания быть «палачом» до нескольких едва ли не выдуманных «антибольшевистских ругательств» из первого сборника периода эмиграции, должным образом впечатлил шведских академиков. И они подтверждают: «Кроме того, можно сослаться на весьма обсто-

³⁶ После неудачной попытки самоубийства в 1890 г. поэт оказался сильно изувечен, навсегда остался хромым, у него плохо действовала правая рука, в которой от напряжения воспалялся нерв, так что приходилось порой писать левой, здоровой рукой.

³⁷ Определение *brennande* использовано с прямой отсылкой к названию сборника Бальмонта «Горящие здания» по-шведски.

ательный экспертный обзор». Однако в протоколе отразилось и личное знакомство членов Нобелевского комитета с доступными сочинениями русского поэта: «Путевые очерки <Бальмонта>, доступные во французском переводе, дают представление о его значительном даре в создании красочных описаний и передаче чувств, более понятных, чем те, которыми отличаются его стихи, но человечески привлекательными никакие из его произведений не являются» [Ibid., s. 43].

Не стоит упрекать в схематизме это финальное заключение. Нобелевский комитет — национальная институция, и, значит, проблема восприятия литературы, созданной на языках мира, остается неизменной. Экспертные обзоры, как красноречиво свидетельствует очерк А. Карлгрена о Бальмонте, несут на себе слишком очевидную печать субъективной интерпретации. И кстати, суждение академиков о Бальмонте, хотя слегка и окрашено ироничностью по отношению к его поэтической «кровожадности», гораздо сочувственнее, чем слова о противопоставленном ему Бунине. Проза Бунина показалась просто серой и скучной — а ведь всего через десять лет шведские академики назовут его нобелевским лауреатом. Судьба К.Д. Бальмонта в эмиграции была трудной, завершившейся долгой душевной болезнью, затяжная борьба писателей русского зарубежья за Нобелевскую премию стала бы ему не по силам. Между тем в 1920–30-е гг. в европейских журналах («Poetry», «Europe», «Slavonic Review», «Revue des études slaves», «Slavonic and East European Review») появляются публикации о поэте, переводы его стихов. М.О. Цетлин верно оценил наследие Бальмонта, полагая, что сделанного им хватило бы на целую литературу небольшого народа. Однако и в большой русской литературе Бальмонту принадлежит весьма почетное место.

Ни одной книги Бальмонта в переводе на шведский язык до сих пор не появилось³⁸.

Поэтическая формула «Будем как Солнце» ошеломляет и поныне. Но что это значит? Так гореть? Так светить? Так сжигать себя и возрождаться, сгорая? Нобелевский комитет нашел для поэтической личности Бальмонта свое определение — стихийный дух огня, «саламандра по натуре».

II

НОБЕЛЕВСКОЕ ДЕЛО Н.А. БЕРДЯЕВА В АРХИВЕ ШВЕДСКОЙ АКАДЕМИИ³⁹

Наш герой принадлежит к плеяде русских гениев XX столетия. Его философское наследие до сих пор вызывает горячие споры и является предметом неосла-

³⁸ Исключение составляют несколько стихотворений в сборниках [Hemmer 1922; Rysk poesi 1972]. Из русских поэтов, помимо К. Бальмонта, Ярл Хеммер включил в свой сборник стихи Лермонтова, Фета, Надсона, Брюсова и Северянина.

³⁹ Пользуемся случаем еще раз выразить признательность Мадлен Энгстрём Бруберг (Engström Broberg), оперативно приславшей нам отсканированные копии недостающего (и самого пространного) источника, а также поблагодарить кандидата философских наук Николая Герасимова, консультировавшего нас по философскому наследию Бердяева и истории философской мысли XX в. при написании этой части работы.

бевающего изучения. Без отсылки к его трудам не обходится, наверное, ни одно исследование, посвященное историческим судьбам России. Нобелевский комитет по литературе, однако, отверг кандидатуру блестящего представителя эпохи расцвета русской философской мысли. Архивные документы, которые проливают свет на это решение шведских академиков, позволяют не только узнать, как развивалась история с номинацией и обсуждением кандидатуры русского философа в нобелевском закулисье, но и добавить новые черты к осмыслению восприятия и интерпретации его нетривиальных идей европейскими интеллектуалами.

Николай Александрович Бердяев (1874–1948) уже в начале века проявил себя как яркий мыслитель, прошедший путь от марксизма к идеализму, и как противник революционных потрясений. Один из авторов сборников «Вехи» (1909) и «Из глубины» (1918), участник Союза освобождения и Религиозно-философского общества в Москве, основатель Вольной академии духовной культуры (1919–1922), после революции он был дважды арестован, а в 1922 г. выслан из страны. Сначала Бердяев остановился в Берлине, где познакомился с немецкими философами и с трудами представителей немецкой философской мысли; в 1924 г. переехал в Париж; последние годы жил в пригороде Парижа Кламаре, там же и похоронен.

В эмиграции Н.А. Бердяев вел интенсивную интеллектуальную и общественную жизнь: сотрудничал с Русским студенческим христианским движением (РСХД), став одним из его главных идеологов, был создателем и редактором (1925–1940) журнала «русской религиозной мысли» «Путь», много публиковался (его перу принадлежат 43 книги и около пятисот статей), поддерживал контакты с крупными европейскими философами (Эммануэлем Мунье, Габриэлем Марселем, Карлом Бартом и др.), организовывал межконфессиональные встречи представителей католической, протестантской и православной религиозно-философской мысли. Эмиграцию Бердяев воспринял как экзистенциальный опыт, когда опорой бытия становится личность человека, и свобода — основополагающим принципом философии. В годы Второй мировой войны у знаменитого мыслителя обостряется чувство родины, заставившее его заявить: «Я не националист, я русский патриот» [Бердяев 1949, с. 292]. Не случайно сразу после войны Н.А. Бердяев выпустил книгу «Русская идея. (Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века)» (Париж, 1946), в которой попытался осмыслить главные русские духовные ценности, раскрыть идею Богочеловечества. Литература о Бердяеве почти необозрима, его философское наследие продолжает быть востребованным, дискуссионным и широко цитируемым.

В 1942–1948 гг. Николай Бердяев был номинирован на Нобелевскую премию. Все номинации принадлежат Альфу Нюману (Nyman; 1884–1968), профессору теоретической философии Лундского университета, члену Королевского гуманитарного научного общества Швеции.

В Европе полыхает война. 1 января 1942 г. 26 государств подписали Декларацию Объединенных наций. Из заметных событий на фронтах в январе, когда шведский философ и психолог впервые берется за перо, чтобы составить обращение в Нобелевский комитет, в историографии Великой Отечественной войны отмечено только одно — освобождение Малоярославца (2 января). Немецкие

войска отжаты от Москвы. Это была громадная победа, первый перелом в ходе мировой войны: в зимних операциях 1942 г. рухнул миф о непобедимости немецкой армии и был сорван план «молниеносной войны». В Северной Африке британская армия нанесла поражение немецко-итальянским войскам, и, хотя в целом по всей линии фронта в Атлантике, на Средиземном море и в Северной Африке инициативой владели вооруженные силы фашистского блока, стала укрепляться антигитлеровская коалиция. Из Швеции в Германию между тем продолжался экспорт необходимой для производства оружия железной руды, что избавляло нейтральную скандинавскую страну от оккупации.

Начало войны, антигитлеровское движение в среде русской эмиграции (у Бердяевых часто собираются Г. Федотов, мать Мария (Скобцова), И. Фондаминский, думают, что «предпринять» в новых условиях⁴⁰) и непрерывная работа мысли Ни (Н.А. Бердяева) отчасти отражены в дневнике жены философа Лидии Юдифовны Бердяевой (1871–1945). Вот запись от 18 ноября 1939 г.: «Меня поражает работоспособность *Ни* (курсив цитируемого издания. — Т.М.). Теперь у него задумано одновременно 3 книги помимо статей и семинара. Недавно я, сидя у него в кабинете, наблюдала, как он в одно и то же время может и писать письмо, и делать заметки в тетрадь к той или иной задуманной книге» [Бердяева 2002, с. 190]. Другая запись, от 15 апреля 1940 г., — собственное признание Н.А. Бердяева: «Я под впечатлением мысли, как-то пронзившей меня. Я вдруг ясно почувствовал себя продолжателем основной русской идеи, выразителями которой являются Толстой, Достоевский, Вл. Соловьев, Чаадаев, Хомяков, Федоров. Основа этой идеи — человечность, вселенскость... И мысль, что я являюсь продолжателем этой русской идеи, меня глубоко радует... Вот сегодня я с какой-то особенной остротой осознал эту свою связь с основной традицией русской литературы» [Там же, с. 199].

Дневниковых записей в 1941–1942 гг. жена философа не вела, или они не сохранились. В 1943 г. примечательна следующая запись от 8 октября: «За завтраком *Ни* сказал нам: “Сегодня я окончил мою новую книгу *Русская идея*”» ([Там же, с. 204], курсив цитируемого издания. — Т.М.). Через неделю, 16 октября, Бердяев прочел домашним оглавление будущей книги — первая глава о «кризисе христианства», «главы о страдании, о страхе, о Боге, о бессмертии» [Там же]. Затем начата и завершена в январе 1945 г. новая книга. К этому же времени относится еще одно знаменательное признание философа: «Какая у меня сильная, неугасимая жажда познания! Многие устают от познания, а я нет. Мне хочется знать все больше и больше» [Там же]. В годы войны философом было написано пять книг: «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» (1940, изд. 1949); «Творчество и объективация (Опыт эсхатологической метафизики)» (1941, изд. 1947); «Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого» (1944–1945; изд. на фр. яз. 1947, на рус. яз. 1952); «Русская идея (Основные проблемы русской мыс-

⁴⁰ Л.Ю. Бердяева приводит слова Г.П. Федотова: «“Всякий раз, как наступают важные события, — все стремятся к Бердяевым. Это — главный штаб!” И это верно. Я много раз это замечала. Все как-то чувствуют, что у нас могут поговорить о том, что всех волнует, в атмосфере доверия и свободы. Оживленная беседа» [Бердяева 2002, с. 200].

ли XIX века и начала XX века)» (1946); «Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения» (1946–1947; на рус. яз. впервые 1996).

«Сороковые годы были чрезвычайно тяжелыми для Бердяевых: война, немецкая оккупация Франции, нехватка топлива и продовольствия, преклонный возраст, болезни, серьезная операция, перенесенная Николаем Александровичем в 1942 году, гибель одних друзей, разлука с другими», — пишет Е.В. Бронникова, публикатор дневников Л.Ю. Бердяевой [Бердяева 2002, с. 20–21]. В 1945 г. она сама серьезно заболела и в том же году скончалась. В одной из записей военных лет верная подруга русского мыслителя размышляет: «Странно думать, что мы переживаем время, о кот<ором> позже (если это время не последнее!) будут писать как о чем-то небывалом, грандиозном, впервые в истории происходившем, а вот мы сидим за столом, обедаем, светит солнце, жизнь идет себе, будто так все и должно быть...» [Там же, с. 201]. Но именно так проходили военные годы в нейтральной Швеции: светило солнце, шел дождь, шла жизнь.

Альф Нюман с самого начала своей научной карьеры колебался между философией и психологией. Его первая книга (1915) была посвящена «биологии познания» Рихарда Авенариуса (Avenarius), основоположника эмпириокритицизма, чьим главным трудом, кстати, считается книга «О предмете психологии» (1894–1895). Среди прочего плодотворно и разнообразно работавший А. Нюман издавал избранные сочинения И. Канта («Тезисы о праве и мире», 1915)⁴¹, выпустил биографию этого немецкого мыслителя («Путь Канта», с приложением отрывков из «Критики чистого разума» в переводе на шведский язык)⁴² и защитил посвященную Канту диссертацию⁴³. Параллельно с занятиями историософией А. Нюман издал книгу «Психологизм против логизма: главные черты и течения современной логики»⁴⁴. В то время как Николай Бердяев пробует себя на ниве марксизма, обращается к идеализму, обнарудует pro et contra русской революции, оказываясь в конце концов выдворенным из родной страны, Альф Нюман разрабатывает различные стороны физики и метафизики, проводит параллели между Аристотелем и Кантом⁴⁵, а также вносит свой вклад в изучение поэтики литературного произведения⁴⁶. В 1927 г. выходит книга о философах «нового времени» с жанровым подзаголовком «исследования и эскизы»⁴⁷, и сразу вслед за ней, в том же лундском издательстве, — книга как будто другого ученого с тем же именем, настолько неожиданной кажется тема: «Музыкальный интеллект: очерки и

⁴¹ Kant I. Avhandlingar om fred och rätt / översatta och med en inledning av A. Nyman, Stockholm, 1915.

⁴² Nyman A. Kants väg: en tankebiografi som inledning till förnuftskritiken: jämte valda stycken ur kritiken i översättning. Lund, 1919.

⁴³ Idem. Dissertationens Kant: ett kapitel ur kriticismens utvecklingshistoria. Lund, 1919.

⁴⁴ Idem. Psykologism mot logism: brytningar och strömningar inom den moderna logiken. Stockholm, Bonnier, 1917.

⁴⁵ Idem. Kring antinomierna: Teser och antiteser inom föraristotelisk filosofi. Lund, 1920; Idem. Antinomierna i Aristoteles' Fysik: en Kantparallell. Lund, 1921.

⁴⁶ Idem. Metafor och fiktion: ett bidrag till poetikens teori. Lund, 1922.

⁴⁷ Idem. Nutidstänkande: studier och utkast. Lund: Gleerup, 1927.

наброски»⁴⁸. А между тем А. Нюман долгие годы был музыкальным критиком в газетах «Svenska Dagbladet» и «Sydsvenska Dagblad snellposten».

Исследовательская мысль Альфа Нюмана все время движется в нескольких направлениях: от обзорных историко-философских очерков («От Платона до Эйнштейна»⁴⁹) — к разысканиям в различных областях психологии. В 1929 г. Нюман стал профессором Лундского университета в области теоретической философии и одновременно продолжал заниматься изучением современной психологии; его книга «Новые пути в психологии»⁵⁰ выдержала несколько переизданий, выходила также после войны. Он активно развивает лундскую традицию в области эстетики, осмысляя ее прежде всего с точки зрения музыки. Один из шведских академиков, член Нобелевского комитета в 1921–1937 гг. Хенрик Шюк (Schück) считал основной заслугой А. Нюмана «изгнание снобов-эстетов» из Лундского и Упсальского университетов⁵¹. Нюман сотрудничает и в шведской научной периодике, публикуется в гётеборгском журнале «по философии и психологии» «Теория», пишет предисловие к шведскому изданию Рене Декарта и размышляет о «мудрости» королевы Кристины в брошюре, посвященной ей как «моралисту и знатоку людей»⁵². Не менее активно А. Нюман публикуется и в шведской прессе, объединив в 1935 г. свои газетные заметки в книгу под красноречивым названием «Философски и нефилософски»⁵³.

К 1941 г. относится его исследование «Нацизм, цезаризм⁵⁴, большевизм». В нем шведский философ подвергает беспощадному анализу тоталитарную идеологию, сравнивая ее с паутиной, в иллюзиях или даже во лжи которой может запутаться целая нация. Будучи человеком либеральных убеждений и приветствуя победу демократии над тоталитаризмом, то есть поражение нацистской Германии во Второй мировой войне, он видит не меньшую опасность в распространении массовой культуры. В работе «Образование, элита, масса» (1946)⁵⁵ А. Нюман постулировал необходимость предоставить свободу самобытному гению развиваться по его усмотрению и доказывал потребность современного обезличенного общества в гениальности. Но в этом отношении Нюман оставался пессимистом, не полагаясь на снисходительность массы к подлинному творцу.

В 1942 г., когда почтенный профессор впервые адресовался в Нобелевский комитет, у него вышла работа с любопытным названием: «Таланты и общество: некоторые размышления о наших врожденных духовных способностях и их

⁴⁸ Nyman A. Musikalisk intelligens: uppsatser och snabbteckningar. Lund: Gleerup, 1928.

⁴⁹ Idem. Från Platon till Einstein: studier och utkast. Stockholm: Natur och kultur, 1933.

⁵⁰ Idem. Nya vägar inom psykologien. Stockholm: Norstedt, 1934.

⁵¹ См.: Электронный ресурс «Шведский национальный биографический словарь» («Svenskt biografiskt lexikon») <https://sok.riksarkivet.se/Sbl/Presentation.aspx?id=8489> (дата обращения: 13.06.2016).

⁵² Nyman A. En drottningens visdom: Christina av Sverige som moralist och människokännare. Stockholm, 1942.

⁵³ Idem. Filosofiskt och ofilosofiskt: dagsverken i pressen. Lund, 1935.

⁵⁴ Т. е. итальянский фашизм.

⁵⁵ Nyman A. Bildning, elit, massa. Sju kulturpolitiska kapitel. Stockholm, 1946.

использовании»⁵⁶. Свое обращение в Шведскую академию на имя «Господина Директора» лундский профессор датирует 30 января: если за один день письмо не достигнет по какой-либо причине Стокгольма (хотя что может этому помешать?), то штемпель удостоверит, что оно написано точно в срок, т. е. до 1 февраля. А. Нюман хорошо знаком с правилами выдвижения на Нобелевскую премию и цитирует соответствующие параграфы Устава (Статута) Нобелевского фонда. Хотя на литературную премию право выдвигать имеет профессор-филолог, но Альф Нюман является членом Королевского гуманитарного научного общества, что, возможно, приравнивается к членству в академии; во всяком случае, эта номинация по формальным признакам отвергнута не была. Первое обращение «относительно премии по литературе за этот год» написано Альфом Нюманом от руки яркими синими чернилами; последующие отпечатаны на машинке.

«Если предположить, — пишет шведский историк философии и специалист по психологии, — что Академия ожидает от меня выдвижения кандидата, чьи достижения в философских исследованиях и чье литературно-философское мастерство заслуживают величайшего признания, то я назову имя Николая Бердяева» (и имя это дважды подчеркнуто). А. Нюман считает, что, наряду с Бенедетто Кроче (Croce), «выдающимся итальянским философом и литературоведом, сенатором», русский философ принадлежит к тем, кто прямо соответствует § 1 Устава Нобелевского фонда. В этом параграфе процитированы слова завещания А. Нобеля о достойных премии авторах: «создавшие нечто выдающееся в идеалистическом <идеальном> направлении»⁵⁷. Перечислив те разнообразные области гуманитарного познания, которых Н.А. Бердяев касается в своих многочисленных работах, и причислив русского философа к тому направлению, которое развивалось «от Соловьева через Достоевского к Мережковскому» (несмотря на многолетние номинации оставшемуся без Нобелевской премии и умершему за год до этого) [Марченко 2007, с. 110–195], Альф Нюман подчеркивает, что ему особенно импонирует попытка Бердяева соединить идеи христианского гуманизма с романтическим идеализмом. Восхищает шведского профессора и бердяевский стиль, остро полемичный, пламенный и метафоричный: «<Н>асколько я мог судить по английским, немецким и даже датским переводам, — замечает Нюман, — это стиль подлинного мастера» (последние слова подчеркнуты). Тем не менее Альф Нюман склонен отделять яркую пассионарность от идей «чистого разума», и если он утверждает: «В современной культурной борьбе Николай Бердяев — одна из самых влиятельных, самых страстных личностей» (в оригинале подчеркнуто), — то в продолжении фразы оговаривается, что среди русских мыслителей современности пальму первенства стоит отдать Николаю Лосскому. К числу лучших работ Н.А. Бердяева шведский профессор относит его «анализ собственно славянской жизни и славянской религиозности».

⁵⁶ *Nyman A. Begåvningarna och samhället: några synpunkter på våra andliga naturtillgångar och deras tillvaratagande.* Lund, 1942.

⁵⁷ О формулировке завещания Альфреда Нобеля и о многолетней дискуссии вокруг нее см.: [Марченко 2007, с. 49–52].

Сама номинация на этом заканчивается, но Альф Нюман сопровождает ее тремя приложениями. В первом на двух машинописных страницах изложены на английском языке «жизнь и занятия» Николая Бердяева — этим очерком русский философ сам снабдил своего шведского коллегу «за несколько лет перед тем». Приложения 2 и 3 — это списки «лучших», как они аттестованы в номинации, трудов Бердяева на английском («List of the chief works of N.A. Berdyaev») и немецком («Die letzte Werke Nikolai Berdiajew») языках. Не названо ни одного издания в переводе на шведский (указаны датские издания — Лунд находится на самом юге Швеции, гораздо ближе к Копенгагену, чем к Стокгольму). Английский список содержит лишь названия книг и пометы, на какие из основных европейских языков они переведены. Так, книга «Новое Средневековье» (1924) переведена «на 12 языков». О прочих сочинениях русского философа сказано просто: «Numerous brochures, and articles in Russian and foreign periodicals». После этого еще три работы философа названы по-шведски, также с пометой о переводах на европейские языки. Немецкий список (Приложение 3 в первой номинации) включает в себя подробные библиографические данные приведенных изданий — это перепечатанный на машинке проспект швейцарского издательства «Vita Nova», в котором труды Н.А. Бердяева выходили в немецком переводе Е. Шора⁵⁸. Сообщено о типе обложки (твердый картонный переплет или тонкий бумажный) и указана цена. К последующим номинациям будут прилагаться печатные рекламные буклеты издательства «Vita Nova» с выдержками из газетных откликов. Это эксцерпты из рецензий, традиционно размещаемые вслед за выходными данными и нередко на последней стороне обложки следующего издания книги или новой книги того же автора; большинство рецензий почерпнуто из швейцарских газет. Речь идет по крайней мере о шести работах Н.А. Бердяева: «Христианство и классовая борьба», «О достоинстве христианства и недостоинстве христиан», «Правда и ложь коммунизма», «Смысл и судьба русского коммунизма», «О назначении человека», «Судьба человека в современном мире».

В тексте номинации есть и еще одна отсылка, связанная с Бердяевым. А. Нюман пишет: «В моей книге “Нацизм, цезаризм, большевизм” (Лунд, 1941) некоторые страницы посвящены рассмотрению его философских пророчеств, особенно страницы 190–263, к которым я беру на себя смелость вас отослать. Тем не менее было бы справедливо добавить, что указанное исследование не отдает всей справедливости религиозно-эсхатологическим и эстетическим идеям этого мыслителя, в высшей степени самобытным, но, в соответствии с планом книги, намеренно ограничено лишь рассмотрением ряда актуальных политических и общекультурно-философских мотивов». И наконец, показавшееся важным заключение: «через Швейцарию» Нюману удалось узнать, что «профессор Николай Бердяев находит-

⁵⁸ Шор Евсей Давидович (J. Schor; 1891–1974) — историк русской мысли, искусствовед, журналист; эмигрировал в 1922 г. в Германию (не вернулся из служебной командировки), сблизился с русскими и немецкими философами; в 1934 г. через Италию перебрался в Палестину. Переводчик сочинений В.И. Иванова, Л.И. Шестова, Г.Г. Шпета на немецкий язык, переводил работы Н.А. Бердяева для издательства «Vita Nova» (Люцерн). В том же издательстве вышла его собственная книга «Германия на пути в Дамаск» («Deutschland auf dem Wege nach Damaskus». Luzern, 1934).

ся в настоящий момент во Франции, и вот его адрес: 83, ул. Молэн де Пьер, Клармар, <департамент> Сены».

Поскольку краткое биографическое резюме на английском языке «Николай А. Бердяев» составлено самим русским философом, кажется бесполезным привести здесь полностью Приложение 1. Подчеркивания в машинописном тексте выполнены синими чернилами; ошибки и опiski не исправлены (выполняем это сами, не вмешиваясь в стиль и грамматику изложения):

Nicolas A. Berdyaev.

Born in 1874 in Kiev. Belongs to a family coming from the gentry and having served in the Army. Mother — half-French. High school education received in a military school. Further education received in the Kiev University. In 1898 was arrested for connections with the «social-democrat» party and exiled for three years to the North. In the days of his youth was a Marxist, but never was a materialist, and had always attempted to connect Marxism with the idealistic philosophy of Kant and Fichte. After return from exile, attended lectures in the University of Heidelberg. His first book was «Subjectivism and Individualism in Social Philosophy». In 1904 and 1905 was co-editor (together with the Rev. S. Bulgakov) of the magazine «Problems of Life», which reflected the spiritual trends of the day. Participated in the «Union of Liberation» (Soyuz Osvobojdenia) struggling against the old régime. Was the founder of the Religious Philosophical Society in St. Petersburg. After moving to Moscow, became an active participant of the religious Philosophical Society in memory V. Soloviev. Active participant of discussion meetings with representatives of the popular sects. Was one of the leading representatives of the movement connected with the transferring from idealism to Christianity, and belonged rather to the «left» wing of the movement. In 1914 wrote an article directed against the Synod entitled «The Extinguishers of Light», and was brought to court for trial on a charge which threatened perpetual exile to Siberia. During the Revolution struggled against the materialistic and atheistic spirit of communism. In 1919 founded in Moscow «The Free Academy of Spiritual Culture», of which was President during the three years of its existence, at the end of which period the Academy was closed by the authorities. In 1920 was elected by the Moscow University as professor of philosophy. In 1920 was arrested by the Tcheka but soon released. In 1922 was again arrested, in the autumn of the same year, together with a group of other writers and scientists, was exiled from Russia, on grounds purely ideological and not political. From 1922 to 1924 lived in Berlin and founded there a «Religious-Philosophical Academy». This was possible thanks to the active support of the Young Men's Christian Association. The Academy grouped all the outstanding Christian intellectual Russian leaders abroad. In 1924 moved to Paris where the Academy had been transferred. Since 1925 editor of the magazine «The Way», a periodical of Russian religious thought. Also an <sic!> editorial board of the YMCA-PRESS. Active senior leader in the Russian Student Christian Movement and honorary Member of it. Active participant in a vast number of international Christian conferences, organized by the World's Student Christian Federation, by the Anglo-Russian Fellowship, etc. etc. Addressed such meetings. Takes part in the oecumenical conference of 1937. In the last connection prepared a number of memorandums at the

request of those responsible for it. During the years of exile abroad wrote a number of books of philosophical and sociological problems, giving active defense of the Christian faith. For his book «Esprit et la Liberté» was awarded a prize by the French Academy of Moral and Political Sciences. His books have been translated into most of European languages, some in as many as ten languages.

Обращение 1943 г. датировано 28 января и полностью повторяет текст первого письма Нюмана в Шведскую академию; обращение от 29 января 1944 г. идентично по тексту (только отпечатано на пишущей машинке) и приложениям (на сей раз отпечатанными на бумаге с водяными знаками). 29 января 1945 г. Альф Нюман пишет крупным почерком небольшой текст, занимающий почти целую страницу. Это неизменное обращение к «Господину Директору», повторение первой фразы — собственно номинации на премию — и добавление: «В качестве копии прилагается мое кратко мотивированное предложение от января 1943 г., а также два соответствующих приложения». На отпечатанном на машинке листе (неожиданно выбрана превосходная бумага с водяными знаками) от руки написано: «Копия», и даже дата (28 января 1943 г.) сохранена. Следующее обращение датировано 30 января 1946 г.; из остающегося неизменным текста убраны строки об адресе философа. Приложения становятся более «убористыми»: они больше не пронумерованы, на полутора страницах перепечатана автобиография Н.А. Бердяева, нижняя часть второй страницы занята списком его трудов — это все те же неизменные десять названий, ссылка на «многочисленные» прочие публикации и еще три работы, названные по-шведски и с указанием, на какие языки они переведены. Немецкий список из обращения в Шведскую академию исчезает, хотя ничего крамольного в нем нет, — ведь книги были изданы в Швейцарии, а не в гитлеровской Германии.

Следующее обращение Нюмана в Стокгольм датировано 30 января 1947 г.; в левом верхнем углу карандашом помечено: «поступило 31.I.47». Слово в слово повторяется обращение, написанное за пять лет до того, в последней строке снова появляется адрес философа в Кламаре. Однако перед этим заключительным абзацем такими же яркими синими чернилами, которыми некогда была написана и первая номинация, сделана приписка. Полностью повторив отсылку к своей книге, где, поневоле ограниченные ее тематикой, рассматриваются некоторые идеи Бердяева, А. Нюман на сей раз замечает: «Однако эти идеи довольно подробно разобраны в работе Свена Столпе “Николай Бердяев” (Стокгольм, 1946)»⁵⁹. Книга известного шведского литературоведа и критика, вероятно, стала заметной новинкой минувшего года, если А. Нюман, уже подготовив номинацию (вероятнее всего, заранее отпечатанную на машинке секретарем), решил вписать на полях (!) указание на работу о русском философе. Не удовлетвовавшись этим, он продолжает, пользуясь свободным местом внизу страницы, слева от расположенной по центру подписи: «Следует также добавить, что духовное влияние Бердяева на французскую культурную жизнь непрестанно возрастает. Я могу назвать среди

⁵⁹ *Stolpe S. Nikolaj Berdjajef. Stockholm: Bonniers, 1946.* Свен Столпе (1905–1996) — шведский писатель, литературовед и критик, журналист. Его небольшая работа о Бердяеве вышла в серии «Идея и полемика» («*Idé och debatt*») и была переиздана несколько десятилетий спустя (Borås: Norma, 1983. 161 s.).

прочих книгу Гастона Фессара “Франция, бойся потерять свою Свободу!” (Париж, издательство “Темуаньяж кретьен”, 1946)⁶⁰». Последняя книга, кстати, тоже относится к числу только что изданных.

Финальное обращение в Стокгольм с номинацией Николая Бердяева было подписано Альфом Ньюманом 28 января 1948 г. Текст полностью повторяет самое первое обращение; никаких библиографических добавлений, вписанных в номинацию годом раньше, в этом послании нет. Заметим также, что в приложенном к двум последним номинациям списке избранных трудов Н.А. Бердяева, названных по-английски, три последние позиции, обычно приводимые по-шведски, даны на французском языке. 23 марта 1948 г. русского философа не стало, и, кажется, только это обстоятельство смогло прервать регулярные обращения в Шведскую академию его поклонника из Лунда.

В 1942 г., получив от Альфа Ньюмана первое послание с выдвижением Николая Бердяева на Нобелевскую премию по литературе, Нобелевский комитет, следуя сложившейся практике, поручил написать отзыв о творчестве предложенного кандидата своему присяжному эксперту по славянским литературам, уже известному нам профессору Копенгагенского университета и редактору газеты «Dagens nyheter» Антону Карлгрёну⁶¹.

Выпускник Упсальского университета, публицист, журналист, филолог А. Карлгрён был профессором Копенгагенского университета с 1922 по 1953 г. и писал обзоры по творчеству славянских писателей, представленных на Нобелевскую премию, с 1921 по 1948 г. В молодости, начиная со студенческих лет, Карлгрён неоднократно и подолгу бывал в России; он посылал корреспонденции для «Дагенс нюхетер» и в период между двумя русскими революциями выпустил несколько книг: «Vinterdagar bland ryska bonder» («Зимние дни среди русских крестьян»; Stockholm, 1907) о русско-шведской деревне на Днепре; «Ryssland utan vodka. Studier av det ryska spritförbudet» («Россия без водки. Исследование русского сухого закона»; Stockholm, 1916); «Ryska intervjuer. Studier från världskrigets Ryssland» («Русские интервью. Очерки из воюющей России»; Stockholm, 1916). Через несколько лет после Октябрьской революции была издана книга «Bolsjevikernas Ryssland» («Большевистская Россия»; Stockholm, 1925; вышла в 1926 г. в переводе на датский и финский языки, в 1927 г. — по-английски). В то же время им написаны разделы о России для шведского энциклопедического издания «Всемирная история»⁶²; Карлгрён пишет о русской, польской, чешской литературе и выступает

⁶⁰ Fessard G. France prends garde de perdre ta liberté. P.: Témoignage chrétien, 1946. 313 p. Гастон Фессар (1897–1978) — священник-иезуит, известный французский философ, богослов. В ноябре 1941 г. отец Фессар опубликовал в первом номере редактируемого им журнала «Cahiers de Témoignage chrétien» («Христианское свидетельство») статью «Франция, бойся потерять свою душу» («France, prends garde de perdre ton âme»).

⁶¹ О роли Антона Карлгрёна в истории присуждения Нобелевской премии по литературе русским писателям см.: [Марченко 2000, с. 33–44].

⁶² «Rysslands inre historia 1863–1914» (Norstedts Världshistoria, del 13: Den väpnade freden. Imperialism och industrialism (1871–1914), Stockholm. S. 817–872); «Tsarismens sista och bolsjevismens första år» (Ibid., del 14: Världskriget och frederna, Stockholm, 1937. S. 735–922). Для тома «Вооруженный мир» написан раздел «История России 1863–1914»; для тома «Мировая война и мир» — раздел «Последние дни царизма и первые дни большевизма».

присяжным экспертом Нобелевского комитета, что предполагает ежегодное чтение книг славянских писателей, номинированных на премию, и составление обзоров об их творчестве. В середине 1920-х — 1930-е гг. печатная продукция самого А. Карлгрена-слависта резко снижается, все его время занимает редакторская работа в «Дагенс нюхетер» и составление экспертных заключений для Шведской академии. В год первого выдвижения на Нобелевскую премию Н.А. Бердяева выходит монография «*Stalin. Bolsjevismens väg från leninism till stalinism*» («Сталин. Путь большевизма от ленинизма к сталинизму»; Stockholm, 1942); том в шестьсот страниц в тот же год увидел свет на финском языке.

Написанный А. Карлгреном обзор о русском философе выглядит как настоящий трактат — это машинописный текст, насчитывающий 87 страниц, или, в современном пересчете на печатные знаки, два авторских листа. Вступление к этому трактату начинается с констатации ряда неутешительных моментов.

Что касается адекватной интерпретации сочинений Николая Бердяева, — заявляет эксперт, — следует с самого начала оговориться, что для нижеподписавшегося это было почти неразрешимой задачей. Во-первых, эта задача предполагает философское и прежде всего богословское образование, и особенно понимание связанных с православной церковью знаний и представлений, которого у нижеподписавшегося совершенно нет; большая часть сочинений Бердяева не может быть понята и ни в коем случае не может быть оценена никем, кроме эксперта по богословию. Из другой части лишь небольшая часть его сочинений оказалась мне доступна. Из его дореволюционной продукции мне не удалось добыть ни единой строчки; из его продукции 20-х и 30-х годов мне удалось заполучить несколько работ, а из редактируемого им журнала «Путь», в котором он с 1920-х гг. понаписал массу статей, я видел лишь отдельные номера. Но помимо прочего, мне удалось познакомиться только с несколькими его работами на языке оригинала. И Нобелевской библиотеке, с величайшими усилиями заказавшей книги в прочих библиотеках и предоставившей их в мое распоряжение, и мне самому удалось раздобыть в основном немецкие, английские и французские переводы. А их изучение порой просто сводит с ума. Переводчики, очевидно, немного понимают из весьма туманных рассуждений автора, и заканчивается это тем, что переводы, особенно в сложных вопросах, попросту обесмысливаются. Порой с помощью сопоставительного анализа, например английского и немецкого переводов одного сочинения, вы можете преуспеть в поисках смысла, но часто это совершенно безнадежно.

Жанр обзора А. Карлгрена о глубоко чуждом ему, малопонятном философском творчестве Н. Бердяева можно определить как «реферат с претензиями». Претензии, впрочем, предваряют реферат трудов философа.

В качестве первой претензии эксперт называет стиль философа. Читателю следует набраться терпения, полагает Карлгрен, поскольку его «ожидают тяжелые испытания». При этом эксперта возмущает, что в номинации — «на основании иностранных переводов» — Бердяев назван «мастером стиля»: «Это утверждение

совершенно ошарашивает; Бердяев в своих работах как стилист так плох, что никто из самых благожелательных эмигрантских критиков не осмеливается этого отрицать». Приведем en pendant выдержку лишь из одной рецензии (и оговоримся, что большинство рецензентов-философов обращают внимание не на слог, а исключительно на содержание): «Новая книга Н.А. Бердяева представляет собой выдающееся событие в русской философской литературе. Она в чрезвычайно яркой и глубоко продуманной форме подводит итог многолетним философским исканиям автора и синтезирует их плоды. Несмотря на громадную систематическую и историческую насыщенность книги, вибрирующей вместе с тем в унисон со всеми новейшими тенденциями современной мысли, она изложена общедоступно и читается легко и с напряженным интересом» [Гурвич 1931, с. 512]⁶³.

А. Карлгрену, впрочем, понравилось сравнение одного из переводчиков, который назвал стиль Бердяева «тавтологическим», уподобив его «молотку скульптора»; неустанно повторяя слова и фразы, он словно вбивает их в головы читателей — или, иначе, работает над отделкой своей мысли. Шведский славист полагает, что лучшим инструментом при работе над бердяевским стилем стала бы красная ручка — чтобы безжалостно вычеркнуть все бесчисленные повторения, которыми наводнены его сочинения. «Писатель способен жевать и пережевывать одно и то же без конца, пока читателя не начинает тошнить, — интимно делится Карлгрен со шведскими академиками, присуждающими Нобелевскую премию, — часто он даже и не заботится о разнообразии выражений, и, раз обретя кем-нибудь или им самим счастливо сформулированную фразу, он так и повторяет ее затем по несколько раз».

Из этой претензии вытекает следующая — «острая нехватка» строгой логики в развитии мысли и построении текста. «Как только мысль приходит ему в голову, он отдается ей; от главного аргумента он уходит все дальше и дальше ради причудливых отступлений и ненужных эскапад; он непоследовательно переходит от одного аргумента к другому. И все это фонтанирует без передышки, без паузы, — сокрушается нобелевский эксперт, — он пишет порой несколько страниц, а то и главы целиком без того, чтобы оторвать перо от бумаги; зачастую вязкое и мутное повествование не позволяет разделить его на логически более мелкие куски». В скобках А. Карлгрен замечает, что переводчики Бердяева на иностранные языки делят текст при переводе по своему произволу, обычно чисто механически, так что фрагменты текста на разных языках не соответствуют друг другу (например, немецкий — английскому). Кроме того, «сделать паузу там, где ее нет», — отнюдь не означает облегчить текст для понимания.

Наконец, еще одна претензия, неотделимая от предыдущих, — это неспособность к «стилистическому оформлению», к строгой композиции текста. Замечательно, что, указав на это, безусловно, слабое с точки зрения нормативных риторик место Бердяева, Карлгрен невольно обнаруживает тем самым сильную

⁶³ Нелишне заметить, что в том же разделе «Критика и библиография» того же тома журнала Н. Лосским отрецензирован франкоязычный труд о современных тенденциях в германской философии самого Г. Гурвича, владеющего, стало быть, широким материалом, в контексте которого он сам оценивает и книгу Бердяева (см.: [Лосский 1931]).

сторону философа: его «бесспорный пафос», собственная увлеченность так захватывает читателя, что последний попросту забывает обо всех несовершенствах стиля. На помощь вновь приходит сравнение с молотком скульптора, на глазах испуганных зрителей высекающего из камня искры; вот и Бердяев в слове «дерзок, часто противоречив, вечно провокативен в отражении мыслей, для которых он счастливо находит возвышенные и порой парадоксальные формы выражения (эффект теряется, если вы встречаете их снова и снова)». Общее впечатление у шведского слависта от сочинений Н. Бердяева складывается неблагоприятное: «сильно запутано, тягуче и монотонно; при чтении сочинений Бердяева прежде всего возникает впечатление о невероятно болтливом языке, который, как только начал молоть, так и работает полумеханически на лету без остановки». Довольно скандальное определение, хотя, между прочим, и не рассчитанное на публикацию. Это определение приобретает почти издевательский характер, если предположить, что Карлгрен знал о мимическом тике Бердяева — неожиданно высывать при разговоре язык... однако в этом случае шведский профессор едва ли решился бы на подобное сравнение.

Первой подвергается рассмотрению «Философия свободного духа (Проблематика и апология христианства)» (1927). Эта проблематика, как и эта апология, в наименьшей степени соответствуют умонастроениям и интересам нобелевского эксперта: область его подлинных интересов — современная история и политика, его взгляды на литературу предполагают, что это прежде всего *belles lettres* — то есть художественная литература в собственном смысле слова, обладающая всеми признаками *fiction*. Но философия, к тому же с религиозным уклоном, решительно не привлекала Антона Карлгрена; однако тогда он был единственным экспертом-славистом Нобелевского комитета. Больше полувека спустя кажется странным, что члены Шведской академии не были знакомы с именем и трудами Н.А. Бердяева, что они до Второй мировой войны не переводились и не издавались в Швеции, что имя русского философа-эмигранта, который «целиком и полностью стоит на почве православия», настолько мало известно, что требуется специальный реферативный очерк его работ⁶⁴. Антон Карлгрен настроен полемично, и не столько в отношении идей Бердяева: человек западной протестантской культуры, он не приемлет горячего воодушевления русского философа, который готов «несколько однообразно — и столь же избыточно — ураганным огнем разнести на мелкие части» противоречащую его мыслям концепцию.

⁶⁴ Заметим, что и за прошедшие десятилетия появилось всего несколько шведских переводов трудов Н.А. Бердяева. Одна из книг вышла в год смерти философа: *Berdiaeff N. På tröskeln till ny tid* [На пороге новой эры] / översättning av G. Andersson. Stockholm, 1948. Несколько десятилетий спустя был выпущен сборник цитат из сочинений Бердяева: *Berdjajev N. Källor till rysk vishet: tankar och dikter* [Источники русской мудрости: мысли и афоризмы] / till svenska av A.-B. Andersson, text red. E. Hettinger. Stockholm; Malmö, 1980. Наконец, в 1990-е гг. северно-шведское издательство «Artos» предприняло издание сразу нескольких работ философа (Berdjajev Nikolaj) в переводах на шведский язык Стефана Борга (Stefan Borg): *Historiens mening: ett försök till en filosofi om det mänskliga ödet* [Смысл истории: попытка философии человеческой судьбы]. Skellefteå, 1990; *Om Dostojevskij*. Skellefteå, 1992; *Vägar till självkännedom* [Пути к самопознанию]. Skellefteå, 1994.

«Речь не идет о том, чтобы углубиться в религиозно-философские и морально-богословские труды Бердяева, типичные образчики мыслей которого мы привели, — констатирует эксперт, завершая свою попытку изложить некоторые тезисы «Философии свободного духа». — Непосвященный, привыкнув после немалых усилий к особенностям слога, прочтет ее <эту работу> с интересом, увлеченный благородным идеализмом, который пленяет оригинальными комментариями, порой прямо дух захватывающими своим вольным полетом, за которым не всегда легко уследить. Однако высказать мнение об этой работе в целом здесь невозможно, поскольку многое пришлось опустить, и только следует признать, что не это сочинение Бердяева послужило поводом для его выдвижения на Нобелевскую премию».

Следующий раздел экспертного заключения А. Карлгрен посвящает «Смыслу истории» (1927), «самому главному», если верить философу, из его трудов. Подобно исследованию «глубин христианства», замечает шведский славист, Бердяев стремится погрузить свой ланцет в «глубины истории». Однако Карлгрен должен пояснить, что для русского мыслителя главной становится историософская проблема: тесно связанная с христианской традицией, русская философия на протяжении последнего века, в борьбе славянофилов и западников, билась над эсхатологическим вопросом миссии России в мировой истории. Мировая война и революция подвигли Бердяева принять «вызов» русской историософской традиции. Карлгрен указывает также, что это сочинение родилось из лекций, прочитанных Бердяевым в Москве зимой 1919–1920 гг. в Вольной академии духовной культуры и переработанных в книгу в Берлине после высылки в 1922 г. Однако произнесенные устно, когда бесконечные повторы оправданы стремлением донести до слушателей свою мысль, эти лекции не подвергались необходимым сокращениям, так что добраться до сути «труда кажется сверхсложным».

По слегка травестированному и вовсе не сочувственному реферату «Смысла истории» заметить испытанные экспертом трудности невозможно: без видимых усилий он излагает основные мысли Бердяева — о слабости традиционного «историзма», о необходимости ощутить «тайну» исторических процессов, не объяснять, а «воспринимать» их, для чего следует не изучать «объект» истории, а прикоснуться к сокровенным глубинам ее «субъекта». «Глубины истории — это не что-то внешнее, постороннее для человека, — поясняет Карлгрен бердяевскую идею, — без сокровенных пластов в его собственном сознании». «Концентрированно» изложив свое понимание бердяевской критики традиционной истории, Карлгрен вопрошает: «Чем же обладает анамнезис Бердяева для раскрытия смысла исторических процессов?» Очевидно, что протестантское сознание Карлгрена категорически возражает против идей о «вечном времени», о «другом мире», о «небесной» — в противопоставлении земной — «судьбе человека», о предопределенности исторических процессов, о предсущей истории истине. Если Альфа Ньюмана поразила необычная новизна и перспективность идей Бердяева, то Карлгрен не собирается выходить из твердых рамок научного позитивизма и рекомендовать на Нобелевскую премию автора следующих воззрений: «Историософия должна стать метафизикой истории, с прологом на Небесах».

Дальнейший пересказ карлгреновского реферата «в высшей степени хаотичной работы» Бердяева «Смысл истории» выходит за пределы нашей статьи, хотя, разумеется, искреннее, не рассчитанное на публикацию восприятие послереволюционного труда русского религиозного философа европейским протестантским сознанием замечательно во многих отношениях и требует особого рассмотрения. Приведем лишь заключение эксперта о «Смысле истории» Н.А. Бердяева. «Нельзя не признать смелой оригинальности, с которой он творит, равно как и определенного величия разворачиваемой им истории; также интересны и наводят на размышления его взгляды на некоторые исторические события, — соглашается Антон Карлгрэн. — Но когда он (Бердяев. — Т.М.), по его собственному рецепту, спускается в бездонную внутреннюю шахту, чтобы постигнуть тайну исторических процессов, то в полнейшее заблуждение придет и откажется что-либо понимать не только историк с лотком (инструмент археолога при раскопках. — Т.М.). То, что большевики, перед которыми он с завидным мужеством развивал свои мысли о смысле истории на лекциях в Москве, сочли его присутствие в большевистском государстве бессмысленным, можно понять; будет, однако, совершенно безопасным для философа признать, что не только большевики находят его взгляды целиком и полностью неприемлемыми».

Так заканчивается очередной, отделенный звездочками раздел «реферата с претензиями», который представил шведским академикам эксперт-славист. Но он продолжает свой очерк о Бердяеве — большая его часть еще впереди. Следующий раздел посвящен работам Н.А. Бердяева 1920–30-х гг., звучащим «обвинительным актом современности» и объединенным темой «нового средневековья». Речь идет о книге 1924 г. «Новое Средневековье (Размышление о судьбе России)». «Поскольку марксизм относится к тем явлениям, которые Бердяев считает особенно показательными для нового средневековья, то он и рассматривает особенно подробно большевизм, его особые условия, его отличительные особенности, его перспективы. Эта работа Бердяева, прочая продукция которого оказалась интересной лишь весьма узкой части западноевропейской публики, привлекла едва ли не всеобщее внимание, — замечает Карлгрэн. — К пророческим воплям о последних днях нашей европейской культуры, переживающей закат, мир еще недавно прислушивался неохотно, и тот поворот, который придал теме Бердяев, обеспечил, безусловно, немалый интерес. Его исследование большевизма, очевидно, заинтересует осмыслением проблем, принесенных большевистской революцией и большевистским режимом, в более глубокой перспективе, чем их принято рассматривать, к тому же исследование это произведено человеком, у которого, как считается, были особые условия, чтобы проникнуть в истину и засвидетельствовать ее». Выгодно отличаясь, как непосредственный очевидец событий, от «политических туристов» (явная аллюзия на европейских литераторов, посещавших Советский Союз), Бердяев вдохновил «среди прочих», считает Карлгрэн, и профессора Альфа Нюмана в его книге «Нацизм, цезаризм, большевизм».

Сам Антон Карлгрэн только что подготовил к изданию внушительную монографию «Сталин» с подзаголовком «Путь большевизма от ленинизма к сталинизму», то есть обратился к тем же вопросам «большевистской революции» и ее

исторической перспективы; и русский эмигрант Бердяев, и соотечественник Нюман выступают, тем самым, как его конкуренты. Лундский профессор, впрочем, не оппонирует Бердяеву, а является его сторонником: «Нюман указывает на то, что ввиду сильно расходящихся представлений о большевизме, разнонаправленных и заведомо односторонних, стоит “прислушаться к русскому мыслителю, рядом с которым в его стране произошел политический обвал и который свободен от подозрений, что он лазутчик рухнувшей царской системы”». Приведя, в сущности, не вызывающее возражений мнение А. Нюмана, выдвинувшего русского мыслителя на Нобелевскую премию, А. Карлгрен обращается к разбору еще нескольких трудов Н.А. Бердяева — причем не приводит ни одного названия, это просто «другие работы». Судя по содержанию дальнейшего реферата, к рассмотрению была привлечена книга «Истоки и смысл русского коммунизма» (1938)⁶⁵. Замечательно, однако, что Карлгрен словно заражается дискурсивными пороками Бердяева — невозможно определить то место в его тексте, где он от рассмотрения одной работы русского философа обращается к другой; сам он начало обзора нового труда никак не помечает, а потом столь же неожиданно вновь возвращается к «Новому Средневековью».

Поскольку реферат представляет особый интерес с точки зрения восприятия философских идей Н.А. Бердяева в европейской интеллектуальной среде и еще более важен в ракурсе влияния их на шведскую гуманитарную интеллигенцию, то его следовало бы рассматривать специально в этом контексте. Мы же ограничимся только теми высказываниями А. Карлгрена из оставшейся, большей части его очерка, которые непосредственно относятся к выдвижению русского философа на Нобелевскую премию. В обстоятельном обзоре «Нового Средневековья» Карлгрен позволяет себе полемику с А. Нюманом, номинировавшим Бердяева на премию. Замечательно при этом, что Нюман — профессиональный философ, историк философии, углубленно занимавшийся также проблемами психологии и эстетики, а Карлгрен — филолог по образованию (его диссертационная работа носила чисто лингвистический характер, а затем его увлекла журналистика и политология). Но Карлгрен — славист, претендующий на знание и понимание русской истории; именно исторические аспекты и их истолкование прежде всего занимают его в работах Бердяева — эксперт реферирует их, чтобы опровергнуть.

Нарочито или невольно, Карлгрен демонстрирует свое владение историческим материалом и русским языком. Так, заметив, что Бердяев пишет о большевизме не без уважения, а о демократии — с известной долей «отвращения», Карлгрен поясняет, что такое отношение может корениться в «настроении, господствующем в среде русской эмиграции, которая меньше сосредоточена на

⁶⁵ Название этой книги в списке А. Нюмана приведено по-шведски, причем оговорено: «нет по-русски, но издано на английском, немецком и французском языках». Если вспомнить вступление к экспертному очерку, то там Карлгрен сетует, что какие-то работы ему не удалось достать по-русски, а лишь в переводах. Речь могла идти и об этой книге, впервые опубликованной в переводах: *Berdiajew N. Sinn und Schicksal des russischen Kommunismus: ein Beitrag zur Psychologie und Soziologie des russischen Kommunismus / Deutsch hrsg. v. I. [Eusebius] Schor. Luzern, 1937. 199 S.; Berdyajev N. The Origin of Russian Communism / transl. from Russian by R.M. French. Glasgow, 1937. 194 p.* Русский оригинал впервые увидел свет уже после войны и после кончины философа: *Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж, 1955.*

большевизме, чем на предшествовавшем ему демократическом режиме, обвиняя его неудачную политику, и, бесспорно, с полным правом, в подготовке почвы для большевистской революции». И добавляет в скобках: «Витающие в воздухе всей эмиграции чувства к Керенскому, ее жертвенному козленку⁶⁶, слетают время от времени и с уст Бердяева». Будучи знатоком русского языка⁶⁷, Карлгрен вводит русские слова в свой реферативный дискурс. Но хотя он и изобретает сложное шведское слово, но разве может оно равноценно отразить русское понятие «самотек», тот «стихийный», нерегулируемый процесс, который имеет в виду Бердяев, цитируя в свою очередь Плеханова, полагавшего, что именно «самотеком» из сознания просвещенных революционных масс «уйдет» религия? И, раз объяснив значение введенного им русского слова, Карлгрен активно оперирует им — слово «самотек» в его тексте встречается чаще, чем у Бердяева.

Карлгрен словно составляет более, на его взгляд, стройную систему из идей Бердяева, почерпнутых в ряде трудов философа. Иногда шведский славист, правда, не может удержаться, чтобы не довести вырванную из контекста мысль до абсурда. Так, процитировав статью «Размышления о русской революции»: «Авторитет власти всегда ведь держится религиозными верованиями народа. Когда религиозные верования разлагаются, авторитет власти колеблется и падает» [Бердяев 1991, с. 43], — нобелевский эксперт вкрадчиво предлагает автору вопрос: «<М>ожно осведомиться, полагает ли он, что, например, и власть Гитлера основана на религиозной вере немецкого народа или, кстати, если бы он знал шведские дела, неужто он и в самом деле подумал бы, что авторитет правительства Пера Альбина Ханссона⁶⁸ покоится на религиозной вере шведского народа?» Все мистико-религиозные объяснения истории в целом наталкиваются на ироничное неприятие Карлгрена. Несколько брюзгливо, но с юмором он воспринимает те построения Бердяева, где тот не находит иного истолкования захвата власти большевиками, кроме «божественного наказания», посланного русскому народу: считая подобные идеи смехотворными, шведский славист, конечно, сильно упрощает тезисы русского философа. Вырванные из контекста вольно и дерзко развивающейся мысли, такие пассажи, как, в частности, что «Бог наказал русский народ за грехи, избрав большевиков инструментом этого наказания», выглядят по меньшей мере наивно. С иными же высказываниями Карлгрен охотно соглашается, например с мнением, что русский народ всегда «имел явную нерасположенность к сменявшим друг друга самодержцам и, напротив, и тут Бердяев прав, не стремился к установлению конституционного

⁶⁶ К сожалению, шведскую идиому «hackkyckling» — букв. «разделанный цыпленок» (возникшую из-за многозначности глагола «haska», означающего в первую очередь «рубить (мясо, овощи), колоть, резать», но также и «придираться») — невозможно точно перевести на русский и прочие языки. Близкое по смыслу выражение «козел отпущения» звучит слишком сильно.

⁶⁷ Помимо прочих возможностей выучить и усовершенствовать язык, укажем также, что первым и достаточно длительным браком (1909–1920) А. Карлгрен был женат на Анастасии Николаевне Небеснюк, дочери директора департамента в Министерстве путей сообщения.

⁶⁸ Per Albin Hansson (1885–1946) — шведский политический и государственный деятель, председатель Социал-демократической рабочей партии Швеции; премьер-министр с 1932 по 1946 г. Его политика в отношениях с нацистской Германией, весьма выгодная для Швеции, вызывала неоднозначную реакцию у соотечественников.

правления, а предпочитал всему жизнь в полной анархистской вольнице». Происходит, впрочем, некоторый конфликт идей — почему же вольнолюбивый русский народ оказался под большевиками, чье авторитарное правление превзошло даже царское? — но счастливо разрешается приписыванием русскому народу также известной покорности (пассивности), «с кулаком в кармане и проклятиями на устах», которая позволяет ему жить под гнетом авторитарного правления. Однако, справедливо замечает Карлгрен, «это помогает объяснить, почему, когда после обнаружилось, что большевистское правление оказалось куда хуже царского, народ ни в коем случае не восстанет против него; но все-таки это никак не объясняет, как же Россия стала большевистской».

Карлгрен подробно, на нескольких страницах, разбирает тезисы Бердяева относительно истоков большевизма и его связи с религиозностью русского народа, отпадением от веры и наказанием за грехи. Утверждение Бердяевым «коммунистической религии, которую он не только изобрел, но и отстаивает со всей страстностью», проанализировано экспертом для того, чтобы указать, что профессор Нюман в своей работе «Нацизм, цезаризм, большевизм», упомянутой в письме-номинации, «в этом пункте совершенно не понял Бердяева». Карлгрен цитирует Нюмана, обнаружившего у высоко ценимого им русского философа «противоречие»: с одной стороны, Бердяев «гвоздями прибывает к позорному столбу коммунизм как конечное следствие религиозно нейтральных, отживших идей гуманизма», с другой стороны — «подчеркивает, что русский менталитет всегда поглощал эти самые идеи и пропитывался ими до самых сокровенных глубин своей неукротимой души». «Ясно, — продолжается цитата из А. Нюмана, — что оба эти воззрения не позволяют сложить целостную картину эпохи». Карлгрен словно разъясняет для своего соотечественника и невольного оппонента в «бердяевоведении», что противоречия в действительности нет, поскольку коммунизм с его дегуманизацией как раз противостоит глубинной религиозности русского народа: «Верно ли это по существу, — замечает нобелевский эксперт в скобках, — это совсем другая история».

Карлгрена, как специалиста по современной истории России, по политической ситуации в ней, интересует прежде всего восприятие Бердяевым русской истории, ее основных вех. Несогласие шведского слависта сквозит в каждом абзаце его текста, но прямые выпады он позволяет себе нечасто, однако выбирает для своего обзора именно те тезисы, после которых напрашивается «знак вопроса». Так, например, для Карлгрена очевидна «идеализация русского народа, особенно русского крестьянства, во все времена присущая классу, к которому принадлежит Бердяев, русской интеллигенции. Даже революция, показав подлинное лицо русского народа, не смогла вылечить ее от этого <заблуждения>». Для Карлгрена в его роли эксперта не столько в области русской словесности, сколько в области руссиеведения, «это еще вопрос, не была ли религиозность русского народа тонким слоем, под которым душа оставалась совершенно не затронутой». Резонов противоречить Бердяеву у Карлгрена достаточно; в частности, рассуждения Бердяева о расколе для шведского слависта мало убедительны хотя бы потому, что никакого религиозного расхождения, богословского спора в XVII в., в сущности, не было, а были разногласия о том,

двумя или тремя перстами креститься; не менее «сомнительны» для Карлгрена и представления о большей, чем у других народов, религиозности именно русского народа. Эксперт напоминает, что «дикая свирепая жадность, с какой мужики набросились после революции на помещиков, доказывает обратное». «И совершенно смехотворным кажется, — добавляет Карлгрен еще одно соображение к своим контраргументам, — когда Бердяев разъясняет, что западноевропейский патриотизм — его он считает за грех — не может прижиться в русской душе; он <русский патриотизм> недавно расцвел так, что побил все западные рекорды». Заметим, что эти слова написаны в тяжелейшее для России время, когда патриотизм оказался той главной объединяющей весь народ силой, которая в конце концов и привела его к победе во Второй мировой войне. Но поколебать шведское настороженное отношение к восточному беспокойному соседу не может ничто, и Карлгрену кажется, что вся русская вера в свое мировое призвание, представления о русском мессианстве и идеи Бердяева движутся в одном — «совершенно беззастенчиво земном, империалистическом направлении». Еще раз подчеркнем — это сказано в 1942 г.

Так, шаг за шагом, то есть выдвигая свой антитезис на едва ли не каждый (задевающий, настораживающий его или прямо кажущийся неверным) тезис Бердяева, Карлгрен завершает свой многостраничный обзор, постепенно подменяя порученное ему рассмотрение сочинений русского философа и даже полемику с ним собственным разъяснением особенностей русского менталитета и русской истории. Шведский славист с удивлением обнаруживает, что Бердяев, со всеми своими идеями «коммунизма как религии», вполне смыкается с «советской философией, делая из нее весьма поучительные и порой забавные выводы». Впрочем, для Карлгрена не составляет труда убедиться: если следуешь за мыслью Бердяева, то обнаруживаешь, что «речь идет уже вовсе не о марксизме, а об особой разновидности в высшей степени радикального идеализма»: «Подробный обзор этого описанного Бердяевым развития советской философии содержится в упомянутом труде Ньюмана, к которому я в этом пункте и отсылаю». Что касается собственно русской истории и — отчасти — истории русской литературы (в частности, в истолковании нигилизма), тут Карлгрен чувствует себя совершенно в своей стихии. Он легко погружается не только в XIX, но и в XVII в., чтобы пополемизировать с Бердяевым относительно подлинного смысла русского церковного раскола и его влияния на общественно-духовную русскую жизнь последующих столетий⁶⁹.

⁶⁹ Замечательно, что советскому писателю-коммунисту Константину Федину приходит в голову то же сопоставление — фанатизма большевиков с фанатизмом раскольников. Кирилл Извеков, один из героев романа «Костер» (1961), вспоминая Гражданскую войну, когда он, красный комиссар, столкнулся со староверами и с монахом-отшельником, говорит: «Это меня изумило: до чего стоек старик! Такой не поддастся, не уступит... <...> Мне подумалось, что мы — тоже ни за что не поддадимся, не уступим! Подумалось, что мы крепки своими убеждениями не меньше, а больше, чем старик своей верой. И что не только он нас не пересилит, но и все, кто с ним, сколько бы их ни было и сколько бы ни изумляли своим упорством, — не перетянут нас никогда!..» Старый коммунист Рагозин неприятно поражен: «Ты, что же, убеждения коммунизма со старой верой сравниваешь? С религией? — Кирилла даже отшатнуло в сторону от удивления. — Крепость приверженности сравниваю, — воскликнул он. — Стойкость сравниваю, упорство! Шли ведь когда-то раскольники в огонь за свою веру. Разве мы отступаем перед огнем, защищая свои убеждения?» Но Рагозин, совсем как скандинавский профессор, упорствует, доказывая несопоставимость явлений: «Наша стойкость иного источника и совсем иных целей» [Федин 1971, с. 236–237].

Соглашаясь с русским философом (он «несомненно прав») в том, что раскольники имели ряд общих черт с революционерами XIX в., шведский славист считает источником этой общности известные «стороны русской души (психологии)»: «непреклонная убежденность в собственной правоте», склонность «доходить до крайностей» в ее отстаивании, «бесстрашие по отношению к враждебной этой правде государственной власти», «отказ от других жизненных ценностей», «готовность уничтожить противника своей правды». Однако Карлгрен не только не склонен согласиться с историософской концепцией Бердяева, стройно соединившей раскольников («этап раскольников-нигилистов», иронизирует эксперт), нигилизм (собственно «нигилистов» Карлгрен считает лучше всего изображенными в «Бесах» Достоевского) и большевизм («этап нигилистов-большевиков»), но в еще меньшей степени с его объяснениями «истоков коммунизма» в России и большевистского правления как реализации теории и практики нигилизма.

В попытке историософского соединения «религиозности русского народа» и атеистических идей нигилизма шведский славист видит какой-то невероятный интеллектуальный оксюморон, высказавшись наконец прямо, что все построения Бердяева настолько «целиком сотканы из воздуха, что диву даешься, как мог человек, стоявший у истоков русского марксизма, вообще до них додуматься». «Марксизм победил в России, — возражает Карлгрен, — потому что провозгласил пролетариат движущей силой революции и тем самым поставил на ноги марксистский авангард, воспользовавшийся конъюнктурными обстоятельствами и, со всей своей энергичностью и напористостью, захвативший ведущую роль во время русского стихийного революционного взрыва, — вот ответ на вопрос, инспирировавший Бердяева на его замысловатую теорию». Для шведского слависта несомненно другое: революция пробудила «первобытные» силы русского народа, стимулировала его энергию, задавленную во времена царизма и во многом разбуженную войной; этой мощной конструктивной энергией и объясняется энтузиазм пятилеток, но ни с «конститутивной религиозностью русской души», ни с «изначальными социалистическими идеалами», ни с «запутанными объяснениями» Бердяева история большевистской России не имеет, по мнению Карлгрена, ничего общего.

Из прочих тем, волновавших Н.А. Бердяева в 1920–30-е гг., Карлгрен выбирает и ему самому наиболее интересную — «Как может быть побежден большевизм и что за этим последует?». Вопросы политические, контрреволюция или реставрация прежнего режима, впрочем очевидно невозможные, не занимают русского философа: «Христос или антихрист — вот на какой вопрос, согласно Бердяеву, должен дать ответ русский народ <...>. Эпохе гуманизма с ее демократическими идеалами во всем мире пришел конец; дорогу, лежащую сейчас перед миром, показал русский пример. Он показал, что если не осуществить братства во Христе, то установится сообщество во имя антихриста. Мир стоит на распутье». Работы Бердяева 1930-х гг., охваченные одной мыслью («Философии, искусства, государства, общественная жизнь должны стать религиозными»), «заметно слабее», по мнению А. Карлгрена, сочинений 1920-х гг. «Это визионерство Бердяева не заслуживает критики: она лишь склоняет голову в почтительном молчании. Но затем он идет дальше, и когда он, как социальный реформатор, подробно описывает

новое общество, которое будет построено в так называемом новом средневековье, то трудно оказать ему то же почтение. Тогда не остается ничего другого, как безо всякого почтения покачать головой». Разумеется, прежде всего шведского профессора сильно смущает «ненависть» Бердяева к демократии, но в целом он совершенно перестает воспринимать серьезно изумившие его идеи русского философа, словно приглашая нобелевский ареопаг посмеяться над наивными фантазиями: «Характерной чертой нового средневековья будет пристрастие к оккультным наукам. Собственно наука вернется к своим истокам в магии, а вслед за тем раскроется и волшебная природа техники. В свою очередь религия и наука начнут подменять друг друга, а затем явится потребность в новом познании. Мы возвращаемся в столь чуждую в еще недавнее время атмосферу чудес, когда снова возможной становится белая и черная магия»⁷⁰.

На этом эксперт полагает завершенным «обзор основной части трудов Бердяева; все прочее, им опубликованное, представляет меньший интерес. Это пара монографий. Одна о Достоевском, другая о своеобразном русском писателе прошлого столетия <Константине> Леонтьеве», хотя имя этого «безвестного» и в «пору русской реакции сверхреакционно мыслящего» писателя «целесообразнее было бы оставить в полнейшем забвении». Наконец, в заключение А. Карлгрен объявляет, что он не берется «измерить значение» трудов, вышедших из-под пера русского философа, который «в современной русской философии ни в коей мере не считается звездой первой величины, уступая гораздо более значительным именам. Что же до его трудов, затрагивающих актуальные проблемы современности, то эти труды, которые, в сущности, и прославили его имя и были сочтены заслуживающими Нобелевской премии, я не могу назвать иначе как откровенно бессмысленными».

Со времени написания этого очерка прошло почти три четверти века. Религиозно-философское, историософское наследие Н.А. Бердяева продолжает вызывать неподдельный интерес, остается предметом горячих споров и научных исследований. Работа Антона Карлгрена, предназначенная для служебного пользования в недрах Шведской академии, никогда не была опубликована; кстати, она и не была написана с расчетом на печать, чем и объясняется резкая субъективность высказанных в ней суждений.

На вердикт Нобелевского комитета в 1942 г. мнение эксперта-слависта повлияло самым решительным образом. О кандидатуре Николая Бердяева, замыкавшего список номинаций, было записано, что экспертное заключение еще не готово, но в скором времени ожидается — не удивительно, ведь эксперту пришлось прочитать несколько философских книг и отреферировать их на нескольких десятках страниц! «Согласно краткому заключению эксперта, — сказано в финальном протоколе Нобелевского комитета, — он охарактеризовал кандидатуру как “совершенно безнадежную”. Комитет не в состоянии дать собственное мнение об этом предложении» [Nobelpriset 2001, s. 331].

⁷⁰ Но разве не имел Бердяев оснований для подобных утверждений, если в Третьем рейхе при нацизме расцвел оккультизм, создавались организации вроде полумифической «Ahnenerbe» («Наследие предков») и формировались экспедиции на поиски легендарной Шамбалы?

Хотя Нобелевский комитет работал в соответствии с четко заведенным порядком, принимая номинации, заказывая экспертам обзоры творчества кандидатов на премию и занося в протокол их финальное обсуждение, но пять лет в течение Второй мировой войны, с 1940 по 1944 г., премию не присуждали. В 1943 г. в протокол было занесено следующее: «Это предложение не обсуждалось в прошлом году, так как из-за почтовых проволочек экспертное заключение не успело к заседанию Комитета. Однако вскоре оно поступило и содержало весьма подробную и основательную критику философии Бердяева, кульминацией которой стало отрицание ее <философии> значения и важности. Комитет выражает в этом году свой отказ от этой кандидатуры» [Ibid., s. 338]. В 1944 г. о кандидатуре русского философа в протоколе Нобелевского комитета сказано, что она отвергнута уже дважды на основании «разгромного» экспертного заключения, и это решение не подлежит пересмотру [Ibid., s. 347]. В 1945 г. Комитет, как и прежде, находит нецелесообразным рассмотрение этой кандидатуры [Ibid., s. 354]. В 1946 г. о кандидатуре Бердяева записано уже на первой странице протокола следующее: «С 1942 г. наличествует подробный разбор русского философа Антоном Карлгреном, который приходит к его решительному отклонению. Комитет присоединился к этой позиции эксперта и позже повторил свое отклонение <кандидатуры Бердяева>. Он придерживается его и сейчас» [Ibid., s. 361].

«В ныне кончившемся 1945 г. очень возросла моя известность, — замечает Н.А. Бердяев в послевоенном прибавлении к “Самопознанию”. — Меня начали ценить гораздо больше, чем раньше. Я постоянно слышу, что у меня “мировое имя”. Ко мне постоянно приезжают иностранцы, я получаю неисчислимое количество писем. <...> К моему удивлению, я стал очень почитаемым, почтенным, значит, уже солидным, почти что учителем жизни, руководящим умом. Это совершенно не соответствует моему самочувствию. Я <...> лишь искатель истины и правды, бунтарь, экзистенциальный философ, понимая под этим напряженную экзистенциальность самого философа, но не учитель, не педагог, не руководитель. Моя возрастающая известность давала мне мало радости жизни, мало счастья, в которое я вообще мало верю. Я очень мало честолюбив» [Бердяев 1949, с. 365]. Но если всемирная известность не приносила особой радости, то была причина и для горьких сожалений: «Я очень известен в Европе и Америке, даже в Азии и Австралии, переведен на много языков, обо мне много писали. Есть только одна страна, в которой меня почти не знают, — это моя родина» [Там же, с. 364].

В 1947 г. кандидатур становится вдвое больше, в список, где вновь значится Бердяев, внесено еще три кандидатуры русских писателей. Это Марк Алданов (предложение Ивана Бунина), Михаил Шолохов (номинация профессора истории литературы Стокгольмского университета Генри Ольсона) и Борис Пастернак (как и в 1946 г., когда он впервые оказался в шорт-листе, его выдвинул директор Уодхэм-колледжа Оксфордского университета Сесил Морис Баура). Очевидно, что началась новая глава в истории присуждения Нобелевской премии по литературе русским писателям — глава с долгими осадами и непростыми для шведских академиков и всего мира решениями. В протоколе этого года отразились сложные препирательства между членами Комитета, нелегкие решения с пространными

отводами или поддержкой таких кандидатур, как Эрнест Хэмингуэй, Андре Жид, Томас Элиот. Что касается Бердяева, то его отвергли в двух строках, сославшись на критический отзыв эксперта и на принятое прежде отрицательное решение [Nobelpriset 2001, s. 374]. В 1948 г. русский философ, выдвинутый на премию своим неизменным предстоятелем перед Нобелевским комитетом, скончался, что и было зафиксировано в финальном протоколе [Ibid., s. 390].

Суммируя впечатления от одной из послевоенных международных «встреч» интеллектуалов, ужаснувшись маргинализации «духовности» в мире, элементарности мыслей и слов, Бердяев констатировал: «Я опять остро почувствовал, до какой степени я одиночка. <...> Я обращен к векам грядущим...» [Самопознание 1949, с. 374].

III

В.В. НАБОКОВ, Р.О. ЯКОБСОН И ДРУГИЕ

К «другим» относятся два известных и почитаемых прозаика старшего поколения: Марк Александрович Алданов (1886–1957) и Борис Константинович Зайцев (1881–1972). Не имея никаких общих творческих черт, в жизни они были объединены только общим другом — Иваном Буниным, хотя в контактах с ним не пересекались. М.А. Алданов на премию и выдвинул И.А. Бунин. Кажется негласным уговором утверждение обоих, будто первый нобелевский лауреат по литературе действовал исключительно по собственному вдохновению; и некоторые оговорки в письмах, и архивные документы свидетельствуют о том, что Бунин приходилось инспирировать и направлять — впрочем, он искренне и горячо «хлопотал». Этот сюжет изложен нами в монографии «Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)» [Марченко 2007, с. 548–578], и мы не будем на нем сейчас останавливаться. Не зная о поступивших в Стокгольм первых обращениях с именами Михаила Шолохова и Бориса Пастернака, М. Алданов беспокоится, что у него есть соперники из числа писателей-эмигрантов, и считает таковым именно Б. Зайцева. Волнения не напрасны, хотя несколько преждевременны — имя Зайцева возникло в номинациях на премию уже после смерти Алданова. Но соперниками в нобелевской лотерее (словечко Алданова) они в любом случае не были — масштаб их художественных свершений очевидно не дотягивал до мирового.

Среди почти семидесяти писателей, номинированных на Нобелевскую премию 1962 г., фигурируют — в порядке их перечисления в архивном документе — Генрих Бёльль, Фридрих Дюренматт, Жан-Поль Сартр, Ясунари Кавабата, Торнтон Уайльдер, Грэм Грин, Альберто Моравиа, Эрих Кёстнер, Х.Л. Борхес, Андре Мальро, Пабло Неруда, Эзра Паунд, У. Сомерсет Моэм. Борис К. Зайцев номинирован Ростиславом Плетневым, профессором русской литературы Монреальского университета.

Ростислав Владимирович Плетнев (1903–1985) в 1919 г. вступил в Добровольческую армию, в 1920 г. эвакуировался на Принцесвы острова, гимназию окончил в Белграде (1923), диплом слависта получил в Карловом университете в Праге (1926), там же защитил диссертацию («Природа в произведениях Достоевского», 1928);

после прихода к власти в Чехословакии правительства Бенеша (1935) вернулся в Белград, преподавал на русском и сербском языках в гимназии и Коларчевом университете, занимался славистическими исследованиями. В 1941 г., после нападения гитлеровской Германии на КСХС, Плетнев вступил в Королевскую армию, попал в плен, бежал и скрывался от немецких властей. После победы Плетнева, как бывшего белогвардейца, несколько раз подвергали арестам, а в 1951 г. он был объявлен «лишенцем» (его лишили гражданства социалистической Югославии). Плетнев был вынужден эмигрировать в Канаду, занимался черной работой (посудомойщика, дворника); лишь в 1955 г. ему удалось устроиться преподавателем русской литературы во франкоязычном Монреальском университете, в 1956 г. он стал профессором Оттавского университета и в 1960 г. — англоязычного монреальского университета Мак-Гилл. В Канаде Р. Плетнев выпустил на английском языке свои лекции по русской литературе («Lectures on Russian Literature». Toronto, 1959), а на французском языке «беседы о русской литературе» («Entretiens sur la littérature Russe des 18e et 19e siècles». Montreal, 1964). После отставки в 1975 г. Ростислав Плетнев продолжал научную и публицистическую деятельность.

Номинация Бориса Зайцева на Нобелевскую премию датирована 10 ноября 1961 г. Ей предпослан эпиграф из Юзефа Виттлина (Wittlin; 1896–1976), польского поэта, прозаика, эссеиста, переводчика, жившего в эмиграции в Нью-Йорке: «Трудно чувствовать себя полезным, если это никому не нужно». Написанное по-английски послание адресовано в «Королевскую академию наук» — извечная путаница: такая академия в Швеции есть, но она объединяет ученых естественно-научных специальностей, а писатели и филологи входят в Шведскую академию, Нобелевский комитет которой и присуждает знаменитую премию в области литературы. Приведем, слегка купировав, текст этого послания: «Я беру на себя смелость предложить кандидатуру русского писателя-изгнанника Бориса Зайцева на Нобелевскую премию по литературе.

В настоящее время Б. Зайцев живет в Булонь-сюр-Сен, Франция. Его достижения как выдающегося писателя и автора литературных биографий превосходны. Его произведения проникнуты великим духом христианства, особенно “Преподобный Сергей Радонежский”, “Москва”, “Италия”, “Золотой узор”, биографии Чехова и Жуковского. Его перевод “Божественной комедии” принес ему заслуженную славу в области современной русской прозы и эссеистики.

Как профессор русской литературы я убежден, что, присуждая Нобелевскую премию, вы не откажетесь рассмотреть произведения Бориса Зайцева. В наше время не так много авторов, отличающихся столь же глубоким духом, превосходящим пространство и время». Однако заслуженный профессор с такой типичной для русского эмигранта биографией ошибался. В заключительном протоколе Нобелевского комитета за 1962 г. было констатировано, что сочинения (среди прочих перевод «Божественной комедии») Бориса Зайцева — русского писателя-эмигранта, живущего во Франции, малоизвестны и не заслуживают проведения подробного рецензирования. Кандидатура тем самым была отклонена.

Между тем в списке кандидатов на премию 1962 г. значится еще одно имя, носитель которого, в отличие от действительно некропного прозаика Бориса Зай-

цева, известен во всем мире. Это Роман Якобсон, номинированный профессором Петером Гартманом из Мюнстерского университета (Германия). П. Гартман (Hartmann; 1923–1984) — немецкий лингвист; учился в Берлинском университете им. А. Гумбольдта и в университете Мюнстера (Westfälische Wilhelms-Universität), изучал общее и сравнительное языкознание, а также японистику и индологию; первую диссертацию защитил по японскому языку, докторскую (профессорскую habilitation) — по санскриту. Работал в Мюнстере, с 1953 по 1956 г. лектором и с 1956 по 1969 г. в качестве профессора общего и индоевропейского языкознания. В 1969 г. стал профессором общей лингвистики в университете Констанца, где проработал до самой смерти в 1984 г. Деятельность Гартмана принято делить на два периода: в университете Мюнстера он занимался чистой наукой, в новообразованном университете Констанца — организацией науки. Кстати, П. Гартман был одним из создателей вводных курсов ряда славянских языков, изучение которых было включено в университетскую программу. Среди двух десятков его книг — четырехтомная «Теория грамматики» (Гаага, 1959–1962).

Поблагодарив Нобелевский комитет Шведской академии, которому адресовано письмо на английском языке, за любезное приглашение принять участие в выдвижении кандидатов на премию по литературе — первоначально предполагалось, что эта честь присвоена лишь профессорам литературы, но затем она была делегирована всем профессорам-филологам, — Петер Гартман использует свое право довольно оригинально. Не случайно в обращении в комитет он позволяет себе нарочитую лексико-синтаксическую игру, говоря о выдвижении на «Нобелевскую премию (литературную)»: главное для этой награды уточнение помещено в скобки как нечто второстепенное. «Быть может, это будет выглядеть забавно, — словно продолжая шутку и, однако, весьма тонко используя известный прецедент, продолжает мюнстерский профессор, — если я в своем предложении разграничу две категории, но я думаю о прославленных и уже отмеченных прежде кандидатах, таких, как Теодор Моммзен, который стал внушительным явлением, выступающим за пределы одной научной дисциплины. Но решение принимать вам». Даже в этом последнем утверждении чудится улыбка; но еще интереснее сделанное и неплохо обоснованное предложение.

Их, собственно, два. «Личность, достойная премии благодаря подлинным заслугам — в литературном творчестве, в философии, оказавшей большое воздействие, и — по моему мнению — именно как личность — это Жан-Поль Сартр (сочинение, которое следует особенно выделить: “Бытие и ничто”⁷¹)». Напомним, что после нескольких лет ожесточенных споров среди членов Нобелевского комитета премия была присуждена французскому философу, эссеисту, романисту, драматургу в 1964 г. Словно подтверждая мнение П. Гартмана о мощном воздействии — еще большем, чем творчества — его личности, Сартр от премии отказался.

Под цифрой 2 в номинации немецкого профессора было помещено не менее примечательное имя: «Внушительным явлением с подлинными научными достижениями, выходящими за пределы одной (моей собственной) научной дисци-

⁷¹ L'Être et le Néant: Essai d'ontologie phénoménologique (1943).

плины, но имеющими международное признание, и ученым в области современной лингвистики с результатами, известными во всем мире, я бы назвал Романа Якобсона (профессора Гарвардского университета), — пишет Гартман. — Трудно выделить какой-либо один труд, поскольку сама дисциплина в целом и, соответственно, каждый труд ученого такого масштаба подразумевает проникновение в суть главного средства национальных взаимосвязей и интернациональных культурных взаимоотношений: языка (языков). Но быть может, это именно то, что на сей раз окажется препятствием».

К сожалению, на этом сюжет заканчивается, не успев стать даже маргинальным. В заключении Нобелевского комитета о кандидатуре Р. Якобсона записано: «Предложение отклонено». Если и были какие-то более пространственные возражения, в протокол они не занесены. Письмо датировано 16 января, из Германии в Швецию оно, разумеется, пришло в срок, к deadline 31 января. Отвод кандидатуры Р. Якобсона никак не прокомментирован. Подписываясь, Петер Гартман завершил свое послание словами «С благодарностью за ваше обращение», и это не кажется только формулой вежливости: в самом деле, если за номинацией на литературную премию обратились к лингвисту, то почему бы ему не подобрать подходящего кандидата именно в своей области? Да ведь и Р.О. Якобсон был не только ученым — но и личностью: документы, связанные с его именем, отложились в нобелевском архиве и по другим поводам, к чему мы еще вернемся.

В 1963–1964 гг. в списке номинаций появляется имя Владимира Набокова — и, судя по всему, история этого писателя, обойденного Нобелевской премией, не могла не иметь продолжения; год за годом открывающиеся архивные документы должны постепенно пролить свет и на эту «маргинальную» историю, связанную с нобелевскими лаврами.

В 1963 г. среди кандидатов на Нобелевскую премию три русских имени: Михаил Шолохов (номинация Джека А. (Якова Абрамовича) Позина (Posin; 1900–1995), профессора русского языка и литературы Стэнфордского университета), Евгений Евтушенко (неожиданная идея Конрада Бриттнера (Brittner; 1890–1967), заслуженного профессора славистики из университета в Майнце) и Владимир Набоков, номинированный Робертом М. Адамсом (Adams), профессором английского языка Корнельского университета (Итака, США). «В набоковской биографии Итака наиболее известна как место рождения Лолиты», — замечает Моррис Бишоп (Bishop; 1893–1973), некогда сыгравший судьбоносную роль в получении В.В. Набоковым ставки профессора русской литературы в этом университете [Бишоп 1999]. М. Бишоп был профессором романской филологии, и в его небольшом мемуаре о писателе Нобелевская премия не упоминается; впрочем, Набоков профессорствовал в Итаке с 1947 по 1959 г., а номинация написана несколькими годами позднее. Однако в воспоминаниях Морриса Бишопа прекрасно воссоздана атмосфера или, точнее, аура, которой окружил свое пребывание «в Корнеле» Набоков. Прочитанные им (с блеском) лекции не только о русских, но и об английских классиках поражали интерпретацией их творчества, осуществляемой «с проницательностью филолога и осведомленностью творца», щедро уснащенной «набоковскими эпиграммами и шуточными интерлюдиями» [Там же, с. 153].

«Годы, проведенные в Корнеле, были плодотворными для Набокова. Кроме рассказов и стихов для “Нью-Йоркера” он написал “Пнина”, “Лолиту”, “Убедительное доказательство”, серию статей по энтомологии; перевел “Слово о полку Игореве” и “Евгения Онегина”» [Там же, с. 154].

В переводе — и, без сомнения, в оригинале — профессорских воспоминаний участь американского издательства, которое решилось бы на публикацию «Лолиты», элегантно названа «ограничениями личной свободы», то есть преследованиями вплоть до ареста [Там же, с. 155]. М. Бишоп вспоминал: «Когда в 1955 году “Лолита” вышла в Париже под маркой порнографического издательства и когда вскоре после этого книга была запрещена напуганными французскими властями, мое беспокойство резко возросло. Я воображал поток раздраженных писем к президенту университета: “Не этот ли мерзавец учит мою дочь? Немедленно заберу ее из университета и прекращу пожертвования в Фонд выпускников”. К счастью, лишь немногие выпускники были в курсе парижских литературных новостей. А к 1958 году, когда “Лолита” была опубликована в Америке, в печати появилось еще несколько смелых работ, и битва за свободу выражения велась уже на других полях. Теперь “Лолита” являлась художественным произведением, а не щекотливым пособием для одинокого сердца. <...> Взрыв, которого я боялся, не произошел. Но я все же полагаю, что он мог произойти в 1955 году; трехлетняя отсрочка публикации книги в Америке спасла Владимира, университет и меня от шумихи и, пожалуй, от губительной конфронтации» [Там же, с. 155].

Напомним, что профессор Роберт Адамс обратился в Нобелевский комитет, когда страсти вокруг «Лолиты» улеглись даже в Америке, а Набокову давно уже было что предъявить читающему человечеству и помимо капризной нимфетки.

Роберт Мартин Крапп (Krapp; 1911–1992) сменил фамилию на Адамс после службы в армии по время Второй мировой войны — возможно, из-за ее слишком немецкого звучания. Он окончил Колумбийский университет, где получил все свои дипломы и степени; преподавал в университетах Висконсина, Итаки (Корнельском), Нью-Джерси (Ратгерском), в Калифорнийском университете. Интересы Р. Адамса — не только преподавателя, но и переводчика, и критика — были чрезвычайно обширными. Ему принадлежат монографии о Шекспире, Джоне Мильтоне, Стендале, Джойсе, а также книги по теории и практике перевода и обзорный труд «Англия — страна и литература: исторический очерк» («The Land and Literature of England: A historical Account», 1983). Статьи и рецензии Адамса публиковались, в частности, в «The New York Times Book Review», «The Wall Street Journal», «The New York Review of Books»; его переводы из мировой классики — «Кандид» Вольтера, «Красное и черное» Стендаля, «Государь» Никколо Макиавелли — также стали классическими. Литературовед, переводчик и редактор переводов великих европейских писателей, Роберт Адамс обладал и должными познаниями, и безупречным литературным вкусом. В Стокгольме он обращается как руководитель Отделения литературы (Chairman, Division of Literature).

Датированная им 7 января 1963 г. номинация Владимира Набокова на Нобелевскую премию заслуживает публикации практически без купюр:

Господа,

откликаясь на ваше любезное приглашение назвать кандидатов на Нобелевскую премию по литературе, я счастлив предложить имя Владимира Набокова.

Набоков прославился, увы, как автор одного нашумевшего романа — «Лолита». Однако, хотя и воспринятый как сенсационный, роман «Лолита» таковым вовсе не является; напротив, он стал вершинным достижением целой напряженной литературной жизни, выражением всеобщей отчужденности, расцветом совершенного и теперь уже исчезающего стиля. По-русски и по-английски уже более сорока лет Набоков неустанно занят совершенствованием особого зрительного дара, особого вида литературной гармонии. Из его восьми романов, написанных на русском языке, я считаю лучшим «Приглашение на казнь»; по стилю он отдаленно напоминает Кафку, но с оттенком интеллектуального превосходства, что помещает его, на мой взгляд, на ступень выше, чем тягучая покорность кафкианского повествования. На английском языке — разумеется, «Лолита»; недавно веселый взрыв «Бледного огня» [1962], который <рецензент> Мэри Маккарти назвала лучшим — при любом раскладе — из всех американских романов; ряд грустно-комических очерков, составляющих «Пнина», и «Подлинная жизнь Себастиана Найта», и еще три сборника рассказов, чтобы уравновесить также три русских новеллистических сборника. В добавление к этому перечню произведений — на двух, заметим, языках и значительных по содержанию, Набоков выступает еще и как критик и переводчик. Его исследование Гоголя стало классическим, а его перевод «Евгения Онегина» (с обширными комментариями) не только виртуозен в литературном отношении, но столь глубок и компетентен в отношении научном, что (когда будет издан) он заставит устыдиться советских пушкиноведов⁷².

Совершенно особое качество творчества Набокова проистекает из того обстоятельства, что он с ранней юности был лишен дома, был лишен гражданства и был вырван из почвы своего родного языка. Со времен Джозефа Конрада никому не удавалось совершить столь ошеломляюще успешного перехода на другой язык. Он находится на таком этапе своего творческого развития, когда Нобелевская премия сможет подтвердить его литературные достижения и воздать должное его безусловной индивидуальности, столь давно очевидной его собственному уму и стилю. Наконец, я нахожу важным отдавать дань — всюду, где это возможно, — интеллигенции, лишенной наследства; изгнанникам, свободным умам; интеллигенции потерянной и всем чужой, которую Набоков прежде всего и представляет.

Я отлично понимаю, каким относительно радикальным выглядит это движение и что перед вами — имена куда более почтенных мужей, столпов литературного общества. И вот как раз именно потому, что он не является членом какой-либо группы, школы или национальной традиции, мне кажется, что это исполинское, гонимое воображение, этот фантастический дар стилиста заслуживает высочайшей из литературных наград.

⁷² См.: [Бишоп 1999].

Дважды американский литературовед — тонкий и умный ценитель набоковской прозы — деликатно предостерегает Нобелевский комитет от опасности банальных и глубоко неверных трактовок: оговорив опасность досужего обывательского осуждения «Лолиты» и позволив себе в завершение отсылку к названию пьесы Г. Ибсена⁷³, одного из наиболее прославленных «отверженных» среди кандидатов на премию в ее истории. Но призыв Роберта Адамса не был услышан. В заключительном протоколе 1963 г. записано именно то, чего опасался американский профессор:

Репутация русского писателя-эмигранта тесно связана с его аморальным сенсационным романом «Лолита», который едва ли возможно рассматривать с точки зрения Нобелевской премии. Мемуарные очерки писателя о детстве в дворянском окружении обладают, впрочем, бесспорным очарованием, и он является прославленным мастером стиля, превосходно овладевшим английским языком. Его виртуозность все же не имеет никакого отношения к идеальной направленности, заложенной в Нобелевской премии.

В 1964 г. с предложением набоковской кандидатуры выступила кембриджский профессор-славист Элизабет Хилл⁷⁴. Ей не кажется, что требуется подробное обоснование, ведь писатель очевидно великий! Выдвигая прославленного русско-американского писателя на Нобелевскую премию, Э. Хилл просто констатирует:

У него столь прочная репутация, что я, следовательно, лишь признаю, что у меня нет необходимости писать о нем пространный очерк. Я бы хотела, однако, подчеркнуть свое твердое убеждение, что будущие историки русской литературы, обращаясь к периоду ее послереволюционного развития, будут рассматривать вклад Владимира Набокова в жанр романа как наиболее оригинальный и значительный не только в русском, но и в мировом контексте.

Письмо ушло в Стокгольм 17 января 1964 г. Но и в 1964 г., и в 1965 г. академики кратко помечали в заключительном протоколе: «Владимир Набоков. Кандидатура уже отклонена». Им также не требовалось подробного очерка, аргументированного мнения экспертов — в данном случае они руководствовались собственным мнением, и если в литературном отношении их позиция оказалась более чем уязвимой, зато они верили в непогрешимость собственной морали. И в то, что блистательный стиль не имеет отношения к идеалам...

Элизабет Хилл не видела необходимости в подробных «меморандумах», когда речь шла о безусловных литературных величинах, о несомненных — живых — классиках XX столетия. Роман Якобсон гораздо лучше понимал, что красота мир не спасет, нужно спасать саму красоту. В 1950-е гг. он принял участие в кампании по

⁷³ «Столпы общества» («Pillars of Society»; «Samfundets Støtter», 1877).

⁷⁴ Dame Elizabeth Mary Hill (Елизавета Федоровна; 1900–1996) — британский славист англо-русского происхождения, профессор Кембриджского и Лондонского университетов, руководитель государственной программы по подготовке переводчиков-русистов для военных и разведывательных целей.

выдвижению на Нобелевскую премию Бориса Пастернака, откликнувшись на очередную рассылку Шведской академией воззваний активнее участвовать в выдвижении на премию по литературе. Текст его номинации опубликован нами [Марченко 2011] и Лазарем Флейшманом [Флейшман 2013, с. 584–586]. Тогда усилия немногих зарубежных ценителей поэзии Пастернака и ошеломляющий успех в мире «Доктора Живаго» привели к присуждению советскому — впервые — поэту Нобелевской премии в 1958 г. Михаил Шолохов, безусловный фаворит в нобелевских дискуссиях, год за годом оказывался кандидатом второй очереди, хотя в номинациях недостатка не было и его заслуги как автора «донского эпоса» давно были признаны Нобелевским комитетом. Он стал лауреатом — по общему согласию — в 1965 г., после скандала предыдущего года, когда от премии отказался Ж.-П. Сартр.

Однако список кандидатов на премию в 1965 г. начинался совсем с другого русского имени. Впервые он был составлен по алфавиту, а не по мере поступления номинаций. Открывает перечень мировых литературных знаменитостей Анна Ахматова. Ее выдвинуло трое профессоров — двое американских и один (точнее, одна, Софи Лаффит⁷⁵) французский. Тем не менее в отложившемся в архиве списке номинаций назван автор только одного обращения в Стокгольм: Роман Якобсон⁷⁶. Софи Лаффит, специалист по русской поэзии, автор работ об А. Григорьеве, А. Блоке, С. Есенине, написала кратко, но не поверхностно, будучи специалистом «по русской литературе и цивилизации». Роман Якобсон пишет в ином тоне, даже, можно сказать, в ином жанре: он не робкий проситель за скромную поэтессу, он не смотрит снизу на недостижимую вершину Нобелевской премии — напротив, он приглашает шведских академиков совершить восхождение к вершинам русской поэзии. Якобсон пренебрежительно отмахивается от возможных оппонентов, предлагая то главное, что и пытается отыскать Нобелевский комитет в современной литературе: идеал.

Найдется немного знатоков, исследователей и любителей русской поэзии, кто не согласится с моим глубоким убеждением, что Ахматова — один из величайших русских поэтов последних двух столетий. Она принадлежит, как один из самых выдающихся и творческих представителей, к последнему из двух, имевших всемирное значение, кульминационных периодов в развитии русской поэзии.

Именно так и следует писать номинации, утверждая, что выдвинутая кандидатура — это один из величайших поэтов за два века существования русской по-

⁷⁵ Sophie Laffitte (урожд. С.Г. Гликман-Тумаркина; 1905–1979) — профессор факультета филологии и гуманитарных наук Сорбонны (Париж).

⁷⁶ Еще одна принадлежит перу заведующего кафедрой славянских языков Колумбийского университета (Нью-Йорк) Уильяму Э. Харкинсу (Harkins; 1921–2014). В своем послании Уильям Эдвард Харкинс выражает уверенность, что «вся необходимая информация» о выдвинутом на премию авторе «доступна Комитету», но если нет, то он «будет счастлив снабдить его всем необходимым материалом». Вслед за этим нью-йоркский славист выражает озабоченность, по-прежнему ли действительна прошлогодняя номинация на премию польской писательницы Марии Домбровской, и выражает горячее желание присоединиться к выдвижению именно этой кандидатуры.

эзии! Про Михаила Шолохова, например, в том же 1965 г. руководители ИМЛИ им. Горького АН СССР сочли необходимым написать, что он — депутат Верховного Совета. Как будто это релевантно — для шведских академиков или для истории мировой литературы... Впрочем, в номинации Р.О. Якобсона содержатся и убедительные аргументы, подтверждающие его высокую оценку русской поэтессы «*sub specie aeternitatis*»⁷⁷.

Венчает номинацию замечание, которое не менее важно, чем ледяной космос вечности: «Стихами Ахматовой восхищаются и старшие, и младшие поколения русских поэтов и читателей».

* * *

Этой прекрасной фразой хотелось бы завершить наш обзор некоторых «маргинальных» русских кандидатур в истории Нобелевской премии по литературе. Они не удостоились звания нобелевского лауреата, но их стихами, романами, философскими трактатами человечество зачитывается и поныне.

Литература

- Анненский 1906 — *Анненский И.* Книга отражений. СПб.: Изд. бр. Башмаковых, 1906.
 Анненский 1979 — *Анненский И.Ф.* Книга отражений. М.: Наука, 1979. (Литературные памятники).
 Бальмонт 2010a — *Бальмонт К.Д.* Собр. соч.: в 7 т. М.: Книговек, 2010.
 Белый 1904 — *Белый А. К.Д.* Бальмонт // *Весы*. 1904. № 3. С. 9–12.
 Белый 1994 — *Белый А.* Бальмонт // *Белый А.* Символизм как миропонимание / сост., вступ. ст. и примеч. Л.А. Сугай. М.: Республика, 1994.
 Бердяев 1949 — *Бердяев Н.А.* Самопознание (опыт философской автобиографии). Париж: YMCA-Press, 1949.
 Бердяев 1991 — *Бердяев Н.* Новое Средневековье: Размышление о судьбе России и Европы. М.: Феникс-ХДС-пресс, 1991.
 Бердяева 2002 — *Бердяева Л.Ю.* Профессия: жена философа / сост., автор предисл. и коммент. Е.В. Бронникова. М.: Молодая гвардия, 2002.
 Бишоп 1999 — *Бишоп М.* Набоков в Корнельском университете / пер. с англ. Г. Стариковского; вступ. заметка Г. Глушанок // *Звезда*. 1999. № 4. С. 152–155.
 Блок 1909 — *Блок А.* Бальмонт // *Речь*. 1909. 2 марта.
 Блок 1962 — *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 5: Проза 1993–1917. М.; Л.: ГИХЛ, 1962.
 Блок 1963 — *Блок А.А.* Собр. соч.: в 8 т. Т. 8: Письма 1898–1921. М.; Л.: ГИХЛ, 1963.
 Богомолов 2004 — *Богомолов Н.А.* Читая брюсовскую переписку: (Несколько заметок) // В.Я. Брюсов и русский модернизм: Сб. ст. / ред.-сост. О.А. Лекманов. М.: Наследие, 2004.
 Брюсов 1912 — *Брюсов В.Я.* Далекие, близкие: Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. М.: Скорпион, 1912. (Статьи из журналов, объединенные под заглавием «К.Д. Бальмонт»: «Будем как солнце!»; «Куст сирени»; «Злые чары и Жар-птица»; «Зеленый вертоград и Хоровод времен».)
 Брюсов 1956 — *Брюсов В.Я.* Что же такое Бальмонт? // Учен. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та. Фак-т языка и лит. Т. 18. Вып. 5. 1956. С. 234–235.

⁷⁷ С точки зрения вечности (*лат.*).

- Брюсов 1975 — *Брюсов В.Я.* Что же такое Бальмонт? // Брюсов В.Я. Собр. соч.: в 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии 1893–1924. Из книги «Далекие и близкие». Miscelanea. М.: ГИХЛ, 1975.
- Венгеров 1904 — Критико-биографический словарь русских писателей и ученых / под ред. С.А. Венгера. Т. 6. СПб.: Семеновская типо-литография (И. Ефрона), 1904.
- Венгеров 1905 — *Венгеров С.* Бальмонт, Константин Дмитриевич // Энциклопедический словарь / изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. Доп. т. I. СПб., 1905. С. 209–212.
- Гофман 1909 — Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Очерки. Стихотворения. Автографы / под ред. М. Гофмана. СПб.: Т-во М.О. Вольф, 1909.
- Гурвич 1931 — *Гурвич Г.Д.* <Рец.:> Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. Изд. «Современные записки», 1931 // Современные записки. 1931. Т. 47. С. 512–516.
- Куприяновский 1998 — *Куприяновский П.В.* К истории взаимоотношений Горького и Бальмонта // Русская литература. 1998. № 2. С. 157–165.
- Куприяновский, Молчанова 2014 — *Куприяновский П.В., Молчанова Н.А.* Бальмонт. М.: Молодая гвардия, 2014.
- Лосский 1931 — *Лосский Н.* <Рец.:> Gourvitch. Les tendencies actuelles de la Philosophie allemande // Современные записки. 1931. Т. 47. С. 508–510.
- Львов-Рогачевский 1910 — *Рогачевский В.* «Лирика современной души»: Русская литература и группа символистов // Современный мир. 1910. № 9. Отд. II. С. 129–130.
- Марченко 2000 — *Марченко Т.* Нобелевский эксперт: русские писатели в оценке Антона Карлгрена (1920-е — 1930-е гг.) // Scando-Slavica. 2000. Т. 46. С. 33–44.
- Марченко 2007 — *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München: Böhlau, 2007. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte; Bd. 55).
- Марченко 2011 — *Марченко Т.В.* Нобелиада Бориса Пастернака: По шведским архивным материалам и периодике / От Бунина до Пастернака: Русская литература в зарубежном восприятии: К юбилеям присуждения Нобелевской премии русским писателям: Международная научная конференция: Москва, 16–19 ноября 2009 г. / сост., науч. ред. Т.В. Марченко. М.: Русский путь, 2011. С. 319–349.
- Молчанова 1993 — *Молчанова Н.А.* Блок о Бальмонте // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. I. Иваново, 1993. С. 66–73.
- Молчанова 1999 — *Молчанова Н.А.* «В мареве родимая земля»: О первой эмигрантской стихотворной книге К.Д. Бальмонта // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. IV. Иваново, 1999. С. 80–87.
- Молчанова 2002 — *Молчанова Н.А.* Мотив «возвращения» в книге К.Д. Бальмонта «Только любовь» // Константин Бальмонт, Марина Цветаева и художественные искания XX века: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. V. Иваново, 2002. С. 15–23.
- Молчанова 2006 — *Молчанова Н.А.* Трансформация сектантских песнопений в книге К.Д. Бальмонта «Зеленый вертоград» // Народная культура сегодня и проблемы ее изучения: Афанасьевский сборник. Материалы и исследования: Сб. статей. Вып. IV. Воронеж, 2006. С. 90–96.
- Петрова 2014 — *Петрова Т.С.* Мотив пути в книге К.Д. Бальмонта «Марево» // Вестник Удмурт. ун-та. История. Филология. 2014. Вып. 2. С. 146–153.
- Примочкина 2007 — *Примочкина Н.Н.* М. Горький и К. Бальмонт: история литературных отношений // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 2007. Т. 66. № 4. С. 3–13.
- Федин 1971 — *Федин К.А.* Собр. соч.: в 10 т. Т. 7. М.: Худ. лит., 1971.
- Флейшман 2013 — *Флейшман Л.С.* Борис Пастернак и Нобелевская премия. М.: Азбуковник, 2013.

- Харер 2004 — *Харер К.* Тройные почести: А.Ф. Лютер и его «Воспоминания» / пер. М. Кореневой // *Звезда*. 2004. № 9. С. 159–168.
- Эллис 1910 — *Эллис (Кобылинский Л.Л.)*. Русские символисты. М.: Мусарет, 1910.
- Hansen-Löve 1989–2014 — *Hansen-Löve A.A.* Der russische Symbolismus. System und Entfaltung der poetischen Motive. Bd. I–III. Wien. Bd. I: Diabolischer Symbolismus. 1989; Bd. II: Kosmische Symbolik. 1998; Bd. III: Mythopoetischer Symbolismus. 2014.
- Hemmer 1922 — *Hemmer J.* Lyriska översättningar. Helsingfors, 1922.
- Markov 1988 — *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont. Bd. I. 1896–1909. Köln; Wien: Böhlau, 1988.
- Markov 1992 — *Markov V.* Kommentar zu den Dichtungen von K.D. Bal'mont. Bd. II. 1910–1917. Köln; Wien: Böhlau, 1992.
- Nobelpriset 2001 — Nobelpriset i litteratur. Nomineringar och utlåtanden, 1901–1950 / utgv. av B. Svensén. Del II: 1921–1950. Stockholm: Svenska Akademien, 2001.
- Pyman 1994 — *Pyman A.* A history of Russian Symbolism. Cambridge Univ. Press, 1994.
- Rysk poesi 1972 — Rysk poesi 1890–1930 / I urval och tolkning av Bengt Jangfeldt och Björn Julén. Stockholm: FIBs [Folket i Bilds] lyrikklubb, 1972.

М.Ю. Сорокина

ЭМИГРАНТ № 1017:
РОМАН ЯКОБСОН В МОСКОВСКИХ АРХИВАХ

5 октября 1921 г. в картотеке Объединения российских земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике (пражский Земгор) появилась новая анкетно-регистрационная запись. Русский эмигрант «№ 1017» был уроженцем Москвы, 25 лет, холост, грамотен, с высшим образованием, не имел постоянного дохода, жил на собственные средства, выехал из России в мае 1920 г., приехал в Прагу из Ревеля (Эстония) 10 июля 1920 г. на счет Красного Креста. Знает немецкий, французский, чешский языки — отмечалось в центральной графе. Ремесло — филолог. Имя — Роман Иосифович Якобсон¹. В тот же день эта фамилия была внесена в «Регистрационный журнал русских эмигрантов» с отметкой — нуждается в паспорте².

Подобные документы заполнялись на тысячи русских беженцев, прибывавших в Прагу — один из европейских центров белой русской эмиграции, возникшей в результате Гражданской войны в России. В самом факте регистрации не было бы ничего удивительного, если бы не два обстоятельства. Во-первых, 24-летний Якобсон приехал в Прагу совсем не как беженец, напротив — как официальный сотрудник миссии советского Красного Креста по репатриации бывших русских военнопленных Первой мировой войны³. Всего через два месяца после приезда, в сентябре 1920 г., он покинул миссию но остался жить в Праге, фактически превратившись в одного из первых советских «невозвращенцев»⁴. А во-вторых, Роман Якобсон никогда не упоминал об этой попытке стать «официальным» русским эмигрантом. Даже в обширном мемуарном интервью Б. Янгфельдту 1977 г., открывшем многие совершенно неизвестные и неожиданные факты «советской»

¹ ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6765. Благодарю М.М. Горинова-мл. за помощь в выявлении этого документа.

² Там же. Д. 6837. Л. 93.

³ Параллельно миссия исполняла функции первого советского представительства в Чехословакии, не имевшей в то время дипломатических отношений со страной побеждавшего большевизма. Первоначально ее возглавлял в прошлом врач и активный деятель Бунда, а ныне большевик Соломон Исидорович Гиллерсон (1869–1939). Обвиненный в шпионаже, он быстро оставил Прагу. Мероприятия по репатриации завершались в конце лета 1921 г., и миссия Красного Креста трансформировалась в советскую торговую миссию с консульскими функциями. Дипломатические отношения между СССР и ЧСР были установлены только в 1934 г.

⁴ Юридически «невозвращенцы» возникли в советской России после обнародования декрета ВЦИК и СНК от 15 декабря 1921 г., предусматривавшего лишение гражданства лиц, выехавших из страны после 7 ноября 1917 г. «без разрешения советской власти», а также тех, кто пробыл за пределами страны свыше пяти лет и не получил в представительствах РСФСР заграничных паспортов.

Объединение Российских Земских и Городских деятелей в Чехословацкой Республике.

Анкетно-регистрационная карточка № 1012

Лит. Я

Место и время регистрации: г. Прага, м. Октябрь, 5, 1921 года. Удостоверение № 640.

Фамилия Якобсон Имя Роман Отчество Гомиславович Регистр. карточка № 1013

Возраст 25 М.сто рождения: г. Москва губ. Московской Адрес Винницкая 14/4

Семейное положение. Холост
 Холост или женат.
 Имя жены
 Возраст жены
 Есть ли дети, сколько
 Перечисление имен и возраста детей

Где находится семья.
 Икнется ли кто либо из
 родных за границей
 Где
Материальное положение.
 Икнет ли какин либо пособие, дохода
 Размѣр дохода, заработка
 Где служит, работает
 Нуждается ли в материальной помощи,
 какой
 Получает ли откуды либо помощь, откуды и
 какуку

Заключение контроля, ссылка на двух
 лиц, иквѣщих правоѣрные документы,
 удостоверение союза или общества.

Общие вопросы.
 Какже документы, удостоѣвляющие личность, иквѣют-
 ся на руках
 Нужен ли вид на жительство
 Откуда прибыл в Чехию
 В каких государствах проживала до прибыда в
 Чехию
 Когда прибыл
 На чей счет прибыл
 Когда выѣхал из России
Образовательный курс.
 Грамотен или нѣт
 Где получал образование
 Какое
 Какие знает языки
 Желает ли доучиться какое-либо образование

Специальн. воп. для военнопольт.
 Когда попал в плен
 Где
 Через какие лагеря прошел
 Состоит ли в союзах военнопольт.
 Привѣчае:

Желает ли обучать своих детей.
Вопросы труда.
 Какое знает ремесло
 Чем занимался в России
 Нуждается ли в работѣ
 Не желает ли изучать спец. ремесло
 Не желает ли усоверш. по своей спец.

Подпись контролера
 Подпись заявителя

Видѣющий отдѣлом

Анкетно-регистрационная карточка Р. Якобсона. Прага. Октябрь 1921 г. ГАРФ.
 Публикуется впервые

жизни молодого Якобсона (см.: [Якобсон 2012, с. 21–112]), он ни словом не обмолвился о своем «хождении» в пражский Земгор.

Возможно, ученый просто забыл об этом малозначительном для него эпизоде, тем более что регистрация в антисоветской эмигрантской организации прошла незамеченной и не имела никаких последствий для его «советской» карьеры: с 1923 по 1927 г. юридически, а до 1928 г. фактически Р.О. Якобсон был сотрудником советской дипломатической миссии в Праге — заведующим ее отделом печати, с советским паспортом⁵ и возможностью вернуться на родину. А может быть, спасительный механизм забвения специально отправил неудобное воспоминание на самую отдаленную периферию его памяти, к тому же беспрепятственное перемещение между «белыми» и «красными», советской и эмигрантской организациями в начале 1920-х гг. — явление вполне заурядное, хотя и недостаточно акцентируемое в историографии российского зарубежья.

Все же трудно поверить, что такая кардинальная «смена вех» была малозначима для молодого ученого, особенно в перспективе дальнейших фантастических траекторий его судьбы (см.: [Генис 2009; Сорокина 2000; Якобсон 1999]). Скорее, очевидная недосказанность этого важного для понимания гражданской биографии Якобсона факта — результат того, насколько сложны и непредсказуемы паттерны эмигрантской жизни вообще. И только фотография на эмигрантской регистрационной карточке ясно показывает, сколь мучительны и неоднозначны были для Романа Якобсона принятые в эти годы решения.

⁵ Обладателем советского паспорта, т. е. гражданином СССР, Р.О. Якобсон был до 1937 г. В 1938 г. он принял гражданство ЧСР.

Биографический дискурс беженцев и эмигрантов XX столетия — один из самых скрытных и ненадежных источников. Многие элементы биографий ученых-эмигрантов (даты рождения и кончины, социальное происхождение, подданство, профессиональный статус и др.), приводимые в различных вторичных источниках, и литературе, и даже в собственноручно написанных в эмиграции Curriculum vitae, также разительно отличаются. И причиной тому не только и не столько естественные ошибки памяти, сколько в первую очередь выбор самих научных специалистов, конструировавших свои новые идентичности — как в зависимости от адресата CV, так и от того, кем они себя сами осознавали и кем хотели бы остаться в истории науки и/или памяти потомков, — условно говоря: «русским ученым, работавшим в Чехословакии» или «чешским ученым русского происхождения» (возможны и другие варианты).

Реконструкция их жизненного пути на основе подлинных архивных документов — единственный путь восстановления реальной, а не мифологизированной биографии, а с ней мотивации и логики многих решений и поступков. В случае Романа Якобсона контраст между обилием литературы и документально подтвержденным знанием особенно выразителен для раннего — «русского» (преимущественно московского) — периода жизни филолога. Еще в 1996 г. на международной научной конференции в Москве, отмечавшей столетний юбилей ученого, В.Н. Топоров говорил о необходимости «восстановить биографию Якобсона московского периода» (цит. по: [Якобсон 2000, с. 66]), а многие исследователи и позже неоднократно замечали, что «русские» годы Якобсона очень слабо документированы (см., например: [Янгиров 1995–1996, с. 318; Глебов 2010; и др.]).

Действительно, фактическая канва жизни Р. Якобсона 1910-х — начала 1920-х гг. базируется в основном на воспоминаниях и публикациях переписки ученого, которые по понятным причинам сфокусированы прежде всего на научном (Московский лингвистический кружок, футуристы, формалисты) и дружеском (Брики — Маяковский) контекстах. Важнейшим и нередко единственным источником о его бурной «параллельной» жизни — личной, служебной и общественно-политической — остается уже указанное интервью Р. Якобсона Б. Янгфельдту, содержательный потенциал которого явно недооценивается исследователями. Однако, по крайней мере в опубликованном виде, и оно содержит многочисленные лакуны и нередко — в самых интригующих местах.

Так, например, Якобсон довольно скупо рассказывает о своей семье и ее московском окружении, гимназической и университетской среде, о своих политических симпатиях и контактах в ранние годы. Фигурами умолчания остаются его сотрудничество с Народным комиссариатом иностранных дел советской России (НКВД), официальная и неофициальная работа в советской дипломатической миссии в Праге (Чехословакия) в 1923–1928 гг. и то, как они отражались на отношениях филолога с русской эмигрантской Прагой и чехословацким академическим миром⁶.

В то же время в беседах с Б. Янгфельдтом Роман Якобсон расставил своего рода маячки, обозначив многие важные «проблемные зоны» для своих биографов. Так, именно здесь он впервые упоминает о своей экспертной деятельности

⁶ Впрочем, стоит заметить, что интервьюера эти вопросы и не очень-то интересовали.

летом 1918 г. — участия в подготовке документов для переговоров делегации советской России с правительством гетмана П.П. Скоропадского о межгосударственных границах России и Украины, в которых на разных этапах были задействованы такие важнейшие фигуры большевистской государственной элиты, как И.В. Сталин, Х.Г. Раковский, Д.З. Мануильский и К.А. Уманский [Якобсон 2012, с. 66–67]. Поставленный в общий событийный контекст времени, этот эпизод оказывается знаковым, приоткрывая зону активного взаимодействия Р. Якобсона с советскими чиновниками среднего и высшего уровня и заставляя усомниться в точности его определений своих советских служб как «случайных». Томаш Гланц в недавней статье пишет даже о «московской революционной карьере Якобсона», правда, связывая ее с деятельностью филолога летом 1919 г. как ученого секретаря отдела изобразительного искусства (ИЗО) Народного комиссариата по просвещению РСФСР (НКП, Наркомпроса) при Осипе Брике [Гланц 2016, с. 103]. Однако очевидно, что нижнюю хронологическую границу этой «карьеры» следует существенно перенести во времени и тем более уточнить ее содержание.

Своего рода ключ к пониманию своих советских трансформаций Якобсон дал еще в письме Эльзе Каган в сентябре 1920 г.: «...не одну, десять жизней пережил каждый из нас за последние два года. Я, к примеру, был за последние годы — контрреволюционером, ученым, и не из худых, ученым секретарем заведующего отделом искусств Брика, дезертиром, картежником, незаменимым специалистом в топливном учреждении, литератором, юмористом, репортером, дипломатом, на всех романтических *emproi* и прочее, и прочее» [Якобсон 2012, с. 131]. Документально зафиксировать и сложить в единую картину эти «десять жизней», пришедшихся всего на два-три года большевистской революции и Гражданской войны, — задача весьма сложная. Один из путей ее решения — фронтальное выявление архивных документов, связанных с «русским периодом» Романа Якобсона. Это тем более важно, что российские архивы, за исключением личных фондов ученых, слабо изучены в данной перспективе. Между тем многочисленные служебные документы, сопровождавшие «советскую карьеру» Якобсона, позволяют, например, наметить непосредственную, хотя нередко амбивалентную и разнонаправленную, связь публичной и общественной деятельности филолога с его научной работой и документировать тезис Т. Гланца о принадлежности Р. Якобсона к тому «типу интеллектуальной и социальной активности», который «формировался как революционный акт и революционное действие» [Гланц 2016, с. 102]. Создание единого метатекста «якобсонианы», цифровое воссоединение кажущихся разрозненными фрагментов и осколков незаурядной жизни и научного наследия Романа Якобсона — программа на будущее. Но только ее реализация позволит подтвердить, опровергнуть или по-новому интерпретировать ту насыщенную мифологическую составляющую, которая плотно окружает судьбу Якобсона. Пример такой процедуры показал все тот же Т. Гланц, убедительно доказавший, что «миф о Якобсоне в межвоенной Чехословакии как об интернациональной интеллектуальной идиллии» очень далек от исторической реальности [Якобсон 2011, с. 109].

В рамках настоящей статьи мы обозначим некоторые перспективные для «якобсоноведения» возможности архивной эвристики на трех примерах — документах, извлеченных из фондов нескольких, совершенно разных по уровню

российских архивов, — национального — Государственного архива Российской Федерации, муниципального — городского архива Москвы и ведомственного — Архива Российской академии наук.

МОСКОВСКИЕ ГОДЫ

Московские годы Романа Якобсона — 1896–1920 — вместили эпохальные исторические события (мировая и Гражданская войны, три революции), имевшие огромное влияние на его жизнь и профессиональную карьеру. Москвич по рождению, Якобсон был жителем одного из деловых центров города. В этом районе — на Лубянке, Сретенке, Мясницкой и Маросейке, рядом с Московской хоральной синагогой — жили семьи московской еврейской буржуазной элиты: состоятельные предприниматели и адвокаты, профессора и артисты. Многие из них — Каганы, Якобсоны, Брики, Румеры, Вермели и др. — были связаны родственными узами, которые нередко перерастали в тесные дружеские и профессиональные связи. К их кругу принадлежал и главный раввин Москвы Яков Исаевич Мазе (1859–1924)⁷, составивший и подписавший метрическое свидетельство о рождении Романа Якобсона в доме Шиллинга по Милютинскому переулку (Мясницкая часть, 1-й участок)⁸.

Выбор гимназии для обучения сыновей⁹ в семье Якобсонов, выходцев из западных губерний Российской империи, вероятно, диктовался многими факторами — от степени близости к дому и системы обучения до учета интересов отцовского бизнеса. Согласно данным официального списка учащихся Политехнического училища в Риге, отец Романа Якобсона Осип (Иосель-Бер, Ossip, Jossei) Абрамович (Абелевич) Якобсон (Jakobsohn) родился в январе 1866 г. в Ковенской губернии Российской империи (ныне Литва) и окончил реальное училище в г. Великие Луки Псковской губернии (см.: [Album 1912, р. 219])¹⁰. В опубликованных «Отчетах» этого училища имя Якобсона-старшего появляется в 1882/83 учебном году как ученика IV класса. На протяжении учебы он всегда был одним из пяти лучших учеников класса, а в 1886 г. получил «Аттестат об окончании курса» в числе десяти первых учеников. Любопытно, что попечителем училища являлся известный историк, издатель крупнейшего исторического журнала «Русская старина» М.И. Семевский (1837–1892), который в качестве награды за успешную учебу подарил отцу Романа Якобсона комплект этого журнала за 1885 г. «в хорошем переплете» [Отчет 1886, с. 22–23]. Получив в Риге образование инженера-химика, Осип Якобсон преуспел, однако, не в научной или производственной сфере, а в торговле восточными товарами (рис, чай) в Москве. Нередко приводящиеся сведения о том, что он был купцом 1-й гильдии, вероятно, легендарны. Нам не удалось обнаружить никаких до-

⁷ Сын раввина Сергей (1900–1994) впоследствии стал коллегой Якобсона по Московской диалектологической комиссии и Московскому лингвистическому кружку.

⁸ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 328. Д. 2638. Л. 13–13 об.

⁹ Брат Р.О. Якобсона, известный в будущем историк и библиограф Сергей (1901–1979) также учился в ЛИВЯ в 1910–1918 гг., см.: ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 2. Д. 3263.

¹⁰ Мать Р. Якобсона — Анна Янкелевна (урожд. Вольперт) была уроженкой Риги.

кументов, подтверждающих его причисление к купеческому сословию и тем более к 1-й гильдии. Торговля бакалейными товарами — так определяет «Вся Москва» занятия старшего Якобсона. Не исключено, что своим бизнесом он был связан с владельцем доходного дома, в котором находилась квартира Якобсонов (Лубянский проезд, д. 3, затем д. 6), — купцом-миллионером Н.Д. Стахеевым (1852–1933), имевшим значительные деловые связи в Китае¹¹.

Возможно, потенциальные интересы бизнеса сыграли известную роль в определении сыновей Якобсона в учебное заведение, связанное с азиатским регионом. Совсем недалеко от их квартиры, в Армянском переулке, располагался Лазаревский институт восточных языков (ЛИВЯ), имевший и свои гимназические классы. Обучение в ЛИВЯ приравнялось к получению высшего образования. Здесь широко изучались восточные языки и культура, а институт в целом был первым российским специализированным училищем, готовившим переводчиков и консульских работников для дипломатических представительств России в странах Востока. ЛИВЯ окончили многие известные российские востоковеды и дипломаты, в том числе академик В.А. Гордлевский (1876–1956), профессор Кембриджа В.Ф. Минорский (1877–1966), будущий евразиец, крупнейший специалист по курдам и знаемец В.Б. Шкловского по Персии В.П. Никитин (1885–1960)¹² и многие другие.

Роман Якобсон учился не в ЛИВЯ, как нередко пишут, а в его гимназических классах, выпускники которых имели все права выпускников классических гимназий ведомства Министерства народного просвещения, в том числе прямого поступления в университеты. Но в отличие от классических гимназий, сюда принимались дети любой религиозной принадлежности. А у Якобсона и в гимназии, и в Московском университете в графе «вероисповедание» всегда стояло — «иудейское»¹³. Вопрос сохранения национально-конфессиональной идентичности был, без сомнения, весьма важен для родителей будущего филолога, отправивших сына не в гимназии по соседству (например, известная 3-я гимназия была совсем рядом с квартирой Якобсонов), а в такое учебное заведение, которое позволяло беспрепятственно сохранять эту идентичность.

Таким образом, дипломатическая и лингвистические линии судьбы Романа Якобсона проектировались еще с детства, и совсем не случайно мотив «посредника как переводчика» так зримо присутствует в его «будетлянских» воспоминаниях¹⁴.

В августе 1905 г. Якобсон поступил в гимназические классы ЛИВЯ, полный курс окончил в мае 1914 г. с серебряной медалью. Фонд института (№ 213) очень неплохо

¹¹ Дом № 6 теперь известен книжным магазином «Библио-Глобус».

¹² О связях В.П. Никитина и В.Б. Шкловского см.: [Сорокина 2001; 2014].

¹³ Якобсон крестился только в 1938 г. Его крестным был евразиец П.Н. Савицкий.

¹⁴ Так, вспоминая о встрече М. Ларионова и Ф. Маринетти в ресторане в 1914 г., Якобсон отмечает: «Я им был нужен, потому что почти никто из русских не говорил по-французски, и я служил как бы переводчиком» [Якобсон 2012, с. 37]. Вяч. Вс. Иванов приводит слова Р. Якобсона о проницательности Осипа Брика, который предрекал, что ему предстоит быть дипломатом. «Лилия Юрьевна и другие присутствовавшие удивились: как же так? В чем верность предсказания? Якобсон отвечал уклончиво, — рассказывает Иванов, подмечая, — но, видно, ему казалось, что в его деятельности есть нечто в этом духе» [Иванов 1999, цит. по: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/ivanov.html>].

хо сохранился в Центральном государственном историческом архиве г. Москвы¹⁵ и дает довольно полное представление об идейной атмосфере и интеллектуальной среде, в которых происходило становление будущего ученого. Педагогический совет гимназических классов ЛИВЯ, интернациональный по составу и космополитичный по духу, до 1911 г. возглавлял известный языковед и этнограф, профессор Московского университета Всеволод Федорович Миллер (1848–1913). Немецкий язык преподавал автор учебника этого языка латыш Карл Христофорович Зоргенфрей (Карлис Зоргенфрейс; 1852–?). Учителем французского языка у Якобсона был Генрих Эдмундович Тастевен (1881–1915) [Певак 2008], литературный и художественный критик, переводчик с французского языка и секретарь журнала «Золотое руно» (1907–1909). В 1914 г. он выпустил небольшую книжечку «Футуризм. (На пути к новому символизму)», в приложении которой были опубликованы манифесты Ф. Маринетти (Marinetti; 1876–1944), так что все его ученики сразу оказались сопричастны «пеклу творения» русского авангарда. «У меня с ним были дружеские отношения <...> — вспоминал Якобсон. — Нисколько не учитель-педант, а культурный деятель богемно-интеллигентного типа» [Якобсон 2012, с. 26–27].

Сохранившиеся в архиве отчеты классных наставников гимназистов ЛИВЯ, потрясающие по детализации, содержат сведения обо всех сторонах ученической жизни — от количества и причин пропуска занятий, времени, потраченного на экзамены, до психологических характеристик способностей и недостатков учеников¹⁶. В классе Романа Якобсона, который оказался последним, успевшим завершить учебу в мирное время, до начала Первой мировой войны, было чуть более тридцати учеников. Среди них преобладали представители пассионарных национальных меньшинств Российской империи: армяне, поляки, осетины, евреи. Многие из них увлекались эсеровскими идеями и особенно — практиками революционной борьбы с самодержавным режимом на улицах Москвы и в тайных организациях, что неоднократно приводило к их арестам и исключению из гимназии¹⁷. Неудивительно, что средняя успеваемость класса Якобсона составляла три с половиной балла из пяти, между тем классный инспектор И.С. Тандов отмечал, что этот «класс не из сильно неуспевающих»¹⁸.

В отличие от одноклассников, средний бал успеваемости Романа Якобсона был существенно выше — 4,85 (четверка только по географии), и он всегда занимал лидирующую позицию в классном рейтинге¹⁹. Примерно с 1913 г., времени всепоглощающего увлечения футуризмом, Якобсон стал пропускать много занятий, а его успеваемость упала — появились четверки по латыни, греческому и даже французскому и немецкому языкам²⁰. В конечном итоге четверка по латыни,

¹⁵ Однако личное дело Р.О. Якобсона в этом фонде не сохранилось.

¹⁶ См., например: ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1634, 1678 и др.

¹⁷ См., например: Там же. Д. 1337.

¹⁸ Там же. Д. 1499. Л. 24 об.

¹⁹ Там же. Л. 23.

²⁰ Так, только в первой половине 1913 г. Якобсон пропустил 85 уроков (что соответствовало 19 учебным дням); затем еще 65 (Там же. Д. 1678. Л. 21 об. — 22, 43–44 об.).

полученная на испытаниях на «Аттестат зрелости», лишила Якобсона золотой медали. Зато экзамен по немецкому языку он сдал «без подготовки и первым без билета»²¹. В то же время на письменных испытаниях по русскому языку юноша подал сочинение на тему «Культура деловитости в романах Гончарова “Обыкновенная история” и “Обломов”» последним из учеников 8-го класса — через 2 часа 20 минут²², и уже в «Аттестате зрелости» педагоги-лазаревцы особо отметили успехи Р. Якобсона в русской словесности²³.

Кроме него, «отличников» в классе было еще трое — Исаак Кан²⁴, Андрей Баландин (издатель и соредатор Якобсона по школьному журналу «Мысли ученика»), а также Арам Варданян, — и в знак отличия все они носили «золотые петлицы». Но и среди других одноклассников можно назвать немало любопытных персонажей. Владимир Жебровский, о котором Якобсон неоднократно упоминает в «Будетлянине» как о своем близком приятеле, после Гражданской войны служил в советской разведке в Китае²⁵, а Наум Вермель принадлежал к известному и обширному родственному клану ученых, писателей и художников. На четыре класса младше Якобсона учился В.М. Эйтингон (р. 1899). Заметим также, что в мае 1909 г. в ЛИВЯ прошла все испытания на «Аттестат зрелости» Лили Юрьевна Каган, получившая не только тройки по большинству предметов, но и две пятерки — по математической географии и немецкому языку²⁶.

Этот беглый обзор гимназической среды Романа Якобсона показывает, что абстрактный для многих «Восток» уже с юности был для него вполне предметен, осязаем и наполнен не столько поэтическими стереотипами мистики и таинственности, сколько вполне конкретной атмосферой политического активизма «окраинных» народов. Казалось, именно им российские революции 1917 г. открывали все возможности для блестящей карьеры и счастливой судьбы, и первые пореволюционные годы подтверждали это.

После окончания гимназических классов ЛИВЯ 24 июня 1914 г. Роман Якобсон подал прошение о зачислении на историко-филологический факультет Московского университета²⁷. Спустя четыре года, в мае 1918, он получил «Свидетельство» от факультета о прохождении всего учебного плана по секции языка славяно-русского отделения и сдаче выпускных экзаменов в испытательной ко-

²¹ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 1. Д. 1727. Л. 57.

²² Там же. Л. 12–12 об.

²³ Там же. Ф. 418. Оп. 328. Д. 2638. Л. 11.

²⁴ Кан Исаак Львович (1895–1945) — издатель гимназического журнала «Мысль ученика». Вместе с Я. Буслаевым, П. Богатыревым и Р. Якобсоном участвовал в диалектологических поездках по уездам Московской губернии (1915). Эмигрировал в Берлин, затем жил в Праге. Архитектор.

²⁵ По возвращении в СССР в 1937 г. зачислен научным сотрудником секции маньчжуроведения Китайского кабинета Института востоковедения АН СССР. Арестован 29 марта 1938 г. Обвинен по статье 58-1а УК РСФСР. 29 октября 1939 г. приговорен ОСО при НКВД СССР к высылке в Казахстан на 5 лет. Вероятно, погиб. См.: [Васильков, Сорокина 2003, с. 163].

²⁶ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 213. Оп. 2. Д. 3334.

²⁷ Там же. Ф. 418. Оп. 328. Д. 2638. Л. 9.

Фрагмент личного студенческого дела Р. Якобсона. 1914 г. ЦГАМ. ОХД до 1917

миссии «весьма удовлетворительно»²⁸. Любопытно, что в личном деле выпускника Якобсона ни слова не говорится, получил ли он диплом и писал ли дипломное сочинение. Интересно и то, что, когда в ноябре 1918 г. Якобсон был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, тема его магистерской диссертации в документах не фигурирует. Похоже, что в этот момент статус «магистранта» был нужен ему прежде всего для освобождения от воинской повинности, грозившей отправкой на фронт братоубийственной Гражданской войны²⁹. В последующие годы бегство от мобилизации стало едва ли не главной мотивацией советской служебной карьеры Р.О. Якобсона³⁰.

В архиве Народного комиссариата по просвещению РСФСР сохранилось два личных дела филолога, свидетельствующие, что его сотрудничество с Нарком-

²⁸ Там же. Л. 1–3 об.

²⁹ Нам пока не удалось обнаружить какой-либо подлинный документ Московского университета, подтверждающий этот факт.

³⁰ Так, «Личная карточка сотрудника НКП», сохранившаяся в одном из личных дел Якобсона, фиксировала: «Пост. Центр. Приемн. Ком.: освободить от военной службы. 19.X.1918» (ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 67. Д. 114. Л. 1).

просом началось в сентябре 1918 г. как консультанта подотдела гуманитарных наук Отдела реформы школ. Стоит напомнить, что сам наркомат был сформирован только в июне 1918 г., а Отдел реформы школ должен был руководить одной из важнейших составляющих большевистской культурной революции — кардинальным изменением программ преподавания и созданием новых школьных институций. Якобсон работал здесь «сдельно»³¹, как и многие другие интеллектуалы, стремившиеся непосредственно участвовать в формировании «нового человека». Например, там же, но в подотделе художественного развития учащихся, служил Осип Эмильевич Мандельштам (1891–1938) [Нерлер 1989], регулярно, как показывают архивные протоколы, посещавший заседания коллегии Отдела реформы школ и его подотдела и даже успешно проводивший здесь свои начинания³². Так, с именем поэта был связан проект создания Центрального института ритмического воспитания, и под сметой, выделявшей на его организацию 640 150 рублей, стояла подпись самого Мандельштама³³. Воспоминания искусствоведа и переводчика С.Г. Вышеславцевой (1890–1975), в первые годы советской власти сотрудника Наркомпроса, свидетельствуют о самых разнообразных «ответственных заданиях» новых управленцев: «Помню, например, — писала она, — как мы вдвоем <с Осипом Эмильевичем> ходили по району Остоженки и Пречистенки (Наркомпрос помещался возле Крымского моста), присматривая, какой бы нам реквизи-ровать старинный особняк, наиболее подходящий для организации в нем Курсов или Института популярной в то время ритмической гимнастики по системе Далькроза... Помню растерянные лица немногих оставшихся в Москве хозяев или уполномоченных этих аристократических особняков и их робкие, неуверенные ответы на вопросы, которыми мы их забрасывали. Держались мы с Осипом Эмильевичем очень важно — как представители Наркомпроса, советской власти...» [Вышеславцева 2001]³⁴.

Молодой философ Яков Эммануилович Голосовкер (1890–1967), будущий автор «Сказаний о титанах» и «Логики мифа», также не без успеха проводил в Наркомпросе свой проект — учреждение юношеской гуманитарной академии. И хотя старшие товарищи проницательно указывали, что эта академия — «любопытный уголок в стороне от жизни. Это античная культура, Платоновская Академия, попытка — вне жизни создать ту рошу блаженных, где будет идти интенсивная умственная работа по приведению в порядочный вид разных элементов культуры, рассыпанных на протяжении веков. <...> Проект... пытается создать в стороне то, что нам совершенно не нужно»³⁵, молодость, задор и связи инициатора делали свое дело. Несмотря на жесткую критику некоторых коллег, Я.Э. Голосовкер получил возможность создать специальную комиссию по проведению в жизнь

³¹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 67. Д. 114. Л. 1.

³² Там же. Оп. 6. Д. 4. Л. 210, 258, 291 и др.

³³ Там же. Л. 234–235.

³⁴ Цит. по: <http://www.pressa.spb.ru/newspapers/spbved/2001/arts/spbved-2396-art-21.html> (дата обращения: 20.09.2016).

³⁵ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 6. Д. 4. Л. 166.

своего проекта, членами которой стали философ и психолог Г.Г. Шпет, писатель Е.Г. Лундберг, психолог К.Н. Корнилов и др.³⁶ В недалеком будущем почти все они окажутся по разные стороны советских идеологических и академических баррикад, но в первые годы большевистской власти было еще совсем неясно, кто станет «гением», а кто «злодеем», и Наркомпрос А.В. Луначарского служил трамплином институциональной карьеры для всех профессионалов, стартовавших с большевиками.

В отличие от О.Э. Мандельштама и Я.Э. Голосовкера, Р.О. Якобсон не стремился инициировать в советском Наркомпросе какие-либо новые институты. Во всяком случае, нам не удалось обнаружить ни одного подобного проекта, связанного с его именем, хотя известно, что Московский лингвистический кружок вошел в список учреждений Наркомпроса и тем самым получил небольшую государственную субсидию [Шапир 1996, с. 363].

Личное дело Р.О. Якобсона фиксирует еще одно наркомпросовское назначение — с 23 января по 28 марта 1919 г. он считался прикомандированным к Коллегии по делам музеев, которую возглавляла Н.И. Седова, жена Л.Д. Троцкого³⁷, но и здесь следов его деятельности не видно. Только 15 апреля 1919 г. по протекции О. Брика, заместителя заведующего и члена коллегии Отдела изобразительных искусств Наркомпроса³⁸, Якобсону удалось поступить в комиссариат на штатную должность — ученого секретаря этого отдела с окладом 2110 рублей, которую он и занимал ровно пять месяцев, до 15 сентября того же года, когда был уволен «согласно поданному им заявлению»³⁹.

Зато история сотрудничества Романа Якобсона с Народным комиссариатом по иностранным делам заслуживает отдельного и самого детального изучения. И потому, что она длилась почти десять лет, и потому, что именно здесь, на пересечении личных, политических и государственных интересов и стратегий, наиболее наглядно проявлялась тесная прагматическая связь идеологического и академического в практике российской революционной эпохи.

Об опыте общения с советским НКВД летом 1918 г. Р.О. Якобсон впервые рассказал все тому же Б. Янгфельдту в 1977 г. [Якобсон 2012, с. 66–67]. История, которую он поведал, поначалу кажется фантастической и хлестаковской: якобы летом 1918 г. Якобсона, только что окончившего Московский университет, разыскали сотрудники наркомата, чтобы выяснить содержание термина «языковые границы», которым оперировала украинская делегация правительства гетмана П.П. Скоропадского на переговорах о новых межгосударственных границах с советской Россией.

Переговоры начались в столице независимой Украины в конце мая 1918 г., после прихода к власти гетмана П.П. Скоропадского, и имели огромное значе-

³⁶ Там же. Л. 167.

³⁷ Там же. Оп. 67. Д. 114.

³⁸ В «Будетлянине» Якобсон упорно называет его заведующим, хотя эту должность занимал художник Д.П. Штеренберг.

³⁹ ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 67. Д. 15. Л. 2–3; Д. 114. Л. 1.

ние, ибо здесь впервые делалась попытка установить реальную границу новых государственных образований в постимперском пространстве. Украинскую делегацию возглавлял известный юрист, в тот момент генеральный судья УНР и сенатор С.П. Шелухин (1864–1938), российскую — известный революционер болгарского происхождения, незадолго до этого возглавлявший в Одессе Верховную автономную коллегия по борьбе с контрреволюцией в Румынии и на Украине, а впоследствии глава правительства уже советской Украины Х.Г. Раковский (1873–1941).

Советская Россия в его лице предлагала при определении границ руководствоваться принципом самоопределения народов, между тем украинская сторона настаивала на этнографическом принципе и стремилась провести границы по линии, отделявшей германские оккупационные войска от советской России. Она также предъявляла претензии на некоторые территории смежных губерний — Воронежской, Курской и других (14 уездов), где большинство населения якобы составляли украинцы, и ряд территорий Области Войска Донского, занятых на тот момент германскими военными. При этом украинские переговорщики ссылались на данные изданного в 1915 г. «Опыта диалектологической карты русского языка в Европе», где впервые были показаны территории распространения и диалектное членение русского, украинского и белорусского языков⁴⁰. Территориальные претензии гетманского правительства и подвигли большевистское руководство срочно обратиться за консультацией к авторам карты — Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколову и Д.Н. Ушакову. Однако первый из них находился в это время в Саратове, второй — в Воронеже (см.: [Амбросович 2014; Живов 2000, с. XI]) и только Д.Н. Ушаков оказался в пределах быстрой досягаемости.

Университетский учитель Романа Якобсона, профессор Московского университета и председатель Московской диалектологической комиссии (МДК) Дмитрий Николаевич Ушаков (1873–1942) с дореволюционных времен был известен как сторонник реформы русской орфографии и после 1917 г. естественным образом оказался в центре всех организационных новаций, связанных с изменением преподавания русского языка. Неудивительно, что он почти сразу вошел в число тех научных специалистов, которых большевики широко привлекали к работе в качестве правительственных экспертов. Отбором экспертов занимался заместитель наркома просвещения А.В. Луначарского, бывший политэмигрант и историк М.Н. Покровский (1868–1932), курировавший в Наркомпросе вопросы гуманитарного образования. Именно он давал рекомендации, кого из «старых» профессоров приглашать для экспертной работы в советские наркоматы, в том числе НКВД, и, по-видимому, своим приглашением Д.Н. Ушаков был обязан ему.

В личном фонде Д.Н. Ушакова (№ 502) в Архиве Российской академии наук сохранились многочисленные документы, детально раскрывающие механизм и характер взаимодействия московской филологической профессуры с новой большевистской властью. И среди них — письмо Научного отдела Наркомпроса

⁴⁰ Одна из первых печатных работ Р.О. Якобсона — рецензия на это издание, см.: Этнографическое обозрение. 1916. № 109–110. С. 102–107.

Д.Н. Ушакову от 26 июня 1918 г. с просьбой «...по встретившейся экстренно необходимости в связи с мирными переговорами с Украиной <...> пожаловать на совещание, имеющее быть завтра 27 сего июня в 1 час дня в здании НКП, Остоженка, 53...»⁴¹. Наркомпросовский запрос тем более важен, что 22 июня на российско-украинских переговорах была оглашена компромиссная резолюция, предполагавшая в основу пограничного размежевания положить этнографический принцип с проведением, однако, в отдельных спорных местностях опроса населения по этому поводу. Таким образом, в состав Украинской державы включались бы десять уездов Воронежской, Курской и Орловской губерний, четыре северных уезда Черниговской и до трети Донской областей, что, конечно, вряд ли устраивало советские власти в Москве. И 5 июля профессору Д.Н. Ушакову было отправлено еще одно письмо с просьбой «...не отказать в спешном порядке сообщить все новейшие статистические данные о племенном составе населения Черниговской, Курской и Воронежской губерний и Области Войска Донского и прислать соответствующие этнографические карты и материалы, а также указать лиц, желательно в Москве и Петрограде, могущих консультировать по этому специальному вопросу»⁴².

Неизвестно, почему Д.Н. Ушаков не захотел или не смог лично просветить новую власть — летом 1918 г. он жил на даче в Подольском уезде, совсем недалеко от Москвы, но «лицом, могущим консультировать по этому специальному вопросу» оказался 24-летний Роман Якобсон. По его словам, вместе с профессором они составили для большевистских переговорщиков письмо с обоснованием «небесспорности» языковых границ и возможности их оспаривания [Якобсон 2012, с. 66–67]. В личном архиве Ушакова сохранился черновик этого письма (автограф Д.Н. Ушакова), гласящий: «Имеющиеся на этой карте границы, являющиеся границами специально языкового явления, могут не совпадать с этнографическими границами современных народностей. Границы приходилось проводить вообще приблизительно ввиду или недостаточности, или сырости материала, в частности же в указанных губерниях материал в особенности был несовершенен, что отмечено нами в примеч. 13 и след. на стр. 83 и след. очерка. Наконец, в отнесении уездов со смешанным населением к тому или иному наречию в нашей карте могут быть ошибки очень крупные, на что указано в тех же примеч. на стр. 83 и след.»⁴³

Трудно сказать, насколько экспертное участие Романа Якобсона в этих российско-украинских переговорах было значительным, ибо события Гражданской войны уже к началу осени 1918 г. сделали переговоры с гетманом Скоропадским неактуальными. Но события лета 1918 г., вероятно, стали тем мостиком, который ввел недавнего выпускника Московского университета слависта Якобсона в круг высокопоставленных советских чиновников от иностранных дел, что сыграло значительную роль в его дальнейшей «европейской» судьбе.

На протяжении 1918–1921 гг. Д.Н. Ушаков и его коллеги по МДК, в том числе и Роман Якобсон, неоднократно консультировали НКВД и готовили научные мате-

⁴¹ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 66. Л. 2. Наркомпрос располагался в здании бывшего Катковского лицея.

⁴² Там же. Л. 1.

⁴³ Там же. Л. 3–4.

риалы и специальные доклады для его комиссий по мирным переговорам с Польшей и Латвией 1920 г., которые также занимались проблемами установления границ. При содействии научных специалистов, предоставлявших этнографические, статистические, конфессиональные и другие данные об этнической и языковой принадлежности населения пограничных областей, в том числе Литвы и Беларуси, советский НКВД пытался доказать полякам, что занятая ими часть Беларуси и Украины исторически никогда не принадлежала польской короне. Многие указанные материалы также сохранились в архиве Д.Н. Ушакова в рукописном виде, в том числе записки, подготовленные Р. Яковсоном, и по ним видно, как тщательно и детально разрабатывался каждый вопрос⁴⁴.

Кроме того, в этом же архиве в разделе «Труды других лиц» сохранилась копия пятистраничного машинописного текста, на первом листе которого рукой Д.Н. Ушакова вписано: «Р.О. Яковсон. К вопросу о нац<иональном> самоопределении»⁴⁵. Машинопись не датирована, но если принять ушаковскую атрибуцию текста, то другой документ из его архива — краткая запись 117-го заседания МДК от 30 апреля 1920 г., зафиксировавшая, что в этот день обсуждался доклад Р. Яковсона «Самоопределение народностей»⁴⁶, позволяет предположить, что упомянутая машинопись и есть запись этого выступления — вероятно, последнего публичного выступления в советской России.

Приведем его полностью:

<К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ>

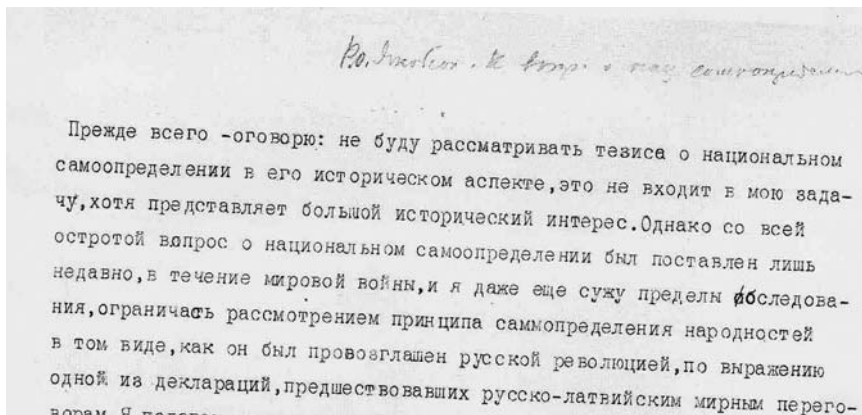
Прежде всего — оговорю: не буду рассматривать тезиса о национальном самоопределении в его историческом аспекте, это не входит в мою задачу, хотя представляет большой исторический интерес. Однако со всей остротой вопрос о национальном самоопределении был поставлен лишь недавно, в течение мировой войны, и я даже еще сужу пределы исследования, ограничась рассмотрением принципа самоопределения народностей в том виде, как он был провозглашен русской революцией, по выражению одной из деклараций, предшествовавших русско-латвийским мирным переговорам. Я полагаю несомненным, что Вильсонова формула⁴⁷ и ее осуществление под эгидой Лиги Наций представляет значительно более вольную интерпретацию принципа, о котором идет речь. Доста-

⁴⁴ АРАН. Ф. 502. Оп. 3. Д. 90.

⁴⁵ Там же. Оп. 5. Д. 23.

⁴⁶ Там же. Оп. 3. Д. 67. Л. 5.

⁴⁷ Имеется в виду мирная программа президента США Вудро Вильсона из 14 пунктов, выдвинутая им в январе 1918 г. Первые пять пунктов включали открытую дипломатию, свободу мореплавания, равенство в международной торговле, сокращение вооружений, согласование колониальной политики. Следующие восемь пунктов касались пересмотра границ на основе самоопределения народов. А 14-й предусматривал создание «всеобщей ассоциации народов, которая давала бы взаимные гарантии политической независимости и территориальной целостности большим и малым государствам».

Фрагмент записи доклада Р. Якобсона. Апрель 1920 г. АРАН. Публикуется впервые

точно вспомнить недавнее обсуждение в Лиге Наций адриатического вопроса⁴⁸, когда не только не считали нужным снестись по этому вопросу с теми или иными представителями Югославии, но самое обсуждение вопроса о судьбе самоопределяемой Антантой территории велось в величайшем секрете от заинтересованных сторон.

Далее оговариваю: я не рассматриваю тезиса о самоопределении с точки зрения политической целесообразности. Моя единственная задача — анализ обнаженного принципа, как такового, по существу.

Еще I Съездом Советов при Керенском⁴⁹ была принята резолюция о праве любой национальной, территориальной или социально-экономической единицы на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого эта единица входила. В дальнейшем эта формула подверглась значительной модификации, и если право народов на самоопределение являлось первично частным случаем права на государственное самоопределение, то в настоящий момент советский официоз уже безоговорочно констатирует: «Российская революция установила аксиому, гласящую, что всякий народ имеет право сам решать свою судьбу, имеет право на свободное самоопределение вплоть до полного отделения от государства, в состав которого он входил» (Мелкодержавный империализм, 27 апреля 1920 г.). Таким образом, тезис о государственном самоопределении, как правильной было бы назвать редакцию первого периода революции, подменен тезисом о национальном самоопределении. Эта подстановка производится совершенно последовательно. Так, в одной из недавних нот, обращенных к Финляндии, Чичерин категорически заявляет: «Сов<етская> Россия

⁴⁸ Вопрос о судьбе территорий вдоль восточного побережья Адриатического моря, ранее принадлежавших Австро-Венгерской империи, и непосредственно связанный с политическим и территориальным урегулированием отношений между Италией и Королевством сербов, хорватов и словенцев.

⁴⁹ Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов состоялся 3(16)–24 июня (7 июля) 1917 г. в Петрограде. Его стенографический отчет опубликован в 1930–1931 гг. А.Ф. Керенский (1881–1970) являлся в это время министром юстиции Временного правительства России.

признает право на самоопределение народов, но не уездов»⁵⁰. Таким образом, в окончательном своем виде формула расшифровывается так: каждый народ имеет право на государственное самоопределение, т. е. право самостоятельно решать свою политическую судьбу.

2

Но что понимается под народом, нацией и т. п. Мы не будем вдаваться в тонкости детерминации этих этнографических единиц, вопрос о том, можно ли данную социальную группу квалифицировать как народ, практически редко вызывает недоразумения, хотя возможность их не исключена: таков латгальский вопрос, вопрос о белорусском независимости или, наконец, трактовка украинского вопроса в правых русских кругах недавнего прошлого. Основная трудность — определить этнографическую границу, установить принадлежность данных элементов к той или иной народности. Панацея, недавно рекомендовавшаяся в подобных случаях, — плебисцит.

На что он должен дать ответ. Каковы государственные вожеления опрашиваемых элементов.

Ясно, что, поскольку идет речь о желании населения примкнуть к тому или иному государственному союзу, мы возвращаемся к первоначальной добольшевистской редакции тезиса о самоопределении, т. е. народность здесь ни при чем, самоопределение совершается помимо национальности. Если же предположить, что население самоопределяется как нация, то непонятно, почему отсюда следует вопрос о государственности. Нельзя же всерьез ставить знак равенства между понятиями национальности и государства. Если мы, согласно верной формулировке Шпета⁵¹, определим нацию, то показание лица о своей национальности отнюдь не синонимично его государственной ориентации. Мало того, воля к национальности, прогрессивный национализм может у тех или других социальных групп вообще отсутствовать. Если государственное самоопределение возможно как свободное волеизъявление, то нация для многих есть исключительно традиция, принудительность прошлого. Лишь как частный случай культурные тяготения носят национальный характер. Оттого-то парадоксом звучит заявление одного мужика в бытность его в дни Керенского председателем волостного комитета в Бел. уезде, по существу, верно резюмирующее значение принципа самоопределения: «Теперь у нас самоопределение народов, это значит, что теперь я вот русский, а завтра захочу, так объявлю себя жидом или татаринном, и никто мне ничего сказать не смеет» (Доклады с мест). Поэтому-то наиболее спорной рубрикой переписных анкет оказывается вопрос «какой национальности» — отвечающий не знает, какой исторической давности традиция является решающей. Вопрос о

⁵⁰ Источник цитаты установить не удалось. Г.В. Чичерин (1872–1936) возглавлял Народный комиссариат иностранных дел России с марта 1918 г.

⁵¹ Вписано над строкой рукой Д.Н. Ушакова: «См. статью об этнической психологии в Псих. обзор.». Имеется в виду статья профессора Московского университета Г.Г. Шпета (1879–1940) «Предмет и задачи этнической психологии», опубликованная в журнале «Психологическое обозрение» в 1917 г. (№ 1. С. 33–55).

национальности легко отождествляется с вопросом о происхождении. Такой под-мен был совершенно откровенно сделан эстонцами во время эстонско-русских мирных переговоров в вопросе о псковских полуверцах⁵². Происхождение местного большинства тяготеет над населением помимо его воли, порою вопреки его устремлениям, его новому культурному облику. Каждый национальный вопрос уподобляется, таким образом, еврейскому вопросу времен царизма. Советские дипломаты, естественно, отводили историзм как решающий момент в деле определения границ, что не мешало им пользоваться статистическими данными о национальности, resp. о происхождении, т. е. о *Muttersprache*⁵³, как будто бы апелляция к *Muttersprache* является меньшим насилием над волей населения, нежели апелляция к *Grossmuttersprache*⁵⁴. Отсюда естественная традиция обратиться к более актуальным этнографическим принципам, точнее к обиходному языку *Umgangssprache*⁵⁵ как единственному четкому этнографическому критерию, допускающему возможность сравнительно точного картографирования. Однако это требует некоторых оговорок.

Во-первых, точка зрения на родной язык как на момент, определяющий национальность, тесно связана с романтическим пониманием языка и национальности как организмов, а не как организаций. Между тем мыслимо национальное волеизъявление, по отношению к которому национальный язык является лишь результирующим, лишь умышленным выводом. Такова история гебраизма. Вне же непрерывного тяготения двух дифференцированных народностей к национальным культурным центрам языки их не имеют границы, являя ряд промежуточных зон. Мало того, поскольку домашний язык не связан с национальным самоопределением, он является просто культурным переживанием, и нельзя класть его в основу национального разграничения, как нельзя православных зачислять в язычники в силу празднования Масленицы или Радуницы; если домашний язык не связан с культурными тенденциями момента, он просто пережиток, не успевший изжится, и по существу рубрика *Umgangssprache* равноценна рубрике *Muttersprache*. Тем не менее советские дипломаты должны были прийти именно к этому критерию, ибо он является исходным пунктом этнографических карт и большинства статистических материалов. Исторически это произошло таким образом:

Переговоры с Германией — похабный мир.

⁵² Речь идет о народности финно-угорской группы уральской языковой семьи — сету (сето), родственной эстонцам и проживающей в Печорском районе Псковской области России и на восточных окраинах соседних уездов Эстонии (Пылвамаа и Вырумаа), до революции 1917 г. административно подчинявшихся Псковской губернии. Сету в течение XV–XVI вв. приняли православную веру, но в их культуре сохранилось много языческих элементов, за что, возможно, их и стали называть «полуверцами» (есть и другая версия, напрямую связываемая с переселением на Псковскую землю в XVI–XVII вв. эстов-католиков, обращенных в православие миссионерами Печорского монастыря). В 1920 г. по Тартускому договору Печорский край, где проживали сету, но с абсолютным большинством русского населения, отошел к Эстонии и был реорганизован в уезд Петсеримаа.

⁵³ Родной язык (нем.).

⁵⁴ Язык предков (нем.).

⁵⁵ Разговорный язык (нем.).

Переговоры с Украиной Скоропадского — принцип самоопределения. Плебисцит — объективные этнографические признаки — диалектологическая карта.

Переговоры с окранными государствами — объективные этнографические критерии.

Но от провозглашения принципа самоопределения народов до диалектологической карты — дистанция огромного размера. Это настолько очевидно, что при обсуждении подготовительных материалов к русско-латышским и русско-польским переговорам — лингвистические, диалектологические аргументы всячески избегались, хотя оперировали почти исключительно с языковыми границами. Одиозный термин «языковая граница» сознательно подменялся термином «граница этнографическая».

Если мы учтем степень интенсивности иноплеменных культурных влияний, поскольку они сказываются на языке, либо видоизменяя обиходный язык, либо создавая полосу двуязычия, выживая обиходный язык и насаждая новый культурный язык, если мы в определении границ будем исходить из факта культурного тяготения, мы правда отрешимся от гнета «происхождения», но, с другой стороны, отметем единственный революционный момент, связанный с современным национальным движением, — выход на арену европейской культурной работы новых кадров...

Иноплеменный культурный язык, ассимилирующий себе туземное население, — это часто язык пришлого, купившего страну капитала, язык господствующего класса. Такова роль поляков в Литве и Белоруссии, роль немцев в Латвии и Эстонии. Именно пресловутым культурным тяготением обосновали поляки свое право на Белоруссию, Украину, Литву, а еще недавно немцы на Прибалтику.

Мы рассмотрели все модификации этнографического принципа, подставленного на место принципа национального самоопределения. Его несостоятельность очевидна. Принцип самоопределения народов на поверку оказывается дипломатической фразеологией *façon de parler*⁵⁶ и как таковой, м<ожет> б<ыть>, он и удобен.

Что касается принципа государственного самоопределения в его первоначальной формулировке, то естественным выводом был плебисцит. В настоящий момент плебисциты не в интересах советской власти, ибо они фальсифицируются. Поэтому, если в Польше возобладает точка зрения федералистов, настаивающих на плебисците, эта точка зрения встретит со стороны советской власти отпор. Но, даже не будучи фальсифицирован, плебисцит противоречит советской идеологии. Попробуем стать на минуту на точку зрения последней. Поскольку мы имеем классовое государство, государственное самоопределение равнозначно классовому самоопределению. А что такое классовое самоопределение, как не та «буржуазная свобода», которая последовательно отрицается советскими идеологами. Так, напр<имер>, поместье, где жил бы барин с преданными, или, скажем, одуроченными распропагандированными домочадцами, несомненно, отделилось бы от советской России. Пример наивен и элементарен, но ясно одно: принцип

⁵⁶ Речевой этикет (франц.).

самоопределения народов есть не что иное, как фразеологический факт русской революции.

Вскоре после этого выступления Якобсон покинул советскую Россию. Несмотря на то что он вернулся в страну своей молодости только через 35 лет — в 1956 г., все эти годы Якобсон сохранял и поддерживал самые тесные личные и научные связи с друзьями и коллегами, жившими в СССР. Несомненно, выявление его документов в архивах Министерства иностранных дел Российской Федерации и сопоставление их с материалами чешских архивов и личного фонда ученого в Массачусетском технологическом институте (США) может принести еще много неожиданных находок, объясняющих, сколько же все-таки жизней было у русского филолога Романа Осиповича Якобсона.

P.S. Станным образом эта статья была завершена в ночь с 10 на 11 октября 2016 г. — в день 120-летия со дня рождения Романа Осиповича Якобсона. Архивные разыскания, представленные в ней, были инициированы подготовкой к международной научной конференции «Роман Якобсон: лингвистика и поэтика», состоявшейся в ноябре 2015 г. в Милане и Верчелли. Пользуясь случаем, от всей души благодарю профессора Стефанию Сини (Sini) и Михаила Талалая, подаривших интеллектуально наполненное и дружески теплое общение на итальянской земле; профессора Линду Во (Waugh), «туманные» разговоры с которой прояснили многие эпизоды американской жизни Р. Якобсона; профессоров Наталью Автономову (Москва), Петера Штайнера (Steiner; Филадельфия), Эдоардо Эспозито (Esposito; Милан), а также Александра Дмитриева (Москва) и Андрея Устинова (Сан-Франциско) и всех других коллег — участников конференции за плодотворное сотрудничество. Слова отдельной признательности за многолетнюю поддержку неутомимому архивисту, независимому исследователю и замечательному человеку — Габриэлю Суперфину (Бремен).

Источники и литература

АРАН — Архив Российской академии наук, Москва

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

ЦГАМ. ОХД до 1917 — Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г.

Амбросович 2014 — Амбросович П.А. Николай Николаевич Соколов (1875–1923): Некоторые материалы. СПб., 2014.

Васильков, Сорокина 2003 — Люди и судьбы: Биобиблиографический словарь восточников — жертв политического террора в советский период (1917–1991) / сост. Я.В. Васильков, М.Ю. Сорокина. СПб., 2003.

Вышеславцева 2001 — Вышеславцева С.Г. <Поэт Осип Мандельштам> / публ. Л. Карохина // Санкт-Петербургские ведомости. 2001. 13 января (цит. по: <http://www.pressa.spb.ru/newspapers/spbved/2001/arts/spbved-2396-art-21.html> (дата обращения: 20.09.2016)).

Генис 2009 — Генис В.Л. Неверные слуги режима: Первые советские невозвращенцы (1920–1933). Кн. 1. М., 2009. С. 507–531.

- Гланц 2016 — Гланц Т. (Интеллектуальные) революции Романа Якобсона, 1910–1930 годы // Русская интеллектуальная революция 1910–1930 годов. М., 2016.
- Глебов 2010 — Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М., 2010.
- Живов 2000 — Живов В.М. Н.Н. Дурново и его идеи в области славянского исторического языкознания // Дурново Н.Н. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. VII–XXXVI.
- Иванов 1999 — Иванов Вяч. Вс. О Романа Якобсоне. (Главы из воспоминаний) // Звезда. 1999. № 7 (цит. по: <http://magazines.russ.ru/zvezda/1999/7/ivanov.html>).
- Нерлер 1989 — Нерлер П. Осип Мандельштам в Наркомпросе в 1918–1919 годах // Вопросы литературы. 1989. № 9. С. 275–278.
- Отчет 1886 — Отчет о состоянии Великолуцкого реального училища за 1885–1886 учебный год. Великие Луки, 1886.
- Певак 2008 — Певак Е.А. В орбите «Золотого руна» (Генрих Тастевен) // Stefanos: Памяти А.Г. Соколова. М., 2008. С. 314–348.
- Сорокина 2000 — Сорокина М.Ю. «Ненадежный, но абсолютно незаменимый»: 200-летний юбилей Академии наук и «дело Масарика — Якобсона» // In Memoriam: Исторический сб. памяти А.И. Добкина. СПб.; Париж, 2000. С. 117–142.
- Сорокина 2001 — Василий Никитин: Свидетельские показания в деле о русской эмиграции // Диаспора: Новые материалы. Вып. 1. Париж; СПб., 2001. С. 587–644.
- Сорокина 2014 — Basile Nikitine: «эмир» из «страны голубых антилоп» // Известные страницы отечественного востоковедения. Вып. 5. М., 2014. С. 429–466.
- Шапир 1996 — Якобсон Р.О. Московский лингвистический кружок / подгот. текста, публ., вступ. заметка и примеч. М.И. Шапира // Philologica. 1996. Vol. 3, № 5/7. С. 361–380.
- Якобсон 1999 — Роман Якобсон: Тексты, документы, исследования. М., 1999.
- Якобсон 2000 — Из эпистолярного наследия Р.О. Якобсона / вступ. ст., подгот. текста и примеч. О.В. Никитина // Русская речь. 2000. № 4. С. 65–70.
- Якобсон 2011 — Якобсон Р.О. Формальная школа и современное русское литературоведение / ред.-сост. Т. Гланц; пер. с чешск. Е. Бобраковой-Тимошкиной. М., 2011.
- Якобсон 2012 — Роман Якобсон. Будетлянин науки: Воспоминания, письма, статьи, стихи, проза / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Б. Янгфельдта. М., 2012.
- Янгиров 1995–1996 — Янгиров Р.М. Новые материалы к биографии Р.О. Якобсона // Седьмые Тыняновские чтения: Материалы для обсуждения. Рига; М., 1995–1996. С. 318–319.
- Album 1912 — Album academicum des Polytechnikums zu Riga, 1862–1912. Riga, 1912.

Н.И. Герасимов

Г.П. МАКСИМОВ
И ИСТОРИЯ РУССКОЙ АНАРХИСТСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Григорий Петрович Максимов (1893–1950), один из самых известных теоретиков анархизма XX столетия, революционер, философ, талантливый публицист, занимает особое место в истории русской эмиграции. Всю свою жизнь он провел в общественной и духовной борьбе за идеалы свободы и справедливости. Он был отверженным для царской России — как революционер, для советской России — как «контрреволюционер». Монархисты и либералы не принимали его как сторонника «левой» политической мысли, большевики — как сторонника «мелкобуржуазного» анархизма. За свою трудную жизнь Максимов успел стать одним из главных идеологов анархо-синдикализма — как в России, так и в США. Имя Г.П. Максимова широко известно историкам анархического движения во всем мире и почти неизвестно специалистам по истории русской эмиграции. Исследователи русского зарубежья обычно отдают предпочтение представителям консервативного направления русской политической мысли, реже — либерального, еще реже — социал-демократического. Этому есть свое объяснение.

Феномен русской анархистской эмиграции — явление особое. Анархистов сложно строго «приписать» к политически «левой» части русского зарубежья. Эмигранты из партии социалистов-революционеров, несмотря на свой радикализм, смогли найти общие точки соприкосновения с литературными журналами, где публиковались сочинения религиозных философов и писателей. Так, к примеру, известный «эсер» М.В. Вишняк был сотрудником «Современных записок» и вел полемику с представителями философии русского зарубежья [Вишняк 1925], а Издательство имени Чехова, наряду с публикацией сочинений П.Н. Милюкова и А.И. Деникина, выпустило в свет мемуары В.М. Чернова [Базанов 2014]. Анархисты, в отличие от «эсеров», не входили в свет русскоязычного литературного и научного сообщества. Вся русская эмигрантская анархистская периодика указывает на то, что издательская деятельность Г.П. Максимова и других была ориентирована прежде всего не на интеллигенцию, а на трудовой сектор русского зарубежья. Разумеется, отсутствие крепких связей с деятелями интеллектуальной культуры привело российских анархистов к созданию собственного автономного сообщества. Тем не менее не стоит понимать это как своеобразный культурный эскапизм, так как газеты и журналы читались не только носителями русского языка. Более того, ведущие теоретики анархизма XX в., такие как Рудольф Рокер (Rocker), специально писали для русскоязычных анархистских изданий [Рокер

1952]. Анархисты-эмигранты, акцентируя внимание на рабочей культуре, а не на культуре образованной части эмиграции, занимали позицию «слева» от самой системы «левого» и «правого» крыла русского зарубежья.

Специалисты по истории и философии анархизма редко посвящают Г.П. Максиму отдельные научные статьи, традиционно рассматривая его в ряду других представителей русской анархистской эмиграции [Шубин 1993]. В редких случаях публикуются отдельные документы [Рублев 2002]. В Институте социальной истории в Амстердаме в архиве «Русских коллекций» находится фонд, посвященный жизни и творчеству Г.П. Максимова. Архивные документы отечественными исследователями к изучению практически не привлекались.

Григорий Петрович Максимов родился 10 ноября 1893 г. в деревне Митюшино Смоленской губернии. В 1915 г. он поступает в Сельскохозяйственную академию в Петрограде, учится на агронома. К Февральской революции 1917 г. Максимов становится одним из активных участников анархо-синдикалистского общественно-политического движения. Он участвует в создании «Петроградской студенческой группы анархо-синдикалистов» и группы «Голос труда». Летом 1917 г. Г.П. Максимов — представитель образовавшегося Союза анархо-синдикалистской пропаганды (САСП), он избирается в Центральный совет фабрично-заводских комитетов Петрограда. Под псевдонимом Гр. Лапоть он пишет статьи для газеты «Голос труда», где рассматривает вопросы социально-экономического характера: организация трудовых коллективов, хозяйственное переустройство общества на принципах безвластия, а также способы поддержки социально-преобразовательных низовых инициатив. Сотрудничество Г.П. Максимова с «Голосом труда» можно понимать как одно из важнейших событий в жизни мыслителя. Периодическое издание было организовано в 1911 г. в США русскими рабочими-эмигрантами, которые находились в тесном диалоге по обмену опытом с американскими анархо-синдикалистами. В 1917 г. редакторы воспользовались всеобщей амнистией и правом на возвращение политических диссидентов, издательство было перенесено в Петроград. В 1917 г. Г.П. Максимов еще не знал, что его первые статьи в эмигрантском издании символично зададут вектор для его дальнейшего публицистического творчества, ведь большая часть сочинений, включая его поздние работы, будет доступна исследователям именно в русских эмигрантских газетах и журналах. В 1918 г. начинаются первые масштабные репрессии в отношении анархистов: закрываются типографии, арестовываются активисты, сокращаются возможности свободного распространения литературы. «Голос труда» временно закрывается. Осенью 1918 г. Г.П. Максимова избирают секретарем Исполнительного бюро Всероссийской конфедерации анархо-синдикалистов. В том же году организация прекращает свое существование в силу внутренних и внешних причин: из-за разногласий политического характера, а также из-за продолжения большевистских репрессий. Несмотря на серию арестов, Г.П. Максимов соглашается вступить в ряды Красной армии. Впрочем, служба продолжается недолго. В 1919 г. в Харькове он отказывается исполнять приказ: военное руководство планировало жестокое подавление крестьян, несогласных с большевистской политикой. Анархист М. Гудель в 1950 г. в эмиграции вспоминал этот факт биографии Г.П. Максимова:

«...в 1919 году он был в рядах Красной армии и с революционным рвением боролся против контрреволюции, но, когда его часть была вызвана на умирение украинских крестьян, Максимов, узнав о назначении, заявил начальнику своей части: “Красная армия организована для борьбы против врагов русского народа, а не против крестьян и рабочих, умирять крестьян я не пойду”. Он прекрасно сознавал значение и последствия этого протеста. Ему было известно, что в Красной армии, как и во всякой другой, за отказ повиноваться и выполнить приказ грозит суровое наказание. Ему также было известно, что начальник части имеет огромные права и может расстрелять его без всякого суда. Он знал последствия протеста и все-таки выразил его. Он действовал так потому, что знал, был убежден, что подавление и обезоруживание революционных крестьян — это один из опасных для революции шагов правительства. Он не хотел быть участником этого преступления» [Гудель 1950, с. 21]. Г.П. Максимов действительно был приговорен к расстрелу, но его помиловали благодаря усилиям Всероссийского союза рабочих-металлистов.

В эмиграции анархист А. Горелик, бывший секретарь екатеринославского анархистского бюро Донбасса, вспоминает, что после октября 1917 г. многие анархисты стали «советскими», защитниками идеи Советов и большевистской политики. Среди упомянутых им фамилий есть и фамилия Максимова [Горелик 1922, с. 65]. Обстоятельства, связанные с недолгим пребыванием Максимова в рядах Красной армии, по-видимому, понимались А. Гореликом как открытое предательство. Нюансы и аспекты им не учитывались. Между тем в 1919 г. в издании Федерации союзов русских рабочих США и Канады выходит книга Г.П. Максимова «Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение», написанная под псевдонимом Гр. Лапоть, в которой идея Советов подвергается развернутой и аргументированной критике. В этой работе исследуются социальные, политические и хозяйственные аспекты общественной жизни послеоктябрьской России. Описательная сторона исследуемого явления дополняется критическими высказываниями относительно невозможности любых форм парламентаризма в революционной освободительной деятельности. Опираясь на тезис П.А. Кропоткина, что «каждое народное представительство, — называясь оно парламентом, Конвентом или чем-нибудь другим, будь то созданная префектами Бонапарта или выбрано восставшим народом на основании всевозможных свобод, — всегда будет стремиться к тому, чтобы расширить свое ведомство», Г.П. Максимов показывает, что Советы являются средоточием власти [Лапоть Гр. 1919, с. 6]. Власть Советов, по его мнению, ничем не отличается от любой другой формы власти. Такая концепция в конце концов приводит лишь к идейному усилению государства, а не к его отмиранию. Вплоть до конца 1919 г. Максимов продолжает работать для журнала «Голос труда». В своих публикациях он рецензирует книги и статьи по теории анархизма, а также рассматривает возможные векторы развития программы российских анархо-синдикалистов [Максимов 1919а; 1919б; 1919в].

Осенью 1920 г. Г.П. Максимов в Москве вместе с другими анархистами формирует идейную платформу для создания новой организации — Российской конфе-

дерации анархистов-синдикалистов (РКАС). В условиях ускорившихся гонений на анархистов в советской России работа требовала огромных усилий, по сути, деятельность анархистов носила «подпольный» характер. А. Горелик отмечает, что в «1920 году реакция “слева” свирепствовала вовсю», арестовывались не только революционные анархисты, но и мирные толстовцы [Горелик 1922, с. 32–33.]. В конце года Красная армия под руководством Л.Д. Троцкого уничтожает повстанческую армию Н.И. Махно. Вместе с «махновщиной» исчезают и все анархистские учреждения на территории Украины. Ликвидируется и «Конфедерация анархистских организаций “Набат”», арестованы ее деятели (М. Мрачный-Клаванский, А. Барон, А. Олонецкий, В. Волин и др.). Под арест попадает и товарищ Г.П. Максимов Е.З. Ярчук, представитель от РКАС. В январе 1921 г. арестантов переводят из Харькова в Москву. Общая атмосфера тревоги усугубляется и тем, что здоровье 79-летнего П.А. Кропоткина, человека, который долгое время — благодаря своему авторитету — не позволял производить расстрелы анархистов, резко ухудшается.

Попытка наладить диалог с большевиками оказывается безуспешной: хождения избранной комиссии от анархистов (Г.П. Максимов, А.А. Боровой и А.М. Шапиро) в ВЧК не приносят никаких результатов. В «Известиях» печатается бюллетень о состоянии здоровья П.А. Кропоткина, к больному приезжает всемирно известная анархо-феминистка Эмма Гольдман, верный друг революционера еще со времен его вынужденной эмиграции из царской России. Большевики проявляют максимально возможную заботу в отношении П.А. Кропоткина, но арестованных анархистов продолжают держать в тюрьмах. Когда Кропоткин умирает (8 февраля 1921 г.), советские власти решают устроить похороны великого революционера за счет государства. В «Известиях» и «Правде» печатаются некрологи. Г.П. Максимов становится одним из главных инициаторов борьбы за то, чтобы смерть единомышленника не превращалась в политический капитал большевистского государственного аппарата [Berkman 1925, p. 288].

На фоне массовых волнений среди рабочих и крестьян, не согласных с ленинской политикой, разворачивается борьба анархистов и большевиков за первоочередное право на духовное наследие П.А. Кропоткина. Усилиями Г.П. Максимова, А.А. Борового и многих других создается Комиссия анархических организаций по похоронам П.А. Кропоткина [Дамье 2013, с. 84–91; Шубин 2013, с. 275–280]. Г.П. Максимов вспоминал те события следующим образом: «Энергичными действиями комиссия отбила у большевиков желание похоронить П. А. за государственный счет и тем еще раз разрекламировать себя перед международным революционным пролетариатом, за что большевики постарались в свою очередь причинить комиссии ряд неприятностей, о которых последняя писала в своем отчете. Сейчас же после похорон комиссия постановила организовать неделю памяти умершего. Ежедневно в течение недели в нескольких пунктах Москвы устраивались лекции и собеседования о личности Кропоткина и его учении... Вечера выжидала момента, чтобы расправиться со всеми, кто активно выступал в кропоткинской неделе, а заодно и свести счеты с некоторыми членами похоронной комиссии. Этот момент скоро настал» [Максимов 1922, с. 4–6].

В конце февраля начинаются массовые аресты анархистов, которые усиливаются в марте во время Кронштадтского восстания. В ночь с 7 на 8 марта 1921 г. аресту подвергается и Г.П. Максимов. Его отправляют в Таганскую тюрьму вместе с другими единомышленниками. Бутырская и Таганская тюрьмы на некоторое время превращаются в места заключения для анархистов. В стенах «Таганки» встречаются и арестованные украинские анархисты из бывшей организации «Набат», и многие члены кропоткинской похоронной комиссии. В июле большевики принимают у себя представителей Профинтерна. Максимов понимает: нельзя упускать шанс сказать западноевропейскому рабочему движению, что политика большевиков далека от идеалов свободного общества. Вместе с этим очевидно также и то, что обычное письменное обращение либо не пройдет «цензуру», либо просто не будет «услышано» Профинтерном, ведь сложно представить себе, что социал-демократы уничтожают своих же союзников. В 1920 г. сообщения о большевистских репрессиях не были восприняты Профинтерном всерьез [Там же, с. 8–10]. Г.П. Максимов предпринимает решительные меры по организации протеста — обсуждает возможность голодовки. Двенадцать анархистов присоединяются к инициативе. Было понятно, что требование освобождения из тюрьмы является лишь формальной причиной: «Хорошо, — слышен шепот, — я согласен на голодовку, но с тем, чтобы главной ее целью был протест, демонстрация перед нашими западноевропейскими товарищами, приехавшими на съезд Профинтерна. Они до сих пор не верят той правде, которую мы им говорили, когда они были здесь в 1920 году. Ради того, чтобы они поверили и спасли западноевропейское анархическое движение от большевистского уклона, мы должны голодать и даже умереть...» [Там же, с. 11].

На закрытом заседании было составлено обращение к ВЧК, ВЦИК, Исполкому Коминтерна и Профинтерну, в котором говорилось о бессмысленности тюремного заключения и о том, что, если по истечении пяти дней анархисты не будут освобождены, начнется голодовка [Волин 2005, с. 216–217]. Голодовка началась. В камере № 4 Таганской тюрьмы 13 анархистов в течение 11 дней проводили в жизнь заявленное на бумаге обещание. В течение этого времени Профинтерн вел переговоры с большевиками. Не стоит считать, что представители западноевропейского рабочего движения на указанном съезде оказались глухи к словам своих российских товарищей. Анхель Пестанья (Pestaña), делегат от Национальной конфедерации труда Испании, вспоминает, что многие приехавшие на конгресс анархисты были запуганы угрозами расстрела со стороны большевиков, поэтому диалог о протестной акции Г.П. Максимова и других проходил с максимальной осторожностью [Pestaña 1924, p. 79]. Лишь на 11-й день голодовки было объявлено, что анархисты, подвергшиеся тюремному заключению, будут освобождены, но при условии обязательной высылки за пределы РСФСР. На деле освободили лишь часть заключенных [Дамье 2011, с. 60, 63]. Эти события, по словам А. Горелика, «взорвали чекистов» — начались расстрелы анархистов, не имеющих отношения к «таганской голодовке». Так, к примеру, теоретика ассоциационного анархизма Льва Черного расстреляли вскоре после освобождения Г.П. Максимова, хотя за несколько дней до этого ему обещали свободу [Горелик 1922, с. 57].

Вопрос о скорой высылке несколько раз откладывается. «В октябре стали назначать сроки нашей отправки. Назначат срок, обегаешь город, распрощаешься с друзьями, уложишь вещи, готов в путь, а завтра чекисты, мило улыбаясь, говорят: “Вы сегодня не едете, поедете тогда-то”. И так происходило раз пять. Мы перестали в таких случаях прощаться с друзьями, чтобы не быть смешными», — вспоминает Г.П. Максимов [Максимов 1922, с. 10].

3 января 1922 г. высылаемым анархистам были выданы документы, подтверждающие, что они — гражданские пленные из Чехословакии. На поезде Г.П. Максимов через Латвию приезжает в Штеттин¹, где вскоре местные власти начинают подозревать его в большевизме. Максимов признается, что не является чехословацким пленным, рассказывает о себе и о своей деятельности в России. Власти предлагают ему на выбор либо высылку в РСФСР, либо, согласно его документам, отpravку в Чехословакию. Оба варианта предполагали или расстрел, или тюремное заключение. Решение вопроса о судьбе русского анархиста затягивается. В Штеттине Г.П. Максимова, В.М. Волина, А. Горелика и других сажают в тюрьму для выяснения дальнейших обстоятельств [Там же, с. 25–28]. Об этом узнают немецкие анархо-синдикалисты, которые предпринимают ряд попыток по освобождению своего товарища. Рудольф Рокер, один из главных мировых теоретиков анархо-синдикализма, вспоминает, что в конце концов его соратнику Фрицу Катеру (Kater) в берлинском «полицайпрезидиуме»² удалось подписать обязательство, согласно которому немецкие анархистские и рабочие группы несут ответственность за содержание высланных российских анархистов [Rocker 1974, s. 324–325]. Г.П. Максимов в числе других анархистов получает разрешение отправиться в Берлин.

Жизнь в столице Германии была для Максимова, как и для многих русских эмигрантов, трудной, однако это не повлияло на его творческий энтузиазм [Interview 1996]. С 1923 г. он участвует в издании журналов «Рабочий путь» и «Анархический вестник» [Ермаков, Талеров 2007, с. 703–706]. Г.П. Максимов также принимает участие и в организации тайного ввоза издаваемой анархистской эмигрантской литературы на территорию советской России [Дамье 2006, с. 602]. В то же время он становится постоянным сотрудником «Черного креста» — анархической международной организации по поддержке заключенных анархистов. Как активист Международной ассоциации трудящихся (МАТ) Г.П. Максимов в 1924 г. становится одним из инициаторов по созданию Группы защиты заключенных революционеров в России. Пол Аврич (Avrich) отмечает — в годы эмиграции, когда мировое анархическое сообщество, глядя на большевистскую Россию, наблюдало подтверждение слов М.А. Бакунина, что «социализм без свободы — это рабство и скотство», Г.П. Максимов заявлял: «Революция мертва! Да здравствует революция!» [Аврич 2006, с. 251]. В действительности русские анархисты-эмигранты были носителями уникального опыта, который при должном внимании

¹ *Штеттин* (Stettin) — немецкое название польского города Щетин. В 1922 г. еще входил в состав Германии.

² *Polizeipräsidium* (нем.) — главное полицейское управление.

со стороны западноевропейских товарищей мог бы стать особым источником ревизионизма в теории анархизма XX столетия. В этом смысле энтузиазм Г.П. Максимова был вполне оправдан. Редакция журнала «Анархический вестник» прямо заявляла: «Все существовавшие до сих пор за границей анархические органы не могли служить указанной задаче в должной мере — по многим причинам, главная из которых та, что органы эти, возникая в условиях, отдаленных от русской действительности, не располагали необходимым материалом, соответственными переживаниями и выводами» [Товарищам анархистам 1923, с. 83].

Максимов начинает разрабатывать собственную концепцию «перехода», особого состояния послереволюционного общества, когда трудящиеся массы формируют социально-экономическую основу для дальнейшего строительства анархического общества. Опыт революции в России показал для некоторых анархистов, что социум, возможно, не способен к радикальному одномоментному «скачку» в мир свободы и справедливости. Кроме того, было очевидно, что идея Советов лишь уничтожала централизованное управление государством, но не устраняло его. Более того, Советы не формировали то, что анархисты понимали под самоорганизацией. Из этого следовал вполне очевидный вывод — теория анархизма, вероятно, нуждается в серьезной доработке, особенно в вопросе о том, что нужно делать после революции. С другой стороны, сама идея промежуточного состояния, когда общество после революционных событий лишь начинает двигаться к предполагаемому миру свободы и справедливости, находилась на вооружении у большевиков. В этой сложной ситуации Г.П. Максимов пытался найти оптимальное решение проблемы актуального строительства анархического общества.

В 1924 г. в «Голосе труженика» он пишет о возможном послереволюционном состоянии, которое стоит считать «переходным». С точки зрения Г.П. Максимова, в предполагаемом социуме отрицается всякая собственность на средства производства и частная торговля продуктами потребления. Провозглашается полная самостоятельность и автономия производственных «безвластных центров». Тем не менее эта самостоятельность провозглашается только в пределах самих «безвластных центров» производственных хозяйств. Управлением и координацией центров должна заниматься организация, состоящая из делегатов названных предприятий, — так исключается проблема конкуренции. Территориально и структурно указанная система формирования хозяйственной жизни строится федеративным путем. Такая федерация в перспективе должна стать моделью строительства всего мирового сообщества [Максимов 1924, с. 24–26].

1920–1930 гг. ознаменованы развернувшейся полемикой вокруг идеи интеграции русского эмигрантского анархистского движения. Г.П. Максимов выступает с резкой критикой «платформизма» П.А. Аршинова и Н.И. Махно [Maximov 1952]. Согласно последним анархисты должны сплотиться в единой крупной организации, забыв о прошлых идеологических разночтениях [Аршинов, Махно 1926]. Такая организация должна быть не просто идейно монолитной, но и структурно дисциплинированной. Анархо-синдикализм должен рассматриваться в качестве средства, в то время как анархо-коммунизм — в качестве цели. Кроме того, с точки зрения теории, анархисты должны принять идею одномоментного перехода

общества от капиталистически-буржуазного настоящего к анархо-коммунистическому будущему. Согласно «платформизму» анархизм концептуально исключает любые «переходные» стадии общественного развития [Skirda 1987, p. 174]. Г.П. Максимов, как и А.М. Шапиро, Э. Малатеста (Malatesta), М. Неттлау (Nettlau), М. Корн (Korn) и многие другие известные деятели мирового анархистского движения, видел в инициативе «платформистов» иезуитские корни, идейные построения, близкие к воззрениям большевиков. Предлагаемые идеи по сути сводились к созданию организации квазипартийного типа. Сам П. Аршинов достаточно четко обозначил необходимость переосмысления опыта большевистской политики: «Необходимо в то же время радикально изменить свое отношение к пролетарскому государству СССР, которое является зародышем нового мира — мира освобожденного труда» [Аршинов 1931, с. 15–16].

Стоит отметить, что сам анархизм, всегда выступавший против любых форм парламентаризма, в своем основании никак не мог найти точку согласования с радикальными ревизионистскими воззрениями Аршинова и Махно. Даже соратник Н.И. Махно в годы Гражданской войны В.М. Волин не захотел иметь ничего общего с такой программой действий [Аврич 2006, с. 254]. Для Г.П. Максимова было важно также и то обстоятельство, что «платформизм» исключал идею «перехода», предполагая самовоспроизводимый порядок, присущий обществу после настоящей освободительной революции. С одной стороны, собственная концепция Максимова сильно тяготела к идее марксистской «диктатуры пролетариата» с ее отрицанием возможности переустройства социума в революционном единомomentном акте, с другой — в отличие от марксизма, хронологически она была выработана не до революции, а после нее, т. е. на основе собственного активного участия в революционных событиях, а значит, с совершенно другими исходными идейными ориентирами.

В 1924 г. Г.П. Максимов переезжает в Париж и принимает активное участие в распространении информации о жестоких репрессиях, которым подвергаются революционеры в советской России. Французская общественность не остается равнодушной. Усилиями МАТ были организованы различного рода собрания. Телеграммы и письма с призывом прекратить насилие и освободить российских революционеров направились в сторону большевиков не только от рабочих профсоюзов, но и от сочувствующих интеллектуалов. Заявление протеста против «арестов и ссылок российских трудящихся российским правительством» подписали многие философы, литераторы, ученые и художники, среди которых были Люсьен Леви-Брюль (Lévy-Bruhl), Франц Журден (Jourdain), Пьер Амп (Hamp), Эли Фор (Faure), Жак Адамар (Hadamard), Жак Копо (Coreau), Морис Бушор (Bouchor) и другие [Дамье 2011, с. 70].

В 1925 г. Г.П. Максимов уезжает в Чикаго, где занимается редактурой «Голоса труженика», журнала-преемника ранее существовавшего русскоязычного немецкого издания [Аврич 2006, с. 260]. Финансовые обстоятельства вынуждают его искать новые пути заработка. Вскоре от одного из рабочих Максимов получает уроки ремесла рабочего-ремонтника и начинает самостоятельно осваиваться в новой для него профессии. Вплоть до 1927 г. он редактирует «Голос труженика»,

издававшегося при поддержке организации IWW (Industrial Workers of the World / Индустриальные рабочие мира).

В 1930 г. П. Аршинов, по словам Г.П. Максимова, собирался перенести издание журнала «Дело труда» из Парижа в Чикаго³, но уже в конце 1934 г. Аршинов прекращает всякие отношения с анархистской эмиграцией и с разрешения ЦК ВКП(б) возвращается в СССР [Шубин 2014, с. 310]. Аспекты этого события до сих пор остаются предметом дискуссий. Одни исследователи считают, что П. Аршинов отправился в СССР с целью организации в советской России сети анархистских подпольных групп, другие — что он встал на сторону «советских анархистов», тех, кто признал правоту большевистской политики [Скирда 2002, с. 167; Рублев 2011, с. 159–160]. Так или иначе, но периодическое издание «Дело труда» им было брошено на произвол судьбы. Прекращать выпуск такого важного для русской анархистской эмиграции и для парижского анархистского движения журнала было невозможно. Еще в 1931 г. Г.П. Максимов принимал участие в его редакции [Ермаков, Талеров 2007, с. 705], а в 1934 г. стал его главным редактором. Н.И. Махно, и так находившийся в плохом здравии, не смог после пережитого предательства П. Аршинова вернуться к прежней жизни и вскоре умер. Таким образом «Дело труда» превратилось из парижского издания в издание чикагское [Аврич 2006, с. 260].

В 1929 г. Г.П. Максимов почувствовал на себе удар Великой депрессии в США — имея рабочую профессию, он, как и многие другие трудящиеся, оказался в положении крайней нищеты, о чем свидетельствуют его письма к Эмме Гольдман. Исключительно благодаря своей известности среди фабричных рабочих он не оказался на улице и поэтому смог не просто воссоздать «Дело труда» на базе чикагского издания, но и реформировать его в согласии с принципами анархосиндикализма⁴. «Дело труда» стало прежде всего анархистским журналом для русскоязычных рабочих и уже потом — «рупором революции» [Там же]. Экономическая ситуация в США сама диктовала темы для осмысления на страницах издания — критика рыночных отношений, призыв к консолидации всех профсоюзных организаций перед лицом сложившегося кризиса, а также, конечно, анализ предполагаемых социально-политических последствий.

В 1934 г. на конференции безвластных организаций штата Коннектикут было принято решение о слиянии двух печатных органов: «Дело труда» и «Пробуждение». Появившийся журнал «Дело труда — пробуждение» стал важнейшим периодическим изданием русской анархистской эмиграции. Большая часть сотрудников издания проживала в разных городах США, но также известно, что часть поддержки журнал получал еще из Канады и Франции. В условиях экономического коллапса рабочие организации с огромным трудом продолжали свою деятельность, те немногие русскоязычные трудовые эмигранты, которые еще имели силы и считали необходимым сохранять ткань социальности — не превращаться

³ См. письма Г.П. Максимова к Эмме Гольдман (*Maximov G.P. Letter to Emma Goldman* // International Institute of Social History, arch00520, Emma Goldman Papers, Inv. nr. 121, p. 5936).

⁴ В пору, когда П. Аршинов и Н.И. Махно были редакторами издания, для журнала была характерна анархо-коммунистическая направленность.

в отдельные социальные атомы, фокусировали свое внимание на деятельности журнала «Дело труда — пробуждение» [Антошин 2006, с. 66–72].

Помимо редакторской деятельности Г.П. Максимов выступал с публичными лекциями в Чикаго и различных городах Филадельфии [Гринюк 1950, с. 26]. Получал приглашения от товарищей с просьбой прочитать лекции в Акроне, Сент-Луисе и Детройте⁵. В эти же годы он публикуется в различных англоязычных журналах, где продолжает обосновывать свою теорию «переходного периода» [Maximov 1933]. К разразившейся испанской революции Г.П. Максимов относится осторожно, и вполне понятно почему — революция в России не привела к ожидаемым победам. Тем не менее он допускал, что если испанским анархистам удастся взять верх, это может послужить началом революционной активности в других странах Европы. Важно заметить — испанскую революцию Максимов понимал как революцию антибольшевистскую, так как тоталитарные режимы, медленно устанавливающиеся по всему миру, казались ему следствием триумфальной победы большевиков.

В Чикаго выходят его книги на английском и русском языках — социально-философские и исторические сочинения. В изданных на русском языке «Беседах с Бакуниным о революции» [Максимов 1934], написанных в специфическом жанре диалогов, Г.П. Максимов, по словам современного исследователя А.В. Шубина, «закрепляет свою теоретическую победу над противниками идеи переходного периода» [Шубин 1992, с. 134]. Большая историческая работа «The guillotine at work. Twenty years of terror in Russia», структурно состоящая из двух частей, была опубликована впервые не на русском, а на английском языке. Перевод русскоязычной рукописи Максимова осуществлялся при поддержке фонда имени Александра Беркмана. В этой работе дается подробный исторический анализ хроники репрессивной машины большевиков в годы революции и Гражданской войны. В первой части представлен сам текст повествования, во второй — документы и источники [Maximov 1940].

С 1922 по 1930 г. в Южной Америке единомышленник Г.П. Максимова А. Горелик работал над русскоязычной аргентинской анархо-синдикалистской газетой «Голос труда». В непростых условиях, когда не хватало средств для издания, не хватало рабочих рук и техники, он обращался за помощью к русским анархистам-эмигрантам из США [Лазарь, Андреев 2015]. А. Горелик описывал трудности своей деятельности в нью-йоркском журнале «Рассвет». Он, как и Г.П. Максимов, был выслан из советской России после голодовки в Таганской тюрьме, в Берлине также был автором статей для анархистской периодики. Несмотря на то что в 1920–30-е гг. Максимов являлся одним из влиятельнейших теоретиков анархизма среди русских эмигрантов, за помощью к нему Горелик не обращался, предпочитая писать статьи для журнала «Рассвет», испытывавшего куда более серьезные сложности в издании, чем «Дело труда» под редакцией Максимова. Было ли это жестом пренебрежения? Так ли сильно для А. Горелика значил тот факт, что редактор «Дела труда» в годы Гражданской войны недолго, но был в рядах

⁵ См. письма Г.П. Максимова к Эмме Гольдман.

Красной армии? Или дело было в том, что он считал идею «переходного периода» не чем иным, как косвенной сделкой с большевиками [Горелик 1922, с. 17]? В любом случае Г.П. Максимов для него навсегда остался «советским анархистом» и «анархобольшевиком». К этому выводу он пришел уже после совместной голодовки в Таганской тюрьме, а также после того, как им пришлось в равной степени тяжести перенести трудности берлинской эмиграции [Там же, с. 19]. Был ли Максимов действительно таким идейным противником большевизма, каким он представлялся для многих анархистов, или все-таки Горелик ощущал неоднозначное отношение своего товарища к советской России?

Первый номер журнала «Дело труда — пробуждение» выходит в 1940 г., т. е. когда захватившая весь мир война длилась уже год. Перед редакцией стояла сложнейшая задача — понять, как и каким образом освещать хронику военных действий. Какой позиции должен был придерживаться анархистский журнал в то время, как большинство русскоязычной анархистской периодики прекратило свое существование? Ответственность за выработку позиции была очень большой. Известно, что русская эмиграция придерживалась разных мнений по поводу войны 1939–1945 гг. Исходя из этого, Г.П. Максимов работал над решением, какой из вариантов может показаться русскоязычному анархо-синдикалистскому изданию наиболее близким. У главного редактора было несколько вариантов:

Следовать принципу ненасилия и пацифизма, бойкотировать войну как акт насилия.

Проявлять «пораженческие» настроения в надежде, что милитаризм Германии уничтожит большевистскую диктатуру, после чего уже решать проблему немецкого империализма.

Выступить в поддержку «Сопротивления», но не вставать на позицию «оборончества».

Открыто встать на стороне «оборончества», признав, что именно национал-социализм, а не большевизм является угрозой для всего человечества.

Перед Г.П. Максимовым стоял тот же выбор, что и когда-то перед П.А. Кропоткиным, чье отношение к мировой войне могло повлиять на умонастроение международного анархического движения. Тогда, в эпоху 1914–1918 гг., Кропоткин выступил за Антанту, считая, что мировая война — явление принципиально новое, что к нему нельзя подходить с позиции пацифизма, в противном случае одна из участвующих сторон будет продолжать войну до тех пор, пока не захватит весь мир. Он считал, что империализм Германии, претендующей на мировое господство, — это угроза возможности всякой революции, кроме того, необходимо было спасти Францию как колыбель международного революционного движения [Кропоткин 1916, с. 21]. Позиция П.А. Кропоткина была подвергнута критике большинством анархистов — Г.П. Максимов помнил события той давности [Петушкова 1997].

Начальная реакция российских анархистов-эмигрантов на разразившуюся Вторую мировую войну в целом выражена статье Г.П. Максимова о П.А. Кропоткине в 1941 г.: «Поражение Гитлера — сигнал к мировой революции» [Максимов 1941б, с. 4]. В эти годы анархисты еще верили — война, вероятно, станет ката-

лизатором классовых чувств среди народа, агрессия нацистской машины позволяет революционерам «взять реванш», сделать то, что не удалось сделать в годы Первой мировой войны, — раскрыть для народа корыстный интерес политиков, их эгоистическую заинтересованность в разжигании военных конфликтов. Поражение Гитлера казалось неминуемым. «Дело труда — пробуждение» призывало к радикальному антимилитаризму, агитируя своих читателей не поддерживать ни одну из сторон сложившегося конфликта [Липоткин 1941, с. 10].

Уже в этом же году на страницах журнала можно прочитать о «революционном оборончестве», «оборончестве», концептуально демаркированным от того, что часто понималось под этим словом, т. е. открытую солидарность с СССР. «Революционное оборончество» рассматривало Красную армию как массы трудящихся, которые вынуждены воевать против праворадикальных сил со стороны Германии [Максимов 1941а]. Оно также требовало непринятия сталинской политики, непринятия большевизма, непринятия нравственной позиции советского правительства. Оно полагало ожидание революции и торжество освободительного движения. Анархистам стоит приветствовать победы Красной армии над гитлеровскими войсками, однако в своем чувстве радости за очередное поражение нацистской военной машины необходимо строго дистанцироваться от патриотизма. Приветствие побед русского народа над нацистскими войсками — это выражение солидарности с рабочим классом и крестьянством, которые вынуждены сражаться с реакционными силами [Максимов 1942], сами будучи частью механизма реакционного государственного аппарата [Максимов 1943].

Как с точки зрения социальной философии Г.П. Максимова удалось обосновать такой выбор? Какие нюансы идеологических разночтений были им проанализированы для того, чтобы сформированная им позиция была теоретически аргументирована? Максимов отмечает, что «судьба русского народа сейчас, как никогда, тесно и неразрывно связана с судьбами западноевропейских народов», что порабощение Европы Гитлером «означает безысходное рабство для русских» [Максимов 1941а, с. 2]. Таким образом, Г.П. Максимов проводит строгую идейную демаркацию между Первой и Второй мировыми войнами. Никакого повторного Брестского мира не будет. Новые исторические условия предполагают, что сложившийся военный конфликт не является зеркальным повторением событий 1914–1918 гг., а поэтому и алгоритм действий революционного освободительного движения не может воспроизводиться в той же логике, что и раньше.

«Гитлер есть реакция в Германии и двойная реакция вне ее», — пишет Г.П. Максимов [Максимов 1942, с. 5]. Красная армия является главным противником нацистских войск, а следовательно, и противником главной реакционной силы XX столетия. Именно радикальная правая идеология, соединенная с милитаризмом и тоталитаризмом, представляет собой полное отрицание прогресса и революции. Значит, анархистам следует в первую очередь думать о поражении гитлеровских войск, т. е. поддерживать главную противостоящую им силу. Другими словами, Максимов в выработке редакционной политики по вопросу войны руководствовался идеей прогресса. То, что концептуально перечит идее прогресса, — и есть главная опасность, то, что этому противостоит, — главная надежда на спасение.

Почему журнал «Дело труда — пробуждение» не стал поддерживать движение Сопротивления и русских эмигрантов, сражавшихся на его стороне, ведь таким образом можно было выразить свою антифашистскую направленность и не обосновывать необходимость поддержки советских войск? Вопрос сложный, пока есть лишь догадки. Вероятно, для Г.П. Максимова такой выбор не имел смысла, ведь Сопротивление не было главным противником нацистской военной машины, оно не обладало должной силой для решительной победы над Германией. Возможно, А. Горелик был в чем-то прав: Г.П. Максимов все еще не определился в своем отношении к советской России, к людям, которые остались жить в стране тоталитаризма и большевистской диктатуры.

После окончания войны журнал выступил с резкой критикой «раздела» Германии [Степной 1946], а также создания «компансавистской империи» [Максимов 1948]. Поражение Гитлера Г.П. Максимов не считал началом мира, он видел, что на костях убитых солдат рождается новая война — холодная. Геополитические игры политиков разделяли целые народы и судьбы отдельных людей, именно поэтому «Дело труда — пробуждение» оставалось до конца изданием, ориентированным на социальную, а не политическую борьбу. На страницах журнала описывались процессы послевоенной советской «чистки», в том числе и на рабочих местах — на фабриках и предприятиях. Критике подвергалась и американская цензура, которая в послевоенное время решила полностью взять под контроль литературную и публицистическую деятельность в Нью-Йорке, Чикаго и других городах. Максимов был человеком, который в водовороте идеологических разночтений и в атмосфере сложных политических игр выбрал единственно верный для этики анархиста путь — выступать на стороне угнетенных трудящихся масс.

По мнению А.В. Шубина, Г.П. Максимов сумел «убедить в своей правоте значительное число анархистов, воспитанных на трудах Кропоткина» [Шубин 1992, с. 132–133]. Ему удалось «обуздать» идею социальной революции, как ее представляли анархо-коммунисты — с мгновенным обобществлением средств производства и федерализацией всех территориальных единиц. При этом Максимов также не стал и сторонником реформизма. Эволюционизм поздних сочинений П.А. Кропоткина, соединенный с концепцией бакунинского анархо-коллективизма, помог редактору «Дело труда — пробуждение» наметить общие контуры постреволюционного общества, которое он именовал как «коммунально-синдикалистский строй». В таком обществе господствует система производственной демократии, выступающая в роли «сдерживающего клапана» реставрации государственного капитализма. Поступательный и длительный переход от рынка производственных кооперативов и коммун к анархо-коммунистическому обществу — дело многих-многих лет. В отличие от большевистского НЭПа, идея «переходного периода» Г.П. Максимова предполагала, что задача такого постреволюционного общества состоит не только в ликвидации последствий Гражданской войны, но и в реализации еще задуманного до революции плана работ по внедрению в производственную практику элементов самоорганизовывающихся «снизу вверх» различных форм свободных экономических инициатив [Maximov 1983, p. 5–15].

К концу 1940-х гг. Г.П. Максимов остался единственным живым действующим теоретиком анархизма, прошедшим русскую революцию. Вернувшийся в СССР в 1934 г. П. Аршинов в 1938 г. был арестован и расстрелян. В Аргентине после прихода к власти военного диктатора Х. Урибуру (Uriburu) в 1940 г. А. Горелика разбил паралич, последние 16 лет своей жизни он не мог ни писать, ни читать, ни как-либо еще давать о себе знать мировому анархистскому сообществу, вплоть до того, что единственный некролог о его смерти был опубликован с огромным опозданием лишь в 1958 г. в еще существовавшем журнале «Дело труда — пробуждение». В.М. Волин умер в 1945 г. в Париже от туберкулеза, в Нью-Йорке в 1946 г. умер и А.М. Шапиро [Аврич 2006, с. 254].

До самой своей смерти Г.П. Максимов продолжал работать над журналом: искал средства для издания, занимался редактированием и написанием статей, привлекал к работе молодых анархистов из среды трудовой российской эмиграции. Умер последний русский эмигрант-теоретик анархизма 16 марта 1950 г. в Чикаго (Иллинойс), окруженный сотрудниками своего издания, друзьями и товарищами. В 1952 г. они посмертно публикуют его рукопись «Constructive Anarchism», где на базе полученного им опыта революции 1917 г. Г.П. Максимов своеобразным образом «снимает» противоречия между различными направлениями в теории анархизма через акцентирование внимания на «конструктивной» части анархистской деятельности [Maximov 1952]. «Дело труда — пробуждение» выпускалось вплоть до 1963 г., в пору, когда леворадикальные анархистские идеи казались человечеству выдумками, о которых стоит забыть. Изданию не хватило лишь пяти лет, чтобы на волне парижского Красного Мая 1968 г. снова возродить в обществе идеи интернационализма, свободы и равенства. Лишь несколько лет не хватило единомышленникам Г.П. Максимова, чтобы застать популярность ситуационизма Ги Дебора (Debord) и Рауля Ванейгема (Vaneigem).

Жизнь и творчество Григория Петровича Максимова является лишь частью истории русской анархистской эмиграции, но частью особенной — охватывающей главные вехи деятельности российских анархистов, которые нашли в себе силы бороться за идеалы свободы и равенства после всех ужасов большевистского террора.

Литература

- Аврич 2006 — Аврич П. Русские анархисты 1905–1917. М.: Центрполиграф, 2006. 272 с.
 Аршинов 1931 — Аршинов П. Анархизм и диктатура пролетариата: (Доклад Конференции анархо-комм. групп Сев. Америки и Канады). Париж: Pascal, 1931. 16 с.
 Аршинов, Махно 1926 — Аршинов П., Махно Н. Организационная платформа всеобщего союза анархистов. Париж: Изд-во группы русских анархистов за границей, 1926. 32 с.
 Базанов 2014 — Базанов П.Н. Издательство имени Чехова // Новый журнал. 2014. № 276. С. 276–282.
 Вишняк 1925 — Вишняк М.В. Две свободы // Современные записки. 1925. № 24. С. 331–334.
 Волин 2005 — Волин В. Неизвестная революция, 1917–1921. М.: НПЦ «Праксис», 2005. 765 с.
 Горелик 1922 — Горелик А. Анархисты в российской революции. [Б. м.]: Издание рабочей издательской группы в Аргентине, 1922. 63 с.

- Гринюк 1950 — *Гринюк Н.Н.* Отклики на смерть Г.П. Максимова // Дело труда — пробуждение. 1950. № 33. С. 26–27.
- Гудель 1950 — *Гудель М.* Человек, живший по своим убеждениям // Дело труда — пробуждение. 1950. № 33. С. 21.
- Дамье 2006 — *Дамье В.В.* Забытый Интернационал: международное анархо-синдикалистское движение между двумя мировыми войнами. Т. 1. М., 2006. 901 с.
- Дамье 2011 — *Дамье В.В.* Берлинский центр российской анархистской эмиграции (1920-е годы) // Прямухинские чтения 2009 года. М.: Тип. «Футурис», 2011. С. 60–63.
- Дамье 2013 — *Дамье В.В.* Стальной век: Социальная история советского общества. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 254 с.
- Ермаков, Талеров 2007 — *Ермаков В.Д., Талеров П.И.* Анархизм в истории России: От истоков к современности: Библиографический словарь-справочник. СПб., 2007. 724 с.
- Кропоткин 1916 — *Кропоткин П.А.* О войне. М.: Задруга, 1916. 33 с.
- Лазарь, Андреев 2015 — *Лазарь Х.Ф., Андреев А.С.* А. Горелик: аргентинские штрихи к портрету русской революции // Былые годы. 2015. № 36. С. 394–402.
- Лапоть Гр. 1919 — *Лапоть Гр.* Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение. Нью-Йорк: Изд. Федерации Союзов русских рабочих США и Канады. 1919. 10 с.
- Липоткин 1941 — *Липоткин Д.* Государство и война // Дело труда — пробуждение. 1941. № 3. С. 10.
- Максимов 1919а — *Максимов Г.П.* <Рец.:> Карелин А. Программа анархистов-коммунистов (как я ее понимаю). М., 1919 // Голос труда. 1919. № 1. С. 47–48.
- Максимов 1919б — *Максимов Г.П.* <Рец.:> Карелин А. Жизнь и деятельность Михаила Александровича Бакунина. М.: Изд. Всерос. федерации анархистов-коммунистов, 1919 // Голос труда. 1919. № 1. С. 47–48.
- Максимов 1919в — *Максимов Г.П.* Необходимость программы // Голос труда. 1919. № 1. С. 19–27.
- Максимов 1922 — *Максимов Г.П.* За что и как большевики изгнали анархистов из России?: (К освещению положения анархистов в России). Штеттин.: Изд-во Анархо-коммун. группы, 1922. 32 с.
- Максимов 1924 — *Максимов Г.П.* После революции // Голос труженика. 1924. № 1. С. 24–26.
- Максимов 1934 — *Максимов Г.П.* Беседы с Бакуниным о революции. Чикаго: Орган Федерации русских рабочих организаций США и Канады, 1934. 48 с.
- Максимов 1941а — *Максимов Г.П.* Революционное оборончество // Дело труда — пробуждение. 1941. № 4. С. 1–5.
- Максимов 1941б — *Максимов Г.П.* Петр Алексеевич Кропоткин // Дело труда — пробуждение. 1941. № 3. С. 1–4.
- Максимов 1942 — *Максимов Г.П.* Свобода требует победы // Дело труда — пробуждение. 1942. № 6. С. 2–6.
- Максимов 1943 — *Максимов Г.П.* Под каким углом нужно рассматривать русские победы и борьбу против нацизма // Дело труда — пробуждение. 1943. № 9. С. 5–7.
- Максимов 1948 — *Максимов Г.П.* Трещина в компаславиристской империи // Дело труда — пробуждение. 1948. № 26. С. 1–5.
- Махно 1936 — *Махно Н.И.* Воспоминания: в 3 т. Т. 1. Париж, 1936. 215 с.
- Петушкова 1997 — *Петушкова И.В.* Петр Алексеевич Кропоткин и I Мировая война // Труды Междунар. науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения П.А. Кропоткина. М., 1997. Вып. 2: Идеи П.А. Кропоткина в социально-экономических науках. С. 88–98.
- Рокер 1952 — *Рокер Р.* Размышления о настоящем положении // Дело труда — пробуждение. 1952. № 38. С. 10–13.

- Рублев 2011 — Рублев Д.И. Из истории леворадикального сопротивления коммунистической диктатуре: Анархисты Московского региона в середине 1920–1930-х гг. // Российская история. 2011. № 4. С. 155–162.
- Рублев 2012 — Рублев Д.И. «Теория анархизма М.А. Бакунина... до сих пор представляется в ложном свете»: Письмо Г.П. Максимова к П.Б. Аксельроду. 1923 г. // Исторический архив. 2012. № 5. С. 197–201.
- Скирда 2002 — Скирда А. Индивидуальная автономия и коллективная сила. Обзор либертарных идей и практик от Прудона до 1939 г. Париж, 2002. 224 с.
- Степной 1946 — Степной М. Дело мира // Дело труда — пробуждение. 1946. № 19. С. 1–2.
- Товарищам анархистам 1923 — Товарищам анархистам // Анархический вестник. 1923. № 1. С. 83.
- Шубин 1992 — Шубин А.В. Два этапа творчества П.А. Кропоткина и идейная борьба в российской анархистской эмиграции 20–30-х гг. // Труды Комиссии по научному наследию П.А. Кропоткина. М., 1992. Вып. 2. С. 128–134.
- Шубин 1993 — Шубин А.В. Проблема социальной революции в идеологии российской эмиграции 20–30-х гг. (по материалам эмигрантской периодики): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1993. 17 с.
- Шубин 1998 — Шубин А.В. Анархистский социальный эксперимент. Украина и Испания. 1917–1939 гг. М.: ИВИ РАН, 1998. 232 с.
- Шубин 2014 — Шубин А.В. Махно и его время: О Великой революции и Гражданской войне 1917–1922 гг. в России и на Украине. М.: URSS, 2014, 320 с.
- Berkman 1925 — Berkman A. The Bolshevik Myth. (Diary 1920–22). N.Y.: Boni and Liveright Publishers, 1925. 304 p.
- Interview 1996 — Interview de Leo Voline // Itineraire. 1996. № 13. P. 21–23.
- Maximov 1933 — Maximov G.P. The economics of the transition period // Vanguard. Vol. 1, № 7. April. 1933. P. 4–8.
- Maximov 1940 — Maximov G.P. The guillotine at work. Twenty years of terror in Russia. Chicago, 1940. 633 p.
- Maximov 1952 — Maximov G.P. Constructive anarchism. Chicago, 1952. 43 p.
- Maximov 1983 — Maximov G.P. My social credo. Sydney: Monty Miller Press, 1983. 15 p.
- Pestaña 1924 — Pestaña A. Setenta dias en Rusia: Lo que yo vi. Barcelona: Tipografia Cosmos, 1924. 220 p.
- Rocker 1974 — Rocker R. Aus den Memoiren eines deutschen Anarchisten. Frankfurt a/M., 1974. 360 S.
- Skirda 1987 — Skirda A. Autonomie individuelle et force collective. P., 1987. 365 p.

Приложение

ПИСЬМА Г.П. МАКСИМОВА К ЭММЕ ГОЛЬДМАН (1930–1931 гг.)

Предисловие, подготовка текста и комментарии Н.И. Герасимова

Представленные ниже письма анархиста Г.П. Максимова сохранились в Архиве Института социальной истории в Амстердаме, в отделе русских коллекций, в личном фонде Эммы Гольдман¹. Текст писем машинописный, без карандашных и чернильных помет. Орфография и пунктуация современная (но с сохранением специфических особенностей, отражающих индивидуальную авторскую манеру). Общеизвестные имена не комментируются.

Огромный пласт культурного наследия российских анархистов-эмигрантов практически не исследован. На сегодняшний день главным систематическим научным трудом по данной теме является диссертационная работа Александра Владленовича Шубина, написанная в 1993 г. [Шубин 1993]. Впоследствии текст этого исследования был переработан и изменен для монографии по истории гражданской войны в России и Испании [Шубин 1998]. Другие отечественные историки, такие как В.В. Дамье и Д.И. Рублев, ограничиваются отдельными статьями и очерками на данную тему. Столь малое число исследований указывает не только на необходимость концептуального анализа феномена русской анархистской эмиграции, но и на то обстоятельство, что огромное количество источников по этой теме все еще не опубликовано.

Г.П. Максимов является самой неисследованной персоналией среди деятелей анархистской эмиграции, оказавшихся за рубежом. Эпистолярное наследие мыслителя очень велико. Для современного исследователя оно является важным ввиду дискуссионности проблем, которые в 1920–30-е гг. активно обсуждались анархистами, прежде всего в переписке. Тем не менее письма, как и множество других источников, не опубликованы, а те, что, к счастью, были изданы, не введены в научный оборот, так как сама история русской анархистской эмиграции лишь начинает по-настоящему разрабатываться.

К сожалению, с учетом вышеуказанных обстоятельств, при составлении научного комментария возникло множество проблем с идентификацией упомянутых в документе персоналий и изданий, а также некоторых бытовых аспектов жизни Г.П. Максимова. Часть из них благополучно решена, а та, что вызывает вопросы, снабжена особыми пояснениями публикатора в форме предположений.

1930–1931 гг. были особенно тяжелы для Г.П. Максимова: непрекращающееся ощущение, что русского анархиста в любой момент могут подвергнуть аресту и выслать из США, катастрофически сложное финансовое положение на грани с абсолютной нищетой, незавершенный диалог с представителями русской анархистской эмиграции, так и не определившейся, какие конкретные цели ей необходимо преследовать в мировой освободительной борьбе за идеалы свободы и справедливости. Общая атмосфера Великой депрессии и безработица тем не менее не сломили бунтарский дух Максимова. В эти

¹ International Institute of Social History, Arch. 00520, Inv. nr. 121, p. 5935–5938, 5947–5950.

годы он еще не знает, что уже через несколько лет будет главным редактором журнала «Дело труда — пробуждение», которому суждено стать важнейшим анархистским изданием русской эмиграции.

Эмма Гольдман (1869–1940), всемирно известная анархистка и феминистка, родилась в Ковно (совр. Каунас, Литва), до своего 17-летия жила в Санкт-Петербурге, после чего вместе с сестрой эмигрировала в США, где быстро влилась в анархистское и рабочее движение. В Нью-Йорке она знакомится с Александром Беркманом (1870–1936), тогда уже прославленным анархистом, также родившимся в Литве, в Вильнюсе. С ними Г.П. Максимов познакомится в 1919 г., когда те прибудут в Россию на «советском ковчеге» — пароходе для группы депортированных из бывших уроженцев Российской империи. Вместе они встретят Кронштадтское восстание, смерть П.А. Кропоткина и последующие репрессии большевиков. «Первую в мире страну рабочих и крестьян» они покинут в разное время и разными путями, но будут поддерживать сложившуюся дружбу, несмотря на разворачивающийся хаос XX в. и нестабильность эмигрантской жизни.

Для современного читателя приведенный ниже текст интересен прежде всего тем, что наблюдения за мировой анархистской издательской деятельностью принадлежат русскому анархисту-эмигранту, который не только непосредственно находился в курсе всех издательских проектов, но также принимал активное участие в издании и распространении анархистской литературы на территории США и европейских стран. В письмах Г.П. Максимов также приводит свое развернутое мнение об испанской революции 1931 г. и подвергает критическому анализу точку зрения представителей мирового анархистского движения и русской анархистской эмиграции в частности. Это позволяет современному исследователю узнать «из первых уст» о непростой судьбе освободительного движения 1930-х гг.

1

2 марта 1930, Чикаго

Дорогая и милая Эмма, вот уже четвертый месяц, как мы молчим и не отвечаем на ваше письмо. Можно подумать, что вы нас не интересуете и что у нас к вам холодное, не товарищеское и не дружеское отношение. Если вы так думали, а мы с Олей¹ действительно дали повод к этому, то вы сильно ошибались. У нас к вам самое лучшее дружеское отношение, и мы будем очень огорчены, если потеряем в вас друга и товарища. Молчание наше объясняется проще и прозаичней — мы получили ваше письмо, когда находились в состоянии полного угнетения от материального краха, в полосу которого мы тогда входили. Перед нами стояли улица и голод. Я без работы, Оля без работы, заработанные осенью деньги прожиты, в кармане несколько долларов, меньше 10, а тут платежи за квартиру, за газ, за электричество, телефон, мебель, в юнион² и целый ряд других платежей, не говоря уже о питании и прочих жизненных потребностях...

Голод и ужасные бедствия повисли над нами. Оля, как я замечал, не раз плакала тайком. Бегал, искал работу, бегала она, но результаты всегда были плачев-

ные, ибо промышленный кризис в связи с махинациями нью-йоркской биржи как-то сразу обострился и привел всех в паническое состояние. Многие разорились, и безработица быстро пошла в гору. Мы с Олей одни из первых, попавших под удары безработицы. В самый критический момент пришли на помощь: сестра Флешина³ и Голдман, бывший портной, они принесли деньги, чтобы заплатить за месяц ренты, потом Голдман добился работы для Оли. Она работает кассиршей у Гилмана, получает 16 дол<ларов> в неделю. На этот заработок мы и живем вот уже пятый месяц. На квартиру давали два наших друга из рабочих. Сейчас у меня начинается сезонное время, но работы пока еще нет. Товарищ, который учил меня в течение трех с лишним лет несложному ремеслу пейпер-генгера⁴, работы мне не дает, так как занят собственной судьбой...

Максимов

¹ Максимова Ольга Иосифовна (урожд. Фрейдли; 1894–1973) — жена Г.П. Максимова. Во время революции 1905–1907 гг. занималась распространением анархистской литературы. Была арестована и приговорена к каторге. Позже каторга была заменена ссылкой в Сибирь. Вернувшись в Москву в 1917 г., знакомится с Г.П. Максимовым. Работает в издательстве «Голос труда». Эмигрировала с мужем в Германию в 1922 г.

² Trade-union (англ.) — профсоюз.

³ Флешин Семен Исаакович (1894–1981) — анархист-эмигрант, родился в Киеве. Сотрудничал в Нью-Йорке с Эммой Гольдман в журнале «Mother Earth». Вернулся в Россию в 1917 г. Участник Гражданской войны, соратник В.М. Волина и Н.И. Махно. Выслан из РСФСР в 1923 г. В 1927 г. выступил с критикой «платформизма» Н.И. Махно и П.А. Аршинова, идеи создания интегрированной организации анархистов-эмигрантов с жесткой дисциплиной. В эмиграции стал членом Международной ассоциации трудящихся. В 1936–1939 гг. был фотографом на месте сражений испанских анархистов и республиканцев с войсками Франко. В годы Второй мировой войны оказывал помощь интернированным анархистам-эмигрантам во Франции. В 1941 г. эмигрировал в Мексику, где, оставаясь убежденным анархистом, продолжил свою деятельность как фотограф. Имя сестры Флешина установить не удалось.

⁴ Paperhanger (англ.) — рабочий-ремонтник.

2

14 апреля 1930, Чикаго

Дорогая и милая Эмма, дела сложились так, что начатое письмо пришлось оборвать, и вот только через месяц приступаю к его продолжению.

За истекший месяц наши дела поправились мало. Сезон моей работы начался давно, но работы нет. Около 40 % пейнтерс и пейперсгенгерс без работы. За полтора месяца я не смог заработать 150 дол<ларов>. Сезон продлится еще месяц, но надежды на заработок очень плохие, чтобы сказать — никакие. Вы представляете, как это нас угнетает и давит. Однако, несмотря на все беды и несчастья, мы еще крепимся и не поддаемся отчаянию. Оля продолжает посещать «гай скул»¹ и делает хорошие успехи, несмотря на двенадцатичасовой рабочий день, включая время на поездку на службу и обратно. Я прочел здесь две серии лекций — первая

о нашей программе, с наброском которой вы, вероятно, знакомы через Шапиро²; вторая — «Библия в свете науки». Лекции прошли с нашей русской точки зрения очень успешно, особенно лекция последней серии. Получил приглашение читать лекции в Акроне, Сент-Луисе, Детройте, но не мог воспользоваться приглашением, поездку по этим и другим городам отложил до осени. Вот, как видите, при каторжных условиях мы все же духовно не умираем и находим еще силы и энергию для общественной деятельности и учения.

В связи с прекращением в Париже журнала «Дело труда» Аршинов³ хочет перенести издание в Америку и редактировать журнал из Парижа. На это соглашаются нью-йоркские товарищи, но восстают против этого товарищи в Чикаго. Последнее, наверное, возьмут верх и будут издавать «Дело труда»⁴ без всякой преемственности и указки из Парижа, и Аршинов будет просто одним из сотрудников.

Характерная вещь, Эмма, вы знаете, что Махно травил Аршинова из-за каких-то 10 долларов, а вот сам израсходовал 200 долларов, собранных американскими рабочими на издание его дневника или записок⁵. Как вам это нравится? Этот факт скрывался его сторонниками, которые, однако, были вынуждены раскрыть это дело, так как сами оказались не в состоянии покрыть растрату без обращения за помощью к другим группам.

Был здесь Рокер⁶, было очень приятно встретиться с ним. Он один вечер провел с нами у нас в квартире. Его пребывание несколько освежило нас, так как мы чувствовали непосредственное присутствие любимой нами старушки Европы. Мы продолжаем оставаться европейцами, никогда, кажется, не станем американцами. В Чикаго Рокер имел материальный успех, хотя лекции посещались слабее, чем в его первый приезд. Материально он выиграл тем, что сократил расходы в сравнении с прошлым туром, а именно: на этот раз не пришлось тратиться на Миллю⁷, на менеджера и на гостиницы. Он жил у товарищей. Но нам с Олей было жаль, что не было Милли. Вообще, на этот раз Рудольф, как говорят, увезет из Америки от 3000 до 5000 дол<ларов>. Это очень хорошо, он сможет спокойно прожить пару лет и спокойно заниматься литературной работой.

Ну, а как ваша биография, уже сдана издателю? Мы льстим себя надеждой получить вашу биографию от вас лично.

Эмма, у меня к вам просьба. Пожалуйста, передайте Александру⁸, чтобы он прекратил высылку бюллетеня⁹ на мой теперешний адрес и на мой старый адрес. Здесь я прилагаю образец упаковки бюллетеня, который отправлялся на мое имя. Из этого образца вы видите, что те, кто заведует рассылкой бюллетеня, совершенно не считаются с политическим положением адресата. Они должны помнить, что еще одна такая посылка, и я могу быть арестованным и высланным. Теперь особенно опасно, так как в связи с огромным промышленным кризисом и безработицей полиция проявляет усиленную активность и не считается ни с какими законными формальностями. Пожалуйста, Эмма, передайте все это Александру, и пусть мое имя вычеркнут из их списка. Бюллетень я буду получать другим путем, как получал раньше. 15–20 экземпляров бюллетеня они могут высылать в чикагский отдел Индустриальных рабочих мира, 555 Вест-Лэйк Стрит. И еще по одному адресу, который я укажу несколько позже.

Чернов здесь хлопочет об издании эсеровской газеты и готов объединиться или арендовать газету «Рассвет»¹⁰. Особого успеха его лекции не имели. Я должен был иметь с ним диспут, но диспут не состоялся из-за отъезда Чернова¹¹ в Нью-Йорк. Здесь они, эсеры, пытаются по примеру Праги организовать кооперативный банк и всячески стремятся укорениться в русской колони Америки, частично это им, кажется, удастся.

Ну, а как же вы, Эмма? Как ваше здоровье и настроение? Где вы сейчас? Я посылаю письмо по данному вами адресу, но я не имею уверенности, что оно застанет вас на этом месте.

Итак, дорогая Эмма, не обижайтесь на нас и не сердчайте, не думайте о нас плохо и не считайте фальшивыми друзьями.

От себя и Оли шлю вам дружеский сердечный привет и обнимаю вас.

Сердечно с вами, Максимов

¹ Highschool (англ.) — термин, обозначающий 3–4-годичный школьный курс обучения в США, предшествующий обучению в высших учебных заведениях. С 1910 по 1940 г. количество highschool увеличилось в США в несколько раз, что привело к росту числа тех, кто собирался продолжить обучение в колледже и университете. По-видимому, Ольга Максимова собиралась получить диплом highschool для того, чтобы иметь шанс работать в эпоху кризиса.

² Шапиро Александр Моисеевич (1883–1946) — после революции 1917 г. один из влиятельных деятелей русской анархистской эмиграции. Был выслан из РСФСР в 1922 г. Активист Свободного рабочего союза Германии и французской Революционно-синдикалистской всеобщей конфедерации труда. Один из основателей МАТ. В Нью-Йорке был известен как редактор журнала «New Trends».

³ Аршинов Петр Андреевич (1887–1938) — анархист, один из влиятельнейших политических деятелей времен Гражданской войны в России. Один из ближайших соратников Н.И. Махно. Эмигрировал в 1921 г. во Францию. В эмиграции разрабатывал концепцию единой «платформы» для проекта общей эмигрантской анархистской организации. Основатель и редактор журнала «Дело труда». Вернулся в СССР в 1934 г. Расстрелян в 1938 г.

⁴ «Дело труда» — ежемесячный анархистский журнал, основанный П.А. Аршиновым и Н.И. Махно в 1925 г. на базе Органа русских анархистов-коммунистов. С 1930 по 1931 г. издавался под редакцией Волкова и Новикова на базе Органа рабочих безвластников, с 1931 г. — под редакцией Г.П. Максимова. В 1934 г. происходит интеграция с журналом «Пробуждение», и в дальнейшем издание выходило под названием «Дело труда — пробуждение» до 1963 г.

⁵ Махно Н.И. Революция на Украине (от марта 1917 по апрель 1918). Париж: Федерация Анархо-коммунистических групп США и Канады, 1929. 215 с. Впервые текст был опубликован не на русском, а на французском языке в 1927 г. (*Makhno N. La révolution russe en Ukraine (Mars 1917 — Avril 1918)*. P.: La brochure mensuelle, 1927. 360 p.). Впоследствии он стал первым томом посмертно изданных «Воспоминаний» (см.: [Махно 1936]).

⁶ Рудольф Рокер (Rocker; 1873–1958) — немецкий политический деятель, один из основоположников теории анархо-синдикализма. Автор главных программных документов МАТ. Активист и организатор профсоюзного движения в Германии, Нидерландах и США. Автор таких книг, как «Anarcho-syndicalism» (1938) и «Nationalismus und Kultur» (1949).

⁷ Милли Виткоп-Рокер (Witkop-Rocker; 1877–1955) — феминистка и активистка анархистского движения, «гражданская жена» Рудольфа Рокера. Эмигрировала из Российской империи в 1894 г.

⁸ Александр Беркман (1870–1936) — анархо-синдикалист, эмигрировавший из Российской империи в США в 1888 г. Вплоть до событий «советского ковчега» находился под влиянием идей Иоганна Моста (Most), утверждавшего необходимость применения методов индивидуального террора. После неудачного покушения на фабриканта Генри Клея Фрика (Clay Frick) в 1892 г. Александр Беркман был приговорен к 14 годам тюремного заключения. Выйдя на свободу, он стал сотрудником журнала «Mother Earth» под редакцией Эммы Гольдман. Во время Первой мировой войны был одним из участников антимилитаристской и пацифистской кампании, за что получил двухлетний тюремный срок. Находился в очень тесных отношениях с Эммой Гольдман, с которой организовывал профсоюзные стачки и акции протеста против Джона Ди Рокфеллера. В 1919 г. был депортирован на «советском ковчеге» в Россию, где стал влиятельным политическим деятелем. Лично встречался с В.И. Лениным, убеждавшим его в необходимости жестокой политики большевиков. Ощувив на себе масштаб большевистских репрессий, покинул Россию в 1921 г., эмигрировав в Германию. Тогда же стал членом МАТ. В 1925 г. переехал во Францию, где работал переводчиком. Покончил с собой в Ницце в 1936 г. Автор таких книг, как «Тюремные воспоминания анархиста» (1912), «Большевистский миф» (1925), «Сейчас и после: азбука анархо-коммунизма» (1929).

⁹ Бюллетень Фонда помощи анархо-синдикалистам в российских тюрьмах (издавался на средства МАТ. Фонд собирал деньги для заключенных, публиковал списки репрессированных анархистов, а также организовывал международные кампании за их освобождение. Бюллетень издавался с 1926 по 1932 г. Александр Беркман как секретарь МАТ был ответственным за редактирование, печать и распространение документа.

¹⁰ «Рассвет» — еженедельная газета рабочих организаций США и Канады. Издавалась с 1926 по 1939 г.

¹¹ Чернов Виктор Михайлович (1873–1952) — один из основателей партии социалистов-революционеров, ее главный теоретик. Эмигрировал из РСФСР в 1920 г. В Нью-Йорке занимался литературной работой, а также редактировал партийный журнал «За свободу».

3

3 августа 1931, Чикаго

Дорогая и милая Эмма, мы были очень рады получению вашего письма, которое ожидали с нетерпением. Письмо ваше принесло нам радостную весть, касающуюся Александра. Мы оба волновались здесь за него, особенно после прочтения в «Чикаго Трибюн»¹ довольно подлой заметки о его высылке из Франции². Теперь все это в прошлом, и Александр может свободно дышать. Мы очень-очень рады такому концу. Передайте при случае ему наше поздравление и наш сердечный дружеский привет. Я очень сожалею, что статья Александра не смогла попасть в мой сборник...³ Я писал ему, почему и как это случилось. Согласно его просьбе, я отослал его статью обратно, но ответа от него не имею и до сих пор не знаю, получил он свою статью или нет. Конечно, ему тогда было не до ответов на письма. Теперь же, когда волнения улеглись и жизнь снова вошла в свою колею, я просил бы его подтвердить получение от меня его статьи. При случае передайте ему мое желание.

Ах, милая Эмма, вы знаете, что есть люди, подобные мелким ручейкам, и есть люди, подобные морю-океану; первые высыхают от палящих лучей солнца, а вторые становятся магически красивыми. Я не думаю, говорю это без лести, что вы

принадлежите к первой категории, и потому не допускаю, что автобиография иссушила ваш внутренний мир, я отношу вас ко второй категории людей, и я уверен, что после хорошего отдыха от тяжелой творческой работы, где нервы работали не меньше, чем ум, вы снова заискритесь, как океан под солнцем...

Нет, Эмма, вы ошиблись — Ольга не читает вашей автобиографии в «Форвертсе»⁴. Мы попробовали пару раз читать, опыт оказался неудачным. Прежде всего, нам кажется, что перевод сделан не совсем удовлетворительно, затем Ольга, хотя и читает по-еврейски, но гораздо слабее, чем по-русски, а может, даже слабее, чем по-английски, я тоже не все понимаю, когда она читает, а перевод берет слишком много времени, и чтение теряет всякую прелесть. Мы решили поэтому совсем не читать вашей автобиографии по-еврейски и ждать английского оригинала⁵, который может быть прочтен каждым из нас в отдельности. И мы с нетерпением ждем, когда вы пришлете нам свою автобиографию. Судя по отзыву Брестона, ваша автобиография действительно что-то выдающееся. Ведь отзыв Брестона делает вам такую честь, которой удостоиваются лишь незначительные единицы. Ведь он ставит вас в разряд всемирно известных писателей, мемуары которых считаются классическими для этого рода литературы. Это обстоятельство еще больше разжигает наше желание прочитать вашу биографию, и обязательно в подлиннике. Во всяком случае, мы поздравляем вас с огромным успехом. Если при рождении книга имеет такие отзывы, то в успехе ее после издания сомневаться не приходится. Я думаю, будет огромный моральный успех. Еще раз сердечно поздравляем.

Что касается цены книги, то цена непомерно высока, высока вообще и очень высока в частности для современной Америки, пораженной огромной безработицей и промышленным кризисом. Такая высокая цена, несомненно, значительно сократит циркуляцию автобиографии. И было бы очень хорошо, если бы вы все-таки добились от Кнопфа⁶ понижения продажной цены.

Косвенным образом я тоже имею взгляды и точки зрения на события в Испании. Точку зрения Рокера мне сообщила Милли, <точку зрения> Неттлау⁷ — его статьи и Мария Исидоровна⁸, Шапиро написал персонально, теперь вы сообщайте о взгляде Зухи⁹. Однако из всех этих взглядов я не мог составить для себя ясного представления о ситуации в Испании и сделать соответствующего вывода на предмет дальнейшего характера развития событий в Испании. Между нами говоря, Неттлау — старый идеалист и книжник. Испания дала ему бодрость и убила его скептицизм, который за последние годы рос в его душе. Он рад, что на склоне дней видел «столько анархии». Он выехал оттуда в возбужденном, несколько опьяненном состоянии, а это, как известно, искажает подлинную картину вещей. Рокер, наш милый романтик и поэт, совсем не по-немецки, очень склонен к идеалистическим увлечениям, его картина испанской ситуации, несомненно, подкрашена помимо его воли. Зухи, говоря между нами, не имеет широкого обобщенного ума. Он скрупулезен в своих наблюдениях, но не может найти в них главного, на чем можно устроить широкие обобщения и, кроме того, скоро теряет реалистическую почву и ударяется или в крайний идеализм, или в крайний пессимизм. Остается один Шапиро — самый трезвый. Но он слишком трезвый. Трезвый до сухости. До формализма, и потому тоже не способен на

широкие обобщения, ибо для этого нужна, кроме трезвости, некоторая доля интуиции, чутья, некоторая доля поэзии, идеализации, если хотите. Но каждый из них, несомненно, передал часть истины. Совокупность всех их наблюдений дает вывод, приближающийся в некоторой степени к полной истине. Одно верно — мощь Национальной конфедерации, ее популярность и стихийный рост, другое тоже верно — рабочие массы в большинстве неграмотны. Верно и то, что Испания, в отличие от России, имеет старое революционное движение, имеет большой революционный опыт, а это немаловажное отличие. Грамотность, конечно, вещь полезная и необходимая, но она далеко не всегда решает положение дел в революции. Классовые интересы сознаются не благодаря только грамотности, но в самой жизни по опыту. И думается мне, что классовое самосознание в испанском пролетариате развито довольно сильно. А это решающий фактор в революции. Важно, чтобы там было достаточное количество передовиков, таких как Пестанья¹⁰, Орабон¹¹ и т. д. Важно, чтобы они справлялись с наплывом новых членов, чтобы они были в состоянии обработать их путем устной пропаганды. Важно, чтобы Конфедерация не захлестнулась наплывом свежих членов, как это случилось в России с партией социалистов-революционеров, в последнем случае Конфедерация неизбежно снизится, собьется со своих анархических позиций и соскользнет незаметным образом на путь реформизма. Народ, всякий народ, имеет достаточно инстинкта самосохранения, этот инстинкт толкает его на наш путь, и вся задача наша, наших передовиков, дать этому инстинкту конкретное, вещественное выражение в доступной народному уму форме. Остальное все приложится. Если наши товарищи в Испании справятся с этим, то можно будет ожидать развития ситуации в желательном для нас направлении, а это, в свою очередь, может послужить сигналом для французского пролетариата, английского и всей Европы, а там, смотришь, затрещит и огромный американский исполин. Но все это песня будущего, все это прогнозы, которые могут быть верными, но в такой степени они могут быть и не верными. Сейчас лишь одно можно констатировать — что испанская революция есть не только революция против монархии, дворянства и духовенства, но и революция против централизации, я даже скажу — революция против большевизма. Эта революция расчищает путь-дорогу загнанной в закоулок большевизмом идее свободы, идее высокой ценности личности, самой по себе, независимо от ее экономической ценности. Ведь в течение почти 14 лет по лицу земли плыла ужасная пропаганда освобождения путем рабства, возвышения личности через ее окончательное угнетение. И эта изуверская проповедь имела успех. Теперь начинается реакция против нее, и испанскую революцию следует рассматривать под этим углом зрения.

Нельзя целиком отбрасывать веру в здравый смысл народа, но и нельзя эту веру класть в основу социалистического воззрения. В первом случае неизбежно крушение веры и, как следствие, разъедающий скептицизм, часто переходящий в социальный цинизм; во втором случае холодная трезвость рождает расчет, на котором строятся теории мещанского благополучия или теория героев, теория сверхчеловеков.

И то, и другое, и третье, несомненно, антисоциально. Я не разочарован русской революцией, хотя и здорово пострадал и продолжаю страдать. Россия сделала все возможное в тех исторических и экономических условиях, при которых она начала свою революцию. Она не дала того, чего мы хотим, но ведь это не ее вина, не вина русского крестьянства и пролетария. Однако она дала прицел для всего текущего столетия. Больше того, она перепугала международную социал-демократию и ускорила процесс превращения ее в буржуазный радикализм. Это расчистило поле для деятельности наших идей. Попытки осуществления марксистской утопии, все марксистские достижения являются ныне прекрасным отрицательным примером совершения революции и социального строительства. И страны, подобно Испании, совершая революции, обращают свои взоры на Россию и стараются избегать ее плачевного опыта. Большевизм — это небывалый взлет государственной идеи; теперь начинается падение этой идеи — яблоко не упадет, пока окончательно не созреет. Испанская революция, даже если ей не дадут развиться дальше буржуазной республики, что очень вероятно, судя по последним событиям в Севилье¹² и в Учредилке¹³, сделает огромное дело для успеха водворения свободы и прав личности во всем мире. Это первый признак созревания государственного яблока и, следовательно, его падения.

Вот такие мысли навеяла на меня революция в Испании. Простите, что я так долго занял ваше внимание этим предметом. Но мне хотелось поделиться своими мыслями. Здесь я все равно что в сибирской ссылке — не с кем поделиться и поспорить... Так вот вы явились жертвой...

Что касается нашей борьбы за существование, то положение на этом фронте без перемен — положение развивается в том же самом направлении: от плохого к худшему, «фром бед ту ворст»¹⁴, как говорят здесь. Ожидаю скорого выселения с квартиры. Ольга борется за то, чтобы оставить за собою школу, но, вероятно, она потеряет ее, потому что все зависит от моего осеннего сезона, а он по всем признакам будет самым плохим в смысле заработка, и нам предстоит пережить самую тяжелую зиму. Как это мы сделаем, не знаю. Не заглядываем в будущее — оно страшно, поэтому живем настоящим.

Очень рад, что внешность сборника произвела на вас хорошее впечатление, льщу себя надеждой, что и внутренняя сторона произведет на вас то же самое впечатление. Получил самые лестные отзывы от Милли, Мюзама¹⁵, Яновского¹⁶, Шапиро, Марии Исидоровны Корн и от некоторых других своих сотрудников. Это бодрит и дает уверенность, что мой труд даром не пропал и не пропадет.

Сердечный дружеский привет от Ольги и меня. Крепко жмем ваши руки. Будьте здоровы и счастливы. Если есть возможность, пишите нам чаще, от ваших писем мы всегда получаем большое удовольствие.

Дружески Ваш, Максимов

¹ «Chicago Tribune» — американская ежедневная газета, издававшаяся с 1847 г. Одно из самых старых периодических изданий Чикаго.

² Высылка Александра Беркмана из Франции в Бельгию как особо опасного анархиста произошла в мае 1930 г. Вернуться назад во Францию Беркман смог лишь в ноябре.

³ Интернациональный сборник, посвященный десятой годовщине смерти П.А. Кропоткина / [под. ред. Г.П. Максимова]. Чикаго: Федерация русских анархо-коммунистических групп США и Канады, 1931. 350 с.

⁴ С 1931 по 1932 г. в газете «The Forward» серийно публиковали автобиографию Эммы Гольдман на идиш в переводе с английского оригинала.

⁵ Goldman E. Living my life. N.Y.: Alfred A. Knopf Inc., 1931. 939 p.

⁶ Альфред Абрахам Кноpf (Knopf; 1892–1984) — американский книжный издатель. Издательство Альфреда Кноpf (Alfred Abraham Knopf Inc.) выпускало в свет книги на английском языке Альбера Камю, Томаса Манна, Жана Поля Сартра и других известных философов и литераторов XX в. Автобиография Эммы Гольдман «Living my life» впервые вышла в свет в издательстве Кноpf в 1931 г.

⁷ Макс Неттлау (Nettlau; 1865–1944) — немецкий филолог, специалист по валлийскому языку и историк анархизма. С 1938 по 1944 г. сотрудник Института социальной истории в Амстердаме. В 1889 г. присутствовал на учредительном съезде Социалистического интернационала. Вместе с Уильямом Моррисом (Morris) занимался пропагандой социалистических идей. Автор множества биографических очерков о М.А. Бакунине и других теоретиках анархизма.

⁸ Гольдсмит Мария Исидоровна (урожд. Андросова; печатавшаяся также под псевдонимом Корн; 1858–1933) — филолог, переводчица сочинений П.А. Кропоткина, сотрудница таких анархистских изданий, как «Листки “Хлеб и воля”» (1906–1907) и «К оружию» (1903–1904). Эмигрировала из Российской империи в 1887 г.

⁹ Августин Зухи (Souchy; 1892–1984) — немецкий журналист, анархист, антимилиитарист и исследователь самоорганизующихся форм хозяйственной жизни. Во время Первой мировой войны был одним из организаторов пацифистской кампании, занимался пропагандой идей анархизма в Австрии, Дании, Швеции и Норвегии. В 1919 г. присоединяется к анархо-синдикалистскому профсоюзу — Союзу свободных рабочих Германии. В 1920 г. как представитель анархо-синдикалистов Германии приезжает в Россию для встречи с В.И. Лениным. Тогда же происходит и его встреча с П.А. Кропоткиным. В 1921 г. переезжает во Францию, откуда за свои убеждения ему приходится вернуться назад, в Германию. В Берлине он становится редактором газеты «Der Syndikalist!». Вместе с Рудольфом Рокером занимается антибольшевистской пропагандой среди фабричных рабочих. В период 1931–1937 гг. совершает несколько поездок в Испанию, где поддерживает анархистов Каталонии и изучает их способы организации производства. В Германии вместе со своим другом Эрихом Мюзамом занимается антинацистской пропагандой. В 1933 г. уезжает в Париж, а оттуда в 1942 г. в Мексику. Затем в 1952 г. перебирается в Израиль, где принимает участие в местном анархистском движении и изучает различные формы сельскохозяйственных коммун (таких как кибуц). Набравшись опыта, переезжает на Кубу, где сотрудничает с местными рабочими организациями. В 1950-х гг. совершает лекционное турне по Латинской Америке. В 1963 г. МАТ нанимает его в качестве образовательного эксперта. Возвращение Августина Зухи в Германию происходит лишь в 1966 г. С 1966 г. и до своей смерти в 1984 г. он дает интервью для телевидения, радио, газет и влиятельных журналов (см.: Spiegel Gespräch «Anarchie bleibt das Fernziel der Menschheit». Der Alt-Anarchist Augustin Souchy über Staat, Freiheit und Revolution // Der Spiegel. 1983. № 16. S. 222–232). В 1984 г. о нем выходит документальный фильм «Die lange Hoffnung».

¹⁰ Анхель Пестанья (Pestaña; 1886–1937) — испанский анархо-синдикалист, участник испанской революции, член Профинтерна. В 1920 г. выступал в Москве как делегат от Национальной конфедерации труда Испании, позже добивался освобождения русских анархистов из Таганской тюрьмы.

¹¹ Валериано Орабон Фернандез (Fernández; 1901–1936) — испанский анархо-синдикалист, участник испанской революции, переводчик и поэт, автор слов к песне «A las barricadas».

¹² Антимонархический бунт 27 июня 1931 г. под руководством левых офицеров на Табладском аэродроме рядом с Севильей.

¹³ После свержения испанского короля Альфонсо XIII власть перешла к Временному правительству. 28 июня 1931 г. прошли выборы в Учредительное собрание, на которых республиканцы получили большинство голосов.

¹⁴ «From bad to worse» (англ.) — от плохого к худшему.

¹⁵ Эрих Курт Мюзам (Mühsam; 1878–1934) — немецкий поэт, драматург и анархист. С 1911 по 1914 г. издавал газету «Каин». Один из ведущих организаторов антинацистской кампании времен Веймарской республики. Автор пьес «Государственные интересы», «Иуда» и «Мошенники». Умер в концлагере Ораниенбург.

¹⁶ Шаул-Йозеф Яновский (1864–1939) — писатель и переводчик, участник еврейского анархического движения. Эмигрировал из Российской империи в 1885 г. Был редактором анархистских периодических изданий на идиш («Дер арбейтерфрайнд» и «Фрайе арбейтерштиме») в США и Англии. Переводчик на идиш сочинений Л.Н. Толстого и П.А. Кропоткина. Последовательный критик метода индивидуального террора Иоганна Моста и Александра Беркмана. Автор книги «Первые годы еврейского либертарного социализма».

Е.В. Кривцова

К БИОГРАФИИ СЕРГЕЯ ПРОКОФЬЕВА В ЭМИГРАЦИИ
(Неизвестное письмо Стеллы Адлер Григорию Шнеерсону)

...Life beats down and crushes the soul
and art reminds you, that you have one.

S. Adler¹

В архиве известного советского музыковеда и общественного деятеля Г.М. Шнеерсона² среди обширной корреспонденции выявлено адресованное ему письмо³. Архивный документ, он же «музейный предмет» из фондов Всероссийского му-

*Стелла Адлер.
Рекламная фотография.
<Конец 1920-х гг.>*

зейного объединения музыкальной культуры (далее — ВМОМК) имени М.И. Глинки, представляет интерес в контексте истории русского театра, так как содержание письма связано с именами К.С. Станиславского и М.А. Чехова. Однако значимость документа этим не исчерпывается. Почерк трудночитаем, и, видимо, позже рукой адресата, Г.М. Шнеерсона, на первой странице письма в левом верхнем углу на русском языке сделана помета (даже, если угодно, *nota bene*) — «Письмо Стеллы Адлер». Имя, неоднократно упомянутое Сергеем Сергеевичем Прокофьевым в Дневнике [Прокофьев 2000] периода его жизни и творчества в США.

Известная американская актриса, театральный педагог и общественный деятель Стелла Адлер (Stella Adler)⁴ родилась в семье выходцев из России, актеров еврейского теа-

¹ «Жизнь принижает и ломает душу, а искусство напоминает о том, что она есть». С. Адлер (англ.).

² Шнеерсон Григорий Михайлович (1901–1982) — советский музыковед и общественный деятель, возглавлял различные советские службы, имевшие прямые контакты с зарубежными государствами (иностранный комитет в Союзе композиторов СССР, Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, зарубежный отдел журнала «Советская музыка», всевозможные русские и иноязычные издательства). Среди зарубежных музыкантов, хорошо знавших и ценивших Шнеерсона, были Д. Митропулос, И. Менухин, А. Буш, Л. Стоковский, А.Н. Черепнин, Н.Л. Слонимский, Ж. Руар, П. Ардженто и многие другие. С Э. Бушем, Э. Вайнертом, Х. Эйслером, Э.Г. Майером Шнеерсона связывали не только деловые, но и крепкие дружеские связи.

³ ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 375. Ед. хр. 2315.

⁴ Биографические сведения приводятся по сборнику статей и материалов «Стелла Адлер: от Ибсена и Стриндберга до Чехова» / «Stella Adler on Ibsen, Strindberg and Chekhov». N. Y., 2011.

тра Якова и Сары Адлер 10 февраля 1901 г. в Нью-Йорке. Актерскую карьеру начала с четырех лет в труппе отца, где играла немало ролей вместе с легендарной актрисой Кени Липцин⁵ и другими известными актерами еврейской сцены. В 1919 г. окончила среднюю школу, в том же году уехала для продолжения карьеры в Великобританию. В начале 1920-х гг. вернулась в США, позднее занималась в драматической студии Ричарда Болеславского и Марии Успенской⁶ в Нью-Йорке, работала в нью-йоркском Еврейском художественном театре, затем перешла на англоязычную американскую сцену: в 1926–1927 гг. Адлер выступала в театре «Ирвинг-плейс», в 1928–1929 гг. — в нью-йоркском «Нейшнл театр»; в 1929 г. вернулась в Еврейский художественный театр, одновременно (с 1929, по другим источникам, с 1931 по 1952 г.) играла на сцене «Групп-театра»⁷. Вместе с Гарольдом Клурманом (Clurman), Ли Страсбергом (Strasberg) и Элиа Казаном (Kazan) Адлер была одним из основателей этого театра, прославившегося новаторским подходом к репертуару. Среди наиболее известных ролей С. Адлер: Минна в пьесе Х. Лейвика «Шоп» («Мастерская»), Клара в пьесе К. Одетса «Потерянный рай», Бесси Бергер в мюзикле «Проснись и пой» (того же автора), Маша в «Живом труп» Л. Толстого. В 1934 г. актриса брала уроки у Станиславского. С 1940-х гг. вела курс актерского мастерства в Йельском университете, а в 1949 г. открыла собственную актерскую школу в Нью-Йорке⁸, ставшую одной из ведущих в США. Из этой школы вышли такие знаменитые актеры, как Марлон Брандо, Петр Богданович, режиссер Стивен Спилберг и многие другие. Фильмография Стеллы Адлер насчитывает несколько кинофильмов, снятых в конце 1930-х — 1940-х гг.⁹ Во время Второй мировой войны С. Адлер активно занималась общественной деятельностью, в частности помогала еврейским беженцам из Европы. В послевоенное время входила в так называемую Группу П. Бергсона, поддерживала идею создания еврейского государства. В 1961 и 1974 гг. посещала Израиль, в 1964-м — СССР. Была трижды замужем, второй муж — режиссер Гарольд Клурман, третий — физик Митчелл Уилсон (Wilson). В Лондоне от первого брака с английским актером Горацио Елящевым у актрисы родилась дочь — актриса и продюсер Эллен Адлер. Стелле Адлер посвящена статья в энциклопедии Britanica и в Гарвардском биографическом словаре «Известные американские женщины».

⁵ Липцин Кени (Keni; 1872–1918) — знаменитая актриса еврейского театра, играла на сцене ряда театров США на идиш.

⁶ Болеславский Ричард Валентинович (1889–1937), Успенская Мария Алексеевна (1876–1949) — актеры МХТ, в 1929 г. в Нью-Йорке основали Американский экспериментальный театр и актерскую студию. До закрытия театра в 1933 г. выпускниками школы стал целый ряд впоследствии ведущих актеров американского театра, в том числе Ли Страсберг и Стелла Адлер.

⁷ Групповой театр (или «Театр Группы») был образован в Нью-Йорке. Подобно МХТ в России, «Групп-театр» был содружеством актеров, режиссеров, драматургов, продюсеров. Слово «Группа» в названии подразумевало основную идею театра как ансамбля, равенства и отсутствия «звезд». Театр просуществовал около 10 лет. Не путать с театром в Лондоне (основан в 1932 г.) с таким же названием.

⁸ Stella Adler Studio of Acting — ведущая школа актерского мастерства в США в Нью-Йорке, с 1985 г. с филиалом в Лос-Анджелесе.

⁹ Один из популярных кинофильмов с участием С. Адлер — «Shadow of the Thin Man» («Тень художника», 1941, MGM).

Актриса — автор нескольких трудов по искусству театра, из наиболее известных — «Техника действия»¹⁰. Книга вышла в 1988 г. с предисловием ученика Стеллы Адлер Марлона Брандо. В 2007 г. архив С. Адлер и Г. Клурмана был приобретен Исследовательским центром гуманитарных наук имени Гарри Рэнсома Техасского университета и ныне хранится там, в Остине (США, штат Техас). Архив обработан, его опись доступна в интернет-ресурсе¹¹. Научное описание материала подробное (хотя и не по единицам хранения), структурировано по хронологическому и тематическому принципам. Однако после анализа этой описи стало ясно, что наследники актрисы провели «некоторую работу» по «экспертизе ценности документа» в отношении передаваемого архива. Проще сказать, материалы архива Стеллы Адлер до 1929 г. (года создания «Групп-театра»), включая личные бумаги, документы, фотографии Адлер и Клурмана, отсутствуют, следовательно, недоступны исследователям. Вероятность, что эта часть архива временно не вошла в опись (не обработана из-за сложности атрибуции или языкового барьера), мала. Скорее всего, многие ценные и личные материалы остались в семейном архиве дочери и внука¹² Стеллы Адлер. После знакомства с некоторой частью доступных, в том числе печатных, источников, посвященных Стелле Адлер, выяснилось, что в тени (в англоязычных источниках отсутствуют даже упоминания о них) остались следующие факты биографии актрисы:

— взаимоотношения Стеллы Адлер и композитора Сергея Прокофьева в 1919–1921-х гг. в Нью-Йорке;

— участие Стеллы Адлер в деятельности Международного объединения революционных театров (МОРТ) и пребывание ее вместе с Шерил Кроуфорд (Crawford) и Гарольдом Клурманом (в 1941 г. он станет мужем актрисы) в Москве в 1933–1934 гг.;

— встречи Стеллы Адлер с Сергеем Прокофьевым в Москве и Париже летом 1934 г.

Обращение к неизвестным страницам жизни американской актрисы, оказавшей определенное влияние на творчество Прокофьева, позволит прояснить степень этого влияния, установить ряд существенных фактов биографии великого композитора, приоткрыть завесу тайны над жизнью Сергея Прокофьева в эмиграции. Задачи и цели исследования, а также некоторая мозаичность привлеченных источников обусловили трехчастную структуру статьи в виде калейдоскопа сюжетов, разделенных по времени и месту событий:

Нежданных происшествий длинный ряд
Мы развернем пред вами в пестрой смене.
Вас чуда сегодня поразят...¹³

¹⁰ Adler C. The Technique of acting. N. Y., 1988.

¹¹ См. официальный сайт Исследовательского центра гуманитарных наук имени Гарри Рэнсома (Остин, Техас, США): <http://www.hrc.utexas.edu/> (дата обращения: 21.11.2015).

¹² Том Оппенхайм (Oppenheim) — театральный деятель, продюсер, внук С. Адлер.

¹³ Гоцци К. «Любовь к трем апельсинам», пьеса. Пролог.

*Г.М. Шнеерсон, Д.Д. Шостакович, Р.М. Глиэр.
Иваново. Дом творчества Союза советских композиторов. 1943 г.*

Первая часть посвящена истории любви известного музыканта С.С. Прокофьева и начинающей молодой актрисы в Нью-Йорке в 1919–1921 гг. Тема второго «эпизода» связана с визитами Стеллы Адлер в Москву и гастрольями Прокофьева в СССР в 1933 и 1934 гг. В заключение (ч. III) публикуется полный текст письма Стеллы Адлер Григорию Шнеерсону на английском языке с переводом на русский язык и комментариями. Публикация позволит привлечь внимание и к адресату — советскому музыковеду Григорию Михайловичу Шнеерсону, личности в своем роде незаурядной. В начале 1930-х гг. молодой пианист и композитор Г.М. Шнеерсон оказался тесно связан с деятельностью Коминтерна и ВОКС¹⁴, так как участвовал в организации работы МОРТ¹⁵. С 1932 г. Шнеерсон занимает пост ответственного секретаря музыкальной секции объединения — «дочерней» коминтерновской организации. К этому периоду относятся его контакты с представителями американского театра — Гарольдом Клурманом, Норрисом Хоутоном (Houghton), Шерил Кроуфорд и Стеллой Адлер. Г.М. Шнеерсон свободно владел основными европейскими языками (к концу жизни он знал семь языков, в

¹⁴ Коминтерн — с 1919 по 1943 г. Коммунистический интернационал (или 3-й Интернационал) — международная организация, объединявшая компартии разных стран. ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей — советская общественная организация, основанная в 1925 г.

¹⁵ С 1929 по 1936 г. МОРТ примыкало к Коминтерну. РГАСПИ. Ф. 540. Международное объединение революционных театров, 1929–1936. 137 единиц хранения.

том числе китайский). Неудивительно, что он обратил на себя внимание власти и партийных структур. Способный организатор, умевший наладить контакты с представителями зарубежного искусства, доказавший свою преданность коммунистической идее, Шнеерсон отвечал требованиям руководства страны к деятелю культуры новой, советской формации. Музыкант был привлечен к работе, связанной с международными контактами СССР в области искусства. Современникам и коллегам Григорий Михайлович запомнился как неизменно корректный, доброжелательный, воспитанный человек: так, деловые контакты, основанные на взаимной симпатии, связывали Шнеерсона с Прокофьевым, Шостаковичем, Мясковским, Глиэром и другими ведущими советскими композиторами. В 1960-е гг. «оттепели» и вплоть до своей кончины музыковед был подлинным подвижником преодоления политических барьеров в искусстве, энтузиастом в пропаганде творчества зарубежных композиторов самых разных течений и жанров¹⁶.

I

...Принцесса Клариче:
— Принцу нужен опий или пуля...
С. Прокофьев. Либретто оперы
«Любовь к трем апельсинам» (1919)

История любви Прокофьева и Адлер известна благодаря опубликованным в 2000 г. в Париже Дневникам композитора, а также вольной трактовке этой публикации в монографии И.Г. Вишневецкого, посвященной композитору (см.: [Вишневецкий 2009]). Канва событий такова. Прокофьев прибыл в США в августе 1918 г. Карьера молодого музыканта складывалась не совсем так, как ему представлялось. Улицы Нью-Йорка для эмигранта оказались вовсе «не вымощены золотом» — первые концерты Прокофьева успешны, но убыточны. Жизнь осложняют проблемы со здоровьем, отсутствие денег, бытовые неурядицы и тревога за оставшуюся в революционной России мать. Несмотря на крепкие связи с русской диаспорой, поддержку и внимание бывших соотечественников (среди них Н.Т. Кучерявый, В.Н. Башкиров, А.Ф. Сталь, С.В. Рахманинов, Л. Годовский, А.Р. Больм и др.), одиночество и тоска угнетают Прокофьева, хотя поклонниц достаточно. Мимолетные связи не затрагивают чувств музыканта, пока 26 февраля 1919 г. в Нью-Йорке некая Гертруда, приятельница Прокофьева, не представила ему Стеллу Адлер: «...одна очаровательная гёрл, которая в восторге от концерта¹⁷, хочет прийти при-

¹⁶ Свыше пятидесяти лет Шнеерсон почти каждый день получал письма от зарубежных корреспондентов. В фонде Г.М. Шнеерсона в ВМОМК им. М.И. Глинки хранится свыше двух тысяч писем от зарубежных музыкантов, адресованных ему. Часть корреспонденции музыковеда рассредоточена в фондах РГАЛИ, а также в личном фонде Г.М. Шнеерсона в РГАСПИ. Без сомнения, это эпистолярное наследие таит немало открытий и по существу является «архивом в архиве», т. е. самостоятельной, ценной и содержательной коллекцией документов по истории зарубежной музыки XX в. в России.

¹⁷ Концерт 17 февраля 1919 г. в Нью-Йорке (зал неизвестен) был организован американским импресарио Фицхью Хензелем (Haensel). В программе сочинения Прокофьева — Соната для фортепиано № 4,

ветствовать меня» [Прокофьев 2000, т. 2, с. 23]. Знакомство произошло в съемных апартаментах Прокофьева («недалеко от Пятой Аvenues две большие в коврах комнаты»): «Явление своей очаровательностью превзошло все ожидания. Это была изящная американка, тонкая и гибкая. Из-под огромной шляпы выбивались густые волосы темной блондинки. <...> Прелестна, мягка, нежна и мечтательна» [Там же]. Стелле 18 лет — «сложена как Венера» [Там же], Прокофьеву — 28. Он ведет себя как обычно, когда желает нравиться женщине. То есть демонстрирует капризы артиста, мечтает увезти девушку в Канаду без всяких обязательств со своей стороны. Вспыхнувшую страсть Прокофьев маскирует то притворным безразличием, то эгоистическим поведением лидера. Судя по записям в дневнике, пылкое чувство Прокофьева не получило равноценного ответа и развития в силу целого ряда причин. Суть любовных коллизий в чем-то напоминала бессмертный сюжет про Монтекки и Капулетти, в чем-то его вариацию — «Вестсайдскую историю». Стелла и Сергей в глазах общества не пара — семья актера еврейского театра не принадлежит к среднему классу. Адлеры — еврейская театральная богема, то есть, на взгляд добропорядочных американцев, «сумасшедшая» и «беспорядочная» семья. В русском кругу так называемого эмигрантского истеблишмента, к которому, несомненно, принадлежал Прокофьев, Стеллу не приняли — девушка без образования, не говорящая по-русски, ведущая свободную от условностей жизнь актрисы. В свою очередь Стелла влюблена, но горда, амбициозна, прагматична. Быть «игрушкой» у знаменитости, тратить время на любовное увлечение в ущерб собственной карьере не по ней. Отсюда взаимное недоверие, упреки, подозрения, бесконечное выяснение отношений. С первой встречи влюбленных сопровождает музыка: на первом неудачном свидании Сергей играл Вальс Рахманинова¹⁸; в превосходном исполнении Прокофьева Стелла слышала Чайковского, Скрябина, Баха; девушка присутствовала на концерте 30 марта 1919 г., когда американской публике автором были представлены «Сарказмы». Первому в США исполнению прокофьевских романсов ор. 27 предшествовал изысканный завтрак автора со Стеллой: «Я ее кормил свежей земляникой, а она была очень горда тем, что перед премьерой моих романсов я провожу время с нею. <...> Успех оказался порядочный» [Прокофьев 2000, т. 2, с. 29]¹⁹. Однако ситуация к началу апреля 1919 г. становится бесперспективной для влюбленных и... Прокофьев тяжело заболевает скарлатиной, потом дифтеритом, едва не стоившим ему жизни. Стелла присылает выздоравливающему возлюбленному роскошные розы, нежно ухаживает за ним, однако наотрез отказывается поступиться своей карьерой и личной свободой. Она обрывает отношения с Прокофьевым и в сентябре 1919 г. уезжает в Лондон на гастроли с труппой отца. Однако стоит девушке только по-

Десять «Мимолетностей», А.Н. Скрябина — Прелюд (opus неизвестен), Желание (ор. 57, № 1, 1908), Этюд № 12 (ор. 8), П.И. Чайковского — Соната (Большая соната для фортепиано Соль мажор, ор. 37, 1878).

¹⁸ Рахманинов С. Салонные пьесы для фортепиано. Ор. 10. Вальс Ля мажор.

¹⁹ 22 марта 1919 г. в Нью-Йорке на дневном концерте (зал неизвестен) Вера Янакопулос (пение) и С. Прокофьев (партия фортепиано) исполнили (впервые в США) три романа из цикла: С. Прокофьев. Пять романсов на стихи А. Ахматовой, (1916), ор. 27: 1. Солнце комнату наполнило, 2. Настоящая нежность, 3. Память о солнце, 4. Здравствуй, 5. Сероглазый король.

явиться в Нью-Йорке — позвонить, назначить свидание, как Прокофьев вновь рядом. «И разрыв, и сдержанность погibli» [Там же, с. 39] — так он пишет о власти чувства к Стелле в дневнике. Прокофьев бывает на спектаклях с участием Адлеров, пишет и часто «телефонирует» Стелле, посылает ей цветы. Параллельно развиваются его отношения с будущей женой Каролиной Кодина²⁰, которая в отличие от Стеллы решится на поездку вслед за любимым в Европу: приедет сначала в Париж и проведет лето 1920 г. с Прокофьевым на съемной даче в Mantes-sur-Seine (Мант-на-Сене). Лина наполовину русская, прекрасно воспитана и образована — ее появление в жизни Прокофьева не стало «faux pas» («ложным шагом») в глазах окружения композитора. Более того, умница и красавица, Лина «одобрена» матерью композитора Марией Григорьевной. Однако имя Стеллы Адлер не исчезает из дневника Прокофьева вплоть до 1921 г. — время от времени они встречаются. Потом упоминания о «гёрл в стиле акварели» становятся всё реже, и наконец память о ней стирают новые привязанности и впечатления, другие города и страны. Влияние Адлер на творчество Прокофьева не рассматривалось музыковедами и биографами композитора как отдельная тема²¹. Мешал ставший штампом образ Прокофьева — аэмоционального «бунтаря», «первопроходца» в музыке. В большинстве воспоминаний композитор предстает практичным, порою чрезмерно сухим в общении, деловым человеком, преданным лишь музыке, ставящим свое творчество выше личной жизни. В подобных характеристиках отсутствует внимание к эмоциям и чувствам, в действительности весьма влиявшим на творчество композитора. От окружающих старательно скрывался «другой» Прокофьев — ранимый, жаждущий нежности и, в сущности, очень одинокий (особенно в начале своей эмиграции) человек, щедро наделенный даром тонкого и глубокого переживания, способный оригинально, нешаблонно, непривычными для «среднестатистического слушателя» средствами передавать лирические эмоции в музыке. Музыкальные критики долго отказывали композитору в этом свойстве дарования, что было подмечено еще самим Прокофьевым: «Линия — лирическая <...> оставалась в течение долгого времени незамеченной или же ее замечали задним числом... Непоощренная, она развивалась медленнее» [Прокофьев 1956, с. 32]. Время рассудило иначе: в истории мировой культуры XX в. Сергей Прокофьев — признанный мастер музыкального лирического высказывания, великий композитор-мелодист. Нежная, хрупкая чувственность (назовем ее «аморозность»), лирическая кантилена в его творчестве также значительны, как эпический размах, токкатная ритмичность или гротеск.

²⁰ Каролина Кодина (Лина Ивановна Прокофьева, сценический псевдоним Лина Любера; 1897–1989) — певица, с 1923 до 1948 г. в официальном браке с Прокофьевым.

²¹ В биографии Прокофьева, написанной Израилем Нестьевым (см.: [Нестьев 1973]), С. Адлер не упоминается. В устных и печатных выступлениях музыковеда Нелли Кравец (Тель-Авивский университет, Израиль) о С. Адлер говорится в связи с деятельностью ансамбля «Зимро» в США и в контексте темы «Прокофьев и еврейская музыка». Имена Адлер и Прокофьева упоминались в работах журналиста Соломона Волкова, а также в устном выступлении музыковеда Марины Рахмановой на тему «Женщины в жизни С. Прокофьева».

Современные исследования музыкального наследия Прокофьева в значительной мере основаны на семантическом истолковании музыки или на выявлении различных смыслов его музыкальных сочинений. Отправной точкой такого изучения становится принцип **автомифологичности творчества Художника** по отношению к собственной жизни и судьбе. В силу внепонятийности музыкального искусства, плохо поддающегося вербальной трактовке, биографичность музыки Прокофьева прослеживается с точки зрения эмоциональных предпосылок создания произведения. Композитор самозабвенно и успешно творил чаще всего на фоне сильных и ярких впечатлений, вызываемых любовью к женщине. Стелла Адлер, без сомнения, была источником таких эмоций. Записи в дневнике свидетельствуют о настоящих любовных страданиях Прокофьева: он держит на своем

С.С. Прокофьев. Рекламная фотография.
Париж. 1932 г.

письменном столе фотографию девушки, посещает знакомого, но малоприятного ему художника, чтобы посмотреть портрет Стеллы («Смотрел портрет — ужасно желтый...»), ждет писем, тоскует. И наконец (что удивительно даже для такого быстро пишущего композитора, как Прокофьев) после отплытия «Аквитании» в Европу с юной прелестницей на борту он за один (14 октября 1919 г.) день сочиняет «Еврейскую увертюру»²². Прокофьев взялся за это произведение для того, чтобы заполнить, по его выражению, «пространство, которое осталось пустым» [Прокофьев 2000, т. 2, с. 32]. Кроме того, влияние чувства к девушке, общение с ее семьей пробудили в композиторе интерес к еврейской культуре, музыкальным образам в стиле идиш, ярко воплощенным в партитуре «еврейского» опуса. В опере «Любовь к трем апельсинам»²³ переключки с личной жизнью автора также присутствуют. Стелла стала источником вдохновения Прокофьева во время работы над произведением. Над клавиром и либретто оперы он работал параллельно: «Стелла создала мне настроение, и сегодня я кончил картину (2 картину 3 акта)» [Прокофьев 2000,

²² Прокофьев С.С. Увертюра на еврейские темы для кларнета, 2 скрипок, альты, виолончели и фортепиано. Ор. 34. (1919). Сочинение написано по заказу ансамбля «Зимро» на народные еврейские темы, предложенные участником ансамбля, виолончелистом Иосифом Чернявским. Премьера «Увертюры» состоялась 26 января 1920 г. в Нью-Йорке в исполнении «Зимро» и автора. Первое исполнение в России состоялось в 1937 г. в Москве (Малый зал Консерватории) в исполнении А. Володина (кларнет), Квартета имени Бетховена и автора (фортепиано).

²³ Прокофьев С.С. Любовь к трем апельсинам: Опера в 4 актах (10 картинах) с прологом, ор. 33 (1919). Либретто автора по пьесе Карло Гоцци. Премьера 30 декабря 1921 г., Чикаго.

т. 2, с. 27]²⁴. Завершение оперы (клавир) и объяснение-разрыв (первый из нескольких) с возлюбленной практически совпадают — 7 июня 1919 г. Похоже, что Стелла послужила не только прообразом избранницы Принца прекрасной Нинетты, но и одновременно коварной Клариче. «Нежная, нетронутая, мечтательная» Стелла порой была расчетлива и жестоко-равнодушна (на взгляд Прокофьева, разумеется). Отметим, что в пьесе Гоцци лишь одна из трех «апельсиновых принцесс» имеет имя — Нинетта. Две другие безымянны. После расставания со Стеллой Прокофьев в либретто назвал их: Линеттой (в честь влюбленной в него Каролины Кодина) и Николеттой. Главного героя, Принца, у Гоцци зовут Тарталья. Это имя в либретто изъято. В комедиях дель арте Тарталья — маска чудака, зануды, неудачника-заики. И хотя в своей фьябе²⁵ Карло Гоцци немного изменил традиционный статус Тартальи, сделав его сыном короля, герой в пьесе так и остался ипохондриком-недотепой. Успех оперы «Любовь к трем апельсинам», первой оперы, написанной по заказу американского театра русским композитором-эмигрантом, стал небывалым прежде прорывом в истории русского музыкального зарубежья. Конечно, «американская фьяба» Сергея Прокофьева была полна не только побед, но и неудач разного свойства, в том числе несчастной любви. Жизнь порой давала композитору повод почувствовать себя Тартальей. Но злоключения только закаляли Прокофьева, а любовные эмоции наполняли его композиторскую палитру новыми красками, оттенками и музыкальными находками. «Принц в Америке» был молод, полон сил и надежд. Его карьера, вопреки всему, складывалась!

II

Нет ничего прекрасней и привольней,
Чем навсегда с возлюбленной расстаться
И выйти из вокзала одному <...>
На сердце и свежо, и горьковато...

В. Ходасевич. <1925–1926>

В 1933 г. «Театр Группы» в Нью-Йорке, в котором служила Стелла Адлер, устанавливает контакты с советской Россией. В январе Гарольд Клурман в письме от лица коллектива театра поздравляет К.С. Станиславского с юбилеем²⁶: «Чистота Ваших целей всегда вдохновляла нас, Ваша система была для нас путеводителем. Мы надеемся, что, постигнув этот язык актера и театра, мы сможем найти и сказать настоящее слово нашему народу о нашем времени»²⁷. Для многих за-

²⁴ Работа над клавиром и либретто велась Прокофьевым параллельно. Упомянутая картина оперы заканчивается знаменитой комической сценой «Кухарки с бантиком».

²⁵ Фьяба (*итал.* fiaba — «сказка») — жанр итальянского театра и драматургии, созданный Карло Гоцци.

²⁶ К.С. Станиславский отмечал 70-летие 17 января 1933 г.

²⁷ Цит. по: *Виноградская И.Н. Жизнь и творчество К.С. Станиславского: Летопись: в 4 т. Т. 4. 1928–1938. Архив К.С., № 3034* // <http://lib.vkarp.com/2016/05/06/виноградская-и-н-жизнь-и-творчество-к-16/> (дата обращения: 20.08.2016).

падных деятелей культуры понятие «революционный театр» и имя театрального реформатора Станиславского были тождественны. Зарубежным «паломникам», устремившимся с начала 1930-х гг. в Москву к великому режиссеру, было не понять трагическую двойственность существования Станиславского в реалиях советской диктатуры. В мае — июне 1933 г. в столице России проходила Олимпиада революционных театров, организованная МОРТ. В июне 1933 г. Гарольд Клурман (возможно, вместе с Адлер) в составе делегации американских театральных деятелей впервые посетил Москву для знакомства со Станиславским и спектаклями Московского Художественного театра²⁸. Представителя «Групп-театра» в Москве сопровождал в качестве переводчика сотрудник МОРТ «камад Шнеерсон» — он к тому времени становится заметной фигурой в культурной жизни Москвы. Судя по сохранившимся программам концертов и записям в дневнике, в 1933 г., с середины апреля до конца мая — начала июня, Прокофьев гастролировал в СССР. Время пребывания американской делегации и композитора в России совпадает, однако нет доказательств пребывания в Москве Адлер. В июне 1934 г. актриса приезжает в Россию для личной встречи с К.С. Станиславским с целью получить консультации по практическому применению его системы. Проблема у Адлер, по воспоминаниям самого Станиславского, была такова: «Однажды был со мной такой случай. Одна американская актриса с большим именем вздумала для вящего своего развития подучиться системе. В Америке этим занимаются бывшие актеры 2-го МХАТ Успенская и Болеславский. Ну, вот поучилась она у них, все поняла, но играть больше совсем не может, не может, и все тут²⁹. Бросилась искать меня. <...> “Что делать?” — говорит. Пришлось мне с ней заниматься, в некотором роде ответственность за “учеников”. А они, верно, все ей объяснили, мало-мало не сказали — зачем все творится на сцене, не сумели внушить ей, что все ради сквозного действия и сверхзадачи»³⁰. В Москве Константина Сергеевича Стелла не застала. С начала 1934 г. он находился на лечении во Франции³¹. Адлер встретила со Станиславским в Париже в середине июля. В апреле того же 1934 г. в Москву прибыл Сергей Прокофьев, планируя пробыть в России до осени. Маловероятно, что при относительно узком круге участников светской жизни в столице, территориально находясь на одном гостиничном «пятачке»³², он ни разу не встретил Стеллу. Кроме того, информацию о пребывании друг друга в России

²⁸ См. об этом в воспоминаниях Г. Клурмана «Горячие годы» [Clurman 1945, p. 139–154].

²⁹ [Ibid.]. По свидетельству Г. Клурмана, чрезмерно анализируя роль в поисках «сверхзадачи», актриса перестала получать удовольствие от игры на сцене.

³⁰ Рассказ Станиславского записан Б.В. Зоном 11 августа 1934 г. Цит. по: [К.С. Станиславский 1955, с. 463–464].

³¹ После инфаркта в 1928 г. К.С. Станиславский покинул сцену и вынужден был ежегодно проходить курс лечения в зарубежных клиниках.

³² В начале 1930-х гг. в Москве был весьма ощутим дефицит гостиничных мест (не случайно в стадии возведения один из важнейших объектов города — гостиница «Москва», открытие состоялось осенью 1934 г.). Иностранцы — деятели Коминтерна (скорее всего, приезд Клурмана и Адлер финансировался по линии МОРТ) обычно останавливались в гостинице «Люкс» (позднее переименована в гостиницу «Центральная»). «Капиталисты», т. е. состоятельные зарубежные гости столицы (в том числе артисты-гастролеры с оплатой в валюте), проживали в «Национале» или в «Метрополе». Прокофьев в Москве всегда

они могли получить через Г.М. Шнеерсона. Значит ли это, что летом 1934 г. пути Стеллы Адлер и Сергея Прокофьева вновь пересеклись?

Аргументы «за» следующие:

В мае 1934 г. в Москве Прокофьев инструментует «Увертюру на еврейские темы» для симфонического оркестра³³. Работу над партитурой он завершает в Бутрах, в деревенском доме П.П. Кончаловского. Художник как раз писал портрет Прокофьева [Кончаловский 1961, с. 496–498] и разрешал композитору работать во время позирования. «Позировал Сергей Сергеевич хорошо <...> писал свои композиции и только на короткое время брал точную позу для проверки <...> он юмористически говорил: “займусь своими евреями”», — вспоминал об этих сеансах П.П. Кончаловский [Там же, с. 497]. Сохранилась рукописная копия партитуры «Еврейской увертюры» с пометой Прокофьева: «Оркестровка окончена 31 мая 1934 года в Бутрах»³⁴. На картине в руках композитора изображены ноты. Скорее всего, его главная в тот момент работа — инструментовка «Увертюры». Отчего Прокофьев вернулся к этому сочинению? Ранее он нередко включал его в программу концертов из-за удобства исполнения в гастрольной практике. Зачем же оркестровая версия? Ведь на очереди у композитора целый ряд крупных замыслов (Andante для симфонического оркестра, ор. 29-bis, Симфоническая песнь, ор. 57, Виолончельный концерт, ор. 58, симфоническая сюита «Поручик Киже», ор. 60). Музыка симфонической версии «Увертюры на еврейские темы» утрачивает ярко выраженный этнографический характер. Почти нет ассоциаций с клезмером, фрейлехсом и зарисовками в духе Шолом-Алейхема, вызываемых камерным сочинением. В симфоническом варианте звучит музыка эмоционально тревожная (учащенная пульсация скрипичной группы, более быстрые темпы частей). Экстатичная праздничность звучания достигается введением в партитуру арф и деревянных духовых инструментов. Лирические темы приобретают иное, главенствующее значение. В инструментовке увертюра звучит как страстная «песнь любви», помноженная на сомнения. Прокофьев называл инструментовку этого сочинения удавшейся. В течение 1934–1935 гг. увертюра исполнялась не однажды (дирижеры — Гаук, Голованов, Малько), и каждый раз Прокофьев был внимателен и весьма придирчив к дирижерской трактовке сочинения.

В июне 1934 г., находясь в Москве, Прокофьев резко меняет планы — уезжает внезапно в Париж, оставляет коробку с нотными рукописями незавершенных сочинений и корректурами написанных, не попрощавшись (!) даже с близким другом — Н.Я. Мясковским. Позже Николаю Яковлевичу не без

останавливался в одной из этих гостиниц — все они расположены в районе Тверской улицы, в непосредственной близости друг от друга.

³³ Прокофьев С. Увертюра на еврейские темы для симфонического оркестра, ор. 34-bis (1933–1934). Премьера в Москве 30 ноября 1934 г. в симфоническом концерте оркестра Всесоюзного радио под управлением А.В. Гаука с участием С.С. Прокофьева. В программе также: Второй концерт для фортепиано с оркестром (солист — автор) и Симфония № 2.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1929. Оп. 1. Ед. хр. 152. Рукоп. авториз. копия. 15 листов. Переписчик — В. Держановский, с пометами С. Прокофьева.

хлопот по просьбе Прокофьева пришлось пересылать рукописи в Париж. А ведь композитор должен был пробыть в Советском Союзе почти все лето. Недомолвки и странные «обмолвки» присутствуют в переписке Прокофьева с Мясковским летом 1934-го [Переписка 1977, с. 424–428]. Прокофьев: «Париж, 20 июля 1934 <...> Несколько неожиданно уехал я за границу, подкинув Вам тючок нот... По возвращении в Париж веду себя тихо и еще не решил, куда двинусь отсюда...»; «Сердечный привет и благодарность за пересылку письма Лины Ивановны...». С. Прокофьев не известил жену об отъезде из России?!. Перед этим в переписке с Мясковским он раздраженно назвал содержание письма Лины Ивановны «всяческим фаршем» (!) [Там же, с. 422]. Мясковский: «Москва 1 августа 1934... Ваш отъезд ошеломил нас своей внезапностью, хотя мне он представился целесообразным...» Прокофьев: «Париж, 15 августа <...> Я тут довольно много насочинял, хотя и не то, что нужно. То есть виолончельный концерт по-прежнему в дремоте, но сделан ор. 63 “Мысли”, три пьесы для фортепиано серьезные, и кончен ор. 59 <...> Сейчас пишу Танцевальную сюиту в 4 частях». В нарушение привычного летнего распорядка жизни вдохновение посетило Прокофьева в душном Париже. Обычно для интенсивной работы он стремился выехать из города. После значительного перерыва композитор обратился к жанру фортепианных пьес — жанр для Прокофьева исповедальный, сродни музыкально зашифрованному дневнику, что, возможно, имеет скрытый смысл.

Итак, в Москве Стелла Адлер узнает, что Станиславский в Ницце, и спешит туда. Но Константин Сергеевич уже в Париже. Там с 17 июля он начинает с актрисой занятия³⁵, которые длятся пять недель (до конца августа). Все это время Прокофьев тоже в Париже. В письмах он просит Мясковского адресовать корреспонденцию на издательство РМИ, так как не знает, где будет находиться. Отчего не на домашний адрес «Париж, улица Валентина Аюи»? Видимо, Прокофьев не хотел, чтобы домашние знали о точной дате его возвращения из России. Летом 1934-го семья композитора отдыхала на Лазурном Берегу Франции — в Сен-Максими, а Прокофьев появился там только в сентябре. К этому времени Стелла покинула Париж — вернулась в Нью-Йорк, чтобы поспеть к новому театральному сезону. «Вы не представляете, как я хотела бы вернуться в Москву...» — позже напишет она Шнеерсону³⁶. Эта фраза представляется интригующей. Что за московские впечатления оставили такой неизгладимый след в ее сердце? С 1937 г. до начала войны композитор работал над «Автобиографией». Вспоминая свою жизнь в Америке, тяжелую болезнь, перенесенную весной 1919 г., Прокофьев, не называя имени, иронически упомянул о Стелле Адлер. В двух строчках сквозит плохо скрываемое чувство обиды или досады: «Я думала, вы умираете — оттого послала вам та-

³⁵ Занятия проходили в форме бесед во время совместных прогулок Станиславского, Клузмана и Адлер в Булонском лесу. Режиссер репетировал с актрисой ряд сцен из пьесы «Благородная женщина» (автор неизвестен; предположительно, это могла быть пьеса Бульвер-Литтона (Bulwer-Lytton), в русском переводе «Леди из Лиона» (1839)), см.: [Clurman 1945, p. 138].

³⁶ ВМОМК им. М.И. Глинки. Ф. 375. Ед. хр. 2315. Л. 5.

кие розы — сказала одна американка, слегка пожалев, что они пропали даром» [Прокофьев 1956, с. 46]³⁷. Это пока единственное известное нам упоминание о Стелле из уст Прокофьева после возвращения в СССР. Но не единственное свидетельство контактов с актрисой в 1930-е гг. Речь идет о незнакомом биографам композитора документе. Это краткая записка Стеллы Адлер на визитной карточке, адресованная С.С. Прокофьеву³⁸: «Дорогой Серж — добро пожаловать в Америку. Я (<нрзб., [thirsting]> — жажду? надеюсь? — Е.К.) видеть тебя. Стелла». Место написания записки — скорее всего, Нью-Йорк, год не указан, предположительно, по сопоставлению с фактами биографии композитора и по содержанию машинописного текста визитки (на обороте записки): «Miss Stella Adler Fifth Avenue Hotel» и пометке от руки рядом «Reception 9:30 P.M. Feb.13»³⁹, речь идет о 13 февраля 1938 г. — начале последних гастролей Прокофьева в США. Записка была передана через портье гостиницы и, очевидно, не смогла «смутить» композитора. Записку он сохранил, о Стелле упомянул в мемуарах, но вряд ли согласился на встречу с ней. В конце 1938 г. Прокофьев уверял молодую поклонницу М.А. Мендельсон⁴⁰ в том, что «личная жизнь его уже ряд лет “пустыня”» [Мендельсон-Прокофьева 2012, с. 48], а жена композитора Лина Ивановна Прокофьева по опыту прежних увлечений мужа опрометчиво пребывала в уверенности, что отношения мужа с Мирой Мендельсон «блажь», которая со временем пройдет.

Публикация Дневника Прокофьева заканчивается 1933 г., причем напечатан фрагмент, по стилю краткий конспект дневникового текста, в котором отражена лишь одна из двух поездок Прокофьева в СССР, в 1933 г. Завершается Дневник словами «конец рукописи». Чьей рукой сделана ремарка? Как проверить, что дневник за 1933–1934 гг. не купирован составителем или издателем, а закончен? Допустима ли гипотеза, что дневник С.С. Прокофьева с 1933 по 1936 г. был им (или кем-то другим) частично уничтожен? К сожалению, найти ответы сложно — автографы дневников и записные книжки Прокофьева малодоступны. В изданных дневниках отсутствует научный комментарий, текстологический или источниковедческий анализ. Сохранились неопубликованные записные книжки Прокофьева с 1934 по 1945 г.⁴¹, которые смогли бы отчасти дать ответ на эти вопросы. Составление **документированного**

³⁷ Написание фрагмента относится к началу 1941 г.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 1929. Оп. 2. Ед. хр. 365. 1 л. Авториз. машинопись.

³⁹ Там же. «Мисс Стелла Адлер. Отель на Пятой Авеню. Стойка портье, 9 часов 30 минут пополудни. 13 февраля».

⁴⁰ Мендельсон Мира Александровна (Мария-Цецилия Абрамовна; 1915–1968) — студентка Литинститута. Летом 1938 г. в Кисловодске между ней и композитором завязался «курортный роман», который затем перерос в серьезные отношения. В марте 1941 г. С.С. Прокофьев ушел из семьи к М.А. Мендельсон. В 1948-м они поженились.

⁴¹ РГАЛИ. Ф. 1929 (С.С. Прокофьева). Записные книжки композитора требуют кропотливой расшифровки, комментирования и, безусловно, публикации. Трудность работы с источником, помимо бисерного почерка Прокофьева и принятых им сокращений, состоит в том, что поверх текста середины 1930-х гг. сделаны более поздние записи 1940-х гг. Это связано с военным дефицитом бумаги, условиями эвакуации и частыми переездами композитора.

хронографа жизни и творчества С.С. Прокофьева в период с 1933 по 1938 г. (наименее изученное пятилетие биографии композитора) — одна из важнейших задач современного музыкознания.

III

Письмо от Стеллы.

По обыкновению, очень неразборчиво, и понадобилось много трудов, чтобы добраться до сути...

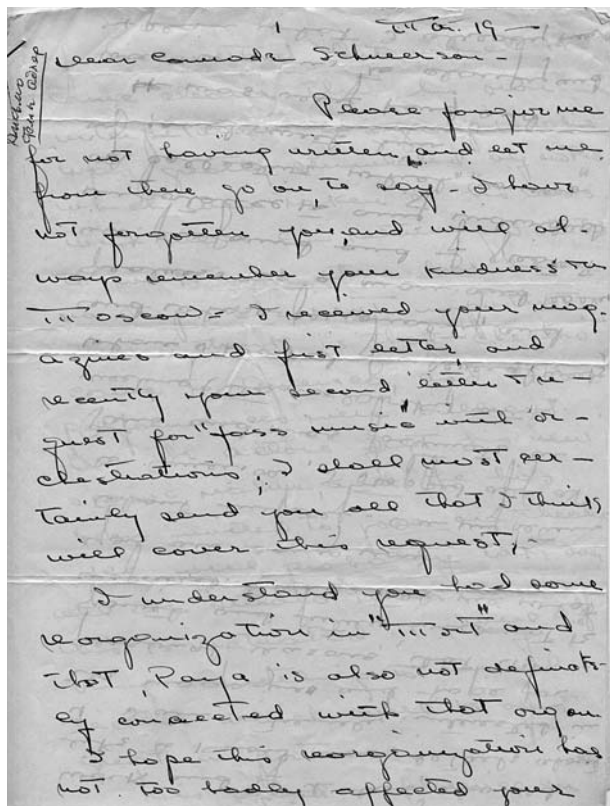
1919, 24 июля

[Прокофьев 2000, т. 2, с. 38]

Письмо Стеллы Адлер Григорию Шнеерсону публикуется на языке оригинала. Документ представляет собой четыре листа автографа на английском языке. Заполнение текстом двухстороннее. Чернила черные, пожелтевшая от времени бумага хорошего качества. Послание автором датировано не полностью (по содержанию и указанному месяцу дата установлена издателем как май 1935 г.), место написания также не указано (предположительно, Нью-Йорк, США). Почерк корреспондентки трудночитаем, поэтому часть слов отмечена сокращением «нрзб.» в угловых скобках. Пунктуация, грамматические и стилистические ошибки (С. Адлер не отличалась грамотным владением письменным английским) переданы без исправлений как авторская особенность. В переводе на русский язык слова, дополненные по смыслу из содержания письма, а также возможные варианты перевода некоторых словосочетаний и расшифровка сокращений даны в угловых скобках. Письмо публикуется впервые. Перевод с английского языка выполнен Д.К. Кривцовой и Е.В. Кривцовой.

May, 19...

Dear camrade Schneerson. Please forgive me for not having written and let me from here go on to say — I have not forgotten you and will always remember your kindness in Moscow. I received your magazines and first letter and recently your second letter — request for “jass” music with orchestrations. I shall most certainly send you all that I think will cover this request. I understand you had some reorganization in “MORT” and that Paya definately connected with the organ<isation>. I hope this reorganization has not too badly affected your work and if it has — I should like (правильно “would like”. — Е.К.) to know more details about it. I am extremely interested in the magazine and hope for personal reasons that its growth and future will not be impaired. Please tell me what are you doing now. About myself — on my return to America I stopped off at Paris and was fortunate in meeting (Stanislavsky) with whom I worked for several weeks and whose personality and greatness as a man and teacher are profound and of greatest importance to any individual or collective which comes in touch with him. He was very kind and was “<нрзб.>” to clarify and explain what I’ve already knew of his method but

С. Адлер. Письмо Г.М. Шнеерсону.
Автограф <Нью-Йорк, 1935 г.>

which became clearer through his own interpretation. The group theatre was greatly stimulated by notes which were taken at his talks with me — on returning I started to work and there has been no stop. The next important news I think is that “Checkov” come to America and his performances were brilliant. All the actors felt his new scenic value and he has been invited to join our theatre. He will probably take over all the “studio” work and if this is actuated, it will bring something to our collective which will be of great importance. His direct influence on acting and acting problems will probably be stressed more than his abilities in direction this become of the time element (правильно — these become of the time element. — E.K.) — but his correction will be worked out by <нрзб.> — his material.

There is no doubt that he should go back to Russia-USSR <зачеркнуто, надпись сверху> and in time will do so, — at this moment however I hope he will find it possible to work with us. I want to add that my enthusiasm for him as an actor started me off in suggesting this association and I do think he will enjoy it more than a season on a continent. The plays we did are <нрзб.> and the last one — “Awakening” — is full of talent and freshness. I do hope you are well and your visit to the south was gay and restful and you can’t imagine how much I would love to return to Moscow. Please do send “Riamot<...>gy” and don’t hesitate to ask for whatever you want — I shall write Paya soon, tell her that I remember her and also tell her whatever she might be interested to hear about: “Checkov”. Au revoir and good luck Very sincerely
Stella Adler.

Б.м. <Нью-Йорк?>, май <1935>.

Дорогой товарищ Шнеерсон. Простите меня, пожалуйста, что не писала, и позвольте отсюда продолжить — я не забыла вас и всегда буду помнить вашу доброту в Москве. Я получила журналы, первое письмо и недавно ваше второе письмо —

просьбу о нотах джазовой музыки с оркестровками. Я обязательно отправлю вам все, что, как я думаю, удовлетворит вашу просьбу. Я понимаю, что у вас была некоторая реорганизация в «МОРТ» и что Рауа¹ также определенно связана с этой орган<изацией>. Надеюсь, реорганизация не сильно повлияла на вашу работу — а если повлияла, то я хочу знать больше деталей о ней. Я очень заинтересована в журнале и надеюсь, что его будущее и рост не окажутся под угрозой. Пожалуйста, расскажите, что вы сейчас делаете. О себе: по дороге в Америку я остановилась в Париже, и мне повезло встретить К.С. Станиславского (Stanislavsky), который со мной работал несколько недель. Его личные качества и величие как человека и учителя <безбрежны?> глубоки, его влияние огромно и на отдельного человека, и на любой театральный коллектив, с которым Станиславский соприкасается. Он <Станиславский> был очень любезен со мной — прояснил и объяснил то, что я уже знала о его методе, но что стало более понятными в его собственной интерпретации. Ценные замечания, которые получил «Театр Группы» через меня² <от Станиславского>, стали огромным стимулом для коллектива. По возвращении я начала работать без остановки. Следующая важная новость — «Чехов»³ выступал в Америке <приезжал? в Америку>, и спектакли с его участием блестящи. Все актеры почувствовали огромное значение его сценического новаторства. Мы предложили ему присоединиться к нашему театру. Если он займется всей «студийной» работой, то это будет прекрасная возможность привнести нечто важное в наш коллектив. Очевидно, что прямое влияние Чехова на проблемы игры актеров более востребовано, нежели его режиссерские приемы, ставшие частью истории <прошлого? стали частью времени?>. Будут проработаны лишь те замечания, которые находятся вне поля его режиссерского материала <режиссерского опыта?>. Нет сомнения, что он должен вернуться в Россию <автором зачеркнуто, сверху исправлено: «в СССР»> и в свое время так и поступит, но в данный момент, я надеюсь, он сочтет возможным поработать с нами. Хочу добавить, что мой энтузиазм по отношению к нему как к актеру побудил меня предложить этот союз, и, думаю, ему это понравится больше, чем сезон на континенте. Пьесы, которые мы репетируем, особенно последняя, «Пробуждение весны»⁴, полны таланта и свежести. Надеюсь, что у вас все хорошо, что ваша поездка на юг была удачной и вы отдохнули. Вы и не представляете, как сильно я бы хотела вернуться в Москву. Пожалуйста, пришлите «Riamot<...>gy»⁵ и не стесняйтесь просить что угодно из того, что вам нужно. Вскоре напишу Рае. Передайте ей, что я ее помню, и перескажите всё, что может заинтересовать ее на тему «чехов» (sic! — Е.К.). Au revoir <прощайте> и удачи — Искренне Ваша — Стелла Адлер.

¹ Рауа — скорее всего, «Рая». Стелла Адлер использует двойную литерацию — русское «Р» вместо «R», далее английский. Вероятно, некая Рая и Григорий Шнеерсон сопровождали в Москве деятелей МОРТ. Предположительно, речь идет о Р.В. Глезер. *Глезер Раиса Владимировна* (1914–1985) — в 1934 г. двадцатилетняя пианистка, студентка Московской консерватории по классу Г. Гинзбурга, в будущем известный советский музыковед, в те годы активно участвовала в культурной жизни Москвы, увлекалась театром, была хорошо знакома с Г.М. Шнеерсоном.

² «Выдающимся событием в жизни Групп-театра в 1934 году был доклад Стеллы Адлер о ее работе со Станиславским, — вспоминал Г. Клурман в своей книге «Торячие годы». —

Чрезмерный упор, который мы делали на упражнениях на эмоциональную память, извратил нашу работу с актерами. <...> Первой реакцией Ли Страсберга на это было его заявление, что “Станиславский отступил назад”. Позднее, однако, он согласился, что был не прав. Он выразил согласие вместе с нами испробовать те новшества системы, о которых рассказала нам Стелла Адлер» (цит. по: [Clurman 1945, p. 139]).

³ *Чехов Михаил Александрович* (1891–1955), актер, театральный педагог, режиссер, заслуженный артист Республики (1924), племянник А.П. Чехова. В 1928 г. М.А. Чехов, опасаясь ареста (о возможности которого был предупрежден), уехал за границу. Жил и работал в Германии, Латвии, Великобритании, США. Играл в театре и кино, руководил театральными студиями. В 1935 г. с труппой актеров-невозвращенцев МХТ основал театр-студию в Дартинг-холле (Великобритания), в том же году выезжал на гастроли в США. По упоминанию Стеллой Адлер этих гастролей Михаила Чехова письмо датировано 1935 г.

⁴ «Пробуждение весны» — «Awakening of Spring», драма Франка Ведекинда (Wedekind), представителя «мюнхенского модерна». Пьеса написана в 1891 г., в России впервые поставлена В. Мейерхольдом в 1907 г. Премьера драмы Ведекинда вызвала критику и негативные отклики в русской прессе.

⁵ Не расшифровано название периодического издания. Об этом журнале упомянуто в начале письма: см. фразу: «Я очень заинтересована в журнале и, надеюсь, что его будущее и рост не окажутся под угрозой». Возможно, имеется в виду журнал, «Бюллетень ВОКС» («VOKS bulletin»), издававшийся МОПТ на английском, французском и немецком языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, встречи Прокофьева с Адлер в 1933 г., в мае — июне 1934 г. в Москве, а также в июле — августе 1934 г. в Париже остаются лишь предположением. Однако ретроспектива фактов и реконструкция событий в сочетании с такой весомой документальной компонентой, как письмо Стеллы Адлер Григорию Шнеерсону и ее записка на визитной карточке Сергею Прокофьеву, позволяют предположить, что в 1933–1934 гг., накануне возвращения в СССР из эмиграции, композитор переживал кризис в личной жизни, связанный с возрождением чувств (или с воспоминаниями о любви) к Стелле Адлер. Нелегкие раздумья и эмоциональное воодушевление нашли отражение в сочинениях композитора этого периода: праздничный, *con anima*, характер оркестровой версии камерного сочинения «Увертюра на еврейские темы», ор. 34-bis и противоположный по настроению опус фортепианных пьес «Мысли», ор. 63, с музыкой суровой, почти мрачной. Три хранящихся в России письма⁴² Стеллы Адлер — свидетельство тесной связи выдающейся американской актрисы с представителями отечественной культуры. Являясь ценным источником по истории русского и зарубежного театра, письма С. Адлер одновременно стимулируют изучение малоизвестных страниц жизни и творчества Сергея Прокофьева. Персонифицирован почерк американской корреспондентки и адресата композитора (надежда найти хотя бы одно письмо Прокофьева к Адлер остается...), что позволяет целенаправленно вести поиск этой части

⁴² Одно из писем (С. Адлер — К.С. Станиславскому) находится в Архиве К.С. Станиславского (Москва). Ед. хр. 1961.

эпистолярного наследия музыканта. Перспективы изучения биографии Прокофьева в период эмиграции требуют расширения «ареала» источниковой базы. Помимо фондов Библиотеки конгресса США, необходимо обращение к архивохранилищам, в составе которых находятся фонды и разрозненные материалы деятелей русского музыкального зарубежья. Назовем хотя бы Исследовательский центр гуманитарных наук имени Гарри Рэнсома в Остине (штат Техас), частный архива Эллен Адлер и Тома Оппенхайма (Нью-Йорк — Лос-Анджелес), библиотеку Сиракузского университета (Сиракузы, штат Нью-Йорк) и Университет Миннесоты (Миннеаполис). Автор благодарит за содействие в работе с архивным материалом заместителя директора по научной работе РГАЛИ Галину Рауфовну Злобину и заместителя директора ВМОМК им. М.И. Глинки Владимира Владимировича Лисенко.

Источники и литература

ВМОМК — Всероссийское музейное объединение музыкальной культуры имени М.И. Глинки

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства

РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории

Вишневецкий 2009 — *Вишневецкий И.Г.* Сергей Прокофьев. М.: Мол. гвардия, 2009. (ЖЗЛ).

Кончаловский 1961 — *Кончаловский П.* Из воспоминаний о друге // С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания. 2-е изд., доп. М.: Гос. муз. изд-во, 1961.

К.С. Станиславский 1955 — К.С. Станиславский: Материалы. Письма. Исследования. М.: Ин-т истории искусств. Изд-во АН СССР, 1955.

Мендельсон-Прокофьева 2012 — *Мендельсон-Прокофьева М.А.* О Сергее Сергеевиче Прокофьеве: Воспоминания. Дневники (1938–1967). М.: Композитор, 2012.

Нестьев 1973 — *Нестьев И.В.* Жизнь Сергея Прокофьева. М.: Сов. композитор, 1973.

Переписка 1977 — С.С. Прокофьев и Н.Я. Мясковский: Переписка. М.: Сов. композитор, 1977.

Прокофьев 1956 — *Прокофьев С.С.* Автобиография // С.С. Прокофьев: Материалы. Документы. Воспоминания / под ред. С.И. Шлифштейна. М.: Гос. муз. изд-во, 1956.

Прокофьев 2000 — *Прокофьев С.С.* Дневник (1908–1933): в 3 т. Париж: Sprkf, 2000.

Clurman 1945 — *Clurman H.* The Fervent Years. N.Y., 1945.

М.Г. Талалай

ВИЛЛА ГОРЧАКОФФ В СОРРЕНТО — ЭКЗОТИЧЕСКИЙ ОЧАГ РУССКОЙ ЖИЗНИ

Каждый соррентинец предпочитает
свою собственную историю виллы Гор-
чакофф. Эта — моя.

Фрэнк Палескандоло¹

Сорренто как будто соткан из мифов и легенд. Его жители убеждены, что именно здесь в незапамятные времена проплывал Одиссей, искушаемый коварными сиренами-русалками. В отчаянии бился он у мачты, привязанный временно оглохшими спутниками; в подобном же отчаянии — от того, что не удалось соблазнить хитроумного героя, — сирены бросились тут в морскую воду, превратившись в рифы, а также и в топоним — Sirenide, ставший у римлян Surrentum, а у итальянцев Sorrento...

В Новое время Сорренто прославил поэт Торквато Тассо, в Новейшее — писатели Оскар Уайльд и Фрэнсис-Марион Кроуфорд, философ Бенедетто Кроче, музыкант-песенник Эрнесто де Куртис («Вернись в Сорренто!»).

Каждая вилла в Сорренто обрастает преданиями, которые множатся и варьируются в устах поклонников этого воистину чудесного места. Не миновала этой судьбы и вилла Горчакофф, часто фигурирующая в итальянских текстах, но забытая отечественной историографией.

ПАРК ПРИНЦЕВ

Стены виллы Горчакофф превратились в идеальное пространство для воплощения «русского мифа» — о богатых и сумасбродных пришельцах с севера, загадочные души которых в романтическом соррентийском антураже становились еще более загадочнее. В соответствии с правилами мифотворчества русским обитателям виллы повышался их социальный статус, присваивались аристократические титулы, близкие родственные связи с царским домом и (самое важное) — романтические истории.

Наш век откровенно эксплуатирует мифы: это не миновало и виллу Горчакофф, ставшую престижным гостиничным комплексом. В Европе изменился и культурно-политический климат — и прежде «реакционный» и «старорежимный» имидж виллы приобрел у нового поколения гостей Сорренто, в особенности из современной России, повышенную ценность.

¹ Эпиграф к: [Palescandalo 2004].

При переоборудовании виллы² под гостиницу она получила типично курортное название — «Parco dei Principi». Название представляет немалые трудности для перевода, так как отсылает, согласно замыслу его изобретателей, к аристократическим жильцам виллы, одни из которых были итальянцами, другие — русскими. Однако если в итальянской терминологии их титулы (*principe*) совпадают, то в русском они разнятся — это *принцы* Бурбонские и *князья* Горчаковы. В новой курортной номинации, вероятно, сыграло не последнюю роль то обстоятельство, что в итальянском языке существует устойчивая фразеология, связанная со словом «*principe*»: «спать как *principe*», «есть как *principe*» и проч., поэтому завлекательное название «Parco dei Principi» существует даже в тех краях, где принцы (или же князья) вовсе и не жили.

Однако на вилле в Сорренто³ принцы и князья жили в действительности.

ПРИНЦ БУРБОНСКИЙ, ОН ЖЕ ГРАФ СИРАКУЗСКИЙ

На мифологию виллы, в том числе и на ее русскую составляющую, накладывается пребывание здесь первого принца, официально носившего, впрочем, графский титул: это был дон Леопольд Бурбонский (иначе Бурбон-Сицилийский), граф Сиракузский (Leopoldo di Borbone-Due Sicilie, conte di Siracusa). Он родился в 1813 г. в семье кронпринца Франциска, будущего короля Обеих Сицилий Франциска I, и его супруги Марии-Изабеллы, испанской инфанты. В 1837 г. после разных предыдущих комбинаций для него был устроен брак с принцессой Марией-Викторией-Филибертой Савойской (Maria Vittoria Filiberta di Savoia; 1814–1874), оказавшийся неудачным из-за вольтеррианского характера супруга. Дон Леопольд слыл вольнодумцем и меценатом, окружал себя артистами и литераторами, сам пробовал себя как скульптор — в Неаполе в 1860 г. была установлена статуя неаполитанского философа Джамбаттисты Вико его резца. Личностью неординарного Бурбона заинтересовался спустя столетие другой неаполитанский философ, Бенедетто Кроче (Croce), назвавший Леопольда «верным поборником свободы» [Croce 1949, p. 239]. Откровенный атеист, либерал и фрондер, он считал собственную династию Бурбонов не достойной своей неаполитанской короны и призывал родственников к мирной сдаче их королевства Савойскому дому, который в тот период энергично занимался объединением Италии. Дон Леопольд был награжден высшим российским орденом — Св. Андрея Первозванного: в 1845 г. Нико-

² Под виллой в итальянской культуре подразумевают как центральное здание (собственно вилла), так и окружающий парк с постройками. В настоящее время саму виллу занимают хозяева гостиницы «Parco dei Principi» (первый этаж отведен для банкетов), в то время как парком в 27 га пользуются постояльцы специального гостиничного строения, сооруженного в 1960-х гг. знаменитым архитектором Джо Понти (Ponti; 1891–1979). Его постройка в экономичном рациональном стиле резко противоречит барочной роскоши старой виллы Бурбонов — Горчаковых.

³ Точности ради следует пояснить, что вилла Горчакофф расположена в предместье Сорренто — Сант-Аньелло (Sant'Agnello), имеющем с 1866 г. самостоятельный муниципальный статус. Однако сросшееся с Сорренто предместье воспринимается как его органическая часть, чему способствует и административное прошлое Сант-Аньелло: в 1927–1946 гг. он официально входил в состав г. Сорренто.

*Вилла Сиракуза (позднее вилла Горчакофф).
Почтовая открытка конца XIX в. Из собрания А.А. Кара-Мурзы*

лай I при посещении Неаполя не мог не отметить брата местного короля (возможно, российский МИД не был осведомлен о его диссидентских настроениях).

Графа Сиракузского следует по праву считать основателем виллы в Сорренто (и ее мифа). Именно он в 1830-е гг. приобрел большой парк, расположенный на одном из соррентийских обрывистых утесов, и начал его обустройство. По титулу сиятельного владельца новое имение получило название вилла Сиракуза⁴. К тому моменту принц уже разъехался со своей супругой, фанатичной католичкой, предпочитая проводить время у себя в Сорренто: его вилла прославилась различного рода увеселениями, костюмированными балами, галантными празднествами. Тогда же появился и один из символов бурбонского прошлого виллы — небольшой храмик Венеры, прозрачный намек на мировоззрение графа.

Из многочисленных его любовных похождений одно вошло в золотой багаж местной мифологии. Речь идет о некой мадьярке Тане Зоратович, маркизе де Сегед⁵.

...Дон Леопольд серьезно влюбляется в прелестную иностранку (блондинку, как подчеркивают южноитальянские авторы), наезжавшую в Сорренто в курортные сезоны из родной Венгрии. Согласно преданиям граф повелел тогда выложить на аллеях парка букву S — в честь фамилии больной чахоткой маркизы (хотя более логично предположить, что эти сохранившиеся буквы — инициал самого владельца, conte di Siracusa). Маркиза скончалась юной, что якобы повлекло безумие и преждевременную смерть дона Леопольда, а также ставший широко известным артефакт — майоликовый пол, усеянный красными керамическими лепестками и исполненный по заказу русских владельцев виллы: Горчаковы, узнав, что дон Леопольд, в безумии царапая пол ногтями, окропил его каплями крови,

⁴ Реже: вилла Поджо Сиракуза; *poggio (итал.)* — холм, холмистая местность.

⁵ Поиски этого персонажа пока не увенчались успехом.

поручили неаполитанскому художнику Филиппо Палицци (Palizzi; 1818–1899) исполнить майоликовый настил с красными керамическими лепестками роз [Rea, Tajani 1988⁶, р. 21–25]. Пол стал знаменит: спустя век его необычной историей проникся Андрей Тарковский, подбиравший натуру для фильма «Ностальгия». В его художественный фильм вилла Горчакофф не вошла, однако посещение виллы ради ее лепестковой майолики русским режиссером в сопровождении Тонино Гуэрра (Guerra), отражено в документальном телефильме «Время путешествия» («Tempo di viaggio», 1983).

Действительность, однако, была прозаичнее: после смерти венгерской маркизы дон Леопольд, быстро утешившись, поселил на вилле Сиракуза свою фаворитку, местную синьорину из семейства Гарджуло (Gargiulo). Впрочем, дон Леопольд и в самом деле скончался молодым, в возрасте 47 лет. Его вдова, ни разу не показавшись на вилле Сиракуза, изгнала оттуда фаворитку покойного мужа. Соррентийская «дача» осталась на время заброшенной [Acton 1962, р. 164–184].

*Современный вид виллы Горчакофф
со стороны Неаполитанского залива.
Фото А.А. Кара-Мурзы*

КОКАИН ОТ КАПУЦИНОВ

К бурбонской эпохе относится еще один сюжет, впоследствии прошедший красной нитью сквозь мифологию виллы: это производство здесь кокаина, служившего «горючим» как для галантных празднеств, так и для креативного времяпрепровождения разного рода артистов. Историю наркотика возводят к монаху-капуцину Захарии из соседней обители Кукумелла, который в конце XVIII столетия, еще до приобретения этих земель графом Сиракузским, устроил на соррентийском утесе экзотический ботанический сад. Монах, участвуя в американской миссии, вывез из перуанских Анд целую серию растений, в том числе *Erythroxylum coca*. Аббат монастыря не благословлял выращивать странные травы в монастырском саду, и о. Захария тайком удалялся в соседний парк, не подозревая, насколько прозорливым был его настоятель.

Граф Сиракузский, став обладателем целой плантации кокаиновых кустов, согласно преданиям, ими воспользовался в полной мере: он и его гости с энтузиазмом и с пользой для «празднеств» жевали листья коки [Rea, Tajani 1988, р. 9–13].

⁶ Следует заметить, что два неаполитанских автора, составивших эту брошюру в 1988 г., к окончанию ремонта виллы, надолго внесли сумятицу в сведения о ней, так как исказили фамилию ее русских хозяев — Корчаковы вместо Горчаковых; и сама брошюра получила название «Вилла Корчакофф» (в ней изложена история только бурбонского периода).

Кокаиновые кусты продолжали расти и при Горчаковых. Это обстоятельство позволило американскому писателю соррентийского происхождения Фрэнку Палескандоло написать целую повесть «A Romance of Cosa or The Secret of the Villa» («Баллада о коке, или Секрет виллы», 2004). Ее действие происходит в недавнем прошлом, при последней русской владелице виллы, княгине Надин (т. е. Надежды) Горчаковой (вымышленный персонаж). ...На Виллу прибывает американский просвещенный путешественник Джим Уэбстер, желавший узнать больше о трагической любви бурбонского принца и венгерской маркизы. Выяснилось, что в ее завязке и развязке немалую роль сыграл эликсир любви (на базе листьев кокаинового куста), изобретенный монахом Захарией — он у американского автора иногда именуется «шаманом». Вновь воссозданный рецепт эликсира играет, однако, позитивную роль для быстро растущих отношений между Надин и Джимом. В повествование Фрэнка Палескандоло вплетены реалии виллы Горчакофф — сюжеты и артефакты: тщательно описано главное здание и его интерьеры, а также такие детали, как мемориальная плита в честь петербургской балерины Юлии Седовой (о ней см. ниже).

МОЛДАВСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

*Современный вид виллы Горчакофф
со стороны Неаполитанского залива.
Фото А.А. Кара-Мурзы*

Принцесса Мария-Виктория-Филиберта Савойская, она же графиня Сиракузская, скончалась в 1874 г. в Неаполе, пережив на 14 лет своего мужа-вольнолюбца. Живя в разъезде, супруги не оставили потомства, и вилла после кончины вдовы была выставлена на продажу ее родственниками из Савойского дома.

В качестве нового владельца виллы соррентийские источники устойчиво называют некую «русскую княгиню Смарагду Вогоридес»: русскость Смарагды — это интегральная часть мифа виллы. Про загадочную княгиню сообщают, что она никогда Сорренто не посещала и абсолютно не интересовалась своей итальянской собственностью.

Ее фигура при этом не обросла «плотью», в то время как последующий хозяин виллы Сиракуза, князь Эммануэль Вогоридес-Конаки (фамилия удвоилась), обрел более устойчивые черты, повторяемые из одной публикации в другую: русский князь как будто скучал при строгом царском дворе в Петербурге и, как только «стаивал снег, уезжал играть в казино Парижа, Монте-Карло, Сан-Ремо⁷» [Rea, Tajani 1988, p. 20], флиртуя и дуэлируясь. Он тоже особо не заинтересо-

⁷ Заметим, что в Сан-Ремо казино открылось только в 1905 г.

вался Сорренто и, бывая тут эпизодически, присылал странные распоряжения из блестящих европейских столиц.

Сделаем дело, не выполненное итальянскими историками, и разберемся в биографиях новых хозяев виллы Сиракуза.

В действительности очередным собственником стала боярская молдавская семья Стурдза — в лице ее видного представителя Михаила Григорьевича Стурдзы (Sturdza; 1794, Яссы — 1794, Париж). Покупку оформили на имя его жены

Смарагды (иногда Смаранды) Степановны Стурдзы (1816, Яссы — 1885, Париж), в девичестве Вогороди, иначе Богориди. Боярин Михаил Стурдза в глазах итальянцев мог в самом деле представляться «русским принцем», — будучи русофилом, он начинал свою государственную карьеру в конце 1820-х гг. как министр финансов в русской гражданской администрации в Дунайских княжествах; когда же русская оккупация этих краев закончилась, он стал, по соглашению Петербурга и Стамбула, господарем Молдавского княжества. Михаил Стурдза, как и другие представители его рода, проводил пророссийскую политику и вел дела своего микросоюза достаточно успешно, однако, не выдержав испытаний европейских революций 1848–1849 гг., он сдал свой пост преемнику, новому молдавскому господарю Григорию-Александру Гике (Ghica). Вместе со своей супругой Смарагдой Михаил Стурдза стал проводить время преимущественно во Франции, где и скончался. Пребывая в Париже, он решил завести морскую дачу, что и произошло в середине 1870-х гг.: влюбившись в Неаполитанский залив, бывший господарь узнал о продаже виллы Сиракуза. В акте покупки по итальянской традиции фигурировала девичья фамилия его супруги — Вогоридес. Сама Смарагда Стурдза ничем особым в истории не отметилась, хотя ее отец, видный сановник Османской империи болгарского происхождения бей Стефан Вогориди, оставил заметный след в истории Балкан. Следует подчеркнуть, что ни Стурдза, ни Вогороди в ту эпоху российскими подданными не являлись, вращаясь преимущественно в кругу фанариотов — влиятельных уроженцев Стамбула православной веры и космополитичной культуры (греческой по основе, но ориентированной тогда на Францию).

Что касается князя Эммануила Вогороди-Конаки (Emanuel Vogorodi Konaki; 1847–1935), то он являлся племянником Смарагды Стурдзы, сыном ее брата Николая Вогороди-Конаки⁸. К моменту покупки виллы Сиракуза он — 30-летний

Современный вид виллы Горчакофф со стороны парка. Фото М.Г. Талалай

⁸ Его мать принадлежала к видному фанариотскому семейству Конаки, поэтому ее детям позволили носить двойную фамилию.

турецко-подданный. Однако в 1877–1878 гг. князь Эммануил активно включился в борьбу за независимость Болгарии, изменил свою фамилию Вогориди на более болгарскую Богориди и примкнул к российской экспедиции на Балканах. Он тратил немалые средства на создание болгарских дружин и даже претендовал, но неудачно, на болгарский престол. По неизвестным причинам кандидатура Эммануила Петербургом была отвергнута, и разочарованный князь удалился во Францию: возможно, дальнейшая его репутация мота и дуэлянта имела под собой какие-то основания. Однако он не вступил во владение виллой Сиракуза — действительной хозяйкой дома стала его кузина Мария Стурдза, в замужестве Горчакова.

ГОРЧАКОФФ, ОНА ЖЕ СТУРДЗА

В 1885 г. в Париже скончалась официальная владелица виллы — Смарагда Стурдза; годом ранее умер ее супруг, бывший молдавский господарь Михаил. Соррентийская вилла перешла к их дочери — Марии Михайловне Стурдзе (1849–1905). К тому моменту она была уже в разъезде со своим супругом, светлейшим

Светлейший князь Константин Горчаков на костюмированном балу в Зимнем дворце, 1903 г.

князем Константином Александровичем Горчаковым, сыном знаменитого государственного деятеля Александра Михайловича Горчакова (1856–1882) и, согласно соррентийской мифологии, кузеном последнего русского царя. Младший из двух братьев, Константин служил по государственной линии, стал шталмейстером и, кратко- временно, киевским губернатором.

Брачный союз Горчакова и Стурдзы, заключенный в 1868 г. в Париже, где постоянно жили родители невесты, поначалу принес четырех детей, но не оказался счастливым и закончился в результате крахом. Мария, вероятно, при жизни родителей не желавшая скандала, в 1886 г. затеяла развод и добила его через свои фанариотские связи. При этом разразился дипломатический скандал: в качестве уроженки Оттоманской империи она обратилась за разводной грамотой к Константинопольскому патриарху Иоакиму IV, утвердившему, согласно православной формулировке, что венчание в Париже потеряло силу. Российский Священный Синод счел это бесцеремонным вмешательством в свои дела. Сам обер-прокурор К.П. Победоносцев отправил в Стамбул ноту протеста, однако дело было сделано, и разведенная Мария Михайловна укор-

нилась в Италии, интересным образом сохранив за собой российский княжеский титул. При ней в Сорренто воцарился некий матриархат, оказавший свое влияние на последующую ауру виллы.

Дочь молдавского господаря, невестка российского канцлера, она обладала обширными связями в Европе. Среди ее гостей были гессенская принцесса Аликс (будущая российская императрица Александра Федоровна), принц Йоркский, будущий король Англии Георг V, князя Радзивиллы. Периодически навещал виллу, в первую очередь ради дочери и позднее — внуки, князь Константин Горчаков, теперь постоянно живший в Париже. Мария Михайловна принимала дипломатов из императорского консульства, офицеров с кораблей русского флота, бросавших якорь в Неаполитанском заливе; священники из российской посольской церкви в Риме служили у нее молебны — вилла Сиракуза воистину стала виллой Горчакофф, неким уголком Святой Руси в Неаполитанском заливе.

В парке Мария выкорчевала типичные для этих мест цитрусовые, дабы устроить эксклюзивный «английский сад» с редкими растениями со всего мира: сохранили и кокаиновые кусты, посаженные здесь в конце XVIII в. монахом-капуцином. Много средств было потрачено на переделку бурбонских интерьеров — именно тогда появился знаменитый майоликовый настил из лепестков роз в память любви дон Леопольда и маркизы Тани.

Великолепную мебель княгиня заказала искусным краснодеревщикам из Сорренто. В современный местный Музей деревянной интарсии (Museo Bottega della Tarsia Ligneа) попал ее спальный гарнитур, где центральное место занимает роскошное ложе с символическим декором: по углам его водружены четыре детские деревянные фигурки, олицетворяющие четырех детей княгини; они отмечены и инициалами. В центре резного изголовья — аристократический герб, однако не Горчаковых, а Стурдза.

*Кровать Марии Горчаковой.
Сорренто, Музей деревянной интарсии.
Фото М.Г. Талалай*

На территории виллы появились малые павильоны — один из них якобы предназначался для постоянно ожидавшегося в Сорренто «дорогого кузена», императора Николая II.

Активная княгиня делила свое время между Сорренто и Парижем. К «инаугурации» виллы Горчакофф она заказала парижским ювелирам особую медаль: на лицевой части был помещен ее одиночный профиль, на оборотной — характерный соррентийский утес с хорошо узнаваемыми очертаниями главного здания виллы⁹.

⁹ <http://www.numismat.ru/au.shtml?au=33&per=260> (дата обращения: 21.5.2016).

На вилле часто давались концерты — среди известных музыкантов, там выступавших, назовем пианиста и композитора Игнация Падеревского, тогда еще российского подданного (в 1919 г. он стал премьер-министром в независимой Польше).

Такую блестящую жизнь не могла не затронуть человеческая зависть: княгине Марии досаждало местное семейство Гарджуло, которое претендовало на виллу, ведь при доне Лепольде усадьбой фактически владела его фаворитка и их родственница, однако судебный процесс 1897 г. отверг их притязания. Судебное разбирательство отразилось в брошюре с длинным названием «Ее сиятельство княгиня Мария Стурдза-Горчакова против Теодоро Гарджуло: заслушивание дела 13 августа 1897 г., докладчик судья г-н Милио»¹⁰.

ГОРЧАКОФФ, ОНА ЖЕ СОЛДАТЁНКОВА

Главной героиней виллы Горчакофф стала Елена Константиновна Горчакова.

Она родилась в имении Ташань в Полтавской губернии (ныне Киевская область) 10 января (ст. ст.) 1873 г., став вторым ребенком Константина и Марии. Роскошное имение Ташань некогда обустроил знаменитый фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский, где он и скончался (согласно устойчивым слухам, князь Михаил Горчаков выиграл Ташань в карты у сына фельдмаршала). Дети получили разные доли семейного достояния: Елене, любимице матери, в итоге досталось Сорренто. Так начался самый яркий период истории виллы, под сенью личности Елены Константиновны, жившей тут более полувека.

Елена проводила много времени в Сорренто еще при жизни матери. В 1901 г. она, уже тогда бывшая почти постоянной жительницей Италии, нашла своего избранника (как выяснилось, не надолго) — дипломата, сотрудника российского посольства в Риме Василия Васильевича Солдатёнкова. Их венчали в русской церкви во Флоренции, после чего молодые обосновались на вилле, которая теоретически должна была стать виллой Солдатенкофф, по новым хозяевам и после смерти в 1905 г. Марии Горчаковой. Но этого не произошло. Брак распался, и в 1913 г. Василию и Елене удалось добыть непростой по тем временам развод.

МУЖСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

Василий Васильевич Солдатёнков (1879, Москва — 1939, Монте-Карло, княжество Монако), бравый молодой человек из культурного, но отнюдь не высородного семейства (Солдатёнковы — зажиточные московские купцы и фабриканты), служил в императорском военном флоте и, выйдя в отставку в звании капитана 2-го ранга, стал чиновником особых поручений МИДа, будучи командирован в Рим, в императорское посольство. Семейство Солдатёновых прославил дед Ва-

¹⁰ Per S.A.R la principessa Maria Stourdza Gortchacow contro Teodoro Gargiulo: a discussione per l'udienza del 13 agosto 1897: relatore: l'ill. giudice sig. Miglio. Napoli: Pesole, 1897.

сиялия: вместе со своим братом он энергично занимался распространением культуры через печать первых дешевых карманных книг, что принесло Солдатёнковым дворянское звание.

Вот что писал о Василии его приятель князь Феликс Юсупов: «Примечательный был тип: умный, спортивный, обаятельный, необычайно волевой и подвижный. Свой гоночный автомобиль он назвал “Лина” в честь красавицы Лины Кавальери, которую ранее покорил. Женщины сходили по нему с ума. Им нравились его стать, широкие плечи, грубое лицо и его жизнь, как в автомобиле, на всех парах. Женился он на прелестной княгине¹¹ Елене Горчаковой, но в браке счастлив не был»¹².

Пара Солдатёновых ярко олицетворяла belle époque в российской версии. Ее идеализированный старорусский образ запечатлели фотографии, снимавшие участников костюмированного бала в феврале 1903 г. в Зимнем дворце (на балу присутствовал и отец невесты, князь Константин Горчаков).

Но Василий вовсе не был расположен к архаике и древностям. Напротив — одним из первых он внедрил в России автомобильные гонки. Динамичный офицер-дипломат внес мужской гламур на виллу Горчакофф, проведя в Сорренто несколько лет в 1900-х гг. Начало семейной жизни было безоблачным: уже на следующий год после брака, в 1902 г., родилась дочка, которую назвали маминым именем — Елена; позднее ее именовали Еленой-младшей, или семейным прозвищем — Бэби. Василий увлекался спортом, тратил огромные средства на автомобили, научил водить машину и жену. При этом, будучи уже женатым и отцом Бэби, свою новую машину в 1904 г. он назвал «Лина», как указал Ф. Юсупов, в честь итальянской певицы Лины Кавальери¹³. Талантливый и обаятельный денди, любитель спорта, музыки, выдающийся шахматист (учитель великого Алехина), изобретатель, он запомнился в Италии по играм в теннис на Капри и по автогонкам в Вероне и на Сицилии. После развода с Горчаковой он уехал в Америку, где женился во второй раз, но тоже — не надолго. Василий Васильевич, вернувшись в Европу, скончался в 1939 г. в Монте-Карло [Де Лоренцо 2011, с. 260–262].

ЖЕНСКОЕ ЦАРСТВО

После рождения Елены-младшей Елена-старшая стала отстраняться от слишком динамичного мужа, все более погружаясь во фривольную атмосферу Неаполитанского залива. Похоронив мать, перед которой она фанатично преклонялась, Елена Константиновна повела себя полной хозяйкой на вилле, в окружении бабышён и дам разных возрастов, профессий и обязанностей. Про ее романтиче-

¹¹ Мемуарист ошибается: Елена Константиновна была княжной, а не княгиней, причем свой княжеский титул она утратила после замужества с Солдатёнковым. Впрочем, и в итальянской литературе ее титуловали исключительно *pricipessa*, княгиня.

¹² Цит. по: <http://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:911938> (дата обращения: 27.5.2016).

¹³ Именно на автомобиле «Лина» В.В. Солдатёнков в 1904 г. на Волховском шоссе развил скорость в 99,4 версты в час (101 км/ч), став первым, кто в России перешагнул за отметку 100 км/ч.

ские привязанности в женском мире и отстранение от мира мужского возникли легенды — даже весь обслуживающий персонал виллы якобы был умышленно скомплектован из женского пола; в действительности так сложилось после 1914 г., когда ее российская прислуга мужского пола была призвана на войну.

Первой официальной фавориткой Горчаковой стала некая Ольга Челищева, красота которой произвела сильное впечатление на соррентийский и каприйский бомонд. Вместе с Челищевой Горчакова (тогда еще Солдатёноква) отправилась в трехмесячное зимнее путешествие по Египту.

Для Елены-младшей из России выписывали нянь, гувернанток и учительниц. Так, в 1910 г. в Сорренто приехала в качестве няни Нина Савич, вскоре умершая от туберкулеза. Ей на замену прибыла юная Лидия Костылева, уроженка Варшавы, ставшая значительным лицом в семье: она прожила всю свою жизнь на вилле Горчакофф, а после ее продажи и смерти Елены-старшей уехала с Еленой-младшей в Рим, где и скончалась в 1956 г.

Елена Константиновна, подобно матери, была весьма деятельна. Она поддерживает связи с родиной: в 1904 г., к примеру, берет на себя роль попечительницы женской гимназии в Переяславле. Обаятельная и авторитарная (также загадочная, как и полагается русскому персонажу), непременно с моноклем, она обладает особенными дарованиями, например умеет останавливать кровотечение. Постоянная клиентка лучших ателье, элегантная, Елена и сама была создательницей моделей и нетрадиционных стилей. К этому можно добавить обладание значитель-

*Бюст Елены Горчаковой
работы Раффаэло Марино,
1913 г. Сорренто. Музей
Корреале ди Терранова.
Фото М.Г. Талалая*

ным и весьма богатым собранием драгоценностей. Среди ее страстей — цветы, а вместе с ними сад виллы, о котором она вслед за матерью тщательно заботится (литератор Фрэнк Палескандоло предполагает, что одной из главных ее забот были кокаиновые кусты). Горчакова интересуется литературой и театром, поддерживает ведущего театрального деятеля той поры в Неаполе Роберто Бракко (Брассо).

Ее главная страсть, однако, — скульптура. Елена берет уроки ваяния у известного неаполитанского маэстро Раффаэло Марино (Marino), привлекая его к убранству виллы. Ваятель создает по заказу Елены прославленный шедевр эпохи модерна — огромную мраморную ванну, вмонтированную, как в помпейских домах, на уровне пола, с гигантскими раковинами и дельфинами, а также с сиренами — вероятно, не без аллюзии на мифическое происхождение Сорренто. Раффаэло Марино — автор прекрасного бюста «княгини Солдатёноквой», который был продан после ее смерти в соррентийский городской музей, став там одним из главных экспонатов [Bello 2014, p. 396–400].

Вероятно, именно Р. Марино привлек Елену Константиновну к одному проекту, который стоит особняком в ее деятельности: в начале 1910-х гг. она попробовала себя как предприниматель. Княгине указали на продававшийся в Апулии карьер, где добывали красивый камень типа мрамора, традиционно шедший на декор богатых южноитальянских домов. В начале 1914 г. Елена купила концессию на ломку этого камня в местечке Апричена, где сразу же началась довольно успешная деятельность. Но в судьбу каменоломни вмешался злой рок: началась Первая мировая война, и какая-либо работа там прекратилась — с тем чтобы возобновиться уже в 1950-х гг. (сейчас этот камень, *pietra di Apricena*, хорошо известен в Италии: его используют в убранстве многих строений, в т. ч. церквей и общественных сооружений).

В число подруг Солдатёнковой входит ее тезка Елена Арлотта (Arlotta), урожденная фон Бранденбург, бывшая москвичка, переехавшая после брака с итальянским журналистом Уго Арлоттой в Сорренто. Под влиянием княгини она также занимается скульптурой; нельзя исключить, что влияние пошло еще дальше: Елена Арлотта бросает своего мужа (и двух детей), предавшись богемной жизни [Talalay 2003].

Сорренто несколько уступал соседнему Капри, где в начале XX столетия расцвела декадентная жизнь. Елена-старшая находит и там свое место. Она сближается с таким персонажами, как маркиза Казати (Casati), гулявшая по острову с дикими зверьми, спавшая в гробу и прославившаяся прочими чудачествами. Другая подруга Елены — Мими Франкетти (Franchetti), дочь одной из жен Ротшильда, прославленная красавица и апологет лесбийской любви.

Елена в итоге снимает на Капри виллу, принадлежащую английскому поэту Уильяму Уордсворту (Wordsworth). Ее компания англизируется: теперь в нее входит писатель Комптон Макензи (Mackenzie), позднее описавший в своих романах «Огонь весталок» («Vestal Fire») и «Необыкновенные женщины» («Extraordinary Women») обеих русских Елен, а также лесбийское общество на Капри. На острове складывается и маленькая колония мужчин-гомосексуалистов, как, например, граф Жак Ферзен, урожденный Адельсворт (Jacques d'Adelswärd-Fersen), владелец сталелитейных заводов в Лотарингии, построивший виллу Лизис (Lysis). Граф нюхает кокаин, который восхваляет в своей поэзии; полагают, что кокаином его снабжала Елена Константиновна. В 1923 г. он скоропостижно умирает, скорее всего от передозировки кокаина. Позднее беллетризованную биографию Ферзена представит французский литератор Роже Пейрефитт (Peyrefitte) в романе «L'Exilé de Capri» (1959), где достойное место отведено и Елене Константиновне. Уже в наши времена английский писатель Джеймс Мони (Money) собрал все эти были и небыли определенной тенденции и изложил в книге «Capri: Island of Pleasure» (2012).

ЗАКАТ МИФА

Упадок виллы обозначился с началом Первой мировой войны. Деньги из России приходят нерегулярно, кроме того, княгиня чувствует патриотическую обязанность жертвовать на российскую армию. Жертвует на войну и отец Елены, Кон-

*Елена Горчакова (в центре)
на своей вилле с компаньонками
и гастролирующим казачьим хором.
1920-е гг. Из собрания А. Де Анджелис*

стантин Горчаков, живущий постоянно в Париже. В духе времени Елена открывает в гостиную виллы швейную мастерскую, где шли также и для армии.

Февральскую революцию Елена приняла благожелательно: утвердившись в своем патриотизме во время войны, она была довольна в первую очередь тем, что в Петербурге отстранили от власти партию императрицы-немки...

Приход к власти большевиков привел хозяйку виллы к медленному обнищанию. Елена и ее дочь превратились, по современной терминологии, в невозвращенцев. Их положение подтверждает особую итальянскую черту: послереволюционная эмиграция отличалась здесь преемственностью — прежде всего в Италии оставались те, кто уже здесь жил до 1917 г.

Отзывчивая по характеру, Елена Константиновна превратила виллу в некий приют, где собралась целая группа женщин-эмигранток. Некоторые их имена известны: это Марфа Ивановна Мамаева

(скончалась на вилле в 1928 г. в возрасте 74 лет), Мария Генриховна Хайрон (также скончалась на вилле — в 1936 г. в возрасте 72 лет). Среди компаньенок Елены была художница из Петербурга Надежда Федотовна Любавина, урожд. Поветкина (умерла в Сорренто в 1938 г. в возрасте 84 лет), работавшая в 1920-х гг. в керамической мастерской «Industria Ceramica Salernitana» (более известна ее дочь — Надежда Ивановна Любавина, художница-авангардистка, ученица Малевича). О Н.Ф. Любавиной как о «симпатичной русской даме» вспоминала профессиональный керамист из Германии Лизель Оппель (Oppel), посещавшая тогда итальянский юг [Doelker 1996, p. 64]. Имя Любавиной встречается в «Гостевой книге» 1932 г. жившего близ Салерно немецкого семейства керамистов Ганнаш (Gannasch), куда эмигрантка записала фразу по-итальянски со ссылкой на Толстого: «Нужен идеал, путеводная звезда. Без нее нет истинного направления движения, нет жизни» [La ceramica vietrese del «periodo tedesco» 1999, p. 16].

На рубеже 1920–30-х гг. на вилле постоянно живет последняя пассия Горчаковой — англичанка «докторша» Мэттьюс.

Интересно, что в таком особом климате виллы тут даже принимали вторую жену Василия Солдатёнкова, американку Мадлен Риз (Reese), однако, когда сам Василий пожелал примкнуть к ее визитам, ему отказали [Де Лоренцо 2011, с. 265–268].

В Сорренто чтили память Юлии Николаевны Седовой (1880–1969), прима-балерины Мариинского театра. Ее биография известна: выпускница Императорского театрального училища (маэстро Энрико Чеккетти (Cecchetti)), она блистала в начале века в Петербурге, насколько ей позволяла Матильда Кшесинская. После эмиграции много работала в Италии, очевидно, ее посещения виллы относятся уже к эмигрантскому периоду — на мемориальной доске на вымостке веранды с очертаниями ступней балерины имеется надпись только по-итальянски¹⁴.

Против подобного матриархата восстает Елена-младшая, назло матери посещавшая Горького в Сорренто¹⁵ и принявшая католичество, что уязвило православную Елену-старшую. Елена-младшая решилась и на мезальянс с соседским юношей — Луиджи Гарджуло (и этот брак оказался неудачным). Нельзя исключить, что его семейство полагало случившееся неким социальным реваншем, ведь когда-то на вилле проживала синьора Гарджуло, фаворитка дона Леопольда. Однако на бывшую виллу Сиракуза молодая чета Гарджуло не попала: Елена-старшая отказалась иметь их в своем доме, и Гарджуло перебрались из Сорренто в Позитано.

Подступал финансовый крах. В 1938 г. в Риме прошел первый аукцион, каталог которого прекрасно отражает великолепие виллы, пошедшей с молотка¹⁶. Вынужденная покинуть виллу, Елена Константиновна сдает ее в аренду, переселившись в квартиру прислуги, безо всяких удобств. Утрата виллы станет слишком жестоким ударом для пожилой женщины: она,

Мемориальная доска на террасе перед виллой Горчакофф с надписью: «Здесь танцевала Юлия Седова великая прима-балерина Императорского театра Санкт-Петербурга»

Елена Солдатёнова по прозвищу Baby. 1932 г. Из собрания А. Де Анджелис

¹⁴ В наши времена новые хозяева виллы, приспособив ее нижний этаж под банкетные залы, назвали один из них Залом Седовой. Соседние помещения получили названия Зал Елены (в честь княжны Горчаковой) и Зал Леопольда (в честь графа Сиракузского).

¹⁵ Можно предположить, насколько Максиму Горькому был чужд мир виллы Горчакофф, однако в наши времена произошло нечто вроде «посмертного примирения»: в 1990-е гг. московский режиссер Юрий Сорокин, снимая художественный фильм о Горьком в Сорренто, «Под знаком Скорпиона», в качестве натурры использовал преимущественно виллу Горчакофф.

¹⁶ Catalogo dei ricchi mobili, quadri ed oggetti d'arte in parte provenienti dalla Villa Siracusa di Sua Altezza Serenissima la Principessa Gortchakoff: le vendite all'asta dirette dal perito e commissario aggiudicatore sig. G. Sirani avranno luogo da lunedì 12 a martedì 20 dicembre 1938. Roma: Casa di vendite Guglielmi, 1938.

пребывая в апатии, отказывается переехать к дочери в Рим и вскоре умирает в Сорренто — 10 (23) января 1948 г.

Елена-младшая, которая по праву рождения должна была стать хозяйкой виллы, наблюдает ее разорение, окончательную продажу имущества и сада. Однако наблюдает издали, обосновавшись в итальянской столице и найдя там работу в одном агентстве по недвижимости. К ней в Рим переезжает старая няня Лидия, свидетель легендарной истории виллы Горчакофф¹⁷.

Елена-младшая была еще жива, когда на месте английского сада Горчаковых вырос корпус современной гостиницы «Parco dei Principi».

Литература

Де Лоренцо 2011 — *Де Лоренцо Р.* Русские эмигранты в Италии в конце XIX — первой половине XX века. Семейство Горчаковых в Сорренто / пер. М.Г. Талалая // Россия — Италия: Этико-культурные ценности в истории: Сб. мат.-лов конф. / ред.-сост. М.Г. Талалая. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 254–268.

Acton 1962 — *Acton H.* Gli ultimi Borboni di Napoli, 1825–1861. Firenze: Giunti, 1999. 643 p.

Bello 2014 — *Il Bello o il Vero: la scultura napoletana del secondo Ottocento e del primo Novecento* / a cura di Isabella Valente. Napoli: Nicola Longobardi, 2014. 596 p.

Croce 1949 — *Croce B.* Un principe borbonico di Napoli costante assertore di libertà // *Varietà distoria letteraria e civile*. Bari, 1949. P. 239–249.

Doelker 1996 — *Doelker R.* Soggiorno Italiano. Catalogo della mostra (Vietri sul Mare, Palazzo della Guardia, 6 giugno — 10 luglio 1996) / a cura di M. Romito. Salerno, 1996.

La ceramica vietrese del «periodo tedesco» 1999 — *La ceramica vietrese del «periodo tedesco»: Atti del Seminario Internazionale (Raito di Vietri sul Mare, Villa Guariglia, 26–29 novembre 1996)* / a cura di M. Romito. Salerno, 1999.

Palescandalo 2004 — *Palescandalo F.* A Romance of Coca or The Secret of the Villa. N.Y.: iUniverse, 2004. 108 p.

Rea, Tajani 1988 — *Rea D., Tajani R.* Villa Cortchacow. Napoli: Litocart, 1988. 45 p.

Talalay 2003 — *Talalay M.* Villa Arlotta sul promontorio di Caporiva. Un angolo russo-italiano a Sorrento [Вилла Арлотта на мысе Капорива. Русско-итальянский уголок в Сорренто] // *Genius Loci*. Vol. V. <Sorrento, 2003>. P. 40–43.

¹⁷ Елена Васильевна Солдатёнова в 1970-е гг. принялась за сочинение мемуаров на английском языке, однако ее наследники на данный момент не желают их публикации. С фрагментами мемуаров ознакомилась профессор истории Неаполитанского университета Рената Де Лоренцо, приведшая их в сборнике «Россия — Италия: Этико-культурные ценности в истории»; см.: [Де Лоренцо 2011].

Н.Ю. Масоликова

К ИСТОРИИ РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
ЗАРУБЕЖЬЯ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ:
НИКОЛАЙ АДОЛЬФОВИЧ ГАНС (1888–1969)

Для нас, русских...
*Н.А. Ганс*¹

«Из всех российских педагогов-эмигрантов самым крупным компаративистом, безусловно, являлся Николай Адольфович Ганс» — так один из ведущих отечественных историков педагогической мысли Б.Л. Вульфсон определил место нашего героя в истории российского педагогического зарубежья [Вульфсон 2001, с. 90]. Будучи «самым крупным», педагог, психолог и историк образования Николай Адольфович Ганс (Ганц, Ханс, Хэнс) / Nicholas Hans (1888–1969)², фигура мирового масштаба в области сравнительной педагогики, российскими исследователями упоминается редко [Жулина 2004, с. 9; Седова 2006, с. 149]³. Значительно чаще пишут о вкладе и наследии другого известного философа и педагога — Сергея Иосифовича Гессена (1887–1950)⁴, с которым Ганс тесно сотрудничал (по-видимому, аббревиатура «и т. д.» после фамилии Гессена как раз и подразумевает Ганса, как бы ушедшего в тень друга и коллеги).

Такой же эффект «игры в прятки» свойственен и судьбе научных трудов Н.А. Ганса в России. В отечественной историко-педагогической библиографии прочно укоренены и «дрейфуют» из исследования в исследование несколько его известных работ: [Ганс 1923; Hans 1929; Hans, Hessen 1930; Hans 1961; 1964]. Однако обширное научное наследие ученого остается практически неизвестным, исчерпываясь отдельными публикациями (см.: [Белканов 1998; Вульфсон 2001; Осовский 2010]). Между тем современное российское образование обеспокоено сегодня как раз «гансовскими» темами и проблематикой: сравнением и «примеркой» интернациональных педагогических стратегий, систем обучения, выбором между заимствованием или формированием национального образовательного компонента, изучением влияния на эти процессы пола / расы / религии / государства.

¹ Цит. по: [Ганс 1923, с. 86].

² Здесь и далее мы используем транскрипцию фамилии, предложенную самим ученым в конце 1930-х гг. (см.: [Белград-2, с. 93]).

³ См. также краткую биографию Н.А. Ганса: [Масоликова, Сорокина 2010, с. 33–34; Сорокина 2011, с. 191–192] и на сайте «Некрополь российского научного зарубежья» (http://www.russianguave.ru/person?prs_id=147; дата обращения: 12.06.2016).

⁴ Философ, теоретик педагогики, публицист и переводчик, автор фундаментального труда «Основы педагогики», соавтор Н.А. Ганса по монографии «Education Policy in Soviet Russia» (Л., 1930). В эмиграции с 1922 г. (Германия, Чехословакия, Польша). Сотрудничал с Н.А. Гансом по изданию журнала «Русская школа за рубежом». Некролог на смерть С.И. Гессена был также написан Н.А. Гансом [Hans 1950].

Интеграция наследия педагогов и психологов российского зарубежья, в том числе Николая Ганса, в сокровищницу отечественной психолого-педагогической мысли остается насущной задачей для современных исследователей. С одной стороны, сформирован контекст профессионального признания и осмысления «вынужденного» рождения и оформления в 20-е гг. XX в. уникальной самостоятельной ветви отечественной психолого-педагогической мысли в научной эмигрантской среде⁵. С другой, базовыми трудами по этой тематике продолжают считаться действительно пионерские и наиболее масштабные для своего времени труды Е.Г. Осовского, опубликованные, однако, в основном в 1990-е гг. [Осовский 1996; 1997; 1998; 2000; 2002]. Не будет преувеличением сказать, что благодаря этим работам Н.А. Ганс обрел новую «жизнь» в России и занял свое заслуженное место в формирующемся пантеоне российского психолого-педагогического зарубежья. Однако и в публикациях последнего десятилетия, например в имеющем весьма характерное название «Справочнике по курсу “История образования и педагогической мысли”: Великие педагоги, значительные события, факты на оси времени» [Лещинский и др. 2004], имя русского педагога и психолога и английского исследователя Н.А. Ганса, перу которого принадлежит более 300 научных публикаций по теоретическим и методологическим проблемам сравнительной педагогики, авторами, к сожалению, не представлено⁶.

В то же время Библиотека Института образования при Лондонском университете (Institute of Education Library, University of London) еще в 1975 г. опубликовала небольшую брошюру в память о Н.А. Гансе [Hans 1975]. В нее вошли воспоминания жены ученого Грейс Флоренс Ганс (Grace Florence Hans; 1890–1990) под названием «Интернационалист и пионер сравнительной педагогики» («Internationalist and Pioneer of Comparative Education»), а также мемуары его коллеги и ученика, автора некролога Н.А. Ганса доктора Брайна Холмса (B. Holmes; 1920–1993) [Holmes 1970]. Слово-посвящение было написано Дугласом Фоскетом (D.J. Foskett; 1918–2004) — одним из самых известных специалистов библиотечного дела в мире, также работавшим в лондонском Институте образования.

Конечно, такая историографическая ситуация прежде всего объясняется эмиграцией ученого из России в 1919 г. В дальнейшем он жил и работал в Праге (Чехословакия)⁷, где сотрудничал с журналом «Русская школа за рубежом», а затем перебрался в Лондон (Великобритания). В 1926 г. Н.А. Ганс защитил докторскую диссертацию «История образовательной политики в России» в Королевском колледже (King's College) при Лондонском университете, а в 1946 г. получил здесь место лектора. Более двадцати лет он участвовал в подготовке английского «Еже-

⁵ Примером может служить успешно прошедшая 18–20 ноября 2014 г. в Санкт-Петербурге конференция «Русская школа за рубежом: прошлое и настоящее», организованная Информационно-культурным центром «Русская эмиграция».

⁶ По иронии судьбы в указанном справочнике можно, однако, познакомиться с трагической биографией известного педагога, автора одного из первых советских учебников по педагогике, расстрелянного и реабилитированного впоследствии А.П. Пинкевича (1883/84–1937), который был жестким критиком работ Н.А. Ганса как «образцов» педагогической советологии (см., например: [Пинкевич 1935, с. 95]).

⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 71. Л. 15; Ф. Р-5977. Оп. 1. Д. 3. Л. 7.

годника образования» («Yearbook of Education»), занимался теорией и практикой психологического тестирования, сравнительным анализом применения тестов в школах Великобритании и США. Совместно с С.И. Гессеном Николай Ганс опубликовал несколько монографий по истории школы и педагогики в СССР, переведенных на многие языки⁸. Несмотря на состоявшуюся британскую профессиональную карьеру, он никогда не порывал связей с русскими эмигрантами и в течение многих лет был секретарем Русской академической группы в Великобритании.

На фоне относительно известной эмигрантской биографии Н.А. Ганса российский период его жизни освещен значительно хуже. Разнобой в написании фамилии ученого и ее транслитерациях привели к тому, что до сегодняшнего дня не были установлены точные даты его жизни, не было известно место захоронения. Кроме того, долгие годы Николай Адольфович был неизвестен историкам даже в лицо — в публикациях отсутствовали его фотографии. Все эти «мелкие» историографические несправедливости в изучении столь весомой для отечественной истории науки личности и побудили нас к исследованию, а их устранение — задача настоящей публикации, документирующей российский период жизни и работы Николая Ганса.

Основными источниками для нашей работы послужили архивные документы Н.А. Ганса, хранящиеся в фонде Новороссийского университета в Государственном архиве Одесской области (ныне Украина)⁹ и в Библиотеке Института образования Университетского колледжа Лондона (Великобритания)¹⁰. Их сравнение и изучение позволяют ввести в научный оборот существенно уточненные биографические данные ученого¹¹.

Несколько слов о структуре и содержании «Nicholas Hans Archive Collection» — британском личном архиве ученого, официально зарегистрированном в 1975 г. в

Николай Адольфович Ганс.
<1917 г.?.>. ГАОО

⁸ Библиографии его трудов в эмиграции см.: [Белград-1. № 96, с. 74–75; Белград-2. № 73, с. 93–94; Пашуто 1992, с. 125–126; Русская школа 2009, № 6–8, 48, 50 и др.].

⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2831. Автор статьи благодарит М.М. Горинова-мл. за помощь в получении материалов дела.

¹⁰ Nicholas Hans Archive Collection (NHC). Newsam Library, University College London Institute of Education (UCL IoE). Автор статьи выражает признательность персоналу библиотеки за активное сотрудничество в работе над архивными материалами.

¹¹ Необходимо заметить, что в данной статье речь идет исключительно об объемных собраниях документов Н.А. Ганса. При этом в различных архивах хранится немало писем ученого (см., например: Архив РАН. Ф. 1609 (А.В. Флоровский). Оп. 2. Д. 19 и др.).

составе Библиотеки Института образования¹². Начало коллекции было положено личным книжным собранием Николая Адольфовича, завещанным им своей альма-матер. Уже после смерти Н.А. Ганса книжный архив периодически пополнялся наиболее значимыми в области компаративистики изданиями, таким образом, представляя на сегодняшний день издания с 1770 по 1980 г. В данный момент коллекция закрыта для пополнения. Архив ученого содержит опубликованные и неопубликованные труды, личные бумаги и корреспонденцию. Каталогизатор и переводчик этого архива Т. Инман (Inman) разделил материалы на две части. Первая — сочинения ученого (разделы 1–3 каталога коллекции). Здесь хранятся рукописи изданных в 1937–1968 гг. трудов Николая Адольфовича (каталогизатор — Р. Вильямс (Williams)); около 40 тетрадей на русском языке с записями лекций на историко-филологическом факультете Новороссийского университета г. Одессы (1907–1912); еще 20 тетрадей на русском языке содержат записи психологических экспериментов, лекций и эссе, сделанных Гансом в период его «аспирантства» (1913–1916). Во второй части коллекции (разделы 4–10) собраны официальные документы, удостоверения, программы и др. за 1906–1919 гг. (в т. ч. Венского и Новороссийского университетов), а также документы о работе Н.А. Ганса в городской управе г. Одессы и в городском Отделе образования в 1917–1919 гг. Сохранилось около десятка писем, связанных с работой ученого в эмиграции (Чехословакия, Великобритания) в рамках Русской академической группы и Объединения русских учительских организаций за границей, переписка с коллегами — от Бразилии до Японии. Часть коллекции, по утверждению Т. Инмана, состояла из беспорядочных фрагментов отдельных проектов и примечаний и потребовала значительной пересортировки — такие листы расположены в отдельных папках «фрагментарных бумаг» в конце некоторых разделов описания. Полностью вся коллекция книг и документов перечислена в карточном каталоге, открытом для публичного доступа в Библиотеке Института образования. Значительная часть личного архива представлена в виде онлайн-каталога на интернет-сайте Библиотеки и включает в себя 14 условных разделов (коробок), датированных периодом 1906–1969 гг.¹³

Коллекция содержит весьма интересный раздел документов на русском языке, относящихся к доэмигрантскому периоду жизни Н.А. Ганса. Эти документы можно условно разделить также на две части: университетские записи и документы 1907–1916 гг. и документы трудовой и общественной деятельности периода 1917–1919 гг.

К сожалению, в лондонском архиве Н.А. Ганса фактически нет фотографий ученого¹⁴. В нашем распоряжении оказался лишь один снимок без анно-

¹² Библиотека Newsam считается крупнейшей в Европе в области сравнительной педагогики, включая в себя более чем 300 000 научных трудов и почти 2000 периодических изданий. Институт образования Университетского колледжа Лондона (UCL IoE) был основан в 1902 г. и сегодня является одним из ведущих исследовательских центров в мире в области международного образования. В институте существует стипендия/грант имени Н.А. Ганса (Nicholas Hans Comparative Education Scholarship), позволяющая лучшим студентам проводить научные экспедиции в области педагогической компаративистики.

¹³ См.: <http://libguides.ioe.ac.uk/specialcollections/nicolashans>.

¹⁴ В [Hans 1975] имеется портрет Н.А. Ганса в зрелом возрасте. К сожалению, имя автора фотографии утрачено, и по британскому закону об авторских правах она не может быть републикована еще несколько ближайших лет.

тации, запечатлевший двух молодых людей. В то же время в студенческом деле Ганса сохранилась его фотография. Сопоставление лондонского и одесского изображений показало, что и в первом случае на снимке мы видим молодого Николая Ганса.

По воспоминаниям супруги, Н.А. Ганс родился в Херсонской губернии в поместье отца, немецкого колониста [Hans 1975, р. VII]. Однако согласно выписке из списка рожденных и крещеных в евангелическом реформатском приходе Одессы, хранящейся в личном деле студента Н.А. Ганса, он родился 9 (21) сентября 1888 г. и был крещен непосредственно в этом городе. Его отец — очаковский мещанин Адольф Ганс, землевладелец, лютеранин. Мать — Альвина, урожденная Ломейер, реформатского вероисповедания¹⁵.

Николай был вторым ребенком в семье, где воспитывалось трое сыновей. С 1897 г. он учился в Одесском реальном училище, окончил его полный курс в 1905 г. при отличном поведении, а в следующем 1906 г. и дополнительный VII класс, получив право поступления в высшие специальные училища, «подвергаясь только проверочному испытанию». В этом же году Ганс получил свидетельство о сдаче экзамена по латинскому языку в объеме полного гимназического курса¹⁶ и по настоянию родителей уехал в Вену (Австро-Венгрия), где поступил на философский факультет университета. По-видимому,

отъезд был связан с опасениями родителей, что сын может заразиться революционными идеями, столь характерными для российской молодежной среды начала XX в. Действительно, в лондонской коллекции личных документов Н.А. Ганса сохранился его членский билет партии социалистов-революционеров (№ 24), выданный Одесским городским комитетом партии в 1905 г. На обратной стороне билета отмечено, что с мая по август 1905 г. членские взносы уплачены (по 150 р.)¹⁷

Однако в Венском университете Н.А. Ганс учился совсем недолго. Уже в июле 1907 г. он подал прошение на имя ректора Новороссийского университета в Одессе о зачислении действительным студентом на 1-й курс отделения естественных наук физико-математического факультета¹⁸, а еще через месяц перевелся вольно-

Членский билет Н.А. Ганса в партии социалистов-революционеров. 1905 г. ННС

¹⁵ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2831. Л. 19.

¹⁶ Там же. Л. 16–18.

¹⁷ ННС 5/1/24.

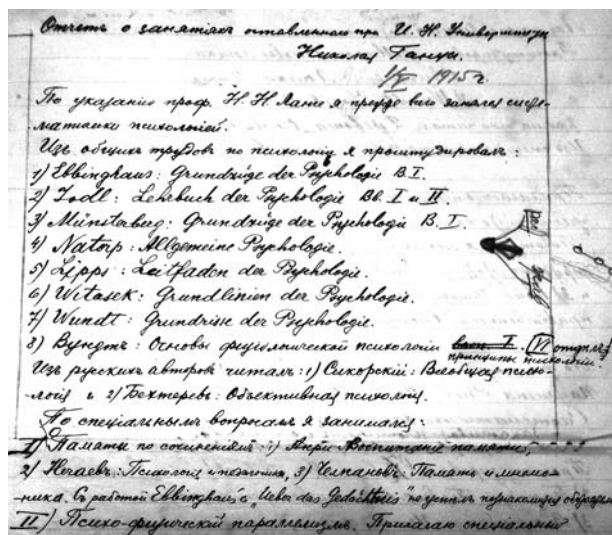
¹⁸ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2831. Л. 13а.

слушателем на второй курс историко-филологического факультета, действительным студентом которого стал через год¹⁹.

Во время учебы в Новороссийском университете Н.А. Ганс находился под надзором полиции [Hans 1975, р. VIII]. И неслучайно: он хранил у себя нелегальную литературу, занимался ее переправкой и распространением, в том числе среди моряков Черноморского флота. В 1910 г. молодой человек был обвинен в принадлежности к одесской группе партии эсеров, арестован и заключен в тюрьму²⁰, однако через год оправдан и освобожден за отсутствием доказательств. Тем не менее этот случай не позволил Николаю вовремя сдать выпускные экзамены в университете, и ему пришлось вновь восстанавливаться в статусе студента²¹. Любопытно, что прошение об этом датировано 14 декабря 1911 г., то есть было составлено почти за неделю до официального объявления Уголовного департамента Одесской судебной палаты об оправдании (отношение от 19 декабря 1911 г.). Не менее интересно и то, что буквально сразу, 21 января 1912 г., правление университета зачислило недавнего арестанта по политической статье в студенты Новороссийского университета «по явке, взносе платы и гонорара»²². Более того, в 1913 г. Николай Ганс был оставлен на факультете для подготовки к профессорскому званию по кафедре философии, которую возглавлял профессор Новороссийского университета

Николай Николаевич Ланге (1858–1921), основатель одной из первых экспериментальных психологических лабораторий в России [Подшивалкина и др. 2010, с. 45]²³.

Влияние Н.Н. Ланге как Учителя с большой буквы бесспорно: и в университетских предметах изучения, и в своих будущих научных исследованиях Н.А. Ганс движется в «ланговских» направлениях — философия, психология, педагогика. В «Отчете о занятиях» от 1 мая 1915 г. первой фразой он запишет: «По указанию

Отчет о занятиях студента Н.А. Ганса.
1 мая 1915 г. ННС

¹⁹ ГАОО. Ф. 45. Оп. 5. Д. 2831. Л. 15, 21–22.

²⁰ Там же. Л. 31 об.

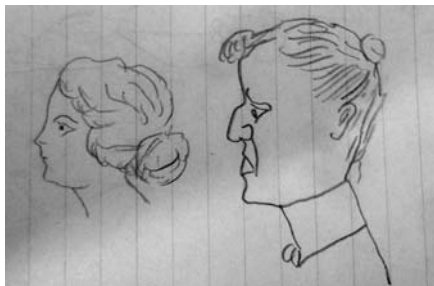
²¹ Там же. Л. 32.

²² Там же. Л. 32.

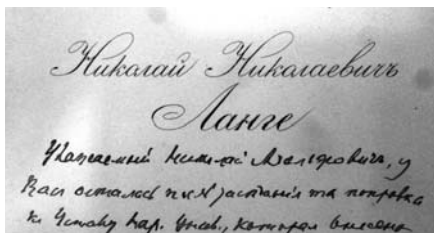
²³ В ноябре 1913 г. Николай Ганс женился, его избранницей стала англичанка. Женская память избирательна — Грейс Ганс не оставила воспоминаний о первых годах их совместной жизни. Тетради же Николая этого периода наполнены только записями психологических исследований (ННС 3/1/2/11–13).

проф. Н.Н. Ланге я прежде всего занялся систематически психологией»²⁴, а его исследования применения интеллектуальных тестов в разных странах прямо обязаны влиянию Ланге²⁵. Об этом свидетельствуют и зарисовки в тетрадях студента Ганса, копирующие стимульный материал к тестам известного русского психолога Александра Петровича Нечаева (1870–1948)²⁶, и записи-протоколы психологических наблюдений над детьми и взрослыми. Гражданская активность и общественная деятельность в системе образования — еще одно «место встречи» обоих ученых. В лондонском архиве Н.А. Ганса сохранилась визитка Н.Н. Ланге²⁷, на полях которой он обсуждает с учеником вопрос о поправке к «Уставу» Народного университета в Одессе, будучи его основателем. В свою очередь Ганс с апреля 1919 г. входил в состав Совета университета²⁸ [Там же, с. 45, 90, 91].

Пик одесской общественно-политической деятельности Н.А. Ганса пришелся на годы Гражданской войны в России (1917–1919). Сразу после Февральской революции в 30-летнем возрасте он был избран членом Одесской городской думы и заведующим отделом народного образования. Кроме того, на протяжении 1917 г. Ганс являлся представителем Одесского комитета военно-технической помощи (с апреля), Всероссийского совета крестьянских депутатов (июнь) и областного комитета Всероссийского крестьянского союза граждан-хлеборобов (июнь — август), участвовал в работе Всеукраинского съезда по организации образования на Украине (декабрь). В апреле 1919 г. он уже член Одесского совета рабочих депутатов, в июле — Одесского профессионального учительского союза. В эти годы Н.А. Ганс также преподавал

Стимульный материал к тестам
А.П. Нечаева, рисунок Н.А. Ганса.
<1915 г.?.> NHC

Визитка Н.Н. Ланге. <1917 г.?.> NHC

²⁴ NHC 3/1/2.

²⁵ Например, статья [Ганс 1924]. На основе этого анализа им был составлен ряд тестов и для русских школ.

²⁶ NHC 3/1/2.

²⁷ NHC 5/1.

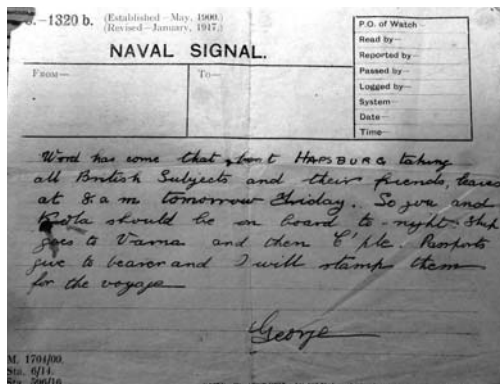
²⁸ При этом известно, что взгляды Ганса и Ланге на способы осуществления деятельности Народного университета расходились. «Ланговский» посыл о необходимости развития народного образования Ганс продолжил реализовывать в жизнь и в рамках общественной деятельности в Великобритании. В лондонском архиве сохранился недатированный и частично утерянный текст «Реформы большевиков» с подзаголовком «Задачи народного образования и в связи с ними задачи академических групп за границей» (NHC 3/1/2/20). В Каталоге этот текст отнесен к документам 1907–1919 гг., однако, вероятнее всего, он принадлежит уже к эмигрантскому периоду.

в Одесской женской гимназии Ю. Шилейко и М. Рихтер (март 1918) и Одесском реальном училище (май 1919).

Хотя в эмиграции Николай Адольфович стоял у истоков многих социально-общественных инициатив русского научного зарубежья, будучи и делегатом, и активным членом, и участником многих обществ и конференций²⁹, однако знакомство с архивными документами убеждает нас, что максимально ярким, насыщенным и напряженным в жизни ученого был именно одесский период 1917–1919 гг.

Николай Ганс покинул Одессу в критический для города период — 21–26 января (ст. ст.) 1920 г., известный в истории Гражданской войны в России как Одесская эвакуация 1920 г. Решение уехать, как нам кажется, было для него трагическим. С одной стороны, до последнего момента ученый оставался в числе городского актива Одессы и его ждало непростое решение прервать активную общественную деятельность, набирающую обороты научную карьеру, расстаться с коллегами и учителем³⁰, наконец, покинуть родину. С другой — решение об эвакуации было

вполне закономерно для Н.А. Ганса, женатого на англичанке. Брат Грейс Ганс возглавлял Британскую миссию в Одессе и предупредил о дне и времени прибытия британского судна в порт, заранее «организовав» для своих родственников место на корабле³¹. Военный миноносец «Rio Pardo»³² был в числе двух последних британских транспортов, получивших разрешение на вход в порт Одессы 25 января 1920 г.³³ Это был последний и единственный шанс, и Гансы его использовали. Как супруг британской подданной Николай Адольфович получил особые привилегии по сравнению с

Записка о прибытии британского миноносца «Rio Pardo» в Одессу. <1920 г. Январь>. ННС

другими беженцами. По воспоминаниям Грейс Ганс, основной массе эвакуированных сразу же объявили, что они смогут выйти на берег исключительно у берегов Болгарии; лишь небольшой группе британцев, их родственникам и друзьям, в

²⁹ Например, он представлял русские учительские объединения в Англии, был делегатом Всемирного конгресса школьных ассоциаций в Эдинбурге (1925 г.).

³⁰ Н.Н. Ланге скончался в Одессе в 1921 г. от кардиосклероза.

³¹ ННС 5/1/23. Известно, что у британских судов была строгая квота приема беженцев на борт. Во избежание беспорядков суда охранялись военным крейсером ее величества «Сегес» и документы при входе на борт проверялись вооруженным постом. Квота распространялась на британских подданных, их родственников и друзей, а также исключительно на политических эмигрантов.

³² Rio Pardo — название реки в Бразилии, штат Минас-Жейрас.

³³ Два последних британских корабля, принявших на борт одесских эмигрантов в январе 1920 г., — «Rio Padro» и «Rio Negro». Капитаном последнего были написаны интересные воспоминания (см.: [Cameron 1934]).

том числе и чете Ганс, было предоставлено право добраться до берегов туманного Альбиона.

Из Одессы «Rio Pardo» отправился в Грецию. В Салониках 24 февраля 1920 г. беженцы были осмотрены начальником военного госпиталя на предмет состояния здоровья и отсутствия инфекционных заболеваний³⁴. Затем еще около пяти месяцев Н.А. Ганс провел в беженских лагерях на острове Принкипо в Мраморном море, «острове покоя и забвения», по выражению Л.Д. Троцкого³⁵, и месте, где «англичане спокойно и холодно делают свое дело, дают обещанное», по воспоминаниям А.А. фон Лампе³⁶. Лишь в августе 1920 г., получив письмо министра иностранных дел Великобритании лорда Дж. Керзона, содержавшее разрешение на въезд в страну, Николай Ганс ступил на землю Великой Британии в Ливерпульском порту.

Он прожил здесь более сорока лет и скончался, когда ему было восемьдесят, перенес три операции на глазах и практически ослепнув. По словам его жены, которая прожила почти сто лет, Н.А. Ганс умер «стоически» [Hans 1975, p. XI].

Несмотря на многочисленные британские и русские эмигрантские связи и контакты, никакой информации о месте захоронения Н.А. Ганса в литературе не было. Вековые британские традиции конфиденциальности в отношении личной информации ставят порой естественные барьеры на пути получения тех или иных сведений. Однако наряду с таким неприятием публичности в Великобритании существует своя логика поиска и хранения подобной информации (прежде всего через весьма открытые миру общества — Друзей кладбища, некрополистов-любителей, местных краеведов и т. д.), распознав которую, только ленивый не найдет то, что ищет. Нам удалось установить, что Н.А. Ганс был похоронен на окраине Лондона на известном кладбище Хелдон (Heldon). Здесь существует несколько национально-конфессиональных зон захоронений (греческая, китайская, мусульманская и др.). У наших соотечественников также сложился свой участок, который называют «старым русским». Православных крестов здесь немало, однако все они — прошлого столетия.

Российское научное зарубежье представлено здесь, например, захоронениями философа и религиозного мыслителя С.Л. Франка (1877–1950), политэкономиста

Могила Н.А. Ганса на кладбище Хелдон, Лондон, Великобритания.
Фото Н.Ю. Масоликовой

³⁴ ННС 5/1/24.

³⁵ Л.Д. Троцкий находился на Принкипо в 1929–1933 гг. в ссылке.

³⁶ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–14.

и правоведа С.С. Демосфенова (1886–1966), инженера, общественного деятеля и мецената М.В. Брайкевича (1873 –1940)³⁷.

У захоронений в Великобритании есть еще одна особенность — могильный камень здесь постоянно точится погодой, ветрами и дождями. Если за могилами не ухаживают, что нередко случается с эмигрантскими захоронениями, не спасает даже английский сервис — найти и идентифицировать могилу очень сложно (см.: [Масоликова 2011, с. 702–708]). Надгробие захоронения Николая и Грейс Ганс выглядело идеально. Мы добавили к памятнику лишь «свежих» желто-красных осенних листьев, ковром покрывавших в это время года дорожки кладбища.

Архивы, жизнь и научная деятельность Николая Ганса, безусловно, заслуживают дальнейшего изучения и осмысления. Ценнейшая лондонская коллекция бумаг ученого, в свое время заботливо структурированная и оберегаемая сегодня сотрудниками Библиотеки Института образования при Университетском колледже Лондона, требует хотя и незначительных, но уточнений в каталогизации бумаг и их переводе на русский язык³⁸. Мы собираемся продолжить эту работу. Надеемся, ей будет сопутствовать та путеводная звезда, которая дала Николаю Гансу на многострадальной Родине Учителей, Дело и Шанс, позволившие ученому в итоге занять место в «английской педагогической элите» [Вульфсон 2001, с. 90].

Источники и литература

Архив РАН — Архив Российской академии наук, Москва

ГАОО — Государственный архив Одесской области, Украина

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации, Москва

NHC — Nicholas Hans Archive Collection. Newsam Library, Institute of Education, University College, London

Белград-1 — Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1930) / под ред. Е.В. Спекторского. Т. 1. Белград, 1931.

Белград-2 — Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1930–1940) / под ред. Е.В. Спекторского. Т. 2. Белград, 1941.

Белканов 1998 — *Белканов Н.А.* Педагогическая советология о русских исторических корнях советской школы и педагогики // Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20–50-е гг. XX в.: Мат-лы Второй Всерос. науч. конф. «Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья. 20–50-е гг. XX в.» (Саранск, 16–18 октября 1997 г.) / под ред. Е.Г. Осовского. 1998. С. 69–72.

Вульфсон 2001 — *Вульфсон Б.Л.* Педагогическая компаративистика российского зарубежья (1920–1930 гг.) // Педагогика. 2001. № 2. С. 90–95.

³⁷ Городской голова Одессы в 1917–1918 гг., М.В. Брайкевич работал вместе с Н.А. Гансом на общественном поприще и похоронен на соседнем участке.

³⁸ Так, например, к доэмигрантскому периоду отнесены некоторые документы позднейшего периода написания (NHC 3/1/2/20); ряд документов, имевших сложности с переводом, отнесен к недатированным (NHC 5/1/23); в ряде случаев название документов переведено неточно, что нередко меняет смысл документа (NHC 5/1/22).

- Ганс 1923 — Ганс Н.А. The Dalton plan, новая система обучения в Англии // Русская школа за рубежом. Прага, 1923. № 2/3. С. 51–68 (то же: Педагогическое наследие русского зарубежья: 20-е гг. / сост. П.В. Алексеев. М., 1993. С. 270–284).
- Ганс 1924 — Ганс Н.А. Психологические тесты в практике английской и американской школы // Русская школа за рубежом. Прага, 1924. № 12. С. 1–23 (то же: Педагогическое наследие русского зарубежья: 20-е гг. / сост. П.В. Алексеев. М., 1993. С. 157–168).
- Жулина 2004 — Жулина Н.В. Проблемы теории и методики начального образования в педагогическом наследии С.И. Гессена (1887–1950). Н. Новгород, 2004.
- Лещинский и др. 2004 — Лещинский В.И., Мозгарев Л.В., Неделина С.В., Седова Е.Е. Краткий справочник по курсу «История образования и педагогической мысли»: Великие педагоги, значительные события, факты на оси времени: Учеб. пос. Воронеж, 2004.
- Масоликова 2011 — Масоликова Н.Ю. Русская могила английской Ривьеры: Александр Феликсович фон Мейендорф в Пейнтоне // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2011. М., 2012. С. 702–708.
- Масоликова, Сорокина 2010 — Российское научное зарубежье: Мат-лы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 2: Психологические науки. XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина. М., 2010.
- Осовский 1996 — Хрестоматия. Педагогика Российского зарубежья: пос. для пед. ун-тов, ин-тов и колледжей / сост. Е.Г. Осовский, О.Е. Осовский. М., 1996.
- Осовский 1997 — Осовский Е.Г. Деятели общественно-педагогического движения и педагоги Российского Зарубежья. 20–50-е гг. XX в.: 150 биографий. Саранск, 1997.
- Осовский 1998 — Российское Зарубежье: образование, педагогика, культура. 20–50-е гг. XX в.: Мат-лы Второй Всерос. науч. конф. «Образование и педагогическая мысль Российского Зарубежья. 20–50-е гг. XX в.» (Саранск, 16–18 октября 1997 г.) / под ред. Е.Г. Осовского. Саранск, 1998.
- Осовский 2000 — Очерки истории образования и педагогической мысли Российского Зарубежья (20–50-е гг. XX в.) / под ред. О.Е. Осовского. Саранск, 2000.
- Осовский 2002 — Осовский Е.Г. Николас Хэнс — русский педагог, английский исследователь // Культурное и научное наследие российской эмиграции в Великобритании (1917–1940-е гг.). М., 2002. С. 129–131.
- Осовский 2010 — Осовский О.Е. Малоизвестная рецензия Дж. Дьюи // Гуманитарные науки и образование. Саранск, 2010. № 3. С. 26–30.
- Пашуто 1992 — Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
- Пинкевич 1935 — Пинкевич А.П. Против клеветы на советское просвещение // Коммунистическое просвещение. 1935. № 2. С. 120–122.
- Подшивалкина и др. 2010 — Научное наследие Н.Н. Ланге в университетской библиотеке: монография / В.И. Подшивалкина, Р.Н. Свиноаренко, Е.В. Полевщикова; авт.-сост.: М.В. Алексеенко, Е.В. Бережок, О.Л. Ляшенко; науч. ред. В.И. Подшивалкина; отв. ред. М.А. Подрезова; библиогр. ред. В.В. Самодурова. Одесса, 2010.
- Русская школа 2009 — «Русская школа за рубежом» (Прага, 1923–1931. № 1–34): Указатель содержания / сост. Е.В. Короткова. СПб., 2009.
- Седова 2006 — Седова Е.Е. Педагогика российского зарубежья: философско-педагогическая деятельность С.И. Гессена в эмиграции // Гаудеамус: Психолого-педагогический журнал. 2006. № 1 (9). С. 148–154.
- Сорокина 2011 — Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / ред.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011.
- Cameron 1934 — Cameron E.P. Goodbye Russia. Adventures of H.M. Transport Rio Negro. L., 1934.
- Hans 1926 — Hans N. History of Russian Educational Policy. Thesis. L., 1926.

Hans 1929 — *Hans N.* The Principles of Educational Policy. L., 1929.

Hans 1938 — *Hans N.* Educational Traditions in the English-Speaking Countries. L., 1938.

Hans 1950 — *Hans N.* Hessen S. <Obituary> // The Slavonic and East European Review. 1950. Vol. 29, № 72. P. 296–298.

Hans 1951 — *Hans N.* New Trends in Education in the XVIIIth century. L., 1951.

Hans 1961 — *Hans N.* Comparative Education. A study of Educational Factors and Traditions. L., 1961.

Hans 1964 — *Hans N.* History of Russian Educational Policy, 1701–1917. New York, 1964.

Hans 1967 — *Hans N.* Comparative Education. A Study of Educational Factors and Traditions. L., 1967.

Hans 1975 — In memoriam Nicholas Hans: The man, his books, his papers / ed. by R. Williams. L., 1975.

Hans, Hessen 1930 — *Hans N., Hessen S.* Education Policy in Soviet Russia. L., 1930.

Holmes 1970 — *Holmes B.* Nicholas Hans <Obituary> // Comparative Education Review. 1970. Vol. 14, № 1. P. 1

РУССКАЯ ИТАЛИЯ: МЕМОУАРЫ

Вступительная статья *Д. Рицци* и *М.А. Васильевой*

Составление *Д. Рицци* и *Б. Сульпассо*

Перевод с итальянского *Е.З. Мирской*

Д. Рицци, М.А. Васильева

ИЗ «ИТАЛЬЯНСКОЙ» МЕМУАРИСТИКИ
РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ

Большой исследовательский интерес к феномену русского присутствия в Италии и актуальность этой темы в эмигрантоведении — результат многолетней работы целой плеяды итальянских исследователей. Архивные разыскания и публикации, освоение богатейшего материала вывели итальянскую славистику на совершенно новый уровень разработанности проблемы. Российско-итальянские культурные связи — одна из приоритетных тем периодического издания «Europa Orientalis» и главная тема известного электронного ресурса «Русские в Италии» (www.russinitalia.it). Истории российско-итальянских отношений были посвящены масштабные научные конференции, прошедшие в Италии и в России, целый ряд сборников и монографий. В научно-исследовательской работе Дома русского зарубежья им. А. Солженицына тема «Русская Италия» также занимает особое место. Еще в 2004 г. здесь состоялась научная конференция «Русские в Италии: Культурное наследие эмиграции»; научным связям двух стран была посвящена конференция «Италия и русские медиевисты» (25–26 ноября 2014); периодические издания оказались в центре внимания специальных итальянских секций на конференции «Издательское дело российского зарубежья (XIX–XX вв.)» (7–8 октября 2015). Домом русского зарубежья совместно с итальянскими университетами были организованы перекрестные семинары, круглые столы, презентации и открытые лекции. Большим событием стал выход в свет сборника, подготовленного А. Д'Амелия и Д. Рицци, «Персонажи в поисках автора»: Жизнь русских в Италии XX века» (М., 2011) и монографии С. Гардзонио и Б. Сульпассо «Осколки русской Италии: Исследования и материалы» (М., 2011). Настоящий тематический блок — еще одна страница в истории сотрудничества итальянских славистов и Дома русского зарубежья. Его тема — мемуаристика русской диаспоры.

Собранные в данной публикации четыре отрывка созданы в разное время и при разных обстоятельствах, описывают разные периоды и разные события, да и личности авторов не схожи между собой. Однако эти тексты имеют очевидные общие особенности. Их авторы навсегда покинули отчизну — по разным причинам, но, так или иначе, под давлением социально-исторических обстоятельств; родиной этих людей была Российская империя периода кризиса и распада; и наконец, это основанная на воспоминаниях ретроспекция — рассказ о времени и о себе¹.

¹ Как известно, в последние 30 лет появились многочисленные публикации и исследования, посвященные возрождению этого наследия. Мы ограничимся здесь упоминанием важнейшего в данной области библиографического труда: Россия и российская эмиграция в воспоминаниях и дневниках: Аннот. указ.

Таким образом, представленные здесь произведения лежат на стыке двух областей, двух обширных групп материалов, исследование которых особенно активно развивалось в последние десятилетия: это литературное наследие русского зарубежья — с одной стороны, и мемуарная литература в самом широком смысле слова (в том числе биографические, автобиографические, хроникальные и дневниковые записи), — с другой. В научный оборот было введено такое множество новых материалов первой группы и настолько важные теоретические проблемы были подняты исследователями материалов второй группы, что рамки настоящего предисловия позволяют лишь пунктирно обозначить итоги научных дискуссий в обеих областях. Поэтому вопрос о том, какое место публикуемые ниже тексты занимают в обширной мемуаристике русской эмиграции и каков их точный жанр, останется здесь открытым. Равным образом мы не беремся поднимать такую извечную тему, как соотношение «записок о себе» (то есть личного восприятия) с исторической правдой².

Мы ставим себе более скромную цель: познакомить тех, кто интересуется огромным по масштабу феноменом «зарубежной России», с некоторыми произведениями из внушительного по объему повествовательного корпуса «жизнеописания» русской диаспоры. Эти мемуары в силу ряда причин (были изданы только по-итальянски или не были опубликованы вовсе) не попали в поле зрения исследователей либо удостоились лишь косвенных упоминаний. Представить эти произведения, пусть даже в виде небольших отрывков, вниманию научного сообщества и постараться ввести в контекст эмигрантской мемуаристики — учитывая, что не столь уж обширна подобная литература, непосредственно связанная с Италией, — вот, собственно, цель данной публикации³.

кн., журн. и газ. публ., изд. за рубежом в 1917–1991 гг.: в 4 т. / Гос. публ. ист. б-ка России, Стэнфорд. ун-т; научн. ред. А.Г. Тартаковский, О.В. Будницкий, Т. Эммонс. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003–2006. На эту тему было написано множество докторских диссертаций [Кравцов 2015; Кознова 2011; Кузнецова 2005; Кириллова 2004 и др.]. Эти исследования, содержащие обильную библиографическую информацию, доступны в интернете, что освобождает нас от необходимости приводить дальнейшие библиографические отсылки.

² По поводу «автобиографического соглашения» и «фикционального соглашения» в автобиографической литературе обязательной к ознакомлению остается книга Ф. Лежёна (*Lejeun Ph. Le pacte autobiographique*. P.: Seuil, 1975). С момента публикации этой работы с новой силой активизировалась дискуссия о разграничении различных форм мемуарного жанра, которая продолжается по сей день.

³ Мемуары, написанные русскими эмигрантами первой волны и связанные главным образом с Италией, можно разделить на несколько групп. К первой относятся те, что были созданы сразу на итальянском (или на любом другом языке, кроме русского) и опубликованы впервые в Италии; из них — целый ряд важнейших произведений, с которыми познакомился российский читатель [Иванов 1999; Голицына 2001; Семенов 2008; Бордато, Талалай 2009]. Здесь мы публикуем в русском переводе отрывки из нескольких подобных мемуаров. Однако многие другие, выйдя в свет в разные годы, до сих пор не изданы на русском языке [Amfiteatroff 1922; Milgot Anguissola 1960; Gourevitch Calza 1989; Ginzburg 1989; Hausmann 2008 (не изданы полностью даже на итальянском); Lyanova 2009] или не изданы вообще (*Lozina-Lozinskij K. Mondo nello specchio* // Римский архив Вячеслава Иванова). Ко второй группе относятся мемуары на русском языке и в силу этого получившие широкое распространение среди русских читателей и исследователей русского зарубежья [Щербатов 2000; Ананьин 1961; Иванова 1990; Шрейдер 2011].

И наконец, есть тексты, посвященные революционным событиям, написанные и опубликованные сразу на итальянском (и, насколько нам известно, ни на каком другом языке) авторами, которые оказались вне

Как отмечал Г.П. Струве: «Едва ли не самым ценным вкладом зарубежных писателей в общую сокровищницу русской литературы стали разные формы нехудожественной литературы: критика, эссеистика, философская проза, высокая публицистика и мемуарная литература» [Струве 1996, с. 248]. Для многих русских эмигрантов, оказавшихся вне своей среды и в бедственном положении, мемуары стали единственным в своем роде средством, позволявшим реализовать сразу несколько задач: сохранить и передать свидетельства о прошлом своего народа, которое советский режим искажал и замалчивал; изложить свои размышления и свое понимание причин, приведших к краху Российской империи и к победе большевиков, а попутно и дать читателю «достоверную» картину событий, участником которых сам автор чаще всего и являлся; объяснить (а, возможно, и оправдать) свой личный выбор и политические (или художественные) взгляды. Не имея возможности оказать влияние на настоящее и будущее своей страны, русские изгнанники считали своим долгом восстановить прошлое, переосмыслить то, что случилось с ними и с родиной, в результате они оставили следующим поколениям наследие огромной исторической и литературной ценности.

Представленная здесь подборка может быть полностью отнесена к такому типу произведений. Их авторы делают попытку одновременно воспроизвести картину общественно-исторических событий и описать обстоятельства собственной жизни в определенный исторический период. Эти тексты уместно определить термином «эго-документ»⁴, который сейчас широко применяется исследователями для описания разного рода документально-художественных произведений.

эмиграционного потока и ко времени «исхода» уже проживали в Италии [Pervuchin 1918 и 1920; Zabugin 1918; Frenkel' 1917, 1918 и 1922]. Кроме Забугина (который, будучи известной фигурой в итальянских академических кругах, в начале 1918 г. на несколько месяцев был направлен итальянским правительством в Россию с наблюдательной миссией), ни один из этих авторов не бывал в революционной России, однако каждый считал своим долгом внести лепту в осмысление исторических событий, неизбежно вплетая в повествование автобиографические элементы. Все это позволяет отнести созданные ими произведения к категории «эго-документов» (в отличие, например, от политических статей русских обозревателей, сотрудничавших с итальянской прессой).

Италия упоминается более или менее часто в мемуарах многочисленных деятелей искусства, которым в эмиграции представилась возможность работать или просто провести некоторое время в этой стране (например, И. Стравинский, Л. Мясин, Т. Карсавина, Е. Баранская и многие другие). Таких воспоминаний множество, однако, учитывая, что связь авторов с Италией не была постоянной и «системной», нам представляется целесообразным не включать их сочинения в тот мемуарный контекст, о котором здесь идет речь, а отнести, скорее, к более обширной (почти необозримой) русской мемуаристике о приобщении к итальянской культуре.

⁴ Этот термин ввел в научный оборот нидерландский исследователь Жак (Якоб) Прессер в середине 50-х гг. прошлого века, объединив под общим названием широкий диапазон автобиографической литературы (мемуары, дневники, письма, путевые заметки). По сравнению с определением *littérature intime*, распространенным во французском литературоведении, термин «эго-документ» в меньшей степени отсылает к элементам самонаблюдения и самоанализа, присущим «запискам о себе». В этом смысле термин «эго-документ» представляется более подходящим для эмигрантских мемуаров, где авторы стремились прежде всего оставить свидетельства об общих для них обстоятельствах, нежели о перипетиях своей частной жизни или особенностях своей персоны.

Публикуемые ниже мемуары в той или иной степени несут в себе слагаемые этого двучастного термина, однако личная жизнь («эго») и исторические реалии («документ») в них представлены в разной пропорции.

Преимущественно документальную ценность — при всей субъективности этих свидетельств — имеют в первую очередь произведения Марка Слонима и Константина Кетова, небольшие отрывки из которых публикуются здесь в переводе на русский язык.

Марк Слоним — интеллектual еврейского происхождения, получивший европейское образование (в середине 1910-х гг. он учился сначала во Флоренции, а затем в Петербурге), в годы революции жизнь его была тесно связана с историей партии социалистов-революционеров. Книга Слонима «Русская революция. События и впечатления»⁵ — это хроника событий периода 1917–1919 гг., написанная по горячим следам с почти дневниковой точностью в стиле сжатого и напряженного повествования. Слоним видит и описывает происходящее как непосредственный участник событий тех бурных лет: во время Февральской революции он входит в состав комитета партии эсеров, активно сотрудничает с правительством Керенского (который очень живо описан в его книге как личность и как политический деятель), наблюдает растущее влияние большевиков среди населения, становится депутатом всероссийского Учредительного собрания, возглавляет партию эсеров в Одессе, затем входит в число членов Комитета Учредительного собрания в Самаре, Директории в Уфе и в Омске. Он участвует в создании Украинской народной республики вплоть до вступления немецких войск на территорию Украины в апреле 1918 г., в организации антигерманского восстания, в антибольшевистской борьбе на Волжском фронте летом 1918 г.; он полностью захвачен водоворотом политических событий на Украине в 1919 г. Далее Слоним описывает в своей книге то, что он называет «сибирской Мексикой», и переменчивую судьбу Белой армии адмирала Колчака, чей «государственный переворот», по его оценке, «глубоко скомпрометировал антибольшевистскую кампанию в глазах народных масс» [Slonim 1920, p. 256], обусловив «переход антибольшевистской России в руки реакции» [Ibid, p. 257]. Слоним лично обращается к представителям Антанты с разоблачением истинной природы режима Колчака, который за это начинает его преследовать; после чего, уполномоченный группой депутатов-эсеров Омска «поехать за границу, чтобы проинформировать европейскую общественность о происшедших событиях» [Ibid, p. 261], Слоним отправляется в головокругительное путешествие, за два месяца проделав путь от Омска через Иркутск, Маньчжурию, Харбин, Владивосток и Японию, и добирается до Парижа — это и есть последняя часть его воспоминаний, представленная здесь в переводе. В середине 1919 г. Слоним приезжает в Италию, завершает во Флоренции университетский курс, начатый здесь же пять лет назад, но не задерживается тут надолго, и в 1922 г. оказывается в Берлине (а дальше типичный для многих эмигрантов маршрут ведет его через Прагу и Париж в Соединенные Штаты). Между тем в Италии на про-

⁵ Библиографические данные, а также биографии авторов приведены в предисловии к каждой публикации.

тяжении 1920-х гг. он публикует целых пять монографий по вопросам истории и политики и несколько литературоведческих статей⁶, что свидетельствует о том, насколько прочные культурные связи он сохранил с этой страной.

Написать такую страстную по тону и увлекательную по форме книгу побуждает Слонима не потребность рассказать о себе, а желание объяснить неосведомленной итальянской общественности, что же на самом деле происходило в России. Несмотря на заявленную с самых первых страниц объективность авторской позиции («рассказать именно о том, что мы видели и пережили» [Ibid., p. VIII]), текст изобилует то пристрастными оценками и жесткими суждениями автора, то живыми впечатлениями и переживаниями прямого очевидца. В целом, однако, в книге достаточно последовательно соблюден баланс между автобиографией и общественно-историческим документом. И хотя политическая позиция автора определена очень четко (он резко обличает большевизм, называя его «непостижимым безумием» [Ibid, p. 131], а взгляды взявшей власть политической группировки — «варварским» [Ibid, p. 135] и «азиатским социализмом» [Ibid, p. 133]), Слониму удалось дать довольно внятную историческую картину данного периода.

В отличие от книги Слонима, где автор, как свидетель драматичных и переломных для российской истории событий, пытается привлечь внимание итальянской общественности к судьбе своей страны, работа Константина Кетова «Между двух деспотизмов. От царизма до большевизма 1897–1927» — это самая настоящая автобиография. Она была написана в 1927–1931 гг. и до сих пор не издавалась; представленные отрывки публикуются впервые. Здесь в центре внимания — личная жизнь автора на фоне грандиозных перемен этого тридцатилетия, в которое уместились и царствование последнего императора, и революция 1905 г., и мировая война, и Октябрьская революция, и становление большевистской власти. Кетов стал политэмигрантом, когда тайно бежал из России и обосновался в Италии в 1908 г., откуда с этого момента и следил за развитием социально-исторического процесса в своей стране. Однако эмиграция ни в коей мере не означала ни интеллектуальной, ни эмоциональной оторванности от родины: автор по-прежнему ощущает близкую причастность к судьбам России, остро подмечает, что политические и житейские обстоятельства его частной жизни имеют историческую подоплеку, неизбежно определяются эпохой и становятся ее отражением, так что в его книге автобиографическое повествование постоянно переплетается с исторической хроникой.

Примером тому может служить глава «Среди русских дипломатов», несколько отрывков из которой здесь представлены. Она относится ко времени до и после начала Первой мировой войны, то есть к тому периоду, когда Кетов, скрыв, что в прошлом был активным членом эсеровской партии в Саратове (за что в свое время попал в Петропавловскую крепость и был выслан в Сибирь), стал представителем Санкт-Петербургского телеграфного агентства в Риме и установил контакты с российскими дипломатами, работавшими тогда в итальянской столице. Кетов описывает эту чиновничью среду, интеллектуальный уровень этих

⁶ Библиографию Слонима на итальянском языке см.: <http://www.russinitalia.it/bibliografia.php>.

функционеров, дает оценку их способностям и поступкам, а некоторых деятелей жестко и прямо обвиняет в профессиональной непригодности. Хотя ко времени своего переезда в Италию Кетов оставил активную политическую деятельность, эти страницы написаны гневным пером ярого противника царизма, который заплатил высокую цену за свой политический выбор. Впрочем, накал личных страстей не мешает автору ясно видеть и анализировать историческую ситуацию: изобразив без всякого снисхождения представителей правящего класса царского режима, он переходит к рассуждениям о русско-итальянских политических связях и о международной обстановке в начале Первой мировой войны.

Григорий Шилтян и Ольга Ресневич пишут свои мемуары после Второй мировой войны, оба оставили родину уже давно, у каждого за плечами своя жизнь. Несмотря на переезд в другую страну, при всем различии их судеб (которые, к слову сказать, в определенный момент случайно переплелись) в Италии им представилась возможность работать, самореализоваться и даже получить определенную известность.

Автобиография Шилтяна — не столько «мемуары эмигранта», сколько история успеха. Италия была к нему довольно щедра: здесь он прочно обосновался и стал видной фигурой художественной жизни. Шилтян не только имел тесные связи со многими крупными представителями итальянского мира искусства и был полноправным участником культурного диалога как до войны, так и в послевоенный период, но и стал знаменитым художником. После Второй мировой войны карьера его пошла в гору, он имел престижные частные заказы (среди прочего, стал очень модным портретистом и в этом качестве обрел популярность у крупных итальянских деятелей культуры, политиков и предпринимателей), выполнял и важные заказы официальных учреждений. Так что Шилтяну удалось соединить признание критики и расположение публики, а солидная клиентура обеспечила ему также и немалое состояние. Из мемуаров, которые он написал по-итальянски в середине своей долгой жизни, здесь приведены отрывки, относящиеся к годам пребывания в Берлине, — то есть к первому периоду его эмиграции, когда в начале 1920-х гг. множество русских эмигрантов первой волны покидали родину тем же маршрутом и по тем же причинам, что и Шилтян; затем — к годам, проведенным в Риме, и ко времени переезда в Милан, соответственно до и после парижского периода. Таким образом, здесь представлен самый, так сказать, «богемный» отрезок его жизни, когда он еще не имел ни славы, ни достатка, обретенных в Италии после Второй мировой войны. Этот отрезок заканчивается в 1942 г., когда самый влиятельный итальянский критик тех лет признает Шилтяна одним из крупнейших художников своего времени, работающих в Италии. На страницах его автобиографического повествования предстает перед нами не столько судьбоносный переворот расставания с родиной и тревога за ее будущее, сколько восторг молодого художника от встречи с той художественной культурой, что оказала огромное воздействие на развитие искусства, ставшего его призванием. Именно увидев своими глазами произведения мастеров итальянского Возрождения и барокко, Шилтян окончательно преодолел первоначальное увлечение авангардизмом, стал сторонником возврата к изобразительности в живописи и сделал первые шаги в

итальянском искусстве как реалист и последовательный антимодернист, каковым и остался навсегда.

В Берлине и в Риме разворачиваются и события представленных здесь автобиографических заметок Ольги Ресневич-Синьорелли, которые были записаны по-итальянски на магнитофонную пленку и относятся примерно к тому же времени, что и «Мои приключения» Шилтяна. Эти мемуарные тексты тоже несут отпечаток личной судьбы автора: Ресневич интегрировалась в итальянское общество, принадлежала к привилегированному социальному слою, благодаря чему общалась с интеллектуалами и политиками, что и нашло отражение в ее воспоминаниях.

Записки Ресневич имеют характер отрывочный и незавершенный по сравнению с книгой Шилтяна; в целостном виде ее работа была восстановлена всего несколько лет назад, когда были скомпонованы вместе опубликованные и неизданные ее разделы. Повествование не выстроено в строго хронологическом порядке, а в значительной своей части представляет собой галерею «портретов», то есть основано на воспоминаниях автора о разных людях. По этой причине социально-политические аспекты никогда не выходят на первый план. В центре внимания — встречи Ресневич с разными персонажами, ее собственные впечатления и воспоминания об этих личностях, с которыми ее связывало более или менее длительное общение. Мы выбрали для публикации отрывки, посвященные представителям русской культуры, с которыми Ресневич поддерживала знакомство в основном в 1920-е гг.; среди них — не только русские эмигранты в Италии: кроме Муратова и Иванова, в представленных здесь фрагментах рассказывается об Андрее Белом, Владимире Лидине, Всеволоде Мейерхольде и Зинаиде Райх. Записки о гастролях Русского балета в Риме еще больше раздвигают хронологические рамки мемуаров и расширяют портретную галерею образов. Хотя воспоминания, посвященные ее отношениям с эмигрантской средой первой волны, представляют значительный интерес, следует заметить, что благодаря высокой степени интеграции в итальянскую культурную жизнь Ресневич обладает особым взглядом и видит происходящее иначе, чем сами эмигранты. Несмотря на общие с ними корни и происхождение, у нее скорее космополитический взгляд европейского интеллектуала, который приобщается (в ее случае — заново приобщается) к русской культуре, «вывезенной» за границу в силу исторических обстоятельств. Интерес Ресневич вовсе не ограничивается эмигрантскими кругами, хотя она, как известно, оказывала помощь и поддержку русским изгнанникам, став для них опорой в Италии; однако ей интересна русская литературная и художественная культура в целом, в том числе и советская культура. Доказательством тому служит реализованный ею литературный проект — антология советской прозы в итальянских переводах⁷, одно из первых изданий, познакомивших Италию с литературой новой страны.

⁷ См.: *L'Italiano. Foglio della rivoluzione fascista*. 1931. № 3. Numero dedicato alla nuova letteratura russa / Traduzioni originali dal russo di Olga Resnevic e Giovanni Comisso; Prefazione di G. Comisso. В этом выпуске издания, посвященном новой русской литературе, опубликованы в итальянских переводах О. Ресневич и Дж. Комиссо рассказы М. Зощенко, П. Романова, В. Катаева, М. Шолохова, Вс. Иванова, Л. Леонова, И. Соколова-Микитова, А. Фадеева, Б. Пильняка.

Возможно, мемуаристика русского зарубежья, связанная с Италией, не изобилует произведениями таких литературных достоинств, которые сочетали бы в полной мере «задушевную искренность автобиографии с широтой обзора *Zeitgeschichte*»⁸, однако панорамное полотно эпохи складывается множеством штрихов, и ни один из них нельзя стереть, не исказив общую картину. В жизнеописании «итальянской России» межвоенного периода представленные здесь произведения занимают важное место, и потому так велико их значение для исследователей, желающих восстановить наследие «зарубежной России» во всей его полноте.

Литература

- Ананьин 1961 — *Ананьин Е.А.* Из воспоминаний революционера (1905–1923 гг.). Project on the History of the Menshevik Movement, Paper n. 7. Нью-Йорк, 1961.
- Бордато, Талалай 2009 — *Бордато Э., Талалай М.* Под чуждым небосводом. СПб.: Алетеия, 2009 (1-е изд.: *Bordato E. Sotto un cielo straniero. Vita e memorie di una principessa russa in esilio.* Rovereto: Osiride, 2000).
- Голицына 2001 — *Голицына И.* Из России в Россию. М.: Международные отношения, 2001 (1-е изд.: *Galitzine I. Dalla Russia alla Russia: memorie di Irene Galitzine raccolte da Cinzia Tani.* Milano: Longanesi, 1996).
- Иванов 1999 — *Обер Р., Гфеллер У.* Беседы с Дмитрием Вячеславовичем Ивановым. СПб.: Иван Лимбах, 1999 (1-е изд.: *D'Ivanov à Neuvecelle. Entretiens avec Jean Neuvecelle recueillis par Raphaël Aubert et Urs Gfeller.* Préface de Georges Nivat. P.: Les éditions Noir sur Blanc, 1996).
- Иванова 1990 — *Иванова Л.В.* Воспоминания. Книга об отце / подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. Р.: Atheneum, 1990.
- Кириллова 2004 — *Кириллова Е.Л.* Мемуаристика как метажанр и ее жанровые модификации. На материале мемуарной прозы русского зарубежья первой волны: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004.
- Кознова 2011 — *Кознова Н.Н.* Мемуары русских писателей-эмигрантов первой волны: Концепции истории и типология форм повествования: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.
- Кравцов 2015 — *Кравцов А.Н.* Эго-документы русской эмиграции XX века: на материале публикаций журнала «Возрождение» (Париж 1949–1974): Дис. ... канд. филол. наук. М. 2015.
- Кузнецова 2005 — *Кузнецова А.А.* Идейное и художественное своеобразие мемуарной прозы второстепенных писателей русской литературной эмиграции: Н. Берберова, И. Одоевцева, В. Яновский: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Семенов 2008 — *Семенов М.Н.* Вакх и сирены / сост. и пер. В.И. Кейдана; вступ. ст. В.И. Кейдана и Н.А. Богомолова. М.: НЛЮ, 2008 (1-е изд.: *Semenov M.N. Bacco e sirene. Memorie di M.N. Semenov.* Roma: De Carlo, 1950).
- Струве 1996 — *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. / Вильданова Р.И., Кудрявцев В.Б., Лаппо-Данилевский К.Ю. Краткий биографический словарь русского зарубежья. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996.
- Шрейдер 2011 — *Шрейдер Г.И.* Из воспоминаний // Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. 1. М.: Русский путь, 2011. С. 366–370.

⁸ Здесь приведено высказывание В. Терраса о «Былом и думах» Герцена [Terras 1991, p. 324].

- Щербатов 2000 — *Щербатов С.*, кн. Художник в ушедшей России / сост., подгот. текста, коммент. Т.А. Дудиной и Н.В. Рейн; послесл. Т.А. Дудиной. М.: Согласие, 2000 (1-е изд.: Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1955).
- Amfiteatroff 1922 — *Amfiteatroff I.* Negli artigli dei soviet. Milano: L'Eroica, 1922.
- Frenkel' 1917 — *Frenkel W.* La rivoluzione russa: dialoghetto. Roma: Tipografia dell'Unione Editrice, 1917. 62 p.
- Frenkel' 1918 — *Frenkel W.* Finis Russiae? Roma: Tipografia dell'Unione Editrice, 1918. 55 p.
- Frenkel' 1922 — *Frenkel W.* Amore e bolscevismo. Talmud e Khamstvo. Roma: Officina Poligrafica La Rapida, 1922. 72 p.
- Ginzburg 1989 — *Ginzburg M.* Da Odessa a Torino. Conversazioni con Marussia Ginzburg. A cura di M. Chiara Avalle. Torino: Meynier, 1989.
- Gourevitch Calza 1989 — *Gourevitch Calza R.* I miei primi vent'anni // Ricordando Raissa, a cura di D. Fagioli. Roma: Tip. Centenari, 1989.
- Hausmann 2008 — *Ongaro E.* Al servizio dell'uomo e della terra. Giovanni Hausmann 1906–1980 / introduzione di Luigi Cavazza. Milano: Jaca Book, 2008.
- Lyanova 2009 — *Lyanova A. (Vera Pavlovna Obrazcova).* La mia strada: una russa a Milano / a cura di G. Spindel. Torino: Centro Interuniversitario di Ricerche sul «Viaggio in Italia», 2009.
- Milgot Anguissola 1960 — *Milgot Anguissola L.* Fuga dalla Russia. Roma: Tip. InGraRo, 1960.
- Pervuchin 1918 — *Perwoukhine M.* I Bolsceviki. Bologna: Zanichelli, 1918. 173 p.
- Pervuchin 1920 — *Perwoukhine M.* La sfinge bolscevica. Bologna: Zanichelli, 1920. 246 p.
- Slonim 1920 — *Slonim M.* La rivoluzione russa: fatti ed impressioni. Bologna: Zanichelli, 1920. VIII–270 p.
- Terras 1991 — *Terras V.* A History of Russian Literature. New Haven; London: Yale University Press., 1991.
- Zabugin 1918 — *Zabughin V.* Il Gigante folle: istantanee della rivoluzione russa. Firenze: R. Bemporad e Figlio, 1918. 200 p.

«СРЕДИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ»

Из воспоминаний русского корреспондента в Риме

Вступительная статья, публикация и комментарии

*Б. Сульпассо**

«М.Г. Господин редактор,

Одновременно посылаю Вам заказною бандеролью главу Мой побег из книги моих воспоминаний Между двумя деспотизмами, которую готовлю для итальянского издания.

Мне кажется, что посылаемый рассказ может заинтересовать Вас для напечатания в нескольких фельетонах уважаемой Вашей газеты. Если он будет принят, я мог бы выбрать и еще несколько интересных для Сегодня глав, напр. Среди русских дипломатов, в которой рассказывается моя история эмиграции в Италию, устройство, будучи на нелегальном положении, корреспондентом С.-Петербургского телеграфного агентства за время посольств Долгорукова, Крупенского и Гирса; раскрытие русской полицией моего нелегального положения и потеря работы и, наконец, восстановление меня после революции вновь корреспондентом по распоряжению П.Н. Милюкова...» [Абызов и др. 1997, с. 187–189].

Так писал революционер, журналист Иван Андреевич Крейнерт (1880–1948), известный под псевдонимом Costantino Ketoff¹, в редакцию журнала «Сегодня»; письмо было отправлено из городка Аричча² 12 января 1931 г.

В течение долгого времени его воспоминания, кроме отдельных отрывков³, считались утерянными. Сейчас, когда они обнаружены⁴, эти материалы, обработанные лишь частично, требуют глубокого и подробного

* Автор выражает благодарность С. Гардзонио за ценные сведения о Кетове и его окружении.

¹ О нем см.: [Гардзонио, Сульпассо 2011, с. 104–107; Гардзонио 2007; Кострикова 1997, с. 75–76; Абызов и др. 1997, с. 187–189].

² Известный городок в местности Каstellи Романи, где у Кетова был дом (см. ниже).

³ Рукопись «Убийство Сипягина 2 (15) апреля 1902 г.», написанная на русском языке, хранится в архиве Гуверовского института (Hoover Institution Archives. The Nicolaevsky Collection. Box 629. Folder 7); большие отрывки из нее опубликованы Стефано Гардзонио; рукопись частично воспроизводит вторую главу Воспоминаний. Крейнерт пытался предложить эту работу для публикации в «Последних новостях», но безуспешно [Гардзонио 2007].

⁴ Текст находится в личной коллекции семьи Кетова, см.: [Гардзонио, Сульпассо 2011, с. 106]. В 2011 г. несколько страниц рукописи Крейнерта экспонировались в Москве в рамках выставки «...скитаний пристань, вечный Рим»: русская община в столице Италии (1900–1940)», которая была организована в РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет, 19 октября 2011 г.; Санкт-Петербург, Пушкинский Дом, 16 февраля 2012 г.).

изучения — от филологического анализа текста до описания биографии самого Крейнерта-Кетова. Здесь мы ограничимся только предварительными, вступительными замечаниями по поводу этой работы и обстоятельств, в которых она была написана.

«МЕЖДУ ДВУМЯ ДЕСПОТИЗМАМИ. ОТ ЦАРИЗМА К БОЛЬШЕВИЗМУ 1897–1927»

Обнаруженный текст, предположительно, является тем самым итальянским вариантом, который Кетов упоминает в письме редактору журнала «Сегодня». Книга, написанная на итальянском языке и до настоящего времени не опубликованная, состоит из четырнадцати глав: «К сознательной жизни» (гл. I), «Первые шаги на революционном поприще» (гл. II), «Тюремное заключение» (гл. III), «В Петропавловской крепости» (гл. IV), «Сибирь и ссылка» (гл. V), «В Якутскую область» (гл. VI), «В краю холода и смерти» (гл. VII), «Побег» (гл. VIII), «Дни свободы» (гл. IX), «На нелегальном положении» (гл. X), «В русской провинции» (гл. XI), «Заграницей» (гл. XII), «Среди русских дипломатов» (гл. XIII), «Революция» (гл. XIV).

Однако, судя по оглавлению рукописи, была еще глава XV, посвященная большевизму, она называлась «Русская трагедия» и состояла из следующих разделов: «Идеализм и реальность» [ВК, с. 459]; «Большевистская демагогия» [Там же, с. 477]; «С помощью царских генералов» [Там же, с. 489]; «Крестовый поход против культуры» [Там же, с. 459]; «Историческое недоразумение» [Там же, с. 512]; «Между двумя деспотизмами» и «Миссия русской интеллигенции» [Там же, с. 527].

Эти воспоминания — своего рода путешествие от царизма к революции, обширное полотно, представляющее тридцатилетний период истории России с точки зрения очевидца событий.

Работа, как отмечено выше, написана по-итальянски и, следовательно, предназначена для итальянских читателей, что определяет ее структуру, которая обусловлена также и самим положением автора — «эмигранта». Он испытывает необходимость не только показать тот длинный путь, что привел страну от царизма к революции, но и объяснить итальянцам саму Россию. Рассуждения автора — это попытка определить место России в мире и место русского интеллектуала в европейском контексте. Крейнерт — революционер и журналист в эмиграции, и им движет, по существу, глубокая потребность — дать достоверное представление о России. Эта мысль занимала его еще с 1917 г., когда в журнале «Новая антология» («Nuova antologia») он опубликовал большую статью с резкой критикой популярной в Италии «русской идеи»: «В Италии довольно мало известно о современной жизни русского народа, о его борьбе, о его идеалах, о его духовных устремлениях и материальных нуждах. Почти все, что итальянцы знают о России, относится ко временам Достоевского и Толстого, которые склонны были облекать русскую душу религиозно-мистическим

ореолом. Что хуже всего — полагая, что знают Россию, итальянцы часто судили о ней только по романам вроде сочинений Дюма, которые полны всяких фантастических измышлений, и тот, кто довольствуется ими, ничего не узнает о жизни народа далекой страны» [Ketoff 1917, с. 441].

Таким образом, в своих мемуарах автор стремится обеспечить необходимые средства для диалога и взаимопонимания. Этому служат, например, пассажи, посвященные интеллигентам и роли русской интеллигенции, — понятия, о которых европейские и американские интеллектуалы, по мнению Крейнберта, имеют не вполне ясное представление⁵. Ту же цель преследуют и длинные отступления, которые должны, прежде всего, представить читателю «народ далекой страны»: здесь не только описания природы и русской души, но и введенные в текст русские названия реалий в транслитерации с соответствующими объяснениями. Просветительский замысел особенно очевиден в главах, посвященных Сибири, где у автора появляется возможность описать и показать другую Россию, которая «пошла дальше Европы»: это в первую очередь главы о казаках Якутска, не имеющих «ничего общего с нерегулярными русскими казацкими войсками» [БК, с. 101 и т. д.], а также, например, раздел «Нравы и обычаи якутов» [Там же, с. 104–114].

«ИЗ САРАТОВА В РИМ»

Долгое путешествие Крейнберта начинается в Саратове и заканчивается в Риме. Главы I–II рассказывают о юности Кетова и его первых шагах на революционном поприще. В Саратове, где Крейнберт родился и «усвоил первые жизненные уроки», он принадлежал к «молодежи, приверженной самым высоким идеалам», а город в те времена был настоящей кузницей молодых интеллектуалов, и потому значился в числе «подозрительных». Сам город, студенческая среда, брожение умов — все это автор описывает с проникновенностью, не лишенной оттенка ностальгии.

В эти годы Крейнберт лихорадочно, запоем читает⁶, взрослеет и одновременно приобщается к революционной деятельности: в мемуарах перед читателем проходят кумиры его юности — от Валериана Александровича Бал-

⁵ «Русская интеллигенция была не чем иным, как особым продуктом невыносимых условий самодержавного режима. Именно по этой причине преимущественно русское понятие “интеллигенция” очень неясно представляют себе в странах Западной Европы и Америки. Там это понятие легко путают с образованностью и интеллектуальными способностями человека, а еще более поверхностным образом понимают его как умение достойно одеваться и учтиво себя вести. Разумеется, русский “интеллигент” умел носить сюртук и завязывать элегантный галстук по парижской моде, но не это давало ему право называться “интеллигентом”. Даже звание специалиста, адвоката, профессора или дипломата не означало принадлежности к “интеллигенции”. У нас быть “интеллигентом” означало быть человеком сознательным, иметь определенные суждения о мрачной окружающей действительности, осознавать свой долг по отношению к угнетенным народным массам, быть носителем правды — но правды как справедливости. В общем, это означало быть гражданином в самом лучшем, гуманистическом смысле этого слова» [БК, с. 6–7].

⁶ «Я с жадностью перечитал всех наших классиков, и мне нравились социальные романы русских и зарубежных писателей. Русские давали мне знания о жизни и будили во мне чувство любви

машева (1853–1903) до Владимира Дроздова⁷ и Екатерины Константиновны Брешко-Брешковской⁸. Воспоминания об агитационной деятельности полны деталей и подробностей, Крейнерт словно старается кропотливо и тщательно связать воедино все нити прошлого: он описывает технологию подпольной типографии, технику изготовления фальшивых паспортов, свою последнюю беседу со Степаном Балмашевым⁹. На следующий день после убийства министра внутренних дел Д.С. Сипягина Кетов был арестован — в мемуарах он подробно вспоминает арест, последний разговор с матерью, русские тюрьмы, ссылку в Сибирь (гл. III–VII). Петропавловская крепость, в которой он провел в заключении некоторое время, представляется юному Кетову могильным склепом, где сокрыты муки и страдания, перенесенные здесь свободомыслящими людьми [БК, с. 46], — от Радищева до декабристов и множества русских писателей, которые «внесли свою лепту в эту мрачную летопись и оставили неизгладимый след своего мученичества на камнях Петропавловских казематов» [Там же, с. 47]. Особенно проникновенно описывает автор, каких внутренних усилий стоило ему сохранить ясный ум и здравомыслие, просто не сойти с ума в заточении. «Я расцарапывал кожу, чтобы причинить себе боль и очнуться от невыносимых галлюцинаций, когда мне начинали мерещиться голоса и звуки» [Там же, с. 60–61].

После могильной тишины Петропавловской крепости узник провел пять дней в Доме предварительного заключения в Санкт-Петербурге. Оттуда он был отправлен в Сибирь. В воспоминаниях Кетова есть потрясающая глава, где он описывает это путешествие, тюремный вагон, пейзажи за окном («С немим восхищением все мы завороженно наблюдали пейзаж, какого не только никогда не видели, но и вообразить себе не могли» [Там же, с. 69]). Первый этап на пути Кетова — Красноярск, через который еженедельно проходит множество политических ссыльных¹⁰, затем его отправляют в Курагино — поселок настолько отдаленный, что даже самодержавный гнет здесь не слишком силен, и наконец он прибывает на место своего назначения, в город Якутск.

С середины рукописи (гл. VIII) начинается рассказ о пути Кетова назад: побег, дорога в Европу. На обратном пути он смотрит на Россию как будто из окна поезда на полном ходу и описывает увиденное стремительными, яркими мазками: здесь и духоборы, «неутомимые честные труже-

к родине и своему народу; Виктор Гюго, Эркман-Шатриан, Шпильгаген укрепляли мою веру в несокрушимость идеалов» [БК, с. 12].

⁷ Владимир Дроздов (1882–1960), известный пианист-эмигрант; о нем см.: [Гардзонио 2007].

⁸ Е.К. Брешко-Брешковская, «неуловимая для жандармов» «бабушка русской революции», мельком упоминается на страницах воспоминаний Кетова [БК, с. 16].

⁹ С.В. Балмашев (1881–1902), сын Валериана Балмашева. Здесь имеются в виду отрывки, которые частично совпадают с текстом статьи, хранящейся в архиве Гуверовского института, см.: [Гардзонио 2007].

¹⁰ Кетов описывает быт ссыльных: чтение, прогулки во дворе, вечерние посиделки, «чудесное хоровое пение». Единственным событием в этих местах было появление новой партии политических ссыльных, которые сменяли друг друга [БК, с. 71].

ники, мирные крестьяне», которые «подвергались жестоким преследованиям царского режима» [Там же, с. 129], и набившиеся в лодку шахтеры, и бивни мамонта. Подлинный герой этого произведения — сама глубинная, подлинная Россия, ее люди — ссыльные в собственной стране, эти «призраки мучеников, одушевленные безграничной любовью к родине», о которых писал Кетов во втором эпиграфе к рукописи Воспоминаний.

«СРЕДИ РУССКИХ ДИПЛОМАТОВ». РИМСКИЙ КОРРЕСПОНДЕНТ КРЕЙНЕРТ-КЕТОВ

Представленная здесь глава — бесценное свидетельство итальянского периода жизни Кетова в русской колонии в Риме. Приехав в Италию в 1908 г., Кетов не предполагал, что задержится здесь дольше, чем собирался: «Я решил провести несколько месяцев за границей, отдохнуть и навестить друзей, которые жили в Европе; побывав в Париже, Лозанне и Женеве, остальное время я собирался пробыть в Италии» [ВК, с. 129].

Таким образом, Италия стала очередным этапом его европейского путешествия, в которое Кетов отправился на следующий день после Первой общепартийной конференции социалистов-революционеров, проходившей в Лондоне 4–15 (17–28) августа 1908 г. «Я уже начал приготовления к возвращению в Россию, когда получил известие от друзей из Петербурга о том, что должен задержаться за границей на неопределенное время. Положение мое на родине могло быть для меня небезопасно. Даже паспорт, с которым я пересек финскую границу, был более недействителен, поскольку паспорта для участников Конференции получены были при содействии Азефа. В силу этих обстоятельств я тоже стал политическим эмигрантом» [Там же, с. 129].

Первое пристанище Кетова в Италии — Лигурийская ривьера, откуда он вскоре перебирается в Рим. Здесь он пытается заработать на жизнь журналистским трудом и вскоре становится корреспондентом «Вестника финансов» и «Торгово-промышленной газеты», а с 1911 г. — корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства (см. ниже). Именно в качестве корреспондента он сумел наладить тесные связи с посольскими чиновниками; пестрой вереницей ярких портретов проходят эти персонажи в представленной здесь главе, где Кетов подробно описывает всю противоречивость своей нелегкой ситуации, которая требовала от него непростого компромисса: с одной стороны, он должен работать среди тех, кому он всегда упорно противостоял, а с другой — он может использовать свое особое положение для контактов с официальными лицами в качестве посредника. Сотрудничая с разными изданиями (в том числе с газетами «Il giornale d'Italia», «Il Messaggero»), с итальянскими и иностранными коллегами, Кетов сумел войти в итальянскую журналистскую среду. В 1912 г. он стал одним из четырнадцати журналистов, завсегдаев кафе «Faraglia», создавших ассоциацию зарубежной прессы в Италии. С 1910 г., продолжая журналистскую деятельность, Кетов начинает работать еще

и секретарем писателя и журналиста М.К. Первухина, с которым у него складываются не слишком душевные отношения, как можно судить по нелестному отзыву последнего (см.: [Гардзонио 2007]).

В Риме Кетов принимает активное участие в жизни местной русской общины, особенно сблизившись с теми, кто работает для Русской читальни им. Н.В. Гоголя на виа делле Колонnette. В 1912 г. он входит в число членов Комитета читальни¹¹ вместе с Н.В. Поггенполем, Н.И. Боком, А.Н. Мясоедовым. В 1917 г. Кетов занимает пост директора библиотеки и по согласованию с председателем Н.И. Боком принимает решение о проведении серьезных ремонтных работ в ее помещениях, о чем затем составляет «Отчет по ремонту читальни имени Н.В. Гоголя». Под руководством Кетова библиотека работает особенно активно: в 1917 г., как свидетельствует годовой бюджет Комитета, несмотря на войну и экономические трудности, читальня процветает и становится «естественным центром всех русских Рима, тем клочком России, куда сходятся для взаимного общения все оторванные от родины русские»¹².

В том же 1917 г. Кетов выступает одним из основателей Бюро русской печати, которое находится в доме № 66 по виа дуэ Мачелли¹³. Он руководит бюро вместе с Всеволодом Шебедевым¹⁴ и Марком Шефтелем¹⁵. Это годы напряженной работы, когда активизировалась деятельность русской общины в Риме, сильно разросшейся сразу после революции. В это время здесь начал выходить журнал под символическим названием «Итальянско-русский наставник» («*Monitore italo-russo*»), который объявил своей задачей наведение мостов между Россией и Италией, но просуществовал недолго; в это же время некоторые русские эмигранты, в первую очередь настроенные против большевиков социалисты, предпринимают попытки создать в Италии независимые печатные издания («*La Russia*» и «*La Russia Nuova*»), с которыми Кетов сотрудничает [Гардзонио 2007]. Если итальянские интеллектуалы проявляют интерес к эмигрантам, которых становится все больше, то власти нередко относятся к ним отчужденно и с недоверием. В 1919 г. именно Кетов, арестованный вместе с Карлом Качоровским и Борисом Яковенко, оказался в центре громкого дела, обстоятельства которого обсуждались даже в парламенте. Известный археолог, публицист и общественный

¹¹ Biblioteca Nazionale Centrale. Roma. A.R.C. 35.I.78.

¹² Idem. A.R.C. 35.I.90/1 [Гардзонио, Сульпассо 2011, с. 331–332].

¹³ Агентство издавало «Ежедневный информационный бюллетень» («*Bollettino quotidiano di informazioni*») под редакцией самого Крейнepта [Accattoli 2013, p. 287].

¹⁴ Всеволод Дмитриевич Шебедев [Христиан] (1880–?), журналист, с 1922 г. Шебедев был сотрудником научного журнала «*L'Euroa Orientale*», где и печатал статьи о белорусской литературе и о Литве, в 1922 г. он преподавал в Генуе в Королевском Высшем институте коммерческих наук; о нем см.: Гардзонио С. Шебедев Всеволод Дмитриевич // Русские в Италии: Словарь (<http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=36>).

¹⁵ Марк Соломонович Шефтель (1889–?), журналист, революционер, в 1912 г. эмигрировал во Францию, затем — в 1914-м — в Италию, где и оставался до 1924 г., когда вернулся в СССР.

деятель Умберто Дзанотти-Бьянко (Zanotti Bianco; 1889–1963), имевший обширные связи среди русских эмигрантов в Италии, через несколько месяцев после этого ареста выступил на страницах газеты «L'Unità» с резкой статьей под заголовком «Полицейские подвиги»: «За последнее время уже три или четыре раза итальянская полиция арестовывала проживающих в Италии русских подданных, не представив пострадавшим никаких оснований для ареста. <...> Журналист Кетов препровожден в квестуру вместе с женой и двумя малолетними детьми. Жена возмущается. Полицейские, не выбирая выражений, дают ей понять, что это “они тут власть”».

Вечером все русские, которым повезло попасть в облаву, отпущены. Всего лишь записка от депутата — и все улажено. “И нечего скандалить, — ухмыляется крупный полицейский чин. — Клемансо скинули, ясно вам?” Поучительная история для всех нас с нашим чувством итальянского национального достоинства!» [Zanotti Bianco 1920, p. 24].

Резкую критику Умберто Дзанотти-Бьянко поддержал Гаэтано Сальвинини (Salvemini 1873–1957), внесший на заседании парламента 23 марта 1920 г. на рассмотрение парламентский запрос с требованием представить разъяснения по поводу тех принципов, которыми руководствуется государственная полиция в связи с высылкой российских граждан из Италии¹⁶. На запрос ответил заместитель министра внутренних дел Джузеппе Грасси (Grassi; 1883–1950), который на заседании Палаты депутатов 5 мая заявил: «Мероприятия [по высылке иностранных граждан] входят в компетенцию любого правительства, и именно Италия применяет их более чем умеренно. <...> Если же заинтересованные лица желают прояснить свое положение, они имеют убедительные доказательства, что — как в случае с Качоровским [?], так и в случае с Яковенко и Кетовым, — правительство не возражает против их постоянного пребывания, хотя последний должен признать, что его настоящее имя — Джовани Крейнерт и что он долгое время проживал в Италии под вымышленным именем, этого обстоятельства в любом другом государстве было бы более чем достаточно, чтобы выслать такого не заслуживающего доверия иностранца, не желающего законным образом сообщить о себе достоверные данные»¹⁷.

Несмотря на сложную политическую обстановку, Кетов не уезжает из Италии. Даже в 1920-е гг., когда из-за ухудшения экономического положения русская колония в Риме становится все малочисленнее. Он продолжает сотрудничать с различными периодическими изданиями (в 1930-е гг. пишет для «Il giornale d'Italia»). В 1934 г. обращается за помощью к правительству; в эти годы он живет в Кастелли-Романи. Следы его теряются даже в материалах Читальни имени Н.В. Гоголя.

Кетов умер в 1948 г. В лаконичном некрологе, опубликованном на страницах «Русской мысли», он назван просто «корреспондентом теле-

¹⁶ Atti parlamentari. Camera dei Deputati (далее — APCD), 23 марта 1920.

¹⁷ APCD. 5 мая 1920.

графного агентства до 1917 г.» (Русская мысль. 1948. 19 марта. № 49. С. 3), и только теперь, обретя мемуары Кетова — богатейший исторический источник и человеческий документ, — мы можем восстановить подлинный, живой портрет этой многогранной личности.

Литература

- Абызов и др. 1997 — *Абызов Ю., Равдин В., Флейшман Л.* Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. II: Сквозь кризис. Stanford, 1997.
- Гардзонио 2007 — *Гардзонио С.* Константин Кетов, русский революционер и корреспондент в Риме // *Toronto Slavic Quarterly* 21 (<http://www.toronto.ca/tsq/21/gardzonio21.shtml>).
- Гардзонио, Сульпассо 2011 — *Гардзонио С., Сульпассо Б.* Осколки русской Италии: Исследования и материалы. Кн. I. М.: Русский путь, 2011.
- Гасперович и др. 1999 — *Гасперович В., Катин-Ярцев М.Ю., Талалай М.Г., Шумков А.А.* Тестаччо: Некатолическое кладбище для иностранцев в Риме. СПб.: ВИРД, 1999.
- Кострикова 1997 — *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне Первой мировой войны. 1907–1914. М.: Рос. акад. наук. Ин-т рос. истории, 1997.
- Милюков 2000 — П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат: Мат-лы междунар. науч. конф. Москва, 26–27 мая 1999 г. / Рос. независимый ин-т соц. и нац. проблем; Рос. акад. естеств. наук. М.: РОССПЭН, 2000.
- Миронова 2006 — *Миронова Е.М.* Русское посольство в Италии. Роль и формирование дипломатической системы антибольшевистского движения. Участие в жизни русской колонии // *Русские в Италии. Культурное наследие эмиграции.* М.: Русский путь, 2006. С. 13–43.
- Миронова 2013 — *Миронова Е.М.* Дипломатия русской эмиграции в Италии (1919–1924) // *Россия и Италия. Русская эмиграция в Италии в XX веке.* М.: Наука, 2013. С. 73–84.
- Мнухин и др. 2008 — *Мнухин Л., Авриль М., Лосская В.* Гулькевич Константин Николаевич // *Российское зарубежье во Франции 1919–2000.* М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008.
- Accattoli 2013 — *Accattoli A.* Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del ministero degli esteri italiano. Salerno, 2013.
- AP.CD. 23 марта 1920 — *Atti parlamentari.* Camera dei Deputati. Legislatura XXV. 1 sessione. Discussioni. Tornata del 23 marzo 1920.
- AP.CD. 5 мая 1920 — *Atti parlamentari.* Camera dei Deputati. Legislatura XXV. 1 sessione. AP. CD. Discussioni. Tornata 5 maggio 1920. P. 1923.
- Contorbia 2007 — *Contorbia F.* Giornalismo italiano. Vol. I. 1860–1901. Milano: Arnoldo Mondadori Editore, 2007.
- Ketoff 1917 — *Ketoff C.* La rivoluzione russa // *Nuova Antologia di lettere, scienze ed arti.* Marzo — aprile 1917. P. 441.
- Pecorari 2007 — *Pecorari P.* Luzzatti Luigi «Dizionario Biografico degli Italiani». Vol. 66. Roma: Istituto dell'Enciclopedia Italiana, 2007.
- Venturi 1979 — *Venturi A.* Rivoluzionari russi in Italia, 1917–1921. Milano: Feltrinelli Editore, 1979.
- Zanotti Bianco 1920 — *Zanotti Bianco U.* Fasti polizieschi // *L'Unità. Problemi della vita italiana.* (IX). 29 janvarja — 5 fevralja 1920 g. № 5–6. P. 24.

НЕНУЖНЫЙ ЦАРИЗМУ ДИПЛОМАТ

Приняв предложение Петербургского телеграфного агентства, я должен был первым делом отправиться в российское посольство в Риме, к которому до тех пор не имел никакого касательства. Посольство приютилось почти на окраине города и всячески старалось никак не обнаруживать своего присутствия на горизонте римской политической жизни. Весьма недвусмысленный прием, оказанный итальянцами Николаю II в 1903 году, когда царь всероссийский предпринял путешествие в Италию и вынужден был вернуться домой, еще не успев пересечь границу; скандальные обстоятельства смерти русского посла Муравьева¹ в отдельном кабинете фешенебельного отеля — того самого прокурора Петербурга, который в качестве судебного обвинителя впервые отправил на виселицу девушку, Софью Перовскую²; разоблачения по делу Азефа — после всего этого новый посол князь Долгорукий³, вельможа опытный и искушенный, вел в Риме уединенную жизнь, демонстрируя, что удручен постыдной репутацией России и утомлен светской жизнью.

Мы, эмигранты, не желали иметь никаких отношений с посольством, а оно в свою очередь не проявляло к нам никакого интереса. Поэтому, впервые переступив порог нашего посольства как корреспондент Петербургского агентства⁴, я размышлял: «Если они знают, что я политический эмигрант, смогу ли я вернуться свободным на итальянскую территорию?»

Мои дурные предчувствия не оправдались: первый секретарь посольства К.Н. Гулькевич⁵ принял меня очень любезно. Князь Долгорукий в то время перестал поддерживать официальные связи и прекратил даже визиты во дворец Консульта, он ждал только отзыва на родину, поскольку был болен. Советник посольства барон Корф⁶ по своей очевидной неспособности был не в состоянии заменить старого князя, так что со всеми делами сноровисто управлялся первый секретарь, человек еще сравнительно молодой, который, как я узнал впоследствии, пользовался неограниченным доверием Долгорукого и немалым уважением в итальянском Министерстве иностранных дел. Мы начали беседовать. К большому моему удивлению, Гулькевич оказался весьма просвещенным и образованным господином, имел интерес к литературе и к жизни русского народа. Хозяин мой также не ожидал, что корреспондент официального Агентства окажется способен высказать собственное мнение по многим жизненно важным для России вопросам. Мы понравились друг другу, и уже во время той самой первой встречи возникла основа для взаимной симпатии, которая вскоре переросла в искреннюю дружбу.

Гулькевич, страдавший тяжелой формой туберкулеза, жил уединенно, тяготясь официальными визитами пустых и спесивых представителей русской колонии. Но его истинная натура, открытая и общительная, требовала искренних содержательных бесед, и наши встречи не замедлили стать взаимно необходимы нам обоим. Едва ли не каждый день я наведывался в его маленькую квартиру на верхнем этаже посольства. В сумерках, не зажигая света, мы подолгу беседовали на самые разные темы.

Сознание собственного нелегального положения, не оставлявшее меня во время первых визитов в посольство, вскоре перестало тревожить. Но всякий раз, приходя по приглашению на официальные приемы как представитель Телеграфного агентства, я вспоминал об этом снова; мне было не по себе со всеми этими русскими чиновниками в богато расшитых золотом мундирах, с их пустыми, непривлекательными женами. Отлично сидевший фрак не выдавал меня, как уже однажды не выдали лохмотья сибирского бродяги, не вызвав никаких подозрений у подвыпивших искателей золота. Но компания русских дипломатов была мне настолько чужда, что освоиться среди них никак не удавалось. Я лишь изучал их, как некие редкие экспонаты в музее, держался особняком и сводил всякий личный разговор к последним событиям европейской политики. Все считали меня педантом, который занят только своими профессиональными делами. С Гулькевичем меня сближала не только свобода его суждений о русской жизни, но и его привязанность и любовь к Италии. Он искренне любил эту страну и живо интересовался ее историей и современной жизнью, что решительно отличало его от остальных русских дипломатов царского режима, которые не желали, а часто просто и не способны были разобраться в обычной парламентской обстановке, сложившейся из различных партийных влияний.

Итало-турецкая война⁷ побудила Гулькевича обратиться к итальянской политической жизни; он охотно сводил знакомства с итальянскими политиками и журналистами и в особенности интересовался националистическим движением, которое тогда только зарождалось и основано было на устремлениях ирредентизма.

Подъем национализма в Италии все чаще возвращал нас к обсуждению проблем нашей родины. Гулькевич, который считал укрепление национальной идеи благотворным для жизни итальянского народа, был разочарован тем, что лучшие наши студенты совершенно не интересовались вопросами внешней политики. Образ его мыслей, сближавший Гулькевича с нашими конституционными демократами, хоть и поднимал его над той средой, в которой он родился, жил и работал, но все же пока не позволял ему прийти к тем умозаклучениям по российским проблемам, к которым пришли мы.

Насколько возможно было, не обнаруживая своих революционных взглядов, я пытался объяснить другу явление, ему непонятное.

«Дорогой Константин Николаевич, — говорил я ему, — именно передовая часть общества, а в особенности наиболее сознательная часть молодежи, всегда и во всех странах выдвигает глашатаев, которые формулируют идеалы своего времени и своего народа. Ввиду этого, мне кажется, нет никакой разницы между ита-

льянской молодежью и нашей; и та и другая живет идеалами своего времени. Разница только в сути этих идеалов, а суть определяется комплексом обстоятельств, среди которых не последнюю роль играют внутриполитические условия жизни страны. Я как небезучастный наблюдатель не могу не отметить тот факт, что политические режимы Италии и России совершенно различны. Италия — страна, имеющая развитую конституцию, которая гарантирована не только подписью монарха, но и самим положением вещей. Здесь политические свободы введены давно, и вследствие этого вся молодежь уже вполне освоила самую начальную ступень идеализма. Таким образом, в сознании итальянской молодежи освободилось место для иных идеалов, а поскольку миссия объединения Италии, начатая героями Рисорджименто, еще не выполнена, мы наблюдаем тягу молодежи к ирредентизму и национальной идее.

Представьте себе на мгновенье, что политические свободы здесь надо было бы еще завоевывать, и вы поймете, что в этом случае тут не было места ирредентизму и что история и ход развития этой страны были бы совсем иными. Россия находится в особых условиях. Даже имея Думу, мы едва подошли к эпохе Генеральных штатов, и потому в отношении политическом мы отстаем на целый век. Самый начальный этап идеализма у нас еще далеко не пройден, и помыслы нашей молодежи заняты не вопросами внешней политики, а идеалами совсем иного рода. И мне кажется, наши молодые люди правы, что не желают интересоваться ни национальными вопросами, ни внешней политикой, оставляя эти проблемы до тех времен, когда казаки не будут сечь их нагайками, а черным бандам не позволено будет убивать представителей нашей интеллигенции. Из-за этого многие русские полагают, что нашей молодежи не хватает патриотизма, но такое утверждение исходит из ошибочного понимания данного термина. В один прекрасный день, когда условия жизни в России изменятся, тогда и наша молодежь, возможно, устремится к другим идеалам и, может быть, увлечется идеями национализма. Для того чтобы это произошло, нужно, чтобы грядущие события нашей истории принесли полное воплощение нынешних идеалов. Только тогда наша молодежь, подобно молодежи итальянской, осуществив свои самые основные идеалы, сможет увлечься новыми идеями».

Гулькевич начинал понимать меня, и мои объяснения, при всей их туманности, достигали его сознания. Опустив голову, он впадал в задумчивость. Для русских не время еще мечтать о национализме в своем отечестве!

Кажется, тем же вечером, когда состоялась эта наша беседа, Гулькевич сообщил мне, что получил из Петербурга известие о переводе его в Константинополь в чине советника посольства⁸.

Можете себе представить, как огорчила меня близкая разлука: Гулькевич составлял единственное счастливое исключение из всей массы скудоумных и реакционных чиновников.

В порыве откровенности я поделился с ним невеселыми мыслями, что меня одолевали, и пожелал ему поскорее вернуться в Рим в качестве посла. Ему тоже нелегко было оставить любимую Италию, ведь здесь его уважали, и климат ему подходил. Но с грустью покачив головой, он сказал:

— Мне кажется, вы были правы, говоря о российской реальности; однако вы ошибаетесь насчет моей карьеры. Поверьте, я никогда не смогу вернуться в Рим. Люди вроде меня тоже могли бы быть полезны для отечества, но их время еще пришло. Сейчас пока время таких, как будущий посол в Риме — Крупенский⁹. Вы познакомитесь с ним. Его назначение уже подписано в Петербурге.

К тому времени в посольстве оставался один Гулькевич, который управлял всем как поверенный в делах: князь Долгорукий и советник Корф были уже отозваны на родину. Все сотрудники посольства менялись, за исключением группы обычных атташе. Гулькевич покидал посольство последним. Известие о его переводе было воспринято с искренним сожалением всеми, кто его знал. Во дворце Консульты просто оплакивали отъезд этого русского дипломата. В нарушение всех традиций Гулькевичу была пожалована высокая награда — орден Святых Маврикия и Лазаря.

За несколько дней до отъезда он вернулся из дворца Консульты сияющий и взволнованный и рассказал, что в качестве прощального дара ему было обещано исполнить любую его личную просьбу.

— Нет ли у вас какой просьбы? Я хочу что-нибудь сделать для вас в память о нашей дружбе. О чем вы хотели бы попросить?

Я обнял его с благодарностью за такое щедрое предложение и ответил:

— Если можно, попросите отменить постановление о высылке Рысса.

— Для себя вы не просите ничего?

— Ничего другого. Это уже много.

П. Рысс¹⁰, корреспондент газеты «Речь», — человек, искренне преданный Италии, несколько месяцев назад был выслан из страны за критические статьи о Джолитти¹¹.

Два дня спустя, представляя меня в самых сердечных и лестных выражениях новому советнику посольства Поггенполю¹², Гулькевич сообщил мне, что просьба исполнена: постановление, которое навсегда закрывало границы Италии для моего коллеги Рысса, было аннулировано.

Я простился с Гулькевичем как с самым дорогим другом. Я сохранил о нем теплейшие воспоминания и считаю его единственным русским дипломатом, который был бы способен достойно и наиболее успешно представлять свободную Россию.

ПОСОЛ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА

Сразу же после отъезда Гулькевича прибыл в Рим новый посол России А.Н. Крупенский. Он появился в столице не впервые. Многие знали его как прежнего советника нашего посольства и рассказывали о нем немало забавных историй, не имевших отношения ни к каким дипломатическим интригам, но не лишенных некоторой пикантности. В пору первого своего пребывания в Риме он был широко известен среди тогдашних записных кутил; его вспоминали даже возницы ночных экипажей.

Через два дня после его приезда мне позвонил советник посольства Поггенполь и передал приглашение Крупенского навестить его вечером. Я явился в на-

значенное время и был немедленно проведен в его кабинет. Передо мной был человек средних лет, но довольно немощного вида. Он выглядел типичным представителем русского поместного дворянства, был несколько глуховат, поэтому привык кричать, чтобы побудить собеседника тоже говорить громко. Плечи у него были немного вздернуты и развернуты вперед совершенно особым образом, он все время поводил плечами влево и вправо, семена торопливыми шагами, так что седой длинноносый Крупенский напоминал большую ночную птицу.

— Очень рад познакомиться с вами, — начал он, с силой пожимая мне руку на русский манер. — Я много слышал о вас от Поггенполя. Знаю, что вы были большим другом нашего прежнего секретаря и пользовались полным его доверием. Прекрасный журналист, отменный корреспондент... Очень приятно!.. Я очень люблю искреннюю дружбу, а она невозможна без доверия... Вы, возможно, слышали обо мне здесь в Риме?.. Многие меня знают... Ах, некоторые старые знакомства, конечно, уже не восстановить. Я вернулся в Рим в качестве посла его императорского величества, и, как известно... положение обязывает.

Крупенский просто обстреливал меня этой словесной картечью, беспрестанно вертеться и ерзать в своем кресле. Он задавал вопросы и, не дожидаясь ответа или почти не слушая его, продолжал свою речь, перескакивая с одного на другое без всякой связи.

Наконец он добрался до политической темы. Посол осведомился о моих впечатлениях по поводу итало-турецкой кампании. Похоже, он готов был меня выслушать.

Я рассказал о своих беседах с министром торговли и сельского хозяйства Нитти¹³, с Лудзати¹⁴, с Лория¹⁵ и другими по поводу надежд, возлагаемых итальянцами на Триполитанию¹⁶, оккупация которой должна была бы помочь в решении многих социально-экономических проблем, таких как эмиграция, размещение свободных капиталов и т. д. Я говорил также о тягостном впечатлении, которое произвела в стране враждебная позиция Австрии и ее вмешательство в военные действия, о непопулярности Тройственного союза и, наконец, о возрождении национализма.

— Полноте, — нетерпеливо прервал меня Крупенский, — это все вздор. У нас тоже кое-кто развлекается подобной болтовней, желая поделить Европу на новые воображаемые союзы и объединения и стереть с карты старое устройство мира. Поверьте, итальянцы останутся надежными и верными союзниками Австрии и Германии. Это необходимо для равновесия сил в Европе, и это в интересах самой Италии.

— Не знаю. Однако когда на карту поставлены подлинные интересы, как в этой войне, Италия, мне кажется, вызывает у своих союзников только недовольство, — попытался возразить я.

— Вот! Вот оно, влияние Гулькевича... В дипломатических делах молодость — худший советчик. Мы, старики, смотрим глубже, в самый корень. У нас твердые и крепкие убеждения, и, руководствуясь ими, мы никогда не ошибаемся. Вы судите по выступлениям студентов перед палаццо Киджи¹⁷, но они случались и в те времена, когда я был советником посольства. Для нас они не значат ровным счетом

ничего. Мы знаем, что внешнюю политику вершит не толпа на площади, толпу легко разгонит эскадрон казаков, а вершат ее в министерских кабинетах, ее вершат Сан-Джулиано и Эренталь. Но мы еще будем иметь случай вернуться к этой теме. А пока скажите-ка лучше, вы что-нибудь понимаете в технике?

Вопрос был неожиданный, и я удивился. Справившись с изумлением, я ответил, что немного разбираюсь.

— Очень хорошо. Это необыкновенно удачно! — И, развернув лежавший на столе лист ватманской бумаги, он протянул его мне.

— Взгляните, я покупаю автомобиль. Вы любите автомобили?

Это был рисунок обычного лимузина, сделанный умело, но не детально, и меня поразила полная его бесполезность. Такой рисунок от руки можно было спокойно заменить любой другой картинкой из фабричного каталога.

— Прошу прощения, но в автомобилях я совершенно ничего не понимаю. Впрочем, судя по рисунку, автомобиль очень красив.

— Это неважно. Я уже выслушал мнение специалистов по этой части.

Решив, что отнял достаточно драгоценного времени у этого великого государственного деятеля, я встал, чтобы откланяться.

— Хорошо. Хочу сказать, что вы всегда сможете обратиться к советнику Поггенполю за разъяснениями и информацией, когда понадобится. Однако я бы предпочел беседовать с вами лично... Я высоко ценю мнение прессы и считаю, что наши с вами регулярные встречи не только полезны, но, более того, необходимы. Вы поможете мне сориентироваться в журналистике и разобраться в римских журналистах. В любом случае, двери моего кабинета для вас будут всегда открыты.

Я был наконец свободен. Но беседа эта оставила у меня впечатление какой-то ненормальности. Пустые и бессвязные реплики Крупенского еще звенели у меня в ушах, пока я спускался по лестнице, покрытой мягким красным ковром. Было в этом человеке что-то жалкое и убогое, что-то неуместное, чем он упорно напоминал большую ночную птицу. Его речи выдавали недалекий ум и посредственность, не соответствующие уровню занимаемого поста, он бесконечно повторял примитивные анахронизмы и заученно, как механическая шарманка, твердил дипломатические штампы, так что посол одной из величайших мировых держав выглядел просто паяцем.

С бесконечной болью думал я о России, о том, как богата она гениями, и уж во всяком случае — людьми умными и образованными, и в каком ничтожестве пребывает, до какого позора и бесчестья дошла она, если не может даже быть достойно представлена за границей.

Впервые я ощутил стыд за свою родину, где преследованиям и гонениям подвергается все, что ни есть живого и умного, а абсолютизм экспортирует за рубеж людей, подобных Крупенскому, как лучший образец великого ума и культуры. Я понимал, что Россия, по существу, не имеет истинного представителя, а Крупенский — лишь императорский посланник, но даже это соображение не могло смягчить мою горечь. Мне казалось, что все, кто станет смеяться над позором, будут издеваться и над Россией. Лишь гораздо позже я научился делать различие между

представителями российского деспотизма и представителями самой страны и ее народа. Я научился даже горько смеяться над тем, какая нелепая происходит подмена, когда посланцы угнетателей России с бездумной легкостью воспринимаются за границей как истинные представители нашей родины. Виноваты в этом недоразумении были, конечно, не русские, а те, кто не видел разницы между самим народом и шайкой ее палачей, стоящих у власти.

С приездом Крупенского связан один забавный трагикомический эпизод. Берлинская газета «Deutsche Tageszeitung» посвятила передовицу назначению нового русского посла в Риме; не лишенная остроумия и язвительности, статья эта грешила определенными неточностями и в некоторых отношениях была просто лживой. Когда меня стали осаждать итальянские журналисты, желавшие узнать мое мнение, я, будучи, к сожалению, согласен со многими утверждениями автора статьи, охотно дал разъяснения, опровергнув то, что можно было опровергнуть.

На следующий день «Corriere d'Italia» опубликовала заметку с моим комментарием¹⁸, которая, как я потом узнал, была написана одним из тех журналистов, что были на нашей встрече. Вечером, когда я работал у себя в профсоюзе корреспондентов, ко мне явился корреспондент «Deutsche Tageszeitung» синьор Пфлаум¹⁹ и, указывая пальцем на номер «Corriere d'Italia» с заметкой, не слишком любезно спросил:

— Вы напечатали эту статью?

Я односложно ответил:

— Нет.

Несмотря на мой корректный и дружелюбный тон, Пфлаум добавил:

— Тогда вы лжец!

Наш короткий диалог слышали другие журналисты, находившиеся рядом, и, не видя иного способа разрешить конфликт, я попросил немецкого журналиста повторить свое обвинение. Пфлаум повторил. Мне не оставалось ничего другого, как дать ему пощечину. Что я и сделал. Дуэли были мне отвратительны, но, получив вызов, я был вынужден выбрать себе секундантов, они же, отклонив по политическим мотивам корреспондента венской «Neue Freie Presse», которого выбрал своим представителем мой противник, устроили шумный журналистский скандал, продолжавшийся около двух недель. Дуэль состоялась, стрелялись на пистолетах. Пфлаум промахнулся. Я отказался от выстрела и, несмотря на протесты секундантов противника, настоял на своем решении. Кто из присутствующих мог вообразить, что я отлично стреляю, что в прошлом обучал стрельбе членов петербургских революционных отрядов! У меня не было никаких оснований убивать Пфлаума, и инсценировать промах я тоже не хотел.

История с дуэлью имела неожиданные последствия. Бедняга Крупенский, будучи человеком простодушным, вообразил, что я сражался, защищая честь посла России, а я не мог решительно отрицать это, не нанеся ему оскорбления. С тех пор каждому встречному он представлял меня следующим образом:

— Разрешите вам представить господина Кетова. Это журналист, который сражался за мою честь.

Эта воображаемая защита чести посла имела еще одно следствие. В довершение всего Крупенский стал питать ко мне особую симпатию и почти безграничное доверие. Имея характер вспыльчивый и несдержанный, он иногда в приступе бешенства обрушивался на всех сотрудников посольства, со мной же, напротив, был всегда кроток и сердечен, прислушивался ко мне и следовал всем моим советам.

Конечно, к доверительности по отношению ко мне этого человека толкали бесстыдные козни его сотрудников, которые, угождая и льстя ему, радовались каждой его оплошности и только ждали его провала. К сожалению, в невежестве своем они забывали о том, что каждый промах начальника наносит ущерб престижу их страны. Но о престиже России эти господа думали меньше всего. Таким образом, сам того не желая, я вынужден был во многих ситуациях выступать невольным советником одного из самых ничтожных послов, какого самодержавие когда-либо присылало в Италию.

К числу бесчисленных слабостей Крупенского относилось его пристрастие к разглагольствованиям на встречах с журналистами, где он строил из себя великого государственного деятеля. Он просто обожал давать интервью: недели не проходило, чтобы в римских газетах не появлялся отчет об очередной беседе с послом России на самые разные темы и по любому поводу. Получить у него интервью было настолько просто, что в конце концов они перестали вызывать какой бы то ни было интерес публики и потому утратили всякое значение для прессы.

Один из самых серьезных и уважаемых в Риме журналистов, старый корреспондент «Gazzetta di Venezia» Белькреди²⁰ попросил меня устроить ему встречу с Крупенским, сообщив тому заранее тему разговора: Белькреди интересовало положение Сербии на Адриатике. На следующий день во время визита к Крупенскому я передал ему просьбу итальянского коллеги, объяснив, что Белькреди хотел бы получить не просто интервью с обычными, ничего не значащими заявлениями, а исчерпывающее изложение российской позиции по данному вопросу. Я добавил, что Белькреди — в высшей степени честный журналист и с ним можно не опасаться за точность изложения всего сказанного.

На следующий вечер Белькреди дал мне прочесть текст интервью. После обычного вступления и традиционных общих фраз о дружеском отношении России к славянским народам Балканского полуострова, и в особенности к сербам, в интервью говорилось о выходе сербов к Адриатическому морю.

— Мы считаем выход Сербии к Адриатическому морю совершенно необходимым и будем поддерживать его всеми средствами, рассматривая это как законное устремление. Выделение для этого порта Сан-Джованни-ди-Медуа наилучшим образом отвечало бы решению данной проблемы.

— Но, ваше превосходительство, что, если благие намерения России натолкнутся на упорное сопротивление со стороны Австрии? — спросил журналист.

— Тогда... мы прибегнем к оружию!

Я не верил своим глазам. Российский посол в интервью венецианской газетке объявлял войну Австрии!

Разумеется, это была не просто оговорка, а невероятная глупость, которая могла вызвать грандиозный скандал или даже большие дипломатические осложнения.

Что я мог сделать? Необходимо было поговорить с Белькреди и попросить его заменить неудачное выражение. Однако он ушел, и я мог его повидать только во время сеанса телефонной связи. Я позвонил Крупенскому — того не было на месте. С огромным трудом мне удалось узнать, что посол находится на приеме у княгини Барятинской²¹. Я позвонил туда, и он подошел к аппарату.

Держа в руках рукопись Белькреди, я зачитал ему опасный отрывок и спросил, верно ли записаны его слова.

— Совершенно верно! — ответил он, еще не понимая серьезности своего заявления.

— Но, Анатолий Николаевич, это же объявление войны Австрии! — с бешенством прокричал я в трубку. — Ваше интервью может привести к серьезным неприятностям!

— Повторите еще раз эту фразу, — услышал я на другом конце провода голос посла, который звучал уже менее уверенно.

— «Тогда мы прибегнем к оружию!» Уверю вас, эта фраза неприемлема.

— Постарайтесь сами как-то переделать ее, внесите уместные изменения...

— Я не могу самовольно изменить текст рукописи Белькреди по своему усмотрению. Я должен попросить его об этом от вашего имени.

— Вот так и сделайте. Скажите ему, что я прошу заменить фразу на такую, какую вы сочтете более подходящей.

У меня произошел малоприятный разговор с Белькреди. Он имел полное право передать в свою газету интервью в том виде, как дал его Крупенский. Он также добавил, что сам был поражен этим заявлением и спросил у посла, может ли он напечатать все как есть, на что получил утвердительный ответ.

— Ваш посол — он что, издевается надо мной или глуп до такой степени, что только через десять часов после интервью может сообразить, что он сказал? — со справедливым раздражением говорил старый журналист.

Так или иначе, не без труда, но злополучную фразу все-таки убрали. Мое вмешательство во имя сохранения мира привело к охлаждению отношений с Белькреди — охлаждению, причиной которого стала исключительно неопишуемая глупость посла его императорского величества!

Пока был жив министр иностранных дел маркиз ди Сан-Джулиано²², последствия промахов Крупенского могли быть как-то улажены благодаря доброте старого итальянского дипломата. Тонкий и деликатный маркиз терпел его выходки, как кару божью, и по-христиански прощал. Однако все переменилось для русского дипломата, когда иностранными делами в правительстве стал заведовать хладнокровный и немногословный Соннино²³.

Его раздражали велеречивая болтливость Крупенского, его манера кричать и полное отсутствие такта. Поначалу царский посол был обескуражен непочтительностью Соннино, а потом нашел в нем множество недостатков, кои отнес за счет его еврейского происхождения, и на этом успокоился.

Но если этот дипломат был не на своем месте в мирное время, то было просто нелепостью или хуже того — преступлением оставить его на этом посту, когда вспыхнул европейский пожар, когда миссия дипломатов Антанты стала одной из

самых сложных именно в нейтральной Италии, где она требовала неимоверных усилий, огромного ума, величайшего искусства и такта, чтобы нейтрализовать влияние опытейших представителей Центральных держав и постараться склонить Италию к вступлению в конфликт на стороне противников этих стран.

Неизвестно, по каким причинам — возможно, по бюрократическому недосмотру или под влиянием двора, — но это абсурдное решение было принято, и Крупенский остался послом в Риме также в военный период. Именно в это время, которое требовало принятия самых ответственных решений, сложилась репутация Крупенского, и он стал всеобщим посмешищем.

Первая серьезная инициатива, умело предпринятая Сазоновым²⁴ для вовлечения Италии в серьезный дипломатический конфликт с Центральными державами, была непоправимо испорчена Крупенским, чем нанесен был ущерб России, как ни старалась она затронуть чувствительную струну итальянского национального сознания.

Предложение российского правительства выдать Италии граждан приграничных территорий, захваченных в плен на австрийском фронте, было представлено Крупенским министру Соннино в такой бестактной форме, что тот вынужден был отказаться от «дружеского и гуманитарного» дара России и в крайнем раздражении прекратил обсуждение.

Крупенский был сконфужен и обеспокоился. На следующий день после своего визита в парламент он показал мне телеграмму, в которой российский министр иностранных дел поручал ему сделать это предложение и просил предпринять все меры, чтобы данный шаг российского правительства получил сколь возможно широкий резонанс. Крупенский же кратко передал Соннино текст телеграммы и никак не мог понять, почему ему был оказан такой прием!

Непонимание собственной роли и полнейшая бестактность Крупенского проявлялись на каждом шагу. В 1915 году, когда в Италию привезли прах Санте Гарибальди²⁵, павшего в Аргонском лесу, по этому случаю были устроены торжественные похороны племянника героя, которые должны были стать грандиозной демонстрацией под лозунгом вступления Италии в войну. Гроб, покрытый венками с патриотическими надписями, сопровождала несметная толпа. В похоронной церемонии участвовали послы и официальные лица стран Антанты. Не было только российского посла, и его отсутствие не могло остаться незамеченным. Разумеется, все задавались вопросом, в чем причина, об этом написали даже вечерние газеты. Необходимо было каким-то образом уладить последствия очередной ошибки российского дипломата.

На следующее утро я уже был у Крупенского. Рассказал ему, насколько неблагоприятное впечатление произвело его отсутствие на похоронах Санте, и объяснил, что совершенно необходимо дать обеспокоенной общественности удовлетворительное объяснение.

— А что я должен сделать? Скажите мне вы. Я и подумать не мог, чем может обернуться мое отсутствие, — встревожился Крупенский.

— Вы должны нанести визит отцу павшего героя, генералу Ричотти Гарибальди²⁶, выразить свои соболезнования и, пользуясь случаем, объяснить свое неволь-

ное отсутствие на похоронах его сына каким-нибудь недомоганием. Тогда можно будет разослать в газеты соответствующее сообщение.

— Но боже мой! Я не могу сейчас пойти к Гарибальди. Видите ли, я собираюсь в церковь, где будет великая княгиня Ксения Николаевна. Сделайте одолжение, сходите сами к Гарибальди, оставьте ему мою визитную карточку и скажите, что вчера у меня болел зуб. Выразите ему мои соболезнования и скажите, что после обеда я сам к нему зайду.

Так и было сделано. Мой визит от имени посла растрогал старого генерала и его жену, сокрушенных смертью сына, и вечером все газеты сообщили эту новость. Так или иначе, но этот неприятный инцидент был улажен.

Но, как известно, кто обжегся на молоке, дует на воду. Несколько дней спустя театр Квирино в честь торжественного открытия своего здания после реконструкции давал закрытый спектакль, куда приглашена была только избранная публика²⁷.

Приглашен был также и весь дипломатический корпус. Насколько я помню, никого из послов на спектакле не было — за исключением Крупенского. Мы встретились в партере перед началом оперы Масканьи. Обрадованный тем, что встретил знакомого, посол взял меня под руку и произнес:

— Вот видите, я пришел...

Поскольку у нас не было с ним назначено никакой встречи в театре, я смотрел на него с непониманием.

— А то снова начнут болтать и расспрашивать, почему в Квирино не явился Крупенский, — закончил он.

Если бы в тот момент мне не стало жаль этого беднягу и если бы его устами не говорил посол великой державы, я бы расхохотался.

Но последнюю и совсем непоправимую глупость Крупенский совершил после спектакля в театре Костанци, сфотографировавшись на сцене в окружении балерин.

В то время как полыхала страшная война, как на полях сражений его соотечественники проливали реки крови, а немецкие гранаты кромсали на куски их тела, когда каждый посол призван был являть собой пример достойного исполнения гражданского долга, — в это самое время посол России, забыв отдать последние почести герою Санте Гарибальди, павшему в боях на стороне Антанты, и тем самым на стороне России, позирует перед фотокамерой, как пошлый паяц на сцене!

Бешенство охватило меня при виде этой позорной фотографии в римских газетах. Мне было стыдно перед иностранными коллегами, которые спрашивали, как следует понимать эту очередную глупость нашего посла.

— Он не посол, а подлец и дурак, который позорит наш народ. Последний дворник в посольстве сумел бы достойнее вести себя на его месте, — отвечал я, вне себя от гнева.

Случилось, однако, так, что в первых числах марта, за два с половиной месяца до объявления Италией войны Австрии, Крупенский был наконец снят с должности. Он отправился в Петербург, чтобы объяснить, уверенный, что во всех неприятностях повинны враги, оклеветавшие его, и, похоже, надеялся вернуться в Рим.

Управлять делами посольства был назначен советник Поггенполь, личность довольно бесцветная, человек пассивный и индифферентный ко всему, в том числе и к войне, да и к самим делам посольства. Таким манером, посольство, ведомое прежде дурной головой, осталось вовсе без головы.

И находилось оно в таком положении именно в момент вступления Италии в войну, поскольку новый посол Гирс²⁸ вручил свои верительные грамоты только 19 мая.

Период междуцарствия в посольстве как раз совпал с самым критическим этапом итальянского нейтралитета, когда борьба между интервенционистами и нейтралистами достигла высшей точки. Последние пользовались любой возможностью и прибегали к любым средствам, чтобы запугать общественность и отстоять идею невмешательства. Посольства Центральных держав в Риме активизировали свою пропагандистскую деятельность, и вот тогда-то реакционная русская пресса во главе с изданием «Новое время» развернула самую решительную кампанию, направленную против итальянских притязаний. «Новое время» открыто называло Италию врагом славянских и балканских государств, обвиняя ее в имперских амбициях и в намерении установить свое господство на всем славянском побережье Адриатики. Это издание, известное за границей как рупор официальных взглядов Петербурга, в полемическом запале дошло до утверждения, что итальянские притязания на Триест чрезмерны. Правые печатные листки подпевали главному органу российской реакции. Итальянское общественное мнение было встревожено. Официальная русская пресса неожиданно развернула кампанию в поддержку партии нейтралистов и посольств Центральных держав. Прогерманские газеты усердно перепечатывали оскорбительные материалы из «Нового времени», «Киевлянина» и т. п.

Сторонники интервенционизма были растеряны, подавлены и возмущены. Российское посольство хранило молчание, да и не имело никакого морального права делать заявления после скандального отзыва Крупенского на родину. Поггенполь был ни на что не способен и не желал предпринимать совершенно ничего.

Таково было положение вещей, когда однажды ко мне явился встревоженный корреспондент «Time» господин Кэппель, желая узнать, каковы же мотивы той губительной антиитальянской кампании, которую ведет русская пресса. Возможно, этот уважаемый журналист выражал обеспокоенность своего посольства.

Я попытался объяснить ему то, чего многие в Центральной Европе еще не понимали:

— Источником кампании, развязанной против итальянских притязаний, как вы сами можете видеть, является исключительно реакционная российская пресса, то есть издания, основная цель которых — сохранение существующего режима. Разумеется, я не могу допустить, уважаемый коллега, что вам не известно о существовании в России другой прессы, отражающей взгляды лучшей части нашего общества. Эта пресса не принимает участия в кампании «Нового времени». Однако я убежден, что вы, как и многие другие в Европе, не осведомлены еще о том, что, вступив в конфликт, русское правительство преследовало цели, весьма отличные от целей союзников.

Если другие правительства, вступая в войну, руководствовались исключительно внешнеполитическими соображениями и экономическими интересами, то наше правительство, напротив, было озабочено преимущественно соображениями внутреннего порядка. Объявив войну, царское правительство совершенно не думало о поражении Германской империи, а рассчитывало, как и в войне с Японией, укрепить собственную власть внутри страны, пробудив в народе определенные патриотические чувства. Таким же образом относились к войне и наши реакционные силы. Сейчас, когда стало очевидно, что по мере продолжения конфликта авторитет царской власти в обществе быстро падает, война из средства укрепления абсолютизма превращается в фактор роста недоверия народа к правительству. Только так я могу объяснить поведение нашей реакционной прессы, которая, вероятно, надеется сломить дух Италии, предотвратить объединение итальянских сил с силами Антанты и не допустить полного поражения своего единственного естественного союзника в Европе — Германской империи. И заметьте, не случайно постепенно появляются сообщения о сепаратном мире, за которыми следует немедленное опровержение.

Что же касается способов остановить эту кампанию, то я не могу сказать вам ничего определенного. Мне кажется, что их не существует. В своих телеграммах в Агентство, описывая реакцию в Италии на эту кампанию, я всегда стараюсь подчеркнуть, что она играет на руку сторонникам Германии и ослабляет позиции интервенционистов, но, несмотря на это, нападки возобновляются всякий раз с новой силой. Это означает, что организаторы кампании знают, чего хотят. Но не означает, впрочем, что реакция одержит победу. Все передовое российское общество поддерживает продолжение войны до победного конца и, я уверен, не позволит правительству заключить сепаратный мир. Мы здесь должны только попытаться объяснить, что «Новое время» и подобные листки вовсе не отражают настроения российского общества, с которым Европе пора бы уже найти взаимопонимание.

Речь моя поразила английского гостя довольно сильно. Но должен признать, тогда я еще не знал, что двор, сломленный надвигающейся угрозой потери власти, ступил уже на путь предательства и старался всеми силами сворачивать бесплодные нападки на естественного союзника.

Как бы то ни было, хоть и без особых надежд на успех, я решил отправить в Петербургское агентство личную телеграмму:

«Организованная русской прессой кампания против территориальных притязаний Италии в Адриатике направлена на подавление сторонников интервенционистов, движимых искренними дружескими чувствами к России, и одновременное укрепление позиций прогерманской прессы. В создавшейся обстановке мое положение как корреспондента официального Агентства становится шатким, что может привести к нежелательным последствиям для моей дальнейшей работы в качестве сотрудника информационной службы. Необходимо срочное опровержение. Прошу вас телеграфировать текст одобренного компетентными органами сообщения, которое я смогу опубликовать в итальянской печати».

Два дня спустя я получил телеграмму, которой был уполномочен сделать следующее заявление: «В последние дни некоторые крупные итальянские печатные

издания выражали мнение, что притязания Италии в Адриатике якобы вызывают неодобрение России. В этой связи необходимо сказать, что как российское правительство, так и российское общественное мнение питают наилучшие дружеские чувства к Италии, чье стремление довести до конца национальное объединение находит в России полную поддержку, поскольку всестороннее укрепление национальных основ всегда было фундаментальной целью российской внешней политики.

Кроме того, признавая важность экономических и стратегических интересов Италии в Адриатике, Россия готова подтвердить законность определенных территориальных притязаний, в том числе и не основанных на принципах национального объединения. Выражая пожелание самого полного воплощения устремлений Италии, Россия, однако, не может не высказать пожелания, чтобы реализация итальянских притязаний, касающихся территорий со славянским населением, не создала ситуацию, которая в будущем могла бы стать источником нового международного конфликта. Вследствие этого Россия выражает искреннюю надежду, что претензии Италии не окажутся чрезмерными. Что же касается имперских притязаний России в Адриатике, которые некоторые издания ей приписывают, то всем очевидна абсурдность подобных утверждений, которые есть не что иное, как результат немецких происков».

Я немедленно передал этот текст в римские газеты, сопроводив его следующим введением:

«В связи с полемикой, разгоревшейся в итальянской прессе по поводу притязаний Италии в Адриатике, — полемикой, вызванной несколькими статьями в российских изданиях, — корреспондент Петербургского телеграфного агентства в ответ на телеграммы, направленные им недавно в российскую столицу, уполномочен заявить следующее».

Сразу же после публикации этого сообщения мне позвонил римский корреспондент «Нового времени».

— Кто уполномочил вас сделать это заявление? — спросил он вызывающим тоном.

— Я не обязан отчитываться вам в том, что делаю, — ответил я, — и меня удивляет ваш вопрос.

— Я хотел бы знать, получили ли вы одобрение нашего посольства.

— К сожалению, нет. Посольство ничего не одобряло.

— Я так и знал! Значит, ваше заявление не авторизовано! — вскричал журналист «Нового времени» со злорадным торжеством.

— Уважаемый господин, сообщая для вашего сведения, что помимо российского посольства в Риме существует еще Министерство иностранных дел в Петербурге, — сухо ответил я и положил трубку.

Прогерманские газеты в Риме были вне себя от моего сообщения — не меньше, чем этот господин. В своих комментариях они даже утверждали, что поверили бы подобным заявлениям только в том случае, если бы они были подписаны лично самим Сазоновым.

Между тем итальянское общественное мнение было удовлетворено. Выдумки нашей реакционной прессы опровергнуты. У меня осталось только тягостное

ощущение при мысли о том, что это мероприятие пристало выполнять посольству России, а не беглому заключенному царской тюрьмы, которого на родине разыскивает тайная полиция.

БЕСПРИНЦИПНОСТЬ ГОСПОДИНА ГИРСА

М.Н. Гирс прибыл 13 мая и вручил свои верительные грамоты неделю спустя, как раз тогда, когда Италия объявила войну Австрии, что произошло 24-го числа того же месяца. Новый российский посол провел в Петербурге два месяца после своего назначения, упустив то драгоценное время, когда его присутствие в Риме могло принести гораздо больше пользы. Он мог бы ускорить свой приезд хотя бы потому, что его предшественник уже давно предпочитал утомительным дипломатическим обязанностям веселое времяпрепровождение в обществе танцовщиц. Гирс мог бы встать на защиту интересов славянских и балканских народов от имперских притязаний Италии или, наоборот, умерить обеспокоенность итальянцев в связи с недостойными происками русской реакционной прессы. Он предпочел иное. Чтобы уклониться от первого и не принимать участия во втором, ловкий дипломат прибыл в итальянскую столицу только тогда, когда всякая полемика уже прекратилась перед лицом великого, чудовищного испытания, к которому готовилась нация.

Ему был оказан любезный прием. Как полагалось, пресса отметила выдающиеся качества его личности, высокий профессионализм и дипломатические заслуги. Все признавали, что он гораздо умнее Крупенского, хотя было очевидно, что сравнение с таким ничтожным деятелем не дает возможности составить о дипломате подлинное мнение.

Безукоризненный облик Гирса со всей определенностью выдавал в нем дипломата. Сдержанные движения, безразличная улыбка, даже манера его речи были точно выверены и придавали ему вид солидный и значительный. Однако чтобы понять, что он был за человек, нужно было наблюдать его вблизи, видеть его в те редкие моменты, когда он занимался служебными делами и не мог ограничиться скупыми жестами и отточенными формулами дипломатического этикета, но должен был высказываться решительно и открыто. Гирс был идеальной фигурой для абсолютистского режима. Он отлично владел приемами профессионального этикета, и при этом отличался исключительным невежеством в отношении собственной страны и своего народа, и совершенно определенно был не намерен вникать ни в то, ни в другое.

Глубоко убежденный в мощи и жизнеспособности российского абсолютизма, он полагал излишним интересоваться всем тем, что находилось вне этой государственной формы, что ей противоречило или было враждебно.

Как истинный служака российского царизма, он не видел и не мог видеть самых очевидных явлений в жизни своей страны, если они не входили в сферу его деятельности. Привыкнув существовать в замкнутой искусственной среде, он равным образом не желал узнать жизнь народа той страны, где ему довелось оказаться. Вся Италия сводилась для него к Риму, а Рим — к дворцу Консульта.

Но эти особенности Гирса проистекали не из его принципов или личных убеждений, их можно скорее объяснить своеобразным складом ума: он всегда концентрировался на сиюминутных обстоятельствах, прямо связанных с текущим моментом, игнорируя все прочее и совершенно не задумываясь о будущем, даже самом ближайшем.

Что касается его личных принципов и убеждений, то, будучи знаком с ним близко, я всегда замечал, что они у него отсутствуют. Их место занимали конъюнктурные соображения и полнейшая беспринципность, что позволяло ему приспособиться к любым обстоятельствам. Так, приезд в Италию с двухмесячным опозданием позволил ему не занимать никакой определенной позиции в связи с российской реакцией и итальянскими притязаниями. Впрочем, все русские, встречавшиеся с Гирсом, отмечали эту ярко выраженную особенность его характера.

У членов думской делегации, приехавших в Италию в 1916 году для поездки на фронт, создалось такое же впечатление.

Только один из них, глава делегации А. Протопопов, был от него в восторге.

Это был тот самый Протопопов, который на обратном пути из Италии инициировал в Стокгольме переговоры с немецкими агентами и по приезде в Петербург при содействии Григория Распутина получил назначение в Министерство внутренних дел.

Именно по его настоянию я должен был сопровождать делегацию в качестве корреспондента Петербургского агентства и на фронт, и в итальянский генштаб. Надо заметить, что в тот период Протопопов был всем известный прогрессист и настаивал, чтобы я поехал, поскольку тогда ему легче было бы отказать в поездке с делегацией «неприятному реакционеру из “Нового времени”».

Я оказался в затруднительном положении, потому что не имел никакого удостоверения личности, кроме итальянского вида на жительство, которого, конечно, было недостаточно для поездки на фронт. Я всеми силами старался отклонить приглашение, ссылаясь даже на то, что мой паспорт просрочен и недействителен. Но Протопопов не сдавался и потребовал, чтобы посольство все уладило.

На фронте неожиданный случай помог мне сблизиться с А.И. Шингаревым²⁹, председателем думской комиссии по обороне; во всех поездках мы оказывались в одном автомобиле, и поскольку отправлялись всегда из Удине, то имели достаточно времени на разговоры.

Шингарев был типичным представителем русской интеллигенции. Его ценила и уважала не только Дума, но и вся образованная Россия. Он был членом кадетской партии, но, однако же поддерживал прекрасные отношения со всеми революционерами, чьи идеи разделял в молодости, за что и заплатил неизбежными испытаниями, выпавшими на его долю.

Поэтому мне не было нужды скрывать от него свое истинное положение, и я рассказал ему все о своем прошлом. Так между нами установились очень доверительные отношения, и мы могли быть искренни друг с другом. Он рассказал мне о безответственности правительства, о том, как оно постоянно и упорно противостоит и обществу, и Думе, стремясь дезорганизовать поддержку для фронта, о предательствах Мясоедова и Ренненкампа и даже военного министра Сухомли-

нова³⁰, что подтверждало доходившие до меня слухи о трагическом положении моей родины. Шингарев описал мне картину чудовищной коррупции среди членов Думы и правительства. Он не скрывал пессимизма. Царь явно не способен к руководству, слаб, суеверен и вдобавок находится во власти развратника, пьяницы и мошенника Распутина, поэтому, считал Шингарев, переход обязанностей Верховного главнокомандующего в руки царя положит начало разложению и на нашем фронте. Отстранение великого князя Николая из-за его дворцовых интриг и предательства еще более убеждало Шингарева, что так все и будет. Он не сомневался в том, что все это должно завершиться революцией и крушением трона Романовых, но дальше этого не шел в своих размышлениях, отступая перед загадкой будущего России.

Сердечно распрощавшись с Шингаревым и с П.Н. Милюковым³¹, которому Шингарев уже поведал мою историю, и напутствуемый их пожеланиями скорейшего возвращения на свободную родину, я вернулся в Рим, подавленный гнетущими предчувствиями.

После визита русской делегации и в определенном смысле в связи с этим визитом произошел один эпизод, когда мне пришлось употребить все свои способности, чтобы помешать осуществлению замысла Гирса, в котором особенно ярко проявилась свойственная ему беспринципность.

Иностранная пресса часто писала о тревожных разоблачениях и новостях. Общественное мнение союзных стран проявляло растущее беспокойство. Интерес к России возник у тех, кто хотел знать правду о происходящем там, чему препятствовали расстояние и цензура. Разумеется, итальянское общественное мнение тоже было охвачено тревогой. И вот однажды, во время одного из моих визитов, Гирс изложил мне проект, подсказанный, по его словам, одним русским журналистом: создать в Риме русское издание для итальянской аудитории с целью освещения российских событий «с нашей точки зрения».

— Русский дневник, бюллетень, назовите как угодно, — вроде тех, что разные правительства уже публикуют в союзных странах. Такое издание, анонсированное как частная инициатива, помогло бы посольству опровергать ошибочные и часто ложные сообщения о России, которые появляются в прессе. Такой печатный орган даст нам неоспоримое преимущество в Италии, где некоторые силы относятся к нам некорректно, что в настоящий момент может сильно нам навредить. Но прежде чем предпринять необходимые шаги, я хочу услышать, что думаете на этот счет вы — человек, который хорошо знает итальянскую среду в целом и римскую журналистскую среду в особенности.

С первых же слов Гирса я понял и цель создания этого печатного органа, и смысл слова «освещение», и кто такие «мы», и о чьей именно России так печется императорский посол. Проект, имеющий целью систематически обманывать итальянскую публику и оправдывать предателей и угнетателей, возмутил меня, но я ни единым жестом не выдал своих чувств. Я был взбешен не меньше, чем тогда, когда узнал от жандармского генерала новость об аресте Гершуни, потрясшую меня до глубины души. Сейчас мною владело только одно чувство — я обязан всеми силами помешать этой подлой затее. Я должен был осторожно разрушить

план Гирса — ведь он хотел просто иметь под рукой лживый листок о России, который будет служить его целям: станет восхвалять ничтожную личность нового Верховного главнокомандующего, будет лицемерно утверждать, что у русских солдат есть оружие, тогда как военный министр умышленно оставил фронт без ружей, и что страна благоденствует, тогда как ей грозит голод.

Полный решимости выполнить свой долг, я готов был всеми правдами и неправдами, убеждением и хитростью остановить этот коварный замысел чиновника. Я слушал Гирса, не прерывая, лишь согласно кивая время от времени. Я опасался, что, вступив в полемику, вызову у него подозрения и все испорчу.

— Просьба ваша так неожиданна, что я, право, в затруднении, — начал я. — Идея, конечно, великолепная. Есть много соображений в пользу русского издания, но думаю, что в Риме в силу местных особенностей начинание такого рода может представлять опасность для посольства. Но, повторяю, сразу я не могу ничего решить. Лучше я сначала взвешу все за и против, хорошенько обдумаю этот план и тогда смогу представить вам свои соображения. Дайте мне день-другой, чтобы поразмыслить, и обещаю представить вам исчерпывающее мнение по этому поводу, даже в письменном виде.

Гирс согласился и попросил меня без особой спешки написать конфиденциальную записку. На следующий день у меня была готова обширная и обстоятельная записка, которая учитывала малейшие детали дела. Начал я с того, что предостерег посольство насчет искренности намерений авторов идеи. Любое официальное издание, имеющее целью отстаивать позицию властей, — дело обычно высокодоходное для его руководителей и управляющих. Эти люди часто думают не о выполнении поставленных задач, а о собственных прибылях, при этом рискуют скомпрометировать только своих заказчиков.

Но это была слишком старая истина, и понятно, что она не могла сильно напугать русское правительство, привыкшее к коррупции. Следовало использовать иные доводы. Я во всех подробностях описал Гирсу ситуацию с итальянским нейтралитетом, при которой как грибы после дождя появляются издания, выступающие против вступления в войну. У них есть одна общая особенность: результат всегда получается противоположный задуманному. На следующий день после выхода первого номера в журналистских кругах уже известно, кто заказчики и кто финансирует издание.

Принято считать, что римские журналисты — невероятные проныры, болтуны и сплетники и что от них не утаишь никакой секрет. В такой обстановке появление официозного русского издания в Риме немедленно породит слухи, подлинный его заказчик сразу станет известен, никакого доверия такому изданию не будет, и посольство может оказаться скомпрометировано. Но хуже всего, — тут я уже переходил к угрозам! — если противники существующего в России режима вроде социалистической газеты «Avanti!» мгновенно затеют кампанию против нового издания, основывая свои нападки на сведениях, которые наверняка окажутся в их распоряжении. Таким образом, выпуск нового издания может привести к нежелательным результатам, в неудобной ситуации может оказаться и итальянское правительство, которое не сумело помешать враждебным высказываниям

прессы в адрес русского правительства, поскольку римская цензура следит только за новостями военного характера.

Я собрал все аргументы, вывесил все жупелы, напугал чем только мог и в заключение высказался против проекта.

Чтобы подсластить пилюлю, я завершил свой доклад утешительным пассажем, заверив посла, что, если понадобится рассказать в итальянской прессе правду о России, я сделаю это совершенно бескорыстно.

Мои доводы подействовали безотказно.

Прочитав записку, Гирс с некоторой торжественностью сообщил мне о решении отказаться от проекта издания.

— Но должен сказать, что редактором газеты я бы назначил вас, — заявил он.

— Благодарю за оказанную честь. Но теперь вы знаете, какие соображения вынудили бы меня отклонить предложение.

Буря в посольском стакане воды миновала.

События между тем развивались своим чередом. Как раз то время ко мне пару раз заходил русский эмигрант, приехавший в Италию незадолго до войны, некий господин Вахман. Отучившись в нескольких политехнических заведениях Германии и получив, по его словам, степень инженера, он тем не менее записался на медицинский факультет Римского университета. Усердный студент, вынужденный завершать высшее образование за границей, поскольку в России это было ему недоступно из-за его иудейского происхождения, Вахман внушал симпатию всем моим знакомым. И хотя своим знакомством с ним я был обязан чьей-то рекомендации, тем не менее тоже отнесся к нему со всей искренней доброжелательностью, как принято было среди политических изгнанников.

Поэтому, когда во время своего последнего визита Вахман поинтересовался моим революционным прошлым и обстоятельствами, которые позволили мне стать представителем Петербургского агентства, я охотно удовлетворил его любопытство и поведал ему несколько эпизодов из своей бурной жизни. Тогда я не придавал никакого значения этой заинтересованности моего гостя, которую считал вполне объяснимой, и задумался над этим случаем только после революции. Однако же несколько дней спустя после его визита я был вызван в римскую квестуру, где комиссар попросил меня предъявить паспорт. Я сказал, что паспорта больше не имею, поскольку живу в Италии уже более пяти лет, а на вопрос, нет ли у меня другого документа, ответил, что могу показать удостоверение, выданное русским консулом в Риме, подтверждающее мое постоянное местожительство.

Но на следующий день мне позвонил вице-консул и передал приглашение явиться к его начальнику. Это странное приглашение консула, с которым мы вполне могли бы встретиться, когда я бывал в посольстве, убедило меня в том, что произошло давно ожидаемое: подлинная моя личность была раскрыта. Консул, как обычно, принял меня очень любезно. Но безуспешные старания этого чиновника придать спокойное выражение своему мясистому лицу — которое вместо этого оказалось нелепой гримасой — еще более выдавали его волнение. Извинившись за причиненное беспокойство, он попытался объяснить свое приглашение следующим образом:

— Мы получили на днях циркуляр из министерства с поручением опросить всех российских подданных, проживающих в Италии, на предмет их статуса в отношении воинской повинности. Вот по какому поводу мне пришлось вас побеспокоить. Не могли бы вы сообщить мне сведения о вас, касающиеся этого вопроса?

— Это несколько затруднительно сделать!

— То есть как? — последовал вопрос моего собеседника. — Вы не подлежите призыву на военную службу?

— Разумеется.

— Следовательно, вы уже служили в армии?

— Нет.

— Поясните причины. И мы сделаем соответствующее донесение.

— Сначала, будучи в призывном возрасте, я получил отсрочку для завершения образования.

— А затем?

— Я был арестован и не мог выполнять воинскую повинность.

— А затем? — снова спросил консул, все еще стараясь сохранить внешнее спокойствие.

— Затем я не мог быть годен к военной службе, поскольку два года находился в заключении в Петропавловской крепости.

— А затем? — продолжал он вопрошать, вытаращив глаза.

— Затем я провел год в Восточной Сибири в ожидании приговора...

— А затем? А затем? А затем?

— Я был отправлен на восемь лет в ссылку в самые отдаленные области северо-восточной Сибири, откуда, разумеется, бежал. В течение трех лет я жил в России под вымышленным именем и принимал участие в революционном движении. С 1908 года я живу в Италии как политический ссыльный, в недосыгаемости для царской полиции.

— Прекрасно. Так мы и укажем в донесении, — отвечал консул, переводя дух.

— Так и укажите, и это будет правда.

После этого диалога я отправился к первому секретарю посольства В.Н. Штрاندману³², которому изложил те же сведения и сообщил свое настоящее имя.

Два дня спустя я получил из Агентства шифрованную телеграмму, в которой меня уведомили, что ввиду новых обстоятельств они не могут более считать меня своим корреспондентом. Еще через два дня секретарь посольства сообщил мне, что Гирс получил из Петербурга телеграмму с поручением предложить мне направить государю прошение о помиловании.

Мне дали понять, что в этом случае мое положение не ухудшится. Я поблагодарил секретаря и пообещал в ближайшее время представить послу письменный ответ.

В своем письме я изложил все обстоятельства, о которых уже сообщил консулу и секретарю посольства, и расценил поведение Агентства как стремление правительства, по своему обыкновению, устранить того, кто способен на ниве культуры принести пользу отчизне сообразно своим способностям.

«Но царское правительство, — писал я, — предлагает мне подать прошение о монаршем помиловании. Что это значит? Это значит, что я должен признать ошибкой и извращением все, во что я верю, все те идеалы, за которые я в меру своих сил сражался и страдал, в которые я до сих пор верю и за которые готов бороться и страдать! Это значит допустить, что я — предатель и отступник, что я отрекаюсь от тех целей, за которые борется наша отчизна, от того благоденствия, какое ждет ее, когда народ сбросит вековое иго и свергнет кучку узурпаторов, тиранивших сто шестьдесят миллионов ее граждан, — узурпаторов, готовых толкнуть страну к краю пропасти и способных даже продать ее врагам ради сохранения своей власти. Доказательством тому служат процессы над полковником Мясоедовым, над бывшим военным министром Сухомлиновым и, возможно, будущий процесс над Штурмером и его приспешниками.

И вот мой ответ: никогда и ни при каких обстоятельствах я не склонюсь перед самодержавием. Я не склонюсь, потому что свято верю в идеалы борьбы с царизмом, в которой пали уже тысячи лучших людей России.

Я не склонюсь, потому что хочу передать своему сыну незапятнанным имя его отца.

И наконец, я не склонюсь перед самодержавием в память о замученной в его застенках бедной моей матери, которая верила в своего сына и, умирая, повторяла его имя».

Это письмо и ставшее известным мое положение как политического изгнанника вызвало настоящую бурю в застойном посольском болоте. Все избегали меня, словно я был прокаженный. Молодые офицеры нашей военной миссии предупредили меня, что посольство готовит сюрприз, собираясь воспользоваться тем, что я живу под другим именем, чтобы объявить меня немецким шпионом.

Закончив счеты с Агентством, я должен был нанести еще один визит советнику посольства, господину Персиани³³, который по распоряжению Гирса вернул мне мой ответ на предложение правительства и выразил искреннее сожаление, что мы находимся не в Персии, откуда он недавно вернулся, поскольку в этой стране посольские казаки могли бы арестовать меня как политического преступника.

Я посочувствовал этому жалкому господину и, дабы отвлечь его от персидских грез, сообщил, что перевод моего ответного письма уже передан председателю итальянского правительства Орландо и министру-социалисту Биссолати, который через общих друзей заверил меня в том, что царское правительство не сможет причинить мне ни малейшего беспокойства на территории Италии. Оставшись без работы, я получил от главного редактора «Il Messaggero» предложение сотрудничать с газетой, освещающей русские вопросы.

На страницах этой газеты я и стал писать о России правду, которую имел в виду в своей записке для Гирса, и своими статьями сумел подготовить общественное мнение Италии к тому событию, которое уже назревало: этим событием была Русская Революция.

¹ Имеется в виду Николай Валерианович Муравьев (1850–1908), политический деятель, статс-секретарь, действительный тайный советник, который был назначен чрезвычай-

чайным и полномочным послом в Риме 14 января 1905 г. и на этой должности пробыл до своей смерти 1 декабря 1908 г. Похоронен на некатолическом кладбище Тестаччо (см.: [Гасперович и др. 1999]).

² Речь идет об известном деле Софии Львовны Перовской (1853–1881), которая была арестована и повешена в Петербурге 3 апреля 1881 г.

³ Князь Николай Сергеевич Долгоруков (1840–1913), генерал, в 1886–1889 гг. посланник в Персии, посол в Италии с 1909 по 1912 г.

⁴ Константин Кетов стал римским корреспондентом Санкт-Петербургского телеграфного агентства (СПА) в 1911 г. (см.: [Гардзонио, Сульпассо 2011, с. 104 и сл.]).

⁵ Константин Николаевич Гулькевич (1865–1935), известный русский дипломат и юрист, умер в Швейцарии. Служил дипломатом в Турции, назначен российским послом в Швеции и дипломатическим представителем белогвардейских правительств в Стокгольме. О нем см.: [Мнухин и др. 2008, с. 444].

⁶ Модест Николаевич Корф (1862–1912), работал в Италии с 1900 г. Сначала был первым секретарем посольства, а с 1906 г. стал советником посольства в Италии.

⁷ Война между Королевством Италия и Османской империей продолжалась с 29 сентября 1911 г. по 18 октября 1912 г.

⁸ К.Н. Гулькевич был советником российского посольства в Константинополе с 1912 по 1914 г.

⁹ Анатолий Николаевич Крупенский (1850–1923, Рим), в 1896–1905 гг. советник посольства в Италии, а с 1912 по 1915 г. посол. После Октябрьской революции остался в Риме, похоронен на кладбище Тестаччо [Гасперович и др. 2000].

¹⁰ Имеется в виду, по всей вероятности, Петр Яковлевич Рысс (1870–1948) — журналист, литератор, живший с 1919 г. в эмиграции в Берлине, с 1920 г. — в Париже, автор книг «О людях, о вещах» (Берлин, 1923) и «Портреты» (Париж, 1928).

¹¹ Джованни Джолитти (Giolitti; 1842–1928), итальянский политический деятель.

¹² Николай Васильевич Поггенполь (1865–1916), действительный статский советник, камергер высочайшего двора, долго служил в Министерстве иностранных дел. Его отец Василий Петрович Поггенполь (1823–1882) был в 1862 г. назначен генеральным консулом в Ливорно, где и родился Николай Васильевич. Официально Н.В. Поггенполь переехал в Рим в 1912 г., когда стал советником российского посольства, но еще с 1873 г. часто бывал в Италии в горных экспедициях. Первый русский альпинист Н.В. Поггенполь вместе с М. Таугвальдером и А. Перреном поднялись на Маттерхорн 31 августа 1890 г. Свои путевые впечатления Поггенполь изложил в книге «По альпийским снегам и тропинкам» (СПб., 1892). Н.В. Поггенполь был членом Русского кружка. Умер в Риме 17 мая 1916 г. и был похоронен на кладбище Тестаччо [Саввон 1981; Леонидова 2002].

¹³ Франческо Саверио Винченцо де Паола Нитти (de Paola Nitti; 1868–1953), итальянский экономист, политик, публицист и антифашист, председатель Совета министров Королевства Италия с 23 июня 1919 г. по 15 июня 1920 г. Активно занимался «южным вопросом», изучал причины экономической отсталости южных провинций Италии. В 1922 г., когда Муссолини обратился к Палате депутатов со своей первой речью, Нитти покинул зал в знак протеста. Подвергся жестоким гонениям и в 1923 г. был вынужден бежать за границу — сначала в Швейцарию, потом во Францию, где продолжал свою антифашистскую деятельность. В августе 1943 г. депортирован нацистами в Австрию, вышел на свободу в 1945 г.

¹⁴ Луиджи Луццатти (Luzzatti; 1841–1927), итальянский юрист, экономист, политик, председатель Совета министров с 31 марта 1910 г. по 29 марта 1911 г. [Pecorari 2007].

¹⁵ Акилле Лория (Loria; 1857–1943), итальянский экономист.

¹⁶ Здесь Кетов имеет в виду итальянскую колониальную политику: завоевание Триполитании было начато Джованни Джолитти в октябре 1911 г.

¹⁷ Дворец Киджи (Palazzo Chigi) — историческое здание в центре Рима, между пьяцца Колонна и виа Дель Корсо. Стал собственностью государства в 1916 г., сначала в нем размещалось Министерство колоний, а затем (в 1922 г.) Министерство иностранных дел. С 1961 г. официальная резиденция правительства.

¹⁸ См. об этом статью «Un documento originale» в газете «La Stampa» от 3 апреля 1915, р. 2 (С. Un documento originale).

¹⁹ Пфлаум, известный корреспондент «Der Deutsche Tageszeitung», наряду с Маккензи из «The Sun» и Карини из «Le Matin» был среди журналистов, создавших совещание в кафе «Фаралья» (Faraglia) на пьяцца Венеция 17 февраля 1912 г., в ходе которого была учреждена Ассоциация иностранной прессы в Италии. Будуреск, Пфлаум и Карини 3 марта 1912 г. были приняты министром иностранных дел маркизом Сан-Джулиано во дворце Консульта, который выразил «свою заинтересованность в профессиональной деятельности иностранных корреспондентов в Риме» (см.: <http://www.stampaestera.org/chi-siamo/storia/>).

²⁰ Вероятно, имеется в виду Джакомо Гобби Белькреди (Gobbi Belcredi; 1855–1919), главный редактор «Il Mare», редактор «La Stampa» и «La Tribuna», вице-президент Ассоциации прессы, часто подписывавший свои статьи псевдонимом Marius (ср. [Contorbia 2007]).

²¹ Вероятнее всего, речь идет о кн. Софии Барятинской (1868–1938).

²² Антонино Патерно-Кастелло, маркиз Сан-Джулиано (Antonino Paternò-Castello, marchese di San Giuliano, известный как Антонино ди Сан-Джулиано; 1852–1914), итальянский политик и дипломат, министр иностранных дел Королевства Италия с 1910 по 1914 г.

²³ Сидни Костантино Соннино (Sonnino; 1847–1922), итальянский политик, министр финансов и министр казначейства Королевства Италия с 1893 по 1896 г., председатель Совета министров с февраля 1906 по май 1906 г. и с декабря 1909 по март 1910 г., министр иностранных дел с 1914 по 1919 г.

²⁴ Сергей Дмитриевич Сазонов (1860–1927), российский государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи в 1910–1916 гг.

²⁵ Здесь Кетов, видимо, имеет в виду не Санте Гарибальди (Sante Garibaldi; 1885–1946), который также сражался в Аргонах, но не погиб там, а его брата Костанте Гарибальди (1891–1915), инженера сталелитейного завода в Терни. Смерть братьев Бруно и Костанте Гарибальди, погибших один за другим, получила широкое освещение в итальянской прессе, где была подана в героическом ключе. Так, ежедневная газета «La Stampa», несколько раз писавшая о похоронах Костанте Гарибальди, дала подробный отчет о погребальной процессии, описывая, как несли гроб на руках и раздавали присутствующим некролог, написанный от имени партии Мадзини; газета также приводила текст некролога, который гласил: «Костанте Гарибальди посвятил жизнь работе и долгу. Пал смертью героя в Аргонах, сражаясь за свободу. Он кричал немцам в лицо: “Тренто и Триест принадлежат Италии!” Крик этот топили в крови. Но тщетно! Этому крику вторит вся Италия» (автор не указан, «I funerali di Costante Garibaldi a Roma. Le condoglianze dei rivoluzionari messicani» // «La Stampa», 18 janvarja 1915. P. 4).

²⁶ Кетов имеет в виду Риччотти Гарибальди (Ricciotti Garibaldi, 1847–1924), известного итальянского политика и генерала, сына Аниты и Джузеппе Гарибальди.

²⁷ Театр Квирино (Quirino) был основан по приказу князя Маффео Шарры (Maffeo Barberini-Colonna di Sciarra; 1850–1925) недалеко от фонтана Треви. Его название отсылает к Квириналу (холму), а также к имени бога Квирина. Театр несколько раз перестраивался: впервые в 1882 г., затем 1898 г. и наконец в 1914 г., когда здание было радикально модернизировано под руководством архитектора Марчелло Пьячентини (Piacentini), о чем упоминает Кетов. Театр вновь открылся в оперном сезоне, под руководством Пьетро Масканьи (Mascagni).

²⁸ Михаил Николаевич Гирс (1856–1932), русский дипломат, стал послом в Риме в 1915 г. О его деятельности и о работе российского посольства см.: Миронова 2003, с. 73–84; Миронова 2006, с. 13–43].

²⁹ Андрей Иванович Шингарев (1869–1918), земский, общественный, политический и государственный деятель, в 1915–1917 гг. председатель Военно-морской комиссии Думы, в 1915 г. избран Думой в состав Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства.

³⁰ Василий Васильевич Сухомлин (1885–1963), эсер, видный деятель международного рабочего движения. В 1912–1914 гг. он обосновался в Италии, жил в Милане, в семье жены. С марта 1917 г. начал сотрудничать в газете «Avanti!» под псевдонимом Junior. В июле 1917 г. Сухомлин уехал в Россию, где стал депутатом Учредительного собрания. В эмиграции жил в Риме, Париже, Праге, вернулся в СССР в 1951 г. См.: [Venturi 1979].

³¹ Павел Николаевич Милюков (1859–1943), русский политический деятель, историк, публицист, дипломат, в эмиграции с 1918 г. О нем существует богатая библиография, см. также: [Милюков 2000].

³² Василий Николаевич Штрэндман (1877–1963), русский дипломат, в 1911–1915 гг. назначен первым секретарем миссии в Белграде, в 1915 г. — первым секретарем посольства в Риме. В 1917 г. стал советником миссии в Афинах.

³³ Иван Александрович Персиани (1872–1930), действительный статский советник, музыкант, до 1917 г. жил в Санкт-Петербурге и служил в Первом департаменте Министерства иностранных дел Российской империи, состоял членом различных музыкальных обществ. С 1917 г. консул России в Риме. Перейдя на положение эмигранта, работал в русском отделении Общества Красного Креста в Риме и давал уроки музыки. В 1927 г. переехал в Белград, где служил переводчиком в Министерстве иностранных дел Королевства сербов, хорватов и словенцев, продолжая принимать активное участие в музыкальной жизни.

«СРЕДИ ВАШИХ ТАЛАНТОВ УМЕНИЯ ЖИТЬ ЕСТЬ ТАЛАНТ УМЕНИЯ ЖИТЬ СРЕДИ ТАЛАНТОВ»

Мемуарные очерки Ольги Ресневич-Синьорелли

Предисловие, публикация и примечания Д. Риззи

Автор этих мемуаров Ольга Ресневич¹, латышка по происхождению и русская по культуре, была итальянкой по собственному выбору. Она провела в Италии большую часть своей долгой жизни, приехав сюда в 1904 г. для завершения в Риме медицинского образования, начатого в Берне. Профессиональные качества сочетались в ней с высокой литературной и художественной культурой, так что общество столицы недавно объединенной Италии доброжелательно приняло молодого доктора. Она хорошо знала основные европейские языки, была образованна и начитанна в самых разных областях культуры и имела дружеские связи во многих странах, благодаря чему стала фигурой неординарной и весьма известной в римских культурных кругах начала XX в. Профессиональный успех², знание языков, широта взглядов и культурных интересов принесли О. Ресневич популярность прежде всего в интернациональном сообществе живших в Риме иностранцев, которые часто обращались к ней за медицинской помощью. Так что когда Рим стал превращаться в один из центров русской послереволюционной эмиграции, она нашла помощь и поддержку в гостеприимном доме Синьорелли. В тот момент, на рубеже 1910–1920-х гг., Ольга уже оставила профессиональную медицину и всецело занялась культурной деятельностью. Она решилась на этот шаг также и под влиянием многочисленных посетителей своего литературно-художественного салона, среди которых были видные итальянские интеллектуалы того времени. В жизни Ольги начался продолжительный и плодотворный период, когда она стала заниматься переводами, писать эссе³, помогать художникам и коллекционировать произведения искусства (см.: [Rizzi 2007]). В ее доме появлялось все больше картин самых

¹ Врач, журналистка, переводчица и писательница Мальвина Ольга Реснаис (так значится в документах, относящихся ко времени ее учебы в университете) родилась в Латвии (Яунсвирлаукс, Нойбергфрид) 27 июля (8 августа) 1883 г. и умерла в Риме 17 декабря 1973 г.

² Этому успеху способствовал и союз с ее спутником жизни Анджело Синьорелли (1876–1952), который был одним из самых авторитетных медиков своего времени и принадлежал к числу первых итальянских рентгенологов. Ольга прожила с ним с 1906 г. больше двадцати лет, но так и не вышла за него замуж. Она родила от него трех дочерей (Марию, Елену и Веру) и взяла его фамилию, которую оставила и после того, как они расстались. Подписывалась как Синьорелли, Ресневич или Ресневич-Синьорелли.

³ См. библиографию работ и переводов Ольги Ресневич-Синьорелли [РИА IX/1, с. 33–48].

перспективных художников тех лет, а в ее салоне — все больше знаменитых гостей⁴.

Со второй половины 1920-х гг. Ольга начинает писать мемуарно-биографические очерки. Ей принадлежит первая богато документированная итальянская биография Элеоноры Дузе [Signorelli 1938], великой актрисы, ушедшей из жизни в 1924 г., с которой Ольгу связывали десять лет близкой дружбы.

Ресневич-Синьорелли стремилась тщательно сохранить достоверные воспоминания о многих знаменитых людях, с кем она была знакома, и этот ее исследовательский и литературный талант в полной мере проявился в биографии Элеоноры Дузе, над которой она работала почти пятнадцать лет после кончины актрисы, вплоть до самого момента публикации книги. На протяжении этой долгой работы, собирая материалы и разрабатывая собственный стиль изложения, Ресневич оттачивала свой уникальный биографический жанр, документальный и художественный одновременно. Ее работы всегда основаны на источниках, устных и письменных, и даже на неопубликованных материалах, но при этом воссоздают объемный образ человека во всем богатстве оттенков и психологических нюансов его личности, своеобразие которой автору удается сохранить.

*Ольга и Анджело Синьорелли. 1907 г.
Все фотографии находятся в APES,
Личном архиве наследников Синьорелли
в Риме.*

*Ольга Синьорелли с дочерьми Марией
и Еленой. Начало 1910-х гг.*

⁴ О том, насколько обширны были личные связи Синьорелли с видными деятелями итальянской, русской и европейской культуры первой половины XX в., дают представление источники: *Elenco dei corrispondenti* [PIA VI/1, с. 17–77] и альбом, в котором гости ее салона оставляли стихи, посвящения и рисунки [APES, частично воспроизведены в PIA VI/2, с. 311–423]. В название настоящей публикации вынесена цитата из записи в альбоме от 20 мая 1943 г., которую сделал медик, философ и писатель Константин К. Лозина-Лозинский (1894–1986).

Семья Синьорелли. Начало 1910-х гг.

По непревзойденной соразмерности и уравновешенности всех составляющих этого особого стиля биография Дузе не имеет себе равных в творчестве Ресневич-Синьорелли: автору удалось гармонично сочетать живые

свидетельства документальных источников, пропущенные через призму собственных воспоминаний, внимание к деталям и к подоплеке событий, откровенную личную «пристрастность» своего восприятия и стремление воссоздать реальные обстоятельства жизни героини и ее время.

После первой книги, посвященной Дузе, почти двадцать лет Ольга занималась переработкой и дополнением биографии своей подруги, публикуя новые материалы, и наконец решилась расширить границы своих мемуарных исследований, желая подвести своеобразный итог. Ей уже под восемьдесят, и ей есть что рассказать.

Портрет Ольги Ресневич-Синьорелли и ее дочери Марии работы Армандо Спададини (1912)

Замысел обретает очертания в беседах с немецкими журналистами и издателями [Bertelé 2010, p. 366 и далее]. Ольга охотно пускалась в воспоминания о своих «встречах с замечательными людьми» и была прекрасной рассказчицей, но первым, кто стал убеждать ее записать свои рассказы, был, вероятно, журналист Ханс Эберхард Фридрих (Friedrich; 1907–1980). Они познакомились в Риме в начале 1940-х гг., когда он работал корреспондентом газеты «Deutsche Allgemeine Zeitung». После окончания войны Фридрих вернулся в Германию и в 1950-е гг. издавал журнал «Prisma». Он предложил Ольге писать для журнала мемуарные очерки о художниках, с которыми она встречалась. Предложение не было принято, однако мысль о том, чтобы изложить на бумаге невероятную полувековую историю своих встреч и дружеских связей, она, скорее всего, обдумывала и раньше⁵. Некоторое время спустя решительным образом подтолкнул Ольгу к реализации этой идеи ее друг Гюнтер Биркенфельд (Birkenfeld; 1901–1966), немецкий писатель, помогавший Ресневич-Синьорелли и с первым переводом биографии Дузе, которая вышла в Германии в 1939 г. и имела большой успех [Signorelli 1939], и с новым немецким изданием этой работы, опубликованной в 1962 г. издательством Эрдманна [Signorelli 1962]. Именно Биркенфельд и Эрдманн сыграли здесь решающую роль — это была уже не абстрактная идея, а конкретное предложение подписать контракт на издание книги воспоминаний. Ольга взялась за работу и стала нащупывать подход, ритм,

*О. Ресневич-Синьорелли.
Май 1927 г.*

*О. Ресневич-Синьорелли.
Начало 1960-х гг.*

⁵ Уже в письме Джованни Кавиккьоли (Cavicchioli) к Ресневич-Синьорелли, датированном февралем 1948 г. [APES], есть упоминание о том, что Ольга собирается приняться за воспоминания об итальянском художнике Армандо Спадини, о французском скульпторе Огюсте Родене и о Сергее Дягилеве. Очевидно, в творческих планах писательницы уже тогда возник замысел создать рукописный вариант своих мемуарных заметок.

О. Ресневич-Синьорелли. Начало 1960-х гг.

стиль — всю ту гармоничную соразмерность, которая принесла успех ее книге о Дузе и поиски которой на сей раз, вероятно, давались ей нелегко.

В 1964 г. текст мемуаров стал обретать реальное воплощение: Синьорелли отправляет Биркенфельду первые сто страниц рукописи на итальянском языке с главами о своем детстве, юности и встречах с Юсуповыми, Огюстом Роденом и Татьяной Львовной Толстой. Однако, как видно из писем, относящихся к первой половине 1965 г., заказчики приняли рукопись без восторга: и писатель, друг Ольги, и издатель выражают нескрываемое разочарование своего рода «эгоцентризмом» этих мемуаров, сосредоточенностью автора на себе. Центральная фигу-

ра — она сама, Ольга, и упомянутые в тексте несущественные факты и незначительные эпизоды из жизни ее знаменитых собеседников еще больше выдвигают ее фигуру на первый план повествования. В результате вместо ожидаемой галереи портретов знаменитостей получается автобиография.

Несмотря ни на что, Ольга продолжает работать, но, вероятно, уже подумывает о публикации своих мемуаров в Италии⁶. Издание, впрочем, так и не было напечатано. Очевидно, чтобы готовая работа не пропала, она намеревалась издать отдельные отрывки воспоминаний — эти публикации начали выходить еще при жизни Ресневич-Синьорелли, в 1972 г., а после ее смерти мемуары писательницы были частично опубликованы дочерью Марией.

Представленные здесь воспоминания — малая часть корпуса мемуаров, сочиненных полностью на итальянском языке. Недавно материалы были опубликованы, благодаря этому увидели свет все тексты, хранящи-

⁶ В FSFC сохранилось письмо Эрдманна, датированное февралем 1968 г., в котором издатель — явно в ответ на просьбу самой Синьорелли — освобождает ее от всех договорных обязательств и дает согласие на публикацию итальянского издания мемуаров.

еся в архиве APES, что соответствовало изначальному замыслу автора и дополнило ранее опубликованные отрывки⁷. В предлагаемой публикации изданные и неизданные части расположены в соответствии с их содержанием, по возможности в строгом хронологическом порядке, чтобы восстановить последовательность повествования, основанного на автобиографической линии, в соответствии с изначальным композиционным замыслом, каким он, вероятно, был на первом этапе работы. Однако при таком подходе материал представляется несколько разнородным: очевидно, требование сократить лирические отступления и сосредоточиться на портретах знаменитых личностей, с которыми Ольга общалась, побудили писательницу в какой-то момент отойти от сугубо автобиографического повествования и изменить структуру текста или же ввести «портретные вставки», как просил немецкий издатель. В результате такого решения появился ряд «тематических» отрывков, которые были вставлены в хронологически последовательное изложение событий определенного периода. Поэтому публикация на итальянском языке открывается длинным экскурсом в семейную историю и рассказом о детстве и юности, проведенных в Латвии, а затем идут годы учебы в Берне, Сиене и Риме. Далее следуют эпизоды, посвященные людям, с которыми писательницу связывало более или менее долгое общение: это Татьяна Толстая, Надин Хельбиг (княгиня Надежда Шаховская), Огюст Роден, Гордон Крэг, персонажи римского общества — такие как Джузеппе Примоли и другие, в том числе представители зарубежной русской общины. Здесь приведены отрывки именно из последнего тематического раздела.

Данный корпус мемуаров остался незавершенным и не был полностью отредактирован, но, несмотря на это, он дает более полное представление о личности автора. Эти мемуары следует рассматривать как часть громадного эпистолярного наследия писательницы в общем контексте ее многообразной деятельности и как свидетельство того, какое место занимала она в европейской культуре начала XX в.

При всей своей информационной содержательности мемуары не смогли вместить в себя множество других фактов и деталей, о которых мы знаем из переписки и косвенных источников; эти материалы настолько обширны и разнородны, что их почти невозможно выстроить в гармоничное повествование. Однако, несмотря на неполноту воспоминаний, на их фрагментарность и несвязность, отдельные их части — например представленные здесь отрывки, — дают возможность оценить присущую

⁷ Неизданные воспоминания Ресневич-Синьорелли [*«Memorie inedite»*, РИА VI/2, с. 145–248] включают серию хранящихся в APES машинописных документов, которые представляют собой расшифровки записей на пленке. Мемуаристка имела обыкновение делать магнитофонные записи своих рассказов, которые потом расшифровывал кто-нибудь из домашних (чаще всего дочь Мария). Не все эти пленки оказалось возможно использовать из-за ветхости самого носителя. В переписке неоднократно упоминаются части данных автобиографических заметок, которые не были обнаружены; вероятно, они были записаны как раз на эти пленки, которые нельзя прослушать.

Ольга Ресневич-Синьорелли (справа), Гордон Крэг и Мария Синьорелли

мемуаристике Ресневич-Синьорелли необычную оптику: это не взгляд самой героини, что на равных ведет диалог с описанными ею людьми, но взгляд особого зрителя, не всегда одинаково внимательно и осознанно наблюдающего реальность, в которой существуют эти неординарные личности и происходят явления и события необычайной важности. Мемуары в целом, а тем более отрывки, приведенные здесь в переводе, неизбежно представляют неполную картину, а порой даже случайный набор второстепенных эпизодов этой в высшей степени сложной и многообразной человеческой жизни, но, несмотря ни на что, они доносят до нас ее красочность и ее очарование.

Источники и литература

- APES — Archivio privato eredi Signorelli (Личный архив наследников Синьорелли, Рим)
- FSFC — Fondo Signorelli, Fondazione Cini (Архив Анджело и Ольги Синьорелли, Фонд Джорджо Чини, Венеция)
- Иванов 2009 — *Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л.Д.* Переписка 1894–1903 / вступ. ст., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова совм. с М. Вахтелем и Д.О. Солодковой. М.: Новое литературное обозрение, 2009. Т. 1–2.
- Ло Гатто 1992 — *Ло Гатто Э.* Мои встречи с Россией. М., 1992.
- РИА III — Русско-итальянский архив III: Вяч. Иванов: Новые материалы / сост. Д. Рицци и А. Шишкин = Archivio russo-italiano III: Vjačeslav Ivanov: Testi inediti / a cura di D. Rizzi e A. Shishkin. Salerno: Università di Salerno, 2001. (Collana di Europa Orientalis. Vol. 3). 574 с.
- РИА V — Русско-итальянский архив V: Русские в Италии / сост. А. д'Амелия и К. Дидди = Archivio russo-italiano V: Russi in Italia / a cura di A. d'Amelia e C. Diddi. Salerno: Università di Salerno, 2009. (Collana di Europa Orientalis. Vol. 9). 430 с.
- РИА VI/1 — Русско-итальянский архив VI: Ольга Синьорелли и культура ее времени / под ред. Э. Гаретто и Д. Рицци = Archivio russo-italiano VI: Olga Signorelli e la cultura del suo tempo / a cura di E. Garetto e D. Rizzi. T. 1. Salerno: Università di Salerno, 2010. (Collana di Europa Orientalis. Vol. 11/1). 388 с.
- РИА VI/2 — Русско-итальянский архив VI: Ольга Синьорелли и культура ее времени / под ред. Э. Гаретто и Д. Рицци = Archivio russo-italiano VI: Olga Signorelli e la cultura del suo tempo / a cura di E. Garetto e D. Rizzi. T. 2. Salerno: Università di Salerno, 2010. (Collana di Europa Orientalis. Vol. 11/2). 438 с.
- РИА IX/1 — Русско-итальянский архив IX: Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: Переписка / сост. и ред. Э. Гаретто, А. д'Амелия, К. Кумпан и Д. Рицци = Archivio russo-italiano IX: Ol'ga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa. Corrispondenze / a cura di E. Garetto, A. d'Amelia, K. Kumpan e D. Rizzi. T. 1. Salerno: Università di Salerno, 2012. (Collana di Europa Orientalis. Vol. 19/1). 480 с.
- РИА IX/2 — Русско-итальянский архив IX: Ольга Ресневич-Синьорелли и русская эмиграция: Переписка / сост. и ред. Э. Гаретто, А. д'Амелия, К. Кумпан и Д. Рицци = Archivio russo-italiano IX: Ol'ga Resnevič Signorelli e l'emigrazione russa. Corrispondenze / a cura di E. Garetto, A. d'Amelia, K. Kumpan e D. Rizzi. T. 2. Salerno: Università di Salerno, 2012. (Collana di Europa Orientalis. Vol. 19/2). 491 с.
- Benini 2007 — *Benini V.* «Stupiscimi!»: Léonide Massine, ballerino, coreografo e collezionista al Teatro Costanzi di Roma fra il 1914 e il 1917 // Toronto Slavic Quarterly. Summer 2007. № 21 // <http://www.utoronto.ca/tsq/21/index21.shtml>.
- Bertelé 2010 — *Bertelé M.* I carteggi in lingua tedesca di Olga «von Trastevere» // РИА VI/1. P. 347–367.
- Biggi 2010 — *Biggi M. I.* Lettere di Eleonora Duse ad Angelo e Olga Signorelli // РИА VI/2. P. 301–346.
- Caratozzolo 2012 — *Caratozzolo M.* Risolto il mistero Rembelinskij // Canfora L. Spie, URSS, antifascismo. Gramsci 1926–1937. Roma: Salerno Editrice, 2012. P. 260–264.
- Egizi 2008 — *Egizi E.* La compagnia dei Balletti russi di Djagilev in Italia // Teatro e storia. 2008. XXII. P. 123–148.

- Fabbri 2013 — *Fabbri T.* Fascismo e bolscevismo. Le relazioni nei documenti diplomatici italo-russi. Edizioni libreriauniversitaria.it, 2013.
- Garetto 1990 — *Garetto E.* Una russa a Roma. Varese, 1990.
- Garetto 1991 — *Garetto E.* Materiali sull'emigrazione russa // *Europa Orientalis*. 1991. № 10. P. 383–427.
- Garetto 2005 — *Garetto E.* Из архива О. Ресневич-Синьорелли // *Russian Literature LVIII–I/II. Special Issue: Andrej Belyj*. 2005. P. 75–83.
- Giuliano 2009 — *Giuliano G.* I russi alla «corte» di Mussolini // *PIA V*. P. 303–323.
- Giuliano 2011 — *Giuliano G.* Il Sole, «signore del limite»: Lettere di Francesco Pastonchi a Vjačeslav Ivanov // *Archivio Russo-Italiano VIII / a cura di Cristiano Diddi e Andrej Shishkin = Русско-итальянский архив VIII / сост. К. Дидди и А. Шишкин*. Salerno: Università di Salerno, 2011 (Collana di Europa Orientalis. Vol. 13). P. 105–139.
- Ivanov 1932 — *Ivanov V., Gerscenzon M.O.* Corrispondenza da un angolo all'altro / traduzione dal russo di Olga Resnevic riveduta da Venceslao Ivanov; introduzione di O. Deschartes. Lanciano: R. Carabba, 1932.
- Ivanov 1933–1934 — *Ivanov V.* Discorso sugli orientamenti dello spirito moderno // *Il Convegno. Venceslao Ivanov. 1933–1934*. № 8–12. P. 328–347 [переизд. в: *Иванов В. Собр. соч.: в 4 т. / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Bruxelles: Foyer Oriental Chrétien*. 1979. Т. III. С. 451–484].
- Petracchi 1982 — *Petracchi G.* La Russia rivoluzionaria nella politica italiana: le relazioni italo-sovietiche 1917–25. Bari: Laterza, 1982.
- Petracchi 1993 — *Petracchi G.* Da San Pietroburgo a Mosca. La diplomazia italiana in Russia 1861–1941. Roma: Bonacci Editore, 1993.
- Resnevic 1921 — *Andrea Bielii.* Il Colombo d'argento» [presentazione e traduzione di alcuni brani di Olga Resnevic] // *Russia*. 1921. № 4–5. P. 61–73.
- Rizzi 2007 — *Rizzi D.* Olga Resnevic Signorelli e la cultura artistica a Roma tra il 1910 e il 1925 // *Toronto Slavic Quarterly*. Summer 2007. № 21 // <http://www.utoronto.ca/tsq/21/index21.shtml>.
- Rizzi 2012 — *Rizzi D.* Djagilev, i russi e l'Italia // *Omaggio a Sergej Djagilev. I Ballets Russes (1909–1929) cent'anni dopo / a cura di D. Rizzi e P. Veroli*. Salerno: Università di Salerno, 2012 (Collana di Europa Orientalis. Vol.16). P. 55–76.
- Signorelli 1938 — *Signorelli O.* La Duse. Roma: Signorelli, 1938. 356 p.
- Signorelli 1939 — *Signorelli O.* Eleonora Duse: Leben und Leiden der großen Schauspielerin. Berlin: Dt. Verl., <1939>.
- Signorelli 1962 — *Signorelli O.* Das Vermächtnis der Duse: Ein Lebensbild aus Briefen, Bekenntnissen, Erinnerungen (Aus d. Italien. von O. Signorelli, H. Kiel und G. Birkenfeld). Herrenal; Schwarzwald: Erdmann, 1962.
- Signorelli 1989 — *Il carteggio tra Edward Gordon Craig e Olga Resnevic Signorelli (1934–1964) / a cura di M. Signorelli; traduzione di A. Rossatti // Teatro Archivio*. Gennaio 1989. № 12.
- Tamborra 1979 — *Tamborra A.* I rapporti col mondo russo // *Umberto Zanotti Bianco 1889–1963*. Roma: Associazione per il Mezzogiorno, 1979.
- Vassena 2010 — *Ўпістоларыі Дзюванны Папыні і Олга Сгнореллі / інтродуцыіі і ноте Дзю Р. Вассена // ПІА VI/1*. P. 129–299.
- Veroli 2010 — *Veroli P.* Teatro e spettacolo nella vita di Olga Resnevic Signorelli // *PIA VI/2*. P. 111–135.

ВСТРЕЧИ С АНДРЕЕМ БЕЛЫМ,
ПАВЛОМ МУРАТОВЫМ И ВЯЧЕСЛАВОМ ИВАНОВЫМ

Я встретила с Белым в сентябре 1923 г. в Берлине¹. В те дни мы жили в атмосфере, напоминавшей какое-то из его произведений. Он прослышал, что я в Берлине, и выразил желание встретиться. Он пригласил меня и еще двух русских друзей на ужин в один популярный ресторан. Мы пришли туда раньше него. Помню большой зал, уже заполненный густым дымом. Завсегдатаи за столиками оживленно беседовали или напряженно молчали с мрачным видом. Белый вошел стремительно, склонившись вперед, словно преодолевая вплавь это дымное море. Он принес мне в подарок все свои книги, опубликованные в Берлине. Говорил, что счастлив встретиться со мной лично. Повторял, что, как писал уже, был бы рад, если я переведу его воспоминания о Блоке, когда он их закончит. В Берлине он пережил время лишений. Теперь он получил деньги от издателей. Карманы его были набиты белыми листочками, которые постоянно сыпались наружу. Там, вероятно, были миллионы. Это был период самой высокой инфляции. Обменный курс менялся по четыре раза в день. Жены служащих поджидали мужей у выхода из конторы, отбирали жалованье и бежали менять деньги. Ценные бумаги падали с головокружительной скоростью. Курс упал до минимума 20 ноября 1923 г., когда за доллар давали четыре тысячи двести миллиардов марок. Многие интеллектуалы уехали из России за границу. Но Белый, подобно герою своей повести Дарьяльскому, мучился неодолимой тоской по своей страдающей родине и собирался туда вернуться. Он платил за всех. Деньги были ему больше не нужны — через пару дней он должен был уехать.

Мне запомнился блеск его мерцающих глаз, то темно-синих, то фиалковых, порой они как будто светились. Помню его взволнованный голос, когда он пылко говорил о Микеланджело, о сотворении Человека, и в памяти отпечатался не смысл его слов, а живость речи, убежденность и горячность его тона.

* * *

В Берлине на прощальном ужине, который устроил Андрей Белый для своих друзей перед возвращением в Россию, я познакомилась с Павлом Муратовым². Он приехал совсем недавно вместе с другими эмигрантами-интеллектуалами и намеревался устроиться за границей. Искусствовед, один из крупнейших специалистов по древнерусской живописи, он получил широкую известность в своей стране после выхода в 1912 г. трех томов «Образов Италии». Молчаливый, мягкий и

стеснительный — на первый взгляд казалось даже, что он не в состоянии связать двух слов. Но какой глубокой, безграничной любовью к Италии были полны его книги! С каким изысканным вкусом, с какой эрудицией он сумел преподнести эту страну, живую и неповторимую, русскому читателю — атмосферу и разнообразие ее пейзажей, запечатленные в живописи характерные особенности отдельных регионов и городов, ее вековые обычаи и традиции. Думаю, среди молодых людей, видевших в культуре источник духовного становления, не нашлось бы тогда ни одного, кто не прочитал его книг. Рассказывали, что некоторые бедные студенты готовы были продать последнее, включая кровать, чтобы попасть в эту восхитительную страну и увидеть своими глазами ее шедевры, творения человеческого гения. В это можно поверить — в Берне³ мне представилась возможность лично убедиться в том, как мало нужно на жизнь русскому студенту. Дабы сохранить независимость и свободу духа, некоторые эмигранты-интеллектуалы, познавшие на родине вкус славы и благополучия, были готовы вернуться к полуголодному студенческому существованию. В тот вечер, набравшись смелости, я принялась уговаривать переехать в Италию не только Муратова, но и философа Николая Бердяева и писателя Бориса Зайцева⁴, ближайшего друга Муратова, которому посвящены «Образы Италии». Благодаря всеобщему интересу и симпатии к России в те годы, а также поддержке слависта Этторе Ло Гатто⁵, активного популяризатора русской литературы, удалось без особых усилий создать Комитет помощи русским эмигрантам⁶. Так беженцы, с которыми я познакомилась, смогли перебраться в Рим⁷. Бердяев и Зайцев, даже оправившись после лишений, так и не нашли возможностей для работы в Италии и вместе с женами уехали в Париж, где к тому времени образовалась большая русская колония. Многочисленные издательства, журналы и газеты могли обеспечить им заработок. Муратов же получал небольшие деньги из Германии, где были изданы некоторые его труды, что позволяло ему, хотя и с трудом, прокормить жену и десятилетнего сына⁸.

Его жизнь в Риме была очень скромной, но исполненной аристократического достоинства. Друзья Муратова рассказывали мне о его великолепном доме в Москве, где всегда были рады гостям, об изысканных обедах, которые он давал. Когда настали тяжелые времена, из дома одна за другой стали исчезать дорогие вещи. А в самый трудный момент дошла очередь до старинных книг из богатейшей домашней библиотеки. Опустила и столовая, но до последнего дня там можно было найти благородные вина, отборные фрукты и прекрасные цветы. Я помню, с какой грустной улыбкой сказал он мне по приезде в Рим: «Нужно бы купить новые ботинки: слишком много людей обращают внимание на мои ноги, в Берлине до них никому не было дела».

Я счастлива тем, что помогла ему «открыть дорогу» в Рим, и стократ была вознаграждена за это его «просвещенной» дружбой. Как один из самых драгоценных подарков, которые преподнесла мне жизнь, вспоминаю я прогулки с Муратовым по полупустынным в ту пору римским улицам. Казалось, он знал здесь каждый камень. Небольшая деталь, старинный обелиск, саркофаг на углу одной из улиц — все это вновь наводило Муратова на размышления об античном мире от его зарождения до падения Римской империи. Его познания основывались не на

археологической эрудиции, он глубоко чувствовал далекие эпохи и жизнь создателей тех ренессансных или барочных дворцов, перед которыми мы останавливались, любуясь их великолепием. Он знал все о праздниках, традициях и легендах тех времен. Живо и органично рассказывал он мне о Вечном городе, раскрывая его историю в слиянии и преемственности разных эпох. Перед лицом великих творений человеческого гения робкий и застенчивый Муратов становился необыкновенно красноречив. Он любил создания рук человеческих так же глубоко, как и природу Италии. Вижу как сейчас его руку, он с нежностью поглаживает массивный ствол лавра, в тот день, когда впервые вошел в наш сад. «Как я тебя знаю, как люблю, — произнес он. — Я хорошо знаю и люблю дерево, цветок, зверя... Я не знаю человека — человек внушает мне страх». В связи с этим эпизодом мне приходят в голову «Три смерти» Толстого: гибель дерева в рассказе потрясает гораздо сильнее, чем кончина человека. Может статься, что в русской натуре, еще сохранившей глубокую связь с землей, больше заложено единения с природой, чем с обществом, жизнь которого полна интриг и измен. Но, несмотря на пессимистические заявления такого свойства, Павел Муратов был лучшим другом из всех, кого мне довелось встретить.

Однажды поздней осенью 1924 г. Муратов пришел ко мне с особо торжественным видом. «Я принес новость, которая вас непременно обрадует, — сказал он. — Несколько дней назад в Рим приехал поэт Вячеслав Иванов, и он очень хотел бы посетить ваш дом. Если вы не против, мы могли бы договориться, когда мне привести его». Конечно же я была очень рада возможности лично познакомиться с крупнейшим русским поэтом своего времени, но в то же время, как перед каждой новой встречей, меня охватило волнение, и на этот раз я волновалась особенно сильно. Я чувствовала себя совершенно невежественной и боялась раскрыть рот в присутствии такого образованного человека. К счастью, рядом был Муратов, как спасательный круг.

На следующий день в условленный час дверной звонок возвестил о приходе двух гостей. И вот в моем кабинете передо мной сам Иванов. «Слегка согбен, не стар, не молод, / Весь — излученье тайных сил», — приходят мне в голову строчки из стихов Блока, посвященные Иванову в 1912 г., когда тот покидал Петербург⁹. Слегка согбен — да, но лицо тонкое, розоватое, без следа пережитых за последние тяжкие годы страданий. Проницательный взгляд ясных синих глаз, слегка увеличенных стеклами очков в золотой оправе, придавал ему безмятежно-моложавый вид. Когда-то светлые, с золотистым отливом, а сейчас совсем уже седые волосы спускались почти до плеч, придавая его облику особую просветленность и достоинство человека, который прошел через жизненные бури, не потеряв себя и не изменив своим идеалам. Одетый в темное, по-старинному элегантный, обходительный, Иванов располагал к себе с первой минуты. Кто-то написал, что его душа была лирой с тремя струнами: поэзия, религия, философия. В ту первую встречу мне представилась возможность увидеть, с каким мастерством Иванов умел «играть» на своей лире, очаровывая окружающих. За чаем мы проговорили до позднего вечера. А точнее, проговорили мы с Ивановым: он задавал вопросы, я отвечала, а Муратов молча сидел рядом. Время от времени Иванов сопровождал

свои слова легким жестом бледной руки с тонкими длинными пальцами. И вот тогда я обратила внимание на отблески — то красноватые, то зеленоватые — от кольца с белым опалом на мизинце правой руки. Впоследствии я познакомилась ближе с этим опалом, и по игре его лучей научилась угадывать изменения в состоянии ивановского духа. Среди прочего он отметил, что я произвела на него впечатление человека, достигшего редкой духовной гармонии, и ему очень хотелось бы узнать, как я к этому пришла. Мне же казалось, что эксперт-психолог заблуждался: то, что он считал гармонией, было на самом деле лишь способностью владеть собой, что позволяло не обнаруживать перед окружающими душевных волнений. Он расспросил меня, что я читаю, кто мои любимые поэты, кто мне ближе — Платон или Плотин. Он спросил меня даже о том, что я чувствую, наблюдая звездное небо: поражает ли меня его мистическая грандиозность или оно навеивает воспоминания о близких, которых я потеряла. Не помню точно, что я тогда ответила, — наше отношение к вечным вопросам меняется в разные периоды жизни, — но помню, что уже ближе к вечеру, несмотря на мои привычные попытки защититься от вторжений в душу, этот поэт-обольститель деликатно и необыкновенно тактично заставил меня раскрыться. Секрет его магического обаяния состоял в таком умении слушать, какого я не встречала в других, от скромности, простоты, убедительности рассуждений.

Когда гости ушли, я поняла, что мы совсем не поговорили о нем самом, о его планах, о возможностях как-то устроить жизнь. Он приехал в Италию с двумя детьми: Лидией, выпускницей Московской консерватории, и Дмитрием¹⁰, подростком слабого здоровья, который нуждался в лечении, а также и в образовании. В настоящее время Лидия преподает в Академии «Санта-Чечилия» в Риме¹¹, а Дмитрий — тонкий поэт, талантливый журналист, пишущий под псевдонимом Жан Невсель. Тогда же, потеряв все, они должны были начинать жизнь сначала. А значит, нужно было как-то им помочь. Я отправилась на виа Кваттро Фонтане, где Ивановы снимали две комнаты у вдовы какого-то скромного чиновника. Одна из комнат еще была заставлена громоздкой мебелью, на которой красовались мраморные фрукты под стеклянными колпаками и другие безвкусные безделушки, неперменные атрибуты интерьера в подобных домах. Другая комната уже была отмечена присутствием новых жильцов: диван-кровать, стол с книгами, бумагой, карандашами и парой фотографий; у стены — фортепьяно, на нем — две-три гравюры. Все это придавало скромной обстановке особое достоинство. Я отважилась спросить у Иванова, как он собирается устроить свою жизнь. Он ответил, что не желает быть причисленным к разряду эмигрантов, и поэтому не может рассчитывать на помощь, предоставляемую переселенцам. Он намеревался работать и зарабатывать на жизнь, как делал это до сих пор. Было решено попробовать организовать публичные лекции, что-нибудь по латинской поэзии к примеру. Возможность представилась гораздо раньше, чем я могла надеяться, и даже, учитывая особые обстоятельства Иванова, еще и за небольшое вознаграждение. К сожалению, я не запомнила ни тему лекции, ни название той просторной аудитории, где она состоялась¹². Помню лишь впечатление, которое произвел на окружающих Иванов: публика была заворожена его итальянским, который, как говорили, немного напо-

минал язык времен Данте. Речь Иванова была такой совершенной и музыкальной, что очаровывала поневоле. Вопреки обыкновению, это знаменательное событие не осталось незамеченным в прессе. Один из отзывов, опубликованный в венской газете, попался на глаза мэру города Павия, который учился вместе с Ивановым в Берлине¹³. «Как?! Иванов в Италии, и никто из вас даже не думает использовать его необыкновенную культуру?» — написал он кому-то. После чего образованнейший человек и выдающийся гуманист дон Леопольдо Рибольди — в то время ректор Колледжо Борромео в Павии¹⁴ — отправил Иванову письмо с предложением поселиться там. Так Иванов попал в Павию. С 1925 по 1936 г. он прожил в Колледжо Борромео¹⁵, где в знак благодарности за гостеприимство преподавал студентам иностранные языки: русский, немецкий, английский.

Однажды, незадолго до отъезда из Рима, Иванов сказал, что хочет составить завещание. Он попросил меня быть одним из свидетелей и найти среди моих друзей еще троих. В назначенный час мы отправились к нотариусу. Мои друзья-итальянцы добродушно подтрунивали над человеком, который оставляет завещание, не имея при этом ни гроша за душой. Все его имущество состояло в возможных переизданиях уничтоженных трудов и в надежде на новые произведения. Когда нотариус, скрупулезно перечислив один за другим многочисленные статьи и параграфы, перешел к чтению текста завещания, Иванов встал, а за ним вслед поднялись и все мы. После церемонии один из свидетелей предложил отпраздновать это событие. Мы спустились в знаменитое кафе «Араньо»¹⁶ и, расположившись в большом зале, заказали горящий пунш. Все посетители смотрели на нашего официанта, когда он шел через зал с огромным подносом, на котором сверкали пять серебряных бокалов. Сейчас, когда работы Иванова издаются в Америке, я часто думаю, что он поступил тогда очень мудро, и вспоминаю голубовато-красные отблески его опала как символ нетленности великих творений человеческого духа.

В один из осенних дней 1925 г., когда мы сидели и беседовали в квартире Иванова, к нему пришел посетитель. Слегка удивившись в первую минуту, Иванов затем сердечно поприветствовал его. Это был высокий темноволосый молодой человек интеллигентного вида и с европейскими манерами. «Владимир Германович Лидин»¹⁷, — представил мне его Иванов. Я читала некоторые из его рассказов: он не принадлежал ни к правым, ни к левым советским писателям. Он относился к тем, кого можно было определить просто — русский писатель.

«Давайте сходим куда-нибудь, чтобы отметить эту новую неожиданную встречу», — предложил Иванов, и мы вышли на оживленную улицу. Иванов знаком остановил проезжавший экипаж и попросил: «К “Библиотеке”». Лошаденка затрусила размеренной рысью по виа Национале¹⁸. Лидин удивлялся гармоничному соседству роскошной архитектуры и скромных жилых домов. Знаменитая «Библиотека» была кабачком, где бутылки с вином расставили на стеллажах, как книги на полках. Сейчас, к сожалению, она полностью переустроена. Выпив немного шампанского, которое называлось именем не помню какого поэта, Иванов оживился и сделался необычайно словоохотлив: «Все проходит, друг мой, только поэзия остается. Гекзаметры древних римлян еще звучат на Аппиевой дороге¹⁹. Жаль, что вы так мало пробудете в Риме. Я с удовольствием провез бы вас по Ап-

пиевой дороге. Эта дорога была вымощена рабами Юлия Цезаря, и в катакомбах вы смогли бы вдохнуть горький воздух раннего христианства».

К сожалению, меня ждали дела, и я должна была уйти. Но на следующий день я вновь встретила с Лидиным, который рассказал, что весь вечер Иванов декламировал латинских поэтов и собственные стихи, не останавливаясь ни на минуту.

Я отвела Лидина в Ватикан, а через пару дней показала ему римский форум и Аппиеву дорогу. Он сказал, что для человека, приехавшего из разрухи, которая может сравниться только с последствиями землетрясения, кажется совершенно невероятным, что совсем недалеко все пока осталось на своих местах, в нетронутom виде. «В эпоху современных средств сообщения кажется, что мир стал таким тесным, но на самом деле он все еще необъятен, — добавил он. — Несколько месяцев назад я был с экспедицией в Арктике. Мы нашли одно племя, где даже представления не имеют о том, что были война и революция. В племени царит матриархат. Их предводительница, высокая красивая женщина, одетая в красное, вся в золоте, вышла мне навстречу: “Дыхни на меня, — попросила она, склонившись к моему лицу. — От тебя не пахнет ни вином, ни табаком, чужеземец. Можешь остаться. Будь нашим гостем”. Я провел у них две недели и был окружен заботой, как сын. Никогда не забуду этот редкий опыт общения с людьми, создавшими цивилизацию, настолько чистую в своих истоках».

Лидин рассказал мне, что познакомился с Ивановым в Москве далекой зимой 1919 г., в разгар Гражданской войны. Нашел его совершенно продрогшим на морозе и привел к себе домой. Поэта в квартире встретило тепло, исходящее от железной буржуйки. Еще в отрочестве Лидин много слышал об Иванове, которого называли тогда «некоронованным королем петербургских поэтов». Он видел его портрет работы художника Константина Сомова — с золотыми отблесками длинных волос²⁰; слышал, что он жил в Петербурге в знаменитом доме, прозванном «Башней», где часто собирались поэты, художники, политики и устраивались бурные дискуссии об искусстве и поэзии. Тогдашнему подростку все это казалось сном, недостижимой мечтой. У Лидина было два тома стихов Иванова; он восхищался его знанием латыни, которую тот понимал и чувствовал как древний римлянин. Лидин решил искать Иванова, так как один молодой энтузиаст намеревался открыть издательский дом, чтобы публиковать оригинальную и переводную поэзию.

Встретив его наконец, Лидин не смог узнать известного лингвиста и блестящего поэта в этой фигуре, укутанной в ветхую шубу с вытертым бобровым воротником и в перчатках без пальцев. «Как у вас жарко!» — воскликнул Иванов, входя. Он присел около печи и уснул. Очнувшись ото сна через пару минут, как будто продолжая начатый разговор, сказал: «Знаете, я был убежден, что поэзия больше никому не нужна. Но несколько дней назад меня пригласили на одно собрание, где среди прочего обсуждалась публикация серии греческих и латинских авторов. Хотели включить и Петрарку. Я уже давно перевел кое-что из его сонетов. Если бы я смог раздобыть хоть немного дров, принял бы за работу и трудился бы не покладая рук». Тем временем мать Лидина испекла пирог. Напившись чаю с горячим пирогом, перешли к разговору об издательском проекте молодого энту-

зиаста, который предполагал и участие Иванова. Он был готов работать с великим удовольствием, «если бы в качестве гонорара мог получать немного дров и муки». К сожалению, это начинание не имело продолжения. У молодого человека не было ничего, кроме огромного энтузиазма: ни денег, ни дров, ни издательского опыта.

В те годы советское правительство направляло в свои посольства за границей не только политиков-функционеров, но и деятелей культуры. Так, советский посол в Риме Платон Михайлович Керженцев был литератором с широким кругозором, особенно его интересовали вопросы театрального искусства²¹. Консулом тогда был Владимир Николаевич Рембелинский²², который, со слов Лидина, был типом весьма экстравагантным: он был в состоянии проспаться всю ночь на полу, постелив солдатскую шинель; любитель поэзии, он мог декламировать наизусть все стихотворения Тютчева; любуясь звездным небом, он был способен распознать каждую планету, как специалист по астрономии. Выслушав рассказ Лидина о встрече с Ивановым, Рембелинский воскликнул: «Иванов в Риме!» — и принялся разглядывать что-то за окном, в саду посольства на виа Гаэта²³, а затем вскочил и исчез за дверью. Потрясенный Лидин, в уверенности, что насмерть перепугал консула известием о пребывании Иванова в Риме, подошел к окну и увидел, что тот отгоняет кота, собиравшегося броситься на какую-то птичку. «Итак, Иванов в Риме, — входя в комнату, продолжил он, — нужно сказать об этом Платону Михайловичу, он наверняка будет рад встретиться с ним».

Познакомившись с Ивановым, Керженцев никогда не забывал приглашать его на приемы в посольство. Позднее Иванов представил Керженцеву и меня. Я пригласила его с женой в гости, после чего мы встречались еще много раз и в посольстве, и у нас дома, бурно дискутируя об искусстве, литературе и в особенности о театре. Покидая Рим, он подписал мне на память свою книгу «Творческий театр». Во время недолгого пребывания в Риме знаменитого режиссера Мейерхольда и его жены Зинаиды Райх²⁴ Керженцев рекомендовал им меня как человека, который может рассказать об Элеоноре Дузе²⁵. С Мейерхольдом и красавицей Зинаидой Райх, одной из лучших актрис своего времени, мы провели полдня в разговорах о Дузе. Я прочитала им несколько выдержек из ее писем²⁶, которые глубоко тронули Райх. Мейерхольд видел все выступления Дузе в России²⁷ и был восхищен ее профессионализмом: «Это был великолепный, мастерский ход, — говорил он, — когда в начале первого акта “Ромео и Джульетты” она предстает перед публикой даже не пятнадцатилетней, а тринадцатилетней девочкой, чтобы еще глубже подчеркнуть контраст с той изможденной горем зрелой женщиной, что мы видим в конце спектакля. Другая ее гениальная находка — знаменитые диалоги, которые она начинала шепотом, чтобы иметь возможность постепенно придать голосу нужную полноту и интенсивность по ходу развития действия. Я не встречал другой актрисы, способной так передать каждый оттенок душевного состояния человека. Нужно было слышать, с какими разными интонациями она произносит имя Армандо в знаменитой сцене в игорном доме из “Дамы с камелиями”. Это была чередá восклицаний: вопрос, удивление, презрение, гнев, нежность... Если кто-то из критиков заметит, что мои рассказы о манере игры Дузе повлияли на Зинаиду Райх в роли Маргариты²⁸, я, без сомнения, не стану это отрицать».

Мейерхольд и Райх были в восторге от Рима и рассказали о забавном приключении в день приезда. Оставив багаж в гостинице «Италия», они поспешили отправиться на холм Пинчо, чтобы насладиться панорамой города, и добрались туда как раз к закату. Очарованные этим великолепным зрелищем, они поцеловались. В то же мгновение как из-под земли рядом выросла фигура в форме, со стопкой квитанций и карандашом в руках:

— С вас двадцать лир, синьоры, — произнес страж порядка, отрывая листок. Удивленный Мейерхольд спросил почему.

— В Италии запрещено целоваться на улице. Штраф — десять лир с каждого нарушителя.

— Но я поцеловал свою жену.

— Тем более заслуживаете штрафа: вы могли бы поцеловать ее и у себя в номере, — не унимался блюститель морали.

«Нам показалось, что эта история случилась со мной, большим любителем шуток, как будто нарочно, и мы истолковали ее как добрый знак. Знаете, вопреки тому, что обо мне обычно рассказывают, — продолжал Мейерхольд, — у меня очень веселый нрав. Во время встреч с Вахтанговым нам удавалось шутя разрешить все, даже самые серьезные проблемы. Но Зинаиду я ужасно ревную: лучше ее не задевать! Меня, к примеру, очень огорчает, что мы не можем пройти по очаровательной виа Венето²⁹, чтобы нас не преследовали возгласы восхищения со стороны завсегдатаев кафе Розати. Согласен, такой прием польстит актрисе, когда она на сцене, но те же слова, произнесенные вслед на улице, могут показаться почти издевательством».

Несколько дней спустя — еще один долгий разговор у меня дома. А 5 августа 1925 г. я получила письмо от Зинаиды Райх, в котором в качестве «директора издательства при театре Мейерхольда» она просила меня подготовить томик воспоминаний об Элеоноре Дузе. От шести до десяти печатных листов (ее творчество, ее индивидуальность, ее жизнь) с приложением писем, адресованных мне и другим друзьям. Издательство предлагало гонорар в 90–100 рублей за печатный лист. О задатке и подписании договора мне должны были сообщить к 1 октября. Я ответила, что была бы безмерно счастлива сотрудничать с театральным деятелем, которого ценила выше всех других, и с великим удовольствием принимаю предложение.

Прошли дни, недели, месяцы молчания. Наконец, через год, пришло письмо от Зинаиды Райх из Москвы, датированное 16 августа 1926 г. Она была очень огорчена тем, что во время их пребывания в Риме не были определены «наши деловые и дружеские отношения». Писала, что они регулярно направляли письма и мне, и Иванову и не получали в ответ ни строчки. Она предполагала, что наше молчание объяснялось плохой работой почты, так как письма во Францию и Германию всегда доходили вовремя и оттуда своевременно приходил ответ. Она писала: «Раз уж мы установили с Вами контакт, буду упорной: напишу еще пятьдесят раз... пока не придет от Вас ответ. Не думаю, что у Вас с Ивановым есть хоть какой-то мотив, чтобы лишить меня ваших писем и вашей дружбы...» Она спрашивала, как продвигается моя работа о Дузе, потому что очень хотела опубликовать ее уже осенью. «Издательство при театре Мейерхольда выпустило уже семь томов. Это, конечно, немного, но для начала уже кое-что. Если Вы не связаны

договором с каким-либо другим русским издательством для публикации книги о Дузе, прошу Вас написать мне. Мы сейчас же вышлем договор и, после того как Вы его подпишете и отправите нам назад, примемся готовить книгу к публикации этой осенью. Если Вы получите это письмо, прошу незамедлительно ответить. Очень прошу Вас не сердиться на меня. Целую Вас. С нежностью и теплом вспоминаю наши встречи в Риме. Вы произвели на меня очень светлое впечатление.

Сердечный привет и от Вс. Мейерхольда.

Ваша Зинаида Райх».

Получив это письмо, я немедленно написала Зинаиде Райх, но вновь ни строчки в ответ... Плохая работа почты была здесь, конечно, ни при чем: Муссолини установил отношения с Советским Союзом лишь на короткий срок, а затем они вновь были прерваны³⁰. Почтовое сообщение также прекратилось. Когда Гордон Крэг³¹, вернувшись из Советского Союза в 1935 г., с негодованием рассказывал о загадочном исчезновении Мейерхольда и варварской расправе над очаровательнейшей Зинаидой Райх, такой трепетной в своем идеализме, мое сердце сжималось от боли. Эта боль не оставляет меня и сегодня, когда пишу эти строки. Очень хочу надеяться, что среди многих ран, нанесенных ее чувствительной душе, не было тягостного разочарования в нашей дружбе, что она поняла причины моего молчания и оно не омрачило того «светлого впечатления», которое я произвела на нее. До сих пор с нежностью храню в сердце воспоминание о том, как она поверила в меня и поддержала в работе над книгой о Дузе.

* * *

После долгого отступления и рассказа о милых сердцу встречах, которые «подарил» мне Иванов, хочу вернуться к нему самому, к последнему периоду нашей дружбы.

Проведя десять лет (1925–1936 гг.) в павийском Колледжо Борромео, Иванов переехал в Рим. Пока он жил в Павии, наши отношения ограничивались моими короткими визитами и несколькими письмами, особенно в тот период, когда я переводила «Переписку из двух углов»³². Однажды мы увиделись в Сан-Ремо³³, где по инициативе поэта Пастонки³⁴ проводилась серия литературных и научных конференций. Там выступали Поль Валери³⁵, Уго Ойетти³⁶, известный ученый Воронов³⁷, и вот управляющий местного казино Марко Спаини³⁸ пригласил на одну из встреч Иванова, предложив ему неделю пожить в Сан-Ремо. Помню, как после лекции Иванова о русском символизме³⁹ Пастонки заметил: «Стихи Блока во многом уступают вашим произведениям». «Поэзия Блока во многом отличается от моей, что вовсе не означает, что он не является великим поэтом», — ответил Иванов.

В Риме Иванову посчастливилось найти небольшую квартиру на виа Рупе Тарпеа (ныне не существующей) за Капитолием, с видом на Форум. Он поселился там с детьми и близкой подругой, которая приехала из России для изучения работ Микеланджело⁴⁰. Сколько раз в час заката я заставляла его на балконе за созерцанием античных развалин! В такие минуты он, конечно, был погружен в воспоминания о далеком прошлом — о тех временах, когда он занимался исследованиями для своего главного труда, когда он познакомился с женщиной своей жизни⁴¹. Он

имел привычку работать по утрам, а вечерами с удовольствием принимал гостей. Он обладал настолько обширными знаниями, что был невероятно счастлив возможности поделиться этим богатством. В доме Иванова собирались такие знаменитости, как Мартин Бубер⁴², Мережковский⁴³, Эрнст Курциус⁴⁴. Но и молодых он принимал охотно. Одним из его постоянных гостей был молодой немецкий поэт Берндт фон Хейселер, сын знаменитого переводчика русской поэзии Генри фон Хейселера⁴⁵. Иванов внимательно читал сочинения молодежи, тщательно их анализировал, подробно обсуждал с автором, а затем как будто «переписывал» произведение заново, помогая тем самым лучше выявить его суть. На скольких встречах и дискуссиях, проходивших в располагающей атмосфере его скромной столовой за старым круглым столом при свете старинной люстры, мне довелось присутствовать! Гостям всегда подавали чай по традиционному обычаю русского гостеприимства, а когда во время войны вдруг раздавались сирены, приходилось, несмотря ни на какие отговорки, принимать приглашение задержаться у Иванова и в итоге разделить с хозяевами их более чем скромную трапезу.

Иванов не считал себя политическим изгнанником и ни о ком не отзывался плохо. Он говорил: «Чтобы развенчать доктрины, достаточно фактов, слова же могут оклеветать людей, их намерения». Он испытывал потребность передавать окружающим свои идеи, его внутренняя интеллектуальная жизнь никогда не останавливалась. Он терпеливо выслушивал даже самые абсурдные вопросы и невозмутимо отвечал на них. И только опал в его кольцо пылал тогда неистовым огнем; поэт становился еще более учтивым, в голосе появлялся металл, а если он случайно закидывал ногу на ногу, то стопа его начинала раздраженно «танцевать». Прочитав «Переписку», один образованный священнослужитель сказал ему: «Мне глубоко импонирует то, что для вас культура — синоним религии», — на что Иванов парировал: «Подлинная культура есть религия, а упражнение в поэзии есть религиозное служение».

— Что для вас Рим? — спросил его один молодой человек, изучавший историю Древнего Рима.

— Мое видение истории — ответил Иванов, — христоцентрично, Рим для меня является тем, чем он был со времен зарождения христианства, то есть столпцей христианского мира.

— А вы, почему вы — христианин?

Иванов в раздумье склонил голову и, помолчав, ответил:

— Именно потому, что я испытываю глубокую симпатию к Иисусу как к человеку, потому что думаю, что он являет собой подлинный образец человека. Он подает мне лучший из примеров. А главное, потому, что я люблю Иисуса-человека, верю ему на слово и хочу быть его другом. Это очень просто.

— Как же с подобными идеями вы смогли работать профессором в коммунистической России?

— Я пользовался авторитетом благодаря трудам по греческому и средневековому театру как коллективному искусству... У меня состоялся даже один публичный диспут с Луначарским на тему «Почему не нужно верить в Бога»⁴⁶. Я, конечно же, отстаивал утверждение «почему нужно верить». Три часа в огромном театре,

перед толпой народа... Я понял, что так больше продолжаться не может. Мне дали разрешение на выезд. Я хотел жить и умереть в Риме. Из двух родин я выбрал ту, которая ближе моему духу.

Иванов охотно принимал у себя, но сам не любил наносить визитов, они его утомляли. Он делал исключение только для нас, чтобы побыть немного среди друзей или когда у нас были гости, которые его интересовали. Так он познакомился у меня с Джованни Папини⁴⁷, с которым его связала впоследствии многолетняя дружба. Прощаясь, Иванов дал Папини визитную карточку с надписью «Проф. Вячеслав Иванов». «Почему такой поэт, как вы, указывает на карточке профессорское звание?» — спросил Папини. «Потому что я весьма благодарен профессору Иванову за то, что он иногда позволяет мне быть поэтом», — ответил он, имея в виду, что, только будучи профессором, он мог зарабатывать себе на хлеб и таким образом оставаться поэтом.

* * *

В 1928 г. я переживала трудный период. В такие моменты опасная ситуация иногда дает ощущение некоторого душевного подъема. Я обещала навестить своих родственников и отправилась в путешествие на аэроплане, что по тем временам расценивалось почти как испытание на смелость. Помню, как прощались, как меня захлестнули эмоции, как я вдруг оказалась в воздухе, как последним исчезло из виду красное пальтишко моей младшей дочери, мелькавшее, словно мак, на зелени взлетного поля. Постепенно исчезали дома и купола, а за ними — развалины древнеримских акведуков; и только деревья оставались видны еще какое-то время. Я описала в своем письме к Иванову то особое ощущение полета, когда в полном отречении от всего земного можно созерцать бренность и человеческих жилищ, и «вечных творений»; с высоты только увядающая, но всегда возрождающаяся природа кажется вечной.

Как свидетельство трогательной заботы Иванова обо мне приведу фрагмент его ответа: «Мне тяжело слышать, что Вы так часто испытываете угнетенное душевное состояние. Здесь есть, несомненно, доля самовнушения, которое Вам легко победить собственным усилием, потому что Вы умеете становиться духовно выше жизни. Найдите в себе силы для этого действия *высшей* воли, выйдя из границ тесного личного я. Кто знает в себе свое *высшее* я и может минутами прильнуть к нему всецело и почувствовать себя всецело в нем, в этом высшем я, — тот должен положить свои невидимые руки на плечи своего низшего земного я и вести его куда хочет, как ребенка, — и, как ребенка, ободрить его, отогнать от него всякий страх и уныние, вдохнуть в него силу и радость... Я, к сожалению, никогда не испытывал ощущение полета. Но напрасно, взглянув на Рим с воздушной высоты, Вы нашли мелкими и ничтожными человеческие творения. Поверьте, что одна клеточка нашего мозга содержит в себе больше ценности и вечности, чем любая междупланетная пустота. Не нужно поклоняться Пространству, как и Времени, и признавать власть этих двух призраков над нами»⁴⁸.

В 1926 г. Иванов принял католичество. Он умер 16 июня 1949 г., «излучая свет» до последней минуты. Как тающая свеча, тихо угас, приложив руку к сердцу.

ДЯГИЛЕВ В РИМЕ

Когда в 1917 г. Русский балет прибыл в Рим, мои парижские друзья представили мне Наталью Гончарову и Мишеля Ларионова⁴⁹, которые работали художниками-декораторами в труппе Дягилева. Сразу после приезда они пришли к нам в гости, чтобы познакомиться поближе, а со временем наше знакомство переросло в крепкую и долгую дружбу.

Разместив мастерскую на виа Принчипесса Клотильде, в двух шагах от пьяцца дель Пополо, они начали заниматься декорациями. Через некоторое время приехал Дягилев. Вижу словно сейчас, как он входит в мой дом. Человек редкой красоты, производивший неизгладимое впечатление: высокий, элегантный, крепкого сложения, не склонный к полноте. Еще в молодости у него появилась прядь седых волос, которая, по мнению танцоров труппы, придавала облику особый, неповторимый шарм. У него были светлые глаза, русые волосы, и эта седая прядь как будто освещала его лицо. Он был очень вежлив, имел прекрасные манеры, но всегда так подчеркнуто сохранял дистанцию, что я до сих пор не понимаю, как можно было поддерживать с ним тесные доверительные отношения. Он был повелителем по натуре, и, может, именно в этом заключалась его истинная суть.

В труппе Дягилева царила строжайшая дисциплина. Балерины не должны были появляться на улице накрашенными и ярко одетыми. Они носили серые пальто из грубой непромокаемой шерсти, в которых выглядели совершенно безликими. Танцовщицы не могли никого принимать у себя без разрешения директора. Через его руки проходила вся их частная переписка. Дягилев любил говорить: «Я вкладываю в вас всю мою жизнь, весь мой труд. Мне стоит огромных усилий находить необходимые средства, а значит, я не могу позволить себе, чтобы танцор, подготовленный на наши деньги, погубил свою карьеру из-за глупого пустяка, неразделенной любви или болезни. Для меня такая потеря означала бы прежде всего потерю работника».

Узнав, что я врач, он очень обрадовался, и каждый раз, когда балерины плохо себя чувствовали, вызывал меня осматривать их. Однажды он пригласил меня даже к Мясину, когда у того начался грипп. Мясин жил тогда на виа Парламенто, напротив кафе «Араньо». Именно он доставал для меня пригласительные билеты на спектакли, поскольку Дягилев совершенно ими не распоряжался. Будучи главой труппы, он совершенно не интересовался материальными аспектами, вплоть до того, что не знал, мог ли он сам занять то или иное место в зрительном зале. Все зависело от его друга-администратора, что также было частью строжайшей иерархии, на которой держалась дисциплина в труппе. Но, несмотря ни на что, время от времени некоторым удавалось сбежать. В их числе была и прима-балерина Лопухова⁵⁰. Я хорошо помню ее: небольшого роста, очень красивая, жизнерадостная, полненькая и розовощекая, как наливное яблоко. Впоследствии она вышла замуж за знаменитого английского экономиста Кейнса⁵¹, обосновалась в деревне и не вспоминала больше о балете.

Дягилев замечал все, от него не могла ускользнуть ни одна деталь. Помню один очень личный факт. Однажды, придя ко мне, чтобы узнать о состоянии од-

ной больной, он увидел на столе куколок — их делала моя дочка Мария, которой тогда было лет пять⁵². Рассмотрев внимательно одну за другой, Дягилев спросил:

— Кто их сделал?

— Моя дочка.

— Думаю, что из этой девочки что-нибудь получится. Сделайте мне одолжение: посылайте мне каждый год по одной кукле. Очень хотелось бы проследить, как будет развиваться такой неординарный талант, и узнать, что из нее выйдет.

Пару лет, действительно, я ему посылала Машиных кукол.

Узнав, что Элеонора Дузе в Риме, Дягилев попросил ее почтить своим присутствием один из спектаклей. Помню, что ставили «Золотого петушка» с Лопуховой в главной роли и с декорациями Натальи Гончаровой. Дягилев ужасно расстроился, когда узнал, что администратор дал им вместо ложи два кресла в партере. Поднявшись вместе с Дузе после спектакля на сцену, Дягилев поприветствовал ее, а затем появилась Лопухова — еще в гриме — и поцеловала ей руку. Дузе обняла ее в ответ. Когда балерина заметила, что на белой перчатке актрисы остался яркий отпечаток губ, она пришла в отчаяние, но Дузе успокоила ее: «Я сохраню ее как память о тех незабываемых эмоциях, которые пережила, любуясь вами на сцене».

В 1915–1917 гг. Огюст Роден⁵³ часто бывал в Риме. Его друг виолончелист Ливิโอ Бони⁵⁴ играл для него Бетховена и Баха. Узнав об этом, Дягилев загорелся идеей познакомить Родена с одним из последних произведений Стравинского. Прибыв в «Гранд-отель», Бони и Роден застали Альфредо Казеллу⁵⁵ и Стравинского⁵⁶ уже за роялем, они исполняли в четыре руки что-то из Бетховена. Окончив фрагмент, перешли к сочинению Стравинского. За окном шел проливной дождь. Когда стихли последние аккорды, они оглянулись по сторонам и поняли, что Роден исчез. Для него музыка заканчивалась на Бетховене и Бахе, композиция же Стравинского, исполненная в четыре руки в небольшом гостиничном холле, переполнила чашу его терпения. «Я боялся оглохнуть: мои уши не привыкли к подобному шуму. Так что я предпочел ливень», — объяснил он на следующий день, извиняясь за побег.

Вечером 12 апреля 1917 г. Мясин пригласил меня на премьеру балета Винченцо Томмазини «Женщины в хорошем настроении» («Проказницы»)⁵⁷. Когда я собиралась на спектакль, вдруг раздался телефонный звонок. Это был Дягилев, который взволнованно проговорил: «Мне очень жаль беспокоить вас, но я должен попросить об одном величайшем одолжении. Умоляю вас отказаться от похода в театр сегодня вечером и приехать в клинику Королевы Елены, куда отвезли жену моего камердинера на срочную операцию. Мы в полном отчаянии. Мясин плачет как ребенок и говорит, что не знает, как будет танцевать сегодня вечером. Мне очень неловко просить вас пропустить премьеру, но мы страшно волнуемся: кто знает, как все пройдет. Если после операции вы смогли бы заехать к нам в отель, где мы будем ждать вас с огромным нетерпением, я был бы вам бесконечно признателен. Сделайте одолжение, приезжайте в любое время дня и ночи».

Я помчалась в клинику. Операция уже началась, и ситуация была очень непростая. Это был тяжелый случай внематочной беременности, но у операционного стола стоял лучший гинеколог Рима профессор Микели⁵⁸, а значит, я могла быть спокойна. Когда все закончилось, пациентка, придя в себя, поблагодарила

меня едва заметной слабой улыбкой. Перед тем как вернуться домой, я заехала в «Гранд-отель» к Дягилеву и Мясину, которые, вернувшись со спектакля, ожидали меня в чрезвычайном волнении. С ними был и камердинер, муж больной. Мои известия их обрадовали, и Дягилев воскликнул: «За это нужно выпить! Шампанского!» Принесли шампанского, и мы подняли бокалы за здоровье Мариэтты.

А ранним утром следующего дня профессор Микели позвонил моему мужу, который тоже был врачом, и взволнованно сказал: «Будь так добр, срочно приезжай в клинику. Не понимаю, что происходит, но женщина, прооперированная сегодня ночью, находится при смерти». Муж наскоро оделся и поспешил в клинику. Я за ним. Больная была настолько бледна, что ее лицо казалось прозрачным. Она улыбалась. Потеряв много крови, она совершенно не чувствовала боли. Жизнь покидала ее, пульс почти не прослушивался. Микели проверил, не разошлись ли швы, но все было в порядке. Больная умирала из-за редчайшего случая аллергии на хлороформ.

Спешно прибыли Дягилев с камердинером. Несмотря на свое флорентийское происхождение, несчастный муж со всей силой безудержного южного темперамента рыдал и пытался обнять жену. Медсестрам удавалось удерживать его с большим трудом. Дягилев с улыбкой подошел к умирающей и нежным голосом прошептал: «Ты хорошо себя чувствуешь, Мариэтта, правда?» Она ответила ему все той же слабой улыбкой, едва заметной на губах. «Я знаю, что ты любишь шампанское. Я принес тебе “Вдову Клико”. Вот так, выпей глоток, это пойдет тебе на пользу». Она приняла бокал с благодарностью, отразившейся в ее последнем взгляде. «Вот видишь, тебе уже лучше. Ты уже не такая бледная», — продолжал Дягилев, а камердинера в это время силой уводили из палаты.

Мариэтта ушла из жизни, засыпая, без страданий, будучи в ясном сознании.

Мы вышли из клиники. Был пронзительно холодный, дождливый апрельский день. «Прошу вас, поедemте с нами», — сказал Дягилев. Мы взяли пролетку с поднятым верхом и отправились в гостиницу: я — посередине, сидя между Дягилевым и камердинером. Помню, как меня поразили человеческое участие и деликатность Дягилева, которого я привыкла видеть отстраненно холодным и хорошо владеющим собой. По его щекам катились крупные слезы: «Мариэтта была образцом истинной доброты, всегда старалась прийти на помощь. И если существует рай, она наверняка попадет туда, потому что была очень хорошим человеком».

С тех пор прошло уже много лет, но каждый раз я с содроганием вспоминаю то ледяное апрельское утро, дождь со снегом, поднятый верх коляски и нас троих, растерянных и раздавленных горем.

В день похорон маленькая церковь Сакро-Куоре на набережной Тибра была усыпана прекрасными цветами, которые заказали танцоры труппы. Приехали все до одного. Балерины в своих серых пальто из лодена на фоне роскошных цветов выглядели еще более убого. Какая-то женщина спросила меня:

— Это что, гимназистки?

— Что-то в этом роде, — ответила я ей.

ПРАСКОВЬЯ НИКОЛАЕВНА МИЛЮТИНА

Однажды за обедом у князей Юсуповых⁵⁹ мое внимание привлекла женщина немного деревенского вида, которую я видела первый раз. Она была среднего роста, очень крепкая, но не полная, скромно одетая, с резкими чертами лица и живыми серыми глазами. Ее мягкий голос совершенно не соответствовал той грубоватой откровенности, с которой она давала резкие оценки событиям дня, высказывалась — как об отсутствующих, так и о присутствующих. Подобные манеры в то время и в той среде не были обычным явлением.

Впоследствии мы часто встречались, и со временем первая симпатия переросла в крепкую дружбу. Она была неординарной женщиной с быстрым умом и поразительной интуицией. Звали ее Прасковья Николаевна Милютина⁶⁰. Резко, но без злобы она всегда говорила то, что думала.

В другой раз, опять же в доме Юсуповых, мы увидели ее в окно веранды — она направлялась по дорожке сада к вилле. Пашенька, как мы по-дружески звали ее между собой, не была приглашена в тот день, но по русской традиции друга, заходившего в час обеда, всегда звали к столу. Пашенька присоединилась к нам. Я заметила некоторое удивление на лицах гостей, но никто не подал вида, не прервал беседу. В этом доме никогда не злословили. После обеда мы вышли вместе, и Пашенька спросила, произвело ли впечатление на моих сотрапезников ее столь внезапное появление. «Те, у кого совесть нечиста, боятся меня, — добавила она. — Нас же с вами никто не испугает, потому что мы всегда говорим правду. Большинство людей больше всего боится откровенности».

Прасковья Николаевна была дочерью ближайшего соратника Александра II, который во многом повлиял на императора в принятии решения об отмене крепостного права. Она жила в Риме в маленькой квартирке, стены которой были заставлены стеллажами с книгами, увешаны фотографиями, вышитыми полотенцами, старинными гобеленами. Эти вещи хранили воспоминания о прошлом; служанка эмигрировала вместе с ней и была верна ей всю жизнь.

Иногда Пашенька приглашала нас с Анжело на ужин и всегда готовила традиционные русские блюда; она оставляла за нами выбор времени, чтобы мы могли прийти к ней спокойно, без спешки, закончив дела. Как-то вечером мы появились позже обычного. После ужина, расположившись за беседой в удобных креслах, мы заметили, что Анжело задремал. «Ш-ш-ш, тихо, — прошептала Пашенька. — Должно быть очень устал, бедняга. Будем говорить потише, пусть отдохнет хоть чуть-чуть». Пишу об этом эпизоде, чтобы подчеркнуть отсутствие конформизма и способность к сопереживанию в этой женщине, воспитанной в великосветском обществе.

Вопреки традициям того времени ее «вывели в свет» очень молодой. Их дом посещали деятели искусства, политики, люди из высшего общества. Отец Прасковьи Николаевны был человеком передовых взглядов. Он считал, что дочери начиная с самого раннего возраста будет полезно общение с людьми, которые представляют цвет общества своей эпохи. Ей было всего пятнадцать-шестнадцать лет, но она уже могла свободно появляться на приемах, беседовать с молодежью и

старшим поколением. Она рассказала мне об одном литературно-музыкальном вечере, на котором ей разрешили присутствовать.

Первым выступал Маркович⁶¹, сейчас совершенно забытый всеми. Тогда же этот высокий темноволосый молодой человек был довольно модным писателем, известным и уважаемым в свете. Он прочитал один из своих коротких рассказов; в голосе его чувствовалась легкая дрожь, в жестах — сдержанность. Собравшиеся встретили его бурными овациями.

Затем настал черед Плещеева⁶², поэта старшего поколения, он говорил печально, едва слышно и в первую минуту произвел на публику грустное впечатление. Но постепенно голос его стал крепнуть, зазвучал все более убедительно и мощно; искренность эмоций, подчеркнутая превосходной дикцией, захватила аудиторию. Его последние слова зал встретил с неподдельным восторгом. Плещеев был современником и другом Пушкина в последние годы его жизни; казалось даже, что какой-то светлый отблеск духа великого поэта лежал на его хрупкой фигуре.

Третьим был Достоевский. Он предстал перед собравшимися неловким, несколько резким в движениях, «производя впечатление фабричного рабочего, которого одели во фрак». Он начал надломленным, почти неслышным голосом, который затем постепенно наполнился силой: Достоевский читал отрывок из «Братьев Карамазовых» о болезни и смерти Илюши. Аудитория слушала затаив дыхание, напряжение нарастало по мере развития действия, а к концу почти все были в слезах.

Во второй части программы выступала знаменитая певица — энергичная, темпераментная молодая женщина, черноглазая, с темными волосами, которые ярко оттеняло белое атласное платье. Она исполняла известные романсы. Пашенька не помнила ни названий, ни авторов, но в ее памяти остались те бурные овации и возгласы восхищения, которыми слушатели встретили эту женщину восхитительной красоты. Во время выступления Пашенька стояла рядом с Достоевским у распахнутой двери.

В конце, когда аплодисменты начали затихать, Достоевский, обращаясь к ней, сказал: «Вы когда-нибудь видели, как работают гладильщицы? Нагревают утюг, раскаляют его хорошенько, тьфу... плюют на него, раздается шипение. То же самое сделала певица с моим сердцем: распалила его, плюнула сверху, заставила его закипеть — и на этом все было кончено». Сравнение красавицы-певицы с гладильщицей Пашенька нашла очень странным, но не набралась смелости сказать об этом.

Над импульсивностью характера Прасковьи Николаевны ее друзья часто и охотно подшучивали. Как-то раз в ее присутствии русский посол в Риме Гирс⁶³ рассказал о несостоявшемся замужестве Пашеньки. За обедом в день обручения будущий муж прошептал ей на ухо что-то, по всей видимости не очень приятное. Пашенька схватила скатерть и дернула ее с такой силой, что все, что было на столе, полетело на пол. С тех пор больше ни один мужчина не осмелился просить ее руки. Пашенька, вместо того чтобы ответить на слова посла, громко рассмеялась, подтвердив тем самым правдивость рассказа.

В память о заслугах ее отца перед отечеством Прасковье Милютиной назначили пожизненную государственную пенсию. С приходом большевиков она

лишилась этих денег, ей пришлось оставить свою небольшую уютную квартиру, продать мебель, драгоценности, некоторые вещи, дорогие ей как память. Она подарила мне тогда много книг и несколько прекрасных вышивок.

Среди этих книг было прижизненное издание сочинений Тургенева. Мне было приятно сознавать, что томик «Записок охотника», оказавшийся в моем доме, читал сам Александр II, долго дискутируя о нем с отцом Пашеньки, скорее всего — на тему отмены крепостного права.

На самом деле, как известно, император сказал Тургеневу, что с тех пор, как он прочитал «Записки», его не оставляла мысль о необходимости положить конец этому позорному явлению и дать свободу крестьянам.

Прасковья Николаевна сняла две комнаты: для себя и служанки, ее ровесницы. Нужда преследовала их, и обе женщины быстро состарились. Первой слегла служанка. Когда она заболела, Пашенька окружила ее трогательной заботой: эта женщина была рядом с ней всю жизнь, поделила с ней и радость, и горе. В тяжелую минуту Пашенька, конечно же, не оставила ее. Теперь она сама наводила порядок в комнатах, ходила за покупками, готовила обеды. После смерти служанки Прасковья Милютина переехала к сестре в Париж⁶⁴, и я потеряла ее из виду.

¹ Белый окончательно уехал из Берлина, чтобы вернуться в Россию, 23 октября 1923 г. До этой встречи Ресневич-Синьорелли уже была знакома с ним по переписке: она перевела несколько отрывков из романа Белого «Серебряный голубь» [Resnevic 1921] и передала публикацию автору «через одних друзей». Завязалась короткая переписка: Белый поблагодарил Синьорелли в небольшом письме, датированном 4 декабря 1922 г. (сейчас хранится в музее Белого в Москве; Ольга Ресневич получила письмо через Нину Петровскую; см. статью Э. Гаретто «Из архива О. Ресневич-Синьорелли» [Garetto 2005]), и послал ей надписанный экземпляр поэмы «Первое свидание», вышедшей в том же 1922 г. в Берлине (хранится в APES, как и другие экземпляры изданий Белого с автографами, подаренные автором Синьорелли во время их первой встречи [РИА VI/2, с. 212, примеч. 81]).

² Павел Павлович Муратов (1881–1950), писатель и переводчик, историк итальянского и русского искусства. Первое издание его знаменитого труда «Образы Италии» вышло двумя томами в Москве в 1911–1912 гг., и сразу вслед за ним, в 1912–1913 гг., появилось второе. Трехтомное издание вышло в Берлине в 1924 г.

³ С 1902 по 1904 г. Ольга Ресневич изучала медицину в Университете Берна (в 1904 г. она уехала в Италию: сначала в Сиену, а в 1906 г. — в Рим), где общалась с русскими эмигрантами.

⁴ Философ Николай Александрович Бердяев (1874–1948) и писатель, переводчик Борис Николаевич Зайцев (1881–1972) оба эмигрировали из России в 1922 г. и жили сначала в Германии, а затем, после недолгого пребывания в Италии, обосновались во Франции.

⁵ Этторе Ло Гатто (Lo Gatto; 1890–1983) вместе с Джованни Мавером (Maver; 1891–1970) считаются основателями итальянской славистики. Вначале Ло Гатто преподавал славянскую филологию в Университете Падуи, а затем, с 1941 по 1965 г., заведовал кафедрой русской литературы в Римском университете. Воспоминания О. Ресневич-Синьорелли относятся здесь к началу 1920-х гг., когда Ло Гатто основал журнал «Russia» (первый номер вышел в октябре 1920 г.) и стал секретарем Института Восточной Европы, созданного в 1921 г. в Риме по инициативе пресс-службы Министерства иностранных дел. Синьорелли сотрудничала в журнале «Russia» и оказывала ему финансовую поддержку.

⁶ Автор имеет в виду Комитет помощи русским интеллектуалам (Comitato di soccorso agli intellettuali russi), созданный в Риме осенью 1922 г. по образцу аналогичных комитетов, которые были сформированы в других странах по призыву верховного комиссара Лиги Наций Фритьофа Нансена. В Италии организацией комитета занимался Умберто Дзанотти-Бьянко (Zanotti Bianco; 1889–1963, публицист, археолог, общественный деятель, много сделавший для возрождения юга Италии) при содействии Анжело Синьорелли и Этторе Ло Гатто. См. статьи А. Tamborra «I rapporti col mondo russo» [Tamborra 1979, p. 46 и далее] и Е. Garetto «Materiali sull'emigrazione russa» [Garetto 1991, p. 384 и далее].

⁷ Ло Гатто вспоминал: «В 1923 г. я являлся секретарем Института Восточной Европы <...>. В этом качестве <...> я пригласил в Рим группу русских интеллектуалов, покинувших родину и находившихся в Берлине в ожидании выбора постоянного места жительства в Западной Европе» [Ло Гатто 1992, с. 18]. В группу вошли: Н. Бердяев, С. Франк, Б. Вышеславцев, М. Осоргин, Б. Зайцев, П. Муратов, бывший ректор Московского университета М. Новиков, социолог А. Чупров. К ним присоединился историк Е. Шмурло, уже давно живший в Риме. Отчет о цикле конференций под названием «Россия и русские» («La Russia e i russi»), организованных Институтом Восточной Европы осенью 1923 г., был опубликован в журнале «Russia» (1923. № 3–4. P. 505–528).

⁸ Муратов в 1911 г. женился на бывшей супруге своего приятеля Б.А. Грифцова Екаторине Сергеевне Урениус. В 1915 г. у них родился сын Гавриил. В Италии Муратов прожил, видимо, до 1927 г., затем переехал в Париж. Он писал в это время корреспонденции для «Звена», где сотрудничал с 1924 по 1927 г.

⁹ Строчки из произведения А. Блока «Вячеславу Иванову» (18 апреля 1912 г.). Иванов ответил на это поэтическое послание стихотворением «Александру Блоку» («Ты царским поездом назвал...»), которое датировано летом 1912 г. Полный перевод на итальянский язык цитируемого здесь произведения Блока был опубликован Синьорелли на смерть Иванова в еженедельнике «La fiera letteraria» (1949. № 4. 7 agosto. P. 1–2).

¹⁰ Лидия (1896–1985) и Дмитрий (1912–2003).

¹¹ Старейшее высшее музыкальное учебное заведение Италии.

¹² Лекция Иванова «Религия Диониса и ее истоки» («La religione di Dioniso e le sue origini») состоялась 24 апреля 1926 г. в клубе «Circolo di Roma» в палаццо Дория, см. Переписку Вячеслава Иванова с Ольгой Шор [РИА III, с. 213, 216].

¹³ Неясно, что автор имеет здесь в виду. С 1923 по 1933 г. мэром и подеста Павии был Пьетро Ваккари (Vaccari; 1880–1976), профессор истории канонического права и истории итальянского права в Университете Павии. Иванов слушал курсы в Берлинском университете в 1886–1890 гг., поэтому они не могли учиться вместе.

¹⁴ Колледжо Борромео (Almo Collegio Borromeo) был основан в 1561 г. и является старейшим колледжем в Северной Италии. Иванов приехал в Павию благодаря содействию дона Леопольдо Рибольди (Riboldi; 1885–1966), который являлся ректором колледжа с 1920 по 1927 г.; он был человеком широчайшей культуры, и с Ивановым их связывали близкие дружеские отношения и интеллектуальные интересы.

¹⁵ Павийский период жизни Иванова на самом деле начался в 1926 г. и закончился в 1934 г. В Колледжо Борромео Иванов занимал должность профессора, преподавал там иностранные языки и одновременно читал курс по русской литературе в Университете Павии.

¹⁶ Кафе «Aragno» было одним из самых знаменитых мест, где встречались литераторы и художники, собиравшиеся чаще всего в так называемой третьей зале. Это кафе находилось в Риме на виа Дель Корсо, в палаццо Мариньоли; оно существовало с 1886 по 1955 г., но вершины своей славы достигло в начале 30-х гг. XX в.

¹⁷ Владимир Германович Лидин (1894–1979), писатель, автор рассказов и романов, мемуарист, библиофил. Не принадлежал ни к какой литературной группировке. В первые

послереволюционные годы совершил несколько поездок по Западной Европе и Ближнему Востоку. Незадолго до встречи с Синьорелли как раз вышел итальянский перевод его романа «Идут корабли» под названием «Navi in cammino» (trad. di N. Romanowski. Milano: Corbaccio, 1924). Лидин работал вместе с Ольгой Синьорелли над переводами итальянских авторов XX в., готовя к печати две маленькие антологии — «Новеллы» (М.: Огонек, 1926) и «Молодая Италия» (М.: Библиотека «Огонька», 1927). В эти издания вошли переводы М. Бонтемпелли, Дж. А. Боргезе, Дж. Папини, Э. Пеа, Л. Пиранделло и Россо ди Сан-Секондо. В FSFC сохранилось 21 письмо Лидина к Ресневич-Синьорелли. Об этой римской встрече, а также об Иванове, с которым он познакомился ранее (о чем будет рассказано ниже), Лидин пишет примерно так же в: *Лидин Вл.* Люди и встречи. М., 1965. С. 188–195.

¹⁸ Виа Национале — улица в Риме, идущая от piazzа делла Репубблика к piazzа Венеция.

¹⁹ Древнейшая и самая знаменитая из великих римских дорог, известная в древности как *Regina Viarum*, «царица дорог».

²⁰ Речь идет о знаменитом портрете кисти Сомова, написанном в 1906 г.

²¹ Платон Михайлович Керженцев (1881–1940), историк, театровед, журналист, государственный деятель. Работал в Пролеткульте, писал также по вопросам литературы, театра, культуры. Одна из его главных работ — «Творческий театр» (Пг., 1918, переведена на несколько европейских языков), вызвавшая в свое время оживленные дискуссии. Был советским полпредом в Италии в 1925–1926 гг.

²² Владимир Николаевич Рембелинский (1870-е — позже 1927), в 1920-е гг. служил по дипломатическому ведомству в Италии и во Франции. В полном списке сотрудников советского полномочного представительства, сохранившемся в Центральном государственном архиве Рима, он значится как «начальник консульского отдела» в 1924 г. [Caratozzolo 2012].

²³ Улица недалеко от Термини, главного римского вокзала. В доме № 5 до сих пор находится посольство Российской Федерации.

²⁴ Зинаида Николаевна Райх (1894–1939), театральная актриса, первая жена Сергея Есенина, впоследствии ставшая женой Всеволода Мейерхольда. Мейерхольд и Райх были в Италии летом 1925 г. в ходе официальной поездки в период со 2 июля по 3 сентября, когда они побывали также в Германии и в Австрии. Насколько можно судить, поездка состоялась благодаря графу Гаэтано Мандзони (Manzoni), который за год до этого занял пост итальянского посла в Москве и поддерживал тесные связи с представителями русской культуры. В апреле 1926 г. Мейерхольд пригласил всех сотрудников итальянского дипломатического представительства в полном составе на генеральную репетицию спектакля «Мандат» по пьесе Эрдмана, которая была поставлена в ТиМе. Итальянский посол устроил потом в посольстве для труппы театра прием, на котором, вероятно, пригласил режиссера посетить Италию [Petracchi 1993, p. 298–299]. Мейерхольд и Райх приехали в Рим в конце июля. В итальянской столице режиссер встретил Иванова, которому поручил сделать несколько переводов и сценических переложений как для будущего репертуара ТиМа, так и для недавно созданного издательства своего театра. Эти планы осуществились лишь частично. Подробно о контактах Мейерхольда в Риме см.: [Garetto 1990, p. 92–99], где были также опубликованы в итальянском переводе два письма Зинаиды Райх к Ольге Ресневич-Синьорелли, сохранившиеся в FSFC; цитаты из этих писем приводятся выше.

²⁵ Элеонора Дузе (Duse; 1858–1924), великая итальянская актриса. С 1915 г. близко дружила с О. Синьорелли. Идея написать книгу об актрисе возникла по настоянию Мейерхольда, о чем рассказ впереди; работа шла тяжело, и замысел был реализован только много лет спустя, когда вышло в свет издание, упомянутое выше (перевод на русский язык следующего издания книги появился почти через сорок лет: *Синьорелли О.* Элеонора Дузе / пер. с итал. А.С. Короткова. М.: Искусство, 1975).

²⁶ Письма Дузе к Синьорелли опубликованы [Biggi 2010]; во вступительной статье к публикации подробно описаны и история их отношений, и история издания книги Ольги Ресневич-Синьорелли об актрисе.

²⁷ Первое турне Дузе в России продолжалось почти год — с марта 1891 по февраль 1892 г. Она выступала в разных городах, в том числе дважды в Москве и в Петербурге. Тогда особенный успех у критики и публики имели именно те две роли, которые Мейерхольд упоминает далее: Джульетта в шекспировской пьесе и Маргарита Готье в «Даме с камелиями». Впоследствии Дузе приезжала в Россию еще два раза — в декабре 1896 г. и в декабре 1907 — феврале 1908 г. Однако в этих ролях она, видимо, уже не выступала.

²⁸ Здесь Синьорелли явно путает даты: в 1925 г. Мейерхольд не мог говорить о спектакле, который поставил несколько лет спустя. Премьера «Дамы с камелиями» с Райх в роли Маргариты Готье состоялась 19 марта 1934 г. на сцене ГосТИМа, спектакль шел до самого закрытия театра в 1938 г.

²⁹ Виа Витторио Венето (также виа Венето) — одна из известных улиц Рима, идущая от piazzа Барберини к порта Пинчиана.

³⁰ В связи с Первой мировой войной и революционными событиями произошел разрыв отношений между странами, а в феврале 1924 г. были установлены официальные дипломатические связи между Италией и СССР (см. примеч. 35). Исторические источники не подтверждают, что эти связи вновь были прерваны [Petracchi 1982, p. 253 и далее]. Однако осенью 1925 г. действительно наступило некоторое охлаждение в отношениях между двумя странами из-за присоединения Италии к Локарнским соглашениям, которое «...было воспринято в Москве с сожалением» [Fabbri 2013, p. 55].

³¹ Эдвард Гордон Крэг (Craig; 1872–1966), английский актер, театральный и оперный режиссер, теоретик театра. В числе наиболее удачных спектаклей, где Крэг выступал одновременно как режиссер-постановщик и оформитель, — поставленный во Флоренции в 1906 г. «Росмерсхольм» Х. Ибсена с Элеонорой Дузе в главной роли и «Гамлет», поставленный в 1911 г. Московским Художественным театром. С Ольгой Синьорелли Крэг познакомился в 1934 г. Между ними возникли теплые дружеские отношения, сохранившиеся на всю жизнь. Они оба принимали участие в Международном театральном конгрессе, который был организован Королевской академией Италии и фондом «Fondazione Volta» и проходил с 8 по 14 октября 1934 г. в Риме под председательством Пиранделло. В связи с конгрессом Ольга выполняла роль посредника между Крэгом и представителями русского театра, в частности познакомила его с Александром Таировым (1885–1950), которого знала через Вячеслава Иванова и о котором написала эссе (Da Stanislavskij a Tairov // *L'Italia Letteraria*. 1930. 4 maggio. P. 5; 11 maggio. P. 5), и с Сергеем Амаглобели (1899–1937), который в то время был художественным руководителем московского Малого театра. Таиров и Амаглобели приглашали Крэга приехать в Москву, а Амаглобели предложил ему поставить какой-нибудь новый спектакль в России. В 1935 г. Крэг отправился в Москву, но работать там не согласился. Об этой поездке Синьорелли рассказывает в очерке «Гордон Крэг реформатор» (Gordon Craig il riformatore // *La Fiera Letteraria*. 1972. 30 gennaio. P. 26) [переиздано в РИА VI/2, с. 252–257]. См. также: [Signorelli 1989; Veroli 2010, p. 118–119]. Здесь автор мемуаров путает даты: Мейерхольд был арестован в июне 1939 г. (а расстрелян — в феврале 1940 г.). Три недели спустя Зинаида Райх была найдена убитой в своей квартире; по официальной версии, она стала жертвой неудавшегося ограбления. Таким образом, Крэг во время своей поездки в Москву никак не мог знать о том, что с ней впоследствии произошло.

³² [Ivanov 1932].

³³ Известный курортный город на лигурийском побережье. С 70-х гг. XIX в. был популярным туристическим местом среди русской аристократии, после революции 1905 г. сюда приезжают многие русские политические беженцы, а после Октябрьской революции здесь находится центр русской эмигрантской общины. С середины 1920-х гг. О. Синьорелли не

редко подолгу жила на лигурийском побережье, где у нее было много друзей среди итальянских и русских интеллектуалов, живших там постоянно или приезжавших на время.

³⁴ Франческо Пастонки (Pastonki; 1887–1953), писатель, поэт, искусствовед, доцент итальянской литературы. О связях между Пастонки и Вяч. Ивановым, а также о деятельности Художественного комитета литературных понедельников Сан-Ремо (Comitato d'Arte dei Lunedì Letterari di Sanremo), который организовывал циклы бесед, см. [Giuliano 2011].

³⁵ Поль Валери (Valéry; 1871–1945), французский поэт, эссеист, философ.

³⁶ Уго Ойетти (Ojetti; 1871–1946), писатель, журналист и искусствовед.

³⁷ Сергей (Самуил) Абрамович Воронов (1866–1951), русский хирург еврейского происхождения, принявший французское гражданство. Продолжив эксперименты австрийского биолога Ойгена Штайнаха (Steinach) в области эндокринологии, прославился в 1920-е гг. своими исследованиями по имплантации и трансплантации, направленными на омоложение человеческого организма. В 1925 г. поселился на лигурийском побережье в Гримальди-ди-Вентимилья, где продолжал заниматься своими исследованиями, пока принятие расовых законов не вынудило его искать убежища в Соединенных Штатах Америки.

³⁸ Марко Спаини (1887–1969), служил в казино Сан-Ремо в 1930-е гг., был членом Антропософского общества. Как свидетельствует переписка, на протяжении многих лет тесно общался с Ивановым, Синьорелли и другими представителями их круга. О переписке между Ивановым и Спаини (46 писем, написанных в период между 1932 и 1941 гг.) см.: <http://www.russinitalia.it/archiviodettaglio.php?id=82>; 55 писем Спаини к Ольге Ресневич, написанные в период между 1931 и 1957 гг., хранятся в FSFC.

³⁹ Лекция Иванова состоялась 10 апреля 1933 г. Текст лекции был опубликован в конце 1933 г. в специальном выпуске журнала «Il Convegno», посвященном Иванову [Ivanov 1933–1914]. Об этой конференции см. также подробное описание в: [Giuliano 2011, p. 121 и далее].

⁴⁰ Ольга Александровна Шор (О. Дешарт) (1894–1978), историк искусства, многолетний друг Вяч. Иванова и его семьи, творческий соратник поэта, издатель и редактор его посмертного многотомного собрания сочинений.

⁴¹ Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал (1866–1907) познакомилась с Вячеславом Ивановым в 1893 г. в Риме. Истории их жизни посвящены многочисленные публикации Н.А. Богомолова, важнейшая из которых — [Иванов 2009].

⁴² Мартин Бубер (Buber; 1878–1965), философ, теолог, австрийский педагог, принявший израильское гражданство.

⁴³ Дмитрий Мережковский, эмигрировав из России, бывал в Италии почти постоянно в период между 1932 и 1937 гг. Он добился нескольких аудиенций у Муссолини, к которому обращался за помощью в издании своих произведений в Италии. Подробно см.: <http://www.russinitalia.it/dettaglio.php?id=225>; см. также: [Giuliano 2009].

⁴⁴ Эрнст Роберт Курциус (Curtius; 1886–1956), немецкий филолог, переводчик, специалист по романским литературам.

⁴⁵ Бернт фон Хейселер (von Heiseler; 1907–1969), немецкий писатель и литературовед; Генри фон Хейселер (1875–1928), немецкий писатель и переводчик, получивший образование в России. О связях их обоих с О. Ресневич-Синьорелли см.: [Bertelé 2010].

⁴⁶ В письме О.А. Шор к Ф.А. Степуну 30 июня 1963 г. (цитируется в издании: Иванова Л.В. Воспоминания. Р., 1990. С. 120, примеч. 1) упоминается этот диспут между Луначарским и Ивановым в Большом театре в Москве, в ходе которого Иванов говорил о «Цыганах» Пушкина и о необходимости для России сохранить свою собственную религиозность, а Луначарский отстаивал противоположную точку зрения.

⁴⁷ Джованни Папини (Papini; 1881–1956), итальянский журналист, писатель, поэт, литературный критик. Готовится к печати его переписка с Ивановым, хранящаяся в Fondazione Primo Conti во Фьезоле. Об интересе Папини к русской культуре см.: [Vassena 2010].

⁴⁸ Письмо Иванова опубликовано в: Тройная переписка: Вячеслав Иванов и Ольга Шор в переписке с Ольгой Ресневич-Синьорелли (1925–1948) / предисл. и подгот. текста К. Кумпан; коммент. А. д'Амелия, К. Кумпан и Д. Рицци [РИА IX/1, с. 251–425].

⁴⁹ Здесь мемуаристка допускает неточность: Дягилев вместе с танцовщиком и хореографом Леонидом Мясным (1896–1979), администратором труппы Сергеем Григорьевым (1883–1968), Н.С. Гончаровой (1881–1962) и М.Ф. Ларионовым (1881–1964) приехал в Рим уже осенью 1916 г., чтобы готовить спектакли для следующего весеннего сезона (см.: [Benini 2007]). Речь идет о втором турне Дягилева в Италии, а затем — о турне 1911 г. в Риме. Тогда труппа выступала в Риме, Неаполе, Флоренции и Милане. В театре «Костанци» были даны четыре представления — 9, 12, 15 и 27 апреля. См.: [Egizi 2008; Rizzi 2012]. О тесных связях между двумя художниками и четой Синьорелли см. предисловие к изданию: Переписка Н.С. Гончаровой и М.Ф. Ларионова с Ольгой Ресневич-Синьорелли (1917–1957) / публ. Э. Гаретто и А. д'Амелия [РИА IX/1, с. 163–196].

⁵⁰ Лидия Васильевна Лопухова (1892–1981) в 1910 г. присоединилась к труппе Дягилева, с которой выступала и в 1910–1917 гг., и позже, в 1921 г.

⁵¹ Лопухова вышла замуж за знаменитого экономиста Джона Мейнарда Кейнса (Keynes; 1883–1946) в 1925 г. и провела остаток своей жизни в Англии.

⁵² Синьорелли здесь допускает неточность: Марии (1908–1992), старшей из ее трех дочерей, в 1917 г. было девять лет. Впоследствии она стала известным мастером по куклам, педагогом, всемирно известной художницей и более полувека была одним из виднейших деятелей кукольного театра XX в.

⁵³ Огюст Роден (Rodin; 1840–1917), знаменитый французский скульптор. Первая встреча Родена и Ресневич-Синьорелли состоялась весной 1915 г. в Риме. Затем они регулярно общались во время приездов скульптора в Рим. См. ее статью «Il mio amico Rodin» в «La Fiera Letteraria» (1973. 19 agosto. P. 3–6) (перепечатана в: [РИА VI/2, с. 261–275]). Пять писем Родена к Синьорелли сохранились в FSFC.

⁵⁴ Ливио Бони (Boni; 1884–1963), виолончелист, близкий друг Ольги Синьорелли.

⁵⁵ Альфредо Казелла (Casella; 1883–1947), композитор и пианист, частый гость салона Синьорелли. Получив образование в Париже, он вернулся в Италию во время Первой мировой войны и поселился в Риме. В те годы, к которым относятся воспоминания, преподавал фортепьяно в консерватории «Санта Чечилия».

⁵⁶ Стравинский был в Риме в январе 1915 г., жил в квартире Дягилева, где и встретился с Сергеем Прокофьевым, которого Дягилев вызвал прямо из России. Присутствовал на итальянской премьере балета «Петрушка» 14 февраля в театре «Костанци» под управлением Альфредо Казеллы.

⁵⁷ Винченцо Томмазини (Tommasini; 1878–1950), композитор. Самое знаменитое его сочинение — балет 1917 г. «Женщины в хорошем настроении», аранжировка на музыку Доменико Скарлатти (Scarlatti), поставленный труппой Дягилева в хореографии Мясина.

⁵⁸ Чезаре Микели (Micheli; 1866–1943), врач, доцент университета, сенатор, коллега и друг Анджело Синьорелли.

⁵⁹ Имеются в виду граф Феликс Феликсович Сумароков-Эльстон (1856–1928), его жена княгиня Зинаида Николаевна Юсупова (1861–1939), их сын Феликс (1887–1967), известный своим участием в убийстве Распутина, и его жена княгиня Ирина Александровна Романова (1895–1970). Семья покинула Россию в апреле 1919 г. на борту английского судна «Мальборо», на котором спасалась и мать царя Николая II Мария Федоровна; затем они обосновались в Риме. После смерти мужа княгиня Юсупова перебралась с сыном в Париж, где и жила до конца своих дней. В период их жизни в Риме О. Ресневич-Синьорелли лечила обеих княгинь и регулярно бывала у них в доме — вначале они жили на вилле Квитка, в двух шагах от дома Синьорелли на виа XX Сеттембре, недалеко от порта Пиа. См. статью

О. Синьорелли «La famiglia Jussupov», в «La Strenna dei romanisti 1977», р. 327–332 (перепечатана в: [РИА VI/2, с. 288–293]).

⁶⁰ Прасковья Николаевна Милютин (1857–1929), дочь Николая Алексеевича Милютин (1818–1872, государственный деятель, один из авторов реформы Александра II) и Марии Аггеевны Абаза (1834–1903, сестра министра финансов). Прасковья Милютин была придворной дамой императрицы Александры Федоровны, супруги Николая II. Находилась в родственных связях с семьей Сумароковых-Эльстон: ее брат Юрий (1856–1912) женился на Александре Феликсовне Сумароковой-Эльстон (1863–1936), сестре Феликса Феликсовича (см. предыдущее примеч.).

⁶¹ Неясно, кто имеется в виду.

⁶² Ошибка мемуаристики: речь, вероятнее всего, идет о Петре Александровиче Плетневе (1791–1865), друге Пушкина, патриархе русской словесности в те времена, о которых говорится в тексте.

⁶³ Михаил Николаевич Гирс (1856–1932), служил в Министерстве иностранных дел, был посланником в различных странах (1897–1914). В 1915 г. он занял пост посла России в Италии и являлся старейшиной дипломатического корпуса в Риме. После революции остался в эмиграции и поселился в Париже.

⁶⁴ У Прасковьи Милютиной было три сестры: Мария (1858–?) и Елена (1864–1941) неизвестно, когда уехали из России, а также Мария-Дороти (1877–1949), которая родилась в Англии от второго брака матери с англичанином Гарри Стиллом (Still) и прожила там всю жизнь. Здесь речь идет, скорее всего, о Елене, вместе с которой Прасковья Милютин, по всей вероятности, вернулась в Италию. Обе захоронены на кладбище Тестаччо в Риме.

МАРК СЛОНИМ И ОПУБЛИКОВАННЫЕ В ИТАЛИИ
МЕМУАРЫ ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*Предисловие, подготовка текста и комментарии
Ч. Кадаманьяни*

Настоящая публикация представляет собой русский перевод отрывков из книги Марка Львовича Слонима (1894–1976) «Русская революция. События и впечатления» («La rivoluzione russa. Fatti e impressioni»), вышедшей в 1920 г. в итальянском издательстве «Дзаникелли» («Zanichelli»). Это произведение, не переведившееся ранее на русский язык, — часть обширной русской эмигрантской мемуаристики, изданной в Италии в первой половине XX в. Многие русские эмигранты, осевшие в Италии после революций 1905 и 1917 гг.¹, избрали итальянский язык — изучив его ранее или постепенно освоив уже на месте, — чтобы рассказать приютившей их стране о превратностях своей прошлой жизни и описать потрясшие Россию революционные события, представления о которых в Европе, составленные в основном по официальным источникам, были неполными. Таким образом, Слоним оказался не единственным, кто решил написать по-итальянски свои воспоминания, посвященные, в частности, Октябрьской революции и начальному периоду большевистского режима. В 1922 г. актриса и переводчица Иллариия (Евгения) Владимировна Амфитеатрова (урожд. Соколова; 1875–1949), вторая жена писателя и публициста Александра Валентиновича Амфитеатрова, тоже описала эти события в контексте своей личной судьбы, издав книгу воспоминаний под названием «В когтях Советов» («Negli artigli dei Sovieti». Milano: L'Eroica); в том же году вышла брошюра публициста Владимира Френкеля «Любовь и большевизм. Талмуд и хамство» («Amore e bolscevismo. Talmud e Khamstvo». Roma: Officina Poligrafica «La Ronda»)², в которой автор рассказал о своей встрече с Константином Мошенниковым, членом советской делегации, приехавшей в 1922 г. в Ита-

¹ О русской эмиграции в Италии после революции 1905 г. см.: [Яхимович 1972; Комолова 1998; Гардзонио 2005; Гардзонио, Сульпассо 2011; Tamborra 1977; Venturi 1979; Accattoli 2013].

² К сожалению, до сих пор нет достоверных сведений о жизни Владимира Френкеля. Все, что о нем известно, почерпнуто из его многочисленных публикаций тех лет, в особенности из брошюр, в которых он излагал свои причудливые взгляды на Россию, евреев, на участие России в мировом конфликте и на революцию. Деятельность Френкеля можно разделить на два периода: между 1910 и 1925 гг. он выступает как публицист и политический обозреватель, в последующие годы занимается краеведением, изучая, в частности, Амальфи и Позитано. Кроме книги «Любовь и большевизм. Талмуд и хамство» можно назвать такие публикации: «Россия: почему она не побеждает? Почему она победит?» (см.: [Frenkel 1915]); «Русская революция: небольшой диалог» (см.: [Frenkel 1917]); «Конец России?» (см.: [Frenkel 1918]); «Русские и евреи. Думая о тебе...» (см.: [Frenkel 1923]). Подробнее о писательской и публицистической деятельности Френкеля см.: [Гардзонио 2005; Гардзонио, Сульпассо 2011, с. 107–111].

лию для участия в работе Генуэзской конференции, и описал ее будни и противоречивые отношения с большевизмом³.

Марк Слоним, член партии эсеров, литературный критик и литературовед⁴, впервые приехал в Италию в 1911 г. для поступления на факультет филологии и философии Флорентийского университета, который в то время носил еще название Королевский Институт высших практических исследований и повышения квалификации (Regio Istituto di Studi Superiori Pratici e di Perfezionamento). В 1915 г. он вернулся в Россию и продолжил обучение на историко-филологическом факультете Петербургского университета. После Февральской революции 1917 г. Петроградский исполком партии эсеров направляет Слонима своим представителем в южные области России, где он избран в Центральный исполнительный комитет Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области (известный как Румчерод). Летом 1917 г. Слоним организует в Бессарабии борьбу за Учредительное собрание, куда он был избран в возрасте всего лишь 23 лет, став, таким образом, самым молодым его членом (эсеры имели большинство голосов в Собрании — 40 %). Затем Слоним отправляется в Петербург для участия в работе Учредительного собрания, первое заседание которого открылось 5 (18) января 1918 г., но было сразу разогнано вооруженными большевиками. Для подготовки второго созыва Учредительного собрания Слоним возвращается на Украину, уже полностью захваченную Красной армией. 9 (22) января 1918 г. украинская Центральная рада провозглашает независимость Украины от советской России. В Одессе Слоним избирается в городской комитет партии эсеров; уверенный в бесполезности легальной борьбы против большевизма, он создает и возглавляет подпольный «социалистический центр» при участии представителей всех социалистических антибольшевистских партий, поэтому движение приобретает чисто революционный

Обложка книги М. Слонима
«Русская революция.
События и впечатления»
(«La rivoluzione russa.
Fatti e impressioni», 1920)

³ Революции были посвящены и работы чисто публицистического характера — «Большевики» («I bolsceviki») и «Большевистский сфинкс» («La sfinge bolscevica»), опубликованные прозаиком и журналистом Михаилом Константиновичем Первухиным (1870–1928), соответственно в 1918 и 1920 гг. в том же издательстве «Zanichelli», см.: [Perwoukhine 1918; 1920; Garzonio 1996; Гардзонио 1998].

⁴ Более подробно о биографии Марка Слонима см.: [Русское зарубежье 1997, с. 581–583]; сведения о его жизни можно найти также в биографической справке на сайте www.russinitalia.it под редакцией Джузеппины Джулиано; о деятельности Слонима в Италии см.: [Venturi 1979]; о его жизни во Флоренции, и в частности о посещении им библиотеки Института исследования Ренессанса Gabinetto Vieusseux, см.: [Lagossa 2013]; о его противодействии итальянскому фашизму см.: [Venturi 2015]; о писательской и литературоведческой деятельности см.: [Scandura 1995; Задражилова 1997; Aucouturier 1999; Renna 2004; Tria 2013]; см. также: [Beyssac 1971; Русская литература в эмиграции 1972; Соколов 1991; Струве 1984; Краткий биографический словарь 1997].

характер⁵. После провозглашения независимости и подписания Радой мирного договора с Центральными державами на территорию Украины вступают австро-германские войска для освобождения ее от большевистских захватчиков. Вскоре немцы совершают государственный переворот, свергая правительство социалистического толка и утверждая власть П. Скоропадского, который к концу апреля провозглашен гетманом, «атаманом всей Украины». Слоним участвует в борьбе против реакции и против немцев; на подпольном конгрессе партии эсеров в Киеве он избран в Центральный комитет партии по Украине и назначен редактором газеты «Народное дело», органа партии эсеров⁶. В июле 1918 г. советская власть в Сибири свергнута, а на Волге, благодаря наступлению под руководством эсеров и при поддержке чехословацких частей, от большевиков освобождены города Самара и Сызрань. В августе 1918 г. к Слониму в Киев приезжает представитель самарского правительства (состоявшего почти исключительно из эсеров) с предложением присоединиться к Комитету членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч), который контролировал освобожденные территории Поволжья. Именно с этого события начинается пятая глава книги, отрывки из которой представлены здесь в русском переводе. Совершив полное приключений путешествие через всю Россию и перейдя через военные позиции большевиков, Слоним сумел в сентябре добраться до фронта. В Самаре он входит в Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания и принимает активное участие в Гражданской войне. Кроме того, Слоним участвует в Государственном совещании в Уфе (сентябрь 1918 г.), где собираются все члены Комуча и все представители освобожденной от большевиков территории и избирают Директорию — верховный орган власти⁷, поручающий Слониму наладить заграничные информационные связи. Получив полномочия на создание Временного Всероссийского правительства, кото-

⁵ До марта 1918 г. эсеры ставили своей целью создание легальной оппозиции внутри советского режима или борьбу с большевиками «в самих советах, требуя их перевыборов и организовав широкую избирательную кампанию. В целом задача была — создать настоящую “парламентскую оппозицию”. <...> Но эта “легальная борьба” оказалась безрезультатной. В центральных областях России в ходе перевыборов эсерам и меньшевикам удалось добиться избрания своих кандидатов и создать тем самым сильную оппозицию во многих городах, а в других получить большинство. Тогда большевики издали указ об изгнании их из советов, объявив их “врагами народа”. Так закончилась эта попытка, породившая разочарование в рядах умеренных социалистов и толкнувшая их на восстание против большевиков» [Slonim 1920b, p. 142]. Многие исследователи считают, что к открытому восстанию против большевистского режима партию эсеров подтолкнуло прежде всего подписание Брест-Литовского мирного договора (3 марта 1918 г.) между Центральными державами и Россией, находившейся под властью революционного правительства во главе с Лениным. Этот договор предусматривал тяжелейшие условия мира для России, и эсеры восприняли его как подлое предательство родины и революции (см.: [Cinnella 2005]).

⁶ Слоним так описывает давление цензуры: «Мы придерживались иносказательного стиля, используя подтекст, иронию, намеки. Писали не о немцах, а об “империалистическом народе”; не призывали к мятежу, а описывали эпизоды итальянского Рисорджименто и заканчивали публикации кличем “Иностранцы — вон из России!”. Мы не упоминали Антанту, а писали о “дружественных демократиях Запада”» [Slonim 1920b, p. 142].

⁷ В своих воспоминаниях Слоним пишет: «Левые партии многим пожертвовали для этого соглашения с буржуазией. Все мы были глубоко убеждены в необходимости этой жертвы во имя России, во имя спасения ее от окончательной катастрофы. Помню, с каким чувством я как участник Совещания подписал Акт о создании правительства и принес присягу, дав клятву всеми силами поддерживать его. В глубине души я был удручен. Я не верил в искренность правых элементов. Я видел слишком много признаков последующей реакции. Позиция Всероссийской Директории вызывала у меня опасения» [Ibid., p. 238].

рое должно заменить собой все множество независимых правительств, Директория выбрала Омск⁸ местом своего пребывания с намерением прежде всего сместить Временное сибирское правительство П. Вологодского⁹. Прямое столкновение между двумя властями заканчивается компромиссом, который в действительности становится победой омского правительства над Директорией, поскольку многие стратегические посты в самой Директории отданы омским сибирякам.

Так, военным и морским министром назначен вице-адмирала Колчак, который в результате переворота, совершенного в ночь с 17 на 18 ноября 1918 г., провозглашен верховным правителем России и получает всю полноту государственной и военной власти. Утратив надежды на скорые перемены, эсеры ставят задачу перед каждым депутатом, и Слониму поручено ехать за границу, чтобы информировать европейскую общественность о происшедших событиях. С подложными документами он снова отправляется в путь, во Владивостоке ему удается сесть на пароход и через два месяца добраться до Европы, а именно — до Парижа. Примерно в середине 1919 г. Слоним возвращается во Флоренцию, где завершает начатую ранее учебу в университете; кроме того, он начинает сотрудничать в либерально-демократических ежедневных газетах «Il Corriere della sera»¹⁰ и «Il Secolo»¹¹, а также в периоди-

⁸ В Омске царили анархия и преступность, за что Слоним назвал его «сибирской Мексикой»: «Это была мексиканская анархия, здесь заправлял тот, кто имел за спиной дюжину винтовок, готовых открыть стрельбу. <...> Жизнь наша здесь была полна опасностей; преступления, выстрелы в спину, загадочные убийства — такова была обстановка. После 8 часов вечера на улицу не выходили без оружия и в одиночку. Надо было все время быть на чеку, иначе запросто можно было отправиться прямоком на тот свет. Мы ходили втроем или вчетвером. Я носил при себе “кольт”, а мой товарищ — “браунинг”. Иногда товарищи по партии провожали нас по темным и безлюдным улицам сибирской столицы. Холод стоял собачий, глубокий снег сверкал под усыпанным звездами небом; вдруг раздавался вдали сухой щелчок револьверного выстрела» [Ibid, p. 249; 252–253].

⁹ Ситуация в Сибири была крайне сложной: в декабре 1917 г. чрезвычайный Сибирский областной съезд избрал Временный сибирский областной совет, большинство членов которого были эсерами и которому было поручено формирование областной Думы как органа власти на всем пространстве Сибири. Но в январе 1918 г. большевистский совет Томска перешел в контрнаступление и распустил Думу, прежде чем она смогла начать свою работу; почти все ее члены были арестованы. По инициативе эсера Петра Яковлевича Дербера депутаты, избежавшие ареста, сформировали Временное сибирское правительство под председательством самого Дербера, которое укрывалось в маньчжурском Харбине вплоть до июня 1918 г., когда оно официально обосновалось во Владивостоке и было переименовано во Временное правительство автономной Сибири. В конце мая сторонники Дербера, оставленные им в Новониколаевске (ныне Новосибирск), сформировали Западно-Сибирский комиссариат (ЗСК). Комиссариат, впрочем, просуществовал недолго — в начале июля его практически сменило альтернативное Временное сибирское правительство во главе с либералом Петром Вологодским, которое заявило о своей власти на всей территории Сибири и было поддержано консервативными партиями. Новое правительство Вологодского, находившееся вначале в Новониколаевске, переехало затем в Омск. Временное сибирское правительство вскоре вступило в столкновение с Сибирской областной думой, большинство в которой составляли эсеры, активизировавшиеся в Томске после падения большевистской власти. В августе 1918 г. в Екатеринбурге было создано Временное областное правительство Урала во главе с кадетом П. Ивановым и при участии эсеров. На Уфимское государственное совещание съехались делегации от всех этих политических формирований с целью создать всероссийское правительство, обладающее достаточной силой и авторитетом, чтобы заменить все множество мелких государственных автономий (см.: [Chamberlin 1935; Cinnella 2005]).

¹⁰ Основанная в 1876 г., эта газета до сих пор остается одним из самых авторитетных в Италии ежедневных изданий.

¹¹ Итальянская ежедневная газета демократической направленности, основанная в Милане в 1866 г., перестала выходить в 1927 г.

ческих изданиях «La Russia Nuova»¹², «La Russia del lavoro»¹³ и «La Fiera letteraria»¹⁴ и в мае следующего года публикует книгу своих воспоминаний «La rivoluzione russa. Fatti e impressioni» («Русская революция. События и впечатления»).

В историческом архиве издательства «Zanichelli» сохранилась небольшая папка с описанием плана этого издания и четыре письма, отправленных Марком Слонимом издателю Чезаре Дзаникелли в период с марта 1920 по февраль 1921 г.¹⁵ Авторская аннотация в точности воспроизводит структуру книги, разделенной в окончательном виде на пять глав: 1. От краха царского режима до создания правительства Ленина; 2. Созыв Учредительного собрания; 3. Под властью большевиков; 4. Немецкая интервенция; 5. Новый фронт; в письмах же речь идет в основном о практических делах: об отправке корректуры, оформлении платежей, запросе экземпляров издания¹⁶. Мы представляем вниманию читателя фрагменты из книги, где Слоним описывает свое непосредственное участие в событиях 1918–1919 гг. — в военных действиях на немецком фронте и в антибольшевистской борьбе на Волге. Как пишет сам автор в аннотации и затем в предисловии к изданию, книга эта — не «догматическое изложение» российских событий, а рассказ человека, принявшего в этих событиях личное участие: «Я не пишу историческое или социальное исследование и не пытаюсь объяснить события. Я был одним из тех, кто принимал участие в русской революции. Я оказался в центре драмы. Я сражался. Я страдал. И теперь я хочу вспомнить некоторые из тех страниц, страшных и волнующих, которые Россия вписала в историю человечества» [Slonim 1919, p. VIII]¹⁷.

¹² Издание «La Russia Nuova» («Новая Россия») пришло на смену журналу «La Russia» («Россия», антибольшевистское периодическое издание, выходившее в Риме в период между 1917 и 1918 гг., редакторами были Борис Валентинович Яковенко (1884–1949), философ, журналист, переводчик, и эсер Карл-Август Романович Качоровский (1870–?). «La Russia Nuova» была основана самим Яковенко в июне 1918 г. и выходила еженедельно до февраля 1920 г. (см.: [Гардзонио 1999]).

¹³ «La Russia del lavoro. Trudovaja Rossia. Settimanale socialista italo-russo» — журнал, основанный в Риме 15 февраля 1920 г. эсером Григорием Ильичом Шрейдером (1860–1940), который издавал его больше года; ответственным редактором был Эрнесто Фратони (Fratoni). Кроме Марка Слонима, в журнале сотрудничали Исаак Шрейдер (1862 — после 1952), брат Григория, Моисей Бейлинсон и Евсей Сталинский (годы жизни Бейлинсона и Сталинского, к сожалению, установить не удалось). Издание перестало выходить летом 1921 г. (см.: [Garzonio 2003]).

¹⁴ Этот еженедельник, основанный в 1925 г. в Милане, публиковал научные, литературные и искусствоведческие материалы. В 1929 г. редактор журнала Умберто Фраккья (Fracchia) перевел редакцию издания в Рим и дал ему новое имя «L'Italia letteraria» («Литературная Италия»). Издание перестало выходить в 1936 г.

¹⁵ Пользуясь случаем, хочу выразить благодарность издательству «Zanichelli» за предоставленную возможность работать с этими архивными материалами, особая благодарность — Маддалене Джордани (Giordani) за помощь, которую она постоянно оказывала мне в ходе исследования.

¹⁶ Письма датированы: 23 марта 1920 г.; 10 июня 1920 г.; 17 июня 1920 г. и 26 февраля 1921 г. Первые три письма отправлены из Флоренции (via Mannelli 111 p-orton>e 2), последнее — из Праги (Uhelny Trh 1). В письме от 10 июня 1920 г. Слоним пишет Дзаникелли, что готов дать согласие на издание французского перевода книги «Il bolscevismo visto da un russo» («Большевизм глазами русского»), вышедшей в 1920 г. в издательстве «Le Monnier», и просит его посодействовать, чтобы получить разрешение флорентийского издателя на эту публикацию. Французское издание книги в собственном переводе Слонима и под его редакцией вышло в издательстве «Bossard» в 1921 г.

¹⁷ В период своей жизни в Италии Слоним публикует еще три книги: «Большевизм глазами русского» (см.: [Slonim 1920a]); «Спартак и Бэла Кун» (см.: [Slonim 1920c]), посвященную немецкой и венгерской

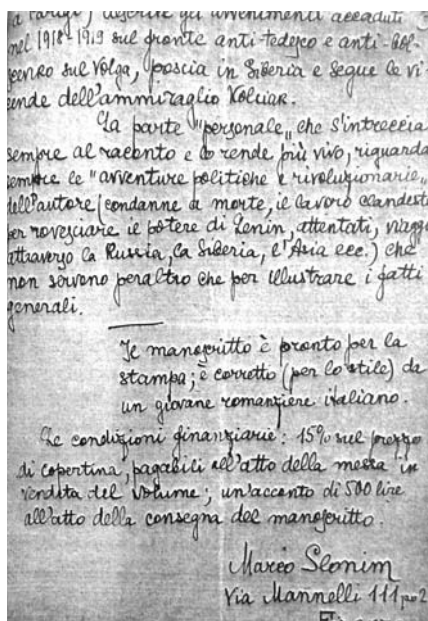
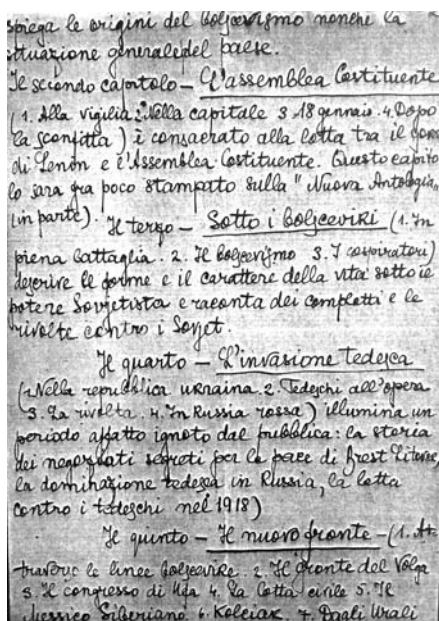
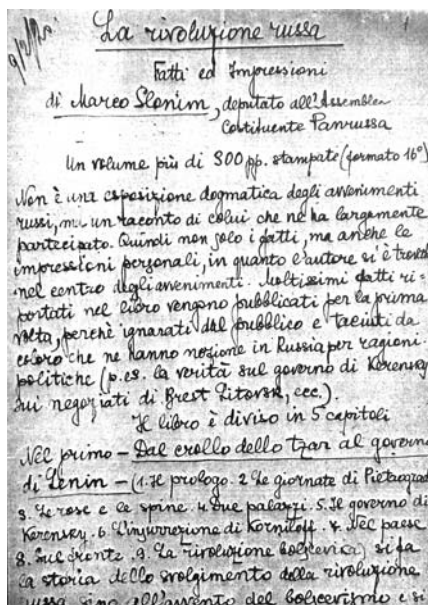
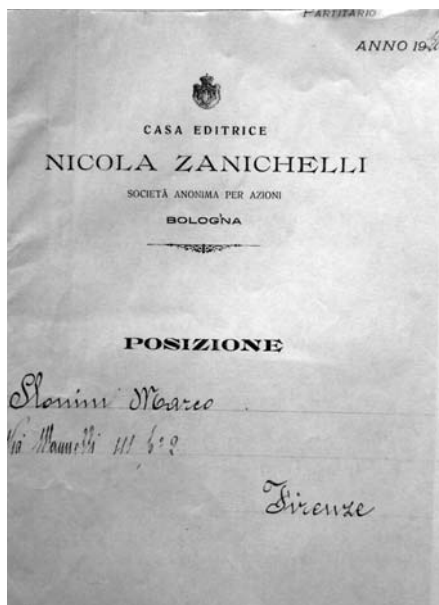
Литература

- Гардзонио 1998 — *Гардзонио С.* Михаил Первухин — летописец русской революции и итальянского фашизма // Культура русской диаспоры: Саморефлексия и самоидентификация. Тарту, 1998. С. 38–53.
- Гардзонио 1999 — *Гардзонио С.* К изучению русского зарубежья в Италии: Материалы к истории «La Russia» и «La Russia Nuova» // *Studies in Modern Russian and Polish Culture and Bibliography: Essays in Honor of W. Zalewski*. Stanford, 1999. P. 77–101.
- Гардзонио 2005 — *Гардзонио С.* Размышления о России, еврействе, мессианстве и революции русского эмигранта в Италии Владимира Френкеля // *Toronto Slavic Quarterly*. 2005. № 12 // <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/garzonio12.shtml> (дата обращения: 05.01.2016).
- Гардзонио, Леонтьев 2005 — *Гардзонио С., Леонтьев Я.* Из истории русской колонии в Риме (1912–1917 гг.) // *Междунар. науч. сб., посвященный 75-летию Витторио Страды*. М.: Три квадрата, 2005. С. 151–202.
- Гардзонио, Сульпассо 2011 — *Гардзонио С. Сульпассо Б.* Осколки русской Италии: Исследования и материалы. М.: Русский путь, 2011. 454 с.
- Задражилова 1997 — *Задражилова М.* Марк Слоним — публицист и ведущий критик журнала «Воля России» // *Rossica*. 1997. №. 1. С. 53–76.
- Комолова 1998 — *Комолова Н.* Русская эмиграция в Италии в начале XX века (1905–1914 гг.) // *Россия и Италия. Вып. 3. XX век*. М.: Наука, 1998. С. 283–306.
- Краткий биографический словарь 1997 — *Краткий биографический словарь русского Зарубежья* / Р.И. Вильданова, В.Б. Кудрявцев, К.Ю. Лаппо-Данилевский. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1997.
- Русская литература в эмиграции 1972 — *Русская литература в эмиграции: Сб. статей* / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург, 1972.
- Русское зарубежье 1997 — *Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь*. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.

революциям 1919 г.; и работу «От Петра Великого до Ленина» (см.: [Slonim 1922]). Вторая из этих книг не только получила высокую оценку критиков — журналист Армандо Дзанетти (Zanetti) на страницах «Giornale d'Italia» (№ 112, р. 3) опубликовал на нее хвалебную рецензию, назвав эту работу «правдивой и выдержанной», — но и привлекла интерес Муссолини. Книга «La rivoluzione russa. Fatti e impressioni» также вызвала положительные отклики, среди прочих автор рецензии в журнале «Il libro del giorno. Rassegna mensile internazionale» (1921. № 2. Р. 82) хвалит работу, отмечая, что она основана на непосредственных свидетельствах очевидца. Кроме того, Слоним пробует себя в переводах, публикуя ряд работ; например для флорентийского издательства «Attilio Quattrini» он делает перевод «Senilia» («Стихотворения в прозе») Тургенева (1914), пишет предисловия к «Стихотворениям в прозе» Оскара Уайльда (перевод — Франц В. фон Тигерштрот, оформление — Франческо Кыяппелли) и к «Racconti a se stesso» («Рассказы самому себе») Анри де Ренье (перевод — Луиджи Фаллакара, оформление — Франческо Кыяппелли). В 1921 г. Слоним переезжает сначала в Берлин, затем в Прагу, все больше занимаясь публицистикой. В Берлине он издает журнал «Новости литературы», сотрудничает в издании «Сполохи» и в ежедневной газете «Голос России». В Праге вместе с Лебедевым, Сталинским, Сухомлиным и Черновым издает журнал «Воля России»; в 1928 г. он отправляется в Париж, где создает литературное объединение «Кочевье»; в 1941 г. Слоним уезжает из Европы в Америку, где с 1941 по 1962 г. преподаёт сравнительное литературоведение в нью-йоркском Сара-Лоуренс-колледже и сотрудничает в изданиях «Новое русское слово» и «Новый журнал»; в 1957 г. он ненадолго возвращается в Италию (во Флоренции организует летнюю школу для американских студентов университета), затем переезжает в Женеву. К сожалению, пока неизвестно, где точно умер Слоним. Некоторые источники утверждают, что он скончался в Женеве (Г.П. Струве в письме В.Ф. Маркову от 20 мая 1976 г. пишет: «Слыхали Вы, что скончался М.Л. Слоним (8-го мая в Женеве)?»), а другие — в Больё-сюр-Мер (так указано, например, в некрологе Сергея Рафальского, написанном месяц спустя после смерти Слонима. Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Олега Коростелева, который мне передал эти свидетельства).

- Соколов 1991 — *Соколов А.* Судьбы русской литературной эмиграции 1920-х годов. М.: МГУ, 1991.
- Струве 1984 — *Струве Г.* Русская литература в изгнании: Опыт исторического обзора зарубежной литературы. 2-е изд., испр. и доп. Париж: YMCA-Press, 1984.
- Яхимович 1972 — *Яхимович З.* Русско-итальянские отношения накануне Первой мировой войны // Россия и Италия: Мат-лы IV конф. советских и итальянских историков. Рим, 1969. М.: Наука, 1972. С. 140–191.
- Accattoli 2013 — *Accattoli A.* Rivoluzionari, intellettuali, spie: i russi nei documenti del Ministero degli Esteri italiano. Salerno: Collana di Europa Orientalis, 2013. 312 p.
- Aucouturier 1999 — *Aucouturier M.* La critique de l'émigration et la littérature soviétique: Mark Slonim et Volja Rossii // *Revue des études slaves*. 1999. №. 2. P. 377–389.
- Beyssac 1971 — *Beyssac M.* La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920–1930). P.: PUF, 1971. 340 p.
- Chamberlin 1954 — *Chamberlin W.H.* The Russian Revolution: 2 vols. N.Y.: Macmillan, 1935. 511 + 566 p.
- Cinnella 2005 — *Cinnella E.* La rivoluzione russa. Milano, 2005. 694 p.
- Frenkel 1915 — *Frenkel W.* La Russia: Perché non vince? Perché vincerà? Roma: Tipografia dell'unione editrice, 1915. 38 p.
- Frenkel 1917 — *Frenkel W.* La rivoluzione russa: dialoghetto. Roma: Tipografia dell'unione editrice, 1917. 62 p.
- Frenkel 1918 — *Frenkel W.* Finis russiae? Profeti e profezie, Giganti e ostetrici, Gracchi e vraki, Piaghe d'Egitto, Zar e zarismo. Roma: Tipografia dell'unione editrice, 1918. 55 p.
- Frenkel 1923 — *Frenkel W.* Russi ed ebrei. Pensando a te... Napoli: Industrie Grafiche Italia Meridionale, 1923. 93 p.
- Garzonio 1996 — *Garzonio S.* L'Italia sui giornali e i periodici dell'emigrazione russa in Lettonia (Le corrispondenze da Roma di Michail Pervuchin) // *Res Balticae II* Pisa. 1996. P. 201–218.
- Garzonio 2003 — *Garzonio S.* Gregorio Schreider, sindaco di Pietroburgo e rivoluzionario russo in Italia. Materiali per una sua biografia // Firenze e San Pietroburgo. Due culture si confrontano e dialogano tra loro. Firenze. 2003. P. 53–61.
- Larocca 2013 — *Larocca G.* Presenze russe a Firenze (1893–1926): i lettori del Gabinetto Vieusseux (prime rilevazioni) // *Antologia Vieusseux*. 2013 (53). P. 6–28.
- Perwoukhine 1918 — *Perwoukhine M.* I bolscevichi. Bologna: Zanichelli, 1918. 173 p.
- Perwoukhine 1920 — *Perwoukhine M.* La sfinge bolscevica. Bologna: Zanichelli, 1920. XI–246 p.
- Renna 2004 — *Renna C.* Il dibattito critico degli anni Venti sulla letteratura russa di emigrazione e la «nota praghese»: M. Slonim e A. Turincev // *Samizdat*. 2004. №. 1. P. 23–31.
- Scandura 1995 — *Scandura C.* A. Jašcenko e M. Slonim, mediatori della letteratura russa della diaspora // *Europa Orientalis*. 1995. №. 2. P. 227–239.
- Slonim 1920a — *Slonim M.* Il bolscevismo visto da un russo. Firenze: Le Monnier, 1920. XI, 219 p.
- Slonim 1920b — *Slonim M.* La rivoluzione russa. Fatti e impressioni. Bologna: Zanichelli, 1920. VIII, 270 p.
- Slonim 1920c — *Slonim M.* Spartaco e Bela Kun. Firenze: Bemporad, 1920. 92 p.
- Slonim 1922 — *Slonim M.* Da Pietro il Grande a Lenin. Storia del movimento rivoluzionario in Russia. 1700–1917. Milano: Casa Editrice Sociale, 1922. 304 p.
- Tamborra 1977 — *Tamborra A.* Esuli russi in Italia dal 1905 al 1917. Riviera Ligure, Capri, Messina. Bari: Laterza, 1977. 271 p.
- Tria 2013 — *Tria M.* Una topografia della memoria: Praga e i suoi luoghi negli scritti autobiografici di alcuni emigrati russi // *Avtobiografija*. 2013. №. 2. P. 119–133.
- Venturi 1979 — *Venturi A.* Rivoluzionari russi in Italia, 1917–1921. Milano: Feltrinelli, 1979. 265 p.

Venturi 2015 — Venturi A. Mark Slonim, il nazionalismo rivoluzionario e il fascismo // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания и архивы (1900–1940) = Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940) / a cura di S. Garzonio e B. Sulpasso. Salerno, 2015. P. 131–152.

План издания книги М. Слонима «Русская революция. События и впечатления» («La rivoluzione russa. Fatti e impressioni», 1920), который хранится в историческом архиве издательства «Дзаникелли» («Zanichelli»)

М. Слоним

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ. СОБЫТИЯ И ВПЕЧАТЛЕНИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Время летит быстро, — говорил философ, — но люди тратят многие годы, чтобы понять прошлое». Подлинная история пишется кровью, но пройдут десятилетия и даже века, прежде чем чернилами будет написана книга, способная раскрыть тайный смысл событий и дать нам путеводную нить Ариадны, что проведет нас по лабиринту бесчисленных фактов.

Не настал еще день, когда можно будет воссоздать полную картину той великой исторической драмы, которая называется русской революцией. Когда утихнут страсти, и угаснет огонь ненависти и любви, и разрешится мировой кризис, — тогда возможно будет написать историю дней тревоги и надежды, которые мы переживаем сейчас.

Однако мы, актеры и зрители этого действия, тоже можем внести свою лепту в дело дня завтрашнего. Наше право и, возможно, наш долг — рассказать именно о том, что мы видели и пережили.

Иной задачи я не ставлю себе. Я не пишу историческое или социальное исследование и не пытаюсь объяснить события. Я был одним из тех, кто принимал участие в русской революции. Я оказался в центре драмы. Я сражался. Я страдал. И теперь я хочу вспомнить некоторые из тех страниц, страшных и волнующих, которые Россия вписала в историю человечества.

Я хорошо знаю: в Италии, как, впрочем, почти везде, не ведают, что произошло в России. Если моя книга сможет хоть немного рассеять туман, который все еще окутывает эту бескрайнюю, сведенную судорогой страну, задача моя будет совершенно выполнена.

Марк Слоним

Глава четвертая НЕМЕЦКАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ

IV — В Красной России

Сразу после немецкого вторжения и заключения Брестского мира ко мне в Одессу приехала группа эсеров — офицеров и солдат, вернувшихся с фронта. Очень осторожно они рассказали мне о своем плане отправиться на Волгу, в Самару, и там попытаться собрать все антибольшевистские и революционные силы. Они хотели знать мое мнение. Я полностью одобрил их и помог им, как, впрочем, помогал многим другим, выбраться с Украины и отправиться в Самару.

Позднее наша партия действительно приняла решение восстановить фронт на Волге, и концентрация сил продолжилась в том же направлении. Некоторым из наших товарищей по Учредительному собранию было поручено подготовить восстания на Волге, так что пятеро из них тайно поселились в Самаре, руководя всей подготовкой.

Едва только Самара и другие города были освобождены от большевистской власти, было провозглашено Правительство Комитета Учредительного собрания, которое постепенно расширялось по мере того, как в Самару прибывали депутаты Учредительного собрания.

Это правительство, состоявшее почти исключительно из эсеров, получило название Правительства Самары и было единственным истинно демократическим и социалистическим антибольшевистским правительством¹. <...>

Газета стала провозвестником поднимающегося движения на Волге². <...> В Кузнецке, в Вольске, в других городах разгорался пожар восстания. Власть большевиков, казалось, была как никогда близка к своему краху.

Мы вступали в период вооруженной борьбы против московского правительства — возможно, самый интересный период русской революции.

Глава пятая НОВЫЙ ФРОНТ

I — Переход через большевистский фронт

В одно прекрасное августовское утро³ я увидел, что в редакцию вошел солдат-инвалид и настойчиво спрашивает начальство. Ему назвали имя «ответственного лица». Он кивнул и продолжал что-то бормотать. Я подошел к нему и сказал: «Я тут за начальство. Что вам угодно?» Он взглянул на меня сначала с недоверием, потом осмотрел меня с головы до ног и снова принялся бормотать, словно проверяя приметы, которые ему описали. «А как вас зовут?» — «Марк Слоним». Удовлетворенно кивнув, он спросил у наборщика: «Верно это?» Все засмеялись и заверили его, что я действительно Марк Слоним.

Пройдя в мой кабинет, он закрыл двери, спросил, нет ли лишних ушей, и сказал: «Я с особым поручением от Правительства Самары». Он отставил свои костыли и стал раскручивать один из них: в специальном отверстии был спрятан клочок бумаги — его мандат — и рекомендательное письмо.

Наконец-то друзья с Волги вышли с нами на связь.

После многочасовой беседы мы смогли представить себе масштаб и значение борьбы, которая разворачивалась на Волге.

Теперь Самарский комитет вызывал меня туда и поручал другим членам Учредительного собрания, чтобы они постарались добраться до Волги.

Это известие произвело огромное впечатление в революционных кругах. Все эсеры, члены Учредительного собрания, решили ехать.

Комитет Украины не хотел отпускать меня. Но обстоятельства сложились все-таки в пользу моего отъезда: немцам уже стало известно о моей деятельно-

сти; через подпольные каналы, которых становилось все больше, друзья из административных учреждений предупредили, что мой арест и отправка на принудительные работы, если еще не худший приговор, — только вопрос времени. Я убедил Комитет в том, что соображения безопасности также вынуждают меня покинуть Украину.

А тем временем, чтобы избежать провала, до отъезда я ушел в подполье и в Одессу на два дня тоже должен был поехать тайно, потому что, едва я там появился, власти Одессы были уже готовы посадить меня в тюрьму за прежние грехи.

По правде говоря, ехать было не менее опасно, чем оставаться на Украине. Надо было пересечь всю большевистскую Россию и потом предпринять рискованный переход через позиции Красной армии.

Но эти опасности ничего не значили по сравнению с возможностью удачного исхода.

Я отправился попрощаться с семьей. Помню, брат⁴ не сдержался и сказал: «Но послушай, то, что ты собираешься сделать, — это шаг во тьму, путь к смерти». — «А что же ты хочешь, — ответил я ему со всей прямоотой, — чтобы я оставался здесь, когда там идет борьба за свободную Россию?» И рассказал ему, как пишут англичане объявления о наборе добровольцев. Ребенок спрашивает у отца: «Где ты был, когда шла великая война?» Где ты был, когда немногие отважные и честные люди, жертвуя собой, проливали кровь, пытаясь спасти Россию, — тот же вопрос зададут потом нам, представителям народа.

Мы были депутатами Учредительного собрания; сейчас по всему фронту шла борьба во имя Учредительного собрания, и наш долг был отправиться туда и быть с теми, кто сражается и умирает.

Мы разделились на группы. Первыми отправились Затонский (Батрак)⁵ и мой близкий друг Лео Сухович⁶. После Москвы Сухович пропал: он не добрался до фронта, но и назад не вернулся. Ходили упорные слухи, что он был расстрелян большевиками в южных волжских степях; я уверен, что именно так он и погиб.

Во второй группе нас было четверо, уцелели только двое, включая меня.

У всех нас были поддельные документы, изготовленные в моем редакторском кабинете. Из Киева в Москву раз в неделю с разрешения немецкого командования ходил большевистский санитарный поезд с больными и ранеными, которые хотели вернуться на родину, поэтому мы сделали себе документы Красного Креста. Я был «начальник санитарной службы», а мой друг Сургучев⁷, расстрелянный впоследствии адмиралом Колчаком⁸, был доктор Сергей Климентьев.

С большим трудом мы получили разрешение немецкого командования на выезд.

В конторе Красного Креста меня узнал один господин, стоявший в группе дам. Он подошел ко мне и очень учтиво представился, сказав, что присутствовал на многих моих выступлениях в Одессе. Я рассмеялся ему в лицо и спокойно ответил: «Это ошибка. Я вовсе не Слоним. Моя фамилия Левин». Бедняга лишился дара речи, протер глаза и сделался красным как рак.

Начальником поезда большевики обычно ставили кого-то из своих военных. Нам удалось устроить так, что начальником поезда был назначен один из наших

друзей по боевым антибольшевистским организациям, выдавший себя за большевика. По крайней мере, до Москвы мы могли ехать спокойно.

Однако перед самым отправлением все едва не сорвалось. На вокзале у пассажиров проверяли документы, и мы тихо дожидались в купе своей очереди.

Как вдруг вбежал Сургучев, он же Климентьев, и рухнул на диван: «Все кончено...» — «Но что случилось?» — «В соседнем вагоне... знаете, кто там едет? Жена доктора Климентьева, *настоящая* жена»... Действительно, для Сургучева мы использовали документы реального живого человека, попавшего на фронте в немецкий плен. Случаю было угодно, чтобы лже-Климентьев оказался в поезде рядом с женой настоящего доктора.

Наконец поезд тронулся. Мимо нас проносились живописные украинские пейзажи, запруженные немецкими солдатами станции, расклеенные на стенах объявления о смертных казнях, потом пошли пустынные дороги фронтовой зоны с армейскими патрулями принца Леопольда Баварского. Мы были в самом сердце территории, занятой немецкими войсками.

Между большевистской Россией и захваченной немцами Украиной проходила пограничная полоса, тщательно охраняемая войсками обеих сторон. Прежде чем попасть на территорию советской России, предстояло пройти досмотр, проверку документов, объяснить с немцами по поводу каждого куска хлеба и сахара, поскольку с территории Украины запрещено было вывозить продукты питания в любых количествах.

На большевистской границе, в Орше, происходил обычный спектакль. Красногвардейцы в штатском и с винтовками за плечами, красные знамена с золотыми надписями, громадная толпа, крики, плач, брань, черный хлеб, выстрелы по вечерам. Потом конфискация хлеба и сахара у пассажиров и дотошная проверка документов.

До Москвы мы доехали без приключений, если не считать обыска в Смоленске, где мы стали предметом особого внимания «Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией».

Мы прибыли в Москву вечером и должны были дожждаться рассвета, чтобы отправиться в город. Решили остаться в вагоне, заручившись разрешением нашего самозванного начальника поезда.

А пока принялись читать газеты. В то время во всей советской республике не существовало официальной прессы. Кроме листовок, распространяемых Советами, не выходило ни единого независимого листка, напечатанного типографским способом. Приходилось довольствоваться однообразными публикациями властей. В «Известиях» (бюллетень Совета) я случайно обнаружил свое имя в сопровождении нескольких эпитетов, из которых «продажный» был самым мягким, там цитировались мои статьи о большевизме и о движении на Волге.

Следовало строжайшим образом сохранять инкогнито.

На следующий день мы пришли в город. Рядом с вокзалом группа красногвардейцев отбирала у пассажиров все продукты питания, несмотря на разрешение правительства ввозить в Москву все.

Столица умирала от голода в самом буквальном смысле слова. Все население было разделено на 4 категории, каждая получала свою норму скверного

черного хлеба с примесью соломы: горожане — 50 граммов в день, рабочие — 70–100 граммов. Однако хлеб выдавали не каждый день. На черном рынке за пуд (16 кг) темной муки платили 400–500 рублей, тогда как средняя зарплата составляла 1000 рублей в месяц. Люди часами стояли в очередях — уже не за картошкой, которая стоила целое состояние, а за картофельными очистками. Сахар найти было невозможно.

Я принес белого хлеба своему дядюшке — профессору, известнейшему в России искусствоведа⁹. Тот не притронулся к гостинцу. Он созвал детей, которые, онемев, смотрели на такое чудо: белый хлеб. Сахар, напротив, вызвал крики восторга.

Жизнь превратилась в унизительную борьбу, имевшую одну только цель — раздобыть немного еды. Все думали и говорили лишь об одном: как достать селедку, немного растительного масла, пару яблок. И еще — где взять ботинки, рубашку за 150–170 рублей, кусок мыла за 100 рублей, ведро угля за 20 рублей.

Любая обыденная житейская надобность сопряжена была с невероятным количеством трудностей, на первый взгляд непреодолимых. Все давалось с трудом: чтобы добраться до отдаленной улицы, надо было простоять битый час в очереди на трамвай; чтобы перевезти багаж с одного вокзала на другой, надо было заплатить извозчику 100 рублей; чтобы раздобыть нитки для штопки носков, надо было потратить два дня на беготню, получение пропуска и, наконец, поиски самих ниток.

Повседневную жизнь сменила постоянная борьба за существование. Не всякому удавалось выйти победителем из этой изнурительной и ожесточенной битвы за хлеб насущный. Я своими глазами видел, как на Тверской улице хорошо одетая женщина упала в обморок на мостовой: она не ела несколько дней. Прохожие остановились было около лежащей без сознания женщины; вокруг собралась небольшая группа людей; женщину отнесли в аптеку; потом все разошлись и каждый отправился своей дорогой — происшествие было обычным, такое случалось каждый день.

Я ходил по улицам города и не узнавал их. Бледные, истощенные, скверно одетые, вечно спешащие люди. Временами на бешеной скорости проносился грузовик с красногвардейцами по направлению к Кремлю, который был некогда дворцом московских царей, а теперь стал резиденцией правительства первой в мире социалистической республики. Вечером город вымирал. В восемь часов переставали ходить трамваи; дистанции в Москве огромные, поскольку город растянулся более чем на 40 километров. Как горожане преодолевали пешком такие расстояния? И кто знает, добирались ли они до места живыми и здоровыми, сохранив при себе кошелек и одежду?

И вот после восьми светятся редкие не зашторенные еще окна, фонарей нет. Тьма и тишина. Одинокие смельчаки-прохожие обмениваются настороженными взглядами, пробираясь мимо погруженных во мрак и безмолвие домов.

Но рядом с вокзалом — освещенное здание, горят электрические лампы, сияет множество не закрытых ставнями окон.

Вся Москва безмолвствует, а тут кипит жизнь, полно людей — это Бутырская тюрьма¹⁰.

Во времена царизма здесь содержали политических заключенных. В первые дни революции тюрьма опустела. При Ленине она снова заполнилась — причем теми же людьми, наказанными за те же преступления.

При Николае в Бутырки тоже сажали по политическим мотивам: например, за членство в партии эсеров. Врагами были мы, а царские жандармы — судьями и палачами. Теперь по-прежнему сажали в тюрьму просто за принадлежность к эсерам, но тюремщики назывались уже иначе — социалисты, коммунисты, большевики.

Как раз в то время, когда я оказался в Москве, большевистский террор стал особенно жестоким.

Выходя с митинга 1 сентября 1918 года¹¹, Ленин был тяжело ранен некой Каплан-Ройд¹², она была эсерка, но совершила это покушение по собственной инициативе, без ведома и одобрения партии. Партия же, наоборот, выступала против покушений на жизнь народных комиссаров.

Каплан-Ройд была повешена¹³. Но в тот же день в Петрограде был убит председатель комиссии по борьбе с контрреволюцией Урицкий¹⁴.

Незадолго до этого Володарский¹⁵ пал жертвой покушения.

Эти теракты вместе с движением на Волге совершенно вывели большевиков из себя. Они призывали взяться за оружие и развернуть священный террор, чтобы уничтожить врагов и посеять ужас в рядах колеблющихся. «Красная газета» писала: «Да будут наши сердца тверды, жестоки и бесстрастны, чтобы не проникла в них жалость и не дрогнули они при виде моря вражьей крови. Откроем же шлюзы, и пусть хлещут потоки крови»...

Это было обращение ко всем местным Советам с призывом безжалостно «истреблять» эсеров и меньшевиков. В нем также говорилось, что необходимо немедленно посадить в тюрьму всех «известных Советам» социалистов, не принадлежащих к партии большевиков. Это был самый настоящий террор.

В Петрограде за одну ночь было расстреляно 500 человек, в Нижнем Новгороде — 400, в Москве — 200, и множество казнено в других городах — таков был ответ большевиков на покушения и теракты против их вождей. На фронте происходили многочисленные казни.

В день покушения на Ленина атмосфера в Москве стала еще более мрачной, чем обычно. Улицы пустынные, как никогда, испуганные лица, бронированные автомобили, отряды красногвардейцев, обыски, аресты. Я чувствовал, что и сам вот-вот попаду в руки красных.

<...>

Все эсеры скрывались. Центральный комитет переместился на Волгу, оставив в Москве только одного из своих членов, Д.¹⁶, который вынужден был жить в строжайшем подполье.

Деловые встречи назначали в парках, в людных столовых и даже в большевистских учреждениях, где было безопаснее.

Если, например, какой-нибудь служащий в государственном учреждении был нашим другом, то шли к нему в контору. Я всегда встречался с нужными людьми в редакции одного большевистского журнала.

Тем не менее каждый день кого-нибудь арестовывали. Множество наших товарищей сидели в тюрьме. В привокзальном ресторане я встречался с моим другом С., с двумя дамами и еще с одним офицером — все они занимались организацией борьбы против Советов. Все были эсерами. Месяц спустя все были арестованы и повешены.

Понятно, что в условиях такого террора и преследований пребывание наше в Москве становилось все опаснее. Но здесь нас задерживали две причины: неопределенность дальнейшего маршрута и отсутствие документов.

Куда двинуться? В каком месте пересекать фронт? Только наши московские товарищи могли дать ответ. В Москве была организована специальная служба для переправки людей на фронт Учредительного собрания. Очень многие офицеры, солдаты, революционеры готовы были преодолеть опасности путешествия на Волгу. Конечно, в первую очередь отправляли членов Учредительного собрания, но и риск для них был больше.

В этот момент военные успехи наших частей были довольно значительны. Казань была взята, ожидали падения Нижнего Новгорода на севере и Саратова на юге.

Таким образом, у нас был выбор: либо пересечь фронт по флангам, либо пробраться в какой-нибудь прифронтовой город и там дожидаться, пока наши войска отобьют его у большевиков.

После долгих обсуждений решено было разделиться. Сургучев отправился на юг, к Камышину. А мы хотели попытаться перейти фронт в центре, избрав отправным пунктом Пензу, куда как раз послали других наших товарищей. Московская организация снабдила нас адресами в Пензе, там должны были нам посоветовать, куда двигаться дальше.

Тогда мы предприняли очень удачный ход: явились с нашими поддельными документами в управление большевистского Красного Креста с просьбой выдать нам настоящие бумаги. И действительно, нам удалось получить большевистские удостоверения. Мы выдали себя за демобилизованных, которые хотят вернуться домой. В моем удостоверении было написано, что я с 1915 года работал начальником санитарной службы в разных военных госпиталях, награжден медалью за военную доблесть, а теперь демобилизован и возвращаюсь к себе домой, в Туркестан. Мои товарищи якобы возвращались в Сибирь.

Но замечательнее всего было то, что мы получили даже пропуски для бесплатного проезда по железным дорогам Республики. Нам выдали также разрешение на выезд из Москвы, без которого нечего было даже ехать на вокзал, и мы отправились в Тулу, начав путь к Пензе.

На московском вокзале поезда брали с боем, а красногвардейцы безжалостно колотили и стаскивали людей, осаждавших вагоны. Поэтому попасть внутрь удавалось тем, у кого кулаки крепче. Все решали только сила и удача. Первый штурм нам не удался, мы были еще непривычны к таким путешествиям. Но в следующий раз, разъяренные долгим ожиданием, мы уже не щадили ни собственных кулаков, ни чужих ребер и были вознаграждены, отвоевав себе закуток в вагоне третьего класса, до предела забитом людьми.

В Туле из окна отходящего поезда высунулся солдат и радостно закричал во все горло: «Как дела, товарищ Слоним, дорогой Марк Львович, откуда путь держишь?» Я не шелохнулся, мысленно проклиная этого незадачливого знакомого.

В Пензе я отправился разыскивать указанные адреса. Первый оказался неправильным, по второму адресу не было ни души, на третьей явке я обнаружил дрожащего от страха человечка. Едва услышав пароль, он поспешно заявил, что — да, был эсером год назад, но теперь сменил свои политические взгляды и порвал все отношения с партией.

Ну еще бы, как тут не изменить политические взгляды, если повсюду в Пензе были расклеены листовки местных Советов, которые требовали разоблачить всех эсеров и подвергнуть их суду военного трибунала, а заканчивались неизменно призывами к священному очищающему террору!

Таким образом, в Пензе у нас не оказалось никого. Город был наводнен солдатами. Здесь располагался Главный штаб большевиков¹⁷. Объявления грозили смертью всякому, кто находится в военной зоне без разрешения Главного штаба Красной армии; в городе расклеен был приказ расстреливать на месте любого, кто попытается пробраться к вражеским позициям.

Сколько же раз должны были быть расстреляны мы — эсеры, которые вдобавок собирались совершить все перечисленные преступления?

Тем не менее мы отправились напрямик в Военный комитет большевиков. В моем документе пунктом назначения указан был Самарканд (Туркестан), а чтобы добраться туда, надо было переправиться на другой берег Волги, поэтому я попытался убедить комиссара выдать мне пропуск для проезда через военную зону. В этом мне было категорически отказано. С невероятным трудом удалось получить только разрешение для выезда из Пензы на юг, в Саратов.

В выданном документе к слову «Саратов» я своей рукой приписал «и область». Таким образом, я мог, по крайней мере, поехать в деревню под Пензой. Попутчики мои поступили так же.

Положение в городе становилось слишком опасным: казни, аресты, преследование врагов большевизма. Надо было убираться отсюда как можно скорее.

У нас был единственный способ пересечь линию фронта между красными и Народной армией — двигаться от деревни к деревне и, добравшись до передовой, положиться на удачу.

На базаре в Пензе мы нашли двух татар с телегами, которые согласились довести нас до села неподалеку от города.

Нам удалось выехать, не наткнувшись на красные патрули, и той же ночью мы уже были в деревенской глуши, в 40 километрах от железной дороги, в татарском селе.

Так началось наше путешествие. На нас была военная форма с нашивками Красного Креста на груди, в вещмешках — немного одежды и белье без именных меток, чтобы наши вымышленные фамилии не вызвали подозрения. Деньги мы зашили в подкладку курток и спрятали в переплет пары книг по медицине, которые взяли с собой. Я положил деньги в шкатулку с двойным дном вместе с настоящими документами.

Татарам мы сказали, что состоим в санитарном отряде и обследуем окрестные деревни на предмет тифа и холеры. И они охотно согласились отвезти нас в соседнее село. Эту же самую историю мы повторяли везде.

В некоторых местах наше появление вызывало общую панику: двери и окна закрывались, улицы пустели, а собаки, нарочно спущенные с цепи, яростно набрасывались на нас целыми стаями. Все дело было в нашивках Красного Креста, из-за которых нас принимали за красноармейцев. В это время «красная армия» была синонимом насилия, конфискации, грабежей и мародерства. Но стоило нам объяснить, в чем дело, отношение сразу менялось, и нам оказывали радушный прием.

Нас поили чаем, усадив в избе вокруг огромного самовара, а я тем временем обиняками и околичностями расспрашивал, где сейчас красные и какие деревни ими заняты. Это помогало сразу выбрать безопасный путь и избежать неприятных встреч. Длинная очередь больных благоговейно ожидала окончания нашей трапезы. Приходилось давать медицинские рекомендации. К счастью, один из нас действительно был врачом, так что у меня не осталось угрызений совести из-за того, что мы уморили какого-нибудь бедного крестьянина в Пензенской области.

Иногда мы передвигались только ночью, пробираясь по местам, занятым резервными войсками. Потом красные начали передислокацию сил, и, чтобы не попасть к ним в руки, нам пришлось сделать крюк в сотню километров южнее, к Саратову.

Наконец в одном селе крестьяне сказали нам, что конные патрули большевиков стоят в десяти километрах и что ходят слухи, будто красные оставляют Вольск, находившийся на расстоянии километров восьмидесяти.

Притворяться более было невозможно. Мы выбрали одного крестьянина, которому я сказал, что хочу поехать в Вольск, и выразительно на него взглянул. «Я понял, — ответил он, — сообразим что-нибудь». И отвез нас к себе домой, в поселок Донгуз, занятый большевиками.

Наступил решительный момент: либо пан, либо пропал. Мы были на крайнем левом фланге большевистского фронта.

В Донгуз добрались поздно вечером. Стали пробираться к дому нашего крестьянина закоулками, огородами, садами. Но за очередным поворотом нас остановил большевистский патруль: «Стой! Кто идет? Куда? Документы!» Долго изучали наши бумаги в свете факелов, зловещие отблески играли на винтовках, штыках, на грубых лицах патрульных.

Мы рассказали все ту же легенду. Командир покачал головой: «Не нравится мне эта история. Неизвестно, куда эти санитары идут. Эй, — окликнул он своих людей. — Проводите-ка их туда, где они собираются остановиться, и поставьте у дома двух часовых. А вы, — с угрозой обратился он к нам, — чтоб смирно сидели до завтрашнего утра. Не вздумайте сбежать — пристрелим на месте». И послал солдата с приказом часовым на всех выездах из поселка ночью никого не выпускать, расстреливать на месте.

Наконец, измученные, добрались мы до дома нашего крестьянина. Объяснили ему, что должны уйти из Донгуза до рассвета, это вопрос жизни и смерти.

Хозяин, ненавидевший большевиков, — как, впрочем, и все крестьяне в этом краю, разоренном Красной армией, — перебудил всю семью и отправился разузнать фронтовые новости и посоветоваться со стариками, чтобы помочь нам выбраться из передраги, в которую мы угодили.

К часу ночи он вернулся, а с ним — старый дед, весь седой, но высокий и крепкий. Он рассказал, что Вольск взят, красные отступают с боями, Донгуз — последний поселок, который они пока удерживают. Километрах в десяти боковые дороги уже свободны, а в сорока километрах встречаются даже передовые отряды Народной армии.

«Не извольте беспокоиться, — басовито и очень спокойно сказал старик. — Я провожу. Пройдем с божьей помощью».

Он обернул ветошью копыта лошадей, чтобы приглушить звук шагов. Около трех часов ночи мы вышли.

Часовые мирно спали на дороге. Затаив дыхание, мы прошли мимо. Потом спустились к реке, чтобы перейти вброд. Снова часовые. Тут спал целый взвод. На главной дороге мы увидели другой взвод, эти вовсе не спали. Мы двинулись в обход. Третий взвод. Двое часовых. Мы ступили на узкую тропинку в густых хлебах, которые скрыли нас с головой.

Через полчаса вышли на дорогу. Старик-проводимый снял шапку, взглянул в высокое, холодное, усыпанное звездами небо и перекрестился. «Слава богу, пришли. Если больше не встретятся патрули, часа за два до места доберемся».

Дорога была пустынна. Утренний заморозок посеребрил инею ветки деревьев. Звезды таяли в первых лучах зари. Тьма рассеивалась. Внизу, в долине показалась маленькая спящая деревушка. Мы укрылись в рощице. Старик спешил и отправился на мельницу к знакомому узнать новости.

Мы ожидали его в полнейшем безмолвии этого рассветного часа между ночью и днем. Необозримые поля покоились в глубокой дремоте. Небо светлело, и розоватый свет зари, разгоравшейся за лесом, был для нас как луч надежды. Среди безмятежного покоя окружающей природы невозможно было представить, что где-то там идет война и что через час, может быть, мы канем во мрак небытия, просто так, неизвестно за что.

<...>

II — Волжский фронт

В июне 1918 года вся восточная Россия была охвачена антибольшевистским восстанием. Согласно разработанному плану эсеры при поддержке чехословаков установили свою власть в Самаре и в скором времени собрали 100-тысячную Народную армию, против которой большевики выставили войска численностью 150 тысяч человек.

На Волге был образован Комитет членов Учредительного собрания, или Самарское правительство. Власть его простиралась от Казани на севере до Хвалынска на юге и Урала на востоке. Оно провозглашало сохранение завоеваний мартовской революции 1917 года и пыталось созвать второй съезд Учредительного собрания. При этом оно устанавливало связи с многочисленными правительства-

ми, возникшими на освобожденной от большевиков территории, — в Сибири, на Урале, в казацких степях и так далее. Но в географическом отношении Самарское правительство имело наибольшее значение и влияние, поскольку контролировало самую обширную территорию, расположенную в сердце России¹⁸. Поэтому именно ему пришлось сдерживать наступление большевистской армии. Кроме того, будучи наследником Учредительного собрания, оно пользовалось самым высоким авторитетом. И наконец, его в высшей степени демократическая программа получила наибольшую поддержку народа. Впрочем, именно она в значительной степени и стала причиной его крушения.

В это время на большевистском фронте происходила реорганизация. Осознав грозящую опасность, большевистские вожди пытались создать сильную дисциплинированную армию вместо разрозненных отрядов. Самарское правительство заявило, что не признает Брест-Литовский договор и намерено продолжать войну с Германией, поэтому Германия, со своей стороны, оказывала большевикам всю возможную помощь. И если на Украине отправляли на виселицу по подозрению в большевистских настроениях, то на Волге военнопленным, захваченным на австро-германском фронте, приказано было записываться в Красную армию.

Приказ этот был издан 10 сентября, но еще раньше многочисленные немецкие войска были брошены на поддержку большевиков. Так, в Казани появилась немецкая артиллерия, а под Вольском — венгерские колонны. В каждом большевистском полку для иностранных военных был создан интернациональный батальон, который по составу почти всегда был австро-германским.

После первых шумных успехов военное положение Самарского правительства ухудшилось — не только из-за немецкой помощи большевикам, но и из-за того, что снабжения не было, а обещанное подкрепление не поступало. Другие антибольшевистские правительства не отправили на Волжский фронт ни единого солдата, считая Комуч своим соперником и опасаясь, что он объявит себя Всероссийским правительством. Но еще больше они боялись его решительной демократической программы, которая включала обобществление земли, 8-часовой рабочий день, гражданские свободы, всеобщее избирательное право. А вот позиция Антанты была в высшей степени подлой и преступной — заявляю это открыто и со всей определенностью.

В Москве Антанта одобрила план открытия Волжского фронта, оказала денежную помощь и формально обещала дальнейшее содействие — на первых порах она вела переговоры с эсерами и поддержала антибольшевистские движения на Волге. Но потом страны Антанты предали нас: ни снабжения, ни подкрепления, ни денег. Осень 1918 года была наиболее благоприятным моментом, чтобы дать большевикам решительный отпор. Однако Антанта уже не хотела помогать нам в этом, сочтя Самарское правительство слишком революционным.

На Волге залпы немецких пушек косили цвет русской молодежи, а у нас не было ни снарядов, ни винтовок, ни пулеметов, Антанта посылала нам только американские нитки и иголки. В госпиталях раненые умирали сотнями из-за отсутствия перевязочных материалов, а представители Антанты вели себя как полные идиоты, обхаживая военную диктатуру.

Думаю, что выражу не только собственную точку зрения, но и мнение всех, кто сражался на Волжском фронте, если скажу, что действия Антанты сначала глубоко потрясли нас, а потом вызвали такую горчайшую обиду, которая могла перерасти только в чувство глубокой враждебности. Дальше мы увидим, как с каждым днем становилось все более очевидно, что Антанта проводит в России *глубоко антидемократическую политику, наносящую огромный ущерб русскому народу*¹⁹.

В сентябре, когда мы добрались до фронта, еще не все надежды были потеряны. Однако начиналось отступление Народной армии, которое в скором времени полностью изменило политическую и военную ситуацию. На севере отступление началось с падения Казани²⁰, на юге — с окончательной сдачи того самого города Вольска²¹, где мы оказались на следующий вечер после взятия его антибольшевистскими войсками.

Вольск расположен недалеко от Саратова. Это маленький городок на левобережных холмах над Волгой. Жители его всегда славилась миролюбием. К концу июня антибольшевистские крестьянские восстания полыхали в 54 волостях на левом берегу Волги. Совет Вольска поставил пушки у реки и принялся обстреливать восставших на левом берегу, так что жители города слышали и видели, как большевистская артиллерия разрушала села, где жили их родители и друзья.

И тогда разразилось мощное восстание. Внезапно зазвонили колокола, забили в набат, толпа разоружила красногвардейцев и разнесла оружейные склады. Вооруженные жители города рассыпались по улицам. Бой шел на каждом углу. Трещали пулеметы. К вечеру красные были разбиты. Здание Совета было взято штурмом. На центральной площади толпа кричала: «Да здравствует Учредительное собрание!» Небо озарялось заревом пожаров, сполохи пламени выхватывали из темноты фигуры людей, вооруженных старыми винтовками, ножами и штыками. Все большевистские комиссары были казнены. Сразу же был создан Комитет за Учредительное собрание, который взял власть в свои руки. Но продержался он всего десять дней. Самара не смогла прислать подкрепление. Восстание на левом берегу было подавлено. Красные собрали огромные силы и осадили Вольск. Большевистская флотилия обстреливала город с Волги. По общему согласию многочисленные защитники ночью покинули город на лодках и сумели подняться по реке до Самары. Большевики вновь овладели Вольском, 26 мужчин и женщин были сразу же расстреляны. Затем была проведена принудительная мобилизация крестьян из окрестных сел. Часть мобилизованных заявила: «Не желаем воевать!» Тогда сто тридцать человек посадили в лодку и утопили. Приказ отдал комендант Вольска Кузнецов²².

В первых числах сентября полковник Махин²³, командующий частями Народной армии на юге, нанес красным ощутимый удар под Хвалынском, в семидесяти километрах от Вольска. После чего, желая развить успех и вырвать многострадальный город из рук большевиков, он двинул туда три тысячи бойцов, которые выбили красных из Вольска.

В течение трех дней они удерживали город. Но на четвертый день ситуация изменилась. Из Самары не было подкрепления, потому что именно в этот момент,

после падения Казани, надо было развернуться и отразить наступление неприятеля на севере, куда и были переброшены все резервные части. Тем временем большевики собрали десять тысяч немецких военнопленных, в основном венгров, и пошли на Вольск. Подошедшая из Саратова боевая флотилия красных обстреливала город с реки, а пехота штурмовала ключевые высоты.

Как раз в это время мы и добрались до Вольска. Нас провели к начальству, мы сообщили свои настоящие имена и предъявили подлинные документы, которые сумели бережно сохранить. К счастью, в Вольске было несколько человек, которые отлично нас знали, и в единый миг положение наше совершенно переменялось. Совсем недавно мы были беглецы и преступники с фальшивыми бумагами. Теперь мы становились представителями законной власти и верховного командования, руководителями с огромной ответственностью, с законодательными и исполнительными полномочиями.

Командование ввело нас в курс дела, описав ситуацию, которая выглядела совсем безнадежной. Нам предложили сразу же отправиться с сопровождением в Самару, чтобы не подвергать себя риску. Но мы считали своим долгом до последней минуты оставаться в городе, над которым пока еще был поднят флаг Учредительного собрания.

Ожесточенные бои шли целый день, после чего стало ясно, что устоять невозможно. Под градом пуль и снарядов началась эвакуация города.

Ночью мы должны были отплыть на пароходе, груженном боеприпасами. Большевики поставили на левом берегу артиллерийскую батарею, которая обстреливала лодки, прикрываемые только утренним туманом. Мы отплыли около трех часов ночи, но в машине случилась поломка, и в семнадцати километрах от города нам пришлось причалить и сойти на берег. В ближнем селе было столпотворение: беженцы, военные повозки, солдаты, артиллерийские орудия, лошади. Войска оставляли город. Жуткая канонада не стихала, тяжелые разрывы снарядов грохотали беспрестанно.

Менее чем через час Вольск был захвачен Красной армией.

Первую часть пути мы проделали с нашими отступающими частями. Ночью подошли к Хвалынску, где пароход ждал нас, чтобы отвезти в Самару. Еще полтора суток мы плыли по Волге и наконец достигли цели нашего долгого, тяжелого и полного превратностей путешествия. Из Киева мы добрались до Самары за двадцать четыре дня, десять из которых провели в седле.

В Самаре я вошел в Комитет членов Учредительного собрания. Ситуация была совершенно критической. Взятие красными Казани и Вольска было грозным знаком. Но внутренняя обстановка была куда трагичнее, чем положение на фронте. Резко обострилась межпартийная борьба. Кадеты и реакционеры, которые в Москве выступали вместе с социалистами единым фронтом против большевиков, теперь перешли в оппозицию и подвергали яростной критике правительство, обвиняя его в «чрезмерном демократизме». Правительства других территорий не оказывали никакой поддержки. Надо было любой ценой положить конец этим раздорам и попытаться объединить все антибольшевистские правительства, мобилизовав их на борьбу с коммунистической властью во имя демократической России.

Этот союз казался нам *conditio sine qua non*²⁴ нашей борьбы. Все силы следовало объединить для достижения этой цели.

Долго шли переговоры, состоялось совещание 5 августа в Челябинске, после чего было наконец решено собрать в сентябре съезд в Уфе, который стал самым значительным событием борьбы против большевиков и получил название Уфимского государственного совещания.

<...>

IV — Гражданская борьба

Все, кто принимал участие в незабываемом движении на Волге, навсегда запомнят лихорадочное напряжение тех дней.

Мы приехали со всех концов страны, движимые одной страстью — построить новую Россию. Мы едва только вырвались из большевистского ада, а нам предстояло снова вступить в тяжкую борьбу, продолжить свой путь к далекой цели.

Такова была жизнь солдат революции — полная тревог и превратностей. Наша политика была не кабинетной дипломатией или пустой болтовней — за каждым решением стояли человеческие жизни, цена любой нерешительности измерялась кровью и смертью. Это была война, только еще хуже — это была гражданская борьба.

Она имела все признаки и атрибуты войны. От 1914–1918 годов нам достались в наследство все самые ужасные и эффективные орудия убийства. У нас были тяжелые артиллерийские орудия, аэропланы, удушающие газы, бронированные автомобили и поезда, множество видов колючей проволоки. На войне офицеры обучились искусству обманных маневров, тайным стратегическим и тактическим уловкам. И теперь все это применялось в политической борьбе, в которой брат шел на брата, а соотечественники так ожесточенно сражались друг с другом, как не воюют враждующие племена. Никакая революция в мире не явила драмы такого масштаба: здесь воевали не области и департаменты, подобные Вандее, здесь против советского правительства, сидящего в Москве, поднялась антибольшевистская Россия, чья территория в полтора раза превышала территорию всей Европы. Ведь она занимала 14 миллионов квадратных километров, включая площадь Сибири. Власть антибольшевистских сил простиралась от Азии до Европы. Линия нашего фронта протянулась на 1000 километров. И воевали здесь не только русские, это была настоящая битва народов. С обеих сторон сражались русские, латыши, поляки, татары, казаки, монголы, кочевые народы волжских степей, горцы Урала и Кавказа и дикие северные племена.

Они бились с невиданной яростью. В этой битве выплеснулась вся накопившаяся злоба и ненависть, в ней взорвалась вся до предела обостренная войной и страданием жажда мести. В ней не было места милосердию, она не оставляла надежд на мирный исход. Здесь не было пленных. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Смерть — вот окончательное решение, одушевлявшее большевиков в стремлении смести своих врагов с лица земли.

Ставка в этой битве была ясна: либо они уничтожат нас, либо мы уничтожим их. Третьего было не дано.

Я осознал эту трагическую дилемму в Москве и в Пензе, когда над нами навис дамоклов меч большевистского террора. Жизнь висела на волоске и могла обрваться по воле случая.

Обедая в ресторане в Пензе, мы оказались рядом с большевистским комиссаром, который все время заговаривал с нами. Это был глава Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией. Если бы нас раскрыли, именно он расстрелял бы нас своими руками. Я тогда задумался: а если бы он попал мне в руки, разве я не поступил бы так же?

В Вольске один офицер рассказал мне, что ни одна из воюющих сторон не берет пленных. И хмуро добавил: «Самое ужасное, что мы, бывает, вынуждены отступать, не успев собрать всех раненых». — «И как же?» ... — «Их всех сразу убивают»...

Случалось, что большевики ловили дезертиров, которые пытались перебежать на сторону неприятеля. Их отдавали китайцам. И те подвергали несчастных чудовищным пыткам: загоняли щепки и иголки под ногти, отрезали руки и ноги, подвешивали за ноги, закапывали живьем.

Сколько крови, сколько ужасов! И сколько горя.

Я помню еще один случай. Мы плыли на пароходе из Хвалынска в Самару вместе с двумя другими членами Учредительного собрания. Ночью на борту был обнаружен тот самый Кузнецов, который утопил сто тридцать мобилизованных крестьян. При нем был фальшивый паспорт и много денег. Его опознали несколько беглецов из Вольска. Они кричали, хотели немедленно его линчевать.

Я взял его паспорт и спросил: «Сколько тебе лет?». После минутного колебания он пробормотал: «Тридцать пять». По паспорту ему было всего двадцать восемь. Дело было ясное.

Военный комиссар судна заявил, что, поскольку на борту члены Учредительного собрания, он поступит так, как они решат.

Судьба этого человека зависела от нас. Один из моих товарищей произнес: «Расстрелять его немедленно». Кузнецов молчал, бледный как полотно. Другой мой товарищ сказал мне: «Я передаю свое право голоса вам». Я должен был принять решение.

Жена Кузнецова рыдала не переставая. Услышав слова моего товарища, она посмотрела на меня и застыла. Я взглянул на нее. Слезы ее высохли мгновенно, как по волшебству. Она стояла неподвижно, сухие огромные глаза на землистом лице были страшны. Она больше не рыдала, она не умоляла, она не дышала — она смотрела на меня.

Я не вынес этого взгляда, отвернулся и сказал: «Сдайте его властям в ближайшем порту». Офицер взял под козырек и отдал приказ. Кузнецова вывели. Жена упала без чувств, услышав мой приговор, и ее вынесли на руках.

Думаю, этот человек был расстрелян. Но не по моему приказу. Едва ступив на территорию Учредительного собрания, я просто не мог начать со смертного приговора.

Потом я избавился от этой нерешительности. В обстановке смертельного риска сострадание уступает место жестокости, и чувство жалости пропадает. Я

очень скоро понял это. Оказавшись в центре кровавой бойни, мы должны были стать сильными и даже беспощадными. Мы должны были принять на себя всю ответственность за добро и зло, за людскую надежду и пролитую кровь, за мирное решение и смертный приговор.

И мы сделали это. Не с легким сердцем, не беспечно и не бездумно. Нам было тяжело. Мы принесли в жертву все, мы положили свою жизнь на алтарь этой борьбы, и если мы и виновны в кровопролитии, то проливали кровь не во имя триумфа классовых интересов и не из личных амбиций. Мы сражались за свою страну, разрушенную и обездоленную, за народ, ставший жертвой обмана и невежества. Мы воевали честно, мы были готовы ко всему, мы были движимы тем революционным идеалом, что сиял нам путеводной звездой во мраке царского абсолютизма.

Наши деяния еще не рассмотрены судом истории, этот день пока не настал. Но когда он наступит, пусть судят наши заблуждения и нашу веру!

Мы потерпели поражение. Мы были раздавлены жерновами событий, попав меж двух полюсов экстремизма, историческая неизбежность неумолима.

Развязав эту битву, большевики своими действиями лишь усиливали общего врага — реакцию.

В октябре борьба против большевиков утратила свой демократический характер.

На политическом горизонте появились новые силы.

Вооруженная борьба против Советской республики принимала иной оборот.

<...>

VII — Из Омска в Париж

Снежная равнина сразу объяла нас своим белым безмолвием, своей бескрайней ледяной пустотой, прорезанной застывшими реками. Мы въезжали в Сибирь — гибельный край ссылок, царство льда, тюрем и бань.

Сколько поколений борцов за идею томились и сгинули здесь, отрезанные от всего мира, во тьме полярной ночи?

Каждый полустанок пробуждает горькие воспоминания. Вот здесь отбывал каторгу писатель Чернышевский²⁵, это место описал Достоевский в «Записках из Мертвого дома»²⁶, а там погибли декабристы — предвестники революции, которые первыми осмелились поднять мятежное знамя...

В пути дни тянутся долго и медленно. С каждым днем места, что мы проезжаем, все суровее, все мрачнее. Началась тайга — дикие леса, которые простираются на тысячи километров, стволы гигантских деревьев проносятся мимо сплошной темной стеной. Здесь не ступала нога человека. В глухом вековом безмолвии застыли громадные сосны, огромные ели, занесенные снегом лиственницы. Горе тому, кто заблудится в этих ледяных дебрях, где обитают только дикие звери.

На пятый день из-за неисправности локомотива поезд встал. Четыре часа мы ждем посреди леса. По обе стороны дороги высятся огромные мрачные деревья. Стоят словно две стены. Безмолвные и недвижимые. Меж стволов пробивается угасающий багровый закат. Три часа дня, начинается смеркаться. Серовато-багряное небо подернуто облаками. Снег скрипит. Едва остановишься на пару минут, и ноги леденеют, примерзая к снежному насту. Дышать тяжело на таком морозе.

Потом спускаются сумерки, задувает ледяной ветер, а в четыре часа наступает бесконечная ночь.

Мы пересекли пустынную равнину, проехали мрачные леса, преодолели горные перевалы и на шестой день прибыли в Иркутск, сердце Сибири.

Сначала показались излучины стремительной Ангары, потом стали видны покрытые темными лесами холмы, и вот перед нами развернулась панорама города Иркутска. Здесь мы остановились.

Широкие сани переезжали реку по деревянному мосту, и нашим глазам открылся великолепный вид. Ангара, быстрое течение которой еще не сковал лед, соединялась здесь со своим притоком, рекой Иркут, и несла зеленые воды, окутанная голубым туманом. Справа и слева, насколько хватало взгляда, подобно морю расстился водный простор, сливаясь на горизонте с низкими тучами. Над несмолкающим бурлением волн вздымалась к серому небу серебристая водяная пыль. А впереди, сияя куполами церквей, сверкая снегом в лучах бледного солнца, на низком левом берегу нас ожидал город.

Нужно было освоиться, установить связи с товарищами, определить последнюю часть маршрута. Колчак узнал о нашем приезде и разослал во все комиссариаты Сибири строжайший приказ — не выдавать нам иностранные паспорта. Потом я своими глазами прочитал этот документ, отпечатанный во Владивостоке. Впрочем, его опубликовали все газеты Дальнего Востока.

В Иркутске я увидел ту Сибирь, которую мало кто представляет, — новую Сибирь, будущую Канаду, русскую Америку, край невероятной энергии и столь же невероятных богатств. Люди, населяющие эти места, — из особой породы первопроходцев, завоевателей и богатырей, которые не знают преград и способны преодолеть все. Сибиряки — народ волевой и очень здравомыслящий. Они сумели превратить эту ледяную пустыню, эти каторжные места в оазис надежды. Какие громадные возможности открываются на этих землях, среди рудников, лесов и бескрайних просторов! На Западе не отдают себе отчета, какое колоссальное значение имеет этот неисчерпаемый кладезь материальных ресурсов, а японцы и американцы уже поняли это. И те и другие толпами едут сюда, чтобы побороться за экономическое господство в Сибири.

В Иркутске уже ощущается Азия. Уроки китайского, шелковые фонарики на чайных домиках, кое-где — золотые драконы на доме какого-нибудь богатого китайца, желтолицые люди, меха неведомых зверей.

Стужа стала невыносимой. Казалось, даже мысли стыннут от мороза. Сначала было всего минус тридцать. Но на реке — все тридцать пять. Над бешеным потоком Ангары курился туман, который мгновенно превращался в иней и лед. Это ледяной туман, от которого перехватывает дыхание и застилает глаза, который приглушает все звуки и окутывает человека безмолвием сибирской ночи, словно необоримое объятие белой смерти.

Потом мороз усилился до сорока градусов. К нашему отъезду стужа достигла минус сорока двух.

Мы объехали кругом священное озеро Байкал, одно из величайших озер мира. Длина его составляет шестьсот километров, более двадцати часов поезд

идет вдоль мирных берегов «священного моря», как называют его местные жители. Покрытые ледяными шапками горы на другом берегу отражаются в поразительно прозрачной воде.

Стоит чудесная погода, чистейшая синева неба напоминает небеса Италии.

Через пару дней мы покидаем центральную Сибирь и движемся на юг, к желтым пустынным степям Монголии. Мороз спадает. Волнистая линия горизонта спускается к Тибету. Это земли монголов — расшитые тужурки, остроконечные шапки, висячие усы; китайцы в длинных черных халатах; японцы в песцовых мехах.

Мы на китайской границе, в Маньчжурии, на линии Китайско-Восточной железной дороги, которая теперь находится под международным контролем. Час за часом еще тянутся монгольские степи; временами проходят караваны верблюдов или проносятся верхами китайские кочевники, нарушая монотонность пейзажа. На двенадцатый день пути мы — в Харбине, русско-китайском городе под международным протекторатом. «Рикши», впрягшиеся в легкие повозки вместо лошадей, везут нас по грязным улочкам китайского квартала, где лопочут, копошась в отбросах, желтолицые ребятишки; где «кули» — китайские рабочие в черной одежде — грузят огромные телеги; где страшного вида нищие с кровавыми язвами и заплывшими гноем глазами кричат на ломаном русском: «Подайте, начальник!»

А в новом городе сияющие электричеством витрины лавок освещают шумную толпу прохожих, которые прогуливаются, делают покупки, скучают, а в ресторанах играет музыка. Здесь нет такого жестокого мороза, и оттого меркнет и пропадает трагический образ России, раздираемой муками войны.

От харбинского вокзала поезда идут в Мукден и в Пекин. Наш поезд идет в другую сторону, к побережью Желтого моря, к Владивостоку.

Мы проезжаем плодородные земли села Украина Амурской области, где в январе погода теплая и мягкая. И вот наконец горы Приморья встают на горизонте. Мы добрались. Одолели второй этап маршрута. Через девятнадцать дней пути мы прибываем во Владивосток. Мы проехали семь тысяч километров.

Однако путешествие наше не окончено. Мы еще в стане врагов, это владения генерала Хорвата, союзника Колчака. Сюда тоже дошел приказ не выпускать нас из Сибири.

И снова — жизнь, полная риска и превратностей, подстерегающих на каждом шагу. За день я меняю имя по три раза. Теперь я — врач Красного Креста. Неделя проходит в хлопотах, и вот все тревоги позади — мне удастся получить поддельный паспорт на вымышленное имя.

До самого отплытия парохода я не уверен, что опасность миновала.

Но вот прощальный гудок; удаляются и постепенно тают сопки Владивостока, берега Амурского залива. Дует крепкий ветер, мы плывем по Желтому морю к Стране восходящего солнца — Японии.

Борьба закончена. Начинается нормальное существование. После стольких скитаний и бед в это невозможно поверить. Невообразимая перемена прежней жизни, которая полна была смертельных опасностей.

Я проехал всю Японию, Китай, преодолел Индийский океан, пересек Африку и, проделав еще одно изнурительное путешествие, добрался до Европы и прибыл в Париж, где должен был выполнить поручение моих товарищей.

В вавилонском столпотворении этого города, куда съехались делегаты Парижской мирной конференции с намерением изменить судьбы мира, я утратил последние политические иллюзии. Я обнаружил полную неосведомленность по русскому вопросу, враждебность глав государств Антанты к нашему народу, неприятие ими принципов демократии; постыдная помощь Колчаку и русской реакции, пагубный план тайной военной и дипломатической интервенции — я стал свидетелем всего, что разрушает нашу страну и несет гибель нашему народу.

Трудно говорить об этом, все еще слишком свежо.

Русская революция не закончилась. Мы, русские революционеры, должны обратиться к Западу с простым требованием: оставьте нас в покое. Не усугубляйте и без того непростое положение. Не пытайтесь вмешаться в русскую революцию. Не стройте иллюзий, что можете управлять ею и определять судьбы русского народа с парижской набережной Кэ д'Орсе или из лондонского Вестминстера.

Мы сами разберемся между собой. Помогите нам бороться с нищетой, с болезнями, с нехваткой ресурсов, но оставьте свои попытки военного и политического вмешательства.

Не пугайтесь. Пусть не ужасает вас чудовищная картина разрухи и междоусобной войны, которую сейчас являет собой Россия. Не растаскивайте на куски бывшую царскую империю, которая, по мнению некоторых политиков, обречена развалиться на множество малых незначительных государств.

Мы не утратили веру. Разочарования и потери, кровавая бойня, жестокие столкновения идейной и политической борьбы, которые я попытался описать на этих страницах, разруха, нищета и террор — пройдя через все это, мы сохранили чистую, неизменную, непреклонную веру. Не может погибнуть Россия, отчизна великого народа, родина великой революции. Пережив годы мук и страданий, Россия восстанет и окрепнет, она выйдет из испытаний еще более сильной и сплоченной, закаленной пламенем той революции, которая явила всему миру грандиозный пример необоримого стремления людей к новому общественному устройству.

¹ После подписания Брест-Литовского мирного договора в марте 1918 г. эсеры решили отказаться от своей политической линии, преимущественно осторожной и выжидательной, и взяться за оружие для более решительной борьбы с большевистским правительством. Благодаря поддержке Чехословацкого корпуса эсерам удалось 8 июня 1918 г. свергнуть коммунистическую диктатуру в Самаре и создать Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания (Комуч). В приведенных выше отрывках Слоним описывает положение на Украине, и в частности подробно рассказывает о своем избрании в Центральный комитет украинских эсеров (май 1918 г.) и об организации вооруженной борьбы против реакции и немцев.

² Речь идет о газете «Народное дело»; в мае 1918 г. Слоним был назначен редактором этого эсеровского издания.

³ Дело происходит в августе 1918 г. в Киеве, в редакции газеты «Народное дело».

⁴ К сожалению, до сих пор нет достоверных сведений о брате Марка Слонима. Из воспоминаний самого Слонима можно понять, что брат его родился в 1887 г. и тоже сражался в рядах партии эсеров.

⁵ Михаил Петрович Затонский (псевд. Батрак; 1882–1930), видный деятель партии эсеров.

⁶ Неустановленное лицо.

⁷ Дмитрий Павлович Сургучев (1879–1918), эсер-боевик, член военной комиссии Центрального комитета, участник заседания Учредительного совета 5 января, делегат VIII Совета партии социалистов-революционеров в мае 1918 г.

⁸ Александр Васильевич Колчак (1875–1920 гг.), полярный исследователь и русский адмирал. Назначен верховным правителем России 18 ноября 1918 г. и путем переворота сверг либерально-социалистическое правительство, сформированное в Омске в начале июля. В течение нескольких недель после переворота были казнены многие представители демократического движения и партии эсеров, в том числе и сам Сургучев.

⁹ Юлий Исаевич Айхенвальд (1872–1928), русский литературовед, литературный и театральный критик, мемуарист, публицист и переводчик. Опубликовал ряд философских работ, но известность пришла к нему, лишь когда он занялся литературной критикой и стал печатать фельетоны в «Русской мысли», «Русских ведомостях», «Речи» и других изданиях. Большинство этих статей были изданы в сборниках «Силуэты русских писателей» и «Этюды о западных писателях». В 1918 г. он опубликовал книгу «Наша революция», в которой выразил свое неприятие большевистской власти. В сентябре 1922 г. был выслан из советской России, поселился в Берлине, где начал сотрудничать в берлинской газете «Руль», в рижской «Сегодня» и в журнале «Новая Русская газета».

¹⁰ Одна из старейших тюрем России. Находится в Тверском районе Москвы, на Новослободской улице (д. 45), около Бутырской заставы, от которой получила свое название.

¹¹ Ленин был ранен Каплан-Ройд не 1 сентября, а 30 августа 1918 г.

¹² Фанни Ефимовна Каплан (урожд. Фейга Хаимовна Ройтблат; 1890–1918), террористка, эсерка, обвиненная в покушении на Ленина, совершенном вечером 30 августа 1918 г. во дворе завода Михельсона. Казнена 3 сентября 1918 г.

¹³ Каплан-Ройд не повесили, а расстреляли без суда во дворе Московского Кремля.

¹⁴ Моисей Соломонович Урицкий (1873–1918), глава тайной полиции Петрограда, был убит 30 августа 1918 г.

¹⁵ В. Володарский (наст. имя и фамилия Моисей Маркович Гольдштейн; 1891–1918), комиссар печати, пропаганды и агитации Союза коммун Северной области, был убит эсерами 20 июля 1918 г.

¹⁶ Неустановленное лицо.

¹⁷ В Пензе располагался центральный штаб 1-й армии.

¹⁸ Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания пришел к власти в Самаре 8 июля 1918 г. и стремился восстановить полномочия распущенного Национального парламента. В городе и во всей области большевистская власть была объявлена низложенной, ее комиссариаты и революционный трибунал — распущены, их сменили прежние органы местного самоуправления. Все ограничения свобод, введенные большевистскими властями, были отменены. Но главной целью Комуча являлось продолжение войны с Германией. Для этого была организована добровольческая армия под руководством кадровых офицеров. Однако когда добровольный набор в армию не оправдал надежд, Комуч перешел к обязательной мобилизации, что и оказалось для него фатальным; в армии стало распространяться дезертирство, с которым офицеры боролись методами устрашения. К концу лета 1918 г. экспансия Самарского правительства достигла максимума, когда эсеры контролировали самую обширную территорию, простиравшуюся от Урала до Волги

и включавшую, помимо Самарской, еще и Симбирскую, Казанскую, Уфимскую и Оренбургскую области, а также отдельные части Пензенской и Саратовской областей (см.: [Chamberlin 1935]).

¹⁹ После подписания Брест-Литовского договора в марте 1918 г. и капитуляции Германской империи французские и английские войска в ноябре того же года вторглись на территорию северной и южной России, а в Сибири началась интервенция японских, американских, английских, французских и итальянских армий. Речь идет о войсках, которые были направлены правительствами этих стран для поддержки антибольшевистских сил в расчете на раздел остатков Российской империи.

²⁰ Казань вновь перешла в руки большевиков 10 сентября 1918 г.

²¹ Большевики окончательно овладели Вольском 12 сентября 1918 г.

²² Алексей Васильевич Кузнецов (1895–?) родился в семье крестьянина-бедняка. В 1916 г. был мобилизован в Русскую армию рядовым; в августе 1918 г. призван в Красную армию, где занимал должность политрука, а затем — командира роты. Участвовал в боях с белогвардейцами на Уральском фронте и возглавлял батальон по борьбе с дезертирством в Саратове. В 1923 г. был демобилизован.

²³ Федор Евдокимович Махин (1882–1945) — русский офицер, участник Первой мировой и Гражданской войн. В 1917 г. вступил в партию социалистов-революционеров. В начале 1918 г. по приказу Центрального комитета партии Махин вступил в Красную армию, но уже в первых числах июля сдал Уфу командиру Поволжской группы чехословацких войск полковнику Станиславу Чечеку и перешел на сторону антибольшевистского Комитета членов Учредительного собрания. Махин получил в свое распоряжение части Народной армии Хвалынского района, занял Вольск и оборонял район Хвалынска от красных. В сентябре 1918 г. под ударами красных оставил Хвалынск и отошел к Сызрани, а затем к Самаре.

В ноябре 1918 г. Махин был назначен начальником 1-й Оренбургской казачьей дивизии и Актюбинской группы Оренбургской армии атамана А.И. Дутова. После переворота адмирала Колчака Махин участвовал в заговоре против атамана Дутова, который признал верховную власть Колчака, но был арестован дутовцами и выслан в Омск, откуда отправлен во Владивосток. В конце года покинул Россию. В эмиграции жил в Берлине, Праге и Париже, в 1923 г. обосновался в Белграде.

²⁴ Необходимое условие (*франц.*).

²⁵ В 1864 г. великий революционер-демократ, философ и литературный критик Н.Г. Чернышевский (1828–1889) был выслан царским правительством в Нерчинскую каторгу и в 1871 г. переведен в Вилюйск. В Вилюйской ссылке он провел почти 12 лет.

²⁶ Вероятно, имеется в виду город Кузнецк, место действия романа Достоевского «Записки из Мертвого дома» (1862), где автор подробно описал все увиденное и пережитое за четыре года сибирской каторги.

«МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ» ГРИГОРИЯ ШИЛТЯНА

Предисловие, подготовка текста и комментарии А. д'Амелии

Впервые публикуемые отрывки из автобиографической книги «Мои приключения» («Mia Avventura») Григория Шилтяна повествуют о жизненных испытаниях русского художника — его эмигрантских скитаниях (Константинополь, Вена, Берлин, Рим, Париж) и долгом, тернистом пути к признанию в Италии. Книга была написана на итальянском языке в 1940–1950-е гг. и вышла в свет в 1963 г. в миланском издательстве «Риццоли» («Rizzoli»).

Лейтмотив всей книги — страстное желание Шилтяна достичь Италии и стать профессиональным художником. Несмотря на тяжелейшие обстоятельства — бегство из России в разгар Гражданской войны и трудные первые годы жизни за границей, — художник не отступил от своего намерения и долго боролся за осуществление своей мечты. Нередко воспоминания деятелей искусства ограничиваются лишь описанием своего пути в искусстве, анализом своего художественного развития (чем они оказываются особенно ценны для истории искусства той эпохи), однако Шилтян совместил повествование о собственных творческих исканиях с описанием грозных исторических событий эпохи.

Память Шилтяна воссоздает с множеством любопытных деталей нахичеванский и ростовский быт его детства — начала XX в.: «Мой отец был одним из первых адвокатов Ростова; моя мать была из очень богатой семьи армянских промышленников; оба родились в Нахичевани, городе с населением в 70 000 человек, составлявшим единую городскую общность с Ростовом-на-Дону. <...> Тогда Нахичевань был очень чистым, застроенным маленькими особняками городом, с красивым театром и большим бронзовым памятником Екатерине II. <...> В городе было семь армянских церквей и кладбище с большими кипарисами — первым признаком юга посреди среднерусской степи. В кофейнях восточного типа старики-армяне с орлиными носами и густыми нависшими бровями коротали время за шахматной доской, попивая турецкий кофе. По стенам были развешаны литографии с картин Айвазовского: пейзажи Босфора и виды Константинополя» [Sciltian 1963, p. 14]. В калейдоскопе памяти художника с особой живостью рисуются картины его детства в богатой семье: «Когда я родился, моего деда уже не было в живых, и главой семьи была бабушка. Ее большой дом

*Дом семьи Г. Шилтяна в Нахичевани.
Все иллюстрации из книги: Sciltian G. Opera
omnia. Milano: Hoepli, 1986*

Г. Шилтян с отцом и матерью

в тридцать комнат считался в Нахичевани самым богатым и самым гостеприимным, там устраивались настоящие пиры. <...> Двухэтажный бабушкин дом, довольно протяженный по фасаду, стоял на главной площади Нахичевани, прямо напротив городского театра. У него были два входа: один — для парадных приемов и особых случаев, второй — для повседневной жизни. В большой белой зале была лоджия для музыкантов; мебель неопределенного стиля, на манер Людовика XVI, тоже была белой с золотом. Золотыми были и рамы развешанных по стенам зеркал, а белым — стоявший в центре большой концертный рояль, окруженный креслами и оттоманками с шелковой обивкой. За залой следовала зеленая гостиная, с ампирной мебелью и стенами, затянутыми зелеными «дамасскими» тканями. Помню там ряд картин: «Бурю» Айвазовского в тяжелой резной раме, пейзажи немецких и швейцарских художников. <...> Была еще и розовая гостиная с горками, полными тончайшего хрусталя, и кабинет покойного деда со множеством книг в драгоценных переплетах. В комнатах дома стоял свой особый аромат, свойственный, думаю, всем зажиточным домам XIX века, так хорошо описанным в романах Золя и Мопассана» [Sciltian 1963, p. 15–16].

«Мои приключения» Шилтяна — многоплановая композиция, в которой воспоминания личной

жизни переплетаются с богатым историческим материалом — с еврейскими погромами («Моя память, как, наверное, память всех, кому выпало жить в эпоху социальных потрясений, хранит картины страшных собы-

тий, и одно из самых ранних — эпизоды жуткого еврейского погрома в Ростове во время первой русской революции»), с бесконечными переменами власти на юге России, с жестокими сценами Гражданской войны на Дону («Вокруг нас были только кровь, насилие и все ужасы Гражданской войны. Днем раздавался, не прекращаясь, погребальный звон церковных колоколов. Каждый час приносил известия о массовых расстрелах»). Зыбкое равновесие между субъективным восприятием и объективными картинами в мемуарной прозе Шилтяна устанавливается благодаря включению воспоминаний о своей жизни в исторический и культурный контекст времени.

Крайне любопытны также сообщаемые в мемуарах сведения о культурной жизни Тифлиса рубежа 1910–1920-х гг., куда художник бежал, спасаясь от военных действий на Юге России. В Грузии в 1919 г. он входит в круг братьев Ильи и Кирилла Зданевичей, общается с С.Ю. Судейкиным, С.А. Соринным, поэтами Тицианом Табидзе, Паоло Яшвили, В.В. Каменским, режиссером Н.Н. Евреиновым и др. В Тифлисе он также знакомится со своей будущей женой, Еленой Абрамовной Боберман (1902–1991), дочерью банкира и сестрой живописца В.А. Бобермана.

Покинув Грузию, Г. Шилтян некоторое время проводит в Крыму, а 5 августа 1920 г. на корабле «Царевич Георгий» окончательно оставляет Россию — уезжает в Константинополь, куда в ноябре 1920 г. хлынула волна многочисленных беженцев после поражения армии Врангеля (занимательны детальные описания жизни и обычаев этой эмигрантской среды). Затем художник перебирается в Вену, где учится в Академии изящных искусств. В это время Шилтян оставляет авангардистские и кубистские эксперименты, которыми увлекался в молодости, и прочно встает на путь классической живописи. Несмотря на доминирующий абстракционизм в европейском искусстве, Шилтян отстаивал принципы реализма и возврат к пластическим формам Ренессанса и барокко. С детства увлеченный рисованием, художник всю жизнь самостоятельно стремился осваивать секреты живописной техники этих эпох, считая, что нефигуративное искусство является порождением кризиса культуры.

Богатый материал содержится и в главах, посвященных культурной жизни Берлина, куда Шилтян переселился в конце 1922 г. Первые выбранные нами отрывки относятся именно к его пребыванию в Берлине, где в круг знакомых вошли Л.В. Зак (Žak), Ф.Г. Гозиасон (Hosiasson) и Роман Крамштык (Kramsztyk), где он открыл студию на Моцштрассе (Motzstraße) и начал давать уроки рисования. В мемуарах художник точно воссоздает атмосферу литературного Берлина, насыщенного творческими флюидами и томимого предчувствием грядущей катастрофы. Благодаря ярким, выразительным деталям, присущим стилю Шилтяна-повествователя, на страницах его мемуаров оживает образ экспрессионистского города и рисуется быт берлинских немцев накануне мировых катаклизмов.

В 1923 г., после свадебного путешествия по Италии, Шилтян принимает решение задержаться в Риме. Ценой лишений, с большим трудом и постоянно совершенствуя свое мастерство, ему удастся обосноваться в этом городе и постепенно, шаг за шагом войти и занять свое место в римских артистических кругах. К данному периоду относятся вторые из выбранных отрывков

Шилтян Г. Портрет футуриста Иво Паннаджи (Рим. 1925), выставленный в галерее «Дом искусств Брагалья». Масло. Коллекция Шилтяна

Шилтян Г. Натюрморт. Масло. Рим. 1925. Фонд Роберто Лонги

воспоминаний, в которых описываются контрасты римской жизни и напряженная работа художника: восторг открытия архитектурных и живописных сокровищ Вечного города, радость от знакомства с русскими и итальянскими интеллектуалами, сладостные впечатления от поездки в Неаполь, радужные воспоминания об успешно прошедших выставках (в 1925 г. участие в Римской биеннале, в 1926 г. персональная выставка в галерее «Дом искусств Брагалья»), — и в то же время картины грубых выступлений зарождавшегося фашизма, уличные нападения чернорубашечников, общая атмосфера нарастающего насилия. Римские описания

изобилуют живописными образами и красками его любимых итальянских художников XVII в. Перед нами встанет вереница как весьма значительных, так и вполне заурядных людей, каждый из которых запечатлевается в памяти читателя благодаря ярким, выразительным деталям.

Для дальнейшего совершенствования в живописи Шилтян в 1927–1932 гг. поселился в Париже. Там он занялся росписью абажуров и платков, а также продолжил заниматься портретной живописью. Здесь он снова встретил римских друзей (де Кирико (de Chirico), Савинио (Savinio), де Пизиз (de Pisis), Брольо (Broglia)), познакомился с русскими художниками — Ларионовым, Гончаровой, Пуни, Богуславской, Цадкиным и др. Его картины выставлялись в «Осеннем салоне» (1928, 1930), в «Салоне независимых» (1928, 1929, 1931), в «Салоне Тюильри» (1929, 1930) и во многих частных парижских галереях. В эти годы слава Шилтяна продолжала расти: картина «Цветочница» была приобретена Люксембургским музеем; на выставке русского искусства в Брюсселе (1928), а также на вернисажах в Белграде (1930) и Праге (1935) экспонировались его картины. Однако художник оставался чужд современным абстрактным течениям европейского искусства и, несмотря на успех, продолжал лелеять свою давнюю мечту — жить и работать в Италии.

Последний выбранный отрывок «приключений» Шилтяна («Милан 1933 года») посвящен воспоминаниям о переселении в экономическую столицу Италии, «где искусство воспринимается в самом глубоком и подлинном своем смысле и вызывает интерес всех слоев населения. Живописное полотно

Шилтян Г. Русский эмигрант. Масло. Милан. 1936. Коллекция Шилтяна

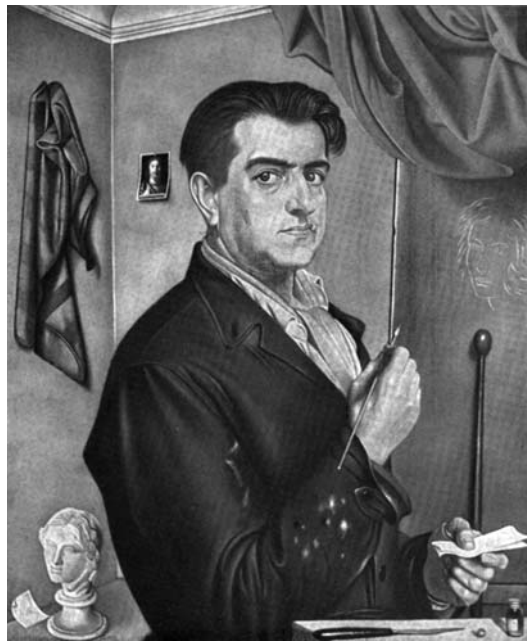
Шилтян Г. Портрет Джованни Шайвиллера. Масло. Милан. 1941. Коллекция Шайвиллера

Григорий Шилтян в своем кабинете на виа Бильи в Милане. 1940-е гг.

*Шилтян с Карлой Фраччи, Сержем Лифарем, Н.А. Бенуа и Г.Л. Вакевичем.
Милан. 1962 г.*

*Шилтян Г. Автопортрет. Масло. Милан. 1954.
Галерея Уффици, Флоренция*

*Шилтян Г. Портрет Елены Шилтян. Масло.
Милан. 1966. Коллекция Шайвиллера*

Шил'tян с женой Еленой Боберман
в своей римской квартире. 1960-е гг.

здесь — не только развлечение, эстетическое или отвлеченное, но предмет необходимый, пленительным чарам которого подвластны все — от бедного обитателя городской окраины до самого могущественного промышленного короля» [Sciltian 1963, p. 428].

В Милане в 1942 г. Шил'tян получает настоящее большое признание: после появления хвалебной статьи Уго Ойетти (Ojetti) в газете «Коррьере делла сера» («Corriere della Sera». 1942. 25 февраля) он становится востребованным портретистом, отстаивающим принципы реализма в изобразительном искусстве. Возможно, что «Мои приключения» были задуманы как первая часть автобиографии, но вторая половина долгой жизни художника (он умер в 1985 г.) так и осталась не написанной: Шил'tян посвятил ее исключительно занятиям живописью.

Литература

- Иванова 1990 — *Иванова Л.* Воспоминания. Книга об отце / подгот. текста и коммент. Дж. Мальмстада. Р.: Atheneum, 1990.
- Кузмин 1996 — *Кузмин М.* Стихотворения / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н.А. Богомолова. СПб.: Новая библиотека поэта, 1996.
- Толстая 2004 — *Толстая Е.* Толстой и Ветлугин // *Toronto Slavic Quarterly*. Winter 2004. № 7 // <http://sites.utoronto.ca/tsq/07/tolstaya07.shtml>.
- Ходасевич 1987 — *Ходасевич В.* Портреты словами. Очерки. М.: Сов. писатель, 1987.
- Longhi 1926 — *Longhi R.* Storia di Carlo Socrate. Roma, 1926.
- Rizzi 2002 — *Rizzi D.* Artisti e letterati russi negli scritti di Ardengo Soffici // Русско-итальянский архив II. Salerno: Collana di Europa Orientalis, 2002.
- Sciltian 1963 — *Sciltian G.* Mia Avventura. Milano: Rizzoli, 1963.

МОИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

С тех пор как еще ребенком я решил посвятить свою жизнь живописи, я составил для себя план действий. Я намерился создать несколько картин и композиций, которые уже мысленно хорошо представлял, а также написать собственную автобиографию. Конечно, планы мои были амбициозны, но разве тщеславие — не есть достоинство? не оно ли движет всеми деяниями людей? Великие примеры Челлини, Альфьери, Вагнера, Делакруа, Толстого показали мне, сколь важны и интересны тексты, раскрывающие пленительную загадку творчества.

Признаться, к сожалению, не могу пока сказать, что в живописи мне удалось полностью реализовать задуманный план. Я ощущаю себя как бы на полпути, как человек, который, собравшись с силами, готовится к самому длинному и решительному броску. Так и в автобиографии моей я останавливаюсь на середине, чтобы перевести дух¹.

Посвященная осуществлению задуманного, жизнь моя, однако, была окрашена или, скорее, омрачена и осложнена событиями великими и ужасными, имевшими огромную историческую важность для всего духовного мироустройства, и в первую очередь — для искусства.

БЕРЛИН

Накануне Рождества 1922 года я приехал в Берлин <...>. Встреча с Лилли² была трогательной; с ней я отправился в студию, которую Боберман³ делил с Заком⁴ и Гозиасоном⁵. Она находилась на Моцштрассе, в великолепном особняке, на последнем этаже, окнами на северную сторону — настоящая, прекрасно оборудованная художественная мастерская, какую я видел, возможно, впервые в жизни. Приняли меня очень тепло, с распростертыми объятиями, и выделили мне мольберт, чтобы я почувствовал себя членом их художественного братства.

Гозиасон был красивый юноша с черными усами, горящими глазами и прекрасными белоснежными зубами. Зак был худощав, имел аскетичное лицо и орлиный нос. Работа в студии кипела. Вдохновителем был Гозиасон; он говорил беспрестанно, пока двое других работали; время от времени он подходил к их мольберту со словами ободрения и побуждал их продолжать. Посреди царившего в студии беспорядка — полотна, реквизит для натюрмортов, кисти, мольберты, расколотые сосуды, рулоны холстов, свернутые в трубку эскизы, рамы, трафареты

ты, маски, раковины — все те предметы, которыми заполняют художники свое пространство, — я с интересом наблюдал, как трудились мои товарищи.

Все трое показывали мне работы, которые написаны были в период их жизни в Италии и демонстрировали несомненное мастерство и талант. На столе среди нескольких рулонов набросков я заметил эскиз головы, сделанный Заком, — не хуже иных голов Аннигони⁶. Там был еще прекрасный натюрморт Бобермана и много полотен Гозиасона со сценами на вилле Боргезе, написанных свежо и вдохновенно.

Однако же то, что писали мои друзья сейчас, вызывало у меня некоторое сомнение. Гозиасон, вдохновитель группы, как я упомянул, одержим был идеей идти в ногу со временем, следовать последней моде французской живописи, которая была для него безусловным идеалом и абсолютной истиной в искусстве, и каждый свой мазок он сопровождал потоком слов, словно объясняя его смысл. В то время он находился под влиянием Хуана Гриса⁷, за которым было «последнее слово» в искусстве. <...>

Берлин 1922 года. Несмотря на поражение Германии в войне, пульс столичной жизни бился горячо и неистово. По сравнению с Веной здесь видны были даже приметы богатства и изобилия. Многочисленные галереи современного искусства, журналы, авангардные театры. Выставки сменяли одна другую, и Берлин с его бурным коловращением жизни сделался одной из важнейших мировых столиц.

На Берлин выплеснулась вторая волна русской эмиграции — если первой считать волну в Константинополе, — и здесь также возникли русские газеты разной ориентации, театры, школы, библиотеки, рестораны, магазины, так что я очутился в водовороте интеллектуальной жизни, которая была мне весьма интересна.

Я встретил много друзей, в том числе журналиста Семенова⁸, которого не видел еще с Константинополя. Он создавал газету и пообещал мне работу карикатуриста. Повстречал я снова и Илью Эренбурга, тогда он уже опубликовал несколько книг в издательстве Вишняка⁹ и дружил с Боберманом, Гозиасоном и Заком. Эренбург с утра до вечера сидел за столиком в Bayerischen Café, где и писал. Иногда заходила туда его жена, художница¹⁰, она дружила с Боберманами, писала в стиле абстракционизма, посещала и нашу студию на Моцштрассе.

Было там много также русских писателей и музыкантов, однако меня гораздо больше привлекала дружба с живописцами. Берлинские художники собирались в Romanisches Café, неподалеку от Гедехтнискирхе. Это было огромное кафе в монпарнаасском стиле, заполненное пестрой толпой разноплеменных художников. Они целыми группами приезжали из Восточной Европы. из Румынии, Польши, Болгарии, Венгрии, России, Финляндии — и сразу, в день приезда, появлялись вечером в Romanisches Café. Некоторые оставались в Берлине, но большинство других устремлялись дальше, в Париж, летели, словно мотыльки, на огни Монпарнаса.

Именно в этом кафе я впервые увидел друга Гозиасона и Бобермана художника Евгения Зака¹¹, чьи работы восхищали меня еще в Москве. Он был неразлучен со своим приятелем Романом Крамштыком¹². Я был весьма рад этой встрече, потому что мне очень нравилась живопись Зака; еще в Ростове я собирал репродукции его картин. Он был художник тонкий и эрудированный, изумительный рисовальщик, в его сангинах сквозило что-то неуловимо леонардовское. Живопись его, не-

сколько декоративная, в манере Мориса Дени¹³, была, однако, полна поэзии. Да и человек он был обворожительный. Маленький, элегантный, с красивым бледным, точеным лицом, похожий прямо на Оскара Уайльда. Говорил он блестяще и обладал огромной культурой — единственным достоянием художников Центральной Европы. Я сразу подружился с ним и с его другом Крамштыком, встречались мы обычно в Romanisches Café, куда я ходил с Лилли. Крамштык тоже был художник, обладавший незаурядными способностями, рисовальщик высочайшего разбора, его мягкие портреты отличались изысканностью формы и искусной линией. К несчастью, Зак безвременно скончался в Париже несколько лет спустя, а бедный Крамштык, вернувшись из Парижа в Польшу, погиб во время разгрома варшавского гетто, поскольку, как и Зак, был евреем.

Приехал в Берлин и Марк Шагал¹⁴, уже добившийся успеха в России в предвоенные годы. Его аллегорический мистицизм был встречен в Германии весьма благосклонно.

ИТАЛИЯ

*Et ego in Arcadia fui*¹⁵

Я находился в состоянии крайнего волнения, когда в Бренnero, где еще лежал снег, впервые увидели мы итальянские мундиры. Это были люди в черных рубашках и беретах с кистями, у них были горящие глаза, орлиные профили и суровый вид¹⁶. Они будто сошли с фресок кватроченто. Они жестикулировали и мелодично выговаривали слова на прекрасном итальянском, которого я не знал, но который звучал для меня как музыка. В нашем купе третьего класса было много немцев, которые довольно сильно контрастировали со всем, что я слышал и видел вокруг.

Наступила уже ночь. Утомившись, жена моя уснула, но я не мог сомкнуть глаз и, припав к оконному стеклу, тщился разглядеть невидимые пейзажи. Поезд шел быстро, и я жадно читал знакомые с детства названия станций: Тренто, Верона, Модена, Болонья звучали для меня как ноты волшебной мелодии.

Когда мы прибыли во Флоренцию, уже рассвело, и я впервые в жизни увидел оливковые рощи и холмы Тосканы. Я словно оцепенел в ошеломлении у вагонного окна и, хотя за спиной у меня толпились люди и громоздились чемоданы, не сдвинулся с места, пока не завидел вдали купол Сан-Пьетро. Мы сошли на вокзале Термини, где должна была нас встречать сестра жены¹⁷. Мы были закутаны в шарфы и теплые пальто, поскольку в Берлине, когда уезжали, был снег и ледяной ветер. Но Рим и Италия встретили нас сиянием весеннего дня и чистым ультрамарином лазурного неба.

Свояченица сняла нам комнату в пансионе на корсо Италия, 6, где управляющим был украинец, некто господин Онацкий¹⁸, а поскольку итальянского мы не знали, то могли объясняться с ним по-русски. Но господин Онацкий, эдакий увалень в очках, был персонаж своеобразный, чистокровный украинец, настроенный против русских, антикоммунист, антимонархист, антиклерикал, кормил

голубей на балконе, проводя за этим занятием весь день и предоставив все дела и заботы своей жене. Он считал себя умеренным анархистом, и хотя по-русски говорил отлично, приходилось объясняться с ним на ломаном французском. Впрочем, первое впечатление об этом пансионе не имело для меня большого значения, поскольку сразу же я погрузился в новые, чудесные ощущения, которые словно электрическими разрядами воспаляли душу, мысли и чувства. Мы с женой как безумные бродили по всем площадям, улицам и переулкам Рима, узнавая и отыскивая места, памятники и уголки, которые я с детства знал наизусть, а теперь встречал как старых знакомых. <...>

С самого первого момента в Риме я почувствовал, что возвращение мое в Германию невозможно. Я готов был к любым жертвам, ибо чутье подсказывало, что именно этим воздухом мне надо дышать и только эта единственная дорога выведет меня на истинный путь искусства. Но как же быть? Я был уже не один, никого здесь не знал, а за спиной, в Германии оставлял налаженную жизнь, которая шла по надежной колее и могла обеспечить мне спокойное существование и тем самым возможность совершенствовать свое искусство. Кроме того, была жена, школа¹⁹, были другие связи и обязательства. Словно мучительный кошмар, гнал я от себя унылые мысли о возвращении, продолжая кружить по улицам и площадям, восторгаясь каждым камнем, каждым фонтаном, каждым монументом.

Прожив неделю в пансионе украинца, я решил сменить жилище. Пансион был для меня слишком дорог, и, чтобы продлить пребывание в Риме и сократить расходы до минимума, мы избрали более богемный образ жизни, найдя меблированную комнату у одной старушки на виа Аурора и ограничив обед тарелкой пасты в какой-нибудь trattoria на пьяцца Навона или неподалеку от Сан-Пьетро, а на ужин оставив немного фруктов и мортаделлы. Должен признать, что жена моя приняла, конечно, мои жесткие решения с воодушевлением и готова была разделить со мной новую аскетичную жизнь.

Первые недели в Риме я посвятил посещению музеев и бесконечным прогулкам по площадям и закоулкам Рима XVII века. Но наибольшее впечатление произвели на меня полотна Караваджо²⁰, которые я нашел в римских церквях, куда возвращался снова и снова каждый день. Еще с детства я знал об их существовании, и потому первым делом посетил церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, где долго стоял в капелле Чераззи²¹. <...>

Мы решили съездить в Неаполь, коль скоро средства наши позволяли короткую поездку. Облик этого города глубоко потряс меня. Мы совершали бесконечные прогулки среди живописной толпы по улочкам, сбегаящим с холма Вомеро к виа Кьяйя и виа Рома. Меня пьянил этот город, бурливший вокруг и полный волнующих контрастов, в которых художник-реалист увидел бы тысячи сюжетов для своих картин. Я заглядывал во все уголки, во все жилища с раскрытыми прямо на улицу окнами, за которыми с непринужденной безыскусностью протекала обычная жизнь людей. Повсюду горы фруктов, развешанное белье, дети, играющие с кошками, старушки, прекрасные девушки и юноши, сложением не уступающие античным бронзовым статуям. Однажды вечером мы остановились перед открытыми дверями театра, на террасе толпилось много народу, и отсюда

было видно освещенное фойе в стиле XVIII века. Это был старинный театр Беллини²², где тем вечером давали «Севильского цирюльника». Мысль о том, чтобы услышать в Неаполе эту оперу, которую я обожал с детства, не оставила места для колебаний, и мы мгновенно оказались в партере, в толпе зрителей, веерами и соломенными шляпами разгонявших зной этой чудесной майской ночи. Убранство зала XVIII века, все в потускневшем золоте и блеклом бархате, создавало такую атмосферу, что, казалось, ты попал в одну из историй со страниц Стендаля или Казановы.

Первые же такты божественной музыки взволновали меня чрезвычайно, и когда Розина спела первый куплет «В полуночной тишине», который поэт Кузмин процитировал в своем стихотворении²³ и который навевал мне сладкие грезы, посещавшие меня длинными зимними ночами в Ростове, я разрыдался от избытка чувств. Жена пыталась успокоить меня, а неаполитанцы вокруг смотрели на меня как на сумасшедшего. Но эти слезы были самыми сладостными в моей жизни, и я вспоминаю их до сих пор. <...>

Я решил начать работать прямо в нашей спальне на виа Аурора, приспособив стул в качестве мольберта. Я купил немного красок, поскольку горел страстным желанием запечатлеть на холсте картины повседневной римской жизни и полотна, увиденные в церквях и пинакотеках. Мне также хотелось сблизиться и подружиться с кем-нибудь из художников <...>.

В это время как раз проходила Первая римская биеннале²⁴, и, посещая ее, я обнаружил кое-что, чрезвычайно меня заинтересовавшее. Можно сказать, что это было особо счастливое время для итальянской современной живописи. Начиналось так называемое итальянское Новеченто²⁵, которое представляло собой по-настоящему спонтанное и самобытное движение в мировом художественном искусстве, поскольку со свойственной ему свежестью, страстью и свободой воображения возрождало великую итальянскую изобразительную традицию, восприняв опыт футуризма и кубизма. Можно определенно утверждать, что итальянские футуристы первыми совершили переворот в живописи, а члены группы Новеченто в своих самых ранних работах логически завершили эту цепочку. Впоследствии, к сожалению, течение Новеченто выродилось из-за пагубного влияния французского импрессионизма и еще более губительного воздействия критиков вроде Сарфатти²⁶ и других. На Римской биеннале я увидел работы итальянских художников, чьи эксперименты были устремлены как раз к тому, чего я сам пытался достичь. Выставка эта была в определенном смысле неполной, поскольку лучшие работы были выставлены на Венецианской биеннале, которая проходила в то же время и которую я посетил позже. Я увидел очень интересные картины Сократе²⁷, которые, при всей их тяжеловесности и чрезмерной для реалистической формы резкости линий, произвели на меня сильнейшее впечатление; работы Соффичи²⁸, Донги, Фуни, занимавшие целую стену полотна де Кирико²⁹, написанные в период его увлечения Бёклином, где проявился огромный масштаб его личности; были там также Тоцци³⁰, Сирони³¹ и другие. И наконец, был там Бертолетти³² — написанный в манере Джорджоне портрет обнаженной, который восхитил меня уровнем владения техникой старых венецианских мастеров.

Увидев эти работы, я утвердился в мысли, что более подходящий для развития моего искусства климат — именно в Риме, а не в туманной истеричной Германии, охваченной экспрессионистскими конвульсиями. Однако для совершенствования живописной техники необходимы были постоянные усердные занятия, что требовало, к сожалению, обеспеченного существования без всяких материальных забот. Я решился на крайнюю меру, заложив бриллиантовую брошь, подаренную жене на свадьбу. Вырученная сумма могла позволить нам вести крайне стесненное существование в течение пары месяцев. <...> Блуждая по улицам и площадям Рима XVII века, точнее говоря по Риму Караваджо, я увидел на дверях великолепного палаццо на piazzetta Фарнезе объявление о сдаче в аренду двух меблированных комнат. Это был красивейший дворец Роккаджовине³³ с прекрасной парадной лестницей — кажется, по проекту Борромини,³⁴ — расположенный под номером 44 на piazzetta Фарнезе и принадлежавший некогда племяннице Бонапарта, как гласила мемориальная доска на стене. Мы сняли у семейства Бьянки две комнаты на последнем этаже, спальню и гостиную, оформленную, словно приемная дона Бартоло³⁵ — с красными стенами, позолоченными трельяжами XVII века и портретом хозяйкиного дядюшки в кардинальском облачении <...>. Поселившись в этом доме, мы прожили там несколько лет, которые я считаю самыми счастливыми в моей жизни. Гостиная стала моей мастерской, где я не мешкая установил мольберт, соорудив его из трех досок, заказанных у столера на виа Джулия, и принялся писать натюрморт с овощами, купленными на Кампо деи Фьори. Мы жили в самом сердце барочного Рима XVII века, Рима эпохи Караваджо.

Вспоминая эти годы, я вижу, как сильно разнятся по своим нравам наша современная американизированная, движимая материальными интересами жизнь и Рим тех времен. Это были последние годы барочного Рима — важные кардиналы, процессии монахов в капюшонах, полицейские, что прохаживались по римским улицам, громогласные и молодцеватые, в беретах с черной кистью, словно скопированные фашистами с полотен Караваджо. Встречались еще расписные повозки, запряженные осликами, которых вели крестьяне, спускавшиеся с римских холмов. На площади Испании можно было увидеть персонажей в живописных костюмах Чочарии³⁶. Последние годы доживал романтический Рим Пинелли и Леопольда Робера³⁷, Рим Гоголя, Александра Иванова и Овербека³⁸. Публика еще разъезжала в прогулочных колясках, посетители в переполненных остериях дегустировала вина Кастелли-Романи. Еще не началась эпоха урбанизации с ее треском мотороллеров и автомобилей, огнями неона, бензоколонками и похитителями велосипедов. В 1924 году римская жизнь еще текла по-прежнему — чудесно, упоительно, размеренно, как в XVII веке.

У меня под рукой были шедевры великих мастеров, которые учили меня видеть природу, ценить красочность и очарование жизни, что бурлила вокруг. На piazzetta Капо ди Ферро, неподалеку от piazzetta Фарнезе, располагалась галерея палаццо Спада³⁹ со множеством работ караваджистов, и каждое утро, прежде чем приняться за работу, я быстро пробегался по залам. В двух шагах находилась церковь Сан-Луиджи-деи-Франчези, а рядом — Сант-Агостино с полотнами Караваджо; перейдя Тибр по мосту, я мог попасть в галерею Корсини⁴⁰, где выставлены

были «Нарцисс» Караваджо, картины Валантена, Бартоломео Венето, Гольбейна⁴¹ и собрания изумительных рисунков. Дня не проходило, чтобы я не навещал своих Мэтров, после чего, воодушевленный, мчался к себе в мастерскую, к палитре и мольберту. <...>

Между тем следовало подумать об изыскании средств. Жена моя оказалась женщиной отважной и решила пойти работать. Она знала много языков и сразу нашла работу в модельном доме на виа Кондотти⁴², а я освоил графику «poshoir» в технике орнаментального рисунка по трафаретам на шелковых шалях, что было тогда в большой моде. Я научился этому методу у одной заезжей французской художницы и не теряя времени установил у себя в мастерской большой стол, растянул на нем и закрепил кнопками полотнища шелка, на которые специальной кисточкой наносил узоры. Они получались очень нарядными и красочными, и я без труда стал продавать их в лавках на виа Кондотти и на виа дей Дуэ Мачелли.

Тем временем в живописи моей произошел подлинный переворот. После Берлина я находился под влиянием кубизма и других течений современной живописи, а в Риме, рассматривая работы великих мастеров, я открыл тайну построения формы и создания реалистического рисунка. Трансформация произошла так быстро, что через несколько месяцев я сумел написать две картины, которые наудачу решил отправить на Римскую биеннале. Это были портрет Люции — я изобразил младшую дочь синьоры Бьянки в чочарском костюме, — и натюрморт с музыкальными инструментами и маской.

В этот период круг моих знакомств сильно расширился; я начал уже бегло говорить по-итальянски. Я узнал, что в Риме живет Павел Муратов, знаменитый русский писатель и искусствовед, автор книги «Образы Италии», которая в свое время, еще в Ростове, произвела на меня огромное впечатление и, возможно, стала одним из источников моей любви к Италии. Муратов принадлежал к разряду таких писателей, как Рёскин или Уолтер Патер⁴³, и обладал более тонким чутьем и талантом, чем Беренсон⁴⁴. Человек огромной культуры, глубокий знаток древнерусской живописи, то есть иконописи, он сделался фигурой первого ряда среди историков современного искусства. Павел Павлович Муратов обитал тогда в небольшой квартирке на виа дель Бабуино с женой и девятилетним сыном⁴⁵. Квартирка у них была очень скромная, как, впрочем, и у всех русских изгнанников. С глубоким волнением постучал я в дверь писателя, которым давно восхищался и который немало способствовал моему формированию как художника. Павел Павлович был невысокого роста, миниатюрного телосложения, со светлыми усиками, он показался мне довольно пожилым человеком, хотя было ему тогда всего сорок два года. Временами он выказывал армейские манеры, с гордостью заявляя, что был полковником артиллерии в крепости Севастополь.

Мы стали неразлучными друзьями — не только мы с Муратовым, но и наши жены. По вторникам мы встречались у них. Во время долгих застолий, за угощением по русскому обычаю, за чаем, пирожками, вином мы засиживались до глубокой ночи, ведя разговоры об искусстве, религии, литературе. Все русские интеллектуалы, оказавшиеся в Италии, в Риме, проходили через гостиную Муратова: Вячеслав Иванов, архитектор Белобородов⁴⁶, бывал там и Лохов⁴⁷, при-

езжавший из Флоренции, где создавал восхитительные копии старых мастеров. Появлялись и многие итальянцы, в том числе Спаини⁴⁸, Альваро⁴⁹, Кардарелли⁵⁰, а потом и Савинио, де Кирико, Де Пизис и другие⁵¹. В марте я получил известие о первом своем успехе: мои картины были приняты на Римскую биеннале⁵². С бьющимся сердцем отправился я на вернисаж и увидел свои работы, которые были размещены довольно неплохо, вместе с картинами Донги, Чераккини, Пиранделло и других⁵³.

Церемония открытия происходила со всей торжественностью, как принято было в то время: выставку открывал король Италии. Триумфатором стал Примо Конти⁵⁴, который, в цилиндре и фраке, принимал монарха. Зал его работ действительно всех поразил. Там были выставлены китайские портреты и серия рисунков, исполненных с невероятным мастерством. Все были в восторге и заговорили о том, что в итальянской живописи появился новый гений, подлинное воплощение мастеров Чинквеченто. Эти китайцы произвели на меня особое впечатление; тогда я много бы отдал за то, чтобы уметь рисовать глаза, руки и волосы как Примо Конти. К сожалению, и он не избежал болезненного воздействия модернизма и через несколько лет полностью утратил свою отчетливость линии, которая уступила место туманным и размытым формам, более свойственным живописи экспрессионизма.

Мои работы были отмечены и, более того, снискали благожелательные отзывы. Некоторые газеты даже напечатали репродукцию моей картины с музыкальными инструментами, а Чиприано Эфизιο Оппо⁵⁵, президент Биеннале, подошел ко мне и обнял от всего сердца.

Это очень воодушевило меня. Преисполненный вдохновения, искал я натурщиков среди крестьян на Кампо деи Фьори и приводил их позировать к себе домой, хотя синьора Бьянки приходила от этого в ужас. Я написал портрет торговца рыбой в манере Караваджо — большая корзина с уловом, рот открыт, потом — портрет продавца фруктов и полотно в три метра высотой с изображением римской цветочницы в чочарском костюме, затем — собственный автопортрет с синьорой Бьянки и ее дочерью Аньезе, а также большой портрет обнаженного натурщика с гребнем в руке⁵⁶. Натурщика я раздобыл у Коррадо Альваро: тот работал привратником в социалистической газете, где Альваро тогда сотрудничал. Я писал также много натюрмортов и посещал вечерние художественные классы обнаженной натуры в Английской академии⁵⁷, чтобы тренировать руку и совершенствовать мастерство.

Еще одним другом стал для меня художник Донги, чьи работы мне очень нравились. Познакомился я с ним на выставке, которую он организовал в галерее братьев Брагалья⁵⁸. Однажды, прогуливаясь по римским улицам, я зашел в Национальный театр и увидел выставку Филиппо де Пизиса⁵⁹, тогда совершенно неизвестного. Хотя он принадлежал к совершенно иному направлению, его импрессионизм итальянского толка и определенное художественное мастерство произвели на меня впечатление. Тем же вечером у Брагалья я высказал предположение, что де Пизис, стиль которого соответствует художественным запросам Парижа, может иметь некоторый успех. Брагалья поведал мне, что его друг де Пизис — маркиз

Тибертелли, молодой итальянист-филолог, преподаватель в Риме. Через несколько дней он представил мне самого де Пизиса, который в то время носил короткие спортивные штаны и был очень худощав. Он был, пожалуй, самый блестящий, самый общительный и интересный из моих римских друзей. Жил он недалеко от меня, на виа Монсеррато, в мрачном палаццо XVII века, где снимал сырую и темную квартиру у каких-то старых дев. <...>

Подобно Муратову, я тоже стал собирать у себя друзей, которые приходили к нам раз в неделю по вечерам. А в остальные вечера мы почти всегда неизменно встречались у Брагалья. Тогда же в Рим приехала русская художница Валентина Ходасевич⁶⁰, молодая, красивая и известная в России своими портретами и работами для театра. Влияние кубизма в ее живописи сочеталось с довольно реалистическими формами, этот стиль был весьма распространен тогда в Европе. Валентина тоже бывала у Муратовых, и мы очень подружились. Однако через несколько недель Валентина уехала в Сорренто, где поселилась в качестве гостыи в доме Максима Горького⁶¹, с которым ее связывали давние дружеские отношения. Семья Муратовых и архитектор Белобородов проводили жаркие летние месяцы на острове Искья. А мы, к сожалению, не могли уехать из Рима — жена служила в модном доме Zezza, а я занимался изготовлением трафаретных росписей.

Однажды Валентина приехала в Рим с сыном Максима Горького⁶² и пригласила нас провести несколько дней в Сорренто. Мы с радостью приняли приглашение, так как это была для нас возможность свести близкое знакомство с Горьким и пожить несколько дней на берегу Неаполитанского залива. То лето стало особенно плодотворным для меня. Кроме римской цветочницы в чочарском костюме, я написал большой портрет обнаженной. Натурщица эта, широко известная в Риме на виа Маргутта, в академиях и вечерних классах, позировала прекрасно, могла по несколько часов не шевелиться, сохраняя неподвижность, но, к сожалению, не отличалась особой красотой. У нее был большой живот и тяжелые груди, но я не придирался: мне нужна была только неподвижная натура, я одержим был желанием писать. Так что я закончил этот портрет обнаженной, который обладал некоторыми художественными достоинствами, а местами очень удался. У меня в мастерской на пьяцца Фарнезе уже стояли семь или восемь готовых работ. Жена взяла отпуск в доме Zezza и уехала в Сорренто. Пришлось и мне скрепя сердце оставить работу, и некоторое время спустя я тоже отправился туда в компании Муратова.

Максим Горький жил тогда в Капо-ди-Сорренто, на большой вилле маркизов Серракаприола⁶³. В доме у него постоянно жили многочисленные гости и родня, которые составляли нечто вроде его свиты. Места в доме для всех не хватало, и Горький размещал гостей в пансионе напротив виллы. До нас там гостил Бернард Шоу⁶⁴; когда мы приехали к Горькому, там был знаменитый русский режиссер Мейерхольд⁶⁵, приехавший на отдых из Москвы. (Этот мой визит Горький упоминает в письме Владиславу Ходасевичу, которое недавно было опубликовано в журнале, выходящем в США⁶⁶.) Среди гостей были также две приемные дочери Горького, знаменитый пианист и дирижер Добровейн⁶⁷ и генерал французской армии Пешков⁶⁸. На большой вилле, кроме сына Максима, который жил там со

своей красавицей-женой⁶⁹ (впоследствии вышедшей замуж за величайшего писателя Алексея Толстого⁷⁰), обитали баронесса Будберг⁷¹ — личная секретарша писателя, а также ближайший друг Горького, русский художник, имени которого я не помню, только прозвище — его называли Соловей⁷², потому что он был блестящим, обаятельным собеседником, основную часть дня проводил на пляже и только час в день посвящал работе над акварелью, которую писал, мне кажется, уже пару лет. Другим гостем был русский виртуоз-гармонист, который целыми днями улаждал слух обитателей дома своими экзерсисами. По приезде нам с Муратовым был оказан очень торжественный прием. Горький имел обыкновение всем давать прозвища⁷³, и жена моя, которая гостила там уже несколько дней, тоже получила прозвище — ее называли дядюшка Егор. Мы поселились в пансионе напротив виллы; здесь в непосредственной близости наблюдал я уклад и обычаи жизни Горького.

Он работал очень напряженно, неукоснительно соблюдая жесткий распорядок дня, что есть необходимое условие для творческого труда. Как многие писатели, он имел привычку работать по ночам, поэтому вставал поздно и сразу удалялся в свой кабинет, появляясь снова только к обеду, когда вся веселая компания гостей возвращалась с пляжа. Мы рассаживались за большим столом в столовой или на крытой веранде, откуда открывался незабываемый вид на Неаполитанский залив, Везувий, прибрежные скалы и Сорренто. За столом помещалось обычно человек двадцать. После обеда и очень короткого перерыва на кофе Горький совершал небольшую прогулку, а затем немедленно отправлялся к себе в кабинет, откуда не выходил уже до ужина. А наша компания, прежде всего — я и сын Горького Максим, Валентина и моя жена — предпринимали прогулки на мотоцикле с коляской, поскольку автомобили тогда были еще большой редкостью. Жена Максима была беременна и родила вскоре после нашего отъезда⁷⁴. По вечерам все собирались за столом, а после ужина Добровейн играл на фортепиано, мы пили виски и прохладительные напитки со льдом, наслаждаясь великолепным видом. К одиннадцати часам Горький снова уходил в свой кабинет, и, возвращаясь поздно ночью домой после прогулок в Сорренто, мы видели в его кабинете свет, который горел до рассвета.

В молодые годы я снискал славу блестящего собеседника, рассказывая истории о своих странствиях, приключениях, об эпизодах Гражданской войны, о жизни в Стамбуле и Берлине. Не раз в тратториях и во время обедов с друзьями все раскрыв рот заворуженно слушали мои рассказы о тараканьих бегах, о калмыках и о немецкой квартирной хозяйке, которая хотела отравить меня газом.

Максим Горький, как великий писатель, был, естественно, необычайно наблюдателен и жадно интересовался всеми обстоятельствами людей, окружавших его ежедневно. Поэтому, думаю, одной из причин приглашения в Сорренто, которое я получил благодаря друзьям, было желание дать Горькому возможность послушать мои рассказы. Однако Горький с его характером абсолютно доминировал за столом над всеми гостями и родственниками; он сидел всегда во главе стола и во время обеда задавал вопросы всем сотрапезникам по очереди, очень умело вызывая каждого на разговор. Конечно, иногда он не выдерживал длинных скуч-

ных повествований и, выказывая признаки нетерпения, барабанил пальцами по столу⁷⁵. <...>

Мою первую персональную выставку устроили братья Брагалья в термах на виа дельи Авиньонези в 1925 году⁷⁶. В римских художественных кругах каталог с предисловием Роберто Лонги имел эффект разорвавшейся бомбы. Лонги, обычно такой скупой на похвалы, в своем предисловии сделал меня центральной фигурой в итальянской художественной полемике. Правда, этим он наделал мне больше врагов, чем друзей, а некоторые художники, жаждавшие благословения Лонги, перестали со мной даже здороваться. Больше всех, похоже, обиделся Тотò Донги, который специально позвал мою жену на разговор и пытался убедить ее немедленно изъять этот каталог из обращения; профессор Лонги, по его словам, очевидно, просто сошел с ума и полностью утратил художественное чутье, а реакция публики на мою живопись, определенно скверную, может, дескать, мне повредить. Я, разумеется, не стал слушать этого дружеского совета, однако дружба моя с Донги распалась, как и со многими другими художниками. Я выставил десяток картин: потрет обнаженной, большой портрет художника Иво Панаджи, портреты торговца рыбой, торговца фруктами, обнаженного с расческой, собственный автопортрет с семейством Бьянки и два натюрморта из собрания Контини⁷⁷.

В те времена художественные галереи в Риме почти отсутствовали, и уж во всяком случае, не привлекали много посетителей, поэтому в термах не было большого наплыва публики. Зашли некоторые приглашенные друзья. Один голландский искусствовед выразил желание купить «Торговца рыбой», однако попросил меня убрать голову собаки на заднем плане в правом углу картины. Хотя мне очень нужны были деньги, я не согласился на это изменение, так как, по моему мнению, оно могло нарушить композицию. На выставке мне не удалось ничего продать, но зато я был вознагражден множеством статей в газетах, которые опубликовали репродукции моих картин.

МИЛАН 1933 ГОДА

Нужна была определенная смелость, чтобы переселиться в скромную квартиру в Читта дельи Студи после блестящей, яркой и бурной парижской жизни⁷⁸ и отказаться от мимолетных успехов! Но эта моя добровольная жертва была результатом взвешенного решения покончить с изнурительными тревожными враждебной окружающей жизни и укрыться в одиночестве, наедине с собственными размышлениями и со своим искусством, как я уже сделал однажды, когда обитал в Вене. Я хотел, наконец, стать неким Заратустрой, который уединяется на горе, чтобы достичь высшего совершенства.

Милан я считал идеальным местом еще и потому, что здесь, как предчувствовал я с самого начала, смогу обеспечить себе средства к существованию, поскольку это был и есть город, где искусство воспринимается в самом глубоком и подлинном своем смысле и вызывает интерес всех слоев населения. Живописное полотно здесь — не только развлечение, эстетическое или отвлеченное, но и пред-

мет необходимый, пленительным чарам которого подвластны все — от бедного обитателя городской окраины до самого могущественного промышленного короля. По этой причине в Милане существует сложнейшая иерархия поклонников живописи — от самых скромных любителей до крупнейших коллекционеров, — восходящая от нижнего до самого высокого уровня истинных Знатоков. В каждой категории есть свои собственные торговцы, свои любители-коллекционеры и собственная шкала ценностей.

Эта иерархия начинается с лавки стекольщика, который продает не только стекло, но и картинки для украшения жилищ рабочих и мелких лавочников. Затем следует категория передвижных распродаж — тоже со своими знаменитостями и знатоками, за ними — магазины мебельщиков и наконец настоящие художественные галереи, где продаются уже признанные картины мастеров, имеющих мировую известность.

Не имея ни связей, ни имени, я поначалу удовольствовался первой ступенью, выставив свои картинки в стекольных лавках. <...>

Впоследствии Арнольдо Мондадори⁷⁹ заказал мне сделать роспись в технике оптической иллюзии, «обманки» (tromplèй) совместно с Фабрицио Клеричи⁸⁰, который был тогда декоратором. Роспись представляла собой открытые полки, уставленные книгами и причудливыми вещами, и среди них — почтовые конверты, приклеенные к изображенной деревянной поверхности. Это была одна из первых работ в технике троплèй в современной живописи того времени, она была выставлена на Триеннале⁸¹, где имела большой успех. Виктор Эммануил III⁸², который открывал выставку, поддался оптическому обману; мой конверт с маркой, приклеенный к деревянной полке, он принял за настоящий и в изумлении попытался отскоблить его пальцем.

Вся пресса дала положительные отклики, называя меня художником, которому удалось обмануть короля Италии. После этих одобрительных рецензий имя мое сделалось известно в миланских кругах. Шайвиллер⁸³, который издавал серию монографий о современных художниках, решил опубликовать книгу и обо мне, поручив вступительную статью Марциано Бернарди⁸⁴. Эта книжка вызвала интерес, распространив молву о моей живописи во всех итальянских художественных кругах.

Однако в небе над моей Европой сгустились тучи. Фашизм в Италии, угроза дьявольского гитлеризма в Германии заволакивали нашу жизнь мрачной тенью, наполняли ее ощущением страшной опасности. Страх и тревога витали в воздухе, но благодаря силе и мудрости древней итальянской расы жизнь еще продолжала идти спокойно своим чередом.

Тем не менее новости становились все тревожнее день ото дня. По вечерам мы собирались у де Кирико и у меня, теперь уже чтобы послушать лондонское радио. Несмотря на это, я регулярно вставал в семь утра и, прогулявшись от Санто-Спирито до виа Мандзони, отправлялся работать, к мольбертам и краскам.

В 1939 году, как раз накануне войны, мои друзья, семья графа Контини Бонакossi⁸⁵, решили устроить мою выставку во Флоренции. Италия еще не вступила в ужасный конфликт, и в роскошной Флоренции жизнь бурлила как никогда. В

доме Контини, — который я нахожу одним из самых прекрасных современных сооружений, что мне довелось видеть в жизни, — был дан прием, совпавший с открытием выставки. Известные персоны и прекрасные дамы в великолепных нарядах толпились в залах, заполненных потрясающими произведениями искусства, прохаживались среди майолик делла Роббиа, скульптур Якопо делла Кверча, полотен Боттичелли, Бронзино, Савольдо, Моретто, Тициана и Веронезе, подходили к изысканному столу, сервированному старинными блюдами севильского золота в обеденной зале, украшенной натюрмортами Веласкеса и Сурбарана.

Моя выставка и даже моя персона имели большой успех. Я уже начал переговоры о продаже почти всех моих картин флорентийским коллекционерам, когда зловеющий голос объявил о вторжении во Францию, оборвав все и наполнив наши души страхом и дурными предчувствиями. Потом жизнь, казалось, снова вошла в нормальную колею внешнего, мнимого спокойствия.

Однажды — хорошо помню, это было 25 февраля 1942 года — в шесть часов утра меня внезапно разбудил телефонный звонок. В сердцах я схватил трубку, звонил Леонида Репачи⁸⁶, он кричал с такой силой, что трубка вибрировала: «Просыпайся, старик! Тебе привалила удача! Читал статью в “Corriere”?» И, не дожидаясь моего ответа, дал отбой. <...> На углу виа Мандзони и виа Спига я открыл “Corriere” и на третьей полосе увидел статью, полностью посвященную мне, внизу стояла подпись Уго Ойетти⁸⁷.

Значимость фигуры Уго Ойетти для итальянской литературы общеизвестна, но помимо этого в тот период грозный Ойетти оказывал решающее влияние на судьбы и вкусы итальянского искусства. Блеск его стиля и резкость критики делали погоду, определяя искусствovedческие мнения. Неудивительно, что у Ойетти было немало недругов и противников, которые сейчас расплодились как муравьи, но я без опаски могу утверждать — и вовсе не потому, что он похвалил мою живопись, — что он обладал отвагой и имел безошибочный вкус. Ибо в противоположность модернистам, которые следуют штампам и твердят однообразные фразы, общепринятые в модных статьях, Ойетти имел смелость отстаивать собственную оценку художников, и те немногие, кого он вывел в люди, — Спадини⁸⁸, Мессина⁸⁹, Аннигони и я — остались известны почти двадцать лет спустя.

Нынешние изощренные критики могут до бесконечности плевать ядовитой слюной или расточать сладчайшие хвалы, но это не производит никакого ощутимого воздействия на публику, тогда как суждение Уго Ойетти было решающим для итальянских коллекционеров и любителей искусства. Стоя на углу виа Спига, дважды перечитал я статью, где меня называли одним из самых значительных художников своего времени. Я счел это преувеличением, но был тронут и, взволнованный, побежал домой. <...> Итак, в считанные часы судьба моя внезапно счастливо перевернулась. <...> Все мои картины раскупили и унесли, а поднос на буфете остался полон банковских чеков. С тех пор многие годы на этом подносе лежали деньги. А еще там скапливались заказы на портреты, которые я не в состоянии был выполнить. Самые красивые женщины Милана, князья, княгини, крупные промышленники, известные банкиры, знаменитые актеры и певцы, а также скромные служащие и простые люди стучали в дверь моей мастерской, чтобы по-

просить портрет, или работу, или даже простой рисунок, или хотя бы росчерк на клочке бумаги. С этого момента мне уже была предначертана другая судьба...

¹ В автобиографической книге художник детально описывает этапы своей жизни в России, Германии, Италии и Франции вплоть до момента, когда в Италии к нему пришла известность. Обозначены место и время написания введения: «Giudecca di Venezia, settembre 1962».

² Лилли — домашнее прозвище жены Шилтяна — Елены Боберман. После замужества в 1923 г. она разделила с мужем как трудности эмигрантской жизни, так и радости признания, пришедшего к нему впоследствии.

³ Владимир Абрамович Боберман (1897–1977) — художник и сценограф, брат жены Шилтяна. В 1919–1921 гг. работал и выставлялся в Италии, в 1922–1923 гг. — в Берлине и с конца 1923 г. обосновался в Париже, где принимал участие в многочисленных коллективных выставках: «Осеннем салоне» (1924), «Салоне независимых» (1926–1929) и «Салоне Тюильри» (1930-е гг.).

⁴ Леон Васильевич Зак (лит. псевд. Хрисанф, М. Россиянский; 1892–1980) — живописец, график, сценограф, поэт. Сводный брат философа С.Л. Франка. В 1920 г. вместе с женой и дочерью эмигрировал из России через Константинополь в Италию и поселился во Флоренции, где сблизился с итальянскими футуристами и с художниками Ф.Г. Гозиасоном и В.А. Боберманом. В 1922 г. переехал в Берлин, где работал книжным иллюстратором и сотрудничал в качестве сценографа с Русским романтическим театром, основанным Б.Г. Романовым. С конца 1923 г. поселился в Париже.

⁵ Филипп Германович Гозиасон (1898–1978) — художник, родом из Одессы, двоюродный брат Б.Л. Пастернака. В 1920–1921 гг. работал в Италии, в 1922 г. — в Берлине, где занимался оформлением спектаклей Русского романтического театра, а в 1924 г. переехал в Париж. В 1928 г. получил французское гражданство. Участвовал во французском Сопротивлении.

⁶ Пьетро Аннигони (Annigoni; 1910–1988) — итальянский живописец, портретист, снискавший мировую известность после того, как в 1956 г. написал портрет английской королевы Елизаветы II.

⁷ Хуан Грис (Gris; 1887–1927) — испанский художник, один из основателей кубизма.

⁸ Вероятно, речь идет о журналисте Юрии Николаевиче Семенове, с которым Шилтян познакомился в Ростове, когда тот сотрудничал с В.И. Рындзюном (псевд. А. Ветлутин; 1897–1953) в ростовской газете «Жизнь», вскоре закрытой, как и все остальные некоммунистические издания. Впоследствии они встретились в Константинополе [Sciltian 1963, p. 197]. О нем см.: [Толстая 2004].

⁹ Владелец издательства «Геликон» А.Г. Вишняк (1893–1944) выпустил несколько книг И.Г. Эренбурга: в 1922 г. «Необычайные похождения Хулио Хуренито», «А все-таки она вертится», «Шесть повестей о легких концах», «Жизнь и гибель Николая Курбова», в 1923 г. «Тринадцать трубок», «Звериное тепло», «Трест “Д. Е.”», «История гибели Европы». Издательство работало до середины 1930-х гг., с 1927 г. — в Париже.

¹⁰ Речь идет о второй жене И.Г. Эренбурга — Любове Михайловне Козинцевой (1900–1970), сестре кинорежиссера Г.М. Козинцева, ученице А.А. Экстер. В 1920–1921 гг. обучалась у Роберта Фалька и Александра Родченко в Высших государственных художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС) в Москве. В 1921 г. вместе с мужем выехала за границу и до 1924 г. жила в Берлине, где приняла участие в 1-й Русской художественной выставке в галерее «Van Diemen» (1922), на выставке в галерее «Der Sturm» (1922) и сотрудничала в журнале «Вещь». С 1924 г. жила в Париже.

¹¹ Евгений Савельевич Зак (Żak; 1884–1926) — польский художник. Родился в еврейской семье в Минской губернии, но большую часть жизни провел в Париже, где с 1904 г. участвовал в выставках «Осеннего салона» и «Салона независимых». Участник Общества польских художников во Франции.

¹² Роман Крамштык (Kramsztyk; 1885–1942) — польский художник еврейского происхождения. Изучал живопись в Кракове и Мюнхене, но почти всю жизнь работал в Париже (писал портреты, натюрморты и жанровые сцены). В начале Второй мировой войны решил вернуться в Варшаву, где умер в гетто. Сохранились некоторые его рисунки, на которых изображены сцены массового уничтожения евреев, потрясающие свидетельства жестокости нацистов.

¹³ Морис Дени (Denis; 1870–1943) — французский художник-символист.

¹⁴ Летом 1922 г. с помощью А.В. Луначарского Марк Захарович Шагал (1887–1985) выехал за границу и через Каунас попал в Берлин.

¹⁵ Вероятно, крылатое латинское выражение «Et ego in Arcadia fui» («Я также был в Аркадии») означает в этом контексте «И я пережил счастливейшее время», по ассоциации с представлениями о безмятежной жизни пастухов Аркадии, воспетой в «Эклогах» Виргилия. Латинское выражение «Et in Arcadia ego» («И я в Аркадии») было впервые употреблено в живописи, в знаменитых шедеврах Гуэрчино (Guercino; 1591–1666) и Пуссена (Poussin; 1594–1665), в которых изображается эмблематическое для XVII в. размышление о смерти. Картина Гуэрчино «Et in Arcadia ego» хранится в Риме, в Национальной галерее старинного искусства в палаццо Корсини, которую Шилтян часто посещал (см. ниже).

¹⁶ Когда в 1923 г. Шилтян приехал в Италию, Национальная фашистская партия уже получила в парламенте большинство голосов (с 1928 г. она станет единственной легальной партией в стране), и на улицах нередко можно было увидеть фашистов в черных рубашках.

¹⁷ Зинаида Абрамовна Боберман (? — июнь 1936), живописец. В 1923 г. переехала во Францию, в Париже вышла замуж за художественного критика Максимилиана Готье (Gauthier; 1893–1977) и выставилась под фамилией мужа — Готье.

¹⁸ Евгений Онацкий (1894–1979) — украинский общественный и политический деятель, журналист, один из вождей украинских националистов, руководитель пресс-бюро украинской дипломатической миссии в Риме, редактор бюллетеня «La voce dell'Ucraina» («Голос Украины»). С 1929 г. становится членом Организации украинских националистов и руководит работой ОУН в Италии.

¹⁹ Шилтян открыл в Берлине школу рисования в мастерской на Моцштрассе [Sciltian 1963, p. 240–241].

²⁰ Микеланджело Меризи да Караваджо (Caravaggio; 1571–1610) — один из крупнейших мастеров барокко. Важнейшие его произведения находятся в Риме: в церквях Сан-Луиджи-деи-Франчези (сцены из жизни св. Матфея, 1600–1602) и Санта-Мария-дель-Пополо («Распятие апостола Петра» и «Обращение Савла», 1601), в базилике Святого Августина («Мадонна Лорето, или Мать паломников» 1604–1606); в римских музеях — в галерее Боргезе («Больной Вакх», 1592–1593; «Мальчик и корзина с фруктами», 1593–1594; «Мадонна и младенец со святой Анной», 1606; «Святой Иероним в размышлении», 1606; «Давид с головой Голиафа», 1609–1610; «Иоанн Креститель», 1610), в Капитолийских музеях («Предсказатель судьбы», 1594–1595), в галерее Дориа-Памфили («Кающаяся Магдалина» и «Отдых на пути в Египет», 1595), в палаццо Барберини («Юдифь, убивающая Олоферна» и «Нарцисс», 1599), в Пинакотеке Ватикана («Погребение Христа», 1602–1603) и в галерее Корсини («Иоанн Креститель», 1603–1604).

²¹ Неточность у Шилтяна: капелла Черازی находится в церкви Санта-Мария-дель-Пополо; в церкви Сан-Луиджи-деи-Франчези картины Караваджо находятся в капелле Контарини.

²² Театр Беллини, построенный в 1864 г., был полностью разрушен пожаром в 1869 г. и затем реконструирован по проекту архитектора Карло Сордженте. В интерьере сохра-

нились бюсты неаполитанских музыкантов — таких как Чимароза, Паизиелло, Перголези, Скарлатти и Беллини. На сцене театра выступали великие драматические труппы Скарпетта, Вивиани и братьев де Филиппо.

²³ Цитата из книги «Сети» М.А. Кузмина: «Из поднесенной некогда корзины / Печально свесилась сухая роза, / И пели нам ту арию Розины: / “Io sono docile, io sono rispettosa” [“Я так безропотна, так простодушна”]» [Кузмин 1996, с. 61].

²⁴ Первая римская биеннале состоялась в 1921 г. Вероятно, здесь речь идет о Второй римской биеннале 1923 г.

²⁵ Новеченто (Novecento) — итальянское художественное направление, возникшее в 1922 г. в Милане, провозглашавшее возврат к итальянской традиции Возрождения. Основательницей движения была писательница Маргарита Сарфатти (см. примеч. 26). В состав группы вошли вначале семь художников: Марио Сирони, Акилле Фуни, Ансельмо Буччи, Леонардо Дудревильи, Джан-Эмилио Малерба, Пьетро Маруссиг и Убальдо Оппи.

²⁶ Маргарита Сарфатти (Sarfatti; 1880–1961) — писательница, журналистка и художественный критик. Сегодня совсем забытая, она была знаменитостью в 1920-е гг., когда написала биографию Муссолини, переведенную на многие языки. Книга вышла в 1925 г. в Англии и США под заглавием «Жизнь Бенито Муссолини», а в итальянском издании под названием «Дуче». В начале XX в. Сарфатти публиковала искусствоведческие статьи, сотрудничала с социалистической газетой «Avanti!» и была в дружеских отношениях с Анной Кулишевой. В 1938 г. после принятия правительством Муссолини антиеврейских законов она уехала в Латинскую Америку и вернулась в Италию только в 1947 г. Последняя ее книга «Дело прошлого» («Acqua passata», Bologna, 1955) посвящена воспоминаниям и встречам фашистской эпохи, хотя в книге слово «фашизм» используется только раз.

²⁷ Карло Сократе (Socrate; 1889–1967) — итальянский художник. В 1917 г. сотрудничал как сценограф с Русским балетом С.П. Дягилева в спектаклях «Las Meninas» (музыка Г. Форэ, хореография Л. Мясина) и «Les femmes de bonne humeur» (музыка Д. Скарлатти, костюмы Л. Бакста, хореография Л. Мясина). Затем работал в Париже и Мадриде, где испытал влияние Пикассо. В его картинах кубизм сочетается с откликами итальянской живописи XVI в. См.: [Longhi 1926].

²⁸ Арденго Соффичи (Soffici; 1879–1974) — итальянский писатель и художник, один из представителей флорентийской группы футуристов. В начале XX в. изучал живопись в Париже, познакомился с Пикассо, Браком и Аполлинером, был в близких отношениях с художницей Александрой Экстер (см.: [Rizzi 2002, р. 309–322]). В 1920-х гг. — один из основателей журнала «Il Popolo d'Italia» («Народ Италии»); постепенно отдалился от футуризма и стал сторонником фашизма. В 1939 г. получил звание академика Италии.

²⁹ Антонио Донги (Donghi; 1887–1963) был представителем «магического реализма»; Акилле Фуни (Funi; 1890–1972) начал свою карьеру как футурист, затем стал одним из основателей движения Новеченто; Джорджо де Кирико (de Chirico; 1888–1972) был тогда уже известен как основатель метафизической живописи, проникнутой аллегорической манерой швейцарского художника Арнольда Бёклина.

³⁰ Художник Марио Тоцци (Tozzi; 1895–1969) жил долго в Париже, где в 1920-е гг. выставлял свои кубистские композиции в «Салоне независимых», «Осеннем салоне» и «Салоне Тюильри». В 1926 г. основал «Группу семи», известную как «Les Italiens de Paris» («Итальянцы Парижа») вместе с де Кирико, А. Савинио, М. Кампильи, Ф. де Пизис, Д. Северини. В 1930-е гг. занимался фресковой живописью.

³¹ Марио Сирони (Sironi; 1885–1961) — итальянский художник и художественный критик, представитель футуризма и Новеченто. В 1920-е гг. сотрудничал в газете «Il Popolo d'Italia»; в 1932 г. участвовал в Риме в «Выставке фашистской революции» («Mostra della Rivoluzione Fascista»). Во время фашистского режима пользовался покровительством вла-

стей и выполнял многочисленные заказы по монументальной настенной живописи. В его темных городских пейзажах ощущается влияние метафизической живописи.

³² Художник Нино Бертолетти (Bertoletti; 1889–1971) впервые выставил свои картины на Международной выставке в Риме в 1911 г., затем на первой выставке Римской сецессии (Secessione romana). С 1913 по 1916 г. арендовал мастерскую на вилле Штроль-Ферн, где в то время жили многие русские художники (см.: *Gli artisti di Villa Strohl-Fern. Roma, 1983*). В его живописи проявляются мотивы «возврата к порядку» и склонности к неоклассицизму.

³³ Дворец был построен в начале XVI в. по проекту архитектора Бальдассаре Перуцци (Peruzzi; 1481–1536), которому принадлежит рисунок прямоугольного портала, перестроен в XVIII в. архитектором Алессандро Спекки (Specchi; 1668–1729).

³⁴ Франческо Борромини (Borromini; 1599–1667) — итальянский архитектор, крупнейший представитель римского барокко.

³⁵ Опекун Розины в опере «Севильский цирюльник» («Il Barbiere di Siviglia», 1816) Россини.

³⁶ Название региона к юго-востоку от Рима. Имя региона произошло от названия характерной обуви местных жителей — чоча (ciocia).

³⁷ Бартоломмео Пинелли (Pinelli; 1781–1835) — итальянский гравер, рисовальщик, живописец и скульптор, автор знаменитых сцен из итальянской простонародной жизни; Луи-Леопольд Робер (Robert; 1794–1835) — швейцарский художник, автор картин на сюжеты повседневной жизни простых итальянцев.

³⁸ Иоганн Фридрих Овербек (Overbeck; 1789–1869) — немецкий художник и график, долго живший в Риме со своими единомышленниками, которых называли назарейцами. В своих исторических и религиозных полотнах эти немецкие и австрийские художники-романтики пытались возродить итальянское искусство XV в. Назарейцы поддерживали дружеские отношения с Н.В. Гоголем и А.А. Ивановым.

³⁹ Дворец Спада был построен в начале XVI в. архитектором Бартоломео Баронио; скульптор Джулио Маццони (Mazzoni; 1525–1618) спроектировал фасад и разработал лепной декор. Из двора открывается вид на знаменитую Перспективную галерею Борромини, в четырех залах на втором этаже размещается пинакотека.

⁴⁰ Национальная галерея старинного искусства (Galleria Nazionale d'Arte Antica) находится рядом с виллой Фарнезина, в палаццо Корсини, возведенном в 1730–1740 гг. по проекту архитектора Фердинандо Фуга (Fuga; 1699–1782).

⁴¹ Валантен де Булонь (de Boulogne; 1591–1632) — французский художник, представитель караваджизма; Бартоломео Венето (Veneto; ок. 1480–1531) — венецианский художник первой половины XV в., ученик Джованни Беллини; Ганс Гольбейн (Holbein; 1497–1543) — один из величайших художников немецкого Ренессанса.

⁴² Жена Шилтяна работала в магазине «от кутюр» Casa Zezza.

⁴³ Джон Рёскин (Ruskin; 1819–1900) — английский писатель и теоретик искусства; Уолтер Патер (Pater; 1839–1894) — английский литератор. Их книги оказали сильное влияние на развитие европейской эстетики второй половины XIX — начала XX в.

⁴⁴ Бернард Беренсон (Berenson; 1865–1959) — американский историк искусства и художественный критик литовского происхождения, считавшийся в США крупнейшим авторитетом в области итальянского Ренессанса.

⁴⁵ Вторая жена Муратова — переводчица Екатерина Сергеевна Урениус (1888–1964); сын Гавриил родился в 1915 г.

⁴⁶ Андрей Яковлевич Белобородов (1886–1965) — архитектор. После эмиграции в феврале 1920 г. жил во Франции, но почти ежегодно несколько месяцев проводил в Италии, где создавал серии пейзажей Рима, Венеции, Вероны, Флоренции. Осенью 1934 г. переехал в Рим, где жил до конца дней. Был в дружеских отношениях с семьей поэта В.И. Иванова.

⁴⁷ Николай Николаевич Лохов (1872–1948) — живописец-копиист, реставратор. В 1913 г. выехал с семьей в Италию и обосновался во Флоренции, посвятив себя просве-

тительской идее создания в России галереи копий шедевров фресок и картин мастеров итальянского Возрождения. Идея оказалась близка И.В. Цветаеву, который в те годы занимался созданием Музея изящных искусств имени Александра III (ныне Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина). В 1920-е гг. начал профессионально заниматься реставрацией и получал заказы от итальянского правительства (в частности, спас от разрушения фрески Беато Анджелико в монастыре Сан-Лоренцо).

⁴⁸ Альберто Спаини (Spainì; 1892–1975) — итальянский журналист и писатель, сотрудничал в многочисленных литературных и политических журналах, занимался немецкой литературой (писал о Гёте и о театре XX столетия) и переводил с немецкого сочинения Гёте, Гофмана, Ведекинда, Кафки.

⁴⁹ Коррадо Альваро (Alvaro; 1895–1956) — итальянский писатель, журналист, театральный критик, сценарист, автор книги «Творцы потопы. Поездка в советскую Россию» (1935), написанной после посещения СССР в 1934 г.

⁵⁰ Винченцо Кардарелли (Cardarelli; 1887–1959) — итальянский поэт и критик, посетивший СССР в 1928 г. (его статьи были напечатаны в газете «Il Tevere»).

⁵¹ Воспоминания Шилтяна о встречах у П.П. Муратова совпадают с воспоминаниями Л.В. Ивановой: «К Муратовым каждую неделю заходили русские друзья, жившие тогда в Риме. Из них помню прежде всего художника Григория Шилтяна с красавицей женой Лилей. Я любовалась Лилей и красивым цветом ее кожи. С ними у нас дружба продолжалась всю жизнь. <...> Бывали там и Джорджо де Кирико с Раисой и его брат Савинио, приехавший из Парижа, и венецианец Де Пизис. <...> Ходил к Муратову и художник Бренсон, латыш. Он выгравировал портрет Вячеслава, сидящего почему-то посреди площади дель Пополо, закутанного в большой черный плащ, а в небе — другой сюрприз — летит дирижабль. <...> Заходил к Муратовым и итальянский писатель Альберто Спаини. Он был журналистом “третьей” страницы, где в итальянских газетах печатались литературные фельетоны, беллетристические рассказы хороших авторов» [Иванова 1990, с. 152–153].

⁵² Речь идет о Третьей римской биеннале 1925 г., на которой были выставлены картины Шилтяна.

⁵³ Джисберто Чераккини (Ceracchini; 1899–1982) — художник-самоучка, который принимал участие в итальянских и европейских выставках и писал картины на религиозные сюжеты; Фаусто Пиранделло (Pirandello; 1899–1975) — живописец, сын драматурга и новеллиста Луиджи Пиранделло, принадлежавший к движению «Scuola romana» («Римская школа»).

⁵⁴ Примо Конти (Conti; 1900–1988) — художник, формировавшийся под влиянием Сезанна, примкнул к движениям Римской сецессии (1916), футуризма (1917–1919) и затем Новеченто.

⁵⁵ Чиприано Эфизьо Оппо (Orro; 1891–1962) — художник, сценограф и критик. Крупный представитель итальянской художественной культуры периода фашизма; став депутатом, проводил реформы в сфере культуры и искусства. В 1930-е гг. оформил более пятидесяти спектаклей, среди них — оперы «Дон Карлос» Дж. Верди и «Пират» В. Беллини в римском Оперном театре (1935). Как художественный критик тесно сотрудничал с римской газетой «Ла Трибуна» («La Tribuna»). В 1932 г. был художественным директором Выставки фашистской революции, организованной в Риме в Выставочном дворце и открытой Бенито Муссолини на десятую годовщину марша на Рим.

⁵⁶ Эти картины были выставлены в декабре 1925 г. в «Доме искусств Брагалья». Тематика полотен Шилтяна очень разнообразна — это жанровые сцены, портреты, натюрморты. Герои его работ — в основном простые люди: продавцы фруктов и рыбы, старьевщики, фокусники с канарейками, филателисты, бродяги.

⁵⁷ Британская академия археологии, истории и изящных искусств (Accademia Britannica di Archeologia, Storia e Belle Arti) была основана в Риме в 1901 г. как школа археологии, затем с 1912 г. стала научным центром изучения архитектуры и изящных искусств.

⁵⁸ Антон Джулио Брагалья (Bragaglia; 1890–1960) — режиссер, кинокритик, эссеист, игравший важную роль в культурной жизни Италии. Вместе с братьями Артуро и Карло Людовико экспериментировал в области новаторской футуристической техники фотодинамики и опубликовал очерк «Футуристический фотодинамизм» («Fotodinamismo futurista», 1911). В 1918 г. основал «Дом искусств Брагалья» и в 1923 г. Театр независимых — творческое пространство, где встречались русская и итальянская культуры. На сцене театра, закрывшегося в 1936 г., были осуществлены новаторские постановки произведений Пиранделло, Маринетти, Брехта, Жарри, Аполлинера, Лафорга, Мериме, Ведекинда, Стриндберга, Шоу, Унамуно, Шницлера и многих других. С 1937 по 1943 г. руководил Театром искусств (Teatro delle Arti).

⁵⁹ Филиппо де Пизис (Луиджи Филиппо Тибертелли; 1896–1956) — живописец, график и писатель.

⁶⁰ Валентина Михайловна Ходасевич (1894–1970) — театральный художник и график, племянница поэта В.Ф. Ходасевича. С конца 1924 до сентября 1925 г. жила в Италии на вилле Горького в Сорренто, затем работала в Риме над декорациями к спектаклю «Лукреция» («Lucrezia») по трагедии в стихах Джованни Кавикьоли (Cavicchioli; 1894–1964), но пьеса не была поставлена в Художественном театре Пиранделло.

⁶¹ С 1924 по 1933 г. писатель жил в Сорренто на вилле Масса и на вилле Иль Сорито.

⁶² Максим Алексеевич Пешков (1897–1934) жил в Сорренто у отца с 1922 по 1931 г. В Италии родились его дочери Марфа (в 1925 г.) и Дарья (в 1927 г.). Его характер и нравы описал Владислав Ходасевич в своих воспоминаниях о Горьком («Некрополь». Bruxelles, 1939).

⁶³ С 16 ноября 1924 г. Горький снимал расположенную на скалистом мысу Капо-ди-Сорренто виллу Иль Сорито, принадлежавшую обедневшему потомку герцогов Серракаприола.

⁶⁴ Джордж Бернард Шоу (Shaw; 1856–1950) — ирландский драматург и писатель.

⁶⁵ Всеволод Эмильевич Мейерхольд (1874–1940) приехал в Италию вместе с женой Зинаидой Николаевной Райх в июле 1925 г. и посетил Венецию, Флоренцию, Рим и Сорренто. Целью поездки являлись встречи с В.И. Ивановым, Г. Крэйгом (встреча не состоялась) и Платоном Михайловичем Керженцевым (1881–1940), партийным и государственным деятелем, который с весны 1925 г. был советским послом в Риме.

⁶⁶ Письма Горького к В.Ф. Ходасевичу были опубликованы в 1952 г. в нью-йоркском «Новом журнале», № 29–31.

⁶⁷ Исай Александрович Добровейн (1891–1953) — пианист, дирижер и композитор. С 1923 г. жил за рубежом, в 1929 г. получил гражданство Норвегии.

⁶⁸ Зиновий Алексеевич Пешков (1884–1966) — старший брат Я.М. Свердлов, крестник Максима Горького. С 1904 г. жил в эмиграции в Канаде, Италии и Франции.

⁶⁹ Надежда Алексеевна Пешкова (урожд. Введенская; по прозвищу Тимоша; 1901–1971).

⁷⁰ Неточность Шилтяна: после смерти мужа Н.А. Пешкова не вышла замуж за писателя Алексея Николаевича Толстого (1882–1945).

⁷¹ В 1923–1932 гг. Мария Игнатьевна Будберг (урожд. Закревская, в первом браке графиня Бенкендорф; 1893–1974) была секретарем М. Горького, переводчиком его произведений на английский язык. Итальянская контрразведка подозревала ее в шпионаже в пользу СССР и Великобритании; она находилась под постоянным наблюдением. В 1931 г. переехала на постоянное жительство в Англию.

⁷² Соловей — прозвище художника Ивана Николаевича Ракицкого (Ракитский; 1883–1942), который с 1918 г. жил в семье Горького. Умер в Ташкенте, куда был эвакуирован вместе с Н.А. Пешковой и ее дочерьми — Марфой и Дарьей. О нем см.: [Ходасевич 1987, с. 114–115].

⁷³ На вилле Иль Сорито у всех были домашние прозвища: Н.А. Пешкова — Тимоша, Валентина Ходасевич — Купчиха, М.И. Будберг — Чобунька, М. Горький — Дука (герцог).

⁷⁴ В 1925 г. в Сорренто родилась внучка Горького Марфа Максимовна Пешкова.

⁷⁵ Рассказ Шилтяна не понравился Горькому, и он резко прервал художника.

⁷⁶ Речь идет о первой персональной выставке Шилтяна в Италии в «Доме искусств Брагалья», на которой были представлены семнадцать рисунков и несколько полотен, написанных маслом: среди них «Гитара», «Чочара», «Игрушки», «Фрукты», «Торговка фруктами», «Торговка рыбой», «Цветочница», «Портрет художника Паннаджи», «Причесывающийся мужчина», «Кухонная утварь», «Обнаженная женщина». Предисловие к каталогу написал влиятельный историк искусства Роберто Лонги (Longhi; 1890–1970), автор работ, посвященных Пьеро делла Франческа, Мазаччо и Караваджо. Лонги обращает внимание на особенности живописных приемов Шилтяна в духе лучших образцов живописи XVII в.

⁷⁷ Имеются в виду натюрморты, купленные коллекционером Алессандро Контини Бонакossi, который организовал персональную выставку Шилтяна во Флоренции в 1942 г. (о нем см. ниже).

⁷⁸ С 1927 по 1932 г. Шилтян жил в Париже, где провел выставки в галереях La Renaissance (1927; 1929, совм. с С.В. Чехониным и А. Улиным), Charpentier (1929), Bénézit (1930) и Van Leer (1931, совм. с Ю.П. Анненковым, Дж. де Кирико и М. Тоцци; 1933).

⁷⁹ Арнольдо Мондадори (Mondadori; 1889–1971) — крупный миланский издатель, начавший свою деятельность в 1907 г. С 1935 г. издательство вышло на международный уровень, когда Арнольдо Мондадори начал налаживать связи с зарубежными коллегами и открыл свои офисы во многих странах.

⁸⁰ Фабрицио Клеричи (Clerici; 1913–1993) — живописец, график, художник-постановщик (он работал, среди прочих, с Джорджо Стрелером и Жаном Кокто), коллекционер. Писал фантастические пейзажи античных и средневековых городов в руинах, воплощавшие кошмары урбанистической цивилизации.

⁸¹ Миланская триеннале — международная выставка изобразительного искусства, проходившая с 1933 г. каждые три года. «Первая триеннале была важным художественным событием, которое проходило в большом дворце, расписанном такими знаменитыми живописцами, как Фуни, де Кирико, Сирони и др.» [Sciltian 1963, p. 398]. В 1940 г. Шилтян совместно с Ф. Клеричи выполнил иллюзионистические эффекты для VII Триеннале.

⁸² Виктор Эммануил III (Vittorio Emanuele III; 1869–1947) — король Италии с 1900 по 1946 г.

⁸³ Джованни Шайвиллер (Scheiwiller; 1889–1965) — миланский книгоиздатель, редактор и искусствовед, основавший в 1936 г. известный издательский дом.

⁸⁴ Марциано Бернарди (Bernardi; 1897–1977) — искусствовед, сотрудник туринской газеты «La Stampa».

⁸⁵ Алессандро Контини Бонакossi (Contini Bonacossi; 1878–1955) — коллекционер, собравший обширную коллекцию живописи и скульптуры. В 1960-е гг. жена подарила его коллекцию галерее Уффици во Флоренции. Выставка прошла в залах Lyceum Club Internazionale на виа Риказоли

⁸⁶ Леонида Рэпачи (Rèpaci; 1898–1985) — писатель и журналист.

⁸⁷ Уго Ойетти (Ojetti; 1871–1946) — писатель, художественный и литературный критик, журналист (с 1898 г. сотрудник газеты «Коррьере делла сера» и с 1927 г. ее главный редактор). Основал и редактировал журналы «Дедало» (1920–1933), «Пегазо» (1929–1931), «Пан» (1933–1935). В первой половине XX в. был одним из влиятельных интеллектуалов Италии.

⁸⁸ Армандо Спадини (Spadini; 1883–1925) — живописец, последователь импрессионизма. В 1920 г. был назначен академиком Академии художеств святого Луки и в 1921 г. председателем комитета Римских биеннале (1921–1925 гг.).

⁸⁹ Франческо Мессина (Messina; 1900–1995) — скульптор. В послевоенные годы был заведующим кафедрой скульптуры в Академии Брера.

ПОЛЬША
В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ
РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

Т.В. Марченко

ПОЛЬСКО-РУССКИЕ СВЯЗИ: БЕЗГРАНИЧНОЕ ПОЛЕ ДЛЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ДЛЯ НАУЧНЫХ КОНТАКТОВ

«Темой эмиграции в рамках нашего института мы занимаемся уже четверть века, с 1991 года», — сказала Ивона Анна Ндяй (Ndiaye) на презентации Института восточнославянской филологии Варминско-Мазурского университета (Ольштын, Польша) в стенах Дома русского зарубежья 28 января 2015 г. В личной беседе она вспоминает, как четверть века назад, работая над кандидатской диссертацией, пришла в архив Варшавского музея литературы и буквально обомлела — так много хранилось там материалов, документальных источников по истории русского зарубежья в Польше, и не сделано буквально ничего. В 1990-е гг. вышло несколько работ И.А. Ндяй (тогда молодая исследовательница публиковалась под фамилией Облонковска-Галанчак (Obłąkowska-Galanciak)), которые положили начало изучению истории русской литературной эмиграции в межвоенной Польше, русско-польских литературных контактов, польской странички из биографии Д.В. Философова.

Интересы самой Ивоны Анны Ндяй — доктора наук, профессора Варминско-Мазурского университета — за прошедшие десятилетия существенно расширились, в том числе и в ее взаимоотношениях с литературным наследием русского рассеяния. И.А. Ндяй выступила одним из инициаторов (вместе с Гжегожем Ойцевичем (Ojcewicz)) проекта «Великие имена русской эмиграции» («Luminarze Rosyjskiej Emigracji»¹), в котором издаются произведения русских авторов в переводе на польский язык. Осенью 2016 г. в печать ушел седьмой том из этой издательской серии²: в качестве пилотной была выпущена книга стихов Бориса Поплавского (2009), затем появилось два тома, посвященных Ивану Бунину (2013, 2015), и три — матери Марии (2014–2016), включающие русские и польские тексты, переводы, научные статьи. Несколько томов из этой серии подготовлены в сотрудничестве коллектива Института восточнославянской филологии с Т.В. Марченко, выступившей автором, составителем, редактором; в Варминско-Мазурском университете было проведено две конференции при организационном участии и научной поддержке Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. В 2014 и 2015 гг. в Ольштыне бился живой

¹ Неизменные «трудности перевода»: «светила», «светочи» в русском языке традиционно входят в словосочетания, связанные с научным познанием (ср. «светила науки», «светочи знаний») и не употребляются в определении деятелей литературы и искусства. Латинского слова, в том числе и через польское посредство, русский язык не заимствовал, поэтому ради сохранения смысла пришлось пожертвовать красотой слога — и светом, исходящим от польского названия.

² Писательницы русского зарубежья в литературе, культуре, переписке [Pisarki rosyjskiej zagranicy... 2016].

пульс литературоведческой науки, которая рождается, конечно, в кабинетном затишье, но расцветает именно во время диспута. Возможно, происходит это благодаря тому, что, помимо заслушивания докладов и обмена мнениями, на «встречах» в Ольштыне аудиторию знакомят с реальными результатами проекта — изданиями, выходящими в серии с тем же названием.

Научная конференция в Ольштыне недаром получила особое жанровое название — встречи. Более разнообразной программой может похвалиться редкое учебное или научное заведение. Так, к прошлогодней встрече (19–20 октября 2015 г.) директором института Барбарой Козак (Kozak) и Павлом Хжонцем (Chrzaszcz) была подготовлена фотодокументальная выставка «Варшавский россиянин», рассказывающая о личности и судьбе Дмитрия Философова, о годах его пребывания в Польше, о его издательско-публицистической деятельности и о рецепции его публикаций польской гуманитарной элитой. Эта выставка — первый шаг на пути реализации проекта, посвященного польскому периоду жизни Д.В. Философова: как и другие проекты Института восточнославянской филологии, он должен завершиться изданием монографического исследования, основанного на польских государственных и частных архивах.

Материалы, которые мы публикуем в настоящем выпуске «Ежегодника», — это первое прикосновение к теме Б. Козак и П. Хжонца, тогда как И.А. Ндяй неоднократно обращалась к анализу публицистического наследия Д.В. Философова. Предваряя данную публикацию ольштынских коллег, хотелось бы сделать два немаловажных замечания.

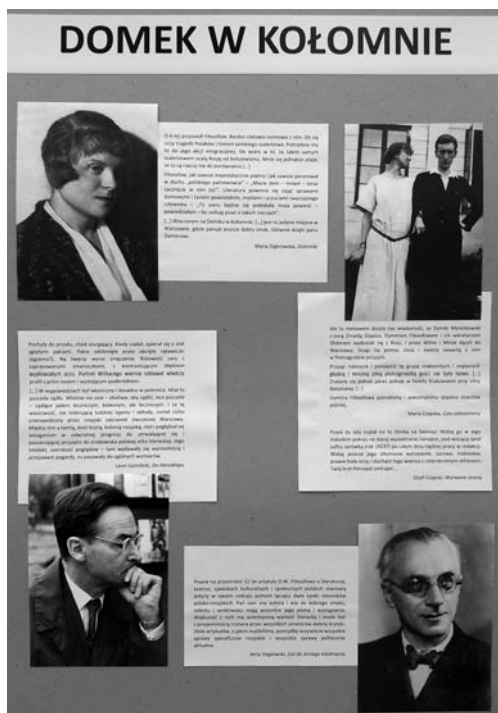
Ивона Анна Ндяй открывает подготовленную Барбарой Козак и Павлом Хжонцем выставку, посвященную Д.В. Философovu

Во-первых, статьи польских авторов написаны с польской точки зрения. Это значит, что пафос их работ, и прежде всего историко-политического обзора П. Хжонща, продиктован сугубо польским восприятием исторических событий почти столетней давности. «Польский вопрос», всегда неизменно острый для России, по-разному ставится и решается в польской и в отечественной историографии. Для польского национального самосознания революции 1917 г., приведшие к развалу фронта, краху страны и наконец к «позорному» Брестскому миру, закрепившему поражение России в Первой мировой войне, воспринимаются как ступени к польской независимости и возникновению самостоятельной Польши, «возрожденной» Речи Посполитой. Обретя независимость, поляки отстаивали ее отчаянно, в том числе и во время советско-польской войны: ее польские герои оказались зловещими персонажами в российской истории, а в драматических судьбах русского населения, русской церкви на территории польской республики отразилась вся болезненность многовекового национально-политического противостояния двух соседних, близкородственных народов. Русская эмиграция в Польшу — особый и также остро драматичный эпизод в историко-культурном контексте межвоенной Польши. Не разделяя взглядов П. Хжонща, порой публицистически заостренных, издатели «Ежегодника» благодарны ему за ясную и точную обрисовку ситуации, которая стала фоном для жизни и деятельности Д.В. Философова в Варшаве: Мережковские уехали, а он остался — и оставался неизменно своим среди чужих, чужим среди своих.

Во-вторых, статьи польских авторов написаны на польском материале. Особое положение Философова, направленность его издательской и публицистической деятельности, его место не только в культурных сферах межвоенной Польши, но и в политико-литературных спорах польской интеллигенции той эпохи раскрыты и проанализированы на материале польских источников: газетных публикаций, дневниковых записей, переписки. Многие из этих источников опубликованы и введены в научный оборот, но в Польше и на польском языке, что не только затрудняет их использование, но порой просто исключает их из русскоязычного научного дискурса. Публикуемые материалы Б. Козак и И.А. Ндзяй отчасти восполняют пробелы, связанные с тем, что многообразные польские источники не переведены на русский язык,

Татьяна Марченко и Люциан Суханек
в фойе, где была развернута выставка,
посвященная Д.В. Философову

Один из стендов выставки:
«Домик в Коломне», его участники
и их суждения о Д.В. Философове

а отечественные специалисты по зарубежью не владеют польским языком. Если говорить о полемической заостренности, то она есть и в статье И.А. Ндияй, — но только объектом ее анализа и развенчания неожиданно становится польская национально-историческая мифология, также пропущенная через критическое мерило публицистики Философова.

Рассуждая о *homo emigrans* как об особом антропологическом типе, Люциан Суханек (Suchanek) на прошлогодней встрече в Олыштыне заметил, что эмигрант в чужой стране сталкивается с чуждым этосом: «Пространство, к которому эмигрант привык и которое освоил, а также принял обязывающие в нем нормы и обычаи, как правило, не находит адекватной параллели в стране эмиграции. Нередко это пространство оказывается чужим и даже вражеским». И указал: «В этом контексте важны две категории: общение и социализация личности» [Pisarki rosyjskiej zagranicą... 2016,

s. 20]. Кажется, что именно в этом отношении и замечательна фигура Д.В. Философова: параллель была найдена, круг общения установлен, социализация личности произошла как нельзя более успешно. Однако постепенно начал внутреннюю работу тот русский «национальный этос», который был как будто вытеснен польским; расхождения между польской интеллигенцией и Философовым становились все непреодолимее. Очевидно, однако, что уникальный эмигрантский опыт Философова ценен не адаптацией и аккультурацией — отчужденность не могла быть совершенно преодолена, да обе стороны к этому и не стремились. Но жизнь Философова в Польше прошла по «космополитической модели», если воспользоваться терминами тех, кто пытается описать феномен *homo emigrans*, — «вбирающей в себя особенности цивилизации XX в. и уходящей в будущее» [Ibid.].

Еще одна незаурядная личность эмиграции — славист и философ Дмитрий Чижевский — оказался связан с Польшей не столько личным присутствием, сколько интересом к его исследованиям, многие из которых были посвящены польской культуре и литературе, а некоторые даже впервые в Польше изданы. Материал о рецепции трудов Д.И. Чижевского в Польше собрал и представляет на страницах «Ежегодника» Роман Мних из Естественно-гуманитарного университета в г. Седльце. Это не первая публикация польского профессора о Чи-

жевском в «Ежегоднике» (см.: [Мних 2015]; см. также о его участии в юбилейных мероприятиях Дома русского зарубежья, посвященных Чижевскому, в обзоре М.А. Васильевой [Васильева 2015]). В настоящей публикации исследователь сосредоточился на польских контактах русско-украинского ученого-эмигранта (начавшихся, кстати, еще в годы учебы Дмитрия Ивановича в Киеве) и на некоторых из многообразия польских тем и сюжетов, которые его интересовали и которые, в свою очередь, были внимательно прочитаны его коллегами из Польши и вошли в польский научный дискурс. И вновь подчеркнем: работа основана на польских источниках и важна не только для уточнения биобиблиографии Д.И. Чижевского, но и в широком и все еще малоизученном контексте польско-русских культурных, литературных, научных связей.

Литература

- Васильева 2015 — *Васильева М.А.* Дмитрий Чижевский и его юбилей в Доме русского зарубежья // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 383–386.
- Мних 2015 — *Мних Р.* Философ Дмитрий Чижевский (полемиические заметки) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 394–414.
- Pisarki rosyjskiej zagranicy... 2016 — *Pisarki rosyjskiej zagranicy w literaturze, kulturze i korespondencji / pod red. B. Kozak, I.A. Ndiaye.* Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej, 2016. 330 s.

П. Хжонци

НЕСБЫВШИЕСЯ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ. ПОЛЬСКИЕ ГОДЫ ДМИТРИЯ ФИЛОСΟΦОВА

Тысяча девятьсот двадцатый год — первый год жизни Дмитрия Владимировича Философова в Польше — был также годом больших испытаний для возрожденной Речи Посполитой. Война с большевистской Россией, которая обнадеживала русских беженцев, являлась в то же время смертельной угрозой для молодой, еще не сложившейся и не окрепшей польской государственности. Защита независимости, приобретенной благодаря стечению исключительных исторических обстоятельств и практически без участия поляков, вдруг оказалась всеобщим долгом и породила призывы к борьбе не на жизнь, а на смерть. Национальную мифологию, которая описывает те беспокойные времена, трезво оценил Норман Дэвис: «Можно полякам простить, когда они утверждают, что в 1918 году “они сами выиграли свою независимость”. Этого, однако, не было. <...> Независимость Польши стала реальностью благодаря ряду обстоятельств, которые были в значительной степени вне прямого контроля поляков. Многим эта независимость казалась чудом или случайностью, так как поляки не имели непосредственной возможности сражаться за нее. Но как только в конце войны они достигли независимости, они боролись за нее и защищали ее с безграничной отвагой и решительностью» [Davies 1995, s. 118].

Революция 1917 г., которая привела к краху Российской империи и тем самым способствовала независимости Польши, для многих русских стала началом периода неопределенности, страха и преследований. В течение первых двух лет из России эмигрировало около миллиона человек, и среди них — большое количество образованных людей и представителей интеллигенции. Многие беженцы первой волны эмиграции в силу политических обстоятельств оказались в Польше. На фоне драматических судеб русских изгнанников участь Дмитрия Философова замечательна по-своему. Известный журналист и литературный критик русского Серебряного века, соучредитель «Мира искусства» — объединения нового искусства и редактор журнала с тем же названием, Философов не отправился, как многие другие, в столицу русской эмиграции — Париж, а поселился в Варшаве, на периферии русского послереволюционного рассеяния. Там он установил обширные контакты в среде польской интеллигенции и занял заметное место в литературных и художественных кругах Варшавы, став «самым известным и теснее всех связанным с Польшей представителем российской политической эмиграции» [Czapski 1968, s. 155]. Прежде всего, разумеется, Философов принимал участие в

антибольшевистской деятельности — занимался журналистикой, издавал газету на русском языке, поддерживал контакты с польскими политиками на самом высоком уровне, не прекращая работу, способствующую возникновению «третьей России» — не большевистской, но и не царской.

Путь Философова из революционной России в Польшу определила дружба с семейством Мережковских: Дмитрий Сергеевич Мережковский и Зинаида Николаевна Гиппиус были среди центральных фигур художественной и интеллектуальной жизни Петербурга конца XIX — начала XX в. Важным событием, укрепившим дружбу Философова с Мережковскими, оказалась поездка в Париж в феврале 1906 г. Период пребывания за пределами России был для Мережковских своего рода репетицией перед окончательным отъездом из России в 1920 г. Парижские встречи «триумвирата» с активистами радикальной партии социалистов-революционеров — Борисом Викторовичем Савинковым¹ и Ильей Исидоровичем Фондаминским² — показали взаимную привлекательность обоих кругов и породили идею синтеза революционной мысли эсеров и христианского возрождения, которое проповедовали петербургские интеллектуалы [Obłakowska 2001, s. 50]. Для Философова это было также началом долгой дружбы и политического сотрудничества с Савинковым, что оказало решающее влияние на дальнейшую судьбу Философова в Польше.

В декабре 1919 г., когда Мережковские и Философов под предлогом проведения лекций для солдат Красной армии уезжают из Петербурга, положение дел на фронте польско-большевистской войны казалось для «триумвирата» перспективным. Согласно документам, выданным им перед поездкой, первой остановкой должен был стать Гомель. Но поезд, по всей видимости, шел через белорусский городок Рогачев. Там Философов, Мережковские и их секретарь Владимир Злобин остановились на несколько дней, в течение которых попытались нелегально пересечь границу. В районе Бобруйска, а точнее, как записал сам Философов, в старообрядческой деревне Королевская Слобода [Философов 1922б, с. 175], им наконец удалось пересечь линию фронта, и в январе 1920 г. они уже находились в польском тогда Минске. Уникальное свидетельство этой одиссеи, которая через Вильнюс вела их в Варшаву, а также краткое изложение ее задач содержится в воспоминаниях Эдварда Войниловича³: «За завтраком у моего кузена Александра Ваньковича в Минске я познакомился с известным Мережковским, которого почти все произведения читал. С Мережковским ехала его жена, публицист Философов, поэт Злобин. Вся компания начала тур Минск, Вильнюс, Варшава — за рубежом, с девизом: Россия в оди-

¹ Борис Викторович Савинков (1879–1925) — революционер, террорист, российский политический деятель — один из лидеров партии эсеров, руководитель Боевой организации партии эсеров. Участник Белого движения, писатель (прозаик, поэт, публицист, мемуарист; литературный псевдоним — В. Ропшин).

² Илья Исидорович Фондаминский (Фундаминский, литературный псевдоним Бунаков; 1880–1942) — российский революционер, масон, религиозный деятель. В 1907–1917 гг. и с 1919 г. жил в эмиграции. В 1941 г. принял православие, погиб в Освенциме. В 2004 г. канонизирован Константинопольской православной церковью.

³ Эдвард Войнилович (Woyniłłowicz; 1847–1928) — белорусский и польский политический и общественный деятель конца XIX — начала XX в.

ночку восстать и возродиться не сможет. Мы нуждаемся в новых варягах, и этими варягами должны быть поляки, они должны бить большевиков, победить Москву, Россию организовать и осуществить федерацию славянских народов. Если Польша не осуществит историческую миссию сейчас, никогда этот момент не повторится, и России придется упасть в объятия Германии, которая затем вместе с Россией раздавит и Польшу» [Woyniłłowicz 1931, s. 268–269].

Ключом к успеху миссии «триумvirата» в Польше являлась популярность работ Мережковского среди образованных поляков. Как свидетельствует приведенный выше фрагмент, имя его было на слуху, исторические романы Мережковского охотно читали, а философские трактаты о христианстве и о его месте в истории человечества широко обсуждались. Поэтому неудивительно, что после пересечения границы беженцам был оказан дружественный прием и забота. В Минске они нашли поддержку у польского генерала Люциана Желиговского⁴, в Вильнюсе — у Мариана Здзеховского⁵, профессора европейской литературы Вильнюсского университета⁶. В обоих городах, а также в Варшаве, куда Мережковский прибыл в марте 1920 г., он читал лекции, утверждая, что у Польши и России есть общая историческая миссия, ссылаясь на мессианские идеи Мицкевича и необходимость противостояния большевизму. Открытое полонофильство всех выступающих часто вызывало подозрение и даже враждебность, особенно на территории Восточных Кресов⁷, где этническое деление в значительной степени совпадало с социальным, а широкие массы явно симпатизировали идеям большевистской революции.

Для более полного понимания хода советско-польской войны и связанных с ней надежд русских эмигрантов стоит шире взглянуть на эти восточные территории новообразованной Польской республики. После кампании 1919 г. они отошли к Польше, и глава государства, маршал Юзеф Пилсудский⁸, начал осуществлять новый план для этих земель. Пилсудский представлял возрожденную республику как федерацию свободных народов, что нашло свое выражение в «Послании народу бывшего Великого княжества Литовского», опубликованном после оккупации Вильнюса в апреле 1919 г. Созданная в октябре 1919 г. Гвардия Пограничья должна была заботиться об организации местной администрации и проведении земельной реформы, которую объявили в Польше. Учреждение нового порядка на обширной территории, охватывающей на рубеже 1919–1920 гг. земли от Минска и

⁴ Люциан Желиговский (Żeligowski; 1865–1947) — польский генерал (генерал брони) и политический деятель, друг Юзефа Пилсудского, глава Срединной Литвы.

⁵ Мариан Здзеховский (Zdziechowski; 1861–1938) — польский филолог, историк литературы, критик, публицист.

⁶ Отметим, что, когда в начале 1930-х гг. будет развернута активная кампания по выдвижению русских писателей-эмигрантов на Нобелевскую премию по литературе, М. Здзеховский поддержал не лично ему знакомого и хорошо известного своими сочинениями Д.С. Мережковского, а оказался среди тех, кто обратился в Шведскую академию с номинацией И.А. Бунина, см.: [Марченко 2007, с. 350].

⁷ «Восточная окраина» (Kresy Wschodnie) — польское название земель Польской Украины, некогда входивших в состав межвоенной Польши (с 1918 по 1939 г.), сейчас территории Западной Украины, Белоруссии и Литвы.

⁸ Юзеф Пилсудский (Piłsudski; 1867–1935) — польский военный, государственный и политический деятель, первый глава возрожденного Польского государства, основатель польской армии; маршал Польши.

Волыни, оказалось невозможным, поскольку вызвало противодействие польской шляхты и знатных семей, которые пришли на эти земли вслед за наступающей армией. Одно из донесений Гвардии Пограничья сообщало: «...стоит подчеркнуть поведение значительной части местного дворянства, чья классовая политика часто дискредитирует польский вопрос» [Davies 1998, s. 43]. Местные жители также сопротивлялись власти, опасаясь возвращения старых порядков. В хаосе конца Первой мировой войны и распада царского режима во многих местах были созданы «сельские республики», которые эффективно оказывали сопротивление и большевикам, и украинской Директории. Кровавые расправы поляков с этими «крестьянскими демократиями» не способствовали увеличению числа союзников республики и создали благодатную почву для большевистской агитации. Один из польских офицеров отмечал: «Местные дворяне ничему не научились, несмотря на тяжелые условия войны и изменившиеся отношения, как социальные, так и политические. Дворяне хотят воспользоваться своим социальным положением, сиюминутным преимуществом, чтобы при ликвидации всего социального строя меньше всех пожертвовать и больше всех заработать, даже за счет своей родины и за счет других социальных слоев» [Ibid.].

Киевская операция в апреле 1920 г.⁹ вызвала большой энтузиазм Мережковских и Философова. Все трое поддержали создание Русского политического комитета во главе с Савинковым и формирование Добровольческой армии. Инициатива Савинкова, разработанная при поддержке Пилсудского, была обусловлена идеей создания «третьей России — ни белой, ни красной». В июле 1920 г. вышел первый номер газеты «Свобода» (позже — «За свободу!»), которая до 1923 г. финансировалась польскими властями как орган Российского комитета по политическим вопросам. Философов, активно участвующий в создании газеты, был ее редактором и ведущим публицистом до последнего номера, вышедшего в апреле 1932 г., а также верным спутником Савинкова, обеспечивая этому «профессиональному революционеру» интеллектуальную поддержку. Данную задачу он выполнял без особого удовольствия, но с чувством долга: «Сто раз я предпочел бы с Чапским иметь дело, а вот в политике работаешь и приходится с Савинковым», — сетовал Философов [Czapski 1993, s. 230]. Оба они являлись частыми гостями в Бельведере¹⁰, где, согласно воспоминаниям Философова, вели с маршалом Пилсудским долгие ночные раз-

⁹ В результате этой операции польским войскам (в качестве добровольцев на польской стороне воевали даже американцы) удалось прорвать фронт и занять 7 мая Киев. Его жители довольно равнодушно отнеслись к этой смене власти — пятнадцатой за три года. Ю. Пилсудский и С. Петлюра выступали с совместными заявлениями, первый подтвердил право украинского народа на независимость и собственную государственность, а второй уверял в незыблемости польско-украинского союза. Удержаться в Киеве полякам удалось ненадолго, в середине мая началось наступление Красной армии под командованием М. Тухачевского, и 12 июня ее войска вошли в Киев.

¹⁰ Бельведер — дворец в Варшаве, рядом с дворцом и парком Лазенки. Начиная с XVII в. несколько раз перестраивался; в 1818 г. был заново отстроен на деньги русского правительства как резиденция польского наместника великого князя Константина Павловича, позже служил резиденцией русского царя во время пребывания в Варшаве. В 1918 г. стал резиденцией главы Польши Ю. Пилсудского, скончавшегося там в 1935 г. Во время гитлеровской оккупации дворец был перестроен для генерал-губернатора Г. Франка, в настоящее время — одна из президентских резиденций.

говору [Czapski 1968, s. 155]. Савинков был очарован личностью правителя Польши, Философов был более сдержан, но полон уважения и признательности за его отношение к русским эмигрантам. Больше всех маршалом восхищался Мережковский, который с самого начала своего пребывания в Польше искал встречи с ним. Когда наконец такая встреча состоялась в июле 1920 г., Мережковский выразил восторг в статье «Юзеф Пилсудский», опубликованной в «Свободе», а затем изданной в отдельной брошюре. В качестве иллюстрации приведем небольшой фрагмент из этого текста: «Когда он вошел в комнату, на меня “повеяло веяние тихого ветра”, о котором говорится в Третьей книге Царств; я сразу почувствовал: да, это Он, Герой <...> “существо реальнейшее”, как выразился Ницше о Наполеоне.

Я узнавал и не узнавал этот образ, повторяемый в изображениях бесчисленных: небольшую, коренастую фигуру Солдата и Рабочего, лицо то усталое и почти старое, то бессмертно юное; крутой, нависший, выпуклый лоб, изборожденный глубокими поперечными морщинами, как твердый камень — резцом ваятеля; крепко сжатые губы “великого молчальника”, и под упрямо-насупленными, торчащими рыжими бровями странно светлые глаза, то затуманенные, то опрозраченные, с неизъяснимым взглядом, смотрящим внутрь, ясновидящим» [Мережковский 1920, с. 2].

Данный разговор состоялся в июле 1920 г. В это время большевики уже заняли часть польских земель и находились всего в 40 км от города Торунь¹¹. До этого вполне пылкие настроения варшавских русских охладели, так как стало ясно — киевская экспедиция Пилсудского вместо великого военного успеха обернулась катастрофой. После серии ударов армии Буденного в начале июня 1920 г., линия польских войск была отодвинута на позиции, занимаемые ими до апрельского наступления. Внезапное осознание близкой перспективы смертельной борьбы породило среди поляков горячий патриотизм, следствием которого явилось укрепление польской армии в равной мере за счет принудительного призыва и добровольчества. Пилсудский сумел воспользоваться слишком непродуманным продвижением большевиков на севере Польши, и после серии успешных контратак на окраине Варшавы и удара во фланг и тыл советских войск с юга 18 августа польские войска перешли в наступление.

Польско-советские переговоры, проходившие с августа 1920 г., когда возникла реальная угроза падения Варшавы, два месяца спустя в совсем других условиях привели к подписанию перемирия. В середине октября советские войска были вынуждены покинуть Станиславув, Тернополь, Пинск, Новогрудок и Вильнюс, родной город Пилсудского, по приказу Л. Желиговского занятый войсками 1-й Литовско-белорусской дивизии, формально вышедшими из повиновения польскому командованию. Мирный договор, подписанный в Риге 18 марта 1921 г., возвращал Польше земли, входившие в ее состав до третьего и частично до второго раздела. Польша в свою очередь взяла на себя обязательство выдворить русских и представителей других национальностей, осуществляющих действия против советской России. Таким образом, Савинков и «триумвират» вынуждены были по-

¹¹ Прусский Торн, родина Николая Коперника, отошел к Польше по Версальскому мирному договору.

кинуть Польшу. Мирные переговоры с большевиками стали для Мережковских сильным ударом. «Мережковский, с его даром предвидения, фантазии и энтузиазма, но и политической наивности, видел Польшу Мицкевича и Красинского, которая после победы в войне с Советами “водрузит крест на стенах Московского Кремля”! Рижский договор, де-юре признание советской России, был горьким разочарованием для Мережковских...» [Czapski 1968, s. 154].

Мережковские окончательно покидают Варшаву в октябре 1920 г., еще до подписания договора. Савинков и Философов остаются, чтобы почти ровно через год покинуть Польшу в результате реализации правительством в Варшаве условий мира с советской Россией. Для Философова это был лишь короткий эпизод — через несколько месяцев он вернулся в Варшаву. Савинков оседает в Париже, где чувствует себя одиноким среди монархически настроенной белой эмиграции, которая считает его террористом и не может простить нападений на Романовых. Так закончились надежды либеральных русских сражаться бок о бок с поляками против большевиков до победного конца и установления «третьей России». Эти бесплодные мечты многие годы спустя с горечью прокомментировал Мариан Здзеховский, один из первых поляков, который помог несчастным беженцам из советской России: «В русском контрбольшевистском движении объединились против большевизма элементы, не только совершенно чуждые друг другу, но и взаимоисключающие и ненавидящие друг друга; с одной стороны, монархисты и националисты, те, кого в просторечии называли “черносотенцами”, а с другой — социалисты разных оттенков с огромным преимуществом “революционных социалистов”, так называемых эсеров. Между эсерами и царской Россией лежит непроходимая пропасть, в то время как от большевизма их отделяет узкий поток. Идучи с белыми, они дрожали при мысли, что белые могут добиться победы решающей, подавляющей, поэтому тихо мешали, предавали, рыли ямы, не подозревая о том, что они первыми будут в эти ямы сброшены победившими большевиками. Редкий, возможно уникальный в своем роде пример сектантства и глупой в слепоте своей злобы» [Zdziechowski 1936, s. 37].

Польша получила свою независимость как неожиданный дар 11 ноября 1918 г.¹², однако учредительным актом II Речи Посполитой, без сомнения, можно считать победу в советско-польской войне 1920 г. Среди мощных и долгосрочных последствий конфликта следует отметить, прежде всего, возвышение позиции армии, которая считалась спасителем отечества и основой новой республики. Еще один важный элемент — это антикоммунизм, рожденный во время кровавой борьбы с большевиками. Польская коммунистическая партия и ранее Польская коммунистическая рабочая партия с июля 1920 г. действовали незаконно, а их поддержка считалась национальным предательством. Действующие в межвоенные годы левые группы, прежде всего Польская социалистическая партия, призывая к улучшению условий жизни и труда низших социальных слоев, решительно порывали с коммунистическими взглядами и усиленно подчеркивали патриотизм.

¹² День подписания Компьенского перемирия, положившего конец военным действиям Первой мировой войны.

Третий и самый важный в нашем контексте элемент — это резкое усиление антироссийских настроений. Круг либеральных русских в Варшаве пытался противодействовать идентификации большевиков с Россией, это была главная тема упомянутого выше разговора Мережковского с Пилсудским. Эти усилия можно считать успешными — приказы Верховного главнокомандующего и правительства призывали сражаться с захватчиками, врагом, большевиками, но не с Россией. Тем не менее националистические элементы играли важную роль в мобилизации польского населения. Угроза с востока для вновь обретенной независимости усилила давние предрассудки и обиды. Иллюстрацией отношений поляков к русским могут послужить слова Пилсудского, произнесенные в беседе с Каролем Вендзягольским¹³, горячим сторонником контактов с русскими либералами и урегулирования польско-российских отношений, в чем его полностью поддерживал глава государства: «Помните, что душа русского человека, если не всех, то почти всех, пронизана духом ненависти к каждому свободному поляку и к идее свободной Польши. Они просты и могут даже чувствовать большую дружбу, и они будут искренне и от всей души любить вас как брата, пока не почувствуют, что в вашем сердце вы свободный человек и вы боитесь их любви, в которой доминирующим элементом является стремление к управлению вами, другими словами: власти. Это прирожденный недостаток их души, наследственный и многовековой, за их плен, за татар, за Ивана, за опричников, бунты, утопленные в крови... Если собственная свобода недостижима, чужая свобода пробуждает зависть и отвращение. Мы веками слишком болезненные для них модели, противоположность их судьбы» [Wędziagolski 1989, s. 382].

Вопрос польско-русских отношений по очевидным причинам живо занимал Философова. Он был полным доброжелательного интереса наблюдателем и комментатором возрожденного польского государства. В статьях, опубликованных в газете «За свободу!», он точно отмечает, что одной из центральных задач нового польского государства является решение статуса национальных меньшинств, которые в соответствии с первой переписью населения 30 сентября 1921 г. составили 30 % граждан. Представители национальных меньшинств перед выборами в Сейм первого созыва в ноябре 1922 г. объединили свои силы и, несмотря на различия во взглядах и партийную принадлежность, образовали «блок меньшинств». Это первоначально свободное образование, созданное для совместного голосования в президентских выборах, со временем все больше укреплялось и объединялось в условиях растущего значения правых и националистических партий. Философов замечает, как польские граждане других национальностей вытесняются из общественного дискурса, а их проблемы игнорируются, и понимает связанные с этим опасности. «В новом Сейме будет сто с чем-то представителей национальных

¹³ Кароль Вендзягольский (Wędziagolski, 1886–1974) — польский социалист. В молодости был связан с российскими революционными организациями. В Первую мировую войну на службе в русской армии. После Февральской революции 1917 г. — комиссар 8-й армии. Был близок к Борису Савинкову, с которым ездил на Дон и вместе с ним участвовал в работе Донского гражданского совета. В декабре 1918 г. выехал из Киева в Варшаву. Во время советско-польской войны был сторонником сближения поляков и русских антибольшевистских сил. По предложению Вендзягольского Пилсудский пригласил Савинкова в Варшаву.

меньшинств. Для всех ясно, какое громадное значение будет иметь эта группа, особенно если она сплотится. А она уже объединилась. “Наш курьер” дает довольно точные сведения об этом блоке, в который входят евреи, литвины, белорусы, немцы, украинцы и русские. Удивительного тут ничего нет. “Инородцы”, т. е. граждане третьего разряда, объединились с евреями, т. е. гражданами второго разряда» [Философов 1922а, с. 1].

В другом месте он также пишет: «Представителям крайнего польского национализма, по мнению газеты, удалось лучше всяких агитаторов объединить все меньшинства, помочь им преодолеть разделяющие их экономические и политические разногласия. Их объединил страх перед польским шовинизмом, который столь ярко проявляется в программах правых партий и националистической польской печати» [Философов 1924а, с. 3].

В своих публицистических текстах Философов отмечает, что положение русских в Польше гораздо хуже, чем других национальностей, и что официально такого меньшинства в стране не существует. При этом русские перечисляются в упомянутой выше переписи 1921 г., и их число составляет 48 900 человек. Философов с грустью констатирует, что даже очень благосклонные к Польше русские не могут участвовать в общественной и культурной жизни из-за официального равнодушного презрения к проблемам русской общины. Он обращает внимание на положение русского национального меньшинства, «которое лишено возможности участвовать в культурном и государственном строительстве страны, даже если бы оно того хотело, которое, может быть помимо своей воли, толкается в лагерь непримиримых» [Философов 1924б, с. 2].

Контакты Философова с Пилсудским после войны с советской Россией и предательства Савинкова прекратились. Осенью 1924 г. он посетил маршала в Сулеювке¹⁴ и передал ему всю свою переписку с Савинковым, до последнего письма, где Савинков пытается заманить Философова в Москву [Czapski 1998, s. 146]. После роспуска Российского комитета по политическим вопросам Философов сосредоточился на редакционной и журналистской работе. Продолжая следить за событиями в советской России и принимая участие в делах русской эмиграции, он одновременно погружался в польскую культуру и устанавливал многочисленные контакты в научной и художественной среде. Нет никаких доказательств того, что польские власти предоставляли Философову какую-либо материальную поддержку, хотя такие мнения появились в середине 1930-х гг. [Dąbrowska 2009, t. 6, s. 223]. Политический кризис почти не занимает публициста, намного больше его интересует, как поляки организуют жизнь в собственной стране; будучи изгнанником, он наблюдает этот процесс с уважением и даже с некоторой завистью. Мария Домбровская, которая знакомится с Философовым благодаря Станиславу Стемповскому¹⁵, отмечает в «Дневниках», что Философов занимает сознательно

¹⁴ Сулеювек (Sulejówek) — город в Польше, недалеко от Варшавы. В нем Пилсудский жил с семьей, оставив политическую деятельность.

¹⁵ Станислав Стемповский (Stempowski; 1870–1952) — польский и украинский политик и общественный деятель. После Первой мировой войны был министром в нескольких кабинетах Украинской народ-

гражданскую польскую позицию в политических разговорах во время многочисленных встреч [Dąbrowska 2009, t. 3, s. 68].

Связи с Марией Домбровской, Станиславом Стемповским, Марией и Юзефом Чапскими¹⁶, Софией Налковской¹⁷ и другими видными деятелями польской культурной и художественной жизни, которые становятся более тесными с конца 1920-х гг., дали Философову возможность иначе взглянуть на трагедию России. «Он изучает трагедию поляков и историю польского безумия, — пишет М. Домбровская в своих «Дневниках». — Это ему необходимо в эмигрантской деятельности. Чтобы поверить, что то же безумие спасет Россию от большевизма» [Ibid., s. 58].

Надежда на скорое падение советской власти умерла с заключением рижского договора и признанием в 1924 г. большевистской России Великобританией, а затем и другими странами Запада. Трагедия и тщетность попыток Философова в Польше была дополнена неприязнью и даже враждебностью русской эмиграции, члены которой не могли простить ему увлечения польской независимостью и признания права Украины на собственное государство. Полонизирующий русский, отвергнутый своими, в глубине сердца чувствует себя, однако, чужим и на своей новой родине. «Чем больше я живу, тем больше я убеждаюсь, что при всех обстоятельствах была в истории “республика аристократов”, члены которой могли понять друг друга, но которых толпа никогда не понимала», — пишет Философов Здзеховскому [Философов 1928a]¹⁸. Такого рода размышления шесть лет спустя породили элитный дискуссионный клуб «Домик в Коломне» — «единственное место в Варшаве, — как пишет Домбровская, — где есть еще хороший вкус» [Dąbrowska 2009, t. 6, s. 222]. Замкнутый характер встреч, в которых можно было принимать участие только по приглашению организационного совета или по поручению уже приглашенных гостей, а также их установка напоминали ма-сонские практики.

Важность «Домика» — безопасного пространства для бесед об искусстве, культуре, истории и политике, как верно отметила Домбровская, — сводилась не только к разговорам на спорные польско-русские темы. Переворот в мае 1926 г., который задумал Пилсудский, должен был положить конец парламентскому хаосу и политической борьбе, доходившей до прямых уличных противостояний, не оправдал надежд своих сторонников. Вопреки ожиданиям маршал не объявил программы, которая была бы столь дерзкой и радикальной, как примененные в мае 1926 г. методы. В итоге к старым раздорам добавились новые. На смену публичным дебатам по важным для польского государства вопросам пришел постоянный конфликт,

ной республики. До января 1922 г. являлся министром в правительстве УНР в изгнании. Гражданский муж Марии Домбровской.

¹⁶ Юзеф Чапский (Czapski; 1896–1993) — польский художник и писатель, племянник губернатора Минска, представитель старого немецкого рода графов Гуттен-Чапских. Мария Чапская (Czapska; 1894–1981) — польский историк литературы, эссеист, автор воспоминаний, сестра Юзефа Чапского.

¹⁷ София Налковская (Nałkowska, 1884–1954) — польская писательница, журналистка, публицист и драматург.

¹⁸ Цит. по: http://www.russianresources.lt/archive/Zdz/Zdz_29.html.

а вместо диалога зазвучали страстные призывы к «своим» и оскорбления врагов. Философов, до самой своей смерти остававшийся сторонником Пилсудского, смотрел на эти споры с отвращением и не хотел принимать в них участия: «Мне лично особенно тягостна та взаимная ненависть, которая процветает сейчас среди моих польских друзей. Как эмигранту, мне особенно трудно вмешиваться в эту борьбу, а вместе с тем представители обеих сторон дарят меня своим доверием и жалуются друг на друга. Мне кажется, что молчание в данном случае — золото. Ответом на печальные события должна быть тяжкая созидательная работа по закреплению самого существования Польши» [Философов 1931]¹⁹.

Деятельность «Домика в Коломне» заканчивается на тринадцатом совещании в феврале 1936 г. Вскоре Философов заболел и уехал в санаторий в Отвоцке, где скончался 4 августа 1940 г., почти через год после начала войны, которую на протяжении многих лет он считал неизбежной и которой так опасался.

«Рыцарь проигранного дела. И что может быть красивее? Рыцарь проигранного дела всегда проигрывает, потому что он хочет того, чего нет в мире» [Философов 19286].

Литература

- Марченко 2007 — *Марченко Т.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). Köln; München: Böhlau, 2007. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte; Bd. 55).
- Мережковский 1920 — *Мережковский Д.* Иосиф Пилсудский // Свобода. <Варшава,> 1920. 18 июля. № 2. С. 2–3.
- Философов 1922а — *Философов Д.В.* Новая фаза в польско-русском вопросе // За свободу! 1922. № 234. С. 1
- Философов 1922б — *Философов Д.В.* Наш побег // Мережковский Д.С. Царство антихриста. München: Drei Masken Verlag, 1922. С. 159–176.
- Философов 1924а — *Философов Д.В.* Воинствующие национализмы // За свободу! 1924. № 85. С. 3.
- Философов 1924б — *Философов Д.В.* Трагическая речь Серебренникова // За свободу! 1924. № 155. С. 2.
- Философов 1928а — *Философов Д.В.* Письмо М. Здеховскому 04.V.1928 // http://www.russianresources.lt/archive/Zdz/Zdz_29.html.
- Философов 1928б — *Философов Д.В.* Письмо М.С. Стемповскому 25.08.1928 // Zbiory Działu Rękopisów Biblioteki Uniwersytetu Warszawskiego (Собрание Отдела рукописей Библиотеки Варшавского университета).
- Философов 1931 — *Философов Д.В.* Письмо М. Здеховскому 07 января 1931 // http://www.russianresources.lt/archive/Zdz/Zdz_30.html
- Białokozowicz 1995 — *Białokozowicz B.* Józef Czapski i triumwirat literacki // Kresy i pogranicza. Historia, kultura, obyczaje / red. Z. Fras, A. Staniszewski. Olsztyn, 1995.
- Czapski 1968 — *Czapski J.* Czy list Lenina? // Kultura. <Парыж,> 1968. № 6–7. S. 152–159.
- Czapski 1993 — *Czapski J.* Wyrwane strony. <Lausanne:> Les Editions Noir sur Blanc, 1993.
- Czapski 1998 — List Józefa Czapskiego do Jerzego Timoszewicza // Kultura. <Парыж,> 1998. № 4/607. S. 145–148.

¹⁹ Цит по: http://www.russianresources.lt/archive/Zdz/Zdz_30.html.

- Dąbrowska 2009 – *Dąbrowska M.* Dzienniki. 1914–1965: w 13 t. / red. T. Drewnowski / Polska Akademia Nauk, Wydział Nauk Społecznych, Komitet Wiedzy o Literaturze. Warszawa, 2009.
- Davies 1995 — *Davies N.* Serce Europy. Krytka historia Polski. Londyn, 1995.
- Davies 1998 — Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich / pod red. N. Gąsiorowskiej-Grabowskiej i L.A. Chrienowa. T. II (1961), № 236. Cyt. za: *Davies N.* Biały Orzeł, Czerwona Gwiazda. Kraków, 1998.
- Gippius 2010 — *Gippius Z.* Dzienniki petersburskie. Dziennik warszawski. Warszawa, 2010.
- Obłąkowska 2001 — *Obłąkowska-Galanciak I.* Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Fiłosofowa na emigracji. Olsztyn, 2001.
- Wędziagolski 1989 — *Wędziagolski K.* Pamiętniki. Wojna i rewolucja, kontrrewolucja, bolszewicki przewrót, warszawski epizod. Warszawa, 1989.
- Woyniłłowicz 1931 — *Woyniłłowicz E.* Wspomnienia 1847–1928. Cz. 1. Wilno 1931. S. 268–269. Cyt. za: *Czapska M.* Europa w rodzinie. Czas odmieniony. Kraków, 2014.
- Zdziechowski 1936 — *Zdziechowski M.* Z historii stosunków polsko-rosyjskich nazajutrz po wojnie światowej, odczyt wygłoszony na dorocznym walnym zebraniu Stowarzyszenia Przyjaciół Nauk w Wilnie 20 czerwca 1936 r. // *Przegląd Współczesny.* Warszawa, 1936. № 172. S. 33–55.

И.А. Ндяй

«ДЕЗИНТОКСИКАЦИЯ ПОЛЬСКОЙ ДУШИ»
В ЭМИГРАНТСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Д. ФИЛОСΟΦОВА

Творческая и литературная деятельность первой волны русской эмиграции не исчерпывалась культурными центрами, возникшими в крупных столицах Западной Европы. В силу политических обстоятельств большое количество эмигрантов оказалось в Польше, пополнив тем самым население многонациональной страны, которой в межвоенный период являлось данное государство¹. Во многих городах Польши создавались русские издательства, социальные общества, школы и т. п. К таким городам-центрам литературной и культурной жизни русской эмиграции относились Варшава, Вильно, Львов, Брест, Пинск, Ровно, Луцк, Сарны, Гродно, Острог, Лодзь, Бялысток и др.

Польским «оазисом» для многих ярких представителей русской культуры начала XX в. и эмиграции первой волны стала прежде всего Варшава, в которой в свое время оказались Зинаида Гиппиус, Дмитрий Мережковский, Михаил Арцыбашев, Александр Амфитеатров, Лев Гомолицкий, Дмитрий Философов и др. Именно в среде варшавской эмиграции зарождались первые ростки самосознания русской эмиграционной литературы, вызревавшие в недрах литературных содружеств «Таверна поэтов» (1921–1925), «Священная лира» (1929–1935), издательского дела, литературного дискуссионного клуба «Домик в Коломне», а также проекта образования на чужбине литературной Академии.

Многие из перечисленных нами инициатив «русской Варшавы» связаны с именем Дмитрия Философова (1872–1940), политическая, публицистическая и литературная деятельность которого особенно важна для понимания процесса становления данного самосознания. Тем не менее жизнь русской эмиграции в Варшаве — тема малоизученная. Эмиграционный период биографии Д. Философова привлекал внимание лишь отдельных исследователей и нашел отражение в немногочисленных публикациях. Деятельность Философова-эмигранта чаще всего рассматривается (частично) в контексте более масштабной темы — рус-

¹ В межвоенный период поляки составляли от 64 до 69,2 % населения, русское меньшинство — около 138 700 человек, а по данным представителей русской диаспоры — 300 000. См. письмо-обращение русского меньшинства, врученное президенту Польши, которое было опубликовано на страницах печатного органа Института исследований по вопросам национальностей (Instytut Badań Spraw Narodowościowych), действующего в 1920–1939 гг. (Sprawy Narodowościowe. 1938. № 3. S. 300). Согласно данным переписи 1931 г., поляки составляли 68,9 %, а русское население на территории Польши — 0,4 % от общей численности страны. При этом следует подчеркнуть, что в ходе переписи вопрос о национальности не задавался, респонденты отвечали лишь на вопросы, касающиеся родного языка и вероисповедания. Ср. [Zienkiewicz 1996, s. 155].

ско-польских связей межвоенного периода, также не получившей полного научного освещения.

Культурная жизнь русской эмиграции в Польше в межвоенный период является предметом особого исследовательского интереса Ольги Розинской. Так, в своей диссертационной работе «Русская литературная эмиграция в Польше» автор дает анализ поэтического, прозаического, публицистического творчества наиболее ярких представителей русской культуры в эмиграции, выявляя ту особую роль, которую они играли как в жизни русской эмиграции, так и в истории русско-польских литературных связей, а также в определении того места, которое занимает русская литературная диаспора в Польше в общем ряду литературы русского зарубежья. Материалом исследования послужили эмигрантские журналы и газеты («За свободу!», «Меч», «Молва»), выходившие в Польше в межвоенное двадцатилетие, повести Б. Савинкова «Конь бледный» и «Конь вороной», пьеса М. Арцыбашева «Дьявол», поэтические произведения Л. Гомолицкого, в том числе его поэма «Варшава», стихи русских поэтов, напечатанные на страницах эмигрантской прессы, публицистика Д. Мережковского, Д. Filosofova, М. Арцыбашева и др. При этом, как подчеркивает исследовательница, создание более полной картины культурной жизни русской эмиграции в Польше — дело будущего: «...в российском и зарубежном литературоведении до сих пор нет серьезного обобщающего исследования о жизни русских писателей в межвоенной Польше, об их литературной, публицистической и общественной деятельности, о тесных контактах с польской интеллигенцией» [Розинская 2000, с. 11].

Среди исследователей, предпринявших попытку заполнить пробелы в истории русской эмиграции в Польше, следует выделить польских русистов. Обзор литературной и общественной деятельности самых известных писателей-эмигрантов дается в статье профессора Я. Кульчицкой-Салони «Из истории русской литературной эмиграции в Варшаве в межвоенный период». Известный историк польской литературы и компаративист сосредоточивает внимание на таких личностях, как Д. Filosofov, Д. Мережковский, М. Арцыбашев, Б. Савинков [Kulczycka-Saloni 1993, s. 1–12]. Стоит упомянуть также работы Т. Шишко, Б. Бялокозовича, В. Скрунды, Т. Зенквича, И. Обланковской-Галанчак, О. Розинской, опубликованные в томе 3 серии «Studia Rossica» под редакцией В. Скрунды и В. Змарзер (издание Института русистики Варшавского университета, Варшава) [Literatura 1996].

Публицистической и общественной деятельности Д. Filosofova, истории созданного им литературного клуба «Домик в Коломне», определению той значительной роли, которую он играл в среде русской эмиграции, а также его тесным связям с польской интеллигенцией посвящены публикации польского поэта и публициста Петра Мицнера [Mitzner 2014; 2015], а также автора настоящей статьи [Obłąkowska-Galanciak 1996; 1997; 1998; 2000]. Монографическая попытка освещения жизни и деятельности русского публициста и критика предпринята нами в книге «Публицистическая и литературная деятельность Дмитрия Filosofova» («Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Filosofowa») [Obłąkowska-Galanciak 2001].

К категории особых авторских проектов следует отнести два электронных ресурса: «Russia Abroad» — сайт, посвященный истории русской эмиграции (1917–1945) в Польше и Чехословакии, а также «Acta Rossica» — антологию русской поэзии в Польше (1917–1945). На этих сайтах помещаются исторические документы, фотогалерея, публицистика. Они созданы с целью собрать архив русской эмиграции и предоставить возможность пользоваться им в режиме свободного доступа. Одновременно проект направлен на сохранение исторической памяти о русской эмиграции. «Этот сайт посвящается всем тем, кто, будучи вынужденным покинуть Россию, хранил ее в своем сердце до конца своих дней»², — пишет организатор проекта А.Р. Мохоля.

Автором работ, посвященных материалам варшавского архива Д. Философова, является канадский исследователь Джон Стюарт Дюррант (Durrant), в домашнем архиве которого хранятся многие документы Философова, в том числе корреспонденция и дневниковые записи [Дюррант 1994а; 1994б; 1996; 1999; 2002; 2005; 2006].

Особый исследовательский интерес вызывает эмиграционная публицистика Д. Философова. В течение двадцати лет на страницах таких газет, как «За свободу!» (1920–1932), «Меч» (1932–1934), «Молва» (1934–1939) он выступал в качестве редактора, литературного критика и прежде всего — публициста. В русскоязычной печати Философов помещал статьи и очерки, посвященные не только русскому искусству и литературе, но также русско-польским связям, проблемам польской литературы³.

Д. Философов живо реагировал на все литературные споры межвоенной Варшавы, публиковал критические статьи, посвященные современным польским писателям, в том числе С. Жеромскому (Żeromski; 1864–1925), М. Домбrowsкой (Dąbrowska; 1889–1965), С. Стемповскому (Stempowski; 1870–1952), К. Ижиговскому (Irzykowski; 1873–1940), творчество которых давало культурный фон для рассуждений о проблеме творческой свободы. «Жизнь Философова в Польше была во многих отношениях исполнена динамизма. Языковые проблемы были преодолены очень быстро. В отчетливом переходе к осознанию русско-польской реальности Философов почувствовал близкую общность со своими новыми соотечественниками Ю. Чапским, Станиславом и Георгием (Ежи) Стемповскими, петербуржцами К. Вендзягольским (советником Пилсудского), Л. Петражицким (санкт-петербургским юристом, а впоследствии профессором Варшавского университета), графом С. Тышкевичем (близким другом Философова, женатом на падчерице великого князя Николая Николаевича); а также писателями А. Ледницким, М. Велопольской, М. и С. Зджеховскими, писавшими на русско-польские темы для газеты Философова» [Дюррант 2002, с. 65].

На страницах «Молвы» был опубликован цикл статей Д. Философова, в которых русский эмигрант откликнулся на дискуссии, вспыхнувшие в то время среди

² <http://www.mochola.org/> (дата обращения: 03.05.2016).

³ Некоторые аспекты этого наследия нашли отражение в коллективных сборниках, собирающих доклады, представляемые в рамках Философовских чтений в Бежаницах.

представителей польской передовой интеллигенции по поводу критики журналиста и литературоведа Тадеуша Боя-Желенского (Boy-Żeleński; 1874–1941) (подробно об этом см.: [Skórczewski 2002]). Философов пытался лично в этот спор не вмешиваться. Его интересовал не сам конфликт, а тот принципиальный вопрос, который поднимал Кароль Ижиковский, — вопрос о свободе слова. Тем более что поставленную проблему следует рассматривать гораздо шире, нежели полемику местных варшавских интеллигентов: «Нового мне г. Ижиковский ничего не сказал. Не помню, когда я впервые начал выступать в печати, но, во всяком случае, худо ли, хорошо ли, я “печатаюсь” почти сорок лет, и никогда свободой слова не пользовался. Конечно, не я один» [Философов 1933, с. 3].

Однако особое внимание, на наш взгляд, следует уделить той части публицистического наследия Д. Философова, в центре которого находится личность Адама Мицкевича — поэта, политического публициста, деятеля польского и белорусского национально-освободительного движения, считавшегося одним из трех величайших польских поэтов эпохи романтизма, который (наряду с Ю. Словацким и З. Красинским) оказал большое влияние на становление польской литературы XIX в. (см.: [Лавринiec 2006а; 2006б]).

Много откликов в польской прессе вызвали статьи Философова, напечатанные в январе 1932 г. в «Молве», в которых он резко критиковал монографию о Мицкевиче Юлиуша Клейнера (Kleiner) [Философов 1932а]. Статья являлась откликом на монографию, переведенную на польский язык С. Стемповским и опубликованную в журнале «Пжеглонд Вспулчесны» («Przegląd Współczesny») [Fiłosofov 1934]. Философов упрекал автора в том, что в качестве основных он использовал работы по истории русской литературы, написанные в условиях царской цензуры [Krzyżanowski 1934a].

Особое внимание русский публицист уделял проблеме «отравления», которому помимо своей воли подвергался, по его мнению, польский народ и его «душа». Как подчеркивал Философов, став эмигрантом, прожив двенадцать лет среди поляков, овладев польским языком, он «понял не разумом, а ощутил кожно, насколько искалечена была польская душа, сколько накопилось в ней ядов за полтора века неволи» [Философов 1932а, с. 3].

В качестве примера Д. Философов приводил судьбу популярного издания «Союз филоматов», которое было посвящено тайному патриотическому и просветительскому объединению студентов Виленского университета, образованному по инициативе А. Мицкевича и действовавшему в 1817–1823 гг. Проф. А. Луцкий (Łucki) в предисловии к этому изданию писал, что 3-я часть поэмы «Дзяды» (1832) отражала два плана действия: фантастический и реальный⁴. В литературном плане в ней излагалась доктрина «польского мессианизма», согласно которой страдания Польши связаны с особым историческим призванием народа-мученика — «Христа народов». В реальности в ней изображено следствие по делу филаретов. Долгое время произведение Мицкевича являлось единственным источ-

⁴ Проф. Александр Луцкий редактировал в 1929 г. популярное издание о «Союзе филоматов». См.: Towarzystwo Filomatów, wybór, wstęp i objaśnienia A. Łucki, Warszawa: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1929.

ником сведений о филоматах, арестованных по инициативе Н.Н. Новосильцева, который, будучи советником наместника царства Польского, доверенным лицом великого князя Константина Павловича и преемником Адама Чарторыйского на посту попечителя Виленского университета, возглавлял комиссию, расследовавшую тайные организации.

Вокруг филоматов создавалась легенда, в печати же царствовало молчание — и не только под давлением внешней цензуры, но и цензуры внутренней. Нельзя было публично делиться воспоминаниями о филоматах, во-первых, чтобы не повредить тем, кто оказался в ссылке, а во-вторых, чтобы как-нибудь не приуменьшить их патриотических заслуг. Только в начале XX в. Краковская академия наук получила в свое владение архив филоматов и в 1913 г. издала пять томов переписки. К сожалению, война прервала это издание, и лишь в 1920 г. публикация архива возобновилась. Из-за недостатка подлинных материалов рождалась легенда. Биография Мицкевича превратилась в своеобразное, как пишет Философов, «жизне св. Адама». Такая же легенда создавалась во всех областях польской истории, литературы и изобразительного искусства: «...ибо главной задачей угнетенного народа было сохранение своего лица, поддержка в широких кругах энергии, веры в освобождение, культ героев. Чтобы выдержать давление стольких “атмосфер”, надо было во что бы то ни стало поддерживать силу сопротивления, поддерживать ее хотя бы ценой исторической и художественной правды... Такие писатели, как Прус, Ожешкова, Сенкевич, Жеромский, сознательно себя ограничивали, надевали железный корсет на свое художественное дарование, чтобы как-нибудь не повредить польскому делу. Художественная правда подчинялась правде политической» [Философов 1932а, с. 3].

Когда Польша возродилась, стало очевидно, что ей придется заново пересматривать свою историю, заново переоценивать свою литературу. И «застрельщиком» здесь, как считал Философов, явился Бой-Желенский — один из самых талантливых польских критиков и публицистов того времени: «Он подошел к Мицкевичу как к живому человеку, которому ничто человеческое не чуждо. По его мнению, из Мицкевича, так же как из многих других великих польских людей, сделали бронзового кумира, условного и мертвого. Благодаря этому Мицкевич как бы ушел из жизни современного поляка, стал для него чуждым и далеким. Живая любовь, подлинный культ превратились в образность, в суеверие» [Там же].

Постепенно необходимость «од-кумирения» (как обозначил Философов борьбу с «бронзовничеством») стала общепризнанной истиной. Наиболее чуткие представители польской науки и искусства стали трезво смотреть на прошлое и настоящее Польши. Пример этого своеобразного «оздоровления» Философов находил в современной ему польской литературе. Самыми яркими произведениями того периода он считал роман Марии Домбровской «Ночи и дни», а также перевод на польский язык поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» Ю. Тувима. «Юлиан Тувим перевел его почти “конгениально”, т. е. перевел как бы не извне, а изнутри, с внутренней свободой, преодолев давний спор “славян между собой”. Профессор Вацлав Ледницкий снабдил этот перевод большой статьей, в которой подверг коренному пересмотру колоссальный материал, накопившийся как в Польше, так и

России, об этой некогда столь болезненной для обеих сторон теме. И оказалось, что очищенная от давних ядов тема — совершенно преобразилась, приобрела значение вечной проблемы о взаимоотношениях личности и государства. Правда Мицкевича и правда Пушкина противопоставлены ныне не как чисто политические, а потому и преходящие правды, а как правды вечные, метафизические» [Философов 1932а, с. 3].

Такое же значение для Философова имеет и замечательная тетралогия М. Домбровской «Ночи и дни» («Noc i dnie», 1932–1934). Это четырехтомное произведение интересует критика как одно из самых ярких доказательств «дезинтоксикации польской души», т. е. оздоровления человеческого организма от длительного отравления «ядами неволи». «Г-жа Домбровская здоровыми, выздоровевшими глазами посмотрела на польскую жизнь в неволе. На жизнь незаметных ее героев, которые просто жили, страдали, любили, умирали. Благодаря повседневному труду и борению этих “незаметных” людей Польша дожидается своего освобождения» [Там же].

В 1932 г. в Женеве польская поэтесса Казимера Иллакович (Iłakowiczówna; 1892–1983) произнесла речь о моральном разоружении. Исходя из предпосылки, что именно писатели должны первыми очнуться от того угара ненависти, который завладел миром, она призывала всех художников слова положить начало моральному разоружению народов. По мнению Философова, мужественный и благородный голос госпожи Иллакович не одинок, а роман Домбровской, книги Тувима и Ледницкого служат тому убедительнейшим доказательством.

Рассуждения русского эмигранта о той важной роли, которую сыграло имя Мицкевича как в польской, так и в русской литературе, выходят за национальные рамки, приобретают общегуманистическое звучание. Философов неоднократно ссылаясь на историю польской эмиграции, находя в ней много поучительного, даже утешительного, и для русских эмигрантов [Философов 1933а]. При этом, по признанию публициста, поляки не имели вполне объективного, исчерпывающего жизнеописания столь яркого представителя польской культуры, как А. Мицкевич. Интересной является еще одна сторона данного вопроса. Историки литературы — как русские, так и польские — очень часто сопоставляли Пушкина и Мицкевича, что и исторически вполне оправданно: Пушкин и Мицкевич — современники, они знали друг друга, друг о друге писали, и их взаимоотношения дают богатый материал для историко-литературных исследований. Для Льва Гомолицкого, например, интерес представляла идея соотношения Мицкевича и Пушкина с творчеством Александра Блока. Эта связь прослеживается в его поэме «Варшава» (1934): «Не случайно родилась поэма Гомолицкого в Польше. Сложная и трудная тема — поэтическое осознание судеб эмиграции — привела его к мотивам польского мессианства. То, как он разрешил задачу сочетания двух литературных традиций — русской и польской, говорит о смелости его поэтического опыта. Идея связать Мицкевича и Пушкина при помощи посредствующего звена — Блока, уже вступившего своим Возмездием на польскую почву, представляет собою в истории русской литературы страницу, к которой, вероятно, еще придется вернуться» [Бем 1936, с. 5].

В контексте данной темы стоит упомянуть антитезу Мицкевич — Толстой, которую в рамках их значения как для национальных культур, так и для культур других народов прослеживает Л. Козловский: «Оба они — и Мицкевич, и Толстой в пробуждении совести видели главное свое признание, оба проповедь ставили выше бессмертных художественных творений своих, оба любовь провозглашали верховным законом бытия и этому закону хотели подчинить и жизнь народов, и жизнь отдельных людей, оба учили, что “солнце правды не знает ни запада, ни востока”» [Козловский 1920, с. 2].

Однако при этом правда Мицкевича глубоко отличается от правды Толстого — и в этом различии двух правд заключается различие исторических судеб двух народов. Толстой видел путь к спасению человечества в непротivлении злу насилием. «Слава Толстого, — писал русский эмигрант Д. Мережковский, — первая всечеловеческая слава без крови, первый всечеловеческий праздник “мира благоволения”, первый канун последнего праздника, когда скажет наконец все человечество: земле мир, в человеках благоволение» [Мережковский 1991, с. 216].

Мицкевич же до конца жизни оставался верен своему юношескому завету «насилие силой отражать»: «Мицкевич, проникаясь духом Евангелия, написал евангелие патриотизма — Книги польского народа, мечтая и о временах грядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью объединятся, и оставался страстным польским патриотом в каждом слове, им написанном... Когда пришла “война народов”, о которой молил Бога Мицкевич, которая воскресила Польшу и поглотила Россию, русские патриоты оказались в изгнании в том же положении, в каком были польские патриоты, когда среди них проповедовал Мицкевич. И русские только тогда научились любить свою родину той любовью, какой любили свою поляки, потому что Родина — как говорит Мицкевич — словно здоровье, только тот поймет, как надо ее ценить и любить, кто потерял ее» [Козловский 1920, с. 216].

Думается, что именно в 1920-е гг., когда русское общество все потеряло и должно было завоевывать свою родину, проповедь Мицкевича стала хорошо понятной. Именно в «Книгах польского народа и польского паломничества» («Księgi narodu polskiego i pielgrzymstwa polskiego») Мицкевича русские изгнанники нашли ту правду, в которой они тогда нуждались. Выявление того нового мироощущения, которое определяло эмигрантскую среду, несомненно, приводило к переоценке ценностей как русской, так и польской культуры.

* * *

Проблема польско-русских культурных связей в межвоенный период охватывает обширный исследовательский материал. Деятельность русской интеллигенции, проживающей в Польше, публикуемые ими статьи на страницах эмигрантских газет, которые издавались в Варшаве с 1920 по 1940 г., в том числе публицистика Д. Философова, в значительной степени обогатили русское эмигрантское «духовное поле», а также внесли большой вклад в развитие польско-русских отношений данного периода.

Появившиеся в последнее время исследования по проблеме этих взаимоотношений показывают, что даже в этот тяжелый период отдаленности и неприязни

с успехом были установлены личные связи, организовывались литературные мероприятия, образовалась культурная жизнь и т. д. Публицистическое наследие и литературные контакты Д.В. Философова лучшее тому доказательство.

Литература

- Бем 1936 — Бем А. Вскипевшая жизнь эмигранта. О стихах Льва Гомолицкого // Меч. 1936. № 24. С. 5 (= http://www.mochola.org/rossica/bem_gomolickii.htm (дата обращения: 03.05.16)).
- Гиппиус 1929 — Гиппиус З.Н. Синяя книга. Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929.
- Дюррант 1994а — Дюррант Д.С. По материалам архива Д.В. Философова // Лица. 1994. № 5. С. 444–459.
- Дюррант 1994б — Дюррант Д.С. Эволюция Д.В. Философова от эстетики к этике // Europa Orientalis. 1994. № 1. С. 276–322
- Дюррант 1996 — Дюррант Д.С. Из варшавского архива Д.В. Философова // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1996. Т. 2. № 4. С. 252–314.
- Дюррант 1999 — Неизданные письма Д.В. Философова / предисл., подгот. текстов и примеч. Д.С. Дюрранта // Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры. 1999. Т. 3. № 1. С. 5–184.
- Дюррант 2002 — Дюррант Д.С. «Уж такова наша судьба...»: Новое из варшавского архива Д.В. Философова // Наше наследие. 2002. № 63–64. С. 65–74 (= <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/6406.php> (дата обращения: 03.05.16)).
- Дюррант 2005 — Дюррант Д.С. Неизданные эссе Дмитрия Владимировича Философова // Философовские чтения: Сб. ст. Первых Философовских чтений. Псков, 2005. С. 206–242.
- Дюррант 2006 — Дюррант Д.С. Введение в мемуарное наследие Дмитрия Владимировича Философова // Философовские чтения: Сб. ст. Вторых Философовских чтений. Бежаницы; М., 2006. С. 68–87.
- Козловский 1920 — Козловский Л. Толстой и Мицкевич // Свобода. 1920. № 107. С. 2.
- Лавринец 2006а — Лавринец П. Мотив неуспеха в поздней публицистике Д.В. Философова // Mokslo darbai. Literatūra. 2006. Т. 48 (2); Rusistica Vilnensis. С. 74–82.
- Лавринец 2006б — Лавринец П. Польская великая эмиграция в публицистике и критике Д.В. Философова 1920–1930-х гг. // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: в 2 ч. Тарту, 2006. Ч. 2. С. 376–391.
- Мережковский 1991 — Мережковский Д. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. М., 1991.
- Розинская 2000 — Розинская О. Введение // Русская литературная эмиграция в Польше: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Кафедра славянской филологии Моск. гос. ун-та им. М.В. Ломоносова. М., 2000. С. 3–14.
- Философов 1932а — Философов Д. Дезинтоксикация // Молва. 1932. № 17. С. 3.
- Философов 1932б — Философов Д. Мицкевич в Турции // Молва. 1932. № 113. С. 3.
- Философов 1932в — Философов Д. Споры вокруг смерти Адама Мицкевича // Молва. 1932. № 119. С. 3.
- Философов 1933а — Философов Д. Воскресные беседы: «Не позвали!» // Молва. 1933. № 213. С. 2.
- Философов 1933б — Философов Д. О свободе слова // Молва. 1933. № 47. С. 3.
- Białokozowicz 1995 — Białokozowicz B. Józef Czapski i triumwirat literacki (Dymitr Mereżkowski, Zinaida Gippius i Dymitr Filosofov) // Kresy i pogranicza. Olsztyn, 1995. S. 125–148. (Рус.

- пер.: *Бялокозович Б.* Юзеф Чапский и литературный триумvirат: (Д. Мережковский — З. Гиппиус — Д. Философов) // «Путь романтический совершил...»: Сб. ст. памяти Б.Ф. Стахеева. М., 1996. С. 300–323.)
- Dąbrowska 1934 — *Dąbrowska M.* O dobre obyczaje polemiczne // *Wiadomości Literackie*. 1934. № 13 (postscriptum W. Lednicki). S. 15
- Fiłosofov 1934 — *Fiłosofov D.* Mickiewicz w Odessie i na Krymie / na marginesie dzieła prof. Kleinera o Mickiewiczu // *Przegląd Współczesny*. 1934. № 142.
- Fiłosofov 2015a — *Fiłosofov D.* Pisma wybrane. T. 1: Trudna Rosja (1900–1916) / oprac. i tłum. P. Mitzner, Warszawa, 2015.
- Fiłosofov 2015b — *Fiłosofov D.* Pisma wybrane. T. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936) / oprac. i tłum. P. Mitzner. Warszawa, 2015.
- Krzyżanowski 1934a — *Krzyżanowski J.* Na manowcach «Drogi do Rosji». Fiłosofov versus Kleiner. Warszawa, 1934.
- Krzyżanowski 1934b — *Krzyżanowski J.* Jeszcze o «Drodze do Rosji» // *Ruch Literacki*. 1934. № 5. S. 160.
- Kulczycka-Saloni 1993 — *Kulczycka-Saloni J.* Z dziejów literackiej emigracji rosyjskiej w Warszawie dwudziestolecia // *Przegląd Humanistyczny*. 1993. № 1 (316). S. 1–12.
- Literatura 1996 — *Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia* / red. W. Skrundy, W. Zmarzer, Warszawa, 1996. (Studia Rossica. T. 3).
- Mitzner 2014 — *Mitzner P.* Warszawski «Domek w Kołomnie». Rekonstrukcja, Warszawa 2014.
- Mitzner 2015a — *Mitzner P.* Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa. Warszawa, 2015.
- Mitzner 2015b — *Mitzner P.* Warszawski «Domek w Kołomnie». Warszawa, 2015.
- Obłąkowska-Galanciak 1996 — *Obłąkowska-Galanciak I.* <Ndiaye I.A.> Из истории русско-польских литературных связей межвоенного периода (по статьям Д. Философова) // *Acta Polono-Ruthenica*. 1996. T. 1. S. 105–112.
- Obłąkowska-Galanciak 1997 — *Obłąkowska-Galanciak I.* <Ndiaye I.A.> Из истории русской эмиграции межвоенного периода. Проект литературной академии // *Literatura rosyjska na emigracji. Współcześni pisarze rosyjscy w Polsce. Frazeologia i frazeografia*, Warszawa, 1997. S. 131–136. (Studia Rossica. T. 3).
- Obłąkowska-Galanciak 1998 — *Obłąkowska-Galanciak I.* <Ndiaye I.A.> W duchu Puszkina. Dyskusyjny klub literacki «Domek w Kołomnie» (Warszawa 1934–1936) // *Acta Polono-Ruthenica*. T. 3. S. 283–292.
- Obłąkowska-Galanciak 2000 — *Obłąkowska-Galanciak I.* <Ndiaye I.A.> Dymitr Fiłosofov i idea wzajemności polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych okresu międzywojennego // *Acta Polono-Ruthenica*. T. 5. S. 161–170.
- Obłąkowska-Galanciak 2001 — *Obłąkowska-Galanciak I.* <Ndiaye I.A.> Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Fiłosofowa na emigracji. Olsztyn, 2001.
- Skórczewski 2002 — *Skórczewski D.* «Sprawa Irzykowskiego i Boya». Wokół głośnego epizodu międzywojennego sporu o krytykę // *Teksty Drugie*. 2002. № 3. S. 223–231.
- Zienkiewicz 1996 — *Zienkiewicz T.* Geografia rosyjskiego życia literackiego na ziemiach północno-wschodnich II Rzeczypospolitej // *Wilno i kresy Północno-Wschodnie. Materiały II Międzynarodowej Konferencji w Białymstoku, 14–17 IX 1994 r.* T. 4: *Literatura* / pod red. E. Feliksiaka, A. Kiezuń. Białystok, 1996.

Б. Козак

«WCALE NIE ROSJANIN»:
ДМИТРИЙ ФИЛОСОВОВ В ВОСПОМИНАНИЯХ
ПОЛЬСКИХ КУЛЬТУРНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

Революционные события и Гражданская война стали причиной массового исхода из России. Дороги беженства вели русских изгнанников в разные страны: Францию, Германию и Чехословакию, на Балканы, где создавались центры русского рассеяния. Одним из очагов русской культуры можно считать и Варшаву, в которой в разные годы не только просто жили, но и продолжали свою литературную и публицистическую деятельность Д.С. Мережковский, З.Н. Гиппиус, Д.В. Философов, М.П. Арцыбашев, А.А. Кондратьев, Л.Н. Гомолицкий¹. Однако группа эмигрантов из советской России в Польшу была крайне немногочисленной, для большинства соседняя страна оказалась лишь перевалочным пунктом по дороге на Запад. Это неудивительно, учитывая, каким драматизмом отличались долгие и крайне непростые польско-русские связи. До революции часть Польши входила в состав Российской империи; многие видные деятели польской культуры учились в университетах Москвы, Петербурга, Киева, Дерпта, превосходно владели русским языком, а личные связи с представителями русской интеллигенции повлияли на их представления о художественном и духовном значении русской литературы. При необычайной близости культур историко-политические устремления двух соседних стран чаще бывали антагонистическими. Оба эти взаимобусловленных фактора решающим образом влияли на положение русской эмиграции в межвоенной Польшу.

Интересы в сфере культуры и, прежде всего литературы, никогда не угасали. О неизменном внимании к русскому литературному процессу свидетельствует, в частности, опубликованная в 1939 г. в Варшаве на польском языке монография «Пятьдесят лет русской литературы. 1884–1934». Ее автора, известного ученого Сергея Кулаковского², в русской историко-литературной традиции принято называть «эмигрантом из России», тогда как поляки считают его польским литературоведом. Такие польские литературные, культурные, общественные и полити-

¹ Писатель, которого мы вправе считать также польским: с 1953 г. он пишет на польском языке — сначала стихи, а потом прозу; о Гомолицком упоминают многие издания по истории польской литературы, например: [Bartelski 2000, s. 125–126].

² Сергей Кулаковский (Kułakowski; 1892–1949), русист, литературовед, литературный критик. Приехал Польшу в 1925 г., принимал активное участие в польской литературной и научной жизни.

ческие деятели, как Юзеф Чапский³ или Мариан Здзеховский⁴, своей творческой деятельностью обусловили интерес к русской культуре и литературе в межвоенное двадцатилетие. Многие работы видных польских исследователей Т. Парницкого, А. Брюкнера, В. Ледницкого, Е. Стемповского, М. Здзеховского, написанные в эти годы, посвящены русской литературе, польско-русским литературным связям.

Нельзя, однако, не отметить, что эти отношения часто бывали омрачены взаимным недоверием, претензиями и обидами двух народов. Политическая обстановка определяла неоднозначное восприятие всего русского: «Для интеллектуальной элиты в Польше, только возрождавшейся после долгих лет плена, были характерны в это время и вполне понятные антироссийские настроения. Трудно было ожидать от людей, еще недавно преследуемых и дискриминируемых, симпатии к изгнанникам, тем более что во многих кругах они воспринимались не только как представители бывшей царской России, но и как защитники ее имперских стремлений. Именно поэтому в Польше не возник важный центр русской диаспоры. Однако, несмотря на определенные политико-социальные и экономические ограничения, культурная жизнь русской эмиграции развивалась здесь весьма интенсивно до начала Второй мировой войны», — пишет Б. Кодзис [Kozdzis 2003, s. 65].

Феномен любопытной двойственности в отношении польской интеллигенции к русской культуре в ее различных проявлениях отмечает в своих воспоминаниях Ежи Гедройц⁵. Русское духовное воздействие было столь мощным, что писатель выражает опасение, что русская стихия поглотит еще не до конца сложившуюся польскую идентичность. «Мое отношение к русскому языку, литературе и русской поэзии было настороженным. Я предпочитаю русскую поэзию польской прозе. Но я очень боялся поглощения Польши русской стихией. Эта опасность была совершенно реальной. <...> Даже в межвоенный период угроза не перестала существовать. Это было особенно заметно в Кресах⁶. В Вильнюсе, например, вся еврейская интеллигенция говорила на русском языке и жила только русской культурой. Огромный успех хора донских казаков, которые часто бывали в Польше, успех Вертинского, которого я тоже был поклонником, тот факт, что в любой компании, после того как выпили два или три стакана водки, пели цыганские романсы, а в более серьезном регистре число и популярность переводов русской литературы, которой «Литературные новости» <Wiadomości Literackie> были очарованы, — все свидетельствовало о давлении русской культуры на Польшу» [Giedroyc 1994, s. 16].

Но вопреки всему — и сложным политическим отношениям до 1917 г., и антисоветской политике польских правящих кругов в 1920–1930-е гг. — в среде польской интеллигенции не ослабевал интерес к русской литературе, что сказалось на судьбе русской литературной эмиграции в Польше.

³ Юзеф Чапский (Czapski; 1896–1993), польский художник и писатель.

⁴ Мариан Здзеховский (Zdziechowski; 1861–1938), польский филолог, историк литературы, критик, публицист.

⁵ Ежи Гедройц (Giedroyc; 1906–2000) польский публицист, политик, мемуарист, основатель и редактор журнала «Kultura» и издательства «Instytut Literacki».

⁶ См. примеч. 7 в статье Павла Хжонца «Несбывшиеся двадцать лет...» в наст. изд.

Литературная слава некоторых русских писателей — прежде всего Мережковского и Арцыбашева — опередила их приезд в Польшу, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные дореволюционные издания их произведений, инсценировки пьес на сценах польских театров, рецензии в польской прессе. Некоторые поляки имели возможность встретиться с ними лично, например Мариан Здзеховский. Будущий ректор университета им. Стефана Батория⁷ учился на историко-филологическом отделении Петербургского университета, затем в Дерптском университете. Годы Первой мировой войны провел в России (Раков, Судерве, Москва, Петроград). Переписывался с Л.Н. Толстым и его окружением, посетил Ясную Поляну, где лично общался с писателем. Был знаком и вел переписку с русскими общественными и политическими деятелями, публицистами, писателями, учеными и философами — Н.С. Арсеньевым, Н.А. Бердяевым, С.Н. Булгаковым, Д.С. Мережковским и другими. Сохранившаяся в довольно полном объеме переписка Здзеховского с представителями русской интеллигенции отражает теплые, дружеские отношения. Именно благодаря ему бежавшие в 1919 г. в Польшу Мережковский, Гиппиус, Философов и Злобин смогли относительно спокойно провести первые эмиграционные дни и даже в каком-то смысле пользоваться успехом.

Минские и виленские встречи и выступления писателей широко анонсировались и комментировались в местной прессе. Из нее можно почерпнуть немало любопытных фактов, в частности о встрече беженцев из большевистской России с Люцианом Желиговским⁸. Вот как было объявлено о приезде знаменитых гостей в Минск: «15 января в Минск прибыла группа известных писателей и литераторов: Д.С. Мережковский, супруга его, известная писательница З. Гиппиус, сотрудник “Речи” Д. Философов, поэт Злобин. Все они выехали из Петрограда 23 декабря 1919 г. и пробрались в Минск через линию фронта в районе Жлобина. Кроме Д.С. Мережковского предполагают прочесть в Минске лекцию о жизни в советской России З. Гиппиус, Философов и Злобин. 16 января Д.С. Мережковский сделал визит генералу Желиговскому, с которым имел продолжительную беседу. Мережковский готовит для Западной Европы большой доклад о большевизме» [Виленский курьер 1920, № 211]⁹. А вот как сообщалось о прибытии тех же лиц в Вильнюс: «22 февраля приехали в Вильню из Минска знаменитый писатель Дмитрий Сергеевич Мережковский, известная писательница-поэтесса Зин. Гиппиус, известный русский публицист-писатель Д. Философов и молодой поэт г. Злобин. Мы не сомневаемся, что Вильнюс окажет дорогим гостям такой же радушный и

⁷ Упраздненный в 1832 г. Николаем II после польского восстания, воссоздан указом Ю. Пилсудского в 1919 г. в Вильню, который находился в отошедшей к Польше части Литвы. Просуществовал до 1939 г. До 1944 г. в городе действовал тайный польский университет. После войны профессорско-преподавательский состав университета составил ядро университета им. Николая Коперника в Торuni.

⁸ Люциан Желиговский (Żeligowski; 1865–1947), генерал, служил в российской армии (1885–1918), в 1918–1919 гг. командовал польскими частями на Кубани, в 1919 г. командующий оперативной группой войск в районе Минска, затем 10-й дивизией и 1-й литовско-белорусской дивизией, в 1920–1922 гг. главнокомандующий войсками Срединной Литвы, в 1925–1926 гг. военный министр Польши.

⁹ Цит. по: http://www.russianresources.lt/archive/Mer/Mer_11.html.

искренний прием, какого они удостоились в Минске, где пробыли целый месяц. На этой неделе предполагаются: большой литературный вечер с участием Д. Мережковского, Зин. Гиппиус, Д. Философова и г. Злобина и лекция на тему: «Россия, Польша и Мицкевич», которую прочтет Д.С. Мережковский» [Виленский курьер 1920, № 240]¹⁰.

В Варшаве компанию беглецов ждал и помогал им устроиться на новом месте Юзеф Чапский, знакомый со времен петербургской жизни. В своих воспоминаниях он рассказывает: «Я был в Варшаве, и вдруг приходит телеграмма, что Мережковский с госпожой Мережковской, со своим секретарем и Философовым бежали через границу незаконно в Польшу. <...> Так что я, естественно, засуетился, потому что было почти невозможно найти какую-нибудь приличную квартиру. Большой еврейский отель я нашел, кое-как можно было их поселить. А потом они приехали, они прошли через Вильнюс, в Вильнюсе были, в Минске были, приехали в Варшаву. Я с ними вновь очень подружился» [Czapski 1993a, s. 227].

Первая встреча с Мережковскими произошла в Петрограде в декабре 1918 г., где Чапский выполнял военную миссию — должен был найти своих товарищей из Креховецкого уланского полка, но узнал, что их расстреляли, и он ждал возможности вернуться в Варшаву, в Академию изящных искусств. Чапский отправился в гости на Сергиевскую улицу, в дом 83. Поднимаясь по лестнице, он увидел табличку с надписью: «Мережковский». «Я отважился и позвонил. Открыл сам Мережковский, словно какой-то жрец экзотической религии, в черном бархатном плаще с меховым воротником (это был плащ жены). В квартире холодно, нету угля» [Czapska 2014, s. 316].

Ю. Чапский был с тех пор постоянным гостем в их квартире, здесь же он познакомился с Философовым, которому позже, уже в Варшаве, предстояло стать самым главным среди его русских знакомых. «Он наблюдал за мной, — вспоминал Чапский, — и ставил конкретные вопросы: о Мицкевиче в Париже, о роли поляков в 1848 г., а я мало что мог ему рассказать, и он махнул на меня рукой» [Ibid., s. 317]. Но и Чапский наблюдал за Философовым и даже оставил замечательную характеристику последнего: «Я должен сказать, что, кажется, именно тогда я этого Философова полюбил. Стоит добавить, что среди них он меньше всех был русский, скорее английский, сдержанный, спокойный человек. Вовсе не русский» [Czapski 1993b, s.16]. Подчеркнем: условием для быстрой симпатии оказалась «нерусскость» внешности и манер Философова. Знакомство переросло в тесную дружбу, и спустя долгие годы после смерти Философова Чапский вспоминал беседы с ним. «Сколько уже лет назад читал мне это Димка на Сенной в Варшаве! Вижу его в его крохотной комнате, на старом просиженном диване, под свисающей с потолка лампочкой (1923 год?), после целого дня тяжелого труда в редакции. И это стихотворение перед ним на столе. Оно дошло тогда к нему из России нелегальным путем. Еще вижу его подавляемое волнение, голубые, почти белые глаза, и слушаю эти стихи с четырехкратным повтором: “Твой брат, Петрополь, умирает”» [Czapski 1993a, s. 112].

¹⁰ Цит. по: http://www.russianresources.lt/archive/Mer/Mer_15.html.

Почти с первого дня пребывания в Польше Дмитрий Философов оказался в окружении польской творческой среды и интеллектуалов, и круг знакомств все время ширился. Несомненно, самой известной и важной фигурой в польской жизни Философова была Мария Домбровская¹¹. С этой знаменитой польской писательницей он познакомился благодаря Станиславу Стемповскому¹². В своих «Дневниках» писательница рассказывает: «В моих записях за 1926–1928 годы все чаще появляются упоминания людей из новой среды, в которую я вошла после смерти Мариана. Эти <...> люди сосредоточены вокруг Станислава Стемповского, большинство из которых стали моими очень хорошими, но, как бы сказать, промежуточными друзьями. История и характеристики этих людей принадлежат к дневникам С. Стемповского, но четыре из них, а именно, д-р Пшемислав Рудзки, Дмитрий Философов и Рыкуньцеве (Rykuńciowie)¹³ также стали моими самыми личными друзьями» [Dąbrowska 2009, t. 2, s. 122].

Эти слова не были преувеличением. В «Дневниках» писательницы имя Философова в той или иной связи возникает довольно часто. Иногда русский эмигрант становится центральной фигурой целой записи, затеянной, кажется, ради передачи беседы с ним, иногда его имя лишь упоминается. Порой Домбровская просто вспоминает встречи с ним. Первая запись такого рода сделана 3 апреля 1927 г. Среди различных событий дня всплывает и фамилия Философова: «Воскресенье. Ужин в Мумии с Паненькем. Ежи Стемповски и Философов. Потом у Кузьминского...» [Ibid., s. 33].

Такого рода записей очень много. С Философовым они встречались у Домбровской и у общих знакомых, обедали, ходили на выставки, звонили друг другу, писали письма. Именно он ввел в дом писательницы Чапских — Юзефа и Марию. «31.X.<1927> Понедельник. Дмитрий Fiłosofov приводит к нам молодых Чапских — брата и сестру. Станные люди. Графы, опьяненные своей новой ролью пролетарских революционеров — левые — богемные. Она очень милая. Чрезвычайно высокие» [Ibid., s. 47].

Даже из самых кратких замечаний видно, что Философов почти постоянно находился среди выдающихся представителей польской культуры и политики: «28.V.<1927> Суббота. Встреча днем у меня. Г-жа Налковска¹⁴, супруги Каден¹⁵, госпожа Собаньска, Загурска, Философов, Нэла, Паненько, Вацкове. Было столь

¹¹ Многие следы дружбы Домбровской и Философова находятся в их переписке. Здесь мы ограничимся только анализом «Дневников» М. Домбровской (см.: [Mitzner 2015]).

¹² Станислав Стемповский (Stempowski; 1870–1952), польский и украинский политик и общественный деятель.

¹³ Рыкуньцеве — писательница имеет в виду Генрика Юзефского и его жену. Генрик Юзефский (Józefski; 1892–1981), польский политический деятель, министр внутренних дел Польши (1929–1930), вице-министр внутренних дел в правительстве Украинской народной республики, волинский воевода (1928–1929 и 1930–1938), лодзинский воевода (1938–1939), соратник Симона Петлюры.

¹⁴ Софья Налковская (Nałkowska; 1884–1954), польская писательница, журналистка, публицист и драматург.

¹⁵ Здесь упоминается Юлиуш Каден-Бандровский (Kaden-Bandrowski; 1885–1944), польский писатель, публицист, общественный деятель, и его жена Романа.

приятно, что до позднего вечера не могли разойтись» [Ibid., s. 37]. Постепенно, и об этом свидетельствуют страницы дневника, Философов становится важным человеком в жизни Домбровской. Все чаще упоминаются увлекательные беседы с ним — о литературе, политике, философии, польско-русских отношениях. Он дает взгляд со стороны, позволяет по-другому посмотреть на события. «17.I.<1928> Вторник. <...> В 6 пришел Философов. Очень интересный разговор с ним. Он изучает трагедию поляков и историю польского безумия. Это ему нужно для эмиграционной деятельности. Чтобы поверить, что таким же безумием спасут Россию от большевизма. Но мне кажется, что это несопоставимые вещи» [Ibid., s. 58].

Порой разговоры обоих интеллектуалов и их друзей косвенно касаются эмигрантской судьбы Философова, который завидует полякам — у них-де есть свободная родина, присматривается, как они ее обустроят, иногда даже дает ценные советы, которые, однако, не всегда принимаются. «9.III.<1928> Пятница. <...> Был Философов и супруги Альберти. Философов, как всегда, величествен и прекрасен, как всегда, рассуждал в духе “польского государственника”. “У вас есть дом, — сказал он, — теперь начните жить в нем”. Литература должна заниматься домашними делами и повседневной жизнью, мыслями и чувствами обычного человека. Тогда вам понравится мой роман, — сказала я, — я стараюсь писать о таких вещах» [Ibid., s. 68].

Со временем отношения Домбровской и Философова меняют характер, приобретают глубоко личный оттенок: русский эмигрант становится поддержкой в сложных любовных переживаниях писательницы. Во время пребывания в местности Явоже¹⁶ (она часто проводила там лето) Домбровская познакомилась с местным врачом Ежи Чопом (Czop). Между ними возник роман, который длился несколько лет, и когда Мария порвала отношения с возлюбленным, то Философов был единственным посвященным в эту историю.

«9.III.<1933> Четверг. Вчера я получила от Ежи самое длинное письмо, которое он мне когда-либо написал, даже в лучшем из нашего времени. Четыре плотно записанные страницы коммерческого формата! Бедный Ежи. Только после моего с ним разрыва что-то в нем дрогнуло, я не знаю, что именно, не могу еще в этом разобраться. Жаль нашей близости разрушенной, или, возможно, удивление, потому что у меня сложилось впечатление, что я была первой женщиной, которая порвала с ним, не дожидаясь, пока он это сделает. А я? Никто не знает, не будет знать, как безнадежно я несчастлива, насколько близко к смерти самый безумный <nrзб.> на каком-то узком краю, упаду я, так ведь? Дмитрий Философов говорит, что я стою твердо “на ногах”. Ну, может быть, выстою» [Dąbrowska 2009, t. 2, s. 155].

И дальше:

«13.III.<1933> Понедельник. Я то двигаюсь, то падаю. Должно пройти время. Позавчера был Дмитрий Философов. Он принес мне три прекрасных белых каллы. Мы говорили о моей беде. Он сказал мне: “Если разрыв, так уж должен быть окончательный. Иначе это не достойно”. Он также сказал, что писатель, который

¹⁶ Явоже (Jaworze) — местность курортного типа в Тешинской Силезии, где часто бывала Мария Домбровская и где несколько раз отдыхал и лечился Д. Философов.

имеет право, чтобы в своих произведениях быть жестоким к людям, также должен быть в жизни жестоким к себе» [Dąbrowska 2009, t. 2, s. 155].

Русский друг оказался еще и внимательным читателем и критиком ее сочинений. «21.VIII.<1930> <...> Дмитрий Философов уже две недели в Явоже. <...> Я его за это время очень полюбила и лучше узнала. Он прочитал мне однажды перевод на русский язык рассказа “Ксендз Филипп”, а позже говорил со мной о моем творчестве. Он противопоставил его методу и содержанию творчества Налковской. <...> Он говорил так красиво и, как мне кажется, правдиво о том, в чем суть моих типов. Он сказал: “Эти люди живут так или иначе, заблуждаются, падают, но всегда в конечном счете находятся в гармонии с основными законами нравственности”. Говорил, что пани Зофия шьет декоративно свои вещи из дорогого натурального шелка, а я свои вырубая в польском граните. Если б только один из тех, что мне говорят такие вещи, написали это» [Ibid., s. 122].

Напомним кстати, что Домбровская увековечила «Димитрия», или «Дмитро», в своей повести «Приключения мыслящего человека» («Przygody człowieka myślącego», 1970) в образе умного, дружелюбного русского.

Философов включался в литературные споры, ведущиеся в межвоенной Варшаве, помещал в польской периодике свои статьи и очерки, посвященные проблемам польской литературы и искусства, польско-русским связям. Этому способствовали тесные связи с польской интеллигенцией и довольно хорошее знание польского языка. Он одним из первых откликнулся на роман С. Жеромского¹⁷ «Канун весны» (1924).

Но если на участие Философова в современном польском литературном процессе его друзья взирали благосклонно, то далеко не все оказались в восторге, когда русский эмигрант начал публиковать статьи о жизни и творчестве А. Мицкевича, заинтересовавшись временем пребывания польского поэта в России. Этому вопросу он посвящает ряд статей, напечатанных в газете «Молва» за 1932 г. Одна из публикаций «Мицкевич в Одессе и в Крыму» была написана как отклик на монографию профессора Ю. Клейнера о Мицкевиче¹⁸ и стала поводом для бурных рассуждений и споров в польской прессе, что также отражено в «Дневниках» Домбровской.

«18.III.<1934> Воскресенье. <...> Кридл грубо обидел Философова за статью о Мицкевиче в России Клейнера. Я ответила ему, — я приобрела врага в одном из тех, кто пишет “историю литературы”. Ничего. Обидел Философова ради столь жалкого тупого учителя, скучно, без капли таланта, без намека на творческую мысль и без культуры <нрзб.> как Клейнер! Ижиковский¹⁹ из-за солидарности ученых вступился за Клейнера, нападая на Слонимского²⁰ за его насмешки над

¹⁷ Стефан Жеромский (Żeromski; 1864–1925), польский писатель, драматург, публицист.

¹⁸ Клейнер Ю. «Mickiewicz. Dzieje Gustawa» (1933).

¹⁹ Кароль Иржиковский (Irzykowski; 1873–1944), польский литературный критик, кинокритик, поэт, беллетрист, драматург, теоретик кинематографа, переводчик, шахматист. Член Польской академии литературы.

²⁰ Антоний (Антони) Слонимский (Ślonimski; 1895–1976), польский поэт, драматург, литературный критик.

комментариями Клейнера к Мицкевичу» [Dąbrowska 2009, t. 2, s. 182]. Этот эпизод оставил столь тяжелый осадок в душе писательницы, что обида не прошла и спустя десятилетия. Когда в 1960 г. праздновался юбилей Кржижановского²¹, она писала не без раздражения и досады:

«27.II.<1960> Суббота. Сегодня празднуется юбилей Юлиана Кржижановского <...>. С удовольствием я бы не пошла вообще на юбилей Кржижановского, который меня 30 лет раздражает. Первое раздражение — когда он выступил против Димитрия Философова, который первым в Польше — против Клейнера — объявил на основе российских источников, что <нрзб.> Витгенштейн²² и госпожа Собаньска-Жевуска²³ — шпионы, поставленные, чтобы следить за Мицкевичем (также во время крымской поездки). Кржижановский затем объявил — в защиту “национального идола” Клейнера — статью в таком духе, что москали не должны вмешиваться в польские дела, и в таком тоне, как будто Философов хотел обидеть Мицкевича. Я ответила тогда довольно резко Кржижановскому» [Ibid., s. 39].

В дневниковых записях Домбровской встречаются замечания, по которым можно судить, что Философову было трудно в Польше. Будучи человеком, ведшим активную жизнь, много путешествовавшим, он был вынужден безвыездно находиться в Варшаве. Это не самым лучшим образом сказалось на его состоянии.

«28.VII.<1928> Суббота. <...> За неделю до нашего отъезда прибыл в Явож Философов. Это случилось из-за меня, так как я добавила к письму Панка, не думая, несколько строк: “Приезжайте к нам на несколько дней отдохнуть”. Это совпало с периодом, когда он был à bout des forces²⁴, чувствовал, что он должен уехать, но не знал куда, и он схватил эту мысль. Четыре года он не уезжал вообще, а восемь — почти вообще — из Варшавы. Приехал в Явоже в таком нервном состоянии, что несколько дней был как будто без сознания и лежал неподвижно. Но постепенно он как-то привык ко всему, мы его познакомили со здешним миром, мне кажется, что пребывание в Явоже будет для него спасением» [Ibid., s. 83].

Но не это было самым ужасным. В тридцатые годы возникли клеветнические измышления, будто Д. Философов получает деньги от польского правительства.

«18-XII<-1934> Вторник. <...> Грустное и даже отвратительное дело клеветы против г-на Дмитрия Роговом Рачинским, заместителем министра сельского хозяйства, который за завтраком у себя дома в разговоре с Марысей Ч<апской> выразился по поводу Фика, что это “хорошая дрань”, которая находится на жалованье нескольких правительств, в том числе и нашего» [Ibid., s. 223].

²¹ Юлиан Кржижановски (Krzyżanowski; 1892–1976), польский полонист, историк литературы, фольклорист, профессор.

²² Лев Петрович Витгенштейн (Ludwig Adolf Friedrich zu Sayn-Wittgenstein-Sayn; 1799–1866), один из богатейших помещиков Российской империи, ротмистр лейб-гвардии Кавалергардского полка, член Союза благоденствия и Южного общества.

²³ Каролина Розалия Текла Ржевуская (Rzewuska), в замужестве Собаньская или Собанская (Sobańska; 1795–1885), авантюристка и тайный агент царского правительства, в которую были влюблены и которой посвящали свои стихи Александр Пушкин и Адам Мицкевич. Хозяйка одесского салона прославилась в начале 1820-х гг. своей жгучей, демонической красотой.

²⁴ В полном упадке, на исходе сил (франц.).

Писательница категорически отвергала эти обвинения, объясняя, что когда-то Философов действительно получал деньги от польского государства на создание газеты, но это были копейки, которых не хватало даже на самую скудную жизнь. Она называла Философова европейцем, либералом, писателем, человеком независимым, тесно связанным с Польшей, а потому и ставшим объектом нападения со стороны противников. Вдохновителями этих наветов Домбровская называет «русскую сволочь» и «черную сотню» русской эмиграции. Причиной перемены отношения к писателю в Польше, по ее мнению, была также перемена политического курса республики и сближение с Советским Союзом. Она представляет Философова как человека благородного и честного, почти нищего, и сравнивает с Лелевелем²⁵ в изгнании: «...я сама Димитрию “одолжаю” иногда 10–20 злотых — когда у него нет обеда. Но “calomniez — calomniez — il en restera toujours quelque chose”²⁶» [Dąbrowska 2009, t. 2, s. 223].

Домбровская не ограничивается только словами — по ее инициативе Стемповский отправляется к Рачинскому, чтобы решить дело. «19–20-XII<-1934> Среда. Четверг. Вчера утром Стах договорился с Рачинским и в 4 пошел к нему, чтобы защитить честь г-на Димитрия. Он вернулся счастливым. Рачинский был якобы лучше, чем мы могли себе представить. Он выслушал весь рассказ Стаха, кто такой Философов, отменил все сказанное и обещал, что нигде не будет распространять клевету (которой даже не мог вспомнить, от кого он слышал) и что объяснится с Марысей Чапской. Интересно, был ли он искренним...» [Ibid., s. 224].

Несколько раз в дневниковых записях Домбровской появляются сведения о «Домике в Коломне» — литературном кружке, основателем которого являлся Философов. В этих литературных собраниях, проводимых на квартире Д. Философова в Варшаве в 1934–1936 гг., активное участие принимали такие видные представители польской творческой интеллигенции, как Тадеуш Бреза²⁷, Мария и Юзеф Чапские, Юзеф Чехович²⁸, Болеслав Мичиньский²⁹, Юлиан Тувим³⁰, Станислави Ежи Стемповские. «1-XII<-1934> Суббота. Около 12 Дмитрий Фил<ософов> у меня по поводу обещанного визита заместителя министра Рачинского на Домик в Коломне. Разговор с ним. <...> Вечером на Домике в Коломне. Юрек Ст<емповски> с докладом: Раскольников и Наполеон. Обсуждение. Обаяние господина Дмитра. Там царит приятное настроение. Возвращаемся в 12» [Ibid., s. 220].

Интеллектуальная среда «Домика», выступление там и русских, и польских докладчиков, специально приглашенные гости — все это способствовало тому, что кружок оказался чрезвычайно важным местом на культурной карте Варшавы

²⁵ Иоахим Лелевель (Lelewel; 1786–1861), польский историк, политический и общественный деятель. В 1831 г. после поражения польского восстания бежал во Францию, до середины 1940-х гг. вел в Париже, находясь в стесненных материальных условиях, активную пропагандистскую деятельность.

²⁶ «Клеветайте — клеветайте — что-нибудь да останется» (*франц.*). Фраза из знаменитого монолога о клевете дона Базилио из комедии Бомарше «Севильский цирюльник» (1775). Мысль восходит к античным временам, к Плутарху, за столетие до Бомарше ее приводит по-латыни английский мыслитель Ф. Бэкон.

²⁷ Тадеуш Бреза (Breza; 1905–1970), польский писатель.

²⁸ Юзеф Чехович (Czechowicz; 1903–1939), польский поэт.

²⁹ Болеслав Мичиньский (Miciński; 1911–1943), польский писатель, эссеист.

³⁰ Юлиан Тувим (Tuwim; 1894–1953), один из величайших польских поэтов, прозаик.

и даже Польши. «15-ХІІ<-1934> Вечером на Домике в Коломне. Несмотря на довольно неясный (хотя и не без точных и интересных мыслей) доклад Блута, это единственное место в Варшаве, где есть еще хороший вкус. Прежде всего благодаря господину Димитрию» [Ibid., s. 222].

Тем не менее постепенно восторг сменяется раздражением: «16-ІІІ<-1935> Суббота <...> Вечером на Домике. Доклад Философова. Г. Дмитрий стал крайне злобным» [Ibid.]. Хотя контакты остаются по-прежнему дружескими, но Домбровская позволяет себе в «Дневнике» большую искренность и записывает слова, которые вряд ли произнесла бы вслух. Она с грустью констатирует, что различия между русскими и поляками слишком велики и в принципе непреодолимы. «21.VІІІ.<1935> Среда. <...> Мы находим гигантское, на несколько страниц, письмо Философова — полемику против моей статьи в “Мархолте”³¹ (“Литературная профессия как социальный долг”). Философов все больше пускает “дикие краски” его невысказанной и ни с чем не считавшейся злобы. Мои размышления на тему его, в конце концов, типичной русской природы. Русский, однако, не может быть джентльменом, и к тому же — целое море различий между нами. Для него Россия была шестым континентом и великая империя является догмой, для меня — несчастьем мира. Мы никогда не сможем общаться и все чаще мы будем расходиться. <...> Вечером пишу ответ Философову, хотя Ст<анислав> не советует вообще отвечать» [Dąbrowska 2009, t. 3, s. 34].

Национальные вопросы слишком важны для обеих сторон — Домбровская упрекает Философова в русском имперском мышлении, он придирается к малейшим проявлениям польского национализма. «18.I.<1936> Суббота. Варшава. <...> Вечером я иду на Домик в Коломне на доклад Хиряковой о советском писателе. <...> В самом начале выступал Философов, который мучает меня ужасно манией преследования по поводу отношения Польши к России. Находит какие-то незначительные публицистические статьи и издевается над ними. Но даже если это так, как он считает, то отношению к России учила Польшу кровавая и жестокая история — учил Суворов, Апухтин, Муравев, Паскевич, Хурко, Сибирь и виселицы. Этот урок не так легко стереть» [Ibid., s. 168].

С 1935 г. в «Дневниках» появляются сведения о болезни Философова: он нездоров, поправляется, у него температура, бронхит, созываются консилиумы. Все эти события писательница тщательно отражает в дневнике, очевидно, что состояние друга занимает ее мысли.

«1.ІІІ.<1936> Воскресенье. <...> Новости о болезни Философова. Пневмония. Я звоню на Сенную.

2.ІІІ.<1936> Понедельник. Утренний телефон Марыни Чапской. Затем телефон от Йозефа. Посылаю господину Дмитрию цветы, апельсины и письмо. Вечером звонки на Сенную. Температура упала» [Ibid., s. 174].

Наконец 21 апреля 1936 г. известие, что Философов уехал, как всем казалось, на несколько дней в Отвоцк, из которого ему вернуться было не суждено. Дом-

³¹ «Мархолт» («Marchołt») — польский литературно-философский журнал, выходивший в Варшаве один раз в квартал с 1934 по 1938 г.

бровская несколько раз навещает Философова в санатории доктора Добровольской. После одной из таких поездок она записывает: «26.III.<1939> Воскресенье. <...> Около 4 утра мы выехали с Понятовскими в Отвоцк, где теперь в Викторувке (там, где и Дмитрий) находится брат Зоси, Станислав Похорский (друг моего брата Стася со времен русской кавалерии в Елисаветграде, во время войны). Мы видели господина Дмитрия, который так сильно осунулся, что мне жаль было на него смотреть» [Dąbrowska 2009, t. 4, s. 223].

Но даже тяжело больному писателю не изменяет верное историко-политическое чутье. Он знал, что время беспокойное, предчувствовал, что скоро случится беда. До вторжения гитлеровских войск в Польшу и начала Второй мировой войны остаются считанные дни — это очевидно русскому, но не полякам: «26.VIII.<1939> В ответ на мое письмо, написанное из Цехоцинка, г-н Дмитрий написал мне трагическое письмо, с горькими упреками, что я ему описываю некоторые семейные воспоминания и озеро Гопло, когда Польша стоит перед страшной катастрофой. Но я не знаю, перед чем стоит Польша и мир» [Ibid., s. 150].

Год спустя, 27 июля 1940 г., из Отвоцка пришло сообщение, что Философов при смерти. О его кончине Домбровская узнала уже после похорон.

«11.VIII.<19>40. Воскресенье. <...> Приехала Марыня Ч<апская>. Она рассказывает о смерти несчастного г-на Димитра. — Поистине трагическая судьба этого человека. Боже мой — человек отупевший, что даже силы нет плакать. Только отрывки воспоминаний приходят пластически: Явоже — как мы там в 1928 г. г-на Дмитрия заманили, как ему там понравилось — нет уже ни Явожа, ни Ежи Ч<опа>, ни Димитра. Почти нет нас» [Ibid., s. 162].

Но упоминания о Философове не заканчиваются после его физического ухода из жизни. Словно тень, сопровождает он свою польскую подругу, и десятилетия спустя Домбровская вспоминает о нем, например, когда кто-то в 1948 г. на конгрессе интеллигенции высказывает мнения, схожие с мнениями Философова, или кто-то вдруг напомнит ей его силуэт, или после посещения театра в 1952 г. она записывает, что Философов некогда говорил, что Хлестакова может достойно сыграть только Остерва³².

Отдельные замечания о Философове можно найти и у других видных деятелей польской культуры: Ярослава Ивашкевича, Ежи Стемповского, а также у Мирона Бялошевского, который вспоминал, что Философов, как и он сам, лечился в Отвоцке у доктора Добровольской и что навещала его там Мария Чапская [Białoszewski 2012, s. 330].

Вспоминает о нем также Ежи Гедройц, описывая встречи в «Домике в Коломне» и упоминая публицистическую деятельность Философова: «В кругах русской эмиграции личные контакты были у меня в основном с Философовым, который издавал “За свободу”. Это был очень интересный человек, с широкими литературными и культурными интересами. <...> Всей этой среде я был очень близок» [Giedroyc 1994, s. 14–15].

³² Юлиуш Остерва (Osterwa; 1885–1947), польский актер, театральный режиссер и педагог, театральный деятель; реформатор польского театра, один из выдающихся мастеров польской сцены, славился поэтической дикцией и «абсолютным режиссерским слухом».

Однако несмотря на все эти связи, с грустью приходится констатировать, что из тех, с кем Д. Философов до конца жизни поддерживал поистине товарищеские отношения, были лишь Станислав Стемповский и Ежи Чапский [Obłąkowska-Galanciak 2001, s. 163]. В свои последние польские годы он оставался человеком одиноким, для всех чужим. Разочаровавшись в русской эмиграции, Философов искал друзей среди польской творческой интеллигенции, но и там не стал своим. В каком-то смысле он уже перестал быть русским; «wcale nie rosjanin» — «вовсе не русский», как назвал его Юзеф Чапский в одном из интервью [Czapski 1993b, s. 16]. Но он также не стал и поляком.

Литература

- Виленский курьер 1920, № 211 — Д. Мережковский в Минске // Виленский курьер. 1920. 21 января. № 211 // http://www.russianresources.lt/archive/Mer/Mer_11.html.
- Виленский курьер 1920, № 240 — Приезд в Вильну русских писателей // Виленский курьер. 1920. 24 февраля. № 240 // http://www.russianresources.lt/archive/Mer/Mer_15.html.
- Bartelski 2000 — *Bartelski L.M.* Polscy pisarze współcześni, 1939–1991: Leksykon. Gdańsk: Tower Press., 2000.
- Białoszewski 2012 — *Białoszewski M.* Tajny dziennik. Kraków, 2012.
- Czapska 2014 — *Czapska M.* Europa w rodzinie. Czas odmieniony. Warszawa, 2014.
- Czapski 1993a — *Czapski J.* Wyrwane strony. <Lausanne> Les Editions Noir Sur Blanc, 1993.
- Czapski 1993b — *Czapski J.* Mereżkowscy i Filosofow w Polsce // Plus. 1993. № 1. S. 9–17.
- Dąbrowska 2009 — *Dąbrowska M.* Dzienniki. 1914–1965: w 13 t. / red. T. Drewnowski. Warszawa, 2009.
- Giedroyc 1994 — *Giedroyc J.* Autobiografia na cztery ręce / opr. K. Pomian. Warszawa, 1994.
- Kodzis 2003 — *Kodzis B.* Życie społeczne i kulturalne rosyjskiej diaspory w Polsce (1918–1939) // Przegląd Humanistyczny. 2003. № 3. S. 65–77.
- Mitzner 2015 — *Mitzner P.* Warszawski krąg Dymitra Fiłosofowa. Warszawa, 2015.
- Obłąkowska-Galanciak 2001 — *Obłąkowska-Galanciak I.* Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Fiłosofowa na emigracji. Olsztyn, 2001.

Р. Мних

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ ДМИТРИЯ ЧИЖЕВСКОГО

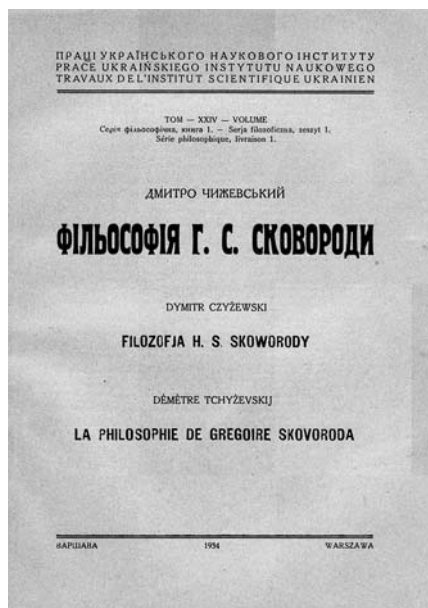
Вопрос о присутствии Польши и поляков в жизни и творчестве видного философа и слависта Дмитрия Чижевского (1894–1977) имеет несколько аспектов, среди которых назовем прежде всего три:

1) Аспект биографический: через Польшу Д. Чижевский бежал от большевиков на Запад; среди его знакомых и друзей было много поляков, с некоторыми из них Д. Чижевского связывали очень близкие отношения — не только научные, но и личные, как, например, с известным историком польской литературы, автором классических работ о творчестве Адама Мицкевича Виктором Вайнтраубом (Wiktor Weintraub; 1908–1988).

2) Аспект, отражающий научное отношение Д. Чижевского к Польше, польской культуре и польской литературе: здесь прежде всего надо упомянуть многочисленные работы Д. Чижевского, посвященные польской культуре и литературе эпохи барокко, цикл статей об Адаме Мицкевиче, публикации, которые говорят об интересе ученого к польской философии и польской эстетике.

3) Аспект, отражающий отношение самих поляков к Д. Чижевскому: появление первых упоминаний о работах Д. Чижевского в Польше, высказывания видных польских писателей и философов об ученом и его работах, наконец, сегодняшняя оценка творческого наследия Д. Чижевского в Польше.

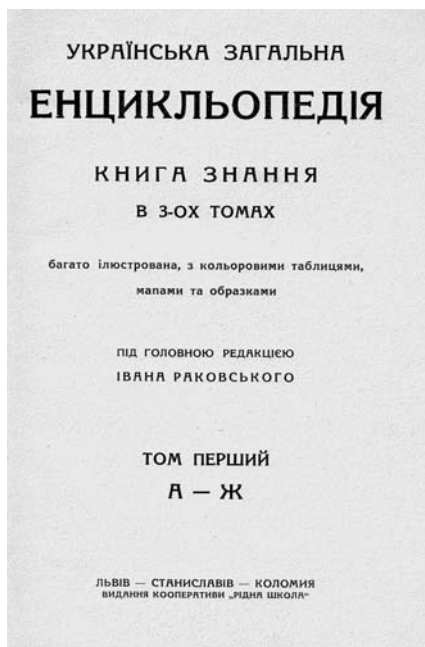
В отличие от других эмигрантов, живших и творивших в Польше после октября 1917 г. (Д. Мережковский, Зинаида Гиппиус, Д. Философов, С. Гессен), Д. Чижевский никогда не проживал на территории Польши, и его связи с культурой, историей и литературой этой страны имеют другой характер. Так, именно с Польшей связана история издания одной из основных книг Д. Чижевского — его монографии о Григории Сковороде, которая была издана в Варшаве в 1934 г.

(см.: [Чижевський 1934]). Через Варшаву и Львов до 1939 г. (то есть до времени, когда Львов находился в пределах Польского государства) Д. Чижевский осуществлял свои контакты с украинскими научными институтами и видными представителями украинской науки того времени — Василием Симовичем (1880–1944), Владимиром Дорошенко (1879–1963), Иваном Огиенко (митрополит Илларион, 1882–1972). Тесное сотрудничество Д. Чижевского с украинскими учеными во Львове отразилось, например, и в том факте, что именно Д. Чижевский вместе с Иваном Мирчуком (1891–1961) был ответственным за отдел философии в энциклопедическом издании «Українська загальна енциклопедія. Книга знання в трьох томах» (Львів; Станіславів; Коломия, 1930–1933). Эта информация содержится на вкладыше к первому тому энциклопедии, где перечисляются все сотрудники издания.

Энциклопедия издавалась на территории Польши, и Д. Чижевский написал для этого издания целый ряд статей, касающихся украинской и европейской философии. Самые важные из них: Абсолют, Августин, Баадер, Вечность, Гносеология, Дарвин, Дильтей, Добро, Зиммель Георг, Кузанский Николай, Лейбниц, Масарик Томаш, Мессиянизм, Наторп Пауль, Неоплатонизм, Пиетизм, Плотин, Философия, Франк Семен, Анаксимандр, Киркегор, Шелер Макс (см. об этом в переписке Д. Чижевского и В. Симовича [Пшеничний, Янцен 2003])¹.

Весьма интересно и то, что Дмитрий Чижевский в послевоенной Польше (после 1945 г.), в отличие от Советского Союза, не фигурировал как представитель «ненаучных буржуазных концепций» и его имя не было под запретом. На работы Д. Чижевского ссылались в академических изданиях, посвященных истории польской литературы (достаточно вспомнить такое солидное издание, как «Bibliografia literatury polskiej. Nowy Korbut», см.: [Nowy Korbut 1964, s. 542]); его имя фигурировало и в справочниках по истории европейской философии. Так, в Польше уже в 1966 г., то есть еще при жизни ученого, появилась информация о Д. Чижевском в виде отдельной персональной статьи в первом томе «Словаря философов», автором которой был Анджей Валицкий [Walicki 1966, s. 154]. Этот факт особенно примечателен тем, что в советской России имя Дмитрия Чижевского вообще отсутствовало в известной пятитомной «Философской энциклопедии», и это при том, что ученый был автором фундаментальной моно-

¹ Перечень этих публикаций Д. Чижевского не вошел ни в одну библиографию ученого. Предварительные материалы, касающиеся статей Д. Чижевского в трех томах «Української загальної енциклопедії», были в свое время собраны Вернером Кортхаазе, но и они нуждаются в окончательной проверке.

СПІВРОБІТНИКИ I-го ТОМУ:

Археологія: др. Ярослав Пастернак
Астрономія: доп. др. Хведір Гула
Біологічні науки: др. Іван Раковський
Віковинські культу. справи: проф. др. Василь Сімович
Ветеринарія: др. Марія Стахурський
Військові справи: полк. ген. Булава
Володимир Колосовський
Географія: доп. др. Мирон Дольницький
доп. др. Володимир Кубійович
доп. Юрій Полянський
Геологія: др. Юрій Полянський
Економія: доп. Іван Кабачків
доп. Карло Коберський
Етнологія: проф. др. Зенон Кузеля
Закарпаття: др. Іван Панкелч
Історія освітня: др. Іван Крип'якевич
Історія культури: проф. Юрій Рудницький
Історія України: др. Іван Крип'якевич
доп. Симон Наріжний
доп. др. Панас Феденко
Історія укр. визвольних змагань:
сот. Осип Думін
сот. Корній Купченко
ред. Лев Лепкий
ред. Дмитро Палів
доп. др. Панас Феденко
Історія укр. кат. церкви:
о. др. Гавриіл Костельник
о. др. Ярослав Левницький
Історія укр. правосл. церкви:
проф. Василь Віднов
Класична старовина:
проф. Осип Роздольський
Кооперація: др. Карло Коберський
Література освітня та укр.:
проф. Леонід Віленький
дир. Володимир Дорошенко
проф. Богдан Лепкий
др. Михайло Рудницький
Математика: проф. др. Мик. Чайковський
Медицина: др. Ярослав Грушкевич
др. Юліан Кордюк
др. Марія Панчишин
Мистецтво: ред. Микола Голубець
др. Володимир Січинський

Мінералогія: доп. др. Олександр Орлов
Мовознавство загальне:
проф. др. Агенор Артимович
Мовознавство слов. й укр.:
проф. др. Василь Сімович
Музика загальна: др. Станіслав Людкевич
новітня: Антін Рудницький
укр. і слов.: проф. Хведір Стешко
Педагогія: др. Іван Раковський
Право загальне:
акад. Станіслав Дністрянський
укр. і церк.: др. Микола Чубатий
Психологія: др. Іван Раковський
Релігія: о. др. Гавриіл Костельник
о. др. Ярослав Левницький
Руханка та змаг: інж. Петро Франко
Сільське господарство:
інж. Михайло Боровський
інж. Антін Гнатівський
інж. Гаврило Гордієнко
інж. Михайло Творидло
інж. Євген Храпливий
Суспільні науки:
др. Володимир Старосольський
Сходознавство: др. Лев Лукасевич
Театр заг. і укр.: проф. Дмитро Антонович
Технічні науки: доп. Євген Голіциньський
проф. Леонід Грабіна
доп. Микола Зайців
доп. Василь Іванис
ректор Борис Іваніцький
доп. Василь Кучеренко
доп. Борис Лісянський
доп. Олександр Михай-
ловський
доп. Степан Риздик
проф. Євген Соколов
інж. Яросл. Соєницький
проф. Леонід Фролов
Українітка на чужині: Ілько Ворщак
Укр. преса: проф. Іван Шендрик
Укр. приватне шкільництво:
дир. Іван Герасимович
Фізика й земія: др. Роман Цегельський
Філософія: проф. др. Іван Мірчук
проф. Дмитро Чижевський
Чужі слова: др. Михайло Рудницький

Ілюстраційна й картографічна частина: др. Ігор Федів.

РЕДАКЦІЙНА КОЛЄГІЯ:

Іван Раковський
 гол. редактор

Волод. Дорошенко

Мих. Рудницький

Василь Сімович

Страница
 из энциклопедии

графии «Гегель в России», нескольких исследований по истории украинской философии и многих статей о русской философии.

Наверное, стоит сказать также несколько слов и о биографических и творческих связях Дмитрия Чижевского с Польшей². Польша и так называемый польский дискурс по многим причинам занимают особое место в жизни и творчестве Дмитрия Чижевского, и архивы ученого содержат крупнейший материал, касающийся его связей с польской культурой и литературой, а также богатую переписку Д. Чижевского с такими польскими филологами и философами, как Юлиан Кшижановский (Julian Krzyżanowski; 1892–1976), Конрад Гурский (Konrad Górski; 1895–1990), Богумил Ясиновский (Bogumił Jasinowski; 1883–1969), Роман Ингарден (Roman Ingarden; 1893–1970), Виктор Вайнтрауб, Вацлав Кубацкий (Wacław Kubacki; 1907–1992), Януш Пельц (Janusz Pelc; 1930–2005), Манфред Кридль (Manfred Kridl; 1882–1957), Кази-

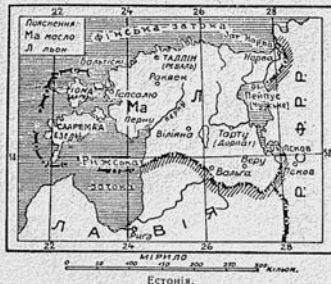
² Некоторые аспекты этой проблемы рассмотрены мною в статье «Дмитрий Чижевский и Польша», см.: [Mnich 2012].

як повстала е. я. як окрема наука. Основницьку роллю для новітньої е. відіграв Кант.
Естир, жидівка, жішка перс. царя Агасвера (Ксеркса І). Урятувала земляків від загибелі, яку готував жидам царський міністер Гаман. В св. Письмі Ст. Завіту книга „Естир“, де ті події описані.

Естляндія, гл. Естонія.

Естон (Aston) Френсіс Вільям, сучасний англ. хемік, *1877; працює над ізотопами, 1922 одержав нагороду Нобеля.

Естонія (Eesti Vabariik), балтійська республіка, складається з вл. Естонії на півночі й Лівонії на півдні, облята з півночі Фінським заливом, із заходу Балтійським морем, зі сходу адомш озеро Чудського (Пейпус) межує з СРСР, з півдня з Латвією, має разом з островами Сарема й Гіума 45.220 км.² і 1.120.000 меш. (91% естонців). Країна наскрізь низинна (найвище 324 м.), вкрита осадими суходолом та багата в озеро, підсоння зм'ягшене впливом Балтійського моря й багате в опаді. Рілля й ліс займають усього по 1/4 поверхні, зате

пасовиська вдвоє стільки. Велика частина ріллі під упрявою льону, що його продукуює Е. 11 мл. кг. Населення займається хліборобством, випасом худоби та риболовством, частки ткацьким, папірним і деревним промислом. Е. була піддата 1219 данцями, 1345 німцями, 1561 шведами, 1721 Росією. Німці (нім. барони) надали життя Е. (віра, культура) багато свого, але встатки естонців (зах.-фінського племені) не змінили. Від 1918 є Е. незалежною державою, під впливом В. Британії. Гол. місто Таллін (Реваль).

Естонська література, повстала щойно в XVI в. і до кін. XVII мала виключно реал. характер: переклади молитов, недільні свангелія, проповіді, ще дуже невиробленою мовою. Протягом XVII і XVIII в. появляються переклади цілої Біблії. Перші, ще слабенкі спроби світської літератури (поезії й повісті) припадають на XVIII в. В поч. XIX в. виходять перші ест. часописи, у З. Е. І.

в яких поволі виробляється світська література, що має покіщо протонародний характер. Духовним провідником того часу є **Отто Мазінг** (1763-1836), письм. небуденного хисту. Вел. вплив на вироблення е. л. мали пам'ятки багатої нар. творчості, що їх від 60 рр. XIX в. почали збирати ест. етнографи (епос „Калеві-поег“, що його видав 1861 Фрідріх Крайцвальд; систематичні збірники нар. казок, пісень, приповідей, тощо, публікують від 90 рр. Якоб Гурт та М. Айзен). Зразом щораз більше розвивається е. л., поширюючи постійно свої рими. Від 80-тих рр. XIX в. бачимо вже літ. напрям й боротьбу поглядів. Появляються зразкові переклади чужих клас. творів. До визн. письм. XIX в. належать: Ян Бергман, Карл Сеет і Анна Гаава — в поезії, І. Янзен, Л. Койдуля, Е. Брунберг-Боргере, А. Саль та І. Перн — у прозі. З поч. XX в. народжується літ. група „Молода Естонія“, якої члечем є „завести в Естонію Європу“. На її чолі стоїть талановитий поет Устас Суйтс. Крім нього треба згадати отсех молодих модених поетів: Віркан Вільяма Грінталь-Рідала, Юана Ліва (філ. поеми), Марію Ундер; із прозаїків — Едварда Вільде, Антона Ганзена-Тамсаре, Яна Окса, Фрідеберта Тугляса та ін. З критиків визначається поет І. Семпер.

Естонська мова, по-естонськи еесті, в Естонії і в суміжних із нею країнах РСФСР б. Ленінград, Пскова, Вітебська; належить до угро-фінських мов, споріднена з фінською, має дві гол. говірки: таллінську (ревальську) й тартуську (дорпатську).

Естонці, народ угро-фінського походження, числить 1 1/2 мільона душ, має багату народню поезію.

Естонсихологія, (гр.) течія в літ. критиці, що намагається при помочі соціології, естетики та психології, досліджувати літ. твори; її основник Геннекен.

Естрагон, естрагон, гл. Острогін.

Естрада, (фр.) поміст у концертних салях для артистів, підвищення, щоб артиста було видно, а іноді-ж має призначення, щоб як резонатор змцнювати звуки.

Естрайхер Кароль, найбільший поль. бібліограф (1827-1908) (Bibliografia polska, бібліограф (1827-1908) (Bibliografia polska, бібліограф і фільолог (таємні мови, пр. говірлозичців, тюремний жаргон); для історії укр. театру мають вагу його праці: „Teatr w Polsce“ та „Teatr w Stanisławowie“.

Естреллі (Serra da Estrella, себто „Зоряні гори“), найвищі та багаті на руди гори Португалії, до 1991 м.

Естремадура, 1) зах. провінція Португалії, 18.000 км.², 1.550.000 меш.; гол. місто Лібояна; 2) півд.-зах. частина Іспанії, населення — естремениоси (мішанці еспанців із мазарабами, підбитими арабами нестготами).

Естуар(ій), (фр.) лійкувато в напрямі до моря поширене річчє річки при її

Страница
из энциклопедии

меж Вежинський (Kazimierz Wierzyński; 1894–1969), Анджей де Винценз (Andrzej de Vincenz; 1922–2014). Письма этих известных поляков хранятся в архиве Дмитрия Чижевского при Библиотеке университета в Гейдельберге³. Эта корреспонденция весьма разная по содержанию, стилистике и самому языку общения. Некоторые письма имеют сугубо научный характер (таковы письма Романа Ингардена), а в некоторых, наоборот, преобладают личностные мотивы, воспоминания и рассуждения об общих знакомых, информация о самочувствии и творческих планах (например, письма Юзефа Виттлина (Józef Wittlin; 1896–1976) — видного польского поэта,

³ К сожалению, в ходе работы с документами в этом архиве оказалось, что не всегда подписи и материал соответствуют указателю, составленному в свое время Винцентом Зивекиндом (Vincent Sievekind).

писателя и переводчика). Отдельно отметим, что в настоящее время к публикации готовится большая переписка Д. Чижевского с Виктором Вайнтраубом (материал очень интересный, освещающий историю славистики в Гарварде, историю иногда очень непростых отношений между американскими славистами и сложную личность Романа Якобсона в этом процессе)⁴.

Связи Д. Чижевского с упомянутыми выше деятелями польской культуры были весьма разнообразны: от сугубо научных до весьма близких и дружественных. Так, история отношений с Романом Ингарденом — это история двух выдающихся учеников Эдмунда Гуссерля, которых интересовали одни и те же философские проблемы и у которых оставались после 1945 г. общие знакомые (например, Ханс-Георг Гадамер, чье имя постоянно фигурирует в переписке Д. Чижевского и Р. Ингардена). Тематика переписки с Вацлавом Кубацким (Wacław Kubacki; 1907–1992) касается понимания поэзии Адама Мицкевича, а письма к Манфреду Кридлю и Конраду Гурскому — это материал для теоретиков литературы и историков польского литературоведения.

Говоря о польской теме в творчестве Д. Чижевского, нельзя не упомянуть о публикациях ученого, посвященных польской литературе (польское барокко и польский модернизм, цикл статей об Адаме Мицкевиче), его текстах о влиянии польской литературы на русскую, украинскую и белорусскую, а также на темы посредничества польской литературы в контексте западных влияний на русскую и украинскую литературы (см. подробнее ниже).

Анализируя русско-польский диалог в творчестве Дмитрия Чижевского, к уже сказанному можно добавить также участие польских ученых в юбилейных сборниках Д. Чижевского. В первом сборнике 1954 г., который готовился под руководством Макса Фасмера, напечатана статья Манфреда Кридля о художественной структуре лирических стихотворений Юлиуша Словацкого [Kridl 1954]. А в сборнике 1966 г., посвященном 60-летию Д. Чижевского, опубликованы тексты таких видных польских филологов, как Конрад Гурский [Górski 1966], Юлиан Кшижановский [Krzyżanowski 1966], Вацлав Кубацкий [Kubacki 1966], Станислав Пигонь [Pigoń 1966], Виктор Вайнтрауб [Weintraub 1966], Анджей и Станислав де Винче-зы [Vincenz A. 1966; Vincenz S. 1966]; среди авторов поздравительных писем был и Чеслав Милош — один из известнейших польских поэтов XX в., лауреат Нобелевской премии (см.: [Orbis scriptus 1966, s. 15]). В этом же контексте интересный материал для исследователей представляют история рецепции наследия Д. Чижевского в Польше, публикации ученого, посвященные творчеству видного польского философа Августа Цешковского (August Cieszkowski; 1814–1894), а также переписка Д. Чижевского с Сергеем Гессеном — русским философом и известным польским педагогом (письма Д. Чижевского к С. Гессену хранятся в Варшаве⁵).

⁴ Специально проектом «Дмитрий Чижевский и Виктор Вайнтрауб» занималась Оксана Блашків, сотрудник Института нефилологии и междисциплинарных исследований Университета в г. Седльце.

⁵ Материалы этой переписки пока не изданы. Недавно в Праге были опубликованы воспоминания сына Сергея Гессена, Дмитрия Сергеевича Гессена (1916–2001), см. [Воспоминания 2011, с. 425–446]. Текст мемуаров содержит материал об эмиграции и круге знакомых Сергея Гессена, однако имени Д. Чижевского автор не упоминает. Отметим, что Дмитрий Гессен был известным польским переводчиком и лексикографом, соавтором известного двухтомного «Большого польско-русского словаря».

При таком обилии материала мы можем лишь наметить пути исследования польского дискурса в жизни и творчестве Дмитрия Чижевского, определив при этом наиболее важные аспекты. Первое знакомство Д. Чижевского с польской культурой, литературой и философией состоялось еще во время его учебы в Киевском университете, в 1913 г., где он был учеником видного польского философа Генриха Романа Якубаниса (Henryk Roman Jakubanis; 1879–1949⁶). В это же время у будущего ученого появляется усиленный интерес к истории философских течений у славян, в том числе и у поляков, а также интерес к влияниям западной философии (в основном немецкой) на духовную жизнь славян. А первая встреча с Польшей как страной у Д. Чижевского произошла в 1921 г., когда через Польшу ученый бежал на Запад, в Германию, спасаясь от большевиков, приговоривших его к смертной казни. И с этого времени в течение всей жизни Д. Чижевский обращался к творчеству польских писателей, поэтов и философов, поддерживал постоянные контакты с польскими учеными, переписывался и рецензировал книги (особенно издания, касающиеся истории и теории польского барокко). В контексте нашей темы вспомним, что именно поляки и немцы составляли самое близкое окружение Д. Чижевского в разные периоды его жизненного пути. Когда Д. Чижевский пребывал в Америке, в 1949–1956 гг., как гостевой профессор в Кембридже, в одном из писем другу, Федору Степуну, он писал о своем скверном положении и о том, насколько у него не складываются отношения с русской и украинской эмиграцией: «Кафедры у меня нет, Якобсон постарался окружить себя бездарностями <...> учеников почти нет... Встречаюсь только с 3–4 людьми, по преимуществу немцами и поляками» [Материалы 2007, с. 153].

Интерес Д. Чижевского к польской культуре и литературе сам по себе, как видно из изложенного материала, многосюжетный, но мы можем определить некие приоритетные темы и имена, в отношении которых этот интерес был постоянным. Во-первых, это, конечно же, писатели и поэты польского барокко, прежде всего Вацлав Потоцкий (Wacław Potocki; 1625–1696) и Збигнев Морштын (Zbigniew Morsztyn; 1625–1689) — видные представители польских ариан. Поскольку Д. Чижевский с особым пристрастием интересовался всеми мистическими и еретическими течениями в истории славянской культуры, то становится понятным его особое увлечение историей ариан, утверждавших неравносущность личности Иисуса Христа Господу Богу. В XVII в. в Польше мы наблюдаем расцвет арианской литературы, представители которой очень часто отходят от проповеди собственно арианских религиозных идей, репрезентируя общие для поэтики и эстетики европейского барокко темы и мотивы (см.: [Чижевский 1971, с. 40–43]). К представителям польского барокко Д. Чижевский обращается практически во всех своих работах, посвященных славянскому барокко, эта же тема проходит

⁶ Об этом сообщает сам Д. Чижевский в автобиографии, написанной в 1947 г. в виде предисловия к библиографии своих работ. Текст этой автобиографии не был издан, он хранится в Киевском архиве — за предоставление копии материалов о Д. Чижевском из архивов города Киева выражаю благодарность Евгению Пшеничному. Материал этой словарной статьи использован в украинском энциклопедическом словаре «Філософська думка в Україні. Біобібліографічний словник» (Київ, 2002; автор статьи о Якубанисе — Марина Ткачук). После войны, с 1945 г., Якубанис работал в Католическом университете в Люблине, где и умер.

лейтмотивом через переписку ученого с польским филологом Янушом Пельцом (письма Д. Чижевского к Я. Пельцу хранятся сегодня у вдовы последнего, Паулины Бухвальд-Пельцовой).

Вторая польская тема, которая практически сопутствовала Д. Чижевскому всю жизнь, — это польский мессианизм и мистицизм, а также творчество Адама Мицкевича. Мы можем назвать сегодня только одну реферативную публикацию, освещающую частично этот сюжет, — статью Олега Радченко «Творчість Адама Міцкевича в оцінці Дмитра Чижевського» [Радченко 2011], где достаточно подробно проанализированы тексты ученого об интерпретации произведений классика польской литературы. Автор статьи справедливо отмечает, что Д. Чижевского интересуют в творчестве Адама Мицкевича те «живые элементы» индивидуального стиля классика польской литературы, которые составляют традицию, «путешествуя во времени и пространстве» и тем самым «присутствуя» в текстах других авторов [Там же, с. 113].

Кроме этих, магистральных для Д. Чижевского, польских сюжетов, в творчестве ученого мы встречаем и ряд других публикаций, например о Станиславе Любомирском как переводчике русской литературы [Čyževskýj 1955, s. 256–260], о русскоязычных поэтических текстах Болеслава Лесьмяна [Ibid., s. 260–271] или же о Елене Закревской — матери Николая Некрасова (поэт, по мнению Чижевского, считал, что его мать имеет польское происхождение [Ibid., s. 271–274]). Отдельно следует упомянуть и публикации Д. Чижевского, посвященные польской культуре и литературе, которые появились в 1937 и 1938 гг. в журнале «Jomsburg» (название журнала связано с полулегендарной крепостью викингов в устье Одры, существовавшей в X–XI вв.).

Остановимся теперь подробнее на трех сюжетах, связанных с польским курсом в жизни и творчестве Д. Чижевского и отражающих разнообразное отношение этого ученого к Польше и полякам.

Первый сюжет имел место в 1930 г., когда Д. Чижевский опубликовал в журнале «Путь» краткую рецензию на работу Рафала Марселия Блюта (Rafał Marcełi Blüth; 1891–1939), посвященную влиянию Якоба Бёме на третью часть драматической мистерии Адама Мицкевича «Дзяды» (см.: [Чижевский 1930]). Р.М. Блют был чрезвычайно интересным исследователем связей Адама Мицкевича с русской культурой (тема его диссертации, защищенной в 1933 г. в Ягеллонском университете), его внимание привлекало также творчество Н. Гоголя, Ф. Достоевского, И. Бунина, проблемы снобизма в русской литературе (такова, например, его статья «Трагикомедия снобизма в жизни и творчестве Николая Гоголя»; см.: [Blüth 1987, s. 189–210]). Тема публикации Р. Блюта заинтересовала Д. Чижевского по многим причинам, но не в последнюю очередь из-за его широко известных личных интересов ко всякого рода мистическим течениям в России, о которых мы упоминали выше. Д. Чижевский отметил в рецензии две основные особенности публикации: 1) информация о влиянии Я. Бёме на славянскую мысль, в интерпретации которой обнаруживается надконфессиональный характер христианской мистики как таковой («влияние протестанта Я. Бёме в католическом мире» — курсив Д. Чижевского. — Р.М.); 2) взаимное влияние религиозной мысли различ-

ных славянских народов. Отдельно ученый обсуждает влияние поляков на русских масонов, связи Адама Мицкевича с русскими славянофилами, влияние Я. Бёме на Г. Сковороду. Однако самое важное в обсуждаемой рецензии Д. Чижевского — это то, что ученый в маленьком тексте упомянул десятки неисследованных тем и мотивов, связанных со славянской мистикой: влияние Я. Бёме на Я.А. Коменского, пребывание Квирина Кульмана в России, распространение текстов Я. Бёме на юге Российской империи (Харьковская губерния), влияние Джона Пореджа и Йоганна Арндта в России, мистические идеи Семёна Гамалеи и их распространение в России, влияние немецких мистиков на современную русскую философию (на примере Н. Бердяева), судьба так называемой «Мистической рукописи Чаадаева» и много других. Всё это разнообразие тем становится позже предметом серьезных исследований Д. Чижевского; оно отразилось в его позднейших публикациях⁷. В итоге мы можем сделать вывод: рецензия на публикацию Р.М. Блюта была своеобразной исследовательской программой самого Д. Чижевского.

Второй интересный сюжет имел место в 1936–1937 гг., и связан он с перепиской Д. Чижевского с видным польским историком и литературоведом Юзефом Голомбеком (Józef Gołbek; 1889–1939). Этот ученый работал в Варшавском университете и в 1930–1940-х гг. занимался историей Кирилло-мефодиевского братства. На тему отношений кирилло-мефодиевцев к России и Польше он написал монографию, изданную в Варшаве в 1935 г., на выход которой Д. Чижевский и отозвался рецензией. Переписка Ю. Голомбека с Д. Чижевским хранится в архиве Чижевского в Галле, она освещает определенный скандал, возникший в кругах украинской интеллигенции в Варшаве после появления книги Ю. Голомбека. Инициатором дискуссии вокруг этой публикации выступил видный украинский литературовед, исследователь творчества Т. Шевченко Павло Зайцев (1886–1965), который к этому времени работал в Варшавском университете и был сотрудником Украинского научного института в Варшаве. Обо всем этом Д. Чижевскому сообщал Ю. Голомбек в своих письмах, оправдываясь тем, что книгу он писал не для украинцев, а для широкого круга польских читателей. В рецензии на книгу Ю. Голомбека Д. Чижевский учел упоминаемую дискуссию в среде украинской интеллигенции в Варшаве, поэтому, отметив положительные стороны публикации, ее широкий научный контекст (упоминание работ П. Флоровского, В. Щурата, В. Возняка), ученый высказал и ряд критических замечаний (см.: [Čiževskij 1937a]). Основное из них касается непонимания Ю. Голомбеком духовных стремлений украинцев в первой половине XIX в.: именно в этом Чижевский увидел и основную ошибку исследователя, сводившего деятельность Кирилло-мефодиевского братства к вопросам социального и политического неравенства. Д. Чижевский считал, что в такой тенденции изложения истории Кирилло-мефодиевского братства проявилось пристрастие автора к старой школе, в то время как новые исследования указывали на огромный духовный потенциал кирилло-мефодиевцев, на идеологию мессианизма украинского народа, родственную, кстати, полякам.

⁷ Часть из этих текстов — статьи Д. Чижевского «Немецкая мистика в России» и «Якоб Бёме в России» — сегодня уже переведены на русский язык и изданы, см.: [Omnia 2015, с. 401–443].

Такого типа отношений с поляками, как случай с Юзефом Голомбеком, у Д. Чижевского было много, ученый довольно часто вел любезную переписку, обменивался книгами с друзьями, но в рецензиях на их труды высказывал критические суждения. Так получилось, например, с брошюрой Богумила Ясиновского (Bogumił Jasiński; 1883–1969), посвященной восточнохристианской цивилизации. В библиотеке Д. Чижевского находится экземпляр этой книги с дарственной надписью автора и многочисленными пометками ученого, нашедших отражение в его рецензии на брошюру (см.: [Čiževskij 1937b]).

Наконец, интереснейший третий сюжет — это переписка Д. Чижевского и Р. Ингардена, как было уже сказано, двух выдающихся учеников Э. Гуссерля. Оба были хорошо знакомы по семинару у знаменитого учителя, в библиотеке Д. Чижевского в Галле сохранились книги Р. Ингардена [Ingarden 1935] с чрезвычайно сердечными дарственными надписями. Активная переписка Д. Чижевского с Р. Ингарденом возобновилась после его возвращения из Америки, когда при содействии Х.-Г. Гадамера он занял должность директора Института славистики Гейдельбергского университета⁸. Инициатором корреспонденции стал Роман Ингарден, который в 1957 г. во Франции на феноменологическом конгрессе встретил Х.-Г. Гадамера. Последний, рассказывая об общих знакомых, упомянул и Д. Чижевского, сообщив, что тот занимает должность директора Института славистики в Гейдельберге. 5 мая 1957 г. Р. Ингарден написал Д. Чижевскому пространное письмо, в котором рассказал о своей послевоенной научной судьбе и обратился с просьбой возобновить контакты и обмен книгами. В том же письме он напомнил о последней их встрече у Э. Гуссерля в 1934 г., после философского конгресса в Праге. После этого письма последовала продолжительная переписка, Р. Ингарден высылал Д. Чижевскому книги, рассказывал о судьбах знакомых польских славистов и даже принял активное участие в юбилейном сборнике, посвященном Д. Чижевскому (см.: [Ingarden 1966]). Со стороны Чижевского тоже была заинтересованность в сотрудничестве, которая проявилась прежде всего в рецензиях на присылаемые книги как Р. Ингардена, так и его друзей-философов из социалистической Польши (см.: [Tschizewskij 1962; 1965a; 1965b]). Для самого Р. Ингардена эти рецензии имели огромное значение, так как представляли его философские исследования за пределами социалистического лагеря, в журналах Западной Европы.

Кроме личных контактов Д. Чижевского с известными польскими философами и литературоведами мы должны упомянуть и сотрудничество этого ученого в польскоязычных изданиях. Сегодня давние публикации Д. Чижевского на польском языке почти недоступны, а между тем они представляют немалый интерес и свидетельствуют о том, насколько живо и активно ученый интересовался всем, что было связано с Польшей и заодно имело отношение к украинской и русской культуре. Так, в 1957 г. в польской газете «Wiadomości», выходившей в Лондоне, Д. Чижевский опубликовал полемическую статью «Гоголь и Польша» [Czyzewskij 1957]. Она являлась дополнением к напечатанному несколькими номерами рань-

⁸ Письма Р. Ингардена хранятся в архиве Д. Чижевского в Библиотеке Гейдельбергского университета (сигнатура Heid. Hs. 3881, Buchstaben I/J: Kasten — I-Jurev, Mappe 02).

ше (в № 573) обсуждению книги о Н. Гоголе Давида Магаршака (David Magarshack; 1899–1977). В своем тексте Д. Чижевский затрагивает дискуссионный вопрос о польском происхождении Н. Гоголя (от польского полковника Остапа Гоголя, который якобы был в армии Яна Собеского под Веной), пишет о знакомстве Н. Гоголя с польской литературой и польским языком, личном знакомстве с Богданом Залеским и Адамом Мицкевичем, об отношении к католицизму во время пребывания писателя в Риме. Самый важный «польский» эпизод в биографии Н. Гоголя, на котором специально останавливается Д. Чижевский, — это замужество старшей сестры писателя (вспомним, что Мария Гоголь-Яновская вышла замуж за поляка Павла Трушковского). Ученый противопоставляет отношение Н. Гоголя к этой ситуации строкам А. Пушкина из известного послания графу Олизару. Насколько толерантным к смешанным бракам между русскими и поляками был автор «Мертвых душ», настолько такие браки осуждал первый поэт России:

И тот не наш, кто с девой вашей
Кольцом заветным сопряжен;
Не выпьем мы заветной чашей
Здоровье красных ваших жен;
И наша дева молодая,
Привлекши сердце поляка,
Отвергнет, гордостью пылая,
Любовь народного врага [Пушкин 1977, с. 203].

Из современных публикаций в Польше, посвященных Д. Чижевскому, кроме книг, вышедших в университете в Седльце, следует упомянуть две персональные статьи в энциклопедических изданиях. Это статья об ученом в шестом томе польско-русско-английского лексикона «Идеи в России» (ее автор — чешский ученый Владимир Гонец, см.: [Gonёс 2007]) и статья Марьяна Александровича в десятом томе современной польской «Философской энциклопедии» (см.: [Aleksandrowicz 2009])⁹. Следует подчеркнуть, что в первой из этих энциклопедических публикаций творчество Д. Чижевского представлено несколько упрощенно: «Этик и логик, занимавшийся историей философии и культуры, ориентировался на систему “форм данности всеобщего”... к основным формам логики, кроме традиционного “понятия”, причислял такие, как “представитель”, “эмблема”, “символ”. Ту же систему применяет в этике. Этику XIX и XX вв. критиковал как формалистскую, как источник потери нравственной силы индивидуума, приведшей к двойничеству» [Gonёс 2007, с. 382]. Достаточно ознакомиться с монографическим учебником по логике Д. Чижевского (см.: [Чижевский 1924]) и его послевоенными публикациями по истории славянских литератур, чтобы убедиться в односторонности приведенных суждений. Намного содержательнее и шире представляет творчество Д. Чижевского статья М. Александровича, где дана в общих чертах биографическая справка об ученом, специально подчеркнуто единство славистики и философии в его судьбе и кратко проанализировано понимание Д. Чижевским сути философии и ее истории. М. Александрович считает, что Д. Чижевский понимал историю философии троя-

⁹ Библиографию к статье составила Агата Шиманяк (Agata Szymaniak).

ко: 1) как историю философских доктрин, историю их возникновения, эволюции и упадка; 2) как историю одной из основных составных национальных культур; 3) как описание процесса идейного и интеллектуального развития народа. При этом Д. Чижевский определяет три существенные черты, характерные для философских систем: а) философский метод, б) способы конструирования системы (ее архитектоники), в) внутренняя идейная сущность системы, наличие ее отдельных элементов в жизни общества и их роль (см.: [Aleksandrowicz 2009]).

Приведенный нами материал свидетельствует о разнообразии связей Дмитрия Чижевского с Польшей и поляками. Публикации ученого, затрагивающие польскую тематику, как и его обильная корреспонденция с поляками, важны для сегодняшнего исследователя в двух отношениях. Во-первых, как собственно научный материал, отражающий историю славистики и дискуссии XX в. вокруг основных проблем славянского литературоведения, а во-вторых, как материал для биографии самого Д. Чижевского, представляющий факты о его встречах, связях, отношениях с людьми его поколения. Д. Чижевский, по словам Виктора Вайнтрауба, «чувствовал себя как дома во всех славянских литературах» [Weintraub 1994, s. 32], и эта черта делала его личностью очень яркой и почти исключительной среди славистов прошлого века.

Литература

- Блашків 2010 — Блашків О. Чеська і словацька культура в житті та науковій спадщині Дмитра Чижевського. Siedlce, 2010. (Colloquia Litteraria Sedlcensia. T. VI).
- Воспоминания 2011 — Воспоминания. Дневники. Беседы: Русская эмиграция в Чехословакии. Кн. 1 / сост. и общ. ред. Л. Белошевской. Прага, 2011.
- Дмитрий Чижевский 2010 — Дмитрий Чижевский и европейская культура = Дмитро Чижевський і європейська культура / red. R. Mnich i J. Urban. Drohobycz; Siedlce, 2010. (Colloquia Litteraria Sedlcensia. T. IV).
- Кортхаазе 2010 — Кортхаазе В. Дмитрий Чижевский: жизнь великого ученого / предисл. Д. Герзардта; общ. ред. Р. Мниха. Siedlce, 2010. (Colloquia Litteraria Sedlcensia. T. III).
- Материалы 2007 — Д.И. Чижевский. Избранное: в 3 т. Т. 1: Материалы к биографии (1894–1977). М., 2007.
- Пушкин 1977 — Пушкин А. Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. 2: Стихотворения 1820–1826. Л., 1977.
- Пшеничний, Янцен 2003 — Пшеничний Є., Янцен В. Листування Дмитра Чижевського з Василем Симовичем // Славістика. Т. 1: Дмитро Чижевський і світова славістика. Збірник наукових праць / ред. Р. Мних, Є. Пшеничний. Дрогобич, 2003. С. 251–330.
- Радченко 2011 — Радченко О. Творчість Адама Міцкевича в оцінці Дмитра Чижевського // Славістика. Т. 2: Дмитро Чижевський і європейська культура: Збірник наукових праць / ред. Є. Пшеничний, Р. Мних, В. Янцен. Дрогобич, 2011. С. 103–114.
- Ткачук 2002 — Ткачук М. Якубаніс Генріх-Роман Іванович (28.02/13.03.1879 — 07.04.1949) // Філософська думка в Україні: Біобібліографічний словник. Київ, 2002. С. 238–239.
- Чижевский 1930¹⁰ — Чижевский Д. Я. Беме в России. <Рец.:> R.M. Blüth: Chrześcijański Prometeusz. Христианский Прометей. Влияние Беме на концепцию третьей части «Дядюв» Мицкевича (в «Трудах комиссии по исследованию истории литературы и

¹⁰ Орфография в журнале «Путь» за 1930 г. старая, в данном случае придерживаемся современной орфографии.

- просвещения», т. III. Варшава, 1929. Стр. 178–212) // Путь: Орган русской религиозной мысли. 1930. Апрель. № 21. С. 129–130.
- Чижевский 1971 — *Чижевский Д.* К проблемам литературы барокко у славян // *Litteraria*. Т. XIII. Literárny barok. Bratislava, 1971. С. 5–56.
- Чижевський 1924 — *Чижевський Д.* Логіка: Конспект лекцій, прочитаних у Вищому педагогічному інституті ім. М. Драгоманова у Празі в літньому семестрі 1924 року. Прага, 1924.
- Чижевський 1934 — *Чижевський Д.* Філософія Г.С. Сковороди. Варшава, 1934.
- Aleksandrowicz 2009 — *Aleksandrowicz M.* Czyżewskij Dmytro Iwanowycz // *Powszechna encyklopedia filozofii*. T. 10. Suplement. Lublin, 2009. S. 123–124.
- Blüth 1987 — *Blüth R.M.* Pisma literackie. Społeczny Instytut Wydawniczy Znak. Kraków, 1987.
- Čiževskij 1937a — *Čiževskij D.* Józef Gołąbek: Bractwo św. Cyryla i Metodego w Kijowie. Warszawa, 1935. 4 + 390 + 2 s. // *Kyrios: Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas* / Hrsg. von H. Koch. 2. Band (1). Graz, 1937. S. 257–258.
- Čiževskij 1937b — *Čiževskij D.* Bogumił Jasinowski: O cywilizacji wschodnio-chrześcijańskiej. Lublin 1937. 32 s. // *Kyrios: Vierteljahresschrift für Kirchen- und Geistesgeschichte Osteuropas* / Hrsg. von H. Koch. 2. Band (4). Graz, 1937. S. 346–347.
- Čiževskij 1956a — *Čiževskij D.* Aus zwei Welten: Beiträge zur Geschichte der slavisch-westliche Beziehungen. Leiden, 1956.
- Čiževsky 1956b — *Čiževsky D.* Mickiewicz and Ukrainian Literature // *Adam Mickiewicz in World Literature: A Symposium* / ed. by W. Lednicki. Berkeley; Los Angeles, 1956. P. 409–436.
- Čiževsky 1956c — *Čiževsky D.* Mickiewicz, Štúr, and Král' // *Adam Mickiewicz in World Literature: A Symposium* / ed. by W. Lednicki. Berkeley; Los Angeles, 1956. P. 469–485.
- Čiževsky 1958 — *Čiževskij D.* A comparativist looks at Mickiewicz // *Adam Mickiewicz. Księga w stulecie zgonu* / Polish Society of Arts and Sciences Abroad. L., 1959. P. 481–498.
- Čyževskij 1955 — *Čyževskij D.* Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. XXIII. Heidelberg, 1955. S. 256–274.
- Czyzewskij 1957 — *Czyzewskij D.* Gogol i Polska // *Wiadomości*. № 594. 18.VIII.1957. S. 5.
- Gołąbek 1935 — *Gołąbek J.* Bractwo św. Cyryla i Metodego w Kijowie. Warszawa: Nasza Przyszłość. 1935.
- Goněc 2007 — *Goněc V.* Дмитрий Иванович Чижевский (1894–1977, в эмиграции с 1921 г.) // *Идеи в России = Idee w Rosji = Ideas in Russia: Leksykon rosyjsko-polsko-angielski* / pod red. J. Kurczak. T. 6. Łódź, 2007. S. 382–387.
- Górski 1966 — *Górski K.* Zwiędz jako symbol literacki // *Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag* / Hrgs. von D. Gerhardt, W. Weintraub, Hans-Jürgen zum Winkel. München, 1966. S. 323–330.
- Ingarden 1935 — *Ingarden R.* Vom formalen Aufbau des individuellen Gegenstandes. Leopoli, 1935.
- Ingarden 1966 — *Ingarden R.* Einige ungelöste Probleme der Werttheorie // *Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966. S. 365–374.
- Klinger 1962–1964 — *Klinger W.* Jakubanis Henryk Roman (1879–1949) // *Polski Słownik Biograficzny*: T. X. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962–1964. S. 374.
- Kridl 1959 — *Kridl M.* The Lyric Poems of Julius Słowacki. Musagetes. VI, 's-Gravenhage, 1959.
- Kridl 1966 — *Kridl M.* Die Struktur der lyrischen Gedichte von Julius Słowacki // *Festschrift für Dmytro Čyžewskij zum 60. Geburtstag am 23. März 1954*. Berlin, 1954. S. 153–163.
- Krzyżanowski 1966 — *Krzyżanowski J.* Salomon Rusiński and his «Polish proverbs» // *Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966. S. 445–456.
- Kubacki 1966 — *Kubacki W.* Zygmunt Krasiński — «der Dichter der Ruinen» // *Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag*. München, 1966. S. 457–468.
- Magarshack 1957 — *Magarshack D.* Gogol: A Life. N.Y., 1957.

- Mnich 2010 — *Mnich R.* Творчество Дмитрия Чижевского в контексте европейской культуры 20 века // Наследие Дмитрия Чижевского и проблемы его изучения / red. R. Mnich i J. Urban. Siedlce, 2009. (Colloquia Litteraria Sedlcensia. Studia minora. Vol. I). S. 25–29.
- Mnich 2012 — *Mnich R.* Дмитрий Чижевский и Польша // «Studia Rossica» XXII: Polska — Rosja: dialog kultur. Tom poświęcony pamięci Profesor Jeleny Cybienko / red. naukowa A. Wołodźko-Butkiewicz, L. Łuciewicz. Warszawa, 2012. S. 311–320.
- Nowy Korbut 1964 — Nowy Korbut. Bibliografia literatury polskiej. Piśmiennictwo staropolskie 2. Hasła osobowe A — M / Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa, 1964.
- Omnia 2015 — Omnia conjungo: Сб. научных работ в честь 65-летия проф. В.В. Сербиненко. М., 2015.
- Orbis scriptus 1966 — Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag / hrsg. von D. Gerhardt, W. Weintraub, Hans-Jürgen zum Winkel. München, 1966.
- Pigoń 1966 — *Pigoń S.* Der Weite Weg des Kaisers Jovianus. Ein später Nachklang der «Gesta Romanorum» // Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 625–632.
- Tazbir 1999 — *Tazbir J.* Reformacja — kontrreformacja — tolerancja. Wrocław, 1999.
- Tschizewskij 1937 — *Tschizewskij D.* Polnische bürgerliche Lyrik des 17. Jahrhunderts // Jomsburg. Völker und Staaten im Osten und Norden Europas. Jahrgang 1. Leipzig, 1937. S. 512–516.
- Tschizewskij 1938 — *Tschizewskij D.* Polen und die Kultur des Westens // Jomsburg. Völker und Staaten im Osten und Norden Europas. Jahrgang 2. Leipzig, 1938. S. 94–95.
- Tschizewskij 1958 — *Tschizewskij D.* Mickiewicz bei den Slowaken // Festschrift für Erwin Koschmieder (Südost-Forschungen. Bd. XVII-1). München, 1958. S. 203–215.
- Tschizewskij 1962 — *Tschizewskij D.* Jahrbuch der Ästhetik // Jahrbuch für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. 7 (1962). Köln, 1962. S. 100–106.
- Tschizewskij 1965a — *Tschizewskij D.* Das polnische Jahrbuch für Ästhetik (Estetyka) // Jahrbuch für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. 10 (1965). Köln, 1965. S. 250–258.
- Tschizewskij 1965b — *Tschizewskij D.* Polnische Werke zur Ästhetik (Estetyka) // Jahrbuch für Ästhetik und allgemeine Kunstwissenschaft. Bd. 10 (1965). Köln, 1965. S. 258–261.
- Tschizewskij 1967 — *Tschizewskij D.* Zur slavischen Epigrammatik // Festschrift für Margarete Woltner zum 70. Geburtstag am 4. Dezember 1967 / Hrsg. von P. Brang in Verbindung mit H. Bräuer und H. Jablonowski. Heidelberg, 1967. S. 294–304.
- Vincenz A. 1966 — *Vincenz A. de.* Zur Frage der «begrenzten Inventare» in der Semantik // Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 865–894.
- Vincenz S. 1966 — *Vincenz S.* Pausanias und sein hellenisches Erbe // Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 895–904.
- Walicki 1966 — *Walicki A.* Cziżewski, Dmitrij Iwanowicz // Słownik filozofów. T. 1. Warszawa, 1966.
- Weintraub 1959 — *Weintraub W.* Literature as Prophecy. Scholarship and Martinist Poetics in Miskiewicz's Parisian Lectures. Masagetas. X. 's-Gravenhage, 1959.
- Weintraub 1966 — *Weintraub W.* «Pierwszy w Polsce futurysta» // Orbis scriptus. Dmitrij Tschizewskij zum 70. Geburtstag. München, 1966. S. 923–932.
- Weintraub 1994 — *Weintraub W.* O współczesnych i o sobie. Wspomnienia, sylwetki, szkice literackie. Kraków, 1994.

ПУБЛИКАЦИИ

Д.П. Святополк-Мирский

МЕСТО ДОСТОЕВСКОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

*Перевод с итальянского К. Суботовой,
публикация, редакция перевода, комментарии
М.К. Гидини, О.А. Коростелева и М.В. Ефимова,
вступительная заметка М.В. Ефимова*

Во всем многообразном и многоязычном наследии литературного критика и историка литературы кн. Д.П. Святополк-Мирского (1890–1939) к настоящему времени выявлена лишь одна работа, написанная по-итальянски. Это опубликованная в 1931 г. в итальянском журнале «La Cultura» статья «Место Достоевского в русской литературе» («Il posto del Dostojevskij nella letteratura Russa»), никогда не перепечатававшаяся и ныне впервые представляемая русскому читателю.

В жизни и творческой биографии Мирского Италия занимает важное место. Достаточно сказать, что уже самое первое появление Мирского в печати — в качестве начинающего поэта — было связано с Италией. Это цикл «Отражения», первая часть которого (стихотворение в прозе) озаглавлена «Венеция», вторая (написанная белым стихом) — «Флоренция» [Мирский 1997, р. 86–88]. «Отражения» были опубликованы в петербургском ученическом журнале «Звенья» (№ 2 за 1907 г.) под псевдонимом Eleutheròs [Там же, р. 89]. Стихотворения шестнадцатилетнего Мирского полны итальянскими реалиями («...Та же церковь далекая San Animato¹. / Тот же старинный дворец Синьории. / Те же лачуги над Арно / Свесились в арке векового моста» [Там же, р. 87]), большая часть которых, однако, носит отчетливо «книжно-заочный» характер (мы не располагаем сведениями о путешествии Мирского в Италию в это время). В опубликованной в 1911 г. своей единственной книге стихов Мирский использует эпиграфы из Ариосто и Данте [Там же, р. 40, 43]². В этих итальянских референциях Мирского-поэта можно, как представляется, видеть не только его общеизвестную эрудицию, но и влияние итальянской топики М. Кузмина (см.: [Марков 2015]), к которому Мирский был близок в 1907 г. [Smith 2000, р. 39–42]. Отметим, что Кузмин называл Мирского по-итальянски: «Il principino».

¹ Вероятно, ошибка набора. Речь идет о флорентийской базилике Сан Миниато аль Монте (Basilica di San Miniato al Monte).

² Отметим, что если в книге стихов Мирский отсылает к итальянской литературной классике, то в предшествующих «Отражениях» это была живопись: «О, город Тьеполо и Джоржоне!» [Мирский 1997, р. 87].

Оказавшись в эмиграции в 1920 г., Мирский весьма быстро смог закрепиться и в академическом славистическом мире (занимая в 1922–1931 гг. пост преподавателя в Школе славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета, The School of Slavonic Studies of King's College, London University), и в мире британской литературной критики. Мирский стал постоянным автором периодического издания школы «Славянское обозрение» («The Slavonic Review»)³, где опубликовал в 1924, 1928 и 1929 гг. три рецензии, напрямую связанные с Италией и миром итальянской славистики. Рецензия 1924 г. была посвящена двум дебютным номерам журнала «Russia: Rivista di Letteratura, Arte, Storia», выходившего под редакцией выдающегося итальянского слависта Э. Ло Гатто (Lo Gatto) [D. S. M. 1924]. Мирский исключительно высоко отозвался об издании:

Оно в своем роде уникально среди других европейских периодических изданий, и наиболее привлекательная его особенность заключается в совершенной свободе от политики — вещь труднодостижимая, но абсолютно необходимая сегодня для каждого серьезного исследователя русской цивилизации [Мирский 2014, с. 73]⁴.

Обращает на себя внимание и безоговорочно высокая оценка Мирским сочинений П.П. Муратова («живого посредника между Россией и Италией») — как историко-культурных («Образы Италии», статья «Сеиченто» 1923 г.), так и литературных («Эгерия»).

В 1928 г. Мирский отрецензировал в «The Slavonic Review» еще одну работу Ло Гатто, на сей раз — как автора первого тома «Storia della Letteratura Russa» [D. S. M. 1928]. Несмотря на ряд оговорок, оценка Мирского — определенно положительная: «Это, кажется, первая работа подобного масштаба на любом из западноевропейских языков» [Мирский 2014, с. 194]. В следующем 1929-м г. Мирский дает краткую, но весьма комплиментарную заметку о новом издании Ло Гатто «Rivista di Letterature Slave» [D. S. M. 1929], которое «...должн<о> заменить “Russia”, превосходное небольшое периодическое издание, о прекращении которого многие из нас будут сожалеть» [Мирский 2014, с. 199].

Параллельно с многочисленными рецензиями и обзорами славистического характера в «The Slavonic Review» Мирский писал большое количество рецензий для британской quality press, никак не связанных с его преподавательской специализацией. Здесь особое место занимают рецензии в журнале «The London Mercury», с которым Мирский сотрудничал с 1920 по 1931 г. Отличительной особенностью его работы в «The London Mercury» было то, что он рецензировал книги в необычайно широком тематическом диапазоне (от древнеиндийского эпоса до Ибсена),

³ С 1928 г. и по настоящее время носит название «The Slavonic and East European Review».

⁴ Здесь и далее, если не указано иное, переводы с английского М. Ефимова.

написанные по-английски, по-французски, по-испански, по-немецки и по-итальянски. «Итальянская» часть рецензий Мирского позволяет с уверенностью говорить о том, что она ни в коей мере не была для критика периферийной. Мирский не только демонстрирует глубокое знание исторического и историко-культурного материала, но и высказывает сугубо личностные, в высокой степени субъективные оценки. В числе итальянских сюжетов и имен, на которые отзывался Мирский, были и Петрарка, и Пиранделло⁵; особое место занимал Марио Прац⁶. Мирский среди прочего рецензировал составленную им антологию «Poeti inglesi dell' Ottocento» (1925), в которой Прац дал свои собственные итальянские переводы из стихотворений английских поэтов XIX в. Мирский делает весьма важное замечание: «Переводы, насколько может судить невежественный *forestiere*, идеальны настолько, насколько только могут быть». И тут же делает комментарий, дезавуирующий определение себя как «пришельца» в языке и культуре Италии:

Синьор Прац приложил величайшие усилия для того, чтобы воспроизвести по-итальянски с предельной точностью ритм английского стиха. Прац воспользовался всеми обширными возможностями итальянской просодии и свободно вернулся к акцентному стиху (*stress verse*), который неизвестен в итальянской литературной поэзии, но преобладает в современной народной песне. Учитывая огромное ритмическое различие между двумя языками, Прац сделал свое дело исключительно хорошо [Mirsky 1925, p. 442].

В этом же обзоре 1925 г. Мирский рецензировал французский перевод книги Дж. Преццолини (Prezzolini) и Дж. Папини (Papini) «La cultura italiana»⁷:

Синьор Прац связан с группой «Voce», которая в последние двадцать лет была центром всего прогрессивного в итальянской литературе. <...> Джованни Папини — крупнейший писатель этого движения. Синьор Преццолини был в период расцвета «La Voce» его редактором. Группа перестала быть организованным центром влияния, но ее роль в сотворении современной Италии

⁵ Например, следующим образом в отклике на книгу У. Старки (Starkie) «Luigi Pirandello» (L., 1926): «Каковы бы ни были присущие Пиранделло достоинства, он является важным событием в истории литературного и драматургического вкуса (вероятно, плохого вкуса). В конечном счете его, вероятно, нужно поставить в один ряд с Леонидом Андреевым» [Mirsky 1926, p. 554].

⁶ Марио Прац (Praz; 1896–1982) — итальянский писатель, историк, переводчик. В 1923–1931 гг. преподавал итальянскую литературу в Ливерпульском университете, в 1931–1934 гг. — в Манчестерском. В 1934–1966 гг. преподавал английскую и американскую литературу в Римском университете. В 1971 г. посетил СССР. По-русски опубликовано лишь одно эссе Праца — «Белое с золотом» [Прац 2003].

Весьма важным в свете идейной метаморфозы Мирского второй половины 1920-х гг. представляется то, что Мирский остался поклонником творчества Праца и в своей марксистской стадии.

⁷ По-итальянски книга была опубликована в 1906 г., французский перевод появился в 1925 г. В тексте рецензии указано лишь авторство Дж. Преццолини.

очень велика. Культурное лицо Италии сегодняшнего дня — это и есть то, что синьор Преццолини пытается показать в своей книге. Это Италия, весьма отличная от той страны, какой она была всего лишь четверть века назад — «провинциальной Италии короля Умберто». Это страна в процессе быстрых и прогрессивных изменений. Хотя книга и не вызывает впечатления, что сегодняшняя итальянская почва в изобилии рождает гениев (несмотря на грандиозные репутации Кроче и Пиранделло), все же нет сомнения, что сегодняшняя Италия — это наиболее живая и наиболее активная из всех главных западных наций. Италия сегодня — это то, чем Германия была шестьдесят лет назад, со всеми опасными импликациями подобного положения [Mirsky 1925, p. 443].

Эти слова являются редчайшим публичным высказыванием Мирского по поводу муссолиниевской Италии. Вопрос о точках схождения между доктринами евразийства и итальянского фашизма, как известно, занимал теоретиков евразийства. Один из его вождей, Н.С. Трубецкой, в письме к П.П. Сувчинскому 1924 г. называл это «щекотливой темой»: «В фашизме есть и положительные и отрицательные стороны, и, в общем, проблема эта сложная, упростить ее опасно, особенно нам, евразийцам» [Глебов 2010, с. 268]. В 1927 г. в работе «О государственном строе и форме правления» (1927) Трубецкой подробно останавливается на проблеме истинной и ложной «идеократии»:

В Италии сущность идеократии заслонена культом личности Муссолини и голым организационизмом; благодаря этому фашизм не создает стройной миросозерцательной системы, даже как будто боится создавать ее, оправдываясь тем, что исходит не из «теории», а из «фактов», и в результате основная идея фашизма становится мало содержательной, сводится почти исключительно к обожествлению итальянской нации, к голому самоутверждению этой нации как биологической особи; таким образом, здесь трудно говорить об общности миросозерцания, объединяющей членов государственного актива, а скорее приходится говорить об общности эмоций. <...> Словом, ни в Италии, ни в СССР проблема идеократического строя не осознана, а потому и сам идеократический строй в этих странах осуществлен не полно и не только не совершенно, но в некоторых отношениях прямо даже превратно. И фашизм, и коммунизм — лжеидеократии [Трубецкой 1995, с. 412–413].

Сам Мирский в 1929 г. на страницах просоветской газеты «Евразия» также выскажется по поводу «идеократии» с вполне предсказуемой в данном контексте (хоть и краткой) отсылкой к Италии:

При всем разнообразии наполняющих идеократическую форму идеологий можно заметить одну черту, общую всем современным идеократиям, — это страны «отсталые» или прямые объекты эксплуатации европейско-американского капитала (Китай, Турция, полудемократическая Мексика) или хотя и

промышленные, но не перволинейные, принужденные ввозить фабрикаты и капиталы и вывозить сырье (Россия) или труд (Италия) [Святополк-Мирский 1929, с. 2]⁸.

Окказиональная реплика Мирского в письме к Сувчинскому 1927 г. — «А араповское евразийство, конечно, в конце концов, поло как фашизм» [Smith 1995, p. 77]⁹ — заставляет все же предположить, что Мирский далек от идеализации итальянского фашизма, по крайней мере в этот период¹⁰.

В середине и второй половине 1920-х гг. Италия являлась для Мирского не только предметом исследовательского — историко-культурного или историко-политического — интереса. С 1926 по 1932 г. Мирский тесно связан со знаменитым журналом «Commerce» (1924–1932) и его издательницей и вдохновительницей княгиней Маргарит Каэтани ди Бассиано (Marguerite Caetani di Bassiano), американкой по рождению, супругой итальянского аристократа и известного композитора князя РофFREDO Каэтани ди Бассиано (Roffredo Caetani di Bassiano). Мирский стал в журнале литературным советником княгини по русским вопросам, а также использовал это знакомство, чтобы получить от Каэтани деньги на издание журнала «Версты»¹¹. Чета Каэтани ди Бассиано была для Мирского и его ближайшего друга и соредатора П.П. Сувчинского не только источником средств для «Верст». Супруги, а также — по свидетельству Сувчинского — Дж. Унгаретти (Ungaretti) [Ibid., p. 2]¹² способствовали получению итальянских виз Мирского и Сувчинского, когда те задумали посетить М. Горького в Сорренто. Поездка состоялась, вероятно, в самом конце 1927-го или начале 1928 г. (сохранилось письмо Горького к О. Форш от 6 января 1928 г., где Горький пишет о только что прошедшей встрече с Сувчинским и «купно одним из потомков Святополка Окаянного» (цит. по: [Ibid., p. 205–206])).

Предыстория появления статьи Мирского на страницах журнала «La Cultura» до настоящего времени остается непроясненной. Сам же журнал хорошо известен в истории итальянской культуры (см.: [Sasso 1992]). Этот еженедельник «“философии, литературы и искусства”, в

⁸ Отметим, что в «Евразии» в 1929 г. на протяжении многих номеров печатались «Политические очерки современной Италии», подписанные инициалом «Ф». Мирский, безусловно, был знаком с этими статьями.

⁹ Имеется в виду П.С. Арапов.

¹⁰ О деятельности русских эмигрантов-фашистов в 1920-х гг. см., например: [Stephan 1978 (рус. пер.: [Стефан 1992]); Окорочков 2001; Базанов 2011].

¹¹ Письма Мирского и Каэтани опубликованы Дж. Смитом, ему же принадлежит первое систематическое изложение истории взаимоотношений Мирского и Каэтани: La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani. Direzione di Sophie Levie. III. Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Edited by Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015. См. также рецензию на это издание: [Efimov 2015].

¹² Унгаретти в свою очередь был консультантом М. Каэтани по части итальянских материалов в «Commerce».

целом крочеанской направленности, издавался Ч. де Лоллисом (до 1928) в Риме и Болонье» [Грамши 1990, т. 2, с. 333], а после смерти де Лоллиса (de Lollis) — Фердинандо Нери (Neri). В 1935 г. журнал был запрещен режимом Муссолини.

Мирский был знаком с журналом, поскольку еще в 1926 г. упоминал «La Cultura» в связи с М. Працем, который «недавно опубликовал в римском обозрении “La Cultura” очень полезную статью об опасности считывания “современных” и романтических смыслов в творения старых поэтов» [Mirsky 1926, p. 224]¹³.

К 1931 г. Мирский уже в значительной степени отказался от своих историко-литературных занятий и был всецело поглощен работой в британской коммунистической партии, выступлением на агитационных митингах, писанием статей, призванных подтвердить незыблемую правоту исторического материализма. В этом смысле весьма показательно, что имя Мирского появляется на страницах «Тюремных тетрадей» А. Грамши¹⁴, писавшего:

Новаторство же может на своих первых этапах обрести массовый характер не иначе как с помощью элиты, для которой мировоззрение, лежащее в основе человеческой деятельности, стало в определенной степени последовательно-систематической и осознанной реальностью, несомненной и решительной волей к действию. Одну из этих фаз можно уловить в дискуссии, с помощью которой было достигнуто дальнейшее развитие философии практики, дискуссии, подытоженной в статье Д. Мирского, сотрудника «Культуры». <...> Угасание «фатализма» и соответствующего «механизма» является показателем великого исторического поворота; отсюда огромное впечатление, которое произвел обобщающий очерк Мирского [Грамши 1990, т. 1, с. 54, 60].

Грамши упоминает Мирского в качестве сотрудника «La Cultura», между тем Мирский не печатал в журнале той статьи, к которой отсылает Грамши. Комментаторы авторитетного итальянского издания «Тюремных тетрадей» указывают, что речь идет о статье Мирского «Bourgeois History and Bourgeois Materialism», опубликованной в британском журнале «The Labour Monthly» (1931. № 13. P. 453–459) [Gramsci 1977, p. 3099]. Комментаторы английского издания более осторожно предполагают, что Грамши мог иметь в виду «ту или иную» из двух статей Мирского, опубликованных в «The Labour Monthly»¹⁵, и замечают, что «в “La Cultura” в 1931 г. появилась другая статья Мирского» и что, «возможно, Грамши делает ссылку

¹³ Мирский, вероятно, имеет в виду статью Праца: *Praz M. Approssimazioni: romantico* // *La Cultura, Rivista Mensile di Filosofia, Lettere, Arte*. 1926. 15 marzo. Vol. 5. fasc. 5. P. 193–203.

¹⁴ А также в его письмах к Татьяне Шухт. См.: [Smith 2000, p. 349–350].

¹⁵ Вторая статья Мирского: *The Philosophical Discussion in the C.P.S.U. in 1930–1931* // *The Labour Monthly*. 1931. № 13. P. 649–656.

ку на "La Cultura", чтобы успокоить подозрения цензора, встревоженного русским именем (it is possible that Gramsci refers to this magazine in order to quiet the suspicions of the censor, alerted by the Russian name)» [Gramsci 1999, p. 645]. Обращает на себя внимание, однако, что для Грамши было естественным ассоциировать имя Мирского с редакцией «La Cultura», вплоть до того, чтобы назвать его «сотрудником».

Выбор предмета для статьи — Достоевский — вызывает вполне оправданный вопрос. Мы не знаем, была ли тема «Место Достоевского в русской культуре» редакционным предложением или же Мирский сам инициировал подобный сюжет. Однако для обеих возможностей имелись некоторые общие основания. В самом конце 1920-х гг. Мирский курировал в Лондоне докторскую диссертацию Хелен Мучник, посвященную Достоевскому (см.: [Smith 2000, p. 183, 337]). В 1930 г. Мирский опубликовал предисловие к биографии Достоевского, написанной Э.Х. Карром [Carr 1930]¹⁶, которую Мирский явным образом внимательно и заинтересованно прочитал. В частности, его особую похвалу вызвал

...анализ происхождения героев и героинь, характерных для Достоевского, раскольниковско-свидригайловско-ставрогинско-кирилловского типа и многообразных вариаций типа «целомудренной проститутки». Г-н Карр очень убедительно показывает, что все они восходят к романтической литературной традиции, в основном французской (но частично и английской) [Мирский 2014, с. 227].

К этим словам Мирский делает примечание: «В своем недавнем исследовании о влиянии маркиза де Сада на литературу XIX в. Марио Прац проделал обширную работу, чтобы раскрыть романтические корни некоторых из персонажей Достоевского» [Там же]. Мирский говорит здесь о знаменитой книге Праца «La carne, la morte e il diavolo nella letteratura romantica» («Плоть, смерть и дьявол в романтической литературе»), вышедшей в 1930 г. Это та самая книга, на которую Мирский благожелательно отозвался в обзоре, ставшем последней публикацией Мирского в «The London Mercury» [Mirsky 1931]¹⁷. Для нас немаловажным обстоятельством является то, что книга Праца вышла в издательстве журнала «La Cultura». Быть может, редакция «La Cultura» сочла уместным предложить Мирскому написать о Достоевском с учетом той высокой оценки, которой Мирский удостоил книгу Праца, вышедшую в журнальном издательстве. Быть может, также и потому, что Мирский глубоко и свободно владел материалом, что было существенно в 1931 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти Достоевского.

¹⁶ Предисловие Мирского: р. I–III.

¹⁷ Это обстоятельство особо отмечено Дж. Смитом: [Smith 2000, p. 326].

Несмотря на множество интересных наблюдений о писателе, статья все же в большей степени говорит о Мирском, чем о Достоевском, и является ярким образцом идеологического письма Мирского накануне его отъезда из Европы в 1932 г. Хотя статью и можно не без оснований счесть образцом «вульгарного социологизма», в ней хорошо различимы темы, принципиально важные для Мирского его «историко-литературного» периода. В частности, это вопрос о смене исторических и историко-литературных поколений, проблема литературной эволюции на примере русского классического романа середины XIX в., проблема исчерпания русским дворянством творческого потенциала. Мирский, при всей жесткости своих социологических обобщений, не удерживается и от высоких оценок своих любимцев — Аполлона Григорьева, Андрея Белого и (пусть и с оговоркой) Льва Шестова. Отметим также, что в статье нет отсылок к достоевсковедению русской эмиграции (речь тут, конечно, могла бы идти об А.Л. Беме и его соратниках), как и вообще к филологической традиции изучения Достоевского, что опять же говорит о смене ориентиров самого Мирского.

Статья Мирского может быть адекватно понята только на фоне наименее изученной части его наследия — работ конца 1920-х — начала 1930-х гг., в которых Мирский создал своеобразный гибрид социологической истории литературы и философско-политического памфлета. Введение этих текстов в научный оборот позволит приблизиться к более полному и взвешенному пониманию феномена Мирского как историка литературы, историка, литературного критика и идеолога. Публикация итальянской статьи Мирского — один из шагов в этом направлении.

Литература

- Аннинский 2000 — Аннинский Л.А. Кто подсунул России «интеллигенцию»? // Дружба народов. 2000. № 8. С. 222–223.
- Базанов 2011 — Базанов П.Н. Первые организации русских фашистов // Русская эмиграция и фашизм: Статьи и воспоминания / отв. ред. и сост. В.Ю. Жуков; науч. ред. В.Ю. Черняев. СПб.: СПбГАСУ, 2011. С. 23–37.
- Блок 1962 — Блок А.А. Собр. соч.: в 8 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1962. Т. 5.
- Глебов 2010 — Глебов С. Евразийство между империей и модерном: История в документах. М.: Новое издательство, 2010.
- Грамши 1990 — Грамши А. Искусство и политика: в 2 т. / пер. с итал. М.: Искусство, 1990.
- Достоевский 1985 — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1985. Т. 28. Кн. 1.
- Комарович 1925 — Комарович В.Л. Достоевский: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л.: Образование, 1925.
- Лазутин 2011 — Лазутин В.В. Идеино-поведенческий комплекс «люди сороковых годов» в литературе конца XIX — начала XX в.: дис. ... канд. филол. наук / ИМЛИ РАН. М., 2011.

- Марков 2015 — Марков В.Ф. Италия в поэзии Михаила Кузмина / пер. с англ. и публ. И.А. Пильщикова // Михаил Кузмин: Литературная судьба и художественная среда / под ред. П.В. Дмитриева и А.В. Лаврова; ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Реноме, 2015. С. 467–479.
- Мирский 1997 — Мирский Д.С. Стихотворения. Статьи о русской поэзии / compiled and edited by G.K. Perkins and G.S. Smith. Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997.
- Мирский 2014 — Мирский Д. О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О.А. Коростелева и М.В. Ефимова; вступ. ст. Дж. Смита. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Окороков 2001 — Окороков А.В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945). М.: Русаки, 2001.
- Островских 2002 — Островских И.Н. Особенности поэтики цикла Аполлона Григорьева «Борьба»: театральность и романизация // Вестник Барнаульского гос. пед. ун-та. Сер.: Психолого-педагогические науки. 2002. № 2. С. 64–71.
- Прац 2003 — Прац М. Белое с золотом / пер. с англ. [и послесл.] А. Юнгрен; примеч. Л. Алешиной // Наше наследие. 2003. № 66. С. 162–173.
- Святополк-Мирский 1929 — Святополк-Мирский Д. Три тезиса об идеократии // Евразия. 1929. 9 февраля. № 12. С. 2.
- Святополк-Мирский 1979 — Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский; вступ. ст. Г.П. Струве. N.Y.: Russica Publishers, 1979.
- Святополк-Мирский 2007 — Святополк-Мирский Д.П. История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007.
- Стефан 1992 — Стефан Дж. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции, 1925–1945. М.: Ex libris, 1992.
- Трубецкой 1995 — Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык / сост. В.М. Живова; общ. ред. В.М. Живова; вступ. ст. Н.И. Толстого и Л.Н. Гумилева. М.: Прогресс, 1995.
- Успенский 1953 — Успенский Г.И. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1953. Т. 6.
- Шеншин 1984 — Шеншин В.К. Ф.М. Достоевский и советский роман 1920-х годов: Учеб. пос. по спецкурсу. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1984.
- Шестов 1921 — Шестов Л. Преодоление самоочевидностей: (К столетию рождения Ф.М. Достоевского) // Современные записки. 1921. № 8. С. 132–178.
- Шкловский 1921 — Шкловский В. Сюжет у Достоевского // Летопись Дома литераторов. 1921. № 4. С. 4–16.
- Шмидт 2000 — Шмидт С.О. «Интеллигенция» — слово пушкинского окружения // Труды Ин-та рос. истории РАН. 1997–1998 гг. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 90–108.
- Carr 1930 — Carr E.H. Dostoevsky (1821–1881): A New Biography / preface D.S. Mirsky. L.: Allen & Unwin, 1930.
- D. S. M. 1924 — D. S. M. <Rev.> Russia: Rivista di Letteratura, Arte, Storia, diretta da Ettore Lo Gatto. Naples (Riccardo Ricciardi), 1923. Anno II, 1 & 2 // The Slavonic Review. 1924 (March). Vol. 2. № 6. P. 659–660.
- D. S. M. 1928 — D. S. M. <Rev.> Storia della Letteratura Russa. Volume I. Dalle Origini a tutto il Secolo XVI. By Professor Ettore Lo Gatto. Publications of the Istituto per

- l'Europa Orientale. Anonima Editoriale Romana. Roma, 1928 // The Slavonic and East European Review. 1928 (June). Vol. 7. № 19. P. 228–229.
- D. S. M. 1929 — *D. S. M.* <Rev.> Rivista di Letterature Slave. Diretta da Ettore Lo Gatto. Anno I, Vol. I., Fasc. I–II. Roma (Anonima Romana Editoriale), Giugno, 1926. Studi di Letterature Slave. By Ettore Lo Gatto, Volume I. Roma (Anonima Romana Editoriale), 1925. Giulio Slowacki, scritti e traduzioni di S. Krasinski, E. de Andreis, O. Skarber-Tluchowski, A. Palmieri, G. Damiani and others. Roma (Maglione e Strini), 1926 // The Slavonic and East European Review. 1929 (January). Vol. 7. № 20. P. 459.
- Efimov 2015 — *Efimov M.* La dimensione russa di «Commerce»: il principe D. Svjatopolk-Mirskij e E. Izvol'skaja // *Enthymema*. Vol. XIII. 2015 (<http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/6706>).
- Gide 1937 — *Gide A.* Le journal des «Faux-Monneyeurs». P.: Gaillimard, 1937.
- Gramsci 1977 — *Gramsci A.* Quaderni del carcere / a cura di V. Gerratana. Volume quarto. Apparato critico. Torino: Einaudi, 1977.
- Gramsci 1999 — Selections from the Prison Notebooks of Antonio Gramsci / ed. and transl. by Quintin Hoare and Geoffrey Nowell Smith. ElecBook. L., 1999. Transcribed from the edition published by Lawrence & Wishart. L., 1971 (<http://www.walkingbutterfly.com/wp-content/uploads/2010/12/gramsci-prison-notebooks-vol1.pdf>).
- Mirsky 1925 — *Mirsky D.S.* Recent Foreign Books // The London Mercury. 1925. № 13. P. 442–444.
- Mirsky 1926 — *Mirsky D.S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. 1926. № 15. P. 222–224.
- Mirsky 1931 — *Mirsky D.S.* Recent Foreign Books // The London Mercury. 1931. № 24. P. 190–192.
- Pécout 1999 — *Pécout G.* Il lungo Risorgimento: la nascita dell'Italia contemporanea (1770–1922). Milano: Mondadori, 1999. P. 77–100.
- Sasso 1992 — *Sasso G.* Variazioni sulla storia di una rivista italiana: «La Cultura» (1882–1935). Bologna: Il Mulino, 1992.
- Smith 1995 — *Smith G.S.* The Letters of D.S. Mirsky to P.P. Suvchinskii, 1922–1931. Birmingham, 1995. (Birmingham Slavonic Monographs. № 26).
- Smith 2000 — *Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. Oxford: Oxford UP, 2000.
- Stephan 1978 — *Stephan J.* The Russian Fascists: Tragedy and Farce in Exile, 1925–1945. N.Y.: Harper & Row, 1978.

Достоевский принадлежал к литературному поколению, известному как «люди сороковых годов»¹. Это поколение занимает центральное место в истории русской литературы: оно оказало воздействие на разрыв между литературой периода крепостничества и новой, буржуазно-интеллектуальной, которая господствовала в течение всей второй половины XIX в. В этом поколении Достоевский занимает особое место, одновременно и характерное, и специфическое. Его первый роман, «Бедные люди», стал главным литературным событием того самого *annus mirabilis*², 1846 г., когда «люди сороковых годов» получили власть в сфере художественной литературы³. При этом Достоевский был единственным среди своих современников, кто сыграл решающую роль в возникновении литературного движения символистов и «богоискателей», пришедших на рубеже XIX и XX вв., чтобы сменить эпигонов «сороковых годов».

Движение «сороковых годов» — это конечный этап культурной революции, начавшейся вскоре после Наполеоновских войн, когда впервые стал ощущаться кризис крепостнического дворянства. На протяжении четверти века (примерно с 1820 г. по 1845 г.) этот кризис развивался медленно и с запозданием. Литература пушкинской эпохи, а также тридцатых годов (Гоголь, Лермонтов) полна диалектической борьбой между старым, крепостным миром и новым, буржуазным. У Пушкина в особенности эти противоречия переплетаются в весьма плодотворных и трагических сочетаниях. Центральное место Пушкина в русской литературе объясняется именно тем фактом, что он являлся средоточием всех линий развития — завершением крепостной культуры и началом всех ростков буржуазной культуры. Достоевский более других осознавал значение великого поэта, и общеизвестно, насколько повлияли на него такие пушкинские образы, как Алеко («Цыганы»), Татьяна, Клеопатра, Герман или Евгений («Медный всадник»).

В середине сороковых годов кризис наконец назрел и породил в литературе движение, которое под воздействием идей Белинского создало мощную школу русского реалистического романа. Но от противоречий, которыми были полны Пушкин и Гоголь, пока еще не были свободны даже и «люди сороковых годов». Их творчество выросло на крепостнической почве, и тень крепостничества преследует их до конца. Их культура не буржуазная, а дворянско-буржуазная; и именно такой в своих основах и остается русская культура до конца века. Возникновение в шестидесятых годах новой, всецело плебейской литературы⁴, свободной от дворянской наследственности, не меняет общей ситуации. Русское общество остается полукрепостническим, и в то же время характер русской культуры и литературы остается полудворянским. Только последующие исторические перевороты конца предыдущего века и начала нового сумеют окончательно вывести их из тени крепостничества.

Само слово «буржуазия», если применять его к русской литературе XIX в., приобретает некое условное, скорее отрицательное, чем положительное, значение. Настоящая русская буржуазия осталась вне культуры и литературы вплоть до конца века. Безусловно, она была господствующей силой в переустройстве новой жизни, но сознание эпохи было выработано не ею, а скорее той прослойкой, которая нам известна под именем *интеллигенции*. Эта прослойка, хоть и развива-

ясь весьма характерно-русским образом, не являлась, однако, специфической монополией России⁵. Для *интеллигенции* характерно отсутствие индивидуальной связи с буржуазией, купеческой и промышленной. В таких западных странах, как Великобритания и Франция, где новое индустриальное общество сложилось раньше, чем в других странах, и независимо от них, представители буржуазной культуры были ядром самой буржуазии. В странах, которые вступили на путь индустриализации позже, развитие буржуазной культуры выразилось, прежде всего, в образовании промежуточной среды, в которой важную роль играли деклассированные элементы (*déclassés*) среднего и мелкого дворянства. Они, так или иначе, предпочитали давать выход своей энергии в свободной интеллектуальной деятельности, а не держаться за уцелевшие феодальные привилегии, уже потерявшие свою ценность. В частности, своего рода *интеллигенция*, довольно похожая на русскую, возникла также и в Италии, где новая культура создавалась по преимуществу усилиями обедневшего дворянства провинциальных городов⁶. Русской *интеллигенции*, а в особенности поколению «сороковых годов», эти наполовину беспочвенные дворяне придавали особенный колорит, и их психология во многом определила интеллигенцию. Среди этих дворян были и весьма состоятельные (Герцен, Тургенев), но развитие социальных отношений приводило их к полному разочарованию в крепостническом режиме и к страстному желанию осуществить переход на европейские, буржуазные рельсы. К этим дворянам можно применить слова Пушкина о господах, которые «лезут в tiers-état⁷». Но им и всей этой массе полудворянской *интеллигенции* не хватает активных черт, присущих буржуазии; психология владельца-предпринимателя была им чужда; поскольку они не жили за счет своего интеллектуального труда, в экономическом плане они оставались явными паразитами. Присутствие активных предпринимательских черт у Толстого характеризует его как фигуру весьма нетипичную для своего литературного поколения и ставит его вне *интеллигенции* в прямом смысле. Столь же специфическими по отношению к основной массе интеллигенции были писатели Островский, Писемский и Лесков, тесно связанные с настоящей буржуазией. Активное начало, практицизм их мировоззрения придают им настолько нерусский облик (т. е. не дворянско-интеллигентский), что на Западе они до сих пор не известны или не вызывают интереса, поскольку в русской литературе ищут лишь сугубо «русские» ценности.

Эти полубеспочвенные дворяне окрашивают своей психологией движение «сороковых годов» и, в целом, всю культуру русской *интеллигенции* вплоть до конца XIX в. (за исключением своей плебейской фазы шестидесятых годов). Но портрет литературной *интеллигенции* не исчерпывается только их личностями. В то время как такие чисто буржуазные элементы, как Островский и Писемский, и такие чисто помещичьи, как Толстой и Фет, находятся наполовину вне *интеллигенции*, эта последняя включает в себя весьма типичную и характерную группу разночинцев*, воспитанных по-дворянски. Эту прослойку можно заметить глав-

* В середине XIX в. «разночинец» (*roturier*) обозначает людей недворянского происхождения, но сколько-то европейским воспитанием.

ным образом среди поколения «сороковых годов». В последующем поколении (в поколении «шестидесятых годов») плебей-разночинец уже освободится от дворянских ценностей и заложит основу новой, демократичной, рациональной и научной культуры.

Но для плебеев «сороковых годов» эта эмансипация еще не произошла. Таким образом, их мировоззрение нагружается системой ценностей, выработанных бунтующей и отвергающей старый мир средой, будучи, однако, пассивной и паразитической — системой чисто эстетических ценностей. Деятельность этих людей отмечена конфликтом между плебейским происхождением и дворянским воспитанием, что влечет за собой трагизм положения интеллигентов-дворян, которые помимо своей воли «лезут в tiers-état». Главными представителями среди этих людей являются Аполлон Григорьев и Достоевский.

Аполлон Григорьев мало знаком западному читателю (впрочем, русскому тоже), но тем не менее при жизни* он был даже более известен, чем Достоевский, и поскольку эти два писателя были социально и идейно глубоко близки, мы можем на примере Григорьева глубже понять Достоевского⁸. Выявление того общего, что было у Достоевского и Григорьева, поможет нам также осознать различие между ними.

Мировоззрение Григорьева, так же как и мировоззрение его современников-дворян, определяется идеалистической эстетикой шеллингианского толка. Как и его соратникам, Григорьеву чужда активная дворянская психология. Как и они, он беспочвенный паразит, который не может принимать участие ни в какой плодотворной деятельности. Но эта неприкаянность беспочвенного человека, которая у Тургенева проявляется в форме гамлетовской, пассивной тоски по дворянскому раю, у Григорьева приобретает форму яркой беспорядочности, кутежа, лишённого всякой дисциплины, форму бесцельных и беспредметных вспышек. Эта беспорядочность проявляется как в жизни (кутежи, трагические романы, неспособность систематически работать), так и в литературе (надрывные цыганские романсы, судорожный, но мощный прозаический стиль, чудовищные преувеличения в суждениях, сопровождаемые гениальными предсказаниями). В отличие от спокойного, проникнутого покорностью меланхолии Тургенева, Григорьев весь состоит из неопределенного волнения без цели, настоящих потрясений, которые для него воплощались в эмоционально-насыщенном слове «борьба» (название его самого значительного цикла⁹). Литературные вкусы влекли его к самым динамичным западным писателям — к Байрону, Гюго, Мишле, Карлейлю¹⁰. Золотая середина, средний стиль, просвещенный гуманизм, умеренный либерализм дворянских

* Аполлон Григорьев родился в 1822 г. (т. е. на следующий год после Достоевского), как и Достоевский — в Москве, в семье чиновников, полудворян, полубуржуа. Он начал свою литературную карьеру в 1845–1846 гг. В 1850-х гг. стал известным критиком. Среди современников Григорьев особо выделял Островского. Последователей его романтически-демократически-националистического направления стали называть почвенниками. В 1863–1864 гг. Григорьев сотрудничал с журналом Достоевского «Время», в котором были опубликованы его самые интересные произведения: «Мои литературные и нравственные скитальчества» и «Парадоксы органической критики». Кроме того, Григорьев писал стихи большой лирической ценности и исключительной оригинальности. Они были опубликованы Александром Блоком в 1915 г. Григорьев умер в 1864 г.

интеллигентов* ему радикально чужды, и его мысль разворачивается через ряд диалектических антитез, которые перерастают в трагические конфликты. Мысль Григорьева проникнута тремя главными антитезами, противопоставлениями — между демократией и консерватизмом, между универсальным и национальным, между индивидуализмом и подчинением среде. И все это на фоне принципиальной психологически-социальной антитезы — между индивидуальным развитым сознанием, которое обнаружило свои высшие ценности в эстетическом созерцании, и сознанием, далеким от рефлексии, социально неопределенным, «органическим» и «почвенническим», которое получало свои силы из социально здоровой среды. Это органическое сознание, которое Григорьев находил в русском купеческом сословии, пока еще не испорченном европейской культурой, было для него предметом высшего эстетического восхищения и возбуждало в нем почти истерический восторг, который, скорее всего, происходил от «комплекса неполноценности» (*Minderwertigkeitskomplex*). Этот же комплекс неполноценности и объясняет его поклонение Островскому, самому социально здоровому человеку среди его современников¹¹.

Все то, что было сказано о Григорьеве, может быть также отнесено *mutatis mutandis*¹² и к Достоевскому. Индивидуальные специфические черты не скрывают их изначального сходства. Разное направление с историко-культурной точки зрения, но схожее в своем различии: Григорьев находит органичную среду и почву, пригодную для идеализации купечества, а Достоевский, в свою очередь, — крестьянства. Буржуазия и крестьяне были естественными источниками притяжения для плебейских интеллигентов, они же являлись двумя основными классами русского общества, двумя основными силами будущего развивающегося буржуазного общества, на которые только и могла полагаться (в то время) плебейская интеллигенция. В последующем, научно-реалистическом поколении шестидесятых годов мы видим эти два ориентира — как сознательную политико-социальную позицию радикально-буржуазной интеллигенции у Писарева и как крестьянское направление у Чернышевского и народников.

Но в пока еще романтическом и воспитанном на дворянских принципах плебее сороковых годов влечение к прогрессивной части буржуазного общества превращается в некую карикатуру. Григорьев идеализирует самые отсталые черты прогрессивных социальных сил. В «купце» он превозносит его инертность и дикость, патриархальную жизнь и мятежный кутеж. Достоевский же восхваляет в крестьянине его угнетенность и «смирение», последствия трех веков крепостной зависимости. Инстинктивное влечение к передовому плебейству пересекается с прославлением в этих же силах как раз того, что не позволяет им стать передовыми и освободиться от наследия крепостнического времени. Органический демократизм превращается в свою противоположность.

Это является первым основным антитезисом у плебейских романтиков, превращающим их в социально-политических гибридов, которые не способны при-

* Безусловно, и среди дворян, в особенности — среди наиболее беспочвенных, можем отметить тот же динамизм и ту же тревогу. Но главный представитель этого дворянства, Михаил Бакунин, принадлежит не литературе, а истории революции.

соединиться ни к павлинам, ни к воронам. Глубоко укоренившийся плебейский инстинкт отдаляет их от всех конкретных проявлений крепостнической реакции, но крепостническое по сути воспитание с ничуть не меньшей силой противопоставляет их любой перестройке мировоззрения в соответствии с задачами и с реальными интересами плебейского общества. Григорьев и Достоевский жили в бесконечной борьбе между двумя фронтами. Эта не была борьба с ветряными мельницами (поскольку их противники справа и слева были более чем реальны), а скорее защита ветряных мельниц: консервативная демократия, во имя которой они боролись, была силой лишь в их воображении. Абсолютная нереалистичность их позиций придает своеобразную двойственность всем их заявлениям: немного сужая, немного приглушая одно из положений антитезы, можно, например, истолковать «Речь о Пушкине» Достоевского как своего рода восхваление русских странников, народников-революционеров — и одновременно приговор им. Эта двойственность позволяет людям доброй воли обнаружить в творчестве Достоевского любое пророчество, как в пифийских оракулах. Разница между Пифией и Достоевским заключается лишь в том, что Пифия не говорила ни «да», ни «нет», Достоевский же и то и другое сразу.

Вторая антитеза, которую можно заметить и у Достоевского, и у Григорьева, национализм/космополитизм, тесно связана с первой. Дворянское, романтическое воспитание тесно связывает их с Западом, а в их плебейской натуре такая же плебейская западная литература возбуждала некоторую симпатию. Для обоих характерен самый настоящий культ эстетических ценностей, созданных на Западе. Этот культ распространяется также на древнюю аристократическую западную культуру. «На коленях перед Расином» Достоевского¹³ — прямой отголосок огромного культурного влияния дворянства, но еще более характерна их приверженность писателям революционного или почти революционного романтизма. Эта симпатия распространялась на Шиллера, Байрона, Гюго, Мишле, демократический сентиментализм Диккенса и плебейский титанизм Бальзака. Но эта наклонность вступает в противоречие с их идеализированным консерватизмом, с их выработанным на протяжении веков крепостничества превознесением «русской души». У Григорьева этот конфликт остается неразрешенным, возбуждая своеобразный «живописно-творческий беспорядок» в его критических оценках. У Достоевского же он принимает облик настоящей системы мистической политики, программой которой является как минимум завоевание Царьграда и как максимум всечеловеческая миссия России, которая должна разрешить для всего мира его противоречия, объединяя в русском всечеловеке все индивидуальные черты других народов — типичная пифическая амфибол*, которую можно истолковать и в духе идеалистического интернационализма, и в духе мирового империализма¹⁴. В качестве объединяющей скрепы между Царьградом и всечеловечностью вводилось православие, которое с помощью самого настоящего *quaternio terminorum*¹⁵ было одновременно и сугубо исторической греко-русской

* «Народник» Глеб Успенский замечает по поводу «Речи о Пушкине» (где эта программа-максимум изложена особо полно), что всечеловек у Достоевского на самом деле — всезаяц, поскольку был до такой степени коварен, что сумел избежать всех реальных проблем.

церковью, и чаемым духовным христианством, носителем которого должен был быть русский крестьянин («богоносец»).

Эта антитеза, основанная на вымышленном синтезе, так же тесно связана и с третьей, между индивидуализмом и тем приматом коллективизма, которому — под влиянием играющих с православной терминологией славянофилов — было дано название «соборность». Для деклассированного, но эстетически («подворянски») воспитанного плебея экстремистский индивидуализм был вполне естественен. Именно из этих деклассированных эстетов и была сформирована литературная богема, вечный источник любого индивидуализма.

Но у этих *bohémien*s столь же естественно рождается тоска по утраченному существованию, тому состоянию невинности, которое они потеряли с падением в *интеллигенцию*. Эта тоска по потерянной плероме консервативной жизни часто встречается в той или иной форме у романтиков-индивидуалистов, но не так явно, как у Григорьева и у Достоевского. У Григорьева эта тоска принимает форму эстетического восхищения основами русской патриархальности, воспетой Островским (несмотря на то что Островский относился очень двойственно к этому явлению) и, с другой стороны, форму теории о хищных и кротких, блестяще им изложенной¹⁶. Хищный тип, сущность которого Григорьев нашел у Байрона¹⁷, является индивидуалистом, самоутверждающимся вопреки любому общественному строю. Кротким, в свою очередь, является тот, кто унижается и подчиняется перед лицом социального закона, перед лицом «народной правды», являясь скромным исполнителем, не способным к самоутверждению. Безусловно, эта идеализация кротости в глубине своей опиралась на восхваление услужливой покорности русского крестьянина и русского гражданина перед лицом Молоха царского режима.

Размышление Григорьева о «хищниках» и «кротких» было усвоено и глубже рассмотрено Достоевским, который идеализацию кротости из эстетической превратил в религиозную. С преодолением чисто эстетического отношения антитеза обостряется до такой степени, что преодолевает границы мысли Григорьева и становится одной из главных причин трагичности у Достоевского. В выявлении этой антитезы Достоевский-творец неизмеримо возвышается над Достоевским-публицистом и «религиозным философом», перепрыгивая силой своей интуиции через вымышленные итоги и устанавливая рекорды индивидуалистического самоутверждения. В мифологическом по своему масштабу образе Ставрогина, в холодном сумасшествии Кириллова, в страстной софистике главного героя «Записок из подполья» и Ивана Карамазова Достоевский открывает глубину анархического индивидуализма, который на Западе появится только в творчестве писателей последующего поколения. Без сомнения, в России того времени были объективные условия для подобной гипертрофии индивидуализма: беспочвенность интеллигентного дворянина и полудворянина могли достигать самых внушительных масштабов. Тем не менее не следует приписывать Достоевскому появление этих черт в современной русской действительности: они существовали скорее *in potentia*¹⁸, чем в реальности, и проявлялись прежде всего в творческой фантазии самого Достоевского. Это верно, что Достоевский замечал эти черты у

так называемых «нигилистов»; но если это верно в отношении террористов шестидесятых годов, как, например, Нечаева (как известно, дело Нечаева служило исходной точкой для «Бесов»), то не надо забывать, что Нечаев вовсе не типичная личность русского революционного движения. Большинство русских революционеров, от Бакунина до Желябова, были личностями совсем другого склада ума. Настоящими же «людьми из Достоевского» были герои декадентского западного индивидуализма: Рембо и Ницше и, несмотря на то что они появились после Достоевского, они выразили трагедию крайнего индивидуализма намного ярче и трагичней, чем Достоевский. Для Достоевского эта трагедия осталась прежде всего литературной трагедией: сам он окончил свою жизнь в обстановке самого идиллического семейного мелкобуржуазного существования. Рембо и Ницше заплатили жизнью за свое индивидуалистическое безумие.

Но если в биографическом плане Достоевский не находится на одном уровне с Рембо и с Ницше, то в эстетическом он выразил самое ясное и глубокое понимание трагедии индивидуализма. В зрелом творчестве Достоевского эта трагедия превращается в трагедию неопределенности. Связь индивидуализма и неопределенности — это именно то, что разительно отличает современный индивидуализм от индивидуализма эпохи Возрождения. Этот последний, который мы можем проследить в самом чистом и насыщенном виде, с одной стороны, в жизни таких итальянцев, как Чезаре Борджиа и Бенвенуто Челлини, а с другой — в творчестве великих английских драматургов, от Марло до Уэбстера (в частности, «Тамерлан» Марло и «Кориолан» Шекспира), идет от бурной юности буржуазной культуры, когда индивидуальному действию вдруг открылись горизонты, прежде немыслимые. Индивидуализм Возрождения — это индивидуализм конкретной воли, воли как непреложного факта, воли как *donnée immédiate*¹⁹ индивидуального сознания. Его проявления являются борьбой за богатство, за власть, за славу. Это индивидуализм тирана, *conquistador*'а и *merchant adventurer*'а²⁰. Современный индивидуализм возникает не из новых возможностей для индивидуальной энергии, а от неудавшегося приспособления, от неудачливого использования внутренней энергии в любой сфере. Это протест против исторической зависимости индивидуальной воли, против причинности, протест неосуществимой энергии против исторического процесса, который ее создал. Отсюда неопределенность. Индивидуализм, вместо того чтобы стать утверждением конкретной воли, становится утверждением отвлеченной свободы. Отвлеченная свобода становится главным мотивом Достоевского в работе над «Записками из подполья» (1864). Это произведение, находящееся на границе искусства и философии, является ключом ко всему последующему творчеству Достоевского; наивысшее художественное воплощение этой проблемы содержится в образе Ставрогина. Трагедия отвлеченной свободы является именно трагедией, так как утверждение неопределенной свободы личности заключает в себе полную отмену ценностей, полное уничтожение «смысла жизни». Подтверждая собственную свободу, герой Достоевского утверждает отсутствие смысла существования.

Единственным логическим выводом становится признание столь же независимой, сколько и — в рациональном смысле абсурдной — внешней религи-

озной ценности мистической веры в совершенно свободного Бога, т. е. совершенно иррационального. Эта постановка вопроса, надо сказать, является всего лишь предельным заострением творчества Достоевского. Для понимания роли Достоевского в истории русской культуры важно обратить внимание на то, что современниками эта последняя «бездна» Достоевского не была замечена. В современном Достоевскому русском обществе были только зачатки этой трагедии «беспочвенности», которые лишь одной могучей художественной силой могли быть введены в индивидуальное сознание, но пока еще не в социальное. Потому этот аспект Достоевского мог быть понят только последующим поколением. Это в особенности присуще Льву Шестову, указавшему на центральное место «Записок из подполья»²¹ и проблемы свободы в творчестве Достоевского*; на Западе такое понимание встречается у Андре Жида, который, впрочем, упростил проблему отвлеченной свободы до почти карикатурной формы в своем понятии *acte gratuit*²².

В самой острой форме, в более близком ему понимании современности антитеза индивидуального и общего дана Достоевским в трагедии Раскольникова. Эта антитеза между индивидуальным стремлением к улучшению мира вопреки возможным страданиям отдельных людей, распад личности, сочувствие к любому чужому страданию, и все это на фоне страдания всего мира. Несмотря на неизбежную для Достоевского двойственность в решении проблемы, где в Раскольникове осуждается и индивидуалист-«хищник», и индивидуалист — благодетель человечества, нельзя не видеть, что, в сущности, она разрешается строго рациональным образом. Осуждение Раскольникова является осуждением любой Революции, апофеозом рабства и духовного застоя. Любое страдание свято и очистительно, и никто не виновен (или, что не меняет смысла, все виновны) в этом страдании, которое является неизбежным последствием сохранения status quo; но никто не имеет права причинять страдание даже одному человеку ради осуществления любой необходимой человеческому обществу цели. Человек свят, когда страдает**. Во имя реакционной соборности приносятся в жертву интересы того же коллектива, «правда» которого возвышается общей высшей волей. Отсюда порочный круг, столь характерный для любого учения, отрицающего преимущество индивидуальной деятельности. Достоевский приближается к Толстому (Толстому «Войны и мира», где тот восхвалял «роевую жизнь» и осмеивал индивидуальную деятельность, и Толстому-толстовцу, который проповедовал принцип непротivления злу насилием), а также к генералу Драгомирову***, который восторгался покорностью и подчинением русского солдата. «Святой серый зверек»²³, как Драгомиров называл русского солдата, это всего лишь перевод на генеральский язык фразы Достоевского о «народе-богоносце».

* Ошибка Шестова заключается в представлении индивидуализма и мистического абсурда как простого тождества, а не единства противоположностей.

** Оставлю в стороне чисто патологическую сторону этого культа страдания. Без сомнений, психологически этот культ является результатом сублимированного садизма, но историче важно социальное, а не индивидуальное происхождение литературных фактов.

*** Известный в свое время военный деятель и писатель, защищавший «русские» (т. е. крепостные) принципы.

До этого момента я говорил только об идеологической стороне Достоевского, о его сознательном учении. Что же касается большого романиста, подобный подход является, по меньшей мере, односторонним и, обращаясь к творчеству, к поэтической энергии Достоевского, можно найти очень существенные коррективы к тому, что было сказано до сих пор. В первую очередь, несмотря на сущностную пассивность идеологии Достоевского, которая приближала его не только к его соратнику Григорьеву, но и к дворянской *интеллигенции* того поколения, в Достоевском-романисте, наоборот, мы видим очень активную жизненную позицию, надрывный драматизм, решительно далекий от главной линии русского романа, начиная с Тургенева и кончая советскими литераторами начала третьего десятилетия нашего века. Романы Достоевского настолько пропитаны драматизмом, что, как известно, нет ничего более простого, чем преобразовать любой из них (от «Села Степанчикова и его обитателей» до «Карамазовых») в театральную пьесу, беря за основу для ремарок лишь текст без диалогов. Театральная техника (диалог и относительное единство места) вдвойне подчеркивает сильную драматичность внутренней структуры этих романов. Драматичность, не боящаяся неожиданных поворотов, — редкое явление в русской литературе послепушкинской эпохи, что сближает Достоевского только с двумя его современниками — Писемским и Лесковым, которые также рассматривали роман не как однообразную и непрерывную эволюцию, а как диалектику, осуществляющуюся посредством конфликта антитез. (Это в особенности относится к Писемскому и его блестящим шедеврам, к сожалению, неизвестным Западу, — драме «Горькая судьбина» и роману «Тысяча душ».) И Писемский, и Лесков были тесно связаны с более активными и социально более здоровыми элементами демократической буржуазии. Присутствие схожей черты у Достоевского позволяет увидеть и у него глубокую органичную близость с распространителями русской «индустриальной революции», активно строившими свою новую жизнь, с плебеями-предпринимателями*.

Но и здесь мы видим в Достоевском неизбежную двойственность. Если в Писемском или в западном учителе их обоих, Бальзаке, мы видим совершенно ясное драматическое направление, которое, безусловно, зависит от конкретной страсти или от сознательной цели, то драматическая активная позиция героев Достоевского проникнута той же неопределенностью, что присуща его философии. Такие драматически «обычные» персонажи, как Петр Верховенский, который прекрасно знает, чего он хочет, являются исключением. Обычно причины поведения героев Достоевского сложны и двусмысленны. Их конфликты рождаются не только между ними, но и внутри них самих, и эти внутренние конфликты отнюдь не просты, как иногда их представлял сам Достоевский («Бог и дьявол», «идеал Мадонны и идеал Содомы»), они существуют на молекулярном уровне. Движение на этом уровне относится к обычной драме как непрерывное дрожание при целенаправленном движении. Подобное молекулярное дрожание конфликтов приводит к существенной антитезе строений Достоевского (антитезе между видимой

* Ту же форму активной жизненной позиции мы можем заметить у таких демократическо-буржуазных революционеров, как Желябов.

скоростью темпа драматического движения и огромным замедлением реального ритма). Иллюзорность быстрого темпа достигнута непрерывным дрожанием минимальных частиц воли. Отсюда, несмотря на огромное драматическое напряжение его романов и на трагичность персонажей, следует, что основное впечатление, вызванное Достоевским, это не драматическая величина, а психологическое раздробление. Молекулярная структура воли приводит к поиску опоры в интроспекции, и Достоевский, в конце концов, является духовной пищей не для тех, кто имеет волю и цель, а для интроспективных интеллигентов. Стил Достоевского — это растворение драматичности. В основе этого распада действия лежит чувство бесполезности и беспочвенности эстетически воспитанного интеллигента. У него есть энергия, исходящая от здоровой социальной почвы, но эта энергия расколота и раздроблена, она не была применена ни для какого социально значимого труда.

Современники усваивали самые простые черты Достоевского, те, которые непосредственно связаны с историческим контекстом. Они видели антитезы демократизма и консерватизма, национального и универсального, индивидуальной воли и коллективной «правды» «народа», так же как видели, где находились эти антитезы и сколь двусмысленны ответы Достоевского. Для них Достоевский был социальным писателем, хоть и двусмысленным и не имеющим «применения» в обществе. Бушевавшие в Достоевском на большой глубине силы в современном ему обществе были еще в зачаточном состоянии, чтобы их преждевременное развитие в произведениях Достоевского могло вдруг оказаться социально значимым. Такой, более глубокий Достоевский был принят позже. В России эпоха достоевщины начинается примерно в 1890 г. публикацией первого из длинного ряда «религиозно-философских» комментариев к Достоевскому, «Легенды о Великом Инквизиторе» Розанова.

Влияние Достоевского с 1890 г. по 1920 г. было весьма многообразным, и невозможно свести его к единому знаменателю. Мы можем выделить три основных направления этого влияния: влияние психологизма и индивидуализма Достоевского на литературные течения, связанные с декадентством и символизмом; влияние его «христианской» и славянофильской идеологии на «религиозно-философские» и неонационалистические течения; и позже возникающее влияние искусства Достоевского-романиста на романистов второго и третьего десятилетий нашего века.

Первое среди этих направлений связано с образованием сугубо буржуазной *интеллигенции*, антисоциалистической и упадочнической. Для русской буржуазии характерно это позднее ответвление капиталистического общества, которое после периода бескультурья, после явного обогащения второй половины XIX в. начинает впервые создавать свою собственную, только лишь буржуазную культуру (отличающуюся от предыдущей, дворянско-интеллигентной), уже изначально являющуюся культурой дегенерации и упадничества. Русская буржуазия не имела здоровой зрелости, не имела того мощного мужества, которое позволило западной буржуазии породить таких личностей, как Бальзак и Теккерей. (Писемский и некоторые другие писатели этой группы соответствуют гораздо более ранней фазе открытия буржуазной культуры.) Эта новая просвещенная буржуазия,

литературным выражением которой был символизм, была уже больна такими болезнями, которые делали ее чувствительной ко всему, что было сдвинуто, ко всему аномальному, ко всему, что было *maladjusted*²⁴, и Достоевский в своем индивидуалистическом проявлении стал для них настоящим праздником. Это как раз и является самой настоящей достоевщиной, выражением пассивного, эстетического, интровертного индивидуализма, боящегося жизни и ее реального действия, но вместе с тем тревожного, несчастного, полного дурных предчувствий. Именно этот аспект Достоевского становится основой достоевщины Западной Европы, где он может объединиться с новой пуританской традицией (в последней фазе распада), как у Андре Жида, с боязливым мелкобуржуазным сентиментализмом, как у Миддлтона Марри, или с анархическим революционизмом беспочвенного мелкого буржуа, как у немецких «Edelkommunisten»²⁵. Но всегда и везде достоевщина является признаком глубокой социальной непригодности и связана с возращением беспочвенных и паразитов.

Другая линия христианско-славянофильского влияния тесно связана с еще одним аспектом возникающей русской буржуазии. Как для того же Достоевского в семидесятых годах, так и для идеологов русского империализма накануне и во время европейской войны существовала проблема найти идеологическое оправдание буржуазной власти в общем и в особенности — русским аппетитам в отношении Царьграда. Случайная историко-географическая причина, которая связала православие с главным предметом русских аппетитов, делала из этой религии идеальное идеологически удобное средство. С другой стороны, была необходима идеология, которая могла бы противодействовать возрастающей силе социализма. Достоевский был особенно удобен для этого потому, что, с одной стороны, его острый индивидуализм сильно противодействовал любому активному коллективизму, а, с другой, он нашел суррогат идеи политико-материалистического коллектива в формально похожей, но по сути враждебной «христианской» идее, то есть в пассивной соборности. Для болезненно-упадочного характера русской буржуазии симптоматично, что она искала идеологическое оправдание в болезненно мистической и одновременно логически двусмысленной системе. Ясного света разума она боялась. Более здоровые буржуазии, как, например, американская, не нуждаются в этих дымовых завесах для собственного идеологического утверждения*. Третья линия влияния Достоевского, в большей степени формально-литературная, зарождается позже и проявляется сильнее, чем где бы то ни было, в романах Андрея Белого (особенно в «Петербурге», 1913). Она менее значительна, чем другие, и меньше связана с Достоевским, понятым как феномен истории культуры. Она даже играла роль реакции против достоевщины, поскольку пассивной и раздробленной («дрожащей») интроспекции Достоевского-психолога противопоставила Достоевского как драматурга и мастера композиции. Эта драматическая и конструктивная реакция против избыточности психологизма связана с появлением новой социальной группы в литературе и с ростом значения

* Ради справедливости необходимо сказать, что в русском империализме были более здоровые и логически выдержанные течения: Милюков не прятал своих претензий обладать проливами под рассуждения о православии и цитаты из Достоевского.

новых плебеев, новой технической *интеллигенции*. Белый (предшественник этого движения) был больше увлечен Достоевским, чем другими, более драматическими примерами потому, что он сам был началом этой реакции: раздробленный психологизм именно в нем достигал своих крайних пределов, хотя в нем же самом возникало его собственное отрицание, в склонности к драматическому построению. Объединение двух этих элементов, хоть в иной комбинации, превращает Белого и в самого близкого к Достоевскому романиста, и в самого оригинального из его литературных учеников²⁶.

В следующем поколении писателей третьего десятилетия этого века все еще сильно влияние Достоевского как конструктора драматических форм, но именно в это время его присутствие в умах ослабевает и его формальное влияние начинает переплетаться с влиянием Стивенсона и Дюма. Интереснее воздействия Достоевского на советский роман²⁷ тот способ, которым его истолковывают советские литературные критики формальной школы²⁸: для них он интересен только как гениальный мастер драматического романа, и они не устают настаивать на его родстве с детективным романом и с романом *boulevardier*²⁹. Ясно, что при подобном истолковании все специфические черты Достоевского стираются. Перемена позиции, из-за которой Достоевского начинают воспринимать как драматурга и конструктора форм, возникает и на Западе (особенно в Англии), но можно подумать, что и здесь она, пожалуй, является только последствием первых шагов драматическо-конструктивной реакции против психологизма, это ее первые стадии, для которых психологизм по-прежнему остается основным фоном. Достоевский характеризуется именно как объединение раздробленного и интроспективного психологизма высшей степени с большой силой драматического построения; но, отделив первый элемент от второго, мы не видим, чтобы в драматизме Достоевского были элементы, не существовавшие прежде — и в еще большей степени — у Шекспира или Бальзака. Школа чистого драматического романа может существовать и без Достоевского.

Перевод выполнен по изданию: *Mirskij D.S. Il posto del Dostojevskij nella letteratura Russa // La Cultura. 1931. № 2. P. 100–115.*

¹ В понятие поколения 1840-х гг. включались, в зависимости от подхода, либо только западники (кружок Н.В. Станкевича, В.Г. Белинский, Т.Н. Грановский, А.И. Герцен и др.), либо, шире, также и их современники-славянофилы. Мирский придерживался более широкой трактовки, выделяя людей не столько по их идеологии, сколько по психологическим особенностям, общим для этого поколения. Подробно см. в диссертации: [Лазутин 2011]. См. также роман А.Ф. Писемского «Люди сороковых годов» (1869) и стихотворение Н.А. Некрасова «Человек сороковых годов» (1866–1867).

² Год чудес (*лат.*), период, отмеченный исключительно важными переломными событиями. Выражение вошло в широкий оборот после того, как Дж. Драйден назвал свою поэму «Annus mirabilis» (1666), отразив богатый на события год.

³ В сентябре 1846 г. Н.А. Некрасов и И.И. Панаев купили у П.А. Плетнева журнал «Современник», в который привлекли лучших авторов того времени. Первый номер обнов-

ленного журнала открывался программной статьей В.Г. Белинского «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (Современник. 1847. № 1. С. 1–56).

⁴ Мирский имеет в виду разночинцев.

⁵ Это суждение Д. Мирского идет вразрез с бытовавшим на протяжении многих десятилетий мифом об уникальности и единственности русской интеллигенции, якобы не имеющей аналогов в мире. Лишь в последнее время стали слышны мнения, оспаривающие миф как в целом, так и в деталях, вплоть до происхождения самого понятия, «крестным отцом» которого принято было считать П.Д. Боборыкина. См.: [Шмидт 2000; Аннинский 2000].

⁶ См.: [Pécourt 1999].

⁷ Третье сословие (*франц.*).

⁸ В книге «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924) Мирский писал: «Григорьев был романтик, и притом *русский* романтик. Стихотворное мастерство в нем достигает своего надира, но по темпераменту он был, несомненно, *гением*, и изучение его творчества и его личности в настоящее время, несомненно, одна из самых волнующих и плодотворных тем» ([Святополк-Мирский 1979, с. 185], курсив Мирского). См. также письмо к П.П. Сувчинскому от 17 ноября 1925 г.: «Случайно приобрел “Материалы для биографии Аполлона Григорьева” и зачитываюсь ими. Какой чудный человек, и какой ум, и какая гениальность мысли и чувства! Хотя, конечно, ни в малой мере не вождь» [Smith 1995, p. 42].

⁹ Лирический цикл «Борьба», включавший лучшие стихотворения А.А. Григорьева, был опубликован в 1857 г. в шести номерах журнала «Сын отечества» (№ 44–49). На исключительную важность темы борьбы для А.А. Григорьева обращали внимание многие исследователи его жизни и творчества, начиная с А.А. Блока, который еще в 1915 г. в статье «Судьба Аполлона Григорьева» написал: «“Борьба, борьба”, — твердит Григорьев во всех своих стихах, употребляя слово как символическое, придавая ему множество смыслов; в этой *борьбе* и надо искать ключа ко всем суждениям и построениям Григорьева-мыслителя» [Блок 1962, с. 499]. См., в частности, в специальной статье, посвященной этому циклу: «Тема борьбы — сквозная в творчестве зрелого Григорьева. <...> Семантика этого слова для Григорьева, действительно, многозначна: это и борьба со страстью в душе героя, “поединок роковой” Еgo и Ее, конфликт Я и Мир, противоборство ангельского и дьявольского в этом мире» [Островских 2002, с. 64].

¹⁰ В главке «Аполлон Григорьев» книги «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927) Мирский писал: «Байрон, Виктор Гюго и Шиллер были его любимцами. Он восхищался Карлейлем, Эмерсоном и Мишле. К Мишле он особенно близок. Может быть, самое ценное в критических теориях Григорьева — его интуитивное постижение жизни как органического, сложного, самообусловленного единства, очень напоминает великого французского историка» [Святополк-Мирский 2007, с. 332].

¹¹ В письме к П.П. Сувчинскому от 17 ноября 1925 г. Мирский писал: «А знаете еще что — Григорьев был почти прав в своем отношении к Островскому. Конечно, был подлинный гений, и подлинно русский (не дворянско-интеллигентский) гений; но с подлинной русской (к сожалению) циничностью или беспринципностью подлаживался к Тушинцам» [Smith 1995, p. 42].

¹² С учетом соответствующих различий (*лат.*).

¹³ Такого выражения у Ф.М. Достоевского нет, он писал 1 января 1840 г. брату Михаилу: «С чего ты взял сказать: нам не могут нравиться ни Расин, ни *Корнель* (!?!), оттого что у них форма дурна. Жалкий ты человек! Да еще так умно говорит мне: *Неужели ты думаешь, что у них нет поэзии?* У Расина нет поэзии? У Расина, пламенного, страстного, влюбленного в свои идеалы Расина, у него нет поэзии? И это можно спрашивать. Да читал ли ты “*Andromaque*”, а? брат! Читал ли ты “*Iphigénie*”; неужели ты скажешь, что это не прелестно. Разве Ахилл Расина не гомеровский? Расин и обокрал Гомера, но как обокрал! Каковы у

него женщины! Пойми его. Расин не был гений; мог <ли> он создать драму! Он только должен подражать Корнелю. А “Phedre”? Брат! Ты бог знает что будешь, ежели не скажешь, что это не высшая, чистая природа и поэзия. Ведь это шекспировский очерк, хотя статуя из гипса, а не из мрамора. Теперь о Корнеле? <...> Читал ли ты “Le Cid”. Прочти, жалкий человек, прочти и пади в прах пред Корнелем. Ты оскорбил его!» [Достоевский 1985, с. 70]. Мирский, вероятно, по памяти пытался воспроизвести это письмо и написал «на коленях перед Расином», имея в виду «пади в прах пред Корнелем».

¹⁴ Амфиболия — двойственность, двусмысленность (*греч.*).

Г.И. Успенский написал о всезащитце у Ф.М. Достоевского, откликаясь на его Пушкинскую речь в статье «Пушкинский праздник: Письмо из Москвы» (Отечественные записки. 1880. № 6. С. 173–196): «Достоевский к всеевропейскому, всечеловеческому смыслу русского скитальчества ухитрился присовокупить великое множество соображений уже не всечеловеческого, а всезащитного свойства. Эти неподходящие черты он разбросал по всей речи, где по словечку, где целыми фразами, и всегда вблизи с разговорами о всечеловечности. Чтобы читатели могли яснее видеть, до какой степени речь г. Достоевского теряет в понимании благодаря этим заячьим прыжкам, приведем выписки из подлинного, напечатанного текста. <...> Такие заячьи прыжки дают автору возможность превратить мало-помалу все свое “фантастическое делание” в самую ординарную проповедь полнейшего мертвения. Помаленьку да полегоньку, с кочки на кочку, прыг да прыг всезащит мало-помалу допрыгивает до непроходимой дебри, в которой не видать уж и его заячьего хвоста» [Успенский 1953, с. 422].

¹⁵ Учетверение терминов (*лат.*), логическая ошибка в заключении, возникающая в результате двусмысленного употребления понятия.

¹⁶ В цикле статей «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859).

¹⁷ Ср. в «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927): «“хищный тип”, воплощенный в Лермонтове (и его Печорине), а больше всего в Байроне, был для Григорьева неотразимо притягателен» [Святополк-Мирский 2007, с. 332].

¹⁸ В возможности (*лат.*).

¹⁹ Непосредственная данность (*франц.*).

²⁰ Торговец-авантюрист (*англ.*).

²¹ По мнению Л. Шестова, выйдя на свободу, «Достоевский вдруг “увидел”, что небо и каторжные стены, идеалы и кандалы вовсе не противоположное, как хотелось ему, как думалось ему прежде, когда он хотел и думал, как все нормальные люди. Не противоположное, а одинаковое. Нет неба, нигде нет неба, есть только низкий, давящий “горизонт”, нет идеалов, возносящих горе, есть только цепи, хотя и невидимые, но связывающие еще более прочно, чем тюремные кандалы. И никакими подвигами, никакими “добрыми делами” не дано человеку спастись из места своего “бессрочного заключения”. <...> Это новое “видение” и составляет основную тему “Записок из подполья”, одного из самых замечательных произведений не только русской, но и мировой литературы. <...> “Записки из подполья” не обсуждаются и даже не называются по имени ни в одном философском учебнике. Нет иностранных слов, нет школьной терминологии, нет академического штампа: значит, не философия. На самом же деле, если была когда-либо сделана “Критика чистого разума”, то ее нужно искать у Достоевского — в “Записках из подполья” и в его больших романах, целиком из этих записок вышедших» [Шестов 1921, с. 140–141, 153].

В 1926 г. Мирский писал П.П. Сувчинскому: «Это поколение, рожденное в годы творчества Достоевского (“Записки из подполья” 1864–1881), не принесет чистого плода» [Smith 1995, p. 57].

²² Беспричинный поступок (*франц.*). Андре Жид считал, что крайней степенью свободы воли может быть убийство, лишенное обычных криминальных мотивов, совершенное

как «идеальное преступление» для избавления мира от вредного человеческого существа. Такой поступок, по его мнению, может быть ничем не мотивирован, *acte gratuit*. Эту философию идеального убийства Андре Жид выразил в романе «Фальшивомонетчики», а позже еще более внятно в книге «Дневник “Фальшивомонетчиков”», см.: [Gide 1937].

²³ Драгомиров Михаил Иванович (1830–1905) — военный деятель, педагог и теоретик, начальник Николаевской академии Генерального штаба (1878–1889), генерал-адъютант, генерал от инфантерии (1891), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1897–1903). Источник цитаты установить не удалось.

²⁴ С отклонениями (*англ.*).

²⁵ Дворянские коммунисты (*нем.*). Также существовал вариант перевода: «благородные коммунисты».

²⁶ Ср. в «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» (1926): «Насколько “Серебряный голубь” идет от Гоголя, настолько же “Петербург” идет от Достоевского, но не от всего Достоевского — только от “Двойника”, самой “орнаментальной” и гоголевской из всех “достоевских” вещей. По стилю “Петербург” не похож на предшествующие вещи, тут стиль не так богат и, как и в “Двойнике”, настроен на лейтмотив безумия» [Святополк-Мирский 2007, с. 715].

²⁷ См.: [Шеншин 1984].

²⁸ Речь идет в первую очередь о работе: [Шкловский 1921]. См. также: [Комарович 1925].

²⁹ Бульварным (*франц.*).

«ЗНАЕМ, ЧТО НА ПОДЪЕМ ВЫ НЕ ОЧЕНЬ ЛЕГКИ...»

Письма П.Н. Милюкова к И.А. Бунину, 1921–1937 гг.

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии А.В. Бакунцев*

У русской эмиграции первой волны, с ее разнообразием политических взглядов и художественных предпочтений, с ее социальной и культурной неоднородностью, как известно, не было единого духовного вождя, хотя на эту роль притязали многие — от великого князя Николая Николаевича до А.Ф. Керенского. Групповщина, явившаяся естественным следствием внутренней разлаженности эмигрантской среды, столь же естественно и неизбежно привела к появлению целого ряда «локальных» лидеров, пользовавшихся доверием и авторитетом лишь внутри своего круга, своей партии, организации или группировки. Попытки объединить эмиграцию под тем или иным — монархическим, республиканским, демократическим и даже общенациональным — флагом ни к чему не привели. Соответственно, и место «всеэмигрантского» лидера, который устроил бы если не всех, то большинство, так и осталось вакантным.

Тем не менее — по крайней мере, с точки зрения собственного «общественного веса», влияния на эмигрантскую общественность, как бы оно ею ни оценивалось, — наиболее вероятными претендентами на этот «титул», несомненно, были только двое: профессиональный политик, ученый-историк П.Н. Милюков (1859–1943) и писатель И.А. Бунин (1870–1953). Первый издавал самую читаемую эмигрантскую газету «Последние новости»; второй, будучи одним из самых читаемых авторов, фактом получения Нобелевской премии по литературе подарил эмиграции особую (пусть и тщетную) надежду на некие перемены к лучшему в ее участи.

О Милюкове и Бунине по отдельности написано немало. Но их личным, деловым и творческим взаимоотношениям в исследовательской литературе, как ни странно, уделяется недостаточно внимания — притом что тема эта не только чрезвычайно интересна, но и чрезвычайно важна в контексте истории литературы и журналистики русского зарубежья¹. Данная публикация призвана хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

¹ К сожалению, и в тех немногочисленных исследовательских работах, где речь заходит о взаимоотношениях Бунина и Милюкова, нередко встречаются неточности, а то и грубейшие фактические ошибки. Особенно в этом смысле «отличилась» недавно вышедшая в серии «Жизнь замечательных людей» книга Г. Чернявского и Л. Дубовой «Милюков» (М., 2015), где ничтоже сумняшеся утверждается, что на страницах милюковских «Последних новостей» были напечатаны: речь Бунина «Миссия русской эмиграции» (которая почему-то названа «обращением»), отрывки из «Митиной любви» и «фрагменты книги “Окаянные дни”» (с. 419).

* * *

Скорее всего, Бунин и Милюков познакомились 3 или 4 апреля 1917 г. в Петрограде. Знакомство могло состояться на открытии выставки финского искусства в салоне Н.Е. Добычиной на Марсовом поле, или на банкете в честь финских художников в знаменитом некогда ресторане «Павел Донон, Бетан и Татары», или на обеде у Г.В. Плеханова². До этого писатель и лидер Партии народной свободы (иначе — партии конституционных демократов или попросту кадетов) просто знали о существовании друг друга³, хотя возможность познакомиться у них возникала не раз. Так, в 1912–1918 гг. Бунин то и дело печатался в газете Милюкова «Речь». А в октябре 1913 г. оба выступали на юбилее «Русских ведомостей».

Судя по бунинскому письму к В.Н. Муромцевой от 5 апреля 1917 г., Милюков, еще занимавший в то время пост министра иностранных дел Временного правительства, произвел на писателя хорошее впечатление — по крайней мере, как оратор: «...речь Милюкова в честь новой жизни финнов — хорошо и просто говорит...» [Бунин 2007, с. 384]. О Милюкове-человеке в письме нет ни слова. Но, с другой стороны, мы совсем не знаем, какое мнение о Бунине сложилось у Милюкова: в его опубликованных дневниках периода революции и Гражданской войны имя писателя не упоминается вовсе (см.: [Милюков 2005]).

В начале октября 1917 г. Бунин отправил Милюкову сдвоенный экземпляр 5-го и 6-го томов своего «Полного собрания сочинений» (Пг., 1915) с дарственной надписью: «Павлу Николаевичу Милюкову в знак глубокого уважения. Ив. Бунин. 1.X.1917»⁴. Но, похоже, Милюков даже толком не раскрывал книгу: она большей частью не разрезана, следы чтения (например, заметки на полях) отсутствуют. Очевидно, в то время литератор Бунин очень мало интересовал политика Милюкова. Настолько мало, что в июне 1921 г., уже в Париже, Бунину пришлось знакомиться с Милюковым заново. Это случилось на выставке «Мира искусства». Милюков, не узнавший в В.Н. Муромцевой племянницу своего соратника по партии, председателя I Государственной думы С.А. Муромцева, все просил ее напомнить, где они раньше виделись (см.: [Устами Буниных 2005, с. 36]).

Именно с середины 1921 г. началось более или менее регулярное общение Бунина с Милюковым, который к тому времени окончательно перебрался из Лондона в Париж. Однако их формально-этикетная любезность по отношению друг к другу так никогда и не переросла в подлинную взаимную дружбу, что, как нам кажется, следует объяснять прежде всего разностью политических убеждений.

² События этих двух дней описаны Буниным в письме к В.Н. Муромцевой от 5 апреля 1917 г. [Бунин 2007, с. 384–385]. О финском вернисаже и банкете, состоявшихся 3 апреля 1917 г., речь идет также в «Окаянных днях» [Бунин 1925, с. 2; 1935, с. 112–115] и в «Автобиографической заметке» [Бунин 1950, с. 53–55].

³ По крайней мере, у Бунина имя Милюкова было на слуху с конца XIX в. Об этом говорят строки из его письма от 22 марта 1897 г. к бывшему редактору журнала «Новое слово» С.Н. Кривенко. После перепродажи издания группе легальных марксистов Кривенко покинул редакцию, и Бунин из солидарности с ним прекратил свое сотрудничество в «Новом слове», печатавшем его произведения с 1895 г. Узнав, что в числе новых сотрудников журнала будут В.В. Вересаев, П.Н. Милюков, С.Н. Булгаков, Г.А. Джаншиев, писатель прокомментировал это сообщение следующим образом: «Мне сдается, что дело ихнее совсем не выгорит: Милюков, Булгаков и Джаншиев... Что общего?» [Бунин 2003, с. 238].

⁴ ОРК РНБ. Л30 Б-3/166-5, 6.

Принципиальное политическое расхождение Бунина с Милюковым обнаружилось в начале 1920-х гг. И тот и другой испытали жестокое разочарование в итогах Гражданской войны, однако из этих итогов они сделали прямо противоположные выводы.

Милюков провозгласил так называемую «новую тактику» борьбы с большевизмом, которая среди прочего предполагала отказ от военного противостояния советской власти, роспуск эвакуированных из Крыма врангелевских частей, признание революции как свершившегося факта, всемерную поддержку антибольшевистских процессов и сил внутри самой России. Следствием этой идейной «эволюции» стало заметное «полевение» Милюкова. Под предлогом создания единого Республиканско-демократического блока он начал искать контактов с умеренными левыми (главным образом социалистическими) партиями и группировками, обосновавшимися в эмиграции, и в то же время повел планомерную пропагандистскую войну против Белого дела и его вождей: генералов П.Н. Врангеля, А.П. Кутепова, великого князя Николая Николаевича. Особенно острый характер эта «война» приобрела после того, как автор «новой тактики», расколовшей надвое не только эмигрантскую общественность, но и его собственную партию, стал хозяином дотоле нейтральных «Последних новостей».

Напротив, Бунин, несмотря на разгром Белых армий, не изменил своего отношения к «белой идее», приверженность которой он сохранял, по крайней мере, до начала Великой Отечественной войны. В противоположность Милюкову, писатель был «за Врангеля и Кутепова», за их соратников, за интервенцию и считал, что «только сильная военная власть может восстановить порядок, усмирить разбушевавшегося скота» [Устами Буниных 2005, с. 93]. Такая позиция способствовала сближению Бунина с правоцентристскими кругами эмиграции — и персонально с независимым социалистом В.Л. Бурцевым, с либеральным консерваторм П.Б. Струве, с правыми кадетами А.В. Карташевым и В.Д. Набоковым и другими. Отражалась она и в его общественной деятельности и публицистике.

Вместе с тем возникновению по-настоящему добрых отношений между Буниным и Милюковым мешали и некоторые личные свойства того и другого. В окружении Бунина Милюков имел репутацию «бога бестактности» [Там же, с. 163]⁵. Таковым, по-видимому, его считала и чета Буниных. Думается, неслучайно Вера Николаевна столь тщательно воспроизвела в своем дневнике неоднозначную характеристику, которую Милюкову «заглазно» дал барон Б.Э. Нольде во время частного разговора в марте 1922 г., на панихиде по В.Д. Набокову: «Он — человек со всеми замашками из подполья, интеллигент до мозга костей, главным образом по инстинкту. Теоретически он правее, но тяга у него всегда влево. <...> У него нет чутья к людям, к среде, к событиям, отсюда у него необыкновенная бестактность.

⁵ Авторство этой характеристики принадлежало В.Л. Бурцеву, который был возмущен стремлением Милюкова и возглавляемого им левого крыла Партии народной свободы создать в начале 1920-х гг. единый блок с партией Керенского. Бурцев предвидел в таком объединении «большое русское национальное несчастье». Еще с 1917 г. он был непримиримым врагом бывшего министра-председателя Временного правительства и считал, что «без Керенского у нас не было бы Ленина, и впредь большевизм до тех пор будет царить в России, пока в ней будет царить керенщина» [Бурцев 1921, с. 1].

<...> Человек он с необыкновенным здоровьем и необыкновенными нервами. Работоспособность поразительная. Он может почти ничего не есть, почти не спать и не ослабеть. Властолюбив» [Там же, с. 69].

Но и Милюков — этот, по выражению Бунина, «язвительный старик» [Иван Бунин во Франции 1980а, с. 287] — при всем своем более или менее искреннем восхищении Буниным-«беллетристом» относился к нему как к человеку довольно прохладно, если не сказать — пренебрежительно. Даже после присуждения писателю Нобелевской премии Милюков радовался не столько *лично* — за новоизбранного лауреата, сколько *общественно* — за всю русскую эмиграцию. Свое же личное отношение к «М. Prix Nobel» он выразил, в частности, в одном из писем к Е.Д. Кусковой-Прокопович, отправленном на излете «нобелевских дней», 27 декабря 1933 г.: «...насчет Бунина что же сказать Вам? Путешествие госпожи Курдюковой⁶ благополучно закончилось, и “наши за границей” возвращаются в свои Палестины...»⁷

Впрочем, иногда взаимная едкость проявлялась и непосредственно, на людях. Сотруднику «Последних новостей» Я.Б. Полонскому его «патрон» в январе 1936 г. «рассказывал, что когда Бунин по приглашению эмигрантской организации собирался ехать в Прагу, то из Мин<истерства> ин<остранных> дел <Чехословакии> дали понять, что его приезд нежелателен теперь, после недавнего визита в Прагу делегации советских писателей; что вследствие гостеприимности чехов неизбежно будет его чествование и чешскими общественными организациями⁸. Бунин сказал Милюкову: — Что же это, Павел Николаевич, мне, нобелевскому лауреату, не дают визы в Чехословакию, а Вам, оказывается, можно туда ехать.

Милюков: Я еду как простой смертный, и меня никто не собирается чествовать» [Иван Бунин во Франции 1980а, с. 275].

Сам Полонский 13 марта 1938 г., после третьего премьерного спектакля по пьесе В.В. Набокова «Событие» в парижском Русском театре⁹, был свидетелем весьма характерного диалога между Буниным и Милюковым. Во время спектакля

⁶ Имеется в виду героиня комической поэмы И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу дан л'этранже» (1840). Эта поэма в дореволюционной России пользовалась огромной популярностью. Госпожа Курдюкова, тамбовская помещица, повествующая о своих «сенсациях» во время путешествия по Европе, — одновременно сатирический, гротескный и пародийный персонаж, не только вобравший в себя черты бесхитростных и при этом самоуверенных жителей русского захолустья, но и ставший олицетворением мира европейских обывателей. Особую роль в поэме играет язык — невероятная смесь разноязычных слов и оборотов, на которой изъясняется госпожа Курдюкова. Куплетная форма облегчала запоминание стихов поэмы; ее заучивали целыми главами, декламировали в гостиных.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 322. Л. 288 об. Имеется в виду возвращение И.А. Бунина, В.Н. Муромцевой-Буниной, Г.Н. Кузнецовой и А. Седых (И.М. Цвибака) из Стокгольма в Париж.

⁸ Бунин собирался приехать в Прагу с чтением своих произведений в ноябре 1935 г. По этому поводу между ним и Е.Д. Кусковой-Прокопович шла переписка. В одном из писем (от 22 октября 1935 г.) Кускова не без огорчения сообщала Бунину, что у чехословацких властей имеются сомнения насчет целесообразности его приезда сразу после визита советских литераторов (LRA. MS. 1066/3467). В итоге Бунин отправился на литературные «гастроли» в Бельгию. 24 декабря 1935 г. М.А. Алданов писал Кусковой: «О пражском деле Ивана Алексеевича я от него давно слышал — и изумлялся. Да, невеселые для нас времена» (ГА РФ. Ф. Р-5865. Оп. 1. Д. 9. Л. 4 об.). В Чехословакии Бунин побывал в октябре 1936 г.

⁹ Премьерные показы «События» в Русском театре в Париже состоялись 4, 6, 13 и 20 марта 1938 г. (см.: [Хроника 1996, с. 424]).

«Бунин, говорят, громко ругался во втором и третьем актах. При выходе из театра Милюков сказал Бунину: — Что же, Иван Алексеевич, двух мнений не может быть? — О нет, Павел Николаевич, тут двух мнений не может быть (намек на политическую разницу в убеждениях)» [Иван Бунин во Франции 1980а, с. 281]¹⁰.

Личностные и мировоззренческие «нестыковки» довольно долго препятствовали и профессиональному общению Бунина и Милюкова.

В начале 1920-х гг., в пору более или менее удавшегося объединения вокруг Милюкова умеренно-левых сил эмиграции и их неустанной идеологической борьбы не только с правым лагерем как таковым, но и вообще с правыми тенденциями, в чем бы они ни проявлялись, между писателем и лидером «республиканско-демократической группы», отколовшейся от Партии народной свободы, возникла заочная, большей частью вялотекущая, но временами обострявшаяся вражда.

В «Последних новостях» (разумеется, с ведома, а то и с благословения и даже при личном участии главного редактора) периодически появлялись материалы, цель которых состояла в дискредитации тех «антидемократических» идей, которые Бунин проводил не только в своей «политической» публицистике, но и в художественном творчестве (например, в рассказе «Несрочная весна») (см.: [Василевский 1921, с. 2; Печать 1922, с. 2; Милюков 1924, с. 3]). Неудивительно, что отношение писателя к газете Милюкова (а значит, и к нему самому) в это время было резко отрицательным. 19 марта 1922 г. Бунин сделал характерную запись в своем дневнике: «Тоска до слез. Опять бесплодно посижу, почитаю “Посл<едние> нов<ости>”, от вестей и подлости которых плакать хочется, — и опять погибший день» [Устами Буниных 2005, с. 68]. Еще определеннее его мнение о печатном органе левых кадетов высказано в письме к И.С. Шмелеву от 1 января 1923 г.: «“Посл<едн<ие> нов<ости>” не место мне, ни строки не дал туда никогда, не могу» [«А Париж Вам может быть полезен всячески...» 2001, с. 183].

Однако в том же году Бунин согласился участвовать в другой газете Милюкова — в еженедельнике «Звено», являвшемся литературным приложением к «Последним новостям». Подобно «Современным запискам», «Звено» как печатный орган служило своего рода «нейтральной полосой» между двумя враждовавшими на почве политики лагерями эмиграции. И в том и в другом издании представители этих лагерей могли творчески взаимодействовать, не поступаясь своими политическими убеждениями и принципами, часто прямо противоположными. Бунин выступал на страницах «Звена» (в 1923–1926 гг.) только как «беллетрист» — вернее, как поэт и прозаик.

¹⁰ Впрочем, не исключено, что реплика Бунина в данном случае отражала все-таки не политические, а эстетические разногласия с Милюковым. Как отмечалось в печати, пьеса Набокова и спектакль по ней вызвали в эмигрантской среде «горячие споры»: «Театральная публика в Париже разделилась на два лагеря: восторженных поклонников и хулителей» [Вакар 1938, с. 4]. Так что Бунин и Милюков вполне могли не сойтись во мнениях относительно увиденного в Русском театре. По крайней мере, «Последние новости» отзывались о «Событии» весьма одобрительно. Бунин же, люто ненавидевший любые проявления литературного «экстремизма» (а «зрелый» и «поздний» Набоков — во многих отношениях именно литературный «экстремист»), очевидно, был фраппирован не только содержанием пьесы и ее сценической интерпретацией: есть основания предполагать, что он узнал себя в откровенно пародийном персонаже — Известном Писателе, Петре Николаевиче. Многим современникам Бунина и Набокова это сходство также бросилось в глаза (см.: [Шраер 2015, с. 117–120]).

Особенно острую форму бунинско-милюковское противостояние приняло в феврале — апреле 1924 г., после того как Бунин выступил с речью «Миссия русской эмиграции» на одноименном вечере в парижском Salle de Géographie. Именно «Последние новости» стали «зачинщиком» «кривотолков», вызвавших довольно длительную и притом весьма ожесточенную газетную полемику, в которой приняла участие не только многопартийная эмигрантская, но и однопартийная советская печать (см.: [Бакунцев 2013, с. 268–337]). Сами «Последние новости» играли в той полемике первую скрипку, задавая ей тон и направление. Проще говоря, газета Милюкова развязала в отношении Бунина откровенную политическую травлю, в ходе которой, однако, «Последние новости» явно исчерпали весь свой «антибунинский» ресурс: издание больше никогда не позволяло себе «кавалерийских наскоков» на писателя — даже в пору его сотрудничества в «Возрождении» (при П.Б. Струве) и печатания первой, газетной версии «Окаянных дней». Более того, почти сразу после ухода Бунина (вслед за Струве) из «Возрождения» милюковский «официоз» недвусмысленно выказал готовность предоставить ему свои страницы.

Конечно, принимая такое решение, Милюков руководствовался не только соображениями «благотворительного» свойства (ведь он хорошо знал, каково приходится на чужбине русским писателям, лишенным широкой читательской аудитории), но и определенным расчетом. Несмотря на свою политическую неприязнь к «недемократичному» Бунину, редактор «Последних новостей» ясно представлял себе масштаб дарования этого «беллетриста». В течение всего межвоенного двадцатилетия главный эмигрантский республиканец-демократ очень внимательно следил за творчеством писателя, о чем свидетельствует обширная подборка газетных вырезок, хранящаяся в личном архиве Милюкова в Государственном архиве Российской Федерации (см. Приложение). Эта коллекция, в которой насчитывается около 200 архивных листов, включает как произведения самого Бунина, так и разного рода публикации других авторов, посвященные Бунину: рецензии, статьи, очерки, отчеты, корреспонденции, репортажи. С началом сотрудничества такого писателя в «Последних новостях» популярность газеты у публики и, соответственно, ее тираж и продажи непременно должны были вырасти.

Однако лидер левых кадетов вовсе не закрывал глаза на существовавшие между ним и автором «Миссии русской эмиграции» и «Окаянных дней» политические противоречия. Как и прежде, Милюков хотел видеть в Бунине — потенциальном сотруднике своей газеты — *только* «беллетриста». Именно об этом шла речь в письме М.А. Алданова к Бунину от 3 сентября 1927 г.: «“Последние новости” были бы чрезвычайно рады печатать Вашу беллетристику и Ваши стихи (вероятно, и Ваши воспоминания — как о Толстом, — одним словом, все, кроме статей политических, типа “Окаянных дней”)... Публицистику же Вашу Вы могли бы печатать в “России”» [Письма М.А. Алданова 1965, с. 279]¹¹.

Несмотря на сравнительно недавнее категорическое неприятие «Последних новостей», Бунин это предложение принял, и в течение 11 лет, с 1927 по 1938

¹¹ «Россия» — общественно-политическая и литературная газета (Париж, 1927–1928), которую П.Б. Струве основал после ухода из «Возрождения».

г., его стихи, проза, воспоминания («как о Толстом») более или менее регулярно печатались в газете Милюкова. Критический отдел газеты (в лице Г.В. Адамовича, М.А. Алданова) проявлял по отношению к писателю исключительную и неизменную доброжелательность. В ноябре — декабре 1933 г., в «нобелевские дни», «Последние новости» с сугубым тщанием участвовали в «информационной поддержке» бунинского триумфа, говоря о новоизбранном лауреате не иначе как «глубокоуважаемый и любимый Иван Алексеевич», «наш старый друг и теперешний сотрудник» [Милюков 1933, с. 3]¹². А три года спустя, когда в немецком приграничном городке Линдау нацистские чиновники подвергли Бунина унизительному досмотру, опять-таки именно газета Милюкова заступилась за оскорбленного писателя: она не только развернула на своих полосах соответствующую информационную кампанию, но и вовлекла в нее иностранную печать¹³.

Таким образом, примирение (пусть и чисто внешнее) двух лидеров русской эмиграции — литературного и политического — состоялось лишь в конце 1920-х гг.: Бунин и Милюков если и не преодолели свои идеологические и прочие разногласия, то, по крайней мере, «отодвинули» их на второй план. В этом смысле весьма показательны строки из бунинского поздравительного письма к Милюкову по случаю его 70-летия: «Позвольте и мне <...> со всей искренностью засвидетельствовать, что я всегда и неизменно, невзирая на все то временное, что порою разделяет нас, высоко почитал Вас, ценил Ваши труды и таланты и желаю Вам еще многих, многих и благополучных дней» [Семидесятилетие П.Н. Милюкова 1929, с. 3].

С началом гитлеровской агрессии в отношении Советского Союза бунинско-милюковские разногласия окончательно сошли на нет. По поводу этой агрессии у прежних политических оппонентов «двух мнений» не было. Оба, не сговариваясь, заняли, по сути, одну и ту же — так называемую оборонческую — позицию. Оба напряженно следили за развитием событий на советско-германском фронте, оба впадали в отчаяние, узнавая о поражениях Красной армии, оба радовались ее успехам и даже под впечатлением от ее побед существенно смягчили свое отношение к советскому режиму. Тем не менее Бунин не зашел в этом так далеко, как Милюков, который после разгрома гитлеровских войск под Сталинградом написал статью «Правда о большевизме», где открыто заявил о своей полной и безоговорочной поддержке советской власти (см.: [Общественная мысль русского зарубежья 2009, с. 432]).

Едва ли не единственным в то время действительно заметным отзвуком прежних «нестроений» между Буниным и Милюковым можно считать неодобрительный отзыв бывшего редактора «Последних новостей» о бунинских рассказах «Руся» и «В Париже», напечатанных в 1-й книге «Нового журнала» и включенных впоследствии в цикл «Темные аллеи»: Милюков усмотрел в них признаки «клубничной литературы», о чем и сообщил в одном из писем к Я.Б. Полонскому, которое было зачитано в присутствии Бунина (см.: [Глазами Милюкова 1980, с. 197]).

¹² См. в «Последних новостях» и другие публикации, посвященные триумфу писателя (с 10 ноября по 20 декабря 1933 г.).

¹³ См. публикации под общим заглавием «После издевательств над И.А. Буниным», которые появились в «Последних новостях» в период с 3 по 24 ноября 1936 г.

Писатель не преминул высмеять ханжескую «целомудренность» Милюкова (который, к слову, на протяжении многих лет, вплоть до смерти первой жены, имел внебрачную связь): «Милюков <...> привык к тому времени, когда писали: “Их уста слились в горячем поцелуе”, затем многоточие на целую строку» [Иван Бунин во Франции 1980б, с. 285]¹⁴.

На весть о кончине Милюкова Бунин откликнулся записью в дневнике от 11 апреля 1943 г.: «31 марта умер (очень тихо) Милюков. Кончена долгая, — т. е. в сущности, очень короткая — жизнь. Даже не верится. Давно ли — и т. д.» [Устами Буниных 2005, с. 359].

Сам Бунин пережил Милюкова на 10 лет, 7 месяцев и 9 дней.

* * *

Содержание целого ряда представленных ниже писем говорит о том, что между Милюковым и Буниным существовала более или менее связанная переписка. Однако в полном объеме она, по всей видимости, не сохранилась. Во всяком случае, на сегодня выявлено лишь четыре бунинских письма к Милюкову — все они недавно были преданы гласности (см.: [Письма И.А. Бунина 2015, с. 166–168, 170–173]).

Послания Милюкова к Бунину публикуются главным образом по автографам, отложившимся в так называемом Парижском архиве писателя и хранящимся ныне в Leeds Russian Archive (LRA. MS. 1066/3861–3870). Мы сочли целесообразным присоединить к этому эпистолярному корпусу открытое письмо Милюкова к Бунину (от имени Правления Союза русских литераторов и журналистов в Париже), которое было напечатано в ряде эмигрантских газет, в том числе в «Последних новостях». На наш взгляд, это письмо представляет значительный интерес и с исторической, и с психологической точки зрения: оно является не только *наиболее ранним* среди известных на сегодня посланий Милюкова к Бунину, но также *наиболее официальным и наименее дружелюбным* среди них; кроме того, с 1921 г. оно не переиздавалось.

Письма печатаются в хронологическом порядке, по нормам современной орфографии, но с сохранением особенностей авторской пунктуации и стилистики. Авторские выделения (подчеркивания) заменены курсивом.

Публикатор приносит искреннюю благодарность Ричарду Дэвису (R. Davies; Лидс) за любезно предоставленные электронные копии писем Милюкова, хранящихся в LRA, а также сотрудникам ГА РФ, Отдела литературы русского зарубежья Российской государственной библиотеки, библиотеки Дома русского зарубежья

¹⁴ Примечательно, что до войны, в 1937–1938 гг., «Последние новости» напечатали ряд бунинских рассказов, также вошедших впоследствии в цикл «Темные аллеи»: «Кавказ», «Баллада», «Степа», «Поздний час», — но тогда Милюков никакой «клубнички» в них не находил. Вероятно, с возрастом автор «Очерков по истории русской культуры» в своих литературных вкусах начал проявлять большую стыдливость; Бунин же, напротив, как писатель стал более раскрепощенным. Недаром, получив от него рукопись сборника «Темные аллеи» (для первого, нью-йоркского издания), Алданов писал 2 августа 1941 г.: «...смелый Вы человек, дорогой Иван Алексеевич! Ведь ругать Вас за вольность некоторых сцен будет всякий кому не лень: будут говорить: “порнография!”; “лавры автора лэди Чэттерлей” и т. д.» [Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым 1983, с. 166].

имени А. Солженицына, библиотеки Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук и лично О.А. Коростелеву (Москва), Н.А. Мартыновой (Москва), С.Н. Морозову (Москва), П.А. Трибунскому (Москва), Т. Чеботаревой (Нью-Йорк) за содействие при подготовке данной публикации.

Источники и литература

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
ОРК РНБ — Отдел редких книг Российской национальной библиотеки

BA — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University

LRA — Leeds Russian Archive, Brotherton Library, University of Leeds

- «А Париж Вам может быть полезен всячески» 2001 — «А Париж Вам может быть полезен всячески»: Письма Ивана Алексеевича и Веры Николаевны Буниных к Ивану Сергеевичу и Ольге Александровне Шмелевым / вступ. заметка, подгот. текстов и примеч. С.Н. Морозова // Москва. 2001. № 3. С. 175–195.
- Бабореко 2004 — *Бабореко А.К.* Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2004. 457 с.
- Бакунцев 2013 — *Бакунцев А.В.* Речь И.А. Бунина «Миссия русской эмиграции» в общественном сознании эпохи (по материалам эмигрантской и советской периодики 1920-х гг.) // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2013. С. 268–337.
- Бунин 1921 — *Бунин Ив.* <Письмо в редакцию> // Последние новости (Париж). 1921. 24 апр. № 311. С. 2.
- Бунин 1925 — *Бунин Ив.* Окаянные дни: Из одесского дневника 1919 г. // Возрождение (Париж). 1925. 8 июля. № 36. С. 2–3.
- Бунин 1935 — *Бунин И.А.* Собр. соч.: В 11 т. Берлин: Петрополис, 1935. Т. 10. 253 с.
- Бунин 1950 — *Бунин И.А.* Воспоминания. Париж: Возрождение, 1950. 272 с.
- Бунин 2000а — *Бунин И.А.* Публицистика 1918–1953 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; вступ. ст. О.Н. Михайлова; коммент. С.Н. Морозова, Д.Д. Николаева, Е.М. Трубиловой. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 2000. 640 с.
- Бунин 2000б — *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 8 т. / сост., подгот. текстов, примеч. А.К. Бабореко. М.: Моск. рабочий, 2000. Т. 7. 670 с.
- Бунин 2003 — *Бунин И.А.* Письма 1885–1904 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 768 с.
- Бунин 2007 — *Бунин И.А.* Письма 1905–1919 годов / под общ. ред. О.Н. Михайлова; подгот. текстов и коммент. С.Н. Морозова, Р.Д. Дэвиса, Л.Г. Голубевой, И.А. Костомаровой. М.: ИМЛИ РАН, 2007. 830 с.
- Бурцев 1921 — *Бурцев Вл.* Мой ответ «богу бестактности» // Общее дело (Париж). 1921. 27 марта. № 255. С. 1.
- Вакар 1938 — *Н. П. В.* <Вакар Н.П.> «Событие» — пьеса В. Сирина: (Беседа с Ю.П. Анненковым) // Последние новости (Париж). 1938. 12 марта. № 6195. С. 4.
- Василевский 1921 — *Василевский И.* (Не-Буква). Бесплодие: Литературные настроения // Последние новости (Париж). 1921. 1 апр. № 291. С. 2.
- В Союзе литераторов и журналистов 1921 — *В. Б.* В Союзе литераторов и журналистов // Последние новости (Париж). 1921. 12 апр. № 300. С. 1.

- Глазами Милюкова 1980 — Глазами Милюкова — оккупация Франции и Восточный фронт: Письма П.Н. Милюкова Я.Б. Полонскому (1940–1942). II // *Время и мы*. 1980. № 52. С. 188–209.
- Евгеньев 1937 — С. Е. <Евгеньев С.Е.> Пушкинские дни в Париже. Чествование памяти А.С. Пушкина в Союзе дворян // *Иллюстрированная Россия* (Париж). 1937. 13 янв. № 8. С. 8.
- Иван Бунин во Франции 1980а — Иван Бунин во Франции: Дневник Я.Б. Полонского / публ., вступит. ст. Е. Эткинда // *Время и мы* (Нью-Йорк; Тель-Авив; Париж). 1980. № 55. С. 266–302.
- Иван Бунин во Франции 1980б — Иван Бунин во Франции: Дневник Я.Б. Полонского / публ., вступит. ст. Е. Эткинда // *Время и мы*. 1980. № 56. С. 279–304.
- Лифарь 2000 — *Лифарь С.М.* Всемирный Пушкинский зарубежный комитет 1937 года // Центральный Пушкинский комитет в Париже (1935–1937): в 2 т. / сост., предисл. М.Д. Филина. М.: Эллис Лак, 2000. Т. 1. С. 51–106.
- Марченко 2015 — *Марченко Т.В.* Поэтика совершенства: О прозе И.А. Бунина. М.: Дом русского зарубежья имени А. Солженицына, 2015. 208 с.
- Т.Г. Масарик и «Русская акция» 2005 — Т.Г. Масарик и «Русская акция» чехословацкого правительства: К 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. По материалам международной научной конференции / отв. ред. М.Г. Вандаковская. М.: Русский путь, 2005. 256 с.
- Милюков 1924 — П. М. <Милюков П.> «Современные записки», книга XVIII // *Последние новости* (Париж). 1924. 31 янв. № 1157. С. 3.
- Милюков 1933 — *Милюков П.* Привет лауреату // *Последние новости* (Париж). 1933. 16 нояб. № 4621. С. 3.
- Милюков 2005 — *Милюков П.Н.* Дневник, 1918–1921. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2005. 845 с.
- «...Наша культура, отраженная в капле...» 1998 — «...Наша культура, отраженная в капле...»: Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакторам парижского «Звена» (1923–1928) / публ. О.А. Коростелева // *Минувшее: Ист. альманах*. 24. СПб.: Atheneum: Феникс, 1998. С. 123–165.
- Общественная мысль русского зарубежья 2009 — *Общественная мысль русского зарубежья: Энциклопедия* / отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 704 с.
- Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым 1983 — Переписка И.А. Бунина с М.А. Алдановым / публ. А. Зверева // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1983. Кн. 150. С. 159–191.
- Печать 1922 — <Б. п.> Печать // *Последние новости* (Париж). 1922. 15 авг. № 713. С. 2.
- Письма И.А. Бунина 2015 — Письма И.А. Бунина 1920–40-х годов / публ., подгот. текста, примеч. А. Бакунцева // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 2015. Кн. 280. С. 163–176.
- Письма М.А. Алданова 1965 — Письма М.А. Алданова к И.А. и В.Н. Буниным / публ. М.Э. Грин // *Новый журнал* (Нью-Йорк). 1965. Кн. 80. С. 258–287.
- Пушкинский комитет 1935а — <Б. п.> Пушкинский комитет // *Последние новости* (Париж). 1935. 28 февр. № 5089. С. 3.
- Пушкинский комитет 1935б — <Б. п.> Пушкинский комитет // *Последние новости* (Париж). 1935. 29 июня. № 5210. С. 2.
- Пушкинский комитет — С.М. Лифарю 1937 — <Б. п.> Пушкинский комитет — С.М. Лифарю // *Последние новости* (Париж). 1937. 20 апр. № 5870. С. 4.
- Роцин 1937 — Р. Д. <Роцин (Федоров) Н.Я.> Закрытие Пушкинской выставки // *Возрождение* (Париж). 1937. 24 апр. № 4075. С. 7.
- Савицкий 2002 — *Савицкий И.* Прага и зарубежная Россия: (Очерки по истории русской эмиграции 1918–1938 гг.). Прага: Ruská Tradice: Ideg Prague, 2002. 155 с.
- Семидесятилетие П.Н. Милюкова 1929 — Семидесятилетие П.Н. Милюкова: Телеграммы и приветствия // *Последние новости* (Париж). 1929. 5 марта. № 2904. С. 2–3.

- «Современные записки» 2011 — «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции: в 4 т. / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 952 с.
- Устами Буниных 2005 — Устами Буниных: Дневники И.А. и В.Н. Буниных и другие архивные материалы: в 2 т. / под ред. М.Э. Грин; вступ. ст. Ю.В. Мальцева. М.: Посев, 2005. Т. 2. 432 с.
- Хроника 1996 — Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1920–1940: Франция / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Р: YMCA-Press; М.: Эксмо, 1996. Т. 3: 1935–1940. 620 с.
- Чествование С.М. Лифаря 1937 — <Б. н.> Чествование С.М. Лифаря Пушкинским комитетом в Париже. Закрытие Пушкинской выставки // Иллюстрированная Россия (Париж). 1937. № 19. С. 8–9.
- Шраер 2015 — Шраер М.Д. Бунин и Милюков. История соперничества. 2-е изд. М.: Альпина-нон-фикшн, 2015. 222 с.
- Heywood 2012 — Heywood A.J. Catalogue of Bunin, Bunina, Zurov and Lopetina Collections / ed. by R.D. Davies; with the assistance of D. Riniker. Leeds: Leeds University Press, 2011. XXXIV, 394 p.

1

Париж, 14 мая 1921 г.

Милостивый государь, Иван Алексеевич,

Правление «Союза русских литераторов и журналистов в Париже» поручило мне выразить Вам свое сожаление по поводу Вашего отказа участвовать в его трудах за недостатком времени¹.

Оно тем более сожалеет о Вашем отказе, что участие Ваше в выборах Правления и первоначальное принятие Вами Вашего избрания в члены Правления в связи с Вашими предварительными переговорами с членами Правления М.Л. Гольдштейном² и Б.С. Мирским³ давало Правлению основание надеяться, что и в новом составе Правления Вы не откажете ему в сотрудничестве.

Примите уверение в совершенном моем уважении и таковой же преданности.

П. Милюков

<Б. н.> В Союзе литераторов и журналистов // Последние новости (Париж). 1921. 15 мая. № 329. С. 1. Письмо Милюкова предваряется следующим текстом: «На днях под председательством П.Н. Милюкова состоялось очередное заседание Правления Союза русских литераторов и журналистов.

По рассмотрению ряда деловых вопросов было оглашено письмо И.А. Бунина к П.Н. Милюкову о выходе из состава Правления.

Правление выразило сожаление по поводу ухода И.А. Бунина и уполномочило П.Н. Милюкова обратиться к нему с соответствующим письмом».

¹ Союз русских литераторов и журналистов в Париже (с 1922 г. Союз русских писателей и журналистов в Париже) был создан 10 июля 1920 г., Бунин стал его первым председателем. Весной 1921 г. в структуре Союза произошли значительные перемены. 9 апреля состоялось «годовое общее собрание» Союза, на котором было избрано его

новое Правление, в состав которого вошли: И.А. Бунин, М.М. Винавер, М.Л. Гольдштейн, П.Н. Милюков, М.П. Миронов, В.С. Мирский, С.Л. Поляков, П.Я. Рысс, А.Н. Толстой и А.А. Яблоновский (см.: [В союзе литераторов и журналистов 1921, с. 1]). Через несколько дней обновленное Правление собралось на свое первое заседание, в ходе которого председателем Союза был избран П.Н. Милюков, а Бунин, отсутствовавший на этом заседании, — лишь одним из двух его «товарищей». Соответствующее сообщение появилось в эмигрантской прессе (в частности, в «Последних новостях») 23 апреля 1921 г. В тот же день В.Н. Муромцева-Бунина записала в своем дневнике: «Прочла в “Посл<едних> нов<остях>”, что в “Союзе литераторов и журналистов в Париже” председателем избран Милюков, а товарищем председателя — Ян. И Ян это узнает из газет. После последнего заседания прошла почти неделя, и никто не удосужился об этом известить Яна. Конечно, Ян сейчас же послал заявление и Милюкову, и в газету, что он отказывается от этой чести» [Устами Буниных 2005, с. 30].

Письмо Бунина в редакцию «Последних новостей» было напечатано 24 апреля 1921 г.: «В прошлом заседании Правления Союза русских литераторов и журналистов в Париже я избран товарищем председателя Союза. Я не был в этом заседании и потому не мог своевременно отклонить от себя эту честь. Теперь, узнав о своем избрании из газет, прошу Вас дать место моему заявлению, что я не могу принять этого избрания и вообще отказываюсь от всякого участия в работах Правления за недостатком времени» [Бунин 1921, с. 2].

² Гольдштейн Моисей Леонтьевич (1868–1932) — адвокат, журналист, общественный деятель. В 1920–1921 гг. редактировал общественно-политическую и литературную газету «Последние новости» (Париж, 1920–1940).

³ Мирский (псевд., наст. фам. Миркин-Гецевич) Борис Сергеевич (1892–1955) — ученый-правовед, историк, публицист, масон; один из ведущих сотрудников «Последних новостей», член Правления Союза русских писателей и журналистов в Париже, член Правления Русской академической группы и других эмигрантских организаций.

2

Париж, 26 февраля 1923 г.

17, Rue Leriche

26 февраля, 1923

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Простите за некоторое запоздание ответа. Кузьмину-Караваеву¹ нужно самому написать в Союз², хоть на мое имя, или Вы напишите *по его поручению*.

Очень благодарен Вам за согласие сотрудничать в «Звене»³. Если у Вас есть готовые рассказы, которые Вы предназначаете для «Звена», то будьте добры прислать их поскорее⁴. Если, конечно, подойдет Вам размер гонорара. Заведующие этим делом в «Звене» сообщили мне, что они согласны уплатить Вам максимум того, что платят (напр., Шмелеву), т. е. по 40 сантимов за строчку.

Ваш П. Милюков

LRA. MS. 1066/3861. Автограф.

¹ Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1859–1927) — юрист, общественный и политический деятель.

² Имеется в виду Союз русских писателей и журналистов в Париже. Союз среди прочего оказывал финансовую помощь русским литераторам-эмигрантам.

³ «Звено» — еженедельная общественно-политическая и литературная газета (Париж, 1923–1925), основанная П.Н. Милюковым и М.М. Винавером в качестве «понеделничного» приложения к «Последним новостям» (по понедельникам милюковский «официоз» не выходил). В 1926–1928 гг. издание выпускалось в формате ежемесячного литературного журнала. Как указывает О.А. Коростелев, «П.Н. Милюков в редактировании “Звена” участвовал лишь поначалу, да и то скорее номинально, отдавая большую часть своего времени “Последним новостям”. Его участие в “Звене” ограничивалось редактированием политического отдела, которому в газете отводилась первая полоса в 1923–1925, после чего политика из “Звена” исчезла вовсе. Вся остальная редакторская нагрузка лежала на плечах М.М. Винавера» [...Наша культура, отраженная в капле...] 1998, с. 125]. После смерти Винавера (в 1926 г.) редактором «Звена» стал М.Л. Кантор. Сотрудничество Бунина в «Звене» продолжалось с марта 1923 по октябрь 1926 г.

⁴ «Дебютом» писателя в «Звене» стала публикация: Бунин Ив. Гибель: (Из повести) // Звено. 1923. 12 марта. № 6. С. 2–3. Впоследствии это произведение в переработанном виде печаталось как рассказ «Конец».

3

Париж, первая четверть (?) 1923 г.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Я докладывал в последнем заседании просьбу Авиловой¹, но были выставлены возражения: 1) случаи помощи писателям, живущим в других странах, у нас составляют редкое исключение, требующее для своего оправдания исключительных мотивов, — чего в данном случае нет. 2) Русские писатели, живущие в Чехии, пользуются помощью чешского правительства². Сумма пособия осталась невыясненной, и вопрос остался открытым до выяснения этого второго обстоятельства. Может быть, Вы могли бы сообщить что-нибудь по этому поводу. Сегодня у нас будет летучее заседание правления перед обедом литераторов в нашем помещении. Ваше письмо я там доложу³.

Преданный Вам
П. Милюков

LRA. MS. 1066/3869. Автограф.

¹ Имеется в виду Авилова Лидия Алексеевна (урожд. Страхова; 1864–1943), писательница, мемуаристка. После Октябрьской революции Авилова осталась на родине, однако в 1922 г. была вынуждена приехать в Чехословакию к дочери Нине, страдавшей тяжелой формой невралгии: «У Нины болезнь неподвижности, — писала Авилова Бунину в декабре 1922 г. — Лицо, как бессмысленная маска, руки еле двигаются, но она может ходить, разум сохранился» (цит. по: [Бунин 2000б, с. 147]). В 1924 г. Авилова вернулась с дочерью и внуком в Россию. Во время пребывания в Чехословакии Авилова переписывалась с Буниным, который «знал ее еще в молодости <...> и всегда восхищался ею» [Там же, с. 107–108]. Письма Авиловой (в сокращении) Бунин обнародовал в своей неоконченной книге «О Чехове» (Нью-Йорк, 1955), их оригиналы хранятся в LRA. В 1923 г. Бунин, очевидно,

советовал Авиловой обратиться с просьбой об оказании финансовой помощи в разные эмигрантские общественные организации. В письме Милюкова речь идет, скорее всего, об одном из заседаний Союза писателей и журналистов в Париже.

² Имеется в виду финансовая помощь русским эмигрантам, которую чехословацкое правительство оказывало в рамках так называемой «русской акции». Подробнее об этом см.: [Савицкий 2002; Т.Г. Масарик и «Русская акция» 2005 и др.].

³ Было ли на этом заседании принято решение в пользу Авиловой, неизвестно. Однако деньги Авилова все-таки получила. По воспоминаниям Бунина, в апреле 1923 г., «после вечера, устроенного в пользу писателей и журналистов, удалось выхлопотать для Авиловой 300 франков», а в мае ей «было послано из “Комитета писателей и ученых” 500 франков» [Бунин 2000б, с. 150, 151]. Под «Комитетом писателей и ученых» Бунин, очевидно, подразумевал Комитет помощи русским писателям и ученым во Франции, в жизни которого он принимал деятельное участие.

4

Париж, около 9 ноября 1929 г.

Дорогой Иван Алексеевич,

Разрешите сделать несколько замечаний по поводу Ваших последних «Заметок»¹. Ваша приписка пером на 2-й странице по поводу Горького нам представляется неудобной по резкости выражений². То же самое впечатление произвела на нас и другая приписка пером — о значении «клички» для Тютчева³. Описание личности Брюсова следовало бы также несколько смягчить: слишком уже страстно оно у Вас вышло⁴. Умышленность «товарищеского» совета Баранцевича⁵ кажется нам сомнительной, и на читателя это обвинение может произвести неприятное впечатление.

Мы усердно просим Вас разрешить нам внести в эти места необходимые изменения. Не посылаем Вам рукописи для ускорения дела, чтобы не задерживать исполнение Вашей просьбы⁶. Ждем Вашего согласия⁷.

Искренно уважающий Вас

П. Милюков

LRA. MS. 1066/3870. Автограф.

¹ Милюков имеет в виду бунинский мемуарный очерк из цикла «Заметки», опубликованный в № 3153 «Последних новостей» за 9 ноября 1929 г. (с. 2–3).

² О Горьком в «Заметках» сказано, в частности, следующее: «Доходы “Знание” получало вообще огромные. Но львиная доля их шла в карман Горького. Деньги он всегда весьма любил, хотя и делал вид совершенного бесребреника, рубахи-парня, даже завел манеру никогда не иметь при себе кошелька, предоставляя расплачиваться за все своим оруженосцам (которыми окружен был постоянно). Да и расходы у него были всегда немалые. Чего стоила одна заграничная реклама его произведений и его “революционной” деятельности! Большие тысячи шли на эту рекламу — это я знаю совершенно точно» [Бунин 2000а, с. 311].

³ См. в «Заметках»: «Вообще, это не шутка — название, ярлык. Прав Козьма Прутков: “Ежели хочешь быть камергером, будь им!” Ежели хочешь успеха, непременно добейся,

чтобы налепили на тебя хоть какой-нибудь ярлык, ибо он нужен публике и критике, как печка, от которой можно танцевать, как поноски пуделю, как вертел для шашлычника. Лучше всего сам придумай для себя этот ярлык. “Чем себя наречешь, тем и прослывешь”. Кличка нужна порой даже и настоящим талантам. Сколько лет даже как бы не существовал, например, Тютчев. Этот великий поэт! И вот, наконец, — статья Владимира Соловьева: “Тютчев — поэт ночи, поэт хаоса...” И пошло, и пошло... Вертел был найден» [Бунин 2000а, с. 313].

⁴ См. в «Заметках»: «Брюсова я узнал еще в студенческой тужурке. Помню, поехал к нему в первый раз с Бальмонтом в морозный солнечный день. <...> Мы Брюсова в тот день не застали. Но на другой день Бальмонт получил от него записку, приглашение на новое свидание. “Очень буду рад видеть и Бунина, — с мальчишеской важностью писал он: — он настоящий поэт, хотя и не символист”. Поехали снова — и я увидел и впрямь еще очень молодого человека с довольно толстой и тугой гостинодворческой (и довольно азиатской) физиономией. Говорил этот молодой гостинодворец очень изысканно, высокопарно, с отрывистой и гнусавой четкостью, точно лаял в свой дудкообразный нос, и все время сентенциями, тоном поучительным, не допускающим возражений. Все было в его словах крайне революционно (в смысле искусства), — да здравствует только новое и долой все старое! Он даже предлагал все старые книги дотла сжечь на кострах, “вот как Омар сжег Александрийскую библиотеку!” — воскликнул он. Но вместе с тем для всего нового у него уже были жесточайшие, непоколебимые правила, уставы, узаконения, за малейшее отступление от которых он, видимо, готов был тоже жечь на кострах. И аккуратность у него, в его низкой комнате на антресолях, была удивительная. Я попросил у него на несколько дней какую-то книгу. Он странно сверкнул на меня из своих твердых скул своими слегка раскосыми, бессмысленно блестящими, как у птицы, черными глазами и с чрезвычайной галантностью, но и весьма резко отчеканил:

— Никогда и никому не даю ни одной из своих книг даже на час!» [Там же, с. 314].

⁵ В заключительной части «Заметок» Бунин рассказывает о своем первом публичном выступлении, которое состоялось 20 декабря 1895 г. в зале Кредитного общества в Петербурге на литературном вечере в пользу переселенцев: «Я, конечно, читал “На край света” и опять, благодаря этим несчастным переселенцам (да и новизне своего имени), имел большой успех. Баранцевич, как человек многоопытный, этот успех заранее предвидел и потому “по-товарищески” предупредил меня:

— Не читайте, дорогой Иван Васильевич <sic!>, громко. Эта зала странная: громкий голос гудит в ней, как в бочке. Читайте ровно и ничуть не поднимая голоса...

Но я, к счастью, тотчас же понял, выйдя на эстраду, цену этой товарищеской заботливости: в зале было тысячи три человек, она была битком набита, сверху донизу, читать в ней “ровно и ничуть не поднимая голоса” значило осрамить себя до девятой пуговицы, — никто бы и звука не слышал...” [Там же, с. 318–319].

Баранцевич Казимир Станиславович (1851–1927) — прозаик, представитель так называемой «бытописательной литературы».

⁶ Вероятно, Бунин просил редакцию «Последних новостей» опубликовать его «Заметки» в кратчайшие сроки.

⁷ Судя по опубликованному тексту «Заметок», Бунин не дал согласия на его «смягчение».

Париж, 15 июня 1933 г.

Paris, 15 июня 1933

Дорогой Иван Алексеевич,

Мы с Вами вели заочную беседу через И.И. Манухина¹, и мне очень жаль, что не удалось продолжить ее лично, повидав Вас в Париже². Приходится теперь беседовать с Вами письменно. По словам Ив<ана> Ив<ановича>, Вы уже убедились в моей личной неприкосновенности к тому, что Вас обидело в предполагаемых Вами отношениях к Вам «Посл<едних> новостей»³. Позвольте уверить Вас уже и мне самому, что мы ни минуты не считали установившиеся между нами отношения изменившимися. Перемены были результатом общих газетных соображений, вынужденных кризисом, коснувшимся и газеты. Словесно я передал Ив<ану> Ивановичу в свое время, каким способом можно было бы примирить новые правила газеты с Вашими интересами. Можно было бы делить прежний большой фельетон на два — и сообщать фельетону самостоятельное заглавие, не указывая на то, что это — отрывок из романа. Как бы то ни было, позвольте надеяться, что мои искренние разъяснения — эти и какие еще понадобятся — положат конец недоразумениям между нами. Всякий Ваш новый материал будет с удовольствием напечатан в газете.

Примите уверение
в искреннем уважении
и преданности
П. Милюков

LRA. MS. 1066/3862. Автограф, на бланке газеты «Последние новости» (26, Rue Buffault, Paris, 9^e).

¹ Манухин Иван Иванович (1882–1958) — врач-терапевт, ученый-иммунолог, общественный деятель. В Париже имел обширную практику среди представителей эмиграции; сотрудничал в «Последних новостях».

² Бунин приезжал в Париж в первой половине июня 1933 г.

³ В начале 1933 г. между Буниным и редакцией «Последних новостей» возник серьезный конфликт, приведший к тому, что писатель на время прекратил свое сотрудничество в газете. Причиной конфликта стали новые редакционные правила, запрещавшие публиковать отрывки из романов и крупные «фельетоны», занимавшие на развороте два «подвала» (такие материалы на профессиональном жаргоне журналистов-эмигрантов назывались «двуспальными»). Это нововведение наносило ущерб интересам Бунина, который в ту пору частями печатал в «Последних новостях» 5-ю книгу «Жизни Арсеньева» и время от времени поставлял большие, «двуспальные», «фельетоны». Просьба писателя сделать для него исключение не встретила в редакции понимания. Это вызвало глубокую обиду, известие о которой распространилось в эмигрантских кругах. «Афронт», учиненный Бунину газетой Милюкова, обсуждался, в частности, редакторами «Современных записок» (см.: «Современные записки» 2011, с. 686–687)). Один из них, И.И. Фондаминский, письмом от 20 марта 1933 г. попросил Милюкова помириться с обиженным писателем: «Дорогой Павел Николаевич, позвольте обратить Ваше внимание на одно обстоятельство,

связанное с “Посл<едними> нов<остями>”. Я живу рядом с И.А. Буниным и наблюдаю, как тяжело отражается на нем конфликт с “П<оследними> н<овостями>”. Морально он переживает происшедшее как личную и незаслуженную обиду. Он решительно отказывается поверить, что предложенные ему новые условия работы в газете (отказ от печатания “отрывков” из романа, отказ от печатания “двуспальных” фельетонов) применены к нему *в общем порядке*. Он говорит, что нет правила без исключения и что для него, если бы ценили его, могли бы сделать исключение. Если же этого исключения не делают, значит, не ценят его и предпочитают его не печатать. Для него это большая обида, и переживает он ее очень болезненно. Еще тяжелее его материальное положение: с прекращением работы в “П<оследних> н<овостях>” он лишается единственного заработка. Мне кажется, что Вы могли бы личным вмешательством легко уладить этот конфликт. Искренне любя Ивана Алексеевича и болея за него душой, я и позволяю себе обратиться на это дело Ваше внимание — прошу Вас за это на меня не рассердиться» (ВА. Р.Н. Miliukov papers. Box 1; курсив Фондаминского; электронная копия письма любезно предоставлена куратором Бахметевского архива Т. Чеботаревой). Примерно в то самое время, когда писалось процитированное письмо, Бунин уже вел переговоры о печатании 5-й книги «Жизни Арсеньева» с редакцией «Современных записок», где в 1928–1929 гг. были опубликованы первые 4 книги романа. Эти переговоры увенчались успехом, и 5-я книга «Жизни Арсеньева» увидела свет в 52-й и 53-й книжках «Современных записок», вышедших соответственно в конце мая и в октябре 1933 г. Таким образом, Милюков опоздал со своим «примирительным» письмом. Тем не менее оно в известной степени «разрядило обстановку», и Бунин в конце концов возобновил свое сотрудничество в «Последних новостях».

6

Париж, 25 ноября 1933 г.

Paris, 25 ноября 1933

Глубокоуважаемый и дорогой Иван Алексеевич

Редакция «Последних новостей» с особым удовлетворением приветствует Вас в дни высшего торжества, выпавшего на Вашу долю на трудном пути писателя¹. С давних пор Вы украшаете Вашими произведениями страницы нашей газеты², и нет сотрудника, которым мы гордились бы больше, чем Вами. Шлем Вам и Вашей супруге, также нашей давнишней и дорогой сотруднице³, самые сердечные поздравления, самые искренние и лучшие пожелания. Делаем это кратко, зная и по художественной Вашей работе, что Вы не любите многословия.

От всей души желаем Вам счастья, а также успешной работы на радость Вашим столь многочисленным почитателям.

П. Милюков

LRA. MS. 1066/3863. Авторизованная машинопись, на бланке газеты «Последние новости» (51, Rue de Turbigo, Paris, 3°).

¹ Милюков имеет в виду присуждение Бунину Нобелевской премии по литературе.

² Бунин сотрудничал в «Последних новостях» с декабря 1927 г.

³ Муромцева-Бунина Вера Николаевна (1881–1961) — переводчица, мемуаристка, жена И.А. Бунина. Опубликовала в «Последних новостях» ряд мемуарных очерков и переводов.

7

Париж, 26 ноября 1933 г.

Paris, 26 ноября 1933

Академику И.А. Бунину.

Глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Правление Русского академического союза¹ считает своим долгом принести Вам свои поздравления по поводу присуждения Вам Нобелевской литературной премии.

В Вашем лице русская литература получила то мировое признание, на которое она давно уже имела полное основание претендовать. Ваш триумф, писателя со всероссийским именем, — новое и блестящее подтверждение мирового значения русского национального гения.

Председатель Академического союза П. Милюков
Генеральный секретарь Д. Одинец²

LRA. MS. 1066/3864. Авторизованная машинопись, на бланке Русского академического союза во Франции (96, Boulevard Raspail, Paris, VI).

¹ Русский академический союз во Франции был создан 28 марта 1925 г. на учредительном собрании инициативной группы. Союз оказывал помощь нуждающимся членам, а также организовывал чтение лекций и докладов, вел иную научную деятельность.

² Одинец Дмитрий Михайлович (1882–1950) — историк права, публицист, общественно-политический деятель, масон.

8

Париж, 26 ноября 1933 г.

Дорогой и глубокоуважаемый Иван Алексеевич,

Союз русских писателей и журналистов во Франции приносит Вам самые искренние и сердечные поздравления по случаю присуждения Вам высшего отличия, которое может выпасть на долю писателя.

Как русские, писатели и журналисты, мы гордимся тем, что на Вас остановился выбор Шведской академии. Радость наша еще усугубляется оттого, что Вы были первым председателем Союза и по сей день остаетесь деятельным участником его работы.

От всей души желаем Вам счастья, здоровья, новых долгих трудов, украшающих русскую литературу.

Председатель Союза
П. Милюков

Париж
26 ноября 1933

LRA. MS. 1066/3865. Авторизованная машинопись.

Валэ, 19 августа 1935 г.

19 августа 1935

Hôtel Bellevue,
Loèche-les-Bains,
Valais, Suisse

Дорогой Иван Алексеевич,

Из прилагаемой заметки Вы увидите цель моего письма к Вам¹. Я с этим письмом несколько запоздал: должен был отправить его Вам из Парижа, но среди тамошнего бестолковья и сборов в отъезд не успел этого сделать. Итак, Пушкинский комитет² Вас просит, не только как своего председателя³, но и как Ивана Алексеевича Бунина, написать текст того воззвания, о котором говорится в приложенной заметке. Он просит Вас также использовать Ваши связи в Швеции, чтобы образовать там, по примеру других наших филиалов, объединенный русско-шведский комитет, который бы вложился в нашу общую работу по осуществлению поставленных парижским комитетом задач и по сбору для этого денежных средств⁴. Я — не только в роли Вашего «товарища» по Комитету — усердно присоединяюсь к общим этим просьбам⁵.

Ваш текст Вы можете прямо послать нашему другому «товарищу», М.М. Федорову⁶, по адресу 79, Boul[evard] St. Michel⁷.

Я застрял здесь, на высоте 1411 метров, до 6 сентября, после чего спущусь, чтобы отогреться, или в Лугано, или куда-нибудь на Женевское озеро.

Преданный Вам П. Милуков

LRA. MS. 1066/3866. Автограф.

¹ О какой заметке идет речь, в точности неизвестно.

² Пушкинский комитет в Париже возник 26 февраля 1935 г. В его президиум были избраны: В.А. Маклаков (председатель), И.А. Бунин, П.Н. Милуков, М.М. Федоров (товарищи председателя) и Г.Л. Лозинский (генеральный секретарь). Свою главную задачу Комитет видел в том, чтобы «отметить достойным образом сотую годовщину смерти Пушкина» [Пушкинский комитет 1935б, с. 2]. Бунину предложение войти в состав Пушкинского комитета поступило через С.М. Лифаря, который был одним из его основателей и наиболее деятельных членов. В ответ Бунин сообщал 4 февраля 1935 г.: «Нынче Ваше письмо, дорогой друг, насчет Пушкинского комитета. Благодарю за внимание, согласен» (цит. по: [Бабореко 2004, с. 312]). Однако в итоге участие писателя в работе Пушкинского комитета оказалось, по всей видимости, формальным. Во всяком случае, в опубликованных дневниках четы Буниных о таком участии не говорится ни слова. Из других источников известно, что Бунин был избран председателем редакционной комиссии, созданной Комитетом для подготовки и издания «общедоступного по цене и безупречного по тексту полного однотомного, на библейской бумаге и в переплете, собрания художественных произведений Пушкина» [Пушкинский комитет 1935б, с. 2]. В состав комиссии вошли также М.Л. Гофман, Н.К. Кульман, А.В. Тыркова-Вильямс, К.В. Мочульский, В.Ф. Ходасевич, Г.Л. Лозинский. Редактирование пушкинского однотомника было поручено М.Л. Гофману как крупнейшему русскому зарубежному пушкиноведам. Между тем, очевидно, уже в первые месяцы работы редакционной комиссии Бунин сложил с себя «звание» ее председателя и уехал на юг Франции. С июня 1935 г. комиссию возглавил Н.К. Кульман (см.: [Лифарь

2000, с. 71]). О мотивах бунинского поступка судить трудно, но можно предположить, что он был вызван работой над Собранием сочинений, издававшимся «Петрополисом», а также депрессивным состоянием, в котором писатель пребывал после разрыва с Г.Н. Кузнецовой, о чем свидетельствуют его дневниковые записи за 1934–1936 гг.

³ Почему Милюков называет Бунина председателем Пушкинского комитета, непонятно; возможно, это описка.

⁴ В своем самом первом коммюнике, напечатанном в эмигрантской прессе 28 февраля 1935 г., Пушкинский комитет заявил о намерении установить «связь с аналогичными организациями, которые уже образовались или образуются в Соединенных Штатах, в Югославии и Чехословакии» [Пушкинский комитет 1935а, с. 3]. Однако в действительности замыслы Комитета были более масштабными. Чествованию Пушкина он хотел придать не только общенациональный, но и всемирный размах. «Необходимо, — подчеркивалось в другом коммюнике, которое вышло 4 месяцами позже, — чтобы торжества 1937 г. послужили объединению вокруг имени поэта не только всех русских людей, но и всех тех, кто ценит русскую культуру, гениальным выразителем которой был Пушкин» [Пушкинский комитет 1935б, с. 2]. Для решения этой задачи Комитет постановил «образовать во всех странах, где имеются русские колонии», собственные «местные» отделы, которым вменялась в обязанность не только организация юбилейных торжеств, но и популяризация творчества поэта, в том числе через русскую и «титულную» печать. В итоге к началу 1937 г. в русском зарубежье возникло «166 Пушкинских комитетов, из них 127 в Европе, 4 в Австралии, 9 в Азии, 21 в Америке и 5 в Африке. Под руководством парижского Пушкинского комитета они развили энергичную и плодотворную деятельность. Их сношения — и сношения самого Пушкинского комитета — с местными властями и университетами обеспечили подлинное всемирное чествование Пушкина, первое в истории русской литературы и русской культуры» [Лифарь 2000, с. 62–63].

⁵ Выполнил ли Бунин эти просьбы Пушкинского комитета, неизвестно.

⁶ Федоров Михаил Михайлович (1859–1949) — государственный и общественный деятель, публицист. Один из наиболее активных участников общественно-политической и культурной жизни русской эмиграции.

⁷ По указанному адресу располагалась «штаб-квартира» Пушкинского комитета.

10

Париж, 26 января 1937 г.

Paris, 26 января 1937

Дорогой Иван Алексеевич,

Знаете ли Вы, что мы готовим к 11 февраля специальный «Пушкинский» номер? И помните ли Вы, что состоите нашим высокоуважаемым сотрудником? А из этих двух положений, по-моему, с полной очевидностью вытекает третье. Как же «Пушкинский» номер «Последних новостей» — и вдруг без Бунина?!

Итак, просим, настаиваем, убеждаем и добиваемся: дайте нам статью. Знаем, что на подъем Вы не очень легки, — и потому прибегаем к самым решительным средствам, чтобы Вас заполучить для «Пушкинского» номера. Хотите, пошлем депутацию и будем молить коленопреклоненно? А если сдадитесь и без этой решительной атаки, будем Вам умиленно благодарны.

Сердечно Вам преданный
П. Милюков

LRA. MS. 1066/3867. Автограф, на бланке газеты «Последние новости» (51, Rue de Turbigo, Paris, 3°).

¹ «Пушкинский» номер «Последних новостей» вышел 10 февраля 1937 г. Среди его авторов — П.Н. Милюков, А.М. Ремизов, Г.В. Адамович, Б.Н. Рапчинский, Р. Словцов (Н.В. Калишевич), М.А. Алданов, А.К. Семенченков, М.А. Осоргин, Я.Б. Полонский. Бунин в этот номер не дал ничего. Вообще, его участие — как писателя, нобелевского лауреата, деятеля культуры — в пушкинских юбилейных торжествах было весьма скромным, на что справедливо указывает в своей новой монографии Т.В. Марченко. Тем не менее нельзя согласиться с категоричным утверждением исследовательницы, что «Бунин на пушкинских торжествах как писатель не появился» [Марченко 2015, с. 132].

Действительно, он «пропустил» ряд значительных юбилейных мероприятий: в частности, из-за болезни не присутствовал 8 февраля 1937 г. на Пушкинском концерте в зале Плейель, а 11 февраля — на панихиде по поэту и на литературно-музыкальном вечере Пушкинского комитета в зале Иена; не был он и 16 марта на открытии выставки «А.С. Пушкин и его эпоха», которую организовал С.М. Лифарь. Правда и то, что как *un homme de lettres* Бунин выступил на страницах юбилейной «пушкинской» прессы довольно бледно, напечатав лишь крошечный этюд «Пушкинские торжества» в «Иллюстрированной России» (1937. 6 февр. № 7. С. 34) и фрагмент своего единственного романа под заглавием «Пушкин в “Жизни Арсеньева”» — в однодневной газете «Пушкин» (1937. 1-е изд. — 8 февр. С. 1; 2-е изд. — 11 февр. С. 1). Невозможно спорить и с тем, что Бунин фактически уклонился от амплуа литературного «премьера», от роли «официального» преемника пушкинской традиции в русской словесности. Казалось бы: «Комитеты, заседания, концерты — нобелевский лауреат во фраке, с белой бабочкой, мировая знаменитость и национальная гордость эмиграции, должен был находиться на сцене, в первом ряду президиума» [Марченко 2015, с. 130]. А вместо этого — Бунин явно сознательно ушел «на задворки» пушкинских празднеств: его имя в газетных отчетах «через запятую» упоминается среди других имен — часто менее «весомых».

И все же, на наш взгляд, неправильно квалифицировать подобное «бегство» от первых мест на газетных полосах и в президиумах как «бегство от Пушкина» и тем более как свидетельство того, что «Бунину было не с чем выступить» [Там же, с. 131]. Когда здоровье позволяло, он выступал — причем (по оценкам не только близких людей!) блестяще. Например, 31 января 1937 г. на специальном заседании Союза русских дворян писатель произнес «Слово о Пушкине» (текст которого до нас не дошел — по крайней мере, среди бунинских рукописей, перечисленных в «Catalogue of Bunin, Bunina, Zurov and Lopatina Collections» [Neuwood 2011], он не значится). Сотрудник «Иллюстрированной России» в своем отчете об этом вечере отмечал: «И.А. Бунин говорил о Пушкине как о неразлучном спутнике всей своей жизни. С самых юных лет все его, Бунина, чувства, впечатления, настроения находили полновзвучный отклик в чудных творениях великого поэта — творца могучей, гармоничной красоты русского языка» [Евгеньев 1937, с. 8]. А в дневнике В.Н. Муромцевой-Буниной имеется следующая запись от 1 февраля 1937 г.: «Вчера на Пушкинском вечере было больше 400 человек. Ян читал очень хорошо» [Устами Буниных 2005, с. 257]. Но чаще в «пушкинские дни» Бунин выступал все-таки не как младший «собрат» и «преемник» великого поэта, а как чтец — исполнитель его произведений. Так, Бунин читал стихи Пушкина 6 марта — на литературно-музыкальном вечере в салоне С.Я. Киржнера и 18 апреля — на закрытии Пушкинской выставки и затем на чествовании Пушкинским комитетом С.М. Лифаря в ресторане Ф.Д. Корнилова. Из сообщений в прессе известно, что страстного «пушкинианца», каковым был знаменитый танцовщик, Бунин приветствовал «дружеским экспромтом» и шуточным застольным стихотворением Пушкина «Сват Иван,

как пить мы станем...» (см.: [Пушкинский комитет — С.М. Лифарю 1937, с. 4; Рошин 1937, с. 7; Честование С.М. Лифаря 1937, с. 9]).

Чем же была обусловлена «умеренность» бунинского участия в юбилейных празднествах 1937 г.? Почему нобелевский лауреат пренебрег возможностью «стать ключевой фигурой» этих празднеств, «сказать главные, пронзительные слова, соединить роковой выстрел на Черной речке с трагедией русской эмиграции» [Марченко 2015, с. 130]? Почему не напечатал в прессе хотя бы свое «Слово о Пушкине» (впрочем, не исключено, что все-таки напечатал — в виде упомянутой выше заметки «Пушкин в “Жизни Арсеньева”» в однодневной газете «Пушкин»)? Ответить на эти вопросы нелегко, да и вряд ли возможно. В любом случае, не следует забывать, что с конца 1920-х гг. мысли Бунина почти всецело занимал другой русский гений — Л.Н. Толстой и что в середине 1930-х Бунин не только готовил к изданию в «Петрополисе» свое Собрание сочинений, но и сосредоточенно работал над книгой «Освобождение Толстого» (Париж, 1937), фрагменты которой он предварительно «обкатывал» в эмигрантской прессе. И как раз один из таких фрагментов, очень объемистый, 4-частный, под заглавием «Особенности Толстого», увидел свет в «Последних новостях» на излете «пушкинских дней» (его печатание продолжалось с 14 марта по 11 апреля 1937 г.; см. Приложение).

11

Париж, 3 ноября 1937 г.

Paris, 3 ноября 1937

Дорогой Иван Алексеевич,

Простите за некоторое запоздание ответа. Я наводил справку по поводу задержки в напечатании Ваших фельетонов¹, — заранее уверенный, конечно, что в основе тут именно, по Вашему выражению, «случайность». Случайностью этой оказалось то, что эти фельетоны предназначались Вами для покрытия ссуды, что давало возможность не считать их особенно спешными в дни, когда газета была перегружена спешным материалом². Надеюсь, что это объяснение Вас удовлетворит и Вы Вашему «ультиматуму» («никогда!») не дадите ходу.

Преданный Вам П. Милюков

LRA. MS. 1066/3868. Автограф, на бланке газеты «Последние новости» (51, Rue de Turbigo, Paris, 3^e).

¹ Письмо Бунина, ответом на которое стало данное послание Милюкова, неизвестно. Поэтому трудно сказать, о каких именно «фельетонах» идет речь. Скорее всего, это были рассказы «Господин Порогов», «Пророк Осия», «Возвращаясь в Рим», напечатанные в «Последних новостях» 10 октября 1937 г. под общим заглавием «Слова, видения» (№ 6042, с. 2). В дальнейшем, вплоть до окончания 1937 г., Бунин поместил в газете Милюкова: 14 ноября — рассказ «Кавказ» (№ 6077, с. 2); 3 декабря — страницы дневника о событиях революции 1905 г. «Октябрь» (№ 6096, с. 2); 25 декабря — отрывок из «путевой поэмы» «Воды многие» (№ 6118, с. 2).

² Осенью 1937 г. главными, первополосными темами «Последних новостей» были следующие: исчезновение руководителя Русского общевойскового союза генерала Е.Н. Миллера, гражданская война в Испании, политические репрессии в Советском Союзе, война на Дальнем Востоке, конференция 9 держав, 20-летие Октябрьской революции и др.

БИБЛИОГРАФИЯ БУНИНСКИХ МАТЕРИАЛОВ
В ЛИЧНОМ ФОНДЕ П.Н. МИЛЮКОВА
В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(ГА РФ. Ф. Р-5856. Оп. 1. Д. 595)

В эмиграции П.Н. Милюков пристально следил за творчеством всех крупных русских писателей, покинувших родину после Октябрьской революции. Об этом, в частности, свидетельствует гигантское собрание вырезок из эмигрантской периодики, которое составляет значительную часть его личного фонда в ГА РФ.

Фонд этот был образован на основе материалов, переданных самим Милюковым в конце 1930-х гг. в Русский зарубежный исторический архив (РЗИА). В 1946 г. РЗИА был перевезен из Праги в Москву, где поступил в ведение Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства СССР, который в 1961 г. слился с Центральным государственным историческим архивом в г. Москве и стал называться Центральным государственным архивом Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР). В 1992 г. ЦГАОР был объединен с Центральным государственным архивом РСФСР, в результате чего возник ГА РФ.

Материалы, имеющие отношение к творчеству Бунина, — т. е. произведения самого писателя, опубликованные в эмигрантской периодике, и посвященные ему критические статьи, рецензии, корреспонденции, репортажи, отчеты, — Милюков систематически собирал в 1921–1938 гг. В итоге его коллекция бунинских печатных материалов составила, согласно описи фонда, 198 архивных листов. Однако в действительности их на десять меньше: в деле отсутствуют архивные листы № 5, 25, 44, 46, 49, 81, 90, 114, 116, 156.

У этой коллекции есть и другие «особенности». Само собрание вырезок с точки зрения хронологии бессистемно (в чем, несомненно, следует винить не Милюкова, который отличался исключительной педантичностью, а тех, кто изымал в 1946 г. фонды РЗИА). Архивные работники в свое время то ли не заметили этого беспорядка, то ли поленились его устранить и произвели архивную пагинацию формально. Ряд вырезок представлен в коллекции в двух, иногда в трех экземплярах. На некоторых рукой Милюкова проставлены неточные даты выхода соответствующих периодических изданий. Две вырезки: рецензия Г.В. Адамовича (из цикла «Литературные беседы») на роман М. Горького «Дело Артамоновых» в журнале «Звено» за 28 марта 1926 г. (л. 82–82а) и статья А. Демидова «Англия и Япония» в нью-йоркской «Русской газете» за 22 октября 1933 г. (л. 110) — оказались среди бунинских материалов явно по недоразумению.

Нижеследующий библиографический список составлен с учетом всех перечисленных обстоятельств. В его основу положен хронологический принцип си-

стематизации материала. Библиографические описания публикаций, как правило, включают все необходимые элементы: имя (и/или псевдоним/криптоним) автора, заглавие публикации, название газеты, место и дату ее выхода, номер выпуска, номера страниц. В конце каждой записи в скобках приведены также номера соответствующих архивных листов. Однако в ряде случаев составить полные библиографические описания не представилось возможным, так как некоторые из периодических изданий, указанных на вырезках, отсутствуют в библиотеках Москвы.

Гиппиус З.Н. Тайна зеркала: (Иван Бунин) // Общее дело (Париж). 1921. 16 мая. № 304. С. 2–3. (Л. 22–23)

Бунин Ив. «Дым без отечества» // Общее дело. 1921. 27 июня. № 346. С. 2. (Л. 43)

Алексеев Г. Живые встречи. I: Иван Бунин // Время (Берлин). 1921. 22 авг. № 164. С. 2. (Л. 78)

Гиппиус З.Н. Бесстрашная любовь: (Русский народ и Ив. Бунин) // Общее дело. 1921. 23 окт. № 463. С. 2–3. (Л. 84–85)

Потресов (Яблоновский С.) Юлий Алексеевич Бунин: (Некролог) // Общее дело. 1921. 22 дек. № 522. С. 2. (Л. 178)

Тимашев Н.С. В чем дело?: (К спору Кускова — Бунин) // Слово (Париж). 1922. 4 сент. № 11. С. 2. (Л. 14)

Бунин Ив. Автобиография И.А. Бунина [предисловие М. А<лданова>] // Дни (Париж). 1923. 8 апр. № 133. С. 9. (Л. 172)

Левинсон А. Великорусская рапсодия: («Косцы» Бунина) // Звено (Париж). 1923. 7 мая. № 14. С. 2. (Л. 10)

Л. М. <Муништейн Л.Г.?> Вечер И.А. Бунина // Последние новости (Париж). 1923. 27 дек. № 1128. С. 2–3. (Л. 17)

Адамович Г. О Буние // Звено. 1924. 11 февр. № 54. С. 2. (Л. 16)

Бунин Ив. Окаянные дни: (Из одесского дневника 1919 года) // Возрождение (Париж). 1925. 11 июня. № 9. С. 2–3. (Л. 150)

Бунин Ив. Окаянные дни: Из одесского дневника 1919 года // Возрождение. 1925. 8 июля. № 36. С. 2–3. (Л. 117)

Бунин Ив. Окаянные дни: Из одесского дневника 1919 года // Возрождение. 1925. 18 июля. № 46. С. 2. (Л. 83)

Бунин Ив. Окаянные дни: Из одесского дневника 1919 года // Возрождение. 1925. 3 авг. № 62. С. 3. (Л. 118)

Бунин Ив. Окаянные дни: Из одесского дневника 1919 года // Возрождение. 1925. 29 авг. № 88. С. 2–3. (Л. 100)

Бунин Ив. Окаянные дни: Из одесского дневника 1919 года // Возрождение. 1925. 12 сент. № 102. С. 2–3. (Л. 96)

<Б. п.> Рене Гиль о Буние // Возрождение. 1925. 2 нояб. № 153. С. 2. (Л. 86)

Бунин Ив. Окаянные дни: Из одесских заметок 1919 г. // Возрождение. 1925. 21 нояб. № 172. С. 2. (Л. 72, 77, 104)

Бунин Ив. Окаянные дни: Из одесских заметок 1919 г. // Возрождение. 1925. 5 дек. № 186. С. 2–3. (Л. 103, 155)

Кульман Н. «Цикады» Бунина // Возрождение. 1925. 17 дек. № 198. С. 3–4. (Л. 106)

Бунин Ив. Записная книжка [об Одессе 1920 г.] // Возрождение. 1926. 13 февр. № 256. С. 2. (Л. 79)

Бунин Ив. Андре Шенье // Возрождение. 1926. 20 февр. № 263. С. 2. (Л. 188)

Бунин Ив. «Версты» // Возрождение. 1926. 5 авг. № 429. С. 3. (Л. 186)

Гофман М.Л. Открытое письмо И.А. Бунину // Последние новости. 1926. 4 нояб. № 2052. С. 3. (Л. 80)

- Бунин *Ив.* Хороших кровей // Возрождение. 1926. 9 дек. № 555. С. 2–3. (Л. 170–171)
- Бунин *Ив.* Князь во князьях // Возрождение. 1926. 16 дек. № 562. С. 3–4. (Л. 167)
- Бунин *Ив.* Записная книжка [о «музыке»; о Блоке] // Возрождение. 1927. 13 февр. № 621. С. 2. (Л. 76)
- Лери <Клопотовский В.В.> Пестрые заметки // Возрождение. 1927. 13 марта. № 649. С. 3. (Л. 75)
- Лери <Клопотовский В.В.> На вечере Бунина: (Письмо из Парижа) // Сегодня (Рига). 1927. 20 марта. № 64. С. 3. (Л. 74)
- Бунин *Ив.* Наш поэт // Возрождение. 1927. 4 авг. № 793. С. 3. (Л. 179)
- Бунин *Ив.* Самородки [окончание; начало на с. 2 отсутствует] // Возрождение. 1927. 11 авг. № 800. С. 3. (Л. 41)
- Корин <Марков А.П.> Бунин и Плевако: (Доклад Е.Н. Зеленкина) // Дни. 1927. 11 окт. № 1203. С. 3. (Л. 12)
- Бунин *Ив.* Отрывок («Начало моей жизни...») // Россия (Париж). 1927. 24 дек. № 18. С. 3. (Л. 185)
- Бунин *Ив.* Письмо И.А. Бунина [ответ «Дням» по поводу «автобиографизма» в «Жизни Арсеньева»] // Последние новости. 1928. 16 июня. № 2642. С. 2. (Л. 67)
- Бунин *Ив.* Страна Содомская // Последние новости. 1928. 2 авг. № 2689. С. 2. (Л. 159)
- Бунин *Ив.* Эртель // Последние новости. 1929. 14 февр. № 2885. С. 2–3. (Л. 187–187а)
- Львов Л. У И.А. Бунина: Беседа // Россия и славянство (Париж). 1929. 2 марта. № 14. С. 3. (Л. 183)
- Бунин *Ив.* Записная книжка: I. Джером Джером. II. Бернар // Последние новости. 1929. 17 марта. № 2916. С. 2. (Л. 157)
- Бунин *Ив.* Камень // Последние новости. 1929. 31 марта. № 2930. С. 2–3. (Л. 165–166)
- Бунин *Ив.* Свет Зодиака // Последние новости. 1929. 9 июня. № 3000. С. 2–3. (Л. 160–161)
- Пильский П. Поэт *Ив.* Бунин // Сегодня. 1929. 26 июня. № 175. С. 3. (Л. 197)
- Алданов М. О новой книге Бунина [о сборнике «Избранные стихи» (Париж, 1929)] // Последние новости. 1929. 18 июля. № 3039. С. 3. (Л. 198)
- Бунин *Ив.* Заметки [о литературе и современниках] // Последние новости. 1929. 19 сент. № 3102. С. 2–3. (Л. 189–190)
- Бунин *Ив.* Третий класс; [фотопортрет] // Сегодня. 1929. 13 окт. № 284. С. 4. (Л. 163)
- Бунин *Ив.* Заметки [о начале литературной деятельности и современниках] // Последние новости. 1929. 9 нояб. № 3153. С. 2–3. (Л. 192–193)
- Бунин *Ив.* Зеркало: Из давних набросков «Жизни Арсеньева» // Последние новости. 1929. 29 дек. № 3203. С. 2–3. (Л. 162–162а)
- Елиель <Львов Л.И.> У Бунина перед его вечером [фото: Бунин в кругу писателей в Москве, 1910] // Россия и славянство. 1930. 5 апр. № 71. С. 3. (Л. 68)
- Демидов И. К вечеру И.А. Бунина // Последние новости. 1930. 11 апр. № 3306. С. 2. (Л. 66)
- Бунин *И.* Записная книжка [о начале литературной деятельности] // Иллюстрированная Россия (Париж). 1930. 17 мая. № 21. С. 1–2, 4, 6. (Л. 69–69а–70–70а–71)
- Троцкий И. Получат ли Бунин и Мережковский Нобелевскую премию? (Письмо из Стокгольма) // Сегодня. 1930. 30 дек. № 360. С. 2¹⁵. (Л. 73)
- Зайцев К. Бунин [о сборнике «Божье древо» (Париж, 1931)] // Россия и славянство. 1931. 2 мая. № 127. С. 3. (Л. 105)
- <Б. п.> <Волошин Г.> И.А. Бунин («Тень птицы») [начало; окончание на с. 4 отсутствует] // Голос (София). 1931. 14 июня. № 347. С. 3. (Л. 88)
- Бицилли П. Бунин и его место в русской литературе: Из речи, читанной в Софии в День русской культуры, 14 июня 1931 года // Россия и славянство. 1931. 27 июня. № 135. С. 3–4. (Л. 87–87а)

¹⁵ На вырезке рукой Милюкова ошибочно проставлена дата: «31.XII.30».

- Бунин *Ив.* Провансальские пересказы: I. Тараскон; II. Юный пилигрим // Последние новости. 1931. 28 июня. № 3749. С. 2–3. (Л. 173–173а)
- Бунин *Ив.* Петр Александров // Последние новости. 1931. 30 авг. № 3812. С. 2–3. (Л. 164–164а)
- Гинт <Ходасевич В.Ф.> Заметки читателя [О «Божьем древе»] // Возрождение. 1931. 22 окт. № 2333. С. 4. (Л. 177)
- Бунин *Ив.* Жилет пана Михольского // Последние новости. 1932. 10 янв. № 3945. С. 2. (Л. 174)
- <Б. н.> Творчество И.А. Бунина: (Доклад И.Л. Тартака в О<бществе> друзей русской культуры) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1932. 28 мая. № 7062. С. 3. (Л. 91)
- Бунин *Ив.* Записи: I. Капри. II. Дельта // Последние новости. 1932. 29 мая. № 4085. С. 2–3. (Л. 50–51)
- Бунин *Ив.* Записи [о современниках] // Последние новости. 1932. 10 июля. № 4127. С. 2. (Л. 191)
- Бунин *Ив.* Из «Жизни Арсеньева» // Последние новости. 1932. 25 дек. № 4295. С. 2–3. (Л. 168–169)
- Зайцев Б. Бунин увенчан // Возрождение. 1933. 10 нояб. № 3083. С. 1. (Л. 135)
- <Б. н.> Иван Алексеевич Бунин получил премию Нобеля; <Б. н.> Разговор с Буниным по телефону // Возрождение. 1933. 10 нояб. № 3083. С. 1. (Л. 140)
- <Б. н.> И.А. Бунин — нобелевский лауреат; *Тартак И.Л.* И.А. Бунин и премия Нобеля // Новое русское слово. 1933. 10 нояб. № 7593. С. 1. (Л. 65)
- Бунин — нобелевский лауреат: <Б. н.> Премия по литературе присуждена автору «Жизни Арсеньева»; <Б. н.> Первое известие; <Б. н.> Телеграмма Шведской академии; <Б. н.> Планы нового лауреата; <Б. н.> И.А. Бунин // Последние новости. 1933. 10 нояб. № 4615. С. 1. (Л. 144)
- <Б. н.> Праздник русского искусства // Последние новости. 1933. 10 нояб. № 4615. С. 1. (Л. 145)
- <Б. н.> Беседы с Буниным // Возрождение. 1933. 12 нояб. № 3085. С. 2. (Л. 134)
- Налынич С. <Шовгенов С.И.> Творчество Бунина; <Б. н.> Как И.А. Бунину было сообщено о присуждении ему премии Нобеля // Наше время (Варшава; Вильно). 1933. 12 нояб. (Л. 40)
- <Б. н.> И.А. Бунин // Молва (Варшава). 1933. 14 нояб. № 261. С. 2. (Л. 102)
- <Б. н.> Приветствия И.А. Бунину: На концерте в Трокадеро; <Б. н.> Печать // Последние новости. 1933. 14 нояб. № 4619. С. 2. (Л. 93)
- Печковский М.И. Вечер И.А. Бунина: (К собранию в О<бществе> друзей русской культуры, 18 нояб<бря>) // Новое русское слово. 1933. 15 нояб. № 7598. С. 2, 3. (Л. 108–109)
- Городецкая Н. Встреча с Буниным; <Б. н.> <Б. н.> [«Бунин вчера в 11 час<ов> 30 мин<ут> приехал из Грасса в Париж...»] // Возрождение. 1933. 16 нояб. № 3089. С. 1. (Л. 133)
- Ходасевич Вл. Книги и люди: О Бунине // Возрождение. 1933. 16 нояб. № 3089. С. 3–4. (Л. 176)
- Алданов М. Об искусстве Бунина // Последние новости. 1933. 16 нояб. № 4621. С. 2. (Л. 95, 175)
- Троцкий И. Как была присуждена Бунину Нобелевская премия: (Письмо из Стокгольма) // Последние новости. 1933. 16 нояб. № 4621. С. 2. (Л. 39, 119)
- Иван Алексеевич Бунин: *Милюков П.Н.* Привет лауреату; *Адамович Г.* 9-го ноября; *Осоргин М.* Господин из Сан-Франциско; *Гиппиус З.* В сей час; *Вейдле В.* Полдень; <Б. н.> И.А. Бунин в «Последних новостях»; [фото группы на «Бельведере»: И.А. Бунин, В.Н. Муромцева-Бунина и др.; П.Н. Милюков приветствует лауреата] // Последние новости. 1933. 16 нояб. № 4621. С. 3. (Л. 45, 48, 115)

- Седых А. <Цвибак Я.М.> И.А. Бунин в Париже; Зуров Л. 1920–1933; <Б. н.> Бунинский вечер; [фото: группа на Лионском вокзале в Париже; Бунин в редакции «Последних новостей»; Бунин и Милюков; Бунин, 1902; Бунин и В.Н. Муромцева-Бунина в Грассе, на балконе «Бельведера»] // Последние новости. 1933. 16 нояб. № 4621. С. 4. (Л. 45а, 48а, 115а)
- Шаховская З. Иван Бунин — лауреат Нобелевской премии на 1933 г. // L'Hebdomadaire russe en Belgique (Брюссель). 1933. 16 Nov. P. 3. (Л. 47)
- Городецкая Н. И.А. Бунин в «Возрождении» [фото: портрет Бунина; группа в редакции] // Возрождение. 1933. 17 нояб. № 3090. С. 1. (Л. 101)
- Горный С. <Оцуи А.А.> Наш праздник; <Б. н.> <Б. н.> [«Иллюстрасьон посвящает горячую статью нобелевскому лауреату...»]; <Б. н.> Бунин о Чехове // Возрождение. 1933. 18 нояб. № 3091. С. 4. (Л. 92)
- <Б. н.> И.А. Бунин и Д.С. Мережковский; <Б. н.> Приветственные телеграммы // Наше время. 1933. 18 нояб. № 27. (Л. 138)
- Арский Н. <Абрамович Н.Я.> И.А. Бунин; Житкова О. Луч солнца среди бури: Посвящается Ивану Бунину; <Б. н.> [Общество имени Петра Великого] Американская пресса о Буnine // Русская газета (Нью-Йорк). 1933. 19 нояб. С. 3. (Л. 154)
- Некрасов В.Н. И.А. Бунин: Природа и цивилизация в его творчестве // Новое русское слово¹⁶. 1933. 23 нояб. № 7606. С. 2. (Л. 194)
- Унковский В. Париж чествует лауреата: (От собственного парижского корреспондента «Нового русского слова») // Новое русское слово. 1933. 24 нояб. № 7607. С. 2. (Л. 125)
- Алданов М. Чествование И.А. Бунина // Последние новости. 1933. 24 нояб. № 4629. С. 2. (Л. 148)
- Федоров А. Злоключения Бунина в Болгарии: (Письмо из Софии) // Сегодня. 1933. 24 нояб. № 325. С. 2.¹⁷ (Л. 7, 99)
- Плавинский Н. И.А. Бунин; Бунин И.А. В лесу («В лесу, в горе — родник живой и звонкий...»); Лен («Присела на могильнике Савуре...») // Голос труда (София). 1933. 25 нояб. (Л. 143)
- Бунин Ив. Как я стал писателем: (Из «Записной книжки») // Новое русское слово. 1933. 26 нояб. № 7609. С. 2. (Л. 52)
- Милюков П. «Всенародная» встреча // Последние новости. 1933. 26 нояб. № 4631. С. 2. (Л. 146)
- Петручик В. Иван Алексеевич Бунин // Русский голос (Львов). 1933. 26 нояб. № 45 (636). С. 1–2. (Л. 11)
- Ч. <Люби К.Г.> Чествование И.А. Бунина: Собрание в театре Шан-з-Элизе // Возрождение. 1933. 28 нояб. № 3101. С. 2. (Л. 136)
- Седых А. И.А. Бунин в Париже: (Соб. корр.) // Новое русское слово. 1933. 28 нояб. № 7611. С. 2, 4. (Л. 122–122а)
- Бунин Ив. И.А. Бунин об исторической миссии русской эмиграции; Бальмонт К. Поэту-следопыту (сонет): По прочтении «Избранных стихов» И.А. Бунина (1933. 5 июня); <Б. н.> Чествование И.А. Бунина: Торжественное собрание редакции «России и славянства», Русского национального комитета и Центрального комитета; <Б. н.> Чествование Бунина в Белграде // Россия и славянство. 1933. Дек. № 227. С. 1. (Л. 24)
- Шмелев Ив. Слово на чествовании И.А. Бунина; Федоров М. Приветствие И.А. Бунину; Бернацкий М.В. Признание Бунина; Карташев А., Бурцев Вл., Долгоруков П., Востротин С., Киндяков М., Ковалевский Е., Мейнгард Г., Салтыков Н., Струве П., Федоров М., Львов Л. Приветствие от Русского национального комитета; Карташев А. И.А. Бунин

¹⁶ На вырезке название газеты не указано.

¹⁷ На л. 7 дата и название издания не обозначены.

- ну; *Струве П. И.А.* Бунин: Речь, произнесенная в Белграде 20 ноября и оглашенная в Париже на чествовании И.А. Бунина 29 ноября с. г. // Россия и славянство. 1933. Дек. № 227. С. 2. (Л. 24а)
- Седых А. И.А.* Бунин перед отъездом в Стокгольм [окончание; начало на с. 1 отсутствует] // Новое русское слово. 1933. 6 дек. № 7619. С. 3. (Л. 123)
- <Б. н.> Бунин в дороге // Возрождение. 1933. 7 дек. № 3110. С. 2. (Л. 131)
- Ъ. <*Седых А.*> Париж чествует И.А. Бунина: (От парижского корреспондента) «Нового русского слова» // Новое русское слово. 1933. 7 дек. № 7620. С. 1, 4. (Л. 63, 141)
- <Б. н.> Ив. Бунин в Швеции: Встречи в Мальмэ и Стокгольме // Последние новости. 1933. 7 дек. № 4642. С. 1. (Л. 147)
- Волковиский Н.* Русские писатели в рассеянии // Наше время. 1933. 8 дек. С. 2. (Л. 129)
- Троцкий И.* В ожидании лауреата [окончание; начало на с. 1 отсутствует] // Новое русское слово. 1933. 8 дек. № 7621. С. 4. (Л. 55)
- Гордость русской литературы: *Троцкий И.* Как была присуждена Бунину Нобелевская премия; <Б. н.> Приветствия и поздравления; *Городецкая Н.* Беседа с лауреатом в Париже; <Б. н.> Иностранная печать об Ив. Бунине; Письмо Е. Саблина // Шанхайская заря (Шанхай). 1933. 10 дек. № 2534. С. 11–12. (Л. 113–113а)
- <Б. н.> Вручение И.А. Бунину Нобелевской премии // Возрождение. 1933. 11 дек. № 3114. С. 1. (Л. 130)
- Седых А.* Бунинские дни в Стокгольме: (От нашего корреспондента) // Последние новости. 1933. 12 дек. № 4647. С. 2. (Л. 98)
- <Б. н.> Вручение Бунину Нобелевской премии [фото] // Возрождение. 1933. 13 дек. № 3116. С. 1. (Л. 142)
- Ал-др.* Бунин в Стокгольме; <Б. н.> <Б. н.> [«Одним из друзей семьи Бунина»] // Возрождение. 1933. 13 дек. № 3116. С. 2. (Л. 142а)
- Троцкий И.* В ожидании лауреата: (Письмо из Стокгольма) // Новая заря (Сан-Франциско). 1933. 13 дек. № 1262. С. 2. (Л. 54)
- Русс.* В Болгарии — в честь Бунина // Возрождение. 1933. 14 дек. № 3117. С. 4. (Л. 137)
- Седых А.* В гостях у короля Густава V: (Письмо из Стокгольма) // Последние новости. 1933. 14 дек. № 4649. С. 2. (Л. 94)
- Ал-др.* Бунин в Стокгольме [окончание; начало на с. 1 отсутствует]; <Б. н.> «Ревю де Франс» о Бунине // Возрождение. 1933. 16 дек. № 3119. С. 2. (Л. 128)
- Федоров А.* Злоключения Бунина в Болгарии // Новая заря. 1933. 16 дек. № 1265. (Л. 6)
- Унковский В.* Сотрудник «Нового русского слова» у Бунина: (Экстренное сообщение из Парижа) // Новое русское слово. 1933. 16 дек. № 7629. С. 2. (Л. 107)
- А. П.* <*Покровский А.Н.*> И.А. Бунину; *Бунин И.* Слово («Молчат гробницы, мумии и кости»); На исходе («Ходили в мире лже-Мессии...») // Наша газета (Париж). 1933. 17 дек. № 1. (Л. 132)
- Соседов В.* О Бунине в Болгарии: (От собственного корреспондента «Нового русского слова») // Новое русское слово. 1933. 17 дек. № 7630. С. 8. (Л. 64)
- Седых А. И.А.* Бунин в Стокгольме: (От нашего корреспондента) // Последние новости. 1933. 17 дек. № 4652. С. 2. (Л. 56, 97)
- <Б. н.> И.А. Бунин; *Карташев А. И.А.* Бунину: (Речь, сказанная 29 ноября 1933 года в Париже на чествовании нобелевского лауреата, устроенном редакцией «Россия и славянство» и Русским национальным комитетом); *Дехтерев А.* Предвидение: (По поводу присуждения И.А. Бунину Нобелевской премии). Посв<ящается> Вере Николаевне Буниной [начало] // Русская газета (Нью-Йорк). 1933. 17 дек. № 121. С. 1. (Л. 89)
- Лад. И.А.* Бунин и хор донских казаков // Трудовая мысль (Рига). 1933. 17 дек. № 55. (Л. 139)
- Троцкий И.* Чествование И.А. Бунина на празднике св. Люции: (От специального корреспондента «Сегодня») // Сегодня. 1933. 19 дек. № 350. С. 3. (Л. 120)

- Седых А.* Отъезд Бунина из Стокгольма: (От нашего корреспондента) // Последние новости. 1933. 20 дек. № 4655. С. 3. (Л. 62, 121)
- Седых А. С И.А. Буниным из Парижа в Стокгольм: (От специального корреспондента «Нового русского слова»); <Б. п.> <Троцкий И.> «Кто я такой? — Изгнанник, пользующийся гостеприимством Франции», — заявил И.А. Бунин в своей речи на банкете Шведской академии: (От специального корреспондента «Нового русского слова») // Новое русское слово. 1933. 22 дек. № 7635. С. 2. (Л. 124)*
- Седых А.* Бунинские дни в Стокгольме [окончание; начало на с. 1 отсутствует] // Новое русское слово. 1933. 23 дек. № 7636. С. 4. (Л. 57)
- Седых А.* Как Бунин получил Нобелевскую премию // Новое русское слово. 1933. 24 дек. № 7637. С. 1, 6. (Л. 60–61)
- Седых А.* В гостях у короля Густава: (От специального корреспондента «Нов<ого> русского слова») // Новое русское слово. 1933. 25 дек. № 7638. С. 1. (Л. 58, 59)
- Троцкий И. И.А.* Бунин в центре внимания на нобелевских торжествах // Новое русское слово. 1933. 29 дек. № 7642. С. 2. (Л. 53)
- Масаинов А.* «Исторические факты»: О Швеции и России, Бунине и литературных русских нравах: (Специально для «Нового русского слова») // Новое русское слово. 1933. 31 дек. № 7644. С. 8. (Л. 126, 127)
- Деспотули Вл.* Берлинские отклики. П. И.А. Бунин в Берлине // Молва. 1934. 4 янв. № 3 (523). С. 3. (Л. 152)
- Хирьяков А.М.* Душа поэта: (Из доклада, читанного на вечере Союза русских писателей и журналистов в Польше 30 декабря в Варшаве) // Молва. 1934. 4 янв. № 3 (523). С. 3; 5 янв. № 4 (524). С. 3. (Л. 195–196).
- Э. В. <Войновский-Кригер Э.Б.>* Вечер в честь Бунина в Берлине // Возрождение. 1934. 11 янв. № 3145. С. 4. (Л. 149)
- П. П. <Пильский П.>* Немецкий критик о русских зарубежных писателях. И.А. Бунин, И.С. Шмелев, С. Горный, Вл. Сирин в оценке А. Лютера // Сегодня. 1934. 11 янв. № 11. С. 3. (Л. 30)
- Сванберг В.* Бунин, Горький и Шведская академия // Литературная газета (Москва). 1934. 18 янв. № 4. С. 2. (Л. 112)
- <Б. п.>* Бунин во Франции [перевод ответа Бунина на анкету «Энтрасижан»] // Наше время. 1934. 21 янв. С. 3. (Л. 181)
- П-ель.* Бунин, Татьяна и Шанхай: Наброски // Вечерняя заря (Шанхай). 1934. 26 янв. (Л. 153)
- <Б. п.>* Выработана программа чествования И.А. Бунина в день Татьяны // Шанхайская заря. 1934. 28 янв. № 2574. (Л. 180)
- Петручик В.* Ясновидение природы: (И.А. Бунин) [начало; окончание отсутствует] // Русский голос (Львов). 1934. 4 февр. (Л. 13)
- Грэй Д.* Бунинский номер газеты «Чураевка» // Русское слово (Харбин). 1934. 20 февр. (Л. 182)
- Мордвинов А.* О Бунине // Младоросская искра (Париж). 1934. 25 февр. № 36. С. 2. (Л. 19, 20, 111)
- Лидин Н. <Горчаков Н.Н.>* Бунинские дни: Письмо из Харбина // Последние новости. 1934. 19 марта. № 4743. С. 2. (Л. 9)
- Седых А.* О Бунине: (Из записной книжки) // Новое русское слово. 1934. 3 июня. № 7797. С. 8. (Л. 18)
- Ю. М. <Мандельштам Ю.В.>* Книга о Бунине [о книге К.И. Зайцева «И.А. Бунин. Жизнь и творчество» (Париж, 1934)] // Возрождение. 1934. 18 окт. № 3424. С. 4. (Л. 26)
- Адамович Г.* Перечитывая Бунина... // Последние новости. 1934.¹⁸ 15 нояб. № 4984. С. 3. (Л. 42)

¹⁸ На вырезке ошибочно проставлена дата: «15.XI.35».

- Унковский В. У Бунина: (От парижского корреспондента «Нового русского слова») // Новое русское слово. 1935. 10 нояб. № 8320. С. 8. (Л. 4)
- Пильский П. Окаянные дни: Новая книга И.А. Бунина // Новое русское слово. 1935. 16 нояб. № 8326. С. 2. (Л. 15)
- <Б. п.> После издевательства над И.А. Буниным: «ДНБ» объясняет // Последние новости. 1936. 5 нояб. № 5704. С. 2. (Л. 27)
- Бельговский К. Четыре дня И.А. Бунина в Праге: Письмо из Праги // Новое русское слово. 1936. 11 нояб. № 8683. С. 2. (Л. 21)
- Злоключения И.А. Бунина в Германии // Новое русское слово. 1936. 12 нояб. № 8684. С. 2. (Л. 158)
- <Б. п.> После издевательства над И.А. Буниным: Российский общественный комитет в Варшаве апеллирует... к ген<ералу> Бискупскому // Последние новости. 1936. 15 нояб. № 5714. С. 2. (Л. 29)
- <Б. п.> После издевательства над И.А. Буниным: Ген<ерал> Бискупский заговорил // Последние новости. 1936. 24 нояб. № 5723. С. 2. (Л. 28)
- Бунин Ив. Письмо И.А. Бунина [выражение благодарности за отклики на инцидент в Линдау] // Последние новости. 1936. 27 нояб. № 5726. С. 2. (Л. 32)
- Бунин Ив. Особенности Толстого. I // Последние новости. 1937. 14 марта. № 5833. С. 2. (Л. 35)
- Бунин Ив. Особенности Толстого. II // Последние новости. 1937. 21 марта. № 5840. С. 2. (Л. 36)
- Бунин Ив. Особенности Толстого. III // Последние новости. 1937. 28 марта. № 5847. С. 2. (Л. 37)
- Бунин Ив. Особенности Толстого. IV // Последние новости. 1937. 11 апр. № 5861. С. 2. (Л. 38)
- Бунин Ив. Вера Толстого // Последние новости. 1937. 16 июня. № 5926. С. 2. (Л. 34)
- Бунин Ив. Восемь лет: Рассказ // Последние новости. 1937. 22 авг. № 5993. С. 3. (Л. 31)
- Рыбинский Н. И.А. Бунин в Югославии: Писатель о поездке на юг, своих работах и встрече с Алексеем Толстым: (Письмо из Белграда) // Сегодня. 1937. 1 сент.¹⁹ № 239. С. 2. (Л. 33)
- Бунин Ив. Слова, видения // Последние новости. 1937. 10 окт. № 6042. С. 2. (Л. 184)
- Сергеев Е. <Евгеньев С.Е.> Полвека на литературном посту: К 50-летию литературной деятельности И.А. Бунина // Новая заря. 1938. 12 янв. № 2283. С. 3. (Л. 8)
- Оречкин Бор. Два часа с И.А. Буниным // Сегодня (Рига). 1938. 24 апр.²⁰ № 113. С. 2. (Л. 1)
- Пильский П. И.А. Бунин: (К его сегодняшнему приезду в Ригу) // Сегодня. 1938. 28 апр.²¹ № 117. С. 2. (Л. 3)
- Пильский П. В вагоне с Буниным; <Б. п.> Приезд И.А. Бунина в Ригу // Сегодня. 1938. 29 апр.²² № 118. С. 5. (Л. 2)

¹⁹ На вырезке рукой Милюкова ошибочно проставлена дата: «2.XI.37».

²⁰ На вырезке рукой Милюкова ошибочно проставлена дата: «25.VI.38».

²¹ На вырезке рукой Милюкова ошибочно проставлена дата: «29.VI.38».

²² На вырезке рукой Милюкова ошибочно проставлена дата: «30.VI.38».

«МЫ ЛЮДИ РАЗНЫХ МИРОВ»

Письма М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу
(1923–1936 гг.)

Публикация, вступительная статья и комментарии
М.М. Горинова-мл., М.Ю. Сорокиной.
Подготовка текста М.М. Горинова-мл.

Впервые публикуемые письма Марии Евгеньевны Ямпольской (1867–1937) адресованы ее сыну — известному русско-американскому историку и общественному деятелю Михаилу Михайловичу Карповичу (1888–1959)¹. Они написаны в 1923–1936 гг. в СССР, в Москве и Тифлисе, и отправлялись в США, где затем в течение многих десятилетий хранились в составе большого семейного архива. Свободное эпистолярное общение через океан и / или границы между членами одной семьи, эмигрантами и советскими гражданами, — явление мало исследованное, да и вообще не очень заметное в историографии, ибо до сих пор сохраняет свою инерционную силу выстраданный белой эмиграцией миф о разделенном народе. Долгие непроницаемые десятилетия «железного занавеса» и холодной войны второй половины XX в. окончательно сцементировали представление о том, что постреволюционный исход навсегда разорвал сотни тысяч российских семей и сделал невозможным их контакты. Между тем в 20-е и даже в середине 30-х гг. XX в. такая переписка не была чем-то экстраординарным. Достаточно вспомнить многолетний эпистолярный диалог между членами семьи Вернадских, но там — знаменитый академик, обласканный и контролируемый советской властью. Однако и на уровне рядовых граждан СССР переписка с зарубежными соотечественниками-эмигрантами также не прерывалась вплоть до начала Большого террора, и этот исторический феномен еще требует своего изучения и интерпретации. Настоящая публикация — важный материал к этой теме.

Михаил Михайлович Карпович — один из самых известных русских эмигрантов XX в. и самый успешный русский историк-эмигрант в США. Выпускник историко-филологического факультета Московского университета, он посвятил свою молодость не столько научной карьере, сколько общественной деятельности. Не имея ни ученой степени, ни опубликованных научных трудов, в 1927 г. в возрасте 39 лет он получил уникальное приглашение Гарвардского университета прочесть курс русской истории и затем долгие годы преподавал здесь, став профессором и заведующим Славянским департаментом университета. Тем самым М.М. Карпович занял одну из ведущих позиций в американском академическом сообществе, связанном с Россией и СССР, а его гарвардские ученики (Р. Пайпс (Pipes), Л. Хеймсон (Haimson), М. Малиа (Malia) и др.) фактически определили лицо американской русистики второй половины XX столетия. Если добавить к этому, что с 1946 г. Михаил

¹ Избранную литературу, посвященную жизни и трудам М.М. Карповича, см. ниже.

Карпович являлся главным редактором ведущего послевоенного журнала русской эмиграции — «Нового журнала» и фактическим главой Гуманитарного фонда, то становится понятным, что в послевоенной русской интеллектуальной элите в США он занимал центральное положение.

Тем не менее даже спустя полвека после кончины историка его научная биография не создана; рискнем утверждать, что эта печальная закономерность вообще очень характерна для посмертных судеб российских эмигрантов XX в., обделенных монографическим вниманием по обе стороны океана. В то же время работы А.А. Болховитинова и А. Зейде, недавние публикации «Лекций по интеллектуальной истории России» М.М. Карповича и его писем близкому другу со студенческой скамьи историку Георгию Владимировичу Вернадскому (1887–1973) создают надежный фундамент как для изучения биографии, так и для понимания той интеллектуальной атмосферы, среды и времени, в которых происходили гражданское и научное становление и деятельность русского гарвардского профессора и историков-эмигрантов его поколения.

Как известно, поворотным пунктом в судьбе М.М. Карповича стала его встреча в мае 1917 г. с другом семьи по Тифлису профессором-гидрологом и видным кадетом Б.А. Бахметевым (1880–1951), получившим назначение руководителем Чрезвычайной российской миссии в США и собиравшим кадры этой миссии. В качестве его секретаря 30-летний Карпович и отправился в Америку — как оказалось, навсегда. Однако он никогда не терял связей с остававшейся в России / СССР своей большой семьей — отцом, матерью, сестрой и другими родными, — и до Второй мировой войны активно материально поддерживал их. Стоит отметить, что вообще близкий круг Михаила Карповича на протяжении всей жизни оставался достаточно консервативным, сформированным еще в России. Вероятно, широко понимаемая семейственность, домашность, верность друзьям и одновременно идейная толерантность как важные психологические и мировоззренческие доминанты в немалой степени способствовали собиранию вокруг него самых разных по взглядам и возрасту людей, к каждому из которых Карпович находил свой подход и интерес.

*М.М. Карпович. <1940-е гг.>.
Опубл.: [Карпович 2012]*

В 2014 г. Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына получил бесценный дар Татьяны Борисовны Терентьевой, двоюродной внучки М.М. Карповича и правнучки М.Е. Ямпольской, — сотни листов писем семейной корреспонденции Карповичей / Терентьевых / Пресняковых / Ямпольских² и транскрипты гарвардских лекций М.М. Карповича по интеллектуальной истории России, которые и образовали личный фонд М.М. Карповича в Архиве ДРЗ (Ф. № 209). Письма родственников М.М. Карповичу из России / СССР за 1917–1936 гг. составляют двенадцать папок этих материалов.

Автор публикуемых в настоящем издании писем — мать историка Мария Евгеньевна Ямпольская — родилась в 1867 г. в старинной дворянской семье. Ее отец Евгений Львович Пресняков (1840–1916) был инженером путей сообщения и членом правлений различных железных дорог, а мать Мария Пафнутьевна (1842–1905) принадлежала к не менее родовой семье коллежского асессора П. Лопатина. В семье Пресняковых было четверо детей: дочери Екатерина, Надежда и Мария и сын Александр (1870–1929), будущий знаменитый историк, специалист по средневековой истории России.

Школьные годы Марии Евгеньевны Пресняковой прошли в Москве: шестнадцати лет она окончила гимназию, а через два года вышла замуж за Михаила Викентьевича Карповича (1855–1927), начальника 6-го участка службы пути Закавказских железных дорог. В Тифлисе у них родилось двое детей: Михаил, будущий историк, и Наталья (1890–1967)³. Однако семейная жизнь старших Карповичей не сложилась, и когда Михаилу было всего четыре года, а Наталье — два, Мария Евгеньевна уехала в Петербург со своим новым мужем Иваном Платоновичем Ямпольским.

Любопытно, что дети остались с отцом, в их воспитании большую помощь М.В. Карповичу оказывала его родная сестра Нина Викентьевна. Ее муж врач Георгий Григорьевич Калашников и дети — сын Михаил и дочери Елена, Евгения и Татьяна — были не только родственниками, но и большими друзьями Карповичей, с которыми долго жили вместе, одной большой семьей, о чем подробно рассказывается в мемуарах их потомков [Калашников 2005, с. 199, 204–205; Терентьева 2007, с. 5, 7]. В 1906 г. Михаил Карпович окончил 2-ю мужскую, а Наталья — 2-ю женскую тифлисские гимназии. В тот же год Михаил уехал учиться в Москву, в 1907 г. сюда приехала и его сестра, поступившая на историко-философский факультет Высших женских курсов В.И. Герье⁴. В Москве решилась и ее личная судьба — Наталья Карпович познакомилась с однокурсником брата Игорем Герасимовичем Терентьевым (1892–1937), будущим известным театральным режиссером, поэтом и художником-авангардистом, учившимся в те годы на юридическом факультете Московского университета, и в 1916 г. вышла за него замуж. Терентьевы уехали жить в Тифлис, где 11 октября того же года у них родилась дочь Татьяна.

² Биографические сведения об упоминаемых родственниках М.М. Карповича даются в комментариях к тексту писем.

³ ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 320. Д. 723. Л. 31. Формулярный список о службе М.В. Карповича.

⁴ Там же. Ф. 363. Оп. 4. Д. 12620. Л. 6 об., 7, 8.

Тем временем мать М.М. Карповича Мария Евгеньевна и ее муж жили по-прежнему в Петрограде, где И.П. Ямпольский служил в Управлении кустарной промышленности Министерства земледелия Временного правительства (скончался в 1919 г.). В 1926 г. Мария Евгеньевна и усыновленный ею еще в 1908 г. Леонид Александрович Захаров переехали в Тифлис, где последний занимался преподавательской деятельностью. В сентябре 1935 г. они вернулись в Центральную Россию и поселились в подмосковном городе Пушкино, а с сентября 1936 г. жили в Москве, где Мария Евгеньевна и скончалась в апреле 1937 г. Такова самая внешняя канва жизни семьи Карповичей в первые десятилетия XX в.

Комплекс писем М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу весьма значителен по объему. Ее переписка с сыном длилась почти двадцать лет — с мая 1917 по ноябрь 1936 г., и за это время Мария Евгеньевна написала около трехсот писем общим объемом 894 листа! Она писала регулярно, обстоятельно, один-два раза в месяц. К сожалению, ответные письма М.М. Карповича не сохранились⁵.

М.Е. Ямпольская, так же как и ее брат, историк А.Е. Пресняков, и сын, была человеком с очень разносторонними интересами, и ее письма содержат массу мелких и крупных семейных и исторических событий, впечатлениями о которых она щедро делилась с сыном. Тон писем свидетельствует о доверительности их отношений, хотя на многие вещи мать и сын изначально смотрели по-разному, а со временем их взгляды еще более разошлись.

Так, в первых письмах М.Е. Ямпольской преобладало критическое отношение к происходящему в стране, «охваченной революцией». В 1917 г. Мария Евгеньевна писала о повсеместной разрухе, дороговизне, голоде, холоде и виновниках этого — большевиках: «живем во власти и под пятой большевика», в «царстве спятивших с ума людей»⁶. Она с ностальгией вспоминала утерянные «свободу и комфорт прежней жизни»⁷, сожалела об «уничтожении традиций»⁸ русского человека.

Очень привязанная к своему брату, историку Александру Евгеньевичу Преснякову, М.Е. Ямпольская подробно описывает практически не отраженное в советской периодике празднование юбилея его научной деятельности 4 июля 1923 г. в актовом зале Петроградского университета, собравшее многих «бывших», в том числе академика С.Ф. Платонова (1860–1933). Много места в письмах уделено трудной жизни семьи дочери. Мария Ямпольская высоко ценила талант, ум, обаяние Игоря Терентьева, но страдала от его непрактичности, неумения обеспечить семью и артистической самоуверенности, мешавшей найти общий язык с собратьями по искусству.

Несмотря на непростые условия жизни, загруженность хозяйственными делами, М.Е. Ямпольская находила время на посещение театров и концертов и делилась с сыном впечатлениями о музыкальных премьерах и спектаклях, ху-

⁵ Советские «компетентные органы» хорошо знали об этой переписке — она упомянута в показаниях Игоря Терентьева в мае 1931 г. на следствии в Днепропетровском секторе ГПУ УССР [Терентьев 1993, с. 40].

⁶ Фонд М.М. Карповича находится в стадии научно-технической обработки, поэтому здесь и далее приводятся временные архивные легенды документов на дату публикации. См.: Архив ДРЗ. Ф. 209. Папка 12. Л. 38 об. (письмо от 21 ноября 1917 г.); Л. 39, 39 об. (29 декабря 1917 г.).

⁷ Там же. Папка 8. Л. 39 (письмо от 19 сентября 1925 г.).

⁸ Там же. Л. 46 (письмо от 8 ноября 1925 г.).

дожественных фильмах и прочитанных книгах. Мария Евгеньевна, например, оценила «жизненную правду и искренность» советских писателей А.А. Фадеева (1901–1956) и А.П. Чапыгина (1870–1937), хотя сын именовал их творчество «тенденциозным», его шокировал «причудливый стиль» советской литературы⁹. В то же время в ее письмах подробно описываются детали бытовой жизни (цены, питание, отопление помещений, работа транспорта и др.) в Петрограде, Тбилиси, Москве, что делает их прекрасным источником для изучения советской повседневности 1920–1930-х гг. и динамики ее восприятия «бывшими».

До конца своих дней М.Е. Ямпольская следила за политической и общественной жизнью в СССР, читала журналы и газеты, слушала радио. Она делилась с сыном впечатлениями от самоубийства В.В. Маяковского, судебного процесса по делу Промпартии (1930), докладов XVII съезда ВКП(б), тревожилась за спасение челюскинцев. К середине 1930-х гг. М.Е. Ямпольская почти приветствует советскую действительность. Многие ее стороны (физическая подготовка молодежи, воспитание в ней активности и уверенности в своих силах, всеобщее образование, бесплатное здравоохранение, равноправие наций, борьба за мир на международной арене) она воспринимает с энтузиазмом и одобрением.

Публикуемые письма — лишь небольшая часть переписки М.М. Карповича и его матери. Все они публикуются впервые по автографам, хранящимся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. Текст писем передан в соответствии с современными правилами орфографии и пунктуации, представлены необходимые знаки препинания. Проведено деление текста на абзацы. Стилистические особенности оригинала и авторские подчеркивания сохранены.

Выражаем глубокую признательность Т.Б. Терентьевой и Г.М. Иноземцеву за консультации и помощь в составлении комментариев, а также М.А. Котенко за помощь в работе в архиве Дома русского зарубежья.

Источники и литература

ЦГАМ — Центральный государственный архив города Москвы

- Артизов 1996 — Артизов А.Н. Болезнь и кончина А.Е. Преснякова // Вопросы истории. 1996. № 5–6. С. 158–160.
- Болховитинов 2005 — Болховитинов Н.Н. Русские ученые-эмигранты (Г.В. Вернадский, М.М. Карпович, М.Т. Флоринский) и становление русистики в США. М., 2005.
- Горинов 2013 — Горинов М.М. Документальные материалы московских архивов как источник сведений по биографии М.М. Карповича // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. М., 2014. С. 221–230.
- Горинов, Сорокина 2014 — «Мы живем в совсем особенной атмосфере...»: Письма Михаила Карповича Георгию Вернадскому, 1909–1917 г. / предисл., публ. и коммент. М.М. Горинова-мл. и М.Ю. Сорокиной // Новый журнал. 2014. № 274. С. 92–156.
- Зейде 2008 — Зейде А. Михаил Карпович и русская историография в Америке // Новый журнал. 2008. Кн. 253. С. 123–139.

⁹ Там же. Л. 26 (письмо от 3 мая 1925 г.); Папка 3. Л. 143–144 (21 февраля 1929 г.); Папка 11. Л. 51 об. (23 ноября 1930 г.).

- Из архива Ильи Зданевича 1988 — Из архива Ильи Зданевича: Переписка с братом / публ. Р. Гейро // *Минувшее: Исторический альманах*. Париж, 1988. Вып. 5. С. 123–164.
- Калашников 2005 — *Калашников М.Г.* Минувшее / публ. К. Ясновой // *Новый журнал*. 2005. Кн. 241. С. 190–232.
- Калашников 2006 — *Калашников М.Г.* Минувшее / публ. К. Ясновой // *Новый журнал*. 2006. Кн. 242. С. 147–173.
- Карпович 2012 — *Карпович М.М.* Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012.
- Кондратенко 1997 — *Кондратенко Р.* Игорь Терентьев: Биография постмодерниста // *Петербургский театральный журнал*. 1997. № 12. С. 111–114.
- Левитин 1982 — *Левитин М.З.* Чужой спектакль. М., 1982.
- Никольская 2000 — *Никольская Т.Л.* «Фантастический город»: Русская культурная жизнь в Тбилиси: 1917–1921. М., 2000.
- Никольская, Марцадури 1988 — *Никольская Т.Л., Марцадури М.* Игорь Герасимович Терентьев: Биографическая справка // Терентьев И.Г. Собр. соч. Болонья, 1988. С. 15–21.
- Перейра 2012 — *Перейра Н.Г.О.* Мысли и уроки Михаила Карповича // Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 7–23.
- Панеях 2005 — *Панеях В.М.* Учитель и ученик: Александр Евгеньевич Пресняков и Борис Александрович Романов // *Общественная мысль и традиции русской духовной культуры в исторических и литературных памятниках XVI–XX вв.*: Сб. науч. трудов. Новосибирск, 2005. С. 595–609.
- Письма 1992 — Письма М. Карповича Г. Вернадскому / публ., предисл. и коммент. М. Раева // *Новый журнал*. 1992. Кн. 188. С. 259–296.
- Пресняков 2005 — *Пресняков А.Е.* Письма и дневники. 1889–1927 гг. СПб., 2005.
- Следственное дело 1995 — Следственное дело Игоря Терентьева (1931) / публ. С.В. Кудрявцева // *Минувшее: Исторический альманах*. Вып. 18. М.; СПб., 1995. С. 533–608.
- Спивак 2001 — *Спивак М.* Посмертная диагностика гениальности. М., 2001.
- Терентьев 1993 — *Терентьев И.* Мои похороны. Стихи. Песни. Следственные показания. Документы / сост. и подг. книги С. Кудрявцева. М., 1993.
- Терентьева 1991 — *Терентьева Т.И.* Мой отец Игорь Терентьев // *Заумный футуризм и дадаизм в русской культуре*. Bern, 1991. С. 353–360.
- Терентьева 2007 — *Терентьева Т.И.* Долгая, быстрая жизнь. М., 2007.
- Терентьевский сборник 1996 — Терентьевский сборник / под ред. С.В. Кудрявцева. Вып. 1. М., 1996.

1

9 июля 1923 г.

Дорогой мой Мишук!

Вчера отправила тебе открытку с упоминанием двух событий, о которых хочу сейчас говорить: юбилея А.Е.¹ и устройства Игоря в Москву². Дни проходят, и я чувствую, что отчетливость воспоминания о чествовании А.Е. может исчезнуть из моей памяти, хотя впечатление от него навсегда останется жить во мне. Устроили это чествование (по поводу 30-летия³ со дня выхода «Царственной книги»³) Платонов⁴ и Романов⁵, пригласив на него всех искренних друзей и почитателей А.Е. Из близких были только его жена и сыновья⁶ и я с Лене⁷. Открыл заседание Платонов, затем говорили многие, всех человек 10–12. Говорил Романов, говорили юристы, предста-

вители от Русского музея, от архивных деятелей, от учеников покойного Лаппо-Данилевского⁸, говорила Добиаш-Рождественская⁹, говорил Ярошевский¹⁰, лучше всего передавший мое впечатление от всего чествования. Он сказал, что чувствовал смущение, идучи на это заседание в честь А.Е., т. к. личность А.Е. меньше всего вязалась для него с представлением о каком-либо юбилее — но что с первых слов ответной Платонову речи А.Е. он устыдился, что не знал заранее, что А.Е. всегда останется самым собой и сумеет внести тот тон простоты, задушевности и дружеской теплоты, какой и было проникнуто все чествование его. Собственно, это было не чествование, а дружеская беседа людей, связанных научным прошлым, пришедших сказать любимому ими товарищу, другу и учителю, как многим они ему обязаны за те дары, которые получили не только от его глубокого ума, но и от всей его чарующей личности. Я никак не ожидала, что найдется так много людей, которые сумеют так умно, сердечно и порой красиво обрисовать облик А.Е., выявить в нем то, что я всегда чувствовала, но никогда не могла бы так красноречиво высказать.

А еще лучше было все то, что он говорил им в ответ. В его ответах была ясная тенденция отклонить от себя преувеличенную, по его мнению, честь научного юбилея. Он свел все дело к взаимным воспоминаниям об общей научной деятельности всех присутствующих. Отвечая Платонову и говоря о том, что он всем обязан платоновской школе, он так увлекся, что С.Ф. <Платонов> поблагодарил его на добром слове, но выразил надежду, «что А.Е. в следующих речах будет помнить, что сегодня юбилей его, а не мой».

А.Е. проводил все время ту мысль, что научных заслуг за ним нет, что все его труды есть плоды его педагогической деятельности, и благодарил Романова, выступившего от лица его учеников, за то, что все они подгоняли и прищипывали его своими высокими требованиями, а временами даже наводили его на новые мысли. Словом, основная черта А.Е. — скромность и скептицизм к себе, проявились как всегда и во всем — в его оценке его 30-летней работы на научном поприще. Очень хорошо подчеркнула это Добиаш-Рождественская в своей необыкновенно искренней и вместе с тем красивой речи. Между прочим, она очень превозносила А.Е. за то, что он далеко не русский историк, а мировой: «Вы, А.Е., явление, которое не скоро повторится в исторической науке». Во всех речах звучало изумление разнообразию его познаний в самых различных областях. На это он ответил воспоминанием о том, как покойный Павлов-Сильванский¹¹ ему сказал: «Ты, А.Е., больше всего любишь говорить о том, чего не знаешь». Из этого ты почувствуешь тон, в каком велось это собеседование людей, желавших убедить юбиляра, что он выдающийся ученый, упорно отказывавшегося от этой чести. И вся эта «пря» проходила в необыкновенно милом, сердечном и задушевном тоне. А.Е. очень много вспоминал из своей карьеры педагога, и чем дальше, тем он выглядел моложе и счастливее. Я просто не могла наглядеться на него, так он был хорош. Отчего, отчего, отчего тебя не было с нами, мой бесконечно родной, любимый мой...

Относительно Игоря я уже в общих чертах сообщила тебе, в чем дело. Приехавший от его лица Зданевич¹² рисовал весьма заманчивую картину будущего Игоря. По его словам, Игорь пользуется большим успехом — как в литературно-художественных кругах левого направления, так и у публики при его эстрадных

выступлениях. По его словам, Игорь обладает способностью чаровать свою аудиторию и овладевает не только ее вниманием, но и симпатией. Мне очень трудно было глубже позондировать этого друга Игоря, во-первых, потому, что его визит был очень краток и ушел на самые необходимые и поверхностные ответы и вопросы, а во-вторых, *п<отому> ч<то> je ne peu pas les prendre au serieux — ces messieurs là*¹³. Не могу я серьезно говорить об обширной и плодотворной работе людей в области футуризма, который для меня, в лучшем случае, — каприз моды. Должна при этом сейчас же признаться, что вполне признаю за людьми право использовать этот каприз в смысле заработка, но не могу относиться к этому заработку серьезно. Очень буду рада, если Игорь будет иметь достаточно средств, чтобы перевести семью и устроиться по-человечески в Москве, но пока это не будет совершившимся фактом, отношусь к его планам скептически. Дай Бог, чтобы все сложилось, как им хочется, и было хорошо.

Между прочим, у Игоря с Алексеем Александровичем¹⁴ произошел разрыв, *п<отому> что, кажется, по настоянию Л<юбови> Федоровны*¹⁵ Игорь перестал там бывать; знаю это со слов Зданевича. Выходит так, что А<лексей> А<лександрович> испугался слишком быстро растущего успеха Игоря. Бог их разберет.

Меня почему-то очень обрадовало известие о соединении Мих<аила> Влад<имировича> с Натальей Дмитриевной¹⁶. Я всегда находила, что это должно было произойти и что это будет хорошая пара. Вспомнился восторженный рассказ Толи¹⁷ о путешествии их (кажется, по Шварцвальду?) в лунные ночи. К Мих<аилу> Влад<имировичу> у меня всегда была слабость, а Н<аталью> Д<митриевну> я всегда считала интересной и хорошей.

31 мая послала письмо тебе, Тане¹⁸ и денежное — Мухе¹⁹. Вчера написала вторично Наде²⁰ в Хосту. Теперь жду от них всех ответов. Восстановление отношений, прерванных на столько времени, всегда волнует и дается нелегко. Такое заочное общение с близкими носит в себе что-то призрачное, нереальное, граничащее с потусторонним бытием, той неудовлетворенностью и все растущей потребностью в личном общении, которая временами так остро ощущается.

Что же должен переживать человек, у которого, как у меня, эти ощущения, дающие так много мучительного счастья, составляют главное содержание жизни? Ты поймешь меня, *п<отому> ч<то> сам должен переживать то же*. Дай Бог нам силы, терпенья и покорности нести свой жребий. Мама.

Папка 5. Л. 15–17 об.

¹ Здесь и далее: А.Е., Саня, дядя Саня — Александр Евгеньевич Пресняков (1870–1929) — историк, специалист по средневековой истории России. Родной брат М.Е. Ямпольской. Профессор Петербургского / Петроградского университета. Директор Исторического научно-исследовательского института при университете. Член-корреспондент РАН (1920). Тридцатилетний юбилей его научной деятельности отмечался 4 июля 1923 г. в актовом зале Петроградского университета.

² Здесь и далее: Игорь — Игорь Герасимович Терентьев (1882–1937) — поэт, художник, театральный режиссер, педагог, авангардист. Женат на родной сестре М.М. Карповича Наталье (см. примеч. 2 к письму 2). В 1917–1922 гг. жил в Тифлисе с женой и ее отцом — Михаилом Викентьевичем Карповичем (1855–1928), инженером путей сообщения. В середине

апреля 1923 г. приехал из Баку в Москву, сотрудничал в первых двух номерах журнала «ЛЕФ» и в сатирическом журнале «Крысодав». Часть писем И.Г. Терентьева М.М. Карповичу и его матери за 1917–1922 гг. опубликована (см.: [Терентьев 1993]).

³ «Царственная книга, ее состав и происхождение» (СПб., 1893) — дипломная работа А.Е. Преснякова в Петербургском университете, удостоенная 7 февраля 1893 г. золотой медали, первое в его жизни научное исследование.

⁴ Платонов Сергей Федорович (1860–1933) — историк, учитель А.Е. Преснякова, профессор кафедры русской истории Петербургского / Петроградского университета, заведующий Петроградским отделением Главархива (1918–1923), действительный член РАН (1920).

⁵ Романов Борис Александрович (1889–1957) — историк, ученик А.Е. Преснякова. Доцент кафедры русской истории Петербургского / Петроградского университета, сотрудник Петроградского отделения Главархива. Профессор Ленинградского университета (1947). Сотрудник Ленинградского отделения Института истории АН СССР (1944–1957). Подробнее см.: [Панеях 2005].

⁶ Преснякова Юлия Петровна (урожд. Кимонт; 1870–1947) — супруга А.Е. Преснякова. Их сыновья: Евгений (1897–1962) — геолог; Александр (1902–1953) — режиссер; Ярослав (1904–1942) — актер.

⁷ Здесь и далее: Ленья — Леонид Александрович Захаров (1888 — 1960-е), педагог. Приемный сын М.Е. Ямпольской. Друг, одноклассник М.М. Карповича по 2-й тифлисской гимназии. В 1906 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, в 1907-м перевелся в Петербургский университет и окончил его.

⁸ Лаппо-Данилевский Александр Сергеевич (1863–1919) — историк. Экстраординарный профессор Петербургского / Петроградского университета. Действительный член Петербургской академии наук (1905).

⁹ Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1874–1939) — историк-медиевист и палеограф, профессор Ленинградского университета, член-корреспондент АН СССР (1929).

¹⁰ Ярошевский Алексей Георгиевич (1884–1939) — педагог и краевед, ученик скандинависта Г.В. Форстена (1857–1910).

Мария Евгеньевна Карпович с детьми
Михаилом и Натальей. <Начало 1890-х гг.>.
Опубл.: [Карпович 2012]

¹¹ Павлов-Сильванский Николай Павлович (1869–1908) — историк, архивист, профессор истории русского права Высших женских курсов в Санкт-Петербурге.

¹² Зданевич Кирилл Михайлович (1892–1969) — художник-авангардист, один из создателей (наряду с И.Г. Терентьевым) футуристической литературной группы «41°» в Тифлисе (1918). Уехав вслед за Терентьевым в Москву, работал вместе с ним в журнале «Крысодав».

¹³ Не могу их воспринимать всерьез — этих господ (франц.).

¹⁴ Вероятно, Гвоздев Алексей Александрович (1887–1939) — театровед, театральный критик, литературный критик и педагог.

¹⁵ Лицо не установлено. Возможно — супруга А.А. Гвоздева.

¹⁶ Речь идет о венчании старинных друзей М.М. Карповича — Михаила Владимировича Шика (1887–1937) и Натальи Дми-

триевны Шаховской (в замуж. Шаховская-Шик; 1890–1942). М.В. Шик — сотрудник Комиссии по охране памятников старины и искусства Троице-Сергиевой лавры (1919), в 1925 рукоположен в диаконы. В 1937 г. расстрелян на Бутовском полигоне. Н.Д. Шаховская — дочь князя Д.И. Шаховского (1861–1939), писательница, автор книг о В.Г. Короленко, И.П. Кулибине и др.

¹⁷ Бергер Анатолий Ксавериевич (1888–1962) — историк античности, преподаватель Московского университета.

¹⁸ Потапова Татьяна Николаевна (1897–1973), будущая жена М.М. Карповича. При его содействии в 1923 г. уехала в США. Ее отец — Николай Потапов — инженер Балашихинской хлопкопрядильной фабрики. Мать — Жанна Михайловна — урожденная Лунн, дочь управляющего Балашихинской хлопкопрядильной фабрики Майкла Лунна (1820–1895).

¹⁹ Возможно, Палибина Мария Николаевна (р. 1896), племянница М.Е. Ямпольской, дочь Николая Николаевича и Надежды Евгеньевны Палибиных (см. ниже, примеч. 20), врач-психиатр. В 1920-е гг. заведующая и главный врач психиатрической больницы, располагавшейся в бывшей усадьбе Бараново-Акатово под Москвой.

²⁰ Здесь и далее: Надя — Надежда Евгеньевна Палибина (урожд. Преснякова, 1865 — после 1936) — родная сестра М.Е. Ямпольской и А.Е. Преснякова. Ее муж Николай Николаевич Палибин — инженер Корпуса путей сообщения, земский начальник 2-го участка Алексинского уезда Тульской губ. Один из издателей с 1903 г. еженедельного журнала «Железнодорожник».

2

24 сентября 1923 г.

Дорогой мой Мишук!

Как давно не было ничего от тебя, мой родной! Я не имею ответа уже на 4 моих письма и одно Ленино. В последнем твоём письме, написанном по возвращении из Williamstown^a, ты ничего о них не упоминаешь. Это обстоятельство остановило меня в писании писем. Сейчас же я пишу, потому что у нас большие новости. 5 дней тому назад Игорь появился у нас, с тем чтобы не возвращаться в Москву, где его дела так сложились, что он решил лучше основаться в Петербурге¹. Наташу с Таней² ждем в ноябре. Надеемся в скором времени получить смежную с нами комнату, и тогда мы все будем размещены вполне прилично. Игорь уже кое с кем тут повидался, получил работу в журнале³, читал лекцию по своей специальности и надеется устроиться тут прочнее, чем в Москве, где все зависит от случайностей и неожиданностей, чем служит примером он сам. У нас темп жизни не такой бурный, зато более надежный.

Приехал Игорь и сразу нас всех полонил. Он как был очарователен, так очаровательным и остался. Только возмужал. То, что я называла его юродством, т. е. его детски наивная простота, которая так меня подкупила в первые 10 дней нашего знакомства, как-то углубилась и осмыслилась и придает всей его личности чарующее впечатление какой-то невозмутимой ясности и доброты. Пишу слова и чувствую, что ничего не сказала. Нельзя словами рассказать впечатление от человека, как и от музыки. Скажу еще, что он умен, очень умен и неопровержимо доказателен. По внешности я нахожу, что он красив, так много содержания в его лице — а главное — спокойствия. Это спокойствие действует на нас с Леной как душевный бальзам, излечивающий наши издерганные нервы.

Только сейчас я вполне поняла значение того, что ты мне написал про Таню <Потапову>, что, когда она будет с тобой, тебе легче будет переносить разлуку с нами. Я чувствую, что Игорь облегчит мне разлуку с тобой, а один Бог знает, как много это в моей жизни значит. Про Наташу <Терентьеву> я сейчас не говорю, п<отому> ч<то> не знаю, какая она⁴.

И все прошлое Игоря оказалось совсем не таким, как мы его себе представляли благодаря их молчанию. Он вовсе не был ни легкомысленным, ни *sans scrupules*⁵, как я это думала. Он зарабатывал где только мог и чем только мог⁶. Мне больно вспомнить все то нехорошее, что я думала о нем, и лучше об этом не вспоминать. Для меня такое счастье, что он вошел в нашу жизнь, что не хочется вспоминать старое.

Мы его уже водили к Пресняковым. На беду А.Е. не выспался, устал и был сердитый. Был с ним вежлив, и только. Ю.П.⁷ сказала мне, что он очень милый, а молодежи он, видимо, понравился. Пока это все. Игорь рассказывал мне свои встречи с Таней <Потаповой>, и я пожалела, что она мне ничего не написала о них из <Среды>, т. к. это устранило бы причины моей тревоги о ней и о нем. Жду теперь известий от вас о ее прибытии. Она выехала из Москвы 15-го — значит, будет в Нью-Йорке раньше моего письма. Меня очень порадовало и как-то успокоило то, что Игорь рассказывал об их встречах.

В довершение благополучия сентябрь у нас стоит теплый и в достаточной мере — ясный, так что погода в такт оттаиванью наших обледенелых сердец. Для нас такая новость — чувствовать не боль разлуки, а радость свидания. И разве это не провиденциально, что эту радость мы переживаем одновременно с тобой? И как ты прав, что при известной близости или, вернее, аналогичности душевного склада никакая разлука, ни перемены в судьбе человека не играют ни малейшей роли при встрече. Я приняла Игоря бесспорно, всего целиком, совершенно так же, как это случилось внезапно, по первому взгляду — 9 лет тому назад. И нет между нами ни 9 лет разлуки, ни всего пережитого за это время. Тем более нет сомнения в том, что и он чувствует то же самое.

Сейчас некогда больше писать. Думаю, что «мальчики»⁸ захотят что-нибудь прибавить от себя. Крепко целую тебя и обнимаю вас обоих, если Таня с тобой. Мама.

Папка 5. Л. 34–35 об.

¹ Вероятно, автор имеет в виду разногласия Терентьева, работавшего с апреля 1923 г. в московском журнале «ЛЕФ», с его редактором — В.В. Маяковским.

² Семья И.Г. Терентьева: его жена Наталья Михайловна (урожд. Карпович; 1890–1967), родная сестра М.М. Карповича. Окончила 2-ю тифлисскую гимназию (1906). В 1907–1908 гг. вольнослушательница историко-филологического факультета Московского университета. В 1908–1909 гг. слушательница историко-философского факультета московских Высших женских курсов В.И. Герье (ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 12620). После 1945 г. работала в Государственной публичной исторической библиотеке в Москве. Таня (1916–2012) — дочь И.Г. Терентьева и Н.М. Карпович, внучка М.Е. Ямпольской, инженер-электрик. Окончила электромеханический факультет Московского энергетического института по специальности «Диэлектрики и полупроводники» (1946). Работала на московском заводе «Изолятор»: инженер в электрофизической лаборатории, начальник цеха высоковольтных высокочастотных конденсаторов. Удостоена Сталинской премии 3-й степени за создание высокочастотных ке-

раммических конденсаторов для правильно-закалочных печей. Затем сотрудник в отделе керамики Московского научно-исследовательского института радиосвязи, разрабатывавшего космическую радиоаппаратуру. Автор книги «Миниатюрные керамические конденсаторы» (М.: Энергия, 1966; в соавт. с П.О. Грибовским) и воспоминаний об отце (см.: [Терентьева 1991; 2007]).

³ Возможно, в художественно-литературно-театральном ленинградском журнале «Жизнь искусства».

⁴ Многие годы дочь М.Е. Ямпольской Наталья жила с отцом.

⁵ Бессовестный (*франц.*).

⁶ С 1916 г. И.Г. Терентьев, женившись на Н.М. Карпович, жил в Тифлисе, читал лекции в литературно-художественном подвале «Фантастический кабачок», печатался в журналах «Курант», «Феникс» и др. Чтобы заработать на жизнь семьи, подрабатывал неквалифицированным трудом. В январе — августе 1922 г. находился в Константинополе, где создал отделение литературной группы «41^о», затем вернулся в советскую Россию. В 1923 г. работал секретарем бакинского отделения Внешторга. В апреле того же года приехал в Москву, сотрудничал в журналах «ЛЕФ» и «Крысодав» — об этом уже говорилось в примеч. 2 к письму 1. Подробнее см.: [Из архива Ильи Зданевича 1988; Никольская 2000].

⁷ Жена А.Е. Преснякова.

⁸ Леонид Захаров и Игорь Терентьев.

Наталья Михайловна и Игорь Герасимович Терентьевы. <1916 г.?.>

Опубл.: [Карпович 2012]

3

3 декабря 1923 г.

Наконец, дорогой мой Мишук, выбрала время сесть тебе писать. Да и то время позднее — 12-й час ночи. Игорь лежит на диване с газетой, а Леня отсутствует. Мне хочется спать, но еще больше хочется сказать тебе, что я сейчас, т. е. все это время, счастлива, как давно не была. Со времени твоего последнего письма, полученного 5 дней тому назад, я все время так ясно ощущаю то, что произошло с тобой, что вся моя жизнь в данное время окрашена тем же чувством полноты счастья — только не своего, а твоего¹. Никогда не думала, что такие чудеса возможны в нашей психике. И все события нашей повседневной жизни окрашиваются в праздничный цвет. Кстати, и у нас было чему порадоваться. Я наконец реально увидела, что Игорь может выплыть на свет Божий, что, может быть, недалеко время признания его деятельности, научно-художественной, если можно так выразиться, т. к. все его изыскания в области звука и речи скорее похожи на лабораторную работу, чем на

художественное творчество. Были мы на его докладе в Фонотделе², и хотя он был не понят и осыпан нелепейшими возражениями, все же его просили назначить ряд лекций в ближайшем будущем. Занятия его с комсомольцами в Академии художеств идут с большим успехом и дают ему большое удовлетворение³.

На днях у нас был А.Е., слушал доклад Игоря «Отношение Пушкина к заумной поэзии» с большим интересом⁴, и последовавший обмен мнений был очень блестящий. Словом, плывем на всех парусах по морю беспредметного искусства. Игорь все уверяет, что мы доплывем и до вас — но в это я плохо пока верю.

Спасибо тебе, мой родной, за частые письма. Они дали мне возможность самым реальным образом представить себе вашу жизнь, пережить все перипетии вашей встречи и Таниного приезда. Я видела и продолжаю видеть всех вас троих, как в кинематографе. Жаль, что я сейчас чувствую себя очень усталой и должна лечь спать.

4 декабря

Второй источник моего необычайного ощущения полноты жизни — мои отношения с Игорем. То, что он вносит в нашу жизнь, так непривычно мне, и теперь только я ясно стала сознавать, чего мне в ней не хватало — умственного движения. Игорь делится со мной решительно всем, что делает в своей научной работе, и находит, что я очень способная ученица. Но вернее то, что он прекрасный педагог. Он марксист и убежденнейший коммунист, почему и считает, что искусство, новое, или, как он называет, пролетарское, не может питаться старыми пережитками буржуазного строя, а должно строиться на новой, чисто материалистической и социальной базе. Что можно против этого возразить? Он не отрицает значительности старого искусства, но находит, что ему сейчас нет места в нашей жизни, что оно не нужно нам. В то время как в области техники и механики сделан такой изумительный шаг вперед, не может искусство топтаться на одном месте и пережевывать старые традиции, не может стоять вне совершающейся мировой революции. Оно должно быть революционно, чтобы быть жизненно. Игорь насыщен действительностью. Он весь — устремление вперед. И я не могу не верить в его правоту, не могу не верить, что он на правильном пути в своей работе, которой предстоит громадная будущность. И это для меня большое счастье, *п<отому> ч<то>* иначе совместная наша жизнь была бы невозможна, т. к. Игорь сейчас — это та работа, которой он отдается весь без остатка. Он не живет, а мыслит, а жить около такого человека и не понимать его, не принимать хоть маленькое участие в его умственной жизни было бы мне очень тяжело. И я начинаю теплиться в то время, как он пылает. Вот тот свет, которым озарено ваше счастье, и та лучистая теплота, которая исходит от ума Игоря, и дают мне сейчас полноту ощущения жизни. Странно в 56 лет, не правда ли? Но нет чуда, которое не совершалось бы на земле.

Недавно получила неожиданное и очень ценное художественное впечатление. Мы были на *lieder Abend*'е⁵ Мозжухина⁶. Попали туда случайно, и шла я с большим предубеждением, т. к. не верю, чтобы оперный певец, бас мог быть на высоте такой задачи, как занимать целый вечер своим пеньем публику. И ушла очаро-

ванная, и буду всегда ходить слушать Мозжухина в концертах. В опере он сейчас не поет. Он в области Lied'a⁷ — действительно мейстерзингер⁸. Вспомнила незабвенные времена оленинских концертов⁹. Программа была рассчитана на определенную аудиторию, и меня мало утешила. Чайковский, Рахманинов, Гречанинов и т. д. На бис была «Клевета» из «Севильского <цирюльника>», Шуберт, «Колыбельная» песнь Моцарта, три комические вещи Даргомыжского. И все выше похвал. Через день был концерт из произведений Мусоргского, Бородина и Римского, а я, к своему огорчению, не могла пойти, п<отому> ч<то>, к своему же стыду, умудрилась угореть! Меня возмущает некультурность этого занятия. Пролежала сутки, плохо сознавая окружающее и кляня свою неудачу.

Если это письмо удачно попадет к вам, то вы его получите на Рождественских праздниках. Будет ли у нас в это время Наташа <Терентьева>, еще не решено. Думаю, что нет, и даже больше скажу, что нахожу, что теперь, когда дело так затянулось и зима наступила, лучше бы было отложить этот переезд Наташи и Тани <Терентьевых> до весны. К этому времени, я надеюсь, и положение Игоря настолько выяснится, что он сможет взять на себя расходы по переезду. Сейчас, хотя его выступления понемногу начинают оплачиваться, но пока этого хватает только на папиросы и табак. Но зато его занятия в Академии художеств, хотя и бесплатные, дают ему громадное удовлетворение. Он говорит, что только эта коммунистическая молодежь его понимает и горит тем же устремлением вперед.

Ну, будет на сегодня. Утро прошло, кругом началась дневная суета и шум, и я не могу сосредоточиться. Леня сейчас в отпуску и гремит у меня под ухом «Пиковую даму»¹⁰, а Игорь ее терзает вокально.

Целую всех твоих и тебя крепко и желаю вам A Merry Christmas!¹¹

Думаю, что эти пожелания, пожалуй, лишни, т. к. успех вашего Christmas несомненен.

Еще раз всех целую за себя и моих мальчиков. Спасибо за 30 долл<аров>. Получила я их очень поздно в ноябре — всего 26-го. Деньги же из Германии до сих пор не приходили, и вряд ли их сюда можно переслать во франках, т. к. они здесь вряд ли имеются. Нам из всех стран присылают доллары и фунты. Других валют нет. Ну, да это видно будет. Пожалуй, что 20 дол<ларов>, переведенные сюда во франках, очень обесценятся.

Папка 5. Л. 42–45 об.

¹ Имеется в виду свадьба М.М. Карповича с Т.Н. Потаповой, которая состоялась 4 ноября 1923 г. в США.

² С начала сентября 1923 г. И.Г. Терентьев руководил фонологическим отделом Музея художественной культуры (в 1925 г. преобразован в Государственный институт художественной культуры).

³ И.Г. Терентьев читал комсомольцам Академии художеств лекции по искусству. В ноябре 1923 г. он поставил с ними спектакль, посвященный шестой годовщине советской власти, а также пьесу по своему «Трактату о сплошном неприличии» (Тифлис, 1920).

⁴ Доклад «Мнение А.С. Пушкина о заумной поэзии (по документальным данным)» состоялся 26 ноября 1923 г. в Петроградском обществе по изучению и спасению городских памятников «Старый Петербург» (см.: Жизнь искусства. 1923. № 46. С. 26).

⁵ Песенный концерт (нем.).

⁶ Можжухин Александр Ильич (1878–1952) — русский певец (бас). С 1912 г. солист Тетра музыкальной драмы в Петербурге. С 1920 г. выступал преимущественно как концертный певец. Инициатор создания в Петрограде музыкального общества «Кружок друзей камерной музыки» (1922). С 1926 г. в эмиграции во Франции. Выступал в Русской опере в Париже. Член правления Российского музыкального общества за границей. С конца октября по начало декабря 1923 г. А.И. Можжухин со своей супругой пианисткой Клеопатрой Андреевной Можжухиной (1888–1974; сценическое имя Клео Карини) дал в «Кружке друзей камерной музыки» десять концертов, где исполнял произведения П.И. Чайковского, С.В. Рахманинова и др. 15 ноября он спел «Колыбельную» В.А. Моцарта, песни Р. Шумана и Ф. Шуберта. 18 ноября представил программу из песен и романсов М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, Н.А. Римского-Корсакова и др. (см.: Жизнь искусства. 1923. № 43. С. 30, 31; № 44. С. 46; № 45. С. 39, 40; № 47. С. 11, 39; № 48. С. 38; Красная газета. Веч. выпуск. 1923. № 268 (10 ноября). С. 3).

⁷ Песня (нем.).

⁸ Нем. Meistersinger — мастер-певец.

⁹ Концерты Марины Алексеевны Олениной-д'Альгейм (1869–1970) — русской камерной певицы.

¹⁰ Опера П.И. Чайковского.

¹¹ Счастливого Рождества (англ.).

4

3 февраля 1924 г.

Дорогой мой!

Это письмо — не письмо, а приложение к письму Игоря. На большое письмо у меня времени не хватит. Два ваших письма — твое от 2 января и Володино¹ от 9-го создали атмосферу большой к вам близости, и я под таким настроением решила сейчас же сесть отвечать, но, как всегда бывает, не села, и момент был утрачен.

О том, что ты пишешь про занятия Игоря, я сейчас не стану говорить — как-то нет охоты. Приглядевшись и к Игорю, и к его «делу», я во многом разобралась и, конечно, вижу недостатки и в том, и другом. На днях был у нас А.Е. и говорил по тому же поводу. Многое он находит необоснованным, многое не столь новым, как кажется нашим новаторам. И у Марра², и у Бодуэна³ есть многое, схожее с ними. Одно только хочу сказать тебе, что я вовсе не отрицаю, что искусство старое, настоящее, выше того, что производит их лаборатория. Но не могу не согласиться, что всякая эпоха отражается по-своему в искусстве, а следовательно, и наша революционная эпоха имеет право на проявление в искусстве новыми приемами. Пусть они уродливы, пусть нам с тобой ничего не говорят, но право на существование имеют, а это-то право Игорь и стремится завоевать. Скажу еще, что я давно убеждаю Игоря бросить марку «искусство» и найти более подходящее название для своей работы. Это такое же искусство, как сапожное, портняжное или кулинарное. Искусство, имеющее дело с математикой, физикой, химией — надо назвать наукой о наилучшем использовании 5 чувств человека. Неужели же

супрематизм или кубизм — живопись? Что же живое он живописует? Так и слово, расчлененное, подвергнутое химическому анализу, не годится для того, что называется поэзией. Это слово к нам, т. е. нашему быту, неприменимо. Недаром же, по Игорю, лиризм — недопустимая вещь.

Не знаю, поймешь ли ты меня. Из последнего твоего письма у меня создалось впечатление, что мы с тобой стали опять на разные точки, как было, помнишь, в <1>905–<190>7 годах. Не можете вы, не пережившие той механизации жизни, какой подверглись мы, вполне понять нас. Одни восприняли эту механизацию как нечто желательное и нужное (Игорь и ему подобные), другие — со страданием и по необходимости. Игорь говорит про себя, что он «насыщен действительностью» (я бы сказала, перенасыщен), я же, как и всегда было, живу больше нереальным миром, чем реальным, но поневоле много восприняла из окружающей меня атмосферы. И ты, и Игорь мне одинаково понятны. Но, как это ни странно, ты для меня живешь в Старом Свете, а он — в Новом. Когда я читаю о вашем мирном, комфортабельном житье, о вашем диккенсовском Рождестве со сверчком, plum-pudding'ом⁴ и гусем — я радуюсь, что самые дорогие мне существа живут в Аркадии⁵. Не знаю, представляешь ли ты себе контраст картины вашей жизни с нашей. С величайшим интересом узнала из Володиного письма, что ты очень изменился, что у тебя спортивные манеры, ты куришь, едешь верхом, правишь автомобилем, танцуешь фокстрот и очень элегантен. Большого удовольствия, чем этим сообщением, Володя не мог мне доставить. Хорошо еще то, что он нашел Таню <Потапову> поздравившей. God bless you, my dears! Be as much happy as you can and do not forget your old and loving Mother⁶.

Наш город переименован в Ленинград⁷, не забудь, когда будешь писать.

P.S. Все забываю тебя попросить прислать мне лишних 5 долл<аров>, когда сможешь. У меня долг на эту сумму, и я никак не могу его уплатить.

Папка 6. Л. 3–4 об.

¹ Здесь и далее: Володя — Владимир Герасимович Терентьев (1894–1968) — родной брат И.Г. Терентьева. Участник Белого движения. Эвакуирован в Константинополь, с 1923 г. жил в США. Тренер по лаун-теннису.

² Марр Николай Яковлевич (1864/65–1934) — языковед, кавказовед-филолог, историк, этнограф и археолог. Действительный член Петербургской академии наук (1912). Создатель «нового учения о языке» (или яфетической теории).

³ Бодуэн де Куртене Иван Александрович (1845–1929) — языковед, основоположник фонологии. Член-корреспондент Петербургской академии наук (1897).

⁴ Рождественский пудинг (англ.).

⁵ Аркадия — историческая область Древней Греции, ставшая поэтическим образом места счастливой и беззаботной жизни.

⁶ Благослови Вас, Господь, мои дорогие! Будьте настолько счастливы, насколько можете, и не забывайте Вашу старую и любящую мать (англ.).

⁷ Петроград стал носить название Ленинград с 26 января 1924 г., после смерти В.И. Ленина.

23 сентября 1924 г.

Мой дорогой Мишук!

Я очень виновата перед тобой, мой голубчик. Обещала сейчас же написать по приезду Наташи <Терентьевой> открытку, а она у нас уже 5 дней, а я еще тебе не написала. Произошло это не от суеты, вызванной приездом, а от того, что я на другой же день захворала жесточайшим приступом не то ревматизма, не то подагры в ногах и вынуждена была лежать. Лечусь гомеопатией, и сегодня мне уже лучше, но все же я себя очень неважно чувствую, тем более что моя беспомощность внесла полный разлад в мое хозяйство, что меня очень раздражает. Наташа очень беспомощна в этом отношении, да и состояние ее здоровья препятствует ей выполнять такую тяжелую физическую работу. Только в эти дни вынужденного бездействия я поняла, какой это громадный труд для непривычного человека. Я втягивалась в него годами и выработала себе уже известную систему и сноровку. Знаю, что можно успеть сделать и чего нельзя, что существенно и что нет, без чего невозможно вести это дело.

При первом взгляде Наташа показалась мне очень изменившейся — поставшей. Теперь я уже привыкла к перемене в ее лице и вижу ее прежнее лицо. Словом, произошло то же, что с Володией по отношению к тебе. Сейчас я вижу в ней все ту же худенькую, хворую девочку, такую же неопытную и нелепую в житейских делах, какой она была 10 лет тому назад. Лучше жены себе под пару Игорь не мог выбрать. Наташа прежде всего человек слабый и требующий совершенно особого режима для того, чтобы не хворать. Таня такой же экзотический цветок. Дрожат они над ней все время, а между тем все трое ведут совершенно неподходящий по своей неряшливости и неопределенности образ жизни. Это типичнейшая «богема», очень интеллигентная, с большими духовными запросами, но совершенно не вкладывающаяся в какой-либо, мало-мальски упорядоченный образ жизни. Никаких часов для еды, никакого пищевого режима не существует. Едят весь день что попало и как попало, исчезают и появляются в самое неожиданное время, причем Танино питание состоит главным образом из яблок, молока и сыру. Я совершенно бессильна бороться с таким положением вещей. Не могу, да и не хочу. Всякий должен жить своим умом и как ему хочется. И так уж наши с первых дней решили, что нам тесно, что они нас стесняют, и Игорь взял-таки 2 комнаты в смежной с нами квартире¹ за 25 руб. в месяц. И как это ни странно, я рада этому. Я теперь часто чувствую себя скверно, нервы у меня не в порядке, и я мечтаю о тишине.

25 сентября

Письмо мое было прервано совершенно неожиданным событием — наводнением. Наша Фонтанка вышла из берегов, и в течение 2–3 часов поднялась до первого этажа. Произошла всеобщая паника, погасло электричество, и писать я не смогла. К 12 ч. ночи вода уже сошла, но бед натворила массу до того, что на Невском смыла все торцы. Сидим уже 2 дня без воды и без света и не знаем, когда это положение

изменится. Вчера была ясная и тихая погода, а сегодня ветер опять дует с моря, и можно опасаться повторенья наводнения. И так уж убытки города колоссальные.

Ты спрашиваешь, как дела у Игоря и как он поживает. И то и другое было прекрасно до нашей аварии. Теперь же не знаем, чего ждать. Их Красный театр² — дело общественное, а общественные силы теперь все будут направлены на исправление беды. Где уж тут думать о театре? Вероятно, не будет средств на его ведение. Игорь очень удручен происшедшим. Вообще, мы все в тревожном состоянии. Будем надеяться, что все образуется, а все-таки невольно приходит в голову мысль, что над Игорем и всеми его начинаниями тяготеет какой-то злой рок. Я становлюсь суеверной.

Наверное, ты хочешь знать мое впечатление от Тани. Она очень балованный, но милый ребенок, и избалованность ее выражается в очень мягких формах. Больше нет времени писать. Мы с Наташей очень поглощены хозяйством.

Целую всегда за нас всех. Мама.

Папка 6. Л. 41–42 об.

¹ Терентьевы поселились по адресу: Набережная реки Фонтанки, д. 165, кв. 9.

² Красный театр основан в сентябре 1924 г. в Ленинграде И.Г. Терентьевым и группой руководителей рабочей самодеятельности, чтобы представлять «рабочему зрителю» пьесы, посвященные актуальным событиям и революционной пропаганде. Театр прекратил свою деятельность летом 1925 г. из-за отсутствия денежных средств.

6

5 ноября 1924 г.

Вчера, дорогой мой Мишук, мы смотрели «Джона Рида»¹. Это действительно замечательная вещь — замечательная тем, что, несмотря на свою политическую программность, она нетенденциозна, искренняя и проста — проста, как все истинно художественные произведения. Она глубоко человечна и волнует даже вполне политически безразличного зрителя. Впечатление от «Джона Рида» было для меня несколько неожиданным. Я ждала чего-то более грандиозного, чего-то более блестящего — а то, что получила, гораздо глубже и ценнее. Я не сумею передать дух, которым пропитана эта вещь. Это искреннее, глубоко прочувствованное переживание Джоном Ридом нашей Октябрьской революции, вылившееся в его книге «Десять дней, потрясшие мир», переданное с необыкновенно тонким художественным мастерством нашим необыкновенно одаренным Игорем. Помог ему в этом прекрасный Джон Рид — Азанчеев². В газетах выходит рецензия за рецензией — все хвалебного свойства, главным образом по адресу Красного театра, который признается первым, настоящим революционным театром, ставшим на новый правильный путь. Предвещают ему блестящую будущность и уже переводят в бывшую Музыкальную драму, т. к. здесь помещение малое и не даст ему

вовсю развернуться³. Для меня нет сомнения, что всех этих результатов Красный театр достиг благодаря «Джону Риду», т. е. Игорю. Посмотрим, что дадут постановки других режиссеров этого театра, где их 5 или 6 человек. Реально победа Игоря выразилась тем, что он уже получил по ордеру новые, прекрасные сапоги и 5 червонцев, а на днях получит еще денег за своего «Джона Риду», которого будет печатать Госиздат⁴. По ордерам же заказывает себе платье и шубу.

Но если бы ты видел, во что он превратился! Жутко на него смотреть. Наташа <Терентьева> тоже неважно выглядит. Октябрь месяц был для нас очень тяжелый. Мы поистратились на переезд, а доллары за октябрь еще не пришли, хотя я последние месяцы получала всегда в последних числах — 28–30. Ну, теперь, когда Красный театр на ходу, нам полегчает. Пока это письмо дойдет до тебя, мы, вероятно, выплывем — и не такие виды видывали и остались целы. Я лично не страдаю от облегченного типа питания. Бросили мы с Леней есть мясо — и мне, и ему это вредно. Если бы не мои ноги, которые стали у меня побаливать, я бы хорошо себя чувствовала, лучше, во всяком случае, чем последнее время на Фонтанке. Наслаждаюсь здесь одиночеством и тишиной, т. к. весь день одна в квартире. Плохо я стала выносить суетню и беготню вокруг себя.

Только что получила твое письмецо от 6 сентября. Весьма возможно, что я не писала тебе с 5 июня по 1 августа. Забыла тебе написать, что получили 18 и 19-го твои письма. Леня вряд ли тебе скоро напишет, во 1) потому что совсем забросил свои занятия, и за все лето ничего не делал, и, во 2) потому что его надежды на Наташин приезд не оправдались. Она ему не товарищ. Вся ее жизнь уходит на Таню, которая требует непрерывного внимания (новый и весьма нерациональный метод воспитания), и на ее чувство к Игорю. Зная Леничку, ты поймешь, как трудно ему примириться с таким положением. Игоря мы по-прежнему не видим или видим только утром. Не знаю, как захотят устроиться наши, будут ли они с утра питаться у нас. Обедать, конечно, будут, но остальное время, может быть, будут хозяйничать у себя при помощи керосинки. Надо кончать письмо, чтобы оно хоть сегодня пошло. Тяну его уже 3 дня.

Крепко тебя обнимаю, мой родной.

Наташа обещает тебе скоро написать.

Папка 6. Л. 54–55 об.

¹ Осенью 1924 И.Г. Терентьев написал пьесу «Джон Рид» по книге американского журналиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», изданной в СССР годом ранее (М.: Красная новь, 1923). Премьера постановки состоялась 24 октября 1924 г. на сцене Красного театра.

² Мичурин Владимир Михайлович (по сцене Азанчеев; ум. 1932), артист, сыгравший Джона Рида в спектакле И.Г. Терентьева.

³ Первоначально Красный театр располагался в Клубе советских торговых служащих на Невском проспекте, затем переместился в бывший Театр музыкальной драмы, занимавший Большой зал Консерватории на Театральной площади.

⁴ Пьеса И.Г. Терентьева «Джон Рид» будет опубликована Государственным издательством РСФСР в 1927 г.

Тифлис. 21 апреля 1927 г.

Дорогой мой Мишук!

С того дня, как я получила от тебя сверхрадостную весть о твоём оставлении в Нарвардском университете¹, я ежедневно стремилась написать тебе о том, как эта весть меня осчастливила, но тут как раз промелькнула надежда на возможность получения комнаты, и я все ждала окончания этого дела, чтобы тоже тебя порадовать, но увы! надежда эта нас обманула, жилец, долженствовавший уехать, остался на месте, и мы тоже. Это, конечно, большое разочарование, так же как и холодная весна, на которую я меньше всего рассчитывала, собираясь в Тифлис. Весь апрель дуют холодные ветры и льют дожди, за исключением нескольких ясных и теплых дней. Как будто и на юг не похоже. А тут еще самое тяжкое из всех разочарований — убийственный отчет о «Ревизоре» Терентьева², написанный таким серьезным человеком, как Пиотровский³, который в начале режиссерской карьеры Игоря возлагал на него большие надежды. И во что эти надежды превратились, если ему приходится ставить в обвинение Игорю его «дешевый натурализм»? Я посылаю тебе этот отзыв, чтобы ты сам мог судить о той печали, какая охватила меня при мысли, к чему пришел наш одаренный Игорь после трех лет режиссерской работы. Мы читали этот отзыв вместе с Мишей <Калашниковым>⁴ и чуть не плакали от чувства горькой обиды за то, чем кончились все наши ожидания. Ведь это сплошное фиглярство и пошлость...

А сегодня в нашей «Вечерней Красной» очень умная статья, подписанная «Литератором», где среди жалоб на неурядицы и безвкусицу Дома печати вообще говорится следующее: «А за последнее время сюда присоединилась эта грустная балаганщина, для которой смекалистые люди придумали ходкое ныне название “Ревизор”. Не будем говорить об этом новом эстетическом ударе по Дому печати, он тоже влетел в тысячи»⁵.

Статья не хлесткая, а серьезная, и выражение «эстетический удар» очень точно передает и мое впечатление от того, что передает из этого спектакля Пиотровский. Мне очень трудно переварить полученный удар и найти какое-нибудь утешение. У меня такое чувство, точно от Игоря больше нечего ждать. Я написала Сане <Преснякову>, прося написать мне его впечатление, это единственный очевидец, которому я безусловно поверю. Сама я не вижу никакого просвета. Мне так досадно, что все обстоятельства, как назло, сложились так, чтобы заставить потускнеть ту радость, какой я была полна по поводу твоей, мой родной Мишук, удачи. Как всегда, мысль о твоём счастье светит мне, как маяк среди ненастья.

Ленины дела понемногу двигаются вперед в том смысле, что ему подваливают работу. Дали еще вечерний курс с малограмотными на кожевенном заводе в Артачалах. Все его занятия, считая и комиссию, занимают у него до 10 ч. в день и дают 78 р. в месяц⁶, но все это кончится к июлю, когда мы наедемся уехать на дачу, вернее всего в Кикеты. При этом поднимается вопрос, как организовать получение от тебя денег на июль и август. Не смог ли бы ты выслать июльские деньги в конце мая, тогда мы успеем их получить до отъезда? Вообще же на июль, август

и сентябрь высылай, пожалуйста, на Ленино имя по нашему теперешнему адресу. Ему легче приезжать с дачи за их получением, чем мне.

Меня еще беспокоит мысль, получил ли ты мои 2 последних письма, которые я нелепо адресовала, написав Kembridge вместо Cambridge, так мне, по крайней мере, кажется. В Америке такой формализм, что они могли не дойти.

«Ревизор» шел 9-го и с тех пор до 15-го шел ежедневно. От Наташи <Терентьевой> я пока не имею отзыва об этом событии. Я уже писала дяде Сане по поводу твоего водворения на будущий учебный год в Кембридже и послала ему твое письмо с этим известием. Пусть порадуются с нами.

Пасха у нас мрачная. Дует циклон третий день, и я сижу на галерее в драповом пальто. Не хочется даже браться за праздничные приготовления. У меня за последние годы особенно резко развилась солидарность с природой, и я не могу чувствовать праздник, когда его нет в природе. Впрочем, сырную пасху я сделаю, а кулич мне спечет Леля⁷. Ну, а у вас, наверно, все честь честью? Очень рада за вас, мои дорогие. Будьте здоровы и счастливы. Мама.

Папка № 3. Л. 21–23 об.

¹ В 1927 г. М.М. Карпович был приглашен в Гарвардский университет в качестве преподавателя русской истории. Его преподавательская и научная деятельность продолжалась в этом университете 30 лет.

² Премьера комедии Н.В. Гоголя «Ревизор» в постановке И.Г. Терентьева состоялась 9 апреля 1927 г. в помещении созданного им в начале 1926 г. экспериментального театра Дома печати в Шуваловском дворце на Фонтанке.

³ Пиотровский Адриан Иванович (1898–1937) — драматург, критик и театровед, поэт, переводчик. Обсуждаемую рецензию см.: *Пиотровский А.И.* «Ревизор» в Театре Дома печати // Красная газета (веч. выпуск). 1927. 11 апреля. С. 6. Убийственные оценки спектаклю дали и другие критики, см.: *Хвостов И.* Дрессированные крысы // Афиши Дома печати. 1928. 1 января. С. 13–15; *Гессен Д.* О нужнике городничего и нужен ли нам терентьевский «Ревизор» // Смена. 1927. 26 апреля. № 77. С. 4; *Павдо М.* Фельетон о «Ревизоре» // Рабочий и театр. 1927. № 18. С. 8–11; *Березарк И.* Мейерхольдовское «наследие» в ленинградских театрах // Театр. 1938. № 3. С. 114; *Гвоздев А.* Классики наизнанку // Правда. 1927. 29 мая. С. 6 и др. В защиту спектакля давалось очень мало голосов, например О. Давыдов нашел положительным «переосмысление» Терентьева, его «новый социальный и художественный анализ» текста Н.В. Гоголя. По его мнению, режиссер «раздвинул рамки историчности и быта» и дал «правильную» социальную трактовку «Ревизора» (*Давыдов О.* О «Ревизоре» в Доме печати // Красная газета (веч. выпуск). 1927. 16 апреля. С. 4).

⁴ Калашников Михаил Георгиевич (1886–1969) — двоюродный брат М.М. Карповича, архитектор, заслуженный деятель искусств Грузии (1947), с 1957 г. жил в Москве. Автор воспоминаний «Минувшее» (см.: [Калашников 2005; 2006]).

⁵ Красная газета. 1927. 21 апреля. С. 4. Возможно, под псевдонимом Литератор скрывался писатель Б.А. Лавренев (1891–1959), обвинивший И.Г. Терентьева в «балаганщине» и растрате средств и в другой своей статье: «Второе пришествие Хлестакова (Ревизор в Доме печати)» // Красная газета. 1927. 14 апреля. С. 2.

⁶ С марта 1927 г. Л.А. Захаров работал в тифлисской Комиссии по выработке программы по борьбе с неграмотностью.

⁷ Возможно, сестра М.Г. Калашникова Людмила.

2 ноября 1929 г.

Дорогой мой Мишук!

Сегодня получила твое письмо от 16-го, каким-то чудом дошедшее до меня на 16-й день. Как могло это случиться? После смерти А.Е. прошло больше месяца¹, и я подумала, что тебе дали знать о ней телеграммой, а между тем весть эта дошла до тебя иным путем.

Вчера я получила от Юли² письмо с подробностями его смерти и похорон. Вернувшись из Павловска к 1 сентября, он стал себя все хуже и хуже чувствовать, худел и слабел, но был на ногах, читал и всем интересовался. За неделю до смерти начались кровотечения изо рта, и доктор предупредил Юлю о приближении рокового исхода, т. к. язва на языке быстро увеличивалась. Есть он уже не мог. 28-го было очень сильное кровотечение, он ослаб и, видимо, понял, что конец пришел. 26-го приехал Гутик³ из командировки, Саня его все последнее время ждал и еще смог с ним поговорить. А 30-го в 5 ч. 30 вечера его уже не стало.

В тот день была панихида, а на другой — гроб увезли в универ<ситет>⁴, где он стоял в актовом зале, и при нем почетный караул из професс<оров>, студентов и бывших сослуживцев Сани по Главархиву. Были гражданские панихиды с речами, и играл студенческий оркестр. Похоронен он в Александро-Невской лавре⁵, там же его дети, 2 мальчика, умершие в раннем детстве⁶. Юля прислала мне его чудесную карточку, снятую до болезни в 28 году, и затем снимки актового зала с караулом, вынос тела, шествия к Лавре и открытие гроба на могиле, где он лежит совершенно неузнаваемый. В его лице не осталось ни одной знакомой черты, до того оно исхудало и как бы ссохлось. Если бы он выглядел как твой отец или дедушка, я бы прислала тебе этот снимок. А таким не надо сохранять его в памяти — лицо совершенно чужое и незнакомое. Я также не могу его принять, как не могу реально понять факт его исчезновения из нашей жизни. Юля тоже пишет: «Мне не верится, что Сани нет, и примириться с этим я не могу, а впрочем, надо дать Славе⁷ еще доучиться...»

То чувство, о котором ты говоришь, чувство сожаления о пробеле в отношениях с дядей Саней, было у меня всегда и при его жизни. Всегда чувствовалось, что надо взять от этого человека гораздо больше, и всегда мешала его сдержанность, нелюбовь к психологическому копанью как в себе, так и в других и его целомудренная скромность. В общении с ним его личность сама излучала что-то необыкновенно ценное без его участия. Мне лично просто было довольно посидеть в его присутствии, чтобы получить нравственное удовлетворение. И зато какое было наслаждение, когда попадешь к нему в хорошую минуту, и он дает заглянуть в сокровищницу его ума и души. Никого никогда я не ценила так высоко, как его, и ни от чего не страдала так, как страдаю от его ухода из жизни. Зачем, зачем это случилось?

На снимках у его гроба стоят рядом Юля, Серг<ей> Ал<ександрович>⁸ и Гутик, и у всех троих лица полны такой скорби, что больно на них смотреть. Они

прямо подавлены горем, и как я их понимаю. Они имели счастье стоять так близко к нему, как никто из нас. Что же они потеряли, если в нашей жизни его уход оставил такую ничем не заполнимую пустоту. Ведь он расточал на них те сокровища, которых тщетно добивались мы, они были с ним в ежедневном общении. Как смогут они теперь жить без него? Юлия этого не может понять, и ей жутко вернуться в жизнь, из которой она ушла на 1 ½ года по болезни. Я так ее понимаю. У меня сейчас тоже страх перед жизнью со всеми ужасами, в ней таящимися. Несчастный Серг<ей> Ал<ександрович>, похоронив друга, какого у него никогда не было и больше не будет, получил новый удар: в Харькове погиб трагически его сын Володя 20 октября. Его сбил с ног трамвай, и он разбил череп о столб. Смерть была мгновенная, вероятно, ему было лет 35, и он был на прекрасной дороге. Кому это нужно? Кто играет с людьми в жестокую чудовищную шутку, называемую жизнь? Пусть ответят мне на это верующие люди, молящиеся Всемогущему Милосердному Богу. Если жизнь измышление разума, то оно чудовищно. Другого мировосприятия у меня нет и не будет до конца жизни. Мученическая смерть такого человека, как Саня, должна привести к отрицанию какой бы то ни было гармонии настоящей или грядущей. Меня страшно тянет сейчас на Надеждинскую⁹, к его семье, на его могилу. Пожить воспоминаниями о нем — здесь у меня тоже никого нет, с кем делить горе. Леня очень удручен, но и очень занят, да я при нем и не могу дать себе волю. Потом ты знаешь, как скуп он на слова и выражения чувств. И очень занят — я мало его вижу. Математика требует усиленных занятий, а кроме того, т. к. ему не повезло со школой пов<ышенного> типа¹⁰, где он рассчитывал получать 40 руб., а вместо того ее закрыли, а в Трудшколе он получает за вычетами на заем индуст<риальный> и союз<ный> — 70 руб., ему пришлось взять занятия в школе малограмотности по вечерам. Значит, 4 раза в неделю он занят с 12 ч. дня до 8 — с перерывом на обед. Да и Леничка нервный и мало экспансивный человек, нечего ему еще портить жизнь моим горем. И так он слишком часто видит мое заплаканное лицо.

Итак, Мишук: нет нашего дяди Сани и больше никогда не будет. Надо сжиться с этой мыслью, хотя с фактом примириться нельзя.

Крепко обнимаю тебя, мой родной, и также клянусь разделяющее нас расстояние, как и ты. Мама.

Папка 3. Л. 180–183 об.

¹ А.Е. Пресняков скончался 30 сентября 1929 г. от рака языка.

² Жена А.Е. Преснякова.

³ Сын А.Е. Преснякова Евгений (1897–1962), геолог. В 1926 г. окончил Ленинградский горный институт, в 1932–1937 гг. заведовал кафедрой геологии Иркутского университета, в 1944–1952 гг. — заведующий кафедрой геологии и декан горного факультета Дальневосточного политехнического института во Владивостоке.

⁴ Подробнее см.: [Артизов 1996].

⁵ На Никольском участке Александро-Невской лавры.

⁶ Пресняков Петр (Путик) (1896–1897) и Пресняков Вениамин (Бэнусь) (1900–1903).

⁷ Сын А.Е. Преснякова Ярослав.

⁸ Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) — друг А.Е. Преснякова, историк, литературный критик, журналист.

⁹ А.Е. Пресняков жил с семьей на ул. Надеждинской, дом 11, квартира 20.

¹⁰ Школа повышенного типа с четырехгодовым курсом, окончание которой давало право на поступление в высшее учебное заведение.

9

5 мая 1930 г.

Дорогой мой Мишук!

Давно не писала тебе, точно не помню когда, но, наверное, больше месяца тому назад, п<отому> ч<то> знаю, что не писала тебе про болезнь Лени, а он хворал с 4-го марта. Схватил ангину (вероятно, в своей школе) и просидел 10 дней дома. Лечил его наш районный врач очень толково, и последствий, т. е. осложнений, очень часто теперь сопровождающих ангину, не было. Эти десять дней и мне не прошли даром, п<отому> ч<то> пришлось, кроме очередной работы, бегать и в Страхассу, и во врачебный пункт, и в аптеку. Пишу я теперь редко и лениво, п<отому> ч<то> очень устаю, т. к. мои обязанности домработницы осложнились за последний месяц тем, что я сама готовлю, вместо того чтобы брать готовый обед, как делала это всю зиму. Недалеко от нас была прекрасная столовая, где давали очень добросовестные и вкусные обеды. Она закрылась за неимением продуктов, а все остальные так отвратительно кормят, что есть нельзя. Приходится самой готовить, а т. к. с продуктами трудно, то надо и побегать, и постоять в очереди. Это очень осложняет жизнь, п<отому> ч<то> не хватает времени ни на что другое, а между тем остается и уборка, и стирка, и штопка и пр. К концу дня я — выжатый лимон и валюсь спать в 10 ч.

Конечно, нигде не бываю и ничем не интересуюсь. Впрочем, 2 раза получила редкое удовольствие от 2 квартетных вечеров нашего госквартиета¹. Это очень хорошо сыгранный квартет четырех хороших музыкантов с хорошими инструментами. Слушали кв<артеты> Бетховена, Моцарта, Грига, Шумана и Глазунова. Во втором <отделении> Даниэлян (Наташина учительница пенья)², окончившая Петерб<ургскую> консерв<аторию>, пела романсы Глазунова необыкновенно художественно и тонко, причем у нее, кроме большого мастерства, прекрасный голос. Эти 2 вечера были на редкость удачны, в особенности для Тифлиса, где так мало хорошей камерной музыки, которая тут не в почете. Весь beau monde³, существующий у нас рассудку вопреки, наперекор социальному строю — валит валом в оперу, где все скверно, кроме приезжих гастролеров, на которых берут билеты с боя, а самих гастролеров, как, например, гостящего сейчас у нас Козловского⁴, дамы волокут на руках до гостиницы. В этом повальном сумасшествии участвуют — увы! — и дамы Калашниковы, сидящие в данную минуту в театре, где идет «Дубровский»!!!⁵ Даже Танечку <Терентьеву> прихватили с собой. Она бывает у нас ежедневно, п<отому> ч<то> занимается с Леной математикой и рус-

ским языком. На последний я бываю приглашаема на консультацию. Так, сегодня мы вдвоем писали сочинение о Хаджи Мурате, причем моя редакция получила первенство. Недавно Таню подвергли испытанию по русскому языку, которое она выдержала, не сделав ни одной ошибки в диктанте. Она девочка способная, но страшно рассеянная, причем очень ленива на мышление, не любит делать умственного усилия, а старается обо всем догадаться, что редко, конечно, удается, особенно в математике. Обучение ее ведется очень примитивно, а воспитания она никакого не получила. Хотя она пионерка и говорит о какой-то пионерской дисциплине, она очень недисциплинирована и, по-моему, с весьма буржуазными наклонностями. В этом, конечно, виновата та обстановка, в которой она живет сейчас. Кино, опера, душка Козловский, наряды, гости — все это не вяжется с пионерским воспитанием, и получается какая-то неразбериха. При этом она очень самостоятельна и самоуверенна, чем очень напоминает отца. А между тем по существу она хорошая девочка.

Недавно были мы очень огорчены самоубийством Маяковского⁶. Я лично очень удручена этим фактом. Что такой яркий, сильный и жизнеспособный человек мог из-за неудовлетворенной любви лишиться себя жизни — производит подавляющее впечатление. Маяковский, о котором Ал. Ев. <Пресняков> говорил, что он самый большой поэт нашего времени, привлекал меня не только своим талантом, но той неисчерпаемой энергией, силой и убедительностью, которую излучало его творчество. Я верила в его монолитность и радовалась ей как чему-то ценному, незыблемому и прекрасному, столь редкому в наших серых буднях. И вот то, что эта монолитность не выдержала столь обычного искуса, как неудачливая любовь, — повергло меня в уныние и вызвало в душе нестерпимую досаду на мелочность, зыбкость, неустойчивость человеческой природы. Словом, я переживаю тяжелое разочарование. И потом как трагично, что все яркие, светлые умы так непрочны, так мгновенно и неожиданно уходят из жизни. Смерть Ленина, смерть А.Е., самовольный уход Маяковского — как все это примирить с какой-нибудь логичностью нашего существования, какой в нем смысл, если все лучшие, самые нужные нам люди считаются с жизненного пути как ничтожные букашки? Зачем же тогда дана жизнь человеку, когда грош ей цена? А видимо, это грош, если такой одаренный человек, как Маяковский, с его необычной жаждой жизни, с кипучей деятельностью, такой полезный работник в социалистическом строительстве, так любимый рабочей массой, не нашел во всем этом удовлетворения и без сожаления отшвырнул от себя этот дар жизни, столь ценимый людьми вообще — не знаю, собственно, за что? Не помню, кто написал о нем: «Самое полнокровное, самое жизнеспособное сердце разбито выстрелом из револьвера»⁷. Вот и все. Как мог это сделать человек, который сказал:

Я
 всю свою
 звонкую силу поэта
 тебе отдаю,
 атакующий класс⁸.

И это не были пустые слова. У него действительно была звонкая сила, и ею он служил делу социализма, искренне веря в свое дело. Об этом говорят все знавшие его и пишущие теперь бесконечные статьи об этом действительно большом и сильном человеке. Недаром его мозг весил на фунт больше обыкновенного⁹. И какое у него было замечательное лицо, я всегда любила это лицо. Я знаю, что ты его не знаешь. Я тоже ближе его узнала после смерти по бесконечным воспоминаниям людей, близко его знавших. Конечно, надо жить нашей жизнью, чтобы понять, почему мы так потрясены его самоубийством. Это было самое яркое явление в нашей жизни, каким был Пушкин в свое время — чего его современники не признавали. Боюсь, что ты меня не поймешь, а между тем я так сильно это переживаю.

Уже поздно, и надо кончать и ложиться. В 7 ч. надо вставать. Леня просит написать тебе, что недавно у него на уроке был инструктор по математике Флоринский¹⁰ и признал его математиком.

Давно не было от тебя писем, я знаю, что ты очень занят, а все же скучно. Целую тебя крепко и всех твоих. Мама.

Папка 11. Л. 15–19 об.

¹ Возможно, государственный квартет им. Страдивариуса.

² Возможно, Даниэлян Айкануш Багдасаровна (1893–1958), солистка Театра оперы и балета в Тифлисе.

³ Высший свет (*франц.*).

⁴ Козловский Иван Семенович (1900–1993) — оперный певец, народный артист СССР (1940).

⁵ Опера Э.Ф. Направника.

⁶ Самоубийство поэта В.В. Маяковского (1893–1930) произошло 14 апреля 1930 г.

⁷ Источник цитаты не установлен.

⁸ Из поэмы «Владимир Ильич Ленин» (1924).

⁹ В периодике того времени много писали, что после самоубийства В.В. Маяковского его мозг был отправлен на изучение в Государственный институт по изучению мозга. Сообщалось, что вес мозга поэта составил 1700 граммов, в то время как средний вес мозга взрослого мужчины — 1300–1400 граммов. Подробнее см.: [Спивак 2001].

¹⁰ Возможно, Флоринский Михаил Михайлович (р. 1892).

17 июня 1934 г.

Сейчас прочла твое письмо, дорогой мой Мишук, и захотела сейчас же тебе ответить. Редко это случается, но затронутый нами вопрос очень животрепещущий для меня. Ответ на него заключается в твоих словах: «всегда с интересом, редко с сочувствием». Это-то я и хотела знать; это-то и есть результат разницы в наших surroundings¹: ты среди зрителей, я среди лицедеев. Так бесконечно хотелось знать, что ты видишь из твоего далека и что думаешь о нас. В нас произошел

такой психологический сдвиг, что нам трудно представить себе иное отношение к происходящему, чем то, что создалось в нас самих. Как властно наша действительность заставляет нас чувствовать себя частью громадного целого, этого тебе не понять — слишком разные наши surroundings. Ты живешь в стране, стоящей на старых устоях, а мы в стране, свалившей эти устои и строящей новую жизнь на новых принципах и вырабатывающую новый тип людей. Мы живем этим строительством, и думаю, что все мыслящие и чувствующие всю значимость происходящего не могут сейчас жить иначе у нас. Это не имеет ничего общего со стремлением жить с веком наравне². Это стихийное чувство, к которому нельзя, да и не надо противиться. Вывод отсюда, что наша эпоха «созвучна нам», как ты выражаешься. Настоящее так захватывает, что невозможно выбирать иную эпоху, чем наша. И я очень жалею людей, которые до сих пор прячут голову под крыло, чтобы не видеть настоящего, и живут обломками прошлых воспоминаний. Для меня они живые мертвецы, и мне тяжело с ними общаться. Вы же, как зрители, конечно, не можете принимать участия в нашей жизни. Я хотела только знать отношение к ней и хотела бы, чтобы интерес перешел в сочувствие. Всегда хочется созвучия с близкими.

Относительно Володи <Терентьева> скажу в защиту своего скороспелого мнения, что оно основано на характеристике Володи, данной Надей <Палибиной>: я лично Володю очень мало видела и относилась к нему как к хорошенькому, милому мальчику — мужчиной, т. е. определившей личностью, его не знаю. Если я ошибаюсь, тем лучше. В моих глазах отсутствие склонности к умственному и тем более научному труду не порок, а просто свойство натуры. Я сама никогда не выказывала склонности к умственному труду и люблю физический.

Известие о том, что ты стал помещиком³, ошеломило нас своей неожиданностью. У Лени сейчас же явились всякие практические соображения, как будет охраняться ваше поместье летом, и что будете делать с ним зимой, и не опасно ли ваше положение в стране разорившихся фермеров. Вообще, в наших глазах владение недвижимой собственностью очень громоздкое предприятие, т. к. мы стали волею судеб птицами перелетными, не выющими себе гнезда. У меня даже к движимому имуществу всегда было неприязненное отношение как к затруднению передвижения. Я всегда говорила, что хотела бы жить в хорошем отеле, не связанной с имуществом. Правда, мы сейчас достигли второй половины этого пожеланья; кроме большого количества книг, у нас только самое необходимое. Я не могу сейчас определить своего отношения к вашей ферме. Подожду дальнейших сообщений о вашей жизни, об антураже, об удобствах и недочетах и т. д. Если вам будет там хорошо, порадуюсь за вас. Рада я также за Арсенчика и Наташу, что им так повезло со школой⁴. Надо надеяться, что вам удастся также удовлетворительно решить вопрос о Сереже и Марине. Неужели этой крошке тоже уже скоро пора дошкольно воспитываться? Мне все это так странно. Все мы поступали в гимназию 10 лет и проводили в этом учреждении ровно 6 лет. Тем мое образование и кончилось, почему я и считаю себя неучем. Гимназия не развила во мне любви к науке и стремления поумнеть. Мне в 16 лет казалось, что надо только веселиться и пользоваться благами жизни. Переезд в Тифлис открыл полную возможность к

тому и другому. Так же беспечно вышла я в 18 лет замуж, совершенно не отдавая себе отчета в важности такого шага, и только пережив тяжелую душевную драму, поняла, какое преступление совершила по отношению к себе и вашему отцу, став его женой. Моей школой была жизнь. Там я получила и первоначальное, и высшее образование, которые заканчиваю теперь. Багаж этих знаний — тяжелая ноша, и нести ее подчас очень трудно. Саня <Пресняков> мне еще говорил, что меня развила моя литературная начитанность, очень тонкое, по его мнению, восприятие художественной литературы. В этом я, конечно, не судья. Сейчас меня очень затягивает то, что происходит у нас, — это моя единственная духовная пища. Читаю новые журналы, три газеты. Зачитываюсь речами Литвинова⁵ и глубоко уважаю и люблю этого человека за широту его взглядов и глубину его ума. Неожиданно мои чувства совпали с отношением к этому человеку тети Нины <Калашниковой>!⁶ Вот как никогда нельзя знать, где найдешь сочувствие и понимание. Жаль, что не там, где бы этого больше всего хотелось.

Т. к. ты пишешь, что 20 июня едешь к себе на ферму, я пошлю это письмо по новому адресу. Следующее надеюсь написать в Дмитрове⁷, хотя до сих пор нет от Наташи <Терентьевой> окончательных известий о найме комнаты. Невзирая на это, мы уже купили билеты на 26-е число на ленинградский поезд скорый № 19, долженствующий прийти в Москву 29-го в 6 ч. вечера, но Миша К<алашников> утверждает, что он всегда опаздывает и мы приедем ночью. Это уже хуже. Поэтому, не надеясь на Наташу, я написала Палибиным, чтобы они снесли с ней (ни письма, ни телеграммы с ее стороны ответа не вызывают), сообщили бы о дне нашего приезда и сами бы нас встретили. Мне пока не верится в реальность возможности попасть к своим в Москву⁸. Может быть, и поверю в нее, сев в вагон.

Пока у нас стоит прохладная для июня погода. Хоть бы она продержалась до 30 июня, а то перегон до Ростова очень мучителен летом. Меня это не очень пугает, <потому> <что>, имея в перспективе исполнение многолетней мечты, можно много вытерпеть.

Опять мне суждено поздравлять вас с новосельем — в который раз? Шлю наилучшие пожелания всем владельцам фермы и жду дальнейших подробностей об этой новинке.

Из Москвы напишу, по какому адресу мне писать, т. к. по Таниному <адресу> письма посылают безрезультатно, по-видимому.

Целую всех вас крепко и желаю полного благополучия. Мама.

Папка 10. Л. 29–33 об.

¹ Среда, окружение (англ.).

² Из стихотворения «Чаадаеву» (1821) А.С. Пушкина.

³ Имеется в виду приобретение загородного дома (дачи) в Вест-Вардзборо, штат Вермонт.

⁴ Речь идет о детях М.М. Карповича — сыновьях Арсении (р. 1922) и Сергее (р. 1929) и дочерях Наталье (в замуж. Анисимова; р. 1927) и Марине (в замуж. Хайдеман; 1930–2000).

⁵ Литвинов Максим Максимович (1876–1951) — нарком по иностранным делам СССР (1930–1939), представлял СССР в Лиге Наций в 1934–1938 гг.

⁶ Калашникова Нина Викентьевна (урожд. Карпович; р. 1856) — тетка М.М. Карповича, родная сестра его отца, в 1921 г. с дочерью Татьяной эмигрировала в Италию.

⁷ В январе 1931 г. И.Г. Терентьев, работавший режиссером в Днепропетровском украинском музыкально-драматическом театре им. Т.Г. Шевченко, был арестован и осужден по 58-й статье на 5 лет лишения свободы. Он был сослан на Беломорско-Балтийский канал, где руководил театральной труппой, составленной из заключенных (Повенецкой бригадой). Освобожден досрочно в мае 1933 г. С сентября того же года работал по вольному найму на канале Москва — Волга. Получил комнату в городе Дмитрове, куда и собиралась приехать М.Е. Ямпольская в начале 1934 г.

⁸ По дороге в Дмитров М.Е. Ямпольская решила остановиться в Москве, в квартире дочери, жившей в Большом Кисельном переулке (д. 8, кв. 20).

11

Москва. 1 июля 1934 г.

Вот я и в Москве, дорогой мой Мишук. Знаю, что эти пять слов очень тебя обрадуют. Приехали мы три дня тому назад, остановились у Наташи <Терентьевой> и завтра едем в Дмитров. Леня пробудет там только три дня и пятого уедет в Ленинград, куда обещал с Метревели¹ приехать 6-го для того, чтобы быть его поводом по Ленинграду и окрестностям, т. е. Царское, Павловск, Петергоф и проч. Конец июля и ½ августа проведет в Дмитрове и уедет 16-го в Ленинград.

Москву я весьма поверхностно обозрела сегодня, но того, что я видела, вполне достаточно, чтобы прийти к заключению, что Москва преобразовывается гигантскими шагами и приобретает вполне европейский, культурный и вместе с тем художественный вид. Прежде всего поражает несвойственный ей прежде вид чистоты и строгого уличного порядка. Все тротуары асфальтированы, мостовые из бrikетов. Движение регулируется так, что, несмотря на его интенсивность, я лично двигаюсь без всякого страха по улице. Все новые постройки очень красивы, выдержанного стиля и вкуса. Одно из лучших зданий — дом американского посла, русский ампир с коринфскими капителями из желтого камня. Помещается он против Карбасникова на Моховой, близ старого университета². По правде сказать, я не ожидала такого впечатления. Москва очень красива и во всяком случае производит гармоничное впечатление, какого не получаешь хотя бы от Берлина.

Наташу мы застали одну, т. к. Игорь уехал на трассу канала и вернется только к 20. Она таки наняла мне комнату в Дмитрове, но в отсутствие Игоря я поживу с ней. Прожить думаю месяца три, но не уверена в будущем³. Во всяком случае, хочу тебя просить выслать деньги на Наташино имя так, чтобы я получила их в десятых числах (до 15 августа), т. к. Лене нужны деньги на дорогу. Своевременно я сообщу тебе насчет сентября.

Сегодня больше не могу писать, т. к. после вечерней прогулки по городу валю с ног, а теперь уже 12 часов. Утром в 10 ч. мы уже уезжаем. Большое письмо напишу из дмитровского уединения.

Видела уже здесь Бебу с мужем⁴ и Муху⁵ — подробности до следующего письма.

Целую твоих и крепко тебя обнимаю. Счастьем повидаться с близкими всецело обязана тебе, мой родной. Все шлют тебе привет. Мама.

Пиши мне на Наташино имя. Москва. Б. Кисельный 8, кв. 20. Для меня.

Папка 10. Л. 34–35 об.

¹ Метревели Иван Дмитриевич — преподаватель, коллега Л.А. Захарова по работе в учреждениях Политпросвета в Тифлисе.

² С 1934 г. посольство США располагалось на Моховой улице в доме 13, построенном архитектором И.В. Жолтовским. Неподалеку, на Моховой, 24, располагался книжный магазин купца Н.П. Карбасникова (1852–1921).

³ Мария Евгеньевна прожила в Дмитрове полтора месяца — со 2 июля по 16 августа 1934 г.

⁴ Возможно, Боровская Нина Николаевна (урожд. Палибина; 1898 — не ранее 1952) — дочь Н.Н. и Н.Е. Палибиных, двоюродная сестра М.М. Карповича, педагог. В 1930-е гг. преподавала немецкий язык в Московском областном педагогическом техникуме иностранных языков и аспирантам Всесоюзного научно-исследовательского института зерна и продуктов его переработки. Ее муж — Александр Николаевич Боровский (р. 1901).

⁵ См. примеч. 19 к письму 1.

12

10 июня <19>35 г.

Сейчас получила твое письмо, дорогой мой Мишук, и решила теперь же на него ответить, боясь растерять рожденные им мысли. Одновременно с твоим принесли письмо от Нади <Палибиной>, меня огорчившее. Ты должен теперь уж знать о моем проекте провести лето в Квишхетах¹ (около быв<шего> Михайлова) и что Наташа обещала мне месяц прожить со мной. Наташины планы изменились, она остается в Москве, а Надя, которую я звала к себе, сегодня сообщает, что, несмотря на ее большое желание, вряд ли удастся его исполнить, т. к. Мухин отпуск под вопросом, п<отому> ч<то> в Москве большой недостаток в психиатрах; там реорганизация психиатрических больниц, и она очень нужна. С Надей то же, что с Наташей. Обе не решаются оставить в трудную минуту своих дочерей чисто по бытовым условиям. Обслуживать самих себя, когда завален работой, невозможно, и человек, поставленный в такую необходимость, просто чахнет. Особенно остро этот вопрос стоит относительно Мухи. Ты поймешь, что после бывшего у нее заболевания, — призрак его носится над ней, и ей нужно постоянное диетическое и усиленное питание². С Таней <Терентьевой> дело другого рода. Она здоровая и цветущая, но мать не хочет ее оставлять одну в трудную минуту, а минута критическая, т. к. неизвестно, допустят ли ее к экзамену в Энергетическом институте³, т. к. дают преимущество комсомолу, в котором она пока не состоит. Наташа пишет, что Таня склонна к пессимизму, легко впадает в меланхолию, и ей нужна моральная поддержка. Кроме того, Наташа временами занимается с ней языками, русской литературой и даже историей партии и пишет, что она очень

счастлива, что может быть Тане в помощь. В этом есть какая-то повышенная чувствительность материнского чувства, идущего до полного порабощения Наташи, что, конечно, бесполезно Тане. Она платит матери большой и в то же время деспотической любовью. Тут есть какой-то дефект в Танином воспитании: она слишком ребячлива для своих 18 лет и любит капризничать, что вовсе ей не пристало при ее пышной фигуре. Мне это не нравится, что я Тане прямо говорила. Вообще, все трио Терентьевых как-то ребячливо нежны друг с другом. Раз так я заговорила о чувствах, то признаюсь тебе сразу, что я совершенно лишена той кровной связи, которая тебя так тесно связывает со всей родней. Единственным исключением являешься ты, которого я ощущаю как плоть от плоти. При твоём появлении на свет во мне родилось впервые материнское чувство, чем я и объясняю мое исключительное чувство, которое ни с чем не сравнить. Уже на Наташу у меня не хватило его, и она всегда мне казалась менее близкой, чем ты. В родственных чувствах у меня играла роль личной симпатии: я очень люблю Палибиных, потому что они близки мне по духу, равнодушна к Юлиным сыновьям и не любила, т. е. не была привязана, к Ефремовым⁴. С Надей мы всегда дружили как две подруги и до сих пор остаемся ими. Остальные ветви пресняковского рода мне всегда были чужими людьми. Твое отношение ко всем родным как таковым было мне всегда чуждо. Родным можно быть по духу, безо всяких кровных уз. Мое отношение к Жене и Леле тем и объясняется, что этого родства нет⁵; мы люди не только разных идеологий, но и разных восприятий мира. Но напрасно ты мне ставишь в упрек, что я их осуждаю. Откуда ты это взял? Я просто смотрю на них с любопытством как на нечто, мною давно не виданное и забытое, хотя недалеко то время, когда я сама и все окружающие были такими. Мы были поглощены одним стремлением к благополучию для себя и закрывали глаза на чудовищную несправедливость нашего существования. Ты упрекаешь меня в схематизме в моих воззрениях и неприятии того, что в пределы моего кругозора не укладывается. Могу вернуть тебе твое обвинение: скажи, пожалуйста, куда девается в твоём кругозоре факт существования миллионов обездоленных, смотрящих на своих детей, мрущих от голода, когда ты строишь схему благополучной жизни всех могущих ее достигнуть? Почему ты не включаешь в эту схему всеобщее благосостояние? Применение пушкинской «дыбы» я не приемлю. Состояние *béatitude*⁶ можно испытывать без материального благополучия, просто от сознания, что живешь в стране, где все угнетенные национальности уравнены, что все они живут по-человечески, что хоть сотая доля мировой несправедливости уничтожена именно у нас, что рядом с нами в чудном барском доме живет беднота, и у нее в жилищах чище, чем у нас, потому что у нас нет навыков и нет сил так блюсти эту чистоту; что дети их учатся у Лени в школе, что в кино мы сидим бок о бок с рабочими, что раскрепощенные женщины Востока сбросили чадру и кончают вузы, что все эти народности воспевают свою новую жизнь в стихах на всех языках и что мы свидетели этого чуда. И когда попадаешь в общество людей, которые этого ничего не знают и знать не желают, а заняты только своими туалетами и прическами, невольно чувствуешь, что попал в совершенно чуждую атмосферу. За что же ты меня осуждаешь? Я полна сознания, что я на седьмом десятке дожила до всех этих

чудес, совершающихся у меня перед глазами. Признаюсь, что, как ты называешь, «это» составляет центр моей жизни, и иначе не может быть. Меня нисколько не удивляет и тем более не вызывает осуждения стремление людей к другим идеалам — я только чувствую к ним отчуждение. Их идеалы неприемлемы для меня, как мои — для них, мы люди разных миров, мне скучно с ними. И притом в том доме, где мы встречались, существует безвкусная манера уснащать разговор пошлейшими анекдотами из нашей действительности, позорящими только самого рассказчика. Недаром Гоголь сказал: «Над кем смеетесь, над собой смеетесь!»⁷ Все недочеты нашей жизни вносятся остатками былой пошлятины, самоуверенной тупости, подхалимства, любостыжательства и прочего букета, украшающего обывателя. То и печально, что жизнь улучшается, а человек мало поддается культуре и умственной, и в особенности моральной. Говорят, человек красит место, а в нашем случае он часто гадит всякое благое начинание. Такова уж человеческая натура.

Я уже писала тебе, что наняла комнату в Квишхетах. Помощи в этом случае мне не нужно. В этом месяце произошла заминка в получении твоих денег. 1-го я получила повестку из Нью-Йорка, а в банке до сих пор перевода нет. Спасают нас твои лишние 15 долл<аров>. Ехать мы могли бы уже в конце июня, но боюсь, что следующая получка задержит нас, т. к. для получения перевода мне нужно быть в городе. Ты пишешь, что числа 15-го вы уедете в свою усадьбу. Значит, это письмо тебя не застанет в Кембридже. В Квишхеты писать нельзя — там нет почты. Это не курорт, а небольшое селение. Придется июль и август не переписываться. Может быть, я на месте выясню, как отправлять письма, может быть, их носят к поезду — тогда напишу. Под конец хочу тебе сказать: мне вовсе не чуждо удовлетворение, которое дают перечисленные тобой ценности, как дружба, привязанности, искусство, природа. Все это украшает жизнь, но не составляет, в моем случае, главное ее содержание, как это было прежде. У каждого человека, в том числе и у меня, есть критерий, который определяет, что для него важнее всего и ценнее всего в его жизни. Что же необычайного в том, что, переживая то необычайное, что происходит у нас, я нахожусь во власти этих впечатлений и отдаю им больше сил, чем всему остальному? В прошлом у меня было много удовлетворенья культурными ценностями. К концу жизни появились совсем иной категории интересы. По-моему, это неплохо, и я не жалею, что дожила до нашей эпохи — очень уж захватывающий тот сдвиг, который происходит. Может быть, выраженное мной неубедительно, но, во всяком случае, это не то, что бумага терпит, а то что живет во мне.

Ну, пора кончать нашу дискуссию, уже поздно. Начала писать днем, а кончила ночью. Леня сейчас у Калашниковых.

Целую крепко тебя и твоих и радуюсь вашему благополучию. Мама.

Папка 7. Л. 35–40 об.

¹ Село в Грузии, климатический бальнеологический курорт.

² Имеется в виду онкологическое заболевание. В июне 1934 г. М.Н. Палибиной была проведена операция по удалению шейных желез.

³ Т.И. Терентьева смогла поступить в 1935 г. в Московский энергетический институт, но не на дневное, а на вечернее отделение, которое окончила в 1946 г. по специально-

сти инженер-электрик. Сотрудник Московского научно-исследовательского института радиосвязи.

⁴ Ефремова Екатерина Евгеньевна (урожд. Преснякова; р. 1864) — родная сестра М.Е. Ямпольской. Ее муж — Вениамин Николаевич Ефремов, полковник, инженер Охтенского порохового завода.

⁵ Евгения и Елена Георгиевны Калашниковы — двоюродные сестры М.М. Карповича. В 1901 г. уехали из Тифлиса получать высшее образование в Женеву (Швейцария). Елена Георгиевна (в замуж. Лиони, р. 1880) окончила медицинский факультет Женевского университета, врач. Евгения Георгиевна (в замуж. Сканциани; 1882–1953) окончила консерваторию в Женеве, певица. В марте 1935 г. приезжали в Тифлис по приглашению брата.

⁶ Блаженство (*франц.*).

⁷ Цитата из пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор».

13

16 ноября 1936 г.

Дорогой мой Мишук!

Вчера получила 50 дол<ларов> и боюсь, что тебе нелегко было их выслать. Ведь осенью у тебя всегда так много расходов. Теперь хочу тебя просить не высылать мне больше денег — лучше посылай нужные нам вещи, когда у тебя будет возможность это сделать. Самое необходимое сейчас — это рабочий костюм для Лени, о чем я уже писала тебе, сообщая о получении посылки. Я просила учреждение, приславшее ее, выслать мне преискурант, как они сами предлагают, для дальнейшей ориентировки.

Давно не было от тебя писем, и меня это начинает беспокоить, может быть, рассудку вопреки, т. к. я знаю, как ты нагружен работой в первом учебном полугодии. Леничка тоже очень занят, но больше математикой, чем школой¹. Там у него, к сожалению, не так много уроков, как предполагалось. Все-таки он ходит в библиотеку за материалом для своего преподавания. Два раза в шестидневку ходит в свой институт — раз днем и раз вечером, и, кроме того, должен бывать на исторических конференциях раза два в месяц. Огорчает меня то, что он очень утомлен. В Пушкине я приписывала его утомление езде в поезде² и надеялась, что в Москве он будет лучше себя чувствовать. Конечно, наше затруднительное положение тоже действует на его самочувствие, и он нервничает. Перемену на нашем хозяйственном фронте принесла твоя посылка, увеличившая наши ресурсы. От Игоря же по-прежнему ничего нет. Наташа <Терентьева> все ждет решительного поворота в его судьбе и надеется, что он поедет на работу в Ашхабад³, но он не пишет и не едет, хотя обещал приехать после Октябрьских празднеств, т. е. 10-го ноября. Наташа очень извелась неизвестностью и очень тяготится создавшимся положением, поэтому никто, кроме Игоря, помочь не может, а от такого человека, каким он себя выявил за последнее время, ждать нечего. По-моему, его пребывание на канале сильнее подействовало на него, чем это было заметно сразу после его возвращения. На меня он производит очень тяжелое впечатление больного

человека, не воспринимающего окружающей жизни просто по недостатку сил. В нем есть что-то инертное, усталое, не соответствующее тому усилию, какое требуется от человека для того, чтобы выйти из того критического положения, в какое он попал после краха его в роли кинорежиссера⁴. От души желаю, чтобы мой диагноз был неправилен, но, судя по аналогии с Володией <Терентьевым>, мало надежд на то, чтобы я ошиблась.

19 ноября

Отложила письмо на 2 дня в надежде получить от тебя письмо и сразу на него ответить, но надежда эта не оправдалась. Жизнь наша этой зимой сложилась очень неудачно и также однообразна. Трудно из нее извлекать материал для писем, а настроение мое сейчас так зависит от забот о мелочах жизни, что мне гораздо труднее писать на отвлеченные темы, чем было в Пушкине. Часто я вспоминаю мое пушкинское уединение с сожалением. Мне гораздо легче живется вне общения с людьми, и, вероятно, потому, что я отвыкла от него, я стала нелюдима и легко раздражаюсь от всяких трений с близкими людьми. С соседями я очень лажу, п<отому> ч<то> вижу их реже, а со своими теряю терпение просто от тесноты, от которой некуда деваться. Ужиться в вынужденном нуждой окружении вообще трудно, а особенно таким разным людям, как мы и Терентьевы. У них быта вообще нет, а есть безалаберная сутолока настоящей богемы, чего я никогда не выносила, а тем более сейчас, когда достигла предельного возраста. Ведь мне в марте исполнится 70 лет. Шутка сказать. Настоящее мелькает очень быстро, а прошедшее кажется невероятно долгим, какая-то бесконечная вереница событий. Как это все могло уложиться в одну жизнь — прямо непостижимо.

Правда, что меня упрекают в непоседстве и легкомыслии, с которым я меняла местожительство. Каюсь, что сидеть долго на одном месте не люблю и ни к какому месту, где я ни жила, я не привязывалась. Сейчас прервала письмо, п<отому> ч<то> слушала сообщение Кольцова из Мадрида⁵. Сообщает, что Мадрид весь охвачен огнем. Погибли все музеи с их драгоценными картинными галереями, погибли библиотеки. Мадрид не взят, но разрушается огнем, чем и грозил Франко⁶. Германия и Италия признали его правителем Испании и, отозвав своих послов, прислали новых — фашистскому правительству⁷. Какой ужас — дожить до фашизации всей Европы. Сообщения по радио все время говорят о бодрости духа испанцев и об их решимости не сдавать Мадрида. Когда ты получишь это письмо, все дело уже будет кончено. Если я пишу эти подробности, то п<отому>, ч<то> мы все так поглощены испанскими делами, что это отражается на нашей психологии. Тяжелое время мы переживаем сейчас — поневоле приходится волноваться и проклинать зверство человеческой натуры, доводящее целые народы до чудовищной изобретательности в истреблении друг друга. Хороший результат многовекового развития европейской культуры — изобретения всевозможных ядов и газов для истребления рода человеческого. Какой пародией теперь звучит изречение «Человек — это звучит гордо»⁸, когда эта тварь самая кровожадная и коварная во всем мироздании. Придется кончить письмо на этом безнадежном выводе.

Все думаю о том, получу ли я на днях письмо от тебя.
Крепко тебя обнимаю, мой родной. Целую всех твоих. Мама.

Папка 7. Л. 132–135 об.

¹ С сентября 1935 г. Леонид Захаров преподавал историю в школе № 38 Ленинского района Москвы. Кроме того, слушал лекции по математике и физике в Московском государственном педагогическом институте им. А.С. Бубнова.

² В июле 1935 г. Мария Евгеньевна и Л. Захаров покинули Тифлис и приехали в Москву, в сентябре 1935 г. поселились в подмосковном Пушкине. С сентября 1936 г. они жили в Москве.

³ В сентябре 1936 г. И.Г. Терентьеву предложили работать в Театре народного творчества в Ашхабаде, однако в конечном итоге он туда не поехал.

⁴ С апреля 1935 г. И.Г. Терентьев работал в московской киноорганизации «Межрабпомфильм». Осенью 1935 г. начал снимать картину «Восстание камней» о событиях Гражданской войны в Керчи. Выход фильма планировался в январе 1936 г., но на экраны он не попал. В августе 1936 г. закрылся «Межрабпомфильм».

⁵ Кольцов Михаил Ефимович (1898–1940) — публицист, журналист, писатель. Корреспондент «Правды» во время гражданской войны в Испании (1936–1939).

⁶ Франко Франсиско Баамонде (1892–1975) — испанский военный и политический деятель. Диктатор Испании в 1939–1975 гг., совмещал функции главы государства, правительства и верховного главнокомандующего.

⁷ Правительства Германии и Италии официально признали правительство генерала Франко и установили с ним дипломатические отношения 18 ноября 1936 г.

⁸ Цитата из пьесы М. Горького «На дне».

«ЗНАЮ, ЧТО ВЫ ЛЮБИТЕ ДРЕВНИЙ ПСКОВ»

Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева
(1957–1971)*

*Предисловие, подготовка текста
и комментарии А.М. Любомудрова*

Во второй половине 1950-х гг. значительно расширились контакты русских эмигрантов с советскими учеными, писателями, деятелями искусства. Интерес к эмиграции, до той поры вычеркнутой из культурного пространства советской России, возрос с приходом «оттепели». В свою очередь, открывшаяся возможность общаться с родиной, хотя бы через письма, привлекала многих представителей первой волны эмиграции.

Активную переписку с литераторами русского зарубежья начали и сотрудники Института русской литературы (Пушкинского Дома). Среди энтузиастов — П.П. Ширмаков, Л.Н. Назарова, В.И. Малышев и другие. Благодаря этим контактам Рукописный отдел института пополнился ценными архивными материалами. Нескольким ученым было позволено посетить Париж, навестить семью Б.К. Зайцева, встретиться с В.Н. Буниной и Л.Ф. Зуровым (этот эпизод отражен в настоящей публикации).

Как известно, в 1928, 1935, 1937 и 1938 гг. Л.Ф. Зуров участвовал в экспедициях в Прибалтику, в ходе которых подготовил описание древностей Псково-Печерского монастыря, провел реставрацию крыльца и звонницы монастырской надвратной церкви Николы Ратного, обследовал археологические памятники, поселения, святыни Печорского и Изборского края; опубликовал ряд статей. После войны он планировал передать материалы своих исследований в Советский Союз, но осуществить это не удалось. В 1950–1960-е гг. Зуров рассказал о своих работах в письмах к советским ученым — историкам, археологам, искусствоведам, и начало этому общению положила переписка с В.И. Малышевым.

Владимир Иванович Малышев (1910–1976) — известный археограф и историк древнерусской литературы, тридцать лет работавший в Пушкинском Доме. В 1949 г. он основал Древлехранилище — ныне всемирно известное собрание древнерусских рукописей, насчитывающее 11 000 единиц и носящее имя своего создателя. Человек энергичный, целеустремленный и достаточно смелый, Малышев наладил разносторонние контакты с зарубежными славистами. С радостью откликнулся он и на письмо Леонида Зурова. Обстоятельства их заочного знакомства таковы. В апреле 1957 г. к Зурову попала статья архитектора Г.И. Рабиновича, который обследовал Никольскую церковь в Печерском монастыре и опубликовал

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-04-00102.

свой эскиз ее реконструкции. О реставрации именно этого храма, проведенной Зуровым в 1930-е гг., как и о его исследованиях Печорского края, советские ученые тогда почти ничего не знали. Зуров, опиравшийся в своей реконструкции на древние источники, озабочен серьезным искажением исторического облика храма, взволнованно делится этим с друзьями-историками, ищет возможность донести свою позицию до архитекторов в советской России.

Это желание осуществилось благодаря общению с В. Малышевым. Зуров узнал от востоковеда В.П. Никитина о том, что Малышев хотел бы иметь его книгу «Отчина», он также познакомился с письмами Малышева к Ремизову (которые показал ему писатель) и 10 декабря 1957 г. написал ученому большое письмо. Ответ ободрил Зурова. «От Малышева я получил большое и очень сердечное письмо, в котором он благодарит за “Отчину”, — делится с Н.Е. Андреевым Л. Зуров. — Обрадовался. Подумать только! Какая контрреволюция! Сообщил мне, что выдержки из моего письма послал археологу и архитектору Рабиновичу <...> и в музей города Печор» [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 152]. Найдя наконец заинтересованного корреспондента, Л. Зуров пишет второе письмо (22 февраля 1958 г.), которое выросло в объемистый, на 17 страницах, очерк об исторических древностях Псковской земли и о своих исследованиях. Обширные выдержки из этих писем Малышев выслал знакомым ученым, помог Зурову установить связь с архитекторами и искусствоведами — В.В. Косточкиным, Г.И. Рабиновичем, П.А. Раппопортом, В.В. Седовым, Т.Н. Михельсон, М.С. Вильницем, с которыми Зуров затем увлеченно переписывался. Все они проявили живой интерес к довоенным экспедициям Л. Зурова, его работам и исследованиям. К аргументам Зурова прислушивались, благодарили за уточнения и замечания. Так советская историческая наука в 1950-е гг. узнала имя Зурова — археолога и этнографа. Это общение отражено в издании [Пономарев 2014].

Переписка с Малышевым продолжалась до самой смерти писателя (последнюю открытку Зуров выслал за двадцать дней до своей кончины). В этом ученом Зуров почувствовал близкого по духу человека. Письма к Малышеву отличаются искренней, доверительной интонацией. Двух корреспондентов сближала любовь к Древней Руси, ее истории и культуре, православным святыням и памятникам. Переписка повлекла за собой обмен книгами, отпечатками статей.

Темой первых писем стала история Печерского монастыря, его святынь и древностей, реставрация сооружений обители. Затем возникла другая, остро волнующая Зурова: сохранение исторического облика Пскова. Этот город был для Зурова родным, любимым, его образ не раз возникает на страницах зуровской прозы. Судя по письму от 26 декабря 1958 г., писатель внимательно следил за деятельностью советских комитетов и комиссий по охране и восстановлению памятников зодчества, Академии архитектуры, Комитета по делам архитектуры, был знаком с их изданиями, выходившими в годы войны, а также с постановлениями правительства в послевоенные годы. В хрущевскую эпоху, когда начали массово уничтожаться храмы, борьба за сохранение культурного наследия обрела особую остроту, получая все более широкий общественный резонанс. Писатель обеспокоен проектами перепланировки Пскова, которые могут нарушить

исторический облик города. В лице В. Малышева и его коллег Зуров находит единомышленников.

Из переписки с Малышевым Зуров получает информацию о культурной жизни в Советском Союзе, об изданиях по архитектуре, археологии, этнографии. Малышев отвечает на вопросы о судьбе знакомых Л. Зурова, след которых он потерял в военные годы, — К.Б. Иртель, И.Н. Заволоко и др. В свою очередь Малышев обращается к Зурову с просьбами уточнить ряд деталей и фактов для своих исследований. Почти в каждом письме ученый просит присылать любые сведения об изданиях, посвященных Аввакуму: в эти годы он собирал свою «аввакумиану» — подборку книг, отисков статей, журнальных и газетных вырезок, иконографических материалов. Л. Зуров помог В. Малышеву наладить связь со своим давним другом — историком и писателем Н.Е. Андреевым, жившим тогда в Англии.

Представляет историко-литературный интерес участие в данной корреспонденции В.Н. Буниной. В публикацию включены несколько записок Веры Николаевны и ее письмо к В. Малышеву от 5 февраля 1959 г. (они прилагались к письмам Зурова). Личность И.А. Бунина и его творчество, подробности его жизни в эмиграции составляли в те же годы предмет переписки В. Буниной и Л. Зурова с литературоведом А.К. Бабореко. Это общение отражено, в частности, в книге [Бабореко 1993]. Однако ряд изданий и фотографий Бунина, а также свою книгу «Жизнь Бунина» (1958) Вера Николаевна прислала именно В. Малышеву, который передал их в архив и в литературный музей Пушкинского Дома. Данные события (видимо, при посредстве Малышева, который постоянно проявлял заботу о «рекламе» литературоведческих исследований) отражались в советской прессе, и Малышев высылал В. Буниной (опять же через Зурова) газетные вырезки с упоминанием о ценных дарах вдовы, как тогда выражались, «известного русского писателя».

Нашла отражение в переписке и встреча В. Буниной, Л. Зурова с сотрудницами Пушкинского Дома, состоявшаяся осенью 1960 г. Приветственные записки к ним Зуров затем прикладывал к письмам Малышеву. В письмах 1960-х гг. находит также отзвук драматическая история, связанная с судьбой наследия И.А. Бунина. Зуров упоминает о своих многолетних безуспешных переговорах с советскими чиновниками по поводу передачи бунинского архива в Советский Союз и о том, сколь пагубно они повлияли на его здоровье.

В переписке в разных контекстах возникает множество имен представителей различных областей гуманитарного знания, литературы и искусства из Европы и Америки, среди которых поэты, прозаики, журналисты, художники, реставраторы, искусствоведы, историки, краеведы, археологи, богословы, издатели, библиографы, антиквары, фольклористы, переводчики. Со многими Зуров был знаком, встречался, переписывался. Упоминаются научные центры Франции, Чехословакии, Эстонии, Шотландии.

В последние годы появился ряд публикаций, освещающих малоизвестные прежде страницы биографии Зурова, связанные с его научными поездками в Прибалтику. Существенным подспорьем при подготовке настоящей публикации послужило издание «Зуров Л.Ф. Статьи и письма» (2014), подготовленное Андреем Юрьевичем Пономаревым, куда вошли статьи и письма Зурова, посвященные

обследованию Печорского края в 1920–1930-х гг., материалы его археологических и этнографических разведок. Это издание — весомый вклад как в историографию Псковской земли, так и в воссоздание творческой и научной биографии Зурова. Книга сопровождается обширным комментарием, многочисленными приложениями, указателями, редкими photographиями. Опубликовано также переписка Зурова с участником экспедиций по Печорскому краю Н.Е. Андреевым, охватывающая 1936–1971 гг. (см.: [Переписка Андреева и Зурова 2013]). Много ценных фактов содержит очерк [Белобровцева 2010] и монография [Громова, Захарова 2012].

Надеемся, настоящая публикация расширит представления о двух выдающихся деятелях русской культуры, уточнит детали их биографии, научные и творческие интересы, круг их общения.

Письма Малышева к Зурову публикуются по оригиналам, хранящимся в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в фонде Л.Ф. Зурова (Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 67). Они представляют собой авторизованную машинопись и автографы (листы, почтовые карточки, открытки). Письма Зурова к Малышеву приводятся по оригиналам, хранящимся в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) в фонде В.И. Малышева (Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463). Они представляют собой машинопись, дополненную по тексту чернилами (что не оговаривается специально); письма от 17 апреля 1961 г., 23 декабря 1964 г. и открытки написаны от руки.

Л. Зуров печатал письма в нескольких копиях и затем вносил правку от руки: вставки, примечания, постскрипты порой объемные. Сопоставление оригиналов, отправленных адресатам, и копий, отложившихся в архиве Л. Зурова в ДРЗ, показывает, что эти правки не тождественны; подчас текст, имеющийся в отправленных письмах, отсутствует в копиях. В настоящей публикации все письма приводятся по оригиналам, полученным адресатами.

Примечания Зурова обозначены звездочками (как и в оригиналах) и приводятся в постраничных сносках. Подчеркивания принадлежат Л. Зурову, за исключением письма от 22 февраля 1958 г., где текст подчеркнут В. Малышевым.

Все письма Зурова отправлены по одному адресу: «Владимиру Ивановичу Малышеву, Академия наук СССР. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). Набережная Макарова, дом № 4. Ленинград. URSS». Обратные адреса — Париж, Эдинбург, Сент-Эндрюс и Эрки. Судя по штемпелям, письма доходили в Ленинград из Франции и Шотландии весьма быстро, в течение 5–7 дней.

Переводы иностранных текстов выполнены публикатором и заключены в квадратные скобки. Все тексты приведены в соответствие с современными нормами орфографии и пунктуации. Унифицировано название института — Пушкинский Дом. Топонимы унифицированы в соответствии с нынешними нормативными написаниями: город Печоры, Печорский район, река Печора, но Псково-Печерский монастырь (именно так обозначает эти названия В. Малышев, в то время как Л. Зуров последовательно пишет их через «е»). Исправлены написания городов (Тронхейм, Нюрнберг, Гейдельберг) и имен собственных: П.А. Раппопорт,

Д.С. Стеллецкий (у Зурова — Рапопорт, Стелецкий), Е.Э. Малер (у Зурова и Малышева встречаются варианты Малер и Маалер).

Источники и литература

ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына

РО ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

- Бабореко 1993 — *Бабореко А.К.* Дороги и звоны: Воспоминания, письма. М., 1993. 211 с.
- Бакунина-Осоргина 2012 — *Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева. Со-трудники. Друзья. Почитатели / Т.А. Бакунина-Осоргина.* Изд. доп. СПб., 2012. 144 с.
- Басовская 2011 — *Басовская Е.Н.* Меч обоюдоострый: идея «чистоты языка» в советской и антисоветской пропаганде (по материалам советской периодики и парижского журнала «Русская речь» 1958–1963 гг.) // *Филология и человек.* 2011. № 4. С. 79–97.
- Белобровцева 2005 — *Белобровцева И.* «Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти» // *Звезда.* 2005. № 8. С. 59–60.
- Белобровцева 2010 — *Белобровцева И.З.* Леонид Зуров и Эстония // *Русские в Прибалтике: Сб. статей / отв. ред. И. Белобровцева.* М., 2010. С. 289–307.
- Голованова, Назарова 1974 — *Голованова Т.П., Назарова Л.Н.* Парижские встречи с далеким и недавним прошлым // *Бунинский сборник: Мат-лы науч. конф., посвященной столетию со дня рождения И.А. Бунина.* Орел, 1974. С. 295–307.
- Громова, Захарова 2012 — *Громова А.В., Захарова В.Т.* Жизнь и творчество Леонида Федоровича Зурова. М., 2012. 178 с.
- Малышев 1966 — *Малышев В.И.* История «иконного» изображения протопопа Аввакума. Приложение: Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве (материалы) // *Труды Отдела древнерусской литературы.* М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 394–401.
- Маркелов 1980 — *Маркелов Г.В.* Из истории собрания И.Н. Заволоко // *Труды Отдела древнерусской литературы.* Л., 1980. Т. XXXV. С. 439–445.
- Маркелов 2015 — *В.И. Малышев.* Переписка (1941–1945 гг.) / публ. Г.В. Маркелова // «Верили в Победу свято»: Материалы о Великой Отечественной войне в собраниях Пушкинского Дома. СПб., 2015. 380 с.
- Назарова 2004 — *Назарова Л.Н.* Воспоминания о Пушкинском Доме. СПб., 2004. 504 с.
- Никитин 1994 — *Никитин В.П.* Кукушкина (Памяти А.М. Ремизова): Воспоминания / подгот. и коммент. Н. Грякаловой // *Ремизов А. Павлиным пером.* СПб., 1994. С. 212–238.
- Переписка Андреева и Зурова 2013 — «Только Вы поймете следующий текст...»: Переписка Н.Е. Андреева и Л.Ф. Зурова / сост. И.З. Белобровцева, Е.Н. Андреева. Таллин, 2013. (Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Вып. XIII). 298 с.
- Пономарев 2014 — *Зуров Л.Ф.* Статьи и письма / ред.-сост. А.Ю. Пономарев. М., 2014. (Археология и этнография Печорского края (Сетумаа) в наследии Л.Ф. Зурова; вып. 1). 422 с.
- Ремизов 1979 — *Ремизов А.М.* Письма к В.И. Малышеву / публ. С.С. Гречишкина и А.М. Панченко // *Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год.* Л., 1979. С. 203–215.
- Устами Буниных 1977 — *Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: в 3 т. / под ред. М. Грин.* Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. 368 с.
- Федоров 1982 — *Федоров Н.Ф.* Сочинения / вступ. ст., примеч. и сост. С.Г. Семеновой. М., 1982. (Философское наследие; Т. 85). 711 с.

Л.Ф. Зуров на крыльце церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре. 1935 г. Фотография, присланная Л.Ф. Зуровым В.И. Мальшеву (Лит. музей ИРЛИ. ПД-3146 / И-79497). Публикуется впервые

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

10 декабря 1957 г. Париж

Париж, 10 декабря 1957 года.

Многоуважаемый Владимир Иванович,

В Шотландии я получил письмо от Василия Петровича Никитина¹, в котором он любезно мне сообщил, что Вы запросили его о моей книге «Отчина»².

Вернувшись в Париж, я побывал у Василия Петровича, а потом у Ремизова. У Алексея Михайловича я был тогда последний раз. Голова его была на редкость ясна. Он мне показывал Ваши письма³ и полученные из Академии наук книги с надписями, и это его очень радовало. Мне он сказал: ««Отчину» разыщите во что бы то ни стало. Обязательно пошлите ее в Пушкинский Дом. Раздобудьте ее, ничего, если книжка будет потрепанная. Я попрошу своего переплетчика хорошо ее переплести; скажу ему, а он возьмет с Вас недорого».

Я начал искать «Отчину». За это время у Алексея Михайловича здоровье ухудшилось. Сердечный припадок, удушье. Начали давать кислород. Доктор Зернов⁴, который его лечил, нас все время извещал о состоянии его здоровья. Но все это уже в прошлом. Алексея Михайловича мы похоронили. И мне пришлось нести его гроб. Никитин в это время был серьезно болен. Жена от него смерть Ремизова скрывает. У Василия Петровича процесс в легких. Когда-то он свой туберкулез залечил, а теперь очаг снова открылся. Все же недавно он прислал мне исключительно милое и дружеское письмо, к которому приложил не только Ваш адрес, но и выдержку из Вашего письма. После долгих хлопот я книгу нашел. К букинистам не обращался. (Требовали с людей больше двух тысяч, — да и то надо ждать*. Сейчас А.П. Струве⁵ — парижский букинист — ищет «Отчину» для проф<ессора> Вернадского⁶, так

* А когда-то она была во всех русских библиотеках Эстонии и Латвии.

как тот не мог ее найти в Америке.) Книгу мне подарила владелица «Русской общественной библиотеки», Иконникова⁷. Она от Веры Николаевны Буниной узнала, что книга мне нужна для отправки в Пушкинский Дом. Она ее вычеркнула из своего каталога. Это был единственный библиотечный экземпляр.

Простите, что книжка в дурном переплете. Обложка утеряна. Кое-где я текст сократил. Буквы, заставки, концовки перерисованы моею рукой. Большую часть букв я взял (из обнаруженного мною в Печерском монастыре) служебника вечевых времен («Книга Мисюрева»⁸); другие же взяты из переписных книг Псково-Печерского монастыря разных времен. Единороги, Лачплесис, всадник, звери, птицы, псковский пардус — взяты с древних монастырских переплетов*. Кое-что взято из синодиков. На странице 30-й рисунок — ризница. Это мой рисунок. На стр. 46 и 48 напечатаны архитектурные рисунки Печерской обители. Я их перерисовал с обнаруженной мной во время обследования большой иконы. Она была залита голубиным пометом и сохранила этот рисунок. Он мне помог при реставрации Никольской звонницы и крыльца. Об этой иконе, как и о реставрации, к величайшему моему сожалению, научные работники, которые производили обмеры в Печорах, понятия не имели. Смотрите «Архитектурное наследство», номер 6, Государственное издательство. Москва, 1956. Академия архитектуры СССР. «Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря». <Автор> Г. Рабинович⁹. (Эскиз реконструкции — острог у Никольской башни, рис. Г. Рабиновича — не соответствует действительности. Это очень печально. Да и в тексте ошибки есть. Церковь в древности имела восьмискатное покрытие. Звонница была на стене). Я видел уже целый ряд современных советских фотографий Никольской церкви. Кто-то (после войны) поставил на звоннице главку. Никогда не было в древности на звоннице этой главки. И мне когда-то пришлось выдержать борьбу с людьми, которые хотели, чтобы и я во время реставрации поставил на звоннице такую главку. Об этом написал в свое время (в ревельской газете) художник-архитектор Владовский¹⁰. А вот теперь — опять появилась главка! Реставрация была мне поручена в 1935 году Отделом по охране памятников старины (Министерства народного просвещения Эстонской республики). Под моим присмотром работала артель каменщиков-старообрядцев из посада Черного, что на озере Чудском (я их взял, так как они согласились работать по-старинному)¹¹.

На стр. 54 рядом со святителем Николаем напечатан образ преп. Корнилия. Его образ (самый древний)** я обнаружил на одной из снятых с икон (за ненадобностью) серебряных цат. (Они были свалены в библиотеке).

Обращаю Ваше внимание на один из водяных знаков. Это русский водяной знак, который я называю «конь». Конек — буква К; окружение (незавершенное) — буква О, а две последние буквы — НЬ — нарисованы над конем, в круге. Это очень интересно. Покойная Ремизова¹³ мне когда-то сказала, что такого водяного знака она в монографиях не видела. Извещаю Вас, что после издания «Отчины» я все

* Возможно, что среди них есть и переплеты ливонские.

** Второй образ обнаружил в Никольской церкви Dr. Н.Е. Андреев¹². Этот образ находится в крбце (в крбце стоит статуя св. Николая, окруженная малыми иконами).

клише (букв, заставок и концовок) подарил своему другу И.Н. Заволоко¹⁴ (и дал ему право печатать все это в его журнале, который тогда выходил в Риге). Ивана Никифоровича я видел в Риге последний раз в 1937 году. Что стало с ним, я не знаю¹⁵. Проф<ессор> Гудзий¹⁶, с которым я познакомился в Эдинбургском у<ниверсите>те, во время завтрака мне сказал, что рукописи, которые собирал Заволоко, уцелели.

Мне будет очень приятно получить Вашу книгу. Я ее с наслаждением читал, достав у знакомых, даже сделал из нее целый ряд выписок, а вот купить ее не успел — расхватали.

Сообщаю Вам, что часть экспедиционного архива хранится у меня. Уцелели, к счастью, и перерисованные мною (на кальке) буквы. В архиве есть и поминальная запись о Пушкиных. Ее я нашел в старом синодике. А в печерском некрополе я обнаружил во время экспедиционного обследования (1937–38 гг.) несколько могил Пушкиных, прикрытых великолепными керамидами. Один из Пушкиных — Петр Степанов Пушкин¹⁷, убит от безбожных немец под Ельмано в 7083 году. Я думаю, что это сообщение интересно для Пушкинского Дома. В Печорах погребены и другие Пушкины, принявшие иноческий образ, а неподалеку от них положен и раб Божий Иван Петрович Мусорской¹⁸. Вот где роды их сошлись! Возможно даже, что через княгиню Козловскую¹⁹ Мусорские связаны с Пушкиными. Когда перед войной я об этом сказал В.Ф. Ходасевичу, то он этим весьма заинтересовался. Но все сорвала война. Вообще же, надо сказать, керамиды Печерского монастыря ожидают своей монографии. Ведь это удивительнее монастырское мастерство.

Мне очень жаль, что начатая нами экспедиционная работа (Этнологическо-го института в Париже, Кондаковского института²⁰ и Базельского университета) не была закончена. Отчет об экспедиционной работе, посланный после войны из Парижа в Академию наук СССР, очевидно, не прибыл по назначению, так как подтверждения о том, что он передан в Академию, получено не было²¹.

Желаю Вам доброй работы.

Уважающий Вас

Л. Зуров

L. Zouroff,

Chez Madame V. Bounine,

1, rue Jacques Offenbach,

Paris 16^e

France

P.S. Умер художник Добужинский²². Какой очаровательный и тонкий был человек. И чувство старины у него было изумительное.

Л.З.

P.P.S. В Псково-Печерском монастыре в Успенском (пещерном) соборе я нашел медную воинскую хоругвь, что в 1582 г. была принесена во Псков и во время боев была выставлена на стене, обозначая ставку. Хоругвь медная, литая, с темным ликом Нерукотворного Спаса. В древности, судя по переписным книгам, она нахо-

дидась в Ратной Острожной церкви. Ее во время крестных ходов носили (на древке, испытывая силу) псковские и печорские стрельцы. В 1938 г. она находилась в Успенском соборе. Для нее был устроен особый киот. О том, что это воинская хоругвь, монахи уже не знали, но обозерские старики помнили это и мне кое-что рассказали. Монографию о хоругви должен был написать доктор Кондаковского института Н.Е. Андреев (ныне он преподает в Кембридже). Хоругвь тогда сфотографировал Дедич²³ (фотограф-чех Кондаковского института), что прибыл в Печоры на работу вместе с Андреевым и доктором Карлова у<ниверсите>та Ириной Окуновой (дочь профессора Окунева. Погибла во время войны в Загребе)²⁴.

¹ Никитин Василий Петрович (1885–1960) — дипломат, публицист, переводчик, востоковед. В эмиграции с 1919 г. Профессор Школы восточных языков в Париже, участник Парижского этнографического общества. О его кончине Зуров рассказал Малышеву в письме от 7 июля 1960 г.

² Зуров Л. Отчина. Рига: Саламандра, 1928. Книга издана в авторском оформлении.

³ Переписка Ремизова и Малышева продолжалась с апреля по октябрь 1957 г. См.: [Ремизов 1979].

⁴ Зёрнов Владимир Михайлович (1904–1990) — доктор медицины. Эмигрировал в 1921 г. в Югославию. Профессор Белградского университета. В 1929 г. переехал в Париж. Работал в Пастеровском институте. Лечил многих русских эмигрантов, в частности И.А. Бунина. После выхода на пенсию переехал в Швейцарию.

⁵ Струве Алексей Петрович (1899–1976) — библиограф и антиквар, сын П.Б. Струве.

⁶ Вернадский Георгий Владимирович (1887–1973) — историк-евразиец, сын В.И. Вернадского. В эмиграции с 1920 г. Преподавал в Карловом университете, участник семинара «*Seminarium Kondakovianum*». С 1927 г. научный сотрудник Йельского университета (США).

⁷ Русская общественная библиотека («Тургеневская»), созданная в 1875 г. русскими эмигрантами, в 1940 г. после оккупации Парижа была вывезена немцами в неизвестном направлении и на момент написания письма (1957) не существовала. Усилиями энтузиастов-эмигрантов восстановлена в 1959 г. В описании истории библиотеки имя Иконниковой не встречается (см.: [Бакунина-Осоргина 2012]).

⁸ «Книга Мисюрева» — украшенный киноварными знаками рукописный служебник XVI в., принадлежавший влиятельному представителю власти в Пскове дьяку Мисюрю (Михаилу Григорьевичу) Мунехину (†1528).

⁹ Рабинович Георгий Исаевич (1925–2015) — архитектор. Окончил Московский архитектурный институт (1947). Заслуженный архитектор РФ (1992). Главный архитектор проектов мастерской № 5 ГУП НИИП «Моспроект-4».

О своей работе в Псково-Печерском монастыре, проекте реконструкции Никольской церкви и откликах «из Франции» (очевидно, Л. Зурова) Г. Рабинович спустя 60 лет оставил любопытные воспоминания, размещенные им в интернете 11–12 августа 2014 г.:

«Впервые в Псково-Печерском монастыре я оказался в 1947 году, куда был направлен Моск<овским> архитектурным институтом на обмерную практику. <...> Когда я в первый раз прошел через входные ворота и подошел к Никольской церкви, передо мной открылась совершенно фантастическая панорама, я решил, что это какие-то сказочные декорации, настолько необычно всё выглядело (тогда территория еще не заросла деревьями). В монастыре мы проработали довольно долго. Всё, что можно было, мы обмеряли, делали кроки, зарисовки. Кстати, звонница Никольской церкви была разрушена снарядом, и я

сделал эскиз восстановления верха по образцу главной звонницы. Но “мастера” сделали по-другому, и так и осталось.

<...> Второй раз я был в Печерах в 1953 году, когда задумал написать работу о монастыре. Кое-что дообмерял, проверял. Приехал еще раз зимой 1954 года. Статью отдал в “Архитектурный сборник” Академии архитектуры. Статья вышла в 1956 году. Через некоторое время (а время-то было какое!) я стал получать восторженные письма из... Франции, Австралии и др.

Последний раз я был в Псково-Печерском монастыре в 2005 году, как раз на Спас» (http://pskovgrad.ru/pskovskaja_oblast/pechorskijj_rn/41408-ansambl-pskovo-pecherskogo-monastyrya.html; дата обращения: 24.01.2016).

¹⁰ Владовский Александр Игнатьевич (1876–1950) — архитектор, художник, литературный критик. Имеется в виду его заметка о проведенной Зуровым реставрации (*Владовский А. О новых домах в Петсери, работе Л. Зурова, «знатоках» и словоблудии* // Вести дня (Таллин). 1935. 26 сент. № 227). Републикована: [Пономарев 2014, с. 241–242].

¹¹ Подробности реставрации монастырской церкви Николы Ратного, выполненной Л. Зуровым, см.: [Там же, с. 275–277].

¹² Андреев Николай Ефремович (1908–1982) — историк, литературовед, философ. В эмиграции с 1919 г., жил в Эстонии. Окончил философский факультет Карлова университета в Праге (1927–1931). Работал в Археологическом институте имени Н.П. Кондакова (в 1939–1945 гг. — директор). В 1945 г. арестован, провел два года в советских тюрьмах в Германии. После освобождения жил и работал в Берлине; в 1948 г. был приглашен преподавать в Славянский отдел Кембриджского университета. Автор ряда статей о Псково-Печерском монастыре.

¹³ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876–1943) — палеограф, жена А.М. Ремизова.

¹⁴ Заволоко Иван Никифорович (1897–1984) — историк, краевед, фольклорист, собиратель русских древностей (в частности, обнаружил второй список литературного шедевра XIII в. «Слово о погибели Русской земли»). Старообрядческий вероучитель. В 1921 г. поступил в Карлов университет в Праге, принимал участие в работе семинара Н.П. Кондакова. Член общества «Икона» в Париже. По окончании университета в 1927 г. возвратился в Ригу.

¹⁵ В 1940 г. И.Н. Заволоко был арестован органами НКВД. Находился в лагерях (1941–1949) и ссылке (1949–1958). При содействии В.И. Малышева в 1959 г. вернулся из ссылки в Ригу. Стал внештатным сотрудником ИРЛИ, участвовал в археографических экспедициях, пополняя коллекцию древнерусских рукописей — Древлехранилище, основанное Малышевым в 1949 г. В ответном письме В. Малышев сообщает о судьбе ученого и собранных им рукописей.

¹⁶ Гудзий Николай Каллининович (1887–1965) — историк древнерусской литературы. Руководил отделом древнерусской литературы в ИМЛИ (1938–1947), отделом русской литературы (1945–1952) и отделом украинской древней литературы (1952–1961) в Институте литературы им. Т.Г. Шевченко АН УССР.

¹⁷ Петр Степанов Пушкин — новгородский помещик, убит в 1575 г.

¹⁸ Иван Петров Мусорской — московский дворянин, умер в 1656 г.

¹⁹ Козловская Мария (†1645) — княгиня, дочь Петра Ивановича Мусорского, жена князя Ивана Петровича Козловского.

²⁰ Созданный в Праге в 1925 г. учениками Н.П. Кондакова «Seminarium Kondakovianum» в 1931 г. был преобразован в Археологический институт имени Н.П. Кондакова. Институт занимался изучением древнерусского искусства, вел педагогическую деятельность. Существовал до 1952 г.

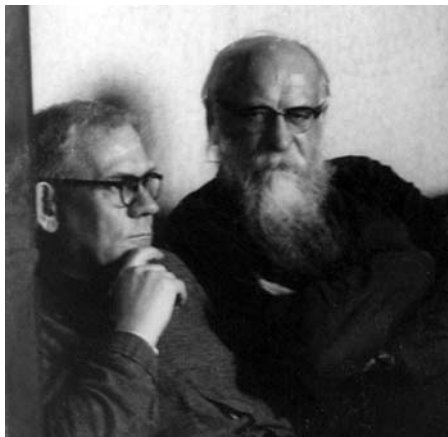
²¹ Попытки передать научным центрам СССР результаты своих исследований Л. Зуров предпринимал еще в 1944 г., но они остались безуспешными. И в послевоенные годы

«до Академии наук СССР отчеты, посланные Л.Ф. Зуровым из Парижа, так и не дошли» [Пономарев 2014, с. 331].

²² Добужинский Мстислав Валерианович (1875–1957) — художник, участник творческого объединения «Мир искусства», художественный критик, мемуарист. С 1924 г. жил в Литве, с 1935 — в Англии, с 1939 — в США.

²³ Дедич Франц Иванович — чешский фотограф, друг Н.Е. Андреева.

²⁴ Окунева-Расовская Ирина Николаевна (1913–1941) — искусствовед, специалист по древнерусскому и византийскому искусству. Жена Д.А. Расовского — историка, сотрудника Археологического института им. Н.П. Кондакова. Окончила Карлов университет, работала в Кондаковском институте. Автор статей, посвященных иконам, литой пластике, иконографии святых. Погибла вместе с мужем при бомбардировке Белграда. Николай Львович Окунев (1885–1949) — историк искусства и архитектуры. Действительный член Славянского института в Праге. Основатель Архива и галереи славянского искусства при этом институте.

В.И. Малышев и И.Н. Заволоко. 1960-е гг.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

2 января 1958 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Книгу и письмо получил. Большое спасибо. Если бы я знал, что Вам придется употребить так много усилий на поиски книги, я ни за что бы не стал Вас обременять этой просьбой. Но теперь уже что говорить. Дело, как говорят, сделано. Очень тронут.

Одновременно с этим письмом я послал Вам свою книжку о Сухане¹, а через некоторое время вышла книжка об осаде Пскова Стефаном Баторием в 1582 г.²

Я сделал выписки из Вашего письма о церкви Псково-Печерского монастыря и послал археологу Рабиновичу³ (я его хорошо знаю) и директору Музея г. Печор⁴. Музею поручено наблюдать, чтобы реставрация построек Псково-Печерского монастыря проходила строго научно.

Вот Вы упомянули профессора Кембриджского университета Андреева. Я к нему обращался несколько раз с просьбой сообщить мне зарубежную библиографию о протопопе Аввакуме. Он сам, кажется, не раз касался этого нашего писателя XVII в. Но проф<ессор> Андреев даже не ответил на мои письма. Теперь я уже к нему обращаться не буду по поводу воинского стяга, бывшего в Пскове во время осады города Стефаном Баторием.

А Вас буду очень просить, если Вам попадутся на глаза стихи, поэмы, романы, посвященные протопопу Аввакуму и осаде Пскова Стефаном Баторием, заметьте

все это для меня. И конечно, меня очень интересуют исследования, статьи и заметки, посвященные Аввакуму и осаде Пскова в 1582 г., вышедшие за рубежом, в том числе на русском языке. Одной из моих ближайших тем является полная библиография Аввакума. Собираюсь я также переиздать свою книжку об осаде Пскова Стефаном Баторием.

А теперь о Ремизове. Покойного писателя А.М. Ремизова я очень любил за его приверженность к Аввакуму и к народному русскому слову. Мне удалось его связать с Пушкинским Домом, и обе стороны, кажется, были очень довольны этим общением. А.М. Ремизов прислал нам много своих книг; наша библиотека организовала выставку этих книг. В свою очередь мы посылали ему всё, что он просил. Смерть А.М. Ремизова нас очень потрясла. Это был вечный труженик и большой писатель.

Вы интересовались собранием древнерусских рукописей И.Н. Заволоко. Оно лет пять назад было куплено библиотекой Академии наук СССР (в настоящее время научно описано, ветхие рукописи реставрированы) и вполне доступно для всех желающих изучать его.

Сам И.Н. Заволоко живет в Риге.

Еще раз спасибо за книгу.

С наилучшими пожеланиями,

В.И. Малышев,

старший научный сотрудник

Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР

2.I.58 г.

Авторизованная машинопись.

¹ Малышев В.И. Повесть о Сухане. Из истории русской повести XVII в. М.; Л., 1956.

² Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков / подгот. текста и ст. В.И. Малышева. М.; Л., 1952.

³ См. примеч. 4 к письму Зурова от 22 февраля 1958 г.

⁴ Вильниц Михаил Самуилович (1915–1969) — директор Печорского краеведческого музея в 1950-х гг.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

18 февраля 1958 г.

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Одновременно с этим письмом послал Вам свою книгу «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков». Напишите мне о получении ее. До этого я послал Вам книгу «Повесть о Сухане». Надеюсь, что она до Вас уже дошла. Если Вам попадется на глаза (в зарубежной литературе) что-нибудь об Аввакуме, Стефане Батории и Пскове, Густаве-Адольфе и Пскове, запишите для меня. Эти темы

меня очень интересуют, правда, в 1958 и 1959 гг. я буду заниматься описанием печорских рукописей и думаю издать эту работу отдельной книгой. С Печоры (Северной) я привез более 300 рукописных книг XV–XIX в<еков>, есть среди них очень интересные. Но протопоп Аввакум всегда у моего сердца, хотя вот серьезно, по-настоящему мне еще не удавалось им заняться, всё отодвигали другие, текущие дела.

Если Вас не затруднит, позвоните, пожалуйста, Н.В. Резниковой¹ и В.П. Никитину и передайте им от меня поклоны. Почему Н.В. Резникова не ответила на три моих письма, которые я послал ей уже после смерти А.К. Ремизова?

Спасибо Вам за Андреева. Он прислал мне письмо, я ответил ему открыткой.

Всего Вам наилучшего,

В. Малышев

18.II.58 г.

P.S. Кланяйтесь от меня А.Г. Дедову².

В.М.

P.S. Спросите, пожалуйста, Д. Джапаридзе³, дошла ли до него моя книга о Сухане. Я немного сетую на него. Он выпустил полезную книгу — указатель описаний собраний славяно-русских рукописей⁴, но почему бы ему во время работы не написать мне. Я бы сделал ему серьезные дополнения, уточнил ряд адресов. Прислал бы мне машинопись своей работы, я бы ему на полях многое дописал. Он же хорошо знал, что эта тема мне очень знакома.

В.М.

Авторизованная машинопись.

¹ Резникова Наталья Викторовна (1902–1992) — переводчик. В эмиграции с 1921 г. Литературный секретарь А.М. Ремизова, ухаживала за ним в последние годы жизни. Автор книги воспоминаний «Огненная память» (Беркли, 1980; СПб., 2013).

² А.Г. Дедов — псевдоним литератора Александра Григорьевича Фабашенко-Савченко (1880–1970). В эмиграции с 1920 г. С 1928 — в Париже, с 1969 — в США. Оказывал помощь больному А.М. Ремизову, наряду с Н.В. Резниковой записывал под диктовку письма Ремизова, в частности адресованные к В. Малышеву.

³ Джапаридзе Давид Александрович (1921–1970) — специалист в области русской филологии, истории языка и древнерусской литературы. Эмигрант, работал в Париже в Высшей практической школе (1957–1963), был директором курсов по русской истории, сотрудником Института славяноведения (в 1970-е гг.). Переехал в США.

⁴ *Djaparidze D. Mediaeval Slavic Manuscripts: A Bibliography of Printed Catalogues / foreword by P. Pascal. Cambridge, Mass: The Mediaeval Academy of America, 1957.*

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

22 февраля 1958 г., Париж

Париж, 22 февраля 1958 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Сердечно благодарю Вас за письмо и ценный подарок — «Книгу о Сухане» с Вашей надписью. Очень тронут. Прочел ее с наслаждением и величайшей пользой для себя. Даю ее читать и знакомым. Спасибо за поздравление с Новым годом. Желаю Вам в этом году доброй и плодотворной работы.

Обрадовало меня известие, что рукописная библиотека Заволоко приобретена Академией, а сам Иван Никифорович живет в Риге.

Я попросил своих шотландских друзей (Эдинбургский университет) навести справки относительно опубликованных в английской печати исследований, статей и заметок, посвященных протопопу Аввакуму. Они обещали это сделать. Написал я и Николаю Ефремовичу Андрееву (спросил его, почему он не ответил на Ваши письма). «Тут какое-то недоразумение, — пишет мне Андреев, — разумеется, я ответил бы Малышеву с полной охотой. Пожалуйста, при случае сообщите В.И. Малышеву мой адрес и вместе с приветом передайте уверение в полной моей готовности быть в его распоряжении, если В.И. Малышеву нужны какие-либо справки»¹.

Статей об осаде Пскова в русской зарубежной печати я не встречал, а вот в военном музее Парижа когда-то обнаружил саблю Батория с его портретом, выгравированным золотом на стальном клинке. Мне очень приятно, что Вы сделали выписки из моего письма и послали их археологу Рабиновичу и директору музея Печор. Надеюсь, что воинская хоругвь² уцелела (над киотом было приклеплено и навершие хоругви, которое находилось когда-то на древке). Надеюсь, что немцы не увезли икону с архитектурными рисунками обители. Это большой образ, когда-то находился он в нише, т. к. верхние края его срезаны и закруглены. Он потемнел за века — едва-едва через черноту, как через густую болотную воду, золотятся главы. Для тех, кто изучает войну Батория, он интересен и тем, что на нем, среди предстоящих старцев и игумнов, написан и убиенный при осаде Печор отрок Юлиан. Если икону не найдут, то это будет величайшая потеря для людей, изучающих древнее русское зодчество. Весною <19>28 г. я осторожно смыл с иконы голубиный помет, а потом, сидя на солнце, срисовал церкви и укрепления (в натуральную величину). Эти рисунки — два больших листа — уцелели в моем архиве. Если икона пропала, то я могу передать эти листы в Академию наук или же в Академию архитектуры. Сообщаю Вам также, что в <19>35 г. я попросил приехавшую в Печоры ревельскую художницу Киру Борисовну Иртель³ перерисовать акварельными красками (написанную посередине иконы) группу предстоящих. К.Б. Иртель все сделала очень точно. Тогда же она сняла копии с некоторых икон, окружающих деревянную статую Св. Николая. Зарисовки были сделаны в большом альбоме. В 1938 г. он хранился у К.Б. Иртель. Она проживала тогда в Таллине*.

* Последний адрес К.Б. Иртель: Nine t. 2 а, кв. 3. Tallinn.

По имеющимся у меня теперь сведениям, ее семья (муж с сыном) во время войны была эвакуирована в Симбирск, а Кира Борисовна (принимавшая участие в эвакуационной работе) уехала из Таллина с последним эшелонам во время боев.

Что Вам ответили из Печор?

Уцелел ли служебник вечевых времен — книга Мисюрева (так было написано полууставом на внутренней, чистой стороне ее переплета)? Молитва о посадниках («Отчина», стр. 32) взята из служебника.

Что Вам ответил Г. Рабинович?⁴ Его интересную (с любовью написанную) работу я еще раз внимательно перечитал. Надеюсь, что автор не обидится на мои замечания. В 1928 г. я был послан в Печоры комиссией по изданию монографии о Псковско-Печерском монастыре⁵ (проф<ессором> Латвийского у<ниверсите>та В. Синайским⁶ и академиком художником Виноградовым⁷) для обследования древностей. Зимой, весной и летом (пользуясь найденной иконой с рисунком обители и переписными и хозяйственными книгами, сваленными тогда в маленькой комнате, в покоях владыки Иоанна⁸) я осмотрел не только церкви, башни и стены, но и пещеры, погреба, чердаки (часть сведений о сделанных мною тогда находках я послал в 1936 году Кондаковскому институту* и уговорил кондаковцев начать работу. И в Базельский у<ниверсите>т написал**).

Мысль о реставрации возникла у меня в 1928 г., но осуществить реставрационные работы я смог лишь весной <19>35 года, когда специально приехал для этого в Печоры из Парижа.

Реставрационные работы начались весной и потребовали в течение лета внимательной, тщательной и напряженной работы. Я вижу, что Г. Рабинович не представляет, в каком состоянии находились звонница и крыльцо. Когда я снял крышу с фальшивой главкой, деревянный тамбур и балки, то открылась картина дикого разрушения. Верхи звонницы (фронтоны) были обломаны, крыш над крыльцом не было — все это когда-то погорело и было искалечено. Своды были раздавлены упертыми в них (вкопанными в разбитую каменную кладку) тяжелыми балками надстроенной над каменным крыльцом деревянной колокольни (ее монахи построили, — рассказали мне печорские старики, передавая то, что слышали от дедов, — чтобы зимой звонарям было теплее звонить). Своды крыльца от чрезмерной нагрузки дали опасные трещины (на пасхальной неделе забирались люди на колокольню трезвонить); железная связь — что связывает крыльцо и звонницу — лопнула. Вторая, верхняя железная связь была когда-то просто обрублена. Угол крыльца от сырости (были поломаны водостоки), а также и оттого, что монахи, устроив когда-то в каменной палатке, под крыльцом, келью, разрушив стену, провели дымоход, раскрошился; фундамент осел, и крыльцо грозило обвалом. Разросшиеся деревья своими корнями разрушали фундамент. Каменных ступеней (первых четырех ступеней) не было — их при постройке деревянной колокольни монахи сломали, чтобы потом вплотную придвинуть высокое деревянное

* Когда-то, будучи студентом архитектурного отделения, я имел счастье слушать в Праге, в нашем студенческом общежитии Свободарна⁹, лекции академика Кондакова¹⁰.

** Базельский у<ниверсите>т послал в Печоры Prof. Dr. E. Mahler¹¹ (этнография; записи народных песен) и музыковеда профес<ора> Гандшина¹².

Реставрация церкви Николы Ратного Псково-Печерского монастыря. 1935 г.

*Фотография, присланная Л.Ф. Зуровым В.И. Мальшеву
(РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 14)*

крыльцо. Фронтоны звонницы были настолько обломаны, что от каменных украшавших их бровок уцелели только концы. Хорошо, что такие же — громовидные бровки — сохранились на большой Успенской звоннице, — они помогли мне тогда полностью восстановить древний узор*. Пролеты между звонничных столбов были заложены наполовину, а ближний к церковной стене пролет был заложен целиком. Всю весну и лето каменщики (а потом плотники, кровельщики) работали на окружавших звонницу лесах.

Рабинович пишет¹⁴ (стр. 79): «В конце XIX и начале XX веков к крыльцу и звоннице Никольской церкви была сделана деревянная пристройка, обезобразившая это сооружение». Я точно не знаю, когда надстройка была к звоннице прилажена, но, судя по углям и обгоревшим концам балок, это произошло после пожара. Далее Рабинович пишет: «Позднее было искажено покрытие звонницы». Эта строка удивила не только меня. Когда и кем было искажено покрытие звонницы? Если внимательно перечитать это место, то можно подумать, что покрытие звонницы было искажено во время реставрации, хотя о реставрационных работах 1935 г. Рабинович молчит. А вот в отлично изданных Академией архитектуры памятниках древнего зодчества¹⁵ — там в папках большие листы, и на одном из них напечатан прекрасный снимок Никольской церкви, — в тексте, приложенном к фотографиям, все же сказано, что реставрация звонницы и крыльца Николь-

* Смотрите приложенную к письму газетную вырезку¹³. Пожалуйста, сохраните ее.

ской церкви была произведена в тридцатых годах. Когда мои кембриджские друзья читали работу Рабиновича, то впечатление у них получилось такое: сняли когда-то деревянную эту пристройку, и звонница с крыльцом открылись вот в таком виде, в каком они сейчас. Только вот кем-то было искажено покрытие звонницы!

Что же Рабинович пишет после фразы «Позднее было искажено покрытие звонницы». — «Во время Великой Отечественной войны снарядом была разрушена верхняя часть звонницы. При проведении обмеров в 1945 г. автором данной статьи был сделан чертеж, по которому выполнено современное покрытие звонницы. Это покрытие (по два ската на звон) сделано аналогично покрытию многих псковских звонниц». А как же в 1935 г. были покрыты звонницы?

Пользуясь Вашей исключительной любезностью, как и тем, что Вы лично знакомы с Рабиновичем, я посылаю Вам фотографию Никольской церкви. Снимок сделан в 1937 году фотографом Института имени академика Кондакова.

Мне было бы очень приятно, если бы Г. Рабинович сверил фотографию 1937 года* с прекрасной фотографией, помещенной в «Архитектурном наследстве». Он может убедиться, что звонница при реставрации <19>35 года была покрыта правильно. Пожалуйста, если это возможно, сообщите Рабиновичу (и Академии архитектуры), что часть фотографий, сделанных во время реставрации, находятся в моем архиве, некоторые же негативы принадлежат фототеке Музея человека (бывший парижский музей Трокадеро).

Сведения о ходе реставрационных работ Г. Рабинович может найти в русской таллинской газете «Вести дня» за 1935 г. Там было напечатано много корреспонден-

*Церковь Николая Ратного Псково-Печерского монастыря после реставрации. 1937 г.
Фотография, присланная Л. Зуровым В. Малышеву
(РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 6/н)*

* Есть у меня фотография звонницы (колокола, бровки), которую мне прислал из Америки (побывавший в 1937 г. в Печорах) архитектор К. Перцов¹⁶ (Cambridge. USA).

денций (постоянный корреспондент А. Морозов¹⁷). Там была опубликована и фотография, которую я прилагаю¹⁸. Корреспонденции и статьи были помещены в рижской газете «Сегодня», в гельсингфорском литературном журнале «Литературное содружество», в таллинском художественном журнале «Новь» и в парижской газете «Последние новости».

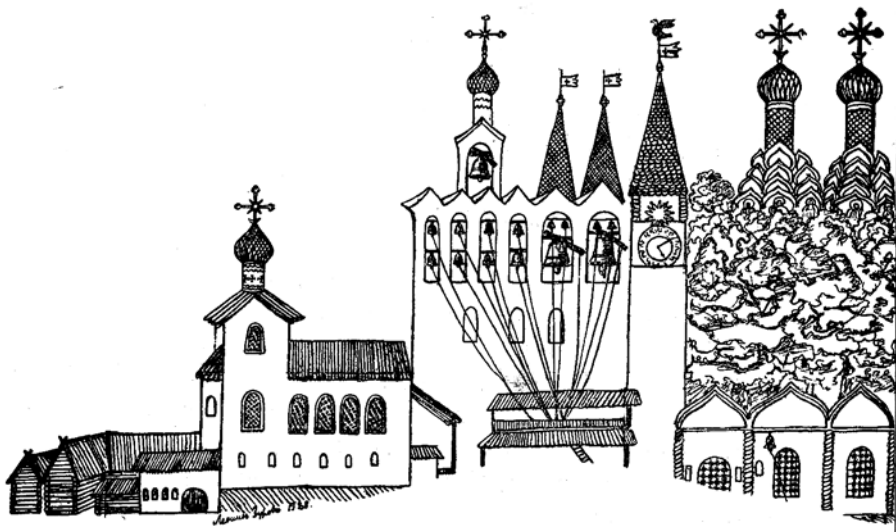
Надеюсь, что рисунки, помещенные в «Отчине», помогли Рабиновичу. Ему кое-что в своей (отлично написанной работе) придется пересмотреть (о большой звоннице, пристройке для петровского колокола, о часах). Конечно, иконописец опустил кое-какие маловажные детали (каменные бровки на фронтонах звонниц. Громовидный узор я встречал над входами в древние церкви Шотландии и Франции); стилизованно нарисовал восьмискатное покрытие Никольской церкви, но он прекрасно изобразил шатры Успенского собора. Они были золотые. В золотых, уменьшающихся постепенно кокошниках были написаны образа. Поставлены были эти золотые шатры среди дубов (на Святой горе, как это мне удалось выяснить потом, в 1937 г., во время экспедиционной работы, находилась когда-то священная роща. Один из дубов полуверцы почитали еще при мне — приносили ему, как и в древности, вышитые полотенца и обвязывали его свадебными поясами. Недалеко от монастыря, в том же приовражном лесу, находился когда-то и знаменитый некогда целебный священный камень — печорский менгир, ныне засыпанный песком во время обвала и лежащий в ложе ручья Каменца, Титов камень. Ему и в 20-м веке приносили жертвы, около него лечились от бесплодия женщины*. В Бретани после войны я нашел под Карнаком менгир, которому бесплодные бретонки приносят и теперь жертвы). Да, такого храма, как древний Успенский, не было в Центральной России. Когда строили Покровский собор, его древние золотые главы сломали. Современные купола (очень красивые) были отстроены владыкой-южанином по образцу куполов Киево-Печерской лавры. (В те времена, при Петре, один из владык — Маркел¹⁹ — приказал перелить в золотые слитки древние монастырские золотые привесы к иконам — среди них были древние золотые кресты, серьги и золотые венецейские корабельники.)

Пожалуйста, если это возможно, сообщите Г. Рабиновичу ряд важных для него данных.

1) Во время реставрационных работ был произведен анализ первой штукатурки Никольской звонницы и храма. Известь была прекрасно просеяна, очищена в творилах. Примешан был не только толченый кирпич** для лучшей связи, но и нарубленный лен (первого сорта, как мне сказал печорский специалист по льну Минин²⁰). Этот известковый раствор, крепко связанный с плитняковыми камнями, создал изумительную, приятную чистоту стен, а для иконописцев был настоящим левкасом. По сырому этому левкасу они и подписали в древности

* О поклонении священным камням в Печорском краю я напечатал работу в шведском этнографическом журнале «Folk-liv». 1940. <T. IV. S. 62–76>: «Dyrkan av stenar, källor och träd bland Setukeser och Ryssar i Petseri-området» av L. Zouroff. Paris. [«О почитании русскими и сету священными камнями и источников в Печорском крае»]. Там же напечатаны и печорские фотографии. Негативы принадлежат фототеке Музея человека (Париж).

** Об этом пишет и Рабинович.

*Звонница Псково-Печерского монастыря. Рисунок Л. Зурова с древней иконы.
Опубликован в кн.: Зуров Л. Отчина. Рига, 1928. С. 48*

Никольский храм (о том, что он был когда-то покрыт снаружи фресками, у меня есть выписки, взятые из переписных монастырских книг. Эти книги в 1937 <г.> изучал и доктор Н.Е. Андреев). Возможно, что древние фрески сохранились под густой побелкой. Печорские строители готовили известковый раствор так же, как и вызванные когда-то на работы в Московский Кремль псковские мастера («Царские иконописцы», 2 тома, Успенский²¹). Печорский известковый раствор — смешанный с кирпичом и льном — держался на стене удивительно. При сильном ударе штукатурка давала трещину звездой, но от стены не отпадала, будучи вся связанная льном. Стена через нее свободно дышала — влага в плитняковой стене не накапливалась (при морозе штукатурку не отламывало вместе с камнями, как это случилось в 1927 году, когда монахи вздумали цементом ремонтировать острожную стену. Скопившаяся осенью под цементом влага цементную штукатурку вспучила, а во время морозов она от стены отвалилась вместе со связанными с нею камнями)*. Отштукатуренная по-древнему церковь, при органической неровности старинных стен, при солнечном освещении, удивительно хороша. Этой чистой красотой славятся псковские и новгородские церкви. Их стены были неровны не потому, что строители «клали на глаз» и были люди простые. Свое дело они знали отлично. Как ими построена Большая звонница! Какую тяжесть несет и как она легка! В старину не любили работать «под правило и под лопатку» (так мне говорили в 1937 г. мурники — мужики, жившие под Изборском, предки которых когда-то строили и Печору, и Изборск). Древним зодчим, как и народу, была

* Да и белиль цементную штукатурку — одно горе. Тон получается холодный, мертвый, свинцовый. А сколько церквей изуродовали так. Вот и ворота (складень) Сеннского погоста изуродованы такой штукатуркой.

чужда мертвая геометрическая прямолинейность, которой при реставрации была испорчена чудесная, ныне погибшая церковь Спаса Нередицы.

«Можно предположить, — пишет Рабинович на стр. 75, — что Никольская церковь в 1582–83 гг. не имела своей звонницы, так как на этом месте стояла стена острога».

Судя по иконописному рисунку, звонница построена в одно время с церковью. Она являлась как бы частью боевой стены. Производя расчистку оружейной палаты, под крыльцом я раскрыл замурованные подошвенные звоничные бои. Снаружи они не видны, т. к. земля поднялась. Из этих боев можно было вести стрельбу по острогу, а из других подцерковных боев (также раскрытых мною) можно было, в случае надобности, стрелять и по прорвавшемуся в Никольские ворота врагу.

Пожалуйста, скажите Г. Рабиновичу, что строитель Никольской церкви был мастером воинских укреплений. Да, все было обдумано, так как постройку вел (о чем я узнал только в 1935 году) талантливый воевода²², отличившийся во время Ливонской войны*. Реставрационные работы показали, что в старину и боевой мост внутренней, ныне разрушенной стены проходил по стене звонницы, — при захвате врагами острога она являлась частью боевой стены. Звонница не только увеличивала толщину стены, но и была (до постройки высокой рубленой башни на острожных Святых воротах) церковной и осадной звонницей. На ней висел сторожевой колокол. «Карнаухий» — как называл его народ, считая его вечевым колоколом**.

(В Изборске звонница крепостного Никольского соборного храма, построенного в 1330 году, находилась тоже на боевой стене. Я видел в Париже гравюру пушкинских времен, где нарисована на стене изборская крепостная звонница. К сожалению, она давно уже рухнула.)

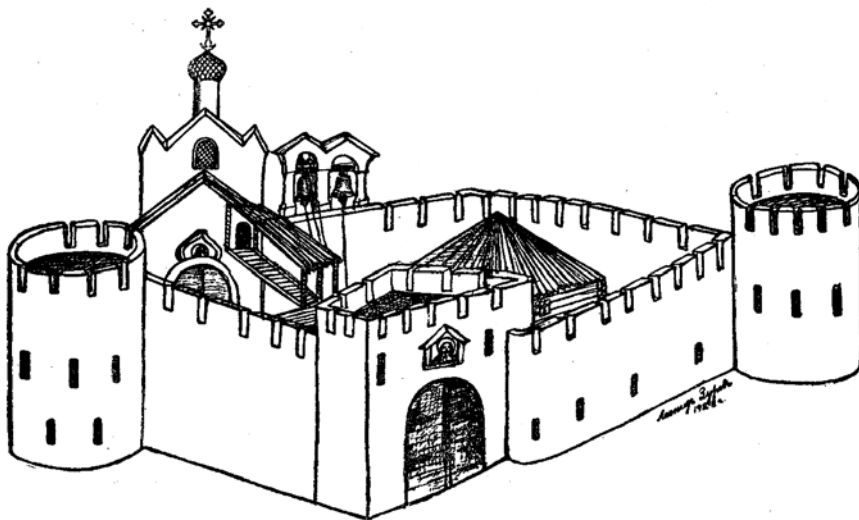
Сообщаю Академии архитектуры, что под Никольским крыльцом всегда находилась каменная палата (в подклетьях церковных было две каменных палатки. Под Никольской церковью находился и пороховой запас). В старых монастырских переписных книгах перечислен был боевой монастырский наряд — пищали-хвостуши, пушки на башнях и стенах. В книгах этих говорится и об оружии, хранящемся в Никольском подклетье церковном.

Дверь, ведущую в оружейную палатку (что под крыльцом), мне не удалось реставрировать. Средств не хватило. Не успел я тогда укрепить и склон оврага, над которым построен храм. Весенние ручьи овраг размывают, земля осыпается. В одном месте Никольский храм дал трещину.

В <19>28 году я обнаружил в Никольской башне заложенную камнями дверь, через которую по деревянной лестнице когда-то можно было спуститься в острог к стрелецкой избе. (В случае захвата острога лестница убиралась.) Эта заложенная дверь отмечена и у Рабиновича на чертеже 17 (стр. 72-я), но, к сожалению,

* Об этом я написал в «Отчине». Была опубликована в нью-йоркском журнале «Новоселье» (после войны)²³.

** Мне говорили, что этот вечевой колокол был кем-то наказан — уши отрубили. Потом их припаяли.

Вид на Святые ворота, острог и церковь Николы Ратного Псково-Печерского монастыря. Рисунок Л. Зурова с древней иконы. Опубликовано в кн.: Зуров Л. Отчина. Рига, 1928. С. 46

во время обмеров обследовавшие монастырь не знали о существовании рисунка обители. Трудно, конечно, было догадаться, что это такое — дверь или заложённое окно.

Во время реставрации мне удалось выяснить, что во времена Корнилия²⁴ Никольская церковь и звонница были покрыты побелкой изумительно нежного бледно-розоватого тона — то был нежнейший тёплый цвет. Мои маляры перед побелкой реставрированной звонницы, делая пробы, долго пытались добиться такого тона, но после многочисленных проб оказалось, что таких красок ныне не существует, — торговая краска, примешанная к раствору, давала цвет холодный и грубоватый — так что от желания побелить церковь в первоначальный цвет пришлось отказаться. Звонница и крыльцо мною были покрашены в цвет бледной ржаной соломы, т. к. мною было найдено на звонничной стене много таких же старинных желтоватых слоев, но я еще раз повторяю — первоначальная покраска церкви и звонницы (от примеси бледно-розовой глины) создала вот тот изумительный цвет розовой зари, упавший на чистый снег. Такие глины находят на берегах реки Великой. В юности я видел под городом Островом выходы таких глин (и на реке Тихвинке в б~~ывшей~~ Новгородской губернии). Предполагаю, что когда-то и Благовещенская церковь была того же тепло-розового цвета (это ее потом покрасили в цвет рябиновой пастилы, так как старые секреты были утеряны, обитель разбогатела, но начался упадок зодчества и мастерства).

Позднейшие известковые растворы (замурованные бойницы; заложённые под колоколами, меж столбов звонничных пролеты) перемешаны с грубым песком, а самые поздние растворы — с примесью мелкого гравия. Вот тогда, в те

времена древние иконостасы были заменены новыми. Ценнейшие иконы были сложены в дровяных сараях, а то пошли на хозяйственные нужды.

В <19>28 г. в погребках (что под Сретенским храмом) я видел бочки с квашеной капустой, солеными грибами и огурцами, которые были накрыты древними иконами Успенского собора, а доски иконные были липовые «с ковчезцами», но краски от сырости осыпались.

Рабинович справедливо возмущается небрежным отношением к древним иконам. Сейчас на Западе русским иконам посвящено много книг. Коллекции русских икон имеются во всех странах. И каких икон! Я бывал на выставках в Париже, видел частные собрания. И в музее города Осло видел я великолепные новгородские образы. И в соборе города Тронхейма. В Кембриджском музее много неразобранных русских икон. Когда-то все антиквариаты Парижа были забиты русскими иконами. У антикара Золотницкого²⁵ были сложены иконы трех древних церквей. Все это раскуплено знатоками. Много ценнейших икон уплыло за океан. А уж не так-то и много (после войн и пожаров) у нас осталось древностей. «Древняя фигура святого Николая недавно закрашена алюминиевой и бронзовой краской», — пишет Рабинович. Я хочу ему сообщить, что резной образ св. Николая уже давно испорчен малярами. Под малярной краской (в <19>28 г.) я обнаружил очень тонкую древнюю роспись золотом и иконописными яичными красками. Тогда у меня возник вопрос: а не этот ли образ привезли когда-то старцы-мореходцы, не о нем ли был (отмеченный в Новгородской летописи) спор в Софийском соборе? Правда, на Севере есть такие же статуи, но печорский Никола весьма древен. Священник печорский Иона побывал ведь и в Великом Новгороде у владыки.

Резной образ свят<ителя> Николая «на рези» упомянут в самых старых переписных книгах. (Печально, что и малые иконы «в кробце» находятся в дурном состоянии. Это ценнейшие иконы.)

Храм, что сейчас держит в руке св. Николай, сравнительно новый. Он сделан в монастырской столярной мастерской. Старый был утерян в те времена, когда по приказанию Екатерины II святителя Николая монахи убрали и спрятали.

У Рабиновича (эскиз реконструкции) нарисованы сохранившиеся в острожной стене ниши. Но это не ниши, а наполовину заложенные камнями подошвенные бои острожной стены. Когда-то они были открыты, но так как печорские нищие, облюбовав эти места, оставляли в них свое тряпье и объедки, то монахи, блюдя чистоту, заложили бои. Об этом во время реставрационных работ мне рассказали нищие старцы.

Подошвенные бои сохранились в крепостной стене. Рабинович может их легко обнаружить.

Рабинович пишет, что под куполом Благовещенской церкви находится надпись славянской вязью. Эти (буквенные) поливные изразцы в <19>28 году уже осыпались. Изготовлены они, очевидно, в той же мастерской, которая изготавливала для обители и великолепные надгробные «керамиды».

Поясок из поливных цветных изразцов я обнаружил (в <19>28 г.) и под куполом Большой Успенской звонницы. На изразцах — лилии. Они разрушались. Потом этот поясок был забелен.

Цветная роспись была мною обнаружена над входом в Успенскую пещеру (вход, что находится недалеко от кельи схимника). Думаю, что это остатки древней росписи. Потом ее (к ужасу моему) покрыл маслом, «оживил» работавший в 1937 г. в монастыре маляр Ульянов²⁶.

«Благовещенская церковь, — пишет Рабинович, — является редким для псковской архитектуры примером двухэтажного храма». Сообщаю ему, что в погосте Малах под Изборском, у Мальского озера я осматривал развалины древней монастырской церкви. Мальский храм, так же как и Благовещенский, был двухэтажный — внизу находилась трапезная. Храм разорен войсками Батория. Венгры в нем устроили конюшню. Древние стены сравнительно хорошо сохранились. Этот храм ждет научных работников. Вторая монастырская церковь в Малах поставлена на языческом священном ключе (языческие места Печорского края были мною в <19>37 и <19>38 гг. зарегистрированы). Чрезвычайно интересно то, что сохранившаяся монастырская церковь несет пять куполов. Академию архитектуры я очень прошу осмотреть шеи этих куполов. Древний каменный (псковский) поясok на куполах (и на апсидах) штукатурками давно замурован и забелен. Все это можно раскрыть. Мальский монастырь связан с Елизарьевым монастырем (старца Филофея). Прекрасно сохранилась его звонница (новгородского типа, брусаяная), но надо решить, такой ли она была в древности? Не превратили ли ее в новгородскую колокольню, пристроив потом к звонничным столбам стены.

Сообщаю музею города Печор, что часть поясного иконостаса из малого упраздненного храма, что находился под куполом Благовещенского собора (о нем пишет Рабинович), я обнаружил в часовне на Б<ольшой> Пачковке. Он был прибит гвоздями к бревенчатой стене. Там же находился образ св. князей Всеволода и Тимофея исключительной ценности и древние (резные и кованые) подсвечники Печерского монастыря. В 1935 г. все это было взято, по моему указанию, министерством под охрану. Уцелели ли эти ценные для истории русского искусства образы? (Тогда я взял под охрану и каменные кресты, находящиеся у Пачковской часовни, — там погребены ратные, побитые войсками Батория. «Гораздо труднее, — пишет Рабинович на стр. 64, — восстановить деревянное завершение башен». В «Отчине» (стр. 73) помещена старинная гравюра — там башни с колпачками, а над Святыми острожными воротами отстроена деревянная высокая башня, рубленая, а высотой она приблизительно такая же, как и башня современная. (Виден на гравюре и купол Никольской церкви меж двух башен, Затюремной и Брусаяной, видна еще одна церковь*.)

«Примерно в это время, — пишет Рабинович, — была сооружена деревянная церковь Сорокомучеников. На ее месте в 1541 ... была выстроена каменная Благовещенская церковь» (стр. 56). Церковь Сорокомучеников, деревянная, была вынесена за стены, на разрастающийся постепенно посад. Она (по переписным книгам) стояла рядом с деревянным дворцом, поставленным на царский приезд. Посадская церковь Сорокомучеников изображена на гравюре (стр. 75-я «Отчины»). В переписных книгах о ней сказано подробно. Предполагаю, что не только она была перенесена на посад, но и нарисованное на гравюре старинное мона-

* Потом она была разобрана.

стырское било. При Петре из погоста Тайлово, когда там начали строить каменный храм, в одно из сел монастырских перевезли рубленную из бревен старую тайловскую церковь. (Тайловская церковь находится недалеко от монастыря.)

Печорские старики мне рассказали (а память народная многое хранит), что когда-то при земляных работах за монастырем были обнаружены древние монастырские ямы с заложённой в них известью. Древний известковый раствор (а таким раствором когда-то были покрыты башни и стены) был изумительный — «чисто густая сметана, розоватая от примеси глины. Когда на открытом воздухе она затвердела, то оказалась крепче цемента».

Академию архитектуры я Вас прошу известить, что в 1937 и <19>38 гг. (во время экспедиционной работы) мне удалось узнать от проживавших тогда в изборской богадельне крестьян, что под Изборском жили «мурники» — крестьяне, мастера каменного дела. Свой опыт они передавали из поколения в поколение. Во многих деревнях — в Луках и в окрестностях Холохальни — каменные ворота с круглыми псковскими столбами, печурками (округленными калиточными и воротными сводами) сложены мурниками по-древнему — «только класть стали потом на глине». «Там все строено так, как строили в старину в богатых дворах во Пскове». Богатые псковичи предпочитали жить в рубленых домах для здоровья, но ворота и надворные постройки строили из камня. Во время сильных псковских пожаров та плита рассыпалась. Теперь такие дворы остались только в деревнях. В 1938 г. я в деревнях нашел мурников — наследственных каменщиков. Они действительно сохранили свое умение. Их предки (судя по рассказам крестьян, а у меня с ними были добрые отношения, и они мне во время обследования помогали) строили каменный Изборск, Печоры, работали в Пскове. Избы древнего Пскова были рубленые, с подыбицами, высокие, а надворные постройки сложены были, — вот как и ворота, — из плитнякового камня. Люди в каменных домах, в таких как Поганкины палаты, жить не любили — вредно, а вот для скота строили из камня.

Пишу Вам об этом потому, что считаю, что в тех деревнях можно изучать гражданское зодчество древнего Пскова. Я не знаю, уцелели ли во время войны эти деревни. (Некоторые фотографии хранятся в фототеке Музея человека.)

Простите за столь обширное письмо, но я думаю, что дополнительные сведения могут пригодиться ученым. Мне крайне досадно, что Г. Рабинович не мог ознакомиться с посланной мною в 1945 году (в Академию наук) запиской (в ней было сказано и об иконе с архитектурным рисунком, и о реставрации). Хотя записка была написана поспешно (в те времена я еще не оправился от последствий недоедания), но она была составлена по экспедиционным материалам, часть которых уцелела (перед захватом немцами Парижа мои чемоданы с экспедиционными материалами спрятали на чердаке своего загородного дома наш друг Т.С. Конюс²⁷ — младшая дочь Рахманинова. Конюсы потом бежали от немцев в Тур, их дом был занят, немцы забрались на чердак, штыками взломали замки чемоданов, все вытряхнули на пол)²⁸. После освобождения Парижа я постарался сделать все возможное, чтобы русские ученые как можно скорее узнали о незаконченной работе. Я тогда составил записку «Археологическая и этнографическая разведка Печорского края в 1935, 1937 и 1938 гг.» Ее (с приложением археологической карты, кроками) я передал Александру Ивановичу Алексееву²⁹,

заведовавшему тогда в Париже культурными сношениями (ВОКС)³⁰, для пересылки в Академию наук. Алексеев мне дал адрес: Институт антропологии, археологии и этнографии. Ленинград, В.О., Университетская набережная, 3.

С тех пор много воды утекло. О том, дошли ли пакеты по назначению, мне не известно. Да и другие, отправившие тогда через Алексея свои работы в Академию наук, — геофизик Баранов, египтолог Малинин...³¹ — подтверждений не получили.

Следя за археологической работой на северо-западе СССР, я убеждаюсь, что академик Рыбаков³², научные труды которого я исключительно ценю, не знает о незаконченной в 1938 году на побережье Псковского озера археологической разведке (о найденном славянском городище, которое юрьевские археологи считали более древним, чем Труворово городище в Изборске). Неизвестно Рыбакову и об обнаруженных в Лютовом лесу в 1938 г. длинных славянских курганах* с трупосожжением, — а ведь там, за этнографической границей, в сетских деревнях сохранилась славянская топонимика — курганы эти уходят далеко в Юрьевский уезд. (Все там по-новому раскрывает древнюю историю Изборского и Обозерского края.) Неизвестно Рыбакову и о зарегистрированных языческих священных камнях. В <19>38 году мною от старых рыбаков были получены сведения, что в древности проживавшие у Лютова бора (и у Любниц, в Лисьях, Будовежах, Кулье, на острове Колпино) ловецкие дружины ходили на ладьях с морскими сетями ловить рыбу не только в Перновский залив, но, пользуясь волоком, ходили и Наровою в Балтийское море — Невою или в Ладогу, на Ладоге ловили рыбу, зимовали, рождали детей, торговали.

Советские этнографы не знают, что в парижском Музее человека находится собранная в 1938 г. в Печорском краю коллекция свадебных полотенец (большие богоники)**.

Археологическую разведку я производил после обследования Печорского края знаменитым шведским археологом проф<ессором> Тальгреном³³. Он работал со студентами-археологами. В Археологическом кабинете Юрьевского у<ниверсите>та были крепко убеждены, что уже все памятники материальной культуры на территории Печорского уезда, под Изборском и на берегу Псковского озера Тальгреном взяты под охрану. Впоследствии на обследованных Тальгреном местах я обнаружил много древних поселений и сотни курганов***. Документы, полученные от Археологического кабинета, находятся в Музее человека. В прибалтийской витрине музея выставлены фотографии и вещи Печорского уезда. В фототеке музея находятся негативы — сетская свадьба, поклонение Мегузицкому камню, деревянные Печоры, снятые до пожара <19>39 года, и т. д.

Простите, что долго Вам не отвечал. Хотелось написать основательное письмо. Был болен гриппом и жил в великих заботах. Через несколько дней должен сдать в типографию книгу повестей и рассказов³⁴. Там будет помещена и «Обитель». (В ней есть кое-что о войне Стефана Батория.)

* Ведь это один из малых янтарных путей «из варяг в греки». Места удивительные. Беда, что примерли теперь все старики. Пропущено время.

** Просматривал я монографию «Новгородская и псковская народная вышивка». <М.:> КОИЗ. 1955 г.

*** Mission du Ministère de l'Éducation National en Esthonie. 1937, 1938 [Миссия Министерства народного просвещения в Эстонии].

Пожалуйста, сообщите Пушкинскому Дому, что в длинной братской, пятой пещере Печерского монастыря находятся три пушкинских надгробных плиты — Семе́на Васи́льева Пушкина, инока, умершего 24 января 1555 года; Петра Степанова Пушкина, убитого немцами 17 апреля 1575 года; Ионы Пушкина, инока, умершего 22 декабря 1642 года (Пушкины, очевидно, перед смертью приняли постриг). В тех же пещерах похоронены были впоследствии и островские Симанские, что состоят в родстве с Пушкиными и Ганнибалами. А вот Мусорские: княгиня Мария Козловская, дочь Ивана Мусорского, умерла в 1648 году; Мария Петровна, жена Мусорского, умерла в 1648 году; Иван Петрович Мусорский, московский дворянин, умер в 1856 году³⁵. Над каждой могилой находится облитая зеленой глазурью барельефная доска. В этих же пещерах положены и убитые во время осады Стефана Батория.

От всей души желаю Вам доброй работы.

Л. Зуров

23 февраля 1958 г.

P.S. Принесли Ваше письмо от 18.П. Н.В. Резниковой я передал Ваш привет. Она приводит в порядок большое наследство А.М. Ремизова. В.П. Никитин страдает ужасно. Задыхается. А погода у нас стоит отвратительная. День и ночь льют дожди. Спрошу Д. Джапаридзе: дошла ли до него Ваша книга. Передам привет и Дедову.

Н.Н. Кандинская мне сказала, что она нашла в архиве своего покойного мужа (знаменитого художника Кандинского) письма Ремизова³⁶. Когда-то Кандинский сделал рисунки к книге Ремизова (и переписка, и рисунки уцелели. Об этом я уже известил Н.В. Резникову). Обнаружил я отличный портрет Ремизова — у художницы Орловой³⁷. Она хочет подарить этот портрет Пушкинскому Дому³⁸. Но как это сделать? Это ее Ремизов (когда он поселился в Париже) пригласил к себе, и она его отлично изобразила.

Л.З.

Впервые опубликовано А.Ю. Пономаревым — по копии из ДРЗ (см.: [Пономарев 2014, с. 49–55]), в которой, однако, отсутствует ряд фрагментов рукописной правки и большая часть примечаний, внесенных Зуровым в текст письма, отправленного В. Малышеву.

Письма Зурова от 10 декабря 1957 г. и 22 февраля 1958 г. В. Малышев скопировал и переслал знакомым археологам и историкам. На этих письмах имеются карандашные пометы Малышева: указано количество необходимых копий («4 экз.») и перечеркнуты фрагменты текста (не связанные с основной темой), которые при копировании перепечатывать не следует.

¹ Из письма Н.Е. Андреева к Зурову от 27 января 1958 г. [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 154]. При посредничестве Зурова переписка двух ученых осуществилась. Письма Н.Е. Андреева к В.И. Малышеву 1958–1972 гг. см.: ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1411.

² Далее В. Малышевым вписано карандашом: *XVI в. в Псково-Печерском монастыре*.

³ Григорьева Кира Борисовна (урожд. Полякова, в первом браке Иртель-Брендорф; 1917–1989) — художник. В 1930-е гг. жила в Эстонии, училась в Таллинском высшем художественном училище. Близкая знакомая Зурова, сопровождала его в экспедиции по Печорскому краю; послужила прототипом Киры в его повести «Иван да Марья» (см.: [Белобровцева 2005]). Во время войны эвакуировалась в Ульяновск. Впоследствии жила в СССР, вместе с мужем В.М. Григорьевым иллюстрировала детские книги.

⁴ Копии двух писем и двух фотографий, присланных Зуровым, В. Малышев выслал по ошибке не Г.И. Рабиновичу, московскому архитектору, автору статьи о Печерском монастыре, а М.Г. Рабиновичу (археологу и этнографу). Тот передал их Георгию Исаевичу, который в марте 1958 г. известил об этом Малышева. Весьма заинтересовавшись разысканиями Зурова и планируя написать ему письмо, Г. Рабинович попросил Малышева прислать ему копию иллюстрации из «Отчины» — рисунок звонницы. Малышев, по-видимому, забыл о просьбе, поскольку Рабинович повторяет ее вновь в мае, а затем и в октябре 1958 г.: «Зуров пишет, что помимо рисунков с древних икон у Вас имеется очень точное изображение большой звонницы монастыря, на котором видны все детали, вплоть до каждой веревочки. К сожалению, в библиотеке им. Ленина нет «Отчины», у меня нет никаких данных об этой книге» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1029. Л. 3).

Переписку Л. Зурова и Г. Рабиновича (1958 г.) см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 98.

⁵ Псково-Печерский монастырь: общий культурно-исторический очерк. Рига, 1929. Подробнее об истории создания монографии см.: [Пономарев 2014, с. 252].

⁶ Синайский Василий Иванович (1876–1949) — российский и латвийский юрист, историк и поэт. В 1922–1944 гг. профессор Латвийского университета в Риге.

⁷ Виноградов Сергей Арсеньевич (1869–1938) — живописец, один из основателей Союза русских художников (1903); с 1924 г. жил и работал в Латвии.

⁸ Епископ Иоанн (в миру Николай Александрович Булин; 1893–1941) — в 1920–1932 гг. наместник Печерского монастыря, в 1926 г. хиротонисан во епископа Печерского. В октябре 1940 г. арестован НКВД и в июле 1941 г. расстрелян.

⁹ Русские студенты, а также ряд профессоров и преподавателей размещались в здании студенческого общежития «U svobodárny» (Praha, VIII-Liben, 1110).

¹⁰ Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) — историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства. В 1920 г. эмигрировал в Константинополь, в 1920–1922 гг. — профессор Софийского университета. В 1922 г. переехал в Прагу, где преподавал в Карловом университете.

¹¹ Малер Елизавета (Эльза) Эдуардовна (1882–1970) училась в Москве, эмигрировала из России в 1920 г. Фольклорист, профессор славистики Базельского университета. Участница экспедиций в Печорский край в конце 1930-х гг.

¹² Гандшин Яков Яковлевич (Handschin; 1886–1955) — российско-швейцарский органист и музыковед. В 1920 г. уехал в Швейцарию, работал органистом. С 1930 г. — профессор истории музыки в Базельском университете. С 1936 г. — вице-президент Международного общества музыковедения.

¹³ Приложена вырезка из газеты (без выходных данных) с фотографией звонницы и текстом: «Восстановление Никольского храма в Петсерском монастыре для возвращения ему искаженного временем древнего прекрасного облика, как мы уже писали, близится к концу. Наша фотография изображает звонницу храма, частью уже восстановленную в первоначальном виде. Работы ведутся под непосредственным наблюдением знатока старины писателя Леонида Зурова, прибывшего из Парижа и проводящего в монастыре лето». Возможно, это публикация в таллинской ежедневной газете «Вести дня», где работам Зурова в Печерском монастыре было посвящено более десяти заметок в апреле–июле 1935 г. (см.: [Пономарев 2014, с. 234–239]).

На вырезке надпись Л. Зурова: «Леса сняты. Звонница покрыта (по два ската на звон. Смот<рите> рисунок, помещенный в «Отчине» на стр. 46-й)».

¹⁴ Здесь и далее Зуров цитирует (с мелкими неточностями) статью: *Рабинович Г.И.* Архитектурный ансамбль Псково-Печерского монастыря // Архитектурное наследство. Вып. 6. М., 1956. С. 57–86. Подробнее об оценках Л. Зуровым этой работы см.: [Пономарев 2014, с. 315–316].

¹⁵ «Сокровища русского зодчества» — серия книг по истории архитектурных памятников древних русских городов, православных монастырей, дворянских усадеб. Выпускалась Издательством Академии архитектуры СССР в 1944–1960 гг. Л. Зуров имеет в виду выпуск: *Лавров В., Максимов П.* Псков. М., 1950.

¹⁶ Перцов Константин Александрович (1899 — после 1960) — архитектор, теоретик архитектуры, общественный деятель. Сын архитектора А.Н. Перцова.

¹⁷ А. Морозов — псевдоним журналиста Альфреда-Алексея Людвиговича Вирбелауэра [Там же, с. 316].

¹⁸ К письму приложен лист с наклеенной фотографией и подписью: «Снимок Л.Ф. Зурова. Вот в каком виде была звонница Никольского храма в Псково-Печерском монастыре. Это начало реставрационных работ. Весна 1935 года. Мы сняли крышу с фальшивой главкой и часть тамбура. Все было обломано! Покажите, пожалуйста, эту фотографию Г. Рабиновичу. Очень Вас прошу эту фотографию сохранить».

¹⁹ Маркел (в миру Николай Романович Радышевский; ум. 29 ноября 1742) — игумен Псково-Печерского монастыря в 1724–1726 гг.

²⁰ Минин Михаил Иванович (1890–1939) — сотрудник льняной фабрики в Печорах, участник Печорского просветительского общества [Пономарев 2014, с. 316].

²¹ *Успенский А.И.* Царские иконописцы и живописцы XVII века: [Т. 1–4]. М., 1910–1916.

²² Имеется в виду Заболоцкий Павел Петрович (в монашестве Пафнутий), участник походов Ливонской войны, архитектор, строитель церкви Николы Ратного в Псково-Печерском монастыре (1565).

²³ Имеется в виду посвященный исследованию Печорского края очерк «Обитель» (здесь ошибочно названный «Отчиной»); *Зуров Л.Ф.* Обитель // Новоселье: Ежемесячный литературно-художественный журнал. Нью-Йорк, 1946. № 29–30 (октябрь–ноябрь). С. 35–54.

²⁴ Корнилий Псково-Печерский, преподобномученик (1501–1570). Игумен Псково-Печерского монастыря в 1529–1570 гг. Убит Иваном Грозным во время его похода на Псков.

²⁵ Золотницкий Жак (Яков) — владелец парижского антикварного салона «A La Vieille Russie» («В старой России»). Предоставлял экспонаты своей коллекции для выставок, проводимых обществом «Икона» в 1948 и 1952 гг.

²⁶ Ульянов Михаил Петрович (1882–1940) — церковный живописец, реставратор. Родился в Нарве, учился в Петербурге, после 1917 г. поселился в Эстонии, реставрировал иконы в Печерском монастыре.

²⁷ Конюс Татьяна Сергеевна (урожд. Рахманинова; 1907–1961) — пианист, педагог, общественный деятель. С 1947 г. член правления Российского музыкального общества за границей. С 1957 г. вице-председатель комитета, возглавляющего детский дом в Монжероне (под Парижем).

²⁸ Детальные сведения о судьбе архива Л. Зурова в годы войны см.: [Пономарев 2014, с. 309–310].

²⁹ Алексеев Александр Иванович (наст. фам. Шитов; 1913–2001) — дипломат, посол СССР в ряде стран, сотрудник службы внешней разведки. С 1944 по 1947 г. был атташе по вопросам культуры посольства СССР во Франции и представителем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей.

³⁰ ВОКС — Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, основано в 1925 г. Занималось организацией международных выставок и фестивалей, поездок в СССР делегаций зарубежных обществ дружбы.

³¹ Баранов Владимир Николаевич (1897–1985) — инженер, геофизик. Жил в Париже. Малинин Михаил Владимирович (1900–1977) — египтолог. В 1923 г. эмигрировал в Прагу, с конца 1930-х жил в Париже.

³² Рыбаков Борис Александрович (1908–2001) — археолог, исследователь славянской культуры и истории Древней Руси. Академик РАН.

³³ Тальгрэн Арне Михаэль (Tallgren; 1885–1945) — финский историк и археолог, профессор Тартуского (1920–1923), Хельсинкского университетов, председатель финского археологического общества в 1930–1942 гг. Неоднократно участвовал в археологических раскопках на территории России.

³⁴ Зуров Л.Ф. Марьянка. Париж, 1958.

³⁵ Зуров допускает ряд ошибок в датах и именах, обозначенных на надгробиях в Печерском монастыре. Причину этого, а также правильные сведения см.: [Пономарев 2014, с. 270, 318–319].

³⁶ Кандинская Нина Николаевна (урожд. Андреевская; 1899–1980) — жена художника, теоретика искусства, педагога Василия Васильевича Кандинского (1866–1944). Эмигрировала в Германию в 1921. В Париж приехала в 1933 г. После смерти мужа посвятила себя его художественному наследию. Организатор мемориальных выставок В. Кандинского, Н. Гончаровой и М. Ларионова. Выпустила книгу воспоминаний «Kandinsky und ich» («Кандинский и я») (Мюнхен, 1976). Одно из писем А.М. Ремизова В.В. Кандинскому опубликовано в газете «Русская мысль» (1984. 22 ноября. № 3544).

³⁷ Орлова Вера Александровна (1876–1964) — художник, иконописец. После революции эмигрировала в Париж, занималась графикой и живописью. Автор гравированных портретов Л.И. Шестова и А.М. Ремизова (1931), которые передала в дар Русскому культурно-историческому музею в Праге. Член общества «Икона» в Париже. В 1932 г. приняла постриг с именем Феодосия. Последний год жила в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа.

³⁸ Фотокопия офорта — портрета Ремизова (с подписью «Orlowa, 1930») прислана В.А. Орловой в Пушкинский Дом в 1958 г. (Литературный музей ИРЛИ. ПД / 31209).

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

17 марта 1958 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Ваше письмо со сведениями о постройках Псково-Печерского монастыря получил. В тот же день снял с него копии, переснял фотографии и послал в музей г. Печор (Псковской области), Академию архитектуры и археологам Михаилу Григорьевичу Рабиновичу и Павлу Александровичу Раппопорту¹. Показывал письмо и проф<ессору> Б.А. Рыбакову (он делал у нас на секторе доклад на тему «Летописец великого князя Изяслава Мстиславича»). П.А. Раппопорт сейчас специально занимается изучением старинных построек северо-западной части СССР, и ему письмо было очень кстати. Вы можете и сами ему написать. Вот адрес: Ленинград, Дворцовая набережная, д. 16, Институт истории материальной культуры АН СССР, ст. научному сотруднику Раппопорту.

Надеюсь, что моя книга «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» до Вас уже давно дошла.

Если Вам что-нибудь попадет на глаза о протопопе Аввакуме, осаде Пскова Стефаном Баторием и Густавом-Адольфом, заметьте для меня.

С наилучшими пожеланиями,
В. Малышев

P.S. Художница Орлова может прислать портрет А.М. Ремизова или на мое имя, или же прямо на наш музей. Будем ей благодарны за это. Кандинская тоже может выслать нам письма Ремизова, у нас хранится весь его дореволюционный личный архив. Вообще, помните, что в Ленинграде существует Пушкинский Дом с крупнейшим в Советском Союзе литературным архивом. Если Вам нужны присланные мне фото церкви Псково-Печерского монастыря, я верну их Вам.

Нет ли у Вас фото (для переснятия) хоругви XVI в.?

В.М.

17.III.58 г.

Авторизованная машинопись.

¹ Раппопорт Павел Александрович (1913–1988) — археолог и историк архитектуры, доктор исторических наук. Работал в Ленинградском отделении Института археологии АН СССР. Автор трудов о крепостном и храмовом древнерусском зодчестве.

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

9 марта 1958 г. Париж

9 марта 1958 г. Paris

Многоуважаемый Владимир Иванович,

«Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» я получил. Сердечное спасибо. Очень обрадован. Беседовал я с Резниковой. Наталья Викторовна дико устала. Заканчивает корректуру книги А.М. Ремизова (она ее перевела на фр<анцузский> язык)¹. Скоро она Вам напишет большое письмо. Просила передать Вам сердечный привет. В.П. Никитин болен. Была больна и его жена. А.Г. Дедов Вам уже написал. Он беседовал с Д. Джапаридзе. Говорил с Давидом Александровичем и я. Он очень жаловался: «Сколько раз я запрашивал Публичную библиотеку в Ленинграде и Москву. Ни на одно письмо мне не ответили». Вашу книгу он получил и Вам уже написал.

Радует меня, что Вы привезли более 300 рукописных книг с северной Печоры. Надеюсь, что Вы получили мое громадное письмо.

Желаю Вам доброй работы.

Л. Зуров

Открытка с видом Вандомской площади в Париже.

¹ Речь идет о переводе книги А.М. Ремизова «Подстриженными глазами. Книга узлов и закрут памяти» (Париж, 1951): *Remizov A. Les yeux tondus. Nouvelles / trad. du russe par Natalie Reznikoff; préface de Marcel Arland. P., 1958.*

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

9 апреля 1958 г. Париж

Париж, 9 апреля 1958 года.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Книгу Вашу — «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков» — я получил и сразу же послал Вам открытку. Спасибо сердечное. Получил и Ваше письмо от 17.III. Мне, право, совестно, — столько я доставил Вам хлопот и забот. Вчера пришло письмо от директора Печорского музея. В нем М.С. Вильниц сообщает, что только что получил от Вас сведения*, что экспедиционный отчет находится где-то в Москве. М.С. Вильниц извещает меня, что воинская хоругвь XVI в. уцелела и находится в Успенском соборе. В старинном монастырском рукописном сборнике (бумага была голубая), в котором находилась запись о установленных издревле крестных ходах, было упомянуто и о старой хоругви.

Осенний печорский крестный ход был установлен тогда по совету осадных людей в память избавления Печор, Изборска, Пскова и Острова от Стефана Батория**. Вот как в рукописи старинной об этом крестном ходе было сказано: «*да незабвенно будет родам грядущим во веки*». До 1918 г. каждую осень крестный ход отправлялся из Печор по старой изборской дороге во Псков, а потом и в Остров. Его встречали, как и в древности, все окрестные деревни и села. В этом крестном ходе люди несли иконы, прибывшие когда-то в Псков на осаду. Всегда впереди этих икон (украшенных привесами Грозного, Годунова, московских царей) несли воинскую печорскую хоругвь. В древности, по рассказам печорских стариков, ее несли на стяге стрельцы, а потом, когда стрельцов отменили, то вокруг хоругви шли хоругвеносцы — рыбаки и крестьяне, самые выносливые люди, что сменяли все время друг друга. По словам 90-летних стариков, хоругвь сняли со стяга после того, как ее уронили — ее с тех пор поставили на носилки***. В древних переписных книгах было сказано, что эта хоругвь находится в Никольской церкви****. Ее почитала вся Псковская земля.

Я рад, что немцы ее не увезли. В 1937 г. хоругвь была сфотографирована кондаковцами, и Н.Е. Андреев должен был ее описать.

Я три раза был у художницы Орловой. Вы скоро получите портрет Ремизова и письмо с краткой историей офорта. Орлова выехала из Москвы еще до войны 1914 года и во время русской революции проживала в Париже, работая во французской художественной среде. Она пользуется заслуженно всеобщей любовью и уважением. Очень любит древнее искусство, Рублева. Французы ценят ее портреты Паскаля и Льва Шестова. Последнее время Орлова недомогала. Ослабело сердце. Ведь ей 82 года.

Никитин шлет Вам привет. Эта зима была для него, — как он мне пишет, — «не-милосердна». Борется он с коховскими палочками изо всех сил. «Но на этот раз, —

* Спасибо.

** Это пишу для Вас. Боюсь, что рукописный сборник этот увезли немцы.

*** Это я со слов стариков записал в 1937 г.

**** Потом ее перенесли в пещерный Успенский собор.

пишет он, — дело затянулось. Уже пятый месяц... не знаю, надолго ли еще меня хватит. Сейчас как будто бы его “второй звонок”...». Но Никитин не прекращает работы — пишет он предисловие к сборнику избранных персидских рассказов, готовит к изданию и курдский текст. «Но на горизонте ряд других работ. Так, например, хочется для Малышева написать о “Кукушкиной”¹. Кланяйтесь ему от меня».

С Н.Н. Кандинской я поговорю относительно переписки Ремизова с ее мужем. Кандинская была у нас после возвращения из Москвы (она там была на Масленой) и в продолжение 4 часов рассказывала нам о своих впечатлениях.

Из Печор меня запрашивают относительно фотокопий с материалов, хранящихся в Музее человека. Это легко сделать. Фотокопии они получают, и я им помогу отобрать все необходимое для музея, но надо, чтобы в Музей человека советское научное учреждение обратилось письменно. И письмо это надо написать по-французски*. Есть ли в Печорах люди, знающие французский язык? Пожалуйста, помогите им.

Если Вам фотографии уже не нужны, то, пожалуйста, пришлите их мне.

Спасибо за адрес П.А. Раппопорта. Но я не знаю, что его интересует. Работа была проделана в Изборском краю большая. Часть материалов 1938 года лежит у меня в чемодане.

Приехала в Париж проф<ессор> Малер. Видел ее 2 раза. Говорила о Вас. Она перед отъездом получила Вашу книгу. Шлет Вам привет.

Желаю Вам доброй и успешной работы.

Ваш Л. Зуров

Еще раз спасибо за помощь. Скоро напишу Вам дополнительно. Отвечу и пещерянам. Желаю Вам светлых и радостных дней. Л.З.

¹ Так называлась одна из комнат в квартире Ремизова, служившая кабинетом и спальней, на стене которой висели часы с кукушкой. В.П. Никитин, друг и сосед А.М. Ремизова по дому 7 на ул. Буало, помогал писателю в быту и литературных делах. Оставил воспоминания о «Кукушкиной», см.: [Никитин 1994].

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

12 апреля 1958 г. Париж

12. IV. 58 L. Zouroff, 1, rue J<acques> Offenbach, Paris 16e, France

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

получил сегодня очень милый подарок от П.А. Раппопорта («Крепостные сооружения Древней Руси»)¹. Орлова Вам уже послала портрет Ремизова. Очень она жалуется на сердце. Боюсь за нее.

Вам шлю самый сердечный привет и желаю здоровья и доброй работы.

Уважающий Вас

Л. Зуров

* Экспедиционные фотографии находятся в фототеке музея — Photothèque Musée de l'Homme (Cliché Zouroff). А большие печорские боговики хранятся в Департаменте Европы (Musée de l'Homme. Paris).

Открытка с видом шпиля Нотр-Дам.

¹ Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 2. Крепостные сооружения Древней Руси / под ред. Н.Н. Воронина. М., 1952. (Материалы и исследования по археологии СССР (МИА). Вып. 31). В этом томе помещено исследование П.А. Раппопорта «Очерки по истории русского военного зодчества X–XIII вв.».

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

17 апреля 1958 г.

17.IV.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Возвращаю Вам фотографии. Мы пересняли их и послали в Печорский музей, Академию архитектуры, археологам Раппопорту, Рабиновичу и Косточкину¹. Большое Вам спасибо за присылку фотографий. В.А. Орлова портреты А.М. Ремизова прислала. Музей ее поблагодарит. Портрет Л. Шестова тоже может прислать. Пусть шлет прямо на адрес музея. В Печорском музее французский язык знает сам зав. музеем, но Вы напишите ему, как и куда послать письмо во Францию о печорских материалах.

Не печаталось ли в парижских газетах в 1957 г. о протопопе Аввакуме (было 275 лет со дня его смерти)? Н.Е. Андреев не ответил мне на открытку. Проф<ессору> Малер от меня кланяйтесь. Я ее некоторые работы по фольклору знаю и ценю. Был бы рад узнать ее отзыв о моей книге о Сухане, она ведь на 50 % фольклору посвящена.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

P.S. Передайте, пожалуйста, В.П. Никитину, что я желаю ему здоровья, что вырезку из газеты о Пушкине я получил и передал в наш Пушкинский кабинет. А вот Н.В. Резникова и А.Г. Дедов мне не отвечают на письма.

В. Малышев

Портрет А.М. Ремизова. С офорта В.А. Орловой. 1930 г. Дар художницы Пушкинскому Дому, 1958 г. (Лит. музей ИРЛИ. ПД / 31209)

Автограф, чернила.

¹ Косточкин Владимир Владимирович (1920–1992) — архитектор-реставратор, историк, искусствовед, специалист по древней русской архитектуре, автор книг и статей по истории крепостного оборонного зодчества. Заслуженный архитектор РСФСР (1990). В письме к В. Малышеву от 15 апреля 1958 г. он выразил благодарность: «От всей души благодарю Вас за копии с писем Л.Ф. Зурова. <...> О том, что в 1935 г. в Псково-Печерском монастыре велись реставрационные работы, я знал и раньше. Однако присылка Вами копий писем Л.Ф. Зурова раскрыла мне и имя их автора. <...> С ним я обязательно спишусь в самое ближайшее время» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 658. Л. 1–1 об.). Переписка Л. Зурова и В. Косточкина 1958–1960 гг. находится в ДРЗ (Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 49. Л. 23–69). Часть писем Л. Зурова опубликована, см.: [Пономарев 2014, с. 55–72].

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

7 мая 1958 г.

7.V.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Сейчас вот мне попала на глаза вырезка из «Псковской правды» о Псково-Печерском монастыре. Если эта газетная вырезка будет Вам полезна (она посылается в этом письме), буду рад¹. Главным исследователем архитектурных особенностей Псково-Печерского монастыря сейчас является Косточкин В.В. Ваше письмо он получил и собирается Вам написать, если уже не написал: я встречался с ним около месяца назад.

Если Вас не затруднит, позвоните, пожалуйста, А.Г. Дедову и передайте ему, что письмо его (с вырезкой из газеты) я получил и благодарю его. Не может ли он прислать еще один экземпляр этой статьи (для В.П. Адриановой-Перетц²)? Получил я письма (с газетами об А.М. Ремизове) от В.П. Никитина. Большое спасибо ему. Газеты я передал в Отдел рукописей нашего института. Ученые дамы этого отдела обещали его поблагодарить. Если Вы встречаетесь с В.П. Никитиным, кланяйтесь ему от меня, скажите, что я желаю ему скорейшего выздоровления.

Прошу Вас, все, что встретите об Аввакуме, даже мелкое, газетное, запишите. Не появлялось ли во Франции в 1957 г. газетных и журнальных информации о 275-летию со дня смерти протопопа Аввакума? Орлова портрет Льва Шестова пусть присылает. Можно прямо на адрес нашего музея.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

Автограф, чернила.

¹ К письму приложена вырезка: Малеванов И. Новое о Печорской крепости // Псковская правда. 1954. 26 июня.

² Адрианова-Перетц Варвара Павловна (1888–1972) — литературовед, специалист в области исследования древнерусской сатиры, фольклора, поэзии, религиозных преданий XI–XVII вв. В 1947–1954 гг. заведующая Сектором древнерусской литературы ИРЛИ РАН.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

3 июня 1958 г. Париж

Париж, 3 июня 1958 года.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Очень меня обрадовало известие о сделанных Вами ценнейших находках — двух писем протопопа Аввакума. Сердечно поздравляю. Большое событие. Спасибо за присланную вырезку «Новое о Печерской крепости»¹. Опись 1589 г. чрезвычайно важна для ученых. Представляю, как был доволен В.В. Косточкин, работа которого о Ивангородской крепости² исключительно хороша. Я знал, что когда-то из Печерского монастыря были забраны рукописные книги (среди них была Кормчая книга. А ведь, судя по старой описи, в Печорах хранились и летописные своды).

Простите за долгое молчание. Был завален работой. Я ответил В.В. Косточкину, М.С. Вильницу и написал Раппопорту³. Письма были основательные. Пришлось порыться в архиве. Я рад, что посланные мною сведения понадобились ученым. Вчера получил письмо от Г.И. Рабиновича⁴. Скоро отвечу и ему. А работы много. Был занят корректурами. Издавать сейчас книгу — дело сложное. К счастью, у меня около 300 подписчиков в разных странах (предварительная подписка). Рабинович меня запрашивает об иконе с архитектурным рисунком, но я не знаю, уцелела ли она. Из Печорского музея Вильниц мне написал, что Вы сообщили ему, что где-то в Москве найден мой экспедиционный отчет⁵. Извещаю Вас, что к отчету приложено было большое количество экспедиционных работ с кроками⁶ (обследование Изборска, Печорского края, топонимика и т. д.). Разрешите уведомить через Вас Академию наук, что часть экспедиционных материалов 1938 года (курганы и древние поселения по реке Абдехе; поселения, городцы и курганы по берегу Псковского озера; Кулье и остров Колпино, Лютов лес и т. д.) лежит до сих пор в моих чемоданах (вместе с экспедиционными кроками) в неразобранном виде. После войны я не мог эти материалы привести в порядок и послать в Академию наук (не по своей вине). Боюсь, что без этих данных (кратко об обследовании этих мест сказано в экспедиционном отчете. Такой же экспедиционный отчет находится и в Музее человека) археологам и этнографам работать будет иногда трудновато, так как (в 1938 г.) я получал сведения от старых рыбаков, которых теперь уже в живых нет. Возможно, нет в живых и тех рыбаков, которые мне помогли наметить племенную древнюю границу двух говоров (акающего и окающего. Кривичей и новгородских славян).

Видел Никитина. К счастью, он оправился, начал выходить. Сидел с ним под каштанами и беседовал. Я ему прочел выдержку из Вашего письма. Он был очень обрадован. Просил Вам кланяться.

Посылаю для В.П. Адриановой-Перетц вырезку из парижской газеты. Постараюсь раздобыть и то, что было напечатано в парижских газетах о протопопе Аввакуме в 1957 г., но это трудно.

Н.Е. Андреева я, возможно, в июле увижу. Сейчас у него горячее время.

В Кембридже идут экзамены. Е.Э. Малер я написал. Она получила письмо из Таллина, от знакомой учительницы, которую когда-то и я встречал в деревне Городище. А в Городище жили изумительные певцы*.

Был у художницы Орловой. Она получила от Литературного музея благодарность. Я видел этот вырванный из блокнота листок, и, признаться, меня несказанно удивило, до чего сухо и формально было написано коротенькое извещение. Это, конечно, мое мнение. Орлова на редкость добрый и сердечный человек. Но мне, признаться, за нее стало больно. Ведь так-то она, несмотря на возраст и больное сердце, старалась, — искала конверт, писала сопроводительное письмо, ходила на почту**.

Г.И. Рабинович пишет, что Вы в конце июля уезжаете в Печоры. От всего сердца желаю Вам плодотворной работы. Благодарю Вас за милые письма. Мне очень приятно, что некоторые из сведений, которые я Вам сообщил, оказались полезными. В.В. Косточкину и Раппопорту я послал кое-что дополнительно. Из Печор ответа еще нет.

Всего Вам хорошего.

Л. Зуров

Н.В. Резникова выпустила свою книгу⁸. Я читал рецензию в газете «La Monde». Перевод хвалят. Наталья Викторовна послала Вам книгу и рецензии. Она замоталась. Просила передать Вам привет.

¹ См. примеч. 1 к письму Малышева от 7 мая 1958 г.

² Косточкин В.В. Крепость Ивангород // Материалы и исследования по археологии СССР. М., 1952. № 31. С. 224–317.

³ Письма Л. Зурова В. Косточкину 1958–1960 гг. см.: [Пономарев 2014, с. 55–72]; М.С. Вильницу — [Там же, с. 72–78]; П.А. Раппопорту — [Там же, с. 78–82].

⁴ Переписку Л.Ф. Зурова с Г.И. Рабиновичем см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 98.

⁵ Письмо М.С. Вильница Л.Ф. Зурову от 23 марта 1958 г. опубликовано (с купюрами): [Пономарев 2014, с. 334–335]. Сведения об обнаружении отчета оказались неверными.

⁶ Кроки — наброски, рисунки, фиксирующие общий композиционный замысел архитектурного сооружения, элементы местности и т. п.

⁷ Видимо, портрет Л. Шестова В. Орлова не прислала: в коллекции Литературного музея ИРЛИ он не числится.

⁸ См. примеч. 1 к письму от 9 марта 1958 г.

* Городищенский хор. Печорский край.

** Портрет Льва Шестова она пришлет⁷.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

7 июля 1958 г.

7.VII.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Ваше письмо и книги получил. Все передал по назначению. Большое спасибо. Завтра вышлю Вам несколько оттисков своих статей. Я только сегодня приехал с Печоры, занимался там поисками древнерусских рукописей. В этом году нашел 75 рукописных книг XV–XIX вв. Июнь м<еся>ц на Печоре был очень мокрый и холодный, поэтому я немного устал. Очень рад тому, что Вы завязали связи с нашими археологами. В Париже прошу передать от меня поклоны Н.В. Резниковой (все посланное ей Институт получил), В.П. Никитину и А.Г. Дедову.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

Почтовая карточка.

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

27 июля 1958 г. Эдинбург

27 июля 1958 г. Эдинбург.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

сегодня получил Вашу открытку. Мне ее переслали из Парижа. Спасибо. Радуюсь Вашим успехам. 75 рукописных книг XV–XIX вв. — это не шутка! Поздравляю. И в Шотландии царит прохлада, с океана наносит дожди. Ездил два раза к морю. Сколько птиц! На карточке — Tantallon Castle¹. Место чудесное. Там, в море, играют молодые тюлени.

Прошу Вас передать мой привет В.В. Косточкину и П. Раппопорту. Всего Вам хорошего.

Л. Зуров

Открытка с видом замка Танталлон (Tantallon Castle and the Bass Rock, East Lothian).

¹ Танталлон — средневековый шотландский замок, расположенный в области Восточный Лотиан, недалеко от города Норт-Бервик.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

30 августа 1958 г. Эдинбург

30 августа 1958 г.
Привет из Шотландии.
Л. Зуров

Открытка с видом замка Стирлинг (Stirling Castle).

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

15 сентября 1958 г.

15.IX.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Первую и вторую открытку Вашу получил. Большое спасибо. Получил письмо и от Н.Е. Андреева (с библиографией по протопопу Аввакуму)¹. Передайте ему от меня благодарность. Вас тоже благодарю. Это наверняка он сделал при Вашем содействии. Записные профессора не очень охотно отвечают. Два дня как приехал со съезда славистов. Разговаривал там с проф<ессором> Малер. Какая же она немка, она скорее похожа на русскую поповну. Всего Вам хорошего.

В. Малышев.

Кланяйтесь от меня А.Г. Дедову

Почтовая карточка.

¹ Данную библиографию Н.Е. Андреев прислал В.И. Малышеву в письмах от 24 августа и 7 декабря 1958 г. (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1411. Л. 6–8 об.).

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

1 октября 1958 г. Эдинбург

Эдинбург, 1 октября 1958 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович, спасибо за милую открытку от 15 сентября с. г. Обрадовало меня, что Вы получили письмо от Н.Е. Андреева с библиографией по протопопу Аввакуму. Я и в Эдинбургском университете навел справки, но местный библиотекарь смог только отыскать известную Вам отлично книгу Паскаля и статью Святополк-Мирского¹.

Н.Е. Андреев прислал мне интересное письмо с описанием конгресса советских и английских историков в Лондоне². Получил я недавно письмо и от

проф<ессора> Малер. Она от Вас в восторге³. Письмо чрезвычайно трогательное. Вспоминаю, как она беседовала в Печорском краю со старухами и городищенскими певицами. Она познакомилась и с Гудзием, Лихачевым, Виноградовым⁴. «Сразу сталкивались. Я не чувствовала себя слависткой, а просто русским человеком».

В Шотландии я под Крифом обнаружил кельтское городище, а близ него камень с выбитыми на нем треугольниками. Вчера закончил археологический отчет.

Судя по рассказам друзей, конгресс славистов был весьма интересным и плодотворным.

В Эдинбурге я прочел довольно редкую книгу: «*Annales de la Petite-Russie; ou Histoire des cosaques-saporogues et des cosaques de l'Ukraine, ou de la Petite-Russie, depuis leur origine jusqu'à nos jours; suivie d'un abrégé de l'histoire des hettmans des cosaques, et des pièces justificatives: traduite d'après les manuscrits conservés à Kiow, enrichie de Notes*»⁵.

В ней есть место о пожаре в Печерском монастыре (Киево-Печерском, я думаю), во время которого погибло много древних рукописей. Об этом я до сих пор не знал. Возможно, что эта книга имеется у Вас (2 тома). На всякий случай я для Вас сделал выписку:

Стр. 196. Том II.

«Un incendie considérable consume l'église et le couvent de Petscherski, avec la superbe bibliothèque qui en faisoit l'ornement. Cette bibliothèque, vrai trésor pour la Russie, contenoit tous les mémoires concernant l'histoire des tems les plus reculés de cet empire, une infinité de manuscrits rares et précieux, dont plusieurs étoient écrits en caractères inconnus, même aux plus savans. Le czar à la triste nouvelle de cette perte irréparable ne put retenir ses larmes»⁷.

Год пожара 1718.

Еще раз спасибо за весточку. В прошлой открытке Вы писали о том, что посылаете мне отписки Ваших работ, но я их еще не получил.

От всей души желаю Вам здоровья и хорошей работы.

Л. Зуров

P.S. Хочу сообщить Вам, что в Эдинбургском городском музее находится много русских вещей — резные прялки, ковши, а также исключительно ценная для этнографа коллекция русских статуэток 19 века в национальных костюмах. Все эти статуэтки расписаны талантливым художником. Крестьянские одежды и головные уборы (Новгород, Псков, Кострома, Смоленск, Мордва и многие другие) исключительно тонко выполнены. Даже вышивки детально воспроизведены. Об этой коллекции, вероятно, мало кто знает. Показывал мне побывавший в Москве ассистент Эдинбургского университета открытки с областными костюмами, купленные им в России, и я пожалел, что издательству и художнику не была известна эдинбургская коллекция.

Л.З.

* Par Jean-Benoit Scherer, Pensionnaire du Roi, Employé au Bureau des affaires étrangères... ci-devant Jurisconsulte du collège impérial de justice à Saint-Petersbourg pour les affaires de la Livonie, d'Estonie et de la Finlande. <Tome second.> A Paris, Chez Cuchet, Libraire, rue et hôtel Serpente. M. DCC. LXXXVIII. Avec Approbation et Privilège du Roi⁶.

¹ *Pascal P. Avvakum et les débuts du raskol. La crise religieuse au XVII-e siècle en Russie. P., 1938 [Паскаль П. Аввакум и начало раскола. Религиозный кризис XVII века в России]; Святополк-Мирский Д. О Московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. 1925. Кн. 4. С. 338–350.*

² Письмо Н.Е. Андреева Л.Ф. Зурову от 21 сентября 1958 г. см.: [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 182–184].

³ После знакомства на конгрессе завязалась их переписка. См. письма Е. Малер к В. Малышеву 1958–1963 гг.: РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1497.

⁴ Виноградов Виктор Владимирович (1895–1969) — литературовед, лингвист. Академик АН СССР, член Болгарской академии наук, почетный доктор Пражского университета.

⁵ «Летопись Малороссии, или История казаков-запорожцев и казаков Украины, или Малороссии, от их возникновения до наших дней; сопровождаемая краткой историей казачьих гетманов и подтвержденная документами: переводами рукописей, хранящихся в Киеве, и дополненная примечаниями» (*франц.*).

Эта книга французского и немецкого историка, географа, дипломата Жана-Бенуа (Йоганна-Бенедикта) Шерера (Scherer; 1741–1824) вышла во Франции в 1788 г.

⁶ Жан-Бенуа Шерер, королевский пансионер, сотрудник Комитета иностранных дел... бывший юрисконсульт Императорской коллегии юстиции в Санкт-Петербурге по делам Ливонии, Эстонии и Финляндии. <Том второй>. Париж, книгоиздательство Кюше, улица и отель Serpente. 1788. Печатается с разрешения цензуры (*франц.*).

⁷ «Значительный пожар истребил церковь и Печерский монастырь с великолепной библиотекой, которая была его украшением. Эта библиотека, настоящее сокровище России, содержала все материалы, касающиеся истории самых далеких времен этой империи, бесконечное число редких и ценных рукописей, среди которых имелось несколько, написанных буквами, не известными даже самым ученым людям. Царь, получив известие об этой непоправимой потере, не смог сдержать свои слезы» (*франц.*).

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

11 декабря 1958 г. Париж

С Новым годом!

Л. Зуров

Новогодняя открытка. Датируется по штемпелю.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

15 декабря 1958 г.

15.XII.58 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Поздравляю Вас с наступающим Новым годом, желаю здоровья, счастья и творческих успехов. Скоро вышло Вам книгу об Изборске. Издала знакомая ученая дамочка¹. Получили ли Вы оттиски?

В. Малышев

Открытка с видом Пушкинского Дома.

¹ Т.Н. Михельсон. См. примеч. 1 к письму Л. Зурова В. Малышеву от 20 марта 1959 г.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

26 декабря 1958 г. Париж

Париж, 26.XII.58

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Спасибо за оттиски, присланные Вами (милую надпись) и альбом И. Ларионова¹. Один из оттисков я передал в Национальную библиотеку, а другой отправил Борису Константиновичу <Зайцеву>.

Читал Вашу работу «Собрание рукописей псковского областного краеведческого музея»² с чрезвычайным вниманием и, радуясь, говорил: какое счастье, что ценнейшие рукописи во время войны не погибли. Очень меня порадовали и фотографии, помещенные в альбоме И. Ларионова «Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков». Особенно хорош сделанный с большой любовью снимок: «Псков. Кремль (до реставрации)». Давно я хотел иметь фотографии Острова, Изборска и уцелевших памятников псковского зодчества.

Очень Вам благодарен.

Откровенно говоря, меня взволновал напечатанный в альбоме проект реставрации псковского Детинца (архитектора Хамцова³). Надеюсь, что проект попал в альбом случайно. Пишу Вам об этом, т. к. знаю, что Вы любите древний Псков. Вчера я отправил письмо московскому археологу В.В. Косточкину (стар<шему> науч<ному>) сотруднику Института истории искусств Академии наук СССР. Косточкин начал со мной переписку благодаря Вашему любезному содействию, вот

Псков. Кремль (до реставрации).

Из кн.: Ларионов И.Н. Архитектура Пскова. Псков, 1958

я и решил послать Вам копию моего письма)⁴. Пожалуйста, если это возможно, ознакомьте ленинградских реставраторов с выдержками из моих писем. Ведь дело касается Детинца — изумительного памятника древности.

Хочу Вам написать и относительно помещенной в альбоме статьи Ларионова.

«Необходимо отметить, — пишет он относительно реставрационных работ, произведенных после войны в разоренном древнем Пскове, — что в это время ряд архитектурных “теоретиков”, пользуясь почти полным разрушением Пскова, предложили и пытались восстановить город с полным подчинением его архитектуры <и жизни> сохранившимся древним памятникам с восстановлением исторических тропок, улочек и переулков. Появились ошибочные, порочные проекты <деревянного двухэтажного Пскова “с погребницами”>. Но в последующие годы жизнь областного центра внесла свои коррективы в развитие и планировку города. <Прежде всего> появились широкие магистрали и площади, дающие одновременно вести многоэтажную застройку, <озеленение и благоустройство улиц, хорошую перспективу для всестороннего просмотра памятников архитектуры>. <...> Пройдет немного лет. Ныне прекрасный, древний, но с каждым днем молодеющий город станет <еще более красивым административным центром>, индустриальным городом <нашей великой Родины>»⁵.

После войны в советских журналах, газетах и в иностранной прессе много писали о варварски разоренных немцами вечевых городах — Пскове и Новгороде, — как и о том, что во время войны русскую древность немецкое командование (с жестокостью потрясающей) решило стереть с лица земли, немецкий генерал отдал приказ: «На востоке культурных ценностей нет»⁶. И этот приказ отдали немцы, которые как зеницу ока оберегают свои старые города, для которых священным является не только каждый переулок в Нюрнберге, Мюнхене, Гейдельберге, но где каждая ведущая к башне древняя тропинка неприкосновенна, как и каждый камень.

После окончания войны искусствоведы с величайшей радостью узнали, что в советской печати опубликованы статьи, в которых сказано, что древние разоренные немцами города будут восстановлены с любовью, большим вниманием к характерным особенностям этих городов и что для восстановления будут привлечены ученые — реставраторы, искусствоведы, историки, то есть люди, не только обладающие знанием, но и наделенные творческим чутьем, любящие и чувствующие русскую древность. Я помню, как один историк искусства*⁷ говорил в Париже: «Какая чудесная работа открывается для археологов, историков и архитекторов. Даже Нередицу хотят восстановить. Молодежь нумерует там каждый камень. Как будет им благодарно потомство за творческую работу. Подумайте, до чего это прекрасно! Какое широкое поле открывается там для археологов. В древних городах будут восстановлены не только потерпевшие памятники зодчества, но и отстроены невысокие, не закрывающие древних церквей дома, сохранены древние жизненные артерии — улицы, переулки, и на малых тихих площадях, как в древних городах Италии, на радость всем будут красоваться памятники зодчества.

* Ныне академик.

Будут сохранены “лавицы” на Пскове — переходы и ведущие к воде, проложенные за тысячелетие спуски. Все будет сделано, и изумительный город — северная жемчужина — с древним Запсковьем и Завеличьем станет не только всенародной, но и мировой гордостью. Живой заповедник. И люди, приезжие, очутившись на зеленом берегу Великой, поблагодарят тех, кто для народа эти места любовно сохранил»⁸.

В те времена часто печатали фотографии опустошенного Пскова (залитого кровью расстрелянных немцами на Торговище людей). Все видели уцелевшие памятники. Уцелевший (на зеленом берегу) Мирожский собор, что расписан фресками еще до основания Берлина. Все радовались — будут восстановлены улицы и посажены сады. Когда писали: утверждена комиссия по охране памятников зодчества, которая получила особенные права⁹.

Конечно, все понимали, что за чертой заповедника возникнут новые (созданные умными архитекторами) улицы, которые не только не нарушат общего впечатления, но явятся органическим продолжением древнего города. Ведь теперь все возможно. Места много. Как хорошо, что строительство будет протекать под наблюдением подлинных знатоков. Древний город будет в почете. Молодежь приедет из южных городов: смотрите, до чего все здесь чудесно. Можно на месте изучать историю, на площадях читать лекции о древнем искусстве.

А вот теперь из работы Ларионова видно, что талантливых людей, любящих древность, людей, наделенных органическим чувством и ответственностью перед народом, кто-то окрестил «теоретиками». А было ожидание большой радости. Ведь народ любит свой седой Псков! А вот кто-то пошел против тех, которые хотели на весь мир прославить работу талантливых советских историков, строителей и археологов, сорвал творческую работу, о начале которой в газетах писали столь горячо. Что же там произошло? Кто на древнем месте, политом кровью расстрелянных немцами псковичей, приказал построить (у стены Детинца) кинотеатр? Почему древний Псков не получил право на подлинное научное восстановление? Почему ему отказано в том, в чем не отказано Мюнхену и Нюрнбергу?..

В областном сборнике творческие люди названы «теоретиками», а те, что хотят превратить единственный в мире изумительный город в Харьков, Ставрополь (или же в предместье Лиона), гордо считают себя органическими людьми. Ведь это они воздвигли здание кинотеатра около Детинца и, откровенно говоря, самым жесточайшим образом пошли походом на древность, которая не враждует с современностью.

Какое счастье, что этим людям не позволили закрыть высокими зданиями Московский Кремль. Они бы с удовольствием рядом с прекрасно реставрированным ныне собором Василия Блаженного, конкурируя с ним, построили бы свои высокие дома. Надо сказать, что сейчас в Европе появилась туча таких «чудо-строителей», которым все равно — где, на каком месте возводить высокое здание. Они древности не видят, да об этом и не думают. Дайте такому волю, он и Дворцовую площадь использует, а на Марсовом поле возведет высоченный дом. И обязательно начнет строить все так, чтобы его безлика, схваченная с чужих образцов архитектура победила бы не только Адмиралтейскую иглу, но и колокольню Пе-

тропавловской крепости. К счастью, от таких «чудо-строителей» оберегают центры русских, итальянских, французских и шотландских городов. В центре шотландской столицы Эдинбургский замок высится на поросших травой громадных диких скалах, в расщелинах которых вьют гнезда птицы. В Эдинбурге сохранены все ведущие к замку тропы. Молодежь в праздничные дни отдыхает на поросших травой склонах своего древнего городища, любясь полетом чаек, наблюдая, как внизу живет большой город. В центре Эдинбурга шотландцы оберегают и вторую чудесную гору (Артур-Сити) с руинами древнего монастыря, с тремя озерами, на которых жирует перелетная дикая птица, с вечно зелеными пастбищами, на которых пасутся (в центре столицы) стада овец. Там, уйдя от столичного шума, горожанин может бродить по диким тропинкам и полянам, совершенно забыв о том, что рядом находится город. Там народ отдыхает.

Попробуйте в центре французского древнего города сдвинуть старинную улицу, расширить площадь. Этого сделать не позволят. Почему Псков оказался несчастным городом?

В 1937 году, перед войной, в Старый Изборск приехал самоуверенный (разбогатевший на подрядах) делец. Он хотел и под Изборской крепостью застроить все свободное место. Когда ему А.И. Макаровский¹⁰ (ныне покойный) начал рассказывать о древности изборских стен и башен, делец, смеясь, ответил:

— Да на что они нам. Что, мы эти стены лизать будем!

Вот такие дельцы, часто прикрываясь хозяйственными целями, уничтожили множество памятников древности. Такими людьми была уничтожена дивная древняя звонница на острове Колпине (Псковское озеро), древняя церковь со звонницей в погосте Печки* (разобрана на камни), сломано чудесное крыльцо (на круглых псковских столбах) в Сеннской церкви** (для современников вход стал узок)...

Вот такие люди, для которых, очевидно, не существует культурных памятников, занимаясь строительством, хотят вытеснить древность или в задний угол ее загнать. Они идут на нее походом, вооруженные линейкой, желая по своему вкусу перестроить все, и так перестроить, чтобы древние памятники, лишенные своих старых улиц, малых площадей, характерных для русского города деревянных домов, заборов и садов, потеряли свою органическую прелесть.

Кучи строителей разоряют сейчас города Испании. Они изуродовали уже южное побережье Средиземного моря и знаменитые места в Швейцарии. Старые города охраняют от них свои центры, но там, подальше, где можно было приобрести частную собственность, ими уничтожены сады, старые виллы. Вооруженные миллионами дельцы сейчас скупают для своих богатых хозяев целые улицы в бедной Испании. Уничтожают старые мавританские дворы, апельсиновые сады и на их месте строят доходные серые коробки, не отличающиеся друг от друга. Но к центрам древних городов, к счастью, для них путь закрыт. Кинотеатра они перед собором Нотр-Дам не поставят. Но они хотели построить в Венеции небоскребы.

* Устье Великой.

** Деревня Сенно, что под Изборском.

Когда я прочел статью Ларионова, мне стало больно. Я себя спросил: почему во Пскове умный и талантливый проект — сохранить древний город — был отвергнут. Ведь древность, повторяю, с современностью не враждует. А ведь во Пскове пошли походом на подлинную народную древность и начали ее вытеснять новостройками и равнять по своим новостройкам. Чувство такое: они бы всю псковскую древность подогнали бы под свои новостройки и помолодили бы ее, чтобы она не выделялась.

Если таким строителям дать волю, то от многострадальной, чудом уцелевшей русской древности ничего не останется. Хорошо, что этих строителей остановили в Москве. Предложенный псковскими архитекторами отвергнутый проект был умный, талантливый — как живой заповедник сохранить древний город с его улицами, переулками, поросшими травой площадями, невысокими деревянными домами, не закрывающими памятники древнего зодчества. Ведь древняя красота Пскова равна красоте древних городов Италии. Таких городов, как Новгород и Псков, в мире больше нет.

Шлю Вам сердечный привет.

От всей души желаю плодотворной работы.

Л. Зуров

P.S. Не могу понять, почему работники псковского краеведческого музея стали называть дедовский Детинец — Кремлем. Весь народ — чудские и обозерские рыбаки, изборяне, островичи и эсты — с давних времен его почтительно и любовно величает Детинцем.

P.P.S. Вера Николаевна Бунина шлет Вам привет. Она скоро пришлет портреты.

Письмо (с купюрами) впервые опубликовано: [Пономарев 2014, с. 330–331] (по копии из Архива русской эмиграции в университете Лидса, MS 1068/3601).

¹ Ларионов И.Н. Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков. Псков, 1958.

Ларионов Иван Николаевич (1892–1981) — краевед, художник, фотограф. Член Комиссии по учету и изъятию церковных ценностей (1921–1922). В качестве инспектора по охране памятников участвовал в вывозе из бывших помещичьих усадеб и церквей Псковской губернии произведений русских и западноевропейских мастеров. Один из организаторов Творческого объединения псковских художников. В 1921–1938 гг. возглавлял Картинную галерею Псковского музея. В 1955–1963 гг. директор Псковского областного музея. Почетный гражданин города Пскова (1972). Автор ряда научно-популярных трудов по истории и культуре Пскова.

² Малышев В.И. Собрание рукописей Псковского областного краеведческого музея // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. XI. С. 471–479.

³ Хамцов Алексей Иванович (1914–1994) — архитектор-реставратор. Участник Великой Отечественной войны, военный инженер. С 1952 г. главный архитектор проекта в Центральных научно-реставрационных мастерских Министерства культуры СССР. Один из авторов проекта реставрации стен и башен Московского Кремля.

Постановление Совета министров РСФСР от 22 августа 1952 г. № 1108 «О восстановлении и благоустройстве древних русских кремлей Новгорода и Пскова» положило начало реставрационным работам на этих памятниках. Автором проекта реставрации Псковского кремля был назначен А.И. Хамцов. В 1954 г. проект был согласован и утвержден Коллегией Управления по делам архитектуры при Совете министров РСФСР. Предусматривалось восстановление крепостных сооружений кремля на полный профиль, благоустройство территории и музеефикация памятника. Проект А.И. Хамцова был графической реконструкцией Крома и Довмонтова города на определенный исторический период — XVII век. В результате работ 1952–1956 гг. были восстановлены речной фасад Псковского кремля и большая часть фасада всей Псковской крепости. К 1970 г. были отреставрированы все укрепления Кремля.

⁴ Публикуется ниже.

⁵ Из вступительной статьи И.Н. Ларионова к указанному альбому. В угловых скобках восстановлены пропуски, сделанные Л. Зуровым и обозначенные им отточиями.

⁶ Командующий 6-й германской армией генерал-фельдмаршал фон Рейхенау в приказе от 10 октября 1941 г. «О поведении войск на Востоке» писал: «Никакие исторические или художественные ценности на Востоке не имеют значения».

⁷ Зуров не называет имени «академика». Можно предположить, что имеется в виду Андрей Николаевич Грабар (1896–1990) — византолог, историк искусства, действительный член Французской академии (1955) и академий многих стран мира. В письме к В.В. Косточкину от 26 апреля 1960 г. Л. Зуров вспоминает о том, как «французский академик, византолог Грабар» прочел доклад о древнерусских мастерах, а после доклада долго беседовал с ним «о новгородских фресках» [Пономарев 2014, с. 72].

⁸ Кавычки, закрывающие цитату, в письме Зурова отсутствуют. Поставлены предположительно.

⁹ Л. Зуров демонстрирует хорошую осведомленность о планах реставрации памятников древнерусского зодчества, которые начали претворяться в жизнь еще до завершения Великой Отечественной войны. В 1943 г. был создан Комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР и в его рамках — Главное управление по охране памятников архитектуры. Начались восстановительные работы, была создана сеть органов охраны памятников с инспекциями при них. Согласно постановлению Совнаркома СССР от 1 ноября 1945 г. «О мероприятиях по восстановлению разрушенных немецкими захватчиками городов РСФСР» Псков вошел в число городов, подлежащих первоочередному восстановлению. В 1948 г. в издательстве Академии наук СССР вышел сборник «Памятники искусства, разрушенные немецкими захватчиками в СССР» под редакцией И.Э. Грабаря. Появились постановления Совета министров РСФСР об охране памятников (20 мая 1947 г.) и Совета министров СССР о мерах улучшения охраны памятников культуры (14 октября 1948 г.).

¹⁰ Макаровский Александр Иванович (1888–1958) — историк, краевед, богослов. Преподавал историю в школах Изборска. Автор работ о древностях и достопримечательностях Печорского края. С 1951 г. профессор Ленинградской духовной академии. Сотрудничал с Л. Зуровым во время его экспедиций; в частности, летом 1937 г. вместе с ним отстоял часовню Флора и Лавра в Изборске, предназначенную уездной управой к сносу [Пономарев 2014, с. 35–36, 55].

Л.Ф. ЗУРОВ – В.В. КОСТОЧКИНУ

22 декабря 1958 г. Париж

Париж, 22 декабря 1958 года.

Глубокоуважаемый Владимир Владимирович,

Ваше заказное письмо получил 17.XII. Его переслали из Эдинбурга в Париж.

Радуюсь, что уцелела построенная при Иване III малая Никольская церковь.

Пожалуйста, передайте В.Л. Янину¹, что профессор А.И. Макаровский умер в Ленинграде 3 мая с. г. (т. е. в тот день, когда я Вам отправил письмо, извещая Вас о хранящейся у Макаровского найденной на Труворовом городище печати). В Париже я купил «Журнал Московской патриархии» (ном<ер> 8, 1958 г.)². В нем помещена фотография Макаровского и напечатан прекрасно написанный (доцентом И. Белевцевым³, стр. 28, 29, 30) некролог, в котором отмечено (а это, я думаю, заинтересует и Вас), что А.И. Макаровский когда-то опубликовал и несколько статей по истории Изборска и Псково-Печерского монастыря.

Радует меня Ваше известие, что весной <19>59 г. в Ивангороде должны начаться большие реставрационные работы, как и то, что и Вы, возможно, примете в них участие. Надеюсь, что взорванные немцами башни и стены Ивангородской крепости реставраторы восстановят целиком. Хорошо, что старые фотографии уцелели.

Но вот, откровенно говоря, испугал меня — да думаю, и не только меня — проект реставрации псковского Детинца архитектора А.И. Хамцова. Пожалуйста, обратите внимание научных работников Вашего института на выпущенный Псковским областным краеведческим музеем сборник И. Ларионова «Архитектура Пскова. Социалистический и древний Псков» (Издательство газеты «Псковская правда». 1958 г.). Там помещены современная превосходная фотография «Псков. Кремль (до реставрации)» и «Проект реставрации Кремля» (на первом плане — «решетки» и устье Псковы) архитектора А.И. Хамцова. Помещенная в альбоме современная фотография Детинца великолепна. Художники могут радоваться — в такой силе и славе живет возвышающийся над речными водами, потемневший за века, суровый, седой и в то же время и могучий Детинец. Какое счастье, что, несмотря на все бури и невзгоды, он уцелел. Все на этой фотографии изумительно — это как бы драгоценное полотно неведомого гениального художника. И дикие камни у вод, и суровый цвет рассыпавшихся башен и стен; поросшие за века травой, хрящеватые от плитника крепостные скаты и белый под облаками собор... Эта фотография на иностранцев производит столь сильное впечатление, что один из французских искусствоведов мне недавно сказал: «Я не знал, что на севере России уцелело столь сильное своей древней красотой изумительное место. И какое счастье, что⁴ это городище сохранилось в своей неповторимой силе и простоте. Изумительно». И этот человек вспомнил самоуверенного и самоупоенного французского реставратора Viollet-le-Duc⁵, который при Наполеоне III занялся величественными (возвышавшимися на высокой скале) руинами замка (Le château de Pierrefonds) и создал на древнем основании свой фантастический многобашенный замок. Так вот, этого реставратора (Viollet-le-Duc), а он когда-то был исключительно прославлен и напе-

*Проект реставрации Псковского кремля. Архитектор А.И. Хамцов.
Из кн.: Ларионов И.Н. Архитектура Пскова. Псков, 1958*

чтал множество работ, французские реставраторы и искусствоведы вспоминают недобрым словом. Имя его стало нарицательным.

Теперь скажу несколько слов о проекте А.И. Хамцова. Возможно, что архитектором руководили лучшие желания и он как-то по-своему любит старину, но мне хотелось бы, чтобы Вы обратили внимание московских реставраторов на проект реставрации псковского Детинца. Спросите, пожалуйста, в институте* их: обсуждали ли провинциальный проект реставрации в Ленинградской реставрационной мастерской? Видели ли этот проект профессор Игорь Грабарь⁷ (ведь он спас множество памятников материальной культуры), московские реставраторы и пользующийся мировой известностью профессор Лазарев?⁸ Пускай они посмотрят, как архитектор А.И. Хамцов хочет омолодить седой Псков. Мне кажется, что на А.И. Хамцова, несомненно, повлияли какие-то псевдоисторические картинки или же макеты кинематографических далеко не первоклассных постановок.

Не могу поверить, что псковские реставраторы решили разрушить Детинец, славящийся на весь мир суровой и мощной, как бы первозданной красотой своих развалин. Глядя на картину Добужинского («Детинец под снегом»), С.В. Рахманинов восхищался «единственным в мире историческим пейзажем» (эта картина и сейчас висит в Париже у младшей дочери Рахманинова). Развалины Детинца любили — композитор Глазунов (он и венчался в Детинце), Шалапин, художники Рерих, Коровин, Добужинский, Лаховский (последний сотню картин написал — был влюбленный в развалины Детинца, лады, паруса, рыбный базар на Пскове. Он изумлялся неповторимости улиц, переулков, тропинок, домов и церквей Запсковья и Завеличья.) Искусствовед П. Муратов (автор книги «Образы Италии») совершенно справедливо считал, что древний Псков по красоте Детинца, церк-

* Институт истории искусств Академии наук СССР⁶.

вей, зарастающих травой площадей имеет особенную, только ему свойственную стать и может поспорить со знаменитыми малыми городами древней Италии.

Профессор Айналов⁹ (имя которого часто упоминается в книгах советских искусствоведов) возил студентов во Псков и, показывая им (с берега Псковы) на развалины Детинца*, учил своих слушателей чувствовать и понимать простоту и величие древней истории.

А вот архитектору А.И. Хамцову развалины Детинца не нравятся. Он его видит по-своему. Но Детинец, к счастью, является достоянием всего русского народа. Псков — древнейшее место. Исторический заповедник. Разрушить его легко, а восстановить невозможно. Второго такого города нет. Ведь если приступить к реставрации стен и башен Детинца по проекту А.И. Хамцова (я не говорю о том, что необходимо укрепить стены и башни, сохраняя их «патину», не налагая кричащих заплат), то надо снести остатки древних стен и башен, построить новые башни и стены. А потом архитектор уберет прочь все древние камни, почистит (под метелку) берег и склоны, покроет асфальтом тысячетлетние тропинки, вымостит набережные, посеет газон, разобьет у собора клумбочки, посадит елки и цветочки. Устроит кинематографический городок. Страшно даже подумать. Нет больше псковского Детинца, а построен Кремль архитектора А.И. Хамцова. Но тогда для полноты картины ему нужно будет снести и собор. Ведь он построен при Петре. Надо соорудить на его месте что-то такое более «древнее», гармонирующее с «решетками» и новыми побеленными башнями. А если допустить подобную реставрацию, то завтра окрыленный успехом архитектор развалит стены Старой Ладogi, помолодит, как рождественского деда, Изборск, а на месте древних стен Копорской крепости заложит свой сказочный город. И будет все побелено, все заблестит на удивление. И люди скажут: это лубок. И будет умерщвлена и разрушена навсегда подлинная древность.

Ведь если дать такому реставратору одну из драгоценных рублевских икон, о которых теперь говорит весь мир, то он и ее решит поновить, переписать на свой лад, почистить, восстановить опавшие места своей кистью.

Возможно, что проект попал в псковский альбом случайно. Но о чем же думала редакция, печатая (смутивший и повергший в великую печаль не только меня) проект реставрации? Возможно, что архитектором А.И. Хамцовым при создании проекта руководили самые лучшие желания, но что же делать, когда подлинной, находящейся перед его глазами древности (и ее поэтического поистине вдохновенного величия) он не видит, а чувства истории и древности, к величайшему сожалению, не имеет.

Л. Зуров

Начиная со слов «Но вот, откровенно говоря...» и до конца письма текст отчеркнут на полях В.И. Малышевым красным карандашом.

Это содержательное письмо, копию которого Зуров прислал Малышеву, отсутствует в архиве Зурова в ДРЗ, не вошло оно и в подборку писем Зурова В. Косточкину в книге

* Смотрите фотографию «Псков. Кремль (до реставрации)».

«Л.Ф. Зуров. Статьи и письма. Вып. I» (М., 2014). Публикуем текст письма по копии, сохранившейся среди писем Л. Зурова к В. Малышеву в ИРЛИ (Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 30–33).

В ответном письме 19 февраля 1959 г. В. Косточкин, в частности, сообщал: «То, что Вы пишете относительно реставрации Псковского кремля по проекту архитектора А.И. Хамцова, совершенно справедливо. Однако не все думают так. В системе Академии наук СССР имеется научно-методический совет по охране памятников культуры, действительным членом которого являюсь и я. На этом совете вопрос о реставрации Псковского кремля и методической направленности реставрационных работ по нему ставился и обсуждался не раз. Многие с подобной реставрацией не соглашались и думают так же, как и Вы. На месте же, в самом Пскове думают иначе и решения Совета не всегда выполняют» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 49. Л. 29).

Л. Зуров в письме от 23 марта 1959 г. прореагировал так: «Радует меня, что Вы являетесь действительным членом научно-методического совета по охране памятников культуры. После Вашего письма сердце мое успокоилось. Верю, что во Пскове победит научный метод реставрации» [Пономарев 2014, с. 66].

¹ Янин Валентин Лаврентьевич (род. 1929) — историк и археолог, академик РАН, член Комиссии по особо ценным объектам культуры при Президенте РФ. В момент написания письма — научный сотрудник кафедры археологии МГУ.

² Неверно указан номер журнала: некролог опубликован в № 7 за 1958 г.

³ Белёвцев Иван Иванович (род. 1928) — митрофорный протоиерей, заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии. В момент написания письма — священник, доцент Ленинградской духовной академии. С 1996 по 2015 г. настоятель храма Воздвижения Креста Господня в с. Ополе (ныне Гатчинская епархия).

⁴ Далее зачеркнуто: *его не коснулась рука какого-нибудь бездарного реставратора.*

⁵ Эжен Эмманюэль Виолле-ле-Дюк (1814–1879) — архитектор, историк, археолог, реставратор, инженер, декоратор, художник. Реставрировал ряд французских готических соборов. Методы реставрации вызывали разноречивые оценки. Отстаивал принцип восстановления объекта «до законченного состояния», которого оно могло никогда не иметь. Образцом такой «реставрации» считали замок Пьерфон, который вобрал в себя все характеристики сооружения Средневековья.

⁶ Институт истории искусств Академии наук СССР основан в 1944 г. В 1962 г. переведен в ведение Министерства культуры СССР и переименован во Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания. С 1995 г. — Государственный институт искусствознания.

⁷ Грабарь Игорь Эммануилович (1871–1960) — живописец, реставратор, искусствовед, теоретик искусства, педагог. Академик Академии наук (1943) и Академии художеств СССР (1947). В 1944–1960 гг. руководитель упомянутого Зуровым Института истории искусств.

⁸ Лазарев Виктор Никитич (1897–1976) — искусствовед, специалист в области истории древнерусского и византийского искусства, автор ряда работ об иконописи. Совместно с И.Э. Грабарем был одним из организаторов Института истории искусств, где создал сектор по изучению древнерусского искусства.

⁹ Айналов Дмитрий Власьевич (1862–1939) — историк раннехристианского и византийского искусства. Учился в Одессе в Новороссийском университете у Н.П. Кондакова, преподавал историю в Казанском университете (1890–1903); с 1903 г. профессор Санкт-Петербургского университета; в 1922–1929 гг. работал в Государственном Эрмитаже. Один из самых видных учеников и продолжателей идей Н.П. Кондакова. В его трудах эстетическое осмысление древних памятников сочетается с их историко-культурной оценкой.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

15 января 1959 г.

15.I.59 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Сегодня получил от автора для Вас книжку об Изборске и посылаю ее Вам одновременно с этой открыткой. Напишите о получении. Ваше большое письмо я получил и послал его в Псковский музей. Скоро будет в Ленинграде директор Псковского музея И.Н. Ларионов, и я поговорю еще с ним лично. Если будете писать проф<ессору> Малер, передайте ей, пожалуйста, что у меня есть все работы проф<ессора> П. Паскаля о протопопе Аввакуме, пусть она не ищет их для меня.

Всего Вам наилучшего.

В. Малышев

Почтовая карточка.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

2 марта 1959 г.

2.III.59

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Фотографии Бунина получили. Большое спасибо мадам Буниной и Вам¹. Литературный музей обещает написать Вам отдельно. В этом письме посылаю Вам вырезку из «Веч<ернего> Ленинграда» о фотографиях Бунина². Не забывайте о моем интересе к протопопу Аввакуму, осаде Пскова Стефаном Баторием и осаде Пскова Густавом-Адольфом в 1615 г. Собираю по этим темам все, даже мелкие газетные информации.

Здоров ли проф<ессор> Н.Е. Андреев, я послал ему IX и XV тт. «Трудов Отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР», но до сих пор не знаю, дошли ли они до адресата. Кланяйтесь ему от меня. Нельзя ли достать в Париже поэму (или баллада) «Иоанн Креститель и протопоп Аввакум» Абрама Лесина (А. Вальт)?³ Написана и напечатана, кажется, в Париже около 1928 г. Не знает ли о ней Б.К. Зайцев? Б.К. Зайцеву тоже кланяйтесь от меня.

Всего Вам наилучшего,

В. Малышев

P.S. Скоро вышлю Вам новое издание Повести об осаде Пскова Стефаном Баторием. Текст подготовил я.

В.М.

Автограф, чернила.

¹ В архиве В. Малышева имеется письмо к нему В.Н. Буниной от 9 февраля 1959 г. Приводим его целиком:

«Париж, 9.II.59
 Многоуважаемый Владимир Иванович,
 Простите, что с таким опозданием исполняю Вашу просьбу — прислать несколько фотографий Ивана Алексеевича.
 Я была перегружена ответными письмами — и деловыми, и праздничными, да и чувствую себя не очень хорошо. Болел и Леонид Федорович. Вчера наконец вытащили чемодан с фотографиями, и Л.Ф. упаковал Вам несколько портретов и любительских снимков на юге.
 Желаю Вам в 1959 г. здоровья, плодотворной работы и радости.
 С сердечным приветом от Л.Ф. и меня,
 В. Бунина
 См<отрите> на обороте.
 P.S. Леонид Федорович Вам скоро напишет. Его очень порадовала книжка Михельсон «Изборск»» (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1426. Л. 1–1 об.).

² К письму подклеена вырезка из газеты «Вечерний Ленинград» от 23 февраля 1959 г., озаглавленная «Редкие фотографии И.А. Бунина»: «Вдова писателя И.А. Бунина — В.Н. Муромцева-Бунина прислала в Институт русской литературы Академии наук СССР ряд редких фотографий. Это главным образом портреты писателя, умершего во Франции в 1953 году. Интересна одна из последних фотографий И.А. Бунина. Он снят на побережье Средиземного моря сидящим на борту лодки в Каннском порту. На некоторых фотографиях имеются автографы писателя. Полученные из Парижа фотографии переданы в Литературный музей».

³ Лесин Абрам (наст. фам. Вальт; 1872–1938) — поэт, публицист. С 1913 г. редактор литературного журнала «Цукунфт», выходившего на идише в США. Большинство поэтических произведений Лесина вошло в сборник «Лидер ун поэмен» («Стихи и поэмы», Нью-Йорк), вышедший в 1938 г. с рисунками М. Шагала. Баллада «Иоанн Креститель и протопоп Аввакум» написана в 1928 г.

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

20 марта 1959 г. Париж

Париж, 20 марта 1959 года.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Простите за долгое молчание. Был болен отвратительным гриппом, пришлось лечиться. А тут и Вера Николаевна Бунина заболела*.

Благодарю Вас за открытки и книгу Т.Н. Михельсон¹. Прочел с наслаждением. Благодарил автора и Вас.

Давно передал Ваш привет проф<ессору> Малер. Известил ее, что у Вас имеются все работы проф<ессора> Паскаля о протопопе Аввакуме. Надеюсь, Вы получили от Малер историю литературы проф<ессора> Мушга².

Спасибо за письмо от 2 марта. Вырезку из газеты передал Вере Николаевне, она благодарит.

* Обнаружено много белых кровавых шариков.

Написал Андрееву в Кембридж. Он меня известил, что у него родился сын³. Николай Ефремович Вам напишет.

Теперь несколько слов относительно поэмы (или баллады) «Иоанн Креститель и протопоп Аввакум» Абрама Лесина (А. Вальт). Вы пишете: «Напечатана, кажется, в Париже около 1928 года». Навел справки, опросил престарелых поэтов, что давно живут в Париже. Лесина они не встречали, никогда ничего о нем не слышали. Жаль, что умер Ходасевич. У него была исключительно ценная библиотека зарубежных стихов. Она была реквизирована во время оккупации, когда немцы арестовали вдову Владислава Фелициановича (погибла в лагере). Б.К. Зайцев о поэме Лесина никогда не слышал. Лесина в Париже он не встречал. Борис Константинович просил передать Вам привет. Скоро он Вам кое-что пришлет.

От В.В. Косточкина получил оттиски его исключительно интересных работ.

Радует меня, что Вы печатаете новое издание Повести о осаде Пскова Стефаном Баторием. Поздравляю!

От всей души желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

Л. Зуров

¹ Михельсон Т.Н. Изборск: историко-архитектурный очерк. Псков, 1958.

Михельсон Татьяна Николаевна (1918–1999) — преподаватель кафедры иностранных языков Ленинградского отделения Академии наук, автор «Практического курса грамматики английского языка» (в соавт. с Н.В. Успенской) и других пособий. (В издании [Пономарев 2014, с. 355] ошибочно указана как сотрудник Пушкинского Дома.) В качестве переводчика (с древнерусского) и комментатора подготовила книги для юношества «Рассказы Начальной русской летописи» (1964), «Рассказы русских летописей XII–XIV вв.» (1968), «Рассказы русских летописей XV–XVII веков» (1976).

Письмо Л. Зурова к Т. Михельсон от 19 июня 1960 г. и фрагменты их переписки см.: [Пономарев 2014, с. 88–90, 355, 358].

² Мушг Вальтер (Muschg; 1898–1965) — швейцарский литературовед. С 1936 г. профессор немецкой литературы в Базельском университете. Автор книги «Tragische Literaturgeschichte» [«Трагическая история литературы»] (1948; 1953; 1957).

³ О рождении сына Николая Н.Е. Андреев сообщил Л.Ф. Зурову в письме от 10 марта 1959 г. [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 193].

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

17 марта 1959 г.

17.III.59 г.

Многоуважаемый Леонид Федорович!

Одновременно с этим письмом послал Вам книгу «Русские повести XV–XVI вв.». Текст повести о Стефане Батории подготовлен мной¹.

В Музее меня заверили, что они поблагодарили Веру Николаевну Бунину за присланные фотографии.

Не встречалось ли Вам чего-нибудь новенького об Аввакуме, даже маленького, газетного?

Здоров ли профессор Н.Е. Андреев? Я давно, давно послал ему IX и XV тома «Трудов Отдела древнерусской литературы» и не знаю, получил ли он их.

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

P.S. В.Н. Буниной прошу передать от меня поклон и пожелание всего хорошего.
В.М.

См. <на> обороте²

Автограф, чернила.

¹ Русские повести XV–XVI веков / сост. М.О. Скрипиль; ред. текстов, статей и примеч. Б.А. Ларин. М.; Л., 1958. Текст повести «Об осаде Пскова Стефаном Баторием» подготовлен В.И. Малышевым.

² На обороте листа наклеены две газетные вырезки:

«В дар Пушкинскому Дому. В Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР пришла посылка из Парижа. Это — дар В.Н. Муромцевой-Буниной Пушкинскому Дому — книга, написанная ею об известном русском писателе И.А. Бунине. Труд охватывает время с рождения по 1906 год и представляет собой первую часть большой биографии писателя» («Вечерний Ленинград», 14 марта 1959 г.).

«Посылка из Парижа. Ленинград, 3 марта. (Наш корр.). В.Н. Бунина, вдова известного русского писателя И.А. Бунина, прислала из Парижа в дар Институту русской литературы Академии наук СССР несколько редких фотографий писателя. Кроме того, В.Н. Бунина прислала выпущенную в прошлом году в Париже первую часть большой биографической работы о писателе. В книге использованы многие неизвестные до сих пор материалы из семейного архива Бунина. Ценный дар передали в Литературный музей Института русской литературы Академии наук СССР» («Комсомольская правда», 4 марта 1959 г.).

В обеих заметках речь идет об издании: *Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. 1870–1906.* Париж, 1958.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

30 марта 1959 г.

30.III. 59

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Письмо Ваше получил. Спасибо Вам за справку о Лесине. Михельсон письмо передал: ученая дамочка обещала Вам написать письмо. С Вашей помощью пришел ответ и от Андреева Н.Е. Все, что посылала мне проф<ессор> Е. Малер, все я получил и ее поблагодарил. Будете писать проф<ессору> Н.Е. Андрееву и проф<ессору> Е. Малер, кланяйтесь им от меня. Я почти закончил книжку о печорских рукописях XVI–XIX вв. Думаю, что через м<еся>ц-полтора она пойдет в издательство.

Кланяйтесь от меня В.Н. Буниной и Б.К. Зайцеву и не забывайте о моем интересе к протопопу Аввакуму.

Всего наилучшего.

В. Малышев.

P.S. Не знает ли Б.К. Зайцев чего-нибудь об Аввакуме?

<P.>P.S. Спросите, пожалуйста, проф<ессора> Малер, выходила ли в Фрибурге книга Говена об А. Блоке (1943 г.)¹. Ей интересуется один наш ученый муж (Д.Е. Евгеньев)².

Почтовая карточка.

¹ Жан Говен (Jean Gauvain) — псевдоним Жана Лалу (Laloy; 1912–1994) — французского дипломата и переводчика. Служил советником-посланником в Москве в 1955–1956 гг. Автор работ о Советском Союзе; переводил В. Соловьева и А. Блока. В 1943 г. во Фрибурге (Швейцария) в католическом журнале «Nova et Vetera» («Новое и Старое») появилась подборка стихотворений Блока со вступительной заметкой «Александр Блок, поэт русской трагедии». Составителями были два французских беженца в Швейцарии, Ж. Говен и Э. Бикер (Gauvain J., Bickert E. Alexandre Blok, poète de la tragédie russe // Nova et Vetera (Fribourg). 1943. № 3). В 1967 г. они выпустили книгу переводов А. Блока: *Blok A. Les Scythes et autres poèmes / traduit par E. Bickert et J. Laloy*. P.: Librairie des Cinq Continents, 1967.

² Скорее всего, имеется в виду литературовед Дмитрий Евгеньевич Максимов (1904–1987). Фамилию «Евгеньев» (псевдоним его старшего брата, филолога В.Е. Евгеньева-Максимова) В. Малышев, вероятно, указал ошибочно.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

5 апреля 1959 г. Париж

5.IV.59 г. Paris

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

сердечное спасибо за подарок — «Русские повести XV–XVI веков» с Вашей надписью. Очень Вы меня порадовали. Давно хотел иметь под рукой тексты др<евних> рус<ских> повестей. «Об осаде Пскова Стефаном Баторием» перечитываю с волнением. Когда-то в Риге я долго искал этот текст. Обнаружил его на книжном складе Кимеля (в Старом городе), где была тогда свалена и знаменитая библиотека Смирдина¹.

Надеюсь, Вы получили мое письмо. Передайте, пожалуйста, привет Т.Н. Михельсон.

От всей души желаю Вам здоровья и творческой работы.

Ваш Л. Зуров

Exp. L. Zouroff, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16^e, France

Открытка с видом площади Согласия в Париже.

¹ Книги из собрания петербургского издателя и книгопродавца А.Ф. Смирдина (1795–1857), сменив ряд владельцев, были приобретены рижским книгопродавцем Н. Киммелем. Часть библиотеки, не распроданную Н. Киммелем, в 1932 г. купила Славянская библиотека в Праге.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

12 мая 1959 г. Париж

12 мая 1959 г. Париж

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,
из Эдинбургского университета (Русский отдел) я получил письмо, а в нем есть строки: «Можете сообщить В.И. Малышеву, что в сборнике “Indiana Slavic Studies”, 1956 г., I том (Indiana University Publications) помещена на английском языке статья Сергея Зеньковского об Аввакуме»¹.

Желаю Вам плодотворной работы. Пожалуйста, передайте мой привет Т.Н. Михельсон. Скоро отвечу Т.Н. на все вопросы.

Ваш Л. Зуров

Exp. L. Zouroff, 1, rue Jacques Offenbach, Paris 16^e, France

Открытка с видом Вандомской колонны в Париже.

¹ *Zenkovsky S. The Old Believer Avvakum: His role in Russian Literature // Indiana Slavic Studies, 1956. Vol. I. P. 1–51.*

Зеньковский Сергей Александрович (1907–1990) — русский историк. Племянник В.В. Зеньковского. С 1927 г. жил в Париже, в 1939–1944 гг. — в Чехословакии, после Второй мировой войны переехал в США, где преподавал в ряде университетов.

В.И. МАЛЫШЕВ – Л.Ф. ЗУРОВУ

4 июня 1959 г.

4.VI. 59 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Одновременно с этим письмом я послал Вам заказной бандеролью два плаката о псковских архитектурных памятниках. А в этом письме посылаю отпечатки статьи от И.Н. Заволоко. Напишите мне, пожалуйста, о получении.

Моя знакомая ученая дамочка М. Дикман¹ просила меня спросить у Веры Николаевны Буниной:

- 1) О пребывании Бунина у Горького на Капри.
- 2) Об отношении Бунина к циклу рассказов Горького «По Руси».
- 3) Творческая история деревенских рассказов Бунина, созданных на Капри.

М. Дикман занимается изучением творчества Горького и Бунина. Если Вера Николаевна сейчас здорова, то попросите ее, пожалуйста, хотя бы коротко ответить на эти вопросы.

В этом году на Печору я поеду только в конце июня (маленько побаливаю).

Всего Вам хорошего.

В. Малышев

P.S. Кланяйтесь от меня Вере Николаевне. У нас очень ждут вторую часть ее книги.

Автограф, чернила.

¹ Дикман Мина Исаевна (1910–1989) — литературовед, автор работ о поэтах Серебряного века. Редактор Ленинградского отделения издательства «Советский писатель». Ее вопросы связаны с подготовкой статьи: *Дикман М.И.* Очерки М. Горького «По Руси» и идейно-политическая борьба 1910-х годов // Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. 1959. Т. 198. С. 233–238.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

19 июня 1959 г. Париж

Париж, 19 июня 1959 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Спасибо за письмо от 4.VI, а также и за приложенный к нему оттиск (тепленький) Вашей работы «О втором списке Слова о погибели Рускыя земли»¹. Радуюсь за Ивана Никифоровича <Заволоко>². Когда-то на юге Д.С. Стеллецкий³ показывал мне групповые фотографии рижских старообрядцев, присланные ему Иваном Никифоровичем. А предварительно мы рассматривали новые картины Стеллецкого на древние темы. Я, к его удивлению, заметил, что бороды и лица знакомых мне старообрядцев попали на его картины. А среди этих лиц я узнал и Заволоко, чем очень смутил Стеллецкого. Все это происходило в присутствии Веры Николаевны Буниной. Стеллецкому фотографии нужны были для работы. Какие бороды, лица! Русь! На юге Франции таких не увидишь. Тут бриты, босое лицо.

Ваша работа имеет большой успех. Я показывал оттиск друзьям покойного М. Горлина (которого, как и его погибшую в немецком лагере жену, хорошо знал)⁴. С.Ю. Прегель (она принимала участие в издании книжки М. Горлина)⁵ попросила у меня Ваш оттиск и сразу же известила по телефону проф<ессора> Мазона⁶.

Вчера получил два плаката (псковские архитектурные памятники). Фотографии, к сожалению, чрезмерно ретушированы и обведены. Удивила меня фотография «Псковский кремль»^{*} — место зарождения города». Тут ретушер основа-

* Прав Паустовский! Не берегут они русский язык!⁷

тельно поработал. Ладейной пристани и рыбного базара на реке Пскове нет! А ведь живописный рыбный базар под стеною Детинца существовал, предполагаю, с древнейших времен. Там и при Рюрике рыбаки с ладей (и бабы с лотков) судаками, ершами и снетками торговали. То, что кирпичного дома под стеной нет — а это был трактир «Рыбный базар», — очень хорошо. Спасибо за плакаты.

Вере Николаевне вопросы М. Дикман я передал.

Вы пишете: «маленько побаливаю». Вот это нехорошо. Боюсь, что, безмерно работая, Вы сильно устаете. От всей души желаю здоровья, успехов и заслуженного летнего отдыха. Завтра отвечу Михельсон на часть вопросов. Перед отъездом в Шотландию отвечаю на письма. Если захотите мне написать, пожалуйста, посылайте все В.Н. Буниной (для Л.Ф. Зурова). В<ера> Н<иколаевна> мне письма перешлет. 24 июня я уезжаю из Парижа.

Л. Зуров

Не откажите в любезности, пожалуйста, передайте письмо Татьяне Николаевне Михельсон. Л.З.

<Приписка В.Н. Буниной:>

Многоуважаемый Владимир Иванович,

Я не могу в полностью исполнить просьбу М. Дикман, так как сама буду писать в «Беседах памяти» о нашем пребывании на Капри⁸. Мы всего раз, и то несколько дней, по большой просьбе Марьи Федоровны⁹, прожили в их вилле, потому что ей не хотелось одной оставаться в доме с К.П. Пятницким¹⁰, так как они поссорились. Мы ездили на Капри пять раз, два раза останавливались в отеле «Пагано», а три — в «Квисисано». У Горьких бывали часто. В тот раз, когда нас из «Пагано» М<ария> Ф<едоровна> перетащила к себе, мы ждали Горького, который был у сына на севере Италии, и при нем остались лишь дня два, так что о «пребывании» у Горького Ивана Алексеевича я ничего не могу рассказать.

2) Об отношении Бунина к циклу рассказов Горького «По Руси» не знаю. Они писатели были слишком разные, хотя Алексей Максимович высоко ставил творчество Бунина; мне лично говорил: «Мы все должны учиться у него»...

3) «Творческая история деревенских рассказов Бунина, созданных на Капри». Это вопрос слишком сложный. Его я разовью в своей книге. Скажу одно, что (я писала об этом в «Жизни Бунина») Иван Алексеевич всегда на юге писал рассказы из северной жизни, а на севере о южной. Поэтому он не мог, как пишет Екатерина Павловна Пешкова, писать «Господина из Сан-Франциско» на Капри. Он написал его в <19>15 году в деревне Орловской губернии.

Желаю Вам здоровья и хорошего отдыха.

Уважающая Вас В. Бунина

Простите за помарки, но переписать письмо у меня нет сил — устала.

С сердечным приветом.

В<ера> Б<унина>

Письмо В.Н. Буниной напечатано на том же листе и на той же машинке, что и письмо Зурова, но по старой орфографии.

¹ Малышев В.И. О втором списке «Слова о погибели Рускыя земли»: (История открытия) // *Slavia. Praha*, 1959. Roč. 28. Seš. 1. S. 69–72.

² Речь идет об истории открытия второго списка «Слова о погибели Русской земли»: «Этот список был обнаружен В.И. Малышевым среди рукописей Рижской старообрядческой гребенщиковской общины в феврале 1946 г. и опубликован им в 1947 г. В.И. Малышев не знал тогда о том, что еще в 1933 г. этот же список “Слова” нашел и определил И.Н. Заволоко и переслал фотокопию рукописи в Париж М. Горлину для подготовки к публикации. Публикация эта была осуществлена только в 1947 г., уже после кончины М. Горлина. Стремясь восстановить справедливость в возникшем недоразумении о приоритете Заволоко как первооткрывателя “Слова о погибели”, В.И. Малышев обратился с письмом к Ивану Никифоровичу. В ответном письме Заволоко подробно изложил историю открытия им памятника, заметив при этом: “Интересы науки для меня были на первом месте. Не удается мне — пусть издадут другие”. На основании полученных сведений В.И. Малышев пишет статью об истории находки “Слова”. По поводу этой статьи Заволоко писал Малышеву: “Для меня важно только то, что науке стало известным про Слово о погибели. Самолюбия у меня нет. Если вы находите нужным... печатать эту статью в интересах науки — тогда печатайте...” Этот эпизод сблизил ученого и собирателя на основе в высшей степени собственных обоим научной принципиальности и подлинного бескорыстия» [Маркелов 1980, с. 440].

³ Стеллецкий Дмитрий Семенович (1875–1947) — художник, скульптор, иконописец. С 1914 г. жил во Франции. Знаток и ценитель русской старины, один из организаторов общества «Икона» (1925) и Русского культурно-исторического музея в Праге (1935).

⁴ Горлин Михаил Генрихович (1909–1944) — русский поэт, филолог-славист. В 1919 г. эмигрировал в Берлин, с 1933 г. жил в Париже, где работал ассистентом А. Мазона в Институте славяноведения. Арестован, погиб в концлагере в апреле 1944 г. Его жена, поэтесса Раиса Ноевна Блох (Горлина) (1899–1943), погибла годом раньше.

Автор статьи, посвященной «Слову о погибели Русской земли», опубликованной посмертно: *Gorlin M. Le dit de la ruine de la terre Russe et de la mort du grand prince Jaroslaw // Revue des études slaves*. 1947. XXI. P. 5–33.

⁵ Прегель Софья Юльевна (1897–1972) — поэтесса, издательница, мемуаристка. В эмиграции с 1922 г., с 1932 г. постоянно жила в Париже, в 1942 г. переехала в Нью-Йорк, в 1948 г. вернулась в Париж. Редактор-издатель журнала «Новоселье» (1942–1950), организатор и первый директор издательства «Рифма» (1957–1972). Наряду с другими друзьями погибших поэтов приняла участие в подготовке книги: *Блох Р., Горлин М. Избранные стихотворения*. Париж, 1959.

⁶ Мазон Андре (Mazon; 1881–1967) — французский филолог-славист, иностранный член-корреспондент АН СССР (1928). Исследователь русской классической и древнерусской литературы и славянских языков. Руководитель Института славяноведения в Париже (с 1937 г.), вице-президент Международного комитета славистов (1958–1967). Один из основателей и член редколлегии парижского славистического журнала «*Revue des études slaves*» (1921). Вел переписку с В.И. Малышевым.

⁷ В письме к Малышеву от 26 декабря 1958 г. Л. Зуров выражал недоумение, почему забыто традиционное народное название Псковского кремля — «детинец». Здесь Л. Зуров имеет в виду статью К. Паустовского «Бесспорные и спорные мысли», опубликованную 20 мая 1959 г. в «Литературной газете». В ней, в частности, автор писал: «Русский язык —

одно из величайших чудес на земле. В течение многих веков Россия была нищей, сирой, бесправной и тёмной. Но, несмотря на это, вопреки этому, наш народ создал язык поистине гениальный — сверкающий, певучий, живописный и богатейший в мире. Бережём ли мы этот язык? Нет, не бережём! Наоборот, язык всё больше загрязняется, переламывается и сводится к косноязычию. Нам угрожает опасность замены чистейшего русского языка скудоумным и мёртвым языком бюрократическим. <...> Огромную и печальную роль в распространении этого языка играют газеты (особенно районные), радиопередачи и передачи по телевидению. Этот язык вторгся в школьные учебники, в научные труды, даже в литературу».

Л. Зуров, скорее всего, познакомился с этими мыслями К. Паустовского из публикации в парижском эмигрантском журнале «Русская речь. La parole russe» (1959. № 6), где были приведены обширные цитаты из «крамольной» для советской литературы (по мнению авторов журнала) статьи К. Паустовского. См. подробнее: [Басовская 2011].

⁸ Мемуарные очерки В.Н. Буниной «Беседы с памятью» на протяжении нескольких лет печатались в эмигрантской периодике (Новое русское слово. 1955. 7 и 28 авг.; Новый журнал. 1960–1962. № 59–60, 62–64, 67; Грани. 1962. № 52–53). Отдельное издание появилось позже: Муромцева-Бунина В.Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью / сост., предисл. и примеч. А.К. Бабореко. М., 1989.

⁹ Андреева Мария Федоровна (урожд. Юрковская, в первом браке Желябужская; 1868–1953) — актриса, общественная и политическая деятельница, гражданская жена (с 1904 по 1921 г.) Максима Горького.

¹⁰ Пятницкий Константин Петрович (1864–1938) — литератор, основатель и руководитель книгоиздательского товарищества «Знание» (1898). Ср. запись В.Н. Буниной: «24 <апреля 1910 г.> на Капри. Рагано. Горький в Ницце у сына. М<ария> Ф<едоровна> с Пятницким. Их ссора при нас. Просьба М. Ф. переселиться к ней: ее страх Пятн<ицкого>. Неделю с ними» [Устами Буниных 1977, т. 1, с. 91].

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

12 августа 1959 г. Сент-Эндрюс

Привет из Шотландии.

Л. Зуров

Открытка с видом: руины собора в Сент-Эндрюсе.

Датируется по штемпелю.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

25 декабря 1959 г.

25.XII.59

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Сердечно благодарю Вас за книгу. Надеюсь, что посланные мной наши издания тоже до Вас дошли. Я все занимаюсь описанием печорских рукописей (их ведь

много у нас), подготовил раздел о сборниках (книга будет издана в Сыктывкаре). По выходе этой работы пришлю Вам сразу же ее. Что нового у Вас? Продолжаю интересоваться Аввакумом и Стефаном Баторием (вкуче со Псковом). Поздравляю Вас и Веру Николаевну с Новым годом, от всей души желаю Вам доброго здоровья и счастья.

В. Малышев

Почтовая карточка.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

26 декабря 1959. Париж

Сердечно поздравляю

Л. Зуров

Новогодняя открытка.

Датируется по штемпелю.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

7 июля 1960 г. Париж

Париж, 7 июля 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

С глубоким прискорбием мы узнали, что Вы потеряли сестру¹ — единственного родного и близкого человека. От всей души мы желаем Вам бодрости и сил. Вера Николаевна Бунина и Сергей Николаевич² просят передать Вам соболезнование (по не зависящим от него причинам Сергей Николаевич Вам написать не смог).

Извещаю Вас, что 9 июня скончался (на 77<-м> году жизни) Ваш друг Василий Петрович Никитин. Похоронили его за Парижем. Траурное извещение было помещено в газете вдовой (Лаурой Леандровной. Она француженка, ей 80 лет) с большим запозданием. Горе Лауры Леандровны велико.

Жаль Василия Петровича бесконечно. Это был умный, обладавший поразительной ясностью ума и исключительными знаниями человек. И вот его уже нет. Куда ушел этот ум, ученая наблюдательность, память!

Болен он был давно. Все время задыхался. Последний раз, когда я был у него, он показал мне отзыв о его книге, напечатанный в советском научном журнале. Это была его последняя радость. В тот день он вспоминал Вас, рассказывал мне, как в молодости работал в Константинополе с византологом академиком Успенским³. Переписывался он с профессором Вернадским.

Сообщаю Вам, что в «Новом журнале» 1960 г., книга 59-я, стр. 196–202 помещен отзыв проф<ессора> Г.В. Вернадского («Повесть о Сухане. В.И. Малышев»). Рецензия хорошая.

Спасибо за присланную Вами книжку Ларионова «Легенды озера Чудского, преданья псковской старины»⁴. Но, откровенно скажу, горькие чувства вызвала во мне его книжка. Впоследствии я Вам о ней напишу. Автор пишет, «с каким глубоким вниманием, любовью и бережливостью относились к народному творчеству наши великие поэты, писатели...» «...нужно... хорошо знать язык, которым говорит масса...». Прочел я книжку Ларионова и спросил себя: а где же народная речь? Где изумительный язык Обозерья, Причудья, Изборского края?

Спасибо сердечное за присланный оттиск — «Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г.»⁵. Мысленно путешествовал с Вами. Великую Вы проделали работу. Какое счастье, что народ сохранил драгоценные для нас рукописные книги. Вели ли Вы полевой дневник? Записывали ли свои путевые впечатления? Даю читать Ваш отчет своим друзьям. Они в восторге.

От всего сердца желаю Вам здоровья, бодрости, сил и плодотворной работы.

Очень опечален известием о смерти Вашей сестры. Потеря единственного родного и близкого человека — величайшее горе.

Ваш Л. Зуров

P.S. Я видел «Балладу о солдате»⁶. Люди плачут. Какая свежесть, изумительная простота, правда. Глаза были мокры от слез.

Л.З.

R.P.S. Пожалуйста, передайте мой привет Татьяне Николаевне Михельсон. Прекрасную книжку она написала.

Л.З.

¹ Малышева Мария Ивановна (1912–1960) — младшая сестра В.И. Малышева. Она «не только разделяла кров с братом, но и была его искренним другом, по-родственному тепло заботилась о нем, скрашивала неуют его всегда холостяцкого дома», — пишет Г.В. Маркелов [Маркелов 2015, с. 103].

² Плаутин Сергей Николаевич (1897–1969) — филолог и историк. В эмиграции с 1919 г. — в Югославии, затем в Париже. Работал в Лувре. Исследователь древнерусской истории, изучал сведения о Крещении Руси и первых митрополитах-греках. Автор книги «Слово о полку Игореве: Исправленный и не исправленный тексты. Перевод и примечания» (Париж, 1958).

³ Успенский Федор Иванович (1845–1928) — византист, академик. В 1894–1914 гг. директор Русского археологического института в Константинополе. В 1921–1928 гг. председатель Российского Палестинского общества.

⁴ Ларионов И.Н. Легенды озера Чудского, преданья псковской старины. Псков, 1959.

⁵ Малышев В.И. Отчет об археографической командировке на Печору 1958 г. // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 513–521.

⁶ «Баллада о солдате» снята на «Мосфильме» в 1959 г. режиссером Г.Н. Чухраем. Фильм имел успех в Европе, удостоен призов нескольких кинофестивалей.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

20 июля 1960 г.

20.VII.60 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Ваше письмо получил. Спасибо Вам за сочувствие в моем горе. Смерть сестры действительно очень, очень большой удар по мне. Я как-то даже сразу постарел, потеряв своего друга детства, верного моего оберегателя, ангела-хранителя. Вся ее сознательная жизнь прошла в заботах о «Володьке», хотя она и была младше меня на два года (ей было всего 47 лет).

М<еся>ца через три выйдет моя книга о печорских рукописях XVI–XX вв.¹ По выходе немедленно Вам будет выслана. Здесь публикуется ряд новых материалов, в том числе «Повесть о самосожжениях на Мезени в 1743–1744 гг.». По Пскову пока нового не выходило, если что-нибудь выйдет, пришлю. А Вы не забывайте о моем интересе к протопопу Аввакуму. Собираю о нем все, даже мелкое, газетное.

Всего Вам доброго.

Вере Николаевне и Сергею Николаевичу <Плаутину> — спасибо.

В. Малышев

Автограф, чернила.

¹ *Малышев В.И.* Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв. Сыктывкар, 1960.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

1 октября 1960 г.

1.X.60 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Несколько дней назад послал Вам сочинения протопопа Аввакума (Гослитиздат, М., 1960 г.)¹. Издание интересно тем, что в нем впервые публикуются ранее неизвестные сочинения Аввакума (6 штук). Три из них нашел мой аспирант А.И. Мазунин². Пожалуйста, напишите мне Ваше впечатление от издания. Не забывайте также о моем интересе к протопопу Аввакуму. Собираю о нем все, даже мелкие газетные информации. Очень также интересуюсь темой «Осада Пскова Стефаном Баторием в 1581 г.». Интересует по этому вопросу все то же. Несколько дней назад я получил из Парижа сборник стихов о Вере Фигнер, написанных Анной Присмановой³. Что это за дама? Она даже не написала как следует свой адрес, а я хочу ее поблагодарить.

Всего Вам хорошего. Вере Николаевне низкий поклон. В. Малышев.

Почтовая карточка.

¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения / под ред. Н.К. Гудзия; подгот. текста и коммент. Н.К. Гудзия, В.Е. Гусева, А.С. Елеонской, А.И. Мазунина, В.И. Малышева, Н.С. Сарафановой. М., 1960.

² Мазунин Александр Иванович (1924–1986) — археограф, историк русской литературы XVII в., ученик В.И. Малышева. Преподаватель Педагогического института им. С.М. Кирова в Ленинабаде.

³ Присманова Анна Семеновна (наст. имя и фам. Анна Симоновна Присман; 1892–1960) — поэтесса. В эмиграции с 1921 г. Жена поэта А.С. Гингера (1897–1965). Ее поэма о В.Н. Фигнер «Вера» вышла в Париже в 1960 г.

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

27 октября 1960 г. Париж

Париж, 27 октября 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Несказанно Вы меня обрадовали, прислав «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения» с дружеской и сердечной надписью. Спасибо. От всей души поздравляю с завершением великих трудов. (Ведь о поисках неизвестных ранее сочинений протопопа и о том, как были сделаны Вами и А.И. Мазуниным находки, о работе над рукописями можно выпустить сборник.)

Житие протопопа (с опубликованными в нем впервые ранее неизвестными сочинениями Аввакума) единодушно все хвалят. Присланные во Францию книги раскупили.

Обложка, напоминающая древний покров, с золотой, сдвинутой к краю печатью, — производит впечатление торжественности, внутренней, прорывающейся за грани пламенной силы.

Внутренняя рубашка переплета — с белыми листвоподобными и волнообразными разводами — противоречит внешности и тексту. Правда, я привык к цвету бумаги древних рукописных книг, которой оклеивали деревянные переплеты, к ее желтизне цвета старой слоновой кости.

Титульный лист написан прекрасно — с большой художественной свободой и силой. Тонко сделана надпись «Государственное издательство...».

Символистический рисунок, изображающий догорающий Аввакумов костер и оставшегося жить и после сожжения Аввакума, держащего в левой руке свиток, на который он указывает нам перстами, заставил меня задуматься. Нужно ли было помещать этот мрачный и сильный рисунок? Он бы отлично подошел к исторической повести о протопопе Аввакуме. Я подумал: жаль, что нет портрета Аввакума. Неужели он не дошел до наших дней? В книге помещены портреты патриарха Никона, царя Алексея Михайловича, снимок рукописной челобитной. Но надо признать, что мрачная сила этого современного рисунка внутренне слита с размахом исполненного от руки титульного листа, в котором как бы отражено переходное время — уставное, полууставное письмо соседят со скорописью. Гениальную главу о переходных временах, отразившихся в древней русской письменности, напечатал когда-то в «Философии общего дела» библиотечарь Ру-

мянцевской библиотеки Федоров¹, — а ведь он был сродни Аввакуму! Федоров несправедливо ныне (а как хотел его М. Горький переиздать) забыт.

Буквы, написанные от руки, очень хороши. Они украшают текст и внутренне оправданы, как и нарисованные в начале глав надписи. Концовки, взятые из рукописей, хороши, хотя немного стилизованы, но все же надо сказать: титлам неуместно находиться в конце глав. Об этом и Аввакум бы сказал.

Торжественна первая страница предисловия. Она украшает драгоценный текст, в котором живет и дышит, как биение горячей Аввакумовой крови, подлинная история допетровской Руси.

Хороши и мятущиеся буквы «Челобитные, письма, послания».

Прекрасно составлены комментарии (я бы заменил это слово русским) и словарь трудных для понимания слов. Только вот титла опять стали концовками. Надо бы их заменить иными рисунками и росчерками. Думаю, что в старинных рукописях конечное рукоделье найти при желании можно.

А в общем книга издана превосходно.

Простите, что не поблагодарил Вас за присланный «Литературный архив» (5). Письма И.А. Бунина к В.С. Миролюбову² Вера Николаевна Бунина прочла с глубоким интересом. Она благодарит Вас за память и шлет Вам привет.

Недавно исполнилось 90 лет со дня рождения Ивана Алексеевича Бунина. Этот день в Париже не был отмечен. В газетах словечка не напечатали. В это утро мы с Верой Николаевной ездили на кладбище. Печальный был денек. Листопад. Вот тот листопад, который так любил Иван Алексеевич. Жизнь, жизнь!

Шлю Вам дружеский привет. Еще раз сердечно благодарю за подарки и память. От всей души желаю Вам плодотворной работы.

Л. Зуров

P.S. Пожалуйста, передайте мой привет профессору Гудзию. С Николаем Калининским я познакомился в Эдинбургском университете. Мне сообщили недавно, что он заболел. От всей души желаю ему скорейшего выздоровления.

P.P.S. Сборник стихов о Вере Фигнер выпустила поэтесса Анна Семеновна Присманова, жена поэта Александра Гингера. Она уже бабушка. Посылаю Вам ее адрес:

Madame A. Prismanova (Ginger),
4, rue Thureau-Dangin.
Paris 15^e, France

¹ «Философия общего дела» — название корпуса сочинений Н.Ф. Федорова (1829–1903), данное его учениками и выходившее в 1906–1913 гг. Л. Зуров имеет в виду рассуждения Н. Федорова «о способности письма быть графическим изображением духа времени»: в изменении почерка отражаются «переходы от веры, религиозности к сомнению, неверию, светскости». Если средневековая книга, написанная уставом, создавалась с молитвенным благоговением, то скоропись Нового времени — признак «суетливой и лихорадочной деятельности» [Федоров 1982, с. 82].

² Бунин И. Письма к В.С. Миролубову (1899–1904) / публ. П.П. Ширмакова // Литературный архив: Мат-лы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1960. Вып. 5. С. 128–141.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

8 декабря 1960 г. Париж

Париж, 8 декабря 1960 г.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,

Спасибо сердечное за весточку и открытку.

Очень нас порадовали гости из Пушкинского Дома¹. Свежестью и радостью повеяло.

Дополнительно извещаю Вас относительно дневника участника похода Стефана Батория. Летом 1929 года, когда я еще проживал в Риге, барон Ган, женатый на княгине Дине Анатольевне Ливен², мне сказал, что в своей усадебной библиотеке он обнаружил рукопись на немецком языке — дневник участника похода Стефана Батория. Ган знал, что я опубликовал книгу об осаде Пскова³. Он просил меня заехать в его усадьбу, чтобы я там мог ознакомиться с дневником. К величайшему сожалению, я этого сделать не мог, так как в то время работал с водолазами на реке Двине, был городским рабочим — и готовился к отъезду во Францию, куда и уехал осенью 1929 года. Гана я видел один раз. Мне неизвестно, что стало с его библиотекой и находившейся в ней немецкой рукописью.

Дополнительно извещаю Вас, что в стокгольмской библиотеке имеется огромный фонд, до сих пор не опубликованный. В этом фонде находится много документов о походе Стефана Батория, а кроме того, и бумаги де ла Гарди⁴, который, как Вам известно, потонул в Нарове (его ладья напоролась на корягу, а течение там быстрое. Во время беглого археологического обследования Принаровья я побывал в тех местах, где русские рыбаки вытащили труп Пунцы — так они называют Понтуса де ла Гарди).

Спасибо за открытку. Я ее передал больному доктору Унковскому⁵, несказанно обрадовав его. Между прочим, в предыдущее мое письмо вкралась ошибка: Борис Лазаревский свои парижские дневники⁶ отсылал в Пражский архив, а не в Парижскую национальную библиотеку.

От всей души желаю Вам успешной работы.

Ваш Л. Зуров

¹ В октябре 1960 г. группа научных сотрудников Пушкинского Дома (Л.Н. Назарова, Т.П. Голованова, Е.И. Кийко, Л.Ф. Ершов, В.В. Тимофеева) совершила научно-туристическую поездку во Францию. 31 октября Л.Н. Назарова, Т.П. Голованова, Е.И. Кийко посетили В.Н. Бунину в ее парижской квартире. Встреча продолжалась несколько часов, присутствовал на ней и Л.Ф. Зуров. Впоследствии между участниками встречи завязалась дружеская переписка. См.: [Голованова, Назарова 1974].

Назарова Людмила Николаевна (1910–2005) — историк русской литературы, библиограф, мемуарист. С 1939 по 1973 г. работала в ИРЛИ РАН, с 1960 г. — заведующая Тургеневской группой. Вела переписку с литераторами русского зарубежья, часть которой опубликовала. Оставила воспоминания о коллегах-филологах и зарубежных поездках (см.: [Назарова 2004]).

Кийко Евгения Ивановна (1923–2006) — сотрудник ИРЛИ с 1951 по 1983 г., тургеневед.

Голованова Тамара Павловна (1919–2004) — сотрудник ИРЛИ с 1952 по 1979 г., специалист по творчеству Тургенева и Лермонтова.

Среди переписки Зурова и Малышева, находящейся в ДРЗ, сохранилась копия письма, адресованного Л.Н. Назаровой, Т.П. Головановой, Е.И. Кийко. На нем стоит та же дата, что и на письме к Малышеву: вероятно, Зуров приложил текст для передачи адресатам. Приводим письмо полностью:

«Париж, 8 декабря 1960 г.

Многоуважаемые Людмила Николаевна, Тамара Павловна и Евгения Ивановна,

Мы с Верой Николаевной вас всех вспоминаем. В нашей столовой как бы продолжают звучать ваши русские голоса. Ржаной хлеб. Наслаждались его благоуханием. Сколько чувств, добрых и драгоценных воспоминаний! Мы не только с радостью его вкушали, но и угощали друзей. Если бы вы видели их счастливые и взволнованные лица. С какой трогательной бережностью люди заворачивали отдельные куски в чистую бумагу, чтобы дома поделиться русским хлебом со своими родными.

— Мы делили его с благоговением, — сказала нам потом одна из наших гостей.

Спасибо сердечное. От всей души желаем вам радости и успехов.

А Вера Николаевна была больна. Очень она переволновалась. Приходили письма из Москвы с описанием вечера памяти Ивана Алексеевича» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 67. Л. 46, 47).

О подарке Л. Зуров сообщил Н.Е. Андрееву 4 декабря 1960 г.: «Из Пушкинского Дома мне прислали в подарок большой каравай черного ржаного хлеба» [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 228].

Вечер, посвященный 90-летию со дня рождения Бунина, состоялся 22 октября 1960 г. в Гослитмузее. Письмо В. Буниной с подробным изложением выступлений прислал А.К. Бабореко; позже он описал это заседание в своей книге «Дороги и звоны» [Бабореко 1993, с. 70–76]. Выступавшие А.В. Храбровицкий, Н.П. Смирнов-Сокольский подвергли Бунина критике, а Е.П. Пешкова высказала претензии к самой Вере Николаевне. Впоследствии Л. Зуров писал А. Бабореко: «Вера Николаевна <...> мучительно пережила неудачу бунинского вечера. <...> Боль была большая. <...> С той поры <...> ее здоровье резко ухудшилось» [Там же, с. 73–74].

² Сесил Теодор Курт фон Ганн (von Hahn; 1897–1967) в 1923 г. женился на светлейшей княжне Дине Анатольевне (Дине Антуанетте) Ливен (1903–1982).

³ Имеется в виду «Отчина», посвященная осаде Пскова и Печерского монастыря войском Стефана Батория.

⁴ Понтус Делагарди (De la Gardie; 1520–1585) — шведский полководец и дипломат французского происхождения. Командующий шведскими войсками в войне с Россией. Лодка, в которой Делагарди возвращался из очередного похода, перевернулась, и он утонул в реке Нарова неподалеку от Нарвского замка.

⁵ Унковский Владимир Николаевич (1888–1964) — медик, журналист, литератор, сотрудник многих русскоязычных изданий Европы, США и Китая. Автор рецензии на книгу Л. Зурова «Марьянка» (Возрождение. 1958. Тетр. 84. С. 129–130).

⁶ Лазаревский Борис Александрович (1871–1936) — военный юрист, писатель. Эмигрировал в Константинополь, в 1921 г. приехал в Берлин, вскоре обосновался в Париже. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Публиковался в эмигрантской периодике. Всю жизнь вел дневник, составивший 60 тетрадей, которые хранятся в фонде Б.А. Лазаревского в Литературном архиве Музея национальной письменности в Праге.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

Декабрь 1960 г. Париж

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

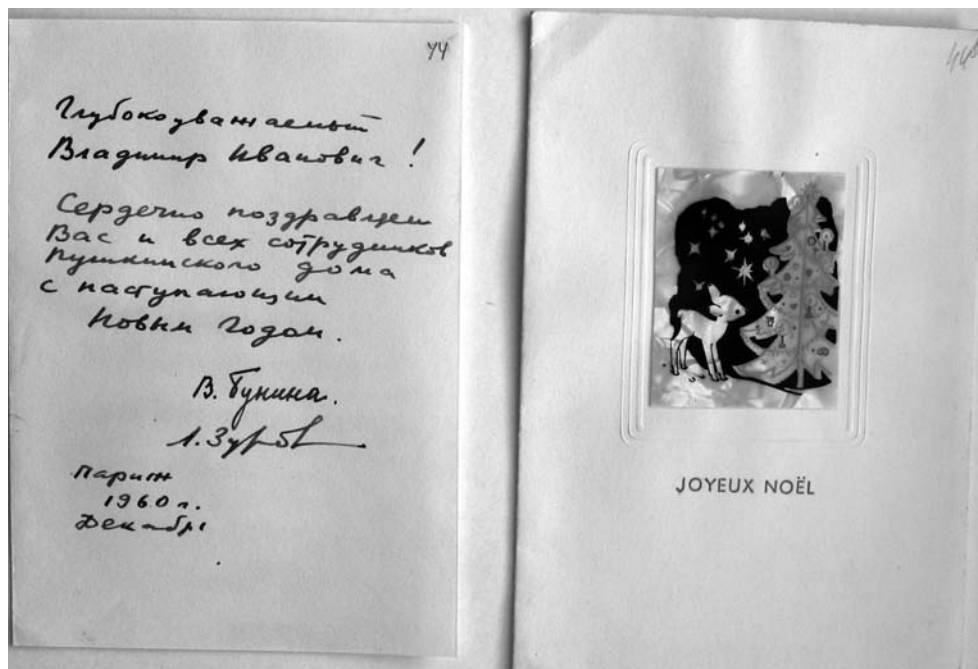
Сердечно поздравляем Вас и всех сотрудников Пушкинского Дома с наступающим Новым годом.

В. Бунина

Л. Зуров

Париж, 1960 г. Декабрь

Новогодняя открытка. Подпись «В. Бунина» — автограф В.Н. Буниной.

Поздравительная открытка В.И. Малышеву от Л.Ф. Зурова и В.Н. Буниной.
Декабрь 1960 г. (РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 44)

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

17 апреля 1961 г. Париж

В Пушкинский Дом Академии наук СССР

Академику М.П. Алексееву, <В.В.> Тимофеевой и В.И. Малышеву¹.

Приношу вам глубочайшую благодарность за доброе и сердечное отношение к покойной Вере Николаевне Буниной.

Горе мое велико. Вчера были на могиле Веры Николаевны. (Ее гроб поставлен рядом с гробом Ивана Алексеевича.)

Вера Николаевна так и не дождалась приезда академика Михаила Павловича Алексеева. Во время болезни я прочел Вере Николаевне письмо Л.Н. Назаровой², и Вера Николаевна радовалась предстоящей встрече.

Вера Николаевна всегда сияла и радовалась, получая письма от научных сотрудников Пушкинского Дома. Какое это было утешение! Незадолго до болезни Вера Николаевна читала книгу «Житие протопопа Аввакума», присланную Владимиром Ивановичем Малышевым.

Все произошло внезапно. Сердечный припадок начался поздно вечером 21 марта. До 3 апреля мы боролись. Вера Николаевна была в полном сознании. Но ее сердце слабело. В 3 ч. 30 м.* я сложил руки Веры Николаевны.

Морально и физически я разбит.

От всей души благодарю вас за сочувствие в моем горе.

Л. Зуров

17 апреля 1961 г.

P.S. В квартире остались большие архивы Ивана Алексеевича и Веры Николаевны. Все я должен привести в порядок. Об этом сказано в завещании³.

Л.З.

Автограф, чернила.

¹ Алексеев Михаил Павлович (1896–1981) — литературовед, академик АН СССР. С 1934 г. сотрудник Пушкинского Дома. В 1950–1963 гг. заместитель директора ИРЛИ по научной работе. С 1956 г. заведующий Сектором взаимосвязей русской и зарубежной литературы.

Тимофеева Вера Васильевна (1915–2003) — литературовед, специалист в области советской литературы. Работала в ИРЛИ с 1950 г. Занимала должность заместителя директора ИРЛИ в 1960–1965 гг.

² «Мы переписывались, старались помочь чем могли — словом участия, посылками интересующих ее статей и книг. Однажды послали с кем-то из отъезжающих буханку ржаного хлеба, — вспоминает Л.Н. Назарова. — <...> Мы хлопотали и об увеличении пенсии Вере Николаевне, обратились с письмом о положении вдовы Бунина в Союз писателей». Ответ из Союза писателей (от 4 марта 1961 г.) извещал, что пенсия Буниной увеличена вдвое, о чем Л. Назарова написала в Париж [Голованова, Назарова 1974, с. 298–299].

* В 3 часа 30 минут дня.

³ Спустя месяц в письме Н.Е. Андрееву от 23 мая 1961 г. Зуров рассказывает о своих хлопотах: «Дел много. С трудом удалось отстоять часть квартиры. Столовую и кабинет Буниных отдаю соседке — дочери хозяина дома. На днях подписал контракт, по которому мне остается моя комната и комнатуха, в которой я сложу архивы. Веду переговоры с адвокатом, нотариусом. Устал бесконечно. По завещанию я должен привести в порядок архивы Ивана Алексеевича и Веры Николаевны...» [Переписка Андреева и Зурова 2013, с. 232].

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

20 мая 1961 г. Париж

Париж, 20 мая 1961

Глубокоуважаемый Владимир Иванович,
спасибо за книгу «Усть-Цилемские рукописные сборники XVI–XX вв.». Как хорошо, что Вы ее посвятили сестре, помогавшей Вам в собирании усть-цилемских рукописей.

Чувствую Ваше горе. Ведь Мария Ивановна <Малышева> работала вместе с Вами и Вы переживали все вместе.

Начал читать предисловие, путешествовать с учеными по низовой Печоре.

Спасибо и за каталог выставки истории русской культуры XI–XVII ст<олетий>¹. Его с большим запозданием мне передал Дедов.

Благодарю Вас за письмо от 23 апреля и выдержку из «Литературной газеты» о смерти Веры Николаевны Буниной². Часто, глядя на изданную Вами книгу, вспоминал Вас, думал о том, что Вы пережили, похоронив сестру. Трудно и мне. Жизнь веду напряженную. Дел много.

Очень Вас прошу передать прилагаемое письмо научной сотруднице Пушкинского Дома Людмиле Николаевне Назаровой. Прошу извинить меня, что отправляю два письма в одном конверте, но очень тяжелы для меня почтовые расходы, а отвечать приходится на множество писем со всего света.

От всей души желаю Вам здоровья, хорошей работы. Спасибо, что не забываете.
Ваш Л. Зуров

¹ Выставка «История русской культуры XI–XVII веков в памятниках письменности»: Каталог / вступит. ст. и ред. И.М. Кудрявцева. М., 1959.

² Заметка «Памяти В.Н. Муромцевой-Буниной» опубликована в «Литературной газете» (1961. 11 апр. № 44. С. 4).

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

22 сентября 1961 г. Эдинбург

22.IX. 1961 г. Эдинбург.

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Вчера получил письмо от С.Ю. Прегель. Она мне пишет: «Мне позвонил Хохлов¹. Привез Вам посылочку от научных работниц Пушкинского Дома и от В.И. Малышева...»

Спасибо сердечное, Владимир Иванович. Пожалуйста, передайте мою благодарность и признательность всем друзьям. Спасибо за память. Тронут и взволнован. Софья Юльевна пишет: «В посылке торт. Дала Х<охлов>у Ваш адрес, он обещал послать без промедления»...

Беда! Посылка из Парижа в Шотландию идет от 10 дней до 3 недель.

5 октября я возвращаюсь в Париж. Привет Михаилу Павловичу Алексееву и Мануйлову В.А.²

Ваш Л. Зуров

Открытка с видом: Эдинбург, Принсес-стрит.

¹ Хохлов Евгений Сергеевич (1890–1971) — прозаик, поэт-сатирик, публицист. Эмигрировал во Францию, жил в Париже, сотрудничал в журнале «Иллюстрированная Россия», газете «Последние новости». С 1947 г. работал секретарем редакции газеты «Русская мысль». В 1947 г. вышел из Союза русских писателей и журналистов в Париже в знак протеста против исключения из Союза его членов, принявших советское гражданство, и вскоре вернулся в СССР.

² Мануйлов Виктор Андроникович (1903–1987) — пушкинист, лермонтовед, инициатор и главный редактор «Лермонтовской энциклопедии» (1981). С 1958 г. член Пушкинской комиссии АН. В Пушкинском Доме работал в 1941–1950, 1970–1972 и 1979–1981 гг. Письма В. Мануйлова Л. Зурову 1961–1967 гг. см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 70.

Л.Ф. ЗУРОВ – В.И. МАЛЫШЕВУ

28 сентября 1961 г. Эдинбург

Эдинбург, 28 сентября 1961

Многоуважаемый Владимир Иванович!

Спешно написал поэтессе Софии Юльевне Прегель, чтобы она попросила Хохлова посылку в Эдинбург не отправлять. Получил 23 сентября следующий ответ: «Посылка находилась у Хохлова, который уже несколько дней тому назад отправил ее в Эдинбург. Надеюсь, что придет не в ужасающем виде»...

Посылка в пути, а везут посылки по железной дороге, потом на пароходе через Ламанш, проходят они через таможи (французскую и английскую). Каждое утро ожидаю, что явится почтальон, предвкушаю со своими друзьями великое

удовольствие, но, возможно, посылка придет после моего отъезда. Делать нечего — не судьба!

Пожалуйста, поблагодарите от моего имени научных сотрудниц Пушкинского Дома за подарки¹. Думаю, что я их знаю, но боюсь ошибиться, т. к. от Хохлова, который отправил в Эдинбург посылку, до сих пор письма не имею.

Посылаю Вам, Владимир Иванович, несколько веточек белого шотландского вереска. Я Вам когда-то писал, что он, по древнему народному поверию, приносит счастье. Белый вереск уже отцветает. Идут дожди. Сентябрь. Эдинбург плавает в тумане. Пахнет осенью. Пожалуйста, раздайте вереск добрым друзьям из Пушкинского Дома и сердечно поблагодарите их от моего имени. Вам я желаю здоровья и плодотворной работы.

Ваш Л. Зуров

4 октября 1961

Увы! Ни посла ни весла! Посылку не получил. Письмо от 28 сентября лежало у меня на письменном столе в ожидании посылки, заблудившейся в дороге. От Хохлова известий нет. Завтра вылетаю в Париж.

Вас и друзей из Пушкинского Дома благодарю.

Желаю всем радости.

Л. Зуров

Письмо и приписка напечатаны на одном листе.

¹ После кончины В.Н. Буниной сотрудницы Пушкинского Дома, навестившие ее и Зурова в 1960 г., старались поддержать оставшегося в одиночестве литератора, присылали подарки. В записке, датированной 25 августа 1961 г., они писали: «Милый Леонид Федорович! Очень рады поблагодарить Вас за внимание и за присланные сувениры — и послать Вам, как говорят на Украине, “живой привет”. Мы многое знаем о Вас через Михаила Павловича <Алексеева> и очень надеемся, что трудные Ваши размышления завершатся возвращением сюда, к нам, домой. Желаем Вам всего доброго, прежде всего здоровья, бодрости и решимости. Е. Кийко, Т. Голованова, Л. Назарова» (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 82. Л. 1).

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

28 сентября 1963 г. Эрки (Бретань)

28 сент. 1963 г.

Дорогой Владимир Иванович, шлю Вам и далеким друзьям сердечный привет из Бретани. От всей души желаю здоровья и плодотворной работы.

Ваш Л. Зуров

Бретань, Erquy

Открытка с видами Изумрудного берега в Бретани.

В 1960-х гг. Л. Зуров неоднократно посещал Бретань, собирая материалы по древней истории этого края.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

2 сентября 1964 г.

2.IX. 64 г.

Глубокоуважаемый Леонид Федорович!

Не трудно Вам оказать мне помощь в таком деле? Для статьи «Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве» мне очень хотелось бы узнать год смерти художника К.А. Вещилова¹, судьбу его картин о протопопе Аввакуме, особенно большого его полотна «Сожжение Аввакума». Не живут ли в Париже его родные, которые были знакомы с его творчеством? Где напечатаны статьи, некролог о художнике? Не воспроизводилась ли в журналах его картина «Сожжение протопопа Аввакума»? Поговорите, пожалуйста, со знакомыми художниками, может быть, они знают о Вещиллове и о судьбе его картин. Буду Вам очень и очень благодарен за любую справку о Вещиллове.

С дружеским приветом

В. Малышев

Почтовая карточка.

¹ Вещилов Константин Александрович (1878–1945) — живописец, автор ряда исторических полотен. С 1928 г. жил во Франции, в 1935 г. переехал в США.

В. Малышев неоднократно обращался к теме иконографии Аввакума. В его публикации «Протопоп Аввакум в изобразительном искусстве (материалы)» упомянуты картины Вещилова «Суд над Аввакумом в 1666 году» (1910) и «Суд над Аввакумом» (эскиз одноименной картины) и приводится информация о том, что «К.А. Вещиловым в 1916 г. готовилась также большая по размеру картина “Сожжение протопопа Аввакума”, создававшаяся по заказу петербургского богача старообрядца Максима Екимовича Синицына. Картина не была закончена. Этюды, эскизы и наброски находились в собрании М.Е. Синицына» [Малышев 1966, с. 398–399].

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

23 декабря 1964 г. Париж

23 декабря 1964 г.

Дорогой Александр Иванович!¹

Сердечно поздравляю Вас и сотрудников Пушкинского Дома с Новым годом! Желаю счастья!

Простите, долго не отвечал.

Художник Вещилов? Расспрашивал многих художников, задавал вопросы. Опросил даже Ланского, Кандинскую, вдову художника Петра Нилуса². Увы! Све-

дения очень слабы. Поток времен всё уносит. Океан мировой жизни смывает человеческие следы.

Сведения собирал не только в Париже (здесь старых русских художников уже нет), но писал и в другие страны.

В Париже Вещилов жил в 20-х годах. Художник Эрик Прен³ (проживающий в Шотландии. Ученик <Н.П.> Богданова-Бельского и академика <С.А.> Виноградова) мне написал: «...не ответил Вам сразу, так как надеялся, что Св. Св. Климов (художник Климов. Проживает в Канаде)⁴ ответит мне на вопросы о Вещилове. Ответа, однако, до сих пор нет, и я решил написать Вам, чтобы Вы хоть знали, что я сразу исполнил Вашу просьбу. Я сам помню о Вещилове только то, что он, очутившись в Италии после революции, там стал процветать, а затем почему-то уехал оттуда (по полученным сведениям, Вещилов уехал в Париж, а потом — в Америку, — Л.З.). Климов, я надеюсь, сообщит что нужно, но, может быть, и ему придется запросить кого-либо другого...»

А вот выдержка из письма Эрика Прена, полученного мною 14.12.64 г.:

«Пришло письмо от Климова, который сообщил следующее, к сожалению, это очень немного.

Кроме даты его рождения (1877) и года окончания у Репина академии в 1904 г. за картину “Иоанн IV после казанских побед” я ничего не знаю. В Нью-Йорке я видел пейзажи Вещилова, очень хорошие, у одного художника, который учился в Париже. Беда в том, что этот художник вообще на письма не отвечает, так что ему и писать напрасно. Я просил знакомого (а Климов живет в Квебеке) позвонить ему по телефону и написать потом мне. Когда что-нибудь дополнительное узнаю, то сообщу. Не помню, чтобы я за эмигрантские годы где-либо видел репродукции его работ. Был такой журнал в Париже — “Иллюстрированная Россия” — м. б., там надо поискать»...

Я думаю, что вещи Вещилова надо искать в Италии и в Америке, т. к. в Италии он долго жил и скончался, по имеющимся у меня сведениям, в Америке. Но русская колония в Италии угасает.

Желаю Вам здоровья и плодотворной работы.

Пожалуйста, дорогой Владимир Иванович, передайте маленькие поздравительные карточки

Людмиле Николаевне Назаровой,

Тамаре Павловне Головатовой⁵,

писателю Ивану Сергеевичу Соколову-Микитову, который напечатал в «Звезде» воспоминания⁶ (мне эти воспоминания друзья прочли по телефону).

Сердечно Ваш

Л. Зуров

P.S. 4 месяца я был болен. Острое переутомление. Лечусь и сейчас. Жизнь трудна. Я сам веду свое хозяйство. Утонул в архивах и своих записных книжках.

Л.З.

P.P.S. Бунинские мемориальные вещи (перечисленные А.К. Бабореко в телеграмме⁷ — а послана она была с разрешения Союза писателей) я держу на складе.

И за хранение плату вносил. А архивы (Ивана Алексеевича Бунина и Веры Николаевны Буниной) храню. Но меня заточили и задержали-измочали. Обещания, посулы, срывы, обнадеживания, задержки и т. д. и т. п. Доктор говорит, что мое острое переутомление — это результат всех неприятностей и волнений, которые я пережил в течение 3 лет. «Вас основательно измочали». Л.З.

Автограф, чернила.

¹ Имя написано ошибочно. Правильно: Владимир.

² Ланской Андрей Михайлович (1902–1976) — живописец, график. В Париже с 1921 г. Нилус Берта Соломоновна (урожд. Липовская; 1884–1979) — вдова живописца, литератора П.А. Нилуса (1869–1943).

³ Прен Эрик Дмитриевич (Эдмундович) (1894–1985) — художник. Детство провел в России, с 1922 г. жил в Англии, затем в Париже, Риге, Италии, с 1941 г. в Эдинбурге. Был знаком с Л. Зуровым, вместе с которым устроил выставку своих работ в Риге в 1937 г. В 1950–1960-е гг. Зуров неоднократно гостил у Э. Прена в Эдинбурге. Переписку Л. Зурова и Э. Прена (1954–1970) см.: ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 2. Ед. хр. 95.

⁴ Инициалы указаны ошибочно. Имеется в виду художник Евгений Евгеньевич Климов (1901–1990). В 1949 г. Е.Е. Климов вместе с семьей переехал в Канаду. Переписка Л. Зурова с Е. Климовым 1960-х гг., основанная на архивных материалах ДРЗ, опубликована, см.: *Вересова Т. Евгений Евгеньевич Климов // Псковский летописец. 2012. № 2(7). С. 115–122.*

⁵ Фамилия указана ошибочно. Правильно: Голованова.

⁶ *Соколов-Микитов И.С.* Давние встречи: [А. Куприн, И. Бунин, А.Н. Толстой, М. Пришвин] // Звезда. 1964. № 11. С. 170–180.

⁷ В архиве Л. Зурова в ДРЗ сохранилось семь телеграмм от А.К. Бабореко. Даты на них не обозначены. Здесь упоминается следующая:

«CONSERVEZ BUREAU CHAISE BOUNIN TABLE PR MANUSCRIPTS MACHINE ECRIRE ETAGERE PR MANUSCRIPTS CHAISE VARA NIKOLAEVNA SON SECRETAIRE COUCHETTE IVAN ALEXEEVITCH TELEPHONE TABLEAUX PORTRAITS STOP ARRIVE CES JOURS TOP QUESTION PAIMENT EN TRAIN ETRE REGLEE. BABORECO» [Сохраните письменный стол и стул Бунина, столик для рукописей, столик для пишущей машинки и пишущую машинку, подставку для рукописей, стул Веры Николаевны и ее секретер, диван Ивана Алексеевича, телефон, картины и портреты. В ближайшие дни я приеду. Срочно решается вопрос о переводе вам денег. Бабореко] (ДРЗ. Ф. 3. Оп. 1. К. 1. Ед. хр. 35. Л. 202).

Личные и мемориальные вещи И.А. Бунина (одежда, картины, письменные принадлежности и др.), его архив (библиотека, письма и дневники) Зуров хранил на своей квартире, а мебель (шкафы, столы, кресла и др.) — на складе, внося плату за хранение. Полагая, что мемориальные вещи и архив должны быть отправлены на родину, Зуров вступил в переписку с советскими писателями, учеными, чиновниками, вел переговоры с представителями Союза писателей СССР и советского посольства во Франции. Тянувшиеся несколько лет, эти переговоры точно определены в данном письме как «обещания, посулы, срывы, обнадеживания, задержки».

Одним из инициаторов передачи архива Бунина на родину был Александр Кузьмич Бабореко (1913–1999) — литературовед, текстолог, исследователь жизни и творчества Бунина. Начиная с 1956 г. он переписывался с В.Н. Буниной, а затем и с Л.Ф. Зуровым, об-

суждал вопрос о приобретении архива. Поездка его к Зурову, упоминаемая в телеграмме, не состоялась. О том, как проходили эти переговоры и как они были блокированы советскими властями, см.: [Бабореко 1993, с. 98–109]. Переписку А. Бабореко с Л. Зуровым и В. Буниной 1958–1971 гг. см.: ДРЗ. Оп. 3. К. 1. Ед. хр. 34, 35, 36.

Впоследствии мебель из парижского кабинета Бунина долгое время хранилась в семье писательницы Н.В. Кодрянской, которая в 1973 г. переслала ее из Парижа в Государственный литературный музей И.С. Тургенева в Орле; архив, согласно завещанию Зурова, получила М.Э. Грин и передала его в Лидский университет в Великобритании.

В.И. МАЛЫШЕВ — Л.Ф. ЗУРОВУ

5 января 1965 г.

5.I.65 г.

Дорогой Леонид Федорович!

Большое Вам спасибо за поздравления с Новым годом, за доброе, участливое письмо. Если Вам сообщат о годе смерти художника К.А. Вещилова, о судьбе его картин о протопопе Аввакуме, напишите мне. Ваши поздравления всем передал. Все Вас благодарят. У меня сейчас набирается книжка «Древнерусские рукописи Пушкинского Дома»¹, которую обещаю Вам прислать, как только она выйдет. Как здоровье В.П. Крымова², куда переехал жить А.Г. Дедов? Еще раз спасибо! Желаю Вам душевного спокойствия, бодрости и всего хорошего.

В. Малышев

Почтовая карточка.

¹ Малышев В.И. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома: (Обзор фондов). М.; Л., 1965.

² Крымов Владимир Пименович (1878–1968) — прозаик, журналист, издатель, путешественник. В 1923 г. поселился в Берлине. Редактировал газету «Голос России», был ее владельцем. С 1933 г. жил во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов. Переписывался с В.И. Малышевым.

Л.Ф. ЗУРОВ — В.И. МАЛЫШЕВУ

21 августа 1971 г. Эрки

21 ав<густа> 1971 г. Erquy

Дорогой Владимир Иванович, шлю Вам привет из Бретани. Сердечное спасибо за проспект с Вашей статьей. Читал ее с наслаждением. Тогда же послал Вам две книжки (второе издание «Отчины»)¹. Одна из них для Вас, а другая — для библиотеки Вашего института. Послал я книжки простой бандеролью, получили ли Вы их?

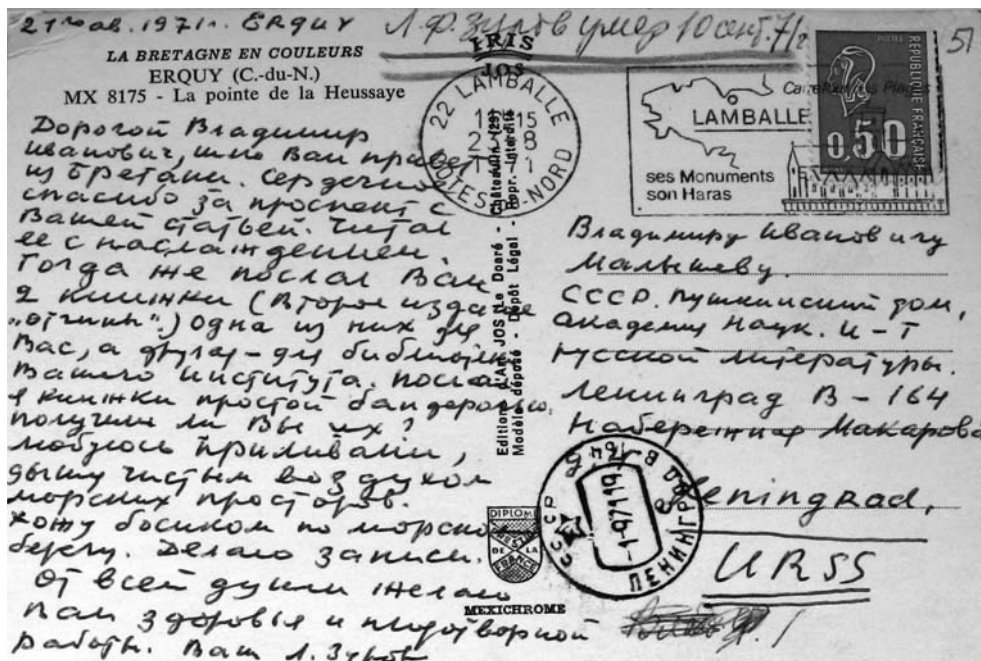
Любуюсь приливами, дышу чистым воздухом морских просторов. Хожу бо-
сиком по морскому берегу. Делаю записи.

От всей души желаю Вам здоровья и плодотворной работы.
Ваш Л. Зуров

Открытка с видом на Изумрудный берег близ Эрки.

На открытке надпись рукой В. Малышева, подчеркнутая красным карандашом:
«Л.Ф. Зуров умер 10 сент<ября> <19>71 г.».

¹ Зуров Л.Ф. Отчина: Повесть о древнем Пскове. 2-е изд. Париж, 1970.

Последнее письмо Л.Ф. Зурова к В.И. Малышеву
(РО ИРЛИ. Ф. 494. Оп. 2. Ед. хр. 1463. Л. 51)

«КРОМЕ ВАС, НЕ ВИЖУ НИКОГО!»

Переписка С.Ю. Прегель с Г.А. Хомяковым, 1961–1972 гг.

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии П. Трибунского и В. Хазана*

Писатель, журналист, общественный деятель, издатель Геннадий Андреевич Хомяков (псевдонимы: Г. Андреев, Н. Отрадин; ?¹–1984) попал в эмиграцию в годы Второй мировой войны. В 1927 г. был арестован, осужден по 58-й статье на 10 лет лишения свободы и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения². Освободившись в 1935 г. с обычным для того времени поражением в правах («минус 41 город»³), жил «далеко от Москвы». В 1941 г. был отправлен на фронт — военная жизнь оказалась непродолжительной: в 1942 г. в Крыму попал в немецкий плен, до конца войны находился в лагере военнопленных в Норвегии; свою военную эпопею описал в повести «Минометчики» [Андреев 1975; 1976; 1977; 1978]⁴. С 1946 до 1951 г. жил в Гамбурге; являлся заместителем редактора в издательстве «Посев»; входил в редколлегия журнала «Грани»; был членом Совета Народно-трудового союза, из которого вышел в результате раскола в 1954 г.; работал на радиостанции «Голос Америки» (мюнхенская редакция); печатался в журнале «Свобода», органе Центрального объединения политических эмигрантов из СССР (ЦОПЭ)⁵. Играл, по существу, ключевую роль в издании альманаха «Мосты»⁶, который возник по инициативе ЦОПЭ как опыт «тамиздатовского» проекта. То же произошло

¹ Разные источники в качестве года рождения Хомякова называют 1904, 1906, 1909 и 1910. По-видимому, до установления документально достоверной даты имеет смысл оставить этот вопрос открытым. Заметим, однако, что в написанной им самим краткой биографической справке, опубликованной в сборнике-антологии «Литературное зарубежье» [Литературное зарубежье 1958, с. 213], год рождения отсутствует, но говорится, что среднюю школу он окончил в 1926 г. Если это не сознательная дезинформация, то рождение Хомякова едва ли могло произойти раньше 1908 г. В анкете на получение пенсии в США датой своего рождения он указывал 2 февраля 1906 г. (ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

² Описан в его очерке «Соловецкие острова» (впервые: [Андреев 1950]; в сокращенном виде: [Литературное зарубежье 1958, с. 213–272]). О своем побеге из Соловецкого лагеря особого назначения Хомяков рассказал в повести «Трудные дороги».

³ Впоследствии Хомяков вспоминал: «...мне можно ехать в любое место Советского Союза, за исключением сорока одного города — Москвы, Ленинграда, всех столиц союзных республик, больших промышленных центров и еще — двухсоткилометровой пограничной полосы» [Андреев 1954, с. 10–11].

⁴ В письме к И. Чиннову от 14 марта 1978 г. Хомяков жаловался, что Ю. Терапиано, обозреватель «Русской мысли», в своих рецензиях на «Новый журнал» на эту повесть не отреагировал [Письма запрещенных людей 2003, с. 543].

⁵ Организация возникла в 1952 г., первоначальное название (до 1957 г.) — Центральное объединение послевоенных эмигрантов.

⁶ Главным редактором «Мостов» Хомяков формально стал начиная с 9-й книжки.

и с издательством «Товарищество зарубежных писателей» (ТЗП), учредителями которого в 1959 г. наряду с ним стали В. Вейдле, Б. Зайцев, А. Кашин, Л. Ржевский, В. Свен, Ф. Степун (председатель), но которое со временем все более и более связывалось с именем Хомякова-Андреева⁷. Вместе с прекращением весной 1963 г. деятельности ЦОПЭ финансирование «Мостов» также прекратилось (на 10-й книжке), и Хомякову самолично пришлось заниматься сбором средств на поддержание альманаха. Под псевдонимом Н. Отрадин печатался в «Русской мысли», а позднее в «Новом русском слове» (ведущий рубрики «Вопросы без ответа»). В соавторстве с Л. Ржевским написал пьесу «Награда» [Андреев, Ржевский 1951] — из жизни советской администрации Берлина. В 1958 г. вместе с А. Кашиным обратился с открытым письмом к тогдашнему председателю Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошилову с требованием прекратить травлю Бориса Пастернака⁸. В марте 1967 г. с женой Элли Оскаровной (урожд. Philipp; 1908–?) перебрался в США⁹, куда до этого они приезжали не раз (сначала поселились в Нью-Йорке, а затем, после того как приобрели собственный домик, — в Бейвилле, штат Нью-Джерси), где продолжил издание «Мостов». Вошел в редколлегию «Нового журнала» и был его соредактором вместе с Р.Б. Гулем (1975–1977), а в 1980–1981 гг. стал редактором журнала «Русское возрождение». Умер от раковой болезни¹⁰. Автор книг очерков и рассказов «Горькие воды» [Андреев 1954], «Трудные дороги» (тексты, составившие содержание последней, первоначально появились в «Новом журнале» [Андреев 1955; 1956; 1957], а затем вышли отдельной книгой [Андреев 1959])¹¹ и др.

Осевыми темами, которые составляют публикуемую ниже переписку поэтессы, издательницы и общественной деятельницы Софии Юльевны Прегель (1896/97–1972) с Г.А. Хомяковым, являются подготовка и издание альманаха «Мосты»; несколько последних писем касаются парижской выставки русской книги за рубежом, проводившейся в марте 1972 г., где была представлена и продукция Товарищества зарубежных писателей. То и другое не обошлось без активного участия и содействия Прегель: в первом случае как автора, а также своего рода парижского «агента» по разысканию других авторов и материалов для альманаха, во втором — как человека, помогавшего организовать выставку книг ТЗП.

В некрологе Прегель А. Седых писал:

⁷ О возникновении идеи издания альманаха «Мосты», его целях и истории, а также о деятельности Товарищества зарубежных писателей см. рассказ самого Хомякова [Андреев 1972, с. 309–320].

⁸ См.: [«А за мною шум погони...» 2001, с. 220–221].

⁹ А вовсе не 1 января 1972 г. (ср.: [Письма запрещенных людей 2003, с. 539]). В данном случае произошла путаница радиостанций: в США Хомяков служил на нью-йоркской Radio Liberty и с 1 января 1972 г. действительно ушел в отставку.

¹⁰ См. некрологи Г.А. Хомякова [Розанов 1984; Ржевский 1984а; 1984б].

¹¹ Книга была высоко оценена, например, Г.В. Адамовичем (см. его письмо В.С. Варшавскому от 2 ноября 1957 г. [«Я с Вами привык к переписке идеологической...» 2010, с. 313]). По собственному признанию Адамовича, он вообще питал к Хомякову «искреннюю симпатию» (см. его недатированное (написано между 7 и 13 марта 1966 г.) письмо А.В. Бахраху [Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху 2002, с. 152]).

Быть может, я ошибаюсь, но после «Новоселья» С<офия> Ю<льевна> ни в каких журналах участия не принимала и только выпускала новые сборники своих стихов [Седых 1972в, с. 5].

А. Седых ошибается, и одним из пропущенных им журналов были «Мосты», в которых стихи Прегель представлены весьма обильно. В 5-й книжке (1960): «Еще я своей владею судьбой...», «Опять зима явилась и спугнула...», «Валил упрямо крупный дым янтарный...», «Тихий свет — в глубине колодца...» (с. 80–83); в 8-й (1961): «Скользит одеяло жаркое...», «Улицы праздной пенное мыло...» (с. 44–45); в 10-й (1963): «Ржавый якорь...», «Стрелой пена всходит на корму...», «Перевернутое, чужое...», «Раскидаю, разобью, растрачу...» (с. 65–68); в 11-й (1965): «Хлопья снега и вновь распутица...», «С придыханьем певучий взор...», «Какое солнце небогатое...» (с. 60–62)¹²; в 12-й (1966): «Реквием», «Война», «Дед Мороз», «Из камня родник не брызнет...» (с. 90–92); в № 13/14 (1968): «Я выхожу из игры. Надоело...», «Не повторится громкий город южный...», «Куда они, бездомные, спешат...», «Лампы кружились над головой...» (с. 100–103)¹³; в 15-й (1970): «Летают белые птицы...», «И звучанье и тишину...», «Опять чужая и странная...» (с. 86–88)¹⁴. Стихи Прегель, напечатанные в «Мостах» до 1966 г., вошли в сборник «Весна в Париже», который она преподнесла Хомякову с дарственной надписью.

Обстоятельства и точное время знакомства Прегель и Хомякова неизвестны. Произошло это, по-видимому, в конце 1950-х гг. в один из его приездов в Париж. Не исключено, что посредническую роль в этом сыграл К. Померанцев, который выполнял функции «полпреда» «Мостов» в Париже.

Переписка Прегель с Хомяковым, помимо всего прочего, интересна как свидетельство ее неуклонно изживаемого в себе советофильства. В начале 1950-х гг., да и, пожалуй, еще в их середине, не говоря уже о патриотическом накале, пережитом в 1940-е гг., трудно было представить, что Прегель когда-нибудь станет публиковаться в издании, само рождение которого было обусловлено борьбой с коммунистической идеологией и советским режимом. И не только публиковаться, но и заниматься мобилизацией для него авторов, искать подходящие тексты, т. е., по существу, превратится в одного из активных деятелей «тамиздатовского» процесса, поскольку «Мосты» главным образом ориентировались на читателя по ту сторону «железного занавеса», а их центральной политической целью стало сохранение, поддержание и по мере возможности усиление «оттепельных» тенден-

¹² В связи с которыми Ю. Терапиано писал в рецензии на 11-ю книжку «Мостов»: «Три стихотворения Софии Прегель, как всегда у нее, полны напряженно-сдержанной эмоции и динамики <...>. Для поэзии Софии Прегель характерна также — не «социальная», но человеческая тема — внимание к страданию и к бедности людской, которые она так умеет замечать» [Терапиано 1965, с. 6].

¹³ Касаясь стихов Прегель, Ю. Терапиано писал в рецензии на эту книжку «Мостов»: «Софья Прегель, к сожалению редко печатающая свои стихи в журналах, на этот раз порадовала читателей четырьмя стихотворениями, одно другого удачнее. Не знаешь просто, какое из них особенно отметить. Пожалуй, всё же про “Дельфина, прозванного Синдбад” и “Не повторится город южный”, где так тонко передано ощущение ребенка» [Терапиано 1969, с. 9].

¹⁴ Далее при упоминании стихов Прегель, опубликованных в «Мостах», эти данные не повторяются.

ций. Вряд ли Г.А. Хомяков кривил душой, когда в письме к Прегель от 30 сентября 1965 г. писал:

Энергии Вашей редакторское сердце радуется. В самом деле, многие как-то скисли, еле шевелятся, — тем более признателен Вам.

А перебираясь из Германии в США, в прощальном письме, написанном 15 марта 1967 г., благодарил ее за значительный вклад в самое существование альманаха:

Я не забыл и не собираюсь забывать, что Вы всегда помогали нам с выпуском «Мостов», энергично добывали рукописи — в наши времена это просто неоценимо и достойно не просто благодарности, а благодарности в самой превосходной степени. Вот ее и прошу принять.

Наряду с нацеленностью «Мостов» на советского читателя они выполняли и другую весьма обстоятельную функцию: связывали между собой два беженских потока — старый и новый. Это был крайне важный процесс прилаживания друг к другу разных волн эмиграции, между которыми лежали возрастные, а нередко и мировоззренческие различия; люди, принадлежавшие им, обладали несходным политическим и культурным опытом, были сформировавшимися в разных жизненных условиях, имели разновалентные социальные статусы и пр. Для изгнаннической культуры это оказалось чрезвычайно существенно с точки зрения устранения внутри самой себя тех разграничений и демаркаций, которые возникали по объективным, а нередко по субъективным причинам, и обретения ею некоей необходимой целостности, без разделения на эмигрантов-«старожилов» и «новобранцев». «Мосты» в этом смысле явились местом знакомств между собой тех деятелей русского зарубежья, кто, принадлежа к разным по времени исходам из России, были совершенно друг другу неизвестны¹⁵.

Эволюция, проделанная Прегель — постепенная смена ею своих политических ориентиров, преодоление «детской болезни левизны», ослабление, по крайней мере, эмоциональной, просоветской настроенности, — прежде всего привела ее к сотрудничеству в журнале «Грани». В определенном смысле можно сказать, что активизм и деятельное участие Прегель в «Мостах» стали едва ли не полным и окончательным завершением этого процесса.

Весьма правдоподобным поэтому выглядит допущение, что во второй половине 1950-х гг. духовный арсенал безоттеночного просоветского патриотизма Прегель был почти исчерпан. И хотя она, безусловно, относилась к «мостовскому» проекту главным образом как к сугубо литературному, полностью абстрагироваться от политического контекста было просто невозможно. Все это позволяет рассматривать «мостовский» период как важный эпизод в биографии Прегель, не

¹⁵ См., например, письмо Хомякова к Н.В. Резниковой от 4 декабря 1967 г. (примеч. 1 к письму № 34 [Хомяков — Прегель], от 4 декабря 1967 г.), из которого видно, что он не только не был знаком с мужем Резниковой и Ю.Л. Сазоновой, но и не имел о них ни малейшего представления.

говоря уже о его значимости для изучения послевоенной истории русского зарубежья в целом.

* * *

Письма публикуются в соответствии с правилами современной орфографии с сохранением особенностей авторского стиля. Сокращенные и пропущенные слова восстановлены, авторские подчеркивания обозначены курсивом. Биографические справки об известных эмигрантских деятелях культуры и политики ввиду наличия специализированных справочников в комментариях к переписке не приводятся.

Хотелось бы выполнить приятный долг и поблагодарить работников Отдела рукописей и фольклора Государственного литературного музея (Москва) Е.М. Варенцову, Е.И. Погорельскую и А.С. Урюпину за помощь в подготовке настоящей публикации.

Источники и литература

Архив ДРЗ — Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына
ОРФ ГЛИМ — Отдел рукописей и фольклора. Государственный литературный музей

UIAUC — University of Illinois Archives (Urbana-Champaign)

«А за мною шум погони...» 2001 — «А за мною шум погони...»: Борис Пастернак и власть, 1956–1972 гг.: Документы / под ред. В.Ю. Афиани и Н.Г. Томилиной. М.: РОССПЭН, 2001. 431 с.

Адамович 1962 — Адамович Г. Пушкин // Мосты. 1962. № 9. С. 144–152.

Адамович 1963 — Адамович Г. А.М. Элькан // Русская мысль. 1963. № 2012. 25 июня. С. 6.

Адамович 1966 — Адамович Г. Об Александре Гингере // Мосты. 1966. № 12. С. 266–268.

Андреев 1950 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Соловецкие острова // Грани. 1950. № 8. С. 42–90.

Андреев 1954 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Горькие воды: Очерки и рассказы. Frankfurt a/M.: Посев, 1954. 327 с.

Андреев 1955 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Трудные дороги // Новый журнал. 1955. № 42. С. 138–163.

Андреев 1956 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Трудные дороги // Новый журнал. 1956. № 44. С. 143–168; № 47. С. 5–33.

Андреев 1957 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Трудные дороги // Новый журнал. 1957. № 49. С. 5–45.

Андреев 1959 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Трудные дороги. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1959. 158 с.

Андреев 1972а — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> В отраженном свете. «Мосты», эмиграция, Россия // Русская литература в эмиграции / под ред. Н.П. Полторацкого. Питтсбург: Отдел славянских языков и литератур Питтсбургского ун-та, 1972. С. 309–320 (Slavic Series; 1).

Андреев 1972б — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> И вечный покой... // Новое русское слово. 1972. № 22538. 27 февраля. С. 3.

Андреев 1975 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Минометчики // Новый журнал. 1975. № 119. С. 41–65; № 120. С. 80–95.

- Андреев 1976 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Минометчики // Новый журнал. 1976. № 122. С. 79–110; № 123. С. 52–78; № 124. С. 88–107; № 125. С. 95–112.
- Андреев 1977 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Минометчики // Новый журнал. 1977. № 126. С. 61–79; № 127. С. 71–94; № 128. С. 46–64.
- Андреев 1978 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.> Минометчики // Новый журнал. 1978. № 130. С. 49–64; № 131. С. 54–73; № 132. С. 80–101.
- Андреев, Ржевский 1951 — Андреев Г. <Хомяков Г.А.>, Ржевский Л. Награда // Грани. 1951. № 12. С. 87–117.
- Ахматова 1963 — Ахматова А. Реквием. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1963. 23 с.
- Бахрах 1961 — А.Б. <Бахрах А.В.> Памяти Анны Присмановой // Мосты. 1961. № 6. С. 365–368.
- Бобринский 1962 — Бобринский П.А. Мысли о русском символизме // Мосты. 1962. № 9. С. 171–176.
- Булгаков 1964 — Булгаков М.А. Иван Васильевич; Мертвые души. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1964. 147 с.
- Вайншенкер 1968 — Вайншенкер П.Л. ПРЕГЕЛЬ, София Юльевна // Краткая литературная энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. Стб. 956.
- Газданов 1939 — Газданов Г. Вечерний спутник // Русские записки. 1939. № 16. С. 62–89.
- Газданов 1959 — Газданов Г. Вечерний спутник // Мосты. 1959. № 3. С. 33–52.
- Гингер 2013 — Гингер А.С. Стихотворительное одержанье: Стихи, проза, статьи, письма: в 2 т. / сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М.: Водолей, 2013. Т. 1. 309 с.; Т. 2. 496 с.
- Дедов 1965 — Дедов А. Советские поэты в Париже // Русские новости. 1965. № 1067. 26 ноября. С. 3.
- «Душевно Ваша С. Прегель» 2015 — «Душевно Ваша С. Прегель»: Переписка С.Ю. Прегель с Л.Ф. Зуровым, 1938–1971 гг. / публ., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. П. Трибунского и В. Хазана // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014–2015 [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. С. 516–605.
- «Если чудо вообще возможно за границей...» 2008 — «Если чудо вообще возможно за границей...»: Эпоха 1950-х гг. в переписке русских литераторов-эмигрантов / сост., предисл. и примеч. О.А. Коростелева. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2008. 816 с.
- Зайцев 1926 — Зайцев Б. Странное путешествие // Современные записки. 1926. № 20. С. 19–47.
- Зайцев 1951 — Зайцев Б. В пути. Париж: Возрождение, 1951. 209 с.
- Зайцев 1959 — Зайцев Б. Странное путешествие // Мосты. 1959. № 3. С. 11–30.
- Иваск 1966 — Иваск Ю. Литературные заметки // Мосты. 1966. № 12. С. 161–180.
- Из писем Георгия Адамовича... 1989 — Из писем Георгия Адамовича Игорю Чиннову / публ. М. Миллер // Новый журнал. 1989. № 175. С. 246–262.
- К интеллигенции России 1967 — К интеллигенции России // Новое русское слово. 1967. № 19956. 29 октября. С. 2.
- Каннак 1961 — Каннак Е. Верность // Мосты. 1961. № 8. С. 13–30.
- Каннак 1966 — Каннак Е. Телефонный разговор; Парижанка // Мосты. 1966. № 12. С. 74–89.
- Кодрянская 1959 — Кодрянская Н.В. Алексей Ремизов. Париж: Б. и., 1959. 333 с.
- Левинг 2006 — Левинг Ю. «Ахматова» русской эмиграции — Гизелла Лахман // Новое литературное обозрение. 2006. № 5 (81). С. 164–173.

- Левинг 2007 — *Левинг Ю.* Забытые имена русской эмиграции. Поэт Гизелла Лахман // Евреи из России в Америке / ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. Кн. 2. С. 96–114.
- Лидарцева 1972 — *Н.Л.* <Лидарцева Н.> Похороны Б.К. Зайцева // Русская мысль. 1972. № 2882. 17 февраля. С. 7.
- Литературное зарубежье 1958 — Литературное зарубежье: Сборник-антология. Мюнхен: ЦОПЭ, 1958. 354 с.
- Малоземова 1965 — *Малоземова Е.* Паломничество по местам Русской Культуры в Зарубежье // Русская мысль. 1965. № 2314. 29 мая. С. 6.
- Малоземова 1970 — *Малоземова Е.* Литературный путь Нины Федоровой // Русская женщина в эмиграции / Литературно-художественный кружок в Сан-Франциско и Берклее, 1922–1970. Вашингтон, 1970. С. 20–23.
- Можайская 1972 — *Можайская О.* Выставка русской книги, изданной на Западе // Новое русское слово. 1972. № 22573. 2 апреля. С. 5.
- Мосты 1967 — Мосты: Сб. статей к 50-летию русской революции. Мюнхен: Товарищество зарубежных писателей, 1967. 231, <1> с.
- Наша дань Бестужевским курсам 1971 — Наша дань Бестужевским курсам: Воспоминания бывших бестужевок за рубежом. Париж: Издание Объединения бывших бестужевок за рубежом, 1971. 175 с.
- Отрадин 1972 — *Отрадин Н.* <Хомяков Г.А.> Вопросы без ответа: К истории концлагерей // Новое русское слово. 1972. № 22551. 11 марта. С. 3.
- Пастернак 2013 — Б.Л. Пастернак: Pro et contra: Б.Л. Пастернак в советской, эмигрантской, российской литературной критике: Антология: <в 2 т.> / сост., коммент. Ел.В. Пастернак и др. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии (РХГА), 2013. Т. 2. 942 с.
- Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху 2002 — Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху (1966–1968) / публ. В. Крейд // Новый журнал. 2002. № 228. С. 151–191.
- Письма запрещенных людей 2003 — Письма запрещенных людей: Литература и жизнь эмиграции: 1950–1980-е годы: По материалам архива И.В. Чиннова / сост. О.Ф. Кузнецова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 831 с.
- Померанцев 1965 — *К.П.* <Померанцев К.> Русские поэты в Париже // Русская мысль. 1965. № 2389. 20 ноября. С. 7.
- Присманова 1966 — *Присманова А.* О городе и огороде // Мосты. 1966. № 12. С. 39–42.
- Резникова 1968 — *Резникова Н.* Из воспоминаний о А.М. Ремизове // Мосты. 1968. № 13/14. С. 364–374.
- Ремизов 1981 — *Ремизов А.* Встречи: Петербургский буерак. Р.: Лев, <1981>. 293 с.
- Ржевский 1984а — *Ржевский Л.Д.* Памяти Геннадия Андреева (Хомякова) // Новое русское слово. 1984. № 26393. 18 февраля. С. 4.
- Ржевский 1984б — *Ржевский Л.Д.* Памяти Геннадия Андреева (Хомякова) // Русское возрождение. 1984. № 25. С. 182–184.
- Розанов 1984 — *Розанов М.* Соловецкий могикинин Г.А. Хомяков // Новое русское слово. 1984. № 26390. 15 февраля. С. 5.
- Русская книга за рубежом 1972 — Русская книга за рубежом // Русская мысль. 1972. № 2888. 30 марта. С. 6.
- Седых 1972а — *Седых А.* Во Франции скончался Георгий Адамович // Новое русское слово. 1972. № 22534. 23 февраля. С. 1.
- Седых 1972б — *Седых А.* 80-летие д-ра В.С. Вайнберга // Новое русское слово. 1972. № 22533. 22 февраля. С. 3.
- Седых 1972в — *Седых А.* Памяти Софии Прегель // Новое русское слово. 1972. № 22692. 30 июля. С. 5.
- Старые — молодым 1960 — Старые — молодым. Мюнхен: ЦОПЭ, 1960. 109 с.

- Странник 1981 — *Странник <Иоанн (Шаховской), архиеп. Сан-Францисский>*. Переписка с Кленовским. Париж: Б. и., 1981. 317 с.
- Татищев 1965 — *Татищев Н.* Солнце и сердце: О стихах Александра Гингера // *Возрождение*. 1965. № 168. С. 114–120.
- Таубер 1967 — *Таубер Е.* Аннушка // *Новый журнал*. 1967. № 89. С. 56–64.
- Таубер 1968 — *Таубер Е.* Последняя лошадь Аржевиля // *Мосты*. 1968. № 13/14. С. 176–183.
- Терапиано 1965 — *Терапиано Ю.* «Мосты» книга 11: (Часть литературная. II. Стихи и статьи) // *Русская мысль*. 1965. № 2320. 12 июня. С. 6.
- Терапиано 1969 — *Терапиано Ю.* «Мосты» книга 13–14: Часть литературная // *Русская мысль*. 1969. № 2725. 13 февраля. С. 9.
- Трофимов 1961 — *Трофимов А.* Странствующая княгиня / пер. с франц. С. Маковского // *Мосты*. 1961. № 7. С. 180–204; № 8. С. 142–168.
- Ходасевич 1962 — *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник // *Мосты*. 1962. № 9. С. 3–10.
- Хроника 2000 — *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция* / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2000. Т. 2 (6): 1955–1963. 584 с.
- Хроника 2001 — *Русское зарубежье: Хроника научной, культурной и общественной жизни: 1940–1975: Франция* / под общ. ред. Л.А. Мнухина. Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 2001. Т. 3 (7): 1964–1975. 429 с.
- Элькан 1960 — *Элькан А.* Дом Искусств // *Мосты*. 1960. № 5. С. 289–298.
- «Я с Вами привык к переписке идеологической...» 2010 — «Я с Вами привык к переписке идеологической...»: Письма Г.В. Адамовича В.С. Варшавскому (1951–1972) / предисл., подгот. текста и коммент. О.А. Коростелева // *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*, 2010 [/ отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 253–344.
- Malozemoff 1961 — Elizabeth Malozemoff. The Life of a Russian Teacher: (An Interview Conducted by Alton C. Donelly). Berkeley, 1961 // http://digitalassets.lib.berkeley.edu/roho/ucb/text/malozemoff_elizabeth.pdf.
- Triolet 1965 — *Triolet E.* La poésie russe: anthologie. P.: Seghers, 1965. 571 p. (Collection Melior).

1

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 11 октября 1961 г.

11 октября 1961 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

теперь могу сообщить окончательно о Ваших стихах: мои «редколлеги» отобрали для восьмого номера два, — «Скользит одеяло жаркое» и «Улицы праздной». В этом номере будет довольно много стихов: шесть авторов, может, даже семь¹.

Восьмой у меня уже почти готов, почти всё набрано, но работы с ним, чисто технической, еще много, и выйдет он не раньше декабря.

А вот Руманов меня «разочаровал»: тоще. Лишь один эпизод, не дающий достаточного представления о «железном рыцаре революции». Фигура же это <sic> была такая, что она нуждается в разностороннем освещении. Может быть, у него

есть какие-либо, такого же рода, другие отрывки о других? Тогда их можно было бы дать вместе, как зарисовки отдельных встреч, эпизодов с разными людьми².

Терапиано прав в том, что юмористов не только прежнего склада, но и вообще достаточно сильных в эмиграции не осталось, но не могу согласиться с тем, что их совсем нет и что этот отдел вообще в таком случае не нужен. Елагин зол, но остроумен; Большухин очень неровен, но некоторые вещи у него получаются превосходные³. Нет, этот отдел очень нужен был бы, беда лишь в том, что те, кто мог бы в нем работать, пренебрегают этим. У меня есть несколько мелочей из советского юмора, такого, какой там публиковать не будут, и мелочей отличных, — но этого слишком мало. А здесь — взять неоткуда⁴.

Между прочим, мое предложение о том, чтобы собрать старые сатирические или юмористические стихи Бунина и других, оставшиеся лишь в памяти, я не оставляю. Это может быть и не в отделе «Сатиры-юмора», если Терапиано так против него; можно дать в виде и статьи, перемежив сжатым сопроводительным текстом. Может быть, так он согласится?⁵

Привет от жены и от меня, привет и всем знакомым,
Ваш

Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ Кроме Прегель, 8-я книжка была представлена стихами следующих поэтов: И. Елагина, Н. Берберовой, Д. Кленовского, К. Померанцева и И. Рубинштейна.

² Материалы из архива А.В. Руманова, к этому времени уже покойного (о чем Хомяков, возможно, не знал), в «Мостах» не появлялись.

³ В отделе «Сатира и юмор» эмигранты второй волны — поэт Иван Венедиктович Елагин (наст. фам. Матвеев; 1918–1987) и журналист и литературный критик Юрий Яковлевич Большухин (наст. фам. Кандиев; 1903–1984) — появлялись трижды: во 2-й книжке (1959) «Пародиариум: Тема с вариациями» Ю. Большухина (под инициалами ЮБ) — пародии на писателей советских (тема: «Дилинь-бом, дилинь-бом, Загорелся Кошкин дом. Бежит курица с ведром, Заливает Кошкин дом»; пародируются: М. Шолохов, Л. Леонов, В. Овечкин, М. Исаковский, С. Щипачев, Б. Пастернак, Н. Грибачев, с. 387–392) и эмигрантских (тема: «Сочтемся славою»; пародируются: С. Максимов, И. Елагин, В. Заваляшин, В. Самарин, с. 393–396); в 4-й книжке (1960) были напечатаны елагинские стихи («О стиле», «О дураках» и «Ода с воздыханиями по случаю покупки дома нашими общими знакомыми», с. 259–261) и пародия Ю. Большухина «Рассказ с точки зрения»: советский писатель Анисим Целофанников имитирует эмигрантского писателя Джона де Негодяина, а эмигрантский писатель Сидор Подоконников создает образ своего советского коллеги Марата Кстенкина (с. 262–263); в 7-й книжке (1961) — «Записки психоаналитика» и «Иностранцам, изучающим русский язык» И. Елагина (с. 329–330) и «Эволюция любви» Ю. Большухина: пародические зарисовки изображения любовного чувства в разные исторические эпохи — от «римско-цезарианской» до «партийно-окрыляющей» (с. 331–336).

⁴ Из 15 книг «Мостов» этот отдел появлялся в общей сложности в 5: помимо отмеченных в предыдущем примечании И. Елагина и Ю. Большухина, во 2-й (1959) и 3-й (1959) книжках были напечатаны соответственно «Морские недоросли» Е. Гриневой — собрание нелепых выражений (с. 397–400) и ее же «Из записной книжки» (с. 314–316), а также в

3-й — в сокращенном переводе с польского рассказ С. Мрожека «Суд» (с. 311–313); в 4-й — наряду с И. Елагиным и Ю. Большухиным еще «Как я учился английскому языку» Аргуса (М. Айзенштадта) (с. 264–266) и «Герой» Вл. Бондаренко (с. 267–270); в 5-й — рассказы «Предусмотрительный лев» С. Мрожека (с. 269–270), «Два мира» С. Морта (с. 271–276) и «Из тьмы веков» Вл. Бондаренко (с. 277–284). На 7-й книге этот раздел прекратил свое существование.

⁵ Это намерение осталось неосуществленным. Следует заметить, что хотя Ю. Терапиано и печатался в «Мостах», но не проявлял ни к данному предприятию, ни к его заглавной фигуре какого-то особенно горячего расположения. См. его письмо к Прегель от 3 мая 1966 г., где он пишет:

...к «Мостам» я всегда был холоден и сейчас думаю, что «гиблое дело» их существование, — не нужное никому особенно, — пытаться гальванизировать.

И сам Андреев — скучен, ах, как скучен! (UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 3).

2

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 30 января 1962 г.

30 января 1962 г.

Мюнхен

Многоуважаемая Софья Юльевна,

да, Бобринский, с такой статьей о символистах, очень подошел бы для следующей книги, если успеет к сроку¹. У меня со следующим номером создалось исключительное положение: на этот раз беллетристики достаточно, но вот дальше два отдела («Литература-искусство» и «Культура-политика») пока почти совсем пусты. Заказал целый ряд статей, но что из этого получится, кто же знает.

За отзыв о восьмом <номере> спасибо; он в общем многим нравится, хотя из-за океана опять пишут, что скучно и малоинтересно. Но вот о том, что Трофимов будто бы восхвалял Николая I — не могу согласиться: всевосхваления у него нет, есть вполне объективное описание некоторых фактов². Этот объективизм весьма нужен в наши времена, учитывая, сколько в Сов<етском> Союзе было нагромождено ерунды о «кровавом царизме», и там это будет принято положительно. А что мы объективны — доказывает рассказ Каннак, где есть «незабудка» о том же Николае I³. Так что требуемая «диспозиция» по отношению к нему соблюдена.

Что трудно искать материал и составлять номер, об этом и говорить не приходится. Обеднели мы людьми страшно. Но ничего, подождем, наберется материал, — надо только запастись терпением и ждать, чему мы более или менее научились.

Надеюсь, что через некоторое время попаду в Париж, тогда узнаю «всё и обо всех» (в том числе о бедной Анне Морисовне — вот ведь несчастье!⁴) Пока же принимайте наши сердечные приветы,

Ваш

Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ Речь идет о статье поэта и журналиста графа Петра Андреевича Бобринского (1893–1962) «Мысли о русском символизме» [Бобринский 1962], которая была навеяна, как об этом говорит сам автор, «книгой С.К. Маковского “На Парнасе Серебряного века”» [Там же, с. 171].

² Имеется в виду исторический очерк А. Трофимова, посвященный княгине З.А. Волконской, «Странствующая княгиня» [Трофимов 1961].

³ Подразумевается следующее место в посвященном смерти А.С. Пушкина рассказе Е. Каннак «Верность»: Прасковья Александровна Осипова, близкий друг поэта, считала себя либералкой, не стеснясь, бранила Петербург и государя язвительно называла «незавбудкой», за его злопамятность [Каннак 1961, с. 20].

⁴ Примерно за полгода до этого А.М. Элькан поразила страшная болезнь — рак нервных окончаний, который врачи приняли за помешательство и за полгода до смерти поместили ее в клинику для душевнобольных.

3

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 10 июля 1962 г.

10 июля 1962 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

с девятой книгой «Мостов» я разделался-таки, со дня на день жду присылки первой партии (весь тираж находится сейчас в брошюровке) — и принимаюсь за десятый номер. А приступив к нему, бью челом: не пришлете ли свои стихи для него? У Вас, наверное, есть, новые, — они и нужны¹. На этот раз «привалило счастье» (относительное, конечно) в том смысле, что беллетристика для десятого у меня есть, — но теперь стихов нет. Этак всегда: то нос, то хвост завязнут-таки. Очень рассчитываем на Вас и будем благодарны.

Видел в «Русской мысли», что Анна Морисовна умерла². Такая страшная болезнь, что, пожалуй, и лучше, что не мучилась и дальше. У меня, между прочим, лежит одна ее рукопись, слабее, чем та, которую мы напечатали (о «Доме искусств»³), но и эту надо будет поместить. Я о ней не забываю, но пока для отдела «Воспоминаний» материала достаточно, приходится откладывать. В каком-то номере напечатаем⁴.

Привет сердечный и доброго здоровья,
Ваш

Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ Об опубликованных в 10-й книжке «Мостов» стихотворениях Прегель см. во вступительной заметке.

² А.М. Элькан не стало 22 июня 1962 г.

³ А. Элькан напечатала в «Мостах» мемуарный очерк «Дом Искусств» [Элькан 1960].

⁴ Данный мемуарный очерк в «Мостах» не печатался.

4

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 28 мая 1964 г.

28 мая 1964 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

сегодня у меня — день обращения к поэтам: только что написал письмо Ирине Владимировне¹, теперь Вам. Представьте, дело с выпуском еще одного номера «Мостов» все-таки получается: материал собирается, в том числе и стоящий, деньги тоже как-то наскребутся — и то, что еще недавно казалось почти фантазией, принимает-таки реальные очертания². Отсюда просьба и к Вам: не пришлете ли свои стихи? Проза у меня почти что «укомплектована», но без стихов как же обойдешься?

Есть у меня и еще вопрос к Вам, вот какой: у меня лежит одна рукопись Элькан, небольшая, на 5–6 страниц в «Мостах», — тоже воспоминания о петербургских временах, в первые годы революции, правда, большого интереса не представляющие (поэтому и залежалась рукопись), но хорошо написанные, и их надо напечатать³. Но — не предъявят ли каких претензий наследники? Гонорара платить мы никак не можем, где там, не до жиру, и в этом отношении хотелось бы быть уверенным, что неприятностей тут никаких не может быть. Как Вы считаете? Может быть, справитесь у дочери по телефону? Или это не нужно?

Числа с 10.6 мы собираемся в отпуск, уедем недели на три, надеюсь, что за это время как раз подойдут последние задержавшиеся материалы и в начале июля я смогу полностью составить номер и сдать весь материал в набор. Теперь не так, как прежде: приходится всё рассчитывать чуть ли не до последней страницы, чтобы не залезть чересчур в долги, а для этого надо иметь весь материал на столе. Прежде было иначе: подсчитывать можно было потом, после выпуска.

Принимайте наши сердечные приветы, от жены и от меня,
Ваш

Г. Хомяков

G. Homjakow
München 2, Lothstr. 15/III
Allemagne

ОРФ ГЛМ. Ф. 552 (С.Ю. Прегель). Оп. 1. Д. 1. Л. 2. Отпуск. Машинопись

¹ И.В. Одоевцева.

² Речь идет об 11-й книжке «Мостов», увидевшей свет в 1965 г. Стихи И. Одоевцевой в ней не печатались, см. в письме ей Хомякова от 29 июня 1965 г.:

Дорогая Ирина Владимировна,

Прошлый раз для № 11 «Мостов», когда я просил у Вас прислать стихи, Вы не отказывали, но и не прислали по занятости «Берегами» [т. е. мемуарами «На берегах Невы». — П.Т., В.Х.]. И 11-й «мост» оказался без Ваших стихов (ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

³ См. примеч. 4 к предыдущему письму.

5

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 2 июня 1964 г.

2 июня 1964 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,

получила Ваше письмо от 28 мая. Спешу ответить на Ваш вопрос: не думаю, что дочь А.М. Элькан могла бы предъявить хоть какие-нибудь «требования»!.. Я с ней не встречаюсь — не могу забыть ее отношение к матери!

Послала ей в свое время статью-некролог Г.В. Адамовича¹. Она на это не реагировала. Очевидно, была недовольна тем, что Г. Адамович говорил об Анне Морисовне — *человеке* (а не «писательнице»). Хорошо знаю отрывок, находящийся в Вашем ред<акционном> портфеле. Он не первого качества, и, по правде говоря, жалко *места*!..

Могу предложить Вам стихи Георгия Раевского (занимаюсь его лит<ературным> наследством)². У Евг. Осиповны Каннак имеется очень интересный рассказ. Он, скорее, украсит номер³.

Псылаю Вам 4 стихот<ворения>:

1) «Лучи пробились...»

2) «Хлопья снега и вновь распутица»

3) «С придыханьем певучий говор»

4) «Какое солнце небогатое» (парижская весна)⁴.

Приветствую Ваш подвиг — издание 11 ном<еров> «Мостов» и желаю Вам хорошего отдыха и счастливых творческих дней.

Передайте, пожалуйста, мой привет Элли Оскаровне.

Всегда Ваша

С. Прегель

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об. Автограф.

¹ См.: [Адамович 1963].

² Г. Раевский был представлен в 11-й книжке «Мостов» (1965) тремя стихотворениями: «Не говоря, что в пыль и прах и дым...», «Как пеликан своею кровью...» и «Сосна» (с. 29–31). В письме Хомякову от 30 апреля 1965 г. близкий к изданию альманаха К. Померанцев писал: «Прегель требует один номер для Раевской: говорит, что раз стихи дали даром, то надо дать вдове хоть авторский номер» (ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы), на что редактор альманаха в ответе, датированном 16 мая, наставительно замечал:

...а Вы не очень раздавайте «Мосты», я тут строго, — бесплатно ни-ни. Да, Раевской надо было бы дать, если можете, дайте. А Софья Юльевна, видно, излишне строга: кажется, она (вдова Раевского. — П.Т., В.Х.) не так уж бедна, но порядок есть порядок (Там же).

³ В 11-й книжке «Мостов» тексты Е. Каннак не появлялись.

⁴ Хомяков поместил в 11-й книжке «Мостов» все стихотворения Прегель, кроме первого.

6

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 10 июня 1964 г.

10 июня 1964 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

за стихи спасибо, очень хорошо, что прислали. Что-то Ирина Владимировна¹ не отвечает, не обиделась ли случаем на что в моем письме? Пишешь всё наспех, может, что и не совсем так написалось.

Спасибо и за справку о рукописи Элькан. Да, материал этот слабый, но — держу в резерве: ежели надо будет, использую. Пока как будто материала даже больше, чем нужно, но часть еще не прислана, и — вдруг кто-то подведет? Вот в этих видах я уже привык быть осторожным и запасливым.

И по этим же соображениям не могу обещать, что обязательно возьмем рассказ Е.Е. <sic> Каннак, хотя когда-то я просил ее не забывать нас. Беллетристики у меня достаточно, но тоже — с обещанным, а если кто не придет? Поэтому пусть присылает, и если место окажется, то охотно возьмем². С местом же приходится жаться, из-за денег. Причина, как видите, серьезная, и тут ничего не поделаешь. Если бы ее рассказ раньше был у нас, тогда другое дело.

Стихи Раевского присылайте, три-четыре странички можем отвести. Видите, как на аршин меряем³.

Завтра я наконец отсюда отплываю: едем в отпуск. Это единственное время, когда могу выбраться недели на две-три; в конце месяца возвращаемся, и тогда начну сдавать «Мосты» в набор. А пока — сдал еще одну небольшую книжку, надеюсь, выйдет в июле⁴.

Привет от нас обоих и всего лучшего,

Ваш

Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1. Л. 3. Отпуск. Машинопись.

¹ И.В. Одоевцева.

² Два рассказа Е. Каннак («Телефонный разговор» и «Парижанка») были напечатаны в следующей, 12-й, книжке «Мостов» [Каннак 1966]. См., например, реакцию на них Д. Клевновского в письме к Прегель от 18 мая 1966 г.:

Спасибо г<оспо>же Канак за ее привет и передайте ей, пожалуйста, мой. Ее рассказы в № 12 «Мостов» мне *очень* (подчеркиваю!) понравились.

И в сноске добавлял:

Как это получилось, что при ее превосходном даровании она только сейчас появилась в печати? (UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1).

³ См. примеч. 2 к предыдущему письму.

⁴ По всей видимости, речь идет о книге М. Булгакова, куда вошли пьеса «Иван Васильевич» и текст инсценировки «Мертвых душ» [Булгаков 1964].

7

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель
Мюнхен, 12 октября 1964 г.

12 октября 1964 г.
Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

давно не писал Вам, объясняется тем, что везем мы наши «Мосты», как на волах: медленно и трудно. Предприятие страх как трудное, если нет «хозяина», в денежном, конечно, смысле: кто деньги бы давал. Материал весь собран и давно мог бы быть набран, — к сожалению, принужден работать с почти развалившейся типографией¹, где набирают тоже как на волах. Поэтому мы не только застряли (собирались выйти в октябре или ноябре): теперь даже не знаю, когда удастся выпустить. Надеюсь, что еще в этом году, но может случиться, что и в начале будущего.

За стихи Раевского спасибо. И их, и Ваши включили, вскоре сдам в набор. Номер получится тоже хороший, хотя и пестрый и по тематике, и по качеству, и по стилю. Но это даже неплохо. Есть, как в каждом таком «толстом» журнале, и посредственное, но есть и хороший материал. Вот когда только осилим, выпустим — это теперь главный предмет забот и хлопот.

Принимайте наши с женой сердечные приветы.

Ваш

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 1. Л. 4. Отпуск. Машинопись.

¹ Речь идет о мюнхенской типографии И.И. Башкирцева (I. Baschkirzew Buchdruckerei, Peter Müllerstr., 43). Иван Иванович Башкирцев, издатель, журналист, редактор. В 1950 г. редактировал журнал «Маяк» (орган германского отдела Союза борьбы за освобождение народов России (СБОРН)); в 1954 г. — редактор газеты «Народная воля». В 1950–1970-е гг. владелец типографии в Мюнхене. Автор романа «Жизнь измятая» (в 3 т. Мюнхен, 1963–1974).

8

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 16 октября 1964 г.

16 октября 1964 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
спасибо за письмо. Отлично представляю себе Ваше «хождение по мукам»... А журнал необходим! Иначе литературная жизнь окончательно замрет.

Знаю таких, кот<орые> махнули рукой на писание. Все, увы, вышли из возраста, когда пишут «для себя». Если б «Мосты» могли выходить регулярно, появился бы и материал!

Не собираетесь ли в Париж <?> Литературный сезон еще не открылся: слишком<м> много болезней кругом и пр<очее>.

Шлю Элли Оскаровне и Вам мой самый лучший привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

9

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 29 июня 1965 г.

29 июня 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

Кирилл Дмитриевич¹ писал мне, что Вы грозитесь на этот раз прислать повесть, — это, конечно, не могло не заинтересовать меня самым живейшим образом. Подумать, на нашем безбеллетристическом небе — и вдруг повесть! Куда как интересно! А о чем она? А насколько «объемна»? А когда будет прислана? Сразу возникает множество вопросов, — на которые, конечно, желательно получить ответ. И надеюсь, он будет вскоре?²

Очень вскоре, правда, пока не нужно: завтра отправляемся в отпуск, на две недели. Даже не столько в отпуск, сколько лечиться, как говорили у нас, на грязи: что-то рука начала отказываться работать, к тому же правая, страх как неприятно³. Доктор говорит, надо ехать, — а доктора иногда всё же надо слушаться. Вот

и поедем, в Абано, куда ездит Газданова⁴, Вейдле⁵, тоже на сей же предмет. Но в середине июля я уже опять буду дома — и тогда буду рад получить от Вас положительный ответ⁶.

По секрету — мне обещали прислать из США несколько беллетристических вещей, но чувствую, что это может быть только обещанием⁷. Вместе с тем совсем неплохо было страниц полтора-два занять беллетристикой, полу, т⁸ очерками: это всегда хорошо. Посмотрим, как сложится>.

Привет и желаем здоровья и всего лучшего, оба мы.

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ К.Д. Померанцев.

² В письме от 3 июня 1965 г. К. Померанцев писал Хомякову:

Напишите также и Прегель — у нее тоже что-нибудь найдется — и из ее архивов, и из ее самой. Напр<имер>, она написала интереснейшую повесть из жизни богатой еврейской семьи в старой Одессе. Повесть написана живо и увлекательно от имени десятилетней девочки (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

Речь идет о книге Прегель «Мое детство», отрывки из которой в «Мостах» не появлялись, см. следующее письмо.

³ Почти в тех же словах — о поездке «на грязи» в связи с саботирующей рукой — Хомяков рассказывал уже после возвращения из Италии в письме Б.А. Филиппову от 18 июля 1965 г. (Там же).

⁴ Газданова Фаина Дмитриевна (урожд. Ламзаки; в 1-м замуж. Гавришева; 1892–1982) — медицинская сестра; жена писателя Г.И. Газданова.

⁵ В.В. Вейдле.

⁶ Ср. в письме Хомякова К. Померанцеву, написанном на полторы недели раньше, 18 июня 1965 г.:

Через 12 дней уедем в Италию, на этот раз лечиться, как говорили у нас, «на грязи», доктор посылает: с рукой неважно, немеет иногда, отказывается работать, — а рука правая. Так что сами понимаете. Вернемся числа 18.7 — и тогда надо будет приниматься за «мост» вплотную (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

⁷ Из авторов, живших в США, в беллетристическом отделе 12-й книжки (1966) приняли участие: А. Даров (Духонин) — с отрывками из очерков об Афоне «Берег “Нет человека”...» (с. 15–35) и Б. Филиппов — с циклом маленьких рассказов «Курятник радости» (с. 94–102).

⁸ Далее обрыв текста.

10

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 9 августа 1965 г.

9 авг<уста> 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
получила в свое время Ваше письмо от 29 июня. О *повести* пока не может быть и речи. Сейчас я над ней работаю, сокращаю ее и т. д. Кстати, это не повесть, а скорее «семейная хроника», и в ней свыше 1000 стр. — на машинке. Это не воспоминания, чистая беллетристика. В процессе работы станет ясно, можно ли из нее вырвать «кусок». Заранее могу сказать, что это очень трудная задача...

Но я с радостью приму участие в сборе «материала» — у меня есть кой-какие планы и соображения на этот счет...

Все это будет *после каникул*. 16 авг<уста> уезжаю на 4 недели в Швейцарию — отдохнуть и полечиться. Мне это весьма необходимо.

Мой швейцарский адрес:

Sophie Ravnicki

«La Liguière»

Gland (Vaud)

près Nyon

Suisse¹

Шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мой самый лучший привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

P.S. У Евгении Осиповны Каннак есть неск<олько> *прекрасных* рассказов. Она Вам их пришлет — после каникул².

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ См. также написанное из этой клиники в период данной поездки письмо Прегель к Л. Зурову (от 23 августа 1965 г.) [«Душевно Ваша С. Прегель» 2015, с. 587].

² См. примеч. 2 к письму № 6 от 10 июня 1964 г.

11

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 22 сентября 1965 г.

22 сентября 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,
в Швейцарию я Вам не написал: был очень тогда занят, да и Вы писали, что дела откладываете на четыре недели. А в части дел — значит, информация о повести

была неверной: мне говорили именно о небольшой повести, будто бы имеющейся у Вас, — хроника на 1000 страниц, это совсем другое. И вполне понимаю, что брать какую-то часть — дело не легкое, тем более если вещь еще не окончена.

А как относительно стихов? Не написалось ли что новое?¹

Каннак почему-то не прислала то, что предлагала², вчера послал ей «запрос»³. Вероятно, тоже недавно вернулась.

Подвигается следующий номер медленно. Можно было бы уже сдавать в набор, но материала еще мало, недостаточно, во всяком случае, для сдачи. А брат наш пишущий не торопится: обещали прислать рукописи душ тридцать, — пока живыми из них оказались около трети. Многие еще пришлют, но когда, вот вопрос. Все труднее и труднее становится издавать.

Если что еще есть у Вас в виду, если что «попадется под руку», очень прошу не забывать о жаждающих!

Шлем с женой сердечный привет и лучшие пожелания,
Ваш

Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ О стихах Прегель, увидевших свет в 12-й книжке, см. вступительную заметку.

² 20 июля 1965 г. Е. Каннак обратилась к Хомякову со следующим письмом (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы):

Многоуважаемый Геннадий Андреевич,
от С.Ю. Прегель я узнала, что Вы собираетесь выпустить журнал (<>«Мосты»>?) и что Вам может пригодиться беллетристика.

У меня есть кое-что в запасе, я могла бы Вам прислать, — если не сейчас, то через месяц (я на месяц уезжаю). Сообщите мне, пожалуйста, к какому сроку Вам нужно прислать рукопись.

Мы же были бы рады, если бы зарубежная литература опять ожила.

С искренним приветом

Ваша Е. Каннак

(Евгения Осиповна)

Через два дня Хомяков отвечал ей (Там же):

Многоуважаемая Евгения Осиповна,
да, это верно, мы собираемся выпускать 12-й номер «Мостов», часть материала уже есть, часть обещана — конечно, присылайте и свой. Срок — чем раньше, тем лучше: как только соберется материал для первого отдела, так отдам в набор, потому что дело это вообще долгое, пока будет закончена вся работа. Лучше было бы, если бы могли прислать до отъезда, не сможете — сразу же по приезде.

А относительно того, чтобы «зарубежная литература опять ожила», — на это надежды, думаю, напрасны, в достаточно большом плане. Откуда, как ей «оживать»? Слава Богу, если хоть тянет свое существование, как теперь.

Письму и предложению прислать рукопись рад: возобновление сотрудничества! Примите искренний привет, с уважением —

³ В «запросе» Хомякова 21 сентября 1965 г., отправленном Каннак, говорилось следующее (Там же):

Многоуважаемая Евгения Осиповна,

Вы писали, что хотите прислать рассказ, — где же он? Если не передумали, присылайте; надеюсь, что недели через две-три сбор материала закончу, и мне уже теперь надо знать, что еще придет, распределить место и т. д. Поэтому буду очень обязан, если сообщите, пришлете ли рассказ и когда.

С искренним уважением —

30 сентября Каннак выслала свой рассказ Хомякову. В сопроводительном письме она сообщала об имеющемся у нее еще одном, однако не переписанном рассказе и интересовалась, подойдет ли он для «Мостов». Ответное письмо Хомякова от 4 октября заключало положительную реакцию на присланный рассказ и предложение прислать второй, чтобы поместить оба в планируемой 12-й книжке. Второй рассказ был выслан автором 26 октября; 7 ноября датировано хомяковское письмо к Каннак, извещающее о его получении и содержащее обещание поместить в «Мостах» оба (Там же), что и было выполнено.

12

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 28 сентября 1965 г.

28 сент<ября> 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
спасибо за письмо от 22 сентября. Вернулась в Париж 20-го и до сих пор не пришла в себя...

У меня есть новые стихи, пошлю их в конце будущей недели. Собираюсь выпустить шестую книгу стихов. Давно бы это сделала, но у меня слишком большая нагрузка.

Говорила с Евг<енией> Осиповной Каннак, кот<орая> только недавно приехала. Она Вам *пошлет* то, что обещала...

К.Д. Померанцев уже сообщил Вам, что я предлагаю напечатать Ремизова¹. Получила *согласие* от его душеприказчиков. На днях увижу Нат<алью> Викторовну Резникову, у кот<орой> находится весь ремизовский ненапечатанный материал, и тогда сообщу, *что* она даст. Постараюсь, чтоб это было «читабельно». Так или иначе, Ремизов всегда является украшением...² У меня есть еще и другой материал; в ближайшее время покажу его К<ириллу> Д<митриевичу>.

Шлю Элли Оскаровне и Вам мой самый лучший привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ В письме Хомякову от 27 сентября 1965 г. Померанцев писал (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы):

<...> С<офия> Ю<льевна> обещала мне откопать текст Ремизова (неизданный) страниц на 15.

² В 12-й книжке «Мостов» (1966) был напечатан рассказ А. Ремизова «На воздушном океане» (с. 3–9) с редакционным примечанием: «Из архива писателя».

13

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 30 сентября 1965 г.

30 сентября 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

вот спасибо за письмо, за хлопоты, очень Вы меня обрадовали. Ремизов, конечно, находка, отлично, если удастся Вам его достать. Можно сделать приписку: «С разрешения...» и т. д. К<ирилл> Д<митриевич> пишет мне, что будто бы Вы нашли еще и рассказ Пантелеймонова — куда как хорошо! Только не ошибся ли он?¹

Энергии Вашей редакторское сердце радуется. В самом деле, многие как-то скисли, еле шевелятся, — тем более признателен Вам. Присылайте всё, что можно: стихи Ваши, конечно, тоже; хорошо, что и Каннак опять возникла в досягаемости. Хорошо и то, что мы покажем, что Париж отнюдь не сложил оружия, а то там, за океаном, его уже сбрасывают со счетов — зазнались за спиной богатого дяди.

Вопрос более частного порядка: что с Адамовичем? Он редко сюда пишет, но когда пишет, бодрится, будто все у него хорошо, — так ли это? Что-то мало верится. Очень заботит его состояние. Он тоже, между прочим, обещал прислать, статью, но просил не торопить². Я уже и так осторожничаю с ним, боюсь, что здоровье остается у него неважным.

Шлем с женой самый сердечный привет и успехи в делах!

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Накануне, в письме от 28 сентября, Померанцев информировал Хомякова о том, что Прегель «нашла рассказ Пантелеймонова. Он недурно писал (под Бунина), и его с удовольствием печатали все толстые журналы» (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы), впадая в явное заблуждение относительно довоенной известности Б. Пантелеймонова как писателя.

² См. примеч. 3 к письму № 19 от 7 ноября 1965 г.

14

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 6 октября 1965 г.

6 октября 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,

спешу Вам сообщить, что Г.В. Адамович был у своего кардиолога и тот его успокоил: ничего серьезного, просто маленькое временное ухудшение. Визит к врачу хорошо подействовал на Г<еоргия> В<икторовича>, хотя он чувствует еще некоторую слабость...

Н.В. Резникова в настоящее время разыскивает и переписывает неопубликованный ремизовский текст (а таких немного!), через неск<олько> дней с ней повидаясь... К<ирилл> Д<митриевич> уже писал Вам о том, что ей придется кой-что заплатить...¹ А вот что отвечает Слоним, кот<орому> я тоже писала по поводу «Мостов»: «Г.А. Хомякова видел в Мюнхене, говорил о “Мостах”. Может быть, напишу...»²

Отн<осительно> Пантелеймонова в след<ующий> раз. Надо выяснить, не был ли *напечатан* имеющийся у меня рассказ³.

Шлю Элли Оскаровне и Вам мой самый сердечный привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Стихи пошлю в ближайшее время.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ В письме, написанном за день до этого, 5 октября, Померанцев информировал Хомякова:

...С<офия> Ю<льевна> только что сказала мне, что рассказ Ремизова она достала или, точнее, он у нее будет от наследницы Ремизова Резниковой. Но Резникова хочет хоть что-нибудь за рассказ получить. Быть может, можно будет это сделать под видом расходов по переписке (кстати, нужно). Во всяком случае, ответьте Прегельше (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

² В том же письме (см. предыдущее примеч.) Померанцев сообщал Хомякову:

Кроме того, она (Прегель. — П.Т., В.Х.) написала Слониму, чтобы и тот искал что-нибудь подходящее.

О появлении в Мюнхене М. Слонима, который в «Мостах» не печатался, Хомяков сообщил И.В. Чиннову в письме от 21 сентября 1965 г. [Письма запрещенных людей 2003, с. 536].

³ По всей видимости, рассказ Б. Пантелеймонова оказался опубликованным: в «Мостах» он не появился.

11 октября 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

спасибо за извещение о Г<еоргии> В<икторовиче>¹ и вообще о движении дел.

Со Слонимом да, я говорил, но без существенного результата. Мы шутили с ним, что-де выпуск «Мостов» — это вроде некоего чуда, — он и сказал, что, может, будет и еще одно, и он пришлет статью. Пока на это чудо не рассчитываю.

Заплатить за пантелеймоновский, — прошу прощения, романовский, — текст², конечно, можно было бы, как Вы пишете, «кое-что», — вопрос в том, во что это кое-что выражается? Мне об этом и Померанцев писал. Если это порядка, скажем, 50 марок — вполне можно, вообще же с деньгами страх как туго. Пока недостает еще примерно 2500 марок на номер (это 3000 франков), и, понятно, я тут — как Кощей, каждую марку экономя. Малоземова писала³, что кружок их даст нам 300 долларов, но я человек русский и, пока руками их не пощупаю, верить в это воздерживаюсь⁴. Так что вопрос в размере платы, если немного, конечно заплатим.

Рукописи постепенно приходят, хотя и медленно. Некоторые интересные. И если придет и обещанное из разных мест, хотя бы и не все, номер обещает быть неплохим.

Привет сердечный от нас обоих и всего лучшего,
Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Г.В. Адамович.

² Не совсем понятно, то ли Хомяков строит каламбур, смешивая Бориса Пантелеймонова и советского писателя Пантелеймона Сергеевича Романова (1884–1938), то ли в самом деле принял одного за другого, хотя, судя по всему, не мог не слышать о первом и не знать о смерти второго.

³ Малоземова Елизавета* Андреевна (урожд. Гуляева; 1881–1974) — педагог, литературовед, литературный критик; жена известного горного инженера А.П. Малоземова, управляющего Лензолото. Выпускница Бестужевских курсов [Наша дань Бестужевским курсам 1971, с. 157–158]. В 1920 г. через Монголию, Китай и Японию эмигрировала с мужем и двумя маленькими детьми в Сан-Франциско. Училась в Калифорнийском университете в Беркли, где в 1938 г. защитила диссертацию «Ivan Bunin as a Writer of Prose», и с 1936 по 1950 г. преподавала русский язык в School of Eastern Languages and the Russian Language

* Ю. Левинг в своей ценной статье о Г. Лахман почему-то называет Малоземову Еленой и пишет о почти 60-летней женщине как о «барышне»: «Елена Малоземова, чье имя запомнится в истории изучения русской эмигрантской словесности тем, что, будучи диссертанткой, она обратилась за разъяснениями к Владимиру Набокову по поводу волновавших ее вопросов (дело было в те “пред-Лолитные” годы, когда Набоков еще довольно охотно отвечал незнакомым барышням-слависткам)» [Левинг 2006, с. 164; Левинг 2007, с. 98].

при том же университете. Многие годы возглавляла сан-францисский Русский литературно-художественный кружок (1922–1969). Печаталась в сан-францисском «Деле»: «Два русских писателя в Палестине» и «Приветствие И. Бунину» (1951. № 1 (январь). С. 57–67 и С. 68–69 — второй материал подписан Е. М.), «Читатели о Тэффи» (1951. № 3 (март). С. 85–90); «Новом русском слове»: «Гиена огненная» (1973. № 19389. 10 апреля. С. 8) — о поэзии А. Ахматовой, «Евгений Замятин (1884–1937)» (1962. № 17897. 10 марта. С. 4); «Русской мысли»: «С.К. Маковский» (1965. № 2308. 12 мая. С. 7); составитель сборника «Театр семьи и школы» (Сан-Пауло, 1964); автор статьи о Н. Федоровой (А.Ф. Рязановской) [Малоземова 1970]; участник «Калифорнийского сборника» (1934). Обширный биографический материал о ней см.: [Malozemoff 1961].

Хомяков познакомился с Малоземовой очно за несколько месяцев до этого письма, во время ее европейского вояжа*. 6 мая 1965 г. датировано письмо Померанцева к нему следующего содержания (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы):

Дорогой Геннадий Андреевич,

Только что в Париже была Елизавета Андреевна Малоземова, с которой я очень подружился — очаровательное существо (84 года!). Она выразила (после наших бесед) поддержать «Мосты» и просила меня, чтобы я предупредил Вас (чтобы Вы ее не съели) о ее визите к Вам: примите ее как подобает и поговорите с ней толком. Мне кажется, что она сможет хорошо нам помочь, и не только одними деньгами, но главным образом толковым распространением журнала, у нее для этого несколько подходящих организаций. Пока всё — тороплюсь отослать письмо — чтобы Вы были вовремя предупреждены. Искренне Ваш

8/V/<19>65

К. Померанцев

⁴ Как следует из другого письма Померанцева Хомякову, написанного через несколько дней, 12 мая 1965 г., мысль о денежной помощи альманаху со стороны Малоземовой возникла не без его участия (Там же):

Как Вам понравилась моя старушка? Ее нужно приручить, и вот какая мысль мне явилась: ведь она прикатила в Париж чуть ли не с единственной целью познакомиться со мной и хотела, чтобы я редактировал альманах, что она собирается издавать в память Серебряного века. Я от издательства отказался — нет совершенно времени, и просил ее лучше помочь немного «Мостам». Она как будто вняла. А вот теперь мне приходит другая мысль: посвятить 12<-й> номер (хотя бы его половину) Серебряному веку и вытащить у старушки и ее калифорнийских бабушек под это дело долларов 1000. Подумайте об этом, а я уж возьму на себя «хлопоты».

В ответ на это письмо Хомяков 16 мая сообщал из Мюнхена о своей встрече с Малоземовой (Там же):

* Е.А. Малоземова, в частности, посетила в Траунштейне поэта Д. Кленовского, о чем тот в письме от 6 июня 1965 г. сообщал о. Иоанну Шаховскому: «У нас уже были заокеанские гости, в том числе известная Вам, несомненно, Елизавета Андреевна Малоземова. У меня с ней, после выхода «Следа жизни», началась было, но быстро сошла на нет переписка. Сейчас она, воспользовавшись поездкой в Европу, захотела восстановить знакомство и встретиться со мною лично. Из Мюнхена ее привезли в Траунштейн на автомобиле знакомые. Встреча была очень приятной. Елизавета Андреевна произвела впечатление очень милой, экспансивной и притом исключительно энергичной и предприимчивой (несмотря на свои 80 с лишком лет) дамы» [Странник 1981, с. 154–155]. В Париже она побывала на вечере памяти трех поэтов — Г. Иванова, В. Смоленского и Ю. Одарченко, который состоялся 7 мая 1965 г., см. ее рассказ об этом в очерке [Малоземова 1965].

Дорогой Кирилл Дмитриевич,

Не ответил на Ваши письма: ждал приезда старушеницы, — она была позавчера. Конечно, существо феноменальное. К сожалению, слишком непоседливое: поговорили всего с полчаса, внизу ее уже ждала машина. Да, желание помочь у нее, несомненно, есть, и искреннее, но не знаю, получится ли что. В частности, больно уж представления эмигрантские: когда узнала, сколько надо денег, пришла в смущение. Но ничего, если хоть что-то выйдет, нам хлеб. Посмотрим.

В письме от 29 мая Померанцев продолжал информировать Хомякова о намерениях Малоземовой и ее группы как в смысле участия в альманахе на правах авторов, так и в отношении финансовой поддержки (Там же):

От бабушки получил письмо, что ее очень интересует мысль посвятить следующий № «Мостов» Серебряному веку, тем более что у них есть какой-то там матерьял. Деньги (как она мне пишет) тоже могла бы немного подсобрать, чтобы помочь. Словом, по мне, обхаживайте старуху — авось что-либо и выйдет.

Редактор альманаха, который смотрел на малоземовское участие в нем более трезвыми и рассудительными глазами, 5 июня отвечал Померанцеву (Там же):

С Малоземовой, дорогой, очень может быть, что и не выйдет. Старушка, конечно, милая и чудо, но ведь, хладно говоря, все-таки старушка, у которой свои представления, да и планы совсем других масштабов и направлений. Да и болтушка большая. Так что выйдет что-нибудь — добре, нет — Бог с ней. Ничего не попишешь, тут приходится трезво смотреть, иначе дела не вытянешь. А трезво — кое-что уже намечается. Из США понемногу, по мелочам, но наберется, думаю, и как-нибудь следующий «мост» построим.

Письмо от Малоземовой, в котором сообщалось о решении пожертвовать 300 долларов на выплату гонораров авторам «Мостов», сохранилось в архиве Хомякова (Там же):

23 августа 1965 г.

Многоуважаемый Геннадий Андреевич,

После моих странствий я теперь дома в Калифорнии.

Наш краткий, но основательный разговор о трудном финансовом положении журнала «МОСТЫ» я передала на собрании здешнего Литературно-художественного кружка. Было постановлено: послать 300 долларов (1200 немецких марок) на оплату гонорара русским писателям и поэтам, участвующим в издании журнала «МОСТЫ» № 12.

Нам хотелось бы, чтобы наша помощь была постоянной. Вот что мы придумали: пошлите нам 20 или 30 экземпляров «МОСТЫ» № 12. Мы постараемся их продать, чтобы обеспечить присылку денег и на «МОСТЫ» № 13, опять-таки для оплаты гонорара русским писателям.

Если Вас это не затруднит, то где-нибудь, на одной из последних страниц, Вы упомяните, что Литер<атурно>-худож<ественный> кружок в Калифорнии (в Берклее) охотно посылает некоторую помощь русским писателям.

Уважающая Вас Е. Малоземова

Елизавета Андреевна Малоземова

(председательница Литер<атурно>-худож<ественного> кружка в Берклее)

П.С. Мой сердечный привет Вашей жене.

9 сентября Хомяков ответил на это письмо следующим образом:

Многоуважаемая Елизавета Андреевна,
извините, что с промедлением отвечаю на Ваше письмо, полученное уже несколько дней тому назад: работы, как говорится, выше головы, едва управляясь. Письму был рад: многие на обещая легки, — а Вы вот еще и выполнили свое обещание, и так скоро, — тем более рад вдвойне и отзывчивости, и тому, что она приобрела такую «вескость»

Конечно, по выходе № 12-го пошлем Вам 20–30 экземпляров. Но будет это еще нескоро: сначала надо собрать деньги, что вряд ли будет легко, полагаю, что всё собрать удастся не ранее как месяца через два, три. Не весь еще собран и материал, летом публика не торопилась посылать, надеюсь, теперь пойдет быстрее. И, зная положение с типографиями, рассчитываю, что раньше начала будущего года вряд ли выпустим. Но так мы и намечали: выпускать ежегодник.

Как Вы полагаете послать деньги? Лучше было бы банковским чеком на мое имя, так легче получить, без проволоочки.

Оговорюсь: распоряжаться пожертвованными Вашим кружком деньгами оставляем право за собой. Как я Вам говорил, на оплату гонораров денег надо было бы втрое больше, всем авторам. Но часть авторов не нуждается и даже тоже поддерживает альманах, чтобы он выходил; есть, однако, и авторы, не имеющие постоянного заработка, нуждающиеся — вот этим можно заплатить, частично обратив пожертвованное на оплату расходов по выпуску: иначе ведь эти авторы вообще не могли бы напечататься. А расходы у нас, кажется, говорил Вам и об этом, — только на бумагу и оплату типографских счетов, никаких платных работников у нас нет, и всю работу по выпуску, редакционную, мы делаем бесплатно сами.

Рады были познакомиться с Вами и просим с женой принять наш искренний привет и пожелаем <sic> доброго здоровья.

С уважением

П.С. А поблагодарить Вас и Ваш кружок, — хотя это само собой разумеется, — забыл! Прошу на очередном собрании выразить Вашим коллегам нашу искреннюю и глубокую признательность.

Г.Х. (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

Чек на 300 долларов от Малоземовой Хомяковым был получен. Ни сама Малоземова, ни участники ее литературно-художественного кружка в «Мостах» не печатались.

16

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 19 октября 1965 г.

19 октября 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
прилагаю рассказ А.М. Ремизова¹ и 4 моих стихотворения. Они войдут в 6-ю книгу стихов, кот<орую> я в *настоящее* время готовлю к печати...²

Спешу Вам сообщить, что имеется статья о Пастернаке (Г. <sic> Резникова). Думаю, что интересная. Нужна ли она Вам? Пожалуйста, сообщите это без промедления³.

А также напишите, сколько страниц Вы могли бы предоставить...

К Ремизову никаких примечаний, касающихся *разрешения на печатание, делать не надо!*

Очень прошу Вас подтвердить получение и шлю Элли Оскаровне и Вам мой самый лучший привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ См. примечания к письму № 12 от 28 сентября 1965 г.

² Имеется в виду сборник «Весна в Париже».

³ Статья Д.Г. Резникова о Б. Пастернаке не обнаружена, в «Мостах» его тексты не появлялись.

17

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 21 октября 1965 г.

21 октября 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

сегодня получил Ремизова и Ваши стихи, очень хорошо, спасибо, и тотчас же отвечаю. Вижу, что первый отдел получится и большой, и неплохой. К Ремизову всё же надо будет дать такое примечание, внизу: «Из архива писателя, печатается впервые» — и всё¹. А как, договорились относительно уплаты за перепечатку? Надо всё же заплатить.

Статья о Пастернаке — признаться, не знаю, что ответить. Дело в том, что вчера пришли две статьи, на которые я и не рассчитывал; с другой стороны, можно смело предполагать, что не всё будет прислано из обещанного, так что место окажется. Я бы так предложил: если можно, пусть пришлют рукопись (она, вероятно, не в одном экземпляре), чтобы она была здесь, а в течение, думаю, не больше двух недель выяснится, останется ли для нее место. Но во всяком случае сообщу об этом сразу же, как только будет можно. Размер — не знаю, о чем это, но лучше, если так, не больше 12–25 страниц в <>«Мостах»>.

Еще раз спасибо и — принимайте наши с женой приветы!

Ваш Г. Хомяков

P.S. А с Пантелеймоновым — получается что?²

Г.Х.

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ По настоящему совету Прегель, указание «печатается впервые» было снято, см. следующее письмо и примечания к письму № 12 от 28 сентября 1965 г.

² См. примеч. 1 к письму № 13 от 30 сентября 1965 г.

18

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 30 октября 1965 г.

30 октября 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
получила Ваше письмо от 21-го. За Ремизова надо будет *кой-что* заплатить. Но не стоит писать: «Печатается впервые». Достаточно: «Из архива писателя»!..

Надо исходить из того, что наши «старики» (Бунин, Ремизов и др.) нередко печатали свои вещи по несколько раз. Особенно отличался этим Бунин!..

Не исключена возможность, что и ремизовская вещь была в незапамятные времена где-то (конечно, не в книге и не в журнале) напечатана.

Что же касается Пантелеймонова, то всё, что *до сих пор* мне удалось разыскать, вкраплено в его рассказы. У вдовы его — залежи, но она нигде не показывается...¹

Сейчас я разбираю архив А. Гингера и Анны Присмановой. Знаю, что у Присмановой остались один или два ненапечатанных рассказа. Если наткнусться на них, пошлю Вам.

Что же касается статьи о Пастернаке, то в настоящее время Г.Д. Резников <sic> ее переделывает. (Первоначально она была предназначена для французского сборника.) Когда статья будет готова, он мне ее передаст.

Г. Резников хочет, чтоб вместе со статьей помещено было письмо *к нему* Б. Пастернака, в кот<ором> он говорит о переводах и т. д. Письмо чрезвычайно интересное и, по-моему, имеет даже историческое значение².

Шлю Элли Оskarовне и Вам всего, всего доброго.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Пантелеймонова Тамара Ивановна (урожд. Кристин; 1900–1979) — живописец, скульптор; вдова Пантелеймонова.

² Известно, что Б. Пастернак адресовал Д. Резникову письмо (9 августа 1956 г.), связанное с романом «Доктор Живаго», в котором подвергал сомнению возможность его появления в СССР и демонстрировал ясное понимание, какими осложнениями обернется для него печатание романа за границей [Пастернак 2013, с. 83–84].

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 7 ноября 1965 г.

7 ноября 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

с Ремизовым так и постановим: «Из архива писателя». О других рукописях — Резников о Пастернаке пусть присылает, и, конечно, с письмом, но надо уже поскорее, скажите, пожалуйста, ему. Вообще, уже надо прекращать сбор материала: пожалуй, достаточно. За это время получил еще рукопись, у Иваска, оказывается, есть работа о Бродском и других ленинградских поэтах¹, так что к своей «норме», 400 страниц, вероятно, подойдем.

Первый отдел мне скоро надо будет уже верстать, поэтому о Пантелеймонове пока забудем. Если у Присмановой что найдется и успеет, присылайте². А вот то, что Вы с архивом Гингера работаете, это еще интереснее. Нет ли у него стихотворений, не вошедших в сборник? Адамович напишет о нем³, — было бы очень кстать дать и стихи. И если найдутся и пришлете на днях, дадим их⁴.

В общем, хоть и поздновато получилось, но материал на номер есть, — в чем и Ваша большая заслуга, которую ценим, вместе с обладательницей этой заслуги. В самом деле, что, если бы у нас было несколько таких энергичных людей, как Вы, мы бы сколько могли наделать!

Привет от жены и от меня и — много жить!

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Речь идет о статье Ю. Иваска «Литературные заметки» [Иваск 1966], состоявшей из двух разделов: «Бродский, Донн и современная поэзия» и «О Гоголе: (Выход из одиночества)».

² См. след. письмо.

³ Имеется в виду небольшой мемуарный очерк Г. Адамовича «Об Александре Гингере» [Адамович 1966], прочитанный им на вечере памяти Гингера, состоявшемся 2 декабря 1966 г. (вместе с Адамовичем на этом вечере выступали Прегель, К. Померанцев, Ю. Терапиано, А. Юлиус, и, кроме того, Адамович зачитал воспоминания о Гингере К. Терешковича); к очерку было приложено два гингеровских стихотворения, вошедших в последний сборник поэта «Сердце» (1965): «Весть» и «Доверие», а также два посвященных ему стихотворения Б. Поплавского — «Art poétique» и «Блестит зима. На выгоне публичном...». См. в письме Г. Адамовича И. Чиннову от 16 декабря 1965 г.:

О Гингере еще не написал. У меня было очень много дела (в частности — Мюнхен, для денег), я всё запустил. Хомяков угрожает, что поздно. Но на днях напишу, только едва ли так, как надо бы. Очень жаль [«Если чудо вообще возможно за границей...» 2008, с. 73]. До этого данное письмо публиковалось дважды [Из писем Георгия Адамовича... 1989, с. 261; Письма запрещенных людей 2003, с. 132].

При печатании очерка Г. Адамовича в него, однако, вкралась досадная опечатка: во фразе «Но если бы попроще, по разговорнее <sic>, посерее, побледнее были бы слова, — разве не убедительнее был бы их взлет, всё то вообще, что в них рвется к небу, к “отцу моему солнцу”, по гончаровской строчке, к преодолению смерти?» «по гингеровской строчке» превратилось в «по гончаровской строчке». Обращая на нее внимание своего корреспондента А. Бахраха, Г. Адамович писал ему 19 мая 1966 г.:

...но сколько в этих «Мостах» опечаток! Бедный Хомяков, верно, по болезни недосмотрел, а то ведь он человек аккуратный. У меня даже «гингеровская строчка» превратилась в «гончаровскую», да и другого немало. Но не говорите об этом Хомякову, а то что же большого попрекать! Он, верно, огорчается, если ему об этом говорят [Письма Георгия Адамовича А.В. Бахраху 2002, с. 152].

⁴ Неопубликованных стихов Гингера Прегель или не обнаружила, или, что вероятней, — в силу их шутливо-пародического характера (см. в письме № 22 от 17 ноября 1965 г.: «Подходящих стихов у Гингера не нашлось») — посчитала не заслуживающими внимания и публикации (включены в раздел «Из неопубликованного при жизни» в кн.: [Гингер 2013, т. 1, с. 175–178]).

20

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 8 ноября 1965 г.

8 ноября 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
спешу послать Вам небольшой, но (по-моему) очень интересный и своеобразный рассказ покойной поэтессы *Анны Присмановой*: «О городе и огороде»¹. По завещанию А. Гингера, могу распоряжаться всем оставшимся материалом...

Шлю Элли Оскаровне и Вам мой сердечный привет.
Всегда Ваша

С. П<регель>

P.S. Пожалуйста, подтвердите получение!

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Рассказ А. Присмановой «О городе и огороде» был включен в 12-ю книжку «Мостов» [Присманова 1966].

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 14 ноября 1965 г.

14 ноября 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

спасибо, рукопись Присмановой получил, напечатаем, — хотя жаль, конечно, что так коротко, ее надо бы, как прозаика, представить «объемнее», а тут — три страницы будет всего. А не нашлось стихов у Гингера? О нем у нас будет — очень кстати было бы дать и стихи! Однако, если найдется, то прислать можно только на этой неделе: первый отдел заканчиваю, будем его верстать, — впереди с другими отделами работы еще пропасть.

Посылаю что-то вроде «циркулярного обращения»¹: деньги Малоземова прислала², как говорится, дай ей Бог здоровья, но опять с наказом — «только на гонорары». А мы таким образом наказ обойдем: нам не до жиру. Да и было бы слишком несправедливо: одни авторы деньги шлют на издание, — а другим будем платить? Всё равно я был бы не против, в особенности, конечно, «неимущим», не имеющим источников заработка, но пока нам хоть бы на расходы собрать. Вероятно, всё равно в долги влезем, но, получив эти 300 долларов, долг будет уже терпимый.

Привет от нас сердечный и спасибо за хлопоты,

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ В тексте циркулярного письма (отпечатано на машинке) говорилось (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы):

ТОВАРИЩЕСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Всем авторам, приславшим рукописи для № 12 альманаха «Мосты»

Дорогие коллеги!

<надпись от руки> С. Прегель

Литературный кружок в Берклее, Калифорния, желая помочь выпуску № 12 нашего альманаха, пожертвовал нам 300 долларов, — я горячо поблагодарил Правление кружка и его членов от лица редакции альманаха и всех принимающих участие в его издании.

Надо пояснить, что эта сумма пожертвована только на оплату гонораров авторам, чьи произведения будут напечатаны в № 12 «Мостов». Сумма эта на данную цель небольшая, так как объем нашего альманаха — около 400 страниц, то за страницу придется примерно 75 центов, или 3 немецких марки. Иначе говоря, каждый автор может получить в виде гонорара очень незначительную сумму.

Вместе с тем, как Вам известно, «Мосты» выпускаются нами исключительно на весьма скромные собственные наши средства, включая небольшие пожертвования отдельных лиц, в том числе и участников нашего же альманаха: некоторые наши авторы вместо получения гонорара сами жертвуют разные суммы на покрытие типографских расходов и оплату бумаги. Собрать требующиеся на это деньги,

как Вы хорошо знаете, в нынешних условиях очень трудно; на прошлый, 11-й номер, например, мы не могли собрать всех денег и остались должны типографии, покрыв потом этот долг вырученными от продажи № 11 деньгами.

На № 12 нам нужно около 2000 долларов, большая часть этой суммы уже собрана, но недостает еще больше 600 долларов. И, признаюсь откровенно, я не вижу, как могли бы мы собрать их. Однако, если бы Вы пожертвовали свою часть гонорара, которая будет причитаться Вам из присланных 300 долларов, тогда наше положение значительно облегчится.

Я уверен, что Вы не откажетесь поддержать альманах и согласитесь пожертвовать свою часть гонорара на покрытие расходов по изданию № 12 альманаха. И если Вы не будете настаивать на уплате гонорара, позвольте считать, что с этим моим предложением Вы согласны.

Для сведения сообщаю, что присланные до сего времени рукописи уже находятся в наборе, и надеюсь, что в феврале или марте нам удастся выпустить альманах из печати.

Заранее благодарю и прошу принять мои лучшие пожелания.

15.11.65 Редактор «Мостов»

Мюнхен

(Г. Хомяков)

<от руки> Г. Хомяков

² См. письмо № 15 от 11 октября 1965 г. и примечания к нему.

22

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 17 ноября 1965 г.

17 ноября 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
получила Ваше письмо от 14-го, от гонорара я, конечно, отказываюсь¹. За рассказ Присмановой тоже не надо платить (как и за прилагаемые стихи). Кроме того, я заплачу Резниковой. Делаю это для «дальнейшего»...

Подходящих стихов у Гингера не нашлось. Все решительно использовано. Когда-нибудь сумею дать Вам его прозу. Он писал под женским псевдонимом (Агния Нагаго)².

Посылаю Вам нечто более интересное. То, что могло быть «гвоздем» этого номера, а именно 2 стихотворения Бориса Поплавского, посвященные Гингеру. При всех своих недостатках они исключительно талантливы. Между прочим, Г.В. Адамович в своей статье о Гингере упоминает и о Б. Поплавском. Одно время они были тесно связаны...³

Надо только в сноске указать, что Борис Поплавский скончался в 1935 году (Его даты 1903–1935)⁴.

Шлю Элли Оскаровне и Вам мой сердечный привет. Желаю успеха.
Всегда Ваша

С. Прегель

¹ Прегель реагирует на циркулярное письмо Хомякова.

² Проза Гингера в «Мостах» не появлялась и, похоже, появиться не могла: неопубликованных прозаических опытов, тем более подписанных «женским» псевдонимом Агния Нагаго, в его архиве не осталось, см. собрание принадлежащего ему небольшого прозаического арсенала (рассказы, очерки, эссе) в: [Гингер 2013, т. 1, с. 179–218, примеч. 293–298]. К неопубликованным, правда, можно отнести написанный, по-видимому, в соавторстве с Присмановой то ли рассказ, то материал для киносценария «Зиу-Зин. Мадагаскарские духи» (см.: [Там же, т. 2, с. 397–403]), но едва ли Прегель стала бы предлагать, а Хомяков взял бы этот весьма несовершенный в литературном отношении текст.

³ См. примеч. 3 к письму № 19 от 7 ноября 1965 г.

⁴ Такой сноски под стихами Поплавского нет; редакционное примечание к очерку Адамовича, к тому месту, где упоминается гингеровский сборник «Сердце», гласит: «Александр Гингер. “Сердце”, Париж 1965. А. Гингер умер 26 августа 1965 года в Париже. Помещаем также два стихотворения Б. Поплавского, посвященные А. Гингеру, ранее не публиковавшиеся (Ред.)» [Адамович 1966, с. 267. Примеч.].

23

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 21 ноября 1965 г.

21 ноября 1965 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

у меня образовалась традиция: по воскресеньям пишу письма. В прошлое пришлось написать их двенадцать, сколько будет сегодня, еще не знаю. Приходится откладывать на воскресенье: в другие вечера надо править, делать корректуру, чтобы не давать типографии отдыха.

Стихи Поплавского — это, конечно, отлично, спасибо за них. С Адамовичем я условился: он к своему очерку или что у него получится даст два стихотворения Гингера — и сюда же дадим, дальше, Поплавского, о котором он тоже упоминает. Тем самым получится хорошо, «в куче»¹. А установить, не были ли они напечатаны, стихи Поплавского, наверно, трудно? Но можно и без этого.

К Присмановой, по-моему, стоило бы дать внизу сноску, в таком роде: «Присманова, известная в эмиграции поэтесса (19..–19..), писала и прозу; этот рассказ, из ее архива, находящегося..., — образец ее прозы», — чтобы выделить уже ушедших от живущих. А то ведь в особенности в Сов<етском> Союзе кто знает о ней, таким же образом мы дадим хоть какое-то представление².

За отказ от гонорара спасибо, надеюсь, что все будут так же щедры — и тем самым мы «калифорнийских старушек» («бабушек», как говорила Малоземова) перехитрим. Но вот надо ли платить Вам Резниковой из своих денег, — тут я малость смущен. Ну, посмотрим, как будут идти дела дальше, может быть, еще и разбогатеет, как бы по поговорке: дай, Боже, нашему теленку волка съести.

О Присмановой, будьте добреньки, напишите мне, даты сообщите.

Между прочим, кое-что еще нашел добротное, так что альманах получится «содержательный»: среди очень, как я говорю, «разного», «пестрого», т. е. и мало-

ценного в общем, будет и весьма добротное. В частности, благодаря и Вашим стараниям.

Шлем с женой Вам наши лучшие пожелания,

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ См. примеч. 3 к письму № 19 от 7 ноября 1965 г.

² Публикацию рассказа Присмановой никакие редакторские примечания не сопровождают.

24

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 1 декабря 1965 г.

1 декабря 1965 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
получила Ваше письмо от 21 ноября.

Дата смерти Присмановой:

4 ноября 1960 г.

Даты рождения не знаю, да и давать ее не стоит. Присманова бы этого не хотела! Она тщательно скрывала год своего рождения¹.

Стихи Поплавского не были напечатаны, но это само собой разумеется, и писать об этом, по-моему, не следует...

Видела Ахмадулину, кот<орая> мне *очень* понравилась, и других².

Надеюсь, Георгий Викторович³ в ближайшее время пошлет Вам статью о Гингере. В гнусном «Возрождении» о Гингере написал Татищев⁴.

Не понимаю, как Татищев туда попал?!

Шлю Элли Оскаровне и Вам мой самый лучший привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ В 6-й книжке «Мостов» был опубликован некрологический очерк А. Бахраха «Памяти Анны Присмановой» [Бахрах 1961], в котором год рождения (впрочем, как и год смерти) указаны не были.

² Б. Ахмадулина в составе делегации советских поэтов (А. Вознесенский, Р. Рождественский, С. Кирсанов, Л. Мартынов, Б. Слуцкий, В. Соснора, А. Сурков, А. Твардовский) незадолго до этого посетила Париж (их выступления проходили в зале Maison de la Mutualité, 24 rue Saint-Victor, Paris 5e). Визит был приурочен к выходу в свет составленной под руководством Э. Триоле двуязычной — русско-французской — антологии русской поэзии с XVIII в. до современности (комментарии и вводные справки Р. Якобсона) [Triolet

1965]. О приезде см.: [Померанцев 1965; Дедов 1965]. О Б. Ахмадулиной в первой статье-отчете говорилось:

Приблизительно одного возраста с Вознесенским, Ахмадулина была первой женой Е. Евтушенко, который очень хорошо рассказал о ней в своей автобиографии. Единственная книга стихов Ахмадулиной «Струна» вышла в 1962 г., но ее стихи начали появляться с 1956 г. Придерживаясь более классической формы, чем Вознесенский, она вместе с (не приехавшей) Новеллой Матвеевой безусловно самая талантливая поэтесса так называемой «новой волны» современной советской литературы [Померанцев 1965].

Во втором:

Лирика Бэлы Ахмадулиной нашла в сердцах слушателей горячий отклик — и они, несмотря на некоторую уже усталость, наградили симпатичную поэтессу долго не смолкавшими дружными аплодисментами... [Дедов 1965].

³ Г.В. Адамович.

⁴ Прегель имеет в виду статью ближайшего друга Б. Поплавского, а после его смерти душеприказчика и хранителя его архива, поэта, прозаика, переводчика, богослова и литературного критика Николая Дмитриевича Татищева (1896–1985) [Татищев 1965].

25

Э.О. и Г.А. Хомяковы — С.Ю. Прегель

Мюнхен, 15 марта 1967 г.

15 марта 1967 г.

Мюнхен

Дорогая Софья Юльевна,

может быть, до Вас дошел слух о нашем отъезде в США, на этот раз «насовсем», — слух верен: завтра покидаем Мюнхен, а 18-го в Генуе должны сесть на пароход. Я долго, целых восемь лет, откладывал, пока мог, окончательное переселение в США, — больше откладывать нельзя, и ничего не поделаешь, приходится ехать. Но не хочу уехать, «не попрощавшись с Европой» — и не поблагодарив в частности и в первую очередь Вас за Ваше всегда теплое отношение к нам, к жене и ко мне, за Вашу готовность помочь и в личном плане, и в «общественном» (кавычки только потому, что очень уж в зубах навязло это слово, хотя смысл его всегда останется существенным, значительным). Я не забыл и не собираюсь забывать, что Вы всегда помогали нам с выпуском «Мостов», энергично добывали рукописи — в наши времена это просто неоценимо и достойно не просто благодарности, а благодарности в самой превосходной степени. Вот ее и прошу принять.

Прошу передать благодарность и поклон Ирине Владимировне¹ и знакомым парижанам, помнящим нас.

Шлем с женой наши приветы и желаем «счастливо оставаться» в городе и на континенте, жизни на которых всегда приходится завидовать, даже и не желая предаваться этому чувству.

Ваши Э. и Г. Хомяковы

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ И.В. Одоевцева.

26

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель
Нью-Йорк, 1 октября 1967 г.

1 октября 1967 г.
Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

давно собирался написать Вам, но всё как-то «не выходило». Приехали мы в этот город, живем в нем уже полгода, как будто устроились с квартирой, огляделись, привыкаем, — но чувствуем себя еще «не в своей тарелке». И когда почувствуем в своей, не знаю. Город слишком уж особенный, этакий сверхъестественный, и нам, закоренелым в других условиях, привычках, освоиться с ним трудно. Поэтому и времени еще не могу распределить, чтобы его на всё хватало, и внимание постоянно распыляется на всякую ненужную всячину, которой тут явно переизбыток.

Ехал я сюда с более или менее явным намерением «Мостами» больше не заниматься. Тут, кстати, и Гуль просил помогать ему с <<Н<овым> журналом<>>¹. Но сразу же напали на меня «мостовые энтузиасты», их есть тут несколько человек, с настояниями, чтобы <<Мосты<>> всё же продолжать. Обещают помочь в сборе денег и т. п. И из Европы пишут, что если не в год раз, то хотя бы в два года один альманах надо выпускать. И так как твердокаменностью я не обладаю, пришлось мне капитулировать, согласиться. Поэтому и приступил снова к сбору материала и думаю, что если мы его в ближайший месяц соберем, то где-нибудь в феврале — марте очередной «мост» выпустим². Теперь это еще труднее: печатать будем, как и прежде, в Германии, значит, по меньшей мере, время на корректуру удвоится. А здесь печатать немыслимо: <<Новый журнал<>> уже не выдерживает, думают тоже то ли в Европе печатать, то ли малую типографию заводить. И Гринберг стонет с <<Возд<ушными> путями<>>³.

Продолжать <<Мосты<>>, конечно, надо бы с условием давать только действительно значительный материал. Но желание это, по опыту знаю, в наших условиях неосуществимо: и пишущих остается мало, и разные другие обстоятельства заставляют печатать и то, от чего следовало бы воздержаться. Но и в других наших изданиях этой «невоздержанности» достаточно. Поэтому думаю, что, несмотря на лучшие намерения, надо просто продолжать так, как делали мы с предыдущими выпусками.

И вот тут, помня прежнюю Вашу помощь, я опять по этому же поводу к Вам. Нет ли чего у Вас в запасе интересного или можно что-нибудь разыскать, как прежде? В предыдущем, например, как хорошо ремизовская рукопись подошла.

О стихах уже не говорю: если у Вас есть новые, очень прошу прислать. И тоже — Ирину Владимировну, которой прошу передать поклон, как от дружественной державы⁴.

Не знаю, как всё образуется, но, надо полагать, образуется. Как-то так получается: ни денег нет, ни товара, — потом постепенно собирается и «на рынок» всё-таки поступает некое наше «соборное» изделие. Так изготовится и следующий «мост», опять «соборным» методом, с общей помощью.

Шлем с женой искренние наши и лучшие пожелания,

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ О том, что Хомяков вошел в редколлегия «Нового журнала», говорилось выше, во вступительной заметке.

² Еще за несколько месяцев до этого письма, устроившись на новом месте и относительно покончив с бытовыми проблемами, Хомяков в письме Померанцеву от 14 мая 1967 г. писал:

Но теперь как будто всё главное позади, письменный стол водружен на месте, на него машинка, так что можно «приниматься за старое». Только вот стоит ли? Это относится, в частности, к «Мостам»: есть тут несколько лиц, настаивающих, чтобы продолжать их издавать. Однако денег по-прежнему нет, хотя, похоже, собрать их на выпуск одной книги в год сейчас будет несколько легче, чем когда я собирал на две предыдущие. Пока я «зондирую почву», собираю не деньги, а мнения: а что Вы думаете, стоит ли продолжать? И беретесь ли писать сами и помогать искать материал для «Мостов»? Эти же вопросы обращаю — через Вас — к другим пишущим парижанам, в частности и <в> особенности к Софье Юльевне (поклон ей), т. к. в прошлом она принимала дела <«>Мостов<»> близко к сердцу и очень помогала нам. Поспросайте, дорогой, братьев-писателей, что они думают на этот счет, а потом отпишите мне, хорошо? (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

Отвечая на это письмо, Померанцев сообщал 26 мая из Парижа:

Относительно продолжения «Мостов» говорил и с Адамовичем, и с Зайцевым, и с Прегель, и еще с другими. Адамовичу — Вы сами писали. Прегель, конечно, и энергично поддержит. Зайцев тоже обещал. На днях увижу Терапиано и Одоевцеву, поговорю и с ними, но лучше — напишите им сами: они глупы и поэтому самолюбивы (Там же).

³ Имеется в виду редактор и издатель Роман Николаевич Гринберг (1893–1969) и его детище — выходивший в США альманах «Воздушные пути» (1960–1967; свет увидели 5 выпусков).

⁴ Речь идет об И.В. Одоевцевой. В 13/14-й книжке «Мостов» (1968) было напечатано ее стихотворение «L.S.D.» (с. 68).

27

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 6 октября 1967 г.

6 октября 1967 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
получила Ваше письмо от 1-го <октября>. С удовольствием помогу Вам — у меня есть рукописи, кот<орые>, может быть, Вам пригодятся... Неплохо было бы поместить какой-нибудь ремизовский отрывок. В ноябре исполняется 10 лет со дня его смерти¹, так что мы, можно сказать, вступаем в *ремизовский год*. Не мешало бы также дать статью о Ремизове. Это тем более важно, что на родине его не почитают. Мне казалось, что брешь пробита, но из-за 50-летия Октября всё разладилось. А между тем у Ремизова в СССР есть горячие поклонники...²

Пошлю Вам 3–4 моих *новых* стихотворения. По поводу Ремизова могу говорить только после 15-го. Пока займусь рукописями и пр<очим> и буду *с Вами в контакте*.

У меня чувство, что сейчас нужен *чисто литературный* журнал (или альманах), без всякой политики!!! Интерес к зарубежной литературе растет не по дням, а по часам, и его надо поддерживать.

Шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мой самый лучший привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Ремизова не стало 26 ноября 1957 г.

² В 13/14-й книжке «Мостов» (1968) был напечатан мемуарный очерк Н. Резниковой «Из воспоминаний о А.М. Ремизове» [Резникова 1968].

28

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 19 октября 1967 г.

19 октября 1967 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,
спасибо, что по-прежнему готовы помочь «Мостам». Да, о Ремизове надо бы заказать и статью, — в особенности, если найдется что-либо ненапечатанное у него. Жду, когда удастся Вам просмотреть имеющиеся рукописи. Но вот кому бы заказать статью? Здесь не вижу никого: здесь заняты все, на мой взгляд, еще больше, чем в Европе, хотя и там ни у кого времени нет.

Вы пишете, что есть у Вас и другие рукописи, — а какие? Чьи? Несомненно, что есть еще многое, что надо бы опубликовать, вопрос лишь в том, как это многое отыскать. Во всяком случае, спасибо еще раз, и буду ждать известий.

Шлем с женой сердечный привет.

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

29

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 24 октября 1967 г.

24 октября 1967 г.

Дорогой Геннадий Андреевич, получила Ваше письмо от 19-го <октября>. Тут же снеслась с *Натальей Викторовной Резниковой* (переводчицей Ремизова и самым близким для него человеком), у которой имеются чрезвычайно интересные воспоминания о Ремизове (вернее, о Ремизовых). В пятницу, 27-го, буду с ней завтракать, и она принесет мне эту статью. Если почему-либо до пятницы ей не удастся переписать, она пошлет статью *прямо Вам* — вместе с отрывком из Ремизова, *по возможности* еще не бывшим в печати. Во всяком случае, не вошедшим в его книги...

На будущей неделе еду в Канны, к сестре, кот<орая> тяжело больна. До отъезда — помимо ремизовского материала — пошлю еще «кой-что». Остальное по возвращении — в конце ноября!

Прилагаю 2 стихотворения Бориса Поплавского¹, 2 стихотв<орения> Георгия Раевского² и 4 моих!³

Очень прошу Вас подтвердить получение. Письма мне будут пересылать.

Шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мой самый лучший привет.

Дружески Ваша

С. Прегель

P.S. Московские литературоведы попросили у меня статью Г.В. Адамовича (о Пушкине) из 9<-го> ном<ера> «Мостов»⁴ — А также статью Ходасевича...⁵ Статья Адамовича пользуется там большим успехом!!

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–1 об. Автограф.

¹ В 13/14-й книжке «Мостов» (1968) было опубликовано два стихотворения Б. Поплавского: посвященное Александру Гингеру «Александр строил города в пустыне...» (с. 174) и «Оно» (с. 175); имя поэта сопровождало указание на годы рождения и смерти (1903–1935), в предыдущей книжке альманаха отсутствовавшие.

² «Ты с плачем входишь в мир, дитя...» (с. 184) и «Живое чудо бегало...» (с. 185).

³ См. вступительную заметку.

⁴ Имеется в виду статья Г. Адамовича «Пушкин», напечатанная в 9-й книжке «Мостов» [Адамович 1962], в основу которой легло его выступление на торжественном собрании, посвященном 125-летию со дня смерти Пушкина (проходило в Париже 6 мая 1962 г. и было организовано Союзом русских писателей и журналистов совместно с редакцией «Мостов» и Объединением бывших воспитанников Императорского Александровского лицея; в нем принимал участие также Хомяков) [Хроника 2000, с. 502].

⁵ Речь идет об открывающей 9-ю книжку альманаха «Мосты» статье В. Ходасевича «Колелемый треножник» [Ходасевич 1962], прочитанной им в качестве доклада 14 февраля 1921 г. в петроградском «Доме литераторов» по случаю 84-й годовщины со дня смерти Пушкина.

30

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель
Нью-Йорк, 28 октября 1967 г.

28 октября 1967 г.
Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

письмо со стихами получил, всё хорошо, спасибо. То, что пришлете Вы или Резникова, — тоже хорошо подойдет. И я вижу, что и этот номер <>«Мостов»> будет, как говорится, «содержательным», если всё обещанное придет. Хочу опять сделать большой первый отдел, если займет даже половину книги, будет совсем неплохо¹.

Это интересно, что Вы пишете о статьях Адамовича и Ходасевича из девятой книги, у меня тоже тут были еще сведения о том, как высоко ценят там <>«Мосты»> — куда выше, чем мы сами! Но мы вроде как бы обьевавшаяся публика, пресыщенная, тогда как там интересно многое такое, чего мы уже не замечаем. Вот это внимание к <>«Мостам»> в России было одной из основных причин, почему я решил продолжать их издавать. И с помощью пекущихся о <>«Мостах»> как-нибудь мы их вытянем.

Сердечный привет от Эли и меня и лучшие пожелания.

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 2. Л. 2. Отпуск. Машинопись.

¹ Первый отдел, т. е. «Поэзия-проза», занимает в 13/14-й книжке почти половину объема: 191 страницу из 406.

31

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, между 31 октября и 2 ноября 1967 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
только что пришло Ваше письмо от 28 октября. Резникову буду *подталкивать*,
чтоб поскорее присылала... Я же по возвращении пошлю дополнительный мате-
риал. Статьи Адамовича и Ходасевича уже отправила в Москву!
Дружески Ваша

С. Пр<егель>

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 3. Л. 1. Автограф. Датируется по содержанию.

32

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 2 ноября 1967 г.

2 ноября 1967 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
я встретила с Натальей Викторовной Резниковой, кот<орая> прочла мне от-
рывок из своих воспоминаний о Ремизове (вполне законченный). Она пошлет его
Вам (предварительно переписав на машинке) вместе с рассказом Ремизова и его
фотографией...¹

Сегодня я уезжаю в Канны к тяжело больной сестре; пробуду в Каннах дней
пятнадцать. По возвращении постараюсь Вам кой-что послать, а пока прилагаю
рассказ Ю.Л. Сазоновой, кот<орый> я немного почистила!

На всякий случай сообщаю Вам адрес Н.В. Резниковой:

Madame N. Reznikoff

11, rue Camille Desmoulins

94 — Cachan

France

Ей я дала Ваш адрес, и она обещала не задерживать присылку материала.

Шлю мой сердечный привет Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андре-
евич.

Всегда Ваша

С. Прегель

P.S. Надеюсь, стихи Вы получили.

P.P.S. Письма мне будут пересылать!

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1 об. Автограф.

¹ Ни рассказ Ремизова, ни его фотография в альманахе не появлялись — только вос-
поминания Н.В. Резниковой, см. примеч. 2 к письму № 27 от 6 октября 1967 г. Отправляя

их Хомякову, она писала в сопроводительном письме (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы):

30-XI-<19>67

Глубоко уважаемый <sic> Геннадий Андреевич,

По совету Софьи Юльевны Прегель посылаю Вам отрывок из моих воспоминаний о А.М. Ремизове, которого я знала с моих ранних лет и дружба с которым продолжалась до самой смерти А<лексея> М<ихайловича>. Я посылаю Вам фотографии Ремизова тех лет, о которых пишу (20–30-е годы), и 2 фотокопии писем разных эпох: 1935 г. и 1944 г. (конца войны).

Очень буду рада, если то и другое пригодится для Вашего журнала.

Сердечный привет

Нат. Резникова

33

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Канн, 16 ноября 1967 г.

16 ноября 1967 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,

пишу Вам из Канн, где нахожусь ровно 2 недели. Во вторник, 21-го, должна быть в Париже!

Получила письмо Нат<альи> Викт<оровны> Резниковой. Она пишет: «...я сейчас переписываю в спешном порядке свои воспоминания. Дала переснять карточку (Ремизова). *Переписываю* воспоминания потому, что мне захотелось их углубить приведением *писем* А.М. Ремизова. Много их перечитала, и всё снова пережила. Это замедлило работу — но насколько же всё выходит сильнее!

На рассказе Ремизова еще не остановилась. Я пошлю сперва рукопись свою, а затем вдогонку *сразу* — рассказ!..»

Как видите, дорогой Геннадий Андреевич, всё более или мене в порядке.

Кроме того, из Канн Вы получите рассказ Екатерины Леонидовны Таубер (Е.Л. Таубер). В нем настоящая Франция, Прованс. Я думаю, Вам рассказ этот придется по душе¹.

Желаю Элли Оскаровне и Вам всего, всего хорошего и светлого.

Душевно Ваша

С. Прегель

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–2. Автограф.

¹ Речь идет о рассказе Е.Л. Таубер «Последняя лошадь Аржевиля» [Таубер 1968]. Посылая через несколько дней рукопись рассказа Хомякову, Таубер писала ему:

27 XI 1967

Многоуважаемый Геннадий Андреевич

Софья Юльевна Прегель посоветовала мне послать Вам для «Мостов» мой рассказ «Последняя лошадь» [а]. Буду рада, если он Вам пригодится. «Мосты» я

очень люблю, но, к сожалению, не все читала. В одном были мои стихи [б], другие мне случайно попадались, и журнал мне очень нравится. Как хорошо редакция сделала, что перепечатала «Странное путешествие» Б. Зайцева [в], которое трудно достать, и рассказ Газданова о Клемансо [г]. И там всегда хорошие стихи.

С Софьей Юльевой я обычно вижусь или тут (она приезжает к больной сестре), или изредка в Париже, когда я туда попадаю. Сама я всегда живу на Ривьере и преподаю уже много лет русский язык в лицее в Канн. Конечно, тут очень не хватает литературного общения. В Нью-Йорке хоть все и очень заняты, а всё же встречаются.

В декабрьском номере «Нового журнала» будет мой рассказ «Аннушка» [д].

Буду рада, если напишете о себе. Что <В>ы делаете в N<ew> Y<ork>e и нравится ли Вам амер<и>канская жизнь? У меня много литерат<ур>ных и нелитер<атур>ных друзей в Америке, все хорошо устроены, но жизнь у них уют<и>тельная.

Шлю Вам сердечный привет.

Ваша Е. Таубер-Старова

Мой адрес:

Madame E. Staroff (Екатерина Леонидовна)

Quartier Vaumarme Mougins 06 (А.М.)

France

(Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

а. По предложению Хомякова в печатном варианте рассказ получил название «Последняя лошадь Аржевиля», см. его ответное письмо Е. Таубер от 4 декабря 1967 г. и согласие автора в письме к нему от 11 декабря (Там же).

б. Во 2-й книжке «Мостов» (1959) были напечатаны три стихотворения Таубер: «Лишь первозданное, простое...», «Окно выходило в чужие сады...» и «В кафе» (с. 168–170).

в. Рассказ Б. Зайцева «Странное путешествие» был перепечатан в 3-й книжке «Мостов» [Зайцев 1959]; первоначально опубликован в журнале «Современные записки» [Зайцев 1926], вошел в книгу писателя «В пути» [Зайцев 1951, с. 29–63].

г. Имеется в виду рассказ Г. Газданова «Вечерний спутник», републикованный в той же 3-й книжке «Мостов» [Газданов 1959]; первоначально появился в журнале «Русские записки» [Газданов 1939].

д. См.: [Таубер 1967].

34

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 4 декабря 1967 г.

4 декабря 1967 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

собрался наконец написать Вам: позавчера получил рассказ от Таубер, а сегодня отрывок из воспоминаний о Ремизове Резниковой. То и другое подойдет, рассказ надо чуть кое-где подправить, а воспоминания немного сократить, — вообще же это материал вполне хороший, и спасибо Вам за него. Таубер и Резниковой пишу сегодня же, что получено и будет напечатано в «Мостах»¹. Ждать ли еще ремизов-

скую рукопись? Со сбором материала приходится заканчивать, хотя ее хорошо было бы получить.

А вот рассказ Сазоновой, к сожалению, не подойдет. Между нами говоря, очень уж «дамское рукоделье». Что прикажете делать с ним? Я мог бы попробовать устроить его в <<Новое русское слово>>, к Вейнбауму, думаю, он возьмет. И если автор согласен, то поговорю об этом².

Я малость простудился и сейчас ходил к врачу, тут рядом. Оказалось, что он тоже простужен, ожидая, немного поболтал с его женой. И — о Вас тоже вспомнили: они, оказывается, друзья Цетлиных и Ваших родственников, знают хорошо и Вас. Это — Вейнберги³. Так что свет, в общем, не велик.

Посещение врача тут, между прочим, излечивает быстро, вроде бы по методу «душа Шарко», — стоит это 15 долларов! А мы еще никак не отвыкнем считать по-европейски: это же сумма! Но тут одни наши знакомые верно говорят: не считайте по-европейски, а то с голоду умрете. И это правильно.

Еще раз спасибо и наши сердечные приветы.

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 6. Л. 3. Отпуск. Машинопись.

¹ В ответном письме к Н. Резниковой Хомяков писал:

4 декабря 1967 г.

Нью-Йорк

Многоуважаемая Наталья Викторовна,

Сегодня получил Вашу рукопись — Из воспоминаний об А.М. Ремизове, спасибо. Успел только просмотреть ее, но уже вижу, что она вполне нам подойдет и будет напечатана в следующей книге «Мостов», в отделе воспоминаний. Жаль, что не сможем дать фотографии, но факсимиле присланных Вам писем попробую устроить [а]. Может быть, придется кое-где немного сократить, но это выяснится, только когда буду готовить рукопись к набору.

Пока при просмотре заметил вот что: на первой странице есть указание — «Д<аниил> Г<еоргиевич> Резников» был у Алексея Михайловича (и дальше встречается несколько раз это лицо, есть и его письмо), — кто это? Надо как-то пояснить. Если нельзя дать фамилию, вообще раскрыть эти, вероятно, лишь крайне узкому кругу лиц известные инициалы, тогда надо сделать иначе, — например, дать звездочку и внизу краткое пояснение: такой-то (скажем, Ваш близкий знакомый, родственник или кто другой) и т. п. А так никак не приемлемо [б]. Если есть и еще лица тоже только с инициалами, не раскрытые, и им надо дать пояснения.

На стр. 9 есть «кутю» — для Франции понятно, да и вообще в Европе, — а предположите, попадут <<Мосты>> куда-то в русскую тьму-таракань, где и спросить некого или боязно? Это, ничего не поделав, тоже надо пояснять хотя бы одним словом в скобках [в]. Стр. 10 — «у моего дяди В.М.У» [г] — то же, как «Д.Г.». Может быть, лучше в таком случае оставить просто «у моего дяди», без инициалов.

Софья Юльевна писала, что Вы подберете также для <<Мостов>> что-либо ненапечатанное у покойного писателя, рассказ или отрывок — будем очень за это

признательны. Я почти закончил сбор рукописей, вижу, что книга получится со-
держательной.

Еще раз спасибо и примите лучшие пожелания, —
С искренним уважением
(Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

а. Это намерение редактора, — по всей видимости, из-за дороговизны набора — не
было осуществлено.

б. В напечатанном варианте Резникова дала пояснения: «мой муж Даниил Георгиевич»
[Резникова 1968, с. 364].

в. *couture (франц.)* — шитье, вышивание; в напечатанном тексте этого слова нет.

г. Хомяков прочитал «Ч» Резниковой как «У»: в печатном варианте: «Первый обезья-
ний знак я увидела еще в 1917 году у моего дяди В.М. Чернова, знавшего Ремизова по ссыл-
ке в Вологде» [Резникова 1968, с. 370]. Несколько странно, что Резникова называет своего
приемного отца «дядей».

² Как и в случае с Д.Г. Резниковым, Хомяков не знал, кто такая Ю.Л. Сазонова, и, раз-
умеется, не ведал, что ее уже 10 лет как не было в живых.

³ По всей видимости, речь идет о Владимире Самойловиче Вайнберге (Вейнберг;
1892 — после 1972) и его жене Фаине Ефимовне. Уроженец Одессы, В.С. Вайнберг в 1923 г.
эмигрировал в США. На протяжении нескольких десятилетий его статьи на медицинской
темы регулярно публиковались в «Новом русском слове». Один из основателей Союза рус-
ских врачей и Одесского землячества в Нью-Йорке, председателем которого он являлся
многие годы [Седых 19726].

35

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 8 декабря 1967 г.

8 декабря 1967 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,
получила Ваше письмо от 4-го <декабря>. Спешу Вам сообщить, что ремизовскую
рукопись Нат<алья> Викт<оровна> Резникова *вчера Вам послала!*.. Всё в порядке.

А рассказ Ю.Л. Сазоновой, пожалуйста, верните мне. Рассказ *очень слабый*,
но написан он известной, ныне покойной журналисткой — Юлией Леонидовной
Сазоновой, бывшей сотрудницей «Последних новостей»...

Вечер памяти Д. Аминадо прошел хорошо. Конечно, присутствовала старая
эмиграция, кот<орая> помнит еще *довоенного* Аминадо¹.

Шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мои самые горя-
чие новогодние пожелания.

Всегда Ваша

С. Прегель

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–2. Автограф.

¹ Имеется в виду вечер памяти Дон-Аминадо, организованный Союзом русских пи-
сателей и журналистов в Париже 2 декабря 1967 г., по случаю 10-летней годовщины со

дня его смерти. Вечере, помимо Прегель, приняли участие: Г.В. Адамович, С.А. Водов, Л.Ф. Зуров, И.В. Одоевцева, Б. Рейн, Ю.К. Терапиано [Хроника 2001, с. 156].

36

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 17 декабря 1967 г.

17 декабря 1967 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

письма Ваши получил, спасибо, долго только собираюсь отвечать.

Присланное Резниковой ремизовское — к сожалению, не подходит. Плохо вот что: в номере очередном получается слишком много мемуарных материалов, — если не прямо мемуаров, воспоминаний, то такого же характера. Иначе говоря, нынешняя беда эмигрантских писаний, слишком уж обращенных в прошлое. И таков же отрывочек, очерк Ремизова, присланный Нат<альей> Викт<оровной> — о Шаяпине! Где-то, по специальному поводу, он, хотя бы и не типично ремизовский (но показывающий и такую «струну» у него), был бы вполне на месте, а у нас приходится воздерживаться¹. А отрывки из Воспоминаний ее о Ремизове поместим с небольшими сокращениями, о чем я ей писал. Не помню уж книжку Кодрянской, — нет ли прямых повторений?² Впрочем, это не беда.

Рукопись Сазоновой одновременно посылаю, но простой почтой. И спасибо Вам за хлопоты: как-никак, а очередная книга составила и будет неплохой.

Наши с женой сердечные поздравления к праздникам, благополучия и здоровья в Новом году!

Ваш

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 6. Л. 4. Отпуск. Машинопись.

¹ Речь идет о мемуарном очерке, под названием «Шаяпин» вошедшем в книгу «Встречи: Петербургский буерак», опубликованную через много лет после смерти писателя [Ремизов 1981].

Самой Н. Резниковой Хомяков в тот же день отвечал следующее:

17 декабря 1967 г.

Нью-Йорк

Многоуважаемая Наталья Викторовна,

к сожалению, «Магия слов», по крайней мере в этот номер «Мостов», никак не подходит. Дело в том, что в нем уже много вещей мемуарного характера — и этот в сущности таков же, хотя он и Ремизова, и не только о Шаяпине, а и о «музыке слов», и еще о другом, о котором можно и надо писать и т. д., — повторяю, не в этой книге!

А воспоминания Ваши напечатаем, как я уже писал, с небольшими сокращениями. Исключил я и вставку с текстами Анненского, — она не нужна, две-три строки,

главное в этой вставке, просто ввел в Ваш текст. Поставить «к 10-летию со дня смерти» в заголовке было бы неудобно: книга выйдет весной будущего года. Может быть, дадим внизу сноску: «Написано к десятилетию смерти... 26 ноября 1957 года» [а].

За уточнения — имена, — спасибо, вставлю где нужно.

Прошу принять поздравления с наступающим праздником и желаю благополучия в Новом году!

С искренним уважением

(Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

а. В конце концов Хомяков оставил подзаголовок «К 10-летию со дня смерти».

² Имеется в виду книга Н.В. Кодрянской «Алексей Ремизов» [Кодрянская 1959].

37

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 24 декабря 1967 г.

24 декабря 1967 г.

Дорогой Геннадий Андреевич,

спасибо за письмо от 17-го <декабря>. Жаль, что Нат<алья> Викт<оровна> послала Вам неподходящий отрывок...

Звонила мне Евгения Осиповна Каннак: у нее есть статья об одном *малоизвестном* рассказе М. Булгакова. Это актуально! —

Знаю, что «Мосты» готовы к печати, тем не менее я посоветовала ей написать Вам и предложить статью¹ («...пришел городничий, и место нашлось!»...²)

У Н.В. Резниковой — в ее воспоминаниях — ничего общего с Кодрянской. Никаких совпадений: ни прямых, ни косвенных! Итак, *bonne chance!*³

Желаю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, всего, всего наилучшего в наступающем 1968 году.

Всегда Ваша

С. Прегель

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–2. Автограф.

¹ Статья Каннак о М.А. Булгакове в «Мостах» не появлялась.

² Прегель приводит цитату из 2-го тома гоголевских «Мертвых душ» (гл. 3) — из той сцены, когда Чичиков попадает в гости к Петру Петровичу Петуху, терроризирующему его сверхобильным обедом:

Закуске последовал обед. Здесь добродушный хозяин сделался совершенным разбойником. <...> Чичиков съел чего-то чуть ли не двенадцать ломтей и думал: «Ну, теперь ничего не приберет больше хозяин». Не тут-то было: хозяин, не говоря ни слова, положил ему на тарелку хребтовую часть тельца, жаренного на вертеле, лучшую часть, какая ни была, с почками, да и какого тельца!

— Два года воспитывал на молоке, — сказал хозяин, — ухаживал, как за сыном!

— Не могу! — сказал Чичиков.
— Да вы попробуйте, да потом скажите: не могу!
— Не взойдет. Нет места.
— Да ведь и в церкви не было места. Взошел городничий — нашлось. А ведь была такая давка, что и яблоку негде было упасть. Вы только попробуйте: этот кусок — тот же городничий.

³ *bonne chance (франц.)* — в добрый час!

38

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 28 декабря 1967 г.

28 декабря 1967 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

спасибо, что сказали Каннак (признаться, я как-то забыл о ней и к ней не обращался) и она пришлет статью, — для небольшой статьи место еще найдется, а это, очевидно, небольшая.

Да, я уже увесистую пачку рукописей отправил в типографию, в набор, и давно, почти месяц, — но это совсем не значит, что больше ждать нельзя. В типографии ведь не торопятся, а меня теперь там нет, торопить некому. Недавно типограф писал, что начнут набирать только после первого, и приходится побаиваться, что страшно будут тянуть.

Что там у Вас в Париже вообще происходит? Как здоровье Адамовича? От него что-то давно не было писем. И вот кто еще крепко замолчал — Померанцев, что с ним? Тоже давно мне не писал. Вероятно, совсем заработался с новой, «объемной», газетой, к коей я отношусь без всякого энтузиазма и очень скептически: зачем это?¹ Нам, эмиграции, совсем это «не по средствам» (хотя бы и появились вдруг средства, не наши, понятно), не по силам. А по имеющимся силам надо было бы делать скромнее, но более веско. Впрочем, как говорится, «не нашего ума дело», — оно буквально так.

Еще раз — благополучия в Новом году, как Эли говорит: «веселых свент!»²
Ваш

ОРФ ГЛМ. Ф. 552. Оп. 1. Д. 7. Л. 3. Отпуск. Машинопись.

¹ В это время Померанцев был захвачен проектом перестройки «Русской мысли». Из его писем Хомякову данного периода вырисовывается картина крайней загруженности работой (Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы):

Я сижу как проклятый — работы поверх головы. Приехал Р. Редлих [а] на должность помощника редактора: пока смирен и тих (26 мая 1967).

Но не писал я Вам совсем по другой причине: из-за перемен в газете и связанной с этим невероятной канителью. К моим обычным функциям прибавилось

еще мотание по агентствам с поиском подходящих для газеты фотографий, что занимает немало времени. Кроме того, т. к. наша типография небольшая — печатать 12 больших страниц приходится в три приема, что тоже не облегчает работу. Положение мое осталось прежним, даже упрочилось и, по всей вероятности, улучшится materially.

Так вот — суета и занятость единственные причины. Показать Водову «Обращения» [6] не мог, т. к. он все это время очень занят и просто пошлет к черту. Ругаюсь с ним прочно и каждодневно. <...> Обо всем я думаю, но парализован газетной кутерьмой. С Редлихом работать можно, но нужно его держать в решпекте. <...> если будет совсем невмочь с газетой, тоже постараюсь перекинуться в США — что-нибудь там найду (8 июля 1967).

Относительно меня — право, не знаю, как быть: с новой газетой я буквально завален работой. Даже сидя в Пиренеях заполнял почти всю первую страницу. Редлих, кажется, довольно толковый парень, но с большим НТСовским душком и совершенно не знает газетного дела. Надеюсь, что со временем научится, но пока ни мне, ни Водову от него большой помощи нет. Вот только иногда он достает интересный материал (через НТС, конечно). Как только осмотрюсь с новой работой — напишу, и тогда посмотрим, чем смогу быть полезным возможным «Мостам» (11 сентября 1967).

Еще не утрясся с новой газетой. Р<едлих>, слава Богу, не надоедает, и с ним можно работать, но с В<одовым> иногда трудно (26 сентября 1967).

а. Редлих Роман Николаевич (1911–2005) — философ, публицист, общественно-политический деятель. В 1933 г. семья Редлихов, немцев по происхождению, по соглашению между советским и германским правительствами, была за выкуп (деньги заплатили их родственники) выпущена из СССР. Окончил Берлинский университет, где защитил диссертацию по философии, жил в эмиграции в Германии. Член правления НТС. С 1945 по 1956 г. возглавлял Институт по изучению СССР в Бад-Гомбурге. Один из идеологов солидаризма.

б. [К интеллигенции России 1967].

² Веселых (радостных) свент! — польское пожелание веселого (радостного) Рождества: «Radosnych Świąt Bożego Narodzenia!» («свент», т. е. «свят»).

39

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 11 апреля 1968 г.

11 апреля 1968 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

давным-давно не писал Вам, — а теперь просто даже необходимо поздравить Вас с заслуженной наградой! Было очень приятно прочесть об этом; чувство было такое: вот на этот раз наградили, кого надо было наградить, — а что это «из нашего полка», так тем более хорошо. Очень рады были за Вас я, и жена, и другие знающие Вас здесь наши знакомые¹.

Узнали мы об этом, кстати, когда тут была Ирина Владимировна, — встречали мы ее тут с большим удовольствием; как можно было видеть, она тоже рада была этой по-

ездке и радушной встрече². Хотела она заехать еще раз в Нью-Йорк на обратном пути, но это почему-то не осуществилось, что жаль. В спешке, вероятно, не послала она мне из Вашингтона и стихотворение новое для «Мостов», которое обещала послать, — пока еще есть время, чтобы поместить его. Если увидите ее на днях, напомните, пожалуйста, ей об этом, пусть придет. Если будет два, еще лучше³.

С «Мостами» мы сильно застряли из-за типографии: должны они были сделать весной, — теперь, по загруженности, обещают сделать только летом. Материал давно весь собран, и деньги я собрал, хотя и не все, но достаточно для выпуска. Над нами, правда, не каплет, сроком мы не связаны, и не беда, если выпустим значительно позднее, чем намечали. Но досадно: используя благоприятную обстановку, можно было бы в конце года выпустить еще один номер, — теперь не выйдет. Ну, планида наша такая!

Шлем сердечные приветы с женой и лучшие наши пожелания,

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ Речь, по всей видимости, идет о появлении статьи о Прегель в 5-м томе советской «Краткой литературной энциклопедии», в которой говорилось: «В годы 2-й мировой войны была редактором-издателем журн<ала> «Новоселье» (Нью-Йорк — Париж, 1942–<19>50), ставившего перед собой в это время цель объединения зарубежных русских писателей, с сочувствием относящихся к героической борьбе Советского Союза» [Вайншенкер 1968].

² И.В. Одоевцева находилась в США в течение нескольких месяцев — с декабря 1967 г. по март 1968 г. О ее посещении во время этой поездки дома Хомяковых упомянул Л. Ржевский в некрологе Геннадия Андреевича:

Помимо нее самой (Одоевцевой. — П.Т., В.Х.) собрались тогда М. Коряков, С. Голлербах, Андрей Седых, Женни Грэй, мы с женой, и помню, как перекрестно за столом с разными яствами разгорались дискуссии о журнальных и газетных событиях и делах [Ржевский 1984а].

³ См. примеч. 4 к письму № 26 от 1 октября 1967 г.

40

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 22 декабря 1968 г.

22 декабря 1968 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

давно получил Ваше письмо, но никак не мог ответить. У нас тут «азиатская болячка», грипп свирепствует, я тоже отболел свое (как и жена) — и никак не могу еще, уже четвертую неделю, отделаться от последствия его, ларингита, который выматывает и не дает ничего делать.

Спасибо за разные приятные слова по поводу очередного «моста» (сюда, между прочим, он еще не добрался, у меня есть только полученный воздушной почтой). Я тут «самокритичен»: вижу слабые его места и думаю, что если «заслуга» в выпуске этого альманаха есть, то только одна: в условиях, в которых он выпускался, вряд ли можно было сделать лучше, значит — хорошо и так.

Дальше? Опять ничего не известно. Первое препятствие, как обычно, деньги, которых нет, но второе, может быть, даже важнее: а какой смысл? Ведь всё, что есть в «Мостах», могло бы пойти и в «Новом журнале», например, — зачем же труды по преодолению первого препятствия, если вообще дело утрачивает смысл? Словом, не знаю.

Пишу это письмо в довольно странной обстановке: сейчас день, два часа, светло, но под письменным моим столом горит лампа на 200 свечей, на столике перед диваном горят в подсвечнике три свечи, — от лампы из-под стола и от свечей в комнате этакий мистический свет. В кухне из раскрытой духовки идет тепло. Шторы на окне спущены. Ответ на эту армянскую загадку? В городе забастовка возчиков (шоферов) топлива. Поэтому уже два дня дом наш не отапливается. Все электрические печки давно расхватали, — приходится пытаться добывать тепло от электрической лампочки, свечей и из духовки. Здесь много всякой дикости, о которой мы прежде и не догадывались.

Наши искренние поздравления с наступающим Новым годом и лучшие пожелания в новом году!

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

41

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 18 мая 1969 г.

18 мая 1969 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

давно не писал Вам, да и писать было нечего, ибо всё пребывало в неопределенности. Теперь туман постепенно рассеивается, и вижу, что осенью наверно соберутся деньги для следующего «моста», хотя и не все, но недостающие как-нибудь потом «образуются» — не впервой! Поэтому приступаю к сооружению 15-го альманаха¹. Пишу постепенно всем (а «всех», более или менее постоянно писавших в «Мостах», оказывается довольно много, больше сорока лиц, — чувствую это по числу рассылаемых писем), наметив срок сбора материала в три месяца, к августу — в августе.

Вы всегда «мостовые» дела принимали близко к сердцу — тем более пишу и Вам: если бы что нашлось у Вас или в окружении, присылайте². Как обычно, нужна и проза, и статьи, и мемуары, — а парижанам больше, чем другим, есть о чем вспомнить.

Надеюсь, что к сентябрю рукописи соберутся, чтобы послать уже в типографию. Наученный долгим и горьким опытом, не говорю, однако, что выпустим еще в этом году, — может быть, и в будущем, но над нами ведь не каплет. И не вижу ничего такого, что надо было бы напечатать слишком уж поспешно, — на это газеты есть.

У Вас в Париже живет один из «самоновейших» — Дёмин³. Я думаю обратиться и к нему, но пока не знаю адреса. Видели Вы его, имеете ли какое представление о нем?

Шлем с женой самые сердечные приветы,

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ Последняя, 15-я, книжка «Мостов» вышла в 1970 г.

² О стихах Прегель в 15-й книжке «Мостов» см. вступительную заметку.

³ Дёмин Михаил (наст. имя и фам. Юрий (Георгий) Евгеньевич Трифонов; 1926–1984) — прозаик, поэт, журналист, художник; сын комдива Е.А. Трифопова; двоюродный брат советского писателя Ю.В. Трифопова. После смерти отца в 1940–1950-е гг. бродяжничал, находился в заключении. В 1968 г., воспользовавшись поездкой к родственнице в Париж, в СССР не вернулся. В «Мостах» не печатался.

42

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 5 января 1972 г.

5 января 1972 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

сегодня утром Георгий Викторович по дороге к самолету отряхнул наконец с ног своих нью-йоркский прах и отбыл восвояси, с чувством облегчения, конечно: задержался он у нас, к нашему удовольствию, выше всех своих предположений. Но ничего, ему не повредило¹.

Он, конечно, уже звонил Вам и, может быть, даже сказал, что будет от меня письмо, — то самое, которое Вы теперь читаете. Г<еоргий> В<икторович> говорил, что здоровье у Вас пошаливает, — узнал это с большим огорчением и затруднялся, можно ли обратиться к Вам еще с одной просьбой? Потом всё же решился, ибо — не вижу, а кто бы мог, кроме Вас, помочь в этом деле?

Дело же заключается в тех трех бумагах, которые посылаю с этим письмом. Неизвестный мне Гофман предлагает принять участие нашему Товариществу зарубежных писателей в выставке книг. Что за выставка, какую цель она преследует — не имею понятия; думаю, что вряд ли только Гофман ее устраивает; вместе с тем, так как участвует ИМКА, «Русская мысль», несомненно, малопочтенной она не может быть. Значит, принять участие можно и по некоторым соображениям даже надо, — но кто бы мог помочь в том, чтобы расположить книги, выбрать место и т. п.? Кроме Вас, не вижу никого! А у Вас данные: Вы человек и литератур-

ный, и энергичный, и деловой, — сочетание этих качеств бывает редко, потому и прошу представительство от нас. Согласны?²

Дела немного, потому что и книг мало: уместятся в одной небольшой посылке, — десять-одиннадцать книг плюс пять книг «Мостов», — все пятнадцать посылать не имеет смысла. Я думаю, что все они легко уместятся на одном из малых стендов, надо только выбрать его, потом расположить на нем. Вероятно, надо будет сделать какую-то надпись, «вывеску»; кроме того, я составлю короткий пояснительный текст, что это такое — «ТЗП», переведем его на французский, немецкий и английский, по несколько строк, и поместим где-нибудь сбоку, на подставке, для тех, кто захочет прочесть.

Чек на требуемую сумму вышлю тотчас же (суммы, указанные в письме устроителя, нам по карману) и книги, — получив от Вас указание, кому и на какой адрес посылать.

Если, дорогая Софья Юльевна, согласны помочь — будем очень и очень рады, зная, что дело в надежных руках. Поговорите тогда, пожалуйста, с Гофманом по телефону, как и что, и скажите, что будете нас представлять — и напишите мне, тогда продолжим.

Принимайте наши с Эли сердечные приветы и лучшие пожелания здоровья и благополучия в новом году!

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Поездка Г.В. Адамовича в США продолжалась более двух месяцев — с конца октября 1971 г. по 5 января 1972 г. См. к этому письмо С. Дубновой к Прегель от 30 декабря 1971 г., где она сообщает о том, что Г. Адамович «...прочел прекрасный доклад о поэзии Серебряного века» (UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1).

² Хомяков получил из Парижа приглашение принять участие в готовящейся выставке современной русской книги, изданной на Западе (включая переводы на французский, английский, немецкий и итальянский языки). Организацией выставки занималось парижское литературное агентство Ж. Гофмана (77, Bd Saint-Michel, Paris 6e), осуществлявшее проект, инициаторами которого были издательства «YMCA-Press», «Les Cinq Continents», «Посев» и «Русская мысль». Выставка проходила в Париже 16–22 марта 1972 г. по адресу: 5 avenue de l'Opéra (Paris 1er).

43

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 8 января 1972 г.

8.1.<19>72

Дорогой Геннадий Андреевич,
только что пришло Ваше письмо от 5-го <января>. В понедельник позвоню Гофману... Поговорю также с «Русской мыслью».

Для Вашего сведения: покойный М.А. Гофман (он умер неск<олько> месяцев тому назад) был крупным литературным агентом. Он представлял интересы Бунина¹, не на этом было основано его благополучие — М.А. Гофмана я хорошо

знала, теперь же дело перешло к его сыновьям. Судя по разговорам, кот<орые> я с ними вела уже в связи с лит<ературным> насл<едием> Зурова, они очень любезны (чего не могу сказать об ИМКЕ...).

Итак, через неск<олько> дней дам Вам ответ. Надеюсь, благоприятный! А пока шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мой горячий новогодний привет и желаю Вам обоим всего, всего светлого и радостного в 1972 году!

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Гофман Михаил Александрович (1906–1971) — литературный агент; занимался юридическими и издательскими делами И.А. Бунина. М.А. Гофман юридически подтвердил завещание Л.Ф. Зурова от 30 августа 1961 г. [«Душевно Ваша С. Прегель» 2015, с. 526].

44

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 15 января 1972 г.

15.1.<19>71¹

Дорогой Геннадий Андреевич,

спешу Вам сообщить, что Вам «повезло». Вчера была в литературном агентстве Гофмана и выяснила, что один из сыновей покойного Гофмана, совладелец фирмы, г-н Жорж Гофман, в понедельник утром, 17-го, вылетает в Нью-Йорк. Он с Вами повидается, и Вы вместе с ним выберете *stand*², кот<орый> Вам покажется подходящим. Мы уже сообщаем — наметили один «stand»... (Те, что Вы указали, по размеру никак не подходят.)

Кроме того, Вы можете вместе с ним составить текст плаката («вывески»), кот<орый> они сами переведут на 3 языка.

Стэнд <sic>, о кот<ором> я пишу, у стены, и «вывеску» можно будет повесить на этой стене, что значительно лучше...

Может быть, также г-н Гофман согласится взять несколько книг. Остальные придется послать «по воздуху»: ввиду забастовки «докеров» обыкновенные пакеты не доходят!

Предупреждаю, что г-н Гофман остается в Нью-Йорке 3–4 дня, оттуда летит в Лондон, а затем возвращается в Париж —

Сейчас бегу на почту, чтоб послать это письмо «special delivery» —³

Шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мой самый лучший привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Следует: 1972.

² stand (англ.) — стенд.

³ special delivery (англ.) — специальная почтовая доставка; экспресс-почта.

45

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Нью-Йорк, 26 января 1972 г.

26 января 1972 г.

Нью-Йорк

Дорогая Софья Юльевна,

большое спасибо за письмо, за то, что приняли мою просьбу близко к сердцу и уже успели всё разузнать, — всё понятно, ясно. Только вот Гофман не объявился, наверно, не успел, что в этом нашем Вавилоне неудивительно, если тем более люди приезжают всего на два-три дня. Прежде всего у них происходит легкое очумение из-за резкой перемены времени, и, чтобы оно прошло, нужна примерно неделя.

В общем, подождав положенное по моему разумению время, я сегодня послал ему письмо и чек на 45 долларов, с тем чтобы отчасти какой-либо средних размеров стенд (Вы писали, что малый не подходит, хотя книг у нас мало). Это, по его письму, стоит 33 доллара; остальные 12 долларов — на оформление. Послал ему и текст о том, что такое Товарищество и почему оно сделало так мало, — копию прилагаю. Наконец, послал 16 образцов книг, вернее, просто 16 книг, которые надо выставить, — посылку послал всё же простой почтой; забастовка давно кончилась, и за месяц она до Парижа доберется¹.

Пишу всё это подробно в надежде, что Вы посмотрите за тем, как и где расположат, как оформят, — как переведут и напечатают тексты; хорошо бы наверху, над текстами, поместить нашу «марку» ТЗП, как она изображена почти на всех наших книгах, лучше всего, пожалуй, на сборничке Ахматовой²; надо бы поместить ее, в крайнем случае, хотя бы на одном тексте, «возглавляющем». Может быть, сделать и «вывеску», и на нем <sic> дать марку? Очень прошу последить и решить всё размещение на месте.

Мы заканчиваем переезжать на новое место, — с 1 февраля будем жить уже в «собственном доме», в провинции, у моря. Работа будет и там: сколько надо бы написать!

Еще раз спасибо и шлем наши приветы!

Ваш Г. Хомяков

<печатка> G. Homjakow
39 Drake Drive
Bayville, N.J. 08721

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Неопроботанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ В письме Г. Гофману, отправленном в тот же день, что и Прегель, 26 января 1972 г., Хомяков писал:

Многоуважаемый господин Гофман,

Софья Юльевна Прегель писала мне, что Вы примерно между 18 и 21 января будете в наших краях и переговорите со мной о книжной выставке, — Вы писали о ней в письме от 18 декабря. Вероятно, у Вас не хватило времени, что для наших мест неудивительно. Но договоримся, думаю, и письменно.

При этом посылаю Вам чек на 45 долларов, — для наших книг, вероятно, вполне подойдет один из средних стендов, это 33 доллара, остальные — на оформление. Софье Юльевне я пишу, чтобы она поговорила об оформлении с Вами.

Посылаю также текст, на русском, о Товариществе зарубежных писателей, — что оно собой представляет и что успело издать, который на русском и на других языках надо будет поместить на том же стенде. Одновременно посылаю почтой посылку с книгами, всего 16 экземпляров книг; забастовка в порту у нас давно кончилась, и они придут к Вам к началу марта, через месяц.

Надеюсь, выставка пройдет успешно.

С искренним уважением

П.С. Адрес новый: мы почти уже переехали туда из Нью-Йорка, с 1 февраля это наш новый постоянный адрес.

(Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы).

² Имеется в виду книга [Ахматова 1963].

46

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 26 января 1972 г.

26.1.<19>72

Дорогой Геннадий Андреевич,

к сожалению, г-н Гофман не нашел Вас. Правда, у него было мало времени, а Вы, как я узнала от Георгия Викторовича, заняты теперь Вашим переездом. Поэтому прошу Вас написать мне, согласны ли Вы взять *стенд* побольше (на кот<ором> поместилось бы 15 книг). А главное, напишите мне, *какие* именно книги (кроме 5 номеров «Мостов», кот<орые> можно будет достать здесь?) Вы хотели бы выставить. Забастовка «докеров» продолжается: попытаюсь собрать эти книги на *месте*. В противном случае их нужно было бы послать «*воздушной почтой*», а это стоит очень дорого...

Текст объявления — «вывески» — Вы, как я уже писала, можете дать по-русски. Здесь это переведут на 3 языка...

Жду *скорого* ответа и шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мой самый лучший привет!

Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

47

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 3 февраля 1972 г.

3.2.<19>72

Дорогой Геннадий Андреевич,
спасибо за письмо от 26 января. Я уже сговорила с Гофманами. Как только книги придут, они дадут мне знать. И я займусь (вместе с Гофманом) устройством Вашего стенда. Также позабочусь о переводе текста и о том, чтоб марка ТЗП была помещена там, где Вы предполагали! Теперь остается ждать прибытия книг!

Вы уже знаете, что 28 января скончался Б.К. Зайцев. Он жил до конца полной жизнью: занимался делами Союза¹, почти каждый день выходил и даже изредка писал в «Русской мысли»... Вместе с Б<орисом> К<онстантиновичем> ушла та старая Москва, кот<орая> дорога нам своей неповторимостью...

Хоронили Б<ориса> К<онстантиновича> в Соборе на rue Dagu. Это были последние *большие* похороны в эмиграции...²

Для меня лично уход Б<ориса> К<онстантиновича> — настоящая потеря. Была к нему очень привязана.

Надеюсь, что у моря Вы будете много писать. Вы обязаны это сделать для себя и для нас!

По получении книг напишу Вам, а пока шлю Элли Оскаровне и Вам мой самый дружеский привет.

Всегда Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Б. Зайцев до последних дней жизни возглавлял Союз русских писателей и журналистов в Париже.

² Прегель принимала участие в похоронах Зайцева, см.: [Лидарцева 1972].

48

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Бейвилл, 10 февраля 1972 г.

10 февраля 1972 г.

Бейвилл

Дорогая Софья Юльевна,
спасибо за письмо и хлопоты, вижу, что всё будет хорошо. Гофман, наверное, получил и чек на 45 долларов, посланный мною ему одновременно с письмом Вам. Прошлый раз Вы писали, чтобы на всякий случай я сообщил, какие книги посланы, вот список: 1. Г. Андреев — «Трудные дороги», 2. Л. Ржевский «Двое на камне»

и 3. «Через пролив», 4. Б. Зайцев «Тихие зори», 5. Ф. Степун «Встречи», 6. В. Свен «Бунт на корабле», 7. М. Булгаков — «Иван Васильевич», 8. А. Ахматова «Реквием» — 2 экз<емпляра>, первое и второе издание; Ю. Иваск «Золушка», Джанумов «Стихи», «Мосты» — альманах №№ 11, 12, 13/14, 15 — 4 книги, и «Мосты»<> сборник статей. Всего 16 книг¹.

Да, кончина Бориса Константиновича — окончательный уход от нас не только «серебряного века», но и последнего связующего с большой русской литературой — и культурой — звена. Что есть, знаем, видим — очень мало, что есть; что будет — кто ж скажет, но вряд ли какое-то возрождение литературного нашего величия XIX века, наследием которого был и Б<орис> К<онстантинович>. Мы как будто где-то посередине, и в какой-то дурной середине: старое ушло, нового не видно, а у нас нечто промежуточное, ни в тех, ни в сех. Но кто знает, может быть, «новое», то, что придет, окажется еще хуже нашего, и нам еще будут завидовать.

Да, написать бы надо было, если не так многое, то всё же что-то кажущееся необходимым. Но если и не напишется, никакого урона не произойдет, — уйдя на пенсию, надо настраиваться на философский лад.

Шлем наши с Эли сердечные приветы!

Ваш

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ К письму был приложен отдельный список отправленных книг.

49

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 15 февраля 1972 г.

15.2.<19>72

Дорогой Геннадий Андреевич, спасибо за письмо от 10-го <февраля>. Гофман получил Ваш чек! Книги еще не прибыли и вряд ли прибудут до конца февраля... Буду за этим следить. Как только получатся, сейчас же сговорюсь с агентством. Хорошо, что Вы мне прислали список книг. Надеюсь, всё будет в порядке. Со своей стороны приложу к этому все свои усилия.

Во французской прессе не отметили кончины Зайцева, если не считать одной-двух коротеньких заметок.

Бунина знали главным образом потому, что он получил премию. Самым популярным среди франц<узского> «авангарда» был Ремизов.

Очень рассчитываю, дорогой Геннадий Андреевич, на то, что теперь Вы будете писать! Это очень важно.

Шлю Элли Оскаровне и Вам мой горячий дружеский привет.

Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

50

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 5 марта 1972 г.

5.3.<19>72

Дорогой Геннадий Андреевич,
не могу еще писать о Георгии Викторовиче. Трудно прийти в себя после такого удара¹. Помимо личного горя, для многих это еще конец эпохи, лучшим представителем которой был Г<еоргий> В<икторович>. — Мне прислали номер Н<ового> р<усского> с<лова> с Вашей статьей — она меня глубоко тронула².

Книги наконец пришли. Была у Гофмана и всё проверила. Не хватает 2 книг «Мостов» (13–14 и 15). Если не получатся вовремя, дам *свои*!

Теперь я должна найти фотографии *авторов* (если не всех, то хоть некоторых). Это, несомненно, украсит *стэнд*. Выставка открывается 16-го, а *устраивать* всё будут 15-го. До этого помещение занято. Конечно, приду туда 15-го, чтоб проследить за тем, чтоб всё было в порядке. Буду держать Вас в «курсе» —

Шлю Элли Оскаровне и Вам, дорогой Геннадий Андреевич, мой самый сердечный привет.

Ваша

С. Прегель

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Г.В. Адамович скончался 21 февраля 1972 г.

² Речь идет о статье [Андреев 1972б]. Первым в «Новом русском слове» на смерть Г. Адамовича отреагировал А. Седых [Седых 1972а].

51

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Бейвилл, 8 марта 1972 г.

8 марта 1972 г.

Бейвилл

Дорогая Софья Юльевна,
спасибо за письмо. Посылку с книгами в последний момент пришлось разделить на две: оказалась слишком тяжела, не приняли на почте, поэтому два номера «Мостов» посланы отдельно, хотя в тот же день. Если не придут и придется взять Ваши или у кого-нибудь, после можно будет возместить.

Фотографии части авторов, если не найдутся где еще, можно взять в сборнике «Литературное зарубежье», он у Вас, наверное, есть, был выпущен ЦОПЭ году в <19>59–<19>60-м¹. И еще — в сборничке «Старые — молодым»².

Уход Бориса Константиновича и Георгия Викторовича³ — это, в сущности, конец русской литературы за рубежом, конец писателей как писателей: они ведь были практически последние подлинные и крупные писатели наши. У нас есть писатели-профессора, писатели-«литературоведы», писатели-журналисты, писатели-редактора, — и нет больше никого, кого мы могли бы назвать только писателем. Из-за побочного, другого профессионализма основное занятие писательское неизбежно окрашивается во что-то любительское, — получается уже явное не то, не совсем то. А тут оба были «на своем месте», столько лет и на высоте, исключаяющих <sic> какое-либо сомнение в их писательской подлинности. И мы в самом деле осиротели: равных им среди нас нет и уже не может быть, — а молодые, — им еще надо много жить и работать, чтобы они могли претендовать на какое-либо сходное место. Да и не дойдут, не доберутся они до него никогда: они из другого теста и даже вряд ли догадываются, что было бы нужно, чтобы подняться на тот же уровень. В общем, грустные дела, грустное наше состояние — и лучшим оно уже не может быть.

Наши сердечные приветы,

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ [Литературное зарубежье 1958].

² [Старые — молодым 1960].

³ Б.К. Зайцев и Г.В. Адамович.

52

С.Ю. Прегель — Г.А. Хомякову

Париж, 19 марта 1972 г.

19.3.<19>72

Дорогой Геннадий Андреевич,
могу Вам сообщить, что Ваш стэнд — один из лучших на выставке и привлекает много публики...

В первый день были мелкие недостатки. Теперь всё в полном порядке.

Я получила 2 замечательные фотогр<афии> Б.К. Зайцева, фотогр<афии> Ахматовой, Булгакова, Иваска, Свена...¹ Помимо фотогр<афий>, есть большая театральная афиша и другой материал о Булгакове. Всё это вместе с пояснительным текстом висит на стэнде. Места хватило!

Теперь возникает другой вопрос: многие, особенно молодые, хотели бы купить кой-что из выставленных книг. Пошлю Вам список, когда выставка кончит-

ся. Но пока в день закрытия, может быть, можно было бы продать *те, что входят на стенде*.

Кстати, мне необходимо знать их цену!! Она нигде не указана. Очень прошу Вас ответить мне без промедления. Покупатели нетерпеливы... Теперь я окончательно убедилась в том, что часть издательских неудач идет за счет плохого пространства.

Итак, дорогой Геннадий Андреевич, жду очень быстрого ответа, а пока шлю Элли Оскаровне и Вам мой самый лучший привет.

Ваша

С. Прегель

Если не хотите продать книги, сообщите, пожалуйста, как быть с ними и как и кому их передать...

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Автограф.

¹ Свен Виктор Борисович (наст. фам. Кублицкий; 1897–1971) — журналист, писатель.

53

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Бейвилл, 22 марта 1972 г.

22 марта 1972 г.

Бейвилл

Дорогая Софья Юльевна,

очень рад, что наш стенд получился одним из лучших, это, конечно, всецело Ваша заслуга — спасибо! Вот что значит потрудиться со знанием и умением. Отчет о выставке будет, наверное, в «Русской мысли»? Хорошо бы дать и в «Н<овое> р<усское> слово», Вейнбаум и Седых напечатают с удовольствием.

Письмо Ваше только что пришло, пишу о книгах. Прежде всего, распоряжайтесь ими полностью по своему усмотрению. Если что продается — быть по сему, нет — подарите, возьмите себе, если что нужно Вам; с возвращением же сюда не стоит возиться, у меня все они есть. Разве «Реквием» первого издания, у меня остался всего один экземпляр, но и его можно не возвращать. С ценами хуже: не помню их для Франции. Помню только на «Мосты» — 15 франков, сборник статей «Мосты» — 10 франков¹. Остальные можно примерно наметить так: Андреев, Ржевский, Зайцев, Свен, Иваск, Джанумов², «Реквием» — по 5 франков (Иваска, Джанумова можно и дешевле, стихи ведь никто не берет), Степуна и Булгакова — по 8 или 10 франков. Повторяю, если найдутся очень уж настойчивые покупатели.

Кроме того, все наши книги можно выписать у Нейманиса из Мюнхена³, адрес его часто появляется в «Русской мысли», на всякий случай, чтобы не искать, пишу внизу. Были наши книги раньше в Париже в магазине ИМКА-пресс⁴, у Каплана⁵, — сейчас не знаю, есть ли там.

Еще раз — спасибо и принимайте наши сердечные приветы,

Ваш Г. Хомяков

A. Neimanis-Buchvertrieb

Linprunstr. 11

8 München 2

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Вох 1. Машинопись. Подпись-автограф.

Архив ДРЗ. Ф. Г.А. Хомякова. Необработанные материалы. Отпуск. Машинопись.

¹ Имеется в виду кн.: [Мосты 1967].

² Джанумов Юрий Александрович (1907–1965) — поэт.

³ Нейманис Адалберт (?–?) — владелец издательства и магазина русской книги в Мюнхене.

⁴ Существующий до сегодняшнего дня старейший магазин русской книги в Париже «YMCA-Press» расположен по адресу: 11, rue de la Montagne-Ste-Geneviève, Paris 5e.

⁵ Каплан Михаил Семенович (1894–1979) — владелец (с 1929 г.) парижского издательства и магазина «Дом книги» (9, rue de l'Eperon, 6e).

54

Г.А. Хомяков — С.Ю. Прегель

Бейвилл, 20 апреля 1972 г.

20 апреля 1972 г.

Бейвилл

Дорогая Софья Юльевна,

с огорчением узнали из Вашего письма, что Вы опять были больны, — несчастье, что Вам приходится столько болеть, что так привязались к Вам болезни <sic>. Мне еще Адамович говорил об этом, когда был здесь.

О книгах, право, не беспокойтесь, не загружайте себя излишне, Вы и так потрудились с выставкой достаточно, чтобы с ними еще хлопотать. И с деньгами тоже, тем более что у Вас ведь, наверно, были и расходы из своих средств. А нам это ничего, в сущности, не прибавит, деньги за несколько книг. Если бы мы вдруг разбогатели, выиграли на трамвайный билетик сто тысяч, — дело, тогда можно было бы кое-что сделать, а без этого ничего не сделаешь. Наберется у меня «мостовых» денег долларов 500–600, — на них можно разве только тощую брошюрку издать: на «Мосты» надо было бы этак тысяч 5000.

Я тоже очень удивился, когда увидел в <<Н<овом> р<усском> слове<>> «отчет» о выставке Можайской, мне, признаться, не пришло в голову, что редакция могла выбросить. Но вот выбросили. Могу догадываться, кто это сделал, но догадки всё равно не помогут¹. Это еще одно свидетельство, насколько всё в эмиграции измелечало, испакостилось. Какая-то мелкая зависть, — почему, казалось бы? — желание не помочь, а, наоборот, обязательно затруднить, сделать хуже, —

мы сами, эмигранты, очень много виноваты в том, что не можем делать больше положительного, чем делаем, но я уже как-то привык к этому, вроде бы отупел и больше не «переживаю», утешаясь тем, что если сделанное, написанное здесь добирается до Москвы и встречается там со вниманием, — это и есть самое лучшее, что может вознаграждать за нашу работу.

Наши сердечные с женой приветы — и поменьше болейте!

Ваш Г. Хомяков

UIAUC. Sophie Pregel and Vadim Rudnev papers. Ms. 15/35/56. Box 1. Машинопись. Подпись-автограф.

¹ Речь идет об отчете О. Можайской «Выставка русской книги, изданной на Западе», в котором хотя и говорилось, что русскоязычная книга США была представлена на выставке книгами ТЗП, однако в той части обзора, где шла речь о самих книгах, издательство упоминалось обиняком, без названия:

Отдельный маленький стол с книгами Б. Зайцева и Анны Ахматовой с их портретами. По-видимому, он устроен заботами русских писателей в сотрудничестве с газетой «Фигаро» [Можайская 1972].

Как становится понятным из этого письма, какую-то часть текста О. Можайской редакция «Нового русского слова» удалила, о чем Прегель и сообщила Хомякову и что вызвало горькую досаду последнего.

Отчет о выставке «Русская книга за рубежом» поместила также «Русская мысль» [Русская книга за рубежом 1972].

ПИСЬМА Г.В. ФЛОРОВСКОГО А.Е. КЛИМОВУ (1966–1975)

*Предисловие А.Е. Климова.
Подготовка текста, комментарии
А.Е. Климова и О.Т. Ермишина*

Протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (1893–1979) был одним из наиболее выдающихся православных богословов XX в. Уехав в эмиграцию в 1920 г., вскоре после окончания Новороссийского университета (Одесса), Г.В. Флоровский получил магистерскую степень в Праге (1923), защитив диссертацию об исторических взглядах А.И. Герцена. Вместе с Н.С. Трубецким, П.Н. Савицким и П.П. Сувчинским он принял деятельное участие в формировании евразийского движения в 1921–1922 гг., но уже к 1923 г. отошел от евразийства ввиду несовместимости своих растущих религиозных интересов со все усиливающейся политической ориентацией бывших коллег по движению. В начале 1920-х гг. Флоровский самостоятельно занялся изучением Отцов Церкви (главных церковных писателей первых семи веков христианства), и с 1926 по 1939 г. был профессором по кафедре патрологии в Свято-Сергиевском православном богословском институте в Париже. Военные годы Флоровский провел в Югославии, в 1948 г. он эмигрировал в США, где был профессором сначала в Свято-Владимирской семинарии (1947–1955), затем в Гарвардском (1956–1964) и Принстонском (1964–1972) университетах. Уже в парижский период Флоровский стал принимать участие в экуменическом движении, со временем достигнув высокого положения в организации, превратившейся во Всемирный совет церквей, и за свое неизменно твердое отстаивание православной точки зрения снискал себе в ней прозвище Mr. Orthodoxy.

Научное наследие Г.В. Флоровского огромно — библиография его печатных трудов насчитывает более трехсот наименований (см.: [Блейн 1995]). Из работ на русском языке наибольшую известность получила книга «Пути русского богословия», изданная в Париже в 1937 г. и до последующих переизданий имевшая в эмиграции почти легендарный статус по причине своей недоступности (основная часть тиража погибла во время войны). Мне лично пришлось слышать совет следующего содержания: «Вам совершенно необходимо прочесть эту книгу, но не знаю, где вы ее найдете».

В 1965 г. американский историк Эндрю Блейн (Blane), познакомившийся с Флоровским в Гарварде, задумал устроить перевод «Путей русского богословия» на английский язык с помощью группы добровольцев-энтузиастов, каждому из которых был задан перевод определенной части русского текста. Затем переведенный текст должен был переходить к другому члену группы на проверку и только после этого поступать к Эндрю Блейну для окончательной стилистической отдел-

ки. Переводческая группа менялась — помимо «Анди» Блейна и М.Н. Воробьевой (Маши, как она именуется в письмах), в разное время участвовали Томас Берд (Том), Эдуард Кинан (Нед), Вадим Ляпунов и я.

Текст «Путей русского богословия» был труден для перевода, начиная с проблем чисто терминологических, — просто не существует адекватных английских эквивалентов ряда русских слов, характерных для православной лексики, таких как «искус» или «прелесть». Но намного труднее было другое: книга подразумевала читателей, близко знакомых с полным диапазоном истории русской культуры, чем мы похвастаться не могли. В этом отношении прот. Г. Флоровский пошел нам навстречу, согласившись на довольно частые встречи для уяснения озадачивших нас мест в тексте. Мое личное знакомство с прот. Г. Флоровским произошло на одной из этих встреч в 1966 г.

Все члены группы работали безвозмездно, на добровольных началах, а это неизбежно способствовало тому, что каждый участник чувствовал себя вправе отвлекаться при возникновении более срочных обязанностей. Непостоянство вместе с чересчур громоздкой структурой (это было в докомпьютерную эпоху), связанную с нескончаемым количеством перепечатывания, привело к неудаче всего проекта и огорчению Флоровского, что отражено и в публикуемых ниже письмах.

Но главный интерес писем, конечно, в другом: в мыслях выдающегося историка культуры и богослова о судьбах русского религиозного возрождения начала XX в. В этом отношении я, несомненно, «провоцировал» высказывания Флоровского своими вопросами, связанными с работой над моей диссертацией о поздних стихотворениях Вячеслава Иванова.

Все письма прот. Г. Флоровского, которые хранятся в моем личном архиве, написаны по старой орфографии (машинописные, правда, — без буквы «ять»), и публикуются в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации, но отдельные авторские особенности в написании слов оставлены без изменений. Перед каждым письмом публикаторами даны общая нумерация и курсивом датировка. Сокращения слов раскрыты в угловых скобках, которыми также отмечены пропущенные буквы и восстановленные по смыслу отдельные слова. Подчеркивание слов в тексте писем принадлежит самому прот. Г. Флоровскому.

Литература

- Блейн 1995 — Блейн Э. Библиография Г.В. Флоровского // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ / общ. ред. Ю.П. Сенокосова. М., 1995. С. 368–409.
- Записки... 2011/2012 — Записки Русской академической группы в США. 2011/2012. Т. 37. С. 32–145.
- Зеньковский 2014 — Зеньковский В.В. Из моей жизни. Воспоминания. М., 2014.
- Модестов 1959 — Модестов Е. П.А. Флоренский и его советские годы // Мосты. 1959. № 2. С. 419–434.
- Ницше 1990 — Ницше Ф. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2.
- Соловьев 1990 — Соловьев В.С. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 2.
- Щекотов 1963 — Щекотов Н.М. Статьи, выступления, речи, заметки. М., 1963.
- Keenan 1973 — Keenan E.L. The Kurbskii-Groznyi Apocrypha. Cambridge, 1973.

1¹

10 октября 1966 г.

10.X.1966. — Большое спасибо за очень интересную — и любопытную — заметку². Был бы весьма благодарен, если бы Вы могли сообщить точное заглавие книги, из которой она взята.

С сердечным приветом ГФлоровский

¹ Текст письма написан на открытке с изображением здания богословского факультета Гарвардского университета.

² Речь идет о заметке Н.М. Щекотова о востребовании книг в разные эпохи в книгохранилище Троице-Сергиевой лавры [Щекотов 1963, с. 53–54].

2¹

Декабрь 1966 г.

Дорогой Алеша: Взаимно поздравляю. Всего доброго. Спасибо за письмо и за книгу (которая, впрочем, еще не пришла). Ее у меня действительно не было. Спасибо за радушный прием в Нью-Хевене². У меня осталось глубокое впечатление. Всем привет. Конечно, я буду очень рад, если соберетесь опять в Принстон³. Стараюсь продвинуть свою часть «Путей». О Кинене и его гипотезах⁴ «забыл» и постараюсь «забыть» — не смущайтесь.

Ксения Ивановна передает сердечный привет.

До свидания. ГФлоровский

¹ Машинописный текст письма написан на рождественской поздравительной открытке.

² Общепринятая современная транскрипция — Нью-Хейвен (New Haven). В г. Нью-Хейвен (штат Коннектикут) расположен Йельский университет, где прот. Г. Флоровский выступил с лекцией о Ф.М. Достоевском в ноябре 1966 г. После лекции группа православных аспирантов устроила отдельную встречу с Флоровским.

³ Очередная встреча для консультации насчет перевода «Путей русского богословия».

⁴ Имеется в виду гипотеза историка Эдварда Кинана (Keenan; 1935–2015), оспаривающая аутентичность переписки Ивана IV с князем Андреем Курбским. Через несколько лет гипотеза была изложена в книге [Keenan 1973]. Э. Кинан в течение некоторого времени принимал участие в проекте перевода «Путей русского богословия».

3

27 марта 1967 г.

Принстон,
Марта 27, 1967

Дорогой Алеша,

Я только что вернулся из Колумбуса¹, где видел Энди² и других. Энди предлагал приехать к нам с Вами в пятницу вечером, 11 апреля. Я сразу не сообра-

зил, что это будет на 5-й неделе поста и в этот вечер я буду в Трентоне, на т<ак> наз<ываемых> «Похвалах»³. Нужно найти другой день. К сожалению, я потом не нашел Энди — в толпе и суматохе. Он называл еще понедельник как удобный день — по понедельникам я свободен с 11 часов.

На конференции я участвовал только в дискуссии о «Просвещении в славянских странах», и потом вместе с Биллингтоном⁴ мы устремились домой, так как боялись заторов с аэропланами, но все обошлось благополучно, но с Ла Гвардия⁵ до автобуса мы ехали два часа.

Ждем. С приветом ГФлоровский

¹ Колумбус (Columbus) — город в штате Огайо, где Флоровский принимал участие в конференции американских славистов.

² Энди — Эндрю Блейн (Blane; род. в 1929), американский историк, составитель сборника, посвященного Г.В. Флоровскому (Georges Florovsky: Russian Intellectual and Orthodox Churchman. Crestwood, 1993; рус. перевод — Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995), и руководитель переводческой группы, взявшей за перевод «Путей русского богословия» на английский язык.

³ Имеется в виду богослужение на пятой неделе Великого поста под названием «Похвала Пресвятой Богородицы».

⁴ Биллингтон Джеймс (Billington; род. в 1929), американский историк. В 1957–1962 гг. преподавал русскую историю в Гарвардском университете, в 1962–1974 гг. — в Принстонском университете. С 1987 по 2015 г. — директор Библиотеки Конгресса США.

⁵ Ла-Гвардия (La Guardia Airport) — аэропорт в Нью-Йорке.

4

29 октября 1969 г.

Принстон,
29 октября

Дорогой Алеша,

Надеюсь, письмо застанет Вас еще в Нью Гевене¹. Я не могу найти моей переписки с Оберлином² и даже забыл фамилию профессора, с которым переписывался, а потому и не могу писать ему. О сроке мы условились по телефону: вторник, среда и четверг, ноября 18, 19, 20. Но темы я ему не сообщил. Кроме того, сообщите, пожалуйста, о способах передвижения — на какой аэропорт и когда. Первая лекция должна быть во вторник вечером, а возвращаться придется, очевидно, в пятницу.

Привет Энди.

Ваш ГФлоровский³

¹ Хотя я летом 1969 г. находился в Нью-Хейвене, осенью того года я преподавал русский язык и литературу в Оберлинском колледже.

² В г. Оберлин (штат Огайо) расположен частный гуманитарный университет, Oberlin College, где в ноябре 1969 г. Флоровский прочел три публичные лекции, названия которых даны в приложении к письму (см. примеч. 3 ниже).

³ К письму приложены названия всего цикла и лекций:

HISTORY AS A CHRISTIAN PROBLEM

1. The Biblical Concept of Time.
2. The Unity of the Christian World.
3. The Legacy of the Christian East.

<ИСТОРИЯ КАК ХРИСТИАНСКАЯ ПРОБЛЕМА

1. Библейская концепция времени.
2. Единство христианского мира.
3. Наследие христианского Востока.>

5

20 марта 1970 г.

Марта 20, 1970

Дорогой Алеша,

Спасибо за письмо, и не сердитесь за поздний ответ: погибаю от работы.

Книга Головина¹, том второй, как будто заколдована. Впрочем, не одна она заколдована в Библиотеке Конгресса: вот и одна из книг Митрополита Филарета у них все еще «не на полке», уже полгода. Но кто же читает так интенсивно такие специальные книги! «Терпение, терпение — высшая добродетель», по словам некоего древнего святителя.

Автокефалия² — предмет сложный. Я не буду сейчас распутывать болезненный клубок, созданный смешением моментов канонических и эмоциональных. Канонически трудно оспаривать «законность» Московской Патриархии и ее правомочия, поскольку она признана всеми другими автокефальными церквями и может исторически настаивать на преемстве бесспорному Патриархату времен Святейшего Тихона³. Я лично вряд ли бы последовал Митрополиту Сергию⁴ и удалился бы в затвор. В действиях Московской Патриархии многое неприемлемо, но в критике не следует заходить слишком далеко. Допустим — с основанием — Московская Патриархия психологически и морально «под вопросом». Но не только она. Политика патриарха Афинагора⁵ весьма сомнительна и опасна, но все же Константинополь «каноничен», в известных пределах, пока не начинается греческая мегаломания. С другой стороны, каноническое положение Зарубежного Синода весьма спорно, даже с их собственной точки зрения: Церковь должна иметь «территорию», а диаспора и эмиграция — то, что часто называется «Зарубежьем», — территории в каноническом смысле не образует. Скорбеть еще не значит осуждать и отвергать. Согласен, дело об автокефалии велось без морального такта, и этого изъяна не устраняют канонические аргументы. Но не нужно забывать, мы-то — в качестве «эмигрантов» — переживаем проект автокефалии болезненно, а вот подавляющее большинство «старых американцев» в Митрополии (которых иногда остроумно называют «древлянами») никаких моральных трудностей не замечают и только стремятся, чтобы их каноническое положение было урегулировано и их не третировали как схизматиков. Москвой они совсем не интересуются, но жаждут независимости и защиты от презрения со сторо-

ны греков, которые, в сущности, того только и добиваются, чтобы Митрополия пред ними смирилась. Яростные письма об автокефалии в «Н<овом> р<усском> с<лове>»⁶ производят тягостное впечатление, потому что их вдохновение не только не церковное, но даже и не моральное, а голос политической страсти, обиды и ненависти. Все это совершенно заслоняет подлинную церковную проблему. Не помню, кто сказал: «история подобна спряжению неправильных глаголов». Без трагедий — и антиномий, и даже двусмысленности — и церковная история, к сожалению, не свободна — и в прошлом, и в настоящем. Остается одно: «о мире всего мира и о благостоянии святых Божиих церковей Господу помолимся»⁷ и еще — «друг друга тяготы носите, и тако исполните закон Христов»⁸.

Мы оба шлем сердечный привет и Вам, и Луизе, и Андю, а я еще и благословляю Вас. Когда же мы снова увидимся? С любовью Г.Ф.

¹ Головин К.Ф. Мои воспоминания. Т. 1–2. СПб., 1910. Флоровского интересовал разговор Головина с Вл. С. Соловьевым по поводу «Повести об Антихристе».

² Флоровский здесь откликается на вопрос о своем отношении к желанию Американской митрополии упорядочить свое каноническое положение при помощи получения формальной автокефалии от Московской патриархии. Автокефалия была дарована 10 апреля 1970 г., но в конце 1960-х гг. на этот счет возникла ожесточенная полемика среди русской православной эмиграции из-за недоверия к чересчур политизированному руководству Московского патриархата.

³ Тихон (Беллавин; 1865–1925), святитель (канонизирован в 1989 г.), Патриарх Московский и всея Руси в 1917–1925 гг., первый избранный после долгого перерыва (1700–1917 гг.) Патриарх Русской православной церкви.

⁴ Сергей (Страгородский; 1867–1944), иерарх Русской церкви, богослов. В 1925–1936 гг. митрополит, заместитель Патриаршего Местоблюстителя, в 1937–1943 гг. Патриарший Местоблюститель, в 1943–1944 гг. Патриарх Московский и всея Руси. Флоровский имеет в виду нежелание подчиниться так называемой Декларации митрополита Сергея (1927), в которой провозглашалась безоговорочная лояльность Русской церкви к советской власти.

⁵ Афинагор (Спиру; 1886–1972), Патриарх Константинопольский (с 1949 г.). Его активная экуменическая деятельность, в том числе встреча с римским папой в 1964 г., вызвала настороженное отношение православного мира.

⁶ «Новое русское слово» — издающаяся в Нью-Йорке ежедневная газета, в 1968–1969 гг. опубликовала огромное количество полемических «сторонних сообщений» на тему готвящей автокефалии.

⁷ Флоровский приводит слова из ектении (прошения) на православной литургии.

⁸ Из Послания к галатам апостола Павла (Гал. 6: 2).

6

26 июня 1970 г.

Принстон, 26:6:70

Дорогой Алеша,

Спасибо за письмо и за Головина.

Немецкая диссертация об Эрне¹ у меня есть в фотокопии. Очень интересная книжка. Эрн — красочная фигура, один из «трех Аяксов», по выражению Андрея

Белого: остальные два — Флоренский² и Валентин Свенцицкий³. Все трое начали с революционного социализма, основали «Братство христианской борьбы»⁴, старались соединить революцию и Церковь. Двое устояли, а Свенцицкого не без основания называли «философским Азефом»⁵. Так называемый «русский религиозный ренессанс» был весьма двусмысленным движением, и к нему приложимо изречение Бердяева по поводу воспоминаний А. Белого — «Мутные лики»⁶.

Мы в Принстоне отстали от вас!⁷ Было много радикальной болтовни — для этого собирались почему-то в капел⁸, под председательством чаплена⁹. Забастовка была объявлена в первый день каникул — когда и так занятия прекратились. Студентам и профессорам было предоставлено вступать в «частные соглашения» друг с другом, прежде всего относительно экзаменов и зачетов. Сейчас, конечно, тихо и пусто.

Что день грядущий нам готовит...

Очень рад узнать, что работа по переводу возобновляется. Энди молчал два месяца. Пора установить твердо «мертвую линию»¹⁰. Нэд Кинэн¹¹, по-видимому, склонен принять активное участие в работе — до отъезда в Старый Свет. Я видел его недавно в Кембридже. Кстати, в Кембридже случайно встретил на улице Эриксонов. Поговорили минут десять.

В августе собираемся в Европу, включая даже Грецию. В октябре, по-видимому, мне предстоит поехать на неделю в Иерусалим, в связи с Икуменическим институтом, который предполагается открыть будущей осенью.

Кс<ения> Ив<ановна> кланяется.

С приветом ГФлоровский

¹ Эрн Владимир Францевич (1882–1917), русский философ, приват-доцент Московского университета. Один из организаторов Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева в Москве. Сотрудник книгоиздательства «Путь». Автор книг о Г.С. Сковороде, итальянских философах А. Розмини и В. Джоберти. Немецкая диссертация об Эрне: *Stäglich D. Vladimir F. Ern, 1882–1917: Sein philosophisches und publizistisches Werk*. Bonn, 1967.

² Флоренский Павел Александрович (1882–1937), священник, русский философ, богослов, профессор Московской духовной академии. В 1904 г. окончил Московский университет, в 1908 г. — Московскую духовную академию, где затем преподавал на кафедре истории философии. После закрытия академии в 1919 г. работал в ряде советских учреждений (завод «Карболит», Главэлектро ВСНХ РСФСР, Государственный экспериментальный электротехнический институт). В 1933 г. арестован, осужден, в 1937 г. расстрелян.

³ Свенцицкий Валентин Павлович (1881–1931), писатель, публицист, драматург. Учился в Московском университете. Вместе с В.Ф. Эрном организовал секцию истории религии при студенческом историко-филологическом обществе. В 1905 г. участвовал в создании Религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева в Москве (устав общества утвержден в 1906 г.). В 1905 г. организатор «Христианского братства борьбы», затем в 1910 г. — движения «голгофских христиан». С 1917 г. священник, с 1921 г. служил в московских храмах. В 1922–1925, 1928–1931 гг. в ссылке. Умер в ссылке в Красноярском крае.

⁴ Неточность Г.В. Флоровского, правильно — «Христианское братство борьбы». В «Христианское братство борьбы», которое было создано в Москве в конце 1905 г., входили В.П. Свенцицкий, В.Ф. Эрн, А.В. Ельчанинов, И.П. Брихничёв. Организаторы братства

Свенцицкий и Эрн призывали к реформе церкви, утверждению христианских принципов в социально-экономической жизни, переходу от частной к общественно-трудовой собственности. По мнению Свенцицкого, на смену государству должна прийти христианская общественность, прототипом которой является коммунизм раннехристианских общин.

⁵ Азеф Евно Фишелевич (1869–1918), двойной агент, работавший одновременно и на боевую организацию эсеров, и на царскую полицию. Азеф как имя нарицательное означает лукавое предательство.

⁶ Бердяев Н.А. Мутные лики // София. Проблемы духовной культуры и религиозной философии. Берлин, 1923. С. 155–161.

⁷ Флоровский имеет в виду студенческие волнения и забастовки, связанные с протестами против американского участия во вьетнамской войне.

⁸ Chapel — часовня, здесь университетское здание, предназначенное для богослужений (англ.).

⁹ Chaplain — священник (англ.).

¹⁰ «Мертвая линия» — буквальный перевод английского выражения «deadline», что означает «крайний срок».

¹¹ Нэд Кинэн — Эдвард Кинан (см. примеч. 4 к письму 2).

7

8 августа 1970 г.

8:8:1970

Книгу возвращаю с благодарностью, отдельной посылкой. В ней много интересного материала, но есть и спорные пункты. За сто лет перспектива совсем изменилась. В 1879 году Голубинский¹ провозглашал, что до Петра в России не было не только «образованности», но и «книжности», а разве только немного «грамотности». И от него не был далек и Буслаев² — в отношении к древнерусскому искусству. Конечно, картина менялась постепенно, но до общего сознания, до сознания рядового интеллигента, пожалуй, и сейчас эта перемена еще не дошла. Правда, одно время старались найти «книжевность» у старообрядцев и открыть «народный дух» в фольклоре, и многие впадали в сентиментальное преклонение пред «стариной». Даже Федотов³, в сущности, старался перепрыгнуть из идеализированного древнего Киева в эпоху Петра, минуя «застой» Москвы, с которой он так и не смог «примириться».

Улетаем, по-видимому, в среду — сперва в Женеву, потом в Афины, и только на обратном пути остановимся в Париже. Для того чтобы воспользоваться «экскурсионным тарифом», пришлось изменить наши планы. В Афинах рассчитываю поработать и в библиотеках, там можно найти кое-что и по части русских книг, в частности и в библиотеке русской церкви, которая, впрочем, мало охранялась в последнее время. Перед отъездом стараюсь привести в порядок письменные дела, но пока без особого успеха.

Надеюсь, перевод движется в более бодром темпе.

Ксения Ивановна кланяется.

Привет Вашему семейству.

Ваш ГФлоровский

¹ Голубинский Евгений Евстигнеевич (1834–1912), историк церкви. В 1858 г. окончил Московскую духовную академию. С 1861 г. преподавал в Московской духовной академии историю Русской церкви, с 1881 г. профессор. Г.В. Флоровский, вероятно, имеет в виду его фундаментальный труд «История Русской Церкви» (М., 1880–1881), допустив неточность — первый том вышел в 1880 г., а не в 1879 г.

² Буслаев Федор Иванович (1818–1897), русский историк литературы и искусства. Выпускник Московского университета. С 1847 г. преподавал в Московском университете, с 1850 г. профессор. С 1860 г. академик Императорской академии наук. Автор основополагающих работ по языкознанию, славянскому языку, древнерусской иконописи.

³ Федотов Георгий Петрович (1886–1951), русский историк, философ, публицист. Выпускник Петербургского университета. С 1916 г. приват-доцент Петроградского университета. С 1925 г. в эмиграции. В 1926–1940 гг. жил во Франции, где был профессором (вместе с прот. Г. Флоровским) в Свято-Сергиевском православном богословском институте. С 1940 г. Федотов жил в США, где с 1944 по 1951 г. был профессором в Свято-Владимирской семинарии. Флоровский имеет в виду его двухтомный труд «The Russian Religious Mind» (Cambridge, 1946, 1966).

8

29 сентября 1970 г.

29:9:1970

Дорогой Алеша,

Спасибо за письмо и за приложения к нему. Материалы о Гоголе исключительно интересны.

Мы вернулись только 22-го. После Греции провели неделю в Париже, где преимущественно встречались со старыми друзьями, которых все еще много. Впрочем, были и в Лувре и осматривали главным образом отдел древней скульптуры, — вероятно, под впечатлением Греции. Кроме того, я перечитал Одиссею — в переводе Жуковского. Много старых друзей и в Афинах. Служил часто в русской церкви. Ездили осматривать знаменитый своими мозаиками и фресками X–XI веков монастырь преподобного Луки и заодно были в Дельфах. Дороги в Греции очень исправились за последние годы, и можно путешествовать с удобством — такси ездят по всей Греции! По пути в Грецию были в Женеве, на конференции. С Женевой тоже связаны воспоминания. В начале войны мы застряли там на четыре месяца.

Очень интересно то, что Вы пишете о Вячеславе Иванове. Вы правы, послереволюционный период его биографии весьма интересен. Но достаточно ли материала — имею в виду печатный или изданный? У родственников Иванова в Риме, наверное, есть интересный неопубликованный материал. Вообще же говоря, нет и биографии Иванова, и не все ясно в его раннем периоде, когда он работал «на Моммсена»¹.

Проблему перевода нужно обсудить серьезно. Я все же хочу, чтобы он появился в печати до моей смерти.

Рекомендации написал и отправил².

Мы оба довольны нашей поездкой. Но рады и быть опять «у себя».
Привет Луизе от нас обоих.
С любовью ГФлоровский

¹ Вячеслав Иванов, окончив два курса историко-филологического факультета Московского университета, в 1886 г. уехал в Берлин, где продолжил образование под руководством выдающегося историка Древнего Рима Теодора Моммзена (Mommsen), которому в 1895 г. представил написанную на латинском языке диссертацию о государственных откупах в Риме («De societatibus vestigalium»).

² Я тогда заканчивал диссертацию о поздних стихотворениях Вячеслава Иванова и искал место работы. Флоровский любезно согласился написать две или три рекомендации.

9

5 декабря 1970 г.

5:12:1970

Спасибо за Ваше интересное письмо и за ксерограф брошюрки о Шидловском. Несколько позавидовал Вам¹: Рим меня всегда привлекал. Только один раз нам удалось провести там несколько недель, в 1953 г., — в последующие приезды могли остаться только на несколько дней. Меня привлекает, кроме того, отличная библиотека Восточного института² — там имеются полные комплекты большинства дореволюционных русских журналов, исторических, богословских и отчасти литературных.

Очень интересно все то, что Вы пишете о В<ячеславе> И<ванове>. Я так и думал, что Вы найдете материал преимущественно для его последних годов, о которых ведь очень немного известно в печати. «Христианство» Вячеслава Иванова, во всяком случае, было «особенным», — я бы сказал своевольным. От Соловьева его, во всяком случае, отличало то, что он не чувствовал Библии. Соловьев же пришел к своей «теократической» концепции с библейского конца, из ветхозаветной теократии. Соловьев очень чувствовал еврейскую стихию, был очень занят — до конца жизни — метафизикой «еврейского вопроса». Эллинизмом он вряд ли когда бы то ни было был даже только заинтересован. С другой стороны, «эллинистический» подход к христианству весьма типичен для конца XIX и начала XX в. В этом отношении, в русской перспективе, очень характерен Флоренский, и только отчасти Эрн. Этот подход связан с темой: миф и история, — вернее, миф или история. Больше того, «эллинисты», в частности русские, всегда «мифологизировали» и самую историю в поисках сверхвременных схем и корней самой истории, которая как *flux*³ их мало интересовала и казалась своего рода эпифеноменом вечных тайн. Это вело неотразимо назад, к гностицизму. Именно в этой перспективе возникает софианство. Любопытно, что Соловьев-младший, поэт С.М. (Сереза у А. Белого), был против «эллинизма», несмотря на верность заветам «соловьевства» и дружбе с «эллинистами» (см. его статью «Эллинизм и христианство»⁴ в «Богословском вестнике» военных лет). Для русского «эллинизма» характерно также стремление

как бы «воцерковить» Ницше — влияние Ницше в этом отношении было весьма характерным. Не так интересен Мережковский⁵, сколько Ф.Ф. Зелинский⁶, который, думается, кое-что значил и для Вячеслава Иванова. Имею в виду «популярные статьи» Зелинского (отчасти в его сборнике «Соперники христианства»⁷), которыми я зачитывался в юношеские годы. Зелинский был замечательный стилист, увлекал яркостью изображения и необычайной интуицией, сращенной, однако, с потрясающей эрудицией. В свое время он был в Петербурге настоящим кумиром, особенно на Бестужевских курсах⁸. В конце концов, однако, с исторической точки зрения нельзя отрицать, что христианская культура имеет двойную генеалогию: библейскую и эллинистическую, преимущественно платоническую. Я различаю «культуру» и самое христианство, как веру и догматику.

Я написал для Вас решительную рекомендацию в МакМастер Университи⁹. Л.П. Шеина¹⁰ я знаю только по переписке, довольно оживленной. Его главный интерес — философия в России, и он идет правильным путем, не увлекаясь чрез меру философами-импровизаторами. Впрочем, он пишет сейчас о Льве Шестове!¹¹

Конечно, Вам нужно теперь сосредоточиться на писании диссертации и не отвлекаться в сторону, включая работу над переводом «Путей». Энди напрасно упорствует. Ясно, что при теперешнем темпе перевод вряд ли будет закончен «в ближайшем будущем». Так же ясно, что, по разным обстоятельствам, работа не может быть значительно ускорена. Работать без всякой dead line¹² совершенно неразумно. Я думаю, что нужно изменить систему. Оставшиеся главы я переведу сам. Кстати, вторая глава уже была мною переработана по-английски. Готовая часть перевода, хотя бы в черновом списке, должна быть передана мне. Конечно, я буду очень благодарен за всякого рода помощь, поскольку она не будет вас всех отвлекать от вашей собственной работы. Я полагаю, что перевод должен быть закончен к августу будущего года. Не следует игнорировать очевидное нетерпение и раздражение «Гарвард Университи Пресс»¹³, совершенно разумные и основательные, во всяком случае, с их точки зрения. При теперешнем темпе я никогда не увижу английского перевода до своей смерти. Есть и другие мотивы. Перевод должен быть закончен и корректуры прочтены, пока мы в Америке. А я не уверен, что мы останемся в С<оединенных> Ш<татах> после лета 72-го года. Кроме того, неоконченный перевод блокирует все другие издательские возможности, о которых старается Том¹⁴. Нужно смотреть на вещи трезво. Я никого не критикую. Работа оказалась сложнее, чем это казалось в начале. Откладывать радикальное решение уже невозможно. Энди молчит уже с мая. Молчит и Том. Маша¹⁵ недавно писала, но как-то невнятно. Нужно всем нам «объясниться откровенно»¹⁶ — цитирую Пушкина.

Ксения Ивановна очень тронута присылкой карточки. Лиза так очевидно похожа на Вас.

Будущим летом, в августе, мы собираемся в Бельгию и Оксфорд на конференции. В сентябре предполагается открытие Икуменического института в Иерусалиме. Меня туда приглашают на год, но я не думаю, что я приму это приглашение на 1971/72 год, когда я могу оставаться на прежних условиях в Принстоне, а перенесу это на следующий год.

Все эти планы, конечно, условные и зависят от общей ситуации на Ближнем Востоке и на нашей гемисфере¹⁷.

Как устроился Иван Иванович¹⁸ в Оберлине?

Встречаете ли Вы когда-нибудь Аркадия Небольсина?¹⁹

Наш сердечный привет Луизе.

С любовью ГФлоровский

¹ Осенью 1970 г. мне удалось провести шесть недель в Риме и почти ежедневно общаться с Ольгой Александровной Шор (1894–1978), ближайшим другом и сотрудницей Вяч. И. Иванова, в то время готовящей к изданию первый том Полного («брюссельского») собрания сочинений Вяч. Иванова.

² Папский восточный институт в Риме, основан в 1917 г. римским папой Бенедиктом XV для изучения Восточных церквей.

³ Flux — поток, течение, нечто постоянно меняющееся (англ.).

⁴ Соловьев С.М. Эллинизм и христианство // Богословский вестник. 1913. № 9. С. 50–76.

⁵ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), русский писатель, поэт, религиозный философ. В его романах раскрывается тема противоборства между язычеством и христианством (трилогия «Христос и антихрист», 1896–1904).

⁶ Зелинский Фаддей Францевич (1859–1944), польский историк, филолог, специалист по античности. С 1883 г. приват-доцент Петербургского университета, с 1887 г. профессор. С 1900-х гг. преподавал на Высших женских (Бестужевских) курсах. С 1922 г. жил в Польше, профессор Варшавского университета.

⁷ Зелинский Ф.Ф. Из жизни идей: научно-популярные статьи. Т. 3: Соперники христианства. СПб., 1907.

⁸ Высшие женские курсы в Петербурге, одно из первых женских высших учебных заведений в России, открыты в 1878 г., в 1918 г. преобразованы, затем включены в состав Петроградского университета. Назывались «Бестужевскими» по фамилии учредителя и первого директора курсов К.Н. Бестужева-Рюмина.

⁹ Университет Макмастера находится в г. Гамильтон (Канада, провинция Онтарио).

¹⁰ Шеин (Шейн) Лев Петрович (1914–?), славист, профессор Университета Макмастера в Канаде, автор трехтомного труда по истории русской философии (*Shein L.J. Readings in Russian Philosophical Thought*. Vol. 1, 2. P., 1968; The Hague, 1973; Vol. 3. Waterloo, Canada, 1973).

¹¹ Шестов Лев Исаакович (1866–1938), философ. Выпускник Киевского университета. С 1920 г. в эмиграции, жил во Франции. Л.П. Шеин написал о нем несколько статей (*Shein L.J. Lev Shestov: Russian Existentialist* // *The Russian Review*. 1967. Vol. 26. P. 278–285; *Idem. The Philosophy of Infinite Possibility: An Examination of Lev Shestov Weltanschauung* // *Ultimate Reality Meaning*. 1979. Vol. 2. P. 59–68).

¹² Deadline — крайний срок (англ.). См. примеч. 10 к письму 6.

¹³ Английский перевод «Путей русского богословия», согласно предварительному контракту, должен был появиться в издательстве Гарвардского университета.

¹⁴ Том — Томас Берд (Bird), один из группы переводчиков «Путей русского богословия». Автор ряда работ о судьбе религии в Советском Союзе.

¹⁵ Маша — М.Н. Воробьева, деятельная участница переводческого проекта. Работала секретаршей Флоровского в годы, когда он был профессором в Гарвардском университете.

¹⁶ Из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин», слова из ответа Татьяны Онегину («Довольно, встаньте. Я должна / Вам объяснить откровенно»).

¹⁷ Гемисфера — полушарие (греч., англ.).

¹⁸ Иван Иванович — Джон Данлоп, автор книги об оптинском старце Амвросии: *Dunlop J. Staretz Amvrosy, model for Dostoevsky's Staretz Zossima*. Belmont, 1972. В последующие годы написал и редактировал большое количество работ, посвященных вопросам позднего Советского Союза и постсоветского пространства.

¹⁹ Небольсин Аркадий Ростиславович (род. в 1932 г.), американский ученый русского происхождения, историк, филолог, философ, культуролог. Выпускник Гарвардского университета. В 1961 г. получил степень магистра истории в Колумбийском университете, там же в 1971 г. защитил докторскую диссертацию по истории литературы. С 1961 г. преподавал французский и русский языки в Колумбийском университете, в 1971–1975 гг. читал лекции в Нью-Йоркском университете, в 1971–1978 гг. доцент славянской и сравнительной литературы в Питтсбургском университете.

10

1 января 1971 г.

1:1:1971

Дорогие Луиза и Алеша,

Сердечно поздравляем вас с праздником Рождества Христова и желаем всяческих успехов в уже наступившем Новом Году.

Алеше в особенности спасибо за его интересные письма. Вот несколько комментариев к его последнему письму.

Сочетать (чаще смешивать) эллинизм и христианство было в моде у нас в начале этого века: кроме Иванова, прежде всего, Мережковский. Идет это как будто от Ницше, но и Гёте здесь повлиял. Стоит почитать Зелинского, в частности его три сборника: «Из жизни идей», которыми я зачитывался в юности, не поддаваясь, однако, его соблазнам. Второй том состоит преимущественно из его лекций — цикл «Древний мир и мы». В заключении он пророчит «новую скрижаль» — славянский Ренессанс (по Ницше). «Пращурами любомудрия»¹ увлекался в те годы Флоренский — имея в виду раннюю, крито-микенскую эпоху. В этом отношении все поколение решительно отходило от Владимира Соловьева. Для Соловьева Библия, и в частности Ветхий Завет, были отправной точкой и руководящей стрелой. В этом отношении характерна его книга «История и будущность теократии»². Эллинизмом Соловьев никогда не увлекался и мало о нем говорил, хотя и переводил Платона³. Не увлек его даже его интимный приятель Сергей Трубецкой⁴. Из античного мира Соловьеву был дорог только Рим, то есть империя. Для него «теократия» двоилась: Израиль и Рим. Он устанавливал параллель между ними. Как я впервые показал, в этом отношении Соловьев шел за Данте. См. мою статью⁵ в сборнике в честь Якобсона (1956 года). До меня этого никто не заметил, несмотря на прямое указание самого Соловьева. Эллинизм стал темой «русских размышлений» только в следующем поколении, — Трубецкой открыл эллинизм, хотя не по Ницше, и с этого все началось. Соловьев твердо стоял на христианской почве при всем влиянии на него немецкой мистики, а отчасти и неоплатонизма. Можно ясно установить грань эпох. Поклонники «русского католицизма» теперь сопоставляют Соловьева и Иванова. По-моему, и Соловьев по духу не был совсем католиком,

но с Ивановым у него ничего общего. Тема мифа заслуживает внимания. Желаю Вам всяческого успеха в Вашей работе. Что касается перевода, вероятно, придется согласиться на компромисс.

1. Главу 1-ю я заново напишу сразу по-английски. Главы 3-ю и 4-ю я переведу сам, там будут некоторые «дополнения и поправки». Для главы 9-й было бы желательно найти переводчика с французского — есть замечательный перевод этой главы на французский, который может почти заменить подлинник. Остается глава 8-я.

2. Было бы желательно получать уже переведенные главы постепенно, так как мне придется над ними поработать — будут значительные дополнения.

3. Мне представляется необходимым закончить всю работу к августу этого года, так чтобы окончательная переписка могла быть сделана не позже, чем к ноябрю.

Понимаю все возражения и ваш взгляд на весь проект. Но мои мотивы довольно непреклонного характера.

а) не забывайте моего возраста!

б) не только перевод, но и печатание — с чтением корректур — должно закончиться, пока мы в Принстоне. По-видимому, я остаюсь здесь — «на службе» — до июля 1972 года, и вряд ли после. По материальным резонам, может быть, нам придется уехать в Европу, так как на одну «социал секюрити»⁶, даже и в увеличенном размере, здесь не прожить.

в) у меня на руках ряд незаконченных работ, нуждающихся только в отделке, но этим можно заняться только на свободе. Я и так страдаю от «чересполосицы», или от своего рода, шизофрении, стараясь заниматься многими темам сразу.

Конечно, все эти вопросы нужно обсудить устно. Мы будем очень рады, если вы все сможете приехать после 20-го, к тому времени и я поспею освободиться от некоторых спешных заказов.

Вашу помощь, весьма жертвенную, я очень и очень ценю и надеюсь, что мы сможем достигнуть согласия по всем пунктам.

Кроме того, я не уверен, что Гарвард будет ждать дольше тех сроков, которые я указываю. Не следует испытывать долготерпение издателей. У меня нет никаких прямых данных говорить об их нетерпении, но косвенные есть. Итак, до свидания.

Еще раз привет*.

Ваш ГФлоровский

¹ Флоренский П.А. Лекция и Lectio. Пращуры любомудрия // Богословский вестник. 1910. № 4. С. 614–644. «Пращуры любомудрия» — первая лекция из курса Флоренского «Первые шаги философии» (начало курса было издано самим автором: Флоренский П., *святи*. Первые шаги философии. Сергиев Посад, 1917. Вып. 1; см. полный текст лекционного курса в изд.: Флоренский П., *святи*. Из истории античной философии. М., 2007. С. 174–328).

² Работа «История и будущность теократии (исследование всемирно-исторического пути к истинной жизни)» написана В.С. Соловьевым в 1885–1887 гг., опубликована в Загребе в 1887 г.

* Конечно, и от Ксении Ив<ановны>. [Примеч. Г.В. Флоровского.]

³ В.С. Соловьев перевел диалог Платона «Протагор» для Собрания сочинений Платона, которое готовил его брат М.С. Соловьев (Творения Платона. М., 1899–1903. Т. 1–2).

⁴ Трубецкой Сергей Николаевич (1862–1905), русский философ. Выпускник Московского университета. В 1889 г. защитил магистерскую диссертацию «Метафизика в Древней Греции», в 1900 г. — докторскую диссертацию «Учение о Логосе в его истории». С 1889 г. приват-доцент Московского университета, с 1900 г. профессор. В 1905 г. первый выборный ректор Московского университета.

⁵ *Florovsky G. Vladimir Solov'ev and Dante. The Problem of Christian Empire // For Roman Jakobson. Essays on the Occasion of His Sixtieth Birthday 11 October 1956. The Hague, 1956. P. 152–160.*

⁶ «Social security» — «социальное обеспечение». Так называется государственная пенсия в США. Размер выплаты зависит от числа лет работы и величины ежегодного заработка.

11

23 января 1971 г.

Принстон, 23:1:71

Дорогой Алеша,

Энди предлагает приехать в субботу, 6 февраля. Для нас эта дата вполне подходит. Стало быть, до скорого свидания.

Знаете ли Вы статью Бердяева «Ивановские среды» в коллективной «Истории русской литературы XX века», под ред. С.А. Венгерова — выходила в 1914–1918 годах, три тома, последний не закончен. Статья коротенькая, но интересная. В нашей библиотеке третьего тома нет, и пока мы его еще не отыскали. Если Вам удастся его найти, закажите и для меня «зиракс»¹. «Показания» современников всегда следует принимать с осторожностью. Не одна О.А.² повинна в неточности. Бывает и хуже. Мне случалось разоблачать, казалось бы, надежных свидетелей: Карташова и о. Сергия Булгакова. Они оба отрицали некоторые факты, которые они должны были знать. К счастью, их свидетельству я мог противопоставить печатные данные из старых журналов, но их это только рассердило. В моем случае они даже не могли быть «заинтересованы». А у О.А. сохранился «стилизированный» образ В. Иванова.

На прошлой неделе читал доклад в закрытом «факультетском семинаре» в Колумбии — о толстовской «Воине и мире». Видел Эрлиха³ и Пиккио⁴. Семинар — по русской культуре: маленькая группа, 18 человек. Я редко бываю на собраниях — приходится поздно возвращаться, и в ночные часы Нью-Йорк не слишком приятен, особенно станция автобусов.

Наш общий привет Луизе.

С любовью Ваш ГФлоровский

¹ «Зиракс» — произношение английского слова «хегох» (ксерокопия).

² О.А. — Ольга Александровна Шор. См. примеч. 1 к письму 9.

³ Эрлих Виктор Генрихович (1914–2007), американский историк литературы. Родился в Петербурге, в 1918 г. вместе с родителями переехал в Польшу. В 1932–1937 гг. учился в

Варшавском университете. С 1942 г. жил в США. В 1943–1945 гг. служил в американской армии, воевал в Европе. В 1945–1948 гг. учился в Колумбийском университете. С 1959 г. профессор Вашингтонского университета. В 1962–1975 гг. профессор русской литературы Йельского университета. Профессор В.Г. Эрлих был научным руководителем моей диссертации о Вяч. Иванове.

⁴ Пиккио Рикардо (Picchio; 1923–2011), итальянский славист и лингвист. Автор трудов о древнерусской литературе. Учился в Риме. С 1948 г. преподаватель итальянского языка в Варшавском университете. В 1953–1961 гг. профессор в университетах Флоренции и Пизы. В 1961–1965 гг. директор Института славянской филологии в университете Ла Сапиенца в Риме. После 1965 г. профессор славянской литературы в Йельском университете в США.

12

12 февраля 1971 г.

12:2:1971

Дорогой Алеша,

Только что получил Ваше интересное письмо и статью Тырковой¹. В статье Тырковой могу расшифровать одно «анонимное» место. На с. 89/90 она называет русского ученого, занимавшегося оккультизмом и предлагавшего ей ввести ее «в соответственные, весьма замкнутые» круги. Это профессор В.Г. Коренчевский², бывший профессор Военно-медицинской академии в Петрограде, физиолог, работавший потом в Листеровском институте в Лондоне. Мне пришлось раз — кажется, в 1929 году — ночевать у него в Лондоне. Мне он ничего не предлагал, но завел разговор о перевоплощениях и странствии душ, что меня несколько удивило из уст медика-натуралиста. На другой день я был у Тырковой, и она рассказала мне всю историю. По-видимому, он все-таки пытался ее завлечь, и у ней были странные «галлюцинации» после свиданий с ним — он старался играть большую роль в русской колонии в Лондоне. Станным образом, у меня были совершенно такие же «галлюцинации» — не знаю, как их нужно называть — в связи со встречами с другими людьми такого же толка. Сейчас их много развелось, в том числе среди русских. Что касается рассказа О.А. о Флоренском, он мне напомнил весьма интересные воспоминания о нем недавно умершего Л. Сабанеева³, его однокурсника по Московскому университету и крупного авторитета в области музыки. Свое впечатление от Флоренского <Сабанеев высказал> в такой резкой фразе: «Люцифер был ближе ему, чем Христос». Он считает Флоренского оккультистом и йогистом. Зинаида Гиппиус называет Флоренского почему-то «жестоким» — остается неясным почему. О.А. права — я Флоренского не «люблю». Это даже недостаточно сильно. Я его подозреваю в двуличности (что, может быть, следует сказать и об Иванове, хотя Иванов был как будто более открытым или прямым). Флоренский, по моему впечатлению, «позировал» как православный, и притом самого сверхконсервативного толка, включая самодержавие, аскетическую спиритуальность и даже юдофобию, и этим приобретая друзей с крайнего правого крыла, которые закрывали глаза на его «гностицизм», эротизм сомнительного типа и даже прямые ереси («четвертая ипостась»). В глубине же он был гностик, оккультист.

Когда-то давно, в конце 20-х годов, в Праге, о. Сергей Булгаков рассказывал мне, что сразу после революции, в 1917 году, он<и> вместе с Флоренским старались открыть в Москве «Богословскую академию», где бы преподавалось Православие в его оккультном аспекте и в его оккультном контексте⁴. Во всяком случае, оккультизм входил в программу лекций Флоренского в Московской духовной академии⁵, как это открывается из воспоминаний Е. Модестова⁶ о нем. Кроме того, и Флоренский, и Булгаков очень интересовались оккультным проектом Скрябина⁷ «взорвать мир» (см. об этом у Сабанеева, в его книге о Скрябине). Скрябина Сабанеев считает попросту «сатанистом» — и в его музыке. Думаю, основательно: я один раз слышал Скрябина — впечатление от его игры было определено «магическое», род колдовства. И сам он был неприятно прозрачный, или призрачный, точно тень, аура. Если не читали, прочтите статьи Сабанеева, интересно об эпохе:

Russian Review, vol. XX. 4, 1961, p. 312/325 — Pavel Florensky.

vol. XXIV.4, 1965, p. 354/368 — Religious and mystical trends in Russia at the turn of the century⁸.

У Арсеньева⁹ есть, несомненно, доля правды. Кстати, и к Иванову Арсеньев относился резко отрицательно, даже к «Переписке из двух углов»¹⁰.

Вчера получил, после долгого ожидания, целую коробку неизданных статей Флоренского. Они были присланы, по-видимому, семьей Флоренского Никите Струве. Пока успел их бегло просмотреть. Особенно интересна большая статья об иконостасе¹¹, больше 100 страниц, и кое-что о символике. Это все тот же Флоренский. Мое главное разногласие с Флоренским: он избегает говорить о Христе. И вряд ли случайно. В свое время покойный отец Сергей Булгаков обличал меня на этот счет: «христоцентризм» моего богословствования он считал «протестантским уклоном», — думаю, под влиянием Флоренского, от которого он научился и самому «софианству». В своей ранней статье о Соловьеве¹², 1902 <года>, он почти не говорил о Софии. Эта тема появляется у него только в «Философии хозяйства», 1912 <года>, в годы первого сближения с Флоренским. Нужно сказать, что оккультизма и магии было достаточно и в романтике, и в немецком идеализме, и даже в раннем французском «утопическом» социализме, откуда его заимствовал Николай Федоров¹³. Ницше где-то сказал: «История идет кривыми путями»¹⁴. Во всяком случае, «кривым путем» прошел и т<ак> наз<ываемый> «Русский Религиозный Ренессанс». Странно только, что Флоренскому сочувствовали такие сверхправославные иерархи, как епископ Феодор¹⁵ в Московской духовной академии и отчасти даже митрополит Антоний¹⁶, рекомендовавший «Столп» Флоренского Свят<ейшему> Синоду как строго православную книгу, хотя, может быть, он свидетельствовал об этом с чужих слов, а книги не читал. Флоренский был тогда ультраправым.

В будущий четверг мы отправляемся в Денвер. У меня там доклад о русских философах в Париже. А затем собираемся в Канаду. Советские безбожники приглашение отклонили, под благовидным предлогом, о чем я не жалею. «Дискуссия» с ними вряд ли возможна.

Статью Тырковой об о. Иоанне, пожалуйста, пришлите. Кроме того, я заинтересован еще одной статьей в «Возрождении», № 106, октябрь 1960 г. — Нестор

Веритинов, Человек великого разума. Памяти учителя (об А.В. Карташове). Если у Вас есть текст моей статьи о «Переписке из двух углов», тоже пришлите копию¹⁷. Нет ли случайно в университетской библиотеке двух книг, о которых я только сейчас узнал:

Бальзак. Издание ЛГУ. Ленинград 1966 — очевидно, сборник статей: с. 28/65, статья Реизова, «Мотивы титанизма в «Человеческой Комедии»».

Фридрих Шиллер. Статьи и материалы. Изд. «Наука», 1966 — с. 124/157, статья С.Ф. Терехова, «Шиллер в русской критике 50–70-х годов XIX века¹⁸».

Обе статьи касаются вопроса о влиянии на Достоевского, в частности, «Легенды о Великом Инквизиторе».

Получил приглашение на интернациональную конференцию по поводу 150-летия Достоевского, в Бад-Эмс, в начале сентября. Мы уже будем в Европе в это время.

Вот и опять написал «длинное письмо».

Наш общий сердечный привет Луизе.

¹ Тыркова Ариадна Владимировна (1869–1962), политический деятель, член Конституционно-демократической партии, писатель, критик. В 1918 г. уехала в Англию. В 1919 г. вернулась в Россию, сотрудничала с пропагандистским органом Добровольческой армии ОСВАГ. С 1920 г. в эмиграции в Англии. С 1951 г. жила в США.

² Коренчевский Владимир Георгиевич (1880–1959), патофизиолог, фармаколог, бактериолог. Выпускник Военно-медицинской академии в Петербурге. С 1908 г. ассистент на кафедре общей и экспериментальной патологии Московского университета, с 1909 г. приват-доцент, с 1912 г. профессор. С 1920 г. в эмиграции, жил в Англии. В 1920–1945 гг. старший научный сотрудник Листеровского института превентивной медицины. В 1945 г. основал Оксфордскую геронтологическую лабораторию, которую возглавлял до 1952 г.

³ Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968), русский музыковед, композитор, музыкальный критик. Выпускник Московского университета. В 1905 г. защитил докторскую диссертацию по математике, затем приват-доцент Московского университета, с 1918 г. профессор. Параллельно с учебой в университете получил музыкальное образование в Московской консерватории. Автор музыкальных сочинений, работ по истории и теории музыки. С 1926 г. в эмиграции, жил во Франции. Друг композитора и пианиста А.Н. Скрябина, написал о нем книгу (*Сабанеев Л. Скрябин*. М., 1916) и воспоминания (*Сабанеев Л. Воспоминания о Скрябине*. М., 1925).

⁴ Об этих неудавшихся планах вспоминает В.В. Зеньковский: «Я морщился от попытки Булгакова и Флоренского искать “подкрепления” Православия в оккультизме» [Зеньковский 2014, с. 255].

⁵ Священник Павел Флоренский с 1908 г. читал в Московской духовной академии лекции по истории философии (по античной философии, о Канте и других философах Нового времени). Его лекции и конспекты лекций сохранились в архиве, большая часть их уже опубликована. В лекциях Флоренского встречаются размышления о мистике и особенно-стях мистической жизни, которые не имеют никакого отношения к оккультизму.

⁶ *Модестов Е. П.А.* Флоренский и его советские годы // *Мосты*. 1959. № 2. С. 419–434. Евгений Модестов в основном пишет о вкладе Флоренского в разные области науки (философии, математики, физики). Кроме того, он замечает: «Флоренский был настолько загадочен для представителей “здорового смысла”, что у них возникали опасения, не есть ли он какой-то волшебник, адепт некоей нечеловеческой силы, тем более что он был специ-

алистом также и во всех исторически известных видах «тайного знания» — в оккультных доктринах, астрологии, алхимии, магии, теософии и др. Подобные боязливые и довольно наивные суждения можно встретить и ныне в эмигрантской печати» [Модестов 1959, с. 420]. Об оккультизме, который якобы входил в программу лекций Флоренского, в воспоминаниях Е. Модестова не сказано ни одного слова.

⁷ Скрябин Александр Николаевич (1872–1915), русский композитор, пианист. Выпускник Московской консерватории. После окончания консерватории начал карьеру концертирующего пианиста, исполняя в основном свои сочинения, подолгу жил за границей (Франция, Бельгия). Скрябин мечтал не «взорвать мир», а написать такое сочинение («Мистерию»), которая соединила бы Мировой Дух с косной Материей, завершила бы существующий цикл в развитии Вселенной и открыла бы путь к сотворению нового мира.

⁸ Religious and mystical trends in Russia at the turn of the century — Религиозные и мистические тенденции на рубеже веков (англ.).

⁹ Арсеньев Николай Сергеевич (1888–1977), русский философ, историк культуры, поэт. Выпускник Московского университета. С 1914 г. приват-доцент Московского университета. В 1918–1920 гг. профессор Саратовского университета. С 1920 г. в эмиграции, в 1920–1944 гг. профессор Кенигсбергского университета. В 1945–1947 гг. жил во Франции, с 1947 г. в США, преподавал в Свято-Владимирской семинарии.

¹⁰ Иванов Вяч., Гершензон М. Переписка из двух углов. Пг., 1921.

¹¹ Имеется в виду работа Флоренского «Иконостас», которая в России впервые издана в 1994 г.

¹² Статья, которую имеет в виду Флоровский, напечатана не в 1902 г., а в 1903 г.: Булгаков С.Н. Что дает современному сознанию философия Владимира Соловьева // Вопросы философии и психологии. 1903. Кн. 66. С. 52–96; № 67. С. 125–166.

¹³ Федоров Николай Федорович (1829–1903), философ. В 1869–1872 гг. работал в Чертковской библиотеке, в 1874–1898 гг. — в библиотеке Румянцевского музея. Создатель учения, целью которого было «всеобщее воскресение», преображенная жизнь всех людей, достижение человеком возможности управлять природой.

¹⁴ Такой фразы у Ф. Ницше нет. Возможно, Флоровский подразумевал фрагмент из сочинения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра»: «Мне надо быть борьбою, и становлением, и целью, и противоречием целей: ах, кто угадывает мою волю, угадывает также, какими кривыми путями она должна идти!» [Ницше 1990, с. 83]. О «кривых путях истории» есть рассуждение В.С. Соловьева в статье «Первый шаг к положительной эстетике»: «Местная история показывает, как здесь или там тяжелыми, запутанными и нередко кривыми путями собиралась земля вокруг народных вождей и как мало-помалу росло и развивалось национальное сознание» [Соловьев 1990, с. 552].

¹⁵ Феодор (Поздеевский; 1876–1937), епископ. Выпускник Казанской духовной академии. В 1900 г. принял монашество. С 1909 г. епископ, ректор Московской духовной академии. С 1917 г. настоятель Данилова монастыря в Москве. С 1923 г. архиепископ. Начиная с 1920 г. был неоднократно арестован, находился в тюремном заключении и ссылке. В 1937 г. в последний раз арестован, приговорен к смертной казни, расстрелян.

¹⁶ Антоний (Храповицкий, 1863–1936), митрополит, богослов. Выпускник Петербургской духовной академии. В 1885 г. принял монашество. С 1897 г. епископ, с 1906 г. архиепископ. С 1912 г. член Святейшего Синода. С 1917 г. митрополит. С 1920 г. в эмиграции, жил в Югославии. В 1922–1936 гг. первоиерарх Русской Православной Церкви за границей.

¹⁷ Речь идет о статье «Знаменательный спор», напечатанной в журнале «Русская мысль» в 1923 г. (перепечатана в сборнике статей Флоровского: *Флоровский Г.В. Из прошлого русской мысли*. М., 1998. С. 172–183).

¹⁸ Название книги о Ф. Шиллере зачеркнуто Флоровским с пометкой «Книга нашлась».

19 марта 1971 г.

19:3:1971

Дорогой Алеша,

Письмо Ваше — со вложением статьи — получил сегодня утром. Спешу ответить.

Иванов никогда не был православным. Православие ему было чуждо, да и вряд ли он много знал о нем. Интеллигенты вообще воспринимали Православие скорее в плане быта, и этот быт их отталкивал. В лучшем случае это был обломок Старой Руси. В том же плане быта совершалось и позднейшее возвращение интеллигентов в Церковь. Начиная с Соловьева в плане идеологическом предъявлялось два обвинения: «национализм», а следовательно, недостаток универсальности, и «цезаропапизм», или упадок «церковной власти в России». Оба эти мотивы определили позицию Соловьева. Идею теократии он заимствовал из Ветхого Завета. Но не это было для него решающим. К Риму его тянуло нечто другое. По его собственному признанию, он верил в Вечный Рим, и эту веру он унаследовал от Данте. Об этом посмотрите мою статью в сборнике в честь Якобсона, по случаю его 60-летия, 1956 <г.> (есть и другой сборник в его честь, в нескольких томах, кажется 67-го года). Сейчас я эту статью перерабатываю для английского издания, но все основные тексты даны и в прежней редакции. Кроме Данте, Соловьев ссылался на Тютчева, о чем я тоже писал в «Пути»¹. Станным образом при этом Соловьев оставался панславистом — под влиянием хорватских католиков. «Вечный Рим» должен был воплотиться заново во Всеславянской Империи. В конце концов Соловьев разочаровался в теократии и даже средневековую западную теократию стал толковать эсхатологически: особенно характерна его рецензия на диссертацию Евгения Трубецкого о Григории VII, в «Вестнике Европы» 1897 года². Эта рецензия была совершенно забыта, даже Трубецким. Она была недавно раскопана мною и переиздана, с моим предисловием, в «Ориенталиа Христиана Периодика»³, а сейчас она включена в XII том нового издания сочинений Соловьева — этот том только что вышел, в Брюсселе. — Все эти соловьевские мотивы, думаю, остались чужды Иванову. С другой стороны, Соловьев не был «эллинистом». Следуя Данте и Вергилию, которого он переводил вместе с Фетом, он был скорее «романистом». Статья Соловьева-младшего об эллинизме очень интересна. Мне казалось, что тот том «Богословского вестника», сентябрь 1916 года⁴, есть в Гарварде. Во всяком случае, имеется полный микрофильм всего комплекта этого журнала, в частности: в Принстоне. Я могу сделать ксерограф для Вас. Кроме этой статьи есть и другая, «Гёте и христианство»⁵, в том же «Богословском вестнике» за 1917 год — в Гарварде и у нас на микрофишах. Несколько раньше Соловьев напечатал там же интересную статью о Владимире Соловьеве⁶. Он поступил студентом в Московскую духовную академию во время войны, по особому разрешению Св. Синода, привлекаемый, конечно, Флоренским, и принял священство. В те же годы он заинтересовался икуменическим движением, которое тогда только зарождалось. У меня есть его неизданная статья об икумениз-

ме, которую я собираюсь издать. После революции он перешел в католичество по восточному обряду, душевно заболел и умер в полном упадке. В годы символизма младший Соловьев был как бы альтер эго Белого, и в отзыве в статье Тырковой много правды. Конечно, Иванов был не единственный «смутитель» в те годы, и уж никак не самый популярный: до «толпы» его голос не доходил, там властвовали другие. Для обывателя яд поставлялся Соллогубом, Брюсовым, даже Леонидом Андреевым. Иванов был «отравителем» для элиты. Дионис — все-таки «аристократ», а толпа поклонялась «Афродите простонародной», как говорил еще Платон. Но яд у Иванова был. Только Ник⁷ Зернов⁷ был способен не заметить коренной двусмысленности в т^ак наз^{ываемом} «Русском Религиозном Ренессансе». Заметил ее Бердяев («Мутные лики», по поводу воспоминаний Белого), и даже Г.П. Федотов («прошли мимо Христа»).

Я не помню разговоров о католицизме Иванова. У Бердяева жена перешла в католичество еще в Москве. Даже о. Сергей Булгаков приехал из России в остро-про-католическом настроении и только года через два свернул в противоположную крайность. Вообще, в Париже об Иванове говорили немного. К тому же в Париже все жили «по углам», все врозь. Возможно, что в некоторых кругах Иванова порицали. Печатных нападений я не припоминаю, разве в «черной прессе», но и там скорее вылавливали «масонов» (чаще всего мнимых и воображаемых).

Мы собирались с Ксенией Ивановной вдвоем как раз сегодня в Нью-Йорк, с ночевкой у Маши, но потом отменили — Ксения Ивановна простужена и оттого устала. Вчера говорил с Машей и с Энди по телефону.

Сейчас занят переделкой трех старых статей в одну: «Всемирная империя» у Соловьева, Тютчева и Данте — сам Соловьев указывал на Тютчева и Данте как на свои источники. По этому поводу перечитываю Данте и почитываю о Данте. Кажется, я был первым, кто обратил внимание на собственное признание Соловьева. Близость поразительная!

Сердечный привет Луизе — от нас обоих.

С любовью ГФлоровский

¹ Флоровский Г.В. Тютчев и Владимир Соловьев // Путь. 1932. № 41. С. 3–24.

² Соловьев В.С. <Рец. на кн.:> Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал христианства в XI в. // Вестник Европы. 1897. № 4. С. 836–841.

³ «Orientalia Christiana Periodica» — журнал, посвященный христианскому Востоку. Издается в Риме Папским восточным институтом (Pontificio Istituto Orientale) начиная с 1935 г. Печатает статьи на итальянском, английском, французском и немецком языках.

⁴ Ошибка Флоровского, имеется в виду № 9 «Богословского вестника» за 1913 г.

⁵ Соловьев С.М. Гёте и христианство // Богословский вестник. 1917. № 2/3. С. 238–266.

⁶ Он же. Идея Церкви в поэзии Владимира Соловьева // Богословский вестник. 1915. № 1. С. 59–86; № 2. С. 261–293.

⁷ Зернов Николай Михайлович (1898–1980), русский философ, богослов, религиозно-общественный деятель. С 1921 г. в эмиграции. В 1925 г. окончил богословский факультет Белградского университета. С 1925 г. жил во Франции, секретарь Русского студенческого христианского движения (РСХД), один из первых редакторов «Вестника РСХД» (1925–1929). В 1930–1932 гг. учился в аспирантуре Оксфордского университета. С 1934 г. жил в Ан-

глии, секретарь православно-англиканского Содружества святого Албания и преподобного Сергия. С 1947 г. преподавал в Оксфордском университете. Флоровский имеет в виду книгу: Zernov N. The Russian Religious Renaissance of the Twentieth Century. N.Y., 1963 (рус. перевод: Зернов Н.М. Русское религиозное возрождение XX в. Париж, 1963; 2-е изд. Париж, 1974).

14¹

Конец декабря 1971 г.

Дорогой Алеша,

Сердечно поздравляю Вас и все семейство с Праздником. Желаем Вам поскорее кончить диссертацию и вернуться к нормальной жизни. Спасибо за карточку Лизы — она действительно очень выросла с тех пор, как мы были у Вас в Оберлине. На днях мы были у Ржевских², они очень уютно устроились. Колю тоже нужно подгонять с диссертацией, но на это я подговорил его старого учителя Joe Frank³ (в этом году в <нрзб.>), и Коля его слушается больше, чем меня. Иван Иванович написал книгу о старце Амвросии, мне прислал копию из издательства, но печатание уже началось. Еще не имел времени за нее взяться. Славянский отдел в Принстоне доживает свои последние дни (имею в виду graduate program⁴) и «последние из могикан» бродят как тени. Не знаю, будут ли у меня студенты в весеннем семестре, XVIII в. Но будет, наверное, семинар в Dept. of Religion⁵, вероятно, по Августину («Confessiones»⁶). Вообще же, работы очень много, включая чтение разных рукописей и наставление студентов Марка Раева⁷ из Колумбии. Нужно сказать, что подсылает он ко мне действительно не только хороших, но весьма неинтересных студентов.

Спасибо за предложение сделать копии статей из «Возрождения». Статья о Карташеве и жуткие «Записи» З. Гиппиус у меня уже есть. Наша библиотека приобрела комплект «Возрождения», но не совсем полный. Не хватает №№ 129–131. Был бы очень признателен, если бы Вы сделали копии статей Иваска⁸ о Константине Леонтьеве — все остальные номера у нас есть. Иваск — литератор больше, чем ученый, но книга о Леонтьеве ему удалась, и читается с удовольствием. О нашем «происшествии» Вы уже знаете от Andy⁹. В конце концов все обошлось совсем благополучно — весь «визит» продолжался всего несколько минут, не более 10. Ксения Ивановна восприняла все с необыкновенным спокойствием и рассказывает много о «происшествии» так, как будто это случилось с кем-н<и>б<удь> другим. Слава Богу.

Первый том бельгийского издания Вячеслава Великолепного (как его называл Лев Шестов — знаете ли Вы эту статью Шестова?) выслан, но из-за забастовок до меня еще не дошел. Меня больше всего интересует введение О.А.

Ксения Ивановна шлет Вам всем привет.

Храни Вас Господь.

С любовью ГФлоровский

¹ Текст письма написан на поздравительной открытке.

² Николай Ржевский в то время писал диссертацию о Достоевском под частичным руководством Флоровского. В расширенном виде диссертация опубликована: *Rzhevsky N. Russian Literature and Ideology: Herzen, Dostoevsky, Leontiev, Tolstoy, Fadeyev. Urbana, 1983.*

³ Джозеф Франк (1918–2013), выдающийся американский литературовед, автор пяти-томного труда о жизни и творчестве Ф.М. Достоевского. Преподавал в ряде американских университетов, в том числе во второй половине 1960-х гг. в Принстоне, где и познакомился с Флоровским.

⁴ Graduate program — аспирантская программа (англ.). Эту программу в Принстонском университете закрыли из-за внутренних конфликтов.

⁵ Dept. of Religion — кафедра религии (англ.).

⁶ «Confessiones» — «Исповедь» (лат.).

⁷ Раев Марк Исаевич (1923–2008), американский историк, автор множества публикаций по русской истории. С 1962 г. преподавал в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Куратор Бахметьевского архива в библиотеке Колумбийского университета.

⁸ Иваск Юрий Павлович (1907–1986), русский поэт, литературный критик, историк литературы. В 1920–1944 гг. жил в Эстонии. Выпускник Тартуского университета. С 1944 г. в Германии, с 1949 г. в США. В 1954 г. защитил диссертацию в Гарвардском университете, затем преподавал в американских вузах. В 1969–1977 гг. профессор и заведующий кафедрой русской литературы Университета штата Массачусетс.

⁹ В квартиру Флоровских через окно залез грабитель, но ничего ценного не успел унести.

15

6 февраля 1972 г.

6:2:1972

Дорогой Алеша,

Спасибо за письмо.

1. Биография Иванова мне показалась скучноватой, и я ее еще не дочитал до конца. Да и нельзя было ожидать от О.А. объективности и критического подхода. «Светомира»¹ просто не могу читать. Вообще говоря, Иванов, несмотря на его «дионисизм», скорее тяжкодум. И стиль его какой-то вязкий, как тянучка. Исключение разве составляет «Переписка» с Гершензоном. Кстати, где имеется «Родное и вселенское»? Другие два сборника его прозы у нас уже есть.

2. Ссылку на №№ «Возрождения» со статьями Иваска я нашел в самом «Возрождении» — см. № 135, с. 94, примечание — предыдущие статьи в № 118, 121, 124–131, 133–134. У нас есть до № 128 и опять начиная <с> № 135. Так как у Иваска нет нумерации глав, я не могу сообразить, что было посередине. Однако ссылки в «Возрождении» на предыдущие номера и в других случаях мало надежны.

3. Мне прислали копию книги Ивана Ивановича о старце Амвросии², которая должна выйти из печати в начале марта. Впечатление мое двойится, как двойится и самый текст. Основная часть книги скорее для душеполезного чтения, состоит преимущественно из цитат, — в них главная ценность текста, но цитат слишком много, хотя среди них иное весьма ценно. Первая же часть книги — о существе православной аскетики — мало связана с рассказом о старце Амвросии. Связь оптинских старцев, включая о. Амвросия, с традицией Паламы и даже Паисия не показана. К

сожалению, Иван Иванович не ознакомился с основательной книгой профессора С.И. Смирнова «Духовный Отец в Восточной Церкви», т. 1, 1906, где собран богатый материал по истории старчества на Востоке, в Византии. Язык книги И. И. довольно тяжелый. Все-таки хорошо, что ее издают. То же издательство предлагает издать маленький сборник моих богословских статей, на что я соглашаюсь.

4. Был уже два раза в Леман-Колледж. Записалось 15 студентов, кроме того, 5 вольнослушателей из Владимирской семинарии и еще кое-кто. Энди очень мил, встречает меня у автобуса и привозит обратно домой. Читать для малоподготовленной аудитории довольно трудно, приходится начинать с азов. Теперь надо составить список тем для терм-пэперс³, и здесь новая трудность: трудно писать на специальные темы, когда общий контекст мало известен.

В нашем доме опять были налеты «разбойников», как их называет Ксения Ивановна, только не у нас. Полиция как будто кого-то схватила — полиция почти рядом с нами. Мы пока установили у себя аларм-систем⁴: при малейшей попытке приоткрыть входную дверь и окна подымается сумасшедший звон, и тем временем можно вызвать полицию. Вся эта история довольно неприятна. Вот все наши новости.

Не забывайте.

Сердечный привет от нас обоих.

С любовью ГФлоровский

¹ «Повесть о Светомире Царевиче» — сочинение Вячеслава Иванова, написанное архаизированной прозой, создавалось с 1928 г. и до конца жизни поэта. Впервые опубликовано: *Иванов Вяч. Собр. соч.: в 4 т. Брюссель, 1971. Т. 1. С. 255–369.*

² Книга Ивана Ивановича о старце Амвросии — см. примеч. 18 к письму 9.

³ Term papers — курсовые работы (*англ.*).

⁴ Alarm system — система сигнализации (*англ.*).

16

Конец декабря 1972 г.

Christmas 1972

Дорогие Алеша и Луиза,

Сердечно поздравляю Вас с Праздником и еще с прибавлением семейства. Новорожденной Екатерине желаем всего лучшего. Как на нее реагирует ее старшая сестра? Очень сочувствую Вашим troubles¹ — писать в состоянии усталости от повседневной работы очень искусительно. Свою диссертацию о Герцене² я написал быстро в период безработицы в первые годы эмиграции, хотя и работал тогда в качестве корректора в типографии. Помещалась она рядом с университетской библиотекой, что позволяло использовать всякий перерыв в работе. — Прочел биографию Вашего Вячеслава в I томе нового издания. По-моему, довольно скучно, но об этом не буду оповещать Фламинго³. Вы, наверное, знаете статью об Иванове в тартуском журнале. — Издание моих *Collected Essays* было для меня полной неожиданностью — узнал об этом, когда все было уже готово для печат-

ти — мне осталось только прочесть корректуры и проверить перевод латинских и греческих цитат. Издательство обещает выпустить тома 2-й и 3-й дальше, но здесь будет больше работы, так как часть статей переведена (или будет переведена) с русского (и по одной с французского и немецкого), и нужно будет проверять перевод. — Ксения Ивановна уже с лета занимается переводом моих английских богословских статей на русский, с расчетом на издание, в возможность которого я не очень верю. Единственное русское издательство, которое может заинтересоваться богословской книжкой, Les Editeurs Réunis в Париже, увлекается теперь самиздатами и вообще *actualities*⁴ и ведет себя скорее уклончиво. В Греции уже подготовили перевод моих избранных статей, и я даже получил гонорар. Но греки вообще имеют весьма растяжимое понятие о времени и не считают точность сроков добродетелью. К сожалению, Andy тоже придерживается в этом деле греческих нравов. Впрочем, он обещает ускорить темп с началом своего Sabbatical'a⁵, во что я не верю и принимаю свои меры, что означает суровую нагрузку для меня самого. Все-таки я надеюсь, что к лету все будет закончено. — Всяческой работы у меня вдоволь. В университете я уже прекратил работу, но на этот год приглашен в Pr. Seminary — семинар по патристике.

Прошлым летом мы никуда не ездили — отменили поездку в Грецию и Иерусалим. Ксения Ивановна очень устает даже от передвижений по Принстону. Надеюсь, она оправится к будущему лету: меня пригласили на летний семестр в Католический университет в San Francisco и еще на study session⁶ в Испанию (Monserrat Abbey). Мне самому как-то странно, что в будущем сентябре мне исполняется 80 лет, но воспоминаний я все-таки не собираюсь писать.

Еще раз поздравляю.

С любовью Г. и Кс.

Недавно было у нас все семейство Ржевских⁷.

¹ Troubles — беды (англ.).

² Магистерскую диссертацию «Историческая философия Герцена» Флоровский защитил в июне 1923 г. на Русском юридическом факультете в Праге. Из текста диссертации Флоровскому удалось опубликовать только небольшую часть: *Флоровский Г.В. Искания молодого Герцена // Современные записки. 1929. № 39. С. 274–305; № 40. С. 335–367.*

³ Фламинго — домашнее прозвище О.А. Шор.

⁴ Actualities — новости, современные обстоятельства (англ.).

⁵ Sabbatical — в американских университетах платный отпуск для повышения квалификации, обычно каждый седьмой год или седьмой семестр (поэтому называется «субботним»). Российская аналогия — факультет (или курсы) повышения квалификации.

⁶ Study session — в данном случае интенсивная сессия занятий между семестрами (англ.).

⁷ Семейство Ржевских — см. примеч. 2 к письму 14.

24 февраля 1975 г.

24:2:1975

Дорогой Алеша,

Спасибо за письмо. Надеемся, вы все теперь уже в добром здравии.

Ваш «компромисс»¹ вполне удался, хотя и не без огорчения тех и других. Ричард² превосходит все ожидания. Я только боюсь, как бы он не надорвался. Лед тронулся, несомненно. Но проблемы остались. Самая задача перевода есть проблема. Возможен ли «перевод вообще». Покойный профессор Верне<р> Йегер³, знаменитый историк Древнего мира, в последние годы в Гарварде категорически утверждал, что перевод просто невозможен. Он следовал своему учителю, еще более знаменитому, Вилламовицу фон Мейендор⁴. В<иламовиц> известен своими переводами греческих классиков — по-немецки. Но вот на одном ученом конгрессе он выступил с докладом: «Что значит переводить?» Ответ — нечто невозможное. Учите другие языки, тогда «перевод» не понадобится. Это ближе к истине. К сожалению, большинство языков не учат. Хорошо было, когда везде царила латынь, а еще раньше «звуки божественной эллинской речи».

Пушкин был прав, когда называл Петра Первого революционером — я бы прибавил, и террористом особого типа. В каком-то смысле его революция удалась, по крайней мере, на два столетия. Я не идеализирую «Московскую Русь». Культурная революция, если таковые бывают, началась уже до Петра.

В каком-то смысле это был «Кризис русского византизма» (см. «Пути», глава первая). Но вот что странно. На Западе «византизм», в особенности в плане искусства, оказался творческой силой и стимулом. Без Джотто, без Дучио, без Чимабуе не было бы Ренессанса. Ренессанс был и в Москве — Рублев. XVI век в Москве был творческий век. Советская наука в каком-то смысле реабилитировала Древнюю Русь. Но затем — парадоксально — начался развал. Победила западническая культура из Киева и Польши. В XVIII веке и Церковь культурно латинизировалась. Духовные школы перешли на латинский язык, и это «латинское пленение» продолжалось почти что до Крымской кампании. Живое предание прервалось. «Вступивши однажды в немцев, выйти из них очень трудно» (Герцен). «И вместо корней сваи» («Пути», стр. 114). От этого все здание в конце концов развалилось. Славянофильство, в конце концов, оказалось мечтой и утопией. Россия задолго до 1917 года вступила в «катастрофический фазис». Я был один из немногих, кто в начале 20-х годов заговорил о «катастрофическом мироощущении», к величайшему возмущению тех, кого покойный князь Николай Серг<еевич> Трубецкой⁵ называл, по-московски, «старыми гримзами». «Не плоть, но дух растлился в наши дни; И человек отчаянно тоскует», — уже давно писал Тютчев, но это не помешало ему мечтать о «Всемирной империи» с русским царем и римским первосвященником. Тютчев спровоцировал Владимира Соловьева, пока у Соловьева не начался «катастрофический кризис», и появился образ Антихриста. Любопытно, что недавно немецкий ученый возвестил, что Соловьевская «Повесть об Антихристе» есть в наши дни обязательное чтение для всех.

Сердечный наш привет всему Вашему семейству.

Yours as ever⁶ Г.Ф.

¹ «Компромисс» заключался в том, чтобы сдать Ричарду Хаугу (см. примеч. 2 ниже) всю наработанную часть перевода «Путей русского богословия», находящуюся в руках Эндру Блейна. Ричарду Хаугу поручалось организовать завершение перевода. Перевод действительно вышел, в двух частях, в 1979 и 1987 гг. в Собрании сочинений (Collected Works): *Florovsky G. Ways of Russian Theology* / tr. by Robert L. Nichols. Belmont, 1979–1987.

² Ричард — Ричард Хауг (Haugh) — американский историк Церкви, в начале 1970-х гг. возглавивший новооткрытое издательство «Nordland», которое объявило о намерении выпустить Полное собрание сочинений Г. Флоровского на английском языке. Первые два тома вышли в 1972 и 1974 гг. и встретили одобрение Флоровского. Дальнейшие тома, однако, вызвали резкое недовольство автора. Фирма «Nordland» потерпела банкротство, но Р. Хауг открыл новую фирму и продолжал задуманное дело, придавая следующим томам все более и более эксцентричные формы. Печатание остановилось на 14-м томе (1989).

³ Йегер Вернер (Jaeger; 1888–1961), немецкий филолог-классик. В 1924–1936 гг. профессор Берлинского университета, с 1939 г. профессор Гарвардского университета в США. Автор трехтомного фундаментального труда «Пайдейя: Формирование греческой мысли» (1934–1947).

⁴ Неточность Флоровского, правильно: Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф (Wilamowitz-Moellendorff; 1848–1931), немецкий филолог-классик, историк античной культуры, в 1897–1929 гг. профессор Берлинского университета.

⁵ Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938), русский лингвист, филолог, публицист и идеолог раннего евразийства. Выпускник Московского университета. С 1914 г. приват-доцент Московского университета. С 1920 г. в эмиграции, сначала жил в Болгарии, преподавал в Софийском университете. С 1923 г. жил в Австрии, профессор Венского университета. Один из основателей евразийского движения, из которого вышел в 1929 г. Как и Г.В. Флоровский, один из ведущих авторов первых евразийских сборников. Переписку Н.С. Трубецкого и Г.В. Флоровского см. в изд.: [Записки... 2011/2012].

⁶ Yours as ever — Ваш как всегда (англ.).

[Приложение к письму]

1. Притрудный — слово отмечено в «Словаре» Срезневского, т. 11, с. 1480, с единственной ссылкой на Никоновскую летопись, — жестоко страдающий. У Даля отмечен глагол притрудить, со значением натрудить, измять, истомить. В старославянском труд и болезнь если не отождествляются, то ставятся рядом, см. Псалом 89 — в английском переводе 90 — стих 10. Я бы перевел притрудный в данном контексте: *sorely afflicted*.

Сейчас не могу припомнить, откуда я взял это слово, вероятно, из какого-нибудь жития преподобного Серафима.

2. Обороты речи, которые Вас смущали у Игнатия Брянчанинова¹, для него характерны; конечно, они не восходят к Священному Писанию. На мой вкус, они напоминают западную «мистическую» литературу, как ни отталкивался Преосвященный Игнатий от «мистики». К сожалению, у меня есть только первый том его Сочинений, а главные тексты в томе втором, в частности стр. 314–380. Прилагаю выдержки из книги Леонида Соколова. Епископ Игнатий Брянчанинов, том II, Киев 1915. Соколов говорит в примечании, что Игнатий ссылаясь на Макария Египетского, беседа 4, но там нет фразеологии Игнатия, а просто говорится

о Богоявлениях Моисею и пророкам. Образов «Странника» и «Гостя» у Макария нет. Кстати, нельзя ли достать том II Игнатия в Джорданвилле — они перепечатавали Игнатия. Нужно это сделать через Ивана Ивановича: «своим» они продают по одной цене, а «еретикам» и «схизматикам» по двойной или даже тройной, по принципу: с паршивой овцы хоть шерсти клок!

Станным образом, у Игнатия есть нечто «романтическое» — чтение «книги природы», совсем необычное в православной аскетике. обстоятельного исследования богословия епископа Игнатия все еще нет. Пухлая книга Соколова не идет дальше пересказа, почти ничего нет об источниках Игнатия, и нет никакой попытки представить его в перспективе богословской традиции. Покойный профессор Смолич² упрекал меня в «совсем неверном» изображении Игнатия. Игнатий был ему больше по вкусу, чем Феофан Затворник³ и даже о. Иоанн Кронштадтский⁴. Для английского издания краткий параграф «Путей» об Игнатии придется расширить. И для этого понадобится его второй том.

¹ Игнатий (Брянчанинов; 1807–1867), русский святой, епископ, богослов. В 1831 г. принял монашество. С 1857 г. епископ. В 1861 г. подал прошение об увольнении на покой, после чего жил в монастыре в Костромской епархии, где написал большинство своих сочинений.

² Смолич Игорь Корнильевич (1898–1970), историк Русской церкви. Учился в Киевском университете. С 1920 г. в эмиграции. С 1923 г. учился в Русском научном институте в Берлине, с 1925 г. — в Берлинском университете Фридриха Вильгельма. Член Русского студенческого христианского движения. После Второй мировой войны сотрудник Восточноевропейского института в Западном Берлине. Автор двухтомного фундаментального труда: *Smolitsch I. Geschichte der Russischen Kirche, 1700–1917. Leiden, 1964–1991*; рус. перевод: *Смолич И.К. История Русской Церкви: 1700–1917: в 2 ч. М., 1997.*

³ Феофан Затворник (в миру Георгий Васильевич Говоров; 1815–1894), русский святой, епископ, богослов. Выпускник Киевской духовной академии. В 1841 г. принял монашество. С 1859 г. епископ. В 1866 г. подал прошение об увольнении на покой, переселился в Вышенскую пустынь Тамбовской епархии, в 1872 г. ушел в затвор, последний период жизни полностью посвятил богословским трудам и переводам.

⁴ Иоанн Кронштадтский (Сергиев; 1829–1909), русский святой, священник, духовный писатель. Выпускник Петербургской духовной академии. С 1855 г. и до конца жизни служил священником в Андреевском соборе г. Кронштадта (с 1894 г. настоятель собора). Своей праведной жизнью и благотворительной деятельностью получил всероссийскую известность.

ПИСЬМО Г.В. ФЛОРОВСКОГО А.В. ФЛОРОВСКОМУ
О ПОЕЗДКЕ В ГРЕЦИЮ В 1959 г.

Предисловие, подготовка текста и комментарии
О.Т. Ермишина

Ученые русского зарубежья активно участвовали в международной научной жизни, посещая разного рода конференции, симпозиумы и конгрессы. Из их числа особенно выделялся протоиерей и богослов Георгий Флоровский, объездивший с научными целями множество стран. Для Флоровского большое значение имела Греция, что связано было как с его известными концепциями «неопатристического синтеза» и «христианского эллинизма», так и с пониманием византийской, греческой традиции, выражающей, по его мнению, в полноте вселенскую идею православия.

В исследованиях и жизнеописаниях Флоровского упоминания научных поездок в различные страны занимают обычно несколько строк. Не является исключением поездка Флоровского в Грецию в 1959 г., хотя и отмечается ее экстраординарное значение. Так, Э. Блейн пишет: «Особенное удовлетворение, о чем Флоровский неоднократно вспоминал во время наших бесед, принесла ему поездка в Салоники в 1959 году, на симпозиум по случаю 600-летия кончины св. Григория Паламы, одной из центральных фигур духовно-богословской жизни Византии XIV века. Отец Георгий выступил на симпозиуме с двумя докладами — “Единство Православной Церкви: успехи и проблемы” и “Значение монашества в Православной Церкви”. В обстановке юбилейных торжеств он был удостоен почетной степени доктора богословия Салоникского университета и 14 ноября*, в день памяти св. Григория Паламы, произнес перед собравшимися по-гречески доклад на тему “Св. Григорий Палама и Предание Отцов”» [Блейн 1995, с. 130]. Такое краткое описание, конечно, не может дать исчерпывающей информации, в том числе о том, какое значение придавал поездке сам Флоровский. К счастью, существует небольшой обзор симпозиума, сделанный Флоровским для журнала «Вестник РСХД» [Флоровский 1959]. Кроме того, сохранилось его письмо к старшему брату — непосредственный отклик, написанный сразу после возвращения из Греции. Из него мы узнаем, что для Флоровского эта поездка имела символический смысл, знаменуя 23-летний период его связей с Грецией. И юбилей святителя Григория Паламы, и присуждение степени доктора богословия только усиливают этот смысл.

* День памяти святителя Григория Паламы отмечается 14 ноября по старому стилю (по новому, григорианскому стилю 27 ноября).

В докладе «Св. Григорий Палама и Предание Отцов» Флоровский раскрыл на примере знаменитого византийского богослова основные идеи, которые развивал большую часть жизни. Главный критерий для Флоровского в понимании святоотеческого наследия — живое предание и его непрерывность в Церкви. Это делает творения святых отцов всегда актуальными для любой эпохи, придает им, по выражению Флоровского, «экзистенциальный» характер. Святоотеческое богословие имеет в своей основе духовный опыт и не сводится к отвлеченной диалектике. Флоровский был категорически против разграничения «патристики» и «византинизма», поскольку считал, что ограничений в понимании святоотеческого наследия вообще не должно быть. Святоотеческое богословие не остановилось, развивалось дальше, и святитель Григорий Палама есть один из выдающихся его продолжателей. Как считал Флоровский, святитель Григорий Палама дал новое истолкование духовного опыта Церкви, его богословие было «творческим развитием древней традиции» [Флоровский 2000, с. 288]. Учение святителя Григория Паламы о теозисе и божественных энергиях есть защита христианского опыта, личной встречи с Богом. По мнению Флоровского, такое «экзистенциальное богословие» открывает путь к христианской философии, которая должна быть «метафизикой личностей». Богословская и философская позиция Флоровского сформулирована в докладе о святителе Григории Паламе очень ясно и кратко, а непосредственным импульсом для этого стала поездка в Салоники в 1959 г.

Ниже публикуется письмо Г.В. Флоровского, адресованное брату Антону Васильевичу Флоровскому*, по тексту, хранящемуся в Славянской библиотеке (Прага, Чехия): Slovanská knihovna (Praha). T-Sav. Inv. č. 130/9.

Литература

- Блейн 1995 — Блейн Э. Жизнеописание отца Георгия // Георгий Флоровский: священнослужитель, богослов, философ. М., 1995.
 Флоровский 1959 — Флоровский Г., *прот.* Фессалонитское торжество // Вестник РСХД. 1959. № 55. С. 19–22.
 Флоровский 2000 — Флоровский Г.В. Избранные богословские статьи. М., 2000.

* * *

19.11.1959¹

Дорогой Антоша!

Вернулся домой вчера. Полет на «Каравелле»² мало чем отличается от обыкновенного, разницы можно и не заметить, если не знать, в чем дело. Скорости полета ведь вообще не замечаешь, даже когда видна земля. Расстояние от земли

* Флоровский Антон Васильевич (1884–1968), историк. В 1908 г. окончил историко-филологический факультет Новороссийского университета в Одессе, с 1916 г. профессор по кафедре русской истории в том же университете. После 1917 г. директор Одесской публичной библиотеки. С 1922 г. в эмиграции, жил в Праге.

слишком велико, и создается иллюзия медленного движения. Из Рима мы летели над Альпами, над Монбланом, Женевским озером и т. д. Солнце уже спускалось, и на снегу был розоватый отблеск. Красота поразительная. Из Афин в Салонику я летел тоже в солнечный день. Красив очень Акрополь сверху. Празднества в Сал<ониках> прошли очень торжественно. Иностранных гостей было мало, если не считать греков из Египта и Палестины. Было два делегата из С. Р.³ и два из Югославии. В прошлую субботу я читал свою лекцию⁴ при большом скоплении слушателей. Судя по отзывам, читал удачно. По-гречески я произношу совсем без акцента, и меня по выговору во время службы часто принимают за грека. Конечно, придерживаюсь новогреческого произношения. Меня только всегда затрудняет перенос ударения — на конец предыдущего слова. В обычных фразах я к этому привык, а в незнакомых случаях всегда запинаясь. Доклад был напечатан и по-гречески, и по-английски — для печати его придется расширить и снабдить примечаниями. Присуждение степеней было тоже торжественно. Сперва секретарь факультета прочел подробный обзор заслуг кандидатов всех вместе. Присутствовал факультет под председательством ректора. Затем декан оглашал постановление факультета — «псефизма» о каждом отдельно и объявлял кандидата доктором — «дидактором» и вручал диплом. После этого каждый новый доктор должен был сказать несколько слов — минут на десять. Фотографий было снято масса, и кое-что удачно. Мне лично было приятно повстречать старых знакомых: ведь мои связи с Грецией начались еще в 1936 г., когда я в первый раз ездил туда на съезд богословских профессоров⁵. В Афинах побывал у букинистов и приобрел, между прочим, трактат Зерникава⁶ — в греческом издании, Пб. 1797 года, два тома, за 60 % объявленной цены. Книга довольно редкая, и у нас в библиотеке ее нет. Был русский перевод Давидовича, изданный как раз во время первой войны в Почаевской Лавре. Его я никогда не видел. Негреческие книги у букинистов в Афинах попадаются очень редко. Букинисты сосредоточены в Афинах в двух местах: в окрестностях Университета и — на толкучем рынке. На Толкучку в этот раз я не собрался. Вообще же, книжных лавок в Афинах много. Больше только лавок, где продают «сувениры». Есть интересные вещи, и недорого. Я приобрел некоторое количество рождественских карточек. Мне ведь приходится рассылать их до 200 — и такое же количество мы получаем. Погода в Греции была дивная все дни, к вечеру становилось прохладно, но днем было просто жарко — голубое небо, яркое солнце. В Сал<ониках> мы жили на самой набережной, очень красиво. — Вот краткий рассказ о моем путешествии. А здесь я сразу попал в дождь и слякоть. Сегодня, правда, все разъяснилось, и температура упала ниже нуля. В доме у нас жарко, так как хозяин — араб — любит тепло для самого себя.

На этом я пока закончу. Пиши.

Обнимаю.

Με 'αγάπη Γεωργίου⁷

¹ Флоровский датирует письмо по старому стилю, т. е. письмо написано 19 ноября (2 декабря) 1959 г.

² «Каравелла» — название французских скоростных самолетов (компания Air France), летавших по маршруту Париж–Стамбул через Рим и Афины.

³ Предположительно, Флоровский так сократил аббревиатуру СССР.

⁴ Речь идет о докладе «Св. Григорий Палама и Предание Отцов».

⁵ I Съезд православных богословов прошел в Афинах с 29 ноября по 4 декабря 1936 г.

⁶ Адам Зерникав (1652–1692/1693), православный богослов, автор трактата на латинском языке «De processione Spiritus Sancti a solo Patre» («Об исхождении Св. Духа от одного только Отца»). Флоровский купил издание трактата в греческом переводе архиепископа Евгения (Булгариса) — СПб., 1797. Русский перевод трактата: *Адам Зерникав*. Православно-богословские исследования об исхождении Св. Духа от одного только Отца. Почаев, 1902.

⁷ С любовью Георгий (*греч.*).

ОБЗОРЫ ФОНДОВ

Т.В. Марченко

БАРОЧНЫЕ КОЛЛИЗИИ СУДЬБЫ:
МАТЕРИАЛЫ РЮРИКА ПАВЛОВИЧА КОЦЕБУ
В АРХИВЕ ДОМА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА

Они между собой всегда говорили по-русски.

А если ты просто хочешь посетить страну твоих отцов — хотя твой отец был швейцарец, не правда ли? — но если ты так хочешь ее посетить, не проще ли взять визу и переехать границу в поезде?

В. Сирин. Подвиг

Это история о тех неизменно неожиданных коллизиях, что сопутствуют почти всякой эмигрантской судьбе. Происхождение героя, его родственные связи, пересечения биографий, личный выбор и лютые игры истории, которая не дает человеку погрузиться в сладостное «жизнь есть сон», а в XX в. сталкивает его в лобовую с мировыми катастрофами, — все это живо напомнило о мрачном, великолепном, авантюрном, жестоком барокко. Тем более что завершение истории, так же как ее начало, связано с Испанией, где барокко расцвело особенно пышно.

Работая над выставкой «Славистика в эмиграции: изучение и преподавание русского языка и литературы в странах русского послереволюционного рассеяния», премьерный показ которой должен был состояться в Гранаде в сентябре 2015 г., на открытии XIII Международного конгресса МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы), ее авторы — С.В. Романова и Т.В. Марченко — не могли обойти стороной роль русских эмигрантов в формировании системы обучения русскому языку и литературе в Испании. До 1950-х гг. XX в. русский язык в испанских учебных заведениях не изучался вообще. У иберийской русистики есть точная отправная дата. «Впервые регулярные курсы русского языка в Испании были открыты в 1956 году в Мадриде, в Государственной школе иностранных языков при Министерстве образования. Первыми преподавателями были два русских “белых” эмигранта, непрофессионалы, которые сумели, однако, своим энтузиазмом и любовью к родному языку восполнить значительные методические и прочие пробелы» [Санчес Пуиг 2010, с. 78].

Имена эмигрантов из России — преподавателей русского языка в Испании и краткую информацию о них сообщила профессор русского языка отделения славянской филологии Мадридского университета Комплутенсе Мария Санчес Пуиг¹, автор статьи «Испанская русистика: от и до». Было названо всего четыре

¹ Кроме того, Мария Санчес Пуиг (Puig) — переводчик-синхронист (официальный переводчик королевской семьи и присяжный переводчик МИДа) и переводчик художественной литературы. Автор первого

имени: Елена Витольдовна Боцарис Эмерик (Emeryk; 1912–2003), Николай Иванович Селиванов (даты его жизни и смерти неизвестны), Константин Алексеевич Брусилов (1895–1977) и Рюрик Павлович Коцебу². К сожалению, сведений об этих людях удалось найти немного; они собирались по различным источникам, но специальной задачи поиска архивных материалов перед создателями выставки, носившей сугубо ознакомительный характер, не стояло.

Тем временем С.В. Романовой удалось связаться с настоятелем русского православного храма Святой равноапостольной Марии Магдалины в Мадриде протоиереем Андреем Кордочкиным. Отец Андрей сообщил, что сохранились некие архивные материалы, связанные с жизнью русского эмигранта, преподавателя русского языка в Испании Рюрика Павловича Коцебу и что архив этот находится у Хосе Луиса Сампедро Эсколара (Escolar) — душеприказчика вдовы Р.П. Коцебу, которая скончалась в Мадриде в 2012 г. Отец Андрей предложил свою помощь в получении архива и передаче его в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, что и было сделано — в феврале 2015 г. весьма компактный архив был доставлен в Москву.

В нем сохранились личные документы, семейные фотографии и бумаги на разных иностранных языках и самого непредсказуемого содержания. Воссоздать жизненный путь Рюрика Коцебу во всей полноте по этим отрывочным документальным свидетельствам невозможно, но они тем не менее позволяют наметить его основные вехи.

Это история о том, кто мог бы стать одним из прототипов набоковского Мартына из романа «Подвиг». Литературный герой, наполовину швейцарец, носит такое, казалось бы, простонародное русское имя; если же представить его написанным латиницей, с заменой самого русского звука в произношении, оно окажется обычным и довольно популярным в Европе — святой Мартин милостивый известен своей иконографией: всадник, отрезающий полу великолепного плаща, чтобы укрыть нищего бродягу. Наш герой, в котором не было и капли русской крови, носил имя основателя Новгородского княжества, варяжского воина и русского князя, ставшего родоначальником царской династии. Что поделявал бы, как прожил бы свою жизнь Мартын — Martin Эдельвейс, если бы сей «молодой человек, довольно далекий от русских вопросов, скорее... иностранной складки», окончив-

испанского учебника русского языка «Lecciones de Ruso» (1976) и целого ряда словарей и книг по русскому языку и литературе самой разной тематики — учебных и научных. Кстати, и в ее занятиях русистикой есть русский след — М. Санчес Пуиг родилась в Советском Союзе, в Харькове, в семье испанских эмигрантов.

² Именно его и Елену (Элен) Боцарис Эмерик имела в виду М. Санчес Пуиг. Елена Витольдовна окончила Католический институт в Париже. Во Франции занималась переводами, преподавательской деятельностью, активно сотрудничала с русскими эмигрантскими газетами и журналами «Русская мысль», «Часовой», публиковалась в «Вестнике РСХД». В 1938 г. перевела на французский язык роман И.С. Шмелева «Пути небесные» (*Chméliov I. Les Voies célestes: Roman / traduit du russe, par H. Emeryk. P.: Éditions du Pavois, 1946*). Более полувека спустя роман в переводе Елены Эмерик был переиздан, в «обновленном и исправленном» Виктором Люпенем виде: *Chmeliou I. Les voies célestes / trad. de H. Emeryk, actualisée et corrigé par V. Loupan. P.: Presses de la Renaissance, 2003*). В 1945 г. Е.В. Эмерик переехала в Испанию, жила в Мадриде. В 1956 г. она стала одним из первых преподавателей русского языка в Государственной центральной школе иностранных языков в Мадриде. Преподавала историю русской и французской литературы в Мадридском филиале Парижского католического института. Давала уроки истории великому князю Георгию Михайловичу.

ший Кембридж и собиравшийся трудиться на заводе под Берлином, не оказался «способен на подвиг» — или, вернее, на его литературное и вполне фантастическое допущение, а продолжал бы жить в межвоенной, а затем и послевоенной Европе? Гений Набокова завершает земной путь в Швейцарии; эмигрантский путь Рюрика Коцебу в Швейцарии начинается³.

По линии отца прапрадедом Рюрика Коцебу был плодовитый немецкий драматург, романист, политический деятель Август Фридрих Фердинанд фон Коцебу (August Friedrich Ferdinand von Kotzebue, 3 мая 1761 — 23 марта 1819) — человек, чья захватывающая биография до неправдоподобия напоминает шпионский или детективный роман. Она не нуждается в подробном описании, ибо хорошо известна. Скажем только, что убийство Августа фон Коцебу 23 марта 1819 г. стало одним из самых известных политических убийств начала XIX в. «Это событие всколыхнуло всю Европу не только из-за масштаба личности покойного (сочинения Коцебу ныне не имеют художественной ценности, однако в свое время по популярности его книги соперничали с произведениями Гёте и Шиллера, а на русский язык его переводил, в частности, Н.М. Карамзин), но также из-за его предполагаемой шпионской деятельности в интересах России. Всю жизнь Коцебу был сторонником консервативной политики, а позже стал деятельным пропагандистом русской политической мысли и идей Священного союза. Он был противником романтического течения и студенческих свобод на немецких землях, что сделало его имя одиозным как для молодых литераторов, так и для либералов и националистов. Смерть Коцебу от рук бывшего йенского студента Карла Занда (Sand) стала первым открытым проявлением нового политического движения, которое нашло свое отражение в творчестве А.С. Пушкина»⁴ [Яцук 2014, с. 20]. О том, что Рюрик Коцебу живо интересовался своим предком, свидетельствует содержащаяся в его архиве статья «Das Attentat des Studenten S.»⁵ из немецкого журнала «Stern» (номер и год издания не установлены). А вот интерес к Пушкину был совсем другого свойства, и на нем мы остановимся подробнее ниже.

У Августа Фридриха Фердинанда фон Коцебу было три жены и семнадцать детей. Назовем наиболее известных представителей этой большой семьи. Стоит упомянуть прежде всего Отто Евстафьевича (Августовича) Коцебу (1788–1846) — известный мореплаватель, участник кругосветного плавания под командованием адмирала Ивана Федоровича Крузенштерна, он совершил с 1815 по 1818 г. самостоятельное кругосветное путешествие на бриге «Рюрик» и открыл в Тихом океане 399 островов и залив к юго-востоку от Берингова пролива, позже назван-

³ Кстати, по соседству: В.В. Набоков доживал жизнь в Монтрё, первая часть жизни Р.П. Коцебу вне России прошла в Вёве — эти курортные городки расположены рядом на ривьере Женевского озера.

⁴ Издания А. Коцебу в России исчисляются многими десятками. В библиотеке Пушкина сохранилось две книги Коцебу в переводах на русский язык; его пьесы поэт видел в театральных постановках. «П<ушкин> считал произв. К<оцебу> образцом дурного слога и вкуса, именуемого им насмешливо “коцебятиной”», а сама личность немецкого писателя «вызывала у П<ушкина> резкую и неизменную антипатию, что нашло отражение в эпиграмме “На Стурдзу” (“Холоп венчанного солдата...”) (1819), в стихотворении “Кинжал” (1821), также в приписываемой П<ушкину> эпиграмме “На Аракчеева” (“В столице он — капрал...”) (1819), в пуш<кинских> рисунках...» [Коренева 2004, с. 176].

⁵ Политическое убийство, совершенное студентом З. (нем.).

ный его именем, а в январе 1817 г. — архипелаг Румянцева. Скорее всего, именно название его судна повлияло на выбор имени для нашего героя, Рюрика Коцебу. Василий Евстафьевич (Вильгельм Августович) Коцебу (1813–1887) состоял на русской дипломатической службе, но был не чужд изящной словесности; под псевдонимом Вильгельм Августзон (Wilhelm Augustsohn) опубликовал книгу об отце с полемическим названием «August von Kotzebue. Urteil der Zeitgenossen und Gegenwart» («Август Коцебу. Приговор современников и сегодняшний день». Dresden, 1881). Картины русского живописца-баталиста Александра Евстафьевича (Августовича) Коцебу (1815–1889) из истории Семилетней войны, суворовских походов, Полтавской битвы и поныне украшают стены Зимнего дворца [Большая биографическая энциклопедия 2009].

Прадедом Рюрика Павловича Коцебу был первый сын от третьей жены Августа фон Коцебу, урожденной Крузенштерн, Карл (Карл Фердинанд Константин Вальдемар) Евстафьевич (Августович) Коцебу (1805–1896). Выпускник Императорского Царскосельского лицея, действительный статский советник, дипломат; скончался на консульском посту в Таормине (Сицилия). От брака с Молли Фредерикой Элизабет фон Коскуль (Molly Friederike Elisabeth von Koskull; в честь нее будет названа одна из сестер Рюрика Коцебу) имел троих детей. Дед нашего героя, Эрнест Карлович Коцебу (1838–1914), также дипломат, служил при разных русских дипломатических миссиях в Европе и прошел путь от младшего секретаря до посланника. От брака с Прасковьей (Паулиной) Маврос (1833–1902) у него родились Мария (Мария

Герб рода Коцебу. Девиз: «*Labore et perseverantia*» — «Трудом и упорством»

Мадлен; 1863–1939) и Павел (1865–1947). В коллекции мужского костюма Государственного музея-заповедника «Царское Село» хранятся шесть подлинных костюмов, принадлежавших Эрнесту Карловичу Коцебу. Среди них — два мундира, шляпа, брюки гражданского чиновника (Россия, 1890–1900-е гг.). Коллекцию передал в дар музею швейцарец Евгений Манж (Mange). Даритель был близким другом Рюрика Коцебу, который завещал ему мундиры деда после своей смерти⁶.

Отец Рюрика Павловича Коцебу Павел Аристович (Эрнестович) Коцебу родился в 1865 г. во Франкфурте-на-Майне. Получив военное образование (Тверское кавалерийское юнкерское училище), был выпущен в 6-й лейб-гвардии драгунский Павлоградский полк, где сделал довольно быструю офицерскую карьеру (корнет, поручик, штабс-ротмистр, капитан); окончил Николаевскую академию Генштаба (1895), был участником Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1911 г. командир 175-го пехотного Батуринского полка, во главе которого вступил в Первую ми-

⁶ <http://tzar.ru/info/info-events/title/?id=4970> (дата обращения: 1.03.2016).

ровую войну в составе 44-й пехотной дивизии. Отличился в боях в Галиции, на Сане; уже в первый год войны получил звание генерал-майора и был назначен начальником штаба 29-го армейского корпуса; награжден георгиевским оружием, орденом Св. Георгия 4-й ст. После Февральской революции назначен командиром 47-го армейского корпуса 6-й армии Северного фронта в звании генерал-лейтенанта (1917). Первым браком был женат на Марии Ахиллесовне Коцебу (урожд. Кумбари), имел четырех детей: Люси (1897), Молли (1898), Мадлен (1900; названа в честь родной тетки по отцу) и Рюрика (1903). Развелся после 1917 г. и женился во второй раз. Его второй супругой стала скульптор Лидия Николаевна Гладкая (урожд. Суханова; 1885–1944), автор одной из самых интересных достопримечательностей Бухареста — монументального памятника первым героям-авиаторам. Сын Лидии Коцебу от первого брака был усыновлен П.А. Коцебу и получил его фамилию. Ростислав Коцебу (Rostislav von Kotzebue) написал на основе воспоминаний отчима книгу о роде Коцебу⁷. С 1918 г. до конца жизни П.А. Коцебу с новой семьей жил в Румынии: еще в 1909 г. бабушка Рюрика Коцебу и дочь генерала Николая Мавроса, владевшего землями неподалеку от Бухареста, вернулась в родную вотчину, перестроила в селе Моара Домнеаска старинную каменную церковь Св. Николая Чудотворца. Во дворе церкви Павел и Лидия Коцебу возвели фамильный склеп, где и были позже похоронены (в 1947 г. и в 1954 г. соответственно). Однако с течением времени склеп разрушился, и их останки были перенесены в церковь, под мраморную плиту с надписью на греческом языке.

Мы не случайно так подробно описываем род Рюрика Коцебу. В его сохранившемся архиве имеются записи и фотографии, свидетельствующие о том, что он тщательно собирал свою родословную. В архиве отложилось восемнадцать отдельных картонных листов с приклеенными на них фотографиями членов этой большой семьи — как сейчас сказали бы, клана — и подписями, выполненными от руки на французском языке самим Рюриком Павловичем. Было ли это просто желание сохранить семейную историю или Рюрик Коцебу собирался оформить и издать эти материалы — неизвестно. Несколько страниц его генеалогического труда посвящены двоюродному прадеду Павлу Евстафьевичу Коцебу, прадеду Карлу Евстафьевичу Коцебу, деду Эрнесту Карловичу Коцебу и бабушке Паулине Маврос, отцу Павлу Эрнестовичу Коцебу. Есть также фотокарточки его тети, сестры отца Марии Мадлен (в замужестве графиня Ребиндер (Rehbinder)), а также снимки его двоюродных дядей — офицеров царской армии: адъютанта великого князя Николая Николаевича полковника Александра Павловича Коцебу (1876–1945) с супругой, фрейлиной императрицы Марии Федоровны Надеждой Сергеевной Толстой, и полковника Павла Павловича Коцебу (1884–1945) с супругой Аллен Тью (Allen Tew) (оба брата оказались после революции в эмиграции; похоронены в Ницце на кладбище Кокад).

Также в архиве имеется весьма занимательная генеалогическая роспись, лаконично озаглавленная «Le Cid» и представляющая собой три страницы маши-

⁷ Kotzebue, Paul von. History and genealogy of the Kotzebue family: completed from General Paul von Kotzebue's memories followed by historical data about note-worthy persons / composed and completed by his son R. von Kotzebue. P.: Hervas, 1984.

Павел Аристович (Эрнестович) Коцебу.

На 1-м снимке от руки (Р.П. Коцебу) подписан год и возраст отца.

Под нижним левым снимком написано по-французски: «Он женился на маме в 32 года», а под нижним правым: «с "золотым оружием" — высшим отличием + с крестом св. Георгия»

Паулина Коцебу, урожд. Маврос — «бабушка отца»,
как явствует из подписи

Alexandre (2. Котзебу)
* 18 I 1876 + 1 I 1945

Paul Comte Kotschev
* 20 II 1884 + (Толка)

Nadejda Tolstoi (née Kotschev)
* 3 VIII 1882 + 5 IX 1924

Allen Tew (femme de Paul Comte Kotschev)
* 7 VII 1876 + 1 V 1955 (américain)

Александр Павлович Коцебу и его жена Надежда Сергеевна Толстая
(ошибочно указано «урожденная Коцебу»)
и Павел Павлович Коцебу и его жена Аллен Тью («американка»)

нописи на французском языке (франкоязычное написание личных имен). Она относится к восходящему виду родословной росписи, поскольку объектом исследования является Р.П. Коцебу и устанавливается его самый отдаленный из известных предков. В нашем случае им оказался национальный герой Испании и испанской Реконксты кастильский дворянин, военный и политический деятель, герой испанских народных преданий, поэм, в том числе знаменитой трагедии Корнеля и оперы Массне, — Эль Сид Кампеадор (El Cid Campeador) (Родриго Диас де Вивар (Rodrigo Díaz de Vivar); 1041–1099). Родословие смешанное, так как в нем указаны все прямые предки Рюрика Коцебу по мужской и женской линиям. Как и положено в родословной росписи, она ведется по-

строчно. Колена росписи обозначены римскими цифрами; все упомянутые в ней лица — арабскими со сквозной нумерацией. Однако номер 1 присвоен отнюдь не Рюрику Коцебу и его сестрам (единственный случай в росписи, когда указаны все дети семьи), а их прабабке, баронессе Молли фон Коскуль. Именно от этого рода, а не от фон Коцебу тянется ниточка через всю европейскую историю.

Перечислим несколько имен из этой поколенной росписи (величины арабских цифр, отмечающих членов рода, а также вплетение великой истории в существование нашего скромного героя, впечатляют): Родригес Диас — Сид (XXXI колено, 196.176.896), Бланка Наваррская и Санчес, король Кастильский (XXVIII, 24.522.113 и 112), Альфонс VIII, король кастильский, и Элеонора Английская (XXVII, 12.761.056 и 057), Людовик IX, король французский (Людовик Святой) и Маргарита Прованская (XXV, 3.190.264 и 265), герцогов Арагонских сменяют Валуа, на XX колене к ним примешиваются нидерландские роды, а затем и род немецких графов Нессельроде (с XVII колена, Иоганн VIII Нессельроде обозначен арабской цифрой 12.460), на XV колене в родословной возникает имя графов Шварценберг, а на XII (388) —

Le Cid.			
XXXI	196.176.896	RODRIGUE DIAZ (LE CID) Seigneur de VIVAR	1041 +1099
	196.176.897	XIMENES DIAZ D'ASTURIES	1055 +1104
XXX	98.088.449	ELVIRE DE VIVAR	1080 +
	98.088.448	RAMIRO II Comte de MONÇON	+1116
XXIX	49.044.224	GARCIE RAMIREZ VI Roi de Navarre	1105 +1150
	49.044.225	MARGUERITE DE L'AIGLE	1110 +1141
XXVIII	24.522.113	BLANCHE DE NAVARRE	1136 +1158
	24.522.112	SANCHE III Roi de Castille	1135 +1158
XXVII	12.761.056	ALPHONSE VIII Roi de Castille	1155 +1214
	12.761.057	ELBONORE D'ANGLETERRE	1162 +1214
XXVI	6.380.529	BLANCHE DE CASTILLE	1188 +1252
	6.380.528	LOUIS VIII Roi de France	1187 +1226
XXV	3.190.264	LOUIS IX Roi de France (Saint LOUIS)	1215 +1270
	3.190.265	MARGUERITE DE PROVENCE	1221 +1295
XXIV	1.595.132	PHILIPPE III le Hardi Roi de France	1243 +1271
	1.595.133	ISABELLE D'ARAGON	1245 +1283
XXIII	797.566	CHARLES DE VALOIS	1270 +1325
	797.567	MARGUERITE D'ANJOU NAPLES	+1299

«Сид» (Эль Сид Кампеадор, Родриго Диас де Вивар) — первый лист родословной рода Коскуль

Вальтера фон Плеттенберга, магистра Ливонского ордена, ближе к новым временам мелькают имена Мантойфелей (Manteuffel) и Фитинхофов (Vietinhoff), пока наконец Катарина-Александра, дочь Кристиана-Эвальда фон Мантойфеля от брака с Евдоксией-Маргаретой фон Мирбах (VI, 6 и 7), не выходит замуж за Петера фон Коскуля (V, 2), а его дочь Молли, баронесса фон Коскуль (IV, 1), не становится женой Карла фон Коцебу — уже в России. До появления Рюрика еще три колена, и, как видим, печально прославленный драматург Август Коцебу родственных связей с легендарным испанским героем XI в. не обнаруживает.

Родословная, конечно, более чем сомнительная и никакими документами не подтвержденная, хотя и весьма лестная для Р.П. Коцебу, ведь в ней он объявляется потомком самого Сида. Дата создания этого любопытного документа, который с пиететом хранился в отдельном конверте, неизвестна. Р.П. Коцебу сделал два исправления в хорошо ему знакомых первом и втором коленах: поменял местами имена двух сестер (названная Марией Молли была старше Мадлен) и девичью фамилию своей матери переправил с Ралли (фамилия ее матери) на Кумбари (de Coumbary). Первоначально мы предположили, что генеалогическая роспись возникла в то время, когда Р.П. Коцебу собирался перебраться на жительство в Испанию и, быть может, запасался доказательствами своих испанских (вполне легендарных) корней. Однако позже появилась иная версия, к которой мы в свое время вернемся.

Удивительно, но в архиве Коцебу практически нет фотографий родственников по материнской линии, хотя, судя по подписям на некоторых фотографиях, отправленных уже из Испании, отношения Рюрика с матерью отличались задушевностью и сыновней привязанностью. В переписке он называет ее «дорогой и горячо любимой Мамочкой», посылает ей множество поцелуев и подписывается именем «Пэка», очевидно детским.

Мать Рюрика Коцебу происходила из семьи обрусевших греков. Ее дедом был Степан Иванович Ралли (1821–1902) — представитель большой греческой купеческой семьи, осевшей в Одессе и занимавшейся торговлей в Европе и на Востоке. Семье принадлежали торговые дома «Ralli & Petrocochino» («Ралли и Петрококино»), основанный в 1818 г., и «Ralli Brothers» («Братья Ралли»). В середине XIX в. семья Ралли возглавляла список одесских торговых домов, участвовавших во внешнеторговой деятельности. Степан Иванович Ралли принадлежал к одесским богачам. В 1852 г. он вместе со всей семьей был возведен в почетное потомственное гражданство; в разное время исполнял самые различные должности, приличные его богатству, в том числе депутата Одесского городского собрания, мирового судьи и даже греческого королевского консула в Одессе. 16 ноября 1881 г. решением Бессарабского дворянского депутатского собрания Степан Иванович Ралли получил дворянство. «Дело Бессарабского депутатского собрания о дворянстве Степана Ивановича Ралли» бережно хранилось в архиве Рюрика Коцебу в особом конверте.

Дочь Степана Ивановича Ралли Лукия (Лукерья) Степановна (1853–1894) и ее муж Ахиллес Стаматиевич Кумбари (1841–1909) — бабушка и дедушка Рюрика Коцебу по материнской линии. Ахиллес Стаматиевич, также греческого происхождения, был военным, службу оставил в чине полковника. Любопытный факт

в его военной карьере: в 1874 г. высочайшим приказом он получил назначение адъютантом, а затем в 1878 г. штаб-офицером для особых поручений к командующему войсками Одесского военного округа, которым в те годы являлся граф Павел Евстафьевич Коцебу, двоюродный прадед Рюрика Коцебу по линии отца.

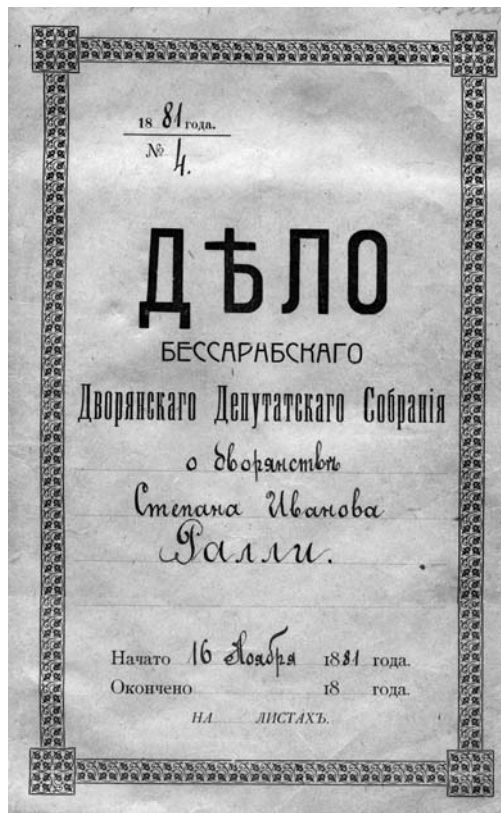
У Лукии Степановны Ралли и Ахиллеса Стаматиевича Кумбари было трое детей: Стаматий, Мария и Петр. Мария Ахиллесовна Кумбари родилась в Одессе 24 июня 1878 г. Была крещена 16 июля того же года в греческой Свято-Троицкой церкви (в архиве сохранилось свидетельство о ее крещении и записи в метрической книге). Мария Ахиллесовна вышла замуж за Павла Эрнестовича Коцебу. После 1917 г. развелась с ним и уехала со всеми четырьмя детьми в Швейцарию, проживала в Лозанне. Умерла 21 ноября 1967 г. и похоронена на кладбище в г. Вёве (Vevey) вместе со свекром Эрнестом Коцебу и его второй женой Александрой Ильинской. Надпись на надгробии гласит: «Ея

превосходительство Марія Ахиллесовна Коцебу, урожд. Кумбари. 24.VI/6.VII. 1878 — 8/21.XI.1967» [Решетов 2009, с. 5–10, 15–17, 21–23].

Рюрик Павлович Коцебу — потомок типичного для старой России дворянского рода. Немецкие дворяне, ставшие офицерами и дипломатами на царской службе, мореплаватели и первопроходцы, те, кто относился к русским с презрением, и те, кто воевал за интересы России на полях сражений. Греческие купцы, добившиеся благодаря богатству и меценатству жалованного дворянства. Какие имена, какие неожиданные сплетения семейных линий и судеб! Сестер нашего героя звали Молли и Люси, и прожили они с этими именами вполне европейские жизни. Но Рюрика словно обязывало помнить об исторической родине само имя — не только легендарного варяжско-русского князя, но и исследовательского судна, на котором плавал предок.

Имеющиеся в его личном архиве материалы можно разделить на несколько групп:

1. Уже упомянутые нами семейные документы: записи, вырезки, картонные страницы с приклеенными на них фотографиями и подписями начиная с одного из самых известных представителей рода — драматурга Августа фон Коцебу.

Первый лист дела о возведении в дворянское звание С.И. Ралли

К этой же группе можно отнести такие документы, как дело Бессарабского дворянского собрания о дворянстве прадеда Рюрика Коцебу Степана Ивановича Ралли, оригиналы свидетельств о крещении матери Рюрика Коцебу Марии Ахиллесовны и самого Рюрика Коцебу.

2. Материалы, рассказывающие нам о детстве Рюрика Коцебу. Это детская фотография Рюрика в окружении сестер Люси, Молли и Мадлен, а также неведомо как сохранившиеся в этой пестрой, но серьезной коллекции школьный учебник по географии и тетрадь для самостоятельных работ.

3. Документы эмигрантского периода жизни Рюрика Коцебу: диплом Университета Лозанны о получении докторской степени в области права; издание тезисов его докторской диссертации, свадебная фотография, рукописи статей, черновики, наброски и т. п.

4. Документы, связанные с жизнью Рюрика Коцебу в Испании. Фотографии, вырезки из газет, программки, книги.

В архиве представлены материалы на русском, французском, немецком и испанском языках; далее иноязычные документы цитируются, как правило, по-русски в нашем переводе. Статья проиллюстрирована фотографиями из личного архива Р.П. Коцебу, ныне хранящегося в ДРЗ, ф. 220.

Итак: Рюрик Павлович фон Коцебу / Rurik P. de Kotzebue родился в семье Павла Аристовича Коцебу и Марии Ахиллесовны Коцебу (в дев. Кумбари) в китайской провинции Гири (Маньчжурия) 18 (31) мая 1903 г. Здесь располагался 14-й Восточно-Сибирский стрелковый полк, входивший в состав 4-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады, штаб-офицером которой был в то время Павел Аристович Коцебу.

Из свидетельства о крещении Рюрика Коцебу:

На основании ст<атьи> 925 Св<ода> зак<онов> т. IX (о состояниях) изд<ания> 1899 года дано сие, с приложением казенной печати, в удостоверение того, что в метрической книге церкви 14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка за 1903 год части I о родившихся мужского пола в статье под № 3-м, записано: тысяча девятьсот третьего года мая восемнадцатого родился и того же года июня четырнадцатого крещен Рюрик. Родители его: Генерального штаба подполковник Павел Аристович Коцебу и законная его жена Мария Ахиллесовна, оба православные. Восприемниками были Генерального штаба генерал-майор Павел Оскарович Папенгут и жена агента Министерства иностранных дел Надежда Александровна Люба, вице-адмирал Петр Рюрикович Коцебу и княгиня Елизавета Степановна Лобанова-Ростовская. Таинство крещения совершил священник Алексей Семов.

Причитающийся гербовый сбор уплачен.

С.-Петербург, октября 30 дня, 1904 года.

Член Духовного правления при протопресвитере военного и морского духовенства священник Ф. Ласкеев.

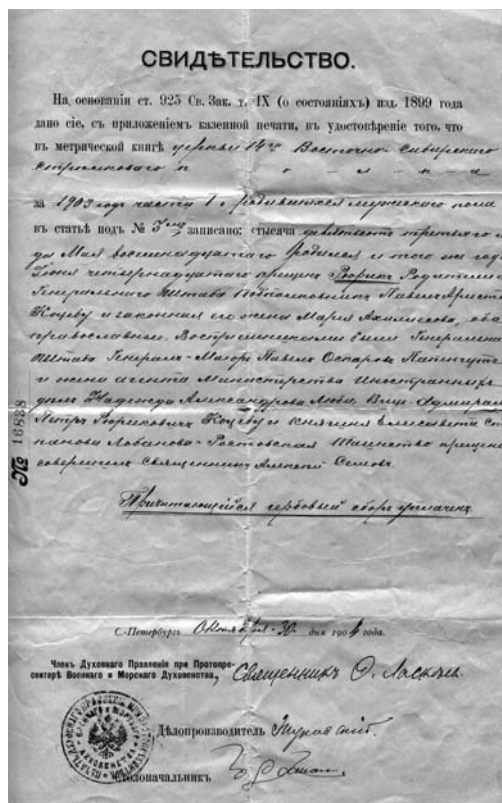
Е.С. Лобанова-Ростовская — двоюродная бабушка Рюрика Коцебу по отцу, супруга Алексея Николаевича Лобанова-Ростовского. Отчество вице-адмирала

указывает, что имя Рюрик стало для мужчин из клана Коцебу родовым.

О детстве Рюрика свидетельств сохранилось ничтожно мало. Известно, что с детства мальчик занимался музыкой: с четырех лет учился игре на скрипке, а с девяти лет — на фортепиано, пел в церковном хоре. Только два предмета в архивной коллекции повествуют о детских годах нашего героя — это школьный учебник «Начальный курс географии. Часть 2-я. Азия. Африка. Америка. Австралия. Составил Г.И. Иванов, преподаватель С.-Петербургской 2-й гимназии. Издание 4-е, дополненное рассказами о путешествиях», а также «Тетрадь для самостоятельных работ по географии ученика 1-го класса Рюрика Павловича Коцебу». Гимназический учебник из нашей коллекции вдоль и поперек испещрен бесчисленными детскими рисунками (преимущественно военно-морской тематики). Возможно, покидая родину, 14-летний подросток полагал, что в пути и на новом месте это вещи самые необходимые — и хранил их всю жизнь.

В эмиграции Рюрик Коцебу жил в Лозанне с матерью и старшими сестрами: Люси (22 января 1897, Люблин, царство Польское — 13 апреля 1987, Лозанна, Швейцария), Молли (5 декабря 1898, Варшава, царство Польское — 9 марта 1986, Ле-Монт-сюр-Лозанна, Швейцария), Мадлен (28 ноября 1899, Варшава, царство Польское — 3 мая 1999, Мадрид, Испания)⁸. Все три сестры замужем не были и детей не имели. Во франкоязычном кантоне Во (Vaud), где находится Лозанна, немецкая дворянская частица фамилии von была заменена на французскую de, более не актуальную в современном русском написании фамилии.

Русским языком столь рано покинувший родину Рюрик Павлович всю жизнь владел безупречно. Он, несомненно, напоминает Мартына из романа В. Набокова-Сирина «Подвиг» не только местом жительства: «Все было серо, шел мелкий дождь, когда он прибыл в Лозанну. Повыше в горах пахло мокрым снегом, капало с деревьев: ноябрь вдруг отсырел после первых морозов. <...> Воздух был тусклый,

Запись в метрической книге церкви
14-го Восточно-Сибирского стрелкового полка
о рождении и крещении Р.П. Коцебу

⁸ Имена сестер нам известны по архиву только в этих формах, за исключением Молли — в родословной «Le Cid» она названа Марией.

Начальный курс географии Г.И. Иванова: издание 4-е, «дополненное рассказами о путешествиях» и рисунками владельца, Рюрика Коцебу

через тропу местами пролегли корни, черная хвоя иногда задевала за плечо, темная тропа вилась между стволов, живописно и таинственно» [Набоков 1932, с. 237], — но и непостижными европейскому уму идеями: «Ведь есть еще, — как бы сказать? — любовь, нежность к земле, тысячи чувств, довольно таинственных» [Там же, с. 179]. Многое, многое из неизвестной нам молодости Рюрика Коцебу, что невозможно почерпнуть из архива, — завершение школы, выбор профессии, студенческие годы и, главное, не ослабшая, а только крепнущая связь с оставленной Россией, мысли об ее историческом пути, национальная самоидентификация и осознание себя русским патриотом — связывает нашего героя с героем романа Набокова; вот только замысел осуществить безрассудный подвиг — взглянуть на родину — в голову ему не пришел; зато пришли иные идеи. Как эти мальчики с европейской кровью в жилах, уехавшие так рано из России и получившие достойное европейское образование, делали выбор в пользу оставленной страны, каким седьмым чувством ощущали свое с ней родство? Оставались лицами без гражданства, с нансеновским паспортом — как Рюрик Коцебу — и были одержимы идеями о ее спасении, о грядущем возрождении?

Впрочем, к тому времени, когда В.В. Набоков, который был старше нашего героя на пять лет, публикует в «Современных записках» (1931) свой роман, Р. Коцебу уже окончил юридический факультет Университета Лозанны. В машинописном

Curriculum vitae, составленном им в 1938 г. на французском языке и также хранящемся в архиве, он указывает, что зарабатывает на жизнь «как преподаватель языков и иногда как юрист и журналист». В том же документе сообщается, что свою политическую активность он начал в 1926 г., основав в Лозанне Национальную русскую группу (Groupe Nationale Russe) и Национальный русский комитет в Швейцарии (Comité National Russe en Suisse) и став их председателем (président). Программа этих организаций, как и самого Рюрика Коцебу, не отличалась оригинальностью, совпадая с устремлениями большей части белой эмиграции: борьба с большевиками.

Далее в своем кратком жизнеописании Р.П. Коцебу приводит примеры этой борьбы: в 1926 г. он выступал против «франк-масонов, которые провоцировали раскол русской православной церкви за рубежом»; в 1931 г. он участвовал в протестах общественности против «безбожного СССР»; в 1932 г., привлекая на свою сторону «все буржуазные газеты Лозанны», постарался сорвать доклад «большевика Самойловича» в Народном доме (Maison de Peuple) Лозанны, за что подвергся «жестокому преследованию» со стороны полиции кантона Во. С 1926 г. Р. Коцебу — руководитель русских националистов Швейцарии (само определение в названии созданных им организаций легко дезавуирует идеологическую ориентацию Р. Коцебу; свой антисемитизм он считает доблестью). Он «выступает с докладами, по-русски и по-французски» против большевиков и масонов в Лозанне, Женеве, Монтрё и Цюрихе, за что на него «постоянно нападают социалистические швейцарские газеты» (в качестве примера он ссылается на цюрихскую газету «Volksrecht» от 26.VIII.1937, единственную, кстати, в то время швейцарскую социал-демократическую газету).

Сообщается в CV и об одном из тех нескольких докладов, чьи машинописные тексты сохранились в архиве Р.П. Коцебу. Доклады на французском языке были прочитаны им в конце 1930-х гг. в отеле «Александра» в Лозанне (avenue de Rumine, 20; этот отель существовал в 1909–1975 гг.) на собраниях Русской национальной группы. Автор сохранил в своем архиве тексты двух докладов (conférences):

— «L'instruction au temps des tzars et sous les soviets» (с опечаткой в последнем слове: sovits; «Образование во времена царей и при Советах»), 21 машинописная страница с авторской правкой простым карандашом. Доклад прочитан в воскресенье 17 марта 1935 г.;

— «Quelques aspects de L'Empire de Russie» («Некоторые аспекты Российской империи»), 26 машинописных страниц с авторской правкой простым карандашом. Доклад прочитан в воскресенье 4 апреля 1937 г. в 20.30.

В самом CV упомянут (без названия) доклад, прочитанный в 1936 г. «в присутствии советников кантона Во» и посвященный раскрытию «подлинной причины войны 1914 г.» (Р. Коцебу твердо придерживался теории заговора против России и Германии). Вероятно, еще один машинописный текст, отложившийся в архиве и озаглавленный «Le peuple russe et la guerre» («Русский народ и война»), также является докладом или, поскольку текст намного короче предыдущих (3 страницы с одинарным интервалом между строками, без правки), статьей, предназначенной для печати. Это недатированный текст однако уже по первой

фразе можно полагать, что он написан в 1941 г.: «Война на востоке выдвинула на первый план злободневный русский вопрос; ему посвящено множество глубоких статей, но, следует признать, далеко не во всех из них эта тема прослежена с необходимой полнотой и с опорой на все желательные информационные источники». Заканчивается проникнутый патриотизмом и антибольшевистский по своему пафосу текст следующими словами: «За свою историю Россия блестяще исполнила миссию христианского и европейского государства. Эта миссия не закончена, и русский народ, закаленный огнем и кровью, выходит из большевистского эксперимента, готовый к новому. Самое пламенное желание русских патриотов состоит в том, что Западная Европа сумеет наконец узнать и оценить тех русских, которые обеспечат лояльное сотрудничество в будущей Европе».

О том, с кем собирался Рюрик фон Коцебу сотрудничать в будущей Европе, свидетельствуют еще несколько документов из его небольшого собрания. Как руководитель «национального» русского объединения, он с симпатией относился к германскому национал-социализму и в сентябре 1938 г. отправился в Нюрнберг, где 5–12 сентября состоялся X съезд НСДАП, известный как «Съезд Великой Германии» (*Reichsparteitag Großdeutschland*). Четыре рукописных текста на французском языке, со сквозной нумерацией (1–10), сложенных с нарушением хронологии страниц, датированы: 5 сентября (лист, с двух сторон исписанный черным пером, с исправлениями, озаглавленный «*Le Congrès de Nuremberg*» и подписанный R. de Kotzebue); 6 сентября (карандашный текст на трех страницах под названием «*Le Proclamation de Führer*», с очень большим количеством зачеркиваний, исправлений; подпись R. de K.); 9 сентября (полстраницы пером, с единственным исправлением — зачеркнуто написанное с помарками и вписано сверху имя Goebbels — Геббельс; текст без названия с подписью R. de Kotzebue); 11 сентября (четыре страницы карандашом под названием, повторяющим название немецкой кинокомедии 1931 г. «*Le Congrès s'amuse*» (с аллюзией на драму В. Гюго «Король забавляется») — «Конгресс забавляется», о Венском конгрессе 1814 г.; текст испещрен исправлениями карандашом и пером, подписан R. de K.). Последний текст интересен не как попытка записать в зале или сразу после заседания слова Гитлера или Геббельса, а зарисовками «закулисной» атмосферы съезда Национал-социалистической партии, через два месяца после которого была объявлена «Хрустальная ночь» и трагические события в Европе стали набирать катастрофический оборот. Всего вероятнее, Р. Коцебу был аккредитован на этом съезде как корреспондент какой-либо правой швейцарской газеты и писал свои заметки для прессы.

Еще один машинописный текст создан по случаю знакомства и беседы «во время недавнего путешествия» с высокопоставленным японским военным, генералом Шиоденом (*Nobutaka Shiōden*, 1878–1962; генерал-лейтенант Императорской армии Японии). Это машинопись на французском языке на четырех страницах, озаглавленная «*Le conflit Sino-Japonais*» («Китайско-японский конфликт»), подписанная R. de Kotzebue и недатированная. В тексте упоминаются события, происходившие в течение 1937 г. и нашедшие отражение на страницах «*The Daily Mirror*»; Р. Коцебу между тем аттестует генерала как участника Конференции по

разоружению в Женеве «два года назад». Но конференции состоялись в 1932 и в 1933 гг., после выхода Германии из Лиги Наций (1933) не проводились. Текст создан не ранее 1937 г., но не позже начала 1938 г.

Занятия юриспруденцией также оставили следы в архиве нашего героя, однако к единственному отложившемуся машинописному тексту нет ни сопроводительных помет, ни проставленных дат, так что мы можем лишь упомянуть сохранившуюся бумагу: это обращение в Федеральный суд Швейцарии по вопросу о высокогорном строительстве (на французском языке).

То, что Рюрик Коцебу, живший в нейтральной благополучной Швейцарии, горячо волновался о происходящем в мире, где ведутся войны, свидетельствует еще один текст, написанный на двух языках — на французском и немецком, — вскоре после нападения фашистской Германии на Советский Союз. Озаглавленный по-французски «*Les Russes blancs en face de la guerre antisovietique*» («Белые русские перед лицом антисоветской войны»), а по-немецки «*Erklärung des Russischen Nationalkomitees in der Schweiz*» («Разъяснение Русского национального комитета в Швейцарии»), этот текст (по одной странице машинописи) представляет собой отклик на опубликованное в «*The Times*» 25 июня 1941 г. открытое письмо Е.В. Саблина, последнего посла России в Великобритании до прихода к власти большевиков. Это обращение, полное сочувствия к русскому народу, на который вероломно обрушился всей своей военной мощью Третий рейх, и призывающее к всемерной помощи вступившему в войну Советскому Союзу, дает важный ключ к пониманию того, как удалось Саблину сплотить немногочисленную русскую колонию в межвоенной Англии и пользоваться уважением у официального Лондона, каким может пользоваться только действующий посол великой державы.

Р. Коцебу реагирует на «воззвание господина Саблина», которое «распространили английские пресса и радио». Председателя русских националистов в Швейцарии возмутило, что Е.В. Саблин выступил от имени «русской колонии в Англии» и от имени русских эмигрантов в целом. Отметим, что воззвание Саблина и в Англии не у всех вызвало однозначную реакцию (в частности, не возбудило восторга у Г.П. Струве). Это «сочувствие русскому народу отнюдь не равно признанию законности советского правительства, — пересказывает ответ Саблина оппонентам современная исследовательница, — он лишь высказал общие чувства большой группы эмигрантов» [Казнина 2001, с. 169]. О.А. Казнина цитирует аргументы Саблина из частных писем, в том числе и Г.П. Струве: «Появилась тяга в Россию. Возможно, конечно, что лишь на словах. Но во всяком случае, проявляется самое обыкновенное патриотическое настроение. Это настроение я и уловил, и о нем засвидетельствовал в Таймс. Мое письмо не являлось декларацией. Я против каких бы то ни было деклараций ввиду вообще полной незначительности эмиграции. Не упускайте из виду, что нас, т. е. лиц, не принявших иностранных подданств, осталось очень мало. Но какую-то манифестацию нужно было сделать, и я ее сделал»⁹. И далее, о патриотизме: «Для меня в момент, решающий судьбы

⁹ Английский журналист Альберт Аксель, автор книги «Герои России. 1941–1945» (2001), полагает, что вся русская эмиграция была охвачена единым патриотическим порывом и сочувствием к Советскому Союзу. Поскольку это весьма характерное мнение, приведем целиком соответствующий пассаж из его кни-

нашей страны, нашего отечества <...> нет никакого различия между гражданами России, независимо от их политических верований <...> для меня они все ныне одинаково русские люди...» При всех разочарованиях и коррекции некоторых взглядов на ход исторических событий Саблин признавался: «От моей русскости я никогда не избавлюсь. Для меня Россия превыше всего. В нее я верю, и в конечном итоге спасение придет оттуда» [Казнина 2001, с. 170].

Те же чувства любви и сочувствия к оставленному отечеству испытывал и Р.П. Коцебу. Но все русское зарубежье, от Тихого океана до Атлантики, никогда и не бывшее единым, теперь окончательно разъединилось: «Начало Второй мировой войны и особенно — нападение фашистской Германии на Советский Союз раскололо русскую эмиграцию», — привычно отмечают историки этот *locus communis* российской эмигрантологии [Наземцева 2016, 138]. Коцебу решительно оспаривает само право кого-либо высказывать мнение о судьбе России, отличное от его собственного: «Саблин не имеет никакого права говорить от имени белых русских», — и прежде всего на том основании, что Саблин был среди тех, кто поддержал Февральскую революцию. Особенно Коцебу потрясен тем, что Саблин посмел сравнить начавшуюся войну с «Отечественной войной 1812 года» — для потомка Августа фон Коцебу, прославившегося своими антинаполеоновскими воззваниями, трепетное отношение к той кампании понятно. Однако правда оказалась на стороне Саблина, и война сразу получила название Отечественной, Великой Отечественной в советской историографии.

Полагая, что начавшаяся война — это крестовый поход против большевизма, Р. Коцебу вопрошает: «Что общего с 1812 годом, когда население, вооружившись косами и вилами, дало отпор вражескому нашествию? Что общего между славными воинами Кутузова и несчастными красноармейцами — подневольными солдатами III Интернационала?» Любопытно, что и цитату из басни И.А. Крылова «Волк на псарне», имеющую прозрачную аллюзию на изгнание Наполеона из России («Ты сер, а я, приятель, сед...» — «понятное каждому русскому выражение»), Р. Коцебу относит не на счет напавшего врага, а на счет большевиков, захвативших родную страну. По мнению Коцебу, русские — «православные и национально <ориентированные>» — должны наконец объединиться, ибо теперь «долг всякого русского — всеми силами бороться с безбожной советской властью».

Тогда же, под датой, проставленной одновременно по старому и по новому стилю (17/30 июня 1941 г.), через неделю после нападения Германии на Совет-

ги: «Когда в июне 1941 г. весть о гитлеровском вторжении пронеслась по всему миру, русская эмиграция, люди <masses of> различных религиозных и политических убеждений, от членов царской семьи и иерархов православной церкви до таксистов и интеллигенции (включая тех, кто яростнее всех ненавидел большевиков), преисполнились сочувствия к России в тяжкую для нее минуту. На третий день после нападения, 25 июня 1941 г. “Таймс” (Лондон) опубликовала письмо великого князя Всеволода, племянника Николая II, царя, казненного большевиками. “Мы сражаемся, — писал великий князь, — с общим врагом, и какими бы ни были наши разногласия в прошлом, я считаю, что все славянские народы должны объединиться, чтобы избавить мир от нацизма”» [Axel 2001, p. 18]. Великий князь Всеволод Иванович Романов (1914–1973) был дальним кузеном Николая II и его крестником; последним мужским потомком Константина Николаевича, брата Николая I. Его отец был казнен в 1918 г., мать, сербская принцесса, уехала с детьми в Сербию и русскому языку их не учила. В эмиграции великий князь Всеволод Романов жил в Великобритании.

ский Союз, написан другой любопытный документ. В архиве он отложился как копия письма Николаю Евгеньевичу Маркову (1866–1945), русскому эмигранту, публицисту, политику правых взглядов, стороннику европейских фашистских режимов. Н.Е. Марков, публиковавшийся в немецкой прессе 1930-х гг., поддерживал нападение Германии на Советский Союз. В 1935 г. в Эрфурте Марков вступил в русскую секцию нацистской «Мировой службы» («Weltdienst»), редактировал ее еженедельник, в 1939 г., вслед за редакцией «Мировой службы», переехал во Франкфурт, а в конце войны, потеряв жилье в результате бомбежек, в Висбаден, где и скончался за две недели до капитуляции фашистской Германии. О предвоенном перемещении своего адресата Рюрик Коцебу не был осведомлен и отправил ему письмо по старому адресу, в Эрфурт.

Письмо это, написанное по-русски¹⁰, примечательно в нескольких аспектах. Во-первых, желанием послужить «освобождаемой» России горит немолодой человек, обращающийся за содействием к старику: о ставке на войну как на смену государственного устройства в России еще могло мечтать уходящее (почти ушедшее) с историко-политической сцены старшее поколение эмиграции; молодежь смотрела на свое будущее и на будущее России и Европы иначе. О том, что Марков практически отошел от активной деятельности, Р. Коцебу не знает и начинает письмо с обеспокоенности, что «давно, очень давно не име<ет> никаких известий» от своего адресата: «Со времени войны, по легко понятным причинам, я фактически не мог поддерживать постоянной связи с нашими единомышленниками в различных странах, и приходилось ориентироваться исключительно личным чутьем, которое, кстати сказать, меня не обмануло». Письмо написано не без патетики, это подтверждает и небольшая стилистическая правка. Например, обыденное русское наречие «теперь» исправлено на древнеславянское «ныне»: «Ныне настал долгожданный час...»¹¹ Однако Р. Коцебу полностью обманут своим «чутьем» — он ожидает «национальной революции», восстания в России против большевистской тирании.

Во-вторых, обращаясь к теме «русская эмиграция и Вторая мировая война», исследователь, стремящийся к исторической верности, не может обойти молчанием существование в зарубежье столь сильных антибольшевистских, антисоветских настроений, что даже внешняя агрессия казалась части эмиграции «спасительной», если речь шла о свержении ненавистой власти. Нельзя, однако, отказать в патриотизме тем русским «белоэмигрантам», кто стоял на последовательных монархистских, антисоветских позициях. Сформулированы искренние патриотические порывы в письме Рюрика Коцебу совершенно в тех же словах, в каких думала и писала в мрачные для Европы и России дни и антифашистски настроенная эмиграция: «В этот решительный момент каждый истинно русский человек должен пожертвовать всем для достижения победоносного конца». Только под флагом со свастикой конец оказался иным. Надо сказать, что Рюрик Коцебу

¹⁰ Мы процитируем выдержки из него в современной орфографии и пунктуации (отметим, впрочем, что исправления оказались незначительными).

¹¹ И вновь трудно избежать литературной ассоциации — «Как ныне собирается вещий Олег...».

отлично владеет словом, недаром его жизнь завершилась поприщем преподавателя русского языка; но слово бывает коварным союзником, когда выражаемые им идеи идут вразрез с истиной. Так и в этом случае — одно слово, «конец», венчающее столь пафосные строки, заранее предсказывает плачевный исход боевых планов: «Теперь я пламенно желаю послужить непосредственно и как можно активнее святому делу освобождения Родины от иудо-большевиков и уже начал готовиться к отъезду; за мною последуют из Швейцарии, по мере возможности, несколько человек эмигрантов». Но планы весьма неопределенны: Коцебу просит Маркова «ориентировать» его «указанием, где и чем» он может быть полезен, и «рекомендовать» его «кому следует». Тут же сообщается, что Р. Коцебу собирается писать генералу Бискупскому¹², но с ним он даже не знаком лично.

Наконец, третье, чем примечательно это послание, — освещение весьма немаловажного факта эмигрантской судьбы Рюрика Коцебу. «Как Вам известно, — пишет он, — окончив юридический факультет в Лозанне, я в свое время не принял иностранного подданства, сознательно отказываясь от возможного личного благополучия. Все силы свои я посвятил патриотической работе, и, стоя во главе Русского национального комитета в Швейцарии, созданного мною 15 лет тому назад, приобрел немалый опыт в организационном деле, а равно в письменной и устной пропаганде наших идей (статьи, речи, доклады по радио и т. п.)». Действительно, Р.П. Коцебу жил по нансеновскому паспорту. Разумеется, образование в области права могло приносить неплохие дивиденды в Швейцарии, но его политические убеждения мешали Р. Коцебу стать полноценным «гражданином кантона Во». В продолжение своих иллюзий о «новом порядке» в Европе он даже вступил в переписку с Жаном-Мари Мюзи (Musy; 1976–1952), крупным швейцарским политиком, но по незначительному поводу (уточнений к одной газетной публикации). Р. Коцебу обращается к своему адресату¹³ «господин Президент», однако Мюзи находился на посту президента Швейцарии в 1925 г. и в 1935 г.; он был, без сомнения, единомышленником русского эмигранта в своих профашистских симпатиях и антикоммунистических антипатиях (что не помешало ему, пользуясь личными отношениями с Гимлером, спасти евреев, направив конвой из 1200 человек из концлагеря Терезиенштадт в Швейцарию).

Политика не препятствовала личной жизни. За год до нападения Гитлера на Россию, 14 мая 1940 г., Рюрик Коцебу женился на Габриэль Вотье (Gabrielle Vautier; 24 июня 1902, Грандсон, кантон Во, Швейцария — 29 сентября 1994, Лозанна, Швейцария). Планы по активному спасению России от большевиков не осуществились, а 11 июля 1944 г. у четы Коцебу-Вотье родился сын Николай (Nicolas de Kotzebue Vautier). В разгар войны, от которой безмятежная Лозанна на берегу Женевского озера была бесконечно далека, Р.П. Коцебу устремляет свою энергию

¹² Бискупский Василий Васильевич (1878–1945) — русский генерал, в эмиграции жил в Мюнхене, был лично знаком с Гитлером; с 1936 г. начальник Управления делами российской эмиграции в Берлине. Одоблив нападение Германии на СССР, полагал, что Гитлер должен быть заменен другим лицом, который понимал бы значение русской эмиграции для борьбы с большевизмом. За несогласие с гитлеровской политикой в отношении военнопленных в конце войны был отправлен в отставку.

¹³ Копия в архиве, на французском языке, письмо датировано 31 августа 1942 г.

в другое русло, вернее, сочетает сразу два вида деятельности: правоведа, что должно было, вероятно, доставить ему то благополучие, которое обычно связано с юридическим образованием, и переводчика, что стало началом нового служения нашего героя России, на почве русской словесности.

Рюрик Коцебу вернулся к своим занятиям правом в области «чистой науки» (*la science juridique pure*), защитив диссертацию в Лозаннском университете в 1945 г. В архиве имеется оригинал докторского диплома, выданного Университетом Лозанны, и тезисы докторской диссертации Р. Коцебу: «*Compensation et Procédure: essai de critique et de juridique pure. Thèse de licence et de doctorat présenté a la Faculté de droit de L'Université de Lausanne*» (Lausanne: Imprimeries réunies S.A., 1945)¹⁴. В архиве сохранилось несколько документов, объединенных одним сюжетом. Это дружеское письмо от Фрэнсиса Йо (Yaux), с обращением «*Cher ami*» и с сообщением о его намерении «пред-

«Дети генерала Коцебу»: Рюрик с сестрами Люси, Молли и Мадлен; свадебное фото — с первой супругой Габриэль Вотье

¹⁴ «Компенсация и процедура: критический и собственно юридический анализ. Докторская диссертация, представленная на факультете права Лозаннского университета».

ставить читателям «Социально-экономического обозрения» твою <Рюрика Коцебу> столь блестящую, только что опубликованную диссертацию»¹⁵. Письмо датировано 21 декабря 1945 г., Ф. Йо сообщает, что в редакции отвели в следующем номере от 4 до 5 страниц в рубрике «Documents» («Источники»): «Мы подготовим твоё изложение несколькими строками введения, сообщающего о выходе твоего труда, а дальше предоставим тебе самому развивать свои главные идеи». Кроме того, за обзор собственного сочинения Р. Коцебу полагается «небесполезный» гонорар в 50 (швейцарских) франков, что позволяет его корреспонденту обыграть главную тему — «компенсация за труды». Публикация в № 1 лозаннского социально-экономического журнала выглядит в полном соответствии с изложенным в письме Ф. Йо планом: собственная статья Рюрика Коцебу, уже в ипостаси «доктора права», освещающая некоторые аспекты его монографии, с кратким редакционным предисловием¹⁶. В архиве сохранился текст этой статьи с правкой (семь страниц машинописи на французском языке под заглавием «La compensation» и с подписью R. de Kotzebue); к машинописи прикреплена визитная карточка Фрэнсиса Йо, полномочного представителя Банка кантона Во (Banque cantonale vaudoise), с датой 2 января 1946 г. и несколькими дружескими словами (по-французски); он возвращает автору оригинал уже напечатанной в журнале статьи. При публикации авторское широкое название «Компенсация» было заменено на узкоспециальное «Юридическое понятие компенсации». Одновременно появился и отклик на монографию, также по-французски, в выходящей в Цюрихе «Швейцарской газете юристов». К сохранившемуся в архиве газетному листу с рецензией Андре Паншо¹⁷ приколото послание на бланке редакции с сообщением, что рецензия уже отпечатана, поэтому исправление опечаток будет помещено в следующем номере.

Начинается рецензия с восхищения огромной библиографией (28 страниц), заканчивается признанием в авторе прирожденного юриста (собственно, «породистого» — *de race*). Отдельное внимание уделено «привлекательному стилю изложения»: несколько раз повторяется, какое «удовольствие» читателю доставляет слог юридического сочинения. Между прочим, речь идет о великолепном знании нашим героем французского языка. Пожалуй, сейчас самое время обратиться к еще одному роду занятий Рюрика Коцебу и еще одному его труду, который появился практически вместе с диссертацией. Поскольку выход книги не всегда совпадает со временем ее создания, то мы не можем уверенно сказать, занимался ли Рюрик Коцебу переводом с русского на французский во время войны или обратился к художественному переводу гораздо раньше. Но в 1944 г. в Лозанне вышла еще одна книга, где стояло его имя: перевод на французский язык повести

¹⁵ Revue économique et sociale: bulletin de la Société d'Etudes Economiques et Sociales (Lausanne).

¹⁶ Kotzebue R., *de*. Notion juridique de la compensation // Revue économique et sociale: bulletin de la Société d'Etudes Economiques et Sociales. 1946. Vol. 4. № 1. P. 80–85. См. текст публикации на сайте журнала (все его номера оцифрованы и находятся в свободном доступе; дата обращения: 7.03.2016): <http://retro.seals.ch/digbib/view2?pid=res-001:1946:4:84>.

¹⁷ Panchaud A. De Kotzebue Rurik. Compensation et Procédure: essai de critique et de juridique pure. LIV et 561 p. (Lausanne 1945. Imprimeries réunies S.A.) // Schweizerische Juristen-Zeitung. 1946. Heft 2. S. 31.

А.С. Пушкина «Капитанская дочка»¹⁸. Надо сказать, что французский читатель получил в свое распоряжение текст пушкинской повести еще в середине XIX в.¹⁹; с тех пор перевод, выполненный Луи Виардо, многократно переиздавался. За столетие появились и другие переводы, в том числе и с участием русской эмиграции²⁰. Не беремся судить о качествах перевода Рюрика Коцебу, однако его «Капитанская дочка» не затерялась среди ее более или менее удачных переложений на французский язык: уже в 1950 г. этот перевод был переиздан с цветными иллюстрациями в парижском издательстве²¹.

Выбор именно этой книги для перевода объясняет многое — если не всё — в тех патриотических убеждениях и политических пристрастиях, которым Р. Коцебу был верен всю жизнь. Благородный нравственный императив пушкинской повести, ее пропитанный понятиями долга и верности стержневой мотив «береги честь смолоду», отвращение к «бессмысленному и беспощадному» народному бунту и глубокая вера в справедливость и «милость к падшим» верховной (царской) власти оставались вечно привлекательным идеалом дворянского поведения, кодекс которого казался безнадежно утраченным к середине XX столетия. Но и здесь не все так однозначно. В процитированном выше обращении от лица Русского национального комитета Р. Коцебу уповает именно на революционное возмущение против большевистского правления; из английских медийных сообщений с начала войны ему хорошо было известно о героическом сопротивлении русского народа фашистскому захватчику, о его ратном подвиге и моральной стойкости. Пушкинские уроки не пропали втуне, и советский человек, за несколько лет до новой Отечественной войны с размахом отметивший трагический юбилей гибели своего национального поэта, поднялся, как и многие представители русского зарубежья, именно в убеждении своей исторической правоты и нравственного превосходства, на борьбу с завоевателем. Русская литература о войне знает героев, подобных Петруше Гриневу, и Савельичу, и Пугачеву (так! — этому полудикому народному вождю), и семье капитана Миронова, знает и предателей вроде Швабрина. «Капитанская дочка» — пушкинский завет русскому человеку на все времена, и ее перевод с родного языка на тот, на котором была прожита уже вся сознательная жизнь, представляется важным духовным этапом в жизни Рюрика Коцебу. У него были твердые убеждения,

¹⁸ Pouchkine A. La fille du capitane / trad. du russe par R. de Kotzebue. Lausanne: Mermod, 1944. 287 p. Это издание есть в богатом пушкинисткой собрании Национальной библиотеки Франции (BNF, Париж).

¹⁹ La Fille du capitaine, par Alexandre Pouschkine / trad. de L. Viardot. P.: Hachette, 1853. 181 p.

²⁰ Pouchkine A.. La fille du capitaine / nouvelle traduction intégrale par H. de Witte, avec une préface spécialement écrite pour cette édition, par N. Pouchkine, une introduction de M. Hofmann. P.: Payot, 1929. 255 p. В этом издании, как мы видим из описания, принимали участие потомок поэта и известный пушкинист М.Л. Гофман. Всего через несколько лет — новый проект: Pouchkine A.S. La fille du capitaine / traduit du russe par E. Semenoff. P.: Larousse, 1932. 237 p. К столетию смерти великого русского поэта — новое издание: Pouchkine A. La fille du capitaine / trad. par M. Alexandre. P.: Gründ, 1937.

²¹ Pouchkine A. La fille du capitaine / trad. de R. de Kotzebue; illustrations de P. Rousseau. P.: Éditions G.P., 1950. 192 p. А ведь незадолго перед этим переизданием появилось двухтомное (!), хотя и малоформатное издание «Капитанской дочки», где в первом томе был размещен текст, а во втором — комментарии: Pouchkine. La fille du capitaine [Texte imprimé] / trad. et préfacé par R. Labry. P.: Ed. Mouton, 1947–1948. 2 vol. (Collection bilingue des classiques étrangers). Vol. I: Texte. Vol. II: Commentaires.

ему были свойственны и заблуждения, которые часть русской эмиграции привели к сотрудничеству с врагом родины. К счастью для Р. Коцебу, он жил в Швейцарии (привет Мартыну Эдельвейсу!), и его участие в войне не состоялось. Его переводческая работа над «Капитанской дочкой» выглядит как попытка осознать очевидный к 1944 г. крах собственных идейных заблуждений и осмыслить современную российскую историю через категории художественной правды Пушкина.

В архиве Р.П. Коцебу отложилось советское издание «Капитанской дочки» послевоенного времени (М.: Государственное издательство художественной литературы, 1952). Тонкая книжка в мягкой обложке относится уже к испанскому периоду жизни нашего героя, содержит его пометы карандашом и чернилами и, вероятно, активно использовалась на его занятиях по русскому языку и литературе в Университете Саламанки; на титульном листе сохранилась владельческая надпись: «Проф. Р. Коцебу. Саламанка». Помет немного, но они весьма характерны. Это, конечно, некоторые испанские слова, по известной практике подписанные на полях рядом с русскими. Чаще всего это слова, которых нет в активном употреблении человека, даже блестяще владеющего иностранным языком, например: «голубушка» (с. 54), «сборище» (с. 56), «удалой» (с. 58), «дрема клонит» (с. 59), «Савельич крикнул» (с. 61) и под. Это исправления русских слов, если Р. Коцебу казалось, что допущена опечатка (например, «стояли три или четыре скирда сена», с. 19 — исправлено на «скирды»; «мы приблизились», с. 31 — исправлено на «прибылились» и под.). Но самым важным для владельца книги было последовательное, по всему тексту исправление слов, писавшихся со строчной буквы по «советской» орфографии, столь ненавистной именно в этом случае И.А. Бунину: Р. Коцебу везде жирно, чернилами, подписывает заглавную букву в словах Бог и Господь, а также Государь.

Для Р. Коцебу подобное написание неприемлемо даже больше, чем для нобелевского лауреата. Помимо принципиальных политических взглядов, которым, как известно, все же свойственно меняться, Рюрика Коцебу отличала глубокая искренняя религиозность. Он был примерным прихожанином православных церквей Святой Варвары в Вёве и Рождества Христова в Лозанне. На принадлежавшей Рюрику Павловичу Библии мы видим дарственную надпись помощника настоятеля церкви в Вёве иерея Игоря Ивановича Троянова: «Дорогому Рюрику Павловичу Коцебу — доброму потруднику в Церковном делании Божие Благословение через грешного иерея Игоря Троянова. Вевей-Лозанна, Сочельник. 24.12.1946»²².

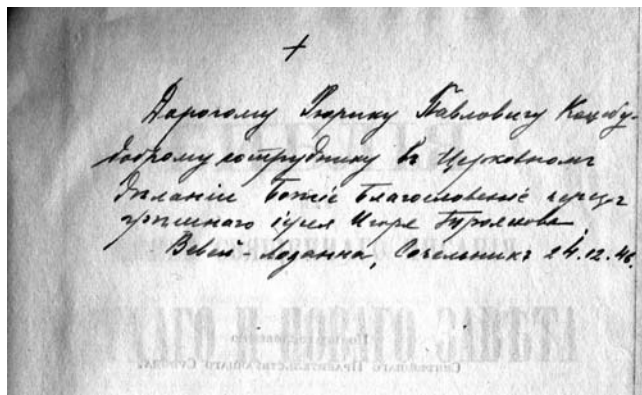
Рюрик Коцебу с 14 лет пел в церковном хоре в православных храмах в Вёве и Лозанне. С 1926 по 1947 г. дирижировал этим хором. С 1935 по 1947 г. был также дирижером молодежного хора в Лозанне, созданного им при Русском национальном обществе. В архиве имеется машинописная характеристика на французском языке:

Русская Православная церковь в Цюрихе.

По запросу мадам Павел де Коцебу²³ настоящим подтверждаю, что в течение многих лет я знаю ее сына, г-на Рюрика де Коцебу, как человека честного,

²² Настоятелем обеих православных церквей, в Лозанне и в Вёве, И.И. Троянов стал в 1951 г.

²³ Т. е. матери нашего героя, по французской традиции названной именем и фамилией мужа, хотя бы и состоявшего с ней в разводе и к этому времени уже умершего.

Библия (на церковнославянском языке) Р.П. Коцебу
с дарственной надписью И.И. Троянова (1900–1976)

верного, активного, разумного и скромного. Я также знаю его как глубоко религиозного человека, который и в личной жизни, и в деятельности руководствуется своими религиозными принципами.

Цюрих, 4 июня 1951 г.

Настоятель русской православной церкви в Цюрихе Протоиерей Давид Чубов.

Точных сведений о том, когда именно и по какой причине Рюрик Коцебу развелся с женой и переехал в Испанию, архив не содержит. Однако можно предположить, что произошло это после 1946 г. — в самом начале 1950-х гг. Вероятно, процитированная выше характеристика была дана ему непосредственно перед отъездом для более быстрой адаптации в русской общине на новом месте. Судя по подписи на одной из фотографий, в 1952 г. Рюрик Коцебу уже жил в Мадриде и принимал участие в конгрессе юристов.

В 1952–1953 гг. он приступил к работе в Университете Саламанки в должности преподавателя русского языка и литературы, о чем свидетельствует подпись на фотографии, сделанной на открытии курсов русского языка в университете. Уже в самом начале испанского периода своей жизни он продолжил музыкальные занятия — любительские, но достаточно серьезные. В течение года руководил и дирижировал хором греческой православной церкви в Мадриде, а затем в течение двух лет — хором «капеллы великого князя Владимира Кирилловича Романова». В 1953 г. этот хор под руководством Рюрика Коцебу пел на крещении дочери великого князя Марии Владимировны Романовой.

В 1952 г. Рюрик Павлович организовал небольшой русский хор из восьми человек, который с успехом выступал в Испании и впоследствии получил название Национального русского хора. В архиве содержатся три программки концертов этого хора. Коллектив исполнял как церковную, так и популярную русскую музыку. Например, в его репертуаре были такие известные песни, как «То не ветер ветку клонит...» (музыка А. Варламова, стихи С. Строилова); «Березка»; украинская

*Со студентами колледжа Св. Варфоломея университета Саламанки
(не датировано)*

песня «Ревет и стонет Днепр широкий»; студенческая песня «Не осенний частый дождичек» (музыка М. Глинки, стихи А. Дельвига); цыганская песня «Костер»²⁴; «Москва» (музыка И. Деккер-Шенка, слова В. Соллогуба) и др.

Как в Швейцарии, так и в Испании Рюрик Коцебу продолжал оставаться горячо верующим. Православными и русскими были уже его родители, немец и гречанка по крови. Конфессионально он неизменно принадлежал православной церкви, однако в Мадриде никогда не было большой русской общины, и он долгие годы являлся прихожанином греческой православной церкви Свв. Андрея и Димитрия, его духовным наставником был настоятель этой церкви протоиерей Димитрий Циампарлис (Dimitrios Tsiamparlis). Надо сказать, что русской православной церкви в Мадриде в те годы фактически не существовало. В 1761 г. в Мадриде был основан приход в честь святой равноапостольной Марии Магдалины, который просуществовал до 1882 г. Современная русская православная церковь Св. Равноапостольной Марии Магдалины была заложена лишь в 2011 г. До этого

²⁴ Хотя известно много цыганских песен, где костер оказывается центральным мотивом, всего вероятнее — особенно на фоне других перечисленных песен и романсов на стихи русских поэтов, — что речь идет о романсе «Мой костер в тумане светит» на слова Я.П. Полонского. Известно несколько музыкальных переложений этого стихотворения (авторское заглавие «Песня цыганки»), но самым популярным, буквально у всех на слуху, стал романс на музыку Я.Ф. Пригожего.

в испанской столице действовала только домовая церковь в честь преподобного Серафима Саровского при Доме российской императорской семьи.

В 1968 г. Рюрик Павлович Коцебу женился второй раз, на испанке Марии Эмилии Гарсия Кламель (*María Emilia Garsía Clavel*; 1926, Бильбао — 2012, Мадрид). После гражданской войны в Испании Мария Эмилия приняла православие; в православной общине она носила имя Тамара Лаврентьевна. Будучи прихожанкой православной церкви, она и познакомилась с Рюриком Павловичем. Их венчание состоялось 8 августа 1968 г. в русской православной церкви в Биаррице. Тамара Коцебу была ученым-химиком, достигла значительных успехов в своей профессии.

Политика и право не остались в прошлом. В Испании активная натура Рюрика Коцебу обрела иную, просветительскую направленность. Помимо занятий со студентами русским языком, литературой и культурой, он принимал участие в конференциях, читал лекции, но отнюдь не только по проблемам русистики.

В архиве имеется вырезка из «Газета Рехиональ» (*«La Gazeta Regional»*) с объявлением о лекции на тему «Взгляды на демократию и политическую свободу» лектора русского языка Университета Саламанки профессора Рюрика де Коцебу, которая состоялась 12 февраля 1963 г. в колледже Св. Михаила Архангела (*Colegio Mayor San Miguel Arcángel*), а также фотография 1967 г., сделанная во время его лекции в колледже Св. Варфоломея (*Colegio Mayor de San Bartolomé*). Подпись на этой фотографии: «Лекция о “Демократии” (конечно, против таковой!) в San Bartolomé, Саламанка, 22 марта / 4 апреля 1967 г.)». Из этого явствует, что не толь-

*Лекция о демократии в колледже Св. Михаила Архангела университета Саламанки.
12 февраля 1963*

ко религиозные, но и политические взгляды Рюрика Коцебу оставались весьма последовательными — монархическими и антидемократическими; так же, между прочим, как и приверженность к «старому стилю». Впрочем, по сообщению профессора Мадридского университета Марии Санчес Пуиг, которая была лично знакома с Рюриком Павловичем Коцебу, в 1970-е гг. он также вел факультативный курс русского языка и литературы на филологическом факультете Мадридского университета Комплутенсе.

Рюрик Коцебу принимал участие в международных научных встречах испанистов. Об этом свидетельствует одна из фотографий в его архиве, сделанная на V Международном конгрессе испанистов в Бордо 2–8 сентября 1974 г., а также обнаруженная нами статья Р.П. Коцебу в сборнике докладов IV Международного конгресса (Саламанка, 1971) «Mas huellas eslavas en España (antroponimia e lexico)» («Славянские следы в Испании (антропонимика и лексика)») [Kotzebue 1982, p. 75]. Из известных нам филологических трудов Рюрика Коцебу можно отметить и его солидную статью 1962 г. «“El convidado de piedra” en Rusia» («Каменный гость в России»)²⁵, в которой он подробно анализирует «испанскую» пьесу из «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина. По понятным причинам незнакомый с исследованиями советских пушкинистов (единственный цитируемый им литературовед — Д.Н. Овсяннико-Куликовский) Рюрик Коцебу оказывается «испанским» первопроходцем в теме рецепции Испании и ее культурных и литературных традиций в русской литературе, в частности у Пушкина. Кратко освещая историю переводов Пушкина на испанский язык и отмечая: «Если не считать оды Державина “Бог” Пушкин был первым русским автором, “заговорившим по-испански”», — В.Е. Багно [Багно 1983, с. 167]²⁶ указывает на две диссертации, написанные в Испании почти через десять лет после статьи Р. Коцебу и подаренные авторами академику М.П. Алексееву²⁷. Заметим, что статья В.Е. Багно создавалась еще при жизни Р.П. Коцебу, однако обмен научной литературой между Советским Союзом и Европой был так скуден, что публикация в фештшифте испанского профессора — подобные малотиражные сборники и сейчас не всегда доступны — осталась исследователю неизвестной. Однако эта работа Р. Коцебу вряд ли ускользнула от внимания его преемницы на кафедре русской филологии университета Комплу-

²⁵ Kotzebue R. de. «El convidado de piedra» en Rusia // STRENAE. Estudios de filología e historia. Dedicados al Professor Manuel Garsia Blanco. Filosofía y Letras. T. XVI. Salamanca, 1962. (ПРИМЕТЫ. Исследования по филологии и истории. Посвящено профессору Мануэлю Гарсиа Бланко. Философия и словесность. Т. XVI. Саламанка, 1962).

²⁶ В работе отмечено также, что первый перевод «Каменного гостя» Пушкина (в одном переплете с «Пиром во время чумы») на испанский язык был осуществлен почти ровно к столетию со дня гибели поэта: Pushkin A. Teatro (Festín durante la peste. El Convidado de piedra). Barcelona, 1938. Эта работа — совместный труд русского и испанского переводчиков: «Несомненной удачей явилась инициатива замечательного поэта-переводчика О.Г. Савича и Мануэля Альтолагирре по совместному переводу двух маленьких трагедий Пушкина: “Пира во время чумы” и “Каменного гостя”» [Багно 1983, с. 167].

²⁷ Vidal E. Pushkin y España. Tesis de licenciatura. Universidad de Barcelona. Sección de filología románica (Hispanicas). Febrero de 1970; Gómez Crespo F. Contribución al estudio de temas españoles en la obra de Puškin. Trabajo presentado como Tesis doctoral. Facultad de filosofía y letras. Sección de filología románica. Universidad de Madrid, t. 1–3, 1971. Экземпляры этих работ (переплетенная машинопись) хранятся в Пушкинском кабинете ИРЛИ РАН (Санкт-Петербург).

тенсе Марии Санчес Пуиг, когда она еще полтора десятилетия спустя работала над своей статьей «Испания в обработке Пушкина»²⁸. В очередном, восемнадцатом томе серийного издания «Пушкин: Исследования и материалы», где опубликованы статьи, подготовленные для «Пушкинской энциклопедии» по разделу «Пушкин и мировая литература», учет поступающей новой литературы закончен 2003 г.; упомянутая статья М. Санчес Пуиг в библиографию раздела «Испанская литература» включена, а работа Рюрика Коцебу так и осталась неизвестной отечественным литературоведам²⁹.

Рюрик Коцебу между тем не напрасно гордился своей публикацией — работ о связи русской и испанской литератур и культур к тому времени насчитывались единицы; немного их и сейчас. В Гранаде, с которой и начался наш сюжет с барочными коллизиями, в 2013 г. был издан коллективный труд испанских и российских литературоведов «Россия и Испания. Диалог культур»³⁰, где нашла воплощение тема «Пушкин и Испания» (автор С.А. Кибальник). Но это учебное пособие, в котором нет даже краткой библиографии, а Рюрик Павлович принял первое научное, хотя, быть может, не вполне глубокое и академическое в современном смысле слова исследование. В нашем распоряжении имеется его отдельный оттиск («separata») из сборника «Strenae». Этот оттиск был фототипически перенесен на белые альбомные листы с широкими полями (как принято размещать иллюстрации) и переплетен; тексту предпосланы фотография автора, Рюрика Коцебу, а также цветная репродукция портрета Александра Пушкина работы В.А. Тропинина, переложенные вощеной папиросной бумагой. Над началом текста, над заглавием есть посвящение по-испански. Летящий, словно оперенный почерк 1930–1940-х гг. изменился почти до неузнаваемости, буквы написаны коряво, очевидно старческой рукой: «A mi querido amigo, que podría ser mi nieto, José Luis Sampedro, el “abogado-recluta”, estas páginas para un momento de descanso entre los “sudores” de la Mili con profundo afecto. R. de Kotzebue. Madrid, 9 marzo de 1985» («Моему дорогому другу, который мог бы быть моим внуком, Хосе Луису Сампедро, “юристу-новобранцу”, эти страницы в минуты покоя между “потами”³¹ военной службы с глубокой любовью. Р. де Коцебу. Мадрид, 9 марта 1985»).

Но этот скромный дар в роскошном переплете не принадлежит собственно архиву Р.П. Коцебу, хотя и стал частью фонда нашего героя в хранении ДРЗ: исследование о «Каменном госте» было приложено к архиву, по всей видимости,

²⁸ Sanchez-Puig M. España en la obra de Pushkin // Historia y vida. 1988. Vol. 21. № 248. P. 59–66.

²⁹ Пушкинская энциклопедия размещена на сайте ИРЛИ РАН, в разделе «Электронные публикации». Автор раздела «Испанская литература» В.Е. Багно, редактор тома «Пушкин и мировая литература» В.Д. Рак. Дата обращения: 07.03.2016: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=307>.

³⁰ Россия и Испания: диалог культур / Rusia y España: diálogo intercultural. Manual práctico de lectura y perfeccionamiento de la lengua rusa para hispanohablantes. Granada: Jizo Ediciones, 2013. 371 p.

³¹ Как и в русском языке, по-испански «пот» — слово из разряда *singularia tantum*, употребляется, как правило, в единственном числе. Однако ср.: «семь потов сошло». Возможно, какие-то реальные обстоятельства напомнили Р. Коцебу эту или подобную идиому; из-за необычности употребления во множественном числе слово и заключено в кавычки.

дарителем, адресатом посвящения Хосе Луисом Сампедро Эсколаром³². В связи с этим лицом выскажем еще одну осторожную догадку. В годы его дружбы с Рюриком Павловичем Х.Л. Сампедро Эсколар, ныне известный геральдист, член Королевской академии геральдики и генеалогии в Мадриде, получал специализацию в области генеалогии, государственного протокола и церемониала в Дипломатической школе университета Овьедо (*Escuela Diplomática y Universidad de Oviedo*). Не имея прямых доказательств, мы склонны полагать, что именно от него (или из его профессиональных кругов) была получена и генеалогическая роспись «*Le Cid*», речь о которой шла выше.

Рюрик Коцебу окончил свои дни в Мадриде 9 октября 1988 г. на 85-м году жизни, был похоронен в фамильном склепе на общественном участке мадридского кладбища Альмудена. Тамары Лаврентьевны Коцебу, вдовы Рюрика Павловича, не стало 24 сентября 2012 г. После ее ухода из жизни архив не пропал — он был передан другу семьи, но несколько десятилетий оставался невостребованным, и если бы не профессор Гранадского университета Рафаэль Гусман Тирадо (*Tirado*), организатор XIII конгресса МАПРЯЛ, не давно выношенная идея выставки об эмигрантах-славистах, не добрая воля и стремление жителей Мадрида, русских и испанцев, передать архив в дар будущему столичному музею русской эмиграции, а также энтузиазм и пытливость Светланы Витальевны Романовой — нам еще долго не удалось бы вписать имя Рюрика Коцебу в историю русского послереволюционного зарубежья.

Недавно С.В. Романова установила контакт с сыном Рюрика Коцебу от первого брака Николя Вотье де Коцебу (*Nicolas Vautier de Kotzebue*), который живет в настоящее время в Монтрё (*Montreux*) в Швейцарии (род. 11 июля 1944, Лозанна, Швейцария). Ему сейчас 72 года, он художник и живо интересуется всем, что связано с историей его семьи и судьбой отца. Николя Вотье де Коцебу был очень тронут тем, что обретен из забвения архив его отца и что этот архив будет теперь храниться в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Его дети, внуки Рюрика Коцебу Сесиль Вотье де Коцебу (*Cécile Vautier de Kotzebue*; род. 10 февраля 1975, Монтрё, Швейцария), Николя Вотье де Коцебу (*Nicolas Vautier de Kotzebue*; род. 22 мая 1976, Монтрё, Швейцария), Александр Вотье де Коцебу (*Alexandre Vautier de Kotzebue*; род. 6 ноября 1979, Монтрё, Швейцария) живут в Швейцарии.

Трудно судить о том, насколько ценными с историко-культурной точки зрения являются материалы архива Коцебу. Здесь нет ни серьезных, государственного значения документов, ни произведений искусства, ни переписки с видными деятелями русской эмиграции... Однако с точки зрения духовной они, на наш

³² Родился в 1958 г. в Мадриде и там же получил диплом юриста в Автономном университете, историк королевского дома и дворянских родов, член Мадридской Королевской академии геральдики и генеалогии (*la Real Academia Matritense de Heráldica y Genealogía*) и член подобных корпораций в Мексике, Аргентине и России, сотрудник «Биографического словаря» (*Diccionario biográfico*) Королевской академии истории; автор книг, в том числе «Дом Альбы» (*La Casa de Alba: Mil años de historia y de leyendas*. Madrid: La Esfera De Los Libros, 2007) и «*Dinastías de traición: Dinastías de traición: la oscura historia de las coronas europeas*» (Династии измены: темная история европейских корон. Madrid: La Esfera De Los Libros, 2008).

взгляд, представляют огромный интерес. Это отдельные элементы, пестрые кусочки мозаики, из которых, как пазл, складывается картина жизни одного *российского* эмигранта и, хотя бы фрагментарно, восстанавливается история его известного рода, многочисленные представители которого в течение ста лет верой и правдой служили России. Продолжал как умел это служение за пределами отечества и Рюрик (фон или де) Коцебу.

Выражаем искреннюю признательность Хосе Луису Сампедро Эсколару (Мадрид), сохранившему архив Рюрика Павловича Коцебу, и протоиерею Андрею Кордочкину (Мадрид), способствовавшему передаче архива в Дом русского зарубежья. Информация о предках Р.П. Коцебу по обеим линиям скрупулезно собрана С.В. Романовой, которая первой и потянула за ниточку этот причудливый биографический клубок.

Литература

- Багно 1983 — Багно В.Е. К теме «Пушкин в Испании»: (Новые материалы) // Временник Пушкинской комиссии, 1980. Вып. 18. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1983. С. 163–168.
- Казнина 2001 — Казнина О.А. Русские в Англии: из переписки Е.В. Саблина // Россия в США: Сб. статей. М.: Институт политического и военного анализа, 2001. С. 161–185.
- Коренева 2004 — Коренева М.Ю. Коцебу // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII/ XIX: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». СПб.: Наука, 2004. С. 176.
- Набоков 1932 — Сирин В. <Набоков В.В.>. Подвиг. Париж: Современные записки, 1932. 235 с.
- Наземцева 2016 — Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русской эмиграции в Китае в период Второй мировой войны // Вопросы истории. 2016. № 2. С. 137–149.
- Решетов 2009 — Решетов С.Г. Род Иптис и его потомки: К 180-летию со дня рождения М.П. Ралли, урожд. Иптис, 2009. 26 с. // <http://www.kotzebue.ch/Files/Other/Famille%20Iptis%20russe.pdf> (дата обращения: 10.12.2015).
- Санчес Пуиг 2010 — Санчес Пуиг М. Испанская русистика: от и до // Восточный свет. 2010. № 2. С. 78–84.
- Яремчук 1983 — Яремчук А.П.-второй. Русские добровольцы в Испании. 1936–1939. Сан-Франциско, 1983. 377 с.
- Яцук 2014 — Яцук Н.А. «Смерть немца Коцебу» и другие происшествия: политика и литература // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2014. № 169. С. 20–27.
- Axel 2001 — Axel A. Russia's Heroes. 1941–1945. L.: Constable, 2001. 279 p.
- Kotzebue 1982 — Kotzebue R. Mas huellas eslavas en España (antroponimia e lexico). Actas del Cuarto Congreso Internacional de Hispanistas, Salamanca, 1971. Salamanca; Universidad de Salamanca, 1982.

О.К. Землякова, В.В. Леонидов

«ПЛЕНЕННЫЕ КРАСОТОЙ...»

ИВАН АЙВАЗОВСКИЙ И ЕГО ВНУКИ

(по материалам коллекции общества «Родина»
в собрании Российского фонда культуры)

Одним из самых известных центров русского зарубежья являлось культурно-просветительское и благотворительное общество «Родина». Этот большой комплекс, включавший школу, музей, архив и библиотеку, был создан русскими офицерами в 1954 г. в городе Лейквуд (штат Нью-Джерси, США). Среди главных направлений его деятельности были объявлены поиск и спасение российских культурных и исторических ценностей. Вот что провозглашалось в уставе Исторического музея, принятого на Совете старейшин общества «Родина» в 1958 г.: «Созданный в изгнании Исторический музей общества «Родина» является уникальным собранием исторических реликвий и документов в их подлинной чистоте и неискаженности. Это собрание при всех условиях должно быть сохранено и передано на нашу родину, когда она будет свободной, и послужит образцом и свидетельством подлинной историчности и поможет восстановлению всего того, что уничтожено, искажено или фальсифицировано» [50 лет... 2007, с. 132].

И надо же представить, что огромное собрание «Родины», включавшее в себя десятки тысяч собранных за двадцать лет архивных документов, книг, орденов, знамен, картин, произведений графики, декоративно-прикладного искусства, в конце концов попало в Россию. Пункты устава были выполнены. Сначала часть музейной коллекции обрела новое место хранения в Музее вооруженных сил в Москве. А затем, в 2000 г., оставшиеся реликвии были подарены Российскому фонду культуры¹.

Среди необозримой коллекции «Родины», конечно, выделялась художественная часть. Картины С.В. Виноградова, И.Э. Грабаря, М.В. Нестерова, М.В. Добужинского и многих других потрясали тех, кто мог добраться в Лейквуд и посетить музей. Они оказались в США после знаменитой выставки-продажи 1924 г., когда передвижная экспозиция произведений российских мастеров колесила по городам Америки [Землякова, Леонидов 2004]. Однако были и другие шедевры, переданные в музей нашими соотечественниками. Среди них — работы великого «певца моря» Ивана Константиновича Айвазовского и его внуков [Подстаницкая 2007; Землякова, Леонидов 2010].

Наверняка особый интерес для всех, кого так или иначе обжигало творчество Айвазовского, представляет коллаж, сделанный великим мастером. На фотогра-

¹ РФК, свидетельство о дарении № 0984 — 2000 г.

фии он изображен сидящим с кистью рядом с мольбертом. Так вот, в мольберт вставлена небольшая подлинная живописная миниатюра — уменьшенная копия картины самого великого мастера². Эта шутка художника пользовалась особой популярностью на выставке к 15-летию Российского фонда культуры в Академии художеств в 2001 г.

Подлинным украшением собрания фонда стали три уникальные работы Ивана Константиновича. Речь идет о редких маленьких миниатюрах «Утро», «День» и «Вечер» с изображениями кораблей русского флота. Они хранились в семье его внука, также известного мариниста Алексея Васильевича Ганзена (1876–1937), и были вставлены в декоративный щит³. Сделано это было самим Ганзеном, и в таком виде миниатюры экспонировались в музее «Родины». Но говоря о наследии Айвазовского и его внуков, которое сохранилось в собрании «Родины», необходимо, наверное, в первую очередь вспомнить имя сына его старшей дочери Елены Александра Пелопидовича Айвазовского, урожденного Латри (1883–1958). Интересно, что фамилию Айвазовский он получил не сразу.

11 июня 1901 г. в газете «Новое время», на одной странице с сообщением о том, что в храм при пересыльной тюрьме доставлена чудотворная икона и что в Москву прибыл известный гипнотизер Фельдман, в разделе «Провинция» появилась следующая заметка: «Умерший недавно художник-маринист Айвазовский, как известно, не имел сыновей, к которым могла бы перейти фамилия покойного. В настоящее время воспоследовало высочайшее повеление о том, что фамилию Айвазовский предоставляется носить Александру Латри, младшему сыну дочери Айвазовского Елены Ивановны Рыбицкой» [Новое время 1901]⁴. Впоследствии, через несколько десятков лет, уже в другой стране, это подтвердил в своих воспоминаниях сам внук великого мастера: «Айвазовский был отцом моей матери. Имея четырех дочерей и ни одного сына, он в последний свой приезд в Петербург, незадолго до своей смерти, просил императора Николая II передать его фамилию мне как сыну своей старшей дочери. Так с шестнадцати лет я стал Айвазовским» [Айвазовский 1949, с. 22]. Он окончил Пажеский корпус, был офицером 17-го драгунского Нижегородского полка, воевал, естественно, на стороне белых в Кавказской кавалерийской дивизии. Завершил Александр Айвазовский (Латри) свою жизнь в Англии [Волков 2004, с. 36]. В собрании «Родины» сохранились три тетради его уникальных воспоминаний о деде, написанные четким, упругим почерком⁵. Но еще до того, как бесценные сброшюрованные листы попали в собрание «Родины», мемуары были опубликованы в 1949–1950 гг. в сборнике «Морские записки», выходившем в США (см.: [Айвазовский 1949; 1950]). Александр Айвазовский переслал их за океан из Англии. Вместе с архивом «Морских записок» они и попали в «Родину». Этот журнал, издаваемый Обществом бывших русских морских офицеров в Америке, которое создал старший лейтенант С.В. Гладкий,

² РФК. Инв. № 10 146 (596).

³ Там же. Инв. № 10 146 (882).

⁴ Цит. по: <http://starosti.ru/archive.php?y=1901&m=06&d=11> (дата обращения: 17.11.2016).

⁵ РФК. Инв. № 10 146 (882).

выходил небольшим тиражом на ротапринте в Нью-Йорке двадцать лет — с 1943 по 1963 г. [Сводный каталог 1999]. Воспоминания о великом мастере стали одной из самых ярких публикаций издания. «Из рассказанного мною видно отчасти характер дедушки. Но этот “осколок прошлого” был настолько своеобразен для нашего времени... Дедушка был, что называется, “артистическая натура”, а как таковая — человек минуты. Все зависело от того, как к нему подойти или в каком он был настроении. Добрый по натуре, он мог сделать большую жестокость. Всегда искренне возмущавшийся несправедливостью, он в то же время и сам мог быть глубоко несправедлив. Непокорный, властный, независимый, он, при умелом обращении с ним, мог быть очень и очень послушным» [Айвазовский 1949, с. 24–25].

Александр Айвазовский обладал несомненным литературным талантом. Ярко, широко он рисует образ своего легендарного деда. «Родившись в царствование императора Александра I и будучи одним из последних могикан “николаевского времени” (т. е. времен царствования императора Николая I), он умер уже в царствование императора Николая II. Какой длинный жизненный путь, как изменилась за это время Россия. Но все эти перемены нисколько не повлияли ни на его взгляды, ни на его характер, сложившийся во время крепостного права, и он до самой смерти не понимал и не признавал их» [Там же, с. 2].

Перед нами проходят и юношеские годы Айвазовского, и его участие в боевых действиях во время очередных русско-турецких столкновений, и его помощь раненым во время Крымской войны, и то уважение, которое оказывал художнику турецкий султан Абдул-Гамид⁶. И чуть не главным нервом этих записок является всепоглощающая любовь Айвазовского к Феодосии и огромный список добрых деяний, сделанных мастером для родного города. «Надо сказать, что дедушка смотрел на Феодосию как на свой собственный город. Основанием для этого было не только то, что он там родился, но и то, что Феодосия была, в сущности, создана им и ему была обязана своим процветанием. Сознывая это, он не стеснялся и относился к городу так же строго, как и ко всему у себя дома. И его поездки по городу часто кончались скандалами, потому что, заметив какой-либо непорядок, он останавливался и тут же начинал разбор дела: что, как и почему. А вернувшись домой, вызывал начальствующих лиц и стыдил их, грозил, требуя исправления того или другого, и если к этому встречались препятствия, то сейчас же летели телеграммы соответствующим властям. В городе его боялись, и когда показывалась пара серых в яблоках, то есть “Айвазовский едет!”, сразу подтягивались. А он, точно полицмейстер, зорко смотрел по сторонам, грозя иногда палкой» [Айвазовский 1950, с. 25].

Александр Айвазовский обладал и еще поэтическим талантом. Его сын Генри Стэнфорд (Stanford), живущий в Англии, сохранил произведения отца, которые привлекают своей искренностью и каким-то романтическим настроением. Вот, к примеру, строки, которые Александр Пелопидович посвятил своему великому деду: «Ревело море... Вал седой / О скалы с шумом разбивался, / И с ветром вой его сливался. / Грозя несчастьем и бедой. / Утихло море... Даль манила / Простором,

⁶ Абдул-Гамид (1842–1918) — последний султан Османской империи.

негой, тишиной... / Но и под стихнувшей волной / Таилась дремлющая сила...» [Касацкая 2007, с. 3]

Из девяти внуков Айвазовского трое стали художниками: Михаил Латри (1875–1941), уже упоминавшийся Алексей Ганзен и Константин Арцеулов (1891–1980). Брат Александра, Михаил Пелопидович Латри, также выбрал дорогу деда. Ученик великого Архипа Куинджи, он стал более известен как керамист. Латри тоже обожал родной город и даже одно время исполнял обязанности директора феодосийской картинной галереи. Дальше огненный вал революции и Гражданской войны загнал его в Грецию, потом в Париж, где он основал свою мастерскую и имел достаточно заказов. Мастер умер во время оккупации и похоронен на русском погосте на Сен-Женевьев-де-Буа [Лейкинд и др. 1999, с. 171]. Другой внук великого мариниста, Константин Константинович Арцеулов, до последних дней своей более чем бурной жизни вспоминал, как он наблюдал деда за работой. Так, к примеру, был свидетелем спора между Айвазовским и его отцом. Константин Арцеулов-старший, корабельный инженер, упрекал тестя в неточности изображения лодки с людьми на заднем плане картины «Среди волн». «И как это корыто держится у Вас на поверхности», — сказал он. Айвазовский пришел в ярость, кричал, однако утром лодку все же замазал [Галлай 1985, с. 8]. И хотя впоследствии Константин Константинович стал одним из самых знаменитых советских воздушных асов, основоположников планеризма и первым летчиком, кто выполнил в небе фигуру «штопор», уроки Айвазовского запали в него навсегда. Он был ведущим художником необычайно популярного в советское время журнала «Техника — молодежи», иллюстрировал другие научно-просветительские издания. Как говорили те, кто знал этого замечательного человека, во всем, что он делал, чувствовался размах и талант, унаследованный от великого деда.

Пожалуй, наибольшую известность среди внуков Ивана Константиновича Айвазовского имел Алексей Васильевич Ганзен [Косик 2010; Касацкая 2005; Лейкинд и др. 1999, с. 215–216; Каталог 1970]. Художник морского министерства, обладатель ряда наград, академик, он оставил множество работ, посвященных битвам на волнах и подвигам русских моряков. После революции и Гражданской войны эмигрировал в Королевство сербов, хорватов и словенцев и жил до самой смерти в хорошо знакомом сегодня нашим туристам городе Дубровнике. Вот какой портрет мастера оставил писатель и журналист Н.Н. Брешко-Брешковский: «Как сейчас вижу, Ганзен с сигарой в зубах, в сюртуке и в бархатном жилете уверенно действует кистью, как фехтовальной рапирой, а кругом группа гостей с трепетным любопытством следят за “кухней творчества”» [Маричевич 2007, с. 109].

В собрании Российского фонда культуры сохранился ряд произведений мастера. Здесь несколько работ маслом, запечатлевших водную стихию. Среди них «Море», «Русская эскадра в Египте», «Крейсер “Россия”», «Морской пейзаж с двумя крейсерами российского флота» (Королевство сербов, хорватов и словенцев, 1920-е гг.). Одна из них, на которой Алексей Васильевич изобразил удивительно красивое побережье Дубровника, публикуется впервые⁷.

⁷ РФК. Инв. № 10 146 (562).

Говоря о реликвиях, связанных с именем художника, хотелось бы еще упомянуть изданный в Петрограде в 1916 г. знаменитый альбом из 25 акварелей, в котором Ганзен представил исторические типы русских кораблей, начиная от ботика Петра Великого и до судов Первой мировой войны [Российский императорский флот 1916]. Иллюстрации из этого альбома публиковались в различных журналах, но сохранившийся экземпляр — достаточно большая редкость.

Конечно, не стоит забывать еще об одной реликвии, также бывшей в музее «Родины», а ныне хранящейся в собрании Российского фонда культуры⁸. Речь идет о портрете Ганзена, выполненном известным художником-передвижником Николаем Васильевичем Харитоновым (1880–1944). Как и Алексей Васильевич, Харитонов одно время также жил в Дубровнике, правда, потом перебрался через океан, в США. В самом начале эмиграции, в 1921 г., на берегу Адриатики он и написал сангиной портрет своего товарища — как по цеху, так и уже по судьбе изгнанника.

Мы рассмотрели лишь некоторые — изобразительные и мемуарные — материалы, связанные с именем великого мариниста Ивана Константиновича Айвазовского и его поразительно талантливых внуков, хранящиеся в собрании Российского фонда культуры.

Источники и литература

РФК — Российский фонд культуры

- Айвазовский 1949 — *Айвазовский А.* Из далекого прошлого... И.К. Айвазовский // Морские записки / The Naval Records. 1949. Vol. VII. № 3/4. С. 17–28.
- Айвазовский 1950 — *Айвазовский А.* Из далекого прошлого... И.К. Айвазовский // Морские записки / The Naval Records. 1950. Vol. VIII. № 1. С. 21–31.
- Волков 2004 — *Волков С.В.* Офицеры российской кавалерии. М., 2004.
- Галлай 1985 — *Галлай М.Л.* Жизнь Арцеулова. М., 1985.
- Землякова, Леонидов 2004 — *Землякова О.К., Леонидов В.В.* Триумф в Америке // Русское искусство. 2004. № 1. С. 26–37.
- Землякова, Леонидов 2010 — *Землякова О.К., Леонидов В.В.* Наследники по прямой // Русское искусство. 2010. № 1. С. 72–77.
- Каталог 1970 — Каталог выставки картин трех художников — внуков Айвазовского — М.П. Латри, А.В. Ганзена, К.К. Арцеулова. Феодосия, 1970.
- Касацкая 2005 — *Касацкая И.Ф.* Художник-маринист Алексей Ганзен. Потомки И.К. Айвазовского: Жизнь, воспоминания, род. Брянск, 5005.
- Касацкая 2007 — *Касацкая И.Ф.* Иван Айвазовский и его феодосийский дом // Вестник администрации Кронштадтского района. 2007. 27 июля. С. 3.
- Косик 2010 — *Косик В.И.* Русские краски на балканской палитре. М., 2010.
- Лейкинд и др. 1999 — *Лейкинд О., Северюхин Д., Махров К.* Художники русского зарубежья: Биограф. словарь. СПб., 1999.
- Маричевич 2007 — *Маричевич С.* Из истории русской марины: Творческий путь А.В. Ганзена // Искусство и образование. 2007. № 7. С. 100–110.

⁸ РФК. Инв. № 1879.

- Новое время 1901 — Новое время. 1901. 11 июня // <http://starosti.ru/archive.php?y=1901&m=06&d=11>.
- Подстаницкая 2006 — *Подстаницкая Т.А.* Картины А.В. Ганзена в Российском фонде культуры // Вестник истории, литературы и искусства. 2006. Т. 4. С. 464–471.
- 50 лет... 2007 — 50 лет культурно-просветительному и благотворительному обществу «Родина»: 1954–2004. Лейквуд; М., 2007.
- Российский императорский флот 1916 — Российский императорский флот. Картины художника А.В. Ганзена / текст старшего лейтенанта К.Г. Житкова. Пг., 1916.
- Сводный каталог 1999 — Сводный каталог продолжающихся изданий русского зарубежья в библиотеках Москвы. М., 1999. С. 120–121.

И.П. Мирошникова

КОНТР-АДМИРАЛ С.В. ЕВДОКИМОВ:

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПИСЬМА

(по материалам музейного и архивного фондов
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)

Честь — святыня для офицера, она высшее благо,
которое он обязан хранить и держать в чистоте.
Честь — его награда в счастье и утешение в горе...
Честь не терпит и не выносит никакого пятна.

М. Галкин. Новый путь современного офицера

В 2005 г. Фондом содействия кадетским корпусам им. Алексея Йордана Дому русского зарубежья имени Александра Солженицына был передан фонд контр-адмирала С.В. Евдокимова.

Этот фонд (ф. № 32) включает в себя полный послужной список Евдокимова, составленный в 1903 г. и заполнявшийся вплоть до декабря 1920 г., часть наград контр-адмирала, биографические материалы, фотографии, документы и тетради с его воспоминаниями о детстве, учебе в Морском кадетском корпусе, событиях Русско-японской и Великой войн, эвакуации и жизни в эмиграции.

Капитан 2-го ранга С.В. Евдокимов

В соответствии с послужным списком контр-адмирал С.В. Евдокимов, участник более сорока морских кампаний, имеет следующие награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст., Св. Анны 3-й и 2-й ст., Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом, Св. Георгия 4-й ст., Меджидие 4-й ст.; медали «В память русско-японской войны», «В память плавания 2-й Тихоокеанской эскадры вокруг Африки на Дальний восток 1904–1905», «За труды по мобилизации 1914 года», а также юбилейные и памятные медали.

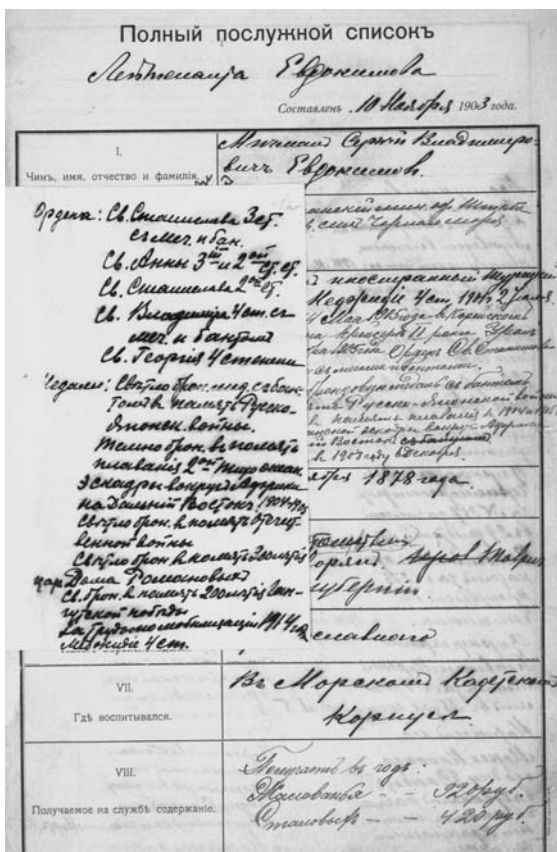
Сергей Владимирович Евдокимов (26 сентября 1878, Севастополь — 22 апреля 1960, Нью-Йорк) — русский контр-адмирал, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Родился в семье потомственных дворян Таврической губернии. В 1899 г. окончил Морской корпус, в 1902 г. — Минный офицерский класс.

В 1904 г. С.В. Евдокимов назначается минным и радиотелеграфным офицером на крейсер 2-го ранга «Урал» в составе 2-й Тихоокеанской эскадры под командованием адмирала З.П. Рожественского.

В Цусимском бою «Урал» по-лучил тяжелые повреждения, и, чтобы крейсер не попал в руки неприятеля, когда команда покинула на шлюпках корабль, С.В. Евдокимов вместе с лейтенантом Чоглаковым и минером Алексеем Паленым добровольно остался на борту крейсера для его затопления, после чего тяжело контуженный был подобран из воды буксирным пароходом «Свирь» и доставлен в Шанхай¹. За бой в Корейском проливе 14 мая 1905 г. минный офицер С.В. Евдокимов был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом, темно-бронзовой медалью «В память плавания 2-й Тихоокеанской эскадры вокруг Африки на Дальний Восток 1904–1905» и светло-бронзовой медалью «В память русско-японской войны» с бантом.

В 1905–1908 гг. Евдокимов — командир эсминцев «Завидный» и «Живучий». С 1908 г.— флагманский минный офицер начальника штаба флота Черного моря. В 1913 г.— капитан 2-го ранга и начальник дивизиона заградителей Черноморского флота. Георгиевский кавалер за постановку минных заграждений в Босфоре в 1916 г. В 1917 г. произведен в контр-адмиралы — «за отличия».

После занятия Севастополя Добровольческой армией в июне 1919 г. назначен начальником службы связи в Черном и Азовском морях при начальнике Морского управления штаба ВСЮР.

Послужной список С.В. Евдокимова

Знак об окончании минного
офицерского класса С.В. Евдо-
кимова (музейный фонд ДРЗ,
№ КПоф 359)

¹ Архив ДРЗ. Ф. 32. Д. 6. Л. 3.

Контр-адмирал С.В. Евдокимов — помощник начальника Морского управления в правительстве генерала Врангеля

В марте 1920 г. — участник Военного совета, собранного для выборов нового главнокомандующего. С 18 апреля до начала мая 1920 г. — временно и. д. начальника штаба Черноморского флота. С конца мая по октябрь 1920 г. — помощник начальника Морского управления в правительстве генерала Врангеля². 11 декабря 1920 г. назначен в Константинополе представителем морского ведомства при обществе «Шхуна».

В октябре 1920 г. эмигрировал из России. С 1925 г. проживал в Париже, где 16 лет проработал таксистом. В 1941 г. переехал в США. Скончался в Нью-Йорке 22 апреля 1960 г.³

Личный архив контр-адмирала С.В. Евдокимова хранился в семье русских эмигрантов Е.Д. и Н.Д. Синегурских (США), которые передали его М.А. Йордан с пожеланием отправить архив и боевые награды С.В. Евдокимова на хранение в один из государственных архивов России и при возможности организовать его публикацию.

М.А. Йордан передала архив и награды С.В. Евдокимова в Фонд содействия кадетским корпусам им. Алексея Йордана.

2 сентября 2005 г. на торжественной церемонии открытия нового здания Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» личный архив и награды контр-адмирала С.В. Евдокимова были вручены директору Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» В.А. Москвину.

Часть воспоминаний Евдокимова была подготовлена к печати и опубликована референтом ФСКК им. Алексея Йордана В.А. Гурковским (см.: [Гурковский 2006]).

² 17 октября 1920 г. заменен на этой должности контр-адмиралом Тихменевым.

³ Биография составлена по архивным материалам ф. 32.

С.В. Евдокимов с сыном Мишей. США. 1950-е гг.

Мы остановимся на последних страницах рукописной тетради с его воспоминаниями, где помещен авторский текст, тон которого резко отличается от общего спокойного стиля рукописи.

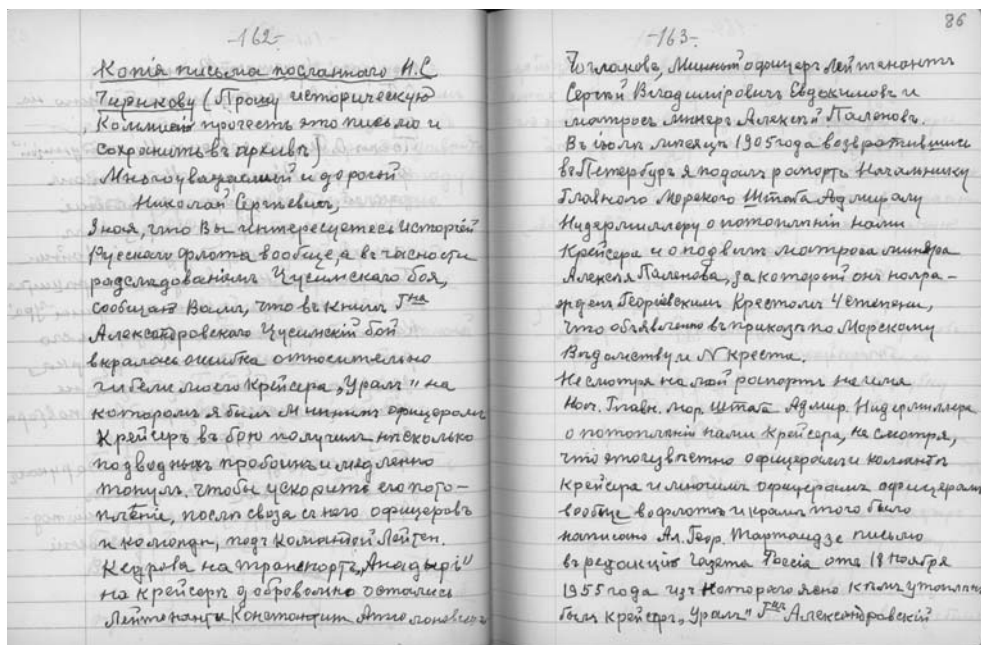
Это копия письма от 28 июля 1957 г., посланного С.В. Евдокимовым Николаю Сергеевичу Чирикову, старшему офицеру Российского Императорского флота, собиравшему в эмиграции материалы по его истории. На письме автором сделана пометка: «Прошу Историческую комиссию прочесть это письмо и сохранить в архиве».

«Многоуважаемый и дорогой Николай Сергеевич,

Зная, что Вы интересуетесь историей русского флота вообще, а в частности исследованием Цусимского боя, сообщаю Вам, что в книге г. Александровского “Цусимский бой” вкралась ошибка относительно гибели моего крейсера “Урал”, на котором я был минным офицером. Крейсер в бою получил несколько подводных пробоин и медленно тонул. Чтобы ускорить его потопление после своза с него офицеров и команды под командой лейтенанта Кедрова на транспорт “Анадырь” на крейсере добровольно остались лейтенант Чоглаков, минный офицер Евдокимов и матрос минер Алексей Паленый. В июле месяце 1905 года, возвратившись в Петербург, я подал рапорт начальнику Главного морского штаба адмиралу Нидермиллеру о потоплении нами крейсера и о подвиге матроса минера Паленого, за который он награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Несмотря на мой рапорт, несмотря на то что это известно офицерам и команде крейсера и многим офицерам вообще во флоте и, кроме того, было написано письмо в редакцию газеты “Россия”, из которого ясно, кем утоплен был крейсер “Урал”, господин Александровский пишет, что крейсер “Урал” был утоплен японцами, хотя автор и претендует на точность его сведений и историческую правду его книги, но, имея правдивые сведения, уклоняется от истины»⁴.

⁴ Архив ДРЗ. Ф. 32. Д. 5. Л. 85.

Копия письма С.В. Евдокимова к Н.С. Чирикову

Что же вызвало такую обиду и горечь у человека, пережившего смертельные опасности сражений трех войн, тяжелые ранения, утрату родины, трудные годы устройства жизни в эмиграции?

Дело в том, что в 1956 г. в Нью-Йорке выходит книга Г.Б. Александровского «Цусимский бой. 50 лет. 1905–1955», в которой автор делает попытку дать читателю возможность познакомиться с непредвзятым взглядом на эту трагическую страницу российской истории.

«Нам нечего бояться вспоминать Цусиму, — пишет Александровский, — правде надо смотреть прямо в глаза. Одной правдой является то, что нас побили за нашу техническую отсталость. Постараемся никогда об этом не забывать и в будущем не отставать от технического прогресса. Но в Цусиме есть еще другая правда. Правда, которой мы должны гордиться. Правда, которая показала, что русский народ не потерял своего героического духа. Эта правда — доблестное поведение подавляющей части личного состава Второй Тихоокеанской эскадры. На этой правде мы должны воспитывать нашу смену. Повествование о Цусимском бое должно стать современной версией «Слова о полку Игореве» [Александровский 1956, с. 287–288].

О крейсере «Урал» Александровским написано следующее:

«Кроме <крейсера> «Светланы» попадания были во вспомогательный крейсер «Урал», в транспорт «Камчатка» и в буксир «Русь». <...> «Урал» и «Русь» были оставлены командами. Оставленные командами корабли, однако, остались на плаву, и их потопили позднее японцы...» [Там же, с. 112].

Эту информацию прочитал Евдокимов в книге, автор которой, по его собственным словам, «попытался очистить память забытых героев от пыли и паутинок, которые начали накапливаться на скупых рапортах об их бесстрашных подвигах» [Там же, с. 288].

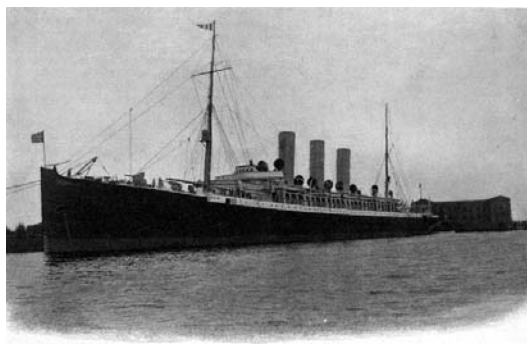
Наше желание обратить внимание на письмо Сергея Владимировича вызвано и некоторыми современными публикациями, посвященными Цусимскому сражению:

«Вспомогательный крейсер “Урал” в артиллерийской перестрелке с японскими крейсерами получил подводную пробоину и поднял сигнал о бедствии. На помощь поврежденному “Уралу” подошли “Анадырь”, “Свирь” и “Грозный”. На “Урале” был поврежден руль, и через подводную пробоину поступала вода, создававшая крен до 4 градусов. Корабль был оставлен командиром и командой за долго до того, как погрузился в воду. Так, приказ покинуть корабль был отдан в половине четвертого, а крейсер “Урал” пошел ко дну в 5 час. 40 мин., обстрелянный проходящими мимо броненосцами Того⁵, и потоплен выпущенной в него торпедой.

По последующим показаниям старшего механика крейсера, крен мог быть быстро устранен и крейсер не утратил своей боеспособности. Скоропостижное (иначе не назовешь) оставление крейсера командой в первую очередь обусловлено действиями его командира — кап. 2 р. Истомина, не отличавшегося наличием боевого духа и создавшего подобную атмосферу на корабле. Экипаж корабля потерял 22 нижних чина» [Гибель кораблей и судов... 1998, с. 58].

«Затем последовало знаменитое Цусимское сражение. Благодаря своим огромным размерам “Урал” представлял очень удобную цель, и его накрыли практически первым залпом: японский снаряд взорвался в корме. Потом он получил еще несколько попаданий, а в 15.35 японский снаряд угодил в корпус ниже ватерлинии в носовой части с левого борта. Вода стала быстро поступать в трюм, затопила погреба. Крейсер получил дифферент на нос и крен на левый борт. Еще одним снарядом был выведен из строя рулевой привод, управляться пришлось машинами. В результате “Урал” начал рыскать на курсе, опасно сближаясь с остальными кораблями эскадры, пока не навалился носом на корму идущего впереди “Изумруда”, помял ему лопасти правого винта и разбил заряженный минный аппарат, но мина, к счастью, не взорвалась.

Попытки завести пластырь на ходу также не увенчались успехом: заплату сносило набегавшим потоком и закручивало. Наконец, когда крейсер получил

Вспомогательный крейсер 2-го ранга «Урал»

⁵ Того — маркиз Того Хэйхатиро (1848–1934) — маршал флота Японской империи, командующий Объединенным флотом Японии в Русско-японской войне 1904–1905 гг.

еще одно попадание под ватерлинию, Истомин передал сигнал: “Имею пробоину, которую не могу заделать собственными силами” и приказал покинуть крейсер. К этому времени средства борьбы за живучесть были еще далеко не исчерпаны: вода заполнила лишь трюм № 2 и стала поступать в соседние трюмы № 1 и № 3. Но, сделав пробоину в противоположном борту, японцы тем самым произвели контрзатопление крейсера, и он стал практически на ровный киль, но по-прежнему с дифферентом на нос.

Тем не менее “Урал” застопорил ход, а экипаж открыл кингстоны. На “Олеге”, видя бедственное положение товарищей, подняли сигнал оказать помощь в спасении команды крейсера, но на него откликнулся лишь миноносец “Грозный”. Около 17 часов он подошел к “Уралу” и снял с него девять человек. Остальной личный состав перебрался на шлюпки. Нарушая флотскую традицию, Истомин покинул свой корабль далеко не последним.

Для спасения людей в шлюпках к месту трагедии подошел транспорт “Анадырь”, но, приблизившись на полтора кабельтовых, вынужден был застопорить ход. Рядом с ним находились “Светлана”, “Свирь” и три миноносца.

В 17.40 дрейфовавший без хода крейсер и группа кораблей около него привлекли внимание японцев. Японцы сосредоточили огонь на “Урале”, совершенно не подозревая о том, что корабль уже покинут. Между тем, даже подвергшись обстрелу орудиями крупного калибра, крейсер упрямо не тонул. Тогда японские броненосцы, изменив свой курс, приблизились к нему на 10 кбт и в 17.50 потопили бывший лайнер торпедой» [Митюков 2006, с. 30–31].

Вот почему следующее письмо Чирикову в ответ на его просьбу сообщить подробности о гибели «Урала» Евдокимов предваряет словами: «Пишу Вам горькую правду, но не хочу никого осуждать, т. к. все они уже покойники и царство им небесное»⁶.

Вот как описывает гибель своего крейсера его минный и радиотелеграфный офицер Сергей Владимирович Евдокимов:

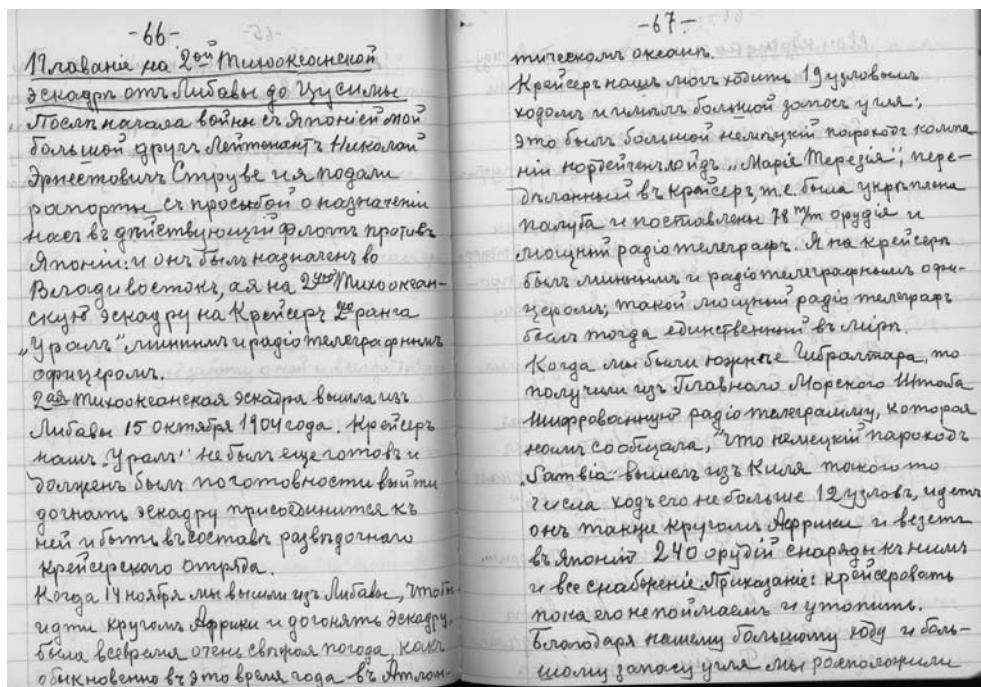
«13 мая, в канун Цусимского боя мы, офицеры и команда, спали у орудий и были в полной боевой готовности. 14 мая часов в 8–9 японский крейсерский отряд открыл огонь по нашему отряду, а позже начался и общий бой.

У меня на глазах погибли эскадренные броненосцы “Суворов”, “Александр III”, “Ослябя”.

Одним из первых снарядов, попавших в наш крейсер, было попадание в радиотелеграфную рубку.

Оказавшись свободным от моих обязанностей радиотелеграфного офицера, я собрал команду и начал подводить пластырь под самую большую подводную пробоину. Команда великолепно работала, и мы быстро завели обносные концы и подали уже пластырь к пробоине. В это время, когда главная работа была выполнена, раздалась команда вахтенного начальника лейтенанта М.А. Кедрова: “На все гребные суда спасаться”, и эту команду несколько раз повторил командир капитан 2-го ранга Мих. Ник. Истомин. Я был поражен этим распоряжением, т. к. считал,

⁶ Архив ДРЗ. Ф.32 Д. 5. Л. 87.

Рассказ С.В. Евдокимова «Плавание на 2-й Тихоокеанской эскадре от Лубавы до Цусимы»

что, подведя пластырь, мы еще можем держаться и, выправив крен и дифферент, идти с эскадрой. Я крикнул: “Кто хочет спасти наш крейсер, продолжай подводку пластыря”, — и почти все остались на своих местах.

Командир диким, полным ужаса голосом кричал: “На все гребные суда». Я крикнул: “Остаюсь на крейсере и буду его спасать”. Команда, которая в этом бою уже видела, как суда переворачиваются и гибнут, дрогнула, и многие пошли к шлюпкам. Я начал распределять команду, т. к. шлюпок и ботов не хватало, часть была разбита попавшими снарядами. В это время подошел лейтенант Константин Аполлонович Чоглаков, протянул мне руку и сказал: “Я остаюсь с Вами”, — и мы пожали друг другу руки.

<...> Я приказал минеру Алексею Палену садиться на бот, на что получил ответ: “Вместе служили, вместе и погибнем” и просьбу остаться. Я разрешил. Многие из команды хотели со мной остаться...

Наш старший штурман прапорщик Оскар Иванович Тьедеман, уходя с крейсера на последней шлюпке, сделал наблюдение по острову Ики, к которому несло крейсер, и определил место гибели, нанеся его на карту.

Все боты оставили крейсер и во главе с лейтенантом Кедровым направились на транспорт “Анадырь”, который не был поврежден. Съехало команды и офицеров около 500 человек. На крейсере остались добровольно, чтобы ускорить его гибель, лейтенант Константин Чоглаков, минер Алексей Паленый и я.

Крейсер несло течением и зыбью к острову Ики, и мы боялись, что он может утонуть на мелкой глубине, и его смогут поднять японцы. Я хотел его взорвать, но, спустившись в бомбовый погреб, не обнаружил подрывных патронов, которые во время пожара выкинули за борт. Тогда мы решили открыть все иллюминаторы с обоих бортов, которые были очень большие и уже наполовину под водой. Лейтенант Чоглаков открывал по правому борту, я с Паленым, который не отходил от меня, — по левому. После открытия иллюминаторов крейсер начал заметно быстрее тонуть при большом шуме вливающейся в него воды.

Так погиб мой крейсер “Урал”. Видно, судьба моя такая — бои кончать потоплением. В войну 1914 года мне пришлось взорвать весь мой отряд особого назначения, которым я командовал...

Утонул крейсер, подобрал нас из воды бот (кажется, с броненосца “Ослябя”), бот обстреляли японские миноносцы и разбили его. Мы опять оказались в воде, много раненых погибло. Спас нас буксирный пароход “Свирь”, которым командовал прапорщик Розенфельд, человек исключительного мужества и глубокого сознания долга.

Видел я гибель наших судов, видел, как броненосцы переворачивались, как гибли люди, бегая по килю и днищу, видел единственного человека, спасшегося из команды в 1200 человек.

Видел, как горел броненосец “Суворов”: из люков — столбы огня до небес, а мой друг и товарищ по корпусу Петр Александрович Вырубов, прапорщик Курсель и два матроса из последнего уцелевшего орудия стреляли по неприятелю и погибли вместе с кораблем. Много погибло, много страданий пришлось видеть...

Из Шанхая через Константинополь мы добрались до Одессы, откуда направились в Петербург, где я во главе эшелона явился к начальнику Главного морского штаба адмиралу Нидермиллеру и подал раппорт о потоплении нами крейсера и обо всем, происшедшем с нами, и представил минера Алексея Паленого к Георгиевскому кресту 4-й ст.

Через несколько дней был назначен высочайший смотр моему эшелону, но мне начальник Главного морского штаба объявил, что я переведен из Балтийского флота в Черноморский, т. к. назревает война с Турцией, и в Черном море нужны минные офицеры, а я боевой офицер. Я просил разрешения отбыть высочайший смотр, но мне было сказано, что если я завтра не уеду, то буду арестован и отправлен насильно, т. к. время не терпит. Мне пришлось подчиниться и уехать, не допуская мысли, что нач^{альник} Гл^{авного} мор^{ского} штаба просто спасает Кедрова и Истомина, боясь, что на смотре я доложу государю императору об их поведении в бою»⁷.

Так закончилась для С.В. Евдокимова Русско-японская война. Впереди была служба минным офицером на многих судах Черноморского флота, Великая война, боевые награды, Добровольческая армия.

Среди наград контр-адмирала, хранящихся в нашей коллекции «Фалеристика и нумизматика», нет его боевых орденов. Об участии минного офицера Евдоки-

⁷ Архив ДРЗ. Ф.32. Д. 5. Л.92.

Награды контр-адмирала С.В. Евдокимова (музейный фонд ДРЗ)

мова в сражениях Русско-японской войны свидетельствуют две медали: светло-бронзовая «В память русско-японской войны» с бантом и темно-бронзовая «В память плавания 2-й Тихоокеанской эскадры вокруг Африки на Дальний восток 1904–1905»⁸.

⁸ Музейное собрание ДРЗ, № КП 353, 354.

Эти медали — не редкость. Ими награждались все участники событий, в память о которых награды были выпущены.

Наши памятные медали хранят свою историю и выполняют особую миссию, рассказывая об офицерах и моряках Российского Императорского флота, для которых исполнение воинского долга даже ценой собственной жизни было делом чести.

Литература

- Александровский 1956 — Александровский Г. Цусимский бой. 50 лет. 1905–1955. Нью-Йорк, 1956.
- Гибель кораблей и судов... 1998 — Гибель кораблей и судов в Русско-японскую войну 1904–1905 годов: Исторические хроники / сост. Ю.В. Ведерников. Владивосток: Универсал, 1998.
- Гурковский 2006 — С.В. Евдокимов — Воспоминания контр-адмирала / публ. В.А. Гурковского // Военно-исторический журнал. 2006. № 3. С. 65–68; № 4. С. 65–67; № 5. С. 76–77; № 6. С. 71–73; № 7. С. 75–77.
- Митюков 2006 — Митюков Н.В. «Кубань» и другие (пассажирские лайнеры — будущие вспомогательные крейсера) // Морская коллекция. 2006. № 4. Прилож. к журналу «Моделист-конструктор».

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ «РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ЧЕХОСЛОВАКИИ»

Под редакцией М.Ю. Сорокиной

В 2011 г. по инициативе известного исследователя русской эмиграции в Чехословакии Л.Н. Белошевской между Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына и Славянским институтом Академии наук Чешской Республики было заключено соглашение о сотрудничестве в рамках научно-исследовательской темы «Гуманитарные и социальные науки как коммуникативное пространство между Чехией / Чехословакией и Россией в XX в.». В качестве первого проекта намечалась подготовка совместного издания «Русская эмиграция в Чехословакии: биографический лексикон», хронологические рамки которого охватывали несколько десятилетий межвоенного периода XX в. Предполагалось, что в состав словаря войдет около полутора тысяч персоналий — политические, общественные, церковные, военные и казачьи деятели, а также представители культуры, науки и молодежных организаций русского зарубежья, внесшие заметный вклад в жизнь русской диаспоры в Чехословакии. Их биографические данные должны были быть выявлены, дополнены и / или сверены по чешским, словацким, российским и другим государственным и частным архивам и таким образом воссоединены во всей полноте и сложности до- и эмигрантского периодов. К сожалению, эта работа оказалась прервана безвременной кончиной Л.Н. Белошевской в 2013 г.

Тем не менее в рамках подготовительной работы участниками проекта со стороны ДРЗ в архивах России и Украины было выявлено большое количество документального материала, существенно уточняющего и расширяющего представления о просопографии российского зарубежья в Чехословакии до Второй мировой войны. Эти сведения имеют несомненную практическую значимость как для профессиональных исследователей, так и для всех интересующихся историей российского зарубежья, что и побудило нас начать издание некоторых из этих данных.

Биографические словари «эмигрантов» — сравнительно новое явление в мировой историографии, обусловленное миграциями больших групп населения в XX в. вследствие социальных и военных катаклизмов. Одним из лучших образцов такого типа издания является биографический словарь немецкоговорящей эмиграции, возникшей после прихода к власти в Германии нацистской партии (1933)¹. Персональный состав российского зарубежья XX в. также получил свое

¹ См.: Biographisches Handbuch der deutschsprachigen Emigration nach 1933 / Leitung und Bearbeitung, Werner Röder, Herbert A. Strauss, unter Mitwirkung von Dieter Marc Schneider, Louise Forsyth; Autoren, Jan

оформление в словарном формате, прежде всего в виде трехтомного биографического справочника «Российское зарубежье во Франции. 1919–2000» (М.: Наука; Дом-музей Марины Цветаевой, 2010–2011), подготовленного коллективом авторов под руководством Л.А. Мнухина, а также словаря Е.А. Александрова «Русские в Северной Америке» (Хэмден; Сан-Франциско; СПб., 2005) и энциклопедического словаря «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века» (М.: РОССПЭН, 1997). Заслуживают благодарного упоминания и многочисленные аннотированные списки российских эмигрантов, опубликованные в книгах таких известных исследователей, как А.Б. Арсеньев, Т.В. Пушкидия-Рыбкина, В.В. Беляков и др., пилотные выпуски словаря «Российское научное зарубежье» М.Ю. Сорокиной и др. Да и каталог некрологов «Незабытые могилы», как и некрополи российского зарубежья, составленные И.И. Грезиным, М.Г. Талалаем и др., фактически являются важнейшей составляющей биографического метатекста русского зарубежья XX в.

Чехословакия была одним из крупнейших и важнейших центров русской эмиграции в 1920-е гг., одновременно страной-транзитом, где множество русских белоэмигрантов проводило 2–3 года учебы, и страной-реципиентом, где значительная часть русских беженцев осталась жить навсегда, прорастая семейными корнями и династиями. Неслучайно здесь мемориализация памяти о русских эмигрантах приняла характер постоянного и долговременного академического проекта — только в последние десятилетия подготовлены и опубликованы такие фундаментальные издания, как трехтомные «Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг.» (Прага, 1996), «Документы к истории русской и украинской эмиграции в Чехословацкой Республике (1918–1939)» (Прага, 1998), двухтомная «Хроника культурной, научной и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой Республике» (Прага, 2000–2001) и ряд других. В такой историографической конфигурации биографический словарь русской эмиграции должен был стать логичным продолжением уже проделанной исследовательской работы.

В настоящей публикации мы представляем лишь небольшую часть из накопленного массива сведений, касающуюся российских правоведов, — как приехавших в этом профессиональном статусе в Чехословакию, так и получивших его в этой стране (как правило на Русском юридическом факультете в Праге). Каждая статья сопровождается ссылкой на архивные источники сведений. Некоторые справки, как правило относящиеся к малоизвестным в историографии персонам, включают и впервые публикуемые фотографии специалистов. Даты жизни по мере возможности приводятся по григорианскому и юлианскому летоисчислению. В тех случаях, когда нет полной уверенности в стиле, по которому дата зафиксирована в источниках, мы оставляем ее без двойного варианта. Названия населенных пунктов и стран приводятся на момент описываемых событий (например, КСХС). Авторство каждой справочной статьи указывается в конце тек-

ста (М.М. Горинов-мл., Н.А. Ёхина, Н.Ю. Масоликова, А.В. Марыняк, Л.П. Пухова, К.К. Семенов, М.Ю. Сорокина, П.А. Трибунский).

Лимит книжного формата не дает возможности опубликовать все выявленные материалы, они войдут в электронную базу данных «Лица русской эмиграции», разрабатываемую в настоящее время в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына. Прделанная на сегодня работа далека от полного завершения; она рассчитана прежде всего на общественный отклик. Тем не менее полагаем, что введение в научный оборот новых имен российских соотечественников, связанных с историей российской диаспоры в Чехословакии, и расширение информации о них будут способствовать воссозданию подлинной истории российского зарубежья XX в.

Конструктивная критика и дополнения к приведенным сведениям будут с благодарностью приняты по адресу: MSorokina61@gmail.com.

М.Ю. Сорокина

Список сокращений

БелградУ — Белградский университет (КСХС/Югославия)
БерлинУ — Берлинский университет (Германия)
БратиславУ — Университет им. Яна Амоса Коменского (Братислава, ЧСР)
БрноУ — Университет им. Томаша Г. Масарика (Брно, ЧСР)
ВаршавУ — Варшавский университет (Российская империя / Польша)
ВенУ — Венский университет (Австро-Венгрия / Австрия)
ВЖК — Высшие женские курсы
ВКИ — Высший коммерческий институт (Прага)
ВО — военный округ
ВСГ — Всероссийский союз городов
ВСЮР — Вооруженные силы Юга России
ВУ — военное училище
ВЮА — Военно-юридическая академия (СПб.)
ГА — государственный архив
ГАОО — Государственный архив Одесской области (Украина)
ГАРО — Государственный архив Рязанской области
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)
ДА — Добровольческая армия
ДАК — Государственный архив г. Киева (Украина)
ДВР — Дальневосточная республика
ДонУ — Донской университет (Ростов-на-Дону)
ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына (Москва)
ДС — духовная семинария
ДУ — духовное училище
ЕкатеринославУ — Екатеринославский университет
ИИР — Институт изучения России (Прага)
ИР ЦНБ НАНУ — Институт рукописей Центральной научной библиотеки Национальной академии наук Украины (Киев)
ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь
ИФФ — историко-филологический факультет
КазанУ — Казанский университет

КарловУ — Карлов университет (Прага)
КиевУ — Университет св. Владимира (Киев)
ККИ — Киевский коммерческий институт
Колумбу — Колумбийский университет (Нью-Йорк, США)
КОМУЧ — Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
«КР» — ТКП — «Крестьянская Россия» — Трудовая крестьянская партия
КСХС — Королевство сербов, хорватов и словенцев
ЛембергУ — Лембергский университет (Австро-Венгрия)
ЛюблянУ — Университет им. короля Александра I (Любляна; КСХС / Югославия)
МАУ — Михайловское артиллерийское училище (СПб.)
МВД — Министерство внутренних дел
МВО — Московский военный округ
МГД — Московская городская дума
МИД — Министерство иностранных дел
МКИ — Московский коммерческий институт
МУ — Московский университет
НАРТ — Национальный архив Республики Татарстан (Казань)
НАУ — Николаевское артиллерийское училище (Киев)
НИИ — научно-исследовательский институт
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
НКВД — Народный комиссариат внутренних дел
НовороссУ — Новороссийский университет (Одесса)
НСЗРиС — Народный союз защиты родины и свободы
ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
ОИТК — Отдел исправительно-трудовых колоний
ООН — Организация Объединенных Наций
ОРОВУЗ — Объединение русских, окончивших высшие учебные заведения в ЧСР
ОРЭО — Объединение русских эмигрантских организаций в ЧСР
ОРЭСО — Объединение русских эмигрантских студенческих организаций в ЧСР
ОРЮ — Объединение русских юристов в ЧСР
ОСВАГ — Осведомительное агентство Вооруженных сил Юга России
ОСО — Особое совещание
Пг. — Петроград
ПгПсихИ — Петроградский психоневрологический институт
ПгУ — Петроградский университет
ПН — «Последние новости», газета (Париж)
ПНС — Партия народной свободы (кадеты)
ПФ — педагогический факультет
РА — Русская армия
РАГ — Русская академическая группа
РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)
РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)
РГИА — Российский государственный исторический архив (СПб.)
РДГ ПНС — Республиканско-демократическая группа Партии народной свободы
РДО — Республиканско-демократическое объединение
РДС — Республиканско-демократический союз
РДСС — Русский демократический студенческий союз
РЗИА — Русский заграничный исторический архив (Прага)
РИО — Русское историческое общество (Прага)

- РИСХК — Русский институт сельскохозяйственной кооперации (Прага)
РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия
РМО — Русское музыкальное общество в Праге
РНИ — Русский научный институт
РНС — Русский национальный союз
РНСД — Российское национальное и социальное движение
РНСО — Русское национальное студенческое объединение в ЧСР
РНСС — Русский национальный студенческий союз
РНУ — Русский народный университет (Прага)
РОВС — Русский общевоинский союз
РОКК — Российское общество Красного Креста
РПИК — Русский педагогический институт имени Я.А. Коменского (Прага)
РСДРП — Российская социал-демократическая рабочая партия
РСУ — Русский свободный университет
РТО — Русское техническое общество
Русская учебная коллегия — Русская учебная коллегия при Комитете по обеспечению образования русских студентов в ЧСР
РЮФ — Русский юридический факультет (Прага)
СЖБ — Сент-Женевьев-де-Буа (Франция)
СМЕРШ — «Смерть шпионам!», организация советской военной контрразведки
СофийУ — Университет им. Св. Климента Охридского (София, Болгария)
СПб. — Санкт-Петербург
СПбПИ — Санкт-Петербургский политехнический институт им. Петра Великого
СПбПсихИ — Санкт-Петербургский психоневрологический институт
СПбТИ — Санкт-Петербургский технологический институт
СПбУ — Санкт-Петербургский университет
СРВИ — Союз русских военных инвалидов в ЧСР
СРЖЛ — Союз русских журналистов и литераторов в ЧСР
СРПЖ — Союз русских писателей и журналистов
СРС — Союз русских студентов в ЧСР / Константинополе / Болгарии
СРСок — Союз русского сокольства за границей
ССДЮ — Союз бывших судебных деятелей и юристов им. С.В. Завадского (Прага, ЧСР)
СССР — Союз Советских Социалистических Республик
СтрасбургУ — Страсбургский университет (Франция)
ТаврУ — Таврический университет (Симферополь, Россия)
ТомскУ — Томский университет
УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР
УНКВД — Управление Наркомата внутренних дел
Успенское братство — Братство для погребения православных русских граждан и для охраны и содержания в порядке их могил
ФВЯ — факультет восточных языков
ФМФ — физико-математический факультет
ФРИСПН — Франко-русский институт социальных и политических наук (Париж, Франция)
ФФ — философский факультет
ХарьковУ — Харьковский университет
ЦГАМ. ОХД до 1917 — Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения до 1917
ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга

ЦНБ СТД РФ — Центральная научная библиотека Союза театральных деятелей РФ (Москва)

ЦХИДК — Центр хранения историко-документальных коллекций (Москва)

ЧВТШ — Чешская высшая техническая школа (Прага)

ЧСАСХН — Чехословацкая академия сельскохозяйственных наук

ЧСЗА — Чехословацкая земледельческая академия

ЧСР — Чехословацкая Республика

ЧССР — Чехословацкая Социалистическая Республика

ЮрьевУ — Юрьевский университет

ЮФ — юридический факультет

BAR — Бахметевский архив Колумбийского университета, США (Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, USA)

LAPNP — Литературный архив Музея (Памятника) национальной письменности (Прага, ЧСР)

Литература

Волков В.А., Куликова М.В., Логинов В.С. Московские профессора XVIII — начала XX веков. Гуманитарные и общественные науки. М.: Янус-К, 2006.

Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК–ГПУ 1921–1923. М.: Русский путь, 2005.

Государственная дума Российской империи, 1906–1917: Энцикл.: в 2 т. // редкол.: В.В. Шелохаев [и др.]. М.: РОССПЭН, 2008.

Грабарь В.Э. Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Грезин И.И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. М.: Старая Басманная, 2009.

Зарубежная Россия 1919–1939 гг.: Сб. ст. [Кн. 1]. СПб.: Европейский Дом, 2000.

Зарубежная Россия. 1917–1939 гг.: Сб. ст. Кн. 2. СПб.: Лики России, 2003.

Зарубежная Россия 1917–1945: Сб. ст. Кн. 3. СПб.: Лики России, 2004.

Ковалевский П.Е. Наши достижения. Роль русской эмиграции в мировой науке. Вып. 1. Мюнхен: Изд-во ЦОПЕ, 1960.

Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Р.: Librairie des cinq Continents, 1971.

Краковский К.П. Нить времени: История юридического факультета Варшавского-Донского-Ростовского университета. Т. 1. Ч. 2: 1808–1924 гг. Ростов н/Д: Изд-во Юг, 2005.

Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920–1940) / под ред. Е.В. Спекторского. Т. 1–2. Белград, 1931–1941.

Михальченко С.И. Юридический факультет Варшавского университета, 1869–1917 гг.: Краткий исторический очерк. Брянск: Изд-во БГПУ, 2000.

Незабытые могилы. Российское зарубежье: Некрологи 1917–1997: в 6 т. / сост. В.Н. Чуваков и др. М.: Пашков дом, 1999–2007.

Общественная мысль Русского зарубежья: Энцикл. / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: РОССПЭН, 2009.

«Очистим Россию надолго...» Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г.: Документы / под ред. А.Н. Артизова, В.С. Христофорова; сост.: А.Н. Артизов, З.К. Водопьянова, Т.В. Домрачева, В.Г. Макаров, В.С. Христофоров. М.: МФД: Материк, 2008.

- Паиуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М.: Наука, 1992.
- Политические деятели России. 1917: Биограф. словарь. М.: Большая рос. энцикл., 1993.
- Профессора Московского университета 1755–2004: Биограф. словарь. Т. 1. М.: МГУ, 2005.
- Профессора Томского университета: Биограф. словарь. Вып. 1 (1888–1917). Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996.
- Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сб. ст. / отв. ред. М.Ю. Досталь. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2008.
- Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биограф. словарь: в 3 т. Т. 1. М.: Наука: Дом-музей Марины Цветаевой, 2008–2010.
- Русская и украинская эмиграция в Чехословацкой республике. 1918–1938: Путеводитель по архивным фондам и собраниям в Чешской республике. Прага: Euroslavica, 1995.
- Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопед. биограф. словарь / под общ. ред. В.В. Шелохаева. М.: РОССПЭН, 1997.
- Серков А.И. Русское масонство. 1731–2000: Энцикл. словарь. М.: РОССПЭН, 2001.
- Сорокина М.Ю. Российское научное зарубежье: Мат-лы для биобиблиограф. словаря. Пилотный выпуск 3: Юридические науки. XIX — первая половина XX в. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011.
- Стародубцев Г.С. Международно-правовая наука российской эмиграции (1918–1939). М.: Книга и бизнес, 2000.
- Струве Г. Русская литература в изгнании. Опыт исторического обзора зарубежной литературы / сост. и вступ. ст. К.Ю. Лаппо-Данилевского. 3-е изд., испр. и доп. Париж; М.: YMCA-Press: Русский путь, 1996.
- Сухарев Ю.Н. Материалы к истории русского научного зарубежья: в 2 кн. Кн. 1. М.: Ред. альманаха «Российский архив», 2002.
- Танклер Х.Л. Выходцы из России — преподаватели Тартуского университета 1919–1940 гг. / пер. с эст. Т. Шор // Биографика. I. Русские деятели в Эстонии XX века. Тарту: Tartu University Press, 2005.
- Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества: в 2 т. Т. 2. М.: Зерцало, 2007.
- Труды русской, украинской и белорусской эмиграции, изданные в Чехословакии в 1918–1945 гг. Т. 1. Ч. 1–3. Прага, 1996.
- Хроника культурной научной, и общественной жизни русской эмиграции в Чехословацкой республике / под ред. Л. Белошевской. Т. 1–2. Прага: Slovanský ústav AV ČR, 2000–2001.
- Чумаков А.В. Россияне в Словакии: Российские соотечественники в Словакии. История и современность. Bratislava: Stredná odborná škola polygrafická, 2008.
- Шарифжанов И.И. Польские профессора и преподаватели в Императорском Казанском университете. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002.

АЛЕКСЕЕВ Николай Николаевич (2/14 мая 1879, Москва — 2 марта 1964, Женева, Швейцария), правовед, философ, публицист, общественный деятель.

Из дворян Рязанской губ. Учился в московской 6-классной прогимназии (1892–1898), 3-й гимназии (1898–1900), на ЮФ МУ (1900–1906, с перерывами), окончил с дипломом 1-й ст. Исключен из МУ за участие в сходке (9 февраля 1902), в заключении в Бутырской (февраль — март 1902), Митавской (март — июль 1902) крепостях. После освобождения уехал в Германию, вольнослушатель в Дрезденском политехникуме. Восстановлен (январь 1903), приступил к заня-

тиям в сентябре в МУ. В 1907 оставлен для приготовления к профессорскому званию. Приват-доцент по кафедре энциклопедии права и истории философии права МУ (1909). Командирован за границу (1909–1911; Германия, Франция). Магистр государственного права (1912), дисс. «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов» (М., 1912). Преподаватель (1912), экстраординарный профессор (1913) по кафедре международного права МКИ; сверхштатный экстраординарный профессор по кафедре энциклопедии права и истории философии права МУ (с 1916). Статский советник (1917). Зав. коммерческими курсами Московского общества распространения коммерческого образования (с 1915). Сотрудничал в ж. «Юридический вестник», «Вопросы права». В годы Первой мировой войны участвовал в работе Всероссийского земского союза (уполномоченный Урмийского отряда союза в Тифлисе, один из руководителей по снабжению русской армии в Персии, 1916–1917). Редактор издательства МГД (1917). В годы Гражданской войны участник Белого движения. Профессор кафедры государственного права ТаврУ (1918–1919), Юридического института в Севастополе (1920). Редактор газ. «За единую Россию», «Великая Россия» (1919). Зав. литературной частью ОСВАГ ВСЮР (1919). Начальник информационной части при штабе РА П.Н. Врангеля (1920). Трижды выезжал из России в 1918–1920, окончательно в эмиграции с октября 1920. Инспектор русской гимназии в Константинополе (1920–1921). Член РАГ в Турции. Вице-председатель Союза русских писателей и журналистов в Турции. В ЧСР с октября 1921; жил в Праге. Секретарь юридико-экономического отделения Русской учебной коллегии в Праге (1921–1925). Профессор гражданского права (1922–1930), секретарь (1922–1925) РЮФ. Профессор РНУ в Праге. Один из основателей и теоретиков евразийского движения, разрабатывал евразийскую концепцию государства и права. Соредактор «Евразийского сборника» (1929). Сторонник экуменизма. Профессор права в РНИ в Берлине (Германия, с 1930). Член ОРЭСО, Союза русских евреев в Германии, член бюро Русской юридической консультации Земгора в Праге. В 1933 уехал во Францию. Преподавал в СтрасбургУ, Сорбонне (до 1940). Профессор БелградУ (Югославия; 1940–1942; 1944–1948). В годы Второй мировой войны участник движения Соппротивления. Гражданин СССР (с 1946). Переехал в Швейцарию (1948), жил в Женеве.

Отец: Николай Петрович (р. 1847), юрист. Мать: Екатерина Николаевна (урожд. Полубояринова). Сестры: Надежда (р. 1875), Наталья (в зам. Вышеславцева; 1886–1959), церковный деятель. Жена: Ирина Михайловна (урожд. Фукельман; р. 1891).

Арх.: ГАРО. Ф. 639. Оп. 4. Д. 4. Л. 3–3 об., 4 об.–5, 12; ГА РФ. Ф. Р-5776. Оп. 2. Д. 195. Л. 1; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 19. Л. 74; Д. 178. Л. 1; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 14. Л. 1, 2, 6, 7; РГАЛИ. Ф. 1570. Оп. 1. Д. 31. Л. 4–5; РГИА. Ф. 25. Оп. 1. Д. 5424. Л. 1–3; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 314. Д. 13. Л. 5, 7, 8, 10, 16, 17, 19, 20 об.–21; Ф. 417. Оп. 4. Д. 7. Л. 1, 1 а, 3, 5–6 об., 20, 21, 42 об.; Bibliothèque de Genève. Département des manuscrits et des archives privées (личный фонд).

П.А. Трибунский

АНТИПОВ Александр Петрович (10/22 сентября 1895, СПб. — 17 ноября 1945, Москва, СССР), правовед, публицист, общественный деятель.

Из дворян Витебской губ. Окончил Училище при реформатских церквях (СПб., 1906–1914). Поступил на ЮФ СПбУ в 1914, вскоре переведен на ФВЯ, чуть позже — на ЮФ. В июле 1915 санитар в действующей армии. Окончил МАУ (1914–1915), ускоренные офицерские курсы при Пажемском ЕИВ корпусе (1916), прапорщик. Участник Первой мировой войны на Западном фронте. В феврале 1918 взят в плен немцами, в лагере для русских офицеров в Восточной Пруссии. В октябре 1918 освобожден. Прибыл в Новочеркасск, вступил в ДА. Участник Белого движения. Штабс-капитан. Служил на бронепоезде «Офицер». Осенью 1920 эвакуирован из Севастополя в Галлиполи. В Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса РА (2-я батарея 6-го отдельного бронепоездного артиллерийского дивизиона 1-й артбригады, 1921), переводчик Управления интенданта (1922). Капитан. В 1922–1923 жил в Софии (Болгария), работал на табачной фабрике. В сентябре 1923 прибыл в ЧСР. Жил в Праге, чехословацкого гражданства не принял. Работал служащим на заводе «Шкода». Окончил РЮФ в Праге (1923–1927). Член Общества галлиполийцев, Галлиполийского землячества (1923–1929), Объединения русских юристов в Праге, Союза русских студентов в ЧСР, друзей русского очага в ЧСР, член, секретарь ОРЭСО. В евразийское движение вступил в 1927, последователь П.Н. Савицкого. В 1929 избран членом комитета Пражской евразийской группы, позже — секретарем. В начале 1930-х и.о. председателя. Участник Евразийского семинара, Русского оборонческого движения (1932–1938), посещал собрания Союза младороссов. Печатался в газете «Свершения», журналах «Евразийский сборник», «Новая эпоха», «Евразийские тетради» (член редколлегии). Арестован СМЕРШ 1-го Украинского фронта в Праге 2 июня 1945. Решением ОСО при НКВД СССР от 20 октября 1945 приговорен к 10 годам ИТЛ. Скончался в Бутырской тюрьме в Москве. Реабилитирован заключением Прокуратуры СССР в 1991.

Отец: Петр Александрович, чиновник, тайный советник. Мать: Мария Михайловна. Сестра: Надежда (в зам. Корнилова). Жена: Мария Степановна (урожд. Воронина), переводчица.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 162. Л. 1, 2; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 23. Л. 1–4; Ф. Р-5843. Оп. 1. Д. 4. Л. 105 об.; Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 67. Ч. 1. Л. 125, 145; Д. 68. Ч. 2. Л. 53, 76; Д. 74. Л. 24; Ф. Р-5951. Оп. 1. Д. 19. Л. 120; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 64638. Л. 2, 3, 7, 8, 10, 11, 13, 16, 19, 25, 27, 30, 31, 38.

П.А. Трибунский

АСТРОВ Николай Иванович [псевд.: Аст-ов, Н.] (26 февраля / 9 марта 1868, Москва — 12 августа 1934, Прага, Чехословакия), предприниматель, правовед, общественно-политический деятель.

Из разночинцев (сын чиновника). Окончил 2-ю московскую гимназию (1876–1888), ЮФ МУ с дипломом 1-й степени (1888–1892). Мировой судья (1894–1910). Секретарь (1897–1907), гласный (с 1905) МГД. Гласный Московского губ. земского собрания (с 1905). Один из основателей (1905) и член ЦК партии кадетов (с 1907), член московского городского комитета партии кадетов (1905). Заведовал

канцелярией Государственной думы 1-го созыва (1906). Директор правления Московского городского кредитного общества (1910). Член правления и Попечительного совета Московского городского университета им. А.Л. Шанявского. В годы Первой мировой войны член и председатель (1917) Главного комитета Всероссийского союза городов. После Февральской революции член исполкома Московского комитета общественных организаций, товарищ комиссара Временного правительства в Москве (март 1917). Московский городской голова (март — июнь 1917). Дважды получал от А.Ф. Керенского предложение войти в состав Временного правительства, которые отклонил. Участник Государственного совещания (1917). Противник Октябрьской революции, инициатор создания Комитета общественного спасения. Член Учредительного собрания от Москвы. Один из руководителей антибольшевистских организаций «Девятка», «Правый центр», Союз возрождения России, «Национальный центр» (1918). В августе 1918 выехал на юг России по поручению ЦК партии кадетов и «Национального центра» для переговоров с генералом М.В. Алексеевым о координации действий с ДА. На Уфимском государственном совещании в сентябре 1918 включен в состав Директории, но в деятельности не участвовал, т. к. находился на юге России. Член ОСО при главнокомандующем ВСЮР генерале А.И. Деникине (1919–1920). В июне 1919 командирован Деникиным в Париж в составе делегации для переговоров с адмиралом А.В. Колчаком. Вернулся в августе. Эвакуирован из Новороссийска на пароходе «Св. Николай» 13 марта 1920 в Константинополь. В июле 1920 выехал в Париж, Лондон, Женеву. Представитель от Земгора при верховном комиссаре по делам русских беженцев при Лиге Наций (февраль 1921 — октябрь 1924, Женева). В октябре 1924 переехал в Прагу (ЧСР). Один из основателей и председатель Главного комитета Всероссийского союза городов за границей. Член Земгора в Париже, Праге, комитета при представительстве РОКК в ЧСР, СРВИ в ЧСР, инициативной группы по организации культурно-исторического музея Русского народного университета, товарищ председателя ОРЭСО, член-пайщик издательства «Единство», член, председатель (1930–1932) Союза писателей и журналистов в ЧСР и др. Член Совета (с 1925), заместитель председателя Совета (с 1930) РЗИА. Способствовал поступлению в РЗИА многих документов. Постоянно печатался в эмигрантской прессе. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Отец: Иван Николаевич (ок. 1837 — 1896), врач. Мать: Елизавета Павловна (урожд. Кобелева; ум. ок. 1874). Братья: Павел (1866–1919 (?)), юрист; Александр (1870–1919), инженер-гидравлик, общественный деятель; Владимир (1871–1919), юрист, общественный деятель.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5913 (личный фонд); ВАР (в составе фонда «S.V. Panina»); РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–5 об.; ГА РФ. Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 34; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 20. Л. 56; Д. 51. Л. 70; ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 302. Д. 29. Л. 8; Д. 30. Л. 1, 2, 4, 7 об., 8, 14; Оп. 299. Д. 63. Л. 6; Оп. 304. Д. 29. Л. 11.

П.А. Трибунский

БЕЛЕЦКИЙ Иван Семенович (29 августа / 10 сентября 1895, Павлоград Екатеринославской губ. — после 1945, СССР).

Сын учителя начальной школы. Окончил Павлоградскую гимназию (1906–1914), ХарьковУ (курса не окончил), ускоренный курс Павловского ВУ (1916). Призван на военную службу в мае 1916. Прапорщик, и.д. адъютанта 287-го пехотного запасного полка. Демобилизован в марте 1918. Вернулся в Павлоград, затем продолжил учебу в ХарьковУ (дошел до 4-го курса). После освобождения Харькова от большевиков мобилизован в ДА. С июля 1919 — в 1-м Офицерском генерала Маркова полку. Вся дальнейшая служба — в Марковских частях, в 1920 — штабс-капитан, адъютант 3-го Марковского пехотного полка. Эвакуирован из Крыма в ноябре 1920. В декабре 1920 — в 3-м батальоне Марковского полка в Галлиполи, в составе которого перевезен в Болгарию, откуда затем переехал для продолжения образования в ЧСР в октябре 1922. Окончил РЮФ (1922–1924). В 1929 сдал экзамен при РАГ в Праге. В 1925–1938 зарабатывал частными уроками. С начала 1943 преподаватель Русской гимназии в Праге. Одним из первых примкнул к евразийству в конце 1924. В первой половине 1930-х — «оборонец», затем — начальник отдела РНСД в Протекторате Чехии и Моравии (1939–1945). После занятия Праги частями РККА арестован органами СМЕРШ (28 мая 1945). 31 июля 1945 приговорен к 10 годам ИТЛ с поражением в правах (по пп. «а, б, в» ст. 31 УК РСФСР) и конфискацией «ценностей, изъятых при обыске». Для отбытия наказания отправлен в ОИТК УНКВД по Львовской области. Место и дата смерти неизвестны. Заключение Главной военной прокуратуры от 13 февраля 2002 реабилитирован.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 418; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 56.

А.В. Марыняк

БОБРОВСКИЙ Петр Семенович (22 июня / 5 июля 1880, Нижний Новгород — 22 июля 1947, Москва, СССР), юрист, общественный деятель.

Окончил Орловскую гимназию, учился на ЮФ МУ (1899–1901). В 1901 уволен из университета за участие в студенческих беспорядках с воспрещением жить в университетских городах в течение 2 лет. Социал-демократ. В 1904 выслан в Вологодскую губ. на 3 года. В 1905 бежал из ссылки. С 1906 адвокат в Симферополе. В 1917 плехановец. Во время Февральской революции помощник губернского комиссара Временного правительства в Крыму, с осени 1918 по апрель 1919 министр труда и краевой контролер Крымского краевого правительства. В 1920 редактор газ. «Южные ведомости». Эвакуирован из Крыма в ноябре 1920. С 1924 жил в ЧСР (Прага). Сотрудник книжно-газетного отдела РЗИА в Праге (1924–1942). Имел адвокатскую практику. Член ОРО в Праге. В июне 1946 арестован СМЕРШ; вывезен в СССР, скончался в заключении в Бутырской тюрьме в Москве.

Отец: Семен Александрович (1832 — не позднее 1901), педагог, директор Нижегородского реального училища. Мать: Софья Львовна (урожд. Ергомышева). Братья: Лев (р. 1866), Александр (р. 1870), Владимир (р. 1873), Константин (р. 1877). Сестры: Людмила (р. 1868), Ольга (р. 1874), Любовь (р. 1876), Нина (р. 1882). Жены: в 1-м браке — Ева Самойловна; во 2-м браке — Татьяна Константиновна (урожд. Михайлова; 1898–1978). Сын: Виктор (1906–1979), музыкант, музыковед. Дочери: Ольга (в зам. Ступкова; р. 1924), Вера (р. 1927).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-6400 (личный фонд); ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 313. Д. 60.

БОГОЛЕПОВ Александр Александрович (16/28 января 1885, с. Срезнево Рязанской губ. — 31 августа 1980, Си-Клифф, шт. Нью-Йорк, США), правовед, историк церковного права и церкви.

Окончил Рязанскую ДС (1906), ЮФ СПбУ (1906–1910); прослушал курс ИФФ того же университета по словесному отделению. Магистр (1915), приват-доцент по кафедре административного права, с 1921 профессор, проректор ЮФ ПгУ по учебной части. Читал лекции на Петроградских ВЖК и экономическом отделении Политехнического института. В 1915–1917 помощник-юрисконсульт Министерства финансов, затем обер-секретарь в 1-м департаменте Правительствующего Сената. Арестован Петроградским ГПУ 1 сентября 1922; освобожден 19 октября; в ноябре выслан в Германию. Член РНИ в Берлине (1923), его ученый секретарь и член правления (до 1934). В 1924–1928(9) читал лекции по административному праву на РЮФ в Праге. В 1940–1945 преподавал русский язык в БерлинУ (Германия). В марте 1945 выехал с семьей из Берлина в Американскую оккупационную зону Германии. Несколько лет провел в лагерях для перемещенных лиц. С мая 1951 жил в США. Профессор, заслуженный профессор (1970) канонического права Свято-Владимирской ДС в Нью-Йорке. Доктор (1963), почетный доктор (1975) богословия. Председатель РАГ в США (1966–1970). Похоронен на кладбище Новодивеевского женского монастыря (Нануэт, шт. Нью-Йорк).

Отец: Александр Андреевич, священник, протоиерей. Жена: Елена Валерияновна (урожд. Запольская; 1888–1956).

ВИЛИНСКИЙ Валерий Сергеевич (13/26 июля 1903, Одесса — 11 мая 1955, Прага, Чехословакия), юрист, историк церкви, публицист.

Окончил гимназию А.П. Ровнякова в Одессе. Преподаватель на Одесских вечерних общеобразовательных курсах с октября 1918 по май 1919. С октября 1919 учился на ЮФ НоворосУ в Одессе. Летом 1920 бежал в Румынию, жил в Кишиневе. С 1921 в эмиграции в Болгарии. В августе 1921 окончил Плевненские общеобразовательные курсы Всероссийского союза городов. В 1921–1922 учился на ЮФ СофийУ. Член СРС в Болгарии. С 1923 жил в ЧСР. Учился на РЮФ в Праге по кафедре римского права (1923–1927), оставлен для приготовления к профессорскому званию. В дальнейшем окончил ФФ БрноУ; доктор философии. Служил чиновником в государственных учреждениях. Вел научную работу по истории русской духовной культуры, церковной истории Велеградской академии. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Отец: Сергей Григорьевич (1876–1950), филолог, профессор. Мать: Пелагея Ивановна.

Арх.: ГАОО. Ф. 37. Оп. 13. Д. 589. Л. 46 об.; Ф. 45. Оп. 5. Д. 2357; ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 123; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 52. Л. 8; Д. 430. Л. 1 об.; Д. 488. Л. 9; Литературный

архив Музея национальной письменности (Прага, Чешская Республика); Областной архив г. Опава — личные фонды.

М.М. Горинов-мл.

ВИЛКОВ Александр Александрович (1/13 ноября 1872, Ардатов Нижегородской губ. — 1958, Терезин, Чехословакия), правовед.

Из семьи духовенства. Учился в Нижегородской ДС, ТомскУ, окончил ВаршавУ (1895). В 1890-е социал-демократ; разыскивался Департаментом полиции; ряд лет провел в Париже (Франция). С июля 1910 приват-доцент ВаршавУ по финансовому праву. С июня 1917 профессор ДонУ в Ростове-на-Дону по кафедре финансового права. Кадет. В августе 1917 избран представителем ДонУ на Поместный собор, принявший решение о восстановлении в России патриаршества. В эмиграции с февраля 1920: эвакуирован из Новороссийска на пароходе «Константин» в КСХС, в г. Парацин. С 1921 жил в ЧСР (Прага). Член правления Союза русских академических организаций за границей (с октября 1921). Один из основателей, профессор, декан РЮФ (1928–1929). Участник заседаний экономического семинария П.Б. Струве. Профессор РИСХК. Преподавал в РНУ в Праге, выступал с лекциями о финансовом положении советской России и европейских стран. Принимал участие в заседаниях Братства Святой Софии в Праге (1924). Член СРВИ в ЧСР, председатель правления издательского товарищества «Единство». Казначей Фонда помощи русским студентам (с 1935). Член Общества друзей «Русский очаг», Донской казачьей станицы в Праге (1936–1943). Председатель ОРЮ (с 1937), член и заместитель председателя РАГ. Член Совета Русской ученой академии (1944). Похоронен на Ольшанском кладбище.

Арх.: ГАРО. Ф. 527. Оп. 1. Д. 1; ГА РФ. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 122; Ф. Р-5776. Оп. 1. Д. 66. Л. 104; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 46. Л. 172; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 1, 25; Ф. Р-5938. Оп. 1. Д. 353. Л. 276; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 132. Л. 42. Д. 168. Л. 28; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 177. Л. 56 об.; РГИА. Ф. 733. Оп. 225. Д. 79. Л. 11–13.

М.М. Горинов-мл., М.Ю. Сорокина

ВОЛКОБРУН Сергей Львович (18/30 июня 1893, СПб. — не ранее мая 1967, Франция (?)), правовед, историк, историк культуры.

Из потомственных дворян Петербургской губ. Окончил 3-е реальное училище в СПб. (1911), Павловское ВУ по 1-му разряду (1913). По окончании училища произведен в подпоручики и выпущен в лейб-гвардии Измайловский полк. Участник Первой мировой войны. Дважды ранен в 1914 и 1915. В марта 1916 перечислен в запасной батальон полка. С апреля 1917 капитан лейб-гвардии Измайловского полка, полагался в постоянной командировке в штабе Западного фронта. В 1917 учился в 1-м и 2-м семестрах в ПгУ, в 1918 перевелся в КиевУ, в котором пробыл еще 2 семестра. Участник Белого движения во ВСЮР. Весной 1919 эвакуирован из Севастополя в Новороссийск на крейсере «Кагул», затем

перевезен в Болгарию. В 1920 поступил в СофийУ, где пробыл 2 семестра. С 1922 жил в ЧСР. В сентябре 1922 зачислен студентом РЮФ в Праге, в октябре 1923 получил диплом 2-й степени и золотую медаль за сочинение «Кабинет министров в царствование императрицы Анны Иоанновны». В ноябре 1923 оставлен на РЮФ для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории русского права. Приват-доцент РЮФ (с 1926). Член РАГ, РИО. После 1945 покинул Чехословакию. Жил во Франции (?). Сотрудничал в парижском «Военно-историческом вестнике».

Отец: Лев Андреевич (ум. 1906), заведующий загородными императорскими дворцами; действительный статский советник. Жены: в 1-м браке — Елена Ивановна (урожд. Созонович); во 2-м браке — Мария Павловна (урожд. Вержбицкая; 1910–1970), певица, журналистка.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 1. Д. 1044; Оп. 2. Д. 140; Ф. Р-5857. Оп. 1. Д. 2. Л. 41; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 1; РГВИА. Ф. 409. п/с 257–308 (1913) Волкобрун С.Л.; Ф. 2577. Оп. 2. Д. 811. Л. 1 об., 8 об., 17; Д. 822. Л. 25 об. — 26, 50 об., 53 об., 56, 64 об.; Д. 375. Л. 52 об.; Д. 376. Л. 24 об.; Д. 815. Л. 31 об. — 32.

А.В. Марыняк, М.Ю. Сорокина

ГОЛАН Александр Иванович (16/28 сентября 1896, Нижний Новгород — 18 декабря 1936, Прага, Чехословакия), правовед.

Окончил Дворянский институт имп. Александра II в Нижнем Новгороде с золотой медалью (1906–1915), учился на ЮФ МУ (1-й семестр 1915). Демобилизован, окончил Алексеевское ВУ (1916). Участник Белого движения. Учился в ДонУ в Ростове-на-Дону (1917–1919) и ТаврУ в Крыму (1920). В составе РА П.Н. Врангеля эвакуирован из Крыма в Константинополь, а затем в Бизерту (Тунис, декабрь 1920). Член Тунисского отделения СРС во Франции (1921). В ЧСР с 1922. Окончил РЮФ в Праге с дипломом 1-й степени (1922–1924) и золотой медалью за сочинение «Ошибки при заключении частноправовых сделок». Оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре гражданского права (октябрь 1924). Приват-доцент РЮФ с ноября 1927. Член СРС в ЧСР, СРВИ в ЧСР, ОРЮ в Праге (на 1935). Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Отец: Иоганн (Иван Михайлович) Голлан (р. 1853), директор ревельской гимназии. Мать: Руженка Ивановна Новотни (р. 1861). Сестры: Магдалена (р. 1887), Вероника (р. 1893). Брат: Юрий (р. 1891), поручик, в эмиграции в Тунисе. Жена: Наталия Владимировна (урожд. Телухина; 1897 — не ранее 1943), медик. Сын: Михаил (р. 1924).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 186. Л. 26 об.; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 432. Л. 14; Д. 433. Л. 5; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 13; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 6. Л. 360; Д. 18. Л. 8 об.; Д. 92. Л. 2 об.; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 329. Д. 694.

Н.Ю. Масоликова, Л.П. Пухова

ГОРН Василий Леопольдович [псевд.: Серебренников, Рогов, Табаков] (1876, Иркутск — 18 апреля 1938, Прага, Чехословакия), правовед, общественный деятель, публицист.

Окончил гимназию в Иркутске, Демидовский юридический лицей в Ярославле со степенью кандидата права (1901). Член РСДРП, плехановец (1897–1909),

неоднократно привлекался к дознаниям, судим за политическую деятельность. После окончания срока пребывания под гласным надзором в Воронеже переехал во Псков (1900). Присяжный поверенный округа, юрисконсульт различных учреждений. Член псковской группы содействия газ. «Искра» (с 1901). Издавал во Пскове газ. «Пчела» (1906–1907) и «Псковская жизнь» (1907–1917). Зав. отделением сельскохозяйственной статистики в земстве. После II съезда РСДРП меньшевик. Адвокат СПб. судебной палаты (с 1909). После Февральской революции член Псковского комитета общественной безопасности, делегирован на Государственное совещание в Москве (август 1917). По социалистическому списку избран гласным Псковской городской думы и председателем финансовой комиссии (1917). Участник Белого движения. Государственный контролер в Северо-западном правительстве генерала Н.Н. Юденича. На последнем заседании правительства (5 декабря 1919), положившем начало его ликвидации на территории Эстонии, назначен политическим представителем правительства в Ревеле. Служил в гражданской ликвидационной комиссии, занимавшейся учетом имущества и выделением ликвидационных пособий оставшимся служащим гражданского ведомства. После заключения советско-эстонского мирного договора товарищ председателя ЦК русских эмигрантов в Эстонии. Эмигрировал в Германию (январь 1921), жил в Берлине. Присяжный поверенный (1922–1925). Член правления берлинского Союза русских писателей и журналистов. На службе в РЗИА в ЧСР с августа 1926. Представитель РЗИА в Латвии (с декабря 1926). Член Совета РЗИА (с 1934), ОРЮ в Праге. В ЧСР по нансеновскому паспорту (выдан в 1930). Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Жена: Мария Анатольевна (р. 1882).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-6092 (личный фонд); Ф. Р-5814. Оп. 2. Д. 5. Л. 270; Ф. Р-5857. Оп. 1. Д. 5. Л. 10; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 14; НИОР РГБ. Ф. 358. К. 220. Д. 44; ЦХИДК. Ф. 729. Оп. 1. Д. 2. Л. 127 об.

Н.А. Ёхина, Н.Ю. Масоликова

ЕВРЕИНОВ Борис Алексеевич (21 ноября / 3 декабря 1888, с. Борщень Суджанского у. Курской губ. — 29 октября 1933, Прага, Чехословакия), историк, юрист, общественный и политический деятель.

Из дворян Курской губ. Окончил 3-ю гимназию в СПб. (1902–1907), ИФФ СПбУ с дипломом 1-й степени (1907–1911, 1913). Вольноопределяющийся в л.-гв. кирасирском ЕВ полку (1911), прапорщик (1912), уволен в запас. Мировой судья Льговского судебно-мирового округа Курской губ. (1913–1917). Кадет. Комиссар Льговского у. Курской губ. (март — август 1917). В 1918 выехал в Киев с семьей. Секретарь Ученого комитета при Министерстве исповеданий Украины в Киеве (июнь 1918 — февраль 1919). Сотрудничал в газ. «Русский голос» (1918), «Слово», «Объединение» (1919). Участник Белого движения (ДА, ВСЮР). Корнет 17-го гусарского Черниговского полка. Тяжело ранен при взятии Ростова-на-Дону (февраль 1920). Эвакуирован 5 марта 1920 на пароходе «Новгород» из Новороссийска в Салоники (Греция). В Польше с конца 1920. Начальник канцелярии Управления интернированных русских войск (декабрь 1920 — февраль 1921). Председатель

культурно-просветительной комиссии, управляющий делами Русского комитета (Варшава, декабрь 1920 — апрель 1921). Управляющий делами, член правления Русского попечительского комитета в Польше (1922–1923). Управляющий делами представительства Земгора в Варшаве (1922). Представитель Центра действия в Польше (1921–1923). Член варшавской группы кадетов. Один из создателей объединения «Таверна поэтов» (Варшава). Переехал с семьей в ЧСР в апреле 1923. По представлению А.А. Кизеветтера зачислен в члены Русской учебной коллегии в Праге для подготовки к профессорскому званию по кафедре русской истории, на что получил стипендию от правительства ЧСР. Приват-доцент по русской истории на РЮФ (1928). Преподавал в РНУ. Член, секретарь РАГ в ЧСР, член Союза русских писателей и журналистов в ЧСР, ОРЭСО. Один из основателей РИО, его секретарь, член Совета и ученой комиссии РЗИА (1932–1933), член СИ (1929). Инициатор создания РМО (Прага, 1932), член коллегии хора им. А. Архангельского. Выступал с сольными концертами. Товарищ председателя пражской Демократической группы ПНС (с ноября 1923). Член РДС, участник съезда союза (1923), заседаний бюро Совета союза (Прага, 1925–1928), член РДО. Один из создателей «Организации по установлению связи» (1927), член Руководящего комитета (декабрь 1927 — июнь 1929). Диктор чехословацкого радиовещания на СССР, редактор Я. Славика при подготовке русских передач (1933). Сотрудничал в ж. «На чужой стороне», «Голос минувшего на чужой стороне», «Записки РИО» и др. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Отец: Алексей Владимирович (1852–1903), юрист, Суджанский уездный предводитель дворянства. Мать: Антонина (Нина) Васильевна (урожд. Сабашникова; 1862–1945), издательница. Братья: Владимир (1887–1967), помолог; Дмитрий. Сестра: Нина. Жена: Наталья Сергеевна (урожд. Жекулина; 1893–1983). Сыновья: Дмитрий (1914–1985), инженер, агроном; Алексей (1919–2011), инженер, мемуарист. Дочь: Наталья (в зам. Ганш; 1913–2004).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-6366 (личный фонд); Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 184; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 78. Л. 2–2 об., 4–4 об., 6–6 об; РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 9. Л. 31–31 об.; Д. 67. Л. 1; Ф. 2474. Оп. 1. Д. 57. Л. 1; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 49595. Л. 1, 2, 2 об., 6, 26, 28, 30.

П.А. Трибунский

ЖАДКЕВИЧ Константин Владимирович (24 сентября / 6 октября 1881, Брянск Орловской губ. — не ранее 1950, Прага, Чехословакия), юрист.

Потомственный дворянин. Окончил гимназию в Орле (1900). С 1900 учился на ЮФ МУ. В 1902 перешел на ЮФ СПбУ, окончил в 1904. Учился на экономическом отделении Политехнического института в Пг., ушел с третьего курса института. Работал в Керчи в канцелярии губернатора, в 1919–1920 служащий кооператива в Крыму. В 1920 эвакуирован в Константинополь, работал в канцелярии русского консульства. В эмиграции в ЧСР с декабря 1921. Студент ЮФ Карлова университета в Праге, слушатель РЮФ (1922–1924). Член СРС в ЧСР. Давал частные уроки французского и немецкого языков. Работал в РОКК. Член ОРЮ в Праге (на 1935). Гражданин ЧСР (1936).

Отец: Владимир Федорович, брянский землевладелец, действительный статский советник. Мать: Елизавета Дмитриевна (урожд. Кузмина). Сестры: Елизавета (р. 1871), Варвара (р. 1872). Братья: Сергей (р. 1874), служащий управления Волжско-Камского коммерческого банка в СПб.; Александр (р. 1878), Владимир (р. 1879). Жена: Ольга Васильевна (урожд. Костомарова; 1883 — после 1950), зубной врач. Сын: Константин (1910–1944), химик.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 290, 291; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 420. Л. 1 об., 12; Д. 433. Л. 37; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 13; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 314. Д. 266; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 40338.

М.М. Горинов-мл.

ЖЕКУЛИН Николай Сергеевич (25 мая 1892, с. Александровское Суджанского у. Курской губ. — 30 ноября 1933, Лозанна, Швейцария), юрист, экономист, педагог.

Потомственный дворянин. Окончил гимназию В.П. Науменко в Киеве (1905–1910), учился на ЮФ КиевУ там же (1910–1916). Секретарь университетского цивилистического кружка, работавшего под председательством проф. В.И. Синайского. Удостоен золотой медали за работу по политической экономии «Теория ценности Э. фон Бем-Баверка и вызванная ею литература». Учился в НАУ (1916–1917). Сдал выпускные экзамены в КиевУ (лето 1917). Оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре политической экономии и статистики (март 1918). Прибыл в Ростов-на-Дону (1919), участник Белого движения. Эвакуирован из Новороссийска в феврале 1920, жил в м. Фамагуста на о. Кипр. Переехал в Константинополь в июне 1920, затем в Софию (Болгария), где работал в ВСГ. Жил и работал в ЧСР с 1921. Приват-доцент РНУ, РЮФ в Праге по кафедре политической экономии и статистики (с марта 1925). Профессор русского языка в пражском ВКИ (с 1928). Сотрудник экономического отделения СИ в Праге, секретарь РАГ, член РИО, СРВИ в ЧСР. Публиковался в газ. «Россия и славянство», ж. «Хозяин» и др. Сотрудник ЧСЗА.

Отец: Сергей Иванович (ум. в конце 1890-х), действительный статский советник, земский деятель. Мать: Аделаида Владимировна (урожд. Евреинова; 1866–1950), педагог, общественный деятель. Братья: Сергей (р. 1888); Глеб (р. 1897). Сестры: Нина (в зам. Оболенская; р. 1884); Зоя (р. 1885); Ольга (в зам. Лосиевская; р. 1887); Наталья (в зам. Евреинова; 1893–1983); Ирина (в зам. фон Дрейер; 1894 (по др. свед., 1895) — 1931); Вера (р. 1898). Жена: Ксения Николаевна (урожд. Янишевская; 1896–1976), общественный деятель. Сыновья: Никита (1917–1992), инженер; Глеб (1922–2004), профессор славянских языков и литературы.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 292; Ф. Р-5809. Оп. 1. Д. 12. Л. 65; Ф. Р-5857. Оп. 1. Д. 2. Л. 19; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 168. Л. 28; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 106. Л. 33. Д. 146. Л. 54; Ф. Р-5900. Оп. 1. Д. 29. Л. 264; ДАК г. Киева. Ф. 16. Оп. 464. Д. 3649.

М.М. Горинов-мл., М.Ю. Сорокина

ЗАВАДСКИЙ Сергей Владиславович (18 февраля / 2 марта 1871, Казань — 3 июля 1935, Прага, Чехословакия), правовед, специалист по гражданскому праву.

Из дворянской семьи. Окончил 5-ю московскую гимназию с золотой медалью (1889), ЮФ МУ с дипломом 1-й степени (1889–1893). Служил в СПб. судебной палате, товарищ обер-прокурора уголовного департамента Сената. Профессор гражданского права Имп. Александровского лица (1911–1917). Товарищ председателя Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства (1917). Сенатор (1917). Государственный секретарь правительства гетмана П.П. Скоропадского на Украине (1918). Товарищ председателя Особой следственной комиссии по расследованию большевистских злодеяний при Главнокомандующем ВСЮР (1919). В начале 1921 эмигрировал в Польшу. С 1922 жил в ЧСР. Профессор РЮФ в Праге по кафедре гражданского права и процесса (1923–1933). Член правления, товарищ председателя, председатель РАГ (1929–1932). Член Совета преподавателей РНУ, СРПЖ, СРВИ в ЧСР. Первый председатель ОРЮ. Председатель Комитета по улучшению быта русских писателей и журналистов в ЧСР (с 1924). Член редколлегии альманаха «Ковчег». Председатель совета РЗИА. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Отец: Владислав Ромулович (1840–1910), судебный деятель, сенатор. Мать: Надежда Сергеевна (урожд. Писарева). Сестра: Софья (р. 1872). Жена: Калерия Ивановна (1876–1963).

Арх.: ЦНБ СТД РФ (личный фонд); ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 305; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 202; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 303. Д. 264.

М.Ю. Сорокина

КАТКОВ Михаил Мефодьевич (8/20 сентября 1860, СПб. — 22 июня 1941, Великобритания), правовед, специалист по римскому праву.

Окончил Имп. лицей в память цесаревича Николая в Москве (1881), ЮФ МУ (1886). Оставлен для приготовления к профессорскому званию по римскому праву. И.д. доцента Демидовского юридического лица (1890). Магистр римского права (1905). И.д. экстраординарного (1906), ординарный (1910) профессор римского права КиевУ. Также преподавал в ККИ и на ВЖК в Киеве. Эмигрировал в Польшу в сентябре 1921, затем жил в Праге (ЧСР). Профессор (торговое право), и.о. декана РЮФ (1928). Член РАГ, СРВИ в ЧСР, Совета Успенского братства. В 1940 с помощью сына Георгия переехал в Великобританию. Похоронен на кладбище Хэдингтон в Оксфорде.

Отец: Мефодий Никифорович (ум. 1841), юрист. Жена: Екатерина Григорьевна (урожд. Головнина; 1866–1927). Сыновья: Георгий (1903–1985), историк, филолог; Кирилл (1905–1995), художник.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 199, 393, 678, 817, 1044; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 1, 11 об.; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 168. Л. 28; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 53. Д. 123; Оп. 56. Д. 264. Л. 2, 5, 11, 24.

Н.Ю. Масоликова

КОСИНСКИЙ Андрей Владимирович (18/30 марта 1897, Москва — не ранее 1928), правовед.

Окончил гимназию В.П. Науменко в Киеве (1910–1916). Учился на ЮФ КиевУ. Участник Белого движения. В 1919 эвакуирован в Софию (Болгария). В ЧСР с начала 1922. Учился на архитектурном отделении ЧВТШ в Праге, в мае 1922 перевелся на РЮФ там же, окончил его в 1926. Оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре международного права. С 1928 работал на ЮФ университета в Буэнос-Айресе (Аргентина).

Отец: Владимир Андреевич (1864–1938), экономист, академик. Мать: Елена Николаевна (урожд. Каратыгина; р. 1870). Брат: Владимир (1908–1959), медик. Сестры: Елена (р. 1902); Татьяна (в монашестве Серафима; 1903–1981), художник-иконописец, церковный деятель.

Арх.: ГА г. Киева. Ф. 18. Оп. 2. Д. 138. Л. 11, 98, 204; ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 452; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 433. Л. 11; Д. 525.

М.М. Горинов-мл.

КРАСНОВ Василий Михайлович (31 декабря 1877 / 12 января 1878, Ставрополь — 1946, Прага), правовед, политический и общественный деятель, архивист.

Из разночинцев. Причислен в Ставропольское дворянство с отцом (1892). Окончил Ставропольскую классическую гимназию (1886–1896), ЮФ СПбУ (1896–1901). Присяжный поверенный (Ставрополь). Заведующий редакцией газ. «Северный Кавказ» (1902–1905). Председатель комитета по распространению народного образования в Ставрополе (1909–1911). Гласный Ставропольской городской думы (с 1910). Председатель правления Ставропольского общества потребителей «Объединение». Член исполнительной комиссии по заведованию Ставропольским городским музеем им. М.В. Праве. Секретарь Общества борьбы с чахоткой (Ставрополь). Действительный член Ставропольского губернского статистического комитета. Меньшевик. Редактор социал-демократической газ. «Голос» (Ставрополь, 1906). Товарищ председателя Ставропольского городского комитета, председатель губернского комитета общественной безопасности (1917). Прокурор Ставропольского окружного суда (1917–1918). Председатель Ставропольской окружной комиссии по выборам в Учредительное собрание (1917–1918). Арестован большевиками, освобожден (июнь 1918). Бежал из Ставрополя. После захвата города ДА вернулся к исполнению обязанностей прокурора (1918–1919). Товарищ председателя Ставропольского окружного суда (1919–1920). Член Особой комиссии по расследованию злодеяний большевиков (1919). Министр юстиции Южнорусского правительства (февраль — март 1920). Юрисконсульт Управления Главного военно-санитарного и врачебного инспектора (в ноябре 1920). Эвакуирован из Севастополя 3 ноября 1920 на транспорте «Ялта». Некоторое время жил

на о. Халки (январь 1921). Член Народного союза освобождения Юго-Востока (Константинополь, 1921). Переехал в Германию (1921), жил в Берлине. Прибыл в ЧСР 19 декабря 1923. Читал лекции на юридических курсах при РСУ и служил в культурно-просветительном отделе Общеказачьего сельскохозяйственного союза в Праге. Член правления Благотворительного общества помощи заключенным в России, член друзей «Русского очага» в ЧСР, СРВИ, ССДЮ, Союза ставропольцев, участник инициативной группы по учреждению «Народного союза казачества». Архивариус (1925), секретарь Совета и ученой комиссии (1925), заведующий газетным подотделом РЗИА. Способствовал поступлению в РЗИА многих документов и личных фондов. Вышел на пенсию (март 1942). Интернирован, пробыл в немецких концлагерях до мая 1945. Похоронен на Ольшанском кладбище в Праге.

Отец: Михаил Васильевич (1841–1915), педагог, историк, Ставропольский губернский предводитель дворянства (1907–1913). Мать: Евгения Ивановна (урожд. Исакова). Сестра: Алевтина (р. 1882), педагог. Дети от 1-го брака: Злата (ок. 1911 — 1918), дочь, сын. Жена во 2-м браке: Милица (Елена) Викентьевна (урожд. Гассон).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-6122 (личный фонд); Ф. 102. 3-е д-во. 1905. Оп. 103. Д. 243. Л. 4–4 об.; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 298 об. — 299; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 82. Л. 66–66 об.; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 29. Л. 2 об.; Д. 54. Л. 32; Д. 156. Л. 8; Ф. Р-5768. Оп. 1. Д. 34. Л. 85; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 32621. Л. 1–3, 5, 8 об. — 9, 17 об. — 20, 25.

П.А. Трибунский

ЛАЗАРЕВСКИЙ Владимир Александрович (19/31 мая 1897, г. Валки Харьковской губ. — 25 августа 1953, Ницца, Франция), юрист, журналист, редактор, переводчик, общественный деятель.

Дворянин. Окончил Александровскую гимназию в Киеве с золотой медалью (1905–1914). Зачислен на ЮФ Киеву (август 1914), отчислен из университета в декабре 1915. Поступил в Алексеевское инженерное военное училище (январь 1916). Возобновил занятия на ЮФ Киеву в апреле 1918. Участник Гражданской войны: работал в киевском отделении подпольной антибольшевистской организации «Азбука». Сотрудничал в газ. «Голос Киева» (1918), «Киевлянин» (август — декабрь 1919). В ЧСР с 1920 (?). Член правления РНСО в ЧСР, ОРЭСО, СРС в ЧСР.

Один из учредителей Союза русских писателей и журналистов (октябрь 1922). Окончил РЮФ (1922–1926). Зав. отделом общественно-политической и академической жизни редакции ж. «Студенческие годы» (с 1924). С 1926 жил в Париже. Председатель правления Общества по изучению проблем Лиги Наций. Член Союза ревнителей памяти императора Николая II. Входил в состав административного совета ОРОВУЗ (1930). В годы Второй мировой войны состоял в Комитете по организации представительства русской национальной эмиграции, занимался вопросами выдачи пропусков. После Второй мировой войны организовал РНС. Член административного совета РМО за границей

(с 1946). Основатель и первый редактор парижской газ. «Русская мысль» (1947). Член Пушкинского комитета по организации празднования 150-летия со дня рождения поэта. Председатель Русско-польского объединения (с 1951), входил в комитеты: защиты интересов РОКК в Югославии, по подготовке «Дня русской культуры», празднования 250-летия основания СПб., по выработке Устава РНС в Париже. Член Общества охранения русских культурных ценностей. Похоронен на кладбище Кокад в Ницце.

Отец: Александр Петрович (р. 1855), товарищ председателя Киевского окружного суда (с 1912). Мать: Валентина Варсонофьевна (урожд. Михайлова). Брат: Евгений (р. 1898).

Арх.: Архив ДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 4207; ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 464. Д. 5855–5856; ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 503; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 24. Л. 5–5 об.; Д. 81. Л. 167–168; Д. 150. Л. 36–38; Д. 433. Л. 14.

М.М. Горинов-мл.

ЛАЗАРЕВСКИЙ Николай Николаевич (13 марта 1892, г. Остер Черниговской губ. — 18 января 1944, Берлин, Германия), юрист.

Сын чиновника. Окончил 7-ю гимназию в Киеве (1912). Учился на ЮФ Киеву (1912–1913). Участник Первой мировой войны. Поручик 1-го уланского генерал-фельдмаршала князя Меншикова полка. Жил в Пг., входил в Комиссию по выборам в Учредительное собрание (1917). Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма в октябре 1920, находился в лагере для русских беженцев в Салониках (Греция). Член РНСС в Салониках. Переехал в ЧСР в феврале 1922. Окончил РЮФ (1922–1926). Член СРС в ЧСР. Работал в Автомобильно-тракторной школе Земгора. Один из создателей Бюро труда, окончивших РЮФ в Праге (весна 1925). Член правления ОРОВУЗ (с октября 1925), командирован для участия в конференции ОРЭСО в Париже (июль 1926). После 1926 переехал в Париж. Член административного совета, генеральный секретарь и зав. отделом труда ОРОВУЗ (с 1928). Похоронен на кладбище Тегель в Берлине.

Жена: Клавдия Ивановна (р. 1896).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3181; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 504; Ф. Р-5813. Оп. 1. Д. 9. Л. 11 об.; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 10. Л. 16. Д. 54. Л. 10. Д. 81. Л. 172. Д. 433. Л. 13; Ф. Р-5894. Оп. 1. Д. 24. Л. 1 об.; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 160. Л. 8. Д. 166. Л. 20, 54.

М.М. Горинов-мл.

ЛАНИН Леонид Петрович (13/25 октября 1894, Борисоглебск Тамбовской губ. — не ранее 1937), адвокат.

Окончил приходское училище (1901–1904) и Александровскую гимназию в Борисоглебске (1904–1913), ЮФ МУ (1913–1918). Участник Белого движения. Подпрапорщик 2-го эскадрона Отдельного конного генерала Маркова дивизио-

на. Эвакуирован в Галлиполи в 1920. В ЧСР с 1921. Учился в ЧВТШ. В мае 1922 принят на РЮФ. Член СРС в ЧСР. В дальнейшем адвокат в Мукачево.

Отец: Петр Александрович, купец. Мать: Анна Тимофеевна (урожд. Ненашева). Братья: Дмитрий (р. 1891), выпускник ЮФ МУ; Борис (р. 1896), окончил РЮФ. Сестры: Александра (в зам. Бутми; р. 1899), выпускница РЮФ; Валентина (в зам. Мороз; р. 1902), выпускница РЮФ.

Арх.: Архив ДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 2649; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3189–3191; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 507–510; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 380. Л. 17. Д. 433. Л. 13; Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 6. Л. 95; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 85. Л. 3; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 417. Оп. 17.

Д. 524; Ф. 418. Оп. 322. Д. 952. Оп. 327. Д. 1255.

М.М. Горинов-мл.

ЛЕОНТОВИЧ Виктор Владимирович (3 апреля 1902, СПб. — 12 августа 1959, Лондон, Великобритания), историк, правовед, специалист по церковному праву.

Из дворянской семьи. Окончил гимназию В.П. Науменко в Киеве (1919). Участник Белого движения (ВСЮР до конца марта 1920). Учился в ККИ (1920–1921). В ЧСР с сентября 1921. Окончил РЮФ (1923–1929), дисс. «Формирование епископской власти в течение первых трех столетий». Оставлен при РЮФ для приготовления к профессорскому званию по кафедре церковного права. Стипендиат Св.-Сергиевского богословского института в Париже, занимался у проф. С.Н. Булгакова; одновременно изучал историю церковного права в Сорбонне. Магистр юриспруденции (1932). Читал лекции по церковному праву во ФРИСПН (зимний семестр 1932/1933).

Приват-доцент государственного права РЮФ со специализацией на церковном праве (1933). Выступал в Украинской библиотеке им. С. Петлюры в Париже с докладом «Устройство украинской церкви в XV–XVIII вв.» (март 1933). В Германии с 1934, жил в Берлине. Лектор русского языка в Берлинской высшей экономической школе, по совместительству доцент советского права в Институте международного права при БерлинУ. С 1949 жил во Франкфурте-на-Майне, приват-доцент, внештатный профессор восточноевропейской истории ФФ университета (с 1954).

Отец: Владимир Николаевич (1866–1933), писатель. Мать: Юлия Владимировна (урожд. Лесевич; 1875–1959), дочь философа-позитивиста В.В. Лесевича. Сестра: Ольга (в зам. Брунст; 1897–1961), художница. Жена: Елена Генриховна Гильдегунт Рёмхельд (р. 1909). Дочери: Ольга, Юлия, Мария. Сын: Пармен.

Арх.: Архив ДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 5224; ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 525–526; Ф. Р-5942. Оп. 1. Д. 55. Л. 183–184.

М.М. Горинов-мл., М.Ю. Сорокина

ЛЕОНТЬЕВ Александр Александрович (6/18 июня 1859, СПб. — 28 октября 1923, Прага, Чехословакия), юрист.

Потомственный дворянин. Окончил Пажеский корпус. Камер-паж высочайшего двора (с 1875). Подпоручик л.-гв. Семеновского полка (с 1877). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878. После увольнения с военной службы вольнослушатель (1880), студент (1881) ЮФ СПбУ. Участвовал в студенческих беспорядках (ноябрь 1882). Арестован, подвергался дознанию по обвинению в государственном преступлении СПб. губернским жандармским управлением (июль 1883). Отчислен из СПбУ, выслан в Семипалатинск (ноябрь 1883). По окончании ссылки служил по судебному ведомству, в канцелярии киевского генерал-губернатора, во Втором департаменте Правительствующего сената. В 1905 вышел в отставку. Присяжный поверенный СПб. судебной палаты. Преподаватель СПбПИ по кафедре крестьянского права. Тов. председателя Отделения обычного права Юридического общества при СПбУ. Сотрудничал в ж. «Дело», «Юридический вестник», «Северный вестник», «Юридическая летопись» и др. Сенатор (1917). Участник Белого движения. Эвакуирован в Константинополь в 1920, затем жил в Салониках (Греция) и во Враньской Баньи (КСХС). Работал при окружном суде в г. Бихач. В июле 1923 переехал в ЧСР, жил в Праге. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Отец: Александр Николаевич (1827–1878), генерал-лейтенант, начальник Николаевской академии Генерального штаба. Мать: Ольга Александровна (урожд. Немчинова), дочь купца 1-й гильдии. Братья: Евгений (1855–1894), полковник; Николай (1864–1909), полковник; Владимир (1874–1931), штабс-капитан. Сестры: Наталья (р. 1857); Анна (р. 1861); Мария (р. 1863); Ольга (р. 1870).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 64. Л. 32 об. Д. 178. Л. 63 об.; Ф. Р-6792. Карточка «Л». Л. 1620–1622; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 18327. Л. 1–8. Оп. 17. Д. 1156. Л. 32–40; РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 10. Л. 9–9 об.; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 21867.

М.М. Горинов-мл.

ЛИТВЯК (урожд. Трофимовская) **Мария Александровна** (22 мая 1897, Ростов-на-Дону — 6 мая 1939, Прага, Чехословакия), правовед, экономист.

Дочь дьякона. Окончила гимназию А.А. Филипповой в Ростове-на-Дону (1909–1915). Слушательница частного Московского юридического института (1915). После замужества покинула институт. Эвакуирована в Константинополь в ноябре 1920. В ЧСР с августа 1922. Окончила РЮФ (1924–1932), дисс. «Экономический и правовой аспекты в проблеме кооперативного законодательства». Член СРС в ЧСР. Выпускница РИСХК (1925), оставлена для подготовки к преподавательской деятельности. Доктор кооперации (1927). Действительный член РНСО в ЧСР (с июля 1925). Давала частные уроки. Участница дискуссии на тему «Тоталитарное государство (человеческая свобода или государственное рабство)» в РСУ (октябрь 1935). Похоронена на Ольшанском кладбище в Праге.

Муж: Сергей Леонтьевич (р. 1882), юрист.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3313; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 535; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 137. Л. 25. Д. 433. Л. 13; Ф. Р-5938. Оп. 1. Д. 351. Л. 265; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 363. Оп. 4. Д. 644. Л. 10.

М.М. Горинов-мл.

ЛИТВЯК Сергей Леонтьевич (6 августа 1882, Брест-Литовск Гродненской губ. — не ранее 1939), юрист.

Окончил гимназию в Брест-Литовске (1901). С августа 1903 служил вольноопределяющимся в 129-м пехотном Бессарабском полку, с сентября 1905 — в 130-м пехотном Херсонском полку, с июля 1906 — в 41-м пехотном Селенгинском полку (близ Киева). Участник Первой мировой войны. Эвакуирован в Константинополь в ноябре 1920. В ЧСР с августа 1922. Окончил РЮФ в Праге (1922–1928). Член СРС в ЧСР, ОРЮ в Праге, Общества для погребения православных русских граждан и для охраны их могил в ЧСР (на 1939).

Брат: Николай Леонтьевич (р. 1878), судебный деятель в Польше. Жена: Мария Александровна (урожд. Трофимовская; 1897–1939), юрист, экономист.

Арх.: РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 31623. Л. 814–815. Д. 32020. Л. 336–343; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3314; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 536; Ф. Р-5814. Оп. 1. Д. 68. Л. 48–50 об.; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 433. Л. 13; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 11 об., 13 об.

М.М. Горинов-мл.

ЛОМШАКОВ Павел Степанович (21 февраля 1859, Барнаул — 15 февраля 1937, Прага, Чехословакия), военный юрист.

Из семьи священника Томской губ. Окончил Сибирскую военную гимназию (1879), 3-й военный Александровский лицей (1879). Подпоручик (1879), прикомандирован к 12-му Туркестанскому батальону (октябрь 1879), где служил до июня 1882). В октябре 1882 прикомандирован для службы к 5-му запасному Сибирскому линейному батальону. В октябре 1884 зачислен в ВЮА на штатную вакансию. По окончании полного курса в академии по 1-му разряду в мае 1887 отчислен в распоряжение Главного военно-судного управления, прикомандирован к прокурорскому надзору Туркестанского военно-окружного суда. В июне 1889 назначен кандидатом в Омский военно-окружной суд, капитан (1889). С сентября 1890 военный следователь Приамурского, с июля 1892 — Варшавского ВО. Подполковник (август 1892). В мае 1894 назначен помощником военного прокурора Казанского ВО, полковник (март 1896). Военный следователь Одесского ВО (июнь 1898), военный судья Московского военного окружного суда (июнь 1906). Вышел в отставку с производством в чин генерал-майора (1907). Жил в СПб., затем с семьей в Сочи (до 1922). По приглашению младшего брата, А.С. Ломшакова, выехал в ЧСР в 1923. Жил с семьей в Праге. Преподавал в ЧВТШ. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Отец: Степан Петрович, настоятель Петропавловского собора в Барнауле Томской губ. Мать: Дарья Михайловна (урожд. Дебреева). Братья: Евгений (р. 1855), начальник канцелярии Технологического института в СПб.; Тихон (р. 1862), штабс-капитан; Алексей (1870–1960), инженер, профессор. Жена: Нина Карловна Циглер фон Шафгаузен, дочь архитектора Карла Циглера фон Шафгаузена (1826–1906). Сыновья: Алексей (ум. 1937), Павел, Борис. Дочери: Нина (в зам. Кривошеина, 1904–1968); Ирина.

Арх.: РГВИА. Ф. 409. Оп. 1. Д. 133644. Л. 351–358; Д. 133859. Л. 17–25; П/с 74-468 (1895); ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3349; Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 69. Л. 37; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 83. Л. 24.

М.М. Горинов-мл., К.К. Семенов

МАГЕРОВСКИЙ Лев Флорианович (18 февраля / 1 марта 1896, Одесса — 8 июля 1986, Нью-Йорк, США), юрист, историк, журналист, архивист.

Учился в Ришельевской гимназии в Одессе. Окончил Владимирский кадетский корпус в Киеве, поступил на ЮФ КиевУ (1914). С началом Первой мировой войны прервал занятия, окончил МАУ в Пг. (1915). Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте, поручик 8-й армии (с марта 1917), командовал 74-й зенитной батареей. Слушатель ВЮА в Пг. Вернулся в Киев в декабре 1917, возобновил занятия на ЮФ КиевУ (1918–1919). Участник Белого движения: работал в киевском отделении подпольной антибольшевистской организации «Азбука». Сотрудник газ. «Киевлянин». Совместно с В.Л. Бурцевым работал в службе прессы и информации правительства Юга России (1920). После эвакуации из Крыма в 1920 жил в ЧСР. Член Союза русской трудовой интеллигенции, представлял Союз на встрече с министром иностранных дел ЧСР Э. Бенешем в апреле 1920. Редактор газ. «Русское дело» (1920), сотрудник газ. «Славянская заря» (1920). Директор русско-чешского телеграфного агентства «Руссунион» (1920–1937). Член русской секции студенческого общества «Славянское единение» (с декабря 1921). Казначей, член правления СРЖЛ (1921–1922). Окончил РЮФ (1922–1928). Директор Русского бюро печати в Праге, редактировал отдел «Русская эмиграция» в альманахе «Ежегодник Чехословацкой республики», издававшемся депутатом чехословацкого парламента Й. Гайном (1922–1928). Сотрудник РНСО в ЧСР. Член правления СРСок, редколлегии газ. «Русский сокол за границей» (1924). Редактор ж. «Русский сокольский вестник» (с 1928), староста спортивного общества «Русский сокол» в Праге (с 1931). Член правления Всероссийского крестьянского союза за границей (1925), секретарь пражского отделения Союза, состоял в политической партии «Крестьянский путь» (1925). Член издательского товарищества «Единство» в Праге (1929). Один из основателей РЗИА, зав. газетным отделом (с 1924). Гражданин ЧСР (1937). Выпустил сводную библиографию русской периодической печати за 1917–1921 по фондам РЗИА (1939). После занятия Праги советскими войсками

в мае 1945 добрался до Регенсбурга в американской зоне оккупации Германии, участвовал в спасении советских военнопленных от выдачи в СССР. Переехал в США, жил в Нью-Йорке (с 1948), организовал Комитет помощи беженцам, оставшимся в Европе. Сотрудник, куратор Бахметевского архива КолумБУ (1951–1977). Похоронен на кладбище Флашинг в Квинсе (Нью-Йорк).

Отец: Флориан Григорьевич, потомственный дворянин Подольской губ. Мать: Мария Титовна (урожд. Беланова). Жена: Ольга Николаевна (урожд. Мерклинг; 1897–1973), сестра милосердия, член Общества взаимопомощи русских женщин в ЧСР. Дочь: Галина (р. 1917), медик. Сын: Евгений (1934–2009), историк, полковник Генерального штаба армии США.

Арх.: Архив ДРЗ. Ф. 142 (Магеровский Е.Л.); ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 464. Д. 6469; ГА РФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 79. Л. 93, 102; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 573; Ф. Р-5813. Оп. 1. Д. 22. Л. 17; Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 23. Л. 59 об.; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 12. Л. 15; Д. 145. Л. 12; Д. 222. Л. 49 об.; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 84. Л. 6–12 об.; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 67. Л. 16, 46; Д. 121. Л. 22; Д. 128. Л. 28, 40, 44, 49, 50; Д. 132. Л. 42; Ф. Р-5977. Оп. 1. Д. 14. Л. 3–5; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 178. Л. 79; Ф. Р-6348. Оп. 2. Д. 631; РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 67. Л. 1–5.

М.М. Горинев-мл.

МАКЛЕЦОВ Александр Васильевич (3 ноября 1884, с. Городное Богодуховского у. Харьковской губ. — 7 сентября 1948, Любляна, Югославия), правовед, педагог, общественный деятель.

Окончил 2-ю гимназию в Пензе (1894–1902), ЮФ ХарьковУ с золотой медалью (1908). Дипломная работа — «Вина умышленная и неосторожная». Оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре уголовного права. Приват-доцент уголовного права ХарьковУ (с 1912). Магистр уголовного права. Профессор кафедры общего и специального законоведения Ново-Александрийского института сельского хозяйства и лесоводства в Харькове (1915–1919). Кадет. Гласный Харьковской городской думы. Член русского отдела Международного союза криминологов (с 1910), Совета общества юристов в ХарьковУ. Почетный мировой судья в Харькове. Участвовал в создании в Харькове особого суда для малолетних. Ответственный редактор харьковской ежедневной газ. «Новое время» (1918–1919). Эвакуирован из Новороссийска в марте 1920. Прибыл в КСХС, г. Чуприя (апрель 1920). Секретарь представительства ВСГ в КСХС (1920–1921). Редактор газ. «Русская мысль» (1920–1922, Белград). В ЧСР с октября 1921. Жил в Праге. Член юридико-экономического отделения Русской учебной коллегии в Праге, читал курс уголовного права для русских студентов. Уполномоченный отделения по делам русских студентов-юристов КарловУ. Профессор кафедры уголовного права (1922), секретарь РЮФ (1925–1926). Член Союза русских педагогов средней и низшей школы в ЧСР, правлений РАГ и СРПЖ. Профессор РПИК (1925–1926). С 1926 вновь жил в КСХС. Профессор ЛюблянУ (до 1945). Гражданин КСХС (1929). Изучал проблемы правовой и социальной защиты детства в советской России и мире. Один из организаторов «Русской матицы» в Любляне (1929). Создал школу словенской криминологии.

Отец: Василий (ум. 1919), преподаватель. Мать: Вера (ум. 1904). Жена: Лилиана (р. 1897), участница партизанского движения в годы Второй мировой войны.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 569; Ф. Р-5773. Оп. 2. Д. 81; Ф. Р-5809. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об. Д. 5. Л. 175; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 177. Л. 62. Д. 178. Л. 78 об.; Ф. Р-5900. Оп. 1. Д. 10. Л. 13; РГАЛИ. Ф. 355. Оп. 2. Д. 204.

М.М. Горинов-мл., Л.П. Пухова, М.Ю. Сорокина

МАЛИЦКИЙ Николай Павлович (25 ноября / 7 декабря 1884, Орел — не ранее 1930), правовед, специалист по кооперативному законодательству.

Окончил 3-ю гимназию в Одессе (1894–1903), экономическое отделение СПбПИ (1903–1908). Служил в управлении по делам мелкого кредита Государственного банка в СПб. Эвакуирован в 1920 на пароходе «Саратов» в Египет. Жил в лагере Телль-эль-Кебир (с января 1920), затем в Болгарии (Варна). В ЧСР с сентября 1921. Работал в Русском банке в Ужгороде. Учился в РИСХК (1925–1926), профессор РИСХК.

Отец: Павел Иванович (р. 1849), управляющий Одесской конторой Государственного банка. Мать: Александра Афанасьевна (урожд. Ситникова; р. 1862). Братья: Константин (1887–1935), горный инженер; Александр (р. 1891); Василий (р. 1895). Сестры: Мария (р. 1888), Елизавета (р. 1897), Елена (1900–1962). Жена: Анна Николаевна (р. 1885), учитель.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3813, 3814; Ф. Р-5938. Оп. 1. Д. 351. Л. 145, 247; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 171. Л. 32 об. Д. 187. Л. 39; ЦГИА СПб. Ф. 478. Оп. 1. Д. 1289.

М.М. Горинов-мл.

МАРКОВ Иосиф (Осип) Дмитриевич (25 октября 1890, Лемберг, Австро-Венгрия — 1976, Братислава, Чехословакия), правовед, историк-славист.

Окончил немецкую гимназию в Лемберге и поступил на ЮФ ВенУ (1908). Перешел на ЮФ ЛембергУ, где продолжил обучение (1909–1912). Доктор права ЛембергУ (1913). Учился на ИФФ ЛембергУ (с 1913). Работал адвокатом там же. В Румынии с конца 1915, жил в Бухаресте, изучал румынский язык и историю Румынии. Переехал в Пг., затем в Ростов-на-Дону (конец 1916). Удостоен ученой степени кандидата права за дисс. «Ссылка как наказание и ссылка в России» ЮФ ДонУ (сентябрь 1917). Оставлен в университете для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории славянских законодательств у проф. Ф.Ф. Зигеля.

Командирован для занятий историей славянских законодательств в библиотеки и университеты Варшавы, Львова, Праги и Загреба (апрель 1919). Прибыл в ЧСР в апреле 1920. Один из учредителей СРЖЛ. Нотариальный

консультант в Ужгороде и Мукачево. Переехал в Прагу в октябре 1923. Член РАГ, РИО (с 1925). Приват-доцент РЮФ (с 1926). Член издательского товарищества «Единство» в Праге. Доцент ЮФ БратиславУ (с 1929), профессор славянского права (1931–1950). Способствовал деятельности Института славянского права при ЮФ БратиславУ. На пенсии с 1951.

Отец: Дмитрий Андреевич (1868–1938), правовед, публицист.

Арх.: ГАРО. Ф. 527. Оп. 3. Д. 809; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3866; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 586; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 1; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 132. Л. 42.

М.М. Горинов-мл.

МЕЙСНЕР Дмитрий Иванович (14 июля 1899, СПб. — 21 января 1980, Москва, СССР), юрист, журналист, общественный деятель.

Из дворянской семьи. Окончил гимназию Л.Д. Лен-товской в Пг. (1917). Избран председателем молодежной организации учащихся средних школ при ПНС (май 1917). Учился на первом курсе ЮФ ПгУ. Участник Белого движения с августа 1919, воевал в 1-й гвардейской артиллерийской бригаде в составе ВСЮР. Эвакуирован из Севастополя на пароходе «Херсон» в ноябре 1920, находился в Галлиполи. Летом 1921 переехал в Болгарию, работал в Софии: в русском ресторане, строительным рабочим. Тов. председателя СРС в Болгарии. В ЧСР с октября 1921. Секретарь и член правления ОРЭСО. Окончил РЮФ (1922–1927). Работал в газетном отделе РЗИА. Пражский корреспондент газ. «ПН» (Париж). Член ред-

коллегии ж. «Студенческие годы» (Прага, с 1922). Председатель правления РДСС в ЧСР (с 1925). Редактор ж. «Своими путями» (Прага, с 1926). Секретарь ОРЭО (с 1931). Активный участник РДГ ПНС. Член ОРОВУЗ (1939), ОРЮ в Праге. Член правления СРПЖ (с февраля 1939). В годы Второй мировой войны член подпольной антифашистской организации в Праге, арестовывался гестапо (1941). Сотрудник архивной службы МВД ЧСР (1948). Зав. русским переводческим отделением Института по международному сотрудничеству в области сельского и лесного хозяйства в Праге Чехословацкой сельскохозяйственной академии (с мая 1948). Переводчик и корректор в Институте научно-технической информации Министерства сельского, лесного и водного хозяйства ЧССР, сотрудник социологического отделения НИИ экономики сельского хозяйства ЧСАСХН. Вернулся в СССР (1960-е), жил в Москве.

Отец: Иван Фридрихович (ум. 1923), служащий Главного управления уделов Министерства императорского двора. Мать: Ольга Степановна (ум. 1940), дочь проф. С.С. Куторги. Сестра: Лидия. Жена в 1-м браке — Мария Викторовна (урожд. Брунст; 1897–1972), дочь профессора. Дочери: Наталья (1926–1943); Ольга. Жена во 2-м браке — Валентина Михайловна.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 607–608; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 7. Л. 2, 22, 25. Д. 81. Л. 146. Д. 89. Л. 2. Д. 129. Л. 61. Д. 375. Л. 5. Д. 436. Л. 1; Ф. Р-5857. Оп. 1. Д. 5. Л. 10;

Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 9, 13 об. Д. 84. Л. 46–46 об.; РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 3. Д. 52; Ф. 2871. Оп. 1. Д. 221–227, 246–251, 253–256.

М.М. Горинов-мл.

МИХАЙЛОВСКИЙ (Гарин-Михайловский) **Георгий Николаевич** (1890, Усть-Катав, Область войска Уральского — 1946, Воркута, СССР), правовед-международник.

Из дворянской семьи. Окончил ИФФ и ЮФ СПбУ (1911), оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права. Стажировался на ЮФ Сорбонны. В 1913 изучал международное право в Лондоне, в 1914 — в Вене. С сентября 1914 служил по МИД: секретарь юрисконсультской части, с марта 1917 начальник международно-правового отдела правового департамента. Участник Белого движения, служил во внешнеполитических ведомствах А.И. Деникина и П.Н. Врангеля. С февраля 1920 юрисконсульт русской миссии в Константинополе. В декабре 1920 выехал во Францию. В октябре 1921 переехал в ЧСР, жил в Праге. Приват-доцент РЮФ. Член РАГ, СРВИ в ЧСР. Выступал с лекциями по проблемам международных отношений в РНУ. Участвовал в работе Союза русских писателей и журналистов в ЧСР и русского литературного общества «Далиборка». Писал «Историю международных отношений России» (не опубликована). В 1932 переехал в Братиславу, до августа 1939 не работал, занимался публицистической деятельностью, сотрудничал с газ. «Словацкий дневник» и «Словак». С 1939 переводчик МИД Словацкой Республики. В апреле 1945 арестован СМЕРШ. Постановлением ОСО при НКВД СССР от 12 ноября 1945 осужден на 10 лет по ст. 58-4, 58-13 УК РСФСР. Скончался в воркутинских лагерях. В январе 1997 реабилитирован.

Отец: Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906), писатель. Мать: Надежда Николаевна. Жена: Анна Николаевна (урожд. Глебова; 1897–1981), преподаватель. Сын: Николай (1922–2012), профессор химии.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 624; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 1; Ф. Р-5900. Оп. 1. Д. 3. Л. 38. Д. 19. Л. 136; Ф. Р-5953. Оп. 1. Д. 8. Л. 40; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 128. Л. 51.

М.М. Горинов-мл., М.Ю. Сорокина

НОВГОРОДЦЕВ Павел Иванович (28 февраля / 12 марта 1866, Бахмут Екатеринославской губ. — 23 апреля 1924, Прага, Чехословакия), философ, правовед.

Из купеческой семьи. Окончил бахмутскую гимназию с золотой медалью (1884). Учился на ФМФ МУ, окончил ЮФ МУ (1884–1888,) оставлен при кафедре истории философии. В 1897 защитил магистерскую диссертацию «Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба»; в 1902 — докторскую («Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве»). С 1903 экстраординарный, с 1904 ординарный профессор МУ по кафедре энциклопедии права и истории философии права. В 1901–1902 один из составителей и редактор сборника «Проблемы идеализма» (1902). С 1904 член Совета Союза освобождения, с марта 1905 член ЦК партии кадетов. Депутат 1-й Государственной думы от Екатеринославской губ. (1906). В 1911

покинул МУ в знак несогласия с политикой министра просвещения Л.А. Кассо. В 1906–1918 первый директор и профессор МКИ. После Февральской революции 1917 вновь профессор МУ. В 1918 один из инициаторов создания и руководитель ряда антибольшевистских подпольных организаций в Москве. В октябре 1918 покинул Москву, уехал на юг. В 1920 ординарный профессор ТаврУ в Крыму. С лета 1920 жил в Берлине, сотрудничал в газ. «Руль». Зимой 1921–1922 преподавал в Аахенской технической школе. С весны 1922 жил в Праге (ЧСР). В 1922–1924 основатель и первый декан РЮФ. Председатель РАГ (1921–1922). Учредитель и первый председатель Религиозно-философского общества им. Вл. Соловьева. Председатель правления РНИ, профессор РНУ. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Жена: Лидия Антоновна (урожд. Будилевич; 1879–1951). Сын: Борис (р. 1904), инженер. Переехал в СССР (Ленинград).

Арх.: ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 1346 (личный фонд); ГА РФ.

НЕАНДЕР Борис Николаевич (23 декабря 1893 / 4 января 1894, с. Веселые Терны Верхнеднепровского у. Екатеринославской губ. — 29 октября 1931, Москва, СССР), юрист, студенческий деятель, журналист.

Из дворянской семьи. Окончил 2-е реальное училище им. цесаревича Алексея

Николаевича в Екатеринославе (1903–1910). Учился на словесно-историческом отделении ПФ СПбСпихИ (1910–1914). Участник Первой мировой войны. Штабс-капитан. Учился на ЮФ ЕкатеринославУ (1918–1919). Участник Белого движения. Начальник политического отделения при штабе 1-го армейского (Добровольческого) корпуса А.П. Кутепова (1920). Член редколлегии газ. «Таврический голос» в Симферополе. Эвакуирован из Крыма в Константинополь в ноябре 1920. Секретарь РНС. Тов. председателя, председатель СРС в Константинополе (1922). Зав. отделом информации ВСГ. В ЧСР с ноября 1922. Учился на РЮФ (1922–1925). Председатель редколлегии ж. «Студенческие годы» (Прага; 1923–1925). Председатель правления ОРЭСО (с 1922).

Возглавлял РНСО в ЧСР (с 1923). Руководил СРС в ЧСР (1923–1925). Член СРВИ (1924). Тов. председателя РНК А.В. Карташева (с ноября 1924). Участвовал в создании русской группы Международной лиги борьбы с III Интернационалом (Лиги Обера) (1924). Переехал во Францию в декабре 1925. Зав. канцелярией газ. «Отечество» (1926), входил в число ее авторов. Член правления Национального объединения русской молодежи (с февраля 1926). Сотрудничал в Союзе русских студентов-техников, Русском патриотическом зарубежном объединении, «Русском очаге» и Объединении русской молодежи при Союзе объединенных монархистов, выступал в этих организациях с аналитическими докладами по проблемам эмигрантской молодежи. Вернулся в СССР (1927), работал в газ. «Вечерняя Москва».

Отец: Николай Эдмундович. Мать: Елена Васильевна. Жена: Вера Михайловна (р. 1898), училась на РЮФ.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 652–653; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 10. Л. 86; Д. 15. Л. 1–3, 30–31; Д. 24. Л. 5–5 об.; Д. 46. Л. 8, 16, 38, 58, 96; Д. 70. Л. 1; Д. 89. Л. 1–2; Д. 132. Л. 5; Д. 137. Л. 9, 9 об., 17; Д. 150. Л. 36–38; Д. 221. Л. 2, 3, 12, 15, 17; Ф. Р-5893. Оп. 1. Д. 65. Л. 15; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 26. Л. 13; РГАЛИ. Ф. 1708. Оп. 3. Д. 49. Л. 1–2; ЦГИА СПб. Ф. 115. Оп. 2. Д. 6709.

М.М. Горинов-мл.

НЕФЕЛОВ Илья Степанович (20 июля 1894, Смоленск — не ранее 1926), юрист.

Окончил реальное училище в Смоленске (1915). Учился на первом курсе ЮФ ПгПсихИ. Окончил Александровское военное училище в Москве (1917). Участник Первой мировой войны, Белого движения. Подпоручик 18-го Донского казачьего полка Донского корпуса в составе РА П.Н. Врангеля. Эвакуирован из Керчи в Константинополь (1920). В эмиграции в ЧСР с 1922. Окончил РЮФ (1922–1926).

Брат: Константин (1898 — не ранее 1948), адвокат, переводчик, общественный деятель, в эмиграции во Франции.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 4023; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 666; Ф. Р-6711. Оп. 3. Д. 59. Л. 37 об.

М.М. Горинов-мл.

НИКОЛАЕВ Семен Николаевич (6/18 апреля 1880, с. Начар-Убеево Буйинского у. Симбирской губ. — 4 июля 1976, Прага, Чехословакия), юрист, общественный деятель.

Окончил земскую начальную школу в с. Таябе (1890–1894), Симбирскую чувашскую учительскую школу (1895–1901), оставлен учителем русского языка и арифметики в женском училище при этой школе. Поступил в 4-й класс Симбирской ДС (1903), окончил в 1906. Участник революционного движения. Эсер (1903), секретарь комитета чувашской организации эсеров (1906). Окончил ЮФ КазанУ (1906–1910). Служил в Симбирском окружном суде: и.д. секретаря гражданского отделения суда и судебного следователя. На военной службе (1915–1917). Депутат Учредительного собрания от чувашского населения Симбирской губ. (ноябрь 1917). Зав. чувашским подотделом Симбирского губ. комиссариата просвещения (март–июль 1918). Секретарь и начальник канцелярии КОМУЧ в Самаре (с августа 1918), арестован колчаковцами в Уфе (ноябрь 1918). Прибыл во Владивосток, работал в окружном суде (март 1919). Тов. управляющего делами юстиции Приморской земской

управы, мировой судья 2-го участка Владивостока (1920). Сотрудничал в эсеровской газ. «Воля» (1920–1921). Член Учредительного собрания ДВР (1921). Присяжный поверенный округа Владивостокской судебной палаты. Эвакуирован из Владивостока на пароходе «Альмерия» в январе 1922, прибыл в ЧСР в марте 1922. Член СРС в ЧСР. Секретарь, руководитель Общей канцелярии Земгора. Член Совета ИИР (Прага) (с 1924). Входил в Бюро Русской юридической консультации Земгора (с 1926), выступил с докладом «О правовом положении русских беженцев и мерах к его улучшению» на общем собрании юридической консультации (январь 1928). Зав. Русской народной библиотекой-читальней Земгора (1929–1945), работал в комиссии по определению состава книжного фонда библиотеки (с 1926). Секретарь образованного в Праге областного комитета заграничных организаций ПСР (1923–1929). Член Совета и Ученой комиссии РЗИА (с 1935). Член ССДЮ в Праге (1939). После занятия Праги советскими войсками в мае 1945 арестован органами НКВД и депортирован в СССР. Приговорен к тюремному заключению сроком на пять лет за «принадлежность к контрреволюционной организации» (КОМУЧ), отправлен во Владимирскую особую тюрьму (1946), позднее сослан в Красноярский край (май 1950). Работал кочегаром на кирпичном заводе в райцентре Богучаны. Освобожден по амнистии в июне 1954, жил в Ульяновске. Вернулся в Прагу в мае 1956. Похоронен на Ольшанском кладбище. Реабилитирован (1992).

Отец: Николай Захарович (1854–1936/1937), крестьянин. Мать: Мавра Сергеевна (1860–1881). Мачеха: Акулина Константиновна. Братья: Михаил (р. 1885), Петр (1888–1960), Максим (1897–1937), Григорий (р. 1905), Алексей (ум. 1918), Афанасий. Сестры: Параскева, Татьяна, Елизавета (р. 1895), Пелагия (1907–1935). Жена: Зинаида Данииловна (р. 1889).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 4044, 4048; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 404; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 88. Л. 40 об. Д. 433. Л. 17; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 31; НАРТ. Ф. 977. Оп. л/д. Д. 36761.

М.М. Горинов-мл.

НОСАЛЬ Петр Иванович (5/17 июля 1892, с. Крупе Красноставского у. Люблинской губ. — не ранее 1956), юрист.

Окончил гимназию в Люблине (1902–1911), ЮФ СПБУ (1911–1914), Усть-Ижорскую школу прапорщиков (1914–1916). Участник Первой мировой войны, в чине прапорщика воевал на различных фронтах. Участник Белого движения (с 1918), подпоручик ВСЮР (июль 1919 — ноябрь 1920). Эвакуирован из Крыма в Константинополь в ноябре 1920. Работал в учреждениях Американского Красного Креста. В ЧСР с января 1922. Окончил РЮФ (1922–1924). Зав. библиотекой РЮФ (1922–1929). Работал в библиотеке КООРС. Окончил страховое отделение ЧВТШ в Праге (1930), служил в пражских страховых компаниях (1928–1945). Член СРС в ЧСР. Сотрудничал в ж. «Студенческие годы». Член «КР» — ТКП (с 1930), ее Совета и правления пражской группы, входил в состав партийного суда (конец 1930-х) Член ОРЮ в Праге (на

1935), правления ОРЭО (декабрь 1937). Задержан СМЕРШ 27 мая 1945, арестован по обвинению в антисоветской деятельности (ст. 58-4, 58-11 УК РСФСР), депортирован в СССР. Приговорен Военным трибуналом МВО к 10 годам лишения свободы (19 ноября 1945). Дальнейшая судьба неизвестна.

Отец: Иван (р. 1867), псаломщик Крестовоздвиженского православного собора в Люблине. Мать: Анна (урожд. Вуйчик; р. 1868). Брат: Сергей (р. 1902), участник Белого движения, в эмиграции в Польше. Жена: Аделина (Ада) Георгиевна (урожд. Оше; р. 1889), педагог.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 683–684; Ф. Р-5773. Оп. 2. Д. 93; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 129. Л. 17. Д. 433. Л. 17 об.; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 13 об.; Ф. Р-5900. Оп. 2. Д. 132; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 120. Л. 4; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 58038.

М.М. Горинов-мл.

ПАПА-ЗАХАРОВ Стефан Кириллович (19 января 1896 — не ранее 1933), юрист.

Учился на ИФФ ХарьковУ (до 1917). Участник Белого движения. Эвакуирован из Крыма в 1920, находился в лагере для русских беженцев в Салониках (Греция). Член РНСС в Салониках. Переехал в ЧСР в начале 1922. Учился на ЮФ БратиславУ, затем на РЮФ. Состоял в корпорации «Юстиция» студентов РЮФ (с октября 1923). Член СРС в ЧСР, правления ОРЮ в Праге (1933).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 1. Д. 83. Л. 22; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 427. Л. 2 об. Д. 433. Л. 19; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 160. Л. 10. Д. 166. Л. 26, 57.

М.М. Горинов-мл.

ПЕТРОВ Владимир Алексеевич (12/24 мая 1891, Анапа Кубанской области — 18 марта 1970, Париж, Франция), юрист.

Окончил частную гимназию В.С. Климова в Екатеринодаре (1901–1910). Учился на ЮФ МУ (1910–1914). Помощник военного прокурора Кубанского военно-окружного суда. Участник Белого движения, 1-го Кубанского (Ледяного) похода в составе Речной флотилии. Подпоручик. Эвакуирован в Константинополь в ноябре 1920, находился в беженском лагере в Буюк-Дере. Переехал в Болгарию, жил в Софии, учился на торгово-экономическом отделении Балканского ближневосточного института. Член СРС в Болгарии (1922). В ЧСР с сентября 1922. Студент РЮФ (1922–1923), РИСХК (1923–1925). Переехал во Францию в 1929, жил в Париже. Председатель Союза русских шоферов (1940), вице-председатель правления русской секции шоферов такси при Генеральной конфедерации труда во Франции (1945). Член правления, зав. библиотекой Очага русских шоферов (1945–1946). Похоронен на кладбище в СЖБ.

Отец: Алексей Петрович (р. 1859), начальник Георгиевской почтово-телеграфной конторы в Анапе. Мать: Ека-

терина Васильевна Медведева, вдова купца 2-й гильдии. Сестра: Мария (р. 1894). Жена: Елизавета Николаевна (р. 1896).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 4413; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 723; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 375. Л. 5 об.; Ф. Р-5938. Оп. 1. Д. 351. Л. 402; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 105. Л. 7; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 324. Д. 1463.

М.М. Горинов-мл.

ПОТЕХИН Александр Александрович (3 сентября 1897, Калуга — март 1933, СССР), юрист.

Из помещичьей семьи. Окончил классическую гимназию в Калуге (1916). Учился на ЮФ 1-го МУ (1918). Участник Белого движения. Эвакуирован в ноябре 1920, находился в Галлиполи. Затем жил в КСХС, слушатель электромеханических курсов в Сараево. В ЧСР с апреля 1923. Член СРС в ЧСР. Окончил РЮФ (1923–1928), занимался в семинаре проф. Г.В. Вернадского по истории русского права. Удостоен диплома 1-й степени за дипломную работу «Международное положение Эстонии» (1929). Получил предложение остаться на РЮФ для подготовки к профессорскому званию, но отказался. Участник собраний Пражского евразийского семинара (1926). Познакомился с редактором ж. «Борьба за Россию» С.П. Мельгуновым, вступил в организованную в Праге группу содействия журналу и принял активное участие в ее работе (1926). Совершил тайную поездку в СССР для выяснения экономического и политического положения и налаживания распространения там журнала (октябрь — ноябрь 1928). Член правления организации ОПУС, занимавшейся переброской в СССР антикоммунистической литературы (апрель 1929). Член Галлиполийского землячества в Праге. Сторонник активной борьбы русской эмиграции против советской власти — «активизма». Член РОВС. Организатор проведения (совместно с Д.В. Философовым) Дня непримиримости в Варшаве 7 ноября 1930. Сотрудник газ. «За свободу!» (Варшава), публиковал в ней критические статьи в адрес ОРЭСО, считая эту организацию «фикцией» (ноябрь — декабрь 1930). Член Русского общественного комитета в Польше. В сентябре 1931 командирован в СССР ген. В.Г. Харжевским. Арестован Особым отделом ОГПУ в Москве 23 сентября 1931. Полтора года провел на Лубянке. На заседании Коллегии ОГПУ 8 марта 1933 приговорен к расстрелу (ст. 58-8 УК РСФСР).

Сестра: Елена, учительница. Брат: Николай.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 4689; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 751; Ф. Р-5826. Оп. 1. Д. 147. Л. 38; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 350. Л. 7–8. Д. 433. Л. 19.

М.М. Горинов-мл.

РАФАЛЬСКИЙ Сергей Милич (Милиевич) [псевд.: Сергей Волынский, Сергей Раганов, Рафаил, М. Сергеев, ...Ский] (19/31 августа 1896, с. Холонево Владимир-Волынского у. Волынской губ. — 13 ноября 1981, Париж, Франция), юрист, поэт, прозаик, публицист.

Учился в гимназии в Луцке, окончил гимназию в Остроге Волынской губ. (1912–1914). Зачислен на ЮФ ПГУ (август 1914). В сентябре 1917 перевелся на ЮФ КиевУ. Кадет. Служил делопроизводителем в квартальном комиссариате киевской милиции. В 1918 поселился в Остроге. Работал учителем, служил в Союзе учащихся высших учебных заведений. Член редколлегии литературно-художественного ж. «Богема». Участник Белого движения в рядах 2-го отдельного тяжелого артиллерийского дивизиона 3-й Русской армии ген. Б.С. Пермикина, подчиненной П.Н. Врангелю (1921). Интернирован в Польшу, из лагеря для военнопленных бежал в Острог. Примкнул к НСЗРиС. Принял польское гражданство. Переехал в ЧСР в декабре 1921. Основал вместе с Н.В. Дзевановским Литературно-художественный кружок при культурно-просветительском отделе СРС в ЧСР, преобразованный в литературное объединение «Скит поэтов» (февраль 1922). Член объединения писателей-прозаиков «Мастерская слова». Учился на ЮФ КарловУ. Окончил РЮФ (1922–1924). Член СРС и РДСС в ЧСР, юридической секции СРС в Брно. Работал в ИИР под руководством экономиста К.Р. Кочаровского (с 1924). Сотрудничал с ОРЭСО. Публиковался в ж. «Студенческие годы» (1923–1925) и «Воля России» (1927). Член литературной секции Пражского содружества искусств (с 1923). Член СРПЖ с ноября 1925. В 1927 вновь поселился в Остроге. С 1929 жил в Париже. Работал декоратором в художественной мастерской поэта Д. Кнута, в фотоателье. Сотрудничал в ж. «Борьба», один из ведущих авторов газ. «Русская мысль». Член СРПЖ в Париже. Принимал участие в работе Центрального объединения политических эмигрантов из СССР. Похоронен на кладбище Батиньоль.

Отец: Милий Александрович (1870–1936), настоятель Воскресенской церкви в Остроге. Мать: Мария Ивановна (р. 1875). Сестра: Татьяна (р. 1899). Жена: Татьяна Николаевна (урожд. Унгерман; 1903–1997).

Арх.: ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 464. Д. 8819; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 4827; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 776; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 89. Л. 2; Д. 286. Л. 10; Д. 380. Л. 21; Д. 433. Л. 38 об.; Ф. Р-5953. Оп. 1. Д. 8. Л. 46; РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 10. Л. 47–48; Ф. Р-2295. Оп. 1. Д. 39. Л. 8; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 64886.

М.М. Горинов-мл.

РУБАНОВ Глеб Иванович (2 января 1899, Чернигов — 19 августа 1942, Прага, Чехословакия), юрист, писатель-прозаик, поэт, журналист.

Окончил реальное училище в Новозыбкове Черниговской губ. (1916). Учился на ЮФ КиевУ (1916–1918), перевелся в ХарьковУ (1918). Участник Белого движения. Вольноопределяющийся 1-го армейского (Добровольческого) корпуса А.П. Кутепова. Эвакуирован из Евпатории в Галлиполи в составе 1-го армейского корпуса в ноябре 1920. В Болгарии с конца 1921, жил в Тырново. В ЧСР с октября 1923. Окончил РЮФ (1923–1928). Входил в СРС в ЧСР. Член

Пражской евразийской группы, СРПЖ. Сотрудник ж. «Студенческие годы». Посещал пражский литературный кружок «Далиборка». Работал в русско-чешском телеграфном агентстве «Руссунион». Член ОРОВУЗ, ОРЮ в Праге, ССДЮ в Праге (1939).

Арх.: Архив ДРЗ. Ф. 13. Оп. 2. Д. 1627; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 4960; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 793; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 509; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 129. Л. 92 об.; Д. 433. Л. 21; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 9, 14, 31; Ф. Р-5911. Оп. 1. Д. 63. Л. 1–39; Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 9. Л. 298 об. Д. 68. Л. 431 об.; Ф. Р-5953. Оп. 1. Д. 8. Л. 48; Ф. Р-6026 (личный фонд); РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 10. Л. 57–58.

М.М. Горинов-мл.

САВИНОВ Сергей Яковлевич [псевд.: S.S.] (8 января 1896, Чугуев Харьковской губ. — 1967, Филадельфия, шт. Пенсильвания, США), писатель, журналист, переводчик, юрист.

Из семьи чиновника. Окончил гимназию в Чугуеве (1914). Учился на ФМФ ХарьковУ (1914–1915), в НАУ (1916). Участник Первой мировой войны на Юго-Западном фронте (1916–1918). Зачислен на ЮФ ХарьковУ в феврале 1918. Участник Белого движения с декабря 1918. Эвакуирован из Феодосии в Константинополь в ноябре 1920. Служил конторщиком в РОКК. Член СРС в Константинополе. В ЧСР с января 1922, учился в ЧВТШ в Праге. Член Совета русской секции студенческого общества «Славянское единение» (с марта 1922). Перевелся и продолжил обучение на РЮФ (май 1922–1926). Сотрудник ж. «Студенческие годы» (1923). Жил в Ужгороде, изучал русинское право (1926). Редактор пражских газ. «Неделя» (вместе с В.И. Ильинским) и «Деревня» (1928–1930). Член редколлегии чешского ж. «Славянское обозрение». Член Пражского содружества искусств (с 1923), СРПЖ (с октября 1934). Активный участник пражского литературного кружка «Далиборка». Читал свои рассказы и стихи на литературных вечерах Чешско-русского объединения (1928). Член СРВИ, правления русско-чешского благотворительного общества «Мир» (май 1937). В Германии в 1946–1947, жил в Мюнхене. Затем переехал в Нью-Йорк (США), в дальнейшем жил в Филадельфии.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 101. Л. 43; Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 5044; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 810; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 80. Л. 13; Д. 129. Л. 6; Д. 461. Л. 3; Ф. Р-5857. Оп. 1. Д. 2. Л. 27; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 10 об.; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 168. Л. 18 об.; РГАЛИ. Ф. 1568. Оп. 1. Д. 10. Л. 63–65; Ф. 2474. Оп. 1. Д. 15. Л. 157 об. Д. 77. Л. 1; LAPNP — личный фонд.

М.М. Горинов-мл.

САВОЙСКИЙ Андрей Владимирович (1878, с. Сурмачевка Полтавской губ. — не ранее 1935), юрист, общественный деятель.

Окончил ЮФ Киеву (1902). Служил при Минском окружном суде (1903), затем прокурор в Киеве и Ревельском окружном суде. Тов. прокурора Пг. окружного суда

(1914–1916), Пг. судебной палаты (1917). Надворный советник. Эвакуирован из Крыма в ноябре 1920. Тов. председателя русского консульского суда в Константинополе (Турция). С начала 1922 жил в Белграде (КСХС). Прибыл в ЧСР по приглашению министерства юстиции ЧСР в октябре 1922. Жил в Братиславе. Судья (1922–1925), помощник адвоката (1925–1927) в окружном суде. Тов. председателя Русского кружка (с 1923) и общества «Славянская беседа» (с 1925). Член Комитета по сбору пожертвований в пользу русских военных инвалидов в Братиславе. Консультант в Торгово-промышленной палате Братиславы (январь 1928 — октябрь 1929). Возглавлял Статистическое управление города с октября 1929. Член Галлиполийского землячества и Общеказачьей станицы им. атамана А.М. Каледина в Братиславе, правления созданного в апреле 1935 спортивного общества «Русский сокол» там же.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 5048; Ф. Р-5797. Оп. 1. Д. 2. Л. 3; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 521–521 об.; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 62. Л. 63; Д. 121. Л. 64 об.; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 7. Л. 3; РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 21. Л. 5–7; ЦГИА СПб. Ф. 356. Оп. 1. Д. 24555.

М.М. Горинов-мл.

САВЧЕНКО Иван Григорьевич (1900, ст. Раевская Кубанской обл. — не ранее 1939), правовед.

Участник Белого движения. Служил во 2-м кавалерийском полку РА П.Н. Врангеля. Эвакуирован в Константинополь в 1920. Галлиполиец. В эмиграции в ЧСР с декабря 1921. Окончил РЮФ (1925). Оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре международного права. Член Общеказачьего сельскохозяйственного союза в ЧСР (1939).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5768. Оп. 1. Д. 29. Л. 136; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 83. Л. 7; Д. 84. Л. 81. Д. 185. Л. 21 об.

М.М. Горинов-мл.

СЕРГЕЕНКО Александр Григорьевич (6 октября 1873, с. Красное Черниговской губ. — 1934, Прага, Чехословакия), юрист.

Окончил 1-ю гимназию в Варшаве, ЮФ КиевУ (1896), Киевское ВУ (1896–1897). Подпоручик 3-го гренадерского Перновского короля Фридриха Вильгельма IV полка (1897–1898). Чиновник особых поручений Киевской казенной палаты (1899). Служил в Департаменте окладных сборов Министерства финансов (1914). Помощник статс-секретаря Государственного совета. Статский советник (1916). Секретарь общества «Национальное кольцо» в Пг., занимавшегося оказанием помощи семьям призванных на военную службу лиц. Участник Белого движения. Управляющий делами Совета при Главнокомандующем ВСЮР П.Н. Врангеле. Эвакуирован в Константинополь в 1920. Жил в Германии, с апреля 1922 — в ЧСР. Руководил канцелярией РПИ с 1923. Готовился к профессорскому званию при РЮФ по кафедре финансового права (с 1925). Секретарь канцелярии РНУ.

Отец: Григорий Иванович. Мать: Людмила Ивановна. Жена: Ольга Васильевна (урожд. Карпека; р. 1880), член Успенского братства в ЧСР. Дочери: Нина (р. 1901), Мария (р. 1905), Екатерина (р. 1907). Сын: Андрей (р. 1903), студент РЮФ.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 5246; Ф. Р-5765. Оп. 1. Д. 83. Л. 35. Оп. 2. Д. 834; Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 432. Л. 110; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 537; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 433. Л. 31; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 12; Д. 89. Л. 21–21 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 11387; РГИА. Ф. 1349. Оп. 2. Д. 154. Л. 50–53.

М.М. Горинов-мл.

СИКОРСКИЙ Всеволод Вячеславович (1/12 августа 1896, с. Старый Белоус Черниговской губ. — 26 сентября 1958, Женева, Швейцария), юрист.

Потомственный дворянин. Окончил гимназию в Чернигове (1906–1914). Поступил на ЮФ МУ (сентябрь 1914). Призван на военную службу в июне 1916, служил в 68-м Осовецком отдельном полевом тяжелом артиллерийском дивизионе. Прапорщик артиллерии. Уволен с военной службы в феврале 1918. Зачислен на третий курс ЮФ КиевУ (июль 1918), в этом же году выбыл из университета и поступил на службу в ДА. Подпоручик 3-й батареи 5-го дивизиона 1-й гвардейской артиллерийской бригады ВСЮР. Эвакуирован в Константинополь в ноябре 1920, в Галлиполи с 1921. Переехал в Болгарию в 1922, жил в г. Станимака. Штабс-капитан. Член СРС в г. Станимака. Прибыл в Прагу на 2-й съезд русского эмигрантского студенчества в качестве делегата СРС в г. Станимака (начало ноября 1922). Окончил РЮФ (1922–1926). Работал кассиром в эмигрантской кооперативной лавке. Член правления Галлиполийского землячества в Праге. Председатель Комиссии по делам помощи студентам-галлиполийцам (с октября 1938). Служил на автомобильном предприятии Галлиполийского землячества с сентября 1939. Член ОРЮ в Праге, ССДЮ в Праге. Переехал в Швейцарию после 1939, жил в Женеве. Председатель Российского национального объединения в Швейцарии.

Отец: Вячеслав Иосифович, коллежский регистратор. Мать: Стефания Феофиловна. Жена: Елена Владимировна (урожд. Набокова; в 1-м браке Сколиари, 1906–2000), сестра писателя В.В. Набокова. Сын: Владимир, переводчик.

Арх.: ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 464. Д. 9601; ГА РФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 119. Л. 58, 97–98, 121; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 841; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 81. Л. 119; Ф. Р-5843. Оп. 1. Д. 3. Л. 138; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 8 об., 14, 31; Ф. Р-5928. Оп. 1. Д. 68. Л. 267, 278; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 74. Л. 16; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 328. Д. 2044.

М.М. Горинов-мл.

СИТКЕВИЧ Георгий Андреевич (22 марта / 3 апреля 1896, г. Радом — не ранее 1939), юрист, общественный деятель.

Окончил гимназию в г. Сувалки с золотой медалью (1913–1914). Учился на ЮФ ПгУ (1914–1915). Юнкер МАУ в Пг. (с ноября 1915). Участник Первой миро-

вой войны. Служил в 1-м мусульманском полевом тяжелом артиллерийском дивизионе при штабе главнокомандующего Румынским фронтом (с января 1918), казначей дивизиона (февраль — июнь 1918). Затем — в Бахчисарайской караульной команде (ноябрь 1918). Участник Белого движения. Работал при штабе Военного министерства Крымского краевого правительства с декабря 1918. Состоял в 6-й артиллерийской бригаде ВСЮР с мая 1919. Подпоручик 55-й Донской легкой батареи (с июля 1919). Осенью 1919 учился на ЮФ ДонУ. Затем служил в Управлении начальника артиллерийских снабжений ВСЮР. Эвакуирован из Крыма в Константинополь на пароходе «Минаефа-Багри» в ноябре 1920.

В ЧСР с 1921. Учился на ЮФ КарловУ. Член юридической секции СРС в Брно. Окончил РЮФ (1922–1925). Оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре международного права (с октября 1925), преподавал. Помощник управляющего канцелярией РЮФ, занимался организацией факультетского издательства. Член СРС в ЧСР, РНСО ЧСР (с мая 1925), ОРЮ в Праге, входил в состав третейского суда Объединения (с июня 1933). Судебный служащий в Праге (1939).

Отец: Андрей Иванович (р. 1866), настоятель Успенского собора в г. Сувалки. Мать: Елена Флегонтовна (урожд. Смирнова; р. 1872). Сестры: Александра (р. 1894), Екатерина (р. 1903).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 847; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 129. Л. 95; Д. 137. Л. 20 об.; Д. 380. Л. 21; Д. 433. Л. 22; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 13 об., 88; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 52. Л. 32 об.; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 63919.

М.М. Горинов-мл.

СИТНИКОВ Михаил Михайлович (30 сентября 1888, Царицын Саратовской губ. — не ранее 1945), юрист.

Из крестьян. Окончил Петровское реальное училище в Ростове-на-Дону (1907), Виленское ВУ (1914). Участник Первой мировой войны с 1914, Белого движения. Подпоручик Дроздовского стрелкового полка. Эвакуирован из Фодосии на о. Халки (Греция) в апреле 1920. Жил в Галлиполи, затем в ЧСР. Слушатель РИСХК (1922–1923). Окончил РЮФ (1923–1928), занимался в семинаре проф. Г.В. Вернадского по истории русского права. Член Пражской евразийской группы (1920-е). Избран в ревизионную комиссию ОРОВУЗ (январь 1930). Член правления (с марта 1933) и зав. финансовой частью Галлиполийского землячества в Праге (с апреля 1935). Казначей Комиссии по делам помощи студентам-галлиполидцам (с октября 1938). Председатель бальной комиссии Галлиполийского землячества (с ноября 1938). Входил в Особую комиссию для защиты интересов русских в ЧСР (декабрь 1938). Член Успенского братства в ЧСР (1939). Член ОРЮ в Праге, ССДЮ и Галлиполийского союза в Праге.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 119. Л. 54, 55, 58, 97 об., 98, 116; Д. 137. Л. 12, 28, 29, 38; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 848; Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 435. Л. 113 об., 114; Ф. Р-5796. Оп. 1. Д. 7. Л. 10 об.; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 348. Л. 9; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 8 об., 12, 13 об., 31, 88; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 155. Л. 22 об.

М.М. Горинов-мл.

СМИДОВИЧ Викентий Михайлович (13 октября 1893, Харьков — не ранее 1939), юрист.

Из дворян Тульской губ. Окончил Александровскую гимназию в Ялте (1912). Учился на ЮФ ХарьковУ (с 1912). Участник Первой мировой войны (с ноября 1916), Белого движения. Начальник разведывательного пункта № 2 штаба главнокомандующего ВСЮР, подпоручик. Эвакуирован в Константинополь в октябре 1920. В ЧСР с апреля 1921. Учился в ЧВТШ в Праге. Окончил РЮФ (1922–1924). Член СРС в ЧСР, Русского теннисного клуба. Служил в частной фирме в Праге (1939). Член Успенского братства в ЧСР (1939).

Отец: Михаил Викентьевич, штабс-капитан. Мать: Надежда Николаевна (урожд. Ставровская), дочь чиновника Тульского акцизного управления. Брат: Сергей (р. 1902), инженер путей сообщения. Жена: Драга Карловна Германова.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 111. Л. 23; Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 5383–5384; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 864; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 79. Л. 7. Д. 380. Л. 21. Д. 433. Л. 22; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 12. Д. 89. Л. 52–52 об.

М.М. Горинов-мл.

СМИРНОВ Георгий Николаевич (25 июля / 6 августа 1893, Киев — не ранее 1939), правовед.

Из семьи губернского секретаря. Окончил 1-ю гимназию в Киеве с золотой медалью (1902–1911), ЮФ КиевУ (1911–1915). Состоял на военной службе в 23-м инженерном полку, уволен по болезни в январе 1918. Зачислен на ИФФ КиевУ в феврале 1919. Участник Белого движения, подпоручик. Эвакуирован из Севастополя в Константинополь в составе РА П.Н. Врангеля в ноябре 1920. В эмиграции в ЧСР. Окончил РЮФ (1922–1924). Оставлен на РЮФ для приготовления к профессорскому званию. Приват-доцент по кафедре уголовного права (с 1927). Член СРС в ЧСР, ОРЮ в Праге, РАГ (1939).

Арх.: ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 464. Д. 9798; ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 5392; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 433. Л. 22; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 2, 13 об.; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 117. Л. 6.

М.М. Горинов-мл.

СОРОКИН Михаил Тихонович (29 сентября 1895, Киев — не ранее 1939), юрист.

Окончил 1-е коммерческое училище в Киеве (1913). Учился на экономическом отделении СПБПИ (1913–1918). В эмиграции в ЧСР с 1922. Окончил РЮФ (1922–1924). Член СРС в ЧСР, правления ОРЮ (с 1933). Служил в частной фирме в Праге (1939).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 898; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 433. Л. 22; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 14, 88.

М.М. Горинов-мл.

СПЕКТОРСКИЙ Евгений Васильевич (3/15 октября 1875, Острог Волынской губ. — 3 марта 1951, предместье Нью-Йорка, США), историк права, социолог, историк и теоретик литературы.

Из дворянской семьи. Окончил классическую гимназию в Радоме с золотой медалью (1893), ЮФ ВаршавУ со степенью кандидата права (1898; дисс. «Жан-Жак Руссо как политический деятель»). Оставлен при кафедре государственного права для приготовления к профессорскому званию. С 1903 и.д. приват-доцента, с 1911 экстраординарный профессор по кафедре энциклопедии и истории философии права ВаршавУ. Магистр права (1911). С 1914 экстраординарный, с 1917 ординарный профессор ЮФ КиевУ по кафедре энциклопедии и истории философии права. Председатель Киевского философского общества. Доктор государственного права (1917, МУ, дисс. «Проблема социальной физики в XVII столетии»). С апреля 1917 декан ЮФ, с апреля 1918 — ректор КиевУ. Летом 1918 ненадолго арестован немцами в Киеве. В марте 1919 смещен большевиками с поста ректора университета. В августе 1919 назначен генералом А.И. Деникиным попечителем Киевского учебного округа. В ноябре 1919 уехал в Одессу; товарищ главноуправляющего народного просвещения (в должность не вступил). В начале 1920 эвакуирован из Новороссийска, через Салоники (Греция) прибыл во Вранье (КСХС). С апреля 1920 профессор БелградУ, председатель Общества русских ученых в КСХС. В 1924 переехал в Прагу. Профессор кафедры философии права (1924–1927), декан РЮФ (с 1927). С 1924 зам. председателя русской Учебной коллегии. Член РИО, председатель РАГ в ЧСР (1925–1927). С 1927 вновь жил в Белграде, профессор БелградУ (1927–1930). Первый председатель правления РНИ в Белграде (1928–1930). Совместно с В.Х. Даватцем редактор «Материалов для библиографии русских научных трудов за рубежом» (Белград, 1931; 1941). Профессор ЛюблянУ (1930–1945). Преподавал конституционное право, философию права и введение в социологию. В 1931–1945 председатель национально-просветительской организации «Русская матица» и Словенского общества философии права и социологии в Любляне. Член-корреспондент Сербской академии наук и искусств (1934). В 1945 покинул Югославию, до 1947 находился в лагерях ди-пи, в том числе в Триесте (Италия). С помощью Толстовского фонда в 1947 уехал в США. Профессор Св.-Владимирской духовной семинарии в Нью-Йорке. Преподавал этику, социологию, каноническое право. Первый председатель РАГ в США

(1948–1951). Похоронен на кладбище Свято-Тихоновского монастыря в Южном Канаане (шт. Пенсильвания).

Отец: Василий Александрович, судебный чиновник. Мать: Софья Федоровна (урожд. Крафт). Братья: Сергей, Александр, Борис (1878–1920).

Арх.: ИР ЦНБ НАНУ; Архив Республики Словения; BAR — личные фонды; ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 869.

М.Ю. Сорокина

ТАРАБРИН Евгений Васильевич (24 февраля / 8 марта 1897, Харьков — 24 февраля 1977, Прага, Чехословакия), правовед.

Окончил классическую гимназию в Харькове (1915). Учился на 1-м курсе ЮФ ХарьковУ (1915–1916), затем на военной службе. В эмиграции в ЧСР после 1920. Член СРС в ЧСР (1922). Окончил РЮФ в Праге по административному праву с дипломом 1-й степени (1922–1926), оставлен для приготовления к профессорскому званию. Профессор РЮФ (с 1927). Член ОРЮ (на 1935), ОРОВУЗ (1939). Похоронен на Ольшанском кладбище.

Жена: Наталия Сергеевна (урожд. Стахевич; 1897–1954).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 909; Ф. Р-5783. Оп. 1. Д. 442. Л. 206; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 5. Л. 10; Д. 420. Л. 19 об.; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 9, 14.

М.Ю. Сорокина

ТРАХТЕНБЕРГ Рафаил Михайлович (6/18 мая 1895, Харьков — 14 ноября 1966, Женева, Швейцария), юрист.

Окончил 1-ю гимназию в Харькове с золотой медалью (1913). Учился на ЮФ ХарьковУ (с 1914). Участник Первой мировой войны. В мае 1916 поступил на службу в 4-ю батарею 103-й артиллерийской бригады, действовавшей на Юго-западном фронте, в декабре переведен в 1-ю батарею той же бригады. Прапорщик полевой легкой артиллерии (май 1917). Участник Белого движения. Воевал в 6-й конно-артиллерийской бригаде Донской армии. Состоял при штабе главнокомандующего ВСЮР (1919–1920). Штабс-капитан. Эвакуирован из Севастополя в Константинополь в ноябре 1920. Секретарь русского военного агента в Турции. В эмиграции в ЧСР с октября 1921. Учился на ЮФ БрноУ (1921–1922). Председатель СРС в Брно, руководил и юридической секцией СРС. Поверенный русского Земгора в Праге (1922). Перевелся на РЮФ в Праге в мае 1922, окончил его в январе 1925. Член правления СРС в ЧСР. Тов. председателя правления ОРЭСО и руководителя СРС в ЧСР Б.Н. Неандера (с 1922). Секретарь РНСО в ЧСР (1924). Консультант международного отдела ОРЭСО (до февраля 1925). Выполнял поручения правления ОРЭСО по устройству в Бельгии студентов, окончивших высшие учебные заведения в ЧСР. Прибыл в Бельгийское Конго по поручению СРС в ЧСР для выяснения условий жизни и работы в Африке (апрель 1925). Жил в пос. Дима на р. Касаи, служил в сельскохозяйственной

торговой фирме «Компани дю Касаи». Работал в текстильной компании «Тексаф» в г. Леопольдвиль (с 1930). Инициатор создания, член правления Союза конголезцев, отстаивавшего интересы русских соотечественников перед властями Бельгии (1933–1934). Жил в пос. Калулу (с января 1934), входил в правление золотодобывающей компании «Сосьете Миньер де Касонго», директор компании (с 1940). Гражданин Бельгии (с 1937). Участник Второй мировой войны. Зачислен в колониальную армию «Форс Паблик» в звании лейтенанта артиллерии (сентябрь 1941). С октября 1942 состоял в Конголезском экспедиционном корпусе в британской Нигерии. Демобилизован в ноябре 1944. Служил на территории Германии в Администрации помощи и восстановления Объединенных Наций, созданной участниками антигитлеровской коалиции для помощи беженцам и иным перемещенным лицам (с 1945). В службе переводчиков ООН в Женеве (Швейцария) с января 1948.

Отец: Михаил Александрович, врач. Жена: Ольга Эдуардовна (урожд. Геринг; 1898–1978), дочь председателя СРВИ в Бельгии генерал-майора Э.Э. Геринга, общественная деятельница.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 5822; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 934; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 35. Л. 47; Д. 49. Л. 115; Д. 67. Л. 2, 3, 7; Д. 69. Л. 44; Д. 81. Л. 61; Д. 153. Л. 31; Д. 241. Л. 10, 32, 39, 41; Д. 380. Л. 2–4; Д. 433. Л. 39; Д. 472. Л. 1; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 52. Л. 32 об.; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 36651. Л. 64–69.

М.М. Горинов-мл.

ФАТЕЕВ Аркадий Николаевич (1871/1872, Харьков — не ранее 12 июля 1952, Прага, Чехословакия), историк права, специалист по общей теории права и геополитике, педагог.

Из дворянской семьи. Окончил гимназию в Курске, ЮФ ХарьковУ (1897). Стипендиат по кафедре энциклопедии и философии права. Приват-доцент, профессор права ЮФ ХарьковУ. 22 февраля 1920 эвакуирован из Новороссийска на пароходе «Саратов» в Александрию (Египет). Директор русской гимназии в семейном лагере в Тель-эль-Кебуре (1921). С 1922 жил в ЧСР. Профессор РЮФ (1923–1928), РНУ, РИСХК. Председатель Ученого совета РИО (1934–1938). С 1925 член Совета, с 1935 председатель Совета РЗИА. Профессор, заместитель ректора РСУ (1935–1940). Профессор Высших военно-научных курсов при Юго-Восточном отделе Объединения русских воинских союзов (1941–1943). В 1944 зам. ректора и зам. председателя совета преподавателей, ректор (1945) Русской ученой академии в Праге. Член СРВИ, РАГ в ЧСР.

Жена: Виктория Михайловна (урожд. Патрик; р. 1877). Дочь: Аполлинария (р. 1903). Сыновья: Николай (р. 1899), Лев (р. 1901), Игорь (р. 1905).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-6427 (личный фонд); Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 109. Л. 10; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 190, 259, 751, 1044; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 71. Л. 12; Д. 171. Л. 18.

Н.Ю. Масоликова, М.Ю. Сорокина

ФОРШТЕТЕР Адольф (Ицхок-Айзик) **Львович** (24 июня / 6 июля 1866, Николаев Херсонской губ. — 5 февраля 1935, Париж, Франция), правовед, финансист.

Окончил Александровскую гимназию в Николаеве (1876–1886), ЮФ МУ с серебряной медалью (1886–1890). Магистр международного права. Препода-

вал курс международного права в МКИ. Читал лекции на Высших коммерческих курсах Московского общества распространения коммерческого образования. Редактор-издатель ж. «Вопросы права» (1912). Директор московского отделения Международного коммерческого банка (с 1914). Директор правления Товарищества Ново-Таволжанского свеклосахарного завода Боткиных (с 1916), Товарищества химических заводов П.К. Ушкова и К° (1917). Генеральный консул Украинской Державы в Москве (1918). В эмиграции в ЧСР с 1919. Участвовал в создании Русского общества взаимопомощи в апреле 1919. Сотрудничал в газ. «Славянская заря» (Прага, 1919–1920). Затем переехал в Германию, основал банк в Берлине. С 1924 жил в Париже. Прах захоронен на кладбище Пер-Лашез в Париже.

Отец: Лев Исаакович, николаевский купец 1-й гильдии. Мать: Марьям-Бейла (урожд. Ганелина). Брат: Григорий (р. 1868), медик. Жена: Клара Максимовна, сестра поэта Д.М. Ратгауза. Сын: Михаил (1894–1959), поэт, переводчик.

Арх.: ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 300. Д. 735. Оп. 304. Д. 782.

М.М. Горинев-мл.

ЦИММЕРМАН Михаил Артурович (8/20 ноября 1887, Кутаиси — 28 мая 1935, Брно, Чехословакия), правовед, специалист по международному праву.

Окончил Николаевскую Царскосельскую гимназию (1906), ЮФ СПбУ (1906–1910). Оставлен для подготовки к профессорскому званию по кафедре международного права с 1 марта 1912. В июле 1914 призван на военную службу. Участник Первой мировой войны, начальник кавалерийской разведки. Был ранен в Восточной Пруссии, пленен, некоторое время провел в Германии, несколько раз бежал из плена. Участник Белого движения, в 1918–1919 офицер ДА (Киев, Одесса, Новороссийск, Екатеринодар, Ростов-на-Дону), в составе отряда генерала Н.Э. Бредова в 1920 прошел в Польшу. С марта 1920 служил в Варшаве, в конце августа вернулся в Крым. Эвакуирован в Константинополь в составе РА в ноябре 1920. Секретарь РАГ в Турции. В 1921 через КСХС приехал в ЧСР. Жил в Праге. Окончил РЮФ, оставлен для подготовки к профессорскому званию. Магистр права (1926), дисс. «Вмешательство и признание в международном праве». Приват-доцент РЮФ. Руководитель семинара по изучению современной международной жизни и международного права, а также кружка по изучению международных отношений. Секретарь РНУ (1928). Член РИО. С 1929 экстраординарный профессор БрноУ по кафедре международного права.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 1007; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 675; Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 722–725.

М.М. Горинев-мл., Л.П. Пухова, М.Ю. Сорокина

ЧЕЛИЩЕВ Виктор Николаевич (13/25 сентября 1870, Боровск Калужской губ. — 1 мая 1952, Сан-Франциско, шт. Калифорния, США), правовед, писатель.

Потомственный дворянин. Окончил гимназию в Калуге с серебряной медалью (1881–1889), ЮФ МУ (1889–1893). С декабря 1893 служил во 2-й роте 9-го пехотного Староингерманландского генерал-фельдмаршала князя Михаила Голицына полка. Прапорщик (1894). Служил по выборам гласным Боровского у. и Калужского губ. земств. Преподавал в МУ, сотрудничал в ж. «Юридический вестник», «Вестник права и нотариата». Член Общества для пособия нуждающимся студентам МУ. Состоял на службе в Московской судебной палате (с 1896), мировой судья Симоновского участка (1898–1916). Член московского отделения РТО (с 1911). Член Московского общества патроната над несовершеннолетними (1914). Во время Первой мировой войны уполномоченный Всероссийского земского союза и Союза городов. Член Совета, затем зам. председателя Московского юридического общества при МУ. Председатель Московского съезда мировых судей (с 1916). Статский советник (1916). Гласный МГД (1916–1917). После Февральской революции 1917 избран председателем правления Всероссийского союза юристов, возглавил Московскую судебную палату. Подготовил проект судебной реформы (февраль — март 1918). Участник Белого движения. Член подпольной антибольшевистской организации «Национальный центр» в Москве (с мая 1918). Член ОСО при главнокомандующем ВСЮР А.И. Деникине (с октября 1918), начальник Управления юстиции ОСО (ноябрь 1918 — февраль 1920). Председатель межведомственной комиссии по земельному вопросу, созданной при Управлении земледелия и землеустройства. Обер-прокурор 1-го департамента Сената при генерале П.Н. Врангеле (1920). Эвакуирован из Ялты на пароходе «Константин» в Константинополь в ноябре 1920. Жил в КСХС (1921–1931): сначала в Кралевице, затем в Белграде. Председатель правления колонии русских беженцев в Кралевице (январь — сентябрь 1921). Чиновник Министерства юстиции в Белграде (1924–1929), служил в Генеральной дирекции государственных железных дорог (1930–1931). Преподавал законоведение в 1-й русско-сербской мужской гимназии в Белграде (с ноября 1925). Учредитель, член правления СРПЖ в КСХС, тов. председателя Союза (1926–1931). Соредактор белградской газ. «Россия» (с 1926). Представитель РЗИА в Югославии. Председатель Объединения национально-прогрессивной и демократической русской эмиграции в КСХС (с 1926). В 1931 переехал в Прагу (ЧСР). Казначей и тов. председателя СРПЖ в ЧСР. Выступал с докладами по национальному вопросу в РНУ. С марта 1932 член Совета РЗИА. Член «КР» — ТКП (1931–1934). На 2-м съезде «КР» в Праге (июль 1932) избран членом ЦК и заместителем председателя партии. Вышел из партии в результате конфликта с С.С. Масловым (апрель 1934). С 1934 жил в Париже. Член Московского землячества в Париже, Союза русских дворян, правления Союза русских судебных деятелей во Франции (1935–1945). Переехал в США в 1946. Жил в Сан-Франциско (шт. Калифорния). Похоронен на Сербском кладбище там же.

Отец: Николай Дмитриевич, уездный исправник в Боровске. Мать: Ольга Алексеевна. Сестра: Мария (р. 1863). Братья: Дмитрий (р. 1866), председатель Калужской губернской земской управы; Николай (р. 1868), автор статей и монографий об охоте; Александр; Алексей (ум. 1952), врач. Жена: Александра Николаевна (урожд. Ясинская; 1874–1923). Дочери: Ольга (в зам. Никифорова; р. 1899); Анна (р. 1900); Александра (р. 1904). Сыновья: Андрей (1901–1994), винодел; Виктор (1906–1997), архитектор; Николай (р. 1915), инженер.

Арх.: Архив ДРЗ. Ф. 73 (личный фонд); ГА РФ. Ф. Р-5759. Оп. 1. Д. 112. Л. 42; Ф. Р-5809. Оп. 1. Д. 3. Л. 13–15, 29; Ф. Р-5820. Оп. 1. Д. 6. Л. 681–682; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 20. Л. 78; Ф. Р-6792. Оп. 1. Д. 638. Л. 152 об.; Оп. 2. Д. 322. Л. 22 об.; Д. 432. Л. 5, 5 об., 23 об.; Д. 467. Л. 7. Д. 885; Ф. Р-6611 (личный фонд); РГАЛИ. Ф. 2474. Оп. 1. Д. 86; РГВИА. Ф. 400. Оп. 9. Д. 28047. Л. 71–76 об.; ЦГАМ. ОХД до 1917. Ф. 418. Оп. 303. Д. 837, 839.

М.М. Горинов-мл.

ЭЙХЕЛЬМАН Оттон Оттонович (15 апреля 1854, имение Георгиевское СПб. губ. — 21 февраля 1943, Прага, Чехословакия), правовед.

Из мещан. Окончил либавскую Николаевскую гимназию (1872), ЮФ ЮрьевУ со званием кандидата (1873–1875), дисс. «О международно-правовых сношениях при Петре Великом». Магистр государственного права (1878), доктор международного права (1880), дисс. «Военное занятие неприятельской страны». Доцент (с 1878), экстраординарный профессор (с 1880) государственного и административного права Демидовского юридического лица в Ярославле. Экстраординарный (1882), ординарный (1883) профессор университета Св. Владимира в Киеве по кафедре истории важнейших иностранных законодательств древних и новых. В 1884–1921 ординарный профессор по кафедре международного права этого университета. В апреле — мае 1895 член

Высочайше утвержденной при Министерстве финансов Комиссии по пересмотру Устава о земских повинностях в СПб. Действительный статский советник (1899). Декан ЮФ (сентябрь 1905 — март 1909), проректор (1918) КиевУ. Автор проекта конституции Украинской народной республики. В эмиграции в ЧСР с 1922. Профессор Украинского свободного университета (с 1923) и Украинского высшего педагогического института им. М.П. Драгоманова в Праге (1924–1925). Преподавал на экономико-кооперативном факультете Украинской хозяйственной академии в Подебрадах.

Жена: Ольга Ивановна (урожд. Залевская; р. 1868).

Арх.: Исторический архив Эстонии (Тарту). Ф. 402. Оп. 2. Д. 5122–5123; ГА г. Киева. Ф. 16. Оп. 465. Д. 4831. Л. 30–37.

М.М. Горинов-мл.

ЭФРОН Андрей Борисович (23 января / 4 февраля 1899, СПб. — 18 июля 1967, Нью-Хэйвен, США), юрист, общественный деятель.

Окончил гимназическое отделение Главного немецкого училища Св. Петра в Пг. с серебряной медалью (1916). Учился на живописном отделении Высшего художественного училища при Имп. Академии художеств (1916–1917). Поступил на ЮФ ПГУ (1917). Жил в Финляндии с марта 1918. В ЧСР с сентября 1922. Член СРС в ЧСР. Окончил РЮФ в Праге (1922–1926). Оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре истории русского права. Ученик Г.В. Вернадского. Проводил занятия в кружке любителей истории русского права при РЮФ. Член Пражского шахматного клуба (с 1923), участвовал в турнирах, организованных для русских членов клуба. Заведовал отделом спорта и шахмат редакции ж. «Студенческие годы» (с 1924). Член ОРЭСО. Входил в Бюро Русской юридической консультации Земгора в Праге, выступил с докладами «Брачные дела русских эмигрантов в ЧСР» (1928), «Правовое положение иностранцев в России» на общем собрании консультации. Переехал во Францию в 1930. Имел юридическую практику в Париже. Один из редакторов ж. «Русский очаг» (1934). Председатель клуба «Свободная идеологическая трибуна» (1935). С декабря 1937 жил в США. Гражданин США (1943).

Отец: Борис Аркадьевич (1855–1931), инженер-электротехник. Мать: Мария-Жозефина Карловна (урожд. Кинд; р. 1858). Брат: Михаил (р. 1894). Жена: Юлия Андреевна (урожд. Пуни; 1901; по др. свед., 1902 — 1993), работала в Национальном театре Праги. Дочь: Анна (Аннет, 1922–1997). Сын: Стефан Юра (1921–2005).

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6716; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 1082; Ф. Р-5837. Оп. 1. Д. 89. Л. 2; Д. 150. Л. 38; Д. 241. Л. 44; Д. 433. Л. 29.

М.М. Горинов-мл.

ЮВЕНИЦКИЙ Александр Арсеньевич (21 августа / 2 сентября 1883, Тверь — 8 октября 1961, Прага, Чехословакия), юрист.

Окончил Тверское ДУ. В 1898–1905 учился в Тверской ДС. В июле 1905 подавал прошение о зачислении на монголо-китайско-японское отделение ФВЯ СПбУ, но принят не был. С августа 1905 студент МФ ЮрьевУ. В сентябре 1906 перевелся на ЮФ СПбУ. Будучи студентом, работал в Тверской ДС и в Тверском археологическом обществе под руководством его председателя В.И. Колосова. С сентября 1908 учился и в Археологическом институте в СПб. Участник Первой мировой войны, Белого движения. В 1917 окончил Павловское ВУ в Пг., выпущен с чином прапорщика. Член партии эсеров (1917–1918). С 1918 жил в Мариуполе. Подпоручик Кубанского казачьего корпуса, в 1920 принимал участие в боях на Донбассе и в Крыму. В ноябре 1920 эваку-

ирован из Крыма на о. Лемнос (Греция). Затем жил в Константинополе. Член Союза русских инвалидов в Турции. В эмиграции в ЧСР с декабря 1921. В 1921–1922 учился на ЮФ КарловУ. С марта 1922 член СРВИ в ЧСР. Окончил РЮФ в Праге (1922–1926). Кандидат права. С 1925 учился и в РИСХК в Праге. Работал в Кошицкой судебной палате. Сотрудник РЗИА (1927—30). Член (с 1931), с ноября 1933 председатель Бюро пражской группы «КР» — ТКП. Гражданин ЧСР (с 1934 или 1935). Член ОРЮ в Праге (1935), ОРОВУЗ в ЧСР (1939). Выступал с докладами в семинаре «Новое в экономической жизни» в РСУ. 30 мая 1945 арестован пражской опергруппой СМЕРШ 1-го Украинского фронта в Праге. Арест оформлен 11 июня 1945. Отправлен в СССР. 19 ноября 1945 приговорен трибуналом Московского ВО по ст. 58-4 УК РСФСР к 10 годам ИТЛ. После 1956 вернулся в Чехословакию. Похоронен на Ольшанском кладбище.

Отец: Арсений Федорович (р. 1851), пономарь в Бежецком у. Тверской губ. Мать: Ольга Алексеевна. Жена: Мария Андреевна (1897–1956), певица, педагог.

Арх.: ГА РФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 6718; Ф. Р-5765. Оп. 2. Д. 1083; Ф. Р-5813. Оп. 1. Д. 1. Л. 104 об.; Ф. Р-5888. Оп. 1. Д. 72. Л. 9, 14, 89, 110; Ф. Р-5900. Оп. 2. Д. 224; Ф. Р-5938. Оп. 1. Д. 351. Л. 192; Ф. Р-5968. Оп. 1. Д. 6. Л. 424; Ф. Р-5982. Оп. 1. Д. 89. Л. 11; ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 3. Д. 47826.

М.М. Горинов-мл., М.Ю. Сорокина

ХРОНИКА

О.Т. Ермишин, К.Б. Ермишина

**НИКОЛАЙ СЕРГЕЕВИЧ ТРУБЕЦКОЙ – ЛИНГВИСТ,
ИСТОРИК КУЛЬТУРЫ, ОСНОВАТЕЛЬ ЕВРАЗИЙСТВА**

*Научная конференция
Москва. 20 апреля 2015*

20 апреля 2015 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына при участии Института философии РАН была проведена конференция, посвященная 125-летию со дня рождения Николая Сергеевича Трубецкого (1890–1938), известного лингвиста, мыслителя, историка культуры, основоположника евразийства.

Первую научную работу, по этнографии, Н.С. Трубецкой опубликовал уже в возрасте 15 лет. Окончив историко-филологический факультет Московского университета и получив звание приват-доцента, он начал преподавательскую деятельность. В эмиграции (в 1920 г. Трубецкой переехал в Болгарию, а затем в Вену) молодой ученый основал школу фонологии и стал одним из лидеров евразийского движения (1921–1928). Трубецкой считал важным осмыслить глобальные политические, экономические и культурные изменения, произошедшие после Первой мировой войны и русской революции 1917 г. По его мнению, Россия оказалась в самом центре исторического перелома, занимая центральное евразийское положение между Востоком и Западом. Н.С. Трубецкой подчеркивал, что революция 1917 г. вырвала Россию из зоны европейского влияния, вернула ее к историческим и религиозным истокам через страдания, разрушение всей системы жизни и быта, поэтому необходимо двигаться в будущее, бережно сохраняя свою культуру, руководствуясь принципами самопознания.

Кроме политической мысли и общественной деятельности, связанной с историей евразийства, Н.С. Трубецкой прославился в области лингвистики. Его идеи стали частью современного языкознания, а труд «Основы фонологии» (1939) — классикой мировой науки. Уже в 32 года Н.С. Трубецкой получил должность профессора славянской филологии Венского университета, одного из центральных и авторитетных в Европе, что свидетельствует о высоком признании его трудов.

Расцвет профессиональной деятельности Н.С. Трубецкого пришелся на конец 1920-х — начало 1930-х гг. В 1926 г. вместе с Р.О. Якобсоном и другими учеными он основал Пражский лингвистический кружок, объединивший наиболее перспективных ученых-филологов, которые начали разрабатывать новое направление в языкознании, работая над созданием морфонологии и предлагая фонологическую концепцию языка. С каждым годом у фонологии становилось все больше сторонников. 29 августа 1936 г. в Копенгагене была создана Международная фонологическая организация, генеральным секретарем которой стал

Н.С. Трубецкой. Последователи ученого появились во всем мире — от США до Японии, во многих странах сформировались соответствующие фонологические группы. Трубецкой вел активную научную переписку на различных языках, публиковался и выступал с многочисленными докладами. Настойчивость, невероятная работоспособность и дисциплина, творческое вдохновение, искренняя заинтересованность в объекте изучения — основные черты Н.С. Трубецкого-ученого. Он прожил короткую жизнь (48 лет), но успел сделать невероятно много за этот небольшой отрезок времени.

Целью научной конференции в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына было не только почтить память выдающегося ученого, но и показать различные стороны его научной деятельности.

Конференция открылась приветственным словом директора Дома русского зарубежья Виктора Александровича Москвина. В частности, В.А. Москвин указал: «Проблема личности в современном мире, роль языка и сущность культуры были глубоко проанализированы Н.С. Трубецким, что делает его научное наследие в современной России очень актуальным». Кроме того, он отметил, что интерес к трудам Н.С. Трубецкого в России не только не угасает, но, напротив, неуклонно возрастает (одним из примеров такого интереса стало издание: *Трубецкой Н.С. Письма к П.П. Сувчинскому*. М.: Русский путь, 2008).

В докладе «Древнерусское литературное наследие в оценке Н.С. Трубецкого» Александр Николаевич Ужанков (Литературный институт им. А.М. Горького) рассмотрел курс лекций по древнерусской литературе, прочитанный Н.С. Трубецким в Венском университете. По мнению докладчика, Трубецкой представил древнерусскую литературу как систему жанров (летописи, описание паломничеств, проповеди, жития), и для него были характерны интерес к домонгольскому периоду древнерусской литературы, анализ различных литературных влияний, внимание к личным особенностям древнерусских авторов. По оценке А.Н. Ужанкова, Трубецкой интуитивно пришел к некоторым открытиям, которые были подтверждены только последующими научными исследованиями (пример — датировка написания «Слова о полку Игореве»).

Мария Леонидовна Каленчук (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН) выступила с докладом «Теория пограничных сигналов Н.С. Трубецкого: современный взгляд». Она подчеркнула отдельные новации, которые предложил Трубецкой в лингвистике (идея языкового союза, экология языков и т.д.). Однако главное значение имело особое понимание фонемы, предложенное Н.С. Трубецким в «Основах фонологии», благодаря чему в XX в. фонология стала «царицей лингвистики». М.Л. Каленчук проанализировала теорию пограничных сигналов, предложенную Н.С. Трубецким, и дала ее оригинальную интерпретацию (деление делимитативных позиций на сильные и слабые), опираясь на идеи Московской фонологической школы.

Доклад «Историософия Н.С. Трубецкого и его современников в эмиграции (1920–1930-е гг.)» Олега Тимофеевича Ермишина и Ксении Борисовны Ермишиной (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына) посвящен историософии русской эмиграции, в контексте которой рассматривались историософские взгляды

Н.С. Трубецкого. При сравнении евразийства с историософскими идеями других эмигрантских мыслителей (Ф.А. Степуна, Г.П. Федотова и др.) можно обнаружить как общую направленность, так и различия. Историософия русской эмиграции в целом имела два основных источника: критическое осмысление революции и поиск пути к религиозно-национальному возрождению. Однако для решения общих историософских проблем был предложен ряд личных подходов, которые привели к обоснованию совершенно разных точек зрения и последующей полемики.

Вторую часть конференции открыл Мартин Байссвенгер (Высшая школа экономики) с докладом «Н.С. Трубецкой, А.К. Требинский и происхождение «Наследия Чингисхана»». На основе архивных источников он установил, что общая концепция будущей книги «Наследие Чингисхана» (1925) была впервые сформулирована Н.С. Трубецким в письмах 1924 г. к другу, композитору А.К. Требинскому, и затем развивалась в полемике с ним. В письмах Трубецкой высказал свои взгляды на историю России более жестко и резко, тогда как в книге «Наследие Чингисхана» несколько смягчил свою позицию и скорректировал некоторые высказывания под влиянием критических замечаний А.К. Требинского.

Сергей Михайлович Половинкин (РГГУ) в докладе «Персонализм Н.С. Трубецкого» дал обзор взглядов Трубецкого на проблему личности. Н.С. Трубецкой предложил проект исследований под названием «персонология», стремясь объединить ряд гуманитарных наук для изучения одной темы. Докладчик показал, что проект имел связь с решением политических и социальных проблем, актуальных для России. По его мнению, Н.С. Трубецкой стремился установить правильный взгляд на личность и ее связь с национальной культурой, что исключило бы крайние радикальные точки зрения — эгоцентризм и эксцентризм (примером таких точек зрения были славянофильство и западничество).

Анатолий Владимирович Черняев (Институт философии РАН) в докладе «Критическая рецепция историософии Н.С. Трубецкого мыслителями русской эмиграции» остановился в качестве примера на идеях двух мыслителей — В.В. Вейдле и Г.В. Флоровского. Каждый из них по-своему противостоял историософии Н.С. Трубецкого: Вейдле, в большей степени «русский европеец», критиковал евразийцев с позиций, предполагающих неразрывную связь России и Европы; Флоровский был участником евразийского движения и сторонником византизма, но расходился с Трубецким, одновременно испытал его сильное влияние, по ряду принципиальных положений. Докладчик акцентировал внимание на проблеме детерминизма и свободы, считая, что Флоровский в спорах с Трубецким выступал последовательным персоналистом и защитником христианских ценностей.

Альберт Васильевич Соболев (Институт философии РАН) выступил с докладом «О культуроцентричном мировоззрении Н.С. Трубецкого», в котором описал Н.С. Трубецкого как мыслителя, отстаивавшего значимость духовной культуры. По мнению А.В. Соболева, евразийское движение 1920-х гг. имело мощный творческий потенциал, прежде всего потому, что его возглавили люди, которых можно назвать духовной элитой. Идеи Н.С. Трубецкого родились из высокого «духа философичности», хотя формально они развивались в рамках научного языка.

Как полагает докладчик, в данном отношении Трубецкой соединил науку и духовную культуру, и его значение заключается не только в научном обосновании многообразия культур, но в наибольшей степени — в указании на путь духовного возрастания личности.

Доклады вызвали большой интерес и сопровождались многочисленными вопросами аудитории; это позволяет надеяться, что идейное наследие Н.С. Трубецкого сохранит актуальность, а конференция станет еще одним импульсом для его дальнейшего изучения.

Н.А. Ёхина

ИСТОРИКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ: МУЗЕЙНОЕ КОЛЬЦО»

Москва. 2015–2016

Новый историко-просветительский проект «Русское зарубежье: Музейное кольцо» является совместным детищем сетевого журнала «Музеемания» и Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына и существует с октября 2015 г. Автор идеи и руководитель проекта — заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ, кандидат исторических наук М.Ю. Сорокина, кураторы — ведущий научный сотрудник отдела, кандидат исторических наук Н.А. Ёхина и основатель сетевого журнала «Музеемания» А.В. Трубецкой.

Задачи проекта — представление общественности богатейшего контента провинциальных и столичных российских и зарубежных музеев, презентация новых изданий, организация открытых лекций и круглых столов, тематически связанных с историко-культурным наследием русского зарубежья.

Партнер ДРЗ по проекту — сетевой журнал «Музеемания» — размещает на своих страницах в Интернете звуковые файлы и фотоматериалы о различных музейно-культурных событиях (экскурсиях, презентациях, лекциях и др.) как в Москве, так и за ее пределами. Целевая аудитория «Музеемании», по словам основателя журнала А.В. Трубецкого, — это активные исследователи, путешественники, краеведы, собиратели устных воспоминаний. На сегодняшний день журнал имеет более трех с половиной тысяч подписчиков по всему миру. В качестве одной из приоритетных задач «Музеемании» его основатель опреде-

*Основатель сетевого журнала
«Музеемания» А.В. Трубецкой¹*

¹ Фотографии Б. Иванова, А. Трубецкого, В. Сачкова, В. Полушина.

Директор музея-усадьбы «Ивановка», заслуженный работник культуры РФ А.И. Ермаков

ляет популяризацию провинциальных музеев, деятельность которых, как правило, находится в очень стесненных условиях.

Первый вечер в рамках проекта «Русское зарубежье: Музейное кольцо» состоялся 28 октября 2015 г. в Доме русского зарубежья и был посвящен музею-усадьбе «Ивановка» (Тамбовская обл.) — месту, где провел первые 28 лет своей жизни великий пианист и композитор Сергей Васильевич Рахманинов (1873–1943). В вечере принял участие директор музея, заслуженный работник культуры РФ Александр Иванович Ермаков, бессменный руководитель «Ивановки» в течение вот уже сорока пяти лет. Именно благодаря А.И. Ермакову, автору многих издательских проектов, увидела свет монография Михаила Александровича Некрасова «Поленовы на Тамбовской и Саратовской земле» (Тамбов, 2015).

Презентация данной работы, а также книги М.А. Некрасова «Поленов и Таруса» (Подольск, 2015) были включены в программу вечера.

А.И. Ермаков рассказал о жизни великого пианиста и композитора в «Ивановке». Сергей Рахманинов впервые появился здесь семнадцатилетним студентом Московской консерватории. В последний раз он видел это место в мае 1917 г. Все, что зарабатывал Сергей Васильевич с 1902 по 1917 г., он вкладывал в «Ивановку». Это была его творческая лаборатория — 85 % музыкальных произведений композитора российского периода были написаны здесь. Осень и зиму Рахманинов проводил в гастролях по всему миру, но весну и лето — только в «Ивановке». А.И. Ермаков процитировал слова С.В. Рахманинова, относящиеся уже к эмигрантскому периоду жизни композитора: «Живя в России, я постоянно стремился в “Ивановку”. Положа руку на сердце, должен сказать, что и донине туда стремлюсь».

К настоящему времени в музее-усадьбе из 24 строений восстановлены только шесть, что связано с проблемами бюджетного финансирования. В частности, как отметил А.И. Ермаков, при воссоздании усадебного дома лишь 13 % материальных затрат составили бюджетные деньги, остальные же 87 % — это то, что нашел для «Ивановки» Юрий Павлович Рахманинов (внучатый племянник С.В. Рахманинова). Огромную помощь в восстановлении усадьбы оказала народная артистка СССР Ирина Константиновна Архипова — ее усилиями воссоздан парк «Ивановки», она передала в музей часть своего архива, связанного с Сергеем Рахманиновым, в том числе уникальную нотную коллекцию романсов композитора. 2015 год в «Ивановке» был годом И.К. Архиповой, 2016-й — Ю.П. Рахманинова. На территории музея будут установлены бюсты Ирины Константиновны и Юрия Павловича.

Помимо проведения различных фестивалей, мастер-классов, традиционных ночных мероприятий («Сиреневая ночь», «Звездная ночь», «Ночь искусств»), фольклорных праздников («День варенья», «Картошкины именины», «День

яблока»), в «Ивановке» занимаются с одаренными детьми. Александр Иванович поделился с аудиторией радостной новостью — в 2016 г. в «Ивановке» начались ремонтные работы для создания в местной школе Академии для одаренных детей. В заключение своего выступления А.И. Ермаков остановился на «особой статье в жизни музея» — его издательских проектах. Он высоко оценил работу известного краеведа, биографа художников Василия Дмитриевича и Елены Дмитриевны Поленовых М.А. Некрасова, отметив, что его книга на Тамбовщине стала открытием.

Представление книги «Поленовы на Тамбовской и Саратовской земле» сопровождалось фотопрезентацией. По словам автора, в монографии он попытался проследить, когда и в какое время Поленовы приезжали на Тамбовскую и Саратовскую землю в усадьбы Старая Ольшанка, Грушевка, Волхонщино, Богословка, Анашка и Зубриловка. В «Ивановке» Поленовы бывали только наездом. М.А. Некрасов рассказал о том, какие работы В.Д. Поленова связаны с той или иной усадьбой, продемонстрировал их слайды на экране.

Второй вечер проекта «Русское зарубежье: Музейное кольцо» состоялся 3 марта 2016 г. и был посвящен презентации первого и единственного в России народного музея Николая Гумилева в г. Бежецке Тверской области. Вечер был приурочен к 130-летию со дня рождения великого русского поэта.

Во вступительном слове М.Ю. Сорокина акцентировала внимание аудитории на том, что возникновение проекта «Русское зарубежье: Музейное кольцо» самым непосредственным образом связано с началом строительства первого в России Музея русской эмиграции, который, став частью Дома русского зарубежья, откроет свои двери в 2018 г. Мы готовимся к открытию музея, продолжила М.Ю. Сорокина, не только исследовательской работой, не только фондами, но и ставим перед собой задачу представить московской общественности, всем гостям ДРЗ те музеи, о которых говорят, может быть, не так много, но которые являются самой «солью земли», сердцем нашего отечества. Это небольшие провинциальные музеи (государственные и частные), существующие стараниями энтузиастов, зачастую вопреки экономическим и социальным проблемам. Именно о них пойдет речь в процессе реализации проекта.

Вечер открылся музыкальным вступлением, невольно обозначившим некую преемственность с вечером предыдущим, — в исполнении лауреата международных конкурсов пианистки Натальи Терёхиной прозвучали три этюда-картины (ор. 33) Сергея Васильевича Рахманинова.

Большая роль в создании и поддержании существования Народного музея Николая Гумилева в Бежецке принадлежит Гумилевскому обществу и его председателю культурологу Ольге Леонидовне Медведко-Лукницкой. Два ее выступления содержали информацию о жизни первого биографа Н. Гумилева Павла Николаевича Лукницкого и его сына Сергея Павловича Лукницкого, добившегося реабилитации поэта; об истории взаимоотношений П.Н. Лукницкого и А.А. Ахматовой; о единомышленниках и энтузиастах, составивших ядро Гумилевского общества и принимавших активнейшее участие в организации (без государственной поддержки) Народного музея, среди них: Г.Я. Козловская, Е.Е. Степанов,

В.Л. Полушин, С.Е. Зенкевич, А.Ю. Коровин, Н.В. Носов и др. Практически все они стали участниками презентации музея в Доме русского зарубежья.

Известный исследователь творчества Н.С. Гумилева, автор ряда публикаций о Бежецке и Слепневе, автор книги «Поэт на войне. Николай Гумилев 1914–1918» (М., 2014) Евгений Евгеньевич Степанов поведал о том, что предшествовало созданию Народного музея Н. Гумилева, как были обретены могилы матери Гумилева Анны Ивановны и его сводной сестры Александры Степановны Сверчковой. Свой рассказ Е.Е. Степанов проиллюстрировал уникальными фотоматериалами, среди которых, в частности, были представлены неизвестные ранее фотографии, рисунки и документы, относящиеся ко времени пребывания поэта в окрестностях Бежецка. Центральное место в сообщении директора Дома молодежи г. Бежецка Галины Яковлевны Козловской, которая одновременно является руководителем музея, занимала история проводимого в Бежецке Гумилевского фестиваля. Эту тему продолжил президент Международного Гумилевского фестиваля, поэт, культуртрегер Андрей Юрьевич Коровин. Поэт, писатель, автор нескольких книг о Николае Гумилеве и его семье, в том числе в серии ЖЗЛ «Николай Гумилев. Жизнь расстрелянного поэта» (М., 2015), лауреат Всероссийской литературной премии им. Н.С. Гумилева Владимир Леонидович Полушин рассказал о трагической судьбе своего друга, младшего сына Н.С. Гумилева Ореста Николаевича Высотского. Писатель продемонстрировал аудитории уникальную рукописную книжечку О.Н. Высотского, где были собраны лучшие стихи поэта 1930–1940-х гг.

Член Русского географического общества, повторивший в 2013 г. маршрут экспедиции Н. Гумилева 1913 г. в Абиссинию, Н.В. Носов

Гумилеву-путешественнику было посвящено выступление Николая Владимировича Носова, члена Русского географического общества, повторившего в 2013 г. маршрут экспедиции поэта 1913 г. в Абиссинию (современная Эфиопия). Н.В. Носов остановился лишь на одном из пунктов путешествия — городе Харар, ибо именно здесь Н.С. Гумилев собрал значительную часть своей коллекции, переданной впоследствии в Кунсткамеру. Поэт, художник Михаил Валентинович Погарский рассказал о художественном проекте «Странник Гумилев», создателем и куратором которого он является. В нем принимают участие 15 художников, в чьих творениях раскрывается образ Гумилева-путешественника, антрополога, географа. М.В. Погарский продемонстрировал на экране процесс их работы в методах печатной графики. В конце выступления Михаил Валентинович прочел свою поэму «Разброд планет», посвященную Николаю Гумилеву.

Важной частью вечера, посвященного презентации Народного музея Н. Гумилева, стала его

музыкальная программа. Помимо выступления пианистки Натальи Терёхиной, гости Дома русского зарубежья услышали поэтессу, барда, исполнительницу песен на стихи поэтов Серебряного века, в том числе и на стихи Н. Гумилева, Ольгу Никитину. В ее исполнении прозвучали две песни на стихи Гумилева: «Прогулка» и «Еще не раз вы вспомните меня». Финальным же музыкальным аккордом вечера стало необыкновенное по выразительности выступление участников творческого объединения «Мотив» Марка Аксенова и Светланы Ермаковой.

Пианистка Н. Терёхина

Третий вечер проекта «Русское зарубежье: Музейное кольцо» состоялся 26 апреля 2016 г. и был посвящен презентации книги В.Л. Полушина «Наталья Гончарова: Царица русского авангарда» (М., 2016). Данная работа является наиболее полным биографическим исследованием жизни и творчества выдающегося русского живописца и графика Наталии Сергеевны Гончаровой (1881–1962). Внучатая племянница жены А.С. Пушкина, блистательной Натальи Гончаровой, художница в начале XX столетия стала законодателем новых направлений и школ русского авангарда.

Гостей Дома русского зарубежья ждали и сюрпризы. На презентации присутствовали праправнучка А.С. Пушкина Юлия Григорьевна Пушкина, бессменный президент фонда «Наследники и наследие А.С. Пушкина», и внучатый племянник Н.С. Гончаровой Михаил Валерианович Жилин. На сцене же на мольбертах были выставлены подлинные графические работы Н.С. Гончаровой: «К Мафусаилу», «Парижское кафе», «Артюр Рембо», две театральные работы (гуаши) 1930-х гг. Их предоставила арт-директор галереи «Веллум», искусствовед, член Международной ассоциации искусствоведов и арт-критиков Любовь Леонидовна Агафонова.

В начале своего выступления В.Л. Полушин поблагодарил М.В. Жилина за помощь в работе над книгой, и в частности за то, что в его распоряжение были предоставлены фотографии из се-

Выступает В.Л. Полушин

Участники презентации (слева направо): Н. Жилина, куратор проекта А.В. Трубецкой, праправнучка А.С. Пушкина, президент фонда «Наследники и наследие А.С. Пушкина» Ю.Г. Пушкина, куратор проекта Н.А. Ёхина, внучатый племянник Н.С. Гончаровой М.В. Жилин, В.Л. Полушин, оператор, член Союза кинематографистов России В.А. Сачков

мейного архива Гончаровых. Некоторыми из них Владимир Леонидович проиллюстрировал свой рассказ о жизни и творчестве художницы. Отметив, что его увлечение Н.С. Гончаровой началось с ее мужа, художника Михаила Федоровича Ларионова, В.Л. Полушин коснулся истории личных взаимоотношений Н. Гончаровой и М. Ларионова, обозначил основные этапы их совместного, полного исканий и насыщенного экспериментами творческого пути. При этом исследователь подчеркнул индивидуальность и самоценность каждого из этих двух творцов. Говоря об эмигрантском периоде жизни Н.С. Гончаровой, Владимир Леонидович упомянул о ее деятельности в качестве постановщика театральных проектов, художника-модельера, художника-иллюстратора и др.

Теме религиозных мотивов в ранних произведениях Наталии Гончаровой было посвящено сообщение арт-директора галереи «Веллум» Л.Л. Агафоновой. Поблагодарив Дом русского зарубежья за приглашение, искусствовед отметила, что возглавляемая ею галерея долгие годы занимается исследованием творческого наследия русских художников-эмигрантов «первой волны», живших во Франции, Германии, США и других странах. Подчеркнув значимость имени Наталии Гончаровой как классика, внесшего большой вклад в развитие русского авангардного искусства, Любовь Агафонова при этом заметила, что ее работы — творения не академической или городской культуры, но культуры первозданной, народной. Художница, по словам Л.Л. Агафоновой, «пропускает через себя деревню», переносит на холст «мужичьего Бога». Она обращается к иконе, написанной в древнерусской эстетике, и как человек верующий, и как человек, который видит в ней путь народный, путь славянский — не западный. Н.С. Гончарова лишь отталкивается от западных форм живописи (влияние Сезанна, Гогена, Пикассо), но вкла-

*Арт-директор галереи «Веллум», искусствовед Л.Л. Агафонова;
куратор проекта и ведущая вечера Н.А. Ёхина*

дывает в свои картины абсолютно русское содержание. Далее Любовь Агафонова подробно остановилась на некоторых произведениях художницы Библейского цикла, проиллюстрировав свой рассказ слайдами: «Ангелы, мечущие камни на город», «Соляные столпы», «Богоматерь с младенцем», «Архангел Михаил», «Апостолы», «Ангелы и аэропланы» и др.

Выступление гитариста Олега Бойко и певицы Анны Хвостенко

Руководитель творческого объединения «AGORArго и Анна Толстикова» Юлия Анищенко, представив свое объединение, для которого Н.С. Гончарова является своего рода кумиром, преподнесла В.Л. Полушину платок «Амазонки авангарда», выполненный в технике акварели художником-дизайнером Анной Толстиковой.

В завершение вечера М.В. Жилин коротко остановился на истории семьи Гончаровых, рассказав о своей бабушке Нине Кучинской (двоюродной сестре Наталии Гончаровой), о создании сайта Гончаровых, на котором собраны фотографии и семейная хроника, о хранящейся в семье картине художницы «Натюрморт с арбузом» (1905).

В музыкальной части вечера собравшиеся смогли насладиться необыкновенным вокалом певицы Анны Хвостенко и виртуозной игрой гитариста Олега Бойко. В исполнении дуэта прозвучали восемь русских романсов середины XIX — начала XX в.

Все три вечера, состоявшиеся в рамках проекта, прошли при полных залах. Их программа была встречена аудиторией очень тепло и с большим интересом. Традиционной становится музыкальная часть, которая придает вечерам особую атмосферу. Историко-просветительский проект «Русское зарубежье: Музейное кольцо» набирает силу, в ближайших планах его руководителя и кураторов не только представление музеев, но и организация открытых лекций и проведение круглых столов.

М.Ю. Сорокина, К.К. Семенов

**МЕЖДУНАРОДНЫЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ
«РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В БОРЬБЕ С ФАШИЗМОМ»
И «РУССКИЕ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ»**

В рамках празднования 70-летия Великой Победы Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, уже неоднократно обращавшийся к истории участия российских соотечественников в антифашистской борьбе в годы Второй мировой войны, выступил с инициативой проведения международной научной конференции «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом». Этот замысел был поддержан Правительственной комиссией по делам соотечественников за рубежом, Комитетом Государственной Думы Российской Федерации по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками, Фондом поддержки и защиты прав соотечественников, проживающих за рубежом, Департаментом культуры города Москвы.

Конференция, ставшая первым в истории России форумом, специально посвященным участию российской эмиграции в борьбе с фашизмом в годы Второй мировой войны, состоялась 14–15 мая 2015 г. в Доме русского зарубежья. В ее программу было включено более тридцати докладов российских и зарубежных ученых из одиннадцати стран — Аргентины, Беларуси, Италии, Израиля, Сербии, Польши, Франции и др. Россия была представлена выступлениями известных историков из Москвы, Санкт-Петербурга, Симферополя, Самары, Кирова и других городов.

На открытии конференции 14 мая 2015 г. участников и гостей форума приветствовали директор Историко-документального департамента МИД РФ Чрезвычайный и Полномочный посол А.И. Кузнецов, ответственный секретарь Правительственной комиссии по делам соотечественников за рубежом, директор Департамента по работе с соотечественниками МИД РФ, Чрезвычайный и Полномочный посол А.А. Макаров, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по делам СНГ, евразийской интеграции и связям с соотечественниками В.С. Никитин, директор Института всеобщей истории Российской академии наук академик А.О. Чубарьян, а также директор Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына В.А. Москвин.

Работа конференции проходила в шести тематических секциях: «Предчувствие войны», «Антифашистская борьба в литературном наследии Российского Зарубежья», «Антифашистское движение в годы Второй мировой войны и российские эмигранты», «Российские эмигранты — участники антифашистской борьбы в Югославии», «Российские эмигранты — участники антифашистской

борьбы во Франции», «Российские эмигранты — участники антифашистской борьбы в Европе». На протяжении двух дней историки и филологи, архивисты и музейщики, общественные деятели и депутаты, зарубежные соотечественники и российские ветераны Сопротивления, а также гражданские активисты обсуждали широкий спектр исторических проблем, связанных с участием российских эмигрантов разных поколений в антифашистском движении XX в. Научные материалы конференции и стенограммы выступлений гостей опубликованы издательством «Русский путь» в виде тома статей и документов «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом» (составители М.Ю. Сорокина, К.К. Семенов). Прекрасно изданный и хорошо иллюстрированный сборник стал важным итогом международной конференции.

Еще одно значимое дополнение к ее научной части — проведение круглого стола «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом: история и современность», в рамках которого выступили князь Д.М. Шаховской (Франция), профессора И.К. Гаврилов (Аргентина) и Ж.Б. Бланков (Бельгия), В.П. и С.А. Павловы (Беларусь), С.Ю. Завадовская (Россия), президент Межрегиональной общественной организации ветеранов французского Сопротивления «Комбатан Волонтер» Ю.П. Виногин (Россия), представитель Объединения русинов А.В. Фатула, а также историк В.Г. Шаронова (Россия). В адрес участников круглого стола прозвучало приветствие Н.И. и К.И. Кривошеиных (Франция). Параллельно работе международной конференции в Доме русского зарубежья была также открыта выставка «Российские участники антифашистского Сопротивления в годы Второй мировой войны: книги, фотографии, документы» (автор К.К. Семенов). Основу экспозиции составили документы архивного собрания ДРЗ, Государственного архива РФ, Архива внешней политики Российской Федерации МИД РФ, книги и журналы из фондов ДРЗ.

Следующим этапом мемориальной работы Дома русского зарубежья стала подготовка книжно-фотодокументальной выставки «Русско-французское боевое братство. Русские участники французского Сопротивления» (автор К.К. Семенов), представленной французской общественности 19–20 сентября 2015 г. в Париже в рамках Дней культурного наследия во Франции. Выставка рассказала о различных формах участия русской эмиграции в Сопротивлении во Франции в годы Второй мировой войны. За два дня с экспозицией познакомились более пяти тысяч человек.

Успешный опыт проведения конференции «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом» (2015) стимулировал дальнейшую работу Дома русского зарубежья в деле увековечения памяти наших соотечественников — участников Сопротивления. На протяжении апреля — мая 2016 г. ДРЗ при содействии Российской ассоциации международного сотрудничества (РАМС), Российского исторического общества (РИО) и Российского центра науки и культуры (РЦНК) в Париже был реализован международный научный проект «Русские в европейском Сопротивлении», имевший две основные составляющие — проведение 26–27 мая 2016 г. международной научно-просветительской конференции «Русские в европейском Сопротивлении» и фотодокументальной выставки «Российские участники антифашистского Сопротивления в годы Второй мировой войны» в РЦНК в Париже.

Программа конференции состояла из двух важных сегментов — выступлений участников и гостей конференции в РЦНК (26 мая) и проведения мемориальной акции «Мы помним: эстафета памяти русских участников европейского Сопротивления» на кладбищах парижского региона, где находятся захоронения и памятники русским участникам европейского Сопротивления (27 мая).

На заседании (26 мая) прозвучали четырнадцать научных докладов российских и зарубежных ученых из пяти стран — России, Италии, Сербии, Польши и Франции. В работе конференции приняли участие ученые и общественные деятели, зарубежные соотечественники, российские ветераны войны и Сопротивления, а также представители Московского городского совета ветеранов и организаций соотечественников, проживающих за рубежом, граждане европейских государств.

Открывая конференцию, директор РЦНК в Париже И.А. Шпынов приветствовал собравшихся и подчеркнул важность сохранения памяти об участии наших соотечественников в движении Сопротивления. Глава Координационного совета соотечественников во Франции М. Грабар, также участвовавший в церемонии открытия, призвал консолидировать общую работу по сохранению исторической памяти. Приветственный адрес от председателя президиума РАМС сенатора С.В. Калашникова зачитал генеральный секретарь президиума РАМС В.М. Полозков, а директор Дома русского зарубежья В.А. Москвин также направил всем докладчикам и соотечественникам теплые слова и пожелания творческой работы на благо всего Русского мира.

Открывая научную часть конференции, заведующая отделом истории российского зарубежья ДРЗ М.Ю. Сорокина рассказала о работе Дома по мемориализации памяти о русских участниках европейского Сопротивления и выступила с рядом инициатив по созданию специальной историко-просветительской программы о героях Сопротивления. Почетный президент Культурной ассоциации «Русский мир» в Турине Анна Роберти (Roberti; Италия), автор новейшей книги об участии советских партизан в Сопротивлении на территории Пьемонта и истории Мемориала Сопротивления в Турине, подробно остановилась на судьбах советских участников антифашистской борьбы в Италии. Н.И. Кривошеин, сын выдающегося русского участника Сопротивления И.А. Кривошеина и племянник архиепископа Василия (Кривошеина), член-учредитель Движения за поместное православие русской традиции в Западной Европе (2004), рассказал об участии членов своей семьи в антифашистском движении. Его супруга, известный историк православия К.И. Кривошеина, выступила с докладом о роли матери Марии (Скобцовой) в жизни русской эмиграции в Париже в годы Второй мировой войны. Польский историк Хуберт Куберский посвятил свой доклад участию русских эмигрантов в рядах польского Сопротивления (Армии Краевой, Национальных вооруженных сил, Гвардии Людовой) в 1939–1945 гг. Главной темой выступления И.В. Храмова, президента Оренбургского благотворительного фонда «Евразия», стала деятельность группы немецкого студенческого Сопротивления «Белая роза» и ее руководителя, уроженца Оренбурга, русского немца Александра Шмореля — первого святого русского зарубежья, прославленного в 2012 г. РПЦЗ в сослуже-

нии с Московским Патриархатом как святой Александр Мюнхенский. Доцент философского факультета Белградского университета Александр Животич представил деятельность русских эмигрантов в Верховном штабе югославского партизанского движения (1942–1945). Ведущий научный сотрудник ДРЗ Н.А. Ёхина рассмотрела участие российских беженцев в движении Сопротивления в Югославии в годы Второй мировой войны сквозь призму судеб младшего поколения зарубежных соотечественников — членов Белградской подпольной антифашистской организации «Союз советских патриотов». М.Г. Талалай, автор вышедшей в 2015 г. монографии «Русские участники Итальянской войны 1943–1945: партизаны, казаки, легионеры», подробно рассказал об антифашистской деятельности советских военнопленных в Италии. Старший научный сотрудник Дома русского зарубежья К.К. Семенов в своем докладе остановился на участии русских добровольцев-эмигрантов в армии Испанской республики. Самое активное участие в конференции и ее организации приняла заведующая отделом международного и межрегионального сотрудничества ДРЗ Е.В. Кривова. Фотодокументальная выставка «Российские участники антифашистского Сопротивления в годы Второй мировой войны», развернутая в Российском центре науки и культуры в Париже, ярко иллюстрировала выступления всех докладчиков и вызвала большой интерес присутствовавших.

27 мая все участники международной научно-просветительской конференции «Русские в европейском Сопротивлении» отправились на мемориальную акцию «Мы помним: Эстафета памяти русских участников европейского Сопротивления», которая впервые в истории проводилась на кладбищах парижского региона, где находятся захоронения и памятники русским участникам европейского Сопротивления. В рамках акции, состоявшейся на кладбищах Пер-Лашез, Иври-сюр-Сен, Сент-Женевьев-де-Буа, к памятникам и могилам русских участников французского Сопротивления были возложены цветы, зажжены поминальные свечи, зачитаны имена героев. Участники мемориальной акции выразили уверенность, что подобные акции необходимо провести и на других кладбищах Франции, а также по всей Европе.

Научно-просветительская конференция в Париже и сопутствующие ей мероприятия — выставка и Эстафета памяти — внесли значительный вклад как в празднование в России и за рубежом 75-летия начала Великой Отечественной войны, так и в создание научной основы в изучении проблемы российской эмиграции и ее роли в борьбе с нацистской Германией и ее сателлитами. В планах Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына дальнейшая работа по сбору материалов о русских участниках Сопротивления, проведение круглых столов по этой теме и достойное отражение подвига наших соотечественников в экспозиции строящегося Музея русского зарубежья.

Т.В. Марченко

«Я ВОЗВРАЩАЮ СЕБЕ РОССИЮ...
Я ВИЖУ ЕЕ, Я СЛЫШУ ЕЕ»:

Историко-документальная выставка и круглый стол,
посвященные И.С. Шмелеву

«Влечет, уводит в родную стихию... — признавался И.С. Шмелев в 1944 г., — я возвращаю себе Россию... я вижу ее, я слышу ее». Слова писателя стали лейтмотивом историко-документальной выставки по материалам его парижского архива. Сохраненный племянницей Шмелева Ю.А. Кутыриной, архив был передан в 2000 г. в Российский фонд культуры ее сыном, внучатым племянником писателя Ивистионом Жантийомом-Кутыриным¹. В 2014 г. архив обрел новый адрес — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Полностью основанная на материалах из архива одного из классиков русской литературы XX в., выставка открылась в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына 1 июня 2015 г. Духов день, зеленые святки, канун дня рождения Пушкина — знаковые дни для Ивана Шмелева, мифотворца, создавшего одухотворенный образ православной Руси через поэзию быта, повседневной, давно прошедшей и оттого кажущейся такой милой жизни «на Москве».

Выставку, приуроченную к 65-летию со дня кончины писателя, предварил круглый стол, посвященный проблемам изучения и издания творческого наследия «наирусейшего» (И.А. Ильин) писателя эмиграции.

Инициатором проведения научной дискуссии выступила Т.В. Марченко, научный руководитель и один из авторов проекта по созданию выставки. Работа с архивом, сквозной просмотр едва ли не всех единиц его хранения позволили Т.В. Марченко обозначить узловые проблемы современного шмелеведения. Его фундаментом является архив писателя, который нуждается в дальнейшей научной обработке, составлении каталога, создании электронной (страховой) копии документов, а также в цифровом, виртуальном объединении с другими частями

¹ Ив (Ивистион Андреевич) Жантийом-Кутырин (Gentilhomme; 1920–2016) — сын Юлии Александровны Кутыриной (1891–1979), племянницы и первой хранительницы архива И.С. Шмелева, певицы и сказительницы, ушел из жизни на 97-м году в августе 2016 г. Математик, лингвист, преподававший в Безансонском университете (Франция), Ив Жантийом выполнил завещание своего крестного отца, «дяди Вани», передав на родину его архив и оказав содействие в перезахоронении праха писателя в 2000 г. в семейной усыпальнице Шмелевых на Донском кладбище в Москве. Автор мемуарной книги «Мой дядя Ваня» ([Жантийом 2001]; см. также [Жантийом 2011]) искренне хотел, как сформулировал это в очерке in memoriam В. Леонидов, «чтобы наследие Шмелева прежде всего служило России, чтобы издавались произведения писателя, а его творчество помогало всем, кто считает себя русским и помнит, кто он и откуда родом» (см.: <http://www.bfrz.ru/?mod=news&id=2552>).

богатейшего архивного наследия писателя, хранящимися — и это редкость для писателя-эмигранта — тоже в Москве, в частности в РГБ и в РГАЛИ.

Об архивных изысканиях и находках говорили многие участники круглого стола, среди которых доминировали исследователи из ИМЛИ им. А.М. Горького РАН и ДРЗ. Сенсационных сообщений не прозвучало, однако были представлены извлеченные из различных архивов сюжеты (Н.В. Белевцева, Е.Н. Никитин, О.К. Землякова), поставлена проблема создания современной шмелевской библиографии (конструктивный обмен мнениями О.В. Быстровой и Н.А. Егоровой), затронуты вопросы поэтики Шмелева (Ю.Н. Каскина) и эдичионные принципы (Т.Т. Давыдова). Истории взаимоотношений «двух Иванов» — И.С. Шмелева и И.А. Ильина — коснулся Н.И. Герасимов, поведавший немало любопытного и поучительного о маргиналиях, оставленных в книгах писателя рукой философа (чей архив и книжное собрание переданы на хранение в научную библиотеку МГУ им. М.В. Ломоносова).

Впрочем, тема издания научного собрания сочинений И.С. Шмелева так или иначе звучала во всех выступлениях, ремарках и репликах. Л.А. Спиридонова, крупнейший исследователь русской литературы начала XX в., автор многих монографий о М. Горьком и о писателях русского зарубежья, инициатор и организатор Шмелевских чтений, проходящих раз в два года в ИМЛИ, пришла на круглый стол со своей новой книгой [Спиридонова 2014] и с давно обдуманной идеей создания собрания сочинений писателя. Именно издание верифицированных, откомментированных текстов Шмелева должно ознаменовать собой следующий этап научного шмелеведения. Выступления Л.Ю. Суrowsой, известной как публикации текстов Шмелева, так и исследованиями о жизни и творчестве писателя (ее итоговый «Творческий портрет И.С. Шмелева» вышел из печати через год после описываемых событий, см. [Суrowова 2016]), ее замечания и уточнения по ряду сообщений продемонстрировали готовность современного шмелеведения к осуществлению такого собрания сочинений. Однако конкретных вопросов, связанных с подобным изданием, прежде всего в области текстологии и комментирования, накопилось так много, что участники круглого стола согласились с идеей проводить регулярные рабочие встречи «шмелеведов», семинары, посвященные узкоспециальным, более частным вопросам.

Особый интерес вызвало выступление Нины Окуневой-Герра. Нина и Филиппе Герра (Guerra) — переводчики русской литературы на португальский язык, недавно ими осуществлен перевод «Солнца мертвых» И.С. Шмелева [Guerra 2015]. Будучи филологами, носителями русского языка и знатоками португальского, они работают над переводами совместно, «миллион раз все проверяют», по признанию Нины. Португалия, однако, страна маленькая, знакомство с русской литературой очень слабое, и если интеллектуалы читают кого-то кроме Толстого и Достоевского, то в переводах на французский или английский языки. В стране незнакомы даже с творчеством Пушкина, и, конечно, издать никому не известного Шмелева там не просто. Возникают и вовсе не литературные проблемы, и не только в связи с книгой Шмелева, действие которой происходит в Крыму: свежий переводческий проект супругов Герра — «Севастопольские рассказы» Толстого — тоже натолкнулся на известное идеологическое сопротивление.

Завершился круглый стол двумя выступлениями, тесно связанными с выставкой «Я возвращаю себе Россию». Е.Н. Чавчавадзе (Российский фонд культуры) в ярко эмоциональной манере увлекла слушателей — а среди них было немало студентов-филологов — рассказом об обретении Россией архива писателя-изгнанника, и в этом захватывающем повествовании почти сказочно, но в действительности огромным усилием воли многих людей преодолевались все трудности и все препятствия. В.П. Цыганник, возглавляющий литературно-мемориальный музей Шмелева (собственно, филиал Литературно-мемориального музея С.Н. Сергеева-Ценского) в крымской Алуште, напротив, говорил о трудностях еще не преодоленных. Главная из них — это «дача» писателя, владельцы которой долго не хотели с ней расставаться, а теперь домик находится в аварийном состоянии, и требуется еще немало хлопот и трудов по воплощению мемориала писателя в стенах, с которыми связаны самые трагические годы в его жизни и действие эпопеи «Солнце мертвых».

Открывая выставку, директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына В.А. Москвин подчеркнул главное: много спорят о том, быть или не быть Музею русской эмиграции и каким ему быть, но экспозиция, развернутая в выставочном зале ДРЗ, безусловно, стала прообразом будущего музея. На выставке есть все — документы и личные вещи писателя (отреставрированные уже в Доме русского зарубежья), фотографии, книги, иконы, но главное — контент выставки вобрал в себя и художественное слово Шмелева, и голоса русского зарубежья.

Лица на фотографических карточках, строки на пожелтевшей, обветшавшей бумаге — чернильные, карандашные, машинописные... Выставка была обращена к жизни писателя в эмиграции. В 1922 г. он покинул родину, обосновался во Франции, жил в Париже, а летом на Атлантическом побережье. После кончины жены в 1936 г. совершил несколько литературных турне. На выставке экспонировались фотографии и документы из архива писателя, его личные вещи, книги и периодика русского зарубежья. Широко и разнообразно была представлена обширная и многообразная корреспонденция Шмелева, письма к которому приходили со всего мира. Представители РПЦЗ, богословы и философы, писатели и критики, в том числе иностранные, редакторы и издатели — весь спектр интеллектуально-духовной, литературной жизни русского зарубежья раскрывается в документальном наследии И.С. Шмелева. Но чем особенно оказался богат шмелевский архив и что хотелось представить максимально репрезентативно, это письма читателей — восторженных, благодарных, осчастливленных на чужбине теплыми, родными образами книг Шмелева.

И разумеется, фотографии: из Парижа и его окрестностей, из Кап-Бретона и с берегов Гауи, из гостеприимной усадьбы семейства Климовых под Ригой... Символом выставки, ее визитной карточкой стал подсолнух — огромный подсолнух перед окном скромной дачки под Парижем. Тянется чуть не до крыши, и вместе с ним, прорастающим из чужой земли, прорастают в памяти писателя воспоминания о былых временах, о хлебосольной, богомольной Москве, ее удивительных жителях, строителях и созидателях, грешниках и праведниках, о той Руси, которой, может быть, никогда и не было, но которая запечатлена на страницах книг

Ивана Шмелева как светлый сон, как молитва о прошлом и чудесная вера в будущее. От самых корней родной почвы прорастает творчество Шмелева и, словно подсолнух, повернуто к небесам, к солнцу. Писателю довелось видеть и черное солнце, солнце мертвых, пройти трудными, порой трагическими путями земными. Живые подсолнухи, специально заказанные в соседней цветочной лавке, озарили зал с низкими сводами в день открытия выставки.

Открытие широко освещала пресса, сюжеты появились в программе «Вести» телеканала «Россия 2» и в новостях на телеканале «Культура». Благодаря широкой информационной поддержке о выставке узнали буквально по всей России, что отразилось и на посещении посвященной Шмелеву экспозиции — не только москвичами, но и гостями столицы. «Ваше вдохновенное слово заставляет нас, русских за рубежом, возвращаться к тому, что, казалось, в нас уже заглохло, — к чувству полноты бытия с его звуками и красками и снова ощущать любовь к жизни». Эти слова Е.А. Ляцкого (из экспонировавшегося письма писателю от 19 июля 1937 г.) давно уже понятны и близки отечественным читателям книг Шмелева, а в литературоведческий обиход прочно вошел топоним «шмелевская Москва».

Еще одним прикосновением к Шмелеву, его судьбе и творчеству стал для собравшихся 1 июня в ДРЗ документальный фильм А. Судиловского «Пути земные» (2008). Его показ сопровождал работу выставки, которая продлилась до 7 августа и оказалась самой посещаемой — и это не удивительно! — среди экспозиций и выставок Дома русского зарубежья.

Авторами и создателями выставки, не уступающей по количеству и ценности представленных раритетов и по продуманному дизайну лучшим экспозициям литературно-мемориальных музеев, стали Т.В. Марченко (ею были написаны и все сопроводительные тексты), О.В. Соколова, О.Е. Тесленко, а также Е.Б. Лазукова (художник) и Е.В. Кривцова (музыкальное оформление). Татьяна Марченко провела экскурсию по выставке — для сотрудников Дома русского зарубежья, а потом и для заинтересованных посетителей, почитателей творчества Ивана Шмелева и его сытной и пьяной, великопостной и пасхальной, праздничной, «красно украшенной», разгульной и богомольной Москвы, увиденной из «прекрасного далека» и пронизанной острой ностальгией.

В сентябре 2015 г. копияный вариант выставки «Я возвращаю себе Россию», подготовленный С.Ю. Урбан и Д.А. Жмылевой, был передан В.А. Москвиным в Алуштинский музей. В Профессорском уголке, где до сих пор цела шмелевская «дача», Международные Шмелевские чтения впервые прошли при активном участии Дома русского зарубежья. Привычный для Шмелева земной путь, из Москвы в Крым; символические «пути небесные», возвращение — русского писателя в Крым, Крыма — в Россию.

Литература

Жантийом 2001 — *Жантийом И.* Мой дядя Ваня. Воспоминания об Иване Шмелеве. Письма Ивана Шмелева Иву Жантийому-Кутырину. М.: Российский фонд культуры: Изд-во Сретенского монастыря, 2001. 128 с.

- Жантийом 2011 — *Жантийом-Кутырин И.* Мой крестный: воспоминания об Иване Шмелеве. Письма И. Шмелева / сост. Е.Н. Чавчавадзе, О.Н. Шотова, Л.Ю. Суровова. М.: Российский фонд культуры: Изд-во им. Сабашниковых, 2011. 174 с.
- Спиридонова 2014 — *Спиридонова Л.А.* Художественный мир И.С. Шмелева. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 237 с.
- Суровова 2016 — *Суровова Л.Ю.* Творческий портрет И.С. Шмелева // Русская литература 1920–1930-х годов. Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1, кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016.
- Guerra 2015 — *Chmeliov I.* O sol dos mortos / trad., introd. e notas Nina Guerra, Filipe Guerra; rev. Inês Ribeiro. Lisboa: Relógio d'Água, 2015. 254 p.

Т.В. Марченко

ХОЖДЕНИЕ ПО РАСКАЛЕННЫМ УГЛЯМ,
ИЛИ ИСКУССТВО ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ПЕРЕВОДАХ И ИССЛЕДОВАНИЯХ

5–6 октября в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, в рамках Года литературы, состоялся международный литературный форум «Литература русского зарубежья: прошлое и настоящее». Идея форума была неожиданной даже для его участников, но оказалась необычайно конструктивной: на заседаниях, которым было решено придать более непринужденный и рабочий формат мастерских (workshops), своим опытом по переводу и изданию литературного наследия русской эмиграции обменивались переводчики из разных стран — Франции, Австрии, Швейцарии, Италии, Сербии, Турции, Польши. Их сообщения с рассказом о трудностях и обретениях при воссоздании русского оригинала средствами родного языка перемежались докладами литературоведов, специалистов по литературе русского рассеяния. Замечательно, что переводчик и исследователь часто совпадали в одном лице: так, профессор Севинч Учгюль из Эрджиевского университета (Кайсери, Турция) представила книгу И. Лукаша «Голое поле» — трагическая сага о белой армии в Галлиполи вышла в ее переводе на турецкий язык за две недели до московского форума. Поскольку речь шла о зарубежье, то среди поднятых вопросов была и практика авторского перевода с

Открытие форума. Татьяна Марченко и Сергей Кибальник

О Солженицыне. Севинч Учгюль и Галина Тюрина

языка на язык, и перевод на русский язык русских по происхождению и культуре авторов, перешедших в эмиграции на иностранные языки.

*Вдруг я совсем очнулся... Я в Черном море, на чужом пароходе,
зачем-то плыву в Константинополь (И. Бунин)*

Первое заседание («I. На пути в изгнание: русская литература в Турции. Издания, переводы, рецепция») началось с рассказа С. Учгюль об изучении русской эмиграции, литературы зарубежья и ее переводах в Турции. Это был неожиданный, новый ракурс для исследователей — не «русский Константинополь», а «русский Стамбул», и аудитория буквально засыпала оратора вопросами. Меньше всего думаешь, в связи с трагедией русского послереволюционного исхода, о фасонах дамских платьев или маникюре, а между тем были процитированы слова Кемаля

В шапочке мастера

Заседание первой мастерской. Татьяна Марченко,
Севинч Учгюль, Дмитрий Николаев

Ататюрка о том, что русские научили турков... пляжной культуре. К сожалению, до сих пор не выявленной в полном объеме, не доступной исследователям остается периодика этого раннего, константинопольского периода эмиграции, о чем посетовал модератор заседания Д.Д. Николаев (Москва, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН), рассказывая о своих изысканиях в этой области.

Ке фер? Фер-то ке? (Тэффи)

Казалось бы, следующая мастерская, посвященная особенностям и видам смеха в литературе эмиграции («II. Юмор в литературе русского зарубежья и проблемы перевода комического»), должна была поднять настроение аудитории. Однако проблемы передачи русской смеховой культуры средствами других языков оказались столь сложными и с таким трудом поддающимися решению, что после аналитического обращения Д.Д. Николаева к первым опытам перевода рассказов Н.А. Тэффи на английский язык у Ивоны Анны Ндьяй, профессора Варминско-Мазурского университета (Ольштын, Польша), соредатора серии «Великие имена русской эмиграции» («Luminarze Rosyjskiej Emigracji»), где издаются книги, включающие в себя одновременно исследования разных сторон творчества писателей русского зарубежья и переводы их произведений на польский язык, появились довольно мрачные предчувствия относительно готовящегося тома Тэффи. Веселости собранию не добавили и рассуждения Нины Герра (Португалия) о «смехе обреченных»: речь шла о «Солнце мертвых» И.С. Шмелева, только что появившемся на португальском языке в переводе Нины и Филипе Герра (задача которых кажется совершенно грандиозной и, хотя и не без труда и потерь, реализуемой — познакомить португальского читателя с русской литературой. Желательно со всей). Однако идеи и решения, предлагаемые собравшимися профессионалами как в частных случаях, так и по некоторым принципиальным проблемам сохранения смехового импульса переводимого произведения, вселяли оптимизм в отношении издания той же Тэффи на других языках — но не серьезно-меланхолической, какой она известна на Западе, а невероятно смешной, бурлескно-веселой рассказчицы.

Последний луч какого-то чудного русского дня (Г. Адамович)

Первый день завершился обсуждением двух сообщений о переводах прозы Ивана Бунина («III. Иван Бунин в переводах на иностранные языки»). Выступление Доротеи Троттенберг (Базельский университет, Швейцария) и Златы Коцич (поэта, переводчика, редактора художественной литературы из Белграда) ведущая мастерской, Т.В. Марченко, охарактеризовала как «лед и пламень», имея в виду почти сухой отчет «о проделанной работе» и выплеснувшийся на слушателей «душевный жар». Отвечая на вопросы, Д. Троттенберг счастливо проговорила: десять лет она «живет с Буниным». Проект кажется почти невероятным — из задуманных 12 томов сочинений Бунина (Dörlemann Verlag, Цюрих) вышло уже 8 томов, и только первый не в переводе Доротеи; ей еще предстоит вместе с Буниным написать — по-немецки! — «Митину любовь» и «Солнечный удар», «Жизнь Арсеньева» и «Темные аллеи»... Восьмой том носит название «Весна»

Злата Коцич

Доротея Троттенберг

(«Frühling») и содержит 14 рассказов, написанных в 1913 г.; среди них «Чаша жизни» и «Я все молчу» с его мрачным рефреном, как предвоенная, предреволюционная угроза перекликающимся с пушкинской ремаркой «Народ безмолвствует». Но это уже — послесловие к форуму: очередной том в Дом русского зарубежья принесли год спустя после форума те, чьи имена вынесены на обложку: переводчик (Доротея Троттенберг) и редактор бунинского многотомника Томас Гроб (профессор Славянского семинара Базельского университета).

В продолжение разговора о Бунине на посвященной его творчеству переводческой мастерской Александр Ницберг (Вена), профессия которого состоит в переводах русской поэзии на немецкий язык, поинтересовался, не планируется ли перевод стихов Бунина. Ответ немного озадачил аудиторию — прежде всего российского слушателя: оказывается, и «рассказы плохо продаются, нужен роман» (!). Со стихами еще сложнее (и тут участники мастерской не отказали себе в удовольствии подискутировать о связи поэтического и прозаического творчества Бунина). Между тем, как рассказала Доротея, у сочинений Бунина отличная критическая пресса, особенным же успехом пользуются «Окаянные дни». Злата Коцич озвучила очень субъективное, поэтическое эссе о своем восприятии прозы Бунина и переводческой работы в целом. Это ее образом — «хождение по раскаленным

углям» — мы воспользовались для названия к нашему отчету. Кажется, собравшиеся прекрасно поняли и разделили мысль Златы о работе переводчика: боль и восторг, громадный труд и эйфория от получившегося проникновения в суть текста, перевоплощение в своего автора.

Соловьиным тремоло на весу... (М. Цветаева)

Три мастерские работали и на следующий день. С утра Е.М. Солонович — поэт, крупнейший переводчик-итальянист и профессор Литинститута — вел мастерскую по поэтическому переводу («IV. Переводчик как соавтор, или Феноменология поэтического перевода»), пользуясь метафорой из его стихотворения, по тому, как переводчик пробивается к автору «сквозь туман герметических строчек», через поиск конгениальных подлиннику стихотворных ритмов и интонаций, образов внешних и скрытых в ассоциативно-аллюзивной природе насыщенного поэтического слова. Анна Беднарчик (Лодзь, Польша) — единственный профессор-русист в Польше, чья область исследований — теория перевода, — рассказала об истории перевода поэзии Марины Цветаевой в Польше, поделилась своими

муками и озарениями, одно из которых, кстати, случилось в Москве, в гостинице, после простой беседы с коллегой, и позволило завершить работу двух месяцев (над несколькими четверостишиями!). Марилена Реа (Сиена, Италия), в багаже которой переводы лирики, эпики, драматургии Цветаевой, озвучила собственные решения в передаче строфики, ритмики, рифм, аллитерации и т. д., назвав свои находки — и приведя этим замечанием в восторг Е.М. Солоновича — эвристическими. Наконец, к необычайно сложной теме — поэтической цитатности — обратился в своем докладе А. Ницберг. Его примеры поиска замещающих образов и поэтических выражений — при переводе, например, В. Ходасевича или Г. Иванова — в немецкой поэзии показались блистательными. Хотя, разумеется, несущими на себе отпечаток личности переводчика, быть может, в не меньшей степени, чем переводимого автора. И вновь прозвучало эссе Златы Коцич — «от земных ступеней к воздушным» назвала она и поэтическую эволюцию Цветаевой, и опыт ее поэтического перевода.

Поэтическая мастерская.

Анна Беднарчик, Евгений Солонович, Александр Ницберг, Марилена Реа

К чужому-то свое не прирастает (И. Шмелев)

Обсуждая «миф об утраченной России» в литературе эмиграции («V. Миф об утраченной России в прозе и поэзии русской эмиграции и его интерпретации в зарубежных переводах»), переводчики и исследователи — не только докладчики (И.А. Есаулов, профессор Литинститута им. А.М. Горького, и Н. Герра), но и участники дискуссии (А.В. Бакунцев, Дом русского зарубежья) спорили о природе произведений прежде всего Бунина и Шмелева. И.А. Есаулов привлек внимание к тому, под каким углом зрения «переписывал» свою Россию в эмиграции Бунин, как менялся взгляд писателя на одни и те же явления. Собственно, той же утратой отечества объяснялась и поэтизация, даже идеализация утраченного отечества в «Лете Господнем» Шмелева. Эпиграфом же к этому обсуждению можно было взять слова из книги И. Лукаша о «Гелиболу», которую анализировала С. Учгюль: «как солнце, Россия горит в наших душах». И какой-то особой радостью и свежестью

Мария Соколова

овевало аудиторию выступление Марии Соколовой из Казани. Назвав себя «подмастерьем» на workshop'e признанных мастеров, она рассказала о судьбе внучки Е.А. Боратынского — Ольге Боратынской-Ильиной, писавшей в юности стихи, оказавшейся в 1923 г. в эмиграции в Америке и ставшей автором произведений на английском языке. «Белый путь» писательницы недавно издан в переводе на русский язык (М., 2013), а сейчас молодая переводчица (свободно владеющая английским и испанским) работает над переводом еще одной мемуарной книги своей землячки, чей архив передан в музей ее прославленного деда, — «Посещения Императорского Двора» («Visits to the Imperial Court»).

Вот звон путеводной ноты (В. Набоков)

Едва ли не впервые в Доме русского зарубежья собрались набоковеды («VI. Безумное дело перевода: casus Nabokov»). Трудно найти не только в русском зарубежье, но и в мировой литературе casus, сопологаемый с перипетиями «безумного дела перевода» набоковских текстов. Перевода кем? Самим писателем — самого себя? Но на какой язык? Блистательным эссе ввела слушателей в проблему О.Ю. Сконечная (Москва). В обстоятельном докладе А.А. Бабикова (Москва), обратившего внимание на стилистические новшества писателя в 1972–1977 гг., было продемонстрировано, с чем приходится сталкиваться при переводе поздней английской прозы писателя на русский язык. Сопоставив набоковский автоперевод «Лолиты» (1965) с его русскими романами 1930-х гг., исследователь пришел к выводу, что стиль позднего Набокова значительно отличается от стиля Сирина и дает богатый сопоставительный материал переводчику его поздних романов (в этой роли выступает и сам докладчик). Нарочитая стилистическая эклектичность русской «Лолиты» заставляет переводчика искать собственные решения для поиска той «путеводной ноты», без которой удачный перевод невозможен. Тему продолжила В.Б. Полищук (Санкт-Петербург), рассказав не только о том, как Набоков перевел роман эмигрантского времени «Король, дама, валет» на английский язык, но как он переписал его, продлевая до логического завершения некоторые сюжетные ходы и меняя образность, в чем сказался опыт, обретенный им самим и всем миром в предвоенное и военное время. Элен Анри-Сафье (Сорбонна, Париж) раскрыла специфику создания — иначе не назовешь — сборника «Poems and Problems» даже не просто по-французски, но на французском как на третьем языке, присоединившимся к стихам на русском и английском из этой книги (где есть, кстати, еще и шахматные задачи). Какая виртуозность при неизменном священном трепете перед великим мастером, и, право, замена русской черемухи на цветущий весной в местах более южных шиповник — самое легкое решение из озвученных Э. Анри-Сафье. Кстати, многие вопросы, возникающие в «случае На-

Набоковеды

бокова», могут в какой-то мере способствовать и при переводе других русских авторов — например, в поиске соответствующей имплицитной цитаты из другой словесной культуры и под.

Общение переводчиков и исследователей, поэтов и все-таки прежде всего переводчиков завершилось совместным круглым столом, воистину интеллектуальным пиршеством. Предводительствовала Елена Костюкович (Италия). Началось с ерунды, с забавного казуса — непереводимой русской бани, а поднятыми оказались проблемы важные, животрепещущие — и при переводе с русского языка, и при переводе на русский язык — с итальянского или английского, и при автопереводе (так, Вера Полищук рассказала о предпринятом ею переводе книг сказок — собственных сказок, о Настоящей Принцессе, живущей в настоящем Петербурге, — на английский язык, чтобы весь мир узнал волшебный мир — или волшебный миф? — северной столицы). Конечно, невозможно было обойти и издательские проблемы — сформулированные Н. Герра как «с незнакомцами не знакомлюсь». Но главными все-таки были проблемы, потери, радости и обретения литературного перевода. Едва ли не последней поднялась И.А. Ндяй и рассказала о затруднении, в котором они оказались с коллегой, работая над переводом стихотворения матери Марии (Скобцовой). Переводчиков

*О русской поэзии по-итальянски,
об итальянской поэзии по-русски*

смutilа «грехами перегруженная бадья» и навела на мысль об опечатке — быть может, ладья (погребальная)? Поиск решения оказался коллективным: строка Мандельштама, озвученная Е. Костюкович, лексически точное замечание Н. Герра, чеховская ремарка, вспомнившаяся Т. Марченко, — и перевод пропитанного образностью русской классики и Серебряного века стихотворения Е. Кузьминой-Караваевой на польский язык состоялся.

За два вечера участники и гости форума, московские читатели, интеллектуалы могли встретиться с четырьмя писателями, пишущими по-русски вне России. Живущая в Финляндии Людмила Коль представила свои литературные проекты, реализуемые в этой стране на русском языке (журнал «LiteraruS»). Ирина Муравьева (США) рассказывала о своей жизни в мире, живущем внутри нее, не совпадающем с границами ее нынешнего или прежнего, московского, бытия, и читала кружевную, романтически-ироническую прозу о своем начальном опыте эмиграции. Алексей Макушинский, прозаик, эссеист, поэт (и преподаватель кафедры славистики университета Майнца, Германия) читал и стихи и прозу, отвечал на многочисленные вопросы, прежде всего о романе, который пристально изучали научные сотрудники Дома русского зарубежья, — «Пароход в Аргентину», речь в котором идет о судьбах поколения, попавшего в горнило революции и Гражданской войны, Второй мировой войны и трагедии «дипи», и о профессиональном успехе, о состоявшихся творческих личностях. Наконец, как залпами салюта завершается праздник, так и Елена Костюкович (Милан) — автор бестселлера «Еда», раскрывающего тайны и прелести итальянской жизни и культуры, переводчица на русский язык Умберто Эко и автор романа «Цвингер», который уже сама и на итальянский язык полуперевела, полупереписала (привет Набокову), в упоении рассказывала в упоении внимавшему ей залу о жизни, судьбе и литературе. С поистине академической невозмутимостью и знанием предмета вечер

Творческий вечер Алексея Макушинского

Творческий вечер Елены Костюкович

вела М.А. Ариас-Вихиль (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН), и эта встреча за одним столом, уставленным толстенными томами и цветами, бывших-почти-однокурсниц придавала вечеру особую дружески-заинтересованную тональность: «Ты помнишь? кофточка-лапша? И я передавала записки Давиду Самойлову в ЦДЛ...»

Было бы несправедливым обойти молчанием искусство. Это музыка, которой украсила форум Е.В. Кривцова (Дом русского зарубежья), сделав замечательные видеомузыкальные презентации по теме форума, а также пианист А. Покидченко, игравший Скрябина и Рахманинова. И — поэтическое слово. Александр Ницберг, профессионально выступающий с чтением стихов, подготовил замечательную программу из стихов Игоря Северянина (в том числе и со знаменитыми «ананасами в шампанском», прозвучавшими и в переводе чтеца на немецкий язык), которой открылся форум и которая так и озаряла его радостью, «искристостью и остротой», тем более языки и страны смешивались почти так же, как в знаменитом стихотворении. И, конечно, подмешивала в это светлое настроение ноту ностальгической грусти — ведь собравшиеся имеют дело с литературой русского рассеяния...

Форум придумали, подготовили и провели при финансовой поддержке Российского книжного союза Т.В. Марченко (заведующая отделом культуры российского зарубежья научно-исследовательского центра Дома русского зарубежья) и С.В. Романова (заведующая сектором «Русский язык в странах рассеяния» отдела международного и межрегионального сотрудничества), с признательностью за помощь и поддержку Е.В. Кривовой, Е.В. Кривцовой, М.В. Максимова, Н.В. Романовой, Г.А. Чикановой.

*Светлана Романова.
Все получилось*

Т.В. Викторова, С.Н. Дубровина

ВЫСТАВКА И КОНФЕРЕНЦИЯ
«ТВОРЧЕСТВО МИШЕЛЯ ВИНАВЕРА:
МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ, АМЕРИКОЙ И РОССИЕЙ»

16–17 октября 2015 г. в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына состоялись открытие выставки и конференция «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией», подготовленные совместно со Страсбургским университетом в рамках цикла «Русское присутствие в творчестве французских писателей русского происхождения: Россия видимая и невидимая» при поддержке Французского института при Посольстве Франции в России.

Имя Мишеля Винавера (Vinaver; 1927), французского писателя и драматурга, в России, к сожалению, фактически неизвестно. Из обширного творческого наследия Винавера, составляющего на данный момент восемь томов, на русский язык переведены всего три пьесы — «Отель “Ифигения”», «Женский портрет» (пер. И. Мягковой) и «В поисках работы» (пер. Т.Б. Проскурниковой). На отечественной сцене произведения драматурга, поставленные в европейских, американских, японских театрах, удостоившиеся постановки в «Комеди Франсез» («Comédie-Française»), никогда не ставились. Это тем более удивительно, что Мишель Винавер — выходец из русской эмигрантской семьи: он внук (по материнской линии) известного государственного деятеля дореволюционной России, депутата Первой Государственной думы, основателя партии кадетов Максима Моисеевича Винавера; отец драматурга — Лев Адольфович Гринберг, известный антиквар, благодаря которому в советские музеи вернулись из эмиграции ценнейшие произведения искусства.

*Портрет Максима Моисеевича
Винавера работы З.Е. Серебряковой.
Середина 1920-х гг.*

*Портрет выполнен в конце жизни
М.М. Винавера. З.Е. Серебрякова была
другом семьи Винаверов и Гринбергов
и часто гостила в их доме в Ментоне
Сен-Бернар в Савойе*

Первые выставка и конференция, посвященные творчеству Мишеля Винавера и его семье, прежде всего, по замыслу организаторов, должны были способствовать новым переводам на русский язык и постановкам пьес Мишеля Винавера на отечественной сцене.

Выставка открылась приветственным словом Мишеля Винавера, прозвучавшим в аудиозаписи, — сам писатель, в силу объективных причин, не смог приехать в Москву. По свидетельству участников мероприятия, после этого краткого, емкого, блестящего приветствия даже те, кому имя Мишеля Винавера было совершенно неизвестно, поняли, что речь идет о большом мастере слова, творчество которого еще только предстоит открыть в России.

Директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына Виктор Москвин отметил, что «...даже в этом коротком приветствии виден огромный талант Мишеля Винавера», и поблагодарил писателя «за проникновенные слова, за живое участие в организации выставки и за дар — рукописи М.М. Винавера, переписку Р.Г. Винавер с Русским зарубежным архивом, — которые пополняют музейные фонды Дома».

Культурный атташе Посольства Франции в России Филипп Вуари, на прекрасном русском языке, подчеркнул место драматургии Мишеля Винавера в общем контексте французской драмы второй половины XX в., в рамках связей между театральными традициями Франции и России. «Россия кажется для Мишеля Винавера источником бесконечных поисков, скорее ностальгией, чем досконально изученным наследием», — очень точно отметил Филипп Вуари. Он выразил надежду, что после проведения конференции российская аудитория сможет лучше узнать творчество Мишеля Винавера.

Доцент Страсбургского университета, автор выставки Татьяна Викторова обратила внимание на то, что тема встречи для Дома русского зарубежья «несколько неожиданна», поскольку речь идет о творчестве современного французского драматурга, имя которого «не сходит с французских театральных афиш». Между тем творчество Мишеля Винавера наполнено русскими темами и образами (например, детская книга «Рассказы о Розочке», посвященная бабушке Р.Г. Винавер; диалог с Чеховым и Горьким). Кроме того, — и это очень важно — на протяжении всего своего творческого пути М. Винавер испытывает к России подлинный и глубокий интерес: так, в 1984 г. он поддержал Ю.П. Любимова, лишённого советского гражданства, переведа и поставив на французской сцене «Самоубийцу» Н. Эрсмана, — пьесу, запрещенную в советской России, которую Юрий Петрович тщетно пытался поставить в Театре на Таганке. «В этом ярко проявляется позиция Мишеля Винавера как ангажированного писателя, во французском, положительном значении этого слова, как вовлеченного в судьбы мира. Когда он горит,

Портрет Мишеля Гринберга-Винавера работы З.Е. Серебряковой. Мишель (Михаил Львович) Гринберг-Винавер в возрасте шести лет. Портрет написан в семейном доме Винаверов в Ментоне Сен-Бернар в Савойе

*Мишель Винавер с отцом Л.А. Гринбергом
в Ленинграде. 1963 г.*

*Мишель Винавер сопровождает отца
во время одной из поездок в СССР
по маршруту Ленинград — Москва — Киев*

писательское слово солидарности являет неожиданную силу», — подчеркнула Татьяна Викторова.

К вопросу об ангажированности творчества Мишеля Винавера, часто ставившейся ему в упрек, вернулась в своем слове и президент научно-исследовательского центра П. Муратова (Рим — Париж), друг семьи Гринбергов-Винаверов Ксения Муратова: «Эта ангажированность имеет гораздо более глубокий, вечный смысл. Это ангажированность Шекспира, Софокла, Аристофана. И в этом смысле его театральное мышление напоминает скорее структуру античного мышления».

Ксения Муратова обратила внимание на последнюю пьесу Мишеля Винавера «Бульвар Бетанкур», «необычайно легкую, острую», и закончила свое приветствие пожеланием, чтобы винаверовское «отсутствие конформизма, любовь к человеку, в которой нет никакой сентиментальности» восторжествовали, а творчество Мишеля Винавера нашло путь к русскому читателю и зрителю.

После приветственных слов экспедицию по выставке провели Татьяна Викторова, биограф Мишеля Винавера Симон Шемама и режиссер Григорий Лопухин. Вечером состоялся прием в резиденции Посла Франции в России Жана-Мориса Рипера, во время которого господин Посол обратился к участникам с проникновенной приветственной речью, показавшей его глубокую заинтересованность в проекте, посвященном Мишелю Винаверу, а также внимание к деятельности Дома русского зарубежья. В своем ответном слове В.А. Москвин рассказал о французских проектах Дома, являющихся одним из самых заметных направлений деятельности ДРЗ с момента его основания. (Напомним, что одним из учредителей Библиотеки-фонда «Русское зарубежье» в 1995 г. выступило парижское русское издательство «ИМКА-Пресс» во главе с Никитой Струве.)

На следующий день, 17 октября, состоялась конференция, благодаря которой русская аудитория узнала многое о семье и творческой деятельности М. Винавера. С докладом «Введение в творчество Мишеля Винавера» выступил Симон Шемама, подробно рассказавший о творческом пути писателя от первых романов

и пьесы «Корейцы» (1956) до последней пьесы «Бульвар Бетанкур, или Французская история» и перевода пьесы И.С. Тургенева «Месяц в деревне», над которым М. Винавер работает в настоящее время. Семье Мишеля Винавера были посвящены доклад Ольги Морель, благодаря которой перед слушателями возник светлый образ бабушки драматурга, Розы Георгиевны Винавер, а также выступление Олега Коростелева, рассказавшего публике о необычайно интенсивной издательской деятельности Максима Моисеевича Винавера. Последующие доклады были посвящены творчеству драматурга: о диалоге с Борисом Шлёцером, позволившем Мишелю Винаверу выйти из писательского кризиса и написать его главную пьесу «За борт», рассказала Татьяна Викторова; о чеховской традиции в творчестве М. Винавера поведала Алина Корниенко; новым формам ангажированности в театре Мишеля Винавера был посвящен доклад Светланы Дубровиной; переписка Альбера Камю и Мишеля Винавера в контексте философского спора А. Камю и Ж.-П. Сартра стала предметом размышлений Жерара Абенсура (сам докладчик не смог приехать на конференцию — его доклад любезно согласилась зачитать Татьяна Тайманова, профессор Санкт-Петербургского университета). Наконец, Эвелина Эндерлайн предложила интереснейший анализ творчества Мишеля Винавера как переводчика на примере адаптации «Дачников» М. Горького.

Организаторы стремились передать творческое дыхание театра Мишеля Винавера, остаться как можно ближе к его слову. Поэтому в качестве заставок к докладам прозвучали в исполнении актеров (Артем Кабидов) и голосов из зала (Светлана Бурова, Александр Буров) отрывки из текстов Мишеля Винавера, из

Рабочая тетрадь Мишеля Винавера к пьесе «За борт». 1968 г.

переписки Мишеля Винавера и Альбера Камю, из воспоминаний Розы Винавер, Марка Шагала. Так в диалог на сцене конференц-зала вступали все новые «персонажи», а участники мероприятия оказались окружены той атмосферой, в которой воспитывался ребенком и творил Мишель Винавер.

Кульминацией двухдневных встреч стала постановка пьесы Мишеля Винавера «11 сентября 2001» (пер. С. Дубровиной). Несмотря на то что режиссер-постановщик Григорий Лопухин (Compagnie Frontale, Франция) работал с актерами всего две недели, за это время ему удалось поставить цельный и гармоничный спектакль. Его метод работы сильно отличался от того, к которому привыкли московские актеры — Кирилл Зайцев, Артем Кабидов, Екатерина Ливанова, Кристина Овчаренко из МХАТа им. М. Горького: вместо погружения в психологию персонажа, воплощения характера героя на сцене — работа со звуком, с ритмом самого текста, — чтобы на сцене действовало само слово. И этот подход, названный Мишелем Винавером «театром слуха», где музыка, ритм текста — первичны, принес замечательный результат. Все присутствовавшие на российской премьере «11 сентября 2001» отмечали, насколько действенно слово, как ритмизованная структура «оратории» — так назвал пьесу автор — определяет в итоге весь смысл этого произведения, в котором Винавер не стремится дать оценку или подвести итог, но погружает зрителя в размышление о том страшном событии, к которому могли быть причастны — и остаемся причастными в современном мире — все мы.

Организаторы выражают благодарность всем, кто принял участие в работе над выставкой и подготовке конференции: Симону Шемама, Григорию Лопухину, Ксении Муратовой, Ольге Морель, Алине Корниенко, Светлане Урбан, Дарье Жмылевой, Ирине Зайцевой.

Приносим искреннюю благодарность за поддержку и участие в открытии выставки и конференции Послу Франции в России, г-ну Жан-Морису Риперу, а также культурному атташе Посольства Франции в России г-ну Филиппу Вуари.

Выражаем самые теплые чувства признательности Мишелю Винаверу, принявшему деятельное участие в подготовке выставки, предоставившему фотографии, документы, видеозаписи и афиши из своего архива.

И.Н. Тишина

ОБЗОР ВЫСТАВОК, КНИЖНЫХ ПРЕЗЕНТАЦИЙ
И ВЕЧЕРОВ В ДОМЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА
В 2015–2016 гг.

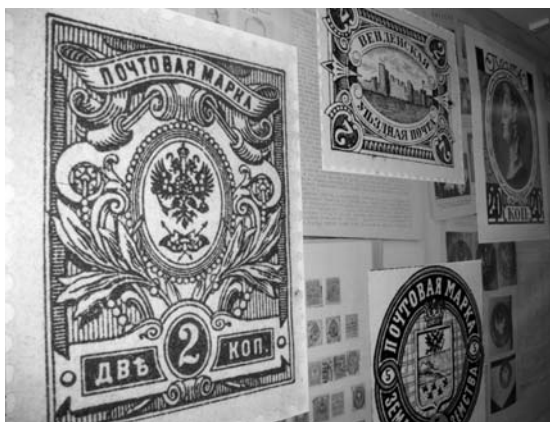
Ежегодно в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына проводится около двухсот мероприятий — научных конференций, семинаров, круглых столов, презентаций, выставок, литературно-музыкальных и поэтических вечеров, концертов, фестивалей, встреч с известными представителями русского зарубежья. О некоторых из них мы расскажем более подробно.

ВЫСТАВКИ

2 сентября 2015 г. в Доме русского зарубежья состоялось открытие выставки **«Утешение в нашей беженской жизни»: о России и Русском Зарубежье — языком филателии».**

Автор и организатор выставки — заведующий отделом военной истории ДРЗ Андрей Сергеевич Кручинин — в ее названии использовал цитату из первого номера эмигрантского филателистического журнала «Россика», вышедшего в 1930 г.: «Собираемые нами с такими большими затруднениями коллекции марок являются для нас единственным утешением в нашей утрюмой беженской жизни». Для русской эмиграции собирание филателистических коллекций было своеобразным убежищем от невеселой действительности, способом поддержать общение с соотечественниками, разбросанными по разным углам света...

Основу выставки составляли собрания наших соотечественников из-за рубежа — Михаила Владимировича Перекрестенко и Бориса Николаевича Сергеевского. Михаил Владимирович передал свою коллекцию Дому русского

Фрагмент выставки «Утешение в нашей беженской жизни»: о России и Русском Зарубежье — языком филателии»

зарубежья. В его собрании — марки периода Российской империи, Первой мировой и Гражданской войн и, несмотря на антикоммунистические убеждения собирателя, марки советских выпусков.

Полковник Сергеевский занимался коллекционированием иначе: марки со всех концов света собирались им, по словам А.С. Кручинина, «более для отдохновения, нежели чем для систематизации и исследования».

Выставка, вызвавшая большой интерес коллекционеров, состояла из нескольких разделов: «Российская империя», «Великая война», «Гражданская война», «Письма “из-за чертополоха”», «Рассеяны, но не расторгнуты» и др. На стендах были представлены общегосударственные и земские марки Российской империи, почтовые отправления периода Первой мировой войны, письма, доставленные белогвардейской военно-полевой почтой, агитационно-благотворительные выпуски русских эмигрантских организаций, конверты без обратного адреса, посланные русским эмигрантам из России их оставшимися на советской территории друзьями и близкими, послевоенные письма из тюрем и лагерей, конверты почтовых служб скаутских, благотворительных организаций русского зарубежья...

4 ноября 2015 г. открылась выставка **«Живопись и графика из собрания Андрея Львовича Сметанкина и Марии Васильевны Сметанкиной-Гудковой (Париж)»**, ставшая первой постоянной экспозицией ДРЗ. Куратор — заместитель директора по вопросам культурно-исторического наследия И.В. Домнин.

Потомок русских эмигрантов первой волны Андрей Львович Сметанкин (род. 1928) — давний друг и даритель Дома русского зарубежья. Он и его супруга Мария Васильевна Сметанкина-Гудкова (1923–2011) много лет собирали русскую живопись и графику. Их собрание картин, рисунков, гравюр и литографий насчитывает сотни произведений русских авторов разных эпох, в том числе художников «первого ряда».

Особое место в коллекции Сметанкиных принадлежит работам, созданным на чужбине, прежде всего во Франции. В их числе произведения выдающихся русских живописцев Филиппа Малявина, Александра и Альберта Бенуа, Бориса Крылова, Сергея (Сержа) Иванова, известного писателя и портретиста, морского офицера Александра Гефтера, военного инженера и графика Николая Кураксина, художницы Веры Брук и других авторов. Именно эти полотна из собрания Сметанкиных

Ф. Малявин «Девушка с коромыслом» (выставка «Живопись и графика из собрания Андрея Львовича Сметанкина и Марии Васильевны Сметанкиной-Гудковой» (Париж)). Фото С. Урбан

составляют дар Дому русского зарубежья в честь его двадцатилетия и включают более 120 картин и рисунков.

Коллекция, по словам А.Л. Сметанкина, начиналась в 1962 г. «с женитьбы на Марии Васильевне» — она привезла с собой две картины своего отца. Собрание пополнялось главным образом в 1970–1990-е гг. Часть его приобретена на аукционах, часть получена по наследству или подарена некоторыми авторами (в их числе Н.В. Кураксин и Н.Л. Брук), с которыми семья состояла в тесных дружеских отношениях. Все эти работы практически неизвестны искусствоведам и тем более широкой публике. Однако, несмотря на то что их ценность неравнозначна, уверен А.Л. Сметанкин, представленные полотна дают представление о художественном творчестве русских людей, оказавшихся на чужбине...

6 ноября 2015 г. Домом русского зарубежья была представлена выставка **«Необыкновенная женщина с трагической судьбой: Лидия Андреевна Никанорова»**. Куратор — заведующая сектором выставочной работы С.Ю. Урбан.

О жизни и творчестве художницы-эмигрантки первой волны Лидии Никаноровой на родине долгое время ничего не было известно, хотя с работами ее мужа, художника и скульптора Георгия Артемова, специалисты и любители отечественного искусства уже знакомы. Возможно, наследие Лидии, ушедшей из жизни в конце 1930-х гг. в возрасте сорока трех лет, так и осталось бы под спудом забвения, если бы не энтузиазм и энергия дочери Георгия Артемова от второго брака — Мари Артемовой-Теста, не только сохранившей архив своего отца и его первой супруги, но и сумевшей показать его в столице России.

Организаторы вечера представили интереснейшие фотографии Лидии Андреевны, ее окружения и тех мест, где ей довелось учиться и работать, — перед нами предстал образ удивительно одаренной женщины, с молодости мечтавшей о серьезном «мужском» образовании. Она родилась в 1895 г. в семье офицера. Вслед за меняющимися местами службы отца менялись места жительства и учебы маленькой Лиды, которая тем не менее ежегодно оканчивала очередной гимназический курс с отличием. На одном из гимназических балов девочка знакомится с будущим студентом Казанского университета, математиком Павлом Бессоновым, ставшим ее постоянным корреспондентом на долгие годы. Эта уникальная переписка в дальнейшем ляжет в основу романа Вениамина Каверина «Перед зеркалом».

По окончании гимназии Лидия поступает на математическое отделение Бестужевских курсов в Санкт-Петербурге, мечтает и об архитектурном отделении. В то же время умная и удивительно способная барышня занимается в мастерской Добужинского и Яковлева, слушает лекции по искусству Византии профессора Успенского.

С 1914 г. начинающая художница часто бывает в Ялте, где знакомится с Юлией Рейтлингер и о. Сергием Булгаковым, который становится ее духовным отцом. В 1920 г. из Ялты Лидия уезжает в Константинополь, где живет до 1923 г. и делает копии сохранившихся византийских фресок, что в дальнейшем отразится во французском периоде творчества художницы.

Л. Никанорова «Арчивольто», «Скалы» (выставка «Необыкновенная женщина с трагической судьбой: Лидия Андреевна Никанорова»). Фото С. Урбан

В эти же годы Лидия берет уроки живописи у русского художника Георгия Артемова, — у пары начинается роман, окончившийся браком и отъездом в Париж, где супруги Артемовы присоединились к артели русских художников и вступили в Союз русских художников во Франции. Во французской столице Никанорова и Артемов занимаются созданием декораций и оформительскими работами, организуют праздники и даже участвуют в качестве художников в съемках фильма на легендарной Корсике. С этого момента супруги ежегодно проводили лето на любимейшем острове. Это был один из самых счастливых периодов жизни Георгия и Лидии: им сопутствовали творческий успех, материальный достаток и признание окружающих...

В 1929 г. экономический кризис в США положил конец продажам деревянных скульптур Георгия за океаном. Супруги перебираются в Париж, где устраивают выставку деревянных скульптур Артемова и живописи Никаноровой. Лидия востребована и как художник, и как оформитель, получая заказы на изготовление фресок в византийской стилистике.

Под Парижем, в Кламаре, Артемовы покупают собственный дом, здесь же — и многочисленная русская община, в том числе о. Сергей Булгаков, Марина Цветаева... Известный цветаевед Лев Мнухин рассказал о том, что Марина Ивановна упоминала в письмах из Кламара о чете русских художников, где «он» — самый выдающийся резчик по дереву во Франции...

В 1937 г. у Лидии Никаноровой случился рецидив смертельной болезни, в 1938 г. талантливой русской художницы не стало.

1 апреля 2016 г. в Доме русского зарубежья состоялось открытие фотодокументальной выставки **«Династия Брокер и расцвет русской парфюмерии»**, посвященной жизни и деятельности выдающегося бизнесмена, коллекционера и мецената Генриха Брокера и его семьи. Куратор выставки — сотрудник Центра информационной поддержки развития делового сотрудничества соотечественников ДРЗ Н.А. Клевалина.

«...Знаешь, Николь, мы потеряли все — фабрику, дом, дачу, коллекцию, но я совершенно об этом не жалею!.. Мне жаль только того, что я никогда не увижу незабудок в нашем любимом Сашино и оставленную колыбель, в которой лежали когда-то мои дети...» — так говорила своей правнучке дочь легендарного московского парфюмера Генриха Брокера Евгения, до 1917 г. — наследница и соуправительница многомиллионного состояния своего отца. Дети Брокера — француза по происхождению — разделили судьбу русских эмигрантов первой волны, сохранив на своей исторической родине истинную любовь к России и удивительную русскость, которые смогли передать и своему потомству.

Выставка, содержащая фотографии, деловые документы, чертежи, патенты, газетные публикации, рекламные плакаты и другие интереснейшие материалы о Брокерах и их детище — фабрике парфюмерной продукции в Москве, организована по инициативе сотрудницы Дома русского зарубежья Натальи Клевалиной и при поддержке жительницы Швейцарии, праправнучки Г.А. Брокера Николь Шерпитель и исследовательницы истории династии, подмосковной художницы Елены Артовой. Документы и музейные предметы, составляющие экспозицию, были предоставлены Государственным архивом Российской Федерации, Центральным государственным архивом города Москвы, Государственным музеем изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, Музеем индустриальной культуры (Москва), Главным архивным управлением Московской области, Архивным отделом управления делами администрации Пушкинского муниципального района города Пушкино.

На церемонии открытия выставки состоялся показ документального фильма производства ВГТРК «Культура» о Г. Брокере. Кульминацией вечера стало выступление г-жи Шерпитель, рассказавшей о судьбе своих предков в России и в эмиграции.

Г-жа Николь Шерпитель вспоминала о прабабушке Евгении, которая умерла в 1961 г. в возрасте 98 лет. Рассказы Евгении (слово «бабушка» правнучка произносит по-русски) были для девочки «подобием волшебной сказки», в которой существовали голубые незабудки под белыми березами в чудесном, далеком

*Николь Шерпитель, праправнучка
Генриха Брокера. Швейцария. 2016.
Фото С. Урбан*

дачном имении Сашино... О своем отце Евгения говорила не столько как о парфюмере и бизнесмене, сколько как о человеке — трудоголике, не выносящем обмана и проявления человеческой лени. Генрих Брокар, свидетельствовала его дочь, работал исключительно стоя, занимаясь несколькими проектами одновременно. Он постоянно двигался вперед — и в мире ароматов, и в деле коллекционирования, в котором его интересовало все — русские иконы, французская живопись, фарфор и многое другое.

Огромную роль в жизни Генриха Брокера, оторванного от своих французских корней, играла семья, — он любил устраивать большие семейные праздники, по православному обычаю отмечал Пасху и Рождество. Обряды Крещения, однако, дети и внуки Брокеров проходили по католическому канону, в семье сочетались и русская, и французская традиции. Брокар, по словам г-жи Шерпитель, приезжая во Францию, чувствовал себя русским, и постоянно подчеркивал, что жить и работать он может только в России. Шестеро детей Шарлотты и Генриха Брокеров с рождения начали говорить по-русски и лишь потом освоили французский язык. Особую роль в понимании Генрихом Афанасьевичем русской культуры сыграла именно супруга Шарлотта — бельгийка по происхождению, уроженка Тамбовской области, хорошо знавшая русский быт, русское искусство, превосходно владевшая русским языком. Шарлотте принадлежат и многие, как бы сказали теперь, «маркетинговые ходы» Брокера-предпринимателя, ее деловая хватка помогала Генриху заработать баснословные доходы от продажи «копеечной» парфюмерной продукции для бедных.

События 1917 г. заставили большинство из потомков парфюмера покинуть Россию, а те, кто пытался спасти производство, прошли через аресты и тюрьмы, эмигрируя из страны уже в «последних вагонах». Дети Генриха Афанасьевича, свидетельствует его праправнучка, передали своим потомкам убежденность в том, что никогда нельзя останавливаться на достигнутом, всегда и везде продолжая упорно трудиться. Среди нынешнего поколения Брокеров есть преподаватели и коллекционеры, специалисты в сфере новых технологий и медицины. Кто-то из потомков Брокера снимает фильмы, кто-то — преподает русский язык, будучи обладателем ученой степени в этой области. Увы, не все из них говорят по-русски, как, к сожалению, и сама праправнучка...

Г. Серов «Сосны в Каннубине»
(выставка «Цвета Ливана».)
Фото С. Урбан

10 июня 2016 г. начала свою работу выставка художника-акварелиста Григория Александровича Серова (Бейрут) «Цвета Ливана». Куратор — заместитель директора по вопросам культурно-исторического наследия И.В. Домнин.

Горы и долины — освещенные солнцем или окутанные полупрозрачным туманным покрывалом, маленькие горные речушки и колорит-

ные восточные деревни, голубая прибрежная полоса и смуглые рыбаки на фоне обеленного солеными средиземноморскими ветрами корабля... Это акварельные пейзажи старого Ливана, выполненные потомком русских эмигрантов первой волны Григорием Александровичем Серовым, внуком выдающегося русского живописца Валентина Григорьевича Серова.

В январе 2016 г. в Доме русского зарубежья состоялся творческий вечер Григория Александровича, на котором было решено устроить персональную выставку его акварельных работ, не раз выставлявшихся в лучших галереях Ливана и за его пределами, многие из них находятся в частных коллекциях...

Григорий Александрович родился в 1930 г. в Ливане в семье инженера-кораблестроителя Александра Валентиновича Серова и Елизаветы Федоровны Серовой (урожд. Гетенко). Помимо учебы во французской Школе христианских братьев в Бейруте Григорий Серов посещал и русскую Четверговую школу. В 1955 г. по окончании Ливанской академии изящных искусств (ALBA) талантливый русский студент получил диплом архитектора, став впоследствии одним из ведущих архитекторов Ливана.

В первых же самостоятельных проектах Г. Серов проявил себя последовательным приверженцем модернизма в архитектуре. Проекты зданий компании «Pan American» (1954–1955) и кинотеатра «Hamra» (1958–1959) в Бейруте, выполненные им в соавторстве с Жоржем Райессом и Тео Канааном, являются наиболее яркими примерами рационального модернизма в ливанской архитектуре 1950-х гг. Зодчий с легендарной русской фамилией при проектировании зданий первым в Ливане начал использовать эстетические свойства грубого бетона, и полученный таким образом тип фасадов определил облик Бейрута 1960–1970-х гг.

ПРЕЗЕНТАЦИИ КНИГ

20 октября 2015 г. состоялась презентация книги Ксении Муратовой **«Неизвестная Россия. Русское искусство первой половины XX века. Шедевры коллекции Татьяны и Георгия Хаценковых»** (Silvina Editoriale, 2015).

Ксения Михайловна Муратова — историк искусства, заслуженный профессор французских университетов, президент Международного научно-исследовательского центра имени Павла Муратов (Рим — Париж). В ее активе — преподавание истории средневекового и византийского искусства в МГУ и истории искусств в Парижском университете, членство во многих ученых обществах и научных ассоциациях Европы, авторство более двухсот научных публикаций, в том числе по истории русского искусства и искусствознания.

Важной составной частью «старой культуры» для Муратовой являются личность и наследие ее двоюродного деда — писателя-эмигранта, выдающегося искусствоведа Павла Павловича Муратова. Его знаменитые «Образы Италии» вдохновили внучатую племянницу на создание в 2012 г. Муратовского центра — и именно в Вечном городе. «Центр Муратова» участвует в представляемом издании «не только своим логотипом, который украшает одну из первых страниц книги»,

К. Муратова, Г. Хаценков. 2015 г. Фото Ю. Котиной

но и тем, что труд «Неизвестная Россия...» посвящен антиквару Л.А. Гринбергу, близкому другу Павла Муратова. Лев Адольфович был и соавтором Муратова в издании нескольких книг, и организатором ряда выставок во Франции 1920–1930-х гг. К.М. Муратова, по ее словам, «стремилась показать в своем тексте выдающуюся роль П.П. Муратова как художественного критика и знатока современного ему искусства, а также значение встреч с ним многих выдающихся художников русской эмиграции...».

Собственно, творчеству русских художников, которые обосновались в Западной Европе еще в начале XX в. или покинули родину после событий 1917 г., и посвящена основная часть книги. Материалом для исследования послужили избранные работы русских мастеров, вошедшие в коллекцию Татьяны и Георгия Хаценковых. Русские художники, считает Ксения Михайловна, приняли «полноценное участие в культурной и художественной жизни Франции и Монако, составили неотъемлемую часть богатейшей панорамы западной культуры первой половины прошедшего столетия». Однако «полностью принадлежа к многообразным движениям западного искусства», эти мастера тем не менее сохранили и свои особенности, обусловленные их российским образованием и приверженностью традициям русской культуры.

Коллекция Татьяны и Георгия Хаценковых, по авторитетному мнению Ксении Михайловны, представляет «первоклассные произведения этого значительного слоя мастеров русского искусства, для которых Париж, Монако и Лазурный берег были самыми излюбленными краями, вдохновлявшими их на создание художественного волшебства». Благодаря страстному собирательству Хаценковых сегодня переоценена роль русских мастеров, вышедших из недр «Мира искусства», в формировании европейского искусства XX в. Значение их творчества теперь не

ограничивается созданием театрального мира «Русских балетов», перевернувшего художественное мировосприятие времени, и в их творчестве художественные традиции «Мира искусства» обретают новую, полноценную художественную жизнь. Именно русские мастера, акцентировала Ксения Михайловна, стояли у колыбели русского неоклассицизма и внесли свой вклад в искусство ар деко и европейский неоклассицизм 1920–1940-х гг.

Истинным удовольствием для аудитории стала демонстрация слайдов избранных шедевров коллекции с комментариями автора издания. Открыли ее картины Софьи Левицкой — художницы, чьи работы, по словам К. Муратовой, выставлялись в Париже уже в 1910-х гг. и были отмечены «самим Аполлинером»... Следом за Левицкой — красные контуры обнаженного тела кисти Михаила Ларионова, а за ним — акварель Мстислава Добужинского 1920-х гг. Акварель сменил «Автопортрет» почти неизвестной в России «художницы Монпарнаса» Ольги Сахаровой, а за ним — шедевр одной из первых русских кубисток Марии Васильевой «Жанна Д'Арк»...

После войны произошел «резкий поворот к реализму», к «новой вещественности», — перед зрителями работы старшего сына Федора Шаляпина, Бориса Шаляпина, которого сменил будто светящийся изнутри пейзаж Василия Шухаева, исполненный в технике старых мастеров — испанцев и фламандцев... Затем — шедевры выдающегося художника Юрия Анненкова, внесшего, по словам искусствоведа, свой вклад в реалистическое искусство, — «Обнаженная» — тающая, сияющая, почти невесомая, — и «Пригороды Парижа», которые, по словам французских критиков, «создали» художника...

Анненкова сменила «Обнаженная» Веры Рохлиной, которая в 1910–1920-е гг. была, оказывается, самой продаваемой русской художницей Парижа!

Вслед за Рохлиной — работы «неоакадемиста» Льва Чистовского, который, едва выйдя из лагеря для «перемещенных лиц», написал серию «мифологических» работ «караваджовского толка»...

Завершил этот зрелищный, неожиданно мощный по степени воздействия и по уровню мастерства показ традиционный натюрморт Ирины Хлестовой — завораживающая прелесть воплощения прозрачной бумаги, ткани и солнечно-оранжевых апельсинов!..

18 февраля 2016 г. в стенах ДРЗ при участии Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН, при поддержке Представительства Правительства Забайкальского края и Государственного республиканского центра русского фольклора состоялась **презентация книги и фильма Владимира Кляуса о русской народной культуре в Китае.**

Тема соотечественников в Китае в стенах Дома русского зарубежья звучала не единожды. Представление книги доктора филологических наук, известного российского фольклориста и визуального антрополога, заведующего отделом фольклора ИМЛИ РАН, профессора РГГУ, главного редактора научного альманаха «Традиционная культура» Владимира Леонидовича Кляуса «“Русское Трёхречье” Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры» (М.: ИМЛИ РАН, 2015) посвящено фольклорной традиции современных китайских русских.

Кто же такие — современные китайские русские? Ответы на этот вопрос мы получили из документального фильма «Трёхречье... Русский мир Китая» (2016), снятого ученым совместно с коллегами и ставшего, по его словам, «результатом многолетних видеофиксаций жизни китайских русских городского округа Эргуна Автономного района Внутренней Монголии КНР».

Забайкальские казаки на протяжении долгого времени свободно переходили через русско-китайскую границу, на целинных землях соседей образуя новые пастбища для скота. В 1920–1930-х гг. не только казаки, но и крестьяне, и приисковые рабочие, бежавшие в Китай после окончания Гражданской войны и в годы коллективизации, основали в Трёхречье новые станицы и села, построили православные храмы. Это был «осколок старого русского мира», который завершил свое существование в 1950-х гг., когда в Китае произошла «культурная революция»...

В результате преобразований в стране, когда-то принявшей десятки тысяч русских беженцев, трехреченцы начали покидать обжитые места: кто-то вернулся в СССР, кто-то эмигрировал в Австралию, Бразилию, Боливию, Новую Зеландию. В Трёхречье остались в основном русские женщины, вышедшие замуж за китайцев. Революция запретила говорить им и их потомкам по-русски, разрушила православные храмы и погосты.

В начале 1990-х гг. китайское правительство предложило потомкам трехреченцев в графу «национальность» вписать слово «русский», — так в Поднебесной появилось новое «национальное меньшинство». Сегодня в Трёхречье русских — более четырех тысяч человек, а самому поселку был присвоен статус Русской национальной волости. Вновь восстанавливаются русские погосты и православные храмы, а старшее поколение по мере сил старается сохранять русский уклад и православную веру.

Жизнь китайских русских в изоляции способствовала консервации их культуры, но в то же время и заимствованию элементов культуры китайской. Эти обстоятельства усиливают интерес китайцев к своей «русской провинции», развивается этнотуризм, что стимулирует трехреченцев к сохранению своей самобытности.

Книга В. Кляуса всесторонне исследует феномен русского Трёхречья, испытавшего на себе сращение русской культуры с китайской, и, по отзывам авторитетных коллег автора, является «мощной работой», основанной на экспедиционных выездах, на совокупном исследовании большого корпуса материала. Записан и изучен богатейший фольклорный материал, что и было продемонстрировано: фольклористы при непосредственном участии самого автора книги порадовали слушателей великолепным исполнением старинных песен забайкальских казаков!..

ВЕЧЕРА

7 декабря 2015 г. состоялся вечер памяти профессора Колумбийского университета **Марины Викторовны Ледковской (1924–2014)**.

Свой рассказ о судьбе русской эмигрантки первой волны Марины Викторовны Ледковской преподаватель МГУ и ее близкий друг Елена Ивановна Трофимова начала с родословия: среди родственников будущего профессора русской

литературы — представители выдающихся фамилий России: Епанчиных, Оболенских, Голицыных, Святополк-Мирских, Набоковых, Фальц-Фейнов. Отец Марины Виктор Максимилианович — этнический немец, офицер, улан Баварской королевской кавалерии, участник Первой мировой войны, мать — Софья Дмитриевна Набокова — двоюродная сестра писателя В.В. Набокова и родная сестра известного композитора Н.Д. Набокова. Говоря о музыкальности своей семьи, дополняет Елена Ивановна, Марина Ледковская замечала, что только знаменитый прозаик не отличался любовью и способностью к музыке, однако его сын стал известным оперным басом. Сама Марина Викторовна всю свою жизнь пела в церковном хоре, и эта страсть к музыке, особенно к музыке духовной, вероятно, определила и ее выбор супруга — выдающегося церковного композитора Бориса Михайловича Ледковского.

Марина Викторовна подчеркивала свое особое «чувство России», которое, будучи в эмиграции, прививали Марине мама и бабушка. Обязательными, вспоминала будущий профессор русской литературы, были занятия по русскому языку, литературе, истории и географии России, что позволило сохранить блестящий, безукоризненный русский язык всем членам семьи, несмотря на инокультурное окружение. Марина и ее родственники в совершенстве знали почти все европейские языки — английский, французский, немецкий, итальянский, польский, что, по свидетельствам очевидцев, производило на собеседников неизгладимое впечатление.

Православие и церковь, по свидетельству Елены Ивановны, занимали в жизни Марины Викторовны значительное место. Закон Божий маленькая Марина изучала с другом семьи и «свойственником» владыкой Иоанном Шаховским. Естественно, что «такое воспитание оказало влияние на мировоззрение, художественные вкусы и отношение семьи Набоковых к Отечеству».

Борис Михайлович Ледковский прошел «весь путь белого офицера»: Первая мировая, Гражданская война, Крым, Галлиполи, эмиграция... Музыкант, композитор, выпускник Московской консерватории, Борис Михайлович стремился на военную службу. Даже плохое зрение, формально освобождавшее его от воинской обязанности, не помешало ему в желании защищать честь Отечества... В середине 1920-х гг. Б.М. Ледковский становится хормейстером Софийского оперного театра, позже, в Париже — регентом одной из русских православных церквей, а затем, в Германии — руководителем Донского и Черноморского казачьих хоров.

В США, куда Ледковские переехали в 1951 г., композитор управляет нью-йоркским кафедральным хором, создает хор православной молодежи, получает место профессора церковной музыки. Марина Викторовна, всегда участвовавшая в хоровых исполнениях под руководством супруга, вспоминала о «триумфальном выступлении хора на Святой земле» в 1974 г.

В Нью-Йорке Марина Ледковская окончила философский факультет Колумбийского университета по специальности «славистика, русская и польская литература», в 1969 г. защитила докторскую диссертацию. Многие годы профессор русского языка Ледковская руководила русским департаментом Бернارد-колледжа Колумбийского университета, преподавала русский, французский и немецкий языки. Слушатели ее лекций восхищались дивным, «старинным» русским языком

преподавательницы, доскональным знанием текстов и изяществом преподнесения материала. Марина Викторовна, по словам Е.И. Трофимовой, считалась крупнейшим тургеневедом Америки, автором множества статей и книги о творчестве И.С. Тургенева. В тургеновском наследии, поясняет исследовательница, Ледковскую привлекали «кристальная чистота», иррациональность и «таинственность», «аполитичность» самого Ивана Сергеевича, предпочитавшего эволюционный путь развития революционному...

Елена Ивановна рассказала о визитах Марины Викторовны в Россию, о ее работе над «Словарем русских писательниц», выпущенным в свет в 1994 г. на английском языке, о членстве в жюри премии «Русский Букер», о ее живом интересе к современной русской литературе... Из жизни Марина Ледковская ушла в глубоко преклонном возрасте, не перенеся потери близких людей, членов ее удивительной дружной семьи, без которых она не смогла больше существовать.

22 марта 2016 г. при участии МОО «Белевское землячество», РОО «Тульское землячество» в большом конференц-зале ДРЗ состоялся **литературно-музыкальный вечер, посвященный русским писателям и поэтам XIX–XX вв. из рода Буниных: В.А. Жуковскому, И.А. Бунину, А.П. Елагиной, А.П. Зонтаг, А.П. Бунинной и ученому П.П. Семенову-Тян-Шанскому.**

Разветвленный, богатый родственными связями в дворянской среде, род Буниных с давних времен имел свои усадьбы в самом сердце России — в Тульской, Орловской, Воронежской губерниях.

О жизненном и творческом пути поэтов и писателей из рода Буниных, об их связи с этими замечательными местами, подарившими России Толстого и Тургенева, Тютчева и Фета, рассказал уроженец Тульской области, профессор, академик РАЕН Владимир Дмитриевич Никишов.

В селе Мишинском Белевского уезда Тульской губернии родился выдающийся русский поэт Василий Андреевич Жуковский. Отец будущего основателя русского романтизма — Афанасий Иванович Бунин — дал ребенку, чьей матерью, как известно, была пленная турчанка Сальха, фамилию и отчество своего друга — дворянина А.Г. Жуковского. В.Д. Никишов представил зрителям офорты Жуковского, нарисованные им в пору пребывания в усадьбе отца.

Владимир Дмитриевич рассказал слушателям об участии В.А. Жуковского в событиях 1812 г., о его существенном влиянии на императорскую семью и на цесаревича Александра Николаевича — будущего императора Александра II, которого во время поездки по России Василий Андреевич привозил и в Мишинское. В Павловске по совету В.А. Жуковского был воссоздан ландшафт приокской части старинного русского Белева...

Переводчицей, хозяйкой известного и уважаемого культурной Москвой 1820–1850-х гг. литературного салона была племянница В.А. Жуковского Авдотья Петровна Елагина (в первом браке — Киреевская), мать известного философа, славянофила Ивана Киреевского и публициста, собирателя русского фольклора Петра Киреевского. Сыновья от второго брака — Н.А. и В.А. Елагины — оставили свой «культурный» след: Николай Алексеевич занимался изданием старинных белевских документов, а Василий Алексеевич исследовал чешскую культуру.

Племянницей В.А. Жуковского была и детская писательница Анна Петровна Зонтаг — сестра Авдотьи Петровны Елагиной. К роду Буниных принадлежала и первая русская поэтесса, «русская Сапфо» — Анна Петровна Бунина (тетка деда Анны Ахматовой — Э.И. Стогова). Внучатым племянником Анны Петровны был известный русский географ, ботаник, участник подготовки Крестьянской реформы 1861 г. и первой переписи населения России в 1897 г. Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский. Выступления ведущих — артистов Дарьи Новосельцевой и Наиля Абдурахманова — чередовались с музыкальными номерами в исполнении ансамбля «Каприз» и вокалистов Виктора Фомина и Катарины Фарзадян. Прозвучали произведения Баха, Гуно, Чайковского, Рахманинова, Свиридова.

Т.Ф. Приходько

ВЕЧЕРА К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
Ю.П. ЛЮБИМОВА

Цикл вечеров, посвященных выдающемуся театральному режиссеру Юрию Петровичу Любимову (1917–2014) и проведенных в 2016 г., стал продолжением давних дружеских и творческих связей мастера с учредителями, зарубежными соотечественниками, руководителями и сотрудниками Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Любимов был знаком с А.И. Солженицыным еще до высылки писателя, а вскоре после возвращения Александра Исаевича в Россию поставил в театре на Таганке спектакль «Шарашка» (по роману «В круге первом»). На этом и других спектаклях побывали многие наши соотечественники, а Юрий Петрович вместе с Каталин Любимовой был участником международных конференций, презентаций книг, выставок, церемоний вручения литературной премии А. Солженицына. Любимов присутствовал на закладке фундамента нового здания ДРЗ, а потом и на его открытии. Первая публичная встреча Юрия Петровича со зрителями после его ухода из родного театра состоялась здесь же, на Таганке, в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына. Как говорил директор ДРЗ Виктор Александрович Москвин, обращаясь к Юрию Петровичу и Каталин Любимовым, наш Дом всегда был и будет и вашим Домом. Эти слова он повторяет Каталин и после кончины мастера. И каждый вечер памяти Ю.П. Любимова, который проводится теперь в ДРЗ совместно с Благотворительным фондом развития театрального искусства им. Ю.П. Любимова, — тому подтверждение.

29 февраля 2016 г. кинорежиссер Андрей Юрьевич Хржановский провел вечер «Воображаемые диалоги, воспоминания о Ю. Любимове, А. Шнитке, Т. Гуэрре, Н. Эрдмане и других». Организаторами этого вечера вместе с Домом русского зарубежья были Благотворительный фонд развития театрального искусства им. Ю.П. Любимова и Школа-студия «Шар», художественным руководителем которой является А. Хржановский. Фонд Юрия Любимова предоставил фрагменты репетиций с участием Ю. Любимова и А. Шнитке и фрагменты спектаклей «Живаго (доктор)», «Мед», «Арабески», поставленные Любимовым на сцене Театра на Таганке, а также уникальную видеозапись из спектакля «Бесы» (музыка А. Шнитке), который Любимов ставил в Лондоне в 1985 г., а потом и на сценах других театров мира. А. Хржановский ярко представил социальный и культурный контекст 60-ых гг. прошлого века, в котором развивалось творчество Ю. Любимова, А. Шнитке, художников-нонконформистов и самого кинорежиссера.

Вечер начался с показа мультипликационного фильма «Стеклянная гармоника» (сценарий Г. Шпаликова, режиссер А. Хржановский, музыка А. Шнитке) — культового для передовой творческой интеллигенции не только того времени, но и последующих лет. К сожалению, этот фильм о противостоянии свободного творчества политическим догмам и обывательскому равнодушию, о преобразующей силе искусства долгое время был под запретом. Множество препятствий было и на творческом пути композитора А. Шнитке, режиссера Ю. Любимова, художников, с которыми работал А. Хржановский. Но благодаря творческим связям этих новаторов культура развивалась даже в самые глухие и застойные времена. О том, как возникали режиссерские замыслы Ю. Любимова, музыкальные идеи А. Шнитке, кинорежиссер А. Хржановский знает не понаслышке, — он был свидетелем и участником многих творческих диалогов. Так протянулись нити, «творческие струны» от мультфильма А. Хржановского по рисункам А. Пушкина, который озвучивал фольклорный ансамбль Дм. Покровского, к спектаклю Ю. Любимова «Борис Годунов», где певцы и сама народная песенная стихия стали главными действующими лицами.

Студия «Шар» представила на вечере в ДРЗ видеозаписи репетиций и фрагменты спектаклей Ю. Любимова по произведениям А. Пушкина. Был показан и отрывок из художественного фильма «Каин XVIII», в котором Ю. Любимов и Э. Гарин выступили в блестящем актерском дуэте. Благодаря видеозаписи встречи с Ю. Любимовым во ВГИКе, которую несколько лет тому назад организовал и провел А. Хржановский, гости вечера в ДРЗ смогли увидеть Любимова-рассказчика с воспоминаниями о кинорежиссере А. Довженко.

Продолжили воображаемые диалоги и размышления А. Шнитке, Ю. Любимова, А. Баталова и ведущего вечера — А. Хржановского о времени, о творчестве, о вечных жизненных и художественных ценностях.

Вечер «Историческая хроника судьбы и творчества Ю.П. Любимова» состоялся в ДРЗ 27 апреля 2016 г. При его подготовке к организаторам встреч памяти Ю.П. Любимова присоединились создатели документального фильма «1984 год. Юрий Любимов» из цикла «Исторические хроники с Николаем Сванидзе» — историки и журналисты Николай Сванидзе и Марина Жукова. Фильм повествует о драматичном этапе истории — последних месяцах «застоя» (завершающего этапа «зрелого тоталитаризма») и не менее драматичных событиях в судьбе режиссера Театра на Таганке Юрия Любимова. Попытки исключить Любимова из партии, угрозы уволить из театра, наконец лишение гражданства во время санкционированной зарубежной командировки в Великобританию и, как следствие, вынужденная эмиграция Любимова.

Противостояние личности тоталитарной системе авторы фильма рассматривают и в идеологическом, и в творческом плане, проводя параллели с травлей в 1930-е гг. новатора В. Мейерхольда, а также рассказывая о высокой оценке театральных и оперных постановок Любимова на прославленных сценах мира: в театрах Ла Скала, Ковент-Гарден, Альмида, Театр Европы, Арена дель Соле и др. Цикл «Исторические хроники» создавался уже в XXI в. (серия, посвященная Ю. Любимову, вышла на телеканале «Россия» в 2010 г.). В фильм вошла не только

хроника прошлых лет, но и беседы с мастером 2008–2010 гг. Вместе с ровесником советского периода российской истории (Любимов родился в 1917 г.) авторы фильма размышляют о 75 годах абсурда, в том числе и на примере судьбы семьи Юрия Петровича и его личного опыта творческого противостояния системе.

После показа фильма Николай Сванидзе и Марина Жукова делились воспоминаниями о Таганке своей юности, о встречах с Юрием Любимовым на репетициях во время его поздних постановок и премьеры спектакля «Бесы» в Вахтанговском. Как всегда, на вечере собрались друзья и коллеги Ю. Любимова — режиссер Р. Туминас, Б. Мессерер, Ю. Манн. Председатель правления Благотворительно фонда им. Ю.П. Любимова Каталин Любимова поделилась планами организации встреч, концертов, вечеров к 100-летию со дня рождения мастера в 2017 г.

Н.А. Кузнецов

ДОМ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ
В АНТАРКТИЧЕСКОМ ПОХОДЕ
ОКЕАНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО СУДНА
«АДМИРАЛ ВЛАДИМИРСКИЙ»

С 6 ноября 2015 по 15 апреля 2016 г. океанографическое исследовательское судно (ОИС) «Адмирал Владимирский» гидрографической службы Балтийского флота находилось в дальнем походе к берегам Антарктиды в рамках работы 61-й Российской антарктической экспедиции. Его основными задачами были изучение южных морей, проведение маршрутного промера по пути плавания, обследование отличительных глубин и изучение гидрологии, а также мемориализация памяти о русских моряках. Маршрут проходил по многим памятным местам, относящимся к истории России, русского зарубежья и российского флота. В некоторые иностранные порты, которые посетил «Адмирал Владимирский», корабли под российским флагом не заходили многие десятилетия. Автор настоящего очерка входил в группу печати и информации похода и представлял на борту судна Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына и официальный журнал Военно-морского флота Российской Федерации «Морской сборник».

За 161 сутки похода было пройдено 33 692,8 морской мили (62 399 км, что составляет чуть больше 1,5 длины экватора) по 9 морям, включая 5 окраинных мо-

*Океанографическое исследовательское судно «Адмирал Владимирский».
Фотография Н.А. Кузнецова*

рей Антарктиды (Лазарева, Рисер-Ларсена, Космонавтов, Содружества, Дейвиса), и 2 океанам (Атлантическому и Индийскому).

Поход «Адмирала Владимирского» начался и завершился в Кронштадте. Судно совершило заходы в 10 иностранных портов: Алжир (Алжирская Народная Демократическая Республика), Суэц (Арабская Республика Египет), Джидда (Королевство Саудовская Аравия), Виктория (Республика Сейшельские Острова), Нуси-Бе (Республика Мадагаскар), Мапуту (Республика Мозамбик), Кейптаун (Южно-Африканская Республика; в этот порт судно заходило два раза), Луанда (Республика Ангола), Малабо (Республика Экваториальная Гвинея), Лиссабон (Португальская Республика). В ряде городов были проведены встречи с соотечественниками и отдание воинских почестей русским морякам, похороненным за рубежом. Так, 9 декабря «Адмирал Владимирский» встал на рейде порта Виктория — столицы Республики Сейшельские Острова, где на французском кладбище

Mont-Fleury в 1895 г. был похоронен судовой врач крейсера 2-го ранга «Разбойник» А.И. Крупенин, скончавшийся на борту корабля от чахотки¹. 13 декабря после многочасовых поисков захоронение было обнаружено, а 16 декабря могилу доктора посетила делегация экипажа и экспедиции ОИС «Адмирал Владимирский» во главе с капитаном судна А.В. Пышкиным, командиром похода капитаном 2-го ранга Д.В. Пунтусом и заместителем командира похода по работе с личным составом капитаном 1-го ранга С.К. Поляковым. Захоронение было приведено в порядок, судовые врачи П.П. Ващенко и А.А. Бармин возложили венок на надгробие своего коллеги. Священник похода (заместитель командира похода по работе с верующими военнослужащими) отец Олег (Артемов) отслужил панихиду по А.И. Крупенину. В торжественных мероприятиях принимал участие советник Посольства Российской Федерации Е.Е. Шалобанов.

Офицеры крейсера 2-го ранга «Разбойник». Во втором ряду, второй справа — А.И. Крупенин. Апрель 1894 г.
Фотография из собрания А.В. Плотто

23–24 декабря 2015 г., когда судно достигло порт Эльвиль (остров Нуси-Бе), была проведена мемориальная церемония у памятных знаков морякам 2-й Тихоокеанской эскадры вице-адмирала З.П. Рожественского, скончавшимся во время стоянки здесь в 1905 г., — прапорщику по

¹ От всей души благодарю за помощь в работе своего друга и коллегу — известного историка флота, начальника отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ, г. Санкт-Петербург), главного редактора альманаха «Кортик», кандидата исторических наук Алексея Юрьевича Емелина.

*Церемония отдания воинских почестей на могиле доктора А.И. Крупенина.
Фотография А.М. Васильева*

механической части Анатолию Аркадьевичу Попову и матросу Алексею Лубошникову. В церемонии по отданию воинских почестей в память о наших соотечественниках, которая состоялась 23 декабря, принял участие Президент Республики Мадагаскар господин Хери Раджионаримампианина, прилетевший специально для участия в ней. В своем выступлении он отметил, что русские моряки, прибывшие на Мадагаскар в начале XX столетия, пришли туда не как завоеватели, а как друзья. Президент подчеркнул символичность того, что спустя больше века российское судно вновь пришло с дружественными целями, и отметил, что российско-мадагаскарские отношения в политике, экономике и других областях будут развиваться и далее. На следующий день воинские почести были отданы русским морякам, похороненным на городском кладбище. После панихиды силами личного состава судна могилы А.А. Попова и А. Лубошникова были приведены в порядок. Из Кронштадта специально привезли камни и землю, которые символично легли в месте упокоения русских моряков на далеком Мадагаскаре.

29 декабря 2015 г. «Адмирал Владимирский» ошвартовался в порту Мапуту (Республика Мозамбик). Теплый прием российским морякам оказали сотрудники дипломатического представительства Российской Федерации во главе с Чрезвычайным и Полномочным Послом Российской Федерации А.В. Кемарским, а также А.В. Юдин, член Регионального совета соотечественников Африки и Ближнего Востока и Координационного совета соотечественников в Мозамбике. От имени Дома русского зарубежья, в рамках программы книжной помощи соотечественникам, живущим за рубежом, в дар библиотеке Посольства РФ в Республике Мозамбик был передан ряд книг и DVD, они будут доступны не только сотрудникам посольства, но и другим гражданам из республик бывшего СССР, проживающим в Мапуту, которые имеют возможность пользоваться библиотекой Посольства России. 30 декабря в здании школы Посольства состоялась встреча участников похода с соотечественниками. Отец Олег (Артемов), капитан судна А.В. Пышкин

*В библиотеке Посольства РФ в Республике Мозамбик.
Священник похода церей Олег (Артемов), Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
в Республике Мозамбик А.В. Кемарский, Н.А. Кузнецов, А.В. Юдин.
Фотография А.М. Васильева*

и автор рассказали об истории судна, маршруте и задачах его перехода, передали в дар библиотеке Посольства РФ ряд изданий по истории флота и военной истории России. Присутствовавший на встрече Посол Российской Федерации А.В. Кемарский выразил благодарность выступавшим за переданные от имени командования судна и экспедиции книги и сделанные сообщения.

3 марта «Адмирал Владимирский» пришел в Кейптаун (ЮАР). Для моряков судна представителями Посольства, Генерального консульства, аппарата военного атташе РФ в ЮАР и представителей южно-африканских ВМС была подготовлена обширная программа мероприятий. 4 марта на военном кладбище Саймонстауна, расположенном недалеко от главной базы ВМС ЮАР, состоялась церемония отдания воинских почестей и церковного поминовения русских моряков, похороненных здесь с 1809 по 1912 г. (на сегодняшний день известны фамилии 16 человек).

14–16 марта 2016 г. судно находилось в порту Луанда — столице Республики Ангола. Здесь ОИС «Адмирал Владимирский» посетили учащиеся средней школы при Посольстве РФ в Республике Ангола, в которой обучается около 150 детей и подростков. Домом русского зарубежья и командованием похода в школьную библиотеку был передан ряд книг и дисков, посвященных истории России, российского флота и русского зарубежья. 3–5 апреля судно находилось в Лиссабоне — последнем пункте захода перед возвращением на родину, где его также посетили преподаватели и ученики Первой славянской школы, в которой обучаются более двухсот детей из России и республик бывшего СССР. От имени Дома русского зарубежья директору школы и президенту Ассоциации соотечественников «Мир» Ю.В. Гундаринной были переданы несколько десятков книг для школьной библиотеки.

Опыт участия научного сотрудника учреждения культуры в дальнем походе судна Военно-морского флота оказался полезен как для военных моряков, с большим интересом воспринявших культурно-просветительскую деятельность и оказывавших содействие в ее реализации, так и для Дома русского зарубежья, представителю которого удалось посетить места, ранее не охваченные работой Дома, установить связи с соотечественниками в дальних странах.

По итогам похода автором совместно с фотографом А.М. Васильевым, председателем правления общественной организации «Морской Арт Клуб», руководителем международного фестиваля «Россия морская», подготовлена книга-альбом «“Адмирал Владимирский”. Поход к берегам Антарктиды 2015–2016», в которой приведены подробная хроника похода, история судна, материалы по истории стран заходов, открытия и исследования Антарктиды, сопровождающиеся художественными фотографиями и мультимедиа-приложением.

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

М.А. Васильева

СОПРИЧАСТНОСТЬ КАК ФОРМА МЫСЛИ

Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. — София: Солнце, 2015. — 320 с.

Научные связи — одно из самых ярких и значительных явлений русского зарубежья. В контексте эмигрантского рассеяния русская наука значительно усложняет, проблематизирует традиционное бытование научного сообщества. И в самом деле, о каких *связях* следует говорить, если объективные реалии — это положении вне своей страны, обрыв связующих нитей с *alma mater* и безвоздушное пространство изгнания? Между тем научная мысль в эмиграции, помещенная в «чужое» пространство, продолжает жить и резонировать с новой силой и порой с еще большей отдачей. Драма времени оборачивается усложнением научного диалога — это выстраивание совершенно новых отношений с мировой наукой, настойчивое стремление сохранить или восстановить межличностные и научные контакты внутри самой диаспоры и, наконец, не менее сильное желание не терять связи с родной культурой и с Россией (здесь-то и возникает вопрос: с *какой* Россией ведет диалог русская эмиграция, — с настоящей, но полностью изменившейся? с исчезнувшей, но ментально близкой?). Все это создает эффект трехмерного пространства. Очевидно, что, говоря о научных связях русского зарубежья, мы выходим за пределы канонического формата. Тем интереснее это явление для изучения в целом и для реконструкции истории взаимоотношений отдельных представителей русской диаспоры.

Ярчайшим представителем именно такой открытой, диалогической формы мысли русского зарубежья был разносторонний ученый, оригинальный мыслитель, историк, медиевист, филолог, философ культуры Петр Михайлович Бицилли (1879–1953). Эмигрировав из России в 1920 г., он оказался далеко не в самых крупных центрах русского рассеяния. Сперва судьба его забрасывает в Королевство сербов, хорватов и словенцев, в небольшой город Вранье (там Бицилли ощутит почти полую оторванность от близкого ему сообщества), потом ученый перебирается в Скопье, а в 1924 г. — в Софию, где занимает должность заведующего кафедрой новой и новейшей истории Софийского университета и где проведет всю оставшуюся жизнь. Между тем — и это крайне важно — Бицилли в

межвоенные годы налаживает многочисленные новые контакты. В русской Праге это, например, известное пражское издательство «Пламя», пражский Семинарий по изучению Достоевского под руководством А.Л. Бема. Он живо откликается на евразийскую идею и публикуется в изданиях евразийцев, однако довольно быстро понимает свое мировоззренческое несовпадение с их доктриной. Но даже этот краткий эпизод, закончившийся не-согласием, не-участием Бицилли, усложняет евразийский дискурс русской эмиграции. Он выстраивает активный диалог с европейской славистикой и с болгарской исторической наукой. Бицилли становится одним из ведущих авторов лучших парижских периодических изданий — в первую очередь журналов «Современные записки», «Числа» и «Звено», — очень разных в своей издательской политике, что снова говорит об открытости его научной позиции. Будучи востребованным автором аналитических статей, он побивает рекорд в «Современных записках» по количеству рецензий (106 публикаций в целом, из них 74 рецензии) [Бирман, Шруба 2012, с. 482], что не случайно. Рецензия — особый жанр, требующий от автора живой реакции на «чужое слово». Мало того, даже в небольших отзывах Бицилли нередко выстраивает многоуровневую заочную дискуссию, что создает эффект полифонии. Так, в рецензии на сборник «О Достоевском» под редакцией А.Л. Бема он не только строит встречную оригинальную рецепцию творчества Достоевского (т. е. вступает в теоретическую дискуссию с авторами сборника), но предлагает рассматривать новации пражского Семинария А.Л. Бема в контексте только что вышедшей в России книги М.М. Бахтина «Проблемы творчества Достоевского» (1929) [Бицилли 1930]. Таким образом, Бицилли помещает и сборник Семинария, и свои суждения в широкое поле современного ему достоевсковедения. Примеров подобной диалогичности можно приводить множество. Не менее ярко такая форма мысли проявляет себя в переписке. Издания писем П.М. Бицилли к А.Л. Бему [Бубеникова, Петкова 2002], его переписки с И.А. Буниным [Двинятина, Дэвис 2010], с редакцией «Современных записок» [Бирман, Шруба 2012] и пр. дают нам возможность отследить зарождение и развитие этих контактов.

На фоне публикаций и архивных разысканий последних лет ценным вкладом в изучение личных, творческих и научных связей русской эмиграции представляется издание, подготовленное Т.Н. Галчевой и И.В. Голубович, «Понемногу приспосаблиюсь к ‘независящим обстоятельствам’». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции» (София: Солнце, 2015). Жанр у книги синтетический. В ее основе — сборник публикаций архивных материалов. Идеальный метауровень издания, его сюжетная связующая нить — как раз и есть диалог «Бицилли–Флоровские». Подобный принцип узкой фокусировки (параллели и точки схода между отдельными представителями своей эпохи) кажется весьма плодотворным. В эмигрантоведении уже давно ведется подобная сопоставительная работа. К выстраиванию схожих параллелей прибегал и автор этих строк, отслеживая идейные связи: П.М. Бицилли — Д.И. Чижевский, П.М. Бицилли — Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли — А.Л. Бем, П.М. Бицилли — М.М. Бахтин и т. д.¹

¹ См. об этом: [Васильева 2008; 2010; 2014а].

Между тем есть в структуре сборника определенная новизна, на которую хотелось бы обратить особое внимание.

Сюжетным зачином книги можно считать корпус писем 1921–1923 гг. П.М. Бицилли к Клавдии Васильевне Флоровской (1883–1965), историку, медиевисту, сестре Георгия и Антония Флоровских. Ценность этого эпистолярия была осознана давно, первым их использовал Андрей Павлович Мещерский (зять П.М. Бицилли) в «Заметках и материалах к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944» (София, 1955). Машинопись, а также рукописный вариант этой работы сегодня находятся в собрании Т.Н. Галчевой, еще один машинописный вариант, датированный 1955–1956 гг., хранится в фонде П.М. Бицилли в ИРЛИ (Пушкинском Доме). Инкорпорированные в эту рукопись фрагменты писем Бицилли к К.В. Флоровской служили для исследователей важным источником информации о жизни ученого в наиболее трудные для него первые годы эмиграции. Однако сами письма (т. е. оригиналы) так и не были опубликованы полностью. В итоге исследование Мещерского длительное время играло роль первоисточника. Цитаты из него впервые появились еще в 1990 г. во вступительной статье В.А. Туниманова к публикации работ Бицилли в журнале «Русская литература» [Туниманов 1990]. К тексту Мещерского (в разных его редакциях) обращались в 1990-е гг. Т.Н. Галчева (соавтор рецензируемой книги) [Галчева 1993], Б.С. Каганович [Каганович 1995], В.П. Вомперский [Вомперский 1996]. В виде приложения к изданию трудов Бицилли часть машинописи (предисловие и очерк об ученом) была опубликована автором этих строк [Мещерский 2000]. Однако полный корпус писем с тщательной текстологической подготовкой по оригиналам, предоставленным наследниками, и обширным комментарием стал доступен только сейчас благодаря вышедшему недавно изданию.

И здесь лишь начало того содержательного сюжета, который выстраивают из множества составляющих авторы этой книги. Перед нами — кропотливая реконструкция нескольких уровней отношений — идейных, личных, чисто бытовых, научно-практических — П.М. Бицилли с семьей Флоровских. Основные публикуемые тексты немногочисленны — это уже оговоренный нами корпус писем Бицилли к К.В. Флоровской (личный архив Н.А. Галь), одно письмо Бицилли к А.В. Флоровскому (там же), еще одно — к Г.В. Флоровскому (Архив библиотеки Свято-Владимирской православной семинарии, Крествуд) и, наконец, анонимная рукопись «Историческая философия Данилевского», разные редакции которой были обнаружены в Софии в собрании А.П. Мещерского и в архиве Г.В. Флоровского в библиотеке Принстонского университета. Остальная часть книги — это богатый материал, рассредоточенный в обстоятельных предисловиях к каждой публикации и детальном комментарии. В итоге сюжет обрастает ценными реалиями. Помимо внушительной библиографии, привлеченной в научный аппарат, существенным дополнением, «вторым голосом» становятся архивные разыскания в Славянской библиотеке при Национальной библиотеке ЧР, в Архиве Российской академии наук, в Болгарском историческом архиве при Национальной библиотеке Святых Кирилла и Мефодия, в Государственном архиве Одесской области, в отделе редких документов Кировоградской областной научной библиотеки и т. д.

Большим подспорьем служат, конечно, материалы из личного архива А.П. Мещерского, ставшие со временем частью архивного собрания Т.Н. Галчевой. В результате заявленная тема «П.М. Бицилли и семья Флоровских» попадает в широкий контекст множественных научных и персональных контактов русского рассеяния. На фоне значимой реконструкции отношений между Клавдией, Антонием и Георгием Флоровскими (основной источник: семейный эпистолярный, хранящийся в Славянской библиотеке в Праге) сюжет словно «притягивает» к себе последовательно историю отношений: П.М. Бицилли — Н.П. Оттокар, П.М. Бицилли — В.Э. Крусман, П.М. Бицилли — Л.П. Карсавин, П.М. Бицилли — Н.Л. Окунев, П.М. Бицилли — И.С. Дуйчев, П.М. Бицилли — В.Н. Златарский, П.М. Бицилли — С.М. Кульбакин и т. д. Логически в этот дискурс включены содержательные и многочисленные научные связи с научным миром семьи Флоровских.

Что мы узнаем благодаря этой исследовательской работе? Прежде всего, издание высвечивает важнейшую этическую составляющую жизни того научного сообщества, к которому принадлежали Бицилли и Флоровские. Составители дают ей, на наш взгляд, весьма точное определение — «личное сопричастие» (с. 124). Проще говоря, речь идет о порядочности, отзывчивости, желании протянуть руку помощи при первой необходимости. Из архивных разысканий следует, что именно благодаря К.В. Флоровской — ее неустанным хлопотам, своевременным напоминаниям болгарским коллегам в Софийском университете о судьбе Бицилли — состоялось назначение ученого в октябре 1923 г. на должность ординарного профессора кафедры всеобщей — новой и новейшей истории Софийского университета. Это тем более ценно в контексте биографии самой Клавдии Васильевны, основательную реконструкцию которой предприняли составители, также опираясь на архивные разыскания (в том числе ее автобиографию, впервые опубликованную в издании). Ее судьба — показательный пример угасания научной карьеры и возможностей применить свои навыки и знания, как в условиях эмиграции, в данном случае — в Болгарии, куда Флоровская переехала в 1920 г., так и в послевоенном СССР, куда она вернулась в 1955-м. Одна из лучших учениц И.М. Гревса, специалист по истории политических и общественных движений Средневековья, первая в России женщина приват-доцент Императорского Новороссийского университета в изгнании переходит в статус школьного преподавателя русского и латинского языков и признает в письме к брату Георгию: «...над академической работой надо поставить крест, но я представить себе не могу, что будет» (с. 38). На ее фоне научная судьба других участников этого сюжета — и Петра Бицилли, и братьев Флоровских — складывается куда успешнее. Между тем еще в первые годы эмиграции сам Бицилли, будучи в условиях научной изоляции и крайней нужды, мгновенно протягивает руку помощи и Клавдии Флоровской, и Антонию Флоровскому, когда узнает о его высылке из СССР, и ищет им подходящую работу в Королевстве СХС. В то же время Антоний Флоровский, оказавшись в Праге, также пытается найти вакансию для Бицилли в Чехословакии. Все эти сведения мы можем почерпнуть из публикаций и научного аппарата издания.

«Сопричастием» продиктовано и отношение Петра Бицилли к магистерской диссертации Георгия Флоровского «Историческая философия Герцена», ставшей

преддверием труда «Духовный путь Герцена» (1929). Этому диссертационному событию посвящена в книге публикация одного письма П.М. Бицилли к Г.В. Флоровскому от 17 февраля 1922 г. Однако и письмо, и сам сюжет настолько содержательны, а научный аппарат выстраивает настолько богатый контекст (событие находит множественные отражения во всем корпусе книги), что эту публикацию можно было бы назвать тематическим центром издания. Перед нами не только история защиты Георгия Флоровского — весьма проблематичная, с жесткой критикой оппонентов, со сложностью публикации текста, с переносом диспута более чем на полгода (с ноября 1922 на июнь 1923 г.), из-за чего Бицилли не смог присутствовать в Праге на защите коллеги². Перед нами не только история отношений двух выдающихся ученых, начиная с Новороссийского университета, где Флоровский был студентом у приват-доцента Бицилли, — через евразийскую составляющую их контактов — вплоть до сложной теоретической дискуссии двух мыслителей. Есть нечто большее в этих диссертационных перипетиях. Публикуемое письмо Бицилли — это развернутый план отзыва на «Историческую философию Герцена» и несбывшегося выступления на диспуте. Очевидно, этот заочный голос Бицилли, отданный в пользу диссертации, оказался в значительном меньшинстве. Идеи Флоровского научное сообщество приняло в штыки, его новаторская интерпретация исканий Герцена встретила критику отцов-общественников. Весь сюжет очень сильно напоминает коллизии набоковского романа «Дар» и ту бурю возмущения, которую вызвал роман Годунова-Чердынцева о Чернышевском в эмигрантских кругах. В целом оппоненты к Флоровскому относились дружелюбно, что мало повлияло на ход защиты. Чего стоит вердикт Н.О. Лосского — «он излагает не действительного Герцена, а вымышленного» или П.Б. Струве — «его Герцен не настоящий, а стилизованный под романтика и европейца». Подобная нелестная реакция была устойчивой, пятью годами позже прозвучало мнение М.В. Вишняка: «Герцен и моя любовь, и с Флоровским я ее делить не хочу» — здесь уже реакция на статью «Искания молодого Герцена», предложенную в 1928 г. в «Современные записки» (из письма Ф.А. Степуну. 23 июня 1928 г. [Коростелев, Шруба 2011, с. 444]).

На этом негативном фоне письмо Бицилли к Флоровскому, его вдумчивый анализ, его встречные мысли, его приветствие «процедуры пересмотра на чужбине мощей наших святых» (с. 172) — это большой шаг вперед: здесь четкое понимание актуальности и обновления гуманитарной науки в целом, и обновления научной дискуссии в условиях русского рассеяния. Было бы неточным сказать, что Бицилли полностью «разделяет» идеи Флоровского (в отзыве есть и содер-

² Этой теме посвящен целый ряд ценных исследований и публикаций, см., например: Колеров М. Утраченная диссертация Флоровского; Приложение [Г.В. Флоровский. Историческая философия Герцена. Заключение (1923)] // Исследования по истории русской мысли. Ежегодник за 1997 / отв. ред. М.А. Колеров. СПб.: Алетея, 1997. С. 245–257; Янцен В. Новое о книге Г.В. Флоровского о Герцене: Г.В. Флоровский. Письма Иржи Поливке (1921–1925) // Русский сборник: исследования по истории России. 2012. Т. 12. С. 306–327; Гаврилюк П. Авторский текст диссертации прот. Георгия Флоровского «Историческая философия Герцена»: Новый архивный материал и реконструкция композиции // Вестник ПСТГУ. 2013. Вып. 1 (50). С. 63–81; Бейкер М., Гаврилюк П. Девятнадцать тезисов диссертации протоиерея Георгия Флоровского «Историческая философия Герцена» // Вестник ПСТГУ. 2013. Вып. 3 (52). С. 126–132.

жательная полемика, и критика,), он скорее *делит* их — подхватывает, развивает, помещает в диалогическое пространство. И в этом творческом «сопричастии» куда больше вклада в науку о Герцене, чем в «охранительной» позиции недовольного большинства.

Завершает книгу публикация «Исторической философии Данилевского» — текста небольшого и проблематичного с текстологической и археографической точек зрения: в нем нет указания автора и даты создания. Комментарий и послесловие воссоздают контекст появления рукописи, а приведенные множественные нюансы (биографического характера, авторского стиля, научного метода, научных связей Бицилли и Флоровского тех лет) становятся важнейшей основой для атрибуции текста и подводят к заключению: «ИФД» была написана, скорее всего, П.М. Бицилли в 1922–1923 гг. Сами составители указывают, что опираются в своей сопоставительной работе на «метод персональных или персонифицированных параллелей» (с. 237), отсылая к докладу исследователя В. Янцена «Якобсон и Чижевский: История двух несостоявшихся книг “Диалектика языка” и “Западнославянская средневековая литература”». Отрадно, что доклад, прочитанный в рамках международного научного семинара «Роман Якобсон, Дмитрий Чижевский и пути становления филологии русского зарубежья: поиски, диалоги, конфликты» (Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 18 октября 2013), стал импульсом для дальнейших исследований (см. об этом: [Васильева 2014б, с. 673–675]). Вместе с тем, как представляется устроителю и свидетелю той научной встречи и автору этих строк, весь семинар в целом (его замысел, его название и его доклады) был направлен на идею «персональных параллелей». Здесь любопытен именно диалог, и именно в формате дискуссии оживает означенный метод и становится релевантным «резонантному пространству» научных связей русского зарубежья. В таком живом формате важны каждый голос и любое встречное мнение, поэтому, конечно, хотелось бы, чтобы и состоявшийся тогда обмен идеями — без изъятия отдельных голосов — воспринимался как органичная и цельная работа по реконструкции дискурса «параллелей» в научном мире русской эмиграции. Несмотря на то что семинар был посвящен Якобсону и Чижевскому, предложенный диалогический формат аутентичен прежде всего мировидению Петра Бицилли. Однако сказанное выше — лишь признание плодотворности означенного метода и желание рассматривать его в более широком контексте.

Единственное, что вызывает возражение в этом любовно подготовленном издании, — ряд утверждений в предисловии, написанном специально для сборника О.А. Довгополовой. Так, автор предисловия замечает: «...Бицилли не был эмигрантом, сущность жизни которого определяется желанием в каком-либо виде подтвердить ценность той деятельности, которой он занимался на родине. Он стал частью Софийского университета и болгарской научной традиции» (с. 14). Эта категоричность несколько сбивает с толку. То, что ученые в зарубежье приспосабливались к «независящим обстоятельствам» — оказывались в чужой стране, меняли привычные для себя исследовательские темы, многое начинали заново, — не отменяло их эмигрантства. В том-то и феномен русской гуманитарной науки в изгнании, что, интегрируясь в европейскую научную среду, она сохраняла ментальную связь

с русской традицией. Безусловно, формы этих связей обновлялись, преломлялись в рассеянии, но это был диалог с Россией, это было и ее продолжение. Отсюда евразийские идеи профессора Венского университета Н.С. Трубецкого, фундаментальный труд «Гегель в России» профессора Галле-Виттенбергского университета Д.И. Чижевского, расцвет достоевсковедения преподавателя Карлова университета А.Л. Бема, мощный вклад П.М. Бицилли именно в период изгнания в изучение русской классической литературы и т. д. Нет нужды говорить, насколько выборочны и точечны приведенные примеры. Развести все эти сложные процессы по странам-реципиентам, наложить на них географические границы и раскидать по ячейкам невозможно — подобная работа упрощает феномен научной и культурной жизни русского зарубежья, если не сводит его на нет. В данном издании она вносит лишь некоторый диссонанс, именно о многообразных перекрестках научной жизни русской эмиграции — весь дальнейший сюжет книги, весь ее пафос.

Литература

- Бирман, Шруба 2012 — Бирман М.А. «Современные записки» все ближе и ближе подходят к тому, чего я лично хотел от них»: П.М. Бицилли [вступ. ст.] // «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2012. Т. 2. С. 479–646.
- Бицилли 1930 — Бицилли П.М. <Рец. на кн.: О Достоевском. Сб. статей. Прага, 1929. Т. I> // Числа. Париж, 1930. № 2/3. С. 240–242.
- Бубеникова, Петкова 2002 — Письма П.М. Бицилли к А.Л. Бему / публ., подгот. текста, примеч. М. Бубениковой (Прага) и Г. Петковой (София) // Новый журнал. 2002. № 228. С. 122–150.
- Васильева 2008 — Васильева М.А. П.М. Бицилли и Д.И. Чижевский: К истории одного «заочного» диалога // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2008. № 1. С. 18–24.
- Васильева 2010 — Васильева М.А. Проблема двойника в работах пражского Семинария по изучению Достоевского: Открытое пространство // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. С. 95–106.
- Васильева 2014а — Васильева М.А. Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: Полемика П.М. Бицилли с Л.П. Карсавиным // Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме / Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, 2014. С. 50–64.
- Васильева 2014б — Васильева М.А. Научно-популярный семинар «Русское зарубежье. Незвестные страницы» // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2013. М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2014. С. 668–676.
- Вомперский 1996 — Вомперский В.П. Петр Михайлович Бицилли: Жизненный и творческий путь [вступ. ст.] // Бицилли П.М. Избранные труды по филологии / отв. ред. и авт. предисл. В.Н. Ярцева; сост., подгот. текста и коммент. В.П. Вомперского и И.В. Анненковой. М.: Наследие, 1996. С. 6–21.
- Галчева 1993 — Галчева Т.Н. П.М. Бицилли — опыт возвращения [вступ. ст.] // Бицилли П.М. Избранное. Историко-культурологические работы: в 2 т. Т. 1 / сост., подгот. текстов и коммент. Т.Н. Галчевой, Г.П. Петковой, Хр.П. Манолакева. София: Св. Георги Победоносец; Св. Климент Охридски, 1993. С. 7–40.

- Двинятина, Дэвис 2010 — Переписка И.А. Бунина и П.М. Бицилли (1931–1951) / вступ. ст. Т. Двинятиной; публ. Т. Двинятиной и Р. Дэвиса // И.А. Бунин: Новые материалы. Вып. II / сост., ред. О. Коростелев и Р. Дэвис. М., 2010. С. 109–178.
- Каганович 1995 — *Каганович Б.С.* П.М. Бицилли и его книга «Элементы средневековой культуры» [вступ. ст.] // Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. СПб.: Мифрил, 1995. С. VII–XXVII.
- Коростелев, Шруба 2011 — «Современные записки» (Париж. 1920–1940). Из архива редакции / под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М.: Новое литературное обозрение, 2011. Т. 1. 952 с.
- Мещерский 2000 — *Мещерский А.П.* Заметки и материалы к биобиблиографии русских преподавателей в высших учебных заведениях Болгарии. 1920–1944; Петр Михайлович Бицилли // Бицилли П.М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии / сост., вступ. ст., коммент. М. Васильевой. М.: Русский путь, 2000. С. 562–588.
- Туниманов 1990 — *Туниманов В.А.* П.М. Бицилли. Статьи: История. Культура. Литература [вступ. ст.] // Русская литература. 1990. № 2. С. 134–138.

И.А. Ндзяй

«В ДУХЕ ПУШКИНА...»:
«ВАРШАВСКИЙ “ДОМИК В КОЛОМНЕ”»
ПЕТРА МИЦНЕРА

Mitzner P. Warszawski «Domek w Kołomnie». — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. — 238 s. — (Biblioteka «WIEŹI»; t. 297)

История польско-русских литературных контактов межвоенного периода, несмотря на большое количество посвященных ей научных трудов и архивный изысканий, остается открытой темой. Определение той значительной роли, которую Дмитрий Владимирович Философов сыграл как в жизни русской эмиграции, так и в истории русско-польских литературных связей, а также того места, которое занимает русская диаспора в Польше в общем ряду истории русского зарубежья, было бы неполным без отдельного рассмотрения идеи создания и деятельности литературного кружка «Домик в Коломне».

Однако это польско-русское начинание многие десятилетия оставалось малоизученным. Материалы, подготовленные автором настоящей рецензии, которая двадцать лет назад обратилась к истории русского зарубежья, послужили толчком к исследованию польско-русских литературно-художественных связей в контексте русской эмиграции [Obłąkowska-Galanciak 1994; 1998; 2000].

Лишь в 2006 г. были опубликованы воспоминания поэта, прозаика, критика Л. Гомолицкого, участника и секретаря литературных встреч, чьи графические работы украшали приглашения на заседания «Домика в Коломне». В сменяющих друг друга логотипах обыгрывались главные герои «пушкинских встреч»: «На каждую встречу Философов приглашал гостей, состав которых соответствовал теме. Это были исключительно поляки. Больше всего народу было на открытии, когда Слободник¹ прочитал свой перевод “Домика в Коломне”. Среди присутствовавших помню Тувима², Чеховича³, брата и сестру Чапских⁴, Блута⁵, Завод-

¹ Владимир Слободник (Słobodnik; 1900–1991), польский поэт, переводчик. В межвоенный период член литературной группы «Квадрига». С 1940 г. член Союза советских писателей Украины. Переводил на польский язык произведения М. Лермонтова, В. Брюсова, В. Маяковского, О. Мандельштама и др.

² Юлиан Тувим (Tuwim; 1894–1953), один из величайших польских поэтов, прозаик. В 1919 г. основал экспериментальную литературную группу «Скамандр». Переводил на польский язык произведения русской и советской литературы («Слово о полку Игореве», А. Пушкина, А. Грибоедова, В. Маяковского, Б. Пастернака и др.). Сборник избранных пушкинских стихов в переводах Тувима («Лютня Пушкина»)

зинского⁶. Потом были встречи, на которых читались доклады: Философов — о польской “великой эмиграции”, Мария Чапская — о Людвике Снядецкой⁷, Юзеф Чапский — о Панкевиче⁸; позже Слободник читал свой перевод “Песни о купце Калашникове”, еще позже я рассказывал об истоках акмеизма, а Вебер-Хирьякова⁹ — о женской прозе на основе творчества Домбровской, Гоявичинской¹⁰ и Шемплинской¹¹, и, наконец, Болеслав Мицинский¹² — о молодой польской поэзии. На этой последней встрече среди гостей были Мария Домбровская, Анеля Загурская¹³, отец и сын Стемповские¹⁴, профессор Татаркевич¹⁵, сестра Мицинского Анеля и его тогдашняя невеста Халина Краузе. Встречи проходили за чаем, на столе стоял сконструированный мной из бристольской бумаги золотой самовар с чайником на золотом подносе. Моей работы были и приглашения с гравюрами на дереве. Роль хозяйки дома исполняла моя жена» [Гомолицкий 2011, с. 689; ср.: Timoszewicz 2007].

В своих воспоминаниях Гомолицкий дает широкую панораму литературного фона деятельности Д. Философова, следующим образом объясняя причины идей-

получил высокую оценку В. Ходасевича. Теоретик художественного перевода (статья «Четверостишие на верстаке» о переводе начала «Руслана и Людмилы»).

³ Юзеф Чехович (Czechowicz; 1903–1939), польский поэт.

⁴ Юзеф Чапский (Czapski; 1896–1993, умер в эмиграции), польский художник, писатель, публицист. Один из основателей парижской «Культуры». Мария Чапская (Czapska; 1894–1981, умерла в эмиграции), польский историк литературы, эссеист, автор воспоминаний, сестра Юзефа Чапского.

⁵ Рафал Марцелий Блют (Blüth; 1981–1939), публицист, критик, историк русской и польской литературы, советолог, специалист по Мицкевичу и Джозефу Конраду, сотрудник католического журнала «Verbum». Один из первых писал о показательных московских судебных делах. Арестован гестапо почти сразу же после вступления немцев в Варшаву. Расстрелян во время массовой казни в ноябре 1939 г.

⁶ Кароль Заводзинский (Zawodziński; 1890–1949), польский литературный критик и искусствовед.

⁷ Людвика Снядецкая (Śniadecka; 1802–1866), общественный деятель в Турции, приняла ислам, юношеская безответная любовь польского поэта Ю. Словацкого, неоднократно упоминается в его стихотворениях и поэмах.

⁸ Юзеф Панкевич (Pankiewicz; 1866–1940), польский художник, график, педагог.

⁹ Евгения Вебер-Хирьякова (1893/5–1939), русская эмиграционная писательница, публицист, литературный критик. В эмиграции с 1919 г. (Харбин, Париж, Варшава). Жена А.М. Хирьякова, председателя Союза русских писателей и журналистов в Польше. Занималась критикой и переводами польской литературы на русский язык. Сотрудница газеты «За свободу!», постоянный автор и член редакционного комитета газеты «Молва». Публиковалась в польской прессе («Marcholt», «Verbum», «Drogi», «Pion»). Покончила жизнь самоубийством после капитуляции Варшавы.

¹⁰ Поля (Аполлония) Гоявичинская (Gojawińska; 1896–1963), польская писательница, общественный деятель. Одна из наиболее популярных писательниц межвоенного периода в Польше.

¹¹ Эльжбета Шемплинская-Соболевская (Szemplińska-Sobolewska; 1909–1991), польская поэтесса и прозаик. С 1940 г. член Союза советских писателей Украины. В 1941–1944 гг. жила в СССР.

¹² Болеслав Мицинский (Miciński; 1911–1943), польский писатель, эссеист.

¹³ Анеля Загурская (Zagórska; 1881–1943), польская переводчица, специалист по переводу Дж. Конрада.

¹⁴ Станислав Стемповский (Stempowski; 1870–1952), польский и украинский политик и общественный деятель. Ежи Стемповский (1893–1969), польский публицист и литературный критик, масон. Сын Станислава Стемповского.

¹⁵ Владислав Татаркевич (Tatarkiewicz; 1886–1980), польский философ Львовско-Варшавской школы, академик. Профессор Варшавского университета, с 1930 г. член Польской академии наук.

ного расхождения между ним и многими представителями русской диаспоры, что послужило основой для создания польско-русского кружка: «В высказываниях он был лаконичен, а в полемике резок. У него было, так сказать, пчелиное жало. Не осиное, злорадное: только бы ужалить, а пчелиное — жалящее целительным ядом, болезненным, но целительным. И за это свойство, за то, что он не переносил человеческой тупости и лжи, его тихо возненавидело русское захолустье тогдашней Варшавы. Между ним и довольно многочисленной русской колонией рос и обострялся антагонизм — обратно пропорционально крепнувшей и расширявшейся дружбе с кругами польской литературной элиты. Его интеллект, широта взглядов — там выглядели высокомерием и проявлением презрения, здесь подходили к общим требованиям <1981 г.>» [Гомолицкий 2006, с. 33].

Возможностью прочитать фрагменты этих воспоминаний мы обязаны польскому публицисту, историку литературы Петру Мицнеру (Mitzner; род. 1955), который разыскал их в архиве варшавского Музея литературы и подготовил к печати в «Новой Польше». Продолжение этой темы можно проследить и в других работах Мицнера, который на протяжении многих лет с завидной последовательностью редактирует, переводит на польский язык и публикует исторические документы по материалам варшавского архива Д. Философова. В результате большого исследовательского и переводческого труда были изданы книги: «Warszawski krąg Dymitra Filosofowa» (2015), двухтомное издание «D. Filosofow. Pisma wybrane» (2015) (t. 1: Trudna Rosja (1900–1916); t. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936)).

Вполне закономерен тот факт, что известный историк литературы, автор книг о польской культуре XX в. стал особо интересоваться личностью Д. Философова. Судьбы редактора эмиграционных периодических изданий начала прошлого столетия и нынешнего заместителя главного редактора журнала «Новая Польша» (с 2000 г.; гл. ред. Ежи Помяновский (Pomianowski)) разделяют многие десятилетия, но связывает их особый интерес к проблематике польско-русских отношений. Основываясь на сохранившихся разножанровых документах, П. Мицнер описывает варшавский круг знакомых и друзей русского публициста. Самого Д. Философова польский исследователь характеризует как наставника Юзефа Чапского, советника маршала Юзефа Пилсудского, внимательного читателя произведений польских писателей — Марии Домбровской, Юлиана Тувима и др.

Д. Философов был не только внимательным наблюдателем и комментатором зарождающейся польской государственности, но также ее активным участником и даже организатором многих культурных мероприятий. Историю одного из них Мицнер восстанавливает в монографии «Warszawski “Domek w Kołomnie”» («Варшавский “Домик в Коломне”», 2014)¹⁶, которая является попыткой наиболее полного освещения этого историко-культурного феномена. Подзаголовок книги — «Rekonstrukcja» («Реконструкция») — точно отражает суть кропотливой архивно-исследовательской работы Мицнера. История дискуссионно-литературного кружка, в котором с 1934 по 1936 г. в Варшаве, в доме 35 по улице Хотимской, со-

¹⁶ Книга была подготовлена в рамках проекта «В поисках миссии эмиграции. Польско-русские литературные контакты 1918–1989», при финансовой поддержке Национальной программы развития гуманитарных наук.

бирались видные представители тогдашней интеллигенции, восстанавливается по архивным документам (письма, воспоминания, рукописи), а также отчетам и статьям, опубликованным в польских журналах («Wiadomości Literackie», «Skamander», «Verbum») и русском эмигрантском периодическом издании «Меч».

Судьба русской эмиграции в Польше и ее культурные контакты с поляками остаются малоизученными, считает автор книги, поэтому тщательная «реконструкция» охватывает широкое тематическое пространство: исторический фон создания «Домика в Коломне», описание личностей его создателей, биографии участников и подробный анализ тематики выступлений. Во введении приводятся основные биографические факты, относящиеся к доэмигрантскому периоду, которые, по мнению Мицнера, оказали существенное влияние на формирование Философова как творческой личности, в частности, обрисованы культурная жизнь дореволюционного Петербурга, история «литературного триумvirата», поездка в Париж и др. Затем воспроизводятся обстоятельства побега Философова и Мережковских из России и условия их жизни в первые годы эмиграции.

Мицнер характеризует Философова-эмигранта как публициста с ярко выраженной политической позицией — в отношении как большевистской России, так и Польши. Его деятельность рассматривается через призму той сложной ситуации, в которой оказались русские эмигранты в межвоенной Польше (антирусские настроения, ограничения в свободном передвижении, невозможность продолжения учебы в польских университетах и др.). При этом обращается внимание на тот факт, что «польский лоялизм», открыто выражаемый Философовым, не исключал открытого протеста по некоторым аспектам государственной политики, в частности по отношению к русским беженцам и православной церкви.

Кроме общеизвестных участников литературных встреч, таких как М. Домбровская, Ю. Тувим, Е. Гедройц, Л. Гомолицкий, Ю. Чапский, многие фамилии автор публикации открывает впервые. В целом польским историком идентифицируются 36 участников кружка. Мицнер перечисляет также польских писателей, журналистов, филологов, не оказавшихся в числе приглашенных (Я. Ивашкевич¹⁷, В. Ледницкий¹⁸, С. Налковская¹⁹, А. Струг²⁰, М. Здзеховский²¹, Т. Зелинский²²), замечая, что их отсутствие не может не удивлять.

¹⁷ Ярослав Ивашкевич (Iwaszkiewicz; 1859–1980), польский писатель, поэт, драматург, переводчик. Активный участник авангардистских литературных групп «Под пикадором» и позднее «Скамандр». Председатель Союза польских писателей (1959–1980). Лауреат Международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» (1970).

¹⁸ Вацлав Ледницкий (Lednicki; 1891–1967), филолог, историк литературы. Сын польского политического деятеля А.Р. Ледницкого (в эмиграции с 1918 г.).

¹⁹ Софья Налковская (Nalkowska; 1884–1954), польская писательница, журналистка, публицист и драматург. С 1928 г. — вице-президент польского ПЕН-Клуба. Была одним из организаторов акций протестов против политических преследований в Польше. С 1933 г. — член Польской академии литературы. Активный деятель Комитета защитников мира.

²⁰ Андрей Струг (наст. имя и фам. Тадеуш Галецкий) (Strug; 1871–1937), польский писатель, публицист, журналист, литературный критик, общественно-политический деятель.

²¹ Мариан Здзеховский (Zdziechowski; 1861–1938), польский филолог, историк литературы, критик, публицист. Доктор honoris causa Университета Стефана Батория и Тартуского университета, председатель

Исследователь не ограничивается констатацией фактов, воспроизведением общепринятых формулировок. По ряду спорных вопросов автор предлагает и обосновывает собственные версии. Таким открытым вопросом является само название кружка, отсылающее к поэме Александра Пушкина «Домик в Коломне» (1830). Мотивировка такого выбора, разумеется, может быть самой разнообразной, однако Мицнер выделяет идейную основу поэмы русского классика, а именно — мотив столкновения человеческой личности с государственной мощью империи. Правильность данного подхода подтверждают заметки Л. Гомолицкого: «В “Домике” Философова было, наверное, что-то из этого противопоставления личности историческим катаклизмам. Но на что был поставлен акцент — на личность или историю — это, как кажется, не было досказано»²³.

Стоит напомнить еще один контекст пушкинского источника: поэма была написана в ответ на упреки «Северной пчелы» в том, что русский поэт не пишет «серьезные» произведения. Имя Пушкина обязывало, «Домик в Коломне», по признанию организаторов, укреплял «всемирность как основную традицию русской национальной литературы». Весьма поучителен тематический список литературных вечеров «Домика в Коломне», дающий представление об идейной программе польско-русских встреч. Все планируемые выступления разделены на следующие тематические группы²⁴:

А) Русская литература:

Е.С. Вебер-Хирьякова — Проблема бессмертия в творчестве Лермонтова

Rafał Blüth — Nowy problem biografii Dostojewskiego

Л.Н. Гомолицкий — W.W. Rozanow i współczesność

Б) Польская литература:

Е.С. Вебер-Хирьякова — «Ночи и дни» Марии Домбровской

Rafał Blüth — Mickiewicz i współczesność

Л.Н. Гомолицкий — Польская молодая поэзия

В) Западноевропейская литература

Jerzy Stempowski — Świat Szekspira

Д.В. Философов — Бальзак и Пруст

Rafał Blüth — Konrad i jego powieść «Z punktu widzenia Zachodu»

Jerzy Stempowski — O powieściach Andre Malraux

Г) Общие темы:

Профессионального союза польских литераторов в Вильне. Переписывался с Л. Толстым и его окружением, посетил Ясную Поляну, общался с писателем. Был знаком и переписывался с русскими общественными и политическими деятелями, публицистами, писателями, учеными.

²² Тадеуш (Фаддей) Зелинский (Zieliński; 1859–1944), филолог, антиковед. В 1920 г. выехал в Польшу. До 1935 г. был заведующим кафедрой классической филологии в Варшавском университете.

²³ Фрагмент заметки от 12 октября 1980 г., направленной Л. Гомолицким Г. Кирхнер. Копия хранится в архиве Гомолицкого (Музей литературы им. А. Мицкевича в Варшаве, архивный номер 1691). Цит. по: [Mitzner 2014, s. 17], перевод мой. — И.А.Н.

²⁴ В списке сохраняется оригинальная запись, учитывающая язык планируемого доклада. Доклады, которые были прочитаны, выделены нами подчеркиванием.

Ю. Чапский — Башня из слоновой кости и улица
 Д.В. Философов — Классицизм и романтизм
 Jerzy Stempowski — Raskolnikow i Napoleon
 Л.Н. Гомолицкий — О необходимости литературного направления (в эмиграции)
 Д.В. Философов — Апостол Павел или Наполеон?

Как видим, ностальгия и сентиментальность эмиграции, горькая память о потерянном домашнем очаге, столь характерные для русской диаспоры, не были свойственны Философому-публицисту. В отличие от других эмиграционных кружков, «Домик в Коломне» не стал центром всепоглощающей тоски по утраченной России. По замыслу его инициаторов, он явился местом важных дискуссий и серьезных тем, существенных для культуры XX в.

В главе «Rosyjskie kręжки w Polsce» («Русские кружки в Польше») дается подробное описание деятельности литературных организаций, среди которых выделено «Литературное содружество» — прототип «Домика в Коломне». В истории Сообщества деятелей русской эмиграции, основанного осенью 1929 г. в Варшаве (позднее названного «Литературная секция Союза русских писателей и журналистов»), и «Домика» много общего. Почетным президентом содружества был Д.В. Философов. В «Литературное содружество» входили среди прочих Лев Гомолицкий, Евгения Вебер, Владимир Бранд и др. Содружество имело широкую программу докладов на историко-литературные и историко-культурные темы. В его работе также участвовали польские литераторы (Ю. Чапский, Р. Блют, В. Слободник, Ю. Тувим). Отчеты о собраниях появлялись в эмигрантских газетах.

Половину книги составляет приложение, в котором помещается подборка докладов, прочитанных на заседаниях кружка. Они приводятся на основе фрагментов, опубликованных первоначально в периодике: Л. Гомолицкий — *Od porozrozumowości, poprzez milczenie...* («Skamander», 1935, № LVII); Е. Вебер — «Pisarz sowiecki» («Verbum», 1936, № 1) или в отдельных книгах: Б. Митинский — «Podróż do piekieł» (фрагмент) (*Miciński B. Podróż do piekieł. Warszawa, 1937*). Остальные публикуются на основе рукописей, хранящихся в отделе рукописей Университетской библиотеки в Варшаве: Е. Стемповский — «Raskolnikow i Napoleon. Próba rozważań o wartościowaniu czynu» [шифр 1506], Е. Стемповский — «Literatura w okresie wielkiej przebudowy», «Biedny Tomek i literaci» [шифр 1503]; в архиве Альфреда Бема в Праге [Literární Archiv Památníku Národního písemnictví]: Л. Гомолицкий — «Młoda literatura emigracyjna»; в архиве Философова в Варшаве²⁵: Д. Философов — «Выставка польского готического искусства»; Е. Вебер «О “Ночах и днях” Марии Домбровской» (текст был включен в первую программу кружка, но в итоге прочитан не был. Мицнер предполагает, что слишком эмоциональный подход Вебер не был одобрен Философовым, который высоко ценил польскую писательницу). Этот список в приложении дополняют произведения А. Пушкина: пьеса «Моцарт и Сальери» и поэма «Домик в Коломне» в переводе В. Слободника.

²⁵ Архив хранится в частных собраниях г-жи Божены Миколовской.

На протяжении двухлетней истории польско-русских встреч внимание литераторов и критиков концентрировалось на главной теме — взаимоотношениях художника и общества. Существенность этой темы выразил уже первый докладчик Юзеф Чапский, который 3 ноября 1934 г. открыл заседание словом о «Башне из слоновой кости и улице», т. е. об отношениях между художником и толпой. Символическим итогом этих рассуждений являются слова Философова: «...положение подлинного художника, а тем более гениальность его — в конце концов величайшее для него несчастье... Может быть, вся история и состоит в непрестанной борьбе личности и общества. Бывают эпохи, когда побеждают так называемые массы и подчиняют себе художников. Художники, по крайней мере подлинные, начинают инстинктивно стремиться к башне из слоновой кости, мнить себя избранными, творить только для себя. Постепенно общество сознает свою ошибку и освобождает художников. Тогда они, пользуясь своей свободой, забывают об обществе, превращаются в “тиранов” и навязывают свою волю толпе. Сказка начинается сначала, и маятник с жесткой последовательностью качается вправо и влево. Когда часы остановятся, маятник перестанет качаться, закончится и всемирная история: или наступит рай на земле, когда все будут скучать в мире, любви и блаженстве, или просто прекратится род людской. Последняя гипотеза не лишена научного основания» [Философов 1934, с. 4].

В главе «Po co w Warszawie zbudowano “Domek w Kołomnie”?» («Зачем в Варшаве построен “Домик в Коломне”?») отмечается, что литературные встречи не были свободны от политических веяний времени. Русские и польские участники дискуссионного клуба пытались воссоздать общее представление кризиса традиций и культуры, охватившего Европу, а также бороться с вредными последствиями большевистской пропаганды. Задачи, которые формулировал сам Философов как редактор газеты «За Свободу!», были и его собственными, что не могло не отразиться на контактах русского публициста с поляками. В 1931 г. он писал: «За 11 (одиннадцать!) лет своего существования наша газета неуклонно преследовала две цели: 1) Борьба с коммунизмом и большевизмом; 2) Подготовка грядущего польско-русского сближения» [Лавринец 2006, с. 379]. Той же программы придерживались варшавские газеты «Молва» и «Меч». Как отмечал Павел Лавринец, будущие «...прияженные взаимоотношения между Польшей и Россией», с точки зрения Философова, необходимы тем более, что от них зависели судьбы не только двух наций, но Европы и человечества ([Философов 1931], цит. по: [Лавринец 2006, с. 379]). Подчеркивая необходимость русско-польского сближения, Философов относил русско-польские отношения к одной из «самых болезненных страниц истории Восточной Европы» и считал, что в «интересах обеих наций лежит забота об оздоровлении этих отношений» [Лавринец 2006, с. 379]. Оздоровление во многом затруднялось сложной политической обстановкой и невозможностью вести диалог с Россией. Роль участника диалога с Польшей приходилось принимать на себя русской эмиграции, т. е. самому Философову. Одной из таких платформ для дискуссий стали встречи польско-русского кружка «Домик в Коломне».

К сожалению, история кружка оказалась недолгой. Из-за усиливающегося нездоровья Философова встречи проходили все реже. Последняя состоялась в

феврале 1936 г. Между тем осознание особой роли, которую «Домик в Коломне» сыграл в истории польско-русских литературных контактов, сопровождало как самого Философова, так и поляков. М. Домбровская в своих дневниках писала о нем как о единственном месте в Варшаве, в котором «...царствовал хороший вкус» [Dąbrowska 1988, s. 82]. По свидетельству Ю. Чапского, незадолго до смерти Д. Философов признался, что «...хотя бы этот домик у них получился».

История создания и деятельность литературного кружка «Домик в Коломне» затрагивает множество смежных сложнейших тем: русские кружки в Польше, Д. Философов и М. Домбровская, Д. Философов и Е. Стемповский и многие другие. Анализ всего массива накопленных материалов и их интерпретаций — дело непростое и требующее тщательной проработки. П. Мицнер, с присущей ему аналитической остротой, с его историко-литературоведческой эрудицией, исследовательской смелостью, добросовестностью и объективностью взялся за эту задачу и блестяще с ней справился. Результаты, к которым пришел исследователь, предполагают поиск новых источников для лучшего понимания польско-русских отношений межвоенного периода.

Литература

- Гомолицкий 2006 — Гомолицкий Л. Воспоминания о Дмитрие Философове / пер. с польск. Н. Горбаневской // Новая Польша. 2006. № 9 (78). С. 32–34. URL: // <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-vospofil.php> (дата обращения: 31.07.2016).
- Гомолицкий 2011 — Гомолицкий Л. Воспоминания о Дмитрие Философове (1981) // Гомолицкий Л. Сочинения русского периода / изд. подгот. Л. Белошевская, П. Мицнер, Л. Флейшман; под общ. ред. Л. Флейшмана. Т. 3: Прозаические произведения. Литературно-критические статьи. «Арион». М., 2011. С. 688–691.
- Лавринец 2006 — Лавринец П. Польская великая эмиграция в публицистике и критике Д.В. Философова 1920–1930-х гг. // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia X: «Век нынешний и век минувший»: культурная рефлексия прошедшей эпохи: в 2 ч. Тарту, 2006. Ч. 2. С. 376–391.
- Философов 1931 — Философов Д.В. Выступление Владыки Митрополита // За свободу! 1931. 14 мая. № 127 (3461).
- Философов 1934 — Философов Д. Акрополь и Домик в Коломне // Меч. 1934. № 25. С. 4.
- Dąbrowska 1988 — Dąbrowska M. Dzienniki 1933–1945 / wybór, wstęp i przypisy T. Drewnowski. Warszawa, 1988.
- Mitzner 2014 — Mitzner P. Warszawski «Domek w Kołomnie». Rekonstrukcja. Warszawa, 2014.
- Obłąkowska-Galanciak 1994 — Obłąkowska-Galanciak I. <Ndiaye I.A.> Gorzkie gody... Publicystyczna i literacka działalność Dymitra Fiłosofowa na emigracji. Olsztyn, 1994. 198 s.
- Obłąkowska-Galanciak 1998 — Obłąkowska-Galanciak I. <Ndiaye I.A.> W duchu Puszkina. Dyskusyjny klub literacki «Domek w Kołomnie» (Warszawa 1934–1936) // Acta Polono-Ruthenica. 1998. T. 3. S. 283–292.
- Obłąkowska-Galanciak 2000 — Obłąkowska-Galanciak I. <Ndiaye I.A.> Dymitr Fiłosofow i idea wzajemności polsko-rosyjskich kontaktów kulturalnych okresu międzywojennego // Acta Polono-Ruthenica. 2000. T. 5. S. 161–170.
- Timoszewicz 2007 — Timoszewicz J. Leon Gomolicki o Dymitrze Fiłosofowie / wstęp i oprac. J. Timoszewicz // Zeszyty Historyczne. 2007. № 159. URL: // <http://kultura.onet.pl/> (дата обращения: 31.07.2016).

Д.Н. Шилов

НОВЫЙ ТРУД О РОССИЙСКОМ НЕКРОПОЛЕ ЗА РУБЕЖОМ

Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии / под ред. и с доп. А.А. Шумкова. — М.: Старая Басманная, 2014. — 906 с., LXXX с. цв. ил. — (Российский некрополь; вып. 21).

Московское издательство «Старая Басманная» продолжает радовать специалистов в сфере генеалогических и биографических исследований всё новыми томами российских зарубежных некрополей. В 2009 и 2012 гг. вышли подготовленные И.И. Грезиным и А.А. Шумковым описания двух крупнейших кладбищ российской эмиграции во Франции — в Сент-Женевьев-де-Буа и Ницце¹ (книга о Кокаде стала предметом рецензии, ранее помещенной на страницах «Ежегодника»²), в 2014 г. появилось рецензируемое издание, а в 2015 г. — еще одно, посвященное захоронениям в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле в США³. Каждая из этих книг — новое подтверждение той важной миссии в современном научном книгоиздании, которую осуществляет «Старая Басманная». Насколько мне известно, в настоящее время это единственное в нашей стране издательство, активно публикующее литературу по генеалогии и историческому некрополю — двум вспомогательным историческим дисциплинам, вызывающим в наши дни повышенный интерес в российском обществе, но недостаточно разрабатываемым в рамках академических научных структур. Можно сказать, что «Старая Басманная» продолжает то благое дело, которое сто лет назад начал великий князь Николай Михайлович, выпустивший в 1915 г. первую часть «Русского некрополя в чужих краях», охватившую захоронения Парижа и его окрестностей. Следующим тогда на очереди был русский некрополь в союзной Италии. Однако революция 1917 г. надолго положила конец исследованиям отечественного некрополя как внутри страны, так и за рубежом. Ныне у замыслов великого князя нашлись достойные продолжатели.

¹ Грезин И.И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа. М., 2009. 566 с.; Он же. Русское кладбище Кокад в Ницце. М., 2012. 757 с., LVI с. цв. ил.

² См.: Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013. М., 2014. С. 690–694.

³ Некрополь Свято-Троицкого монастыря в Джорданвилле (штат Нью-Йорк, США) / под рук. и ред. протоиерея Владимира Цурикова. М., 2015. 263 с., XXIV с. цв. ил.

Италия всегда была особенно привлекательна для русских. Шедевры Античности и эпохи Возрождения, незабываемые красоты природы, целебный климат во все времена манили наших соотечественников, олицетворяли их мечты о высоком и прекрасном. Рим, Венеция, Неаполь в XIX в. сделались излюбленными целями просвещенных российских путешественников, стремившихся воочию увидеть то, что десятилетиями изучалось ими по книгам и лекциям в гимназиях и университетах далекой северной Империи. Щедрость природы, сокровища культуры, толерантная идейно-конфессиональная среда притягивали многих россиян, избравших Италию постоянным местом жительства, — богатых аристократов, ученых, религиозных и политических диссидентов. На итальянских кладбищах появилось русское «население», постепенно умножавшееся. XX век увеличил количество русских могил на них во много раз. Миллионы наших соотечественников были вынуждены эмигрировать, русские культурные анклавы возникли по всему миру. Италия не стала исключением. На кладбищах ее городов хоронились эмигранты первой волны, офицеры и солдаты Первой и Второй мировых войн, военнопленные, партизаны и многие другие.

Труд М.Г. Талалая и А.А. Шумкова — первая обобщающая работа, посвященная российскому некрополю в Италии в целом. В нем приводятся сведения о россиянах, погребенных более чем на 40 кладбищах 23 городов и других населенных пунктов этой страны. Во многих отношениях — археографическом, источниковедческом и т. д. — составители «Российского некрополя в Италии» усовершенствовали научно-методические приемы, выработанные сотрудниками великого князя Николая Михайловича, выдающимися историками и архивистами своего времени. В рецензируемом издании надгробные надписи, являющиеся для изучающего исторический некрополь главным источником сведений, повсеместно дополнены, проверены и уточнены по данным кладбищенских регистрационных книг, документов архивов кладбищ и метрических книг русских православных церквей в Италии. Благодаря подобному комплексному подходу к изучению некрополя составители приводят не только обычные для такого рода работ биографические и генеалогические сведения, но и важную сопутствующую информацию — номера участков и могил, данные о перемещении праха, об утрате могил, потере мест захоронений, отправке россиян, умерших в Италии, на родину и пр. Все сведения снабжены ссылками на источники. Такой подход представляется наиболее оптимальным в подобных трудах.

Основу издания составляет «Алфавитный свод умерших и погребенных в Италии выходцев из Российской империи и СССР» (с. 31–828). О количестве содержащихся в нем имен составители не сообщают. По нашей оценке, оно должно превышать 5,5 тысяч. Своду предшествуют небольшая вступительная статья общеоисторического содержания («Под миртами Италии прекрасной»; с. 7–12), а также несколько кратких вводных разделов: «Общие начала работы над алфавитным сводом» (с. 13–16), «Пояснения к подаче материала» (с. 17–18; написан совместно с А.А. Шумковым), «Обозначения и аббревиатуры источников» (с. 19–27), «Сокращения» (с. 28–29), «Условные обозначения» (с. 29). После «Алфавитного свода» помещен очерк «Российские могилы на итальянских кладбищах» (с. 829–901;

частично «совместно с В. Гасперович и А.А. Шумковым»), в котором подробно рассказывается об истории всех упомянутых в издании кладбищ.

В «Алфавитный свод» вошли сведения о россиянах, скончавшихся в Италии и погребенных на ее кладбищах, а также о тех, чей прах был отправлен для погребения на родину. Кроме того, внесены в него и умершие за пределами Италии, но похороненные на ее территории (с. 13). Основу свода составили результаты натурных обследований кладбищ, выполненные составителями, а также их коллегами (В. Гасперович, Ю. Гавриленко, Д. Шпиленко). Как отмечает М.Г. Талалай, были изучены «кладбища практически всех крупных городов Италии» (с. 13). Как уже указывалось, натурные обследования были значительно дополнены сведениями из архивов кладбищ, государственных архивов Москвы и Санкт-Петербурга, сообщений коллег (в списке благодарностей, помимо уже перечисленных лиц, — 48 имен).

Выработанный составителями «Российского некрополя в Италии» формуляр персональной записи в «Алфавитном своде» довольно сложен и состоит из четырех разделов: 1) «информация с надгробных памятников... в переработанном виде... — *всё, что имеется на памятнике*» (курсив мой. — Д.Ш.), публикуемая в издании обычным шрифтом; 2) «дополнительная информация, полученная из кладбищенских регистрационных книг, документов архивов кладбищ или церковных метрических книг», которая «приведена здесь же курсивом» (т. е. вместе со сведениями, взятыми с надгробий); 3) далее в квадратных скобках помещены данные о месте захоронения, с указанием координат на кладбище и номера записи в кладбищенской книге, о судьбе праха, о других похороненных в той же могиле и т. п.; 4) «после квадратных скобок приведена дополнительная информация из других источников» (с. 17).

Использованные источники указываются двумя способами: «на информацию, полученную из кладбищенских книг и документов, метрических книг, хранящихся при местных церквях, документов муниципальных органов или учреждений, опекающих кладбища... ссылки приведены... внутри квадратных скобок. Сведения из всех прочих источников... снабжены ссылками... в виде постраничных сносок» (с. 17).

Текст издания сопровождается несколькими сотнями качественных цветных иллюстраций, размещенных на четырех двадцатистраничных вклейках (страницы вклеек имеют отдельную нумерацию римскими цифрами). На иллюстрациях — наиболее интересные надгробия и памятники и их фрагменты, общие виды кладбищ.

Как и упомянутые выше издания И.И. Грезина, труд М.Г. Талалая и А.А. Шумкова, вне всякого сомнения, имеет непреходящее значение для всех, кто занимается генеалогическими, биографическими, некрополеведческими исследованиями. Но сужденный этой книге повышенный читательский интерес предполагает и пристальное внимание специалистов как к ее содержанию, так и к принятым составителями научно-методическим подходам и приемам. Некоторые из них вызывают у меня вопросы и сомнения.

Прежде всего обращает на себя внимание избранная Талалаем и Шумковым методика обработки и публикации надгробных надписей. С одной стороны, состави-

тели пытались сохранить «всё, что имеется на памятнике». С другой — разработали четкий формуляр публикации этих данных. С третьей — взялись систематически дополнять их документальными сведениями, обозначая последние другим шрифтом (курсивом). Насколько рационален столь сложный способ подачи информации? Мне представляется, что задачам некрополеведческого исследования более соответствует дословная публикация надгробных надписей. Формы ее совмещения с дополнительной информацией при этом могут быть различными.

Но, разработав столь сложную методику публикации данных, составители часто сами ее не придерживаются. Об этом наглядно свидетельствуют иллюстрации, которые помещены в издании. В тексте академик Л.М. Браиловский (с. 127) показан родившимся в 1867 г. (прямым шрифтом, т. е. сведения с надгробия), но на фото (с. V) видно, что на памятнике — 1871 г. (и противоречие никак не объяснено). Академик А.Н. Векшинский (с. 156) в тексте показан родившимся в 1859 г. (прямым шрифтом, т. е. данные с надгробия), но на памятнике (с. XIV) года нет вообще, а указано только количество лет. В сведениях о Екатерине (Морозовой) (с. 271) данные о ее мирском имени и месте игуменства показаны как взятые с памятника, но на нем (с. XXI) их нет. В записи о П.Б. Мансурове (с. 448) дата его смерти по старому стилю дана как взятая из документа, а по новому стилю — с надгробия, однако на последнем (с. XLV) значится как раз дата по старому стилю (что и естественно), а даты по новому стилю не видно вообще. В записи о В. Меленевском (с. 461) датой его смерти указано 5/17 февраля (прямым шрифтом, т. е. данные с надгробия), но на памятнике (с. XLVIII) видно только одно число — 4 февраля (противоречие никак не объяснено). В записи о В.А. Пашкове (с. 543) имя и отчество указаны как начертанные на надгробии, но на последнем (с. LII) — только инициалы; после эпитафии в тексте значится: «франц. яз.», но на фотографии виден русский текст. В записи о Г.Б. Пранге (с. 568) значится «академик архитектуры и перспективно-акварельной живописи Имп. Академии художеств» (прямым шрифтом, т. е. данные с памятника), но на надгробии (с. LVII) написано только «Академик Архитектор». На совместном надгробии супругов баронов Е.Ф. и М.В. фон Таубе-Майделей (с. LXVI) отмечены только их имена и годы кончин, но в записи (с. 690) прямым шрифтом указаны и отчества, и полные даты жизни. Изображение надгробной плиты Ф.Н. Нарбековой и ее сына, архимандрита Симеона (с. LX), также совершенно не соответствует прямому шрифту в их записях (с. 493, 647). Наконец, наиболее яркий пример — надгробие известного историка профессора В.И. Модестова (с. XLVIII) и запись о нем в тексте издания (с. 477). В последней взятыми с надгробия показаны фамилия, имя, отчество, даты жизни и место смерти и приводятся следующие дополнительные сведения: «филолог и публицист, доктор филологии, профессор римской литературы, действительный статский советник» (со ссылкой на словарь Брокгауза и Ефрона). Между тем на фото демонстрируется обширная эпитафия на латыни, существенно дополняющая и конкретизирующая эти данные: «Universitatum quatuor rossicarum neorossicae kasaniensis kieviensis nec non et petropolitanae professor hic requiescat...», т. е. «Здесь покоится профессор четырех российских университетов, Новороссийского, Казанского, Киевского и Петербургского...» и далее еще четыре

абзаца текста с описанием заслуг покойного. Из вышесказанного очевидно, что составители часто не следуют заявленному ими «шрифтовому» принципу разделения информации на документальную и взятую из надгробных надписей и, что хуже, иногда неточно и неполно передают данные эпитафий.

Талалай и Шумков проделали громадную работу по привлечению большого массива разнообразных архивных материалов для дополнения и уточнения надгробных надписей. Этот значительный корпус источников их труда исследователям почти не знаком. Соответственно, необходимы были его подробное описание и источниковедческий анализ. Наблюдения составителей «Российского некрополя в Италии» о достоверности и содержательных особенностях использованных ими источников позволили бы читателям более осмысленно оценивать информацию каждой записи. К сожалению, в книге об этом аспекте работы ничего не сказано.

Мне представляется, что «Российскому некрополю в Италии» недостает указателя имен, не включенных в общий алфавитный ряд, и указателя географических названий. О необходимости таких указателей в трудах подобного рода я уже писал в рецензии на книгу И.И. Грезина о Кокаде, также вышедшую под научной редакцией А.А. Шумкова. Там же высказаны и аргументы в пользу этого предложения, от их повторения воздержусь.

Но в ныне рецензируемом труде невнимание составителей к исторической географии привело еще и к многочисленным ошибкам. Последние, очевидно, содержатся в использованных Талалаем и Шумковым массовых источниках (учетная воинская документация), не всегда надежных в этом отношении. Судя по сноске 92 на с. 89 (о Петрограде в 1852 г.), комментирование таких ошибок предполагалось, однако систематически по тексту оно не произведено. В результате читатель встречается с Татарской АССР в 1905 г. (с. 55), с Узбекской ССР в 1919 г. (с. 72; образована в 1924 г.), с Семипалатинской губернией в 1917 г. (с. 72; образована в 1920 г., до того — Семипалатинская область), с Алма-Атой в 1914 г. (с. 328; правильно — г. Верный), с Харьковской областью в 1920 г. (с. 329; образована в 1932 г.), с Казахской ССР в 1923 г. (с. 350; образована в 1936 г.), с Судженским уездом (с. 371; правильно — Суджанский), с Черкутинским уездом (с. 92; никогда не существовал) и т. д. Повсеместно по тексту приводятся названия малоизвестных населенных пунктов без указания их типа (деревня, село, поселок, местечко) и без точной привязки к уезду (району), а иногда и к губернии (области) — «попал в плен под Оржицей» (с. 56). Наконец, в наименовании одного и того же населенного пункта нет единообразия: например, город Меран указан и как «Меран, Тироль, Австро-Венгерская империя» (с. 103 и др.), и как «Меран / Мерано» (с. 41), и как «Мерано (Меран), пров. Больцано» (с. 336).

Редакторская работа над текстом осталась незаконченной. Следствием этого явились разного рода неточности. В нескольких местах «Алфавитного свода» нарушен алфавит. После Григория Мельникова следует Мельчиков (возможно, здесь опечатка в фамилии?), а затем снова Мельников; братья Балашовы получили разные фамилии (Балашев, Балашов) и оказались из-за этого врозь в алфавитном ряду. Мантейфель указан перед Мансуровыми. Шлейфер Елена поставлена после

Шлейферов Николая и Юрия (видимо, здесь в алфавит вторглось стоящее после фамилии «рожд. Ратькова-Рожнова»). Редакторские комментарии не всегда четки и ясны: «все эти сведения... — сомнительны» (сноска 41 на с. 78; но хотелось бы знать — почему?); примечание 221 на с. 371 дано к дате, которой нет в тексте комментируемой записи. Выглядят необоснованными два редакторских решения, противоречащие традициям научно-справочного книгоиздания. Первое — нумерация сносок, заново начинающаяся внутри каждой буквы алфавитного ряда. Второе — помещение в нем членов Дома Романовых на слово «Российский» (Российский императорский дом).

Ключ к любому справочнику — его научный аппарат, важнейшие структурные части которого — указатели и списки сокращений. Указателей в книге нет. Списков сокращений, как уже упоминалось, три: «Обозначения и аббревиатуры источников», «Сокращения», «Условные обозначения» (т. е. небуквенные символы, обозначающие рождение, смерть, гибель в бою и захоронение). При этом в первой рубрике библиографические сокращения оказались объединены с аббревиатурами учреждений, а также с сокращенными наименованиями кладбищенских терминов, а во втором — нарицательные слова с местами изданий. Такая организация списка сокращений представляется неудачной. Гораздо проще и понятнее для читателя общепринятая система, когда под общей рубрикой «Списки сокращений» выделяются разделы «Нарицательные слова», «Названия учреждений, организаций, государств», «Названия изданий», «Места изданий».

Замечаний о системе сокращений в рецензируемом издании может быть сказано немало — и общих, и частных. Остановлюсь только на общих. В списках сокращений многовато погрешностей против алфавитного ряда: ИАРЗ предшествует ДРРИ, РГИА — РГВИА, РИ — РЗФ, сначала Kwiatkowska, затем Koskull и т. д. Библиографические сокращения произвольны: так, издания Ф.Н. Булгакова «Наши художники», Н.А. Мурзанова «Словарь русских сенаторов» и ряд других сокращены только на фамилию автора (что рационально и общепринято — сокращение и должно быть кратким), но в других случаях составители считают нужным прибавить название — «Грезин. Русское кладбище Кокад». Но ведь других трудов И.И. Грезина в списке сокращений нет, к чему удлиняющее пояснение? В одном случае произведение двух авторов сокращено аббревиатурой (ДРРИ), но чаще соавторы повторяются («Лейкинд, Махров, Северюхин» и даже «Рыклис, Шумков, Поляковы»). Для чего, если это единственный упоминаемый в списке их труд? Некоторые придуманные составителями аббревиатуры вычурны (ОСПвМ-К), другие образованы с нарушением принятых правил — ОИМ, где «О» — предлог «О бывших у исповеди...»). Очевидно, что никакой «системы» в такой системе сокращений нет. Впрочем, составители и не придерживаются ее строго. Иногда в списке сокращений один вариант, а в тексте — другой (пример — литера А, сноска 39). Многих сокращений (вмч., вол., Вся Москва, гор., ЕВ, ИРЗИА (с. 363; возможно, правильно — ИАРЗ), ОБД, пров., прп., РДПЦ и т. д.) в списках нет вообще.

Подводя итоги, отмечу, что высказанные замечания относятся в основном к методике публикации данных, а также к научно-справочному аппарату издания. Сам по себе громадный материал, добросовестно собранный, обработанный

и систематически прокомментированный составителями, является бесценным подспорьем для всех, кто занимается генеалогией, некрополеведением, биографическими исследованиями, историей российской эмиграции в Западной Европе. Именно в нем заключается непреходящее научное значение «Российского некрополя в Италии» — важного и полезного труда, за который М.Г. Талалаю, А.А. Шумкову и издательству «Старая Басманная» суждена вечная читательская благодарность.

С.Р. Федякин

В РЯДУ РУССКИХ КЛАССИКОВ¹

Начинал Адамович со стихов, писал их всю жизнь и оставил в книгах, периодике и рукописях чуть более ста шестидесяти. Это значительно меньше, нежели у других известных поэтов начала XX в. В последнюю книгу «Единство» (1967) он включит лишь четверть написанного. Если мерить «количеством» — итог весьма скромный. Но столь строгий отбор более чем оправдан: из этих «сорока с небольшим» многое просится в антологию. Потому и первые строчки — стоит лишь пробежаться глазами по содержанию — звучат как давние знакомые: «Тихим, темным, бесконечно-звездным...», «Ни с кем не говори. Не пей вина...», «За слово, что помнил когда-то...», «Когда мы в Россию вернемся... О, Гамлет восточный, когда?...», «Нет, ты не говори: поэзия — мечта...». Потому попадают и такие стихотворения, где словно бы сказался «весь Адамович»:

Что там было? Ширь закатов блеклых,
Золоченых шпилей легкий взлет,
Ледяные розаны на стеклах,
Лед на улицах и в душах лед... [Адамович 2015, т. 1, с. 77].

Четыре строки из произведения 1928 г. — словно отклик на «Петербургские зимы» Георгия Иванова, которые вышли отдельной книгой в том же году. «Петербургская нота» в эмиграции и задавалась ими, бывшими членами последнего «Цеха поэтов». Конец стихотворения Адамовича — своего рода «императив»:

На земле была одна столица,
Всё другое — просто города.

В одной из «Литературных бесед» Адамович вспомнит разговор с Николаем Гумилевым в разоренном Петрограде и поразившие его слова старшего товарища по «Цеху»: «Я четыре года жил в Париже... Андре Жид ввел меня в парижские литературные круги. В Лондоне я провел два вечера с Честертоном... По сравнению с предвоенным Петербургом, все это “чуть-чуть провинция”» [Там же, т. 2, с. 385].

В стихотворении Адамовича сказано немного корректнее: «просто города», но смысл здесь — тот же. Петербург был не просто столицей Российской империи,

¹ См.: [Адамович 2015].

в нем запечатлелся сам принцип «столичности». Строгость линий — и вместе с тем их культурно-историческая значимость, «ничего лишнего» (в идеальном, конечно, образе) — и, наряду с этим, «имперское величие». В тех же «Литературных беседах» Адамович подтвердит то, что приходило в голову не только ему: «Эмиграция есть, действительно, выражение петербургского духа, хотя отдельные ее представители и прожили всю жизнь в Москве» [Там же, с. 361]. Это присутствие Петербурга в русском Париже тоже схватит поэтический образ:

День настает почти нездешне яркий,
Расходится предутренняя мгла,
Взвивается над Елисейской аркой
Адмиралтейства вечная игла... [Там же, т. 1, с. 63].

Стихи Адамовича будто заключают в емкие формулы то, что «нащупывает» Адамович-критик. А критик, в сущности, разъясняет то, что произнес Адамович-поэт. Позже, в статье «Смерть и время», он вспомнит Анатолия Штейгера, этого молодого эмигрантского «петербуржца без Петербурга», вспомнит, как тот выспрашивал подробности о дореволюционной жизни российской столицы. Петербурга Штейгер сам никогда не видел или, по крайней мере, не помнил, но чувствовал местом необычайно родным. Характерны здесь и признание Адамовича, и ответная реплика Штейгера: «Иногда я недоумевал: “дорогой мой, что вам все это? Мертвый мир, которого вы не знали”. Но он не сдавался: “совсем не мертвый, для меня живее живого...”» [Адамович 1946, с. 176–177].

И это — в сущности, уже мифологическое пространство — и для Адамовича, и для многих его сверстников, и для той молодежи, которая шла за ним, стало не только «великим прошлым», но и неотъемлемой частью настоящего. Образ Петербурга, судьба Петербурга, его душа — это и есть «литературный манифест» Георгия Адамовича. С одной, правда, небольшой добавкой. Вряд ли ее можно назвать «утверждением». Скорее — это сущность, постигаемая не умом, но интуицией: поэзия рождается из чувства непоправимого «зияния» в мироздании. Чего-то недостает в нашей вселенной. Эту трещину пытаются заполнить поэты, и если получится...

...И может, к старости тебе настанет срок
Пять-шесть произнести как бы случайных строк,

Чтоб их в полубреду потом твердил влюбленный,
Растерянно шептал на казнь приговоренный,

И чтобы музыкой глухой они прошли
По странам и морям тоскующей земли [Адамович 2015, т. 1, с. 96].

Его «Единство» — как раз такая попытка нащупать пять-шесть «как бы случайных строк». «Как бы» — потому, что случайны они лишь по внешности, а по глубинной сути эти строки и есть подлинная поэзия, где невозможны лишние эпитеты, чрезмерные краски, невозможна вообще «педаля». В подлинно поэти-

ческом произведении есть только необходимое. Как заметит сам Адамович в знаменитых «Комментариях»: «Чтобы все было понятно, и только в щели смысла врывался пронизывающий трансцендентальный ветерок. Чтобы каждое слово значило то, что значит, а все вместе слегка двоились» [Адамович 2000, с. 9].

«Двоение» смыслов многократно усиливает воздействие поэтических строк, и чем слова обыденней, тем действие неотразимей. Идеал Адамовича — банальность, преображенная столкновением смыслов, банальность, ставшая «просветом в вечность». А утрата родной почвы, утрата имперского величия лишь усиливает мировой разлом и, значит, приближает к последним, самым необходимым словам, к той самой «вечности», без которой не нужна и литература:

Нет доли сладостней — все потерять.
 Нет радостней судьбы — скитальцем стать,
 И никогда ты к небу не был ближе,
 Чем здесь, устав скучать,
 Устав дышать,
 Без сил, без денег,
 Без любви,
 В Париже... [Адамович 2015, т. 1, с. 75].

«Ничего лишнего» сквозит и в поэтических образах, и в «графическом» стиле стихов Адамовича. «Ничего лишнего» объясняет, почему у него столь мало собственно лирики, тем более — лирики избранной. Почти все остальное в мире Адамовича — лишнее. (Главное исключение — Лев Толстой, но разве такая проза не есть род поэзии?) И переводы из европейских поэтов — это лишь приложение к собственным стихам. И беллетристика — ее Адамович пусть немного, а все ж таки писал — вышла из-под пера его не «прозой поэта», но «прозой критика». И разве что перевод «Незнакомца» (роман на русском более известен под заглавием «Посторонний») вписался в то самое «ничего лишнего», которое так настойчиво проявилось в творчестве Адамовича. Переводы на русский знаменитого романа Альбера Камю уже сравнивали. Адамович не стал здесь главным. Но это — хоть и «старомодный», но достойный перевод. И если вспомнить ту «нулевую степень письма», которую Роллан Барт «вычислил», читая Камю, то невозможно не признать определенной ее близости к «ничего лишнего».

Как с внутренним устремлением к литературному аскетизму, к «чистому листу бумаги» соединились его «Литературные беседы», составившие весьма увесистый том? Тем более если вспомнить, что и после, в «Литературных заметках», — уже не в «Звене», а в «Последних новостях», — Адамович будет столь же неутомимым критиком, способным к основным своим еженедельным статьям прибавлять и другие многочисленные публикации в самых разных периодических изданиях.

Всего легче объяснить эти объемы написанного внешними обстоятельствами: необходимостью иметь постоянный литературный заработок. Но в том-то и дело, что «поденщиной» назвать «Литературные беседы» (как и более поздние «Литературные заметки») язык не поворачивается. Вот он говорит о «Москве» Андрея Белого: «Гоголь — это единственное зрелище явной небрежности, явного

антифлоризма в приемах и абсолютной безошибочности в результате. Белому до этого далеко, конечно. У Белого в руках не кисть, а помело, и мажет он им хоть и не без вдохновения, но как попало и куда попало» [Там же, т. 2, с. 166].

Вот — почти следом — о «Графе Калиостро» Лукаша: «О стилизации столько уж говорено, тщетность и глубокая антихудожественность ее так очевидны, что руки опускаются писать еще об этом. Я не хочу настаивать на особенностях нашей эпохи: на том, что в ней всеми пронесшимися бурями очищен воздух для искусства прежде всего простого. Это тема не “чисто литературная” и притом очень ходкая. Но ведь всегда, во все времена, во всякие эпохи живо только то искусство, которое согрето изнутри и в котором элемент “художественности” присутствует незаметно, как бы стыдливо. Стилизация всегда холодна и аляповата. Это обман, рассчитанный на сильно близоруких» [Там же, с. 168].

Характеристики в чем-то, быть может, и спорные. Но емкие и по-своему точные. А главное, за репликами о том или ином произведении всегда сквозит нечто более важное — слово о литературе как таковой. Да и только ли о литературе?

Год 1927-й. Только что журнал «Версты» перепечатал «Апокалипсис нашего времени» Розанова. «Литературная беседа» в «Звене» за номером 207 посвящена этой книге. Но Адамович пишет не столько о розановском «Апокалипсисе», сколько вообще о Розанове и о его прозе. Той самой прозе, которая сводила с ума многих современников (как, например, это ощутила юная Цветаева, написав Василию Васильевичу 7 марта 1914 г.: «Я ничего не читала из Ваших книг, кроме “Уединенного”, но смело скажу, что Вы — гениальны» [Цветаева 1991, с. 450]).

Розанов, самый его стиль, ощутим в русском зарубежье. Можно вспомнить почти эпигонство «старейшего и заслуженного» Василия Ивановича Немировича-Данченко, который распечатывал в эмигрантской периодике небольшими порциями свои довольно-таки пожухлые «Облетевшие листья» (см., напр.: [Немирович-Данченко 1928]). Но можно обратиться и к свидетельству Адамовича, когда он анализирует «Живые лица» Зинаиды Гиппиус: «Слегка удивило меня то, что в своей статье о Розанове З. Гиппиус сама иногда впадает в розановский стиль, с фразами без глагола, без конца и начала, с неожиданными лаконизмами и столь же неожиданным многоречием. Некоторые цитаты из Розанова входят в текст Гиппиус, почти сливаясь с ним. Умышленно ли это, или так уж заразителен Розанов, что не проходит даром даже и воспоминание о нем?» [Адамович 2015, т. 2, с. 180].

Впрочем, что Гиппиус! Адамович признается и о своем пристрастии, правда давно пережитом: «Были годы, когда для меня не существовало другого писателя, другого ума, другого круга мыслей, даже другого стиля. Потом настало медленное охлаждение...» [Там же, с. 417].

Претензии Адамовича к Розанову выдают будущего идеолога «Парижской ноты»: «...гениальный *болтун*, писатель без тайны, без божественного дара умолчания, сразу вываливающий все, что знает и думает» [Там же]. Если вспомнить волновавшую Адамовича оппозицию «Москва — Петербург», в Розанове он готов был увидеть тайного «москвича», не способного почувствовать значения паузы. «Нарушил молчание, попытался все уложить в слова, каждому изгибу сознания,

каждой миллионной доле мысли или чувства найти словесное отражение. И действительно нашел. Розановский стиль есть действительно чудо. Но чего достиг он этим чудом? Повторяю: в конце концов только скуки» [Адамович 2015, т. 2, с. 417].

Упреки вряд ли справедливые. Розанов знал силу умолчания. Потому в «Опавших листьях», среди прочих отрывков, и могла появиться одиноко повисшая фраза: «Даже неинтересно...» [Розанов 2010, с. 75]. Потому его фрагменты и порождают в голове читателя ряд вопросов (например: что стоит за этим «даже неинтересно»? и почему произнесено это «даже»?). Быть может, подлинная беда Розанова была не в том, что он не умел «умолчать», но в том, что не было сил остановиться. За «Уединенным», «Смертным» и «Опавшими листьями» начнут рождаться «Сахарна», «Мимолетное 1914 года», «Мимолетное 1915 года», «Последние листья». И хотя все эти книги чуть ли не целое столетие пролежат в архиве и почти — за исключением нескольких осколочков — не будут известны современникам, общий объем «листвы» (как иногда называл эту литературу сам автор) может показаться чрезмерным, может отпугнуть читателя.

Но ведь и здесь, в поздних «отрывках», автор «Уединенного» бывает не менее выразителен, нежели в первых книгах. И разве не то же самое можно сказать о еженедельных статьях Адамовича?

«Литературные беседы». Эта рубрика в парижском «Звене» действительно стала своего рода литературным жанром, и в каком-то смысле «розановским». Самоповтор был здесь неизбежен. И все-таки: разве невозможна попытка всегда быть «новым», несмотря на неизбежное многословие?

Во-первых, новизна проявилась в тематической свободе. «Беседу» о Бетховене вроде бы трудно назвать «литературной», но ее автор для своих размышлений находит-таки нужный поворот: «Бетховен, конечно, был поэтом, — в том же смысле, что Шекспир или Рембрандт» [Адамович 2015, т. 2, с. 449].

Во-вторых, Адамович нов и в способах выражения мысли. Достаточно сравнить одни лишь зачины его «бесед» с несколькими «беседами», которые написал замещавший его иногда Мочульский. Константин Васильевич начинает вполне традиционно:

«Небольшая статья Поля Валери “Кризис духа”, недавно перепечатанная в сборнике “Variété”, — быть может, самое значительное и блестящее из всего, что было написано о духовном кризисе европейской культуры» [Там же, с. 580].

«Новое произведение Андрея Белого “Москва под ударом” — только часть задуманного романа “Москва”» [Там же, с. 584].

«В “Воле России” закончилась печатаньем вторая часть романа А.М. Ремизова “Ров львиный”» [Там же, с. 587].

Не «беседу» ведет Мочульский, а пишет привычную для литературы того времени рецензию. Адамович же стремится уйти от полной «законченности» формы, от жестких канонов литературной критики. Часто — это что-то вроде «хроники» или дневника: «Несколько членов петербургского Цеха поэтов создали недавно своих молодых парижских собратьев на “вечер чтения и обсуждения стихов”» [Там же, с. 276]. Или: «На днях я прочел в рукописи два французских перевода пушкинских стихов и поэм. Оба перевода были не плохи, довольно точны, на-

ходчивы, без “отсебятины”. Некоторые строчки были переданы совсем удачно. Но все-таки оба перевода показались мне полукощунством» [Там же, с. 308].

Иногда все начинается с мемуаристики: «Лет пять тому назад Всеволод Иванов считался самым талантливым из “Серапионов”. Шкловский уверял всех встречных и поперечных, что взошла новая звезда, что имя Всев. Иванова скоро прогремит, а главное, что “куда Замятину до Всеволода!”» [Там же, с. 321]. Или: «В шестидесятые годы редакция какого-то журнала оповестила подписчиков о своем решении прекратить печатание стихов». И далее Адамович словно бы разводит руками перед «несокрушимым» доводом этой редакции: «...теперь время серьезное и пустяками заниматься не стоит» [Там же, с. 363].

И все же особенно выразительны начала «бесед», возникающие словно бы «ниоткуда»:

«Перед тем как читать книгу, ее большей частью просматриваешь и перелистываешь. Так создается первое впечатление» [Там же, с. 259].

«Есть, по-видимому, в нашей теперешней жизни какая-то сложность, тяжесть, которая все окутывает, во все проникает» [Там же, с. 342].

«Каждый настоящий писатель кончает одиночеством. И даже не то, что кончает, а неизбежно вступает в него к середине — если не раньше — своего писательского “пути”. Иначе быть не может. С удивлением писатель вдруг замечает, что переступил эту черту» [Там же, с. 392].

Главное в этих «беседах» — именно их открытость: можно начать «ни с чего» и говорить «о чем угодно». И возможно это потому, что есть особый «камертон», по которому Адамович «настраивает» каждое выступление; именно ощутимое присутствие такого камертона превращает собранные вместе «беседы» в единое целое.

Эта внутренняя свобода в сочетании с неповторимой интонацией и поставила Георгия Адамовича в ряд ведущих критиков русского зарубежья. И не только зарубежья — без мнения Адамовича о том или ином литературном имени, о том или ином явлении уже не может обойтись русская литература.

Новое собрание сочинений началось с книги «Единство». Это говорит о том, что композиция многотомника тщательно продумана. «Единство» — остальные стихи — проза и переводы... Этим сразу задается иерархия смыслов — не то, что стихи здесь главное, но то, что основополагающим стал принцип литературного аскетизма, способный проявиться и там, где лучшее отбирает сам Адамович, и там, где составитель готовит чуть ли не полное собрание его критических статей. За первым томом могли идти только «Литературные беседы», т. е. — рождение Адамовича-критика. Они и вошли во второй том. Помимо собственно «Литературных бесед» он включает и ранние публикации Адамовича (его первые подступы к главному своему жанру 1920-х гг.), кроме того — несколько публикаций Константина Мочульского, «Цветник» Марины Цветаевой (многочисленные противоречащие друг другу реплики из статей Адамовича, собранные раздраженной, но и очень внимательной читательницей), а также материалы, которые дают возможность почувствовать саму атмосферу в редакции «Звена».

Статьи, сопровождающие издание, не покажутся новыми для тех, кто следит за публикациями О.А. Коростелева. Они, заново просмотренные, скорее — итог

его размышлений об Адамовиче. Зато более подробные комментарии к этим книгам на сегодняшний день представить трудно. Они заметно превышают своим объемом те, что сопровождали тома того же составителя и комментатора в издательстве «Алетейя».

В первом томе есть и проспект всего издания: литературная критика в «Последних новостях», в журналах, в послевоенной периодике; кинокритика, заметки о театре и балете, публицистика, а также книги, подготовленные самим Адамовичем, — «Одиночество и свобода» и «Комментарии». За каждым томом — не только часть литературного наследия «первого критика русской эмиграции», но и важная веха в понимании истории русской культуры. Часть литературной жизни должна предстать в необычном отражении — в томе с литературными хрониками Адамовича (мгновенными откликами на литературные события) и томах с его письмами. Первые же книги нового собрания сочинений — свидетельство того, что Георгий Адамович уже давно переместился из категории «возвращаемых авторов» в ряд русских классиков XX столетия.

Литература

- Адамович 1946 — *Адамович Г.* Смерть и время // Русский сборник. Париж, 1946. № 1. С. 171–182.
- Адамович 2000 — *Адамович Г.В.* Собр. соч. «Комментарии» / сост., послесл. и примеч. О.А. Коростелева. СПб.: Алетейя, 2000. 757 с.
- Адамович 2015 — *Адамович Г.В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 1: Стихи, проза, переводы / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015. 640 с.; Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. О.А. Коростелева. М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015. 784 с.
- Немирович-Данченко 1928 — *Немирович-Данченко Вас.* Облетевшие листья (из записной книжки писателя) // Последние новости. 1928. 11 марта. С. 3; 18 марта. С. 3.
- Розанов 2010 — *Розанов В.В.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 30: Листва. М.: Республика; СПб.: Росток, 2010. 591 с.
- Цветаева 1991 — *Цветаева М.И.* Об искусстве. М.: Искусство, 1991. 479 с.

IN MEMORIAM

М. Байсвенгер

ПАМЯТИ ЛЮДМИЛЫ ПАВЛОВНЫ ЛАПТЕВОЙ

(1926–2016)

Уход Людмилы Павловны Лаптевой положил конец целой эпохе в развитии российского славяноведения и для многих стал невосполнимой утратой, унеся из жизни умного и искреннего собеседника, учителя и друга. Научное наследие Людмилы Павловны с трудом обозримо и включает в себя более 600 научных работ, в том числе около 20 книг и монографий (см.: [Библиография опубликованных трудов... 1998; Список... 2012]). Но даже эти цифры не отражают широту научных интересов историка. Людмила Павловна занималась исследованиями в области целого ряда исторических направлений: историей гуситского движения, историей Чехии, Словакии и лужицких сербов, а также историей славяноведения в России, историей русско-славянских научных и культурных отношений, историей русской послереволюционной эмиграции, — и в каждом из них она стала признанным экспертом¹. Наиболее значительными ее работами стали монография об историографии гуситского движения в имперской России и фундаментальное двухтомное исследование об истории славяноведения в дореволюционной России [Лаптева 1978; 2005; 2012a]. Научное влияние Лаптевой порой проявлялось в самых неожиданных контекстах. К примеру, я был поражен, обнаружив благодарности Людмиле Павловне в предисловии к первоначальному немецкоязычному изданию влиятельнейшей работы чешского историка Мирослава Гроха, которая посвящена сравнительному изучению возникновения патриотической интеллигенции у «малых народов» [Hroch 1968].

Жизненный путь Людмилы Павловны, как, впрочем, и многих людей ее поколения, был непростым². Она родилась 9 сентября 1926 г. в деревне Осиновый Гай Тамбовской области в семье местного почтальона. В межвоенной советской деревне почтальон был одним из немногих людей, обладавших хотя бы минимальным уровнем образования. Пережив в деревне труднейшие годы сталинской коллективизации, Людмила Павловна позже вспоминала о своем детстве как о времени, «заполненном тяжелым физическим трудом, необходимым для обеспечения физического выживания, голодом и нищетой, а также впечатлениями, которые производили на нее неграмотность и страдания окружающих ее людей»

¹ Краткий обзор научного творчества Л.П. Лаптевой в целом см.: [Досталь 2012].

² Последующее изложение опирается на опубликованные интервью и воспоминания Л.П. Лаптевой: [Štemberková 1998; Лаптева 2012b].

[Štemberková 1998, p. 52]. Когда в 1942 г. она решила поступить на исторический факультет Тамбовского педагогического института, ей пришлось пройти пешком до города 80 километров! Иного способа перемещения в удаленной от железных дорог российской глубинке в годы войны попросту не существовало.

Учеба в Тамбове открыла Людмиле Павловне совершенно иной мир. Здесь же скоро определились и ее научные интересы. Зимой 1943 г. в нетопленном читальном зале институтской библиотеки, в шапке и перчатках, Людмила Павловна сидела одинокой посетительницей, зачитываясь шекспировскими трагедиями. Однажды ей в руки попала какая-то вышедшая еще до революции книга, которая рассказывала о смерти чешского реформатора Яна Гуса. Как позже вспоминала Людмила Павловна: «Сама манера повествования о его жизни и смерти на меня произвела не меньшее впечатление, чем шекспировские трагедии» [Ibid., p. 50]. Именно в этот момент зародился ее интерес к истории Чехии, и в частности к истории гуситского движения.

Через год Л.П. Лаптева покинула провинциальный Тамбов и перевелась учиться в Московский областной педагогический институт (МОПИ). В то время там работали молодые преподаватели — будущие светила советской исторической науки, такие как Б.А. Рыбаков и П.А. Зайончковский, незадолго до этого комиссованный с ранением с фронта. Занятия с ними она особенно ценила. Среди ее преподавателей были также Я.А. Левицкий и С.С. Дмитриев. Окончив МОПИ в 1947 г., Людмила Павловна проработала последующие пять лет учительницей истории в Подмосковье, в томилинской вечерней школе рабочей молодежи. Одновременно с работой она в 1948 г. поступила в аспирантуру исторического факультета МОПИ. Ее специализацией была история Средних веков, и в частности, чешское Средневековье. Так как среди преподавателей не было специалистов по истории Чехии, Людмила Павловна училась у историков английского Средневековья В.Ф. Семенова и Я.А. Левицкого. В 1952 г. под руководством А.С. Самойло она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов во второй половине XVI и начале XVII вв.»³.

Оставшись после защиты работать в МОПИ, Людмила Павловна читала лекции по истории средневековой Европы. Хотя преподавание оставляло ей мало времени для научной работы, она — вполне в духе времени — успевала заниматься спортом и увлекалась альпинизмом, что, безусловно, не только помогало ей справляться с профессиональной нагрузкой, но и доставляло удовольствие. «Альпинизм — спорт смелых, красивый и трудный, привлекательный своими эстетическим, нравственным и гигиеническим факторами», — писала она о своих впечатлениях [Лаптева 1957, с. 4]. В то время самые важные научные «вершины» были у нее еще впереди.

В 1959 г. Людмила Павловна получила предложение работать на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета МГУ. С этой кафедрой была связана вся ее последующая жизнь. Тогдашний заведующий кафедрой из-

³ Диссертация осталась неопубликованной, но ее основное содержание изложено в статье [Лаптева 1955].

вестный славяновед С.А. Никитин, по словам Лаптевой, стал ее первым и главным ментором в славяноведении. Еще более важное значение, чем переход в МГУ, имела для нее 8-месячная стажировка в пражском Карловом университете, куда она была направлена в 1962 г. Как позже признавала Людмила Павловна, эта поездка коренным образом изменила ее жизнь, сделала ее «совершенно иным человеком» и «принципиально изменила ее отношение к режиму в Советском Союзе» [Štemberková 1998, p. 50]. «В Праге я попала в совершенно другой мир. Все могли свободно высказывать свое мнение по разным вопросам, не опасаясь быть наказанными по партийной или административной линии. <...> Отсутствовал страх за то, что вдруг сказал что-то не так или поступил так, как не положено» [Лаптева 2012б, с. 10].

Внутреннюю свободу, которую Людмила Павловна ощутила в Чехословакии, она перенесла с собой и в СССР. С тех пор отличительными чертами ее научного стиля стали бесстрашие, а также нежелание идти на компромиссы и жертвовать научной добросовестностью в угоду карьерным или иным соображениям. Подобная прямота не раз закрывала ей путь в самые престижные советские журналы. Показательным случаем стала публикация в конце 1970-х гг. ее рецензии на солидную научную монографию чехословацкого историка Франтишека Кутнара (Kutnar; 1903–1983) [Лаптева 1979]. Рецензия, появившаяся в журнале «Новая и новейшая история», была положительная. Однако Кутнар (о чем Людмила Павловна не знала) к тому моменту уже впал в политическую немилость в Чехословакии: он был обвинен в «немарксистском подходе к историческому процессу», его книга была раскритикована, а сам историк лишился работы. Когда, по воспоминаниям Людмилы Павловны, идеологический отдел ЦК КПСС узнал о факте публикации положительной рецензии на эту книгу в одном из ведущих советских исторических журналов, последовали перестановки в личном составе редакции журнала и негласный запрет Лаптевой печатать там какие-либо другие свои произведения [Лаптева 2012б, с. 15]. По схожим идеологическим причинам ей в разное время также стало невозможно публиковаться в журналах «Вопросы истории» и «Советское славяноведение». С тех пор большая часть публикаций Л.П. Лаптевой стала выходить в восточноевропейских странах, т. е. за пределами СССР.

Пребывание в Чехословакии также по-новому определило научные интересы Людмилы Павловны. Находясь в Праге, она поняла, насколько обширны имеющиеся там документальные коллекции по истории чешского Средневековья и насколько трудно заниматься такими темами иностранцам, не имеющим к этим документам постоянного доступа. Более того, ей стало очевидно, что чешские историки сами вполне успешно справлялись с изучением средневековых сюжетов. В то же время в Чехословакии ее вниманию неожиданно открылись новые, захватывающие, но вовсе не изученные темы, связанные с историей русского славяноведения и русской эмиграции.

По стечению обстоятельств именно к 1962 г. — когда Людмила Павловна оказалась в Праге — прошло 20 лет со дня смерти русского слависта-эмигранта В.А. Францева (1867–1942). В связи с этим событием литературный архив Чешского национального музея, согласно завещанию самого Францева, получил пра-

во открыть доступ исследователей к хранящемуся там личному фонду историка. Лаптева оказалась первой, кто начал работать с этим фондом. Неожиданное знакомство с документами из истории русского славяноведения имперского и эмигрантского периодов преобразили поле научных интересов Людмилы Павловны. С тех пор изучение русского славяноведения становится важнейшей темой ее исследований. Именно этой тематике она посвятила свою докторскую диссертацию «Русская литература о гуситском движении (40-е годы XIX в. — 1917 г.)», которая была — не без сопротивления ряда коллег-недоброжелателей — защищена в Институте славяноведения АН СССР в 1973 г.⁴

Случайное знакомство с обширным наследием В.А. Францева открыло Лаптевой также путь к изучению русской пореволюционной эмиграции. Начиная с 1960-х гг. эмигрантская тематика сквозит в ее исследованиях. Прежде всего она звучит в работах, посвященных жизни и научной деятельности В.А. Францева. В них Людмила Павловна не только документально точно описывает жизнь и творчество этого влиятельного слависта, но и упоминает целый ряд русских эмигрантских учреждений, как, например, Русский институт в Праге или Русская академическая группа в Чехословацкой республике, о которых в то время в СССР имели мало представления. Несмотря на то что в работах тех лет заметно вмешательство редакторов и наличие «официальных» штампов о «реакционности» «буржуазной науки», они до сих пор не утратили своей научной значимости (см., например: [Лаптева 1965; 1966а; 1966б]). Кроме работ о Францеве, Лаптева уже в советские годы писала и о других русских эмигрантах. Так, она была автором ряда статей о русских ученых-эмигрантах, опубликованных в биобиблиографическом словаре о российских славяноведах⁵. После 1989 г. Лаптева продолжила изучение эмигрантской тематики, опубликовав более подробные творческие биографии важных, но малоизвестных славяноведов-эмигрантов, в частности А.Л. Погодина [Лаптева 2011], А.В. Флоровского [Лаптева 1994] и Н.В. Ястребова [Laptěvová 1989], и совсем недавно — вновь В.А. Францева [Лаптева 2016].

Важной отличительной чертой подхода Лаптевой к изучению эмиграции является то, что она не рассматривает судьбы эмигрантов в отрыве от их предшествующей жизни. Напротив, она вписывает эмигрантский период в общую биографию ее героев, отмечая и преемственность с дореволюционным периодом, и тот отпечаток, который наложила эмиграция на их жизнь и творчество. Характерно, что уже в работах советского периода очевидно стремление Людмилы Павловны отмежеваться от бытовавших тогда мифов. Хотя рукой редактора в ее работы об эмигрантах, как и в работы других советских авторов, добавлялись эпитеты «предатели родины», «реакционеры и реваншисты», она не оценивала эмигрантов в таком ключе. Впрочем, не являлись они для нее и героями, как их нередко расценивают в постсоветской историографии. Эмигранты у Лаптевой не «само-

⁴ Диссертация была опубликована пять лет спустя под названием: *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX — 1917 г.).

⁵ [Славяноведение в дореволюционной России 1979]. Перу Л.П. Лаптевой в этом словаре принадлежат статьи о славяноведах-эмигрантах Н.П. Кондакове, А.Л. Погодине, В.А. Францеве и Н.В. Ястребове, а также о других славяноведах имперской России.

отверженно сохраняют» какие-либо исконно русские традиции или «совершают подвиги». Скорее их биографии доказывают сложность и индивидуальность каждой эмигрантской судьбы, где решение покинуть родину чаще всего было результатом целого ряда противоречивых факторов. Для исследований Лаптевой также очень важно то, что ее ученые-эмигранты и до эмиграции, и после отъезда из России оставались неотъемлемой частью международного славяноведческого сообщества. Подробно освещая этот вопрос на примере судьбы Францева, она показывает, что ученый отнюдь не замкнулся в своей роли русского эмигранта и непримиримого врага советской власти. Напротив, он поддерживал обширные научные и личные контакты вне эмигрантских кругов и в 1927 г. даже принял чехословацкое гражданство [Лаптева 1997].

Мое личное знакомство с Людмилой Павловной было связано как раз с ее исследованиями по истории русской эмиграции. В 1997 г. я — тогдашний магистрант Берлинского университета им. Гумбольдта — появился в Москве для прохождения годичной стажировки в МГУ в рамках стипендии Германской службы академических обменов (DAAD). Так как тема моя была связана с изучением истории пражского Института Кондакова межвоенного времени, то меня «прикрепили» к кафедре истории южных и западных славян МГУ и назначили Лаптеву моим научным руководителем.

Людмила Павловна к тому моменту уже была известна мне как автор содержательной и взвешенной рецензии на книгу В.Т. Пашуто о русских историках-эмигрантах [Лаптева 1993]. Но первая встреча с ней оказалась отнюдь не такой, как я ожидал. С присущей ей прямолинейностью Людмила Павловна встретила меня сурово, со словами: «А вы знаете, я немцев не люблю». Поняв, что она вкладывает в эти слова более глубокий исторический и культурный смысл, я ей ответил: «А я тоже». Думаю, этот обмен репликами очистил тогда поле наших будущих с ней контактов от тяжелейшего бремени немецко-русской истории XX в. Людмила Павловна таким образом напомнила мне о значении германской агрессии против СССР в годы Второй мировой войны, непосредственным свидетелем которой она была и которая оказала важнейшее влияние на ее жизнь, как и на жизнь всех советских граждан того времени (только недавно я узнал, что ее отец погиб в 1943 г. в боях под Смоленском). Со своей стороны, я пытался дать ей понять, что вполне осознаю свою ответственность в этой связи и как гражданин Германии, и как историк.

Стажировка в Москве под руководством Людмилы Павловны оказалась исключительно радостным и плодотворным периодом в моей научной жизни. Я посещал ее лекции по истории славяноведения в России, мы много общались, обсуждая, например, специфику изучения славяноведения в СССР и более общие вопросы истории и историографии. Людмила Павловна с воодушевлением рассказывала о своих путешествиях в Чехословакию, о занятиях в местных архивах и о счастливой возможности заниматься историей эмиграции, что в Советском Союзе было почти невозможно. Делилась она и своими впечатлениями от прежних контактов с представителями русской эмиграции в частности, с А.В. Флоровским и И.О. Панасом.

Со временем я убедился, что, несмотря на кажущуюся внешнюю суровость, Людмила Павловна была милейшим и душевнейшим человеком, которому никог-

да не были безразличны судьбы окружавших ее людей. В какой-то момент я также понял, что смущавшая многих ее прямолинейность являлась следствием того, как она понимала свою роль как ученого и историка. Подобно тому как в научных работах Лаптева была строгим приверженцем научной достоверности, отказываясь идти на компромиссы, если они шли в ущерб строгой научной честности и профессионализму, таким же образом она вела себя в общении с коллегами и учениками. Людмила Павловна иногда задавала острые вопросы для того, чтобы понять, сможет ли ее собеседник отстоять свою точку зрения, опирается ли его тезис на соответствующую источниковую и фактическую базу или он просто повторяет чужие мысли из каких-либо оппортунистских или карьерных соображений.

Было заметно, что Людмила Павловна болезненно воспринимала любые случаи научного или иного оппортунизма. Так, она была глубоко разочарована тем, что многие ее коллеги из бывших социалистических славянских стран после 1989 г. резко поменяли свое отношение к России и российской науке. Еще недавно они как будто живо интересовались русско-славянскими отношениями, а теперь вдруг «вспомнили», что на самом деле они являются «европейцами» и отныне будут заниматься другими сюжетами.

Такое отношение Людмилы Павловны к происходившим в науке процессам было связано с тем, что наука была для нее гораздо больше, чем просто профессия. Наука для нее была смыслом жизни. Лаптева глубоко верила в силу научных достижений и научной истины. В каком-то смысле такое особое отношение к занятию историей сближало Людмилу Павловну с теми учеными позитивистами из дореволюционной России и русского зарубежья, изучению которых она уделяла столько сил и времени.

Наука определила и все ее жизненное мировоззрение. Она твердо верила в прогресс, который несут с собой образование и научное знание, несмотря на все слабости человеческого характера и вмешательство тоталитарных политических режимов. При этом, являясь искренним патриотом своей родины и испытывая гордость за научные достижения русских ученых, она также часто жаловалась на недостаточный уровень образованности как среди широких слоев населения, так и среди самих ученых. Но, несмотря на разочарования, она верила, что хотя бы медленно и сложно, но продолжается просвещение и ученых, и общества в целом.

Я был очень рад тому, что после официального окончания стажировки летом 1998 г. мои контакты с Людмилой Павловной не прервались. Каждый раз, когда я оказывался в Москве, мы встречались, обменивались научными новостями и публикациями (хотя я даже близко не мог сравниться в этом плане с феноменальной научной продуктивностью Людмилы Павловны) и обсуждали текущие события. Несмотря на то что мы иногда придерживались разных точек зрения, я всегда очень ценил возможность этих совершенно откровенных и честных разговоров. Особенно часто мы беседовали после 2011 г., когда на несколько семестров мы стали коллегами в МГУ (хотя и преподавали на разных факультетах) и часто встречались за чашкой чая или кофе с пирожками в буфете при историческом факультете МГУ. К сожалению, после моего ухода из университета мы стали встречаться реже, но никогда не теряли контакт.

Мне доставляло радость, когда, бывая в Чехии или Германии, я мог выполнять небольшие научные «поручения» Людмилы Павловны. Последний раз в декабре 2015 г. я привез ей из Чехии новую фундаментальную публикацию по истории гуситского периода — по той теме, за которой она продолжала внимательно следить. При нашей последней встрече Людмила Павловна, несмотря на некоторые физические трудности, была, как всегда, полна творческой энергии и строила научные планы. Она непременно хотела отрецензировать привезенную мною книгу, чтобы ознакомить российскую научную общественность с последними достижениями зарубежной историографии. Мне не удалось узнать, успела ли она написать этот текст.

Людмила Павловна скончалась в Москве 16 мая 2016 г. Не стало не только известного ученого-славяноведа, историографа и историка эмиграции. Ушел из жизни исключительный человек, чья преданность науке и исследовательская честность определили всю ее жизнь и стали недостижимым образцом для ее учеников и коллег.

Литература

- Библиография опубликованных трудов... 1998 — Профессор Людмила Павловна Лаптева. Библиография опубликованных трудов (1952–1998) / сост. Л.С. Азарх. М.: Диалог-МГУ, 1998.
- Досталь 2012 — *Досталь М.Ю.* Л.П. Лаптева и ее вклад в развитие отечественного славяноведения // Полвека в славяноведении: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Людмилы Павловны Лаптевой / отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 29–40.
- Лаптева 1955 — *Лаптева Л.П.* Борьба чешского народа против реакционной политики Габсбургов в XVI и начале XVII в. // Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. Вып. 17. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 88–92.
- Лаптева 1957 — *Лаптева Л.* «Горы научат...»: Еще раз о скороспелой подготовке альпинистов // Советский спорт. 1957. 30 ноября. № 207 (2943). С. 4.
- Лаптева 1965 — *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. По материалам его литературного наследия // Sborník Národního Muzea v Praze. Řada C. Literární historie. 1965. Vol. 10. № 1. S. 1–30.
- Лаптева 1966а — *Лаптева Л.П.* В.А. Францев. Биографический очерк и классификация трудов // Slavia. 1966. Vol. 35. S. 79–95.
- Лаптева 1966б — *Лаптева Л.П.* В.А. Францев как историк славянства // Славянская историография: Сб. ст. / ред. И.М. Белявская и др. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. С. 204–246.
- Лаптева 1978 — *Лаптева Л.П.* Русская историография гуситского движения (40-е годы XIX в. — 1917 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.
- Лаптева 1979 — *Лаптева Л.П.* <Рец. на кн.:> Kutnar F. Přehledné dějiny českého a slovenského dějepisectví [Очерки чешской и словацкой историографии]. Т. I–II. (Praha 1973–1977) // Новая и новейшая история. 1979. № 6. С. 202–205.
- Лаптева 1993 — *Лаптева Л.П.* <Рец. на кн.:> Пашуто В.Т. Русские историки-эмигранты в Европе (М., 1992) // Славяноведение. 1993. № 4. С. 109–112.
- Лаптева 1994 — *Лаптева Л.П.* Русский историк эмигрант А.В. Флоровский как исследователь чешско-русских связей // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 1994. № 1. С. 55–63.
- Лаптева 1997 — *Лаптева Л.П.* Русский славист В.А. Францев и обстоятельства его эмиграции из России // Rossica. Praha, 1997. № 2. S. 55–62.

- Лаптева 2005 — *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в XIX веке. М.: Индрик, 2005.
- Лаптева 2011 — *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2011.
- Лаптева 2012a — *Лаптева Л.П.* История славяноведения в России в конце XIX — первой трети XX в. М.: Индрик, 2012.
- Лаптева 2012б — *Лаптева Л.П.* Как мы писали историю (автобиографические заметки) // Полвека в славяноведении: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Людмилы Павловны Лаптевой / отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 6–28.
- Лаптева 2016 — *Лаптева Л.П.* Владимир Андреевич Францев (1867–1942) — русский исследователь межславянских научных связей в XIX веке // Новая и новейшая история. 2016. № 3. С. 146–165.
- Славяноведение в дореволюционной России 1979 — Славяноведение в дореволюционной России: Биобиблиограф. словарь. М.: Наука, 1979.
- Список... 2012 — Список опубликованных Л.П. Лаптевой трудов за период с 1997 по 2011 г. // Полвека в славяноведении: Сб. науч. трудов, посвященных юбилею заслуженного проф. МГУ Людмилы Павловны Лаптевой / отв. ред. О.В. Павленко, И.В. Крючков. М.: Изд-во СГУ, 2012. С. 203–215.
- Hroch 1968 — *Hroch M.* Die Vorkämpfer der nationalen Bewegung bei den kleinen Völkern Europas. Eine vergleichende Analyse zur gesellschaftlichen Schichtung der patriotischen Gruppen. Praha: Universita Karlova, 1968.
- Laptěvová 1989 — *Laptěvová L.P.* Ruský historik N.V. Jastrebov (1869–1923) a jeho styky s Čechami a Pražskou univerzitou // Acta Universitatis Carolinae: Historia Universitatis Carolinae Pragensis. 1989. Vol. 29. № 1. S. 13–52.
- Štemberková 1998 — *Štemberková M.* Jan Hus na mne zapůsobil jako Shakespearovy tragédie (rozhovor s L.P. Laptěvovou) // Dějiny a současnost. 1998. Vol. 20. № 3. S. 49–52.

УДК 821.161.1, 82.09

Т.В. Марченко

**Как проваливаются гении, или Нобелевские маргиналы
sub specie aeternitatis: Бальмонт, Бердяев, Набоков и другие.
Главы из книги «Русская литература в зеркале Нобелевской премии»**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

С первых лет XX в. русских писателей начали выдвигать на Нобелевскую премию по литературе. В своей монографии «Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)» (2007) мы рассматривали историю присуждения и не присуждения Нобелевской премии русским литераторам с точки зрения русской эпической традиции, уделив первостепенное внимание прозаикам русского зарубежья. Поэтому несколько интересных эпизодов пришлось опустить. Прославленный русский поэт, некогда глава русского символизма Константин Бальмонт был выдвинут на Нобелевскую премию по литературе Роменом Ролланом в 1923 г., наряду с М. Горьким и И. Буниным (в то время все трое находились за пределами России). Выдающийся русский философ Николай Бердяев, живший в эмиграции в Париже, был неоднократно номинирован на премию в 1940-е гг. лундским профессором философии Альфом Нюманом. Экспертные отзывы и о Бальмонте, и о Бердяеве написаны Антоном Карлгреном, копенгагенским профессором славистики и знаменитым журналистом, редактором газеты «Дагенс нюхетер» («Dagens Nyheter»). Его мнение стало решающим при отклонении обеих названных кандидатур Нобелевским комитетом. В 1960-е гг., когда, после присуждения премии Б.Л. Пастернаку, главным кандидатом от русской литературы считался ставший в 1965 г. лауреатом М.А. Шолохов, продолжались номинации русских писателей, в том числе живших в эмиграции. Любопытные истории связаны с именами В.В. Набокова и Р.О. Якобсона. Работа основана на архивных материалах Шведской академии и отражает закулисные подробности этих «маргинальных» историй, а также проливает свет на особенности восприятия и интерпретации русской лирики и философии на Западе.

Ключевые слова: русская литература XX в., Нобелевская премия по литературе, Ромен Роллан, К.Д. Бальмонт, Н.А. Бердяев, В.В. Набоков, Р.О. Якобсон, А.А. Ахматова,

рецепция русской поэзии Серебряного века, рецепция русской философии, рецепция творчества В. Набокова, русское зарубежье, архив Шведской академии, Антон Карлгрен.

УДК 8.82; 69; 929

М.Ю. Сорокина

**Эмигрант № 1017:
Роман Якобсон в московских архивах**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья рассматривает персональные, социальные и институциональные связи выдающегося филолога и лингвиста, эмигранта Р.О. Якобсона (1896–1982) в «русский» период его жизни. В научный оборот вводится новый документальный материал из московских архивов, позволяющий существенно дополнить и переосмыслить многие эпизоды биографии ученого.

Ключевые слова: Р.О. Якобсон, российское научное зарубежье, футуризм, русский авангард, архивы.

УДК 93/94

Н.И. Герасимов

**Г.П. Максимов и история русской
анархистской эмиграции**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

Автор статьи анализирует некоторые биографические факты из жизни Г.П. Максимова. Рассматриваются особенности его деятельности в контексте истории русской анархистской эмиграции через призму таких событий, как революция 1917 г., Гражданская война, анархистская эмиграция, Великая депрессия в США, Вторая мировая война, холодная война. Автор раскрывает творческую эволюцию Григория Максимова (его теории анархо-синдикализма, идею «переходного периода», а также его социально-политические воззрения и критику фашизма, большевизма и национал-социализма). Работа сопровождается приложением «Письма Г.П. Максимова к Эмме Гольдман (1930–1931 гг.)».

Ключевые слова: Г.П. Максимов, анархизм, русская анархистская эмиграция, история русской эмиграции.

УДК 929.82-94

Е.В. Кривцова

**К биографии Сергея Прокофьева в эмиграции
(Неизвестное письмо Стеллы Адлер Григорию Шнеерсону)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ekriv@yandex.ru

Тема статьи и первая публикация неизвестного документа из фондов Всероссийского музейного объединения музыкальной культуры им. М.И. Глинки посвящены малоизвестным фактам жизни великого русского композитора Сергея Сергеевича Прокофьева (1891–1953) в начале эмиграции в США (с 1918 по 1921 г.) и последнему периоду жизни композитора за границей (с 1934 по 1936 г.). Опера Прокофьева «Любовь к трем апельсинам» (1919) стала первой оперой, написанной русским эмигрантом по заказу американского театра. В том же году в Нью-Йорке состоялось знакомство композитора с начинающей актрисой Стеллой Адлер.

Ключевые слова: эмиграция, С.С. Прокофьев, Стелла Адлер, К.С. Станиславский, Г.М. Шнеерсон, МОРТ, Group Theatre (театр Группы), «Любовь к трем апельсинам», «Еврейская увертюра», Нью-Йорк, Париж.

УДК 929.82-94

М.Г. Талалай

**Вилла Горчакофф в Сорренто —
экзотический очаг русской жизни**

Милан–Москва, Институт всеобщей истории РАН
E-mail: talalaym@mail.ru

Сохранившаяся в прекрасном состоянии так называемая вилла Горчакофф в Сорренто не нашла до настоящего времени своего исторического описания, несмотря на ее частое упоминание в мемуарной и прочей литературе. Здесь еще до революции 1917 г. обосновалась видная представительница российского общества Елена Константиновна Солдатёнок, урожденная светлейшая княжна Горчакова (1873–1948). Владелица виллы изначально проявила себя как щедрая меценатка. После 1917 г. она обеспечила постоянное пристанище нескольким эмигранткам, в том числе художнице Надежде Любавиной. Зачастую экстравагантная жизнь Солдатёнок-Горчаковой давала пищу многочисленным пересудам и толкам, отраженным в европейской литературе. Реконструкция истории виллы Горчакофф и ее жителей основана на итальянских источниках, а также на архивных материалах.

Ключевые слова: светлейшие князья Горчаковы, молдавские бояре Стурдза, семейство Солдатёновых, Сорренто, вилла Горчакофф, русская эмиграция в Италии.

УДК 159.922.72/74; 929; 94(81); 94(495).07

Н.Ю. Масоликова

**К истории российского педагогического зарубежья
в Великобритании: Николай Адольфович Ганс (1888–1969)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: nmasolikova@mail.ru

Статья рассматривает персональные, социальные и институциональные связи русского историка педагогики и психологии, эмигранта Н.А. Ганса (1888–1969). В научный оборот вводится новый фактический материал из украинских, российских и британских архивов, позволяющий существенно дополнить и переосмыслить многие эпизоды научной биографии ученого.

Ключевые слова: Н.А. Ганс, история российской педагогики, история сравнительной педагогики, социальная история психологии, история российской психологии.

УДК 82-94

Д. Рицци, М.А. Васильева

Из «итальянской» мемуаристики русского зарубежья

Д. Рицци

Италия, Венецианский университет Ка Фоскари

E-mail: darizzi@unive.it

М.А. Васильева

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: marijavid@mail.ru

Статья представляет собой вступление к подборке отрывков из воспоминаний, ранее не переведенных на русский язык или вовсе не изданных. Эти тексты были написаны в разное время (от 1910-х до 1960-х гг.) представителями русской колонии в Италии. В статье, в частности, упоминаются обстоятельства, послужившие толчком к созданию мемуаров (о чем подробнее идет речь в предисловии к каждой публикации), и делается попытка их типологического описания.

Ключевые слова: русское зарубежье, русская эмиграция в Италии, эго-документ, автобиография, мемуары, И.А. Крейнерт (К. Кетов), О. Ресневич-Синьорелли, М.Л. Слоним.

УДК 82-94

«Среди русских дипломатов».
Из воспоминаний русского корреспондента в Риме
Вступительная статья, публикация и комментарии Б. Сульпассо

Италия, Университет Мачераты
E-mail: bianca.sulpasso@unimc.it

К публикации предлагается глава под названием «Tra i diplomatici russi» («Среди русских дипломатов») из книги «Tra due dispotismi: dallo zarismo al bolscevismo — 1897–1927» («Между двумя деспотизмами: от царизма к большевизму — 1897–1927») Ивана Андреевича Крейнерта (псевд. Costantino Ketoff; 1880, Саратов — 1948, Рим). Крейнерт был римским корреспондентом ряда русских газет.

Книга изобилует фактическим материалом об истории революционного движения. В главе автор живо повествует о жизни русской эмиграции в Италии, о культурной жизни, кипевшей при русском посольстве, о выдающихся представителях русской общины в Риме. Книга Крейнерта — ценный документ эпохи, представляющий интерес не только для историков, но и для литературоведов.

Ключевые слова: русская эмиграция, русская революция, русская эмигрантская мемуаристика, русские в Италии.

УДК 82

«Среди ваших талантов умения жить
есть талант умения жить среди талантов»:
Мемуарные очерки Ольги Ресневич-Синьорелли
Публикация, предисловие и примечания Д. Рицци

Италия, Венецианский университет Ка Фоскари
E-mail: darizzi@unive.it

Воспоминания Ольги Ресневич-Синьорелли (1883, Яунсвирлаукс, Латвия — 1973, Рим), хранящиеся в частном архиве ее наследников в Риме, были написаны на итальянском языке в 1960-е гг. и впервые опубликованы под редакцией Д. Рицци в 2010 г. В них нашли отражение многочисленные встречи Ресневич-Синьорелли с видными личностями европейской культуры, имевшие место в основном в межвоенный период.

Врач, журналистка, писательница и переводчица, Ольга Ресневич с 1904 г. жила в Италии, преимущественно в Риме, где держала известный литературно-художественный салон. Особенно тесными в 1920-е гг. были ее связи с представителями русской интеллигенции, эмигрировавшими навсегда или на время в Италию.

Для публикации предлагается русский перевод отрывков, посвященных встречам с Андреем Белым, Павлом Муратовым, Сергеем Дягилевым, Вячеславом Ивановым и Прасковьей Милютиной.

Ключевые слова: Ольга Ресневич-Синьорелли, русская эмиграция в Италии, русская эмигрантская мемуаристика, литература и культура русской послереволюционной эмиграции.

УДК 82-94

**Марк Слоним и опубликованные в Италии
мемуары об Октябрьской революции**

Предисловие, подготовка текста и комментарии Ч. Кадаманьяни

Италия, Пизанский университет
E-mail: cinzia.cadamagnani@unipi.it

Настоящая статья является введением к русскому переводу отрывков из книги Марка Львовича Слонима (1894–1976) «Русская революция. События и впечатления» («La rivoluzione russa. Fatti e impressioni»), опубликованной в Италии в 1920 г. Автор статьи прослеживает и контекстуализирует основные моменты жизненного пути Слонима, от первого прибытия в Италию в 1911 г. до непосредственного участия в событиях 1918–1919 гг. — в военных действиях на немецком фронте и в антибольшевистской борьбе на Волге, описанных в предлагаемых читателю фрагментах.

Ключевые слова: Марк Слоним, Октябрьская революция, русская эмиграция в Италии, русская эмигрантская мемуаристика, литература и культура русской послереволюционной эмиграции.

УДК 929

«Мои приключения» Григория Шилтяна

Предисловие, подготовка текста и комментарии А. д'Амелии

Италия, Университет Салерно
E-mail: adamelia@unisa.it

Впервые публикуемые отрывки из автобиографической книги «Мои приключения» Григория Шилтяна фокусируют внимание на первой части жизненного пути художника и завершаются 25 февраля 1942 г., когда статья влиятельного критика Уго Ойетти в газете «Коррьере делла Сера» одобрила его творчество и положила начало его славе. Лейтмотивом всей книги звучит решение Шилтяна достичь Италии и стать профессиональным художником. Несмотря на тяжелейшие условия — бегство из России в разгар Гражданской войны и трудная зарубежная жизнь, — художник не отрёкся от своего намерения и долго боролся за осуществление своей мечты. «Мои приключения» Шилтяна — многоплановая композиция, в которой воспоминания личной жизни переплетаются с богатым историческим материалом: еврейскими погромами, жестокостями Гражданской войны, трудностями эмигрантской жизни, но содержат

также описания и привлекательные детали о культурной жизни Вены, Берлина, Рима, Парижа и о ее самых ярких представителях.

Ключевые слова: автобиография, живопись, зарубежье, художественная жизнь европейских столиц, культурное пространство Италии в фашистские годы.

УДК 82.09.929+8213.161.1+ 821.162.1+070.4+811.162.1

Т.В. Марченко

**Польско-русские связи: безграничное поле
для исследований и для научных контактов**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

Небольшое введение представляет блок материалов, написанных польскими коллегами из университетов Ольштына и Седльце по различным аспектам русско-польских связей в контексте русской эмиграции в Польше. Главные фигуры публикуемых ниже статей — Д.В. Философов и Д.И. Чижевский. Подборка начинается статьей П. Хжонца, в которой представлен взгляд на послереволюционные события и русскую эмиграцию «с того берега»: польская точка зрения не отличается русофильством, однако знакомство с ней необходимо для трезвого понимания польско-русских взаимоотношений в прошлом и настоящем. Напротив, в статье И.А. Ндяй делается попытка трезвого анализа некоторых мифов польского национального самосознания. Материалы Б. Козак и Р. Мниха посвящены рецепции личностей и сочинений Философова и Чижевского соответственно и опираются на польские источники, впервые знакомя с ними отечественного читателя.

Ключевые слова: русская эмиграция в Польше, Д.В. Философов, Д.И. Чижевский, рецепция, польское национальное самосознание, полемика.

УДК 94(438).081

П. Хжонц

**Несбывшиеся двадцать лет.
Польские годы Дмитрия Философова**

Польша
E-mail: pach.welna@gmail.com

В статье автор рассматривает эмигрантские годы Дмитрия Философова на фоне сложного, бурного межвоенного периода в Польше. Это были годы больших ожиданий и надежд, торжества независимости и национальной гордости, но также разочарований, трений, закончившиеся апокалипсисом Второй мировой войны. Автор про-

водит параллели между всепроникающей атмосферой того периода, судьбой нации и жизненным путем Философова, а также отмечает разочарование, горечь и чувство бессилия против мощной исторической динамики, нарастающие среди русской эмиграции в Польше и в стране в целом в эти обреченные годы.

Ключевые слова: большевистская революция, эмиграция Философова, межвоенные годы, национальные меньшинства, Пилсудский, Польша, Россия.

УДК 821.054.7

И.А. Ндяй

**«Дезинтоксикация польской души»
в эмигрантской публицистике Д. Философова**

Польша, Ольштын, Варминско-Мазурский университет
E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl, anna.ndiaye@uwm.edu.pl

Автор уделяет внимание русско-польским литературным связям межвоенного периода. Предметом критического анализа стала эмиграционная публицистика Д. Философова, который формирует тезис о «дезинтоксикации польской души». Анализируя творчество современных польских писателей, Философов приходит к выводу, что современная польская литература — одно из самых ярких доказательств оздоровления человеческого организма, отравленного «ядом неволи».

Ключевые слова: Д. Философов, русская эмиграция в Польше, русско-польские литературные связи, эмиграционная публицистика.

УДК 821.054.7

Б. Козак

**«Wcale nie rosjanin»: Дмитрий Философов
в воспоминаниях польских культурных деятелей**

Польша, Ольштын, Институт восточного славяноведения
Варминско-Мазурского университета
E-mail: barbara.kozak@uwm.edu.pl

Дмитрий Философов, проживший в Польше с 1920 по 1940 г., еще до революции и эмиграции был знаком с некоторыми представителями польской культуры, в частности с молодым дворянином Юзефом Чапским. Именно благодаря ему сразу после приезда в Варшаву Философов попал в интеллектуальную среду столицы. Между тем русский эмигрант не ограничивался светскими контактами — он принимал активное участие в культурной и политической жизни Польши, о чем свидетельствуют мемуары современников.

В данной статье анализируются некоторые воспоминания польской культурной элиты межвоенного периода о Философове. И с грустью приходится констатировать, что в свои последние польские годы он оставался человеком одиноким, для всех чужим.

Ключевые слова: Дмитрий Философов, польские годы Д. Философова, межвоенный период, Мария Домбровская, Юзеф Чапский, воспоминания, дневники, культурная элита межвоенного периода.

УДК 929.82-94; 821.162.1

Р. Мних

Польша и поляки в жизни и творчестве Дмитрия Чижевского

Польша, Седльце, Институт нефилологии и междисциплинарных исследований
Естественно-гуманитарного университета Седльце
E-mail: mnichrw@yahoo.de

В статье рассмотрены вопросы, связанные с присутствием Польши и поляков в жизни и творчестве видного философа и слависта Дмитрия Чижевского (1894–1977). Автор рассматривает три аспекта проблемы: 1) Аспект биографический: через Польшу Д. Чижевский бежал от большевиков на Запад, среди его знакомых и друзей было очень много поляков, с некоторыми из них Д. Чижевского связывали очень близкие отношения, не только научные, но и личные; 2) Аспект, отражающий научное отношение Д. Чижевского к Польше, к польской культуре и польской литературе (многочисленные работы Д. Чижевского, посвященные польской культуре и литературе эпохи барокко, цикл статей об Адаме Мицкевиче, публикации, отражающие интерес ученого к польской философии и польской эстетике); 3) Аспект, отражающий отношение самих поляков к Д. Чижевскому: появление первых упоминаний о работах Д. Чижевского в Польше, высказывания видных польских писателей и философов об ученом и его работах, наконец, сегодняшняя оценка творческого наследия Д. Чижевского в Польше.

Ключевые слова: Д. Чижевский, Польша, польская культура, польская литература.

УДК 821.161.1

Д.П. Святополк-Мирский

Место Достоевского в русской литературе

*Перевод с итальянского К. Суботовой, публикация, редакция перевода,
комментарии М.К. Гидини, О.А. Коростелева и М.В. Ефимова,
вступительная заметка М.В. Ефимова*

К. Суботова

Италия, Парма, В.А. (Università degli Studi di Siena, Università degli Studi di Parma)

E-mail: karina.subotova@inbox.lv

М.К. Гидини

Италия, Пармский университет

E-mail: mariacandida.ghidini@unipr.it

М.В. Ефимов

Выборг, Выборгский объединенный музей-заповедник

E-mail: mikhail.v.efimov@gmail.com

О.А. Коростелев

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: okorostelev@mail.ru

Публикация впервые представляет русский перевод написанной в оригинале по-итальянски статьи князя Дмитрия Петровича Святополк-Мирского (1890–1939), выдающегося литературного критика и историка литературы. Статья Святополк-Мирского о Достоевском (1931) не только является важным свидетельством историко-литературных взглядов критика на рубеже 1920–1930-х гг., но и документирует страницу контактов между русской эмиграцией и деятелями итальянской культуры 1920–1930-х гг.

Ключевые слова: Святополк-Мирский, Достоевский, Аполлон Григорьев, интеллигенция, русская литература, Италия.

УДК 821.054.7 Милюков + Бунин 82(091) + 82-6

**«Знаем, что на подъем Вы не очень легки...»:
Письма П.Н. Милюкова к И.А. Бунину, 1921–1937 гг.**

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии А.В. Бакунцева*

Москва, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: auctor@list.ru

Основу данной публикации составляют письма П.Н. Милюкова к И.А. Бунину, хранящиеся в составе коллекции писателя в Leeds Russian Archive (LRA). К этому эпистолярному корпусу добавлено открытое письмо П.Н. Милюкова по поводу отказа И.А. Бунина участвовать в работе правления Союза русских литераторов и журналистов в Париже — оно было напечатано в эмигрантской периодике в 1921 г. Публикация сопровождается (в виде Приложения) библиографическим списком газетных вырезок, представляющих собой литературно-художественные и публицистические выступления И.А. Бунина в эмигрантской печати 1920–1930-х гг. и посвященные ему материалы критико-биографического и информационного характера. Эти вырезки хранятся в личном фонде П.Н. Милюкова в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ).

Ключевые слова: П.Н. Милюков, И.А. Бунин, «Звено», «Последние новости», письма, политические взгляды, сотрудничество, разногласия.

УДК 93/94-930.1

**«Мы люди разных миров»:
Письма М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу (1923–1936 гг.)**

*Публикация, вступительная статья и комментарии М.М. Горинова-мл.,
М.Ю. Сорокиной. Подготовка текста М.М. Горинова-мл.*

М.М. Горинов-мл.
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

Публикация писем М.Е. Ямпольской к сыну, историку М.М. Карповичу, в США за 1923–1936 гг. из архивного собрания Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: М.М. Карпович, И.Г. Терентьев, русский авангард, российское зарубежье, русская эмиграция в США.

УДК 821.161.1+82.09+72.033

**«Знаю, что Вы любите древний Псков»:
Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева (1957–1971)**

Предисловие, подготовка текста и комментарии А.М. Любомудрова

Санкт-Петербург, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
E-mail: anketaspb@yandex.ru

Впервые полностью публикуется переписка Л.Ф. Зурова и археографа В.И. Малышева, основателя собрания древнерусских рукописей в Пушкинском Доме. Письма, оригиналы которых хранятся в архивах ИРЛИ РАН и Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, обнаруживают общность интереса к древнерусской культуре, архитектурным памятникам Пскова, Изборска и Печерского монастыря, единство взглядов на сохранение исторического облика городов. Они также позволяют уточнить историю археологических экспедиций Л. Зурова в Прибалтику, детали его биографии и круг его общения.

Ключевые слова: Л.Ф. Зуров, В.И. Малышев, переписка, русское зарубежье, русская литература, Псково-Печерский монастырь, Псков, Изборск, древнерусская культура.

УДК 821.054.7

**«Кроме Вас, не вижу никого!»:
Переписка С.Ю. Прегель с Г.А. Хомяковым, 1961–1972 гг.**

*Публикация, подготовка текста, вступительная статья
и комментарии П. Трибунского и В. Хазана*

П.А. Трибунский
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: pt2140@yandex.ru

В. Хазан
Иерусалим, Еврейский университет в Иерусалиме
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

Публикуемая переписка поэтессы, прозаика, издательницы, благотворительницы и общественного деятеля Софии Юльевны Прегель (1896/97–1972) с писателем и издателем Г.А. Хомяковым (?–1984) охватывает две ключевые темы — подготовка и издание альманаха «Мосты» (1960-е) и парижская выставка русской книги за рубежом (1972). Помимо прояснения биографии обоих корреспондентов, переписка дает важный материал для понимания процесса знакомства двух волн эмиграции, процесса, в котором альманаху «Мосты» довелось сыграть значительную роль.

Ключевые слова: С.Ю. Прегель, Г.А. Хомяков (Андреев), переписка, журнал «Мосты».

УДК 130.2

Письма Г.В. Флоровского А.Е. Климову (1966–1975)

*Предисловие А.Е. Климова. Подготовка текста,
комментарии А.Е. Климова и О.Т. Ермишина*

А.Е. Климов

Покипси, Вассар-колледж (штат Нью-Йорк)

E-mail: klimoff@vassar.edu

О.Т. Ермишин

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: rfm@bfrz.ru

Публикация включает письма Г.В. Флоровского к А.Е. Климову. В них Флоровский размышляет о русской религиозной культуре, церковной жизни, богословии и философии. Он высказывает мнение о различных русских мыслителях начала XX в. (Вяч. И. Иванове, П.А. Флоренском, В.Ф. Эрне и др.). Письма дают представление о взглядах Г.В. Флоровского в конце жизни, его научных исследованиях и издательских планах.

Ключевые слова: русская философия, богословие, христианская культура, история Церкви, русская эмиграция.

УДК 276

Письмо Г.В. Флоровского

А.В. Флоровскому о поездке в Грецию в 1959 г.

Предисловие, подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: rfm@bfrz.ru

Впервые публикуется письмо Г.В. Флоровского к брату А.В. Флоровскому о поездке в Грецию в 1959 г. В нем Флоровский описывает свои впечатления, связанные с посещением Греции и присуждением ему почетной ученой степени доктора богословия. В предисловии к публикации освещены отношение Г.В. Флоровского к византийскому богословскому наследию и общее содержание его доклада о св. Григории Паламе на симпозиуме в Салониках.

Ключевые слова: Греция, Византия, богословие, неопатристический синтез, святоотеческое наследие, христианская философия.

УДК 930.85+929.5+929.7+ 821.161.1+711.161.1

Т.В. Марченко

**Барочные коллизии судьбы:
Материалы Рюрика Павловича Коцебу
в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: tvmarch@mail.ru

Небольшой личный архив, поступивший в фонды Дома русского зарубежья из Мадрида, позволил проследить жизненные перипетии одного русского эмигранта – потомка легендарного Сида (чистая выдумка) и разветвленного рода Коцебу, немца и грека по крови, православного по вероисповеданию, юриста по образованию, русского патриота-националиста по убеждениям, заложившего основы преподавания русского языка в Испании, переводчика и исследователя Пушкина, руководителя русского хора... чем не барочный роман?

Ключевые слова: личный архив, история русской эмиграции, семейные хроники, Швейцария, Испания, русский национализм, преподавание русского языка.

УДК 929+75+7.074

О.К. Землякова, В.В. Леонидов

**«Плененные красотой...». Иван Айвазовский и его внуки
(по материалам коллекции общества «Родина»
в собрании Российского фонда культуры)**

О.К. Землякова

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

В.В. Леонидов

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

Статья посвящена реликвиям, сохранившимся в собрании культурно-просветительного и благотворительного общества «Родина», которые долгие годы находились в США. Речь идет об изобразительных и мемуарных источниках, связанных с именем великого русского художника И.К. Айвазовского (1817–1900) и его внуков — художника А.В. Ганзена (1876–1937) и офицера А.П. Айвазовского (Латри) (1883–1958).

Общество «Родина» — один из самых известных центров русского зарубежья, созданный эмигрантами в США в 1953 г. При обществе был организован музей, собрание которого в 2000 г. было передано в Российский фонд культуры. В коллекции находятся несколько миниатюр, созданных И.К. Айвазовским, а также собрание ра-

бот А.В. Ганзена, одного из самых известных маринистов России XX в. Некоторые из них впервые публикуются в данной работе.

В собрании «Родины» также хранится комплект журнала «Морские записки», издававшегося в Нью-Йорке, где в 1949–1950 гг. были опубликованы воспоминания Александра Айвазовского (Латри) «Из далекого прошлого», которые анализируются в статье.

Ключевые слова: И.К. Айвазовский, А.В. Ганзен, А.П. Айвазовский (Латри), общество «Родина» (США), «Морские записки», художники русского зарубежья, Российский фонд культуры.

УДК 94(47)

И.П. Мирошникова

**Контр-адмирал С.В. Евдокимов: История одного письма
(по материалам музейного и архивного фондов
Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына.

E-mail: muzey_irina@mail.ru

В архивном собрании Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына хранится фонд русского контр-адмирала, участника Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн С.В. Евдокимова (1878–1960).

С.В. Евдокимов — минный офицер, участник Цусимского сражения, капитан 2-го ранга, георгиевский кавалер, контр-адмирал.

В фонде представлены послужной список Евдокимова, его награды и нагрудные знаки, биографические материалы, фотографии, документы и тетради с интереснейшими воспоминаниями о детстве, учебе в Морском кадетском корпусе, событиях Русско-японской и Великой войн, эвакуации и жизни в эмиграции.

Ключевые слова: С.В. Евдокимов, контр-адмирал, Русско-японская война, минный офицер, Цусима, капитан 2-го ранга, Морской кадетский корпус.

УДК 3.34+9.93/94

**Материалы к биографическому словарю
«Русская эмиграция в Чехословакии»**

Под редакцией М.Ю. Сорокиной

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына,
E-mail: msorokina61@gmail.com

Публикуются материалы к биографическому словарю русской эмиграции в Чехословакии межвоенного периода — биографические данные о русских правоведах-эмигрантах, основанные на документах из российских, украинских и эстонских архивов.

Ключевые слова: русская эмиграция, биографический словарь, история права, русское зарубежье, история науки.

УДК 81-11

О.Т. Ермишин, К.Б. Ермишина

**Николай Сергеевич Трубецкой — лингвист,
историк культуры, основатель евразийства**

Научная конференция

Москва. 20 апреля 2015

О.Т. Ермишин
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: rfm@bfrz.ru

К.Б. Ермишина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: rfm@bfrz.ru

Обзор включает краткий очерк жизни и научного наследия Н.С. Трубецкого, общее содержание докладов на юбилейной конференции, прошедшей в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына.

Ключевые слова: русская эмиграция, лингвистика, евразийство, история литературы, историософия.

УДК 94

Н.А. Ёхина

**Историко-просветительский проект
«Русское зарубежье: Музейное кольцо»**

Москва. 2015–2016

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: natalia_ekhina@mail.ru

Обзор историко-просветительского проекта «Русское зарубежье: Музейное кольцо», совместно осуществляемого сетевым журналом «Музеумания» и Домом русского зарубежья имени Александра Солженицына, и проведенных в его рамках в 2015–2016 гг. вечерах.

Ключевые слова: историко-просветительский проект, сетевой журнал «Музеумания», русское зарубежье, музеи.

УДК 061.3

М.Ю. Сорокина, К.К. Семенов

**Международные научные конференции
«Российская эмиграция в борьбе с фашизмом»
и «Русские в европейском Сопротивлении»**

М.Ю. Сорокина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: msorokina61@gmail.com

К.К. Семенов
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

Обзор международных научных конференций и выставок, посвященных участию российской эмиграции в борьбе с фашизмом и европейском Сопротивлении в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: российская эмиграция, антифашистская борьба, Сопротивление, Вторая мировая война.

УДК 82.0+821.161.1

Т.В. Марченко

**«Я возвращаю себе Россию... я вижу ее, я слышу ее»:
Историко-документальная выставка и круглый стол,
посвященные И.С. Шмелеву**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

Татьяна Марченко, автор и организатор посвященных Ивану Шмелеву историко-документальной выставки и круглого стола, рассказывает об этих событиях, состоявшихся благодаря передаче Российским фондом культуры на хранение в Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына архива выдающегося русского писателя-эмигранта.

Ключевые слова: историко-документальная выставка, архив И.С. Шмелева, шмелеведение, московский текст.

УДК 82.09+821.161.1+81'25

Т.В. Марченко

**Хождение по раскаленным углям,
или Искусство интерпретации русской литературы
в переводах и исследованиях**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tvmarch@mail.ru

Экспресс-обзор первой международной встречи исследователей и переводчиков писателей русского зарубежья, а также современных писателей, живущих вне России и пишущих по-русски.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, проблемы художественного перевода и интерпретации.

УДК 061.3

Т.В. Викторова, С.Н. Дубровина

**Выставка и конференция «Творчество Мишеля Винавера:
между Францией, Америкой и Россией»**

Т.В. Викторова
Франция, Страсбургский университет
E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com

С.Н. Дубровина
Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: svetlana.dubrovina@bfrz.ru

Статья посвящена прошедшей в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в октябре 2015 г. конференции и выставке «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией», подготовленной совместно со Страсбургским университетом. Мишель Винавер — один из самых значительных современных драматургов Франции, создавший свою первую пьесу еще в 1956 г., — очень мало известен в России. При этом М. Винавер — выходец из русской эмигрантской семьи: он внук (по материнской линии) известного государственного деятеля дореволюционной России, депутата Первой Государственной думы, основателя партии кадетов Максима Моисеевича Винавера; его отец — Лев Адольфович Гринберг, известный антиквар, благодаря которому в советские музеи вернулись из эмиграции ценнейшие произведения искусства.

Ключевые слова: Мишель Винавер, французская драматургия XX в., литература и история русской эмиграции.

УДК 808.51+061.3

И.Н. Тишина

**Обзор выставок, книжных презентаций
и вечеров в Доме русского зарубежья
имени Александра Солженицына в 2015–2016 гг.**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: tishina70@mail.ru

В обзоре представлены материалы о выставках, презентациях книг и вечерах Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына за период с сентября 2015 по сентябрь 2016 г. Текст статьи подготовлен на основе репортажей автора, размещенных на сайте ДРЗ.

Ключевые слова: русская эмиграция, выставки в Доме русского зарубежья, презентации в Доме русского зарубежья, вечера в Доме русского зарубежья.

УДК 061.3

Т.Ф. Приходько

Вечера к 100-летию со дня рождения Ю.П. Любимова

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: tamprik@bfrz.ru

В статье представлены темы и участники трех вечеров в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына, посвященных 100-летию со дня рождения выдающегося театрального режиссера, актера, многолетнего руководителя легендарного Театра на Таганке Юрия Петровича Любимова.

Ключевые слова: Ю.П. Любимов, Театр на Таганке, русский театр XX — начала XXI в.

УДК 91

Н.А. Кузнецов

**Дом русского зарубежья в антарктическом походе
океанографического исследовательского
судна «Адмирал Владимирский»**

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: nikita-k1978@yandex.ru

В статье рассказывается об участии представителя Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына в дальнем походе океанографического исследовательского судна Военно-морского флота России «Адмирал Владимирский» к берегам Антарктиды в 2015–2016 гг. Во время похода был проведен ряд памятных мероприятий и встреч с соотечественниками в Республике Сейшельские Острова, Республике Мадагаскар, Республике Мозамбик, Южно-Африканской Республике, Республике Ангола, Португальской Республике.

Ключевые слова: Военно-морской флот, океанографическое исследовательское судно, соотечественники, Дом русского зарубежья, Сейшельские Острова, Мадагаскар, Мозамбик, ЮАР, Ангола, Португалия.

УДК 929+821.16+94

М.А. Васильева

Сопричастность как форма мысли

<Рец.: Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. — София: Солнце, 2015. — 320 с.>

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
E-mail: marijvasil@mail.ru

Автор рецензии разбирает издание, посвященное личным и научным связям П.М. Бицилли с семьей Флоровских в первые годы эмиграции. Отмечаются особенности и принципы издания, вышедшего в Софии. Указывается значение книги в контексте публикаций и архивных разысканий эмигрантоведения последних лет.

Ключевые слова: П.М. Бицилли, Флоровские, научные связи, текстология, археография, научный комментарий, русская эмиграция.

УДК 821.054.7

И.А. Ндяй

«В духе Пушкина...»:

«Варшавский “Домик в Коломне”» Петра Мицнера

<Рец.: Mitzner P. Warszawski «Domek w Kołomnie». — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. — 238 s. — (Biblioteka «WIEZI»; t. 297)>

Польша, Ольштын, Варминско-Мазурский университет
E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

«Варшавский “Домик в Коломне”» — это очередная попытка осмысления польско-русских контактов межвоенного периода. Основываясь на сохранившихся разножанровых документах, польский публицист, критик и переводчик П. Мицнер описывает варшавский круг знакомых и друзей русского публициста. Самого Д. Философова польский исследователь характеризует как наставника Юзефа Чапского, советника маршала Юзефа Пилсудского, внимательного читателя произведений польских писателей — Марии Домбровской, Юлиана Тувима и др.

Ключевые слова: Дмитрий Философов, Петр Мицнер, «Домик в Коломне», первая волна русской эмиграции, эмиграционная публицистика, польско-русские отношения.

УДК 929.55

Д.Н. Шилов

Новый труд о российском некрополе за рубежом

<Рец.: Талалай М.Г. **Российский некрополь в Италии** / под ред. и с доп.

А.А. Шумкова. — М.: Старая Басманная, 2014. — 906 с., LXXX с. цв. ил.

(Российский некрополь; вып. 21)>

Санкт-Петербург, Российская национальная библиотека

E-mail: shildn@mail.ru

Рецензия посвящена обобщающему труду М.Г. Талалай и А.А. Шумкова о российском некрополе в Италии. Рассматриваются основные структурные части издания, источники текста, авторская методика публикации надгробных надписей и сведений о погребенных, отмечается роль издательства «Старая Басманная» в публикации некрополеведческой и генеалогической литературы.

Ключевые слова: российский некрополь, Италия, надгробные надписи, источниковедение, генеалогия.

УДК 821.161.1 Г. Адамович + 82.01/.09

С.Р. Федякин

В ряду русских классиков

Москва, Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына

E-mail: serofed@yandex.ru

Первые тома нового собрания сочинений Георгия Адамовича дают возможность понять как характерные особенности лирики поэта, так и своеобразие его литературно-критических работ. Основополагающий для Адамовича принцип литературного аскетизма ощутим и в отборе стихотворений для итогового сборника, и в стилистике лирики, и в ее идейном содержании, и в том, что поэтическое наследие его невелико. Литературная критика Адамовича, напротив, составляет не один том. Но здесь ему удалось уйти от жестких жанровых канонов. Свободная форма высказывания в сочетании с неповторимой интонацией, поддержанные весомостью суждений, поставили Адамовича в ряд русских классиков XX столетия.

Ключевые слова: Г. Адамович, поэзия, литературная критика, жанр, литературный аскетизм, интонация.

SUMMARY

T.V. Marchenko

**How Geniuses Fail, or Nobel Outsiders sub specie aeternitatis:
Balmont, Berdyaev, Nabokov and others. Chapters from the Monograph
«Russian Literature in the Mirror of the Nobel Prize»**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tvmarch@mail.ru

From the beginning of the XXth century a few outstanding Russian authors were nominated on the Nobel Prize for literature. In our monograph «Russian authors and the Nobel Prize (1901–1955)» (2007) the history of the Nobel Prize awarding and non-awarding to the Russian literati has been examined in regard to the Russian epic tradition with a special emphasis on the Russian émigré authors. However some interesting episodes have been omitted as marginal. The celebrated Russian poet, once the head of the Russian symbolists, Konstantin Bal'mont was nominated for the Nobel Prize for Literature by Romain Rolland in 1923, together with M. Gor'ky and I. Bunin (at the moment all three of them were abroad). The illustrious Russian philosopher Nikolai Berdyaev (who lived in exile in Paris) was nominated for the Nobel Prize for Literature by the Lund professor of philosophy Alf Nyman in the 1940s. The expert reviews about both nominated candidates were written by Anton Carlgren, Copenhagen professor of Slavistics and the famous journalist, an editor of the «Dagens Nyheter» newspaper. His opinion was decisive in the rejection of both candidacies by the Nobel committee. In the 1960s, after the Boris Pasternak Nobel Prize award, Mikhail Sholokhov was considered to be the most likely next laureate (Nobel Prize 1965). Still the nominations of the Russian authors, also of those who lived in exile, continued to come to Stockholm. Curious and instructive stories are related with the names of Vladimir Nabokov and Roman Jakobson. The article is based on archival materials of the Swedish Academy that reveal the details of the backstage stories and highlight the reception of the Russian lyrics, prose, and philosophy in the West.

Keywords: Russian literature of the XXth century, Nobel Prize for literature, Romen Rolland, Konstantin Bal'mont, Nikolaj Berdyaev, Vladimir Nabokov, Roman Jakobson, Anna Akhmatova, reception of Russian poetry of the silver age, reception of Russian philosophy, reception of Nabokov's creativity, Russians in exile, archive of the Swedish Academy, Anton Carlgren.

M.Yu. Sorokina

**Expat N 1017:
Roman Yakobson's Papers in Moscow Archives**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: msorokina61@gmail.com

The article deals with the personal, social and institutional links of the prominent philologist and linguist, expat Roman Yakobson (1896–1982) in the «Russian» period of his life. It introduces new archival documents from the Moscow archives, allowing essentially complete and rethink many episodes of the scholars's biography.

Keywords: Roman Yakobson, Russian scientific diaspora, futurism, Russian avanguard, archives.

N.I. Gerasimov

**Grigori Maximov and History
of the Russian Anarchist Emigration**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: nickgerasimow@yandex.ru

The author of the article analyzes some biographical facts of G.P. Maximov's history of life. The article studies the peculiarities of his activity in the light of Russian anarchist emigration. The Maximov's creative evolution (his version of anarcho-syndicalism, idea of «transition period», social and political views and critics on fashism, bolshevism and national socialism) has been described through the events like Russian Revolution 1917, the Civil War, anarchists in exile, the USA Great Depression, World War II, the Cold War.

The article is accompanied by an application «G.P. Maximov's letters to Emma Goldman (1930–1931)».

Keywords: G.P. Maximov, anarchism, Russian anarchists in exile, history of Russian emigration.

E.V. Krivtsova

**On Sergey Prokofiev's Biography in Exile
(A Letter from Stella Adler to Grigori Schneerson)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: ekriv@yandex.ru

This article as well as the publication of archive material from the The Glinka National Museum Consortium of Musical Culture studies the biography of the great Russian composer

Sergei Prokofiev (1891–1953), particularly the beginning of the foreign period of his life (from 1918 to 1921) and the last years of the composer's life abroad (from 1934 to 1936). «The Love for Three Oranges» — the first Russian opera, created in exile — was finished by Prokofiev in 1919, the same year the composer met aspiring actress Stella Adler in New York.

Keywords: S.S. Prokofiev, Stella Adler, K.S. Stanislavsky, G.M. Schneerson, MORT, Group Theatre, «The Love for Three Oranges», «Overture on Hebrew Themes», New York, Paris.

M.G. Talalay

Villa Gortchakoff in Sorrento, An Exotic Space of the Life of Russians

Milan–Moscow, the Institute of the Universal History of the Russian Academy of Sciences
E-mail: talalaym@mail.ru

The well preserved so called Villa Gortchakoff is still not described in historical terms though it is often mentioned in memories and various essays. Elena Soldatenkova, born Princess Gortchakov (1873–1948) had settled here before the Revolution of 1917. The owner of the Villa, being a generous and cultivated mecenate, had receiving prominent persons from the world of Russian and European culture. After 1917 she had given an asylum for some emigrants including a painter Nadezhda Ljubavina. Rather often an alternative style of the Princess' life was the source of gossips, reflected in the literature. The reconstruction of the history of the Villa and its inhabitants is based on the archives and Italian sources.

Keywords: princes Gortchakov, Moldavian boyards Srurdza, the family Soldatenkova, Sorrento, Villa Gortchakoff, the Russian emigration in Italy.

N.Yu. Masolikova

History of the Russian Pedagogical Community in Great Britain: Nicholas Hans (1888–1969)

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: nmasolikova@mail.ru

The article deals with the personal, social and institutional links of the Russian-British historian of pedagogy and psychology Nicholas Hans (1888–1969). It introduces new biographical documents from the Russian, Ukrainian and British archives, allowing essentially complete and rethink many episodes of scientific biography of academic.

Keywords: N. Hans, social history of psychology, the history of Russian psychology, the history of the Russian pedagogy, the history of comparative pedagogy.

D. Rizzi, M.A. Vasilieva

From the «Italian» Memoirs of Russia Abroad

D. Rizzi

Italy, University of Venice Ca' Foscari

E-mail: darizzi@unive.it

M.A. Vasilieva

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijavid@mail.ru

The article is an introduction to a collection of excerpts from the memoirs written by Russian émigrés in Italy between 1910s — 1960s, which have not been translated into Russian before, while some have never been published at all. The article, among other things, deals with the circumstances that served as a stimulus to writing the memoirs (which is discussed more in detail in the prefaces to each publication) and attempts to categorize them typologically.

Keywords: Russian Emigré community, Russian emigration in Italy, ego-document, autobiography, memoirs, I.A. Kreinert (K. Ketov), O. Resnevich-Signorelli, M.L. Slonim, G.I. Shilyan.

«Among Russian Diplomats».

From the Memoirs of a Russian Correspondent in Rome

The preface, publication and notes by B. Sulpasso

Italy, University of Macerata

E-mail: bianca.sulpasso@unimc.it

The chapter proposed is entitled «Tra i diplomatici russi (Among Russian Diplomats)», from the text, «Tra due dispotismi: al zarismo dallo bolscevismo — 1897–1927» («Between two despotisms: from tsarism to bolshevism — 1897–1927»), written by Ivan Andreevich Krejnert (pseud. Costantino Ketoff; 1880, Saratov — 1948, Rome). Ketoff was Rome correspondent of several Russian newspapers.

The text is full of factual material about the history of the revolutionary movement. The chapter vividly describes Russian emigration, cultural life around the Russian Embassy, the Russian community in Rome. The text is a precious document, not just interesting for historians, but also for literary critics.

Keywords: Russian Emigration, Russian Revolution, Russian Emigré Memoirs, Russian in Italy.

«You Have, Amongst Your Talent for Living, that of Living Amongst Talent»:

From the Memoirs of Olga Resnevic Signorelli

The publication, preface and notes by D. Rizzi

Italy, University of Venice Ca' Foscari

E-mail: darizzi@unive.it

The memoirs of Olga Resnevic Signorelli (1883, Jaunsvirlaukas, Latvia — 1973, Rome), kept in the private archives of her heirs, were written in Italian in the 1960s and first published in 2010 through the editorial work of D. Rizzi. They collect the facts and impressions of the numerous meetings that the author had with the Italian, Russian and European cultural leaders during her lifetime, especially between the two World Wars.

Doctor, journalist, author and translator, Olga Resnevic lived mainly in Rome, Italy from 1904, where she kept an artistic and literary salon gathering the leading intellectuals of the time. In the 1920s, she had frequent dealings with leading Russian émigrés in Italy and in other European countries.

This work is a translation of a number of passages drawn from her writings and devoted to her meetings with Andrej Belyj, Pavel Muratov, Vjaceslav Ivanov, Sergej Djagilev, Praskov'ja Miljutina.

Keywords: Olga Resnevic Signorelli, Russian Emigration in Italy, Russian Emigré Memoirs, Literature and Culture of Russian Post-revolutionary Emigration.

Mark Slonim, and His Published

in Italy Memoirs of the October Revolution

The publication, preparation of the text, preface and notes by C. Cadamagnani

Italy, University of Pisa

E-mail: cinzia.cadamagnani@unipi.it

This article is a short introduction to the Russian partial-translation of Mark L. Slonim's book «The Russian Revolution. Events and experiences» («La rivoluzione russa. Fatti e impressioni»), published in Italy in 1920. The author traces and contextualises the main moments of Slonim's life, from his first stay in Italy in 1911 to his direct involvement in the military operations of the anti-German and the anti-Bolshevik front on the Volga in 1918–1919, which are described in the fragments here presented to the reader.

Keywords: Mark Slonim, October Revolution, Russian Emigration in Italy, Russian Emigré Memoirs, Literature and Culture of Russian Post-revolutionary Emigration.

«My Adventure» by Gregori Sciltian

The introduction, preparation of the text and notes by A. d'Amelia

Italy, Salerno University
E-mail: adamelia@unisa.it

These excerpts from the autobiographical book, «My Adventure», by painter Gregory Sciltian, have dealt with the first part of the painter's life up until February 1942. This date is of fundamental importance as it was on this day that the influential critic Ugo Ojetto praised his work in a review in «Corriere della Sera», and so began Sciltian's period of fame. The leitmotif of the book is Sciltian's decision to come to Italy and become a professional artist. Sciltian had had a difficult and troubled background: he had escaped from Russia during the civil war, but difficulties did not, however, prevent the artist from achieving what he had always dreamt of and had fought long and hard to achieve. «My Adventure» is a multifaceted literary composition in which his personal memories are interwoven with historical events — the Jewish pogroms, the atrocities of the civil war, the difficulties of his life in exile. However, it also contains descriptions and positive comments regarding the cultural life in Vienna, Berlin, Rome and Paris.

Keywords: Autobiography, Painting, Russian emigration, Artistic life of European capitals, Culture in Fascist Italy.

T.V. Marchenko

Polish-Russian Relationship: Aboundless Field for Research and for Scholarly Contacts

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tvmarch@mail.ru

A few materials contributed by Polish authors from the universities of Olsztyn and Siedlce are presented in a short introduction. All papers are focused on the various aspects of the Polish-Russian relationship in the context of Russian expats in Poland. D.V. Filosofov and D.I. Chizhevskij have become the key figures in the published below papers. A selection begins with an article of P. Chrzyszcz: the post-revolutionary events and Russian refugees are seen from «the other shore». The Polish view is far from the Russophilia, but one has to know it for the realistic understanding of the past and the present of the Polish-Russian relationship. On the contrary, in the article of I.A. Ndiaye some myths of the Polish national identity are analyzed with a keen criticism. The contributions of B. Kozak and P. Mnich are dedicated to the perception of personalities and works of Filosofov and Chizhevskij respectively; the articles are based on the Polish sources, new to Russian readers.

Keywords: Russian expatriates in Poland, D.V. Filosofov, D.I. Chizhevskij, perception, Polish national identity, controversy

P. Chrzęszcz

**The Undone Twenty Years.
Dmitry Filosofov's Life in Poland**

Poland, Olsztyn
E-mail: pach.welna@gmail.com

This short essay offers a synthetic glimpse of the emigrant years of Dmitry Filosofov set against the backdrop of the turbulent interwar period in Poland. Those were the years of great expectations and hope, celebrations of independence and national pride — all of it somehow disappointed, undone and ending in another apocalypse. We see parallels between the pervasive atmosphere of that period, the fate of the nation and the life journey of Filosofov. We observe disillusion, bitterness and the sense of impotence against powerful historical dynamics growing in the Russian intellectual and in the nation as a whole in those doomed years.

Keywords: Bolshevik revolution, emigration, Filosofov, interwar years, national minorities, Pilsudski, Poland, Russia

I.A. Ndiaye

**«Detoxification of Polish Soul»
in D. Filosofov's Writings in Exile**

Poland, Olsztyn, University of Warmia and Mazury
E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

The author pays attention to the Polish-Russian literary relations in the interwar period. The subject of critical analysis is D. Filosofov's essays at emigration. Analyzing the life and works of the Polish classics, as well as his role in the literary and historical processes, and comparing this experience with the process of the development of modern Polish literature D. Filosofov forms the thesis of «non idolization» of Polish literature and «detoxification of Polish soul».

Keywords: D. Filosofov, Russian emigration in Poland, Polish-Russian literary relations, emigration essays.

B. Kozak

**«Hardly a Russian»: Dmitry Filosofov
in Notes and Recollections of His Polish Contemporaries**

Poland, Olsztyn, Institute for Eastern Slavonic Studies,
University of Warmia and Mazury
E-mail: barbara.kozak@uwm.edu.pl

Yet before his emigration to Poland in 1920, Dmitry Filosofov had been personally acquainted with some Polish intellectuals, among them with young Józef Czapski. It was Czapski who introduced Filosofov to the cultural elite of Warsaw. There he has met Maria Dąbrowska, Stanisław Stempowski, Jerzy Giedroyc, Witkacy — who painted his portrait, Zofia Nałkowska's sister — who sculpted his bust. With some of them Filosofov has maintained long and enduring relationships. Going far beyond conventional social relations, Filosofov has taken an active interest in the cultural, social and political life of interwar Poland. He has commented on academic research, literary texts and stage plays. He has also been involved in the wide discourse on the plight of national minorities in Poland. In this article we review the remarks and recollections on Filosofov by some of the most prominent personalities of the period. We also take note of the estrangement and sadness of his last years in Poland.

Keywords: Dmitry Filosofov, Russian emigration, interwar Poland, Maria Dąbrowska, Józef Czapski, recollections, memoirs, cultural elite of interwar Poland

R. Mnich

**Poland and Poles
in Dmitriy Tschizewski's Life and Academic Activities**

Poland, Siedlce, Institute of Neo-philology and Interdisciplinary Studies
of Siedlce University of Natural Sciences and Humanities
E-mail: mnichrw@yahoo.de

The article deals with the issues connected with the presence of Poland and Poles in the life and academic works of Dmitriy Tschizewski (1894–1977), a renowned philosopher and Slavist. The author takes into consideration three aspects of the issue: 1) biographical aspect: D. Tschizewski escaped from Bolsheviks to Western Europe through Poland, among his friends and acquaintances there were many Poles, with whom Tschizewski kept close academic and personal relations; 2) academic aspect, which reflects Tschizewski's academic attitude towards Poland, Polish culture, and Polish literature (numerous works by Tschizewski, devoted to Polish Baroque culture and literature as well as Adam Mickiewicz; numerous articles, in which his attitude to Polish philosophy and aesthetics is reflected; 3) aspect of reception, which reflects the attitude of Poles to Tschizewski: the first comments about Tschizewski's works in Poland, remarks of prominent Polish writers and philosophers

about the scholar and his works, and, finally, contemporary assessment of Tschizewski's intellectual heritage in Poland.

Keywords: D. Tschizewski, Poland, Polish culture, Polish literature.

D.P. Sviatopolk-Mirskii

The Place of Dostoevskii in Russian Literature

*Translated by K. Subotova. Edited with notes by M.C. Ghidini,
M.V. Efimov, O.A. Korostelev. The foreword by M.V. Efimov*

K. Subotova

Parma, B.A. (Università degli Studi di Siena, Università degli Studi di Parma)

E-mail: karina.subotova@inbox.lv

M.C. Ghidini

Parma, Università degli Studi di Parma

E-mail: mariacandida.ghidini@unipr.it

M.V. Efimov

Vyborg, The State Vyborg united museum-reserve

E-mail: mikhail.v.efimov@gmail.com

O.A. Korostelev

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: okorostelev@mail.ru

The present publication introduces for the first time an article of 1931 in Italian by D.P. Sviatopolk-Mirskii (Prince D.S. Mirsky, 1890–1939), the literary critic and historian of literature. Apart from its importance in illustrating the contemporary state of Dostoevsky studies in Russia and the West, the article offers valuable testimony concerning the development of Sviatopolk-Mirskii's political and social views and contacts between Russian émigré and Italian intellectuals in this period. It has not previously been translated to Russian or any other language.

Keywords: Sviatopolk-Mirskii, Dostoevskii, Apollon Grigoriev, intelligentsia, Russian literature, Italy

«We Know You are Not Fleet of Foot...»:

P.N. Milyukov's Letters to I.A. Bunin, 1921–1937

The publication, preparation of the text, introduction and comments

by A.V. Bakuntsev

Moscow, Lomonosov Moscow State University

E-mail: auctor@list.ru

P.N. Milyukov's letters to I.A. Bunin stored as a part of the writer's collection in the Leeds Russian Archive (LRA) make up the body of this publication. This epistolary body is augmented by Milyukov's open letter concerning Bunin's refusal to collaborate in the Directorate of the Union of Russian Writers and Journalists in Paris. The letter was originally published in the emigrant periodicals in 1921. The Appendix of the publication contains the bibliography of clippings from the emigrant newspapers dating to 1920–1930ies, stored in the personal fund dedicated to Milyukov in the State Archive of the Russian Federation (GARF), and represent both literary and journalistic speeches of Bunin in printed form together with a variety of critical, biographical and information material dedicated to him.

Keywords: P.N. Milyukov, I.A. Bunin, «Zveno», «Posledniye Novosti», letters, political views, partnership, disputes.

«We Live on Different Planets»:

M.E. Yampolskaya's Letters to M.M. Karpovich (1923–1936)

The publication, introduction and comments by M.M. Gorinov-jr., M.Yu. Sorokina.

Preparation of the text by M.M. Gorinov-jr.

M.M. Gorinov-jr.

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: mihail_gorinov@mail.ru

M.Yu. Sorokina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The publication of the correspondence of Maria Yampolsky to her son historian Michael Karpovitch (USA) for the period of 1923–1936. Located at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, Moscow.

Keywords: Michael Karpovirch, Igor Terentiv, Russian avant-garde, Russia Abroad, Russian emigration.

«I Know You Like the Ancient Pskov»:

Leonid Zourov and Vladimir Malyshev Correspondence (1957–1971)

The reface, preparation of the text for publication and comments by A.M. Lyubomudrov

Saint Petersburg, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom)
of the Russian Academy of Sciences
E-mail: anketaspb@yandex.ru

For the first time a complete correspondence between the writer of the Russian Diaspora Leonid Zourov (1902–1971) and a famous archaeographer Vladimir Malyshev (1910–1976), the founder of the of ancient manuscripts collection of Pushkinskij Dom, is introduced into a scientific circulation. The letters of the period 1957–1971 are kept both in the funds of Pushkinskij Dom (Saint Petersburg) and the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad (Moscow). These documents reveal a community interest to Old Russian culture, architectural monuments of Pskov, Izborsk and Pechersky monastery, as well as unity of their views on preservation of historical monuments of culture. They also allow to clarify the history of L.Zourov's archaeological expeditions to the Baltic States in the 1930th years, details of his biography and a circle of his personal contacts.

Keywords: Leonid Zourov, V.I. Malyshev, correspondence, Russian emigration, Russian literature, Pskovo-Pecherskij monastery, Pskov, Izborsk, Old-Russian culture.

«Can't See Anybody, Except You!»:

S.Yu. Pregel and G.A. Homjakow Correspondence, 1961–1972

*The publication, preparation of the text, introduction and comments
by P. Tribunskii and V. Khazan*

P.A. Tribunskii
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: pt2140@yandex.ru

V. Khazan
Jerusalem, The Hebrew University of Jerusalem
E-mail: vladimirkhazan6@gmail.com

The above published correspondence between poet, publisher, benefactor and public activist Sofia Yulievna Pregel (1896/97–1972) and writer and publisher Gennadii Andreevich Homjakow (aka Andreev; ?–1984) deals with two major topics — publication of serials «Mosty» (1960s) and Russian Literature Book Fair (Paris, 1972). Despite of clarifying biographical data of both persons the correspondence reveals the process of interactions of two ways of émigré, in which «Mosty» played a prominent role.

Keywords: S.Yu. Pregel, G.A. Homjakow (Andreev), correspondence, magazine «Mosty».

Georges Florovsky Letters to Alexis Klimoff (1966–1975)

Preface by A.E. Klimoff. Edited by A.E. Klimoff and O.T. Ermishin

A.E. Klimoff

Poughkeepsie, NY, Vassar College

E-mail: klimoff@vassar.edu

O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

The publication consists of letters from Fr. Georges Florovsky to Alexis Klimoff. Florovsky reflects on Russian religious culture, Church life, theology and philosophy, offering opinions on a number of Russian thinkers from the early 20th century, including Viacheslav Ivanov, Fr. Pavel Florensky, Vladimir Ern and some others. The letters give an idea of Florovsky's views in the latter part of his life as well as of his research and his publication plans.

Keywords: Russian philosophy, theology, Christian culture, Church history, Russian emigration.

G.V. Florovsky's Letter

to A.V. Florovsky about a Journey to Greece in 1959

The preface, preparation of the text and comments by O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

The first time published G.V. Florovsky's letter to his brother A.V. Florovsky is telling about the journey to Greece in 1959. In this letter eldest brother describes his impressions about Greece and awarding of the academic degree «honourable doctor of theology» to him. In preface the author considers Florovsky's attitude towards the Byzantine theological heritage and general contents of his report about St. Gregory Palamas on symposium in Thessaloniki.

Keywords: Greece, Byzantium, theology, neopatristic synthesis, patristical heritage, Christian philosophy.

T.V. Marchenko

Baroque Collision of Fate: Rurik Pavlovitch von Kotzebue:

Papers in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: tvmarch@mail.ru

A personal archive of small account acquired by the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad from Madrid allows to follow the vicissitudes of one émigré life. A descendant of the legendary Sid (in the clouds) and of the extensive Kotzebue family, German

and Greek by birth, Orthodox by religion, a lawyer by education, a Russian nationalistic patriot by conviction, translator and researcher of Pushkin, head of a Russian choir, he has established Russian language teaching in Spain... it is a baroque novel, isn't it?

Keywords: personal archive, the history of Russian emigration, family chronicles, Switzerland, Spain, Russian nationalism, Russian language teaching

O.K. Zemlyakova, V.V. Leonidov

**«Captured by Beauty...» Ivan Aivazovsky and His Grandchildren
(Collection of «Motherland» Society from Russian Cultural Foundation)**

O.K. Zemlyakova

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

V.V. Leonidov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: viktor-leonidov@yandex.ru

The article is devoted to memorabilia kept in the collection of the cultural and educational society «Motherland» which for many years were kept in the USA. We speak of pictorial and memoir sources connected with the name of the great Russian painter I.K. Aivazovsky (1817–1900) and his grandchildren, the painter A.V. Ganzen (1876–1937) and the officer A.P. Aivazovsky (Latri) (1883–1958).

The «Motherland» society is one of the most known Centres of the Russian emigration organized by Russian emigrants in 1953. The society organized a museum, its collection was transferred to the Russian Cultural Foundation in 2000. It contained several miniature paintings created by I.K. Aivazovsky as well as a collection of the works of A.V. Ganzen, one of the most well-known Russian marine painters of the XX century. Some of them are published in the article for the first time.

The «Motherland» collection also included a set of the «Marine notes» magazine published in New York. There in 1949–1950 the memoirs of Alexander Aivazovsky (Latri) «From remote past» were published. These are also discussed in the article.

Keywords: I.K. Aivazovsky, A.V. Ganzen, A.P. Aivazovsky (Latri), the «Motherland» society (USA), «Marine notes», painters of Russian emigration, Russian Cultural Foundation.

I.P. Miroshnikova

**Rear-admiral S.V. Evdokimov: History of a Letter
(According to the Museum and Archival Funds
of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: muzey_irina@mail.ru

In the archives of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad is kept a collection of S.V. Evdokimov (1878–1960), a Russian rear-admiral, participant of the Russo-Japanese war, the First World War and Civil war.

S.V. Evdokimov is a torpedo officer, participant of the Battle of Tsushima, captain 2nd rank, knight of the Order of St. George, rear-admiral.

Evdokimov's statement of service, honours and badges, biographical material, photographs, documents and copybooks with fascinating memories of his childhood, study in the Sea Cadet Corps, events of the Russo-Japanese war and the Great Patriotic War, evacuation and emigrant's life are represented in the collection.

Keywords: S.V. Evdokimov, rear-admiral, Russo-Japanese war, torpedo officer, Tsushima, captain 2nd rank, Sea Cadet Corps.

**«Russian Emigration to Czechoslovakia:
Biographical Lexicon»: Supplements**

Edited by M. Sorokina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

The publication of the archival supplements to the biographical dictionary of the Russian emigration to Czechoslovakia of the interwar period — the CVs of the Russian jurists, compiled on the basis of documents from the Russian, Ukrainian, and Estonian archives.

Keywords: Russian emigration, biographical dictionary, the history of law, Russian foreign countries, the history of science.

O.T. Ermishin, K.B. Ermishina

**N.S. Troubetskoy — Linguist, Historian of Culture,
Founder of Eurasianism**

Anniversary Conference

Moscow, 20 april 2015

O.T. Ermishin

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

K.B. Ermishina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: rfm@bfrz.ru

The review includes short essay of N.S. Trubetskoy's life and scholarly heritage, general contents of reports at the anniversary conference in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad.

Keywords: Russian emigration, linguistics, eurasianism, history of literature, historiography.

N.A. Ekhina

**Historical and Educational Project
«Russia Abroad: Museum Ring»**

Moscow. 2015–2016

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: natalia_ekchina@mail.ru

Review of the new historical and educational project «Russia Abroad: Museum Ring», conducted by the weblog «Museum-mania» and the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, and its presentations in 2015–2016.

Keywords: project, presentation, weblog «Museum-mania», Russia abroad, museums.

M.Yu. Sorokina, K.K. Semenov

**International Scientific Conferences
«Russian Emigration Against Nazism»
and «Russians in the European Resistance»**

M.Yu. Sorokina

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: msorokina61@gmail.com

K.K. Semenov

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Center for Studies of Russia Abroad

E-mail: ksemenov.mh@gmail.com

An overview of the International conferences dealing with the fight of the Russian emigration against fascism and its participation in the European Resistance Movement during the World War II.

Keywords: Russian emigration, antifascist fight, Resistance, Second World War.

T.V. Marchenko

**«Through My Words I Reclaim Russia, I See My Homeland, I Hear It...»:
A Historical and Documentary Exhibition
and a Round Table Discussion Devoted to Ivan S. Shmelev**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: tvmarch@mail.ru

Tatiana Marchenko, an author and organizer of the documentary exhibition and of a round table dedicated to Ivan Shmelev talks about these events, carried through the donation of the archive of the outstanding Russian émigré author to the Alexander Solzhenitsyn Cultural Centre of Russia Abroad by the Russian Cultural Foundation.

Keywords: historical and documentary exhibition, Ivan Shmelev archive, Shmelev studies, Moscow text.

T.V. Marchenko

**Walking on Fire, or Art in the Interpretation
of Russian Literature (Translations and Studies)**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tvmarch@mail.ru

A draft review of the first international meeting of researchers and translators of Russian literature in exile, as well as of contemporary authors living outside Russia and writing in Russian.

Keywords: Russian émigre literature, problems of literary translation and interpretation.

T.V. Victoroff, S.N. Dubrovina

**Exhibition and Conference «Oeuvre of Michel Vinaver:
Between France, America, and Russia»**

T.V. Victoroff
France, University of Strasbourg
E-mail: tatiana.victoroff@gmail.com

S.N. Dubrovina
Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: svetlana.dubrovina@bfrz.ru

The article is concerned to the exhibition and the conference, which have been opened in October 2015 at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad and were prepared with the University of Strasbourg. Michel Vinaver is one of the most considerable dramatists of the modern France, he was written his first play in 1956th. He is very little known in Russia while he is descended from the Russian Émigré family: his grandfather is Maksim Vinaver, well-known political figure of Russia before Revolution, deputy of the First State Duma. The father of the dramatist is Lev Grinberg, antiquarian, who returned many works of art from the emigration to the Soviet Museums.

Keywords: Michel Vinaver, Russian Émigré Literature and History, France Literature, Drama of XX century.

I.N. Tishyna

**The Review of Exhibitions, Book's Presentations
and Other Events of the Alexander Solzhenitsyn Centre
for Studies of Russia Abroad in 2015–2016**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tishina70@mail.ru

The article presents information about exhibitions, book's presentations and other events of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad. These materials are based on the reviews of author published at the internet-site.

Keywords: Russian Émigré, exhibitions, presentations, events, the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad.

T.F. Prikhodko

**Youri Liubimov Commemoration Meetings
at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad:
Centenary of the Birth**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: tamprik@bfrz.ru

The article presents the subjects and the participants of the three Youri Liubimov commemoration meetings at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad timed to 100 years from the birthday of a master. Youri Liubimov is a remarkable theater producer, an actor who was a leader of the famous Teatr na Taganke in Moscow in the course of many years.

Keywords: Y. Liubimov, Teatr na Taganke (Moscow), Russian theatre of XX — XXI centuries.

N.A. Kuznetsov

**The Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
in the Antarctic Expedition of the Oceanographic Research Vessel
«Admiral Vladimirsky»**

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: nikita-k1978@yandex.ru

The article deals with the participation of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad representative in the voyage of the oceanographic research vessel «Admiral

Vladimirsky» to Antarctica in 2015–2016. It observes series of cultural events and meetings with compatriots in the Republic of Seychelles, the Republic of Madagascar, the Republic of Mozambique, South Africa, the Republic of Angola, the Republic of Portugal.

Keywords: navy, oceanographic research vessel, compatriots, the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad, the Seychelles, Madagascar, Mozambique, South Africa, Angola, Portugal.

M.A. Vasilieva

Communion as a Thought Form

<Galcheva T.N., Golubovich I.V. «Gradually I Adapt to “independent circumstances”».

P.M. Bitsilli and Florovsky Family in the First Years of Emigration.

— Sofia: Solntze, 2015. — 320 p.>

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad

E-mail: marijavasil@mail.ru

The reviewer sorts the edition devoted to personal contact and scientific ties between P.M. Bitsilli and Florovsky family in the first years of emigration. Features and the principles of the book which has been published in Sofia are noted. Value of the edition in the context of publications and archival investigations of the diaspora studies of the last years is specified.

Keywords: P.M. Bitsilli, Florovsky, scientific ties, textual criticism, archaeography, scientific comment, Russian emigration.

I.A. Ndiaye

«A la Pushkin...»

«Warsaw “The Little House in Kolomna”» of Peter Mitzner

<Mitzner P. Warszawski «Domek w Kołomnie». — Warszawa: Wydawnictwo

Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. — 238 s.

(Biblioteka «WIEŹI»; t. 297)>

Poland, Olsztyn, University of Warmia and Mazury

E-mail: anna.ndiaye@uwm.edu.pl

«Warsaw House in Kolomna» is another attempt to interpret the Polish-Russian contacts in the interwar period. Based on the surviving documents of different genres, Polish writer, critic and translator P. Mitsner describes Warsaw circle of acquaintances and friends of Russian journalist. D. Filosofova himself Polish researcher describes as Józef Czapski mentor, advisor of Marshal Jozef Pilsudski, the attentive reader of works of Polish writers — Mary Dombrowski Julian Tuwim and others.

Keywords: Dmitry Filosofov, Peter Mitzner, House in Kolomna, the first wave of Russian emigration, emigration journalism, Polish-Russian relations

D.N. Shilov

New Book on the Russian Necropolis Abroad

<Talalay M.G. **The Russian Necropolis in Italy** / ed. by A.A. Shumkov. — Moscow: Old Basmannaya, 2014. — 906 p., LXXX p.: ill. — (Russian Necropolis; vol. 21)>

Saint Petersburg, National Library of Russia
E-mail: shildn@mail.ru

The review is devoted to summarizing work of M.G. Talalay and A.A. Shumkov about the Russian necropolis in Italy. The author of the review considers the structural part of the book, the sources of the text, the author's method of publishing gravestone inscriptions and information about the deceaseds, emphasizes the role of the publishing house «Old Basmannaya» in publication of literature on necropolis and genealogy.

Keywords: Russian necropolis, Italy, tombstone inscriptions, sources studies, genealogy.

S.R. Fedyakin

Within Russian Classics

Moscow, Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad
E-mail: serofed@yandex.ru

In the first volumes of Georgiy Adamovich's collected works we can get impression of the particular features of his lyrics and literary criticism. Literary asceticism distinguishes his style. This literary asceticism influence on his stylistics, the ideas of the poems. His poetic heritage is not big. On the contrary, Adamovich's critical works made up several volumes. At this side he could leave behind the strict limits of genre. Free form of his expression and his inimitable intonation makes Adamovich one of the russian classics of XX century.

Keywords: G. Adamovich, poetry, literary critics, genre, literary asceticism, intonation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Д'Амелия (d'Amelia) Антонелла,

эмерит-профессор русского языка и русской литературы Университета Салерно (Università degli Studi di Salerno);

научные интересы: русская литература XIX–XX вв., взаимоотношения литературы и искусства, русское зарубежье XX в.

Università degli Studi di Salerno

84084 Fisciano (SA), Via Giovanni Paolo, II

adamelia@unisa.it

Байссвенгер (Beisswenger) Мартин,

доктор философии (PhD), доцент Школы исторических наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), факультет гуманитарных наук;

научные интересы: русская и европейская интеллектуальная история, история российской эмиграции, русская религиозная философия, евразийство.

105066 Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, стр. 3

martin.beisswenger@gmail.com; mbeisswenger@hse.ru

Бакунцев Антон Владимирович,

кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, факультет журналистики, кафедра редакционно-издательского дела и информатики;

научные интересы: история печати Белого движения, история литературы и журналистики русского зарубежья, биография и творчество И.А. Бунина.

125009, Москва, ул. Моховая, д. 9

auctor@list.ru

Васильева Мария Анатольевна,

кандидат филологических наук, ученый секретарь Дома русского зарубежья им. А. Солженицына; основатель и ответственный соредактор научной серии «Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына: Материалы и исследования», член редколлегии научной серии ДРЗ «Ex Cathedra»;

научные интересы: литературоведение русского зарубежья, творчество младоэмигрантов первой волны русской эмиграции.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

marijasil@mail.ru

Викторова Татьяна Владимировна,

кандидат филологических наук, профессор Страсбургского университета (Université de Strasbourg), член Института сравнительного изучения западноевропейских литератур, секретарь журнала «Вестник русского христианского движения» (Париж; Нью-Йорк; Москва);

научные интересы: история русской литературной эмиграции; жанр мистерии в средневековой и современной западной и русской литературе; поэзия русского Серебряного века в контексте европейской поэзии.

Université de Strasbourg
67081 Strasbourg, 4 Rue Blaise Pascal
tatiana.victoroff@gmail.com

Герасимов Николай Игоревич,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история анархистской эмиграции, история русской философии, социальная философия русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
nickgerasimow@yandex.ru

Гидини Мария Кандида,

профессор, доктор, заведующая кафедрой русского языка и литературы Пармского государственного университета;

научные интересы: Серебрянный век, Достоевский.

Università degli Studi di Parma
43100 PARMA, Italy, viale San Michele, 9
mariacandida.ghidini@unipr.it

Горинов-младший Михаил Михайлович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история России XIX — начала XX в.; Михаил Михайлович Карпович: научное и эпистолярное наследие; государственная и общественная деятельность графа Н.П. Игнатьева (1879–1908); Игнатьевы в эмиграции; российское медицинское зарубежье; русская эмиграция в Югославии и Чехословакии; историческое краеведение российского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
info@bfrz.ru; mihaail_gorinov@mail.ru

Дубровина Светлана Николаевна,

кандидат филологических наук, заведующая отделом по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: литература русского зарубежья, французская драматургия XX в.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
rfm@bfrz.ru

Ермишин Олег Тимофеевич,

доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, религиозно-философская мысль русской эмиграции 1920–30-х гг., научное наследие В.В. Зеньковского.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
rfm@bfrz.ru

Ермишина Ксения Борисовна,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской философии, история евразийского движения.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
rfm@bfrz.ru

Ефимов Михаил Витальевич,

соискатель ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом), старший научный сотрудник ГБУК ЛО «Выборгский объединенный музей-заповедник»;

научные интересы: Д.П. Святополк-Мирский и его наследие; литературная критика русского зарубежья; история русской филологии XX в.; русско-английские культурные связи XIX–XX вв.; творчество В.В. Набокова; история русской музыки; род баронов Мейендорфов в истории России; история Выборга; история имения Монрепо.

188800, Ленинградская область, г. Выборг, Замковый остров, д. 1
vyborgcastle@yandex.ru; info@vyborgmuseum.org; mikhail.v.efimov@gmail.com

Ёхина Наталья Александровна,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российской эмиграции, феномен возвращенчества в истории России XX в.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
natalia_ekhina@mail.ru

Землякова Ольга Кузьминична,

главный хранитель Российского фонда культуры;

научные интересы: искусствоведение русского зарубежья.

119019, Москва, ул. Гоголевский бульвар, д. 6
viktor-leonidov@yandex.ru

Кадаманьяни (Cadamagnani) Чинция,

младший научный сотрудник, кафедра русского языка и литературы, Пизанский университет (Università degli Studi di Pisa);

научные интересы: русская литература XIX в., русское зарубежье, русская литературная критика первой половины XX в.

Università degli Studi di Pisa
56126 Pisa, Piazza Torricelli, 2
cinzia.cadamagnani@unipi.it

Климов Алексей Евгеньевич,

доктор (PhD), эмерит-профессор русистики;

научные интересы: русская литература XIX–XX вв.

klimoff@vassar.edu

Козак Барбара Владимировна,

кандидат гуманитарных наук; директор Института восточного славяноведения Варминско-Мазурского университета;

научные интересы: древнерусская литература, прежде всего личность и творчество Симеона Полоцкого и вопросы польско-русского пограничья, когнитивная лингвистика и ее применение в исследовании древних текстов, проблемы языковой личности, русская культура и литература новейшего времени, межкультурные связи в области литературы и искусства, русское зарубежье.

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej

10725, Olsztyn, Polska, ul. K. Obitza, 1

barbara.kozak@uwm.edu.pl

Коростелев Олег Анатольевич,

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, заведующий отделом истории литературы и печатного дела научно-исследовательского центра; историк литературы, архивист, библиограф, специалист по русскому зарубежью, составитель и редактор десятков томов историко-архивных альманахов, сборников и научных изданий, автор более 200 статей и архивных публикаций в научной периодике, посвященных русской литературе и истории XX в.

научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

okorostelev@mail.ru

Кривцова Елена Владимировна,

старший научный сотрудник отдела культуры российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история отечественной музыкальной культуры первой половины XX в.; жизнь и творчество С.С. Прокофьева и Д.Д. Шостаковича.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

ekriv@yandex.ru

Кузнецов Никита Анатольевич,

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела военно-исторического наследия Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история Российского флота конца XIX — середины XX вв., участие моряков в Белом движении; Русское Морское Зарубежье, история исследования и освоения Арктики и Антарктики, история ледокольного флота России и СССР.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nikita-k1978@yandex.ru

Леонидов Виктор Владимирович,

кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью, главный библиограф Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история культуры русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

viktor-leonidov@yandex.ru

Любомудров Алексей Маркович,

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела Новой русской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН;

научные интересы: литература русского зарубежья; христианство и художественное творчество; лексикография писателей XX в.

199034, Санкт-Петербург, наб. Адмирала Макарова, д. 4

anketaspb@yandex.ru

Марченко Татьяна Вячеславовна,

доктор филологических наук, заведующая отделом культуры Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история русской литературы XIX–XX вв., литература русского зарубежья, поэтика художественной прозы, творчество Бунина, Шмелева, Осоргина, литературные музеи России, история присуждения Нобелевской премии русским писателям (по архивным материалам), парижский текст русского зарубежья.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

tvmarch27@gmail.com

Масоликова Наталья Юрьевна,

старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского научного зарубежья; история психологии; некрополистика.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

nmasolikova@gmail.com

Мирошникова Ирина Павловна,

ведущий научный сотрудник отдела музейного и архивного хранения Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: орденские знаки и награды Российской империи, предметы военного быта периода Первой мировой войны, история декоративно-прикладного искусства, история русского усадебного интерьера XIX в., музееведение.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

muzey_irina@mail.ru

Мних Роман Владимирович,

доктор филологических наук, профессор, вице-директор Института неофилологии и междисциплинарных исследований, заведующий кафедрой антропологии художественного произведения и германистики Естественного-гуманитарного университета г. Седльце (Польша);

научные интересы: философия и поэтика символа, герменевтика, еврейство Галиции, творчество Эрнста Кассирера, Дмитрия Чижевского, Анны Ахматовой, Бруно Шульца, Ивана Франко.

Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach

08110 Siedlce, Polska, Wydział Humanistyczny, ul. Żytnia, 39

neofil@uph.edu.pl

Москвин Виктор Александрович,

кандидат исторических наук, директор Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;
научные интересы: русское зарубежье.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
rfm@bfrz.ru

Ндяй (Ndiaye) Ивона Анна,

доктор гуманитарных наук, профессор Института восточного славяноведения Варминско-Мазурского университета;

научные интересы: русская эмиграция, визуальная поэзия, межкультурная коммуникация, юридический и литературный перевод.

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej
10-725, Olsztyn, Polska, ul. K. Obitza, 1
anna.ndiaye@uwm.edu.pl

Нива (Nivat) Жорж,

французский славист, культуролог, литературный переводчик, профессор Женевского университета (1972–2000), директор Европейского института Женевского университета (1998–2000), почетный профессор ряда европейских университетов; автор многих научных работ, в том числе об истории русского символизма, российского инакомыслия, о жизни и творчестве Александра Солженицына.

научные интересы: литературоведение, славистика.

Université de Genève
1211, Switzerland, Geneva, rue du Général-Dufour, 24

Приходько Тамара Феодосьевна,

сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына, член Союза журналистов России и Международной федерации журналистов.

научные интересы: СМИ русского зарубежья

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2

Рицци (Rizzi) Даниела,

профессор, заведующая кафедрой русского языка и литературы Университета Ка Фоскари (Università di Venezia Ca' Foscari);

научные интересы: русская литература конца XIX — начала XX в.; русско-итальянские культурные связи; творчество О. Мандельштама.

Università di Venezia Ca' Foscari
3199-30123 Venezia (Italy) Dorsoduro
darizzi@unive.it

Семенов Константин Константинович,

старший научный сотрудник отдела истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: военная эмиграция, коллаборационизм, Гражданская война в Испании, Вторая мировая война.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
ksemenov.mh@gmail.com

Сорокина Марина Юрьевна,

кандидат исторических наук, заведующая отделом истории российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история российского зарубежья, социальная история науки, в том числе научного зарубежья, некрополистика российского зарубежья, архивы зарубежья, история Второй мировой войны.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
msorokina61@gmail.com

Сулъпассо (Sulpasso) Бьянка,

профессор, заведующая кафедрой русского языка и русской культуры Университета Мачераты (Università degli Studi di Macerata);

научные интересы: русская литература XVIII в., Серебряный век, русское зарубежье.

Università degli Studi di Macerata
62100 Macerata, Via Illuminati, 4
bianca.sulpasso@unimc.it

Талалай Михаил Григорьевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник и представитель в Италии Института всеобщей истории РАН;

научные интересы: русское присутствие в Италии.

119334, Москва, Ленинский пр., д. 32
talalaym@mail.ru

Тишина Ирина Николаевна,

член Союза писателей России, член Союза литераторов России, сотрудник отдела по развитию и связям с общественностью Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: культурное наследие русской эмиграции первой половины XX в., тургеневедение.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
tishina70@mail.ru

Трибунский Павел Александрович,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: история науки, история российского либерализма, архивное наследие ученых, издательское дело.

109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
pt2140@yandex.ru

Федякин Сергей Романович,

кандидат филологических наук, доцент Литературного института им. А.М. Горького, кафедра новейшей литературы; ведущий научный сотрудник отдела литературы и печатного дела российского зарубежья Дома русского зарубежья им. А. Солженицына;

научные интересы: русская литература, русское зарубежье, русская музыка.

Литературный институт им. А.М. Горького
123104, Москва, ул. Тверской бульвар, д. 25;
Дом русского зарубежья им. А. Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
serofed@yandex.ru

Хазан Владимир Ильич,

профессор (PhD) Еврейского университета в Иерусалиме (The Hebrew University of Jerusalem), кафедра немецких, русских и восточно-европейских исследований;

научные интересы: история русской литературы XX в.; история эмигрантской литературы; русско-еврейский культурный диалог.

Dept. of German, Russian and East European Studies, The Hebrew University of Jerusalem, Mount Scopus

91905, Jerusalem, Israel

vladimirkhazan6@gmail.com

Хжонщ (Chrząszcz) Павел,

магистр;

научные интересы: история идеи, философия политики, поп-культура.

10685, Olsztyn, Polska, ul. Barcza, 38/3

pach.welna@gmail.com

Шилов Денис Николаевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела библиографии и краеведения Российской национальной библиотеки;

научные интересы: история государственных учреждений Российской империи, российский некрополь, биографика государственных деятелей России.

191069, Санкт-Петербург, ул. Садовая, д. 18

shildn@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПАМЯТИ НИКИТЫ АЛЕКСЕЕВИЧА СТРУВЕ

<i>В.А. Москвин.</i> Памяти Никиты Струве (1931–2016)	7
<i>Ж. Нива.</i> Вильбон-сюр-Иветт, или «Укрывище» русской культуры во Франции и французской культуры в России.	10
<i>Н. Струве.</i> Пушкин: русский Моцарт?	12

СТАТЬИ. ИССЛЕДОВАНИЯ. МАТЕРИАЛЫ

<i>Т.В. Марченко.</i> Как проваливаются гении, или Нобелевские маргиналы <i>sub specie aeternitatis</i> : Бальмонт, Бердяев, Набоков и другие. Главы из книги «Русская литература в зеркале Нобелевской премии»	19
<i>М.Ю. Сорокина.</i> Эмигрант № 1017: Роман Якобсон в московских архивах.	73
<i>Н.И. Герасимов.</i> Г.П. Максимов и история русской анархистской эмиграции.	93
<i>Е.В. Кривцова.</i> К биографии Сергея Прокофьева в эмиграции (Неизвестное письмо Стеллы Адлер Григорию Шнеерсону)	120
<i>М.Г. Талалай.</i> Вилла Горчакофф в Сорренто — экзотический очаг русской жизни...	138
<i>Н.Ю. Масоликова.</i> К истории российского педагогического зарубежья в Великобритании: Николай Адольфович Ганс (1888–1969).	153

РУССКАЯ ИТАЛИЯ: МЕМУАРЫ

<i>Д. Рицци, М.А. Васильева.</i> Из «итальянской» мемуаристики русского зарубежья	167
«Среди русских дипломатов». Из воспоминаний русского корреспондента в Риме. <i>Вступительная статья, публикация и комментарии Б. Сульпассо</i>	176
«Среди ваших талантов умения жить есть талант умения жить среди талантов»: Мемуарные очерки Ольги Ресневич-Синьорелли. <i>Предисловие, публикация и примечания Д. Рицци</i>	208

Марк Слоним и опубликованные в Италии мемуары об Октябрьской революции. <i>Предисловие, подготовка текста и комментарии Ч. Кадамьяни</i>	240
«Мои приключения» Григория Шилтяна. <i>Предисловие, подготовка текста и комментарии А. д'Амелии</i>	269

ПОЛЬША В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ ЭМИГРАНТОВ

Т.В. Марченко. Польско-русские связи: безграничное поле для исследований и для научных контактов.	299
П. Хжонц. Несбывшиеся двадцать лет. Польские годы Дмитрия Философова. . . .	304
И.А. Ндай. «Дезинтоксикация польской души» в эмигрантской публицистике Д. Философова	315
Б. Козак. «Wcale nie rosjanin»: Дмитрий Философов в воспоминаниях польских культурных деятелей	324
Р. Мних. Польша и поляки в жизни и творчестве Дмитрия Чижевского.	336

ПУБЛИКАЦИИ

Д.П. Святополк-Мирский. Место Достоевского в русской литературе. <i>Перевод с итальянского К. Суботовой, публикация, редакция перевода, комментарии М.К. Гидини, О.А. Коростелева и М.В. Ефимова, вступительная заметка М.В. Ефимова</i>	351
«Знаем, что на подъем Вы не очень легки...» Письма П.Н. Милюкова к И.А. Бунину, 1921–1937 гг. <i>Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии А.В. Бакунцева</i>	376
«Мы люди разных миров»: Письма М.Е. Ямпольской М.М. Карповичу (1923–1936 гг.). <i>Публикация, вступительная статья и комментарии М.М. Горинова-мл., М.Ю. Сорокиной. Подготовка текста М.М. Горинова-мл.</i>	406
«Знаю, что Вы любите древний Псков»: Переписка Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева (1957–1971). <i>Предисловие, подготовка текста и комментарии А.М. Любомудрова</i>	441
«Кроме Вас, не вижу никого!» Переписка С.Ю. Прегель с Г.А. Хомяковым, 1961–1972 гг. <i>Публикация, подготовка текста, вступительная статья и комментарии П. Трибунского и В. Хазана</i>	518
Письма Г.В. Флоровского А.Е. Климову (1966–1975). <i>Предисловие А.Е. Климова. Подготовка текста, комментарии А.Е. Климова и О.Т. Ермишина</i>	581

Письмо Г.В. Флоровского А.В. Флоровскому о поездке в Грецию в 1959 г. <i>Предисловие, подготовка текста и комментарии О.Т. Ермишина</i>	609

ОБЗОРЫ ФОНДОВ

<i>Т.В. Марченко.</i> Барочные коллизии судьбы: Материалы Рюрика Павловича Коцебу в архиве Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына	615
<i>О.К. Землякова, В.В. Леонидов.</i> «Плененные красотой...» Иван Айвазовский и его внуки (по материалам коллекции общества «Родина» в собрании Российского фонда культуры)	646
<i>И.П. Мирошникова.</i> Контр-адмирал С.В. Евдокимов: История одного письма (по материалам музейного и архивного фондов Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына)	652

СПРАВОЧНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Материалы к биографическому словарю «Русская эмиграция в Чехословакии». (Под редакцией М.Ю. Сорокиной)	665

ХРОНИКА

<i>О.Т. Ермишин, К.Б. Ермишина.</i> Николай Сергеевич Трубецкой — лингвист, историк культуры, основатель евразийства. <i>Научная конференция. Москва. 20 апреля 2015.</i>	715
<i>Н.А. Ёхина.</i> Историко-просветительский проект «Русское зарубежье: Музейное кольцо». <i>Москва. 2015–2016</i>	719
<i>М.Ю. Сорокина, К.К. Семенов.</i> Международные научные конференции «Российская эмиграция в борьбе с фашизмом» и «Русские в европейском Сопротивлении»	727
<i>Т.В. Марченко.</i> «Я возвращаю себе Россию... Я вижу ее, я слышу ее»: Историко-документальная выставка и круглый стол, посвященные И.С. Шмелеву.	731
<i>Т.В. Марченко.</i> Хождение по раскаленным углям, или Искусство интерпретации русской литературы в переводах и исследованиях.	736
<i>Т.В. Викторова, С.Н. Дубровина.</i> Выставка и конференция «Творчество Мишеля Винавера: между Францией, Америкой и Россией»	745
<i>И.Н. Тишина.</i> Обзор выставок, книжных презентаций и вечеров в Доме русского зарубежья имени Александра Солженицына в 2015–2016 гг.	750
<i>Т.Ф. Приходько.</i> Вечера к 100-летию со дня рождения Ю.П. Любимова.	763

<i>Н.А. Кузнецов.</i> Дом русского зарубежья в антарктическом походе океанографического исследовательского судна «Адмирал Владимирский» . . .	766

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ

<i>М.А. Васильева.</i> Сопричастность как форма мысли. <Рец.:> Галчева Т.Н., Голубович И.В. «Понемногу приспосаблиюсь к “независящим обстоятельствам”». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. — София: Солнце, 2015. — 320 с.	773
<i>И.А. Ндяй.</i> «В духе Пушкина...»: «Варшавский “Домик в Коломне”» Петра Мицнера. <Рец.:> Mitzner P. Warszawski «Domek w Kołomnie». — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. — 238 s. — (Biblioteka «WIEŻY»; t. 297)	781
<i>Д.Н. Шилов.</i> Новый труд о российском некрополе за рубежом. <Рец.:> Талалай М.Г. Российский некрополь в Италии / под ред. и с доп. А.А. Шумкова. М.: Старая Басманная, 2014. 906 с., LXXX с. цв. ил. — (Российский некрополь; вып. 21)	789
<i>С.Р. Федякин.</i> В ряду русских классиков	796

IN MEMORIAM

<i>М. Байсвенгер.</i> Памяти Людмилы Павловны Лаптевой (1926–2016)	805
Резюме	813
Summary	835
Сведения об авторах	854

CONTENT

IN MEMORY OF NIKITA ALEXEEVITCH STRUVE

V.A. <i>Moskvin</i> . In Memory of Nikita Struve (1931–2016)	7
G. <i>Niva</i> . Villebon-sur-Yvette, or «Ukryvische» of Russian Culture in France and French Culture in Russia.	10
N. Struve . Pushkin: Russian Mozart?	12

ARTICLES

T.V. <i>Marchenko</i> . How Geniuses Fail, or Nobel Outsiders sub specie aeternitatis: Balmont, Berdyaeff, Nabokov and others. Chapters from the Monograph «Russian Literature in the Mirror of the Nobel Prize»	19
M.Yu. <i>Sorokina</i> . Expat N 1017: Roman Yakobson's Papers in Moscow Archives.	73
N.I. <i>Gerasimov</i> . Grigori Maximov and History of the Russian Anarchist Emigration	93
E.V. <i>Krivtsova</i> . On Sergey Prokofiev's Biography in Exile (A Letter from Stella Adler to Grigori Schneerson)	120
M.G. <i>Talalay</i> . Villa Gortchakoff in Sorrento, An Exotic Space of the Life of Russians	138
N.Yu. <i>Maslikova</i> . History of the Russian Pedagogical Community in Great Britain: Nicholas Hans (1888–1969)	153

RUSSIAN ITALY: MEMOIRS

D. <i>Rizzi</i> , M.A. <i>Vasilieva</i> . From the «Italian» Memoirs of Russia Abroad	167
«Among Russian Diplomats». From the Memoirs of a Russian Correspondent in Rome. <i>The preface, publication and notes by B. Sulpasso</i>	176
«You Have, Amongst Your Talent for Living, that of Living Amongst Talent»: From the Memoirs of Olga Resnevic Signorelli. <i>The publication, preface and notes by D. Rizzi</i>	208

Mark Slonim, and His Published in Italy Memoirs of the October Revolution. <i>The publication, preparation of the text, preface and notes by C. Cadamagnani.</i>	240
«My Adventure» by Gregori Sciltian. <i>The introduction, preparation of the text and notes by A. d'Amelia</i>	269

POLAND IN THE LIFE AND WORKS OF RUSSIAN EMIGRANTS

T.V. Marchenko. Polish-Russian Relationship: Aboundless Field for Research and Scholarly Contacts	299
P. Chrzyszcz. The Undone Twenty Years. Dmitry Filosofov's Life in Poland	304
I.A. Ndiaye. «Detoxification of Polish Soul» in D. Filosofov's Writings in Exile	315
B. Kozak. «Hardly a Russian»: Dmitry Filosofov in Notes and Recollections of His Polish Contemporaries	324
R. Mnich. Poland and Poles in Dmitriy Tschizewski's Life and Academic Activities.	336

PUBLICATIONS

D.P. Sviatopolk-Mirskii. The Place of Dostoevskii in Russian Literature. <i>Translated by K. Subotova. Edited with notes by M.C. Ghidini, M.V. Efimov, O.A. Korostelev. The foreword by M.V. Efimov</i>	351
«We Know You are Not Fleet of Foot...» P.N. Milyukov's Letters to I.A. Bunin, 1921–1937. <i>The publication, preparation of the text, introduction and comments by A.V. Bakuntsev.</i>	376
«We Live on Different Planets»: M.E. Yampolskaya's Letters to M.M. Karpovich (1923–1936). <i>The publication, introduction and comments by M.M. Gorinov-jr., M.Yu. Sorokina. Preparation of the text by M.M. Gorinov-jr.</i>	406
«I Know You Like the Ancient Pskov»: Leonid Zourov and Vladimir Malyshev Correspondence (1957–1971). <i>The preface, preparation of the text for publication and comments by A.M. Lyubomudrov.</i>	441
«Can't See Anybody, Except You!»: S.Yu. Pregel and G.A. Homjakow Correspondence, 1961–1972. <i>The publication, preparation of the text, introduction and comments by P. Tribunskii and V. Khazan.</i>	518
Georges Florovsky Letters to Alexis Klimoff (1966–1975). <i>Preface by A.E. Klimoff. Edited by A.E. Klimoff and O.T. Ermishin</i>	581
G.V. Florovsky's Letter to A.V. Florovsky, about a Journey to Greece in 1959. <i>The preface, preparation of the text and comments by O.T. Ermishin.</i>	609

REVIEWS OF ARCHIVAL COLLECTIONS

- T.V. Marchenko.* Baroque Collision of Fate: Rurik Pavlovitch von Kotzebue: Papers in the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad. 615
- O.K. Zemlyakova, V.V. Leonidov.* «Captured by Beauty...» Ivan Aivazovsky and His Grandchildren (Collection of «Motherland» Society from Russian Cultural Foundation) 646
- I.P. Miroshnikova.* Rear-admiral S.V. Evdokimov: History of a Letter (According to the Museum and Archival Funds of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad) 652

BIOGRAPHICAL REFERENCES

- «Russian Emigration to Czechoslovakia: Biographical Lexicon»: Supplements (Edited by M. Sorokina) 665

ACADEMIC EVENTS

- O.T. Ermishin, K.B. Ermishina.* N.S. Troubetskoy — Linguist, Historian of Culture, Founder of Eurasianism. *Anniversary Conference. Moscow, 20 april 2015* 715
- N.A. Ekhina.* Historical and Educational Project «Russia Abroad: Museum Ring». *Moscow. 2015–2016* 719
- M. Yu. Sorokina, K.K. Semenov.* International Scientific Conferences «Russian Emigration Against Nazism» and «Russians in the European Resistance» 727
- T.V. Marchenko.* «Through My Words I Reclaim Russia, I See My Homeland, I Hear It...»: A Historical and Documentary Exhibition and a Round Table Discussion Devoted to Ivan S. Shmelev 731
- T.V. Marchenko.* Walking on Fire, or Art in the Interpretation of Russian Literature (Translations and Studies) 736
- T.V. Victoroff, S.N. Dubrovina.* Exhibition and Conference «Oeuvre of Michel Vinaver: Between France, America, and Russia» 745
- I.N. Tishyna.* A Review of Exhibitions, Book's Presentations, and Other Events of the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad in 2015–2016. . . 750
- T.F. Prikhodko.* Youri Liubimov Commemoration Meetings at the Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad: Centenary of the Birth 763

<i>N.A. Kuznetsov.</i> The Alexander Solzhenitsyn Centre for Studies of Russia Abroad in the Antarctic Expedition of the Oceanographic Research Vessel «Admiral Vladimirsky»	766

NEW EDITIONS

<i>M.A. Vasilieva.</i> Communion as a Thought Form <Galcheva T.N., Golubovich I.V. «Gradually I Adapt to “independent circumstances”». P.M. Bitsilli and Florovsky Family in the First Years of Emigration. — Sofia: Solntze, 2015. — 320 p.>	773
<i>I.A. Ndiaye.</i> «A la Pushkin...» «Warsaw “The Little House in Kolomna”» of Peter Mitzner <Mitzner P. Warszawski «Domek w Kołomnie». — Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego w Warszawie, 2014. — 238 s. — (Biblioteka «WIEŹI»; t. 297)>	781
<i>D.N. Shilov.</i> New Book on the Russian Necropolis Abroad <Talalay M.G. The Russian Necropolis in Italy / ed. by A.A. Shumkov. — Moscow: Old Basmanaya, 2014. — 906 p., LXXX p.: ill. — (Russian Necropolis; vol. 21)>	789
<i>S.R. Fedyakin.</i> Within Russian Classics	796

IN MEMORIAM

<i>M. Beisswenger.</i> In Memory of Lyudmila Pavlovna Lapteva (1926–2016)	805
Summary in Russian	813
Summary in English	835
About the Authors	854

Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына, Е-361 2016 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. — М. : Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2016. — 872 с. : ил.

ISSN 2313-7517

Настоящий выпуск «Ежегодника Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына» открывается разделом, посвященным памяти известного французского русиста, издателя и переводчика Н.А. Струве (1931–2016), одного из организаторов Дома русского зарубежья и основателя издательства «Русский путь». Своими воспоминаниями о Н.А. Струве делятся с читателями В.А. Москвин и Ж. Нива; здесь же впервые на русском языке публикуется статья самого Н.А. Струве «Пушкин: русский Моцарт?». В раздел «Статьи. Исследования. Материалы» вошли главы из книги о нобелевских лауреатах, работы о Р.О. Якобсоне, 120-летие со дня рождения которого отмечалось в октябре 2016 г., С.С. Прокофьеве и других представителях русского зарубежья. Архивные разыскания и публикации итальянских и польских исследователей составили два отдельных блока «Ежегодника...» — «Русская Италия: Мемуары» и «Польша в жизни и творчестве русских эмигрантов». Кроме того, в выпуске впервые публикуется перевод написанной в оригинале по-итальянски статьи Д.П. Святополк-Мирского о Достоевском, а также представлена обширная переписка П.Н. Милюкова и И.А. Бунина, М.Е. Ямпольской и М.М. Карповича, Л.Ф. Зурова и В.И. Малышева, С.Ю. Прегель и Г.А. Хомякова, Г.В. Флоровского и А.Е. Климова и др. материалы.

В «Ежегоднике...» традиционно содержатся обзоры фондов, хроника научной жизни Дома русского зарубежья и отзывы на новые издания. Многие иллюстрации, представленные в выпуске, публикуются впервые.

УДК 08
ББК 79.1

Научное издание

ЕЖЕГОДНИК
Дома русского зарубежья
имени Александра Солженицына
2016

Ответственный редактор
Гриценко Наталия Федоровна

Редактор *М.Л. Максимова*
Корректоры *О.А. Савичева, Н.С. Самбу*
Верстка *П.А. Сандомирского*

Подписано в печать 01.12.16. Формат 70x100/16. Бумага писчая.
Гарнитура MinionC. Печ. л. 54,5. Тираж 500 экз. Заказ №

Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2
Тел.: (495) 915-10-80, 915-27-48
www.domrz.ru

ЗАО «Издательство «Русский путь»
125009, г. Москва, Газетный пер., д. 1/12, оф. 64
Тел.: (495) 629-04-82
E-mail: info@rp-net.ru
Сайт издательства: www.rp-net.ru
Сайт магазина «Русское Зарубежье»: www.kmrz.ru

Типография «Наука»
121099, г. Москва, Шубинский переулок, д. 6